В. В. СЕДОВ

Изборск в раннем Средневековье

«Памятники отечественной науки. XX век»

Серия основана в 2005 году

Главная редакционная коллегия:

академик Ю. С. ОСИПОВ (председатель),
академик А. Б. КУДЕЛИН (зам. председателя),
академик А. Ф. АНДРЕЕВ, академик К. А. ВАЛИЕВ,
член-корреспондент РАН В. И. ВАСИЛЬЕВ,
академик Г. П. ГЕОРГИЕВ, академик А. В. ГУРЕВИЧ,
академик А. П. ДЕРЕВЯНКО, академик Н. П. ЛАВЕРОВ,
академик В. Л. МАКАРОВ, академик Е. Ф. МИЩЕНКО,
член-корреспондент РАН Г. А. СОБОЛЕВ,
профессор Д. Е. СОРОКИН, академик В. А. ТАРТАКОВСКИЙ,
академик О. Н. ФАВОРСКИЙ, академик К. В. ФРОЛОВ,
В. Б. ЧЕРКАССКИЙ (ответственный секретарь)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. В. СЕДОВ

Изборск в раннем Средневековье

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 902/904(470 + 571)
ББК 63.4(2)
С29

Редакционная коллегия:
член-корреспондент РАН Н.А. МАКАРОВ (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН П.Г. ГАЙДУКОВ,
кандидат исторических наук Н.В. ЛОПАТИН,
доктор искусствоведения Вл. В. СЕДОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук А.М. ОБЛОМСКИЙ,
доктор исторических наук А.В. ЧЕРНЕЦОВ

Седов В.В.

Изборск в раннем Средневековье / В.В. Седов ; [отв. ред. Н.А. Макаров] ; Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 2007. – 413 с. : ил. – (Памятники отечественной науки. XX век). – ISBN 978-5-02-034925-4 (в пер.).

В книге дана всесторонняя характеристика одного из девяти древнейших летописных городов Древней Руси – Изборска. Основным источником являются материалы археологических раскопок, проводившихся под руководством автора более 20 лет в 1971–1992 гг. В результате этих раскопок была полностью изучена площадка Изборского (Труворова) городища, получен богатейший материал, позволивший по-новому осветить историю этого города.

Для археологов, историков.

Темплан 2006-II-330

ISBN 978-5-02-034925-4

© Институт археологии РАН, 2007
© Седов В.В., 2007
© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Памятники отечественной науки. XX век" (разработка, оформление), 2005 (год основания), 2007
© Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2007

Содержание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗБОРСКЕ 7
Топоним Изборск 13
ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗБОРСКОГО КРАЯ 19
ПАМЯТНИКИ ИЗБОРСКА И ИХ ИЗУЧЕНИЕ 36
Археологические памятники Изборска 36
Археологическое изучение Изборска 43
Культурный слой городища 50
ДОГОРОДСКОЕ (ПРОТОГОРОДСКОЕ) ПОСЕЛЕНИЕ 56
Постройки и отопительные устройства 56
Фортификационные сооружения 73
Застройка поселения 76
Въезд в юго-западной части городища 77
Керамический материал 77
Материальная культура и ремесла 84
Орудия труда и предметы обихода 84
Предметы из цветных металлов 91
Изделия из кости и рога, следы косторезного ремесла 100
Изделия из камня и глины 105
Предметы вооружения, снаряжение коня и всадника 107
Экономика и торговые связи 113
Датировка нижнего слоя 116
Протогородской характер поселения 117
ИЗБОРСК В ДРЕВНЕРУССКОЕ ВРЕМЯ 118
Домостроительство 118
Оборонительные сооружения 140
Деревянная крепость детинца 140
Каменная крепость 147
Разрезы вала 165
Въезд на городище с юго-запада 193
Другие прорезки вала 199
Разрезы рва 203
Ремесла и домашние занятия 207
Железообрабатывающее ремесло 207
Деревообработка 211
Бронзолитейное и ювелирное дело 214
Косторезное ремесло и изделия из кости и рога 226
Камнерезное дело 238
Домашние ремесла 242
Предметы бытового назначения 254
Ножи 254
Шилья 263
Ножницы 263
Замки и ключи 266

Кресала ... 278
Осветительные приборы ... 280
Бритвы ... 282
Гребни и копоушки ... 283
Иглы ... 288
Булавки ... 288
Ведра ... 290
Металлическая посуда ... 291
Глиняная посуда ... 294
Клейма на днищах сосудов ... 303
Точильные камни (оселки) ... 310
Сельское хозяйство и промыслы ... 313
Земледелие ... 313
Животноводство и охота ... 320
Рыболовство ... 321
Прочие виды хозяйственной деятельности ... 324
Оружие, снаряжение всадника и коня ... 324
Предметы вооружения ... 324
Наконечники копий ... 325
Наконечники стрел ... 331
Топор, меч, булава, кольчуга ... 336
Снаряжение всадника и коня ... 341
Шпоры ... 341
Пряжки ... 344
Стремена ... 346
Удила и псалии ... 348
Скребницы ... 350
Шипы и подковы ... 350
Украшения и металлические принадлежности одежды ... 354
Височные кольца ... 354
Шейные гривны ... 357
Бусы ... 359
Привески ... 360
Цепочки и цепедержатели ... 366
Подковообразные застежки-фибулы ... 368
Браслеты ... 374
Перстни ... 387
Элементы духовной культуры, торговля ... 393
Нательные крестики – предметы христианского культа ... 393
Писала ... 395
Торговля ... 395

ЛИТЕРАТУРА ... 397
Принятые сокращения ... 408

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА АКАДЕМИКА В.В. СЕДОВА. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (*Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков, Н.В Лопатин, Вл. В. Седов*) ... 409
Литература ... 413

Исторические сведения об Изборске

Первое упоминание Изборска в древнерусских летописях содержится в легенде о призвании в 862 г. конфедерацией трех крупных племенных образований лесной полосы Восточноевропейской равнины – словен, кривичей и мери (веси или чуди, в ряде летописей) – на княжение трех варяжских князей-братьев: "...старейший, Рюрикъ седе Новегороде, а другий, Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Труворъ" (ПВЛ. С. 18). Это сообщение дало основание относить Изборск, наряду с Киевом, Новгородом, Смоленском, Белоозером, Ладогой, Муромом, Ростовом и Полоцком, к числу древнейших городов Руси, а историю Изборска связывать с начальным процессом становления русской государственности (рис. 1).

Легенда о призвании на княжение трех варяжских князей в Псковской первой летописи отсутствует. Записано только: "В лето 6362. Начало земли Рустеи. И тогда живяху кождо роды своими, и приведоша новогородстии людие князя от Немець, имнемъ Рюрикъ; и родися оу него сынъ именемъ Игорь, и приведе собе жену от Пскова, именем Ольгу..." (ПЛ-1. С. 8). Сведения о трех князьях-братьях приведены в Псковской второй летописи: "...и седе стареишии в Новегороде, а имя ему Рюрикъ, а Синеоусъ седе на Белеозере, а Троуволъ седе въ Изборъсце" (ПЛ-2. С. 10). Во втором архивском списке Псковской третьей летописи городом вокняжения Трувора вместо Изборска назван Словенск: "... Рюрикъ седе в Новегороде, а Синеус на Белеозере, а Тривор в Словенске" (ПЛ-2. С. 73).

Поздние летописцы попытались ответить на вопрос, почему местом правления Трувора был избран Изборск, а не Псков. Так, в Архангелогородском летописце, составленном в XVI в., сообщается: "...третий Трувор седе во Изъборску, а то ныне пригородок Пъсковскии, а тогда был в кривечех болшии город" (ПСРЛ, 1962. Т. XXVII. С. 56), в Степенной книге того же столетия: "...еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда начальный градъ въ стране той, зовомый Изборескъ, идеже преже господствуя Труворъ" (ПСРЛ, 1908. Т. XXI, 1-я пол., ч. 1. С. 6).

Кратко изложу положения наиболее крупных исследователей относительно начальной истории Изборска.

В.Н. Татищев писал, что Изборск, расположенный к западу от Псковского озера, был одной из древних столиц Северной Руси и первым князем в этой земле был Трувор; название города образовано от антропонима Избор; из Изборска происходит княгиня Ольга и принадлежит к роду Гостомысла. По В.Н. Татищеву, во время призвания князей-варягов Пскова еще не существовало. Позднее столица княжества была перенесена из Изборска в Псков (*Татищев*, 1994. С. 111, 115, 117, 230, 352; 1995. С. 33, 36, 204, 213). Информация о происхождении Ольги из Изборска содержится в Раскольничьем летописном списке. По предположению М.Н. Тихомирова, он мог стать прототипом той летописи, которой пользовался В.Н. Татищев, до нас не дошедшей (*Тихомиров*, 1994. С. 48).

Согласно Н.М. Карамзину, Изборск стал резиденцией Трувора закономерно, это был город кривичей – одного из племен-конфедератов, участвовавших в приглашении варягов на княжение; кривичские города Смоленск и Полоцк в то время оставались независимыми, не входили в конфедерацию и не участвовали в призвании Рюрика и его братьев.

Держава трех варяжских князей простиралась от Белого озера до Эстонии, недалеко от границ которой имеются Славянские ключи и рядом с ними остатки древнего Изборска. Н.М. Карамзин признавал достоверными летописные сведения, которые сообщают о происхождении Ольги из Пскова. Во время ее княжения в Киеве, как полагал историк, псковское происхождение княгини способствовало процветанию Пскова и становлению стольным городом (*Карамзин*, 1989. С. 94, 123). Н.М. Карамзин замечает, что сообщение о построении в Чудской земле Словеном, сыном Гостомысла, города Словенска, который Избор, внук

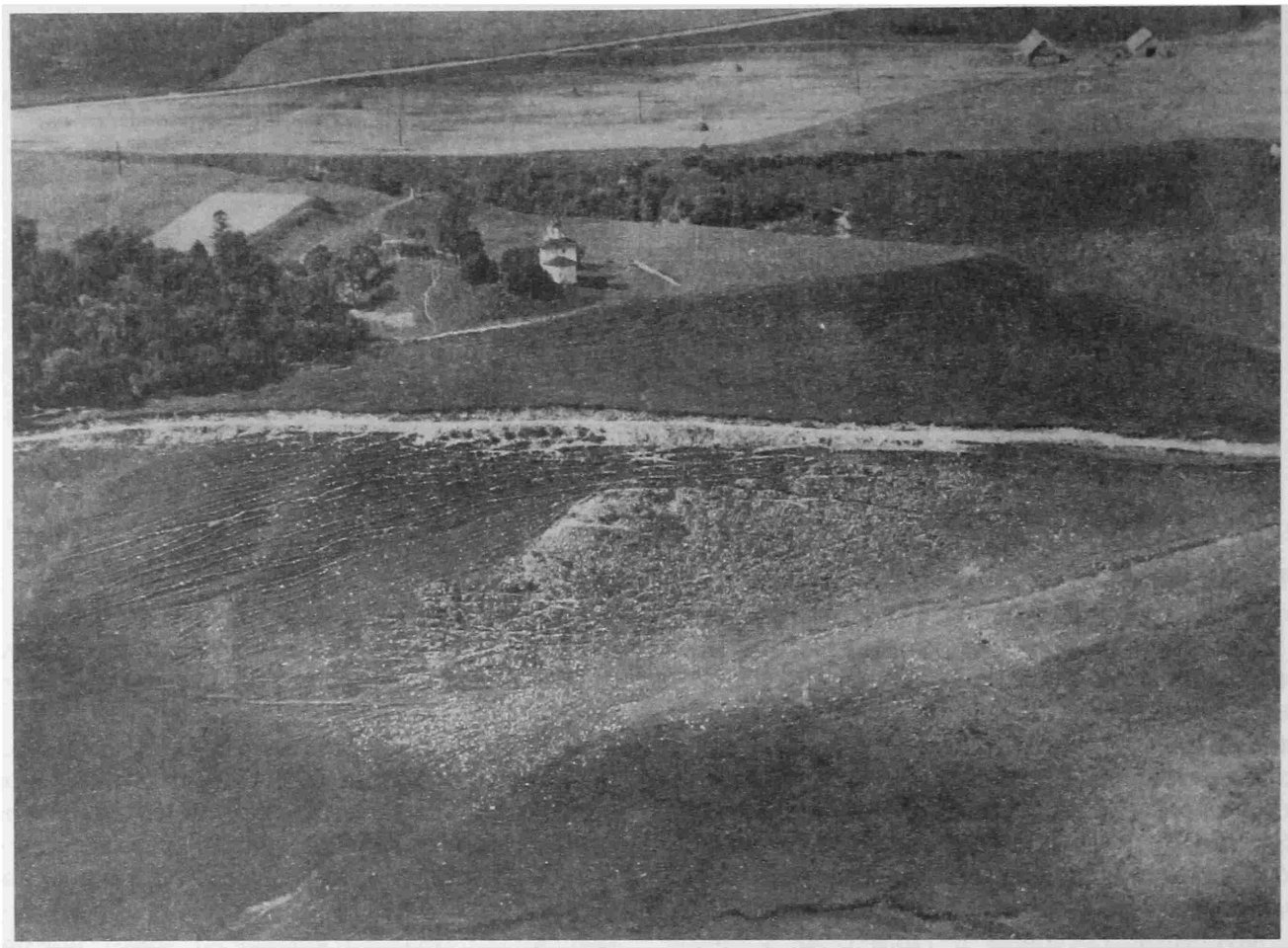

Рис. 1. Изборское городище. Вид с востока. Фото 1960-х годов

Гостомысла переименовал в Изборск, является вымыслом авторов XVII столетия. В более ранних произведениях, в частности в Степенной книге, упоминаний о Словенске нет (*Карамзин,* 1989. С. 197).

С.М. Соловьев излагал историю Руси в полном соответствии с летописной информацией. Историк считал, что Изборск (или Словенск, как он именуется в Псковской третьей летописи) был стольным городом Трувора. Позднее главным местом этой земли стал Псков, каким образом это произошло мы не знаем (*Соловьев,* 1988. С. 26, 122, 226). Характеризуя первые варяжские княжества на Руси, В.О. Ключевский называет княжество Рюрика в Новгороде, Синеуса – на Белом озере, Трувора – в Изборске и Аскольда – в Киеве. Описывая образование "городовых областей", историк пишет, что Новгородская область состояла из ильменских славян с ветвью кривичей, центром которых был городок Изборск (*Ключевский,* 1956. С. 137–139).

Непревзойденный аналитик древнерусских летописей А.А. Шахматов весьма критически отнесся к сообщениям о вокняжении Трувора в Изборске (*Шахматов,* 1908). Ученый показал, что Легенда о приглашении на княжение варягов из-за моря отсутствовала в древнейших летописях и была включена в Повесть временных лет на рубеже XI и XII вв. А.А. Шахматов обратил внитание на то, что варяжские князья сели в городах, не имеющих отношения к племенам, призвавшим их. Закономерно только местопребывание Рюрика – Новгород был центром словен ильменских. Но объяснить, почему резиденцией Трувора стал Изборск, а не Псков, Полоцк или Смоленск, которые имели больше прав быть центрами кривичей, чем Изборск, не представляется возможным. По А.А. Шахматову, составители Степенной книги и Архангелогородского летописца попытались разъяснить это недоумение книжников XVI–XVII вв., но какими-либо конкретными данными по этому поводу они не располагали. Легенда о призвании варягов, согласно изысканиям А.А. Шахматова, была создана в восточнославянской среде и была синтезом местных преданий: новгородских – о Рюрике, белозерских – о Синеусе, изборских – о Труворе, которые были оформлены эпическим мотивом о трех князьях-братьях (*Шахматов,* 1908. С. 311–314).

Рюрик, приглашенный на княжение конфедерацией северных племен, согласно Н.Т. Беляеву, является исторической личностью, известной по западным хроникам, а какие-либо упоминания о его

братьях в них отсутствуют. Названные в Повести временных лет братья Рюрика Синеус и Трувор, по Н.Т. Беляеву, являются не антропонимами, а эпитетами самого Рюрика – Signjotr по-скандинавски значит 'значительный, победоносный', Thruwar – 'заслуживающий доверия'. В средневековых сказаниях легенда о трех братьях была весьма популярна и была включена в Повесть временных лет (*Беляев*, 1929. С. 244–245). Эта точка зрения нашла поддержку со стороны ряда историков, в том числе Г.В. Вернадского (1996. С. 342–343) и Б.А. Рыбакова (1982. С. 298). Согласно последнему, братья Рюрика оказались русским переводом шведских слов: sine hus 'свой род' > Синеус, thru varing 'верная дружина' > Трувор. В Повесть временных лет "..попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев". "В Изборске, маленьком городке под Псковом, и в далеком Белоозере были, очевидно, не мифические князья, а просто сборщики дани".

Мысль об ошибочном переводе скандинавского текста при изложении легенды о призвании варягов на княжение ныне должна быть отвергнута. Летописный текст легенды не обнаруживает каких-либо следов, которые позволили бы предполагать в нем перевод со шведского. Возведение антропонимов Синеус и Трувор к названным выше скандинавским фразам фонетически невозможно. Согласно изысканиям В. Томсена и Г. Шрамма, Рюрик, Трувор и Siginiotr > Синеус – распространенные имена эпохи викингов (*Schramm*, 1980. S. 321–333).

В настоящее время можно признать, что в основе легенды о призвании варягов, которая фольклорно оформилась, скорее всего, в смешанной скандинаво-славянской среде, лежит исторический факт вокняжения в северной конфедерации племен норманна Рюрика, положившего начало династии Рюриковичей. Существование братьев Рюрика сомнительно. Триада братьев принадлежит к фольклорным мотивам, распространенным в средневековой историографии Европы. Таково, в частности, записанное в летописях предание о княжении в Киеве трех братьев – Кия, Щека и Хорива. Археологические раскопки в Изборске, которым посвящено настоящее издание, показали, что Изборск до образования Киевского государства действительно был племенным центром одной из крупных группировок кривичей. На рубеже XII–XIII вв. предание об этом могло послужить летописцу основой для изложения легенды о призвании варягов. Вместе с тем, раскопками установлено, что какие-либо надежные свидетельства о проживании в Изборске в IX–X вв. скандинавов полностью отсутствуют. Следов деятельности Трувора и его дружины выявить не удалось. Очевидно, братья Рюрика в изложенной в Повести временных лет легенде о призвании являются фольклорно-вымышленными персонажами.

После 862 г. жизнь Изборска, очевидно, протекала вне главных направлений истории Древнерусского государства. Он не упоминается в летописях и актовых материалах более трех с половиной столетий.

В 20–40-х годах XIII в. начинается активная деятельность Ливонского ордена по покорению латгалов и эстских племен, некоторые из которых были данниками Новгорода и Пскова. Интересы Ливонии и этих городов пересеклись, военные столкновения между ними стали довольно частыми. Политическая ситуация в эти десятилетия в Пскове и Новгороде была сложной и неспокойной. Это были, прежде всего, крупные торговые города, поддерживавшие оживленные связи со странами Балтийского региона и Западной Европы. В том и другом городе образовались группировки бояр и купцов, выступающих за дальнейшее развитие торговых контактов с Западом, в том числе и Ливонией, против войн, мешающих соседской и заморской торговле. Ситуация осложнялась тем, что интересы Новгорода и Пскова далеко не всегда совпадали, между городами нередко возникали противоречия, в результате их действия, в том числе в отношениях с Ливонией, были неоднозначными. Псков иногда действовал самостоятельно вопреки стратегическим интересам Новгорода, который старался подчинить себе город, стоящий на рубеже Северо-Западной Руси с Ливонским орденом и подвластными ему землями.

В приобретении государственной самостоятельности Пскова заметных успехов сумел достигнуть псковский князь Владимир Мстиславич (1209–1226/27 с перерывами, скончался между 1226 и 1228 гг.). Он установил политические контакты с Ливонией не только без участия Новгорода, но и вопреки его стратегическим интересам. Соглашением с Ригой за Псковом были сохранены дани, взимаемые с Толовы. Оно было подкреплено браком дочери Владимира Мстиславича с Теодорихом, братом рижского епископа Альберта. Дорпатским епископом был назначен другой брат Альберта, Герман. Во вновь отстроенный замок Оденпэ (Медвежья Голова) Герман поместил несколько знатных рыцарей, среди которых был Теодорих. Оденпэ становится пунктом сосредоточения псковской оппозиции, стремящейся к разрешению конфликтов с Ливонией мирным путем, не исключено, что она была согласна с объединением Псковской земли с областью Дорпатского епископства. Здесь часто находился князь Ярослав, сын Владимира Мстиславича, женившийся на немке, его жены и дети, его сторонники – псковские бояре. В мае 1243 г. в Медвежьей Голове была убита своим пасынком русская жена Ярослава Евпраксия, погребенная в Пскове в Иоанновом

монастыре (НПЛ. С. 137). Ярослав был женат вторым браком на дочери галицкого князя Мстислава Мстиславича, но не исключено, как подметил Н.М. Карамзин, что это была его третья супруга (*Карамзин*, 1991. С. 629).

Сын Владимира Мстиславича Ярослав продолжил политику отца. На его деятельности следует остановиться несколько подробнее, поскольку имеются косвенные основания полагать, что он был изборским князем. В 1218 г. Ярослав вместе с отцом и новгородским князем участовал в военном походе в Ливонию, окончившемся неудачно. В Хронике Генриха Латвийского сообщается о трех знаменах, захваченных ливонцами у русских князей. Известно, что Ярослав командовал отдельным отрядом с самостоятельной задачей. Очевидно, он был каким-то влиятельным князем, но источники не сообщают, где находился его стол.

Политические контакты Ливонии и Пскова после смерти Владимира Мстиславича, по-видимому, активизировались. Орден и псковский князь, противостоя Новгороду, отмечают исследователи, стали союзниками (Селарт, 2003. С. 191–198). В 1228 г. Псков заключил сепаратный договор с Ригой четко выраженного взаимно-оборонительного характера. Стороны обязывались оказывать военную помощь в случае нападения (подразумевались, очевидно, прежде всего, Новгород и Литва) на одного из союзников (*Назарова*, 1997. С. 46–49). В 1228 г. княжившим в то время в Новгороде Ярославом Всеволодовичем вместе с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом в Псков было направлено большое войско, но псковичи затворились в городе и не пустили его в свой город (НПЛ. С. 65–66). Е.Л. Назарова полагает, что посылка новгородского войска в Псков была вызвана тем, что претендент на псковский стол Ярослав Владимирович явно не устраивал Ярослава Всеволодовича и его сторонников в Новгороде (*Назарова*, 2000. С. 40). За неудавшимся походом на Псков в Новгороде последовал мятеж, направленный на устранение той части боярства, на которую опирался Ярослав Всеволодович (*Янин*, 1962. С. 137). На новгородский стол был приглашен князь Михаил Всеволодович из Чернигова. Новгородским посадником стал Внезд Водовик, тысяцким Борис Негочевич, по всей вероятности, сторонники установления контактов с Ливонией. В результате переворота был разорван военный союз с Владимирской Русью и, таким образом, были разрушены силы, способные приостановить экспансию Ливонии. Е.Л. Назарова полагает, что пришедшие к власти посадник и тысяцкий действовали в сговоре с псковской оппозицией, возглавляемой Ярославом Владимировичем (*Назарова*, 2000. С. 40).

Между тем вскоре в Новгороде произошло новое восстание. Внезд Водовик и Борис Негочевич вынуждены были бежать из города, посадником избирается Степан Твердиславич. В конце 1230 г. в Новгород вернулся Ярослав Всеволодович (*Янин*, 1962. С. 138–139).

В 1232 г. группой бояр во главе с Борисом Негочевичем, бежавшей из Новгорода, была предпринята попытка поставить на княжение в Новгороде князя Святослава Всеволодовича Трубчевского. Однако, установив, что шансов на это у него нет, Святослав возвратился в Трубчевск, а сторонники Бориса направились в Псков, где захватили "княжего мужа" Вячеслава Гориславича, очевидно не без помощи псковичей, скорее всего, сторонников князя Ярослава Владимировича. Как полагает В.Л. Янин, Вячеслав Гориславич "оказался в Пскове с каким-то дипломатическим поручением князя Ярослава Всеволодовича" (*Янин*, 1992. С. 10). В походе на Псков 1228 г. участвовал новгородский тысяцкий Вячеслав (без указания отчества), и не исключено, что он был послан князем с какой-то целью в Псков. Однако в Новгороде оставались жены мятежных бояр, кроме того, в Новгороде в этот момент были арестованы псковские купцы с товарами. Борис Негочевич с окружением, оппозиционно настроенным князю Ярославу Всеволодовичу, обменяв Вячеслава на своих жен, вынуждены были уйти в Оденпэ, где находился Ярослав Владимирович. Е.Л. Назарова полагает, что вместе с ними ушли и псковские бояре, сторонники этого князя.

Тогда же Новгородом была организована торговая блокада Пскова, арестованы были псковские купцы с товарами, в городе не стало соли. Псковичи вынуждены были просить новгородского князя прислать на княжение сына Федора, Ярослав Всеволодович его не отпустил, а направил в Псков своего шурина Юрия Мстиславича (НПЛ. С. 71–72).

В связи с этими событиями и упоминается Изборск. В нем оказались князь Ярослав Владимирович и Борис Негочевич с немцами (вассалами Дорпатского епископа). Из Пскова Юрием Мстиславичем был направлен военный отряд, который и захватил Изборск. Ярослав Владимирович был пленен и отправлен в Переяславль Залесский, немцы бежали. Новгородская первая летопись так фиксирует это событие: "В лето 6741. Изгониша Изборьскъ Борисова чадь съ князьмъ Ярославомъ Володимироцемъ и с Немцы. Пльсковицы же, оступивше Изборьскъ, измаша и кънязя, и немцинъ убиша Данилу, а ини побегоша; и даша я великому Ярославу; князь же, исковавъ, поточи а въ Переяслаль" (НПЛ. С. 72).

Случившееся нужно рассматривать как явное поражение проливонской оппозиции Новгороду, которая добивалась установления мирных контактов с Ливонией.

Следует заметить, что Ливония в первой половине 30-х годов XIII в. не была единым государственным образованием. Одним из противников Ордена было Дорпатское епископство и некоторые

монастыри, в том числе Фолькенау (Кяркна). В письме Балдуина римскому папе Григорию IX имеется сообщение о том, что Орден приглашал против Дорпатского епископа русских и язычников, выдал им деньги и вооружение. Они осадили Дорпат, убили множество жителей в окрестностях города и уничтожили монастырь Кяркна (*Селарт*, 2003. С. 193–194). О военном походе 1234 г. новгородского князя Ярослава Всеволодовича в Дорпатское епископство сообщает и новгородская летопись. После кровавых сражений на р. Эмайыге был заключен мир "на вьсеи правде своеи" (НПЛ. С. 73), на некоторое время приостановивший натиск Ордена на русские земли. В 1235 г. был выкуплен Ярослав Владимирович, и он вернулся в Оденпэ (НПЛ. С. 74).

Далее псковские летописи сообщают: "В лето 6748. Взяша Немцы, медвежане и вельядцы, юрьевцы съ Ярославом Володимеричем Изборескъ..." (ПЛ-2. С. 81). Высланное из Пскова войско во главе с воеводой Гаврилом Гориславичем было разбито под Изборском, и нападающие двинулись к Пскову, который и был захвачен. Управлять Псковом стали сдавший город псковский посадник Твердило Иванкович с немцами (ПЛ-1. С. 13; ПЛ-2. С. 81; НПЛ. С. 77–78). Согласно русским летописям, Псков сдавали немцам местные бояре, Ярослав Владимирович не участвовал во взятии Пскова и не стал псковским правителем. В ливонской Рифмованной хронике сообщается, что псковичи сдались Ордену и их король Герпольт "...согласился оставить замки и плодородную землю в руках немецких братьев..." (*Матузова, Назарова*, 2002. С. 231–232). В русских источниках Герпольт не упоминается. Высказано несколько догадок об этой личности. Ряд историков склонны переводить имя Герпольт как Ярополк, они полагали, что это был княжеский наместник в Пскове (*Пашуто*, 1963. С. 103). Неприемлемой представляется высказанная Е.Л. Назаровой догадка о том, что князь Герпольт-Ярополк, сдавший немцам Псков, был сыном Ярослава Владимировича от его первой жены, ливонской немки, который убил свою мачеху (имя его в источниках не называется). Будто бы ливонцы, захватив Псков, с целью соблюдения законности установления ливонской власти в городе сначала посадили Ярополка на псковский княжеский стол, а он передал немцам управление городом (*Матузова, Назарова*, 2002. С. 238). Княжеский стол в Пскове не был наследственным, сын Ярослава Владимировича не имел никаких прав на вокняжение в Пскове.

В литературе имеются явно сомнительные предположения, что под этим именем могли быть посадник Твердило Иванкович или воевода Гаврила Гориславич (*Соловьев*, 1960. С. 835). В Хронике Герпольт назван "королем", да и трудно признать, что имена Твердило или Гаврила могли быть превращены в Герпольта. Высказана также догадка, что князь (король) Герпольт – это Ярослав Владимирович (*Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*, 1966. С. 219–224). Это представляется маловероятным, поскольку в русских летописях прямо говорится, что Ярослав до взятия Изборска находился в составе ливонского войска. С бóльшим основанием можно трактовать Герпольта как Ярополка, а никак не Ярослава, который после взятия ливонцами Изборска, скорее всего, осел в этом принадлежавшем ему городе, также как и семь лет назад, когда в Изборск под его защиту прибыла "Борисова чадь".

Отец Ярослава в периоды княжения в Пскове вполне мог выделить своему взрослому сыну Изборский удел. Княжеские знамена, захваченные в 1218 г. ливонцами у трех русских князей, о чем речь шла выше, в таком случае могли принадлежать трем участникам военного похода в Ливонию – князьям новгородскому, псковскому и изборскому. Позднее союз с Орденом и семейные связи с ливонцами поставили Ярослава в зависимость от Ливонии, ему пришлось немалое время вынужденно пребывать в Оденпэ и с помощью немцев предпринимать попытки отстаивать свой стол в Изборске. В округе Оденпэ находились ленные владения родственников Ярослава.

Комментируя грамоту архиепископа Ливонии 1248 г., в которой сообщается, что "король Гореслав" принес в дар Дорпатскому епископству половину Псковского королевства, историки, отождествляя Гореслава с Ярославом Владимировичем, обычно предполагали передачу во владения Дорпату земель коренной части Псковской земли. Акт дарения относится историками к 30-м годам XIII в. (*Ammann*, 1936. S. 275–276; *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*, 1966. С. 222–223; *Назарова*, 2000. С. 42–44; *Матузова, Назарова*, 2002. С. 274–275). Между тем, Ярослав мог передать Дорпатскому епископству земли в округе Оденпэ со смежными частями Толовы, бывшие данниками Пскова. Не исключено, что земли, подвластные Пскову до образования Ордена, простирались на запад до Оденпэ. По косвенным данным можно предполагать, что после 20-х годов XIII в. (после взятия ливонцами Юрьева-Дорпата) Псков был вынужден отказаться от притязаний на Толову. Это могло быть фиксировано договором 1248 г.

Под 1245 г. Ярослав Владимирович упоминается уже как князь новоторжский: "Воеваша Литва около Торжку и Бежеци; и гнашася по нихъ новоторжци съ княземь Ярославомъ Володимиричемь и бишася с ними..." (НПЛ. С. 79). Можно согласиться с Е.Л. Назаровой в том, что "неучастие Ярослава в захвате Пскова и отсутствие его там в годы оккупации позволили ему вернуться на русскую службу" (*Назарова*, 2000. С. 44). Согласно В.А. Кучкину, Ярослав был назначен в Торжок великим владимирским князем Ярославом Всеволодовичем (*Кучкин*, 1984. С. 114).

Был ли Ярослав Владимирович первым изборским князем, сказать невозможно. Летописание в Пскове велось нередко бессистемно, далеко не все псковские князья в нем были документированы. Из изборских князей упоминается только Остафий (Евстафий). Впервые он назван под 1323 г., когда вицемагистр Ливонского ордена Конрад Кессельхут предпринял крупный военный поход на Псков. Войска Ливонии (и, вероятно, Дорпатского епископства) прибывали и на кораблях, и по суше, город был осажден. Новгород и Москва в помощи, о которой просил Псков, отказали. "Тогда Остафии князь изборьскыи, подъимя изборянъ конниковъ и пешець, и подъехавше озреша Немець за Великою рекою и оудариша на них; и овех избиша, а инии в реце истопиша; и тако полон весь отъяша...". Далее летопись сообщает, что на помощь Пскову поспешил также князь Давыд из Литвы и "...и отбегоша Немцы съ многимъ студом и срамомъ" (ПЛ-1. С. 16; ПЛ-2. С. 23, 89).

Изборский князь Остафий упоминается в псковских летописях еще в 1343, 1352 и 1355 гг. (ПЛ-1. С. 20, 22; ПЛ-2. С. 25, 27, 97, 102). Под 1360 г. летописи сообщают о его кончине (ПЛ-1. С. 23; ПЛ-2. С. 27, 103). Сведения о принадлежности Остафия к какому-либо княжескому дому отсутствуют. Какой-то князь Остафий упомянут в синодике Полевых XVI в. – потомков Александра Борисовича Поле (Полевы), московского боярина конца XIV в., который принадлежит к потомкам смоленских князей (*Веселовский,* 1974. С. 252). Некоторые исследователи склонны предположительно отождествлять князя Остафия, названного в синодике Полевых, с изборским князем и выводить из той же ветви смоленских князей, к которым принадлежат Полевы (*Аверьянов,* 2003. С. 149).

Для полноты исторической картины можно отметить еще упоминание Изборска в ливонской Рифмованной хронике в связи с военным походом магистра Ордена Отто фон Роденштейна на Псков в 1269 г.: "Тогда же Изборск был сожжен руками братьев. Этот замок русским принадлежал, о нем я уже прежде упоминал" (*Матузова, Назарова,* 2002. С. 250). Согласно русским источникам, на помощь осажденному Пскову пришло новгородское войско. Ливонские немцы понесли большие потери, было заключено перемирие на новгородских условиях (НПЛ. С. 85–86). Сведения о сожжении или взятии Изборска ливонцами в летописях отсутствуют.

Псковская первая летопись под 1303 г. сообщает, что "...Изборескъ поставленъ бысть на новом месте" (ПЛ-1. С. 14). Куда был перенесен город, не сообщается. Во второй псковской летописи под 1330 г. записано, что "... еще при князи Александре, Шолога посадникъ съ псковичами и съ изборяны поставиша градъ Изборескъ на горе на Жоравеи" (ПЛ-2. С. 23). Такая же информация имеется и в третьей псковской летописи под 1330 г.: "Селога посадникъ съ псковичи и съ изборяны поставише город Изборескъ на горе на Жеравии; того же лета и стеноу каменоу с плитою оучиниша, и ровы изриша под городомъ при княжении Александрове..." (ПЛ-2. С. 92). В псковской первой летописи сообщение о возведении крепостных фортификаций в Изборске помещено под 1303 г.: "Шолога посадник а со псковичами и со изборяны поставиша град Изборескъ на горе на Жарави; того же лета и стену оучиниша камену и ровы изрыша под градомъ, а при княжении Александрове" (ПЛ-1. С. 17). Эта статья находится в летописи между статьями 1328 и 1331 гг. и, следовательно, год 1303 написан явно ошибочно.

Между тем, ряд исследователей, в том числе Н.М. Карамзин, Е. Болховитинов, Н.Ф. Окулич-Казарин, полагали, что Изборск перемещался дважды, в 1303 и 1330 гг. (*Карамзин,* 1989. Т. I. Примеч. 278; *Болховитинов,* 1825. С. 11; *Окулич-Казарин,* 1916. С. 15–16), с чем ныне согласиться никак невозможно. Летописную информацию следует трактовать достаточно определенно: в 1330 г. на том месте, которое в 1303 г. было избрано для города и где он начал отстраиваться, псковским посадником Шелогой (Селогой) с псковичами и изборянами были возведены мощные фортификационные сооружения, дожившие до наших дней (с реконструкциями XV–XVI вв.). Именно так трактовали летописи И.Д. Годовиков, П.А. Раппопорт, В.В. Косточкин и другие, в том числе и автор настоящей работы (*Годовиков,* 1880. С. 21–22; *Раппопорт,* 1952. С. 164; 1961. С. 74; *Косточкин,* 1959. С. 125–126; 1962. С. 27–28; *Седов,* 1975г. С. 67; 1982. С. 182). Очевидно, на рубеже XIII–XIV вв. в условиях постоянных войн и боевых стычек Пскова и Новгорода с Ливонией и ее сателлитами Изборск, оказавшийся на пограничье враждующих сторон, в фортификационном плане не отвечал требованиям времени. Изборское городище было мало приспособлено для серьезной реконструкции крепостных сооружений, его площадка была небольшой, а с западной стороны над ней возвышалось Словенское поле, что давало противнику боевые преимущества. Поэтому детинец-крепость Изборска был перемещен с Труворова городища на Жеравью гору, местность, более подходящую для возведения крепостных сооружений, отвечающих боевым условиям XIV столетия.

А.Р. Артемьев высказал предположение, что дата переноса Изборска на новое место – 1303 г., содержащаяся в Псковской первой летописи, вообще не соответствует реальности. И перенос города на Жеравью гору, и возведение каменных стен на ней исследователь определяет 1330 г. (*Артемьев,* 1998. С. 20–21). С этим трудно согласиться. Исследователь обращает внимание на то, что "в сообщении Тихановского списка о переносе города и построении крепости в 1303 г., так же как в Синодальном и Строевском списках, отметивших это

событие под 1330 г., фигурирует князь Александр. Как известно, он бежал из Твери в Псков после восстания против татар в 1327 г. и, следовательно, никак не мог находиться в нем при переносе Изборска в 1303 г., а другого князя Александра в это время не было" (*Артемьев*, 1998. С. 21). Между тем, в статье 1303 г. о переносе Изборска на новое место князь Александр не упоминается (ПЛ-1. С. 14), он называется только в связи с работами по возведению крепостных стен из камня, произведенными Шелогой с псковичами и изборянами. В статьях под 1330 г., рассказывающих об этом, о переносе города на новое место речи не идет (ПЛ-2. С. 23, 92). Ничего не говорится о переносе города на новое место и в статье под 6811 (1303) г. Тихановского списка Псковской первой летописи, помещенной между статьями 1328 и 1331 гг. В ней сообщается только о строительстве укреплений города на Жеравьей горе (ПЛ-1. С. 17).

Из рассмотренных летописных сообщений, думается, следует, что в 1303 г. крепость-детинец Изборска (летописный "город") решено было переместить на новое место. В 1304–1305 гг., как свидетельствуют летописи (НПЛ. С. 91), разразился страшный голод, что могло помешать крупным фортификационно-строительным работам в Изборске. Не исключено, что были отстроены только бревенчатые стены. В 1323 г., как говорилось выше, изборский князь Остафий помог осажденному ливонцами Пскову. И вскоре, по-видимому, при князе Александре Михайловиче (1327–1329 гг.) Псков смог произвести работы по возведению каменных крепостных сооружений в Изборске, которые и были завершены в 1330 г. Достаточно очевидно, что такие объемные работы не могли быть произведены за один сезон.

Схожие ситуации с возведением крепостных сооружений дважды зафиксированы летописями. Так, псковский город Выбор был основан псковским князем Александром Федоровичем с псковскими посадниками в 1431 г. Псковские летописи сообщают: "...заложиша город новыи в Котельньскомъ обрубе и нарекоша имя ему Выборъ..." (ПЛ-1. С. 39; то же: ПЛ-2. С. 39, 125). Возведение же оборонительных сооружений было выполнено через некоторое время – в 1434 г.: "...псковичи новыя городы оукрепиша стену и привалы к стене оучиниша, единому в берегу на Гдове, а другому в Залесьи на Выборе" (ПЛ-1. С. 41, то же: ПЛ-2. С. 128).

С.В. Белецкий недавно обратил внимание на то, что Александр Михайлович, во время княжения которого на Жеравьей горе в Изборске производились военно-инженерные работы, в 1329–1331 гг. (в течение полутора лет) находился в Литве. В этой связи он предлагает передатировать летописную статью с информацией о строительстве фортификаций в Изборске на 1329 г. (*Белецкий*, 1995. С. 161–162). Думается, что исправлять летописную дату строительства Изборской крепости все же не стоит, тем более представляется недопустимым членить погодные статьи, как это делает Белецкий.

В 1330 г. князя Александра в Пскове уже действительно не было. Следует обратить внимание на то, что все три псковские летописи о деятельности Шелоги по возведению Изборской крепости сообщают уже после информации об отъезде князя в Литву.

В летописных сообщениях о военно-оборонительных работах в городах Псковской земли обычно сначала называется князь, а затем посадник (или посадники). Так, при строительстве новых укреплений в Гдове и Выборе в 1431 г. говорится о князе Александре Федоровиче и посаднике Юрии Тимофеевиче (ПЛ-1. С. 39; ПЛ-2. С. 43, 125), при заложении нового города Кобыла называются псковский князь Владимир Андреевич и посадник Максим Ларионович (ПЛ-1. С. 62; ПЛ-2. С. 52), городец Красный был возведен в 1464 г. псковским князем Иваном Александровичем и посадником Алексеем Васильевичем (ПЛ-2. С. 159), в 1476 г. местные жители Кошкинской волости обратились к псковскому князю Ярославу и посаднику с просьбой о строительстве города для защиты их земель от ливонцев, в результате был основан Вышгородок (ПЛ-2. С. 203, 302).

В этой связи допустимо предположение о том, что работы по строительству Изборской каменной крепости были начаты еще при князе Александре Михайловиче. Судя по Новгородской первой летописи, он покинул город не позднее начала лета 1329 г. (НПЛ. С. 342) и заложение крепости на Жеравьей горе, таким образом, может быть предположительно отнесено к 1328 г. В 1330 г. фортификационные работы были завершены посадником Шологой, и эта ситуация несколько противоречиво нашла отражение в псковских летописях.

Топоним Изборск

В русских летописях первое упоминание Изборска, как уже было сказано, обусловлено призванием конфедерацией трех племен – словен, кривичей и мери (веси) – на княжение в 862 г. варягов – Рюрика с братьями. Изборск достался Трувору. Естественно, первые исследователи этимологии названия этого города пытались объяснить его на скандинавских материалах. Еще в середине XVIII в. Г.Ф. Миллер настаивал на скандинавском характере топонима, выводя древнерусское написание Изборск из Isaborg (в средневековых немецких хрониках – Iseburg, Isaborg, Isborg), где Isa- – гидроним, -borg – скандинавское город, т.е. буквально "город на реке Isa". Гипотеза о скандинавском происхождении топонима Изборск сразу же вызвала возражения со стороны целого ряда исследователей, указывавших, прежде всего, на то, что река Исса

(левый приток р. Великой), протекает очень далеко от этого города, что делает предлагаемую трактовку невероятной. В частности, об этом писал Н.М. Карамзин, отмечая, что "река Исса находится далеко от этого города, чтобы могла дать городу свое имя" (*Карамзин,* 1989. С. 242). Еще раньше на это обращал внимание М.В. Ломоносов (1952. С. 22–23), позднее Бутков (1840. С. 60–62) и многие другие.

Тем не менее, мысль о скандинавском начале названия города Изборска (Иса + борг) получила развитие в историко-филологической литературе. Полагая, что норманнам принадлежала ведущая роль в начальной истории Древней Руси, скандинавского происхождения рассматриваемого топонима в XIX в. придерживались историки А.Л. Шлецер, П.А. Мунк (*Munch,* 1874. S. 261) и многие другие. Так, А.Л. Шлецер писал: " Изборск, на северо-запад от Новгорода, в 26-ти верстах от Пскова, сидит на речке, называемой Славянские ключи. Кажется, что он прежде назывался Исабург, следовательно, по-скандинавски, и назван так по одной тамошней реке Иссе. Если это справедливо, то он основан варягами" (*Шлецер,* 1809. С. 338).

В середине XIX в. Г.А. Бок, утверждая, что "Изборск от реки Иссы (Issa) назывался Иссаборгом", писал: "Исса (Issa) по-эстонски значит 'отец': река, носящая это название (т.е. река Исса), изливается из Псковского озера в Чудское озеро, а со стороны Лифляндии изливается в Чудское озеро река Эмбах, которая по-эстонски называется Эмма-Иэгги (Emma-Joggi), а на эстонском языке Эмма значит 'мать' и потому легко можно принять предположение, что в пиитических вымыслах древнеэстонского или финского племени Исса-Иегги и Эмма-Иегги (Issa-Joggi, Emma-Joggi) изображают иносказательный смысл отца и матери озера Пейпуса (т.е. по-русски Чудского озера)" (Das Inland, 1853. № 21. С. 452–453). Все это выглядит несколько фантастично. По-видимому, автор писал эти строки, не зная географии Изборского края. Достаточно очевидно, что объяснить происхождение названия города Изборска ни от небольшой речки Исайоги, протекающей в 70–80 км, ни от реки Исса, левого притока р. Великой, истоки которой находятся в Белоруссии, а устье более чем в 100 км от Изборска, невозможно.

Согласно представлениям Ю.Ю. Трусмана, древнейшие названия местностей в Псковско-Печорском крае – чудского происхождения. К последним исследователь причислял и топоним старейшего политического центра этого региона – Изборска. Ссылаясь на написание этого топонима в немецких хрониках, он утверждал, что город получил свое название от гидронима Isaioki, что в переводе с эстонского значит "Отец-река". Исследователь, не приводя каких-либо аргументов, отождествлял это название с рекой Бдех. Вторая часть топонима Изборск, по Ю.Ю. Трусману, соответствует скандинавскому borg, немецкому burg – 'город, крепость'. Таким образом, заключал он, Изборск означает "город/замок при Изе" (*Трусман,* 1894. С. 549–550). Сразу нужно заметить, что река Бдех (Абдех) находится в стороне от Изборска, и трудно представить, что город получил название по реке, протекающей в нескольких километрах от него, а ближайшие водоемы – озеро, именуемое ныне Городищенским (древнее название остается неизвестным), реки Смолка и Сходница, Славянские ключи, с которыми непосредственно связана была жизнь города, остались вне внимания его основателей.

Может быть, в этой связи или по каким-то иным, неизвестным нам, обстоятельствам вскоре Ю.Ю. Трусман изменил прежнюю точку зрения и писал уже о возможном латышском происхождении топонима: "Изборск (др. Избореск, Изборьско, у эстов Irboska, у латышей Aizpuree i), столица Трувора (854), расположен на горе Жеравии при р. Смолке и оз. Городищенском, куда впадают Славянские ключи. Название это несомненно латышского происхождения, но это не доказывает еще, что латыши были здесь первыми пионерами культуры, не исключает возможности перевода латышами названия уже существовавшего здесь до их пришествия центра культуры. Судя по характеру окрестностей Изборска, необходимо думать, что название ему дано населением, жившим за болотами (Изборск – Заборотье), следовательно, культура в этом районе шла с юго-востока" (*Трусман,* 1897. С. 22). Топоним же Заболотье Ю.Ю. Трусман рассматривал как кальку латышского Aizpure, фонетически, по его мнению, созвучного с Изборье, откуда топоним Изборск (*Трусман,* 1897. С. 17). Такие взгляды вряд ли могут быть отнесены к серьезным научным построениям, ныне они представляют чисто историографический интерес. Однако в 70-х годах XX в. мысль Ю.Ю. Трусмана была повторена Г.И. Анохиным. Первоначальным, по его мнению, был чудский гидроним Isajoki, позднее по некоторому созвучию в первом слоге и по местоположению за болотами местность латышами стала называться Aizpure (Заболотье). По созвучью с латышским топонимом пришедшие сюда кривичи стали называть местность Изборье, а возникшее городище – Изборец (так в некоторых древних русских летописях). Позднее топоним трансформировался в Изборск (*Анохин,* 1971. С. 209–210).

В XX в. гипотезу о наименовании Изборска скандинавами-варягами, пришедшими вместе с Рюриком и его братьями, разделяли преимущественно северноевропейские исследователи, в том числе Е.Р. Аспелин (*Aspelin,* 1912. S. 362). Ряд авторов, которые были знакомы с микрогеографией Изборска и которым было очевидно, что Изборск не мог получить свое название от гидронима Иса, рассматривали начальный компонент топонима

как непосредственно образованный от эстонской лексемы isa 'отец', т.е. Изборск – "Отец-город" (*Иконников*, 1908. С. 748; *Окулич-Казарин*, 1916. С. 12; *Johansen*, 1930. S. 10; *Кафенгауз*, 1969. С. 35 и др.).

В последние десятилетия XX в. гипотеза о скандинавском начале топонима Изборск (при начальном элементе, производном от гидронима Иса/Исса) нашла поддержку в работах ряда российских исследователей. Немалую роль при этом сыграла мысль, высказанная в начале 80-х годов топонимистом А.И. Поповым, согласно которой река Великая в древности именовалось Исой. Название последней объясняется исследователем из финского isa 'великий, высокий, длинный'. Гидроним Великая, таким образом, оказывается калькой этого древнего названия (*Попов*, 1981. С. 30–32).

Д.А. Мачинский обратил внимание на то, что на картах Московии конца XVI – начала XVII в. Изборск иногда писался как Isburg, Yseborg, что можно трактовать как "град на Исе". В этой связи он полагает, что Изборск, названный в летописях в связи с призванием на княжение трех братьев-варягов, не обязательно должен отождествляться с известным Изборским городищем. Летописный Изборск времени призвания на княжение Рюрика с братьями исследователь предложил локализовать где-то на берегах реки Исы – Великой (*Мачинский*, 1986. С. 20–22).

Отметив некоторые лингвистические неточности в топонимистических построениях Д.А. Мачинского, Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская справедливо заметили, что написания топонима Изборск на картах XVI–XVII вв. являются транскрипцией местного звучания, а не отражением древнего названия города (*Джаксон, Рождественская*, 1988. С. 225). Очевидно, при исследовании происхождения топонима Изборск следует опираться прежде всего на данные древнейших текстов.

Догадка же, высказанная Д.А. Мачинским, вскоре была воспринята С.В. Белецким, который полагает, что в X – начале XI в. "Исуборгом", т.е. "городом на Исе" (со ссылкой на названную статью А.И. Попова) первоначально будто бы был Псков и назван он так пришлыми в конце IX в. варягами, уничтожившими функционировавший на мысу в устье Псковы племенной центр аборигенов. После крупного пожара поселение Исуборг, включавшее детинец, посад и курганный могильник, по мнению С.В. Белецкого, по существу никак не аргументированному, прекращает свое существование, и его жители в первой половине XI в. переселяются на Изборское городище, перенеся на него и название Изборск (*Белецкий*, 1990. С. 8–14; 1996. С. 80–82). Думается, что эта гипотеза, покоящаяся на рассуждениях, не подкрепленных конкретными данными, не заслуживает серьезного внимания. Тем более что, как подчеркнули Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская, «...зафиксированное в русских источниках написание "Изборьскъ" (только через *-з-* и без ъ после него) указывает на невозможность отождествления форманта Из- с названием реки Исы (Иссы)» (*Джаксон, Рождественская*, 1988. С. 224). Впрочем, построения С.В. Белецкого разделяют некоторые западные и отечественные историки (*Шрамм*, 1994. С. 148–149; *Матузова, Назарова*, 2002. С. 236).

К.М. Плоткин при объяснении этимологии рассматриваемого топонима привлек географическую карту Ливонии и Курляндии конца XVII в. Геральда Фалька, охватывающую также восточное и южное побережья Псковского и Чудского озер. Изборск на ней обозначен на реке с названием "Isa Reha fl.", которая, по мнению К.М. Плоткина, соответствует р. Бдехе/Обдех. Отсюда им делается вывод, что топоним Изборск образован в скандинавской среде по модели "Х-борг", т.е. как "Город на Исе" (*Плоткин*, 1990. С. 27–28). По-видимому, К.М. Плоткина не смущает ни то, что Изборское городище расположено довольно далеко в стороне от реки Бдехи, ни то, что на карте Геральда Фалька, в ее псковской части, имеется множество неточностей в местоположениях населенных пунктов и изображениях рек. Последнее делает карту малонадежным историко-географическим источником, не подтвержденным другими картографическими материалами.

Топонимические выводы немецкого историка Г. Шрамма зависимы от его концепции о существовании на территории Древней Руси скандинавских пунктов-колоний. Полагая, что Изборск принадлежит к таким пунктам, "которые были захвачены или основаны норманнами при князьях Рюрикова поколения с целью обеспечить себе господство в Северной Руси", исследователь рассматривает название этого города как географическое образование со скандинавским компонентом -borg (*Schramm*, 1982. S. 278–279). Исследователь осторожно присоединяется к гипотезе С.В. Белецкого, полагая, что начало рассматриваемого топонима восходит к названию реки Исы (*Шрамм*, 1994. С. 148–149).

Исследователи водных названий Днепровского бассейна В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев, характеризуя гидронимы с формантами -са, -аса, -еса, -оса, -уса, связь которых с древним балтским этническим массивом несомненна, отмечают наличие подобных названий вод за пределами бассейна верхнего Днепра, прежде всего в бассейнах Западной Двины и Немана (Велеса, Лавкеса, Дрисса, Плиса, Исса, Эсса и др.). По мнению исследователей, эти гидронимы можно отнести к той же группе названий, что и балтские гидронимы на -са (*Топоров, Трубачев*, 1962. С. 156). На территории современной Литовской Республики имеется 8 гидронимов, оформленных формантами -isa (-isis), -ysa (-ysas), а также названия Isupis и Ise с корневыми isas, ysas (*Vanagas*, 1970. P. 171, 248; 1981. P. 132).

Весьма широко в научной литературе представлены теории славянского происхождения топонима Изборск. Евгений Болховитинов писал, что в ряде летописных списков город именуется "Сборескомъ, Сборскомъ и Сборцемъ, вероятно, по собраниям, или съездам в сию столицу областного народа" (*Болховитинов*, 1830. С. 131).

Мысль о происхождении топонима Изборск от имени собственного Избор восходит к книжникам XVI–XVII вв. В.Н. Татищев, ссылаясь на недошедшую до нас Иоакимовскую летопись, писал: "Вандал, потомок Славена, основавшего град Славенск на Севере, имел трех сынов, Избора, Владимира и Столпосвята; что каждому из них построил по единому граду и в их имена нарече..." (*Татищев*, 1994. С. 108, 115). Е. Болховитинов приводит еще отрывок из "Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии", изданной Н.А. Львовым: "Славенъ, сынъ Гостомысловъ, отшедъ оъ отца своего въ Чудь и тамо постави градъ на месте, нарицаемомъ Сходница, и нарече граду имя Славенскъ и княжи въ нем три лета и умре; сынъ же его Изборъ премени тому граду Славенску имя и нарече его во свое имя Изборскъ; а сей Князь Изборъ змиемъ уяденъ умре". Согласно Киевскому Синопсису, князь Избор будто бы заново выстроил Изборск (*Болховитинов*, 1830. С. 133). В "Географическом и историческом словаре Российского государства" А. Щекатов писал: "Изборск, древнейший престольный город Изборского княжества, стоящий на Славянских ключах, впадающих в Чудское озеро, от Пскова в 36 верстах расстоянием, который при начале русской монархии уже существовал и по призвании из варяг Рюрика на княжение в Новгород-Великий в 862 году отдан был брату его родному Трувору в управление. Построен он славянами или только переименован по имени Избора, сына Владимирова, князя Новгородского, как летопись Иоакимова свидетельствует, гораздо прежде Рюрика" (Географический словарь, 1804. С. 709–711).

В основе этого мнения лежат домыслы позднесредневековых книжников. Но интересно то, что, хотя все они были согласны с варяжским происхождением княжеской династии Рюриковичей, происхождение названия города, где обосновался Трувор, объясняли от славянского антропонима. Многие из историков XIX в. придерживались версии об образовании названия города Изборска от имени Избор.

В середине XIX в. славянскую этимологию Изборска попытался обосновать австрийский и словенский лингвист Ф. Миклошич (*Miklosich*, 1860. S. 278). Ученый утверждал, что название Изборск производно от славянского личного имени Избор. Антропоним Избор (лат.), отмечал он, имеется в записях мирян, ведшихся в бенедиктинском монастыре св. Петра в Зальцбурге (Австрия) и датируемых последними десятиляетиями VIII – началом IX в. Как на тождественное с этим славянским именем Ф. Миклошич указывал на антропоним Збор, неоднократно зафиксированный в чешских, моравских и польских актах XII–XIV вв. В древнерусском языке, отмечал исследователь, слово "избор" имело широкое хождение в значении "выбор, отбор".

Положение Ф. Миклошича поддержал известный финский славист И. Миккола, рассматривавший образование топонима Изборск как притяжательное прилагательное от имени собственного Избор (Izbor) в буквальном значении "избранник", известного у южных славян в IX в. (*Mikkola*, 1921. P. 200).

Весьма интересными представляются изыскания польского лингвиста и топонимиста С. Роспонда. Скандинавское начало топонима отвергается в связи с основным топонимическим законом – законом ряда, разработанным В.А. Никоновым. Польский ученый рассматривал название Изборска как производное от славянского антропонима Избор, в одном ряду с такими древнерусскими топонимами, как Полоцк, Витебск, Друтск, Лучьск, Минск, Пинск, Бужск и многими другими, образованными по славянской модели при помощи суффикса -ьскъ, который имел широкое бытование на всей территории восточного славянства и был одним из распространенных в названиях городов уже в самый ранний период (*Роспонд*, 1972. С. 20–24, 65–68, 85; *Rospond*, 1976. S. 16, mapa 14, 111: 1, 2). Исследователь обратил внимание также на то, что материалы топонимии Руси показывают, что названия с формантом -ьскъ нередко имеют значение укрепленного места (*Rospond*, 1957. S. 32). Анализ названий древнерусских городов, оформленных суффиксом -ьскъ, показывает, что это преимущественно отгидронимические и отапеллативные топонимы (*Никонов*, 1965. С. 51–52; *Сядоў*, 1970. С. 17–25). Может быть, в этой связи в одной из поздних работ С. Роспонд писал уже о происхождении топонима Изборска не от антропонима, а от названия озера Избор, правда, без каких-либо комментариев по этому поводу (*Роспонд*, 1979. С. 29).

Вопрос об образовании названия Изборска от антропонима Избор встретил возражения в научной литературе. Уже А. Брюкнер, возражая И. Микколе, отвергал возможности происхождения названия Изборск от личного имени. Основным доводом было то, что суффикс -ьскъ в славянской топонимике не свойственен производным от антропонимов. Подобно тому как отмеченное в польской топонимике название Izborz по целому ряду аналогичных образований производно из bor – рус. 'бор (лес)', топоним летописного Изборска, по мнению А. Брюкнера, образован от лексемы 'бор'. Польский филолог указывает аналогичные образования – польское Izgorsko (Zgorsk) явно происходит от gora 'гора' (*Bruckner*, 1925. S. 15).

В неопубликованной работе, посвященной топониму Изборск, Е.А. Рыдзевская не соглашается с А.Брюкнером и пытается показать вероятность происхождения рассматриваемого названия от личного имени Избор (*Рыдзевская*, 1940). Исследовательница приводит примеры, свидетельствующие о том, что топоним Изборск является на Руси далеко не единственным топообразованием от личного имени с суффиксом -ьскъ. В польской топонимике, судя по памятникам XII–XIV вв., отмечает Е.А. Рыдзевская, имеется множество географических названий, производных от антропонима Збор, идентичного Избору. Впрочем, далеко не все эти весьма многочисленные польские и западноукраинские топоназвания Зборов и Зборовице производны от личного имени, некоторые из них, "вероятно, объясняются каким-то иным образом".

О восхождении древнерусского топонима Изборск к славянскому личному имени Избор со ссылкой на работы С. Роспонда писал В.П. Нерознак. Вместе с тем исследователь отмечает, что "в восточнославянском антропонимиконе это имя не встречается", и предлагает иное объяснение происхождения рассматриваемого названия. «Его можно непосредственно связать с др.-русск. *изборъ*, имеющее значение 'выбор'... В этом случае название города может толковаться как "место избранное" (для поселения)» (*Нерознак*, 1983. С. 79). Подобное объяснение топонима в литературе встречалось и ранее, правда, высказываемое краеведами без лингвистической аргументации (например: *Михельсон*, 1958. С. 4)

Вопрос о происхождении топонима Изборск рассматривался в двух статьях Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественской (1987. С. 24–27; 1988. С. 227–229). Проанализировав все высказанные в литературе точки зрения, исследователи склоняются к славянскому происхождению названия города. Мысль об образовании топонима от личного имени ими отвергается – "...при топонимизации (термин С. Роспонда) личные имена предпочитали... посессивные суффиксы *-Уъ, -ИНъ, -овъ и т.д.; суффикс же -ьСкъ, обладая очень высокой продуктивностью в качестве притяжательного, скорее был связан с топо- и этнонимической лексикой и гидронимами" (*Джаксон, Рождественская*, 1988. С. 227). Другим аргументом является отсутствие имени собственного Избор в восточнославянском мире (зафиксировано только в южнославянских и польских средневековых актах). Сомнения вызывает у этих исследователей и мысль В.П. Нерознака о связи топонима Изборск с древнерусским термином "избор" в значении "выбор". Упоминается еще возможность толкования рассматриваемого топонима от слова бор (лес). Изборск в таком случае может означать "укрепление, выросшее вне низкого и сырого места" (*Джаксон, Рождественская*, 1988. С. 228–229). Можно сразу заметить, что топография Изборска и его ближайшей округи не соответствует этому, я бы сказал, исключает такое объяснение. Заключают Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская статью так: «Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день вопрос о возникновении топонима "Изборск" остается открытым. С уверенностью можно говорить только о его славянском происхождении» (*Джаксон, Рождественская*, 1988. С. 229).

Еще в 1982 г. мною высказано предположение о том, что топоним Изборск образован от славянского антропонима Избор, возможно, предводителя одной из группировок славян, осевших в середине I тыс. н.э. в Изборском крае (*Седов*, 1982. С. 246).

В связи с возражениями Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественской в небольшой статье (*Седов*, 1990б. С. 24–26) мною замечено, что отсутствие в восточнославянской антропонимике не может быть основанием для отрицания образования рассматриваемого названия от личного имени. Топоним Изборск, судя по историко-археологическим данным, принадлежит еще к довосточнославянскому периоду – славяне, оседавшие в лесной зоне Русской равнины, использовали еще диалекты праславянского языка. Формирование восточнославянского этноса относится к последним векам I тыс. н.э. и соответствует становлению древнерусской государственности. Имя Избор относится не к восточнославянской, а к праславянской антропонимике. И оно задокументировано упомянутыми выше зальцбургскими актами, известно среди словацких имен в антропонимиконе, составленном И. Свободой, а также, как отметил О.Н. Трубачев, встречено в старопольских актах (Этимологический словарь славянских языков, 1983. Вып. 9. С. 17–18). Это дает основание полагать, что имя Избор имело широкое хождение в праславянском мире. С. Роспонд считает, что это имя того же образования, что и распространенные в славянском антропонимиконе Изяслав, Измир, Избыгнев, Избуд, Извест, Избрамир и др.

Имеются основания полагать, что имя Избор какое-то время бытовало среди славянского населения Восточноевропейской равнины. На это указывает распространение географических названий на широкой территории Древней Руси. По летописному "Списку русских городов..." XIV в. известно еще два Изборска – на Волыни, на р. Солоной и в Белоруссии (назван среди "литовских городов"). В Межевой книге 1504 г. упомянут Избор луг на левом берегу р. Москвы. В Псковской первой и Софийской летописях под 1518 г. названа местность Изборщина за р. Соротью в Псковской земле. В Новгородской писцовой книге по Вотской пятине числится Изборская пустошь. Е.А. Рыдзевская, которая склонялась к славянскому происхождению названия Изборск, отметила еще топонимы Изборово (иначе Сборово) среди населенных мест XIX в., в частности в районе Калуги и в Вяземском уезде Смоленской губ. (*Рыдзевская*, 1940).

Утверждение, что при топонимизации от личных имен суффикс -ьскъ не был продуктивным, представляется преждевременным. Известен ряд топонимов, образованных от имен собственных с этим суффиксом, выполнявшим притяжательную функцию. Таковы известные по летописям Ратиборск, Житомитьск, Дороговск (от антропонима Дорога), Радомиско, Люботеск и др. Вместе с тем не исключено, что первоначальным было название Изборец (городок Избора). Так пишется топоним в древнейших летописях в связи с известиями 862 г. В Повести временных лет – "...а третий Изборсте, Трувор...", в Ипатьевской – "...а третий Трувор в Изборьсце...", в Никоновской – "...во Изборце". Позднее, отражая события 1240, 1303, 1330 и последующих лет, в летописях, в том числе в псковских, последовательно пишется Изборьск, Изборско и т.п. По-видимому, когда на Руси был особенно продуктивен суффикс -ьскъ, топоним Изборец трансформировался в Изборск (чередование ц/ск зафиксировано новгородскими грамотами, в том числе берестяными).

Впрочем, сербский лингвист Р. Мароевич все же категорически утверждает, что суффикс -ьskъ не мог иметь индивидуально-посессивного значения (*Марojевић*, 1985. С. 95). Вслед за С. Роспондом исследователь считает, что топоним Изборск следует семантизировать как "город, расположенный на озере Избор" *(Мароевич,* 1997. С. 87). Если это так, то можно предположить , что озеро, которое ныне именуется Городищенским, славянскими первопоселенцами было названо Избор (древнерусское избор "выбор"), подобно тому как в 1431 г. псковский князь Александр Федорович с посадниками "заложиша город новыи в Котельньскомъ обрубе и нарекоша имя ему Выборъ" (ПЛ-1. С. 39). От гидронима Избор и было произведено название города, основанного на берегу озера.

В раннем железном веке (до середины I тыс. н.э.) обширные области Восточной Европы, примыкающие к Балтийскому морю, в том числе земли бассейнов Ильменя, Псковского и Ладожского озер до Белозерья и Верхневолжских озер на востоке, заселяли племена прибалтийско-финской этноязыковой группы. Их ареал достаточно отчетливо очерчивается по гидронимам западнофинского происхождения (*Vasmer*, 1934. S. 351–440) и соответствует территории, устанавливаемой археологическими методами.

Основными памятниками археологии прибалтийских финнов рассматриваемого здесь времени являются поселения, в материалах которых текстильная глиняная посуда, свойственная финноязычному миру от Балтики до западных районов Волго-Камья, сочетается со штрихованной (рис. 2), отражающей инфильтрацию (или миграцию) крупных и мелких групп балтского населения (в период поздней бронзы и начала железного века) в финскую среду (*Седов*, 1990а. С. 8–23). Во всех прибалтийско-финских языках отчетливо обнаруживается балтское воздействие, проявляемое не только в лексике, но и в какой-то степени также в грамматике и фонетике (*Аристе*, 1956. С. 11–14; 1975. С. 14–18).

По погребальным древностям раннего железного века территория прибалтийско-финских племен подразделяется на две части – западную и восточную (рис. 3). В первой (юго-западное побережье Финляндии, Эстония и Северная Латвия) начиная с VIII–VII вв. до н.э. получили распространение каменные курганы. Их строение своеобразно: основания курганов образовывали один или несколько концентрических кругов, выложенных из валунов. Внутри круга для захоронений по обряду кремации устраивался каменный ящик, иногда несколько таковых, а сверху из камней и земли насыпалась курганообразная насыпь. По своему происхождению эти могильные сооружения безусловно связаны с подобными курганами Скандинавии. Следует полагать, что эта обрядность привнесена была в окраинные земли финно-угорского мира переселенцами из Скандинавии, и под их влиянием в местной среде получил распространение новый погребальный обряд (*Moora*, 1956. С. 88; *Meinander*, 1954. S. 196–201; *Jaanits*, 1982). Очевидно, результатом этой инфильтрации скандинавов стало проникновение в диалекты западной части прибалтийских финнов целого ряда лексем северогерманского происхождения, в том числе связанных с культом предков и загробными представлениями.

В начале нашей эры каменные курганы с ящиками, как полагают исследователи, трансформировались в каменные могильники с четырехугольными оградками. Последние довольно скоро получили распространение по всей территории Эстонии, в Северной Латвии и Юго-Западной Финляндии. Функционировали такие могильники продолжительное время. Сооружались каменные могильники в несколько этапов – к одной ограде примыкала другая, затем третья, четвертая и т.д. Иногда число оградок в могильнике достигает 10–14, общая длина могильников 50 и более метров. Каждая оградка служила усыпальницей большой семейной общины на протяжении нескольких столетий. Умерших, как и раньше, сжигали на погребальных кострах. Остатки кремации собирались и ссыпались прямо на поверхности внутри оградок, среди мелких камней. Характерной чертой этих памятников являются подошвенные зольно-угольные прослойки, которые являются остатками ритуального очищения огнем участка, избранного для сооружения погребальной оградки.

Каменные могильники с оградками отчетливо выделяют западную группу прибалтийских финнов (*Laul*, 1982. S. 13–22). Достоверных погребальных памятников раннего железного века в ареале восточной группы прибалтийско-финской языковой общности не известно, но вполне определенно можно утверждать, что каменные могильники с оградкими эсто-ливского облика здесь не имели распространения. Несколько по-иному протекало на этой территории и развитие материальной

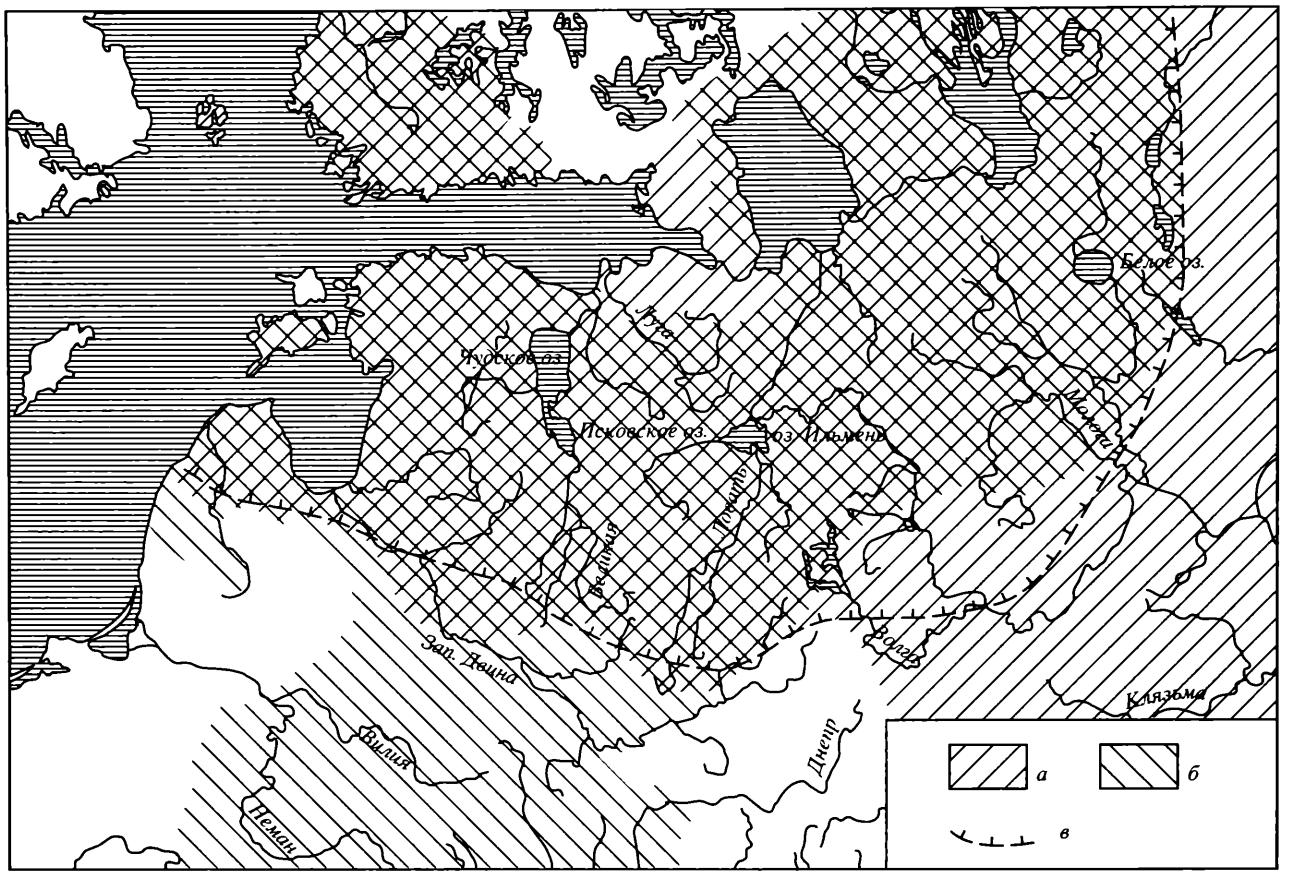

Рис. 2. Ареал формирования прибалтийско-финской общности

а – область распространения текстильной керамики эпохи раннего железа; *б* – область распространения штрихованной керамики эпохи раннего железа; *в* – юго-восточная граница области распространения прибалтийско-финской гидронимии

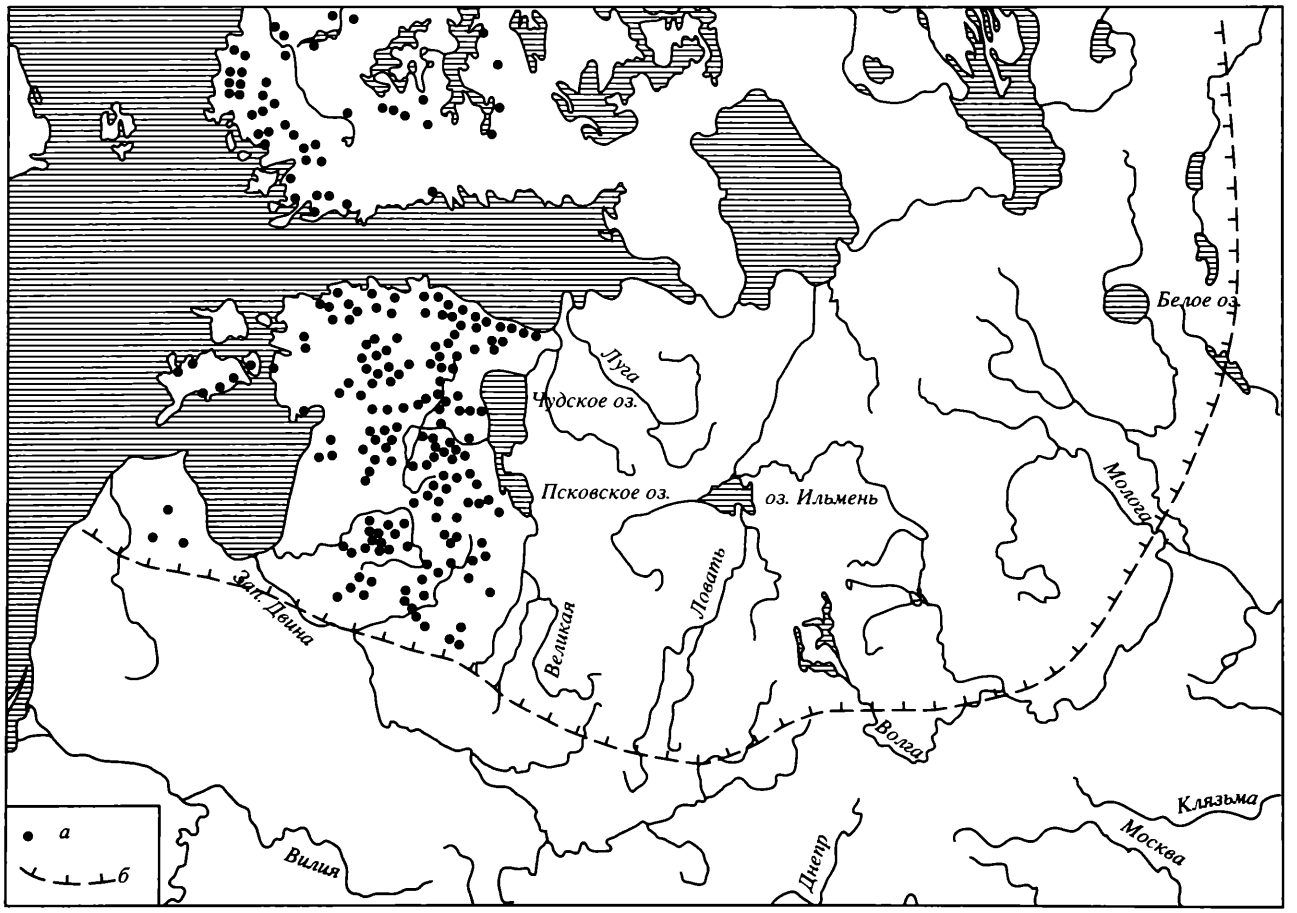

Рис. 3. Распространение каменных могильников

а – каменные могильники с оградками; *б* – юго-восточная граница области распространения прибалтийско-финской гидронимии

культуры (*Моора*, 1956. С. 110). Анализ погребальных памятников рассматриваемого региона более позднего времени, когда здесь уже расселились славяне и сложился своеобразный симбиоз, позволяет полагать, что у племен восточной группы прибалтийских финнов в раннем железном веке был особый обряд захоронения. Собранные с погребальных костров остатки кремаций умерших они рассыпали среди бесформенных вымосток из камней или около таковых (*Седов*, 1990а. С. 18–21).

Членение прибалтийско-финского ареала на западную и восточную группы по материалам археологии коррелируется с выводами лингвистов. Так, эстонский языковед П. Алвре утверждает, что прибалтийско-финский язык с самого начала членился на западную и восточную диалектные группы. Из первой группы образовались ливы, северные эсты и емь. Из восточного диалекта (области к востоку от Чудского и Псковского озер) происходят языки южных эстов, води, корелы и веси (*Alvre*, 1973a. Lk. 151–162; 1973b. Lk. 291–299).

Земли, примыкающие к Псковскому озеру с юго-запада и юга, там, где находится Изборск, являются частью ареала восточной группы прибалтийско-финской языковой общности. К сожалению, поселения раннего железного века в Изборской округе изучены крайне слабо. Керамика с текстильными (сетчатыми) отпечатками, фрагментарно встреченная на ряде поселений, не дает возможности в полной мере охарактеризовать этот период жизни Изборского края. Так, на Псковском городище культурный слой времени бытования текстильной керамики оказался в значительной степени разрушенным в результате активной жизни средневекового Пскова. Текстильная керамика, составляющая 0,5% всей лепной посуды этого памятника, обнаружена здесь исключительно в переотложенном состоянии. Сильно фрагментированные обломки текстильных сосудов более или менее равномерно встречались во всех слоях городища с незначительным тяготением к нижним горизонтам культурных напластований, датируемым второй половиной I тыс. н.э. (*Белецкий*, 1980. С. 3, 11, 15). Только в раскопе 1991 г. на отдельных участках зафиксированы остатки слоя с такой керамикой. Единичные фрагменты текстильной посуды найдены также на Изборском городище, опять-таки в полностью переотложенном виде. Подобные фрагментарные находки отмечены и на некоторых других поселениях юго-западного побережья Псковского озера. Допустимо предположение, что такая немногочисленность текстильной керамики в Изборском регионе обусловлена широким бытованием среди местного населения деревянной посуды. В быту проживающих в Изборском крае сету, которые являются прямыми потомками древнего населения восточной части ареала прибалтийских финнов, длительное время доминировала посуда из дерева и бересты, до начала XX в. глиняная посуда хождения не имела.

Около середины I тыс. н.э., как показывают археологические материалы, на широких пространствах северо-запада Русской равнины среди восточной группы прибалтийско-финских аборигенов расселяются значительные массы нового населения. Эта миграция была частью широкого продвижения среднеевропейского населения в лесные области Восточноевропейской равнины, имевшего место в период великого переселения народов.

В конце IV–V в. в Европе на смену весьма благоприятному в климатическом отношении периоду наступает резкое похолодание. В первые четыре века нашей эры в провинциальноримских областях Средней Европы имело место активное развитие экономики, совершенствование орудий труда и рост народонаселения. Наступившее похолодание сопровождалось повышенной увлажненностью почвы. За счет увеличения выпадения осадков и трансгрессии Балтийского моря заметно повышаются уровни рек и озер, поднимаются грунтовые воды, быстро разрастаются болота (*Lamb*, 1977; 1982; Climate and History, 1981; *Борисенков, Пасецкий*, 1988). Многие поселения позднеримского времени в конце IV–V в. оказались затопленными или подтопленными, а значительные участки пашни выведены из сельскохозяйственного оборота. Поймы рек, прежде дававшие обильные урожаи, покрываются водой или аллювиальными отложениями.

В результате значительные массы населения из прежде процветающих и густонаселенных областей Средней Европы вынуждены были искать новые земли для своего проживания. Археологические данные надежно свидетельствуют, что в последних десятилетиях IV–V в. обширные регионы Средней Европы, весьма плотно заселенные в предшествующее римское время земледельческим населением, запустевают. В особенности это касается земель, примыкающих с юга к Балтийскому морю. Так, хорошо известно, что необычайно сильные наводнения в Ютландии и в смежных областях Северной Германии заставили тевтонов мигрировать в другие земли Европы. В середине V в. германские племена англов, саксов и ютов переселились на Британские острова.

К числу областей Средней Европы, в значительной степени оставленных жителями, принадлежит и Среднее Повисленье, характеризуемое низменным рельефом и заселенное в римское время преимущественно славянами-земледельцами. Здесь все археологически выявленные (более 600) поселения и могильники пшеворской и вельбарской культур позднеримского периода в конце IV–V в. прекращают функционировать. О том, что жители этой территории покинули свои земли, говорят также клады, которые были зарыты в V в. и не востребованы (*Dąbrowska, Liana*, 1986. S. 147–166).

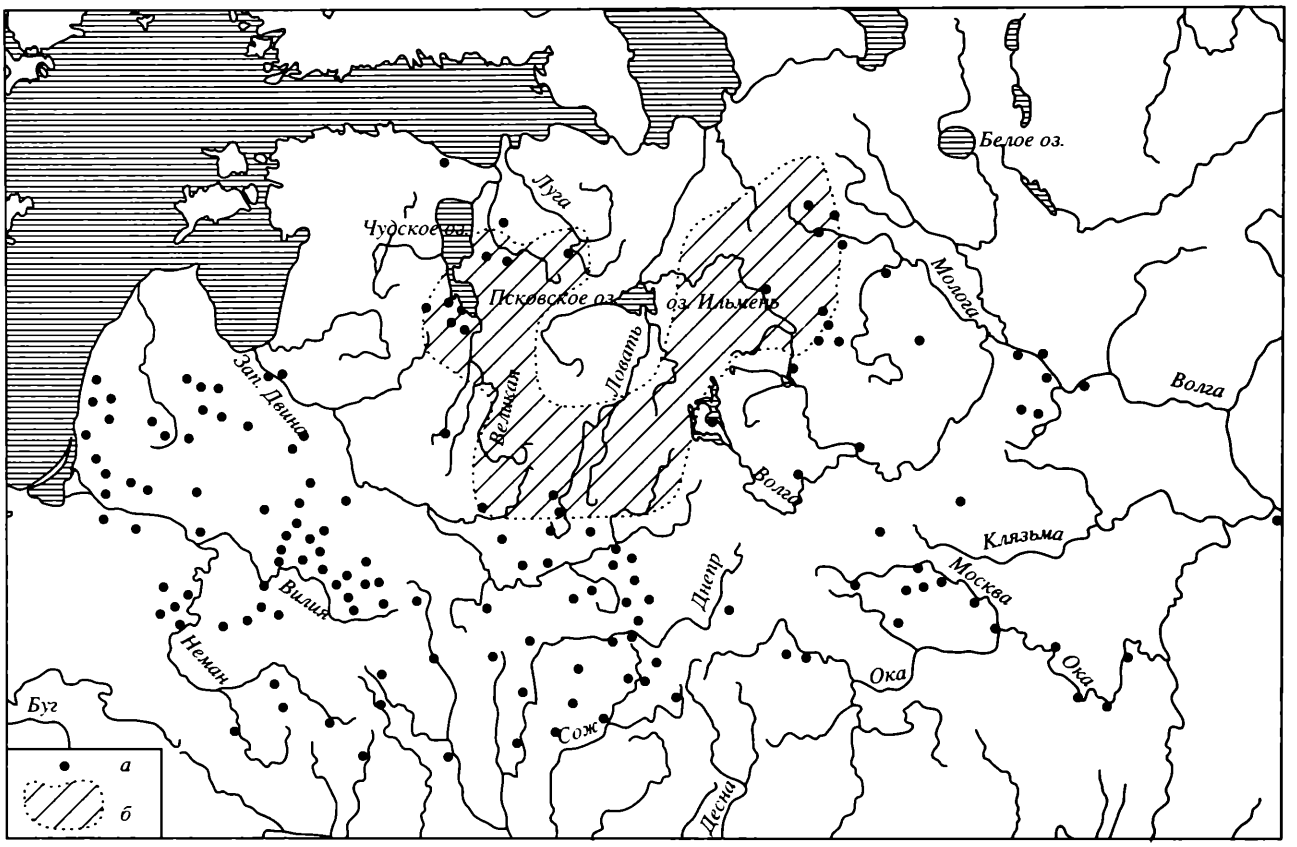

Рис. 4. Памятники с находками вещей среднеевропейских провинциальноримских типов (*а*)

б – ареал культуры псковских длинных курганов

О появлении в конце IV–V в. в лесных областях Восточноевропейской равнины среднеевропейского населения свидетельствуют, прежде всего, многочисленные находки провинциальноримских типов (шпоры и удила, бритвы, пинцеты, кресала, В-образные рифленые пряжки, бусы, наконечники копий, умбоны, боевые топоры и ножи), ранее неизвестные в этих краях вовсе, но широко бытовавшие в провинциальноримских культурах Средней Европы. В лесной зоне Восточноевропейской равнины выявляется более сотни памятников конца IV–VI вв. с находками среднеевропейского происхождения (рис. 4), причем число последних на некоторых поселениях достигает двух десятков (*Седов*, 1999а. С. 93–117). Распространение этих вещей в северной части Восточной Европы может быть обусловлено только миграцией и оседанием в этих местностях значительных масс среднеевропейского населения, интерпретировать это какими-либо иными мотивами (торговыми или культурными контактами) не представляется возможным. Существенно и то, что наряду с распространением в севернорусских землях характерных среднеевропейских предметов здесь появляются железные серпы неизвестных здесь ранее типов, ставшие основой эволюции древнерусских серпов, каменные жернова, а также культуры ржи и овса. Вполне очевидно, что все это могло быть привнесено в эти края только переселенцами из Средней Европы.

Картографированием ряда находок провинциальноримских типов среднеевропейского начала, в частности В-образных рифленых пряжек, восстанавливаются и пути миграции населения из Повисленья. Перемещение среднеевропейцев, как показывают карты, осуществлялось относительно широкой полосой вдоль возвышенно-озерной гряды, оставленной Валдайским оледенением, – через Мазурское Поозерье, Средненеманский край с нижним течением Нериса и далее в северо-восточном и восточном направлениях (*Седов*, 1994б. Рис. 108; 1999а. С. 105–106, рис. 20). Труднопроходимый лесной массив Среднего Побужья и Верхнего Понеманья, остатком которого является Беловежская пуща, обходился среднеевропейцами с севера. Интересно, что независимо от археологических данных такой же маршрут миграции славян в северо-западные области Восточноевропейской равнины на основе топонимических данных был воссоздан Ю. Удольфом (*Udolph*, 1981. С. 321–336). На первых порах, как свидетельствуют материалы археологии Северо-Запада, переселенцы оседали на возвышенных участках местности (*Седов*, 1994а. С. 127–135), что, нужно полагать, было обусловлено климатическими обстоятельствами.

Пока трудно сказать, как конкретно осуществлялись миграция среднеевропейского населения в лесные области Восточной Европы и освоение ими земель, заселенных прибалтийскими и волжскими финнами и днепровскими балтами. Думается, что

более или менее крупные группы переселенцев с семьями перемещались несколькими волнами, оседая на незаселенных участках или даже подселяясь к аборигенам. Среди среднеевропейских находок провинциальноримских типов имеются шпоры, удила и оружие, и это не исключает того, что некоторые группы переселенцев двигались в сопровождении воинов и вооруженных всадников. Отношения с местным населением, судя по данными археологии, были в основном мирными. Земли, принадлежащие восточной группе прибалтийско-финских племен и волжской мери, были относительно редко заселены, экономика их носила в значительной степени присваивающий характер, участков для новых поселенцев-земледельцев было более чем достаточно. Впрочем, нельзя исключать и некоторый отток финноязычных аборигенов в области, не затронутые среднеевропейской миграцией. Значительно плотнее был заселен ареал днепро-двинской культуры, принадлежащий племенам днепровских балтов. Но и здесь, судя по имеющимся археологическим материалам, среднеевропейские переселенцы сумели мирно сосуществовать с местными жителями.

Среднеевропейские переселенцы, осевшие в лесных землях Восточноевропейской равнины, были неоднородны в этническом отношении. Среди них были славяне, составлявшие большинство земледельческого населения, сравнительно немногочисленные германцы, западные балты (пруссо-ятвяго-галинды), а также восточные балты – предки летто-литовцев, увлеченные миграционными потоками, проходившими через их земли.

Современная наука располагает достаточно надежными фактами, свидетельствующими о локализации славянского этноса в римское время в ареале провинциальноримских культур, в частности в Средней Европе. Одним из свидетельств проживания славян в Висло-Одерском регионе являются лексические славизмы, обнаруживаемые в древнеанглийском языке, основу которого, как известно, составили диалекты англов, саксов и ютов (*Мартынаў*, 1998). Места проживания этих западногерманских племен до миграции в конце IV–V в. на Британские острова определяется достаточно надежно – это Ютландия и смежные с ней области Нижнего Поэльбья. Следовательно, языковые контакты славян в римское время с племенами западногерманской группы могли иметь место только в полосе, разграничивавшей Висло-Одерский регион и бассейн нижней Эльбы. Западными пределами области расселения славян, очевидно, был бассейн Одера. В древнеанглийском языке имелся и этноним венеды.

О проживании славян-венедов в римское время в Средней Европе свидетельствует и греческий географ и астороном Птолемей. В "Географическом руководстве", относящемся к третьей четверти II в. н.э. (Свод..., 1991. С. 51), он называет венедов среди "больших народов Европейской Сарматии" и определенно связывает их с бассейном Вислы. Восточными соседями венедов были галинды и судины – известные западнобалтские племена, надежно локализуемые в междуречье Вислы и Немана. На римской географической карте III в. н.э., именуемой обычно Певтигеровыми таблицами, венеды-сарматы (venadisarmatae) обозначены южнее Балтийского моря и севернее Карпатских гор (*Подосинов*, 2002. С. 321–330). О том, что венеды античных авторов были славянами, достаточно определенно говорит Иордан – историк середины VI в., использовавший в своем труде недошедшие до нас рукописи более ранних сочинений (*Иордан*, 1960. С. 90). Это следует также из ряда раннесредневековых трудов; германское Wenden – "славяне" сохранилось за славянами до сих пор.

Имеется и немало фактов, достаточно надежно свидетельствующих о том, что славяне до эпохи великого переселения народов проживали по соседству с римским миром, в ареале провинциальноримских культур и хорошо освоили их важнейшие элементы. Исследователи не раз обращали внимание на воздействие римской культуры на некоторые стороны славянской народной жизни. Так, не подлежит сомнению, что названия календарных циклов (коляда, русалии и др.) было воспринято славянами от романского населения в праславянский период. Интереснейшие результаты были получены Ф. Малингудисом на основе всестороннего изучения топонимики Греции и лексики греческого языка (*Malingoudis*, 1981. S. 174–181; 1983. P. 99–111; 1987. S. 53–65; *Малингудис*, 1987. С. 44–52). В топонимике и лексике Пелопоннеса, Эпира и западных районов материковой Греции ученым засвидетельствован весь спектр славянской земледельческой терминологии, начиная с обработки пашенных участков (поле, борона, мотыга, ярмо, корчевать, выжигать и др.) и кончая уборкой урожая и молотьбой зерна (серп, коса, ток, гумно, молотьба и др.). Имеются здесь и такие славянские лексемы, как жито, пшено, сад, слива и др. Славянам, расселившимся в Греции, были известны водяные мельницы, распространенные в провинциальноримских культурах; бороны, приспособленные для обработки пахотных полей на равнинных местностях (до этого греки знали иной тип бороны, более пригодный для работ в гористых местностях и предгорьях); косы, серпы и мотыги типов, которые бытовали в провинциальноримских культурах. Знакомство славян, осевших в VI–VII вв. в Греции, с римской цивилизацией проявляется не только в сельскохозяйственной лексике, но и в строительной терминологии, в обработке металлов и дерева, в ткачестве, рыболовстве и пчеловодстве.

Возвращаясь к лесным землям Восточной Европы, сразу следует отметить, что в тех областях, где, согласно данным археологии, осели более или

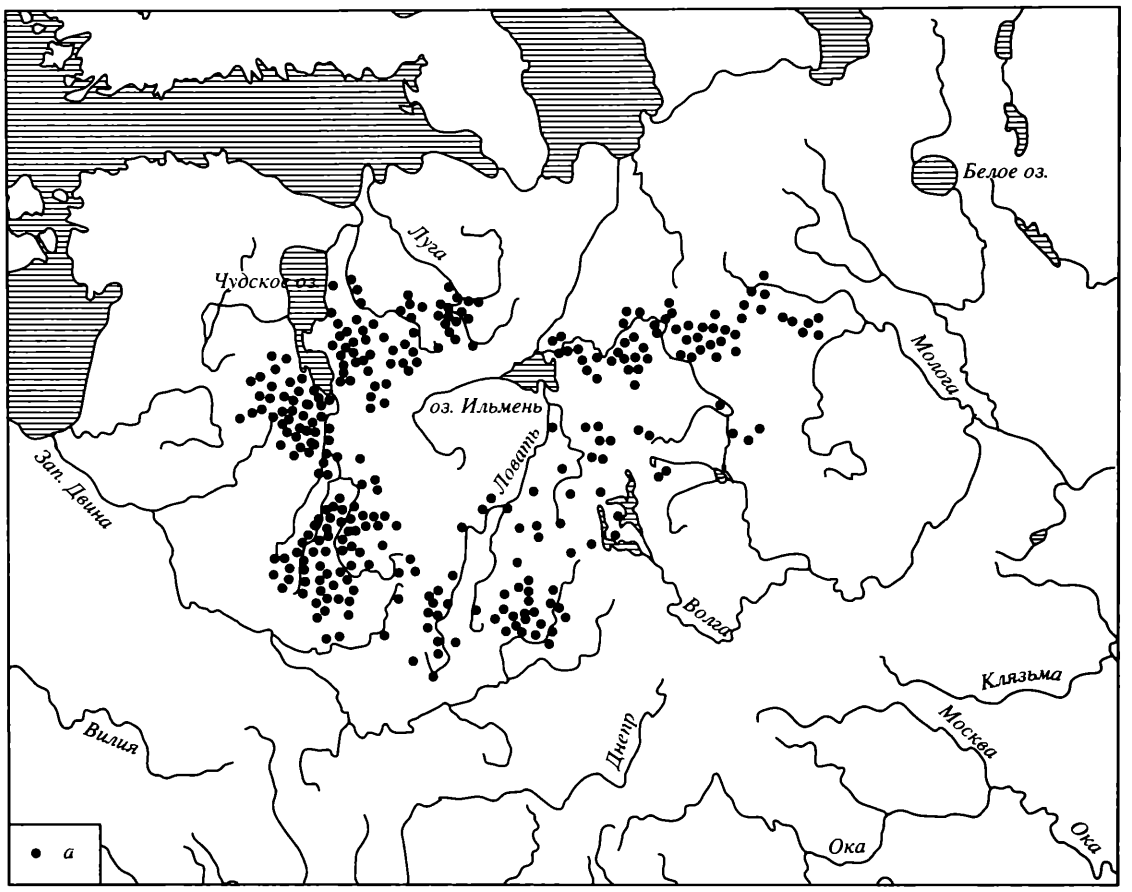

Рис. 5. Памятники культуры псковских длинных курганов (*а*)

менее крупные группы среднеевропейского населения, археологические культуры раннего железного века в середине I тыс. н.э. прекратили свое дальнейшее развитие. В условиях появления крупных масс нового населения формируются культурные новообразования, эволюционно не связанные с предшествующими.

Одним из таковых стала культура псковских длинных курганов, ареал которой простирается от Псковского озера и р. Великой на западе до бассейна среднего течения Мологи на востоке, исключая низменные местности вокруг Ильменя (рис. 5). Эта культура отождествляется с одним из крупнейших диалектно-племенных образований восточного славянства – кривичами (*Седов*, 1974а; 1982. С. 46–58; 1995. С. 211–217; 1999а. С. 117–128). Как мне неоднократно приходилось подчеркивать, кривичи на первых порах были в этническом отношении неоднородным формированием. Это были не только собственно славяне, появившиеся здесь в составе среднеевропейских переселенцев, но в немалой степени также аборигены – прибалтийские финны, в некоторой степени – балты, появившиеся здесь в миграционном потоке вместе со славянами; не исключено и присутствие германского этнического компонента, поскольку в ряде регионов Средней Европы славяне проживали чересполосно с племенами германцев. Очевидно, что в условиях территориального смешения и единого хозяйственного уклада начались метисационные и ассимилятивные процессы, результатом которых стало включение пришлого и местного населения в единый этногенетический процесс, завершившийся формированием древнерусской народности.

Наиболее характерными памятниками культуры псковских длинных курганов являются валообразные земляные насыпи длиной от 10–12 до 100 м и более. Обычно они находятся в могильниках вместе с круглыми в плане (полусферическими) курганами, среди которых есть синхронные длинным, и более поздние, относящиеся уже к древнерусскому времени. Каждый длинный курган (или синхронный круглый) заключает несколько, иногда десятки захоронений по обряду кремации. Сожжения умерших совершались на стороне, и собранные с погребального костра остатки кремации помещались в разных местах курганных насыпей. Какая-то часть погребений обнаруживается в небольших ямках, вырытых в основаниях насыпей, очевидно, перед их сооружением. Основная же масса захоронений помещалась в уже сооруженных насыпях – в неглубоких ямках или прямо на поверхности. Специфической особенностью длинных курганов псковского типа являются зольные или зольно-угольные прослойки в их основаниях. Площадки, избранные для сооружения курганов, с ритуальными целями предварительно выжигались, для чего использовались хворост или со-

лома. Подошвенные зольно-угольные прослойки толщиной от 2–4 до 15–30 см и являются остатками этого ритуала. Имеются все основания полагать, что эта обрядность была воспринята кривичами от местного финского населения. Для последних, как отмечалось выше, она была характерна начиная с первых веков нашей эры.

Распределены длинные курганы по территории своего распространения неравномерно. Они образуют пять крупных регионов скопления могильников, которые разделяются лесными и заболоченными пространствами, где могильники с длинными курганами отсутствуют. Одним из регионов концентрации их является область к юго-западу от Псковского озера, центральное место в которой занимает Изборск.

Из дошедших до нас могильников с длинными курганами ближайшими к Изборску являются некрополи в Лезгах (в 10 км севернее) и Петровском (6 км южнее).

Первый памятник находится в 0,5 км к юго-востоку от д. Лезги на левом берегу р. Обдех (Бдехи). В 50-х годах XX в. в могильнике насчитывалось 33 кургана, расположенных компактной группой на площади 200 × 50 м. Среди них – три валообразные насыпи, остальные – удлиненные, овальные и круглые. В срединной части некрополя, кроме того, имеются жальничные могилы, обложенные кольцеобразно крупными валунами. Г.П. Гроздиловым в 1953 г. были раскопаны 11 курганов (*Гроздилов*, 1965. С. 77–87).

Исследованный валообразный курган (№ 3), длиной 28 м, шириной 6–7 м, оказался сильно поврежденным большими хозяйственными ямами и впущенными в его насыпь погребениями по обряду ингумации XI–XIII вв. В кургане выявлены остатки 13 безынвентарных захоронений культуры псковских длинных курганов. Это были собранные с погребальных костров кучки мелких кальцинированных костей или небольшие скопления их с золой и мелкими углями, которые находились на глубине от 35 до 55 см от поверхности кургана. Вес сожженных костей в погребениях – от 0,02 до 2 кг. В одном случае остатки кремации были помещены в глиняном горшке-урне, накрытом другим сосудом. Урной послужил небольшой лепной горшок со слегка выпуклыми боками и профилированным верхом со слабо выраженным валиком. Другой сосуд, также изготовленный без помощи гончарного круга, имел усеченноконическую форму (рис. 6: *12*).

Другая валообразная насыпь (№ 9) имела длину 12,4 м, ширину 6,5 м, высоту 0,7 м. В ней выявлено два скопления кальцинированных костей. Одно – на глубине 0,22 м в виде лунки, заполненной сожженными человеческими костями (весом 1,18 кг), смешанными с сажистым грунтом. Здесь встречены также оплавленная стеклянная бусина и бронзовая пронизка. Другое скопление кальцинированных костей (вес их – 4,94 кг) сопровождалось глиняным лепным горшком баночной формы (рис. 6: *11*) и кварцитовым блоковидным кресалом. Судя по количеству кальцинированных костей, оба скопления были не индивидуальными погребениями, а содержали остатки кремаций нескольких индивидуумов.

Остатки трупосожжений открыты Г.П. Гроздиловым также в раскопанных им круглых курганах. Все они были безынвентарными. В кургане 8 одно захоронение было накрыто опрокинутым вверх дном горшком крупных размеров. Курганы 2 и 11 относятся к древнерусскому периоду; в них исследованы остатки захоронений по обряду трупоположения. У подошвы удлиненного кургана 6 под дерном выявлены небольшие камни и возле них коническая яма (диаметром 0,6 м, глубиной 0,73 м) с углем и мелкими кальцинированными костями. Среди них находились побывавшие в огне бронзовые пряжка с длинной пластинчатой обоймой, фрагменты других обойм и проволочного колечка, спиралька и бляшка-скорлупка. На основании этих находок Г.П. Гроздилов датировал исследованные длинные курганы V–VI вв., с чем вполне можно согласиться.

Среди исследованных раскопками памятников с длинными курганами к Изборскому региону принадлежат еще могильники в Верепкове и Северике. В первом в 1947 г. О. Саадре было исследовано 14 курганов, в том числе один длинный (15 м). В последнем открыто 14 захоронений по обряду кремации, два из которых находились среди камней (*Седов*, 1974а. С. 47). Могильник Северик на р. Каменке, впадающей в Псковское оз., раскапывался в 1949 г. С.А. Тараканової и в 1976 г. К.М. Плоткиным (*Тараканова*, 1951. С. 142–147; *Седов*, 1974а. С. 46; *Плоткин*, 1989. С. 170–174; *Плоткин, Грач*, 1978. С. 29). В длинных курганах этого некрополя открыто по несколько захоронений по обряду трупосожжения. Особенностью этих насыпей является использование камня при их возведении. Так, насыпь кургана, при исследовании которой в 1949 г. было зафиксировано 16 погребений с остатками кремации, сплошь была покрыта камнями. Кроме того, кладка из валунов имелась внутри насыпи. В одном из захоронений кургана встречены слиток бус синего стекла, язычок пряжки, спирали, медная пластинка, обломок проволоки и бляшка-скорлупка, которая позволила исследователю отнести погребальный комплекс к V–VI вв. При раскопках курганов этого могильника К.М. Плоткиным были документированы каменные кладки, сложенные по периметру насыпей и имевшие внутренние перегородки. Эти внутрикурганные кладки из камней находят прямые параллели в ряде каменных могильников первой половины I тыс. н.э. Эстонии.

Значительные исследования памятников культуры псковских длинных курганов в землях, примыкающих к Псковскому озеру с юго-запада, выпол-

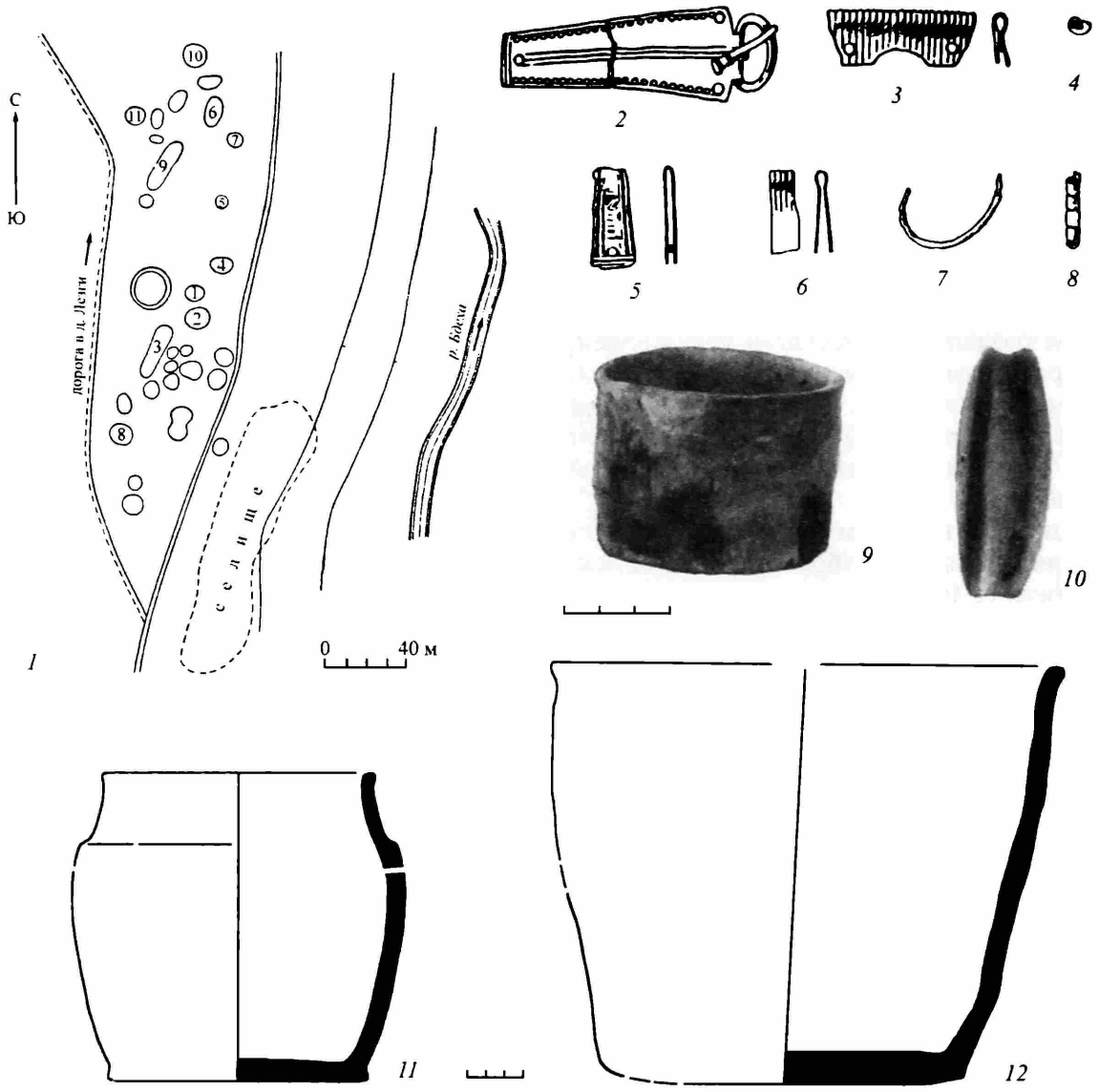

Рис. 6. Могильник у д. Лезги

1 – план; *2–8* – бронзовые вещи из кургана 6; *9, 10* – глиняный сосуд и блоковидное кресало из кургана 9; *11* – сосуд (урна) из кургана 3; *12* – сосуд из кургана 8. *1–10* – по Г.П. Гроздилову (*Гроздилов*, 1965); *11, 12* – рис. Н.В. Лопатина

нены эстонскими археологами. В 1951 г. под руководством Х.А. Моора были раскопаны три длинных кургана в Линдора в Вырусском р-не (*Моора*, 1954. С. 59; *Moora*, 1952. Lk. 123). Полученные материалы показали идентичность этих памятников по всем параметрам с длинными курганами Псковской земли. В этой связи был поднят вопрос о славянском проникновении в области Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н.э., что нашло подтверждение в языковых данных – в выруском диалекте эстонского языка (как в лексике, так и в фонетике) фиксируются явные славянские элементы (*Моора*, 1956. С. 129–130; *Moora*, 1952. Lk. 130). Раскопки некрополя в Линдоре в 1959–1961 гг. были продолжены М.Х. Шмидехельм (*Schmiedehelm*, 1965. Lk. 17–62). Исследовательница утверждала, что появление курганных могильников в Юго-Восточной Эстонии следует рассматривать как результат продвижения в эти местности славянского населения, в том числе, вероятно, и славянизированных балтов. В 1965–1973 гг. М.Х. Шмидехельм совместно с С.К. Лаул исследовала могильники в Лоози, Кынну и Пылгасте, в которых курганы находились в одних комлексах с каменными могильниками типично эстского типа (*Schmiedehelm*, 1970. Lk. 154–165; *Лаул*, 1974а. С. 413–414; 1974б. С. 87–89). Подводя итоги их изучения, М.Х. Шмидехельм утверждала, что во второй половине I тыс н.э. в Юго-Восточной Эстонии сложилось смешанное население. Вместе со славянами сюда проникли балты, а также финны из более восточных территорий. Однако вскоре С.К. Лаул почему-то отказалась от такого вывода. Она стала придерживаться мысли о принадлежности длинных курганов всей Псковской земли местному финноязычному населению (южной води). Эти памятники, рассуждала исследовательница, отличаются от смоленских, принадлежащих славяно-балтским племенам, следовательно, они должны быть отнесены к иному этносу. Показателями же финской атрибуции псковских длинных курганов,

по мнению С.К. Лаул, являются зольно-угольные прослойки, имеющие аналогии в погребальных памятниках эстов, и находки в некоторых курганах Юго-Восточной Эстонии фрагментов керамики рыугеского типа (*Лаул*, 1971. С. 319–329; 1974в. С. 31; 1975. С. 378–384). Эта точка зрения сразу же встретила серьезные возражения со стороны ряда исследователей (*Седов*, 1974а. С. 40; 1981б. С. 5–18; *Аун*, 1980. С. 12–15).

Последующее раскопочное изучение длинных и синхронных им круглых курганов на юго-западном побережье Псковского озера велось М. Аун. Работы выполнялись с исключительной тщательностью, было сделано множество новых наблюдений. Эти раскопки позволили окончательно отвергнуть мысль о независимом зарождении курганной обрядности в местной финноязычной среде. Были исследованы целиком два могильника – Рысна-Сааре I и Рысна-Сааре II (1976–1980 гг.). Раскапывались также курганы в могильниках Арнико III, Велне, Лаоссина II и V, Пиузе II, Сууре-Рысна, Тагаметсе. В результате получены новые значительные материалы для решения важнейших вопросов культуры псковских длинных курганов (*Аун*, 1980; 1992). М. Аун справедливо утверждает, что курганный обряд на юго-западном побережье Псковского озера сформировался в условиях проникновения славян с соседних территорий. Среди курганных захоронений этого региона имеются и славянские, и оставленные финноязычными аборигенами, подвергшимися в той или иной степени ассимиляции. Однако определить, какие из конкретных погребений принадлежат к какому этносу, не представляется возможным. Только на ранней стадии развития курганной обрядности некоторые различия улавливаются в отдельных деталях похоронного ритуала или вещевых инвентарях. Однако они очень скоро нивелируются, и курганы Юго-Восточной Эстонии по всем своим деталям сближаются с валообразными насыпями основного ареала культуры псковских длинных курганов (*Аун*, 1992. С. 99). Очевидно, что местное прибалтийско-финское население рассматриваемого региона стало кривичским, включившись в славянский этногенез.

В настоящее время можно достаточно определенно утверждать, что культура псковских длинных курганов сформировалась не позднее V в. н.э. Об этом прежде всего говорят находки в длинных курганах могильников Рысна-Сааре II и Любахин I (на восточной окраине ареала рассматриваемой культуры) луновидных подвесок стиля Сёсдал (*Аун*, 1992. С. 126–127, рис. 51: *11*; *Башенькин*, 1995. С. 26. Рис. 8: *1, 2*), которые на основании среднеевропейских аналогий достаточно определенно датируются концом IV – первой половиной V в. (*Каргопольцев, Бажан*, 1993. С. 113–122), и В-образных рифленых пряжек в курганах Линдора, Рысна-Сааре II, Полибино на Ловати и Усть-Белая IV на р. Кабоже. Среднеевропейское происхождение пряжки из длинного кургана в Полибино надежно показал Й. Вернер. В Средней Европе пряжки, однотипные с полибинской, широко бытовали в конце IV – первой половине V в. Учитывая отдаленность полибинской находки от Среднеевропейских областей, Й. Вернер склонен был датировать ее второй половиной V в. (*Werner*, 1981. S. 700). Позднее оказалось, что пряжка, наиболее близкая к полибинской, найдена в погребении 252 могильника Притцир в Мекленбурге, которое достаточно определенно датируется серединой IV в., и поэтому рассматриваемая находка может определять время полибинского кургана и рубежом IV–V вв. или первой половиной V в. (*Седов*, 1995. С. 300, 320). И.А. Бажан и С.Ю. Каргопольцев в статьях, посвященных В-образным рифленым пряжкам, склонны ограничить время бытования их в памятниках культуры псковских длинных курганов первой–третьей четвертями V в. (*Бажан, Каргопольцев*, 1986. С. 129–135; 1989. С 28–35).

В одном из курганных погребений могильника Линдора встречены две бронзовые бусины, одна из которых имела неправильно-биконическую форму (*Schmiedehelm*, 1965. Joon 8: *2*). Подобные бусы сравнительно широко распространены в эстских каменных могильниках с оградками III–V вв. и позднее неизвестны. Следовательно, линдорский курган с бронзовыми бусами должен быть отнесен к V, в крайнем случае к рубежу V–VI вв. V–VI вв. датировала С.К. Лаул браслет из бронзовой пластины сегментовидного сечения, происходящий из кургана 2 могильника Пылгасте (*Лаул*, 1974а. С. 414). Из длинного кургана 9 могильника Сууре-Рысна (*Аун*, 1983б. С. 297–299, рис. 1) происходит двушипный наконечник дротика, не имеющий аналогов в местных материалах и надежно датируемый временем от IV до рубежа V–VI вв. VI–VII вв. определяются уже многие погребения из курганов Юго-Восточной Эстонии (*Аун*, 1992. С. 126–129).

Обычай сооружения длинных курганов не был привнесен переселенцами извне, а зародился уже тогда, когда они освоились на новых местах проживания. Раскопками М. Аун выявлены специально устроенные погребальные площадки, невысокие, оконтуренные ровиками, с захоронениями в грунтовых ямках. Дальнейшее развитие обрядности, полагает исследовательница, шло по пути увеличения насыпей, в верхних частях которых также размещались захоронения (*Аун*, 1980. С. 99). Подобная площадка исследовалась Е.Н. Носовым в могильнике на оз. Съезжем в бассейне Мсты (*Носов*, 1981б. С. 66–68). Выявлены и предшествующие таким площадкам грунтовые захоронения. Они исследовались в названном выше памятнике на оз. Съезжем, в могильниках в урочище Кобылья Голова в нижнем течении Мсты (*Орлов*, 1968. С. 166–167) и на Юрьевской Горке в Удомельском поозерье (*Исланова*, 1997). Отмеченное выше грунтовое захоронение в Лезгах, очевидно, принадлежит к тому же

кругу древностей. К подобным, по всей вероятности, относятся и безынвентарные погребения, раскопанные вблизи каменных могильников с оградками в Пылгасте и Лоози в Юго-Восточной Эстонии, в которых кальцинированные кости в разбросанном состоянии находились сразу же под дерном (*Лаул*, 1974в. С. 12; *Аун*, 1992. С. 81).

В итоге восстанавливается следующая эволюция погребальной обрядности. Первоначально осевшие в бассейнах озер Псковского и Ильменя среднеевропейские переселенцы, очевидно, хоронили умерших на площадках грунтовых могильников. На следующем этапе стали сооружаться специальные площадки, оконтуренные ровиками, а затем последние путем подсыпок трансформировались уже в курганные насыпи (*Носов*, 1984. С. 11–17: *Седов*, 1999а. С. 120–122).

Курганный обряд в Изборском крае, в том числе в Юго-Восточной Эстонии, бытовал до первых веков II тыс. н.э. включительно. С VIII в. обычай сооружения длинных курганов исчезает. После этого захоронения по тому же ритуалу трупосожжения совершались в круглых курганах. С этим периодом (VIII–IX вв.) М. Аун связывает так называемые комбинированные курганы, сочетавшие в себе длинные и круглые насыпи. Преемственность между первым периодом (V–VII вв.) бытования курганной обрядности и вторым (VIII–X вв.) какому-либо сомнению не подлежит. Курганная обрядность в Юго-Восточной Эстонии во втором периоде распространяется в западном направлении, достигая восточных окраин Отепяской возвышенности. В составе погребального инвентаря увеличивается число находок, не тронутых огнем. Среди них встречаются перстнеобразные височные кольца с нанизанной бусиной (*Аун*, 1992. С. 126, рис. 51: *9*), которые, по моему мнению, являются одним из аргументов в пользу славянской атрибуции погребенных. Наличие среди кривичского населения этого региона финноязычных аборигенов это не исключает. Взаимоотношения между пришлыми славянами и местным населением, очевидно, были толерантными. Полная преемственность между культурой длинных курганов и курганными древностями VIII–X вв. прослеживается и по материалам региона нижнего течения р. Великой (*Седов*, 1981б. С. 5–12; *Плоткин*, 1989. С. 167–179). На рубеже I и II тыс. обряд кремации умерших постепенно вытесняется трупоположениями в курганных насыпях.

Носители культуры псковских длинных курганов на юго-западном побережье Псковского озера расселились на территории, принадлежащей племенам восточной группы прибалтийских финнов. Миграция среднеевропейского населения вызвала некоторый отток какой-то части прибалтийских финнов из Псковско-Ильменских земель на запад, в области эстских племен. Об этом говорят прежде всего изменения в погребальной обрядности эстов, имевшие место в середине I тыс. н.э. Возведение новых каменных могильников с оградками на территории Эстонии прекращается, используются лишь оградки ранее сооруженных могильников. Постепенно получают распространение могильные сооружения нового типа. Это невысокие кладки из беспорядочно набросанных камней. Так, могильник Ляэтса на восточном побережье оз. Выртсъярв был сложен из больших камней в один ярус, между которыми имелось множество мелких. Все камни были набросаны без какого-либо порядка. Кладка образовывала круг с рваными очертаниями диаметром 13–14 м и высотой от 15 до 35 см. Собранные с погребальных костров сожженные кости умерших разбрасывались почти по всей площади могильника. При его раскопках обнаружены главным образом фрагменты глиняных сосудов, а также обломки железных ножей, бронзовые фибулы, перстни, браслет и др. (*Ain*, 1970. Lk. 57–61). Кроме отчетливо выраженных подобных погребальных памятников на территории Эстонии ко второй половине I тыс. н.э. относится множество могильников с кладками из небольших камней или в виде бесформенных скоплений камней. Такие кладбища весьма напоминают погребальные сооружения предшествовавшего периода в восточной части прибалтийско-финского ареала. В этой связи правомерно предполагать, что изменение обрядности эстских племен произошло под влиянием появившихся здесь переселенцев из Ильменско-Псковских земель, принадлежащих к восточной группе прибалтийских финнов. В этой связи небезынтересно то, что смена обрядности началась в восточной части территории, занимаемой эстскими племенами, а в западной части захоронения в каменных оградках продолжались в течение всей второй половины I тыс. н.э., а на эстонских островах – до XII в. включительно.

Есть основания полагать, что в ряде мест восточных окраин ареала эстских племен с появлением на юго-западном побережье Псковского озера среднеевропейского населения складывается неспокойная ситуация. Об этом свидетельствуют именно в это время (V–VI вв.) зарытые эстскими жителями в пограничной зоне вещевые клады, включающие и дорогостоящие предметы. Впоследствие они не были востребованы (*Аун*, 1983а. С. 39–42; 1992. С. 138–143).

В VI–VIII вв. на восточных рубежах территории расселения эстов возникает цепь городищ, очевидно, имеющих целью сдержать дальнейший натиск населения культуры псковских длинных курганов на запад (*Sedov*, 1992. S. 62–77; *Седов*, 1997. С. 3–16).

Поселения культуры псковских длинных курганов изучены крайне слабо. Более заметные раскопки произведены лишь на селищах на оз. Съезжее в бассейне Мсты; на оз. Крюково близ г. Боровичи и Варшавский шлюз-III на Чагоде (*Носов*, 1981б. С. 66–68; *Торопов*, 1997. С. 11–15; *Башенькин*, 1993. С. 136). В Изборском регионе раскопки разведывательного характера велись на селище

Лезги, где кроме лепной керамики, форму которой из-за ее фрагментарности восстановить не удается, найдены глиняные пряслица и железный нож (*Александров, Белецкий*, 1994. С. 52–55). Несколько селищ исследовано раскопками и в Юго-Восточной Эстонии. Однако слои V–VII вв. в толще культурных напластований этих поселений выделить не удается. Поэтому они рассматриваются обычно целиком как памятники второй половины I тыс. н.э. (*Аун*, 1992. С. 15–77).

Специального рассмотрения заслуживает керамика культуры псковских длинных курганов, поскольку основная часть наиболее ранней лепной посуды Изборского городища находит в ней полные аналогии. К сожалению, монографический анализ этой керамики пока отсутствует. В книге "Длинные курганы кривичей" (*Седов*, 1974а. С. 26–27) был дан обзор керамического материала в общем – для псковской и смоленско-полоцкой групп; источниковая база была крайне ограниченна, поэтому отчетливой картины не получилось.

В дальнейшем глиняная посуда рассматриваемой культуры характеризовалась исследователями регионально. Посуда из ранних курганов Юго-Восточной Эстонии получила освещение в книге М. Аун, которая отмечает значительные местные традиции, восходящие к эпохе раннего железа. Вместе с тем, в керамической коллекции имеются сосуды, сопоставимые с синхронной глиняной посудой из памятников Смоленщины и Северной Белоруссии (*Аун*, 1992. С. 120–123). При кратком описании керамики из длинных курганов Северной Белоруссии Г.В. Штыхов отмечает, что характерными были слабопрофилированные горшки "вытянутых пропорций" с наибольшим расширением в верхней части тулова, которое заметно сужается к днищу; они отличны от керамических комплексов, распространенных в колочинской и банцеровской культурах (*Штыхаў*, 1999. С. 382–384). И.В. Исламовой дана характеристика глиняной посуды культуры псковских длинных курганов из раскопок поселения Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье (*Исланова*, 1997. С. 22–56). Недавно Н.В. Лопатин попытался распределить наборы сосудов из памятников культуры псковских длинных курганов по отдельным географическим регионам. Получилась довольно пестрая картина, не позволяющая составить целостного представления о кривичской керамике V–VII вв. (*Лопатин*, 2003. С. 43–58).

К настоящему времени из поселений и погребений культуры псковских длинных курганов собрана обширная коллекция глиняной посуды, которая позволяет выделить наиболее характерные формы сосудов, свойственные всему ареалу этой культуры. Это сравнительно высокие слабопрофилированные горшки с наибольшим расширением в верхней трети и усеченноконическим низом.

Таковы горшки-урны (рис. 7: *6, 7*; 8: *1, 2, 4, 6, 7*) из погребений могильников, исследованных в Михайловском на берегу Жижецкого озера в бассейне верхнего течения Западной Двины (*Станкевич*, 1960. С. 122, рис. 84: 3; *Седов*, 1974а. С. 54, табл. 19: *5*), Юрьевской Горке в Удомельском поозерье (*Исланова*, 1997. С. 33–55), Лоози в Юго-Восточной Эстонии (*Schmiedehelm*, 1965. Lk. 19–20, joon. 3, tab. VI: *2*; *Седов*, 1974а. С. 47, табл. 20: *3*), Гринино в Верхневолжье (раскопки О.М. Олейникова). К этому типу принадлежит и урна из кургана могильника Обрыня (Обрынь) на Валдае (рис. 9: *4*), и представленный фрагментарно горшок-урна (рис. 7: *4*), обнаруженный при раскопках одного из курганов могильника культуры псковских длинных курганов у д. Жеребятино на восточном побережье Псковского озера (*Кудряшов*, 1913. С. 244–247).

Глиняная посуда этого же типа свойственна и поселениям культуры псковских длинных курганов. Она изучалась на селищах Жабино (рис. 7: *5*) в бассейне верхней Ловати (*Станкевич*, 1960. С. 144, рис. 72: *1, 3, 4*), Узмень (рис. 7: *1*) в верховьях р. Усвяча в бассейне верхнего течения Западной Двины (*Минасян*, 1979. С. 180–184), Леонтьево на озере Мстино (рис. 9: *10*) и Городок в Вышневолоцком р-не Тверской обл. (*Исланова*, 2002. С. 83–93), Благовещение и Шитовичи (рис. 8: *3, 5*) в бассейне верхней Волги (работы О.М. Олейникова), на городище Захарки на берегу озера Сенница в 4 км от Жабино (*Станкевич*, 1960. С. 122). При анализе керамического материала из упомянутого выше могильника Юрьевская Горка и расположенного по соседству поселения И.В. Исланова отнесла рассматриваемую посуду к типу Ш. Она составляет 23% керамической коллекции селища. По вещевым находкам памятник датируется третьей четвертью I тыс. н.э. Остальная керамика отчасти является наследием культуры предшествующего времени, что указывает на включение в этногенез кривичей местного финноязычного населения, или близка к глиняной посуде культуры сопок, поскольку поселение без перерывов продолжало функционировать в течение всего VIII столетия (*Исланова*, 1997. С. 22–55).

Керамика рассматриваемого облика характерна и для нижних горизонтов культурного слоя Псковского городища. Это поселение, судя по вещевым находкам, было основано на мысу при впадении реки Псковы в Великую в V в. среднеевропейскими переселенцами (*Седов*, 2003б. С. 4–14). При раскопках выявлены остатки наземных жилых построек с печами-каменками и углублениями внутри, сопоставимые с жилищами суковско-дзедзицкой культуры балтийских славян. Керамический материал нижнего горизонта культурных отложений городища весьма фрагментарен, но реконструкции сосудов позволяют говорить о бытовании горшков, характерных для культуры псковских длинных курганов (рис. 7: *2*), наряду с тюльпановидными и баночными (*Белецкий*, 1980. С. 11, рис. 3).

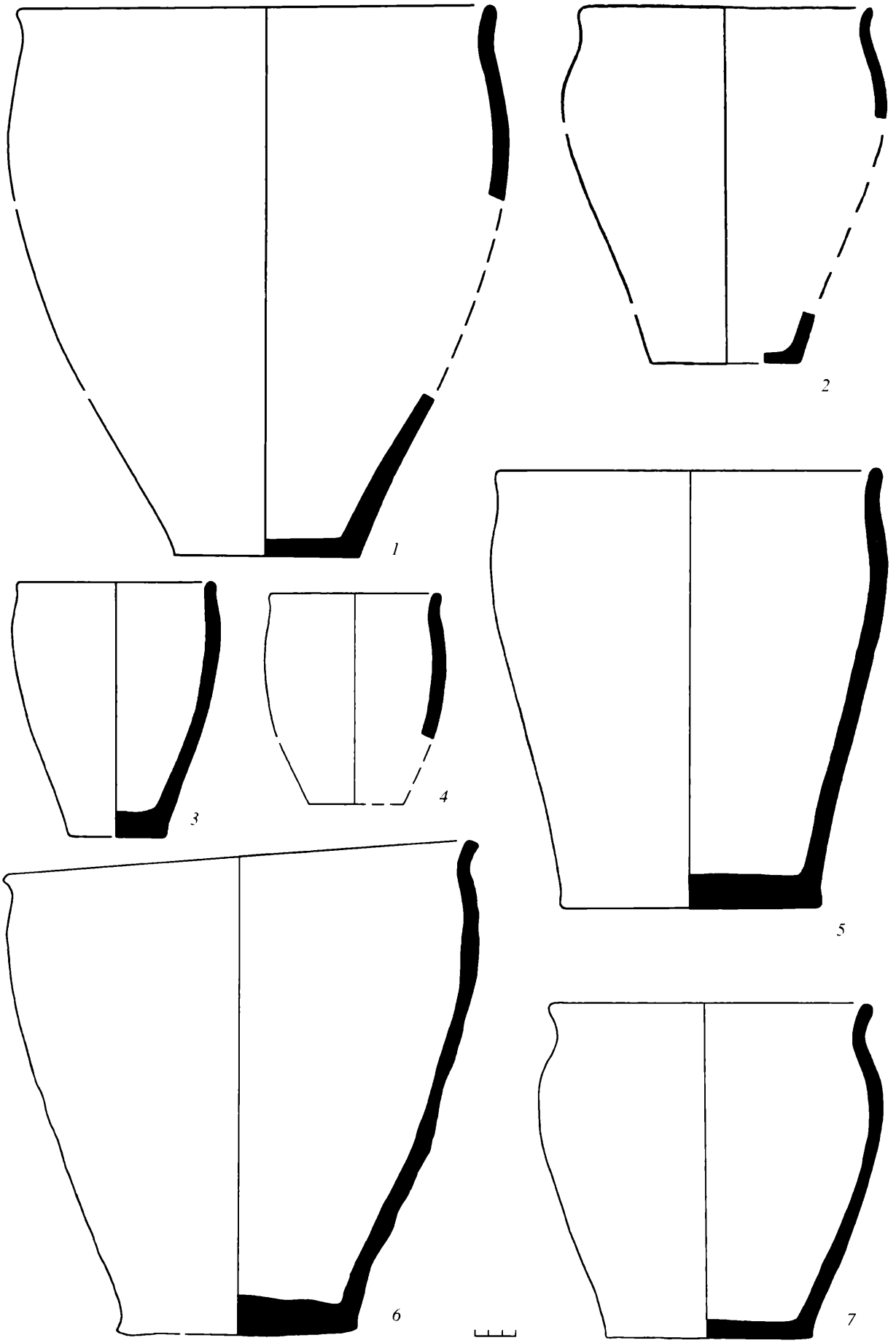

Рис. 7. Керамика культуры псковских длинных курганов

1 – Узмень; *2* – Псковское городище; *3, 5* – Жабино; *4* – Жеребятино; *6, 7* – Михайловское. *1, 2, 7* – рис. С.В. Белецкого; *3–6* – рис. Н.В. Лопатина

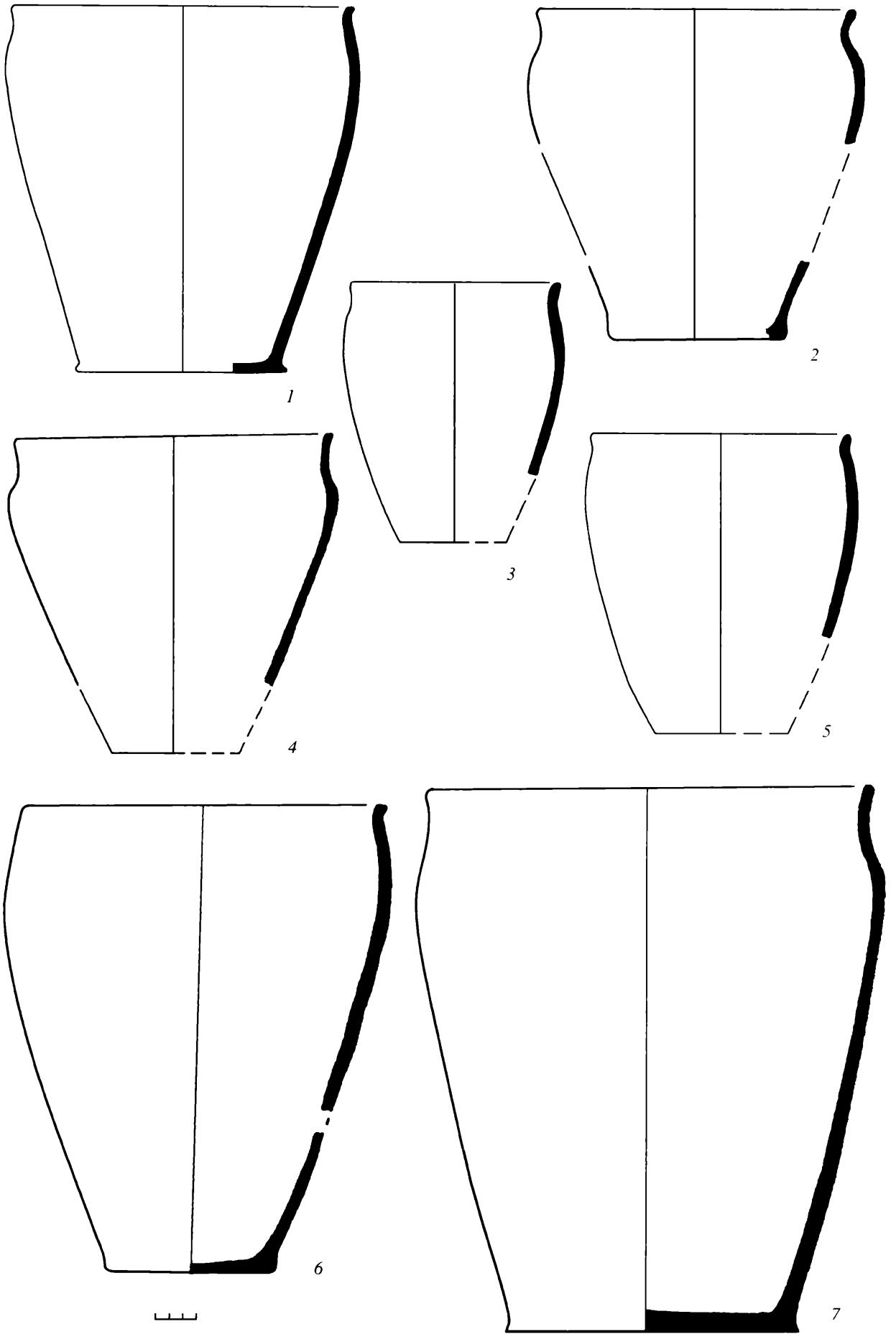

Рис. 8. Керамика культуры псковских длинных курганов

1 – Гринино; *2, 4, 6* – Юрьевская Горка; *3* – Шитовичи; *5* – Благовещенье; *7* – Лоози. *1, 3, 5* – по О.М. Олейникову; *2, 4, 6* – по И.В. Исламовой; *7* – по С.В. Белецкому

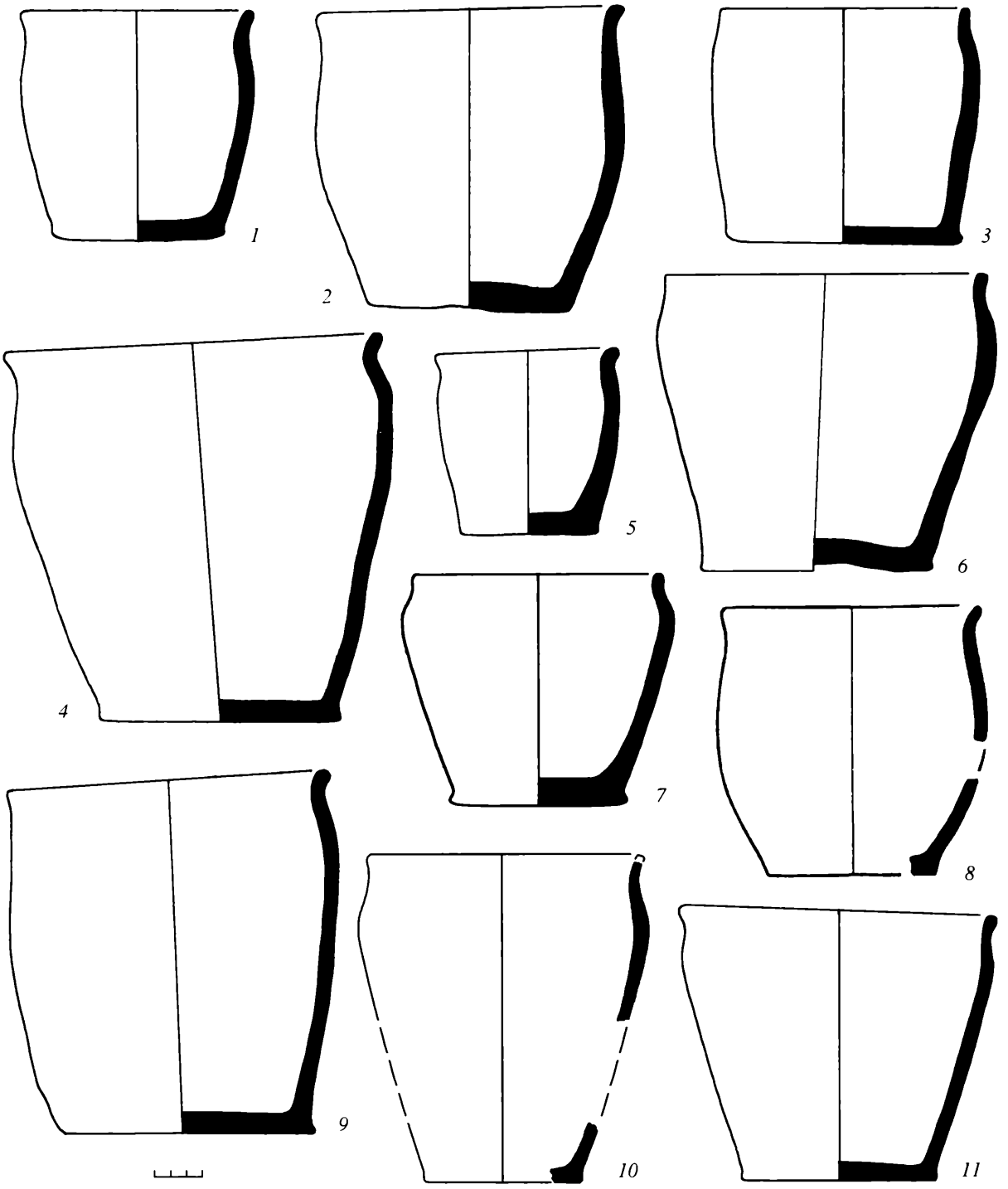

Рис. 9. Керамика культуры псковских длинных курганов
1, 11 – Съезжее; *2, 3* – Жеребятино; *4* – Обрыня; *5* – Липицы; *6* – Подол; *7* – Казиха; *8* – Псковское городище; *9* – Борисоглеб; *10* – Леонтьево. *8* – по С.В. Белецкому; *10* – по И.В. Ислановой; *1–7, 9* – рис. Н.В. Лопатина

Вопрос о происхождении керамики, наиболее характерной для рассматриваемой культуры, пока не поддается разрешению. Достаточно определенно можно утверждать, что эта посуда не имеет местных корней. Некоторые сосуды характеризуемой группы могут быть сопоставлены с горшками, встречаемыми на памятниках пражско-корчакской культуры, но более близкие аналогии обнаруживаются в керамике суковско-дзедзицкой культуры. Как и славяне, освоившие северные области Восточноевропейской равнины, племена суковско-дзедзицкого ареала вышли из венедской зоны Висло-Одерского региона. Специфические языковые связи между предками северной ветви восточного славянства и лехитской группой славян неоднократно отмечались лингвистами (*Седов*, 2003а. С. 3–17). Однако прототипы раннесредневековой керамики этих групп славян в древностях римского времени не обнаруживаются.

Горшкообразные сосуды, изготовленные без гончарного круга и обычно сопоставляемые исследователями с пражской керамикой начала сре-

дневековья, изредка встречаются на памятниках пшеворской культуры (*Седов*, 2002б. С. 117–118).

Глубокие потрясения, пережитые среднеевропейским населением, которое в позднеримское время пользовалось в основном приобретенными сосудами, изготовленными в гончарных мастерских, привели к полному нарушению эволюционного развития культуры в целом и керамики в частности. На новых местах жительства и в совершенно иной экономической ситуации население вынуждено было выработать новые формы глиняной посуды, в той или иной степени отдаленно связанные с предшествующими формами.

В течение двух–трех столетий рассматриваемая керамика использовалась кривичским населением, заселявшим ареал культуры псковских длинных курганов. Намечается ее временно́е различие. Постепенно горшки становились приземистыми – ширина их несколько увеличивалась, высота уменьшалась; плечики становились более выраженными. Такие сосуды составляют вторую группу керамики культуры псковских длинных курганов.

Это невысокие горшки с более или менее выраженными плечиками, слегка отогнутым венчиком и усеченноконической нижней частью. Высота их колеблется от 7 до 14 см, диаметры устья – от 7 до 11 см, днищ – от 5 до 8 см. Единично продолжали бытовать и более крупные сосуды. Такие горшки известны в могильниках Съезжее в бассейне р. Мсты (рис. 9: *1, 11*), Борисоглеб в бассейне Ловати (рис. 9: *9*), Казиха в верхнем течении р. Великой (рис. 9: *7*), Жеребятино к востоку от Псковского озера (рис. 9: *2, 3*), Косыгино близ Изборска, Подол на озере Кафтино (рис. 9: *6*), Липицы на Валдае (рис. 9: *5*) и др. (*Седов*, 1969. С. 91–96; 1974а. С. 26, табл. 20: *1*; *Черных и др.*, 1998. С. 394–408, рис. 7: *3*; *Орлов*, 1972, рис. 3, *4*; *Носов*, 1981б. С. 68, рис. 3: *2, 3*; *Носов, Плохов*, 1989. С. 36–38, рис. 2; *Исланова*, 1997. С. 25–26, 130–135, 158, 161–163, рис. 35: *11*; 37: *8*; 39: *3–5*). Сюда же относятся сосуды-урны из курганов Варбузе и Сууре-Рысна на юго-востоке Эстонии. Имеется такая керамика на Псковском (рис. 9: *8*) и Новгородском городище (*Белецкий*, 1981. Рис. 17, 21; *Носов*, 1990. С. 133–137, рис. 54–56). На некоторых памятниках, в частности на городищах Княжая Гора и Селище, на селище Губинская Лука, такая посуда доминировала в керамических коллекциях (*Плохов*, 1992. С. 121). Аналогичная посуда обычна и для круглых курганов с трупосожжениями Псковской земли, встречается и в новгородских сопках, распространена в круглых курганах с трупосожжениями, а также характерна для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (*Седов*, 1974а. С. 26, табл. 21: *1, 3–8, 10, 11*; 22: *3–5*).

Керамика второй группы появляется в VIII в., не исключено, что отдельные сосуды относятся и к VII в. Бытовала эта посуда вплоть до распространения раннекруговой, т.е. до X столетия включительно.

Среди других форм глиняной посуды из памятников культуры псковских длинных курганов наиболее часты баночные (цилиндрические и усеченноконические) сосуды. В большей степени они свойственны землям, примыкающим с запада и с востока к Псковскому озеру (*Аун*. С. 48, 120, рис. 48: *3, 5*; табл. XII: *2*; XCII; *Белецкий*, 1996. Рис. 18), но изредка встречаются, по-видимому, по всему ареалу рассматриваемой культуры, в частности в курганах Повалишино в северной части Полоцкого Подвинья и Полибино в верховьях Ловати (рис. 10: *1, 2*). Есть все основания рассматривать эту керамику как наследие местного финноязычного населения, включившегося в этногенез кривичей.

Единичными экземплярами в рассматриваемых древностях представлены цилиндро-конические сосуды, имеющие почти цилиндрическую верхнюю часть и усеченноконический низ (рис. 10: *3–5*). Такая керамика характерна для синхронной тушемлинской культуры, ареал которой – Смоленское Поднепровье и Полоцко-Витебское Подвинье – вплотную примыкает к территории культуры псковских курганов. В культуре псковских длинных курганов она встречена преимущественно в южных частях ее территории, соседящих с тушемлинским ареалом. В курганах, раскопанных в Атоках (северная часть Полоцкого Подвинья) и Дорохах (верхняя Ловать), горшки тушемлинского облика служили погребальными урнами. В бассейне верхнего течения Ловати находится и селище Жабино, где встречены такие же сосуды. Вместе с тем, горшки, сопоставимые с тушемлинскими, изредка встречаются и в более северных районах области культуры псковских длинных курганов, в частности, сосуды тюльпановидной формы обнаружены на Псковском городище (*Белецкий*, 1980. С. 11, рис. 3).

В керамической коллекции рассматриваемой культуры имеются еще горшкообразные сосуды с выпуклым налепным валиком. Горшок с валиком из поселения Жабино слабопрофилированный, сопоставимый с характерными сосудами культуры псковских длинных курганов (рис. 10: *8*). Горшки с валиком встречены также в длинных курганах могильников Грядище, Жеребятино (рис. 10: *7*) и Безьва, расположенных к востоку от Псковского озера, в Лоози к юго-западу от этого озера, Субовщина в Полоцком Подвинье, Дорохи на озере Сенница (рис. 10: *6*). Фрагментарно такая посуда представлена на поселении рассматриваемой культуры на берегу озера Узмень. За пределами ареала псковских длинных курганов керамика с налепным валиком изредка встречается в колочинских и корчакских древностях (*Русанова*, 1973. Табл. 27: *1–9*).

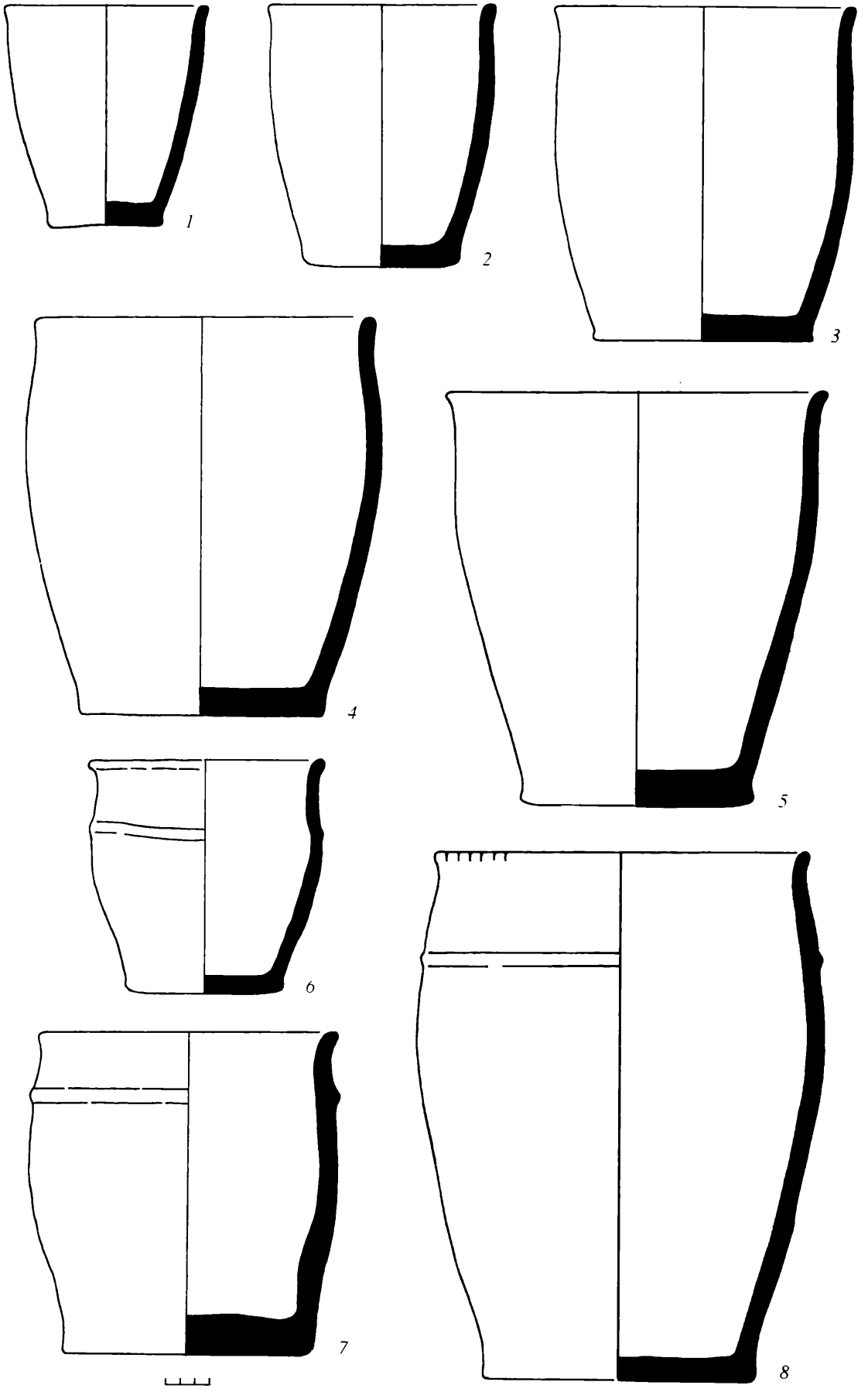

Рис. 10. Керамика культуры псковских длинных курганов
1 – Повалишино; *2* – Полибино; *3, 6* – Дорохи; *4* – Атоки; *5, 8* – Жабино; *7* – Жеребятино (рис. Н.В. Лопатина)

Изложенная археологическая ситуация на северо-западе Русской равнины имеет существенное значение для понимания условий возникновения и развития начального Изборска. Уже в середине I тыс. н.э. в регионе, примыкающем к юго-западному и южному побережью Псковского озера, который как было уже замечено, отличается большой концентрацией памятников с длинными курганами, возникают два городища – Псковское, на мысу при впадении р. Псковы в р. Великую, и Изборское, при впадении ныне безымянного ручья в Изборское озеро (ныне именуемое Городищенским), связанное системой вод с Балтийским морем.

Находки вещей среднеевропейских типов в Изборске (об этом подробнее сказано ниже) и Пскове (*Седов*, 2003б) позволяют полагать, что оба поселения были основаны среднеевропейскими переселенцами. В других регионах ареала культуры псковских длинных курганов подобных укрепленных поселений не появилось. Можно догадываться, что и Изборское, и Псковское городища с самого начала стали какими-то административными (племенными) центрами кривичских группировок.

Результаты раскопок Псковского городища неоднократно публиковались (*Тараканова*, 1949; 1950; *Белецкий*, 1978. С. 57–63; 1980. С. 3–18; 1981. С. 40–62; 1983. С. 46–80; 1996. С. 54–70; *Седов*, 1998. С. 42–48; 2003б; *Sedov*, 1996, S. 61–66).

Настоящее исследование посвящено итогам раскопок Изборского городища, т.е. истории и культуре Изборска до переноса его центра на Жеравью гору.

Изборск принадлежит к числу древнейших городов Руси. Впервые он назван в русских летописях вместе с Ладогой, Муромом, Полоцком и Ростовом под 862 годом. Кроме того, к "древнейшим временам" летописи относят только Киев, Новгород, Смоленск и Белоозеро. Летописный рассказ об Изборске связан с легендой о призвании из-за моря конфедерацией трех племен – словен (ильменских), кривичей и мери (в Новгородской первой летописи, более архаичной, по А.А. Шахматову; веси – в Повести временных лет), в которой возникли внутренние раздоры, на княжение варягов из-за моря. В Новгород прибыли три брата с родней своей и дружиной: "...старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другий Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Труворъ", – сообщает летописец (ПВЛ, 1950. С. 18). Таким образом, начальная история Изборска в летописях связывается со становлением государственности на Руси. Впрочем, первые русские летописи писались поздно – не менее, чем через 150 лет после событий 60-х годов IX в. и определить, что на их первых страницах отражено реально, а что основано на преданиях, не всегда достоверных, часто невозможно. Во всяком случае сведения о трех варяжских князьях-братьях и княжении Трувора в Изборске являются легендарными. Об этом подробнее говорилось выше, в разделе, специально посвященном летописной истории Изборска.

Далее Изборск упоминается в летописях только в 30-х годах XIII в., когда немцы, завоевав территорию Юго-Восточной Прибалтики, заселенную финноязычными и балтскими племенами, создали здесь мощное военно-государственное образование – Ливонский орден, который занял враждебную позицию в отношении своих восточных соседей – Северо-Западной Руси. Изборск первым вставал на пути крестоносцев. В XIII в. Изборск дважды испытал мощный натиск ливонского войска, и в 1303 г. город был перенесен на новое место – на Жеравью гору, где псковичи и изборяне выстроили в 1330 г. мощную каменную крепость, сохранившуюся до наших дней. Псковский летописец отметил это событие следующей записью: "Селога посадникъ съ псковичи и съ изборяны поставише город Изборескъ на горе на Жеравии; того же лета и стеноу каменоу с плитою оучиниша, и ровы изриша под городомъ при княжении Александрове..." (ПЛ-2, 1955. С. 92). Площадь укрепленной части города возрастает с 1 до 2,4 га. С этого времени Изборск становится пригородом Пскова – мощным военно-оборонительным форпостом Северо-Западной Руси на ее рубежах с Ливонским орденом. Во второй половине XIV–XVI в. Изборск уже нередко упоминается и в русских летописях (*Болховитинов*, 1830. С. 140–144; *Окулич-Казарин*, 1916. С. 11–22), и в рифмованной ливонской хронике (LR; 1998: 2091, 2122, 2152, 7707), в основном в связи с военными событиями. Ценные описания Изборска содержатся еще в писцовых и сметных книгах, актах и иных росписях, относящихся уже к последним десятилетиям XVI–XVII вв. (МАМЮ, 1913. Кн. 18. С. 295–302; 411–422; *Артемьев*, 1998. С. 290–310).

Настоящее исследование посвящено древнейшей истории Изборска – до перемещения его в 1330 г. на Жеравью гору. Остатками Изборска этого времени является городище, которое было объектом многолетних археологических раскопок, произведенных под руководством автора.

Археологические памятники Изборска

В настоящее время село Изборск (Старый Изборск), где в древности находился древнерусский город, расположено в 30 км к западу от Пскова, на шоссе Псков–Рига.

Древнейшим памятником археологии его является Изборское городище (рис. 11, 12; I), называемое иногда также Труворовым. В микротопонимии Изборска и его округи, которая изучалась отдельным отрядом Изборской экспедиции под руковод-

Рис. 11. Вид городища со стороны Словенского поля (с северо-запада). Видна траншея в мысовой части. Фото Б.Н. Харлашова, 1983 г.

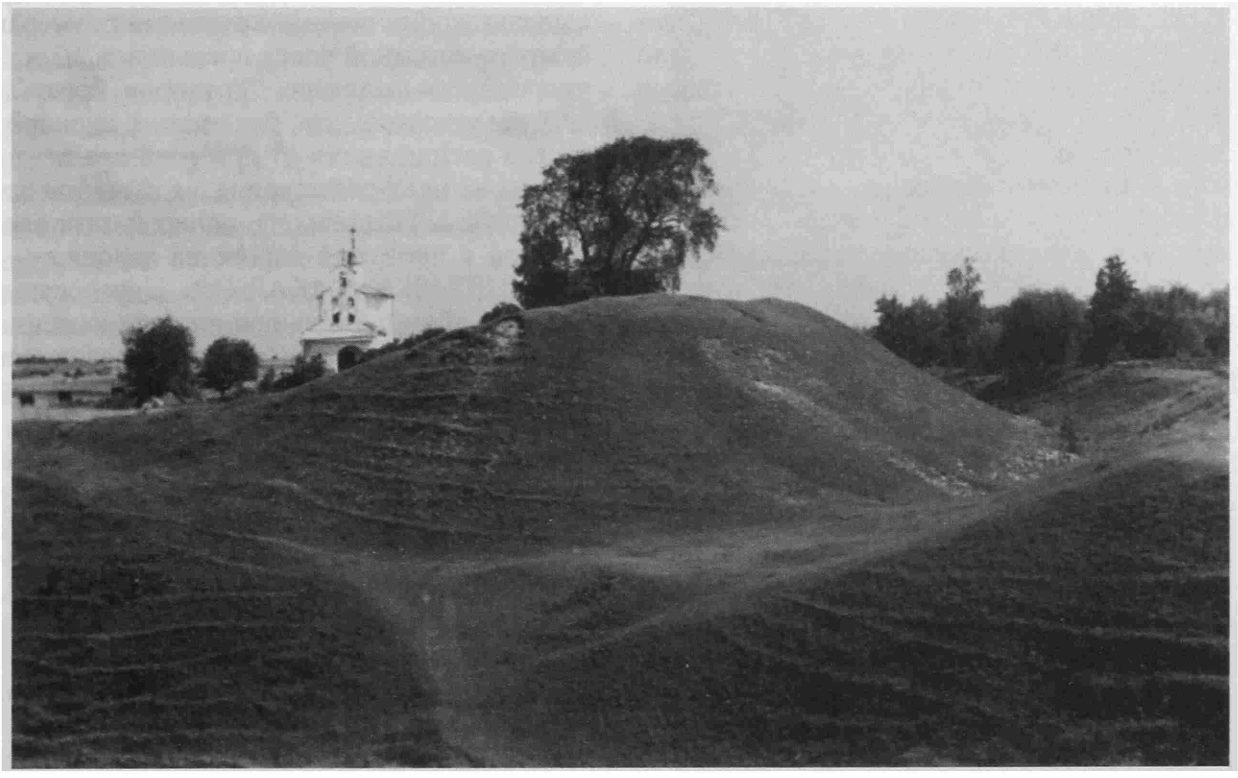

Рис. 12. Вид на вал городища и Никольскую церковь с запада (с открытки 1930-х годов)

ством известного топонимиста Р.А. Агеевой, каких-либо следов, которые бы прямо или косвенно свидетельствовали о пребывании здесь Трувора, выявить не удалось. Не зафиксировалось оно и в местных народных преданиях. Название Труворово городище, по всей вероятности, восходит ко времени царствования Екатерины Второй. Интересуясь русской историей, императрица глубоко верила, что легендарный Трувор действительно жил, княжил и умер в Изборске. В "Записках касательно Российской истории" Екатерина Вторая писала, что будто бы курганы с могилами Синеуса и Трувора сохранились до сих пор. В 1780 г. императрица распорядилась изготовить серию исторических медалей. Среди них была отчеканена памятная медаль в честь Трувора (рис. 13; цветн. вклейка, рис. 6). На ее лицевой стороне помещено вымышленное портретное изображение Рюрика, на оборотной – большой Труворов курган в Изборске и надписи: "Доднесь памятенъ" (вверху) и "Труворъ скончался въ Изборске в 864 г." (внизу) (*Смирнов*, 1908. С. 28; *Щукина*, 1962. С. 81–85). Это же нашло отражение в сочинениях ряда историков того времени, которые писали и о большом кургане, насыпанном над могилой Трувора, и о больших "каменных досках с изображениями", будто бы имеющимися близ каменной крепости в Изборске.

Однако уже митрополит Евгений (Болховитинов), посетивший Изборск в 1818 г., отмечал, что "...в Изборске нет ни кургана, именуемого Труворовой могилою, ни больших каменных досок будто бы с помянутыми изображениями" (*Болховитинов*, 1830. С. 136). Ничего подобного не было зафиксировано и последующими исследованиями Изборска.

Изборское городище (рис. I) устроено на высоком мысе с крутыми склонами при впадении ныне безымянного ручья в проточное озеро, в настоящее время именуемое Городищенским, связанное системой вод с Балтийским морем. Площадка городища имеет подтреугольные очертания размерами около 1 га. С напольной (южной) стороны в дошедшем до нас виде она защищена валом высотой до 6 м и рвом глубиной около 3 м. Возвышается городище над уровнем воды в озере на 44–45 м. С западной стороны оно ограничено глубоким оврагом (до 40–43 м). По оврагу протекает пересыхающий в жаркое время ручей. На север от городища живописно простирается Изборско-Мальская долина (см. цветн. вклейку, рис. 1), по которой протекает р. Сходница, соединяющая Городищенское озеро с Мальским. Из последнего вытекает р. Обдех, впадающая в Псковское озеро. Городищенское озеро питается водами р. Смолки и многочисленными ключами, издавна называемыми Славенскими.

В юго-восточной части городища стоит небольшая каменная Никольская церковь (рис. 14), построенная в XVI в., когда здесь в течение полутора столетий функционировал небольшой Николо-Городищенский мужской монастырь. Остатки его каменных келий были изучены при раскопках. Первоначальной частью Никольской церкви является бесстолпный одноапсидный четверик, перекрытый сомкнутым сводом. Трапезная, примыкающая к церкви, и звонница – результат перестроек XVII–XVIII вв. Расположение Никольской церкви внутри городища при въезде наводит на мысль о том, что она поставлена на месте древнего храма, игравшего в жизни Изборска в древнерусский период такую же роль, как и Никольский собор в истории Изборской крепости XIV–XVI вв.

Перед въездом на городище на краю ныне функционирующего кладбища, начало которого восходит к XIV в., стоит каменный крест (рис. 15), выделяющийся своими крупными размерами (высота его наземной части превышает 2,2 м). За ним укоренилось название "Труворов крест". Форма его своеобразна: два боковых и верхний концы слегка расширяются от центра к краям, а нижняя часть не имеет расширения, ее стороны почти параллельны. Надпись на лицевой стороне, обращенной к проезжей дороге на городище, – "ЧРЬ СЛА ИСЪ ХЪ НИКА" (т.е. Царь славы Иисус Христос Ника) – традиционна для каменных крестов Русского Северо-Запада. В средокрестии высечен восьмиконечный крест на подножии. По па-

69. ВЪ ПАМЯТЬ СМЕРТИ ТРУВОРА ВЪ ИЗБОРСКѢ.

Лиц. ст. см. № 63.

Об. ст. Высокій могильный курганъ, на второмъ планѣ городъ Изборскъ; предъ курганомъ пѣшеходный мостикъ и лежащія въ безпорядкѣ бревна.—Надп. по верху: **ДО ДНЕСЬ ПАМЯТЕНЪ.** Подъ обрѣзомъ: **ТРУВОРЪ СКОНЧАЛСЯ | ВЪ ИЗБОРСКѢ ВЪ | 864 ГОДУ.** | Справа надъ обрѣзомъ: с. в., повыше — 7 . Діам. $3^1/_{16}$".

Рис. 13. Описание медали 1780 г. (*Смирнов*, 1908. С. 28, № 69)

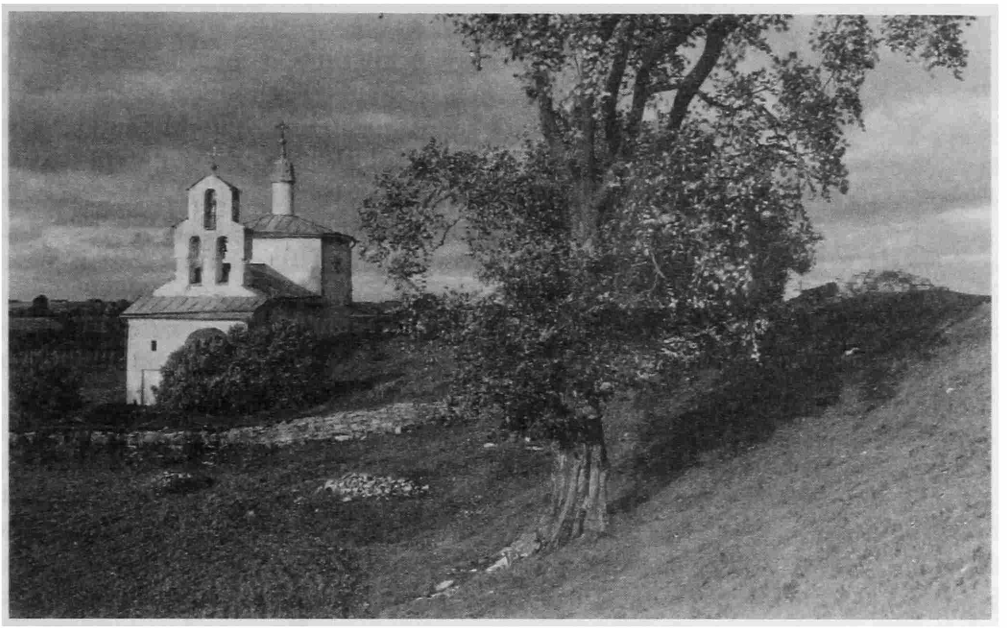

Рис. 14. Вид с запада на Никольскую церковь XVI в. на городище (с эстонской открытки 1939 г. Серия "Kaunis kodumaa". № 149)

леографическим особенностям "Труворов крест" должен быть датирован концом XIV–XV в. Буква И имеет сверху, в середине и внизу поперечные палочки, что, согласно И.А. Шляпкину, является ранним признаком (до XV в.). Правда, перекладина в букве Н в слове "НИКА" уже занимает срединное положение, что становится характерным с XV в., но она еще не горизонтальна (*Шляпкин*, 1913. С. 55, 57). В пользу датировки креста концом XIV–XV в. говорит и рисунок восьмиконечного креста в средокрестии. Достаточно очевидно, что рассматриваемый крест не имеет ни малейшего отношения к легендарному Трувору.

В Новгородской и Псковской землях известно большое количество каменных крестов. Небольшие исследования им посвятили еще в начале XX в. археолог А.А. Спицын (1903а. С. 201–234) и палеограф И.А. Шляпкин (1906). Обзор каменных крестов Изборского края сделан мною (*Седов*, 1976б. С. 102–107; 1982. С. 182–183), позднее каменные кресты Псковской земли рассматривались А.Р. Артемьевым (1988. С. 107–118; 1998. С. 88–89; 1999. С. 144–148) и Л.Е. Грушиной (1988. С. 75–77).

Большую часть новгородско-псковских каменных крестов составляют намогильные, сравнительно небольших размеров (высотой до 1 м). Они ставились на отдельных могилах жальничных некрополей или обычных кладбищ, по всей вероятности начиная с XII–XIII вв., но широкое распространение их приходится на XIV–XVI столетия. Некоторые из них имеют специальную четырехгранную ножку для установки в отверстии на большой могильной плите. Множество намогильных крестов зафиксировано в Изборске и его округе, в том числе три таких креста еще совсем недавно стояли на кладбище у городища.

Немало надмогильных крестов не имеет каких-либо надписей, на многих же высечены восьмиконечные кресты на Голгофе в средокрестии и на лопастях традиционные монограммы "Царь Славы Иисус Христос Ника" под титлами. Таковы, в частности, кресты, стоявшие на

Рис. 15. Труворов крест. Фото В.В. Седова, 1970-е годы

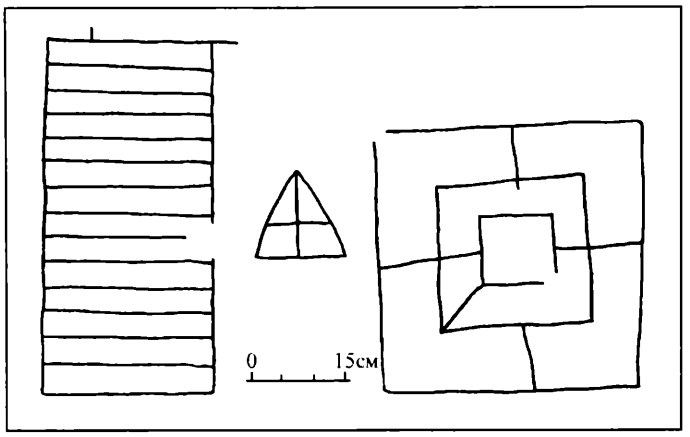

Рис. 16. Каменная плита с геометрическими фигурами. Обмеры В.В. Косточкина (*Косточкин*, 1962)

Изборском кладбище (*Артемьев*, 1998. С. 88, табл. 41: *1, 2*).

Единичные кресты имеют надписи с именами погребенных. К таковым принадлежит крест, ныне находящийся в деревянной часовне Флора и Лавра на Печорской улице Изборска. Помимо обычных монограмм на нем высечено: "Ле(та) 7000 м(и)ро(м) поставлен кр(ес)т на рабе б(о)жии на Степане". Очевидно, этот крест был установлен городским миром-общиной в 1492 г. на могиле изборянина Степана, имевшего какие-то особые заслуги перед городской общиной Изборска. По преданию, часовня Флора и Лавра поставлена на том месте, откуда ливонцы в 1480 г. в течение двух дней впервые, но безуспешно обстреливали Изборскую крепость из пушек. В псковских летописях это событие подробно описано: "...приидоша местер с Немцы и со всею землей ко Изборскоу городкоу ратью, в велице силе, со многим замышлением своим, хоупучися безбожнии Ньмцы на дом святого отца Николы, хотяще взяти его пушками, бьючи в городок и примыть приметахоу къ стены со огнем; и много безоумнии троужалися, не могоша ничто же зла сотворити, богъ бо храняше городок и люди от Немец и поидоша ото Изборска ко Псковоу, а стояли Ньмцы под Изборском 2 дни" (ПЛ-1, 1941. С. 78; ПЛ-2, 1955. С. 60, 221). Скорее всего, Степан был одним из защитников Изборска, отличившимся в обороне города-крепости от ливонских немцев (*Седов*, 1976б. С. 103–105).

Другую группу каменных крестов составляют поклонные, которые ставились на водных и сухопутных путях, и храмовые, вкладные, вставляемые в стены христианских церквей XIV–XVIII вв. В Изборске вкладные кресты имеются в стенах упоминаемой выше Никольской церкви на городище и Рождественской церкви XVII в. Все они имеют высеченные традиционные монограммы и кресты в средокрестии (*Артемьев*, 1999. С. 145, рис. 1: *2*). Большой придорожный крест до недавнего времени стоял на старой Псковской дороге (Псков–Изборск–Рига) в 2 км от Изборска, близ д. Васцы (ныне находится в часовне, построенной на том же месте). Другой придорожный каменный крест меньших размеров стоит на пути из Изборска в Мальский монастырь, у края крутого склона всхолмления, где начинается спуск к монастырю.

Более редкими в Новгородско-Псковской земле являются памятные каменные кресты, которые ставились на местах каких-либо важных исторических событий. К таковым принадлежит и "Труворов крест" в Изборске. Поставлен он был, как можно полагать, изборянами при въезде на старое, заброшенное городище уже в то время, когда ядром города стала крепость на Жеравьей горе. Можно догадываться, что для изборян XV–XVI вв. это был памятник ранней истории Изборска, напоминание о первоначальном местоположении древнего города.

Еще один памятный крест из камня установлен у подножья Жеравьей горы близ башни Луковки в память об участниках обороны Изборской крепости в 1657 г.

Близ Изборска, в Блиновой роще при старой Псковской дороге известна древняя "мастерская" по изготовлению каменных крестов. Здесь зафиксированы были полуфабрикаты и фрагменты бракованных крестов из местного плитнякового камня.

Рядом с "Труворовым крестом" лежит большая каменная плита с процарапанными геометрическими фигурами (рис. 16). Среди последних наибольший интерес представляет правильный квадрат с двумя меньшими по величине, вписанными в него. Стороны квадратов соединены между собой четырьмя черточками. Опубликовавший эту каменную плиту А.А. Спицын отметил, что изображение на ней, как и на межевом камне близ Бежецка, по общему начертанию чрезвычайно напоминает фигуру для игры "в мельницу" (*Спицын*, 1903. С. 226, рис. 381). Ныне, когда собраны значительные данные по изображениям на досках, каменных и керамических плитах, кирпичах и черепице, предназначенным для этой игры (*Корзухина*, 1963. С. 98; *Полякова, Фехнер*, 1973. С. 441–443), достаточно очевидно, что изборская плита также служила оригинальной "доской" для игры "в мельницу", весьма распространенной в европейском средневековье. Кроме того, на изборской плите высечены фигура в виде лестницы и небольшой треугольник, разделенный крестообразно. Смысл этих рисунков выяснить пока не удается. К какому времени относится эта плита определенно сказать невозможно. Лежит она непосредственно у въезда на городище, около реконструируемого в результате раскопок деревянного моста, перекинутого через ров. Латышские археологи, посетившие раскопки на Изборском городище, высказали догадку, что "игрой в мельницу" увлекалась стража, охранявшая мост и въезд в город-крепость. И, по всей вероятности, это действительно так.

Около "Труворова креста" имеются еще две плиты, служившие основаниями для надмогильных каменных крестов, по всей вероятности, относящиеся к кладбищенским погребениям.

Посадские поселения Изборска датируются начиная с XI в. (не исключено – с X в.). Археологически они выявлены в нескольких местах (рис. II). Одно из таковых располагалось к югу от городища, непосредственно за его валом и рвом. Здесь прослеживается культурный слой черно-серого цвета на площади около 310 × 130 м. На пашне и огородах встречаются многочисленные фрагменты гончарной керамики XI–XIII вв. (*Харлашов*, 1992. С. 143–144). По всей вероятности, частью того же большого посадского поселения была застройка, археологически зафиксированная западнее, за оврагом, на южной окраине Словенского поля (*Сергеева Л.Е.*, 1979). Здесь пятно менее выраженного темно-серого слоя с древнерусской гончарной керамикой отмечено на площади около 210 × 170 м.

Другое посадское поселение Изборска XI–XIII вв. концентрировалось около истока небольшого ручья, впадающего с запада в Городищенское озеро, там, где ныне находится небольшой водоем, называемый старожилами Пральней. Жизнь на этом участке продолжалась и в XIV–XVII вв., что несколько затрудняет определение границ расселения изборян в рассматриваемое время (*Харлашов*, 1992. С. 144). Не исключено, что этот участок посада в юго-восточном направлении в XI–XIII вв. достигал Жеравьей горы, где была обнаружена глиняная миска XI в. (*Белецкий*, 1976. С. 106–108). К концу XIII в. посадские дома уже полностью занимали Жеравью гору (*Артемьев*, 1985).

Еще один участок Изборского посада выявлен археологами на юго-восточном берегу Городищенского озера, близ того места, где в него впадает р. Смолка (первоначально названо селищем Усть-Смолка). По распространению керамического материала XI–XIII вв. размеры этого селения определены в 200 × 120–150 м, мощность культурного слоя 35–80 м. При шурфовке 1976 г. зафиксированы остатки печей-каменок, среди находок имеются шиферные пряслица и фрагмент писанки (*Седов и др.*, 1977. С. 34; *Сергеева Л.Е.*, 1979. С. 39). При разведывательном обследовании в 1998 г. на поселении кроме фрагментов древнерусской керамики найдены обломок железной подковообразной застежки со спиральными концами, свинцовый грузик и железные ножи (*Королев, Харлашов, Воронкова*, 2000. С. 32–33). В 2000 г. при рытье погреба здесь была обнаружена не только древнерусская гончарная керамика, но и лепная, в том числе напоминающая посуду культуры псковских длинных курганов. В 1999–2001 гг. памятник обследовался Н.В. Лопатиным (*Лопатин*, 2001. С. 27; 2002. С. 49–50). В результате анализа подъемного материала исследователем обращено внимание на доминирование форм гончарной керамики XI–XII вв., посуда XIII–XIV вв. сравнительно немногочисленна. Среди лепной керамики встречены как фрагменты посуды VIII–X вв., так и фрагменты сосудов культуры псковских длинных курганов. Скорее всего, первоначально этот памятник был самостоятельным аграрным поселением и только с XI в. стал посадом Изборска.

Общая площадь застройки Изборска с посадами в XI–XIII вв. составляла не менее 100 га.

В заметно худшем состоянии дошли до нас погребальные памятники Изборска V–XIII вв. Обширнейший курганный могильник находился северо-западнее городища, за оврагом, в местности, именуемой Словенским полем (несколько севернее упомянутого выше посадского поселения) (рис. III). По-видимому, это было основное и наиболее древнее кладбище жителей Изборска. К сожалению, первоначальное число курганных насыпей определить невозможно. В результате многовековой распашки большинство их было уничтожено уже к началу XX в. (*Ушаков*, 1897. С. 9; *Окулич-Казарин*, 1914. С. 234–235; *Седов*, 1988б. С. 92–94). При пахоте на территории могильника неоднократно обнаруживались скелеты погребенных с разнообразными вещами. Исследователями XIX в. были раскопаны лишь единичные курганы, но подробная информация о результатах их отсутствует. Несколько насыпей были срыты в 20–30-х годах XX в. жителями хуторов, располагавшихся на Словенском поле. В Печорском музее хранится небольшое количество вещевых находок из курганов, переданных хуторянами, в частности изборянином И.А. Лукашевым. Среди них наибольший интерес представляют семилучевые височные кольца раннего типа, свидетельствующие о том, что население Изборска, как и многих других древнерусских городов, формировалось на разноплеменной основе. К 70-м годам XX в. от характеризуемого Изборского могильника осталось два кургана, склоны которых завалены собранными с пашни камнями. Кроме того, поблизости, в сильно заросших кустах имеются остатки нескольких "плохо читаемых жальничных могил" (*Сергеева Л.Е.*, 1979. С. 33). Судя по материалам аэросъемки, могильник на Словенском поле насчитывал несколько сотен курганных насыпей. В 1998 г. при обследовании поля, где располагался этот могильник, найдены бронзовая головка крестовидной булавки, фрагмент от ножен ножа, зооморфное навершие (*Королев, Харлашов, Воронкова*, 2000. С. 32–33).

Второй курганный могильник, синхронный жизни на городище, находится на восточной окраине современного Изборска, на возвышенном правом берегу р. Смолки недалеко от ее впадения в Городищенское озеро. Судя по описаниям 1840 г. известного исследователя прибалтийских древностей Ф. Кру-

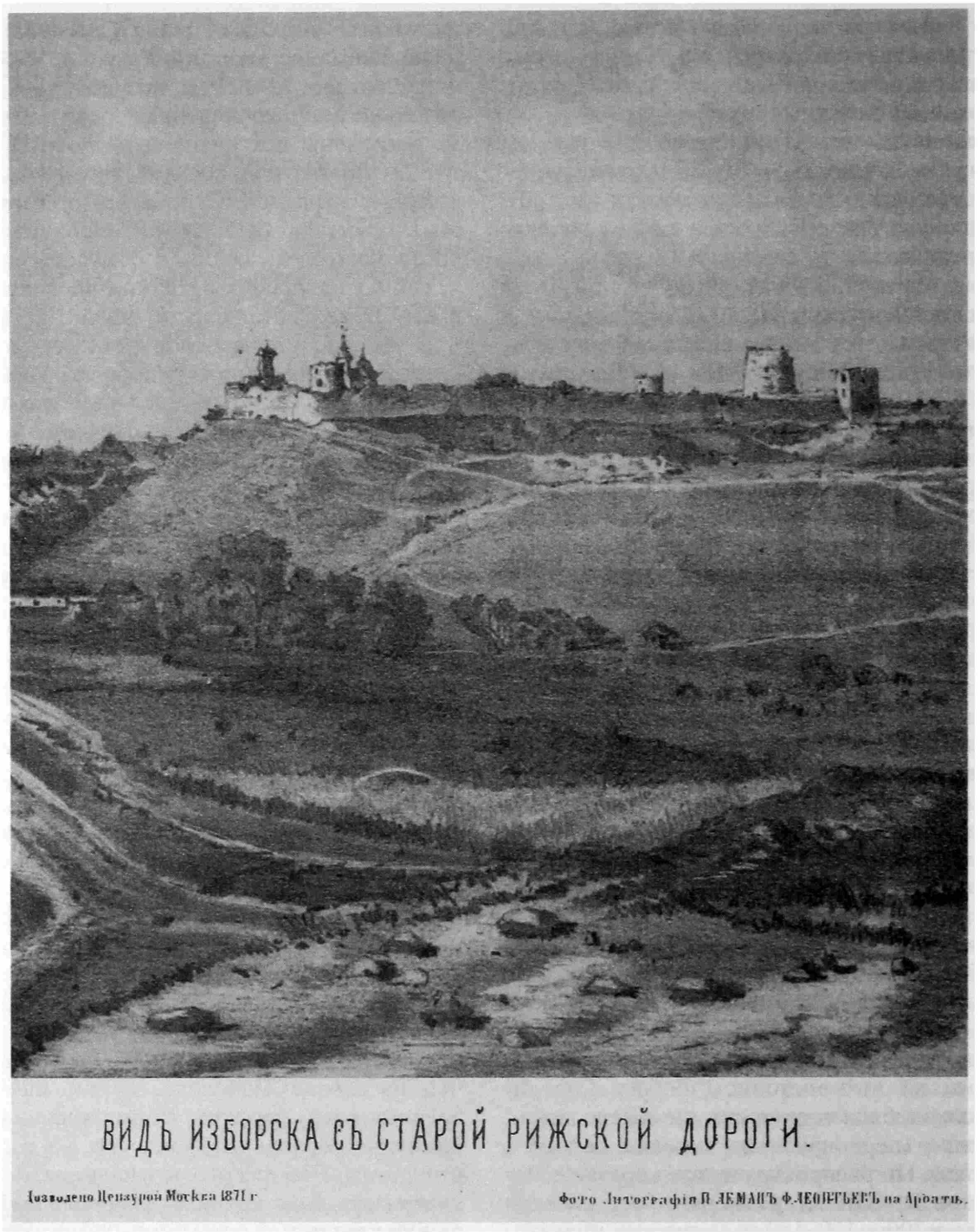

Рис. 17. Вид Изборской крепости со старой Рижской дороги. Из собрания рисунков Н.А. Мартынова (*Погодин*, 1871. Л. 128)

зе, он занимал площадь около 400 × 115 м и состоял из очень большого числа курганных насыпей, часть которых в основаниях была обложена камнями. Тогда же Ф. Крузе произвел раскопки нескольких курганов, о чем ниже будет сказано подробнее.

Несколько курганов этого могильника сохранилось до наших дней (рис. IV), и один из них раскопан был в 1999 г. Н.В. Лопатиным. Достаточно очевидно, что этот некрополь (Усть-Смолка) использовался прежде всего жителями изборского посада, расположенного по соседству, на юго-восточном берегу Городищенского озера.

Третий могильник, оставленный жителями Изборска, проблематично локализуется в 0,5 км западнее современного села, по левую сторону старой дороги на Печоры и далее в Нейгаузен. Он – бескурганный и занимал природное всхолмление, ныне с многочисленными камнями и кустарником. При земляных работах в начале XIX в. здесь были открыты скелетные захоронения с вещами, которые были изданы Е. Болховитиновым как "медные вещи, найденные в чудских могилах близ Изборска".

На юго-западной окраине села до недавнего времени имелся культовый камень – крупный ро-

зовато-серый гранитный валун, на поверхности которого сделано два небольших конусообразных углубления. Старожилы Изборска называли его "Священным камнем": вплоть до 30-х годов XX в. женщины приносили к нему шерсть, полотенца и другие вещи (*Сергеева Л.Е.*, 1979. С. 39). Подобные культовые камни широко известны в северо-западной части Восточно-Европейской равнины и на территории Белоруссии. Анализ ритуалов, совершаемых около таких камней, и поверий, с ними связанных, дает основание говорить о связи этих камней с культом славянского языческого бога Велеса/Волоса (*Седов*, 1996. С. 33–43).

В Изборске и его ближайшей округе имеются и другие памятники археологии и архитектуры, но они не связаны с историей города рассматриваемого периода, они принадлежат ко второму этапу его жизни, когда ядром Изборска стала крепость на Жеравьей горе (рис. 17).

Археологическое изучение Изборска

В ходе обследования древностей Северо-Западного края в 20-х годах XIX в. село Старый Изборск посетил один из первых русских археологов-славистов Зориан Ходаковский. Изборское городище, однако, не привлекло его внимания. За городище древнего Изборска им было ошибочно принято ярко выделяющееся со стороны села природное всхолмление на противоположном, восточном берегу р. Сходницы, близ д. Васцы (*Ходаковский*, 1838. С. 519). В процессе работ Изборской экспедиции оно было обследовано. Никаких следов культурных напластований здесь нет, всхолмление не имеет даже площадки, на которой могло бы разместиться поселение.

Археологическое же изучение Изборска началось не с городища, а небольшими раскопками могильных древностей. В 1818 г. с познавательными целями Изборск посетил известный историк того времени – киевский митрополит Евгений Болховитинов, оставивший первое описание изборских древностей (*Болховитинов*, 1825. С. 189–250; 1830. С. 135–140) (рис. 18). В частности, им было кратко охарактеризовано Изборское городище как возможный "замок Трувора с дружиной". Вместе с тем, исследователь категорически утверждал, что в Изборске нет кургана, именуемого Труворовой могилой, о котором писали Екатерина Вторая и ее последователи. На пахотном поле под Изборском Е. Болховитинов наблюдал за вскрытием сохой множества неглубоких могил с костяками. Несколько погребений, по-видимому, им было расчищено. Это были остатки трупоположений с богатым вещевым инвентарем (металлические налобные венчики, нагрудные привески, браслеты, перстни). Однако Е. Болховитинов интерпретировал эти украшения как чудские, полагая, что "змееобразные венцы на головах" связаны с "суеверным почитанием змей", а у чудских народов змеи издревле считались домашними божествами (*Болховитинов*, 1825. С. 189–250; 1830. С. 137–138; 1868. С. 13).

Сразу следует заметить, что культ змеи получил распространение не среди чудских народов, а был свойственен, прежде всего, литовцам. Последних Е. Болховитинов, впрочем, как и многие авторы того времени, причислял к чудскому этносу. Рисунок некоторых вещей, найденных этим иссследователем, был им опубликован (рис. 19) (недавно переиздан А.А. Формозовым – 1986. С. 46). Среди них нет типично финно-угорских. Пластинчатый браслет с геометрическим орнаментом имеет параллели в древнерусских курганных материалах. Широкие аналогии как в древнерусских, так и в прибалтийских коллекциях находит подковообразная застежка с округлым стержнем и прямоугольниками на концах. Луновидный цепедержатель со срединным отростком находит аналогии в древностях эстов, ливов, латгалов и других племен Юго-Восточной Прибалтики. Топоровидная привеска, состоящая в верхней части из трех слившихся колец, сопоставима с находками из могильников Каберла и Маллавере и с городища Лыхавере в Эстонии, датируемыми XII–XIII вв. По мнению Ю. Селиранда, они связываются к культом скандинавского Тора, а на Руси – с культом Перуна (*Selirand*, 1974. Lk. 153, tab. XXXII: 7). Еще одна находка, изображенная на рисунке вещей из "чудских могил", по-видимому, является небольшой подковообразной фибулой. Достаточно очевидно, что отнесение этих находок к "чудским" было ошибочным. Ныне говорить о существовании под Изборском специального чудского кладбища не приходится.

Е. Болховитинов не очень конкретно определил местность, где при вспашке были открыты древние захоронения. Судя по его схеме, место находок находилось юго-западнее городища. Посетивший Изборск двумя десятилетиями позднее (в 1840 г.) известный исследователь прибалтийских древностей, профессор Дерптского университета Ф. Крузе, отметил, что курганообразное всхолмление высотой 6–8 футов с так называемыми "чудскими могилами" находится слева от дороги из Изборска (приблизительно в 1 версте от него) в Нейгаузен. Местные жители сообщили ему, что холм-курган был раскопан и в нем найдены вещи, которые Е. Болховитинов и представил как "чудские остатки ранее языческого населения" (*Крузе*, 1840. Л. 255; *Kruse*, 1842. Tab. 66).

Тогда же Ф. Крузе произвел раскопки на двух могильниках (*Крузе*, 1840. Л. 254–256; *Kruse*, 1842). Первым объектом исследований стал могильник, расположенный на возвышении правого берега р. Смолки, близ старой дороги в Псков. Раскопано было пять могил под курганами, обложенными камнями, и в жальниках. Открыты скелетные захоронения, некоторые из

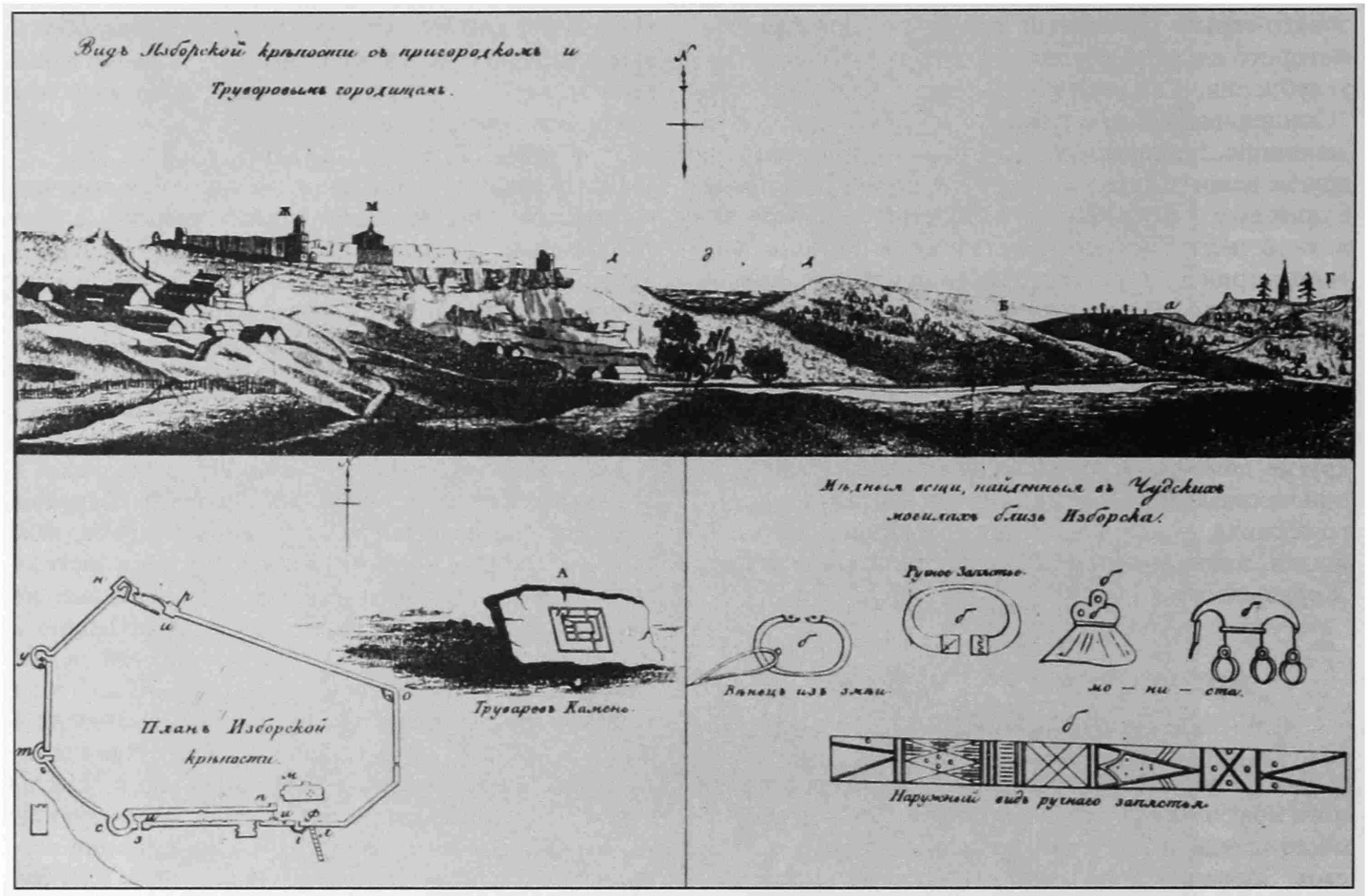

Рис. 18. Древности Изборска. Таблица, приложенная к статье Е.А. Болховитинова 1825 г.: *Евгений, митрополит* (*Болховитинов Е.А.*). Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска // Отечественные записки. СПб., 1825

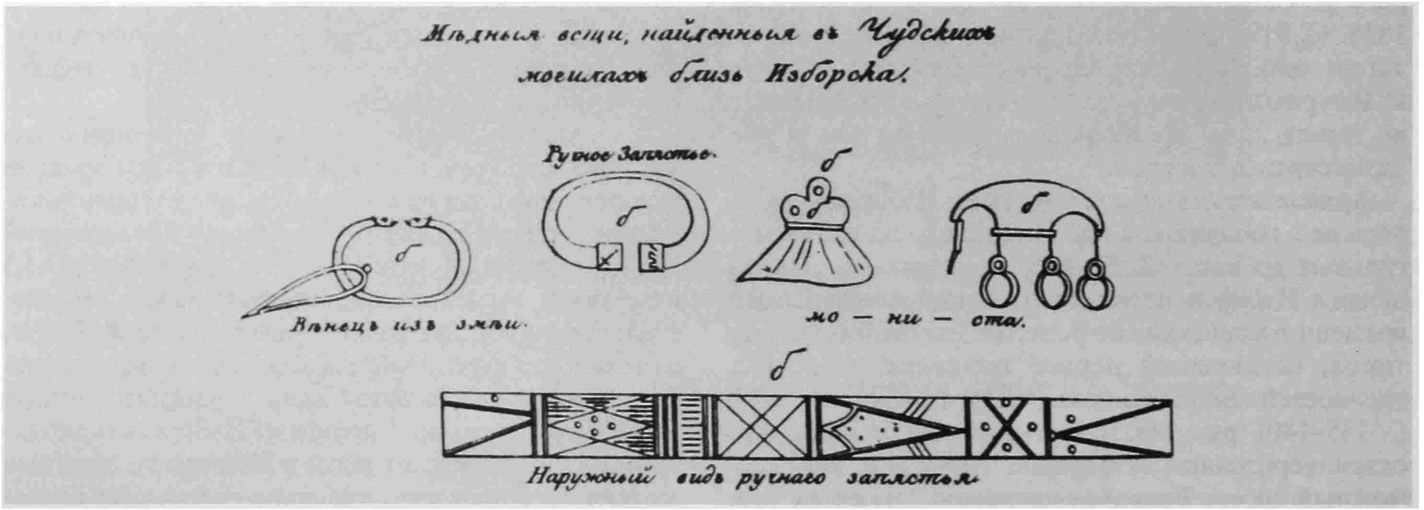

Рис. 19. Вещи из "чудских могил". Из таблицы, приложенной к статье Е.А. Болховитинова 1825 г.: *Евгений, митрополит* (*Болховитинов Е.А.*). Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска // Отечественные записки. СПб., 1825

которых находились в "саркофагах", сложенных насухо из крупных плитняковых камней. При погребенных найдены брозовая пряжка, железные ножи и топор. Другим местом раскопок Ф. Крузе был курган, сложенный из камней, в могильнике, находящемся в 1 версте от Изборска по дороге в Нейгаузен. В кургане кроме углей ничего не обнаружено. Что это за могильник, определенно сказать затруднительно. По всей вероятности, это – курганная группа, ныне известная как могильник у д. Конечки (*Седов*, 1988б. С. 94–97). Вряд ли он был городским некропо-

— 12 —

четвертою стороною къ крутому и глубокому яру, гдѣ и скончался, и тѣло его предано землѣ въ этомъ же городищѣ или укрѣпленномъ станѣ».

Въ настоящее время еще видны рвы и валъ окоповъ (но Труворали?), находящіеся въ $^{3}/_{4}$ версты къ сѣверо-западу отъ каменной Изборской крѣпости, основанной Псковичами на горѣ *Жеравѣ* въ 1330-мъ году. Нынѣ тамъ находится Изборское кладбище, съ каменною, древней архитектуры, церковью во имя святаго Николая, переименованною въ кладбищенскую изъ упраздненнаго древняго монастыря, основаннаго вскорѣ по водвореніи въ Псковскомъ княжествѣ Вѣры Христовой. Планъ и видъ городища показанъ на листѣ II-мъ подъ литерою А.

Изборское Княжество по смерти Трувора было присоединено къ *Рюрикову Новгородскому*. Страна же, гдѣ властвовалъ *Рюрикъ* единодержавно по смерти своихъ братьевъ *Синеуса* и *Трувора*, получила названіе Руси, столицею ея былъ *Новгородъ*.

По смерти Рюрика наслѣдовалъ сынъ его *Игорь*, взявшій себѣ въ супруги Изборской области дѣвицу

— 27 —

Приложеніе I-е
къ главѣ 1-й.

Изъясненіе чертежей

древнихъ пригородовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, снятыхъ съ натуры въ 1857 году,

изображенныхъ на листахъ II, III и IV.

Листъ II-й.

Листъ II-й. А. Планъ и видъ древняго земляного городища Трувора, или урочища: *Княже-кладбище*.

1) Церковь каменная св. Николая Чудотворца, упраздненнаго въ 1585 году бывшаго мужскаго древняго монастыря, нынѣ состоитъ изборскою кладбищенскою.
2) Земляной валъ со рвомъ древняго городища *Трувора*.
3) Домъ для сторожа.
4) Садъ и огородъ.
5) Пашни.
6) Кладбище Изборска.
7) Дорога отъ Изборска.

Б. *Планъ и виды древней Изборской крѣпости*.

1) Соборная древняя каменная церковь во имя св. Николая Чудотворца, съ теплымъ придѣломъ Преобра-

Рис. 20. Описание Изборского городища и экспликация к плану 1857 г. (*Годовиков*, 1880. С. 12, 27)

лем Изборска, скорее, это – одно из сельских кладбищ жителей ближайшей округи города.

В 40–90-х годах XIX в. Изборск неоднократно привлекал внимание псковских краеведов. В местных изданиях ими опубликовано несколько заметок об изборских древностях (*Бутырский*, 1847; *Березин-Ширяев*, 1867. С. 178; *Евлентьев*, 1876. С. 65, 109, 115; 1878. С. 433; *Лазарев*, 1887; *Ушаков*, 1897 и др.). 10 июля 1878 г. в поисках могилы Трувора известный археолог А.С. Уваров в присутствии членов императорской семьи произвел небольшие раскопки около "Труворова креста". Была поднята каменная плита, лежащая перед крестом. Однако никаких находок кроме большого числа человеческих костей, относящихся, очевидно, к кладбищу, основанному здесь в XIV в., не было обнаружено (*Василёв*, 1896. С. 216). По поручению Императорской археологической комиссии И.А. Шляпкин в 1912 г. произвел в этом месте повторные раскопки, которые выявили лишь костные остатки христианских захоронений.

В 80-х годах XIX в. исследователем городищ и древних укреплений Псковской земли И.Ф. Годовиковым был составлен первый план Изборского городища с кратким его описанием (*Годовиков*, 1880) (рис. 20; цветн. вклейка, рис. 7). В начале XX в. Изборском интересовался краевед П.И. Панов, оставивший описания его памятников (1914. С. 295–300, 334–338, 358–362).

В конце XIX в. В.Н. Глазовым в двух км южнее Изборска, у д. Лопотово было раскопано 16 курганов с трупоположениями XI–XII вв. (*Глазов*, 1903. С. 74–76) в ныне несохранившемся могильнике, представляющем несомненный интерес для характеристики культуры и обрядности сельского населения ближайших местностей Изборска.

В 1912 г. небольшие раскопки могильных древностей в Изборске произведены археологом И.К. Линдеманом. Конкретное место и результаты их остаются неизвестными, но нужно полагать, что работы велись на Словенском поле и, скорее всего, связаны были с находкой местными жителями "на крестьянском поле" средневекового меча

(*Крейтон*, 1913. С. 2; *Окулич-Казарин Н.Ф.*, 1914. С. 234–235). К сожалению, в опубликованной информации конкретные данные о месте этой находки отсутствуют. Однако посетивший Изборск в 1924 г. с группой студентов Дерптского (Тартуского) университета шведский археолог Б. Нерман, в то время возглавлявший кафедру археологии этого университета, пишет, что находка происходит из одного из курганов около Изборска (*Nerman*, 1926. С. 45). Если это так, то, следует полагать, что меч был обнаружен среди остатков курганного могильника на Словенском поле. Отнесение А.Н. Кирпичниковым его к Мальскому курганно-жальничному могильнику, расположенному в 4 км от Изборска, не имеет каких-либо оснований.

Изборский меч имеет бронзовое трехчастное навершие, на котором помещено стилизованное изображение усатого мужчины, на перекрестье видны элементы той же маски. Орнамент рукояти – рельефный растительный, на перекрестье распадающийся на несколько завитков. Согласно А.Н. Кирпичникову, меч принадлежит к типу 11А и датируется XII в. (*Кирпичников*, 1966а. С. 54, табл. XXIV: 1).

К 1924 г. относятся первые попытки раскопочных исследований культурных напластований Изборского городища. Согласно Тартускому мирному договору 1919 г. Изборский край оказался в пределах Эстонии. Уже в 1921 г. изборскими древностями заинтересовался известный финский археолог А.М. Тальгрен, возглавлявший до Б. Нермана кафедру археологии Дерптского университета. Под его руководством были произведены небольшие раскопки курганов в ближайшей округе Изборска – в Конечках и Малах (*Tallgren*, 1925. С. 53–55). В 1924 г. Б. Нерман заложил на городище траншею (параллельно валу) длиной 15 м и шириной 1,5 м. Раскопки велись в течение одного дня, удалось снять пахотный слой с верхними потревоженными культурными напластованиями. Были найдены многочисленные фрагменты средневековой гончарной керамики, в том числе с волнистыми узорами, и головка бронзовой крестовидной булавки, которая по эстонским аналогиям датирована была исследователем временем около 1000 г. В публикации материалов раскопок Б. Нерман рассматривал Изборское городище как поселение шведских викингов и предполагал в дальнейшем продолжить полевые исследования. Кроме того, экспедиция Б. Нермана раскопала две жальничные могилы: одну в некрополе, именуемом "Скудельней" и относящемся к позднему времени – XIV–XVII вв., другую – северо-западнее села, на Словенском поле, в той местности, где был найден меч, переданный И.К. Лидеману. В обоих могилах открыты были скелеты, в первом случае найдена русская монета XVIII в., во втором – фрагменты глиняной посуды, идентичной керамике городища. Б. Нерман счел эти раскопки малоперспективными и перенес исследования в Малы, где в большом могильнике под его руководством было раскопано 13 курганов и жальников (*Nerman*, 1926. S. 44–74).

Каких-либо археологических работ на Изборском городище после 1924 г. эстонскими археологами не велось. В 1938 г. после завершения сплошного обследования памятников археологии территории Эстонии, проводившегося при участии Музея человека в Париже (в Изборско-Печорском крае в этих работах участвовал известный русский писатель Л. Зуров), на десяти наиболее значимых были установлены на пьедесталах металлические литые археологические карты (рис. 21). Такая карта (от которой ныне, к сожалению, сохранился только постамент, см. рис. 203) поставлена была и на вершине вала Изборского городища.

После окончания Отечественной войны 1941–1945 гг. древний Изборский край вернулся в состав России. В 1946 г. разведывательный шурф размерами 4 × 2 м у западного края Изборского городища был заложен С.А. Тараканової, с целью "выяснить, древнее ли Пскова старый Изборск". Культурный слой в шурфе имел толщину 65–90 см. В нем найдены фрагмент арабского дирхема, обломок бронзового пластинчатого браслета с узором в косую сетку (XI в.), железные ножи и неопределенные предметы, каменное грузило, точильный брусок, изделие из кости и куски металлических шлаков. Кроме того, вещевые находки были сделаны при зачистке ямы в южной части городищенской площадки. В шурфе и в зачистке встречены фрагменты древнерусской гончарной и лепной славянской керамики. Найденный материал позволил исследователю утверждать, что городище было основано не позднее VIII–IX вв., и Изборск, таким образом, оказывается "значительно моложе Пскова" (*Тараканова*, 1948. С. 89–96).

Следующий шурф размерами 4 × 4 м с разведывательными целями был заложен в 1953 г. Г.П. Гроздиловым в южной части Изборского городища. Культурный слой здесь имел толщину 1 м. Под верхним аморфным слоем обнаружено скопление крупных валунов и плит неправильно-прямоугольных очертаний размерами 3,6 × 2,4 м, интерпретируемое исследователем как остатки какого-то разрушенного сооружения XI–XII вв. Ниже культурный слой продолжался еще на 0,5–0,6 м, а под ним выявлена большая яма в материке. В основании культурных напластований и в яме были обнаружены железные ножи, шило, костяной односторонний гребень, а также собрано много обломков лепной посуды баночной формы или с ребром на плечиках. Г.П. Гроздилов сопоставил эту керамику с раннеславянской из Псковского крома и Старой Ладоги, где аналогичная датируется VII–VIII вв. Исследователь полагал, что жизнь на Изборском городище возникла не позднее VIII в. (*Гроздилов*, 1954. С. 39; 1965. С. 68–71).

Более интересные результаты тогда же были получены Г.П. Гроздиловым при обследовании по-

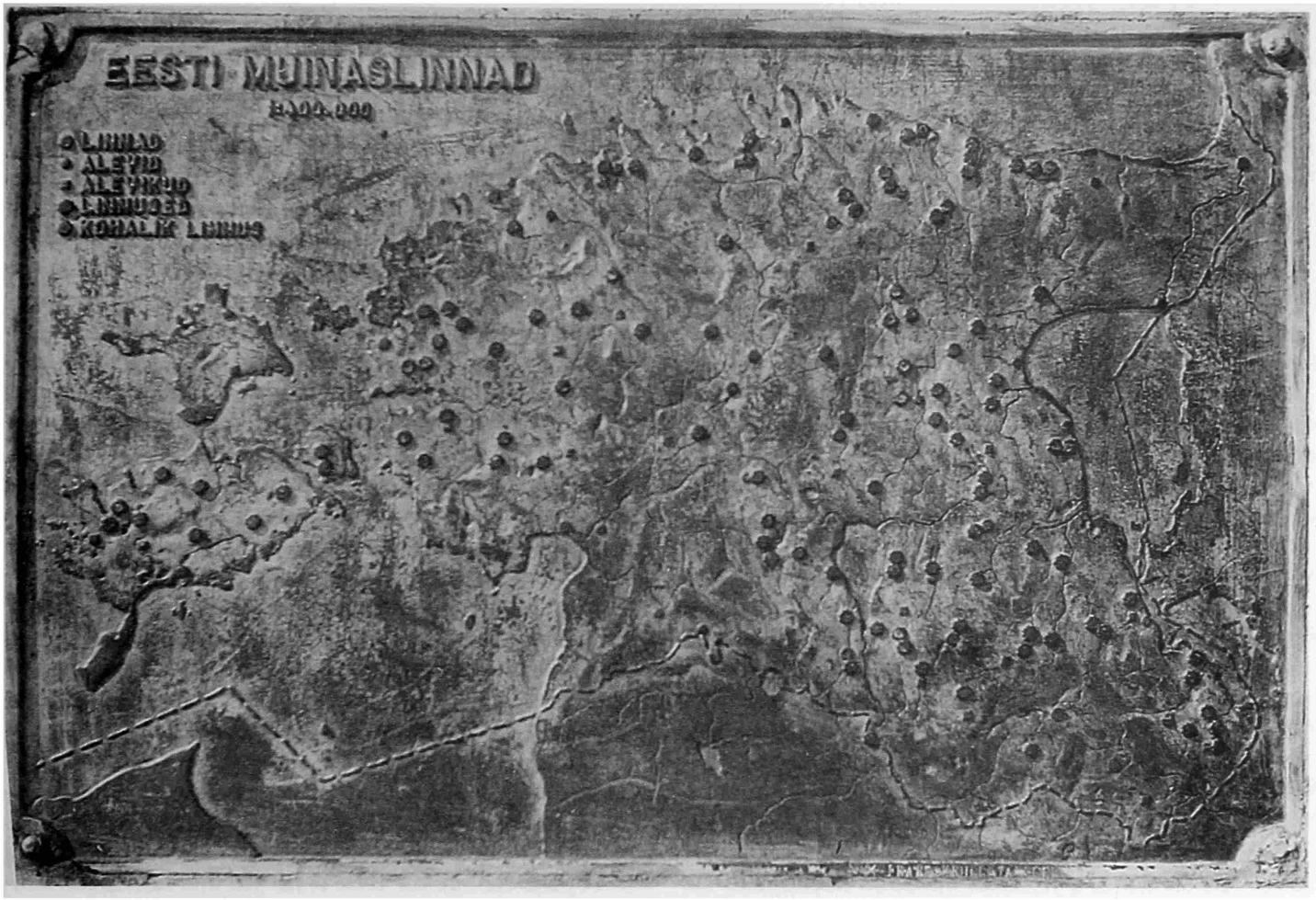

Рис. 21. Металлическая доска с картой археологических памятников Эстонии, установленная на городище "Медвежья голова". Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 22. Вид раскопа 1972 г. с юго-запада. Снят первый пласт. Фото В.В. Седова

садского поселения на южной окраине Словенского поля (*Гроздилов*, 1965. С. 71–72). Разведывательный шурф размерами 4 × 4 м показал, что культурный слой здесь местами достигает 0,7 м, что указывает на долговременность заселения этого участка. Культурный слой содержит большое число фрагментов гончарной посуды, среди которых имеются крупные, принадлежащие горшкам, сплошь от верха до днища украшенных тонкими линиями, иногда в сочетании с волнистыми узорами. Исследователь справедливо подметил, что такая керамика весьма характерна для памятников X–XI вв. Впрочем, немало было встречено и посуды XII–XIII вв. Из находок обнаружен был только каменный жернов.

Недалеко от шурфа, у самого края оврага Г.П. Гроздиловым заложен был небольшой раскоп (28 кв. м). В нем под незначительным культурным слоем (до 0,25 м) выявлена длинная прямоугольная яма, вырубленная в материке (6,3 × 2,3–2,7 м), с многочисленными кусками железного шлака и кричными отходами. В основании ямы залегал пласт мелкого древесного угля толщиной до 0,4 м. Это была железоплавильная яма, в которой производилась первичная обработка железной болотной руды. Шлаки и кричные куски зафиксированы в этом месте по краю оврага на значительной площади. Исследователь полагает, что в XI–XII вв. здесь функционировало несколько подобных железоплавильных объектов (*Гроздилов*, 1965. С. 71–72).

* * *

Систематические раскопки Изборского городища были начаты в 1971 г. экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского государственного историко-художественного и архитектурного музея-заповедника под руководством автора настоящего исследования (рис. 22). Раскопочные изыскания продолжались до 1992 г. (рис. V). Была изучена значительная часть городищенской площадки и сделана траншейная прорезка вала и рва, в юго-западной части памятника изучался древний въезд на городище. Небольшой участок городища, где в период Отечественной войны 1941–1945 гг., немцами совершались захоронения, решено было также исследовать, поскольку оказалось, что могилы рылись в зимнее время, были неглубокими и не затрагивали культурные напластования памятника на всю глубину. Кроме того, нетронутыми оставались участки культурного слоя между могилами. После многолетних раскопок осталась не затронутой исследованиями лишь юго-восточная часть городищенской площадки – участок изборского кладбища, примыкающий к Никольской церкви, где хоронили умерших до недавнего времени.

Параллельно с раскопочными работами на городище Изборская экспедиция вела разведки и рекогносцировочные раскопки как в ближайшей округе этого памятника, так и шире, в пределах всего Изборского края. Часть таких изысканий, в частности раскопки в Изборской крепости XIV–XVI вв., относятся к более позднему периоду истории Изборска и здесь не характеризуются. Из полевых исследований, имеющих непосредственное отношение к истории Изборска в раннем средневековье, следует назвать работы Б.А. Харлашова по динамике развития городского посада, открытие Л.Е. Грушиной (Сергеевой) и Г.А. Харитоновым посадского селения на юго-восточном берегу Городищенского озера близ устья Смолки и дальнейшее его небольшое обследование Н.В. Лопатиным. Древнерусские селища и курганные могильники Изборской округи в широком значении археологически изучались Б.Н. Харлашовым, Л.Е. Грушиной и другими. Под руководством автора произведены раскопки Мальского курганного могильника, расположенного в 4 км западнее Изборска.

В период раскопочных изысканий Изборской экспедиции сформировался большой коллектив исследователей. Считаю необходимым выразить превеликую благодарность прежде всего наиболее активным участникам раскопок в Изборске, плодотворно трудившимся в течение нескольких полевых сезонов и ныне ставшим высокопрофессиональными археологами. Это – уроженец Изборска Александр Рудольфович Артемьев († 2005), который начал работать на раскопках школьником и закончил аспирантом; Сергей Васильевич Белецкий, внесший заметный вклад в научную обработку изборского керамического материала; Петр Григорьевич Гайдуков, в течение нескольких лет бывший заместителем начальника экспедиции; уроженка Изборска Любовь Евгеньевна Грушина (Сергеева), которая участвовала в изборских раскопках начиная с 1971 г. и провела результативные разведывательные изыскания в Изборском регионе; Николай Владимирович Лопатин, которому принадежат раскопки весьма ответственных участков исследуемого памятника, а также скрупулезная обработка керамического материала; уроженец Изборска Борис Николаевич Харлашов, обладающий природным даром наблюдательного и аккуратного полевого исследователя, а также Марэ Пихо (Щербакова), в годы раскопок научный сотрудник Печорского краеведческого музея, ныне сотрудник Эстонского народного музея – известный знаток этнографии сету.

Нельзя не выразить сердечной благодарности научным сотрудникам Института археологии АН СССР (ныне РАН) Е.А. Армарчук, В.Г. Мироновой († 2002), С.Е. Михальченко, Т.В. Сергиной, Н.Н. Фараджевой, А.С. Фролову и Н.В. Хвощинской, в разные годы участовавшим в раскопках Изборской экспедиции и высокопрофессионально выполнявшим дневниковую и графическую документацию; А.А. Егорейченко, В.А. Кананину, Г.А. Массалитиной, И.С. Манюхину, которые в го-

ды полевой работы в Изборске были аспирантами Института археологии АН СССР, а также изборянке С.А. Власовой и сотруднику Гос. исторической библиотеки А.В. Яковлеву.

Ежегодно, начиная с 1971 г., в работах Изборской экспедиции участвовали большие группы студентов Ивановского государственного университета, проходившие на раскопках археологическую практику. Поработав на раскопках в качестве практикантов, многие студенты увлеклись археологическими изысканиями и стали участниками экспедиции в течение нескольких полевых сезонов (до окончания учебы, а иногда и позднее). Они руководили работами на отдельных участках раскопов, вели дневниковые записи, регистрировали находки, заполняли коллекционные описи, обрабатывали керамические материалы и др. С благодарностью называю некоторых из них – О. Воробьеву, Н. Калинину, А. Карасеву, С. Моисеева, Т. Москвину, А. Пряхина, Г. Харитонова.

Нельзя не упомянуть также многолетних участников раскопок Изборского городища – студентку Ленинградского гос. университета Л.П. Смирнову, студентов и выпускников Ярославского гос. педагогического института В.И. Алешкова, В.В. Бабашкина, И.Н. Бабашкину (Субботину), Н. Дроздову, Л.П. Гайдукову (Радуль), студента Псковского гос. педагогического института А.Е. Мануйлова, студента Орловского гос. педагогического института А. Голубева. В работах экспедиции участвовали также группы студентов Псковского, Вологодского и Орловского педагогических институтов, московских и ленинградских вузов, Тольятинского политехнического института, учащиеся Изборской средней школы и московских школ.

На всех стадиях деятельности Изборской экспедиции всяческую поддержку и необходимую помощь она встречала со стороны заведующей Изборским филиалом Псковского музея-заповедника В.Д. Розовой († 1992), а на последней стадии – директора Изборского музея-заповедника, выделившегося из состава Псковского, Л.Н. Панова († 2003). Их вклад в успешную работу экспедиции неоценим.

Информация о раскопках в Изборске регулярно печаталась в ежегоднике "Археологические открытия" (*Седов*, 1972. С. 26–28; 1973. С. 39–40; 1974в. С. 31–32; 1975а. С. 38–39; 1976г. С. 43–44; 1978а. С. 35–36; 1979. С. 37–38; 1980б. С. 31–32; 1981в. С. 31; 1983в. С. 36–37; 1984б. С. 31; 1985в. С. 30–31; 1986б. С. 25–26; 1987б. С. 31; *Седов и др.*, 1977. С. 33–34; *Седов, Гайдуков*, 1979. С. 37–38; *Седов, Артемьев*, 1988. С. 39–40; *Сергеева*, 1979. С. 38–39; *Королев и др.*, 2000. С. 32–33; *Лопатин*, 2001. С. 27) и в периодической печати Пскова и Печор. Результаты полевых исследований обсуждались на научных конференциях и симпозиумах (*Седов*, 1975б. С. 76–77; 1980а. С. 45–46; 1980в. С. 3–4; 1983б. С. 21–23; 1985б. С. 314–316; 1985в. С. 73–75; 1986в. С. 179–180; 1987а. С. 4–6; 1987в. С. 3; *Седов, Артемьев*, 1986. С. 80–81; 1987. С. 105–106; *Седов, Лопатин*, 1989. С. 97–98; *Седов, Сергеева*, 1983. С. 32–34; *Седов и др.*, 1988. С. 152–153; *Сергеева*, 1979. С. 38–39; *Гайдуков*, 1983. С. 28–29; *Лопатин, Яковлев*, 1990. С. 100–101; *Лопатин*, 1992. С. 39–41). Различные темы археологии Изборского городища были освещены во многих статьях, опубликованных в различных изданиях (*Седов*, 1974б. С. 262–264; 1975в. С. 67–74; 1976а. С. 28–30; 1976б. С. 102–107; 1976в. С. 87–95; 1978б. С. 63–67; 1981а. С. 153–157; 1982. С. 56–57, 243; 1983а. С. 43–46; 1983в. С. 51–54; 1984а. С. 116–119; 1985а. С. 119–130; 1986а. С. 10–15; 1987 г. С. 15–17; 1988а. С. 44–65; 1988б. С. 91–106; 1989. С. 41; 1990б. С. 24–26; 1991. С. 321–330; 1993. С. 9–40; 1999а. С. 244–252; 1999б. С. 244–252; 2001. С. 355–361; 2002а. С. 13–26; *Sedov*, 1978. S. 72–74; 1980. P. 81–89; 1998. S. 153–154). Археология начального периода жизни городища отражена в небольшой книге (*Седов*, 2002б).

Предметы вооружения из раскопок Изборского городища изучались А.Р. Артемьевым (1978. С. 57–71; 1982. С. 87–93; 1991. С. 71–72; *Артемьев, Лопатин*, 1994. С. 199–201). Монетные находки исследованы П.Г. Гайдуковым и А.В. Фоминым (1986. С. 101–110). Карпологические материалы Изборского городища были объектом изучения Н.А. Кирьяновой (1981. С. 109–114). Лепная керамика первых лет раскопок этого памятника изучалась С.В. Белецким и была широко использована в его кандидатской диссертации (*Белецкий*, 1979). Биконическим сосудам он посвятил небольшую заметку (*Белецкий*, 1976. С. 327–329). Рыболовный инвентарь и костные остатки рыб изучались Е.В. Салминой (1995. С. 43–46) и стали важными материалами ее диссертационного исследования (*Салмина*, 1997). Н.А. Лобановым на материалах раскопок Изборска и Пскова написана и защищена диссертация по городскому быту Северо-Западной Руси (*Лобанов*, 1989б). Технологические анализы кузнечных изделий из раскопок Изборского городища выполнены Л.С. Розановой (*Хомутова*, 1983. С. 30–31; *Розанова*, 1997. С. 316–325). Предварительный обзор железных орудий земледельческого труда Изборска сделан А.Е. Мануйловым (1983. С. 26–27). Браслеты Изборского городища были темой студенческой работы в Ивановском гос. педагогическом университете Т. Москвиной (*Москвина*, 1980. С. 18–19), а косторезное ремесло изучала студентка Ленинградского гос. университета Л.П. Смирнова (1980. С. 18).

Лепной керамикой из нижних горизонтов культурного слоя в последние годы плодотворно занимается Н.В. Лопатин*.

---

* *Лопатин Н.В.* О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Материалы II научно-практической конф. "Изборск и его округа" (2005 г.). Изборск, 2006. – *Примеч. ред.*

Им же опубликованы материалы изучения посада и кургана в устье Смолки (*Лопатин*, 2002. С. 48–52). Ряд публикаций Б.Н. Харлашова посвящен изучению изборских посадов и сельских поселений Изборского региона (*Харлашов*, 1986. С. 70–76; 1992. С. 143–145; 1993. С. 41–54).

Культурный слой городища

Раскопочные работы на городище производились по отдельным участкам. Схема их расположения с сеткой квадратов размерами 2 × 2 м показана на рис. V.

Культурные напластования памятника имели мощность от 1–1,2 м в северной, мысовой части и до 2,5 м в южной, примыкающей к валу. Эти различия в толщине культурных отложений обусловлены тем, что материковая поверхность городища не была горизонтальной, она имела заметный наклон в южном направлении. Разница между уровнями материка в северной и южной частях городища составляет около 1 м.

Поверхность городища была плотно задернована. Таковой она была, судя по описаниям, и в те годы, когда памятник находился на территории Эстонии. Однако в XIX в. и, по-видимому, в начале XX в. городищенская площадка распахивалась. Пахотой были затронуты верхние горизонты культурных напластований на глубину до 25 см.

Стратиграфия культурных напластований на разных участках городища была безусловно неодинаковой. Некоторое представление о строении их дают профили, приведенные на рис. 23–26. Можно наметить общую картину культурных отложений, которая приводится ниже.

Под дерновым слоем, имевшим толщину от 2–3 до 5–7 см, в значительной части раскапываемой площади открылся темно-серый, рыхлый или средней плотности супесчаный слой с мелкими камнями. Отмечены участки некоторого скопления камней. Сверху это – пахотный слой, толщина которого не превышала 15–25 см, отличающийся по сравнению с нижележащими напластованиями той же консистенции, некоторой рыхлостью. При его изучении встречено большое количество фрагментов глиняной посуды, среди которых преобладают мелкие, очевидно, раздробленные при пахоте. Вся керамика в западной половине городищенской площадки – древнерусская гончарная, в восточной части, особенно там, где располагались постройки Никольского монастыря, наряду с доминирующими фрагментами древнерусской посуды обнаружена также керамика, датируемая XVI–XIX вв. Под пахотным слоем лежал такой же слой темно-серого цвета, характеризующийся средней плотностью и в ряде мест с большим числом мелких включений обожженной глины. В отличие от пахотного слоя здесь наряду с мелкими фрагментами керамики нередки и крупные.

Следующий слой выделяется светлой окраской, он имеет среднюю плотность и содержит большое количество камней. В ряде мест в нем отмечены многочисленные точечные включения красно-оранжевой обожженной глины и неравномерное содержание угольков и угольной пыли. Из-за значительного содержания угольной пыли и сгоревших остатков древесины слой иногда приобретает черно-серую окраску. Дерево в сухом слое не сохраняется. Облик построек удается восстанавливать лишь по их сгоревшим остаткам и печам, иногда по остаткам плитняковых подкладок под срубные жилища. На других участках из-за значительного содержания перегнившего дерева слой становился коричнево-серым. В отличие от пахотного характеризуемый слой содержал нередко беспорядочно встречаемые камни, в том числе и сравнительно крупные, преимущественно плитняковые, иногда фиксировались их нерегулярные скопления. По периметру городища уже в верхних горизонтах этого слоя открылась кладка из плитнякового камня – остатки крепостной стены, а в мысовой части – развалы башни. В ряде мест наблюдались остатки этих крепостных сооружений в виде более или менее крупных прослоек щебня с включениями крупного плитняка. В процессе изучения описываемого слоя зафиксировано множество разнообразных включений необожженной красной или светло-желтой глины, а также небольшие песчаные прослойки. На ряде участков из-за насыщенности глиной или песком слой, преимущественно в нижних горизонтах, приобретал желто-серую или бледно-серую окраску.

При снятии слоя выявлено множество остатков печей трех видов – каменок, сооруженных из валунного и плитнякового камня; глиняных, сложенных целиком из глины, и комбинированных, при строительстве которых использовались камень и глина.

Мощность описываемого серого слоя на разных участках городища колебалась от 0,3 до 2 м. В целом для этого слоя характерна древнерусская гончарная керамика. В отличие от пахотного слоя, здесь нередки крупные ее фрагменты. Можно отметить, что слой весьма насыщен фрагментами этой керамики, во многих квадратах раскопов во втором–четвертом пластах в каждом встречено их по несколько сотен. Наряду с гончарной, главным образом в нижних горизонтах характеризуемого слоя, встречены и обломки лепной посуды. Их присутствие объясняется значительной потревоженностью как описываемого слоя, так и нижележащих напластований, для которых эта керамика характерна. Вместе с тем, не исключено, что самые нижние горизонты характеризуемого серого слоя откладывались в тот период, когда в быту

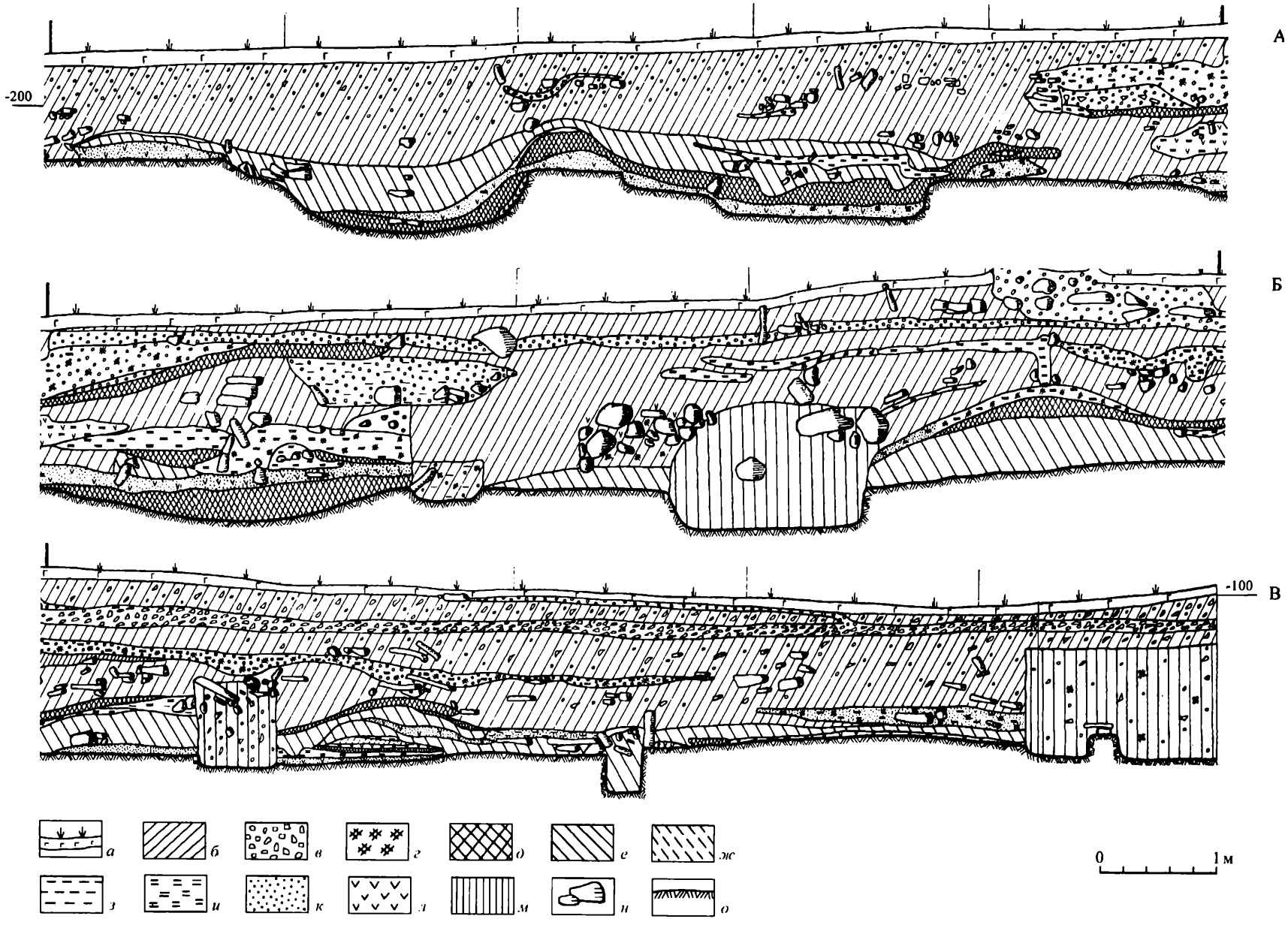

Рис. 23. Разрезы культурных напластований. Профиль восточной стенки участков 36–38

А – участок 36; Б – участок 37; В – участок 38; *а* – дерновой слой; *б* – темно-серый слой, рыхлый и средней плотности; *в* – щебень; *г* – угольный слой; *д* – черный или черно-серый слой с содержанием угольной пыли; *е* – бурый слой; *ж* – светло-серый слой средней плотности с небольшим числом камней; *з* – глина; *и* – обожженная глина; *к* – песок; *л* – зольный слой; *м* – перемешанный слой; *н* – камни; *о* – материк

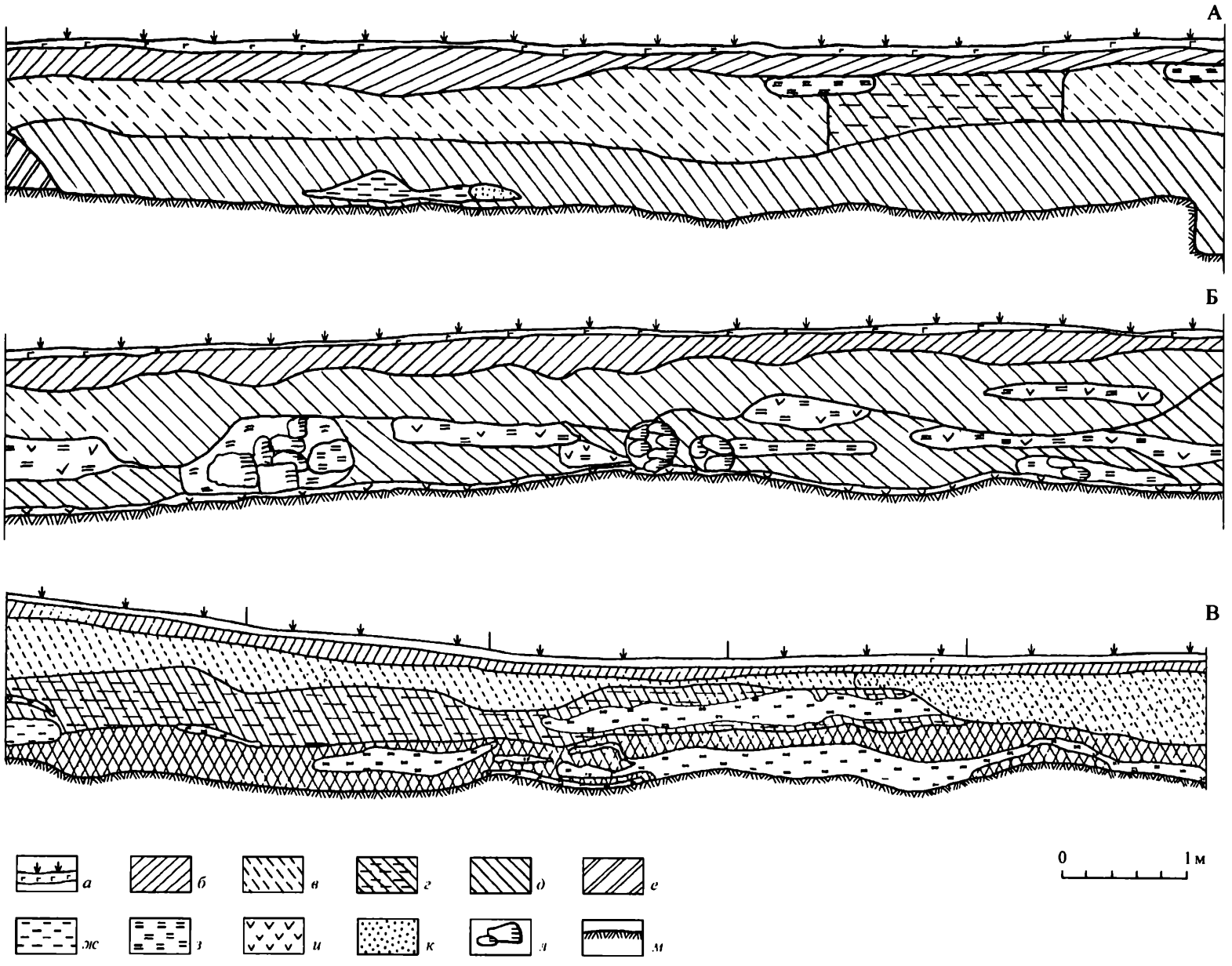

Рис. 24. Разрезы культурных напластований

А – профиль северной стенки участка 2; Б – южной стенки участка 2; В – южной стенки участка 10; *а* – дерновой слой; *б* – темно-серый слой, рыхлый и средней плотности; *в* – светло-серый слой с угольками; *г* – светло-серый слой с мелкими включениями обожженной глины; *д* – бурый слой; *е* – бурый слой с глиной; *ж* – глина; *з* – обожженная глина; *и* – зольная прослойка; *к* – песок; *л* – камни; *м* – материк

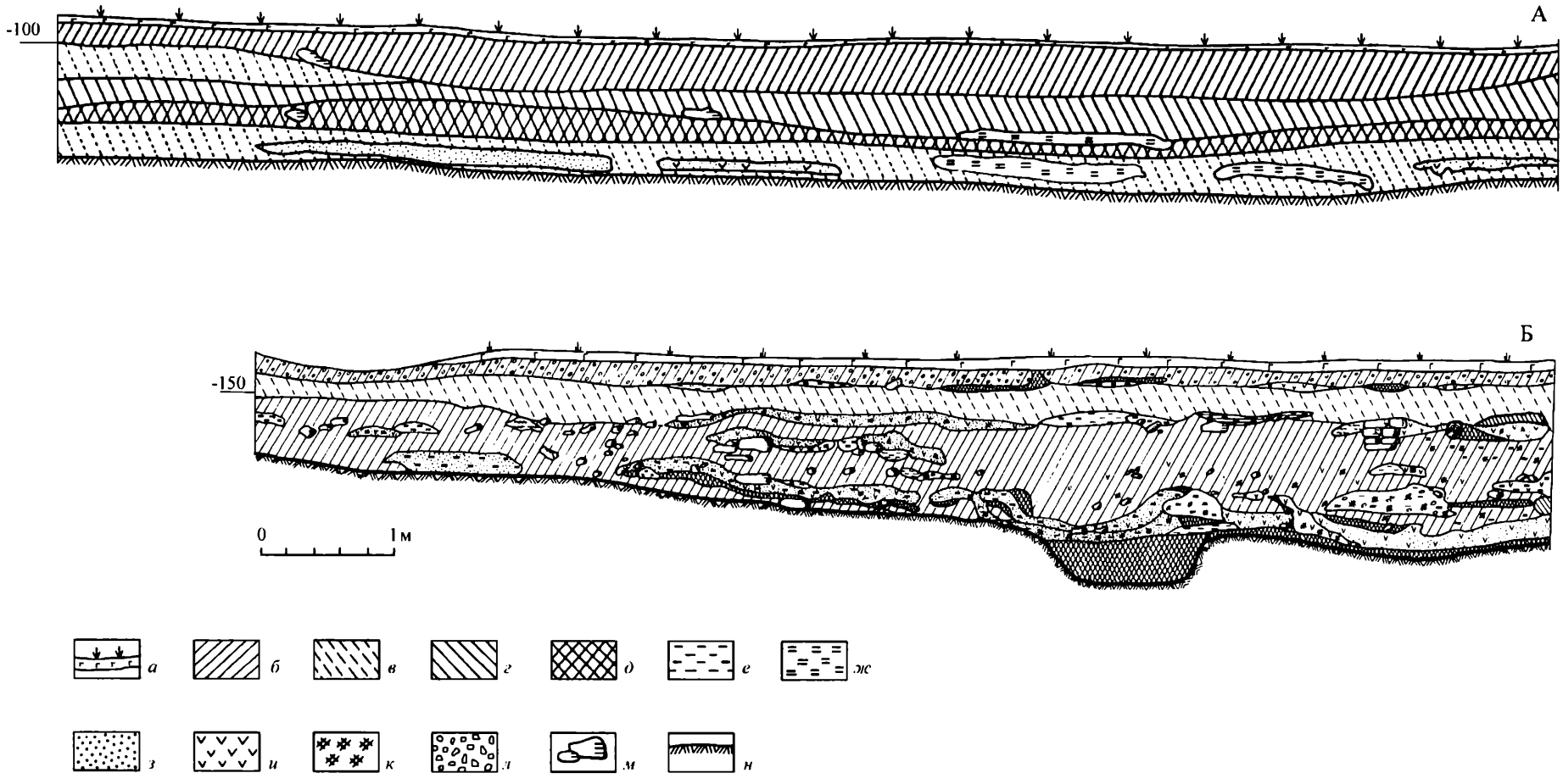

Рис. 25. Разрезы культурных напластований

А – профиль северной стенки участка 26; Б – северной стенки участка 37; *а* – дерновой слой; *б* – темно-серый слой, рыхлый и средней плотности; *в* – светло-серый слой средней плотности; *г* – бурый слой с включениями мелких углей и кусочков обожженной глины; *д* – черно-серый слой с примесью угольной пыли; *е* – глина; *ж* – обожженная глина; *з* – песок; *и* – зола; *к* – угольные включения и прослойки; *л* – щебень; *м* – камни; *н* – материк

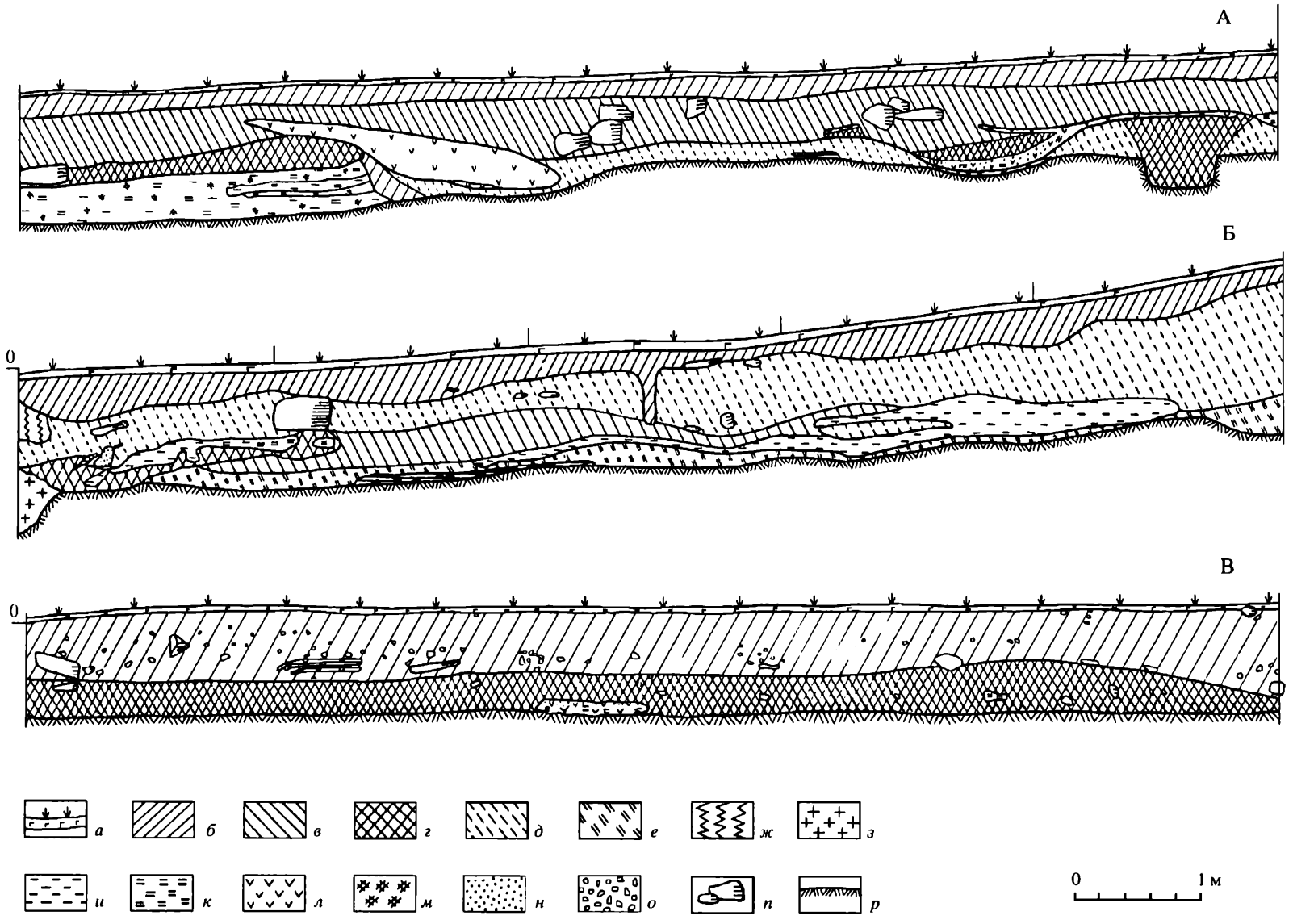

Рис. 26. Разрезы культурных напластований

А – профиль северной стенки участка 29; Б – восточной стенки участка 9; В – восточной стенки участка 30; *а* – дерновой слой; *б* – темно-серый слой, рыхлый и средней плотности; *в* – светло-серый слой средней плотности; *г* – черно-серый или черный слой; *д* – светло-серый слой средней плотности; *е* – бурый слой с многочисленными мелкими включениями обожженной глины и с мелкими камнями; *ж* – смешанный слой; *з* – черный слой с включениями светло-серого; *и* – глина; *к* – обожженная глина; *л* – зольная прослойка; *м* – угольные включения и прослойки; *н* – песок; *о* – щебень; *п* – камни; *р* – материк

использовалась вместе с гончарной и посуда, изготовленная без использования гончарного круга.

В юго-восточной части городища зафиксированы места серьезных разрушений описываемого слоя. В монастырский период при строительстве построек с углубленным полом в нем было вырыто несколько котлованов, полностью разрушивших древнерусские напластования. Несколько севернее, также в восточной части городищенской площадки в 1943–1944 гг., когда Псковский край оказался захваченным немецко-фашистскими оккупантами, культурному слою городища был нанесен серьезный урон – здесь было устроено кладбище, на котором погребались немцы, погибшие в боях или скончавшиеся от ран.

На многих исследованных раскопками участках городища под серым слоем открылся материк. Древние отложения здесь были полностью разрушены в результате интенсивной строительной деятельности изборян в X–XIII вв. Так называемый нижний культурный слой сохранился лишь на непотревоженных участках, которые в целом составляют около половины площади городища. Это – черный или черно-серый слой, насыщенный угольками и угольной пылью. В отдельных местах в этом слое фиксируется перегнившая древесина, и напластования приобретают черно-коричневую или буровато-коричневую окраску. Довольно часто в этом слое выявляются прослойки серой или серовато-белой необожженной глины, имелись и небольшие бесформенные включения бледно-желтого песка. Некоторые крупные прослойки глины могут трактоваться как остатки глинобитных полов бревенчатых жилищ, происхождение других остается неопределенным. Из-за большой насыщенности слоя глиняными и песчаными включениями он в нижних, предматериковых горизонтах приобретает сероватую или светло-бурую окраску. При изучении нижнего слоя документированы остатки глиняных печей и открытых очагов, выявлены и печи-каменки. На различных участках памятника этот слой имел толщину от 10 до 40 см. В целом слой аморфен, и расчленить его на отдельные горизонты по консистенции не представляется возможным. Исключением является сравнительно небольшой, площадью около 120 кв. м, участок раскопа 1978 г., где слой по окраске и консистенции довольно отчетливо подразделялся на три горизонта. Для этого слоя характерна исключительно лепная керамика, а присутствие в отдельных местах также фрагментов гончарной посуды свидетельствует о потревоженности напластований, что не всегда фиксировалось по их строению и консистенции. Характеризуемые культурные отложения залегали непосредственно на материке, который сложен из камня-плитняка. В ряде мест плитняковый материк был покрыт незначительными отложениями глины или суглинка, на которых кое-где удавалось выявить тонкие прослойки погребенного дерна.

В результате анализа стратиграфии культурных напластований и сопровождающих керамических находок выделяется прежде всего два этапа жизни и деятельности изборян. Нижние слои характеризуются черно-серой или темно-бурой окраской, в ряде мест они разрезаны более или менее крупными прослойками глины. Им свойственна исключительно лепная керамика. Фрагменты гончарной керамики, в той или иной мере встречаемые в нижних слоях, фиксируют многочисленные повреждения, часто не отраженные в строении культурных напластований. Имеются все основания относить эти горизонты культурного слоя к догородскому периоду Изборского городища.

В этой части исследования дается всесторонняя характеристика построек, военно-оборонительных конструкций, отопительных сооружений, керамического материала и вещевых находок, выявленных при изучении нижних слоев городища. На основе анализа их воссоздается облик поселения, хозяйственная жизнь и быт населения.

Постройки и отопительные устройства

В результате изучения нижних, черных, черно-серых и бурых слоев городища, в частности исследования сгоревших бревенчатых остатков и кусков обугленных плах устанавливается, что жилые и хозяйственные постройки с самого начала возникновения поселения были наземными и преимущественно срубными.

На участке 30 были выявлены и исследованы остатки трех одновременных построек (рис. 27). Следами одной из них является пятно серого слоя с большим содержанием золы и с многочисленными угольками толщиной до 7–8 см, зафиксированное в пятом пласте в кв. Л-27, М-27, К-28, Л-28 и М-28. В плане оно имело вытянутые подпрямоугольные очертания с округленными углами, общие размеры пятна 5,2 × 2,7 м. Стены постройки не прослеживаются. Нужно полагать, что строение было срубным. Около западного угла его расчищены остатки печи. Это было скопление небольших камней со следами пребывания в огне, которое не позволяет говорить о конструкции печи. Предположительные размеры основания, читающегося по плотной каменной укладке, 1,1 × 0,8–0,9 м. Остатки постройки и печи лежали на сероватом суглинистом слое, отложившемся в предшествующий период жизни поселения. При исследовании остатков жилища обнаружены фрагменты лепной керамики и бронзовый цепедержатель.

Южнее, почти впритык к описанной, изучены остатки другой срубной постройки, погибшей при пожаре (кв. Л-29, К-29, Л-30). От юго-восточной стенки жилища остались крупные фрагменты сгоревших бревен, от северной – угольные остатки и положенные в линию небольшие плитняковые камни, по всей вероятности, служившие подкладками под нижний венец сруба. Южный угол жилища занимала печь. Ее основание размерами 1,4 × 1,3 м было сложено из пяти крупных плитняковых камней, положенных горизонтально. Швы

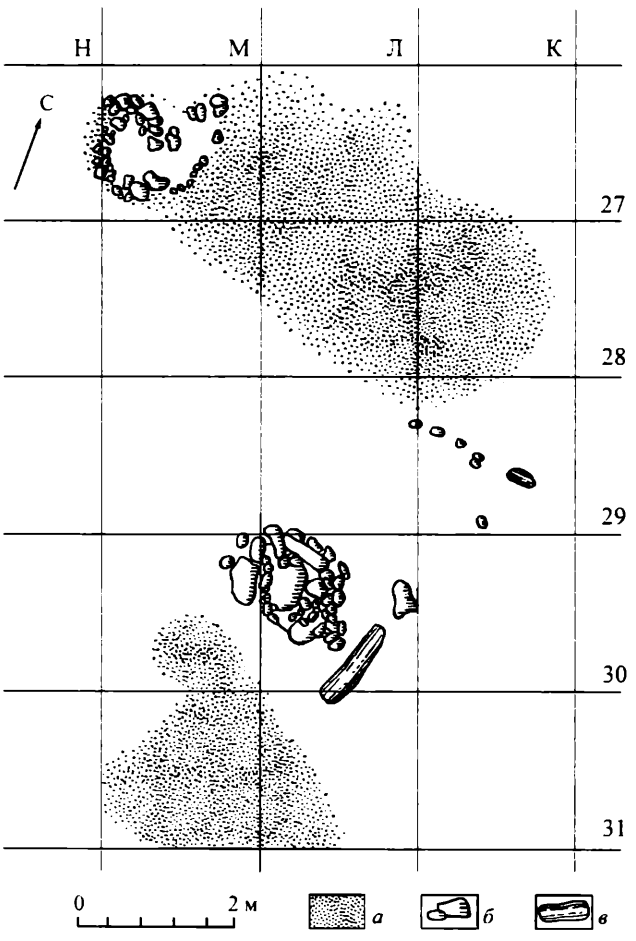

Рис. 27. Остатки трех построек на участке 30 (пласт пятый)
а – черный слой с угольной пылью; *б* – камни; *в* – обугленные бревна

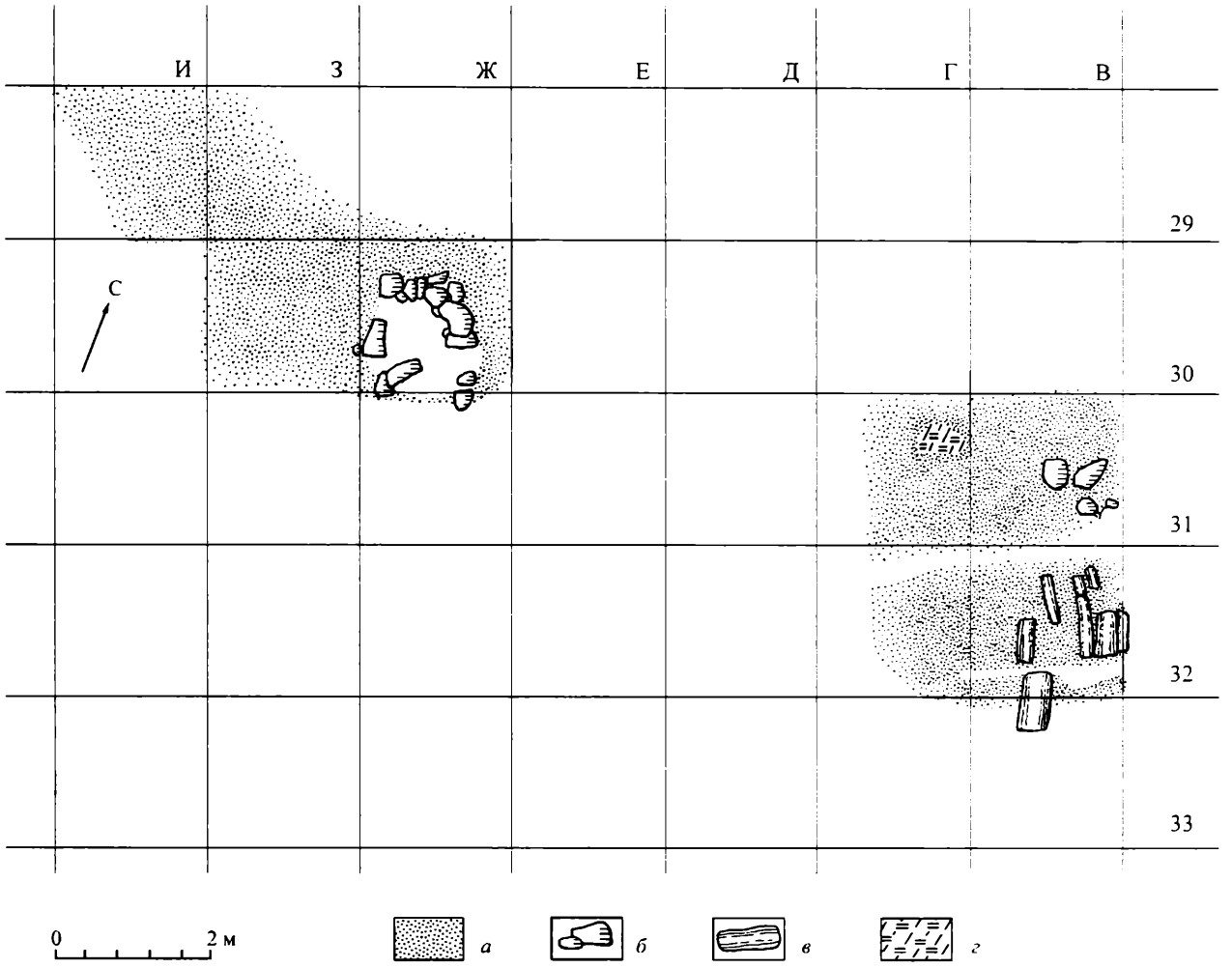

Рис. 28. Остатки двух построек на участках 29, 30 и 34 (пласт пятый)
а – черный слой с угольной пылью; *б* – камни; *в* – обугленные бревна; *г* – обожженная глина с серым слоем

между ними были забиты мелкими камнями. Верхняя часть печи, по-видимому, была глиняной, от которой прослежена бесформенная прослойка обожженной глины толщиной от 1 до 20 см. Края печи были выложены камнями, отдельные камни встречались и внутри слоя глины. Длина постройки в направлении СЗ–ЮВ – около 3,8 м, поперечный размер неопределим.

Еще южнее в том же горизонте выявлены следы третьей сгоревшей постройки (кв. М-30, М-31 и Л-31). Это – черно-серая прослойка с большим содержанием угля и золы. При ее разборке выявлены очень небольшие участки сгоревшего пола из плах. Детали постройки не вполне ясны. Остатки постройки находились так же на сероватом суглинистом слое. Детали ее не вполне ясны, с южной стороны за пределами участка 30 черно-серая прослойка была разрушена, следов отопительного сооружения не выявлено. Если оно и было, то могло находиться в несохранившемся южном углу. С северно-западной стороны прослеживается выступ, возможно, указывающий на то, что здесь был вход в постройку. Общие размеры ее были невелики – около 2,2 × 2,1 м.

Завершая обзор этих трех строений можно отметить два обстоятельства: 1) постройки ставились на городище уже в раннее время очень тесно, почти впритык одна к другой; 2) постройки сооружались не в линию, а уступами. При тесной застройке это, судя по данным этнографии, позволяло в той или иной степени проникать лучам солнца к каждому жилищу.

По всей вероятности, к тому же горизонту принадлежат еще две постройки. Следы одной из них выявлены также при снятии пятого пласта в виде достаточно выраженной угольной прослойки в кв. Ж-30, З-29, З-30, И-29 в восточной части участка 30 (рис. 28). Рваные очертания ее не дают возможности восстановить план жилища. По-видимому, оно было довольно крупным – до 5,5 м в западно-восточном направлении. Печь занимала юго-восточный угол постройки. Это было скопление камней в один–два яруса, устройство печи на основании которого воссоздать невозможно. Можно только отметить, что основание ее было подчетырехугольным, размерами около 1,7 × 1,5 м.

В 4,5 м восточнее выявлены следы еще одного дома. Черная прослойка толщиной до 5–7 см расчищена в смежных частях участков 29 и 34, в кв. В-31,

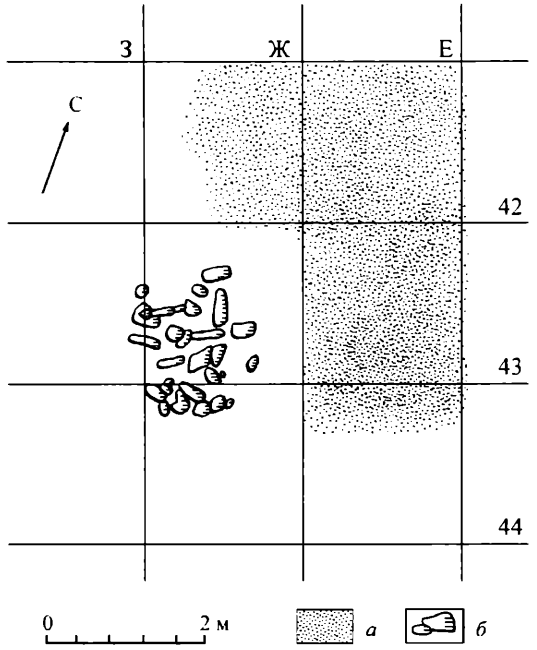

Рис. 29. Остатки постройки на участке 6 (пласт пятый)
а – черный слой с углем; *б* – камни

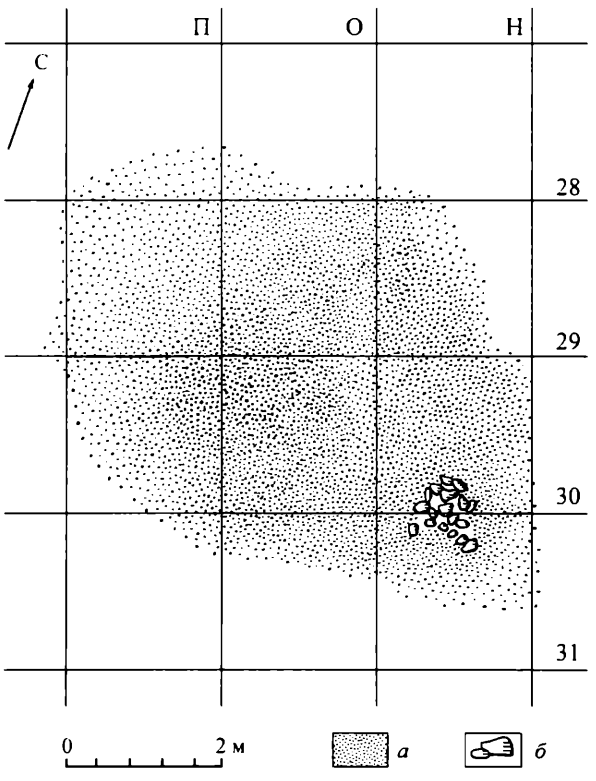

Рис. 30. Остатки постройки на участке 31 (пласт четвертый)
а – черный слой с углем; *б* – камни

В-32, Г-31 и Г-32 (рис. 28). В плане она имела четырехугольные очертания (в направлении запад – восток при возведении стены детинца, о котором речь пойдет ниже, прослойка была прорезана канавкой), что позволяет говорить о размерах жилища – около 4–3,4 м. В юго-восточной части при снятии прослойки расчищены обугленные куски бревен, по-видимому, от сгоревших стен сруба. Очевидно, остатками разобранной печи-каменки являются камни, разрозненно зафиксированные в кв. В-31. Трудно сказать, с чем связано включение обожженной глины, отмеченное в северо-западной части жилища.

Следы подобной постройки изучены в шестом – седьмом пластах кв. Е-42, Е-43, Ж-43 участка 6 (рис. 29). Прослойка, лежащая непосредственно на материке, отчетливо выделялась среди окружающего слоя сильной насыщенностью углем и угольной пылью. Размеры ее 4,5 × 3,2 м, толщина 2–5 см. Судя по всему, это было срубное жилище с печью-каменкой в юго-восточном углу. Остатки ее выявлены в кв. Ж-43 в виде наброса прокаленных камней разных размеров в один–три яруса. Кроме того, часть их находилась в подпечной яме, имевшей овальную форму и воронкообразное строение. Ее размеры 2,1 × 1,9 м, наибольшая глубина 25 см. Изучение напластований вокруг печи показывает, что она использовалась (очевидно, с подновлениями) и позднее, после того как описываемое жилище сгорело.

Остатки сгоревшей деревянной постройки в виде прослойки из угля, угольной пыли и золы толщиной от 2–3 до 7 см исследованы при снятии четвертого пласта на участке 31 в кв. Н-29, Н-30, Н-31, О-29, О-30, О-31, П-28, П-29, П-30 (рис. 30). В плане она имела подчетырехугольные очертания, позволяющие предполагать, что строение имело крупные размеры около 5 × 4 м. В его юго-восточном углу находилась печь-каменка, остатки которой (булыжные камни со следами пребывания в огне залегали в один ярус на площади 1 × 0,9 м) зафиксированы на границе кв. Н-30 и Н-31.

Одна сгоревшая постройка выявлена на том же участке 30 при снятии нижних горизонтов пятого пласта в кв. Е-29, Ж-29 и З-29 (рис. 31). Здесь исследована довольно плотная угольная прослойка с включениями золы, темно-серой супеси и песка. В плане она имела вытянутые прямоугольные очертания размерами 5,5 × 2 м и толщину 4–6 см. По всей вероятности, с северной стороны прослойка была разрушена при поздней строительной деятельности. При ее изучении найдены глиняное пряслице, язычек бронзовой пряжки и фрагменты лепной посуды. Каких-либо остатков стен постройки не выявлено, но, можно полагать, что они были срубными. В южной части жилища (кв. Ж-29) находился очаг округло-овальный в плане размерами 1,2 × 0,8 м. Его срединную часть образовывали черно-серый слой, зола и обожженная глина. Глиной, по всей вероятности, было промазано дно очага, края образовывали плитняковые камни, поставленные вертикально.

Подобная прослойка черного цвета с большим содержанием угольной пыли и мелких угольков толщиной до 2–5 см исследована еще на участке 7 в кв. Л-44, М-44, М-45, Н-44, Н-45 при снятии пятого пласта (рис. 32). В кв. Л-43 выявлены остатки глиняной печи в виде плотного массива обожженной

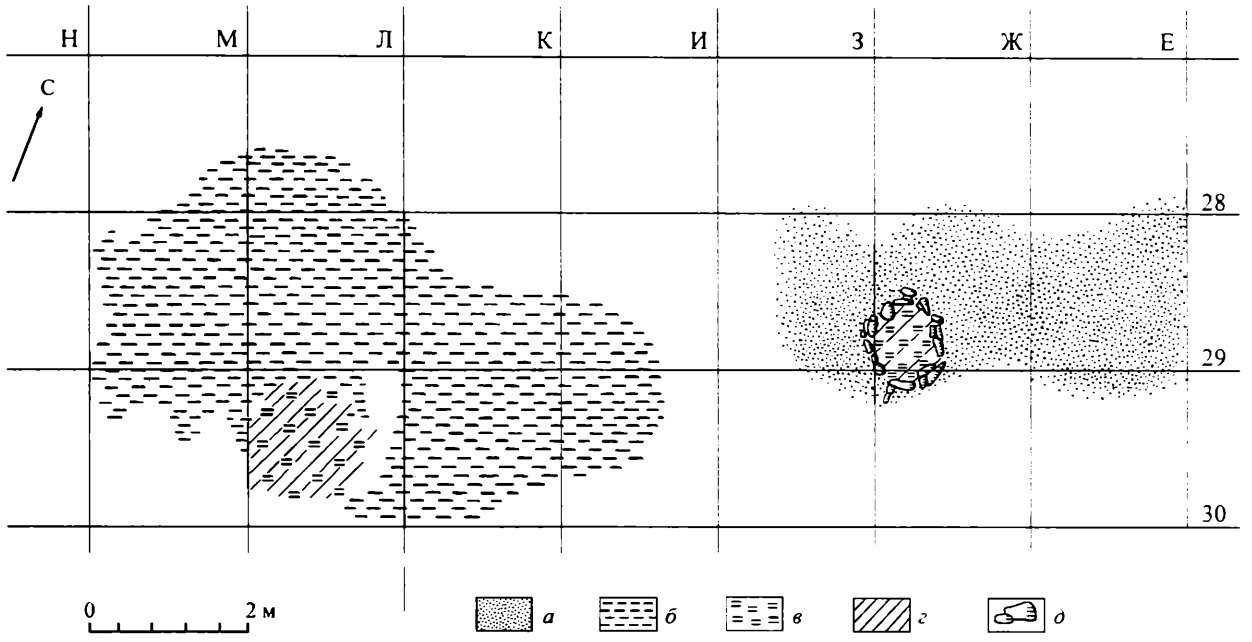

Рис. 31. Остатки построек на участке 30 (нижние горизонты пятого пласта)
а – черный слой с углем; *б* – глина; *в* – обожженная глина; *г* – серый слой; *д* – камни

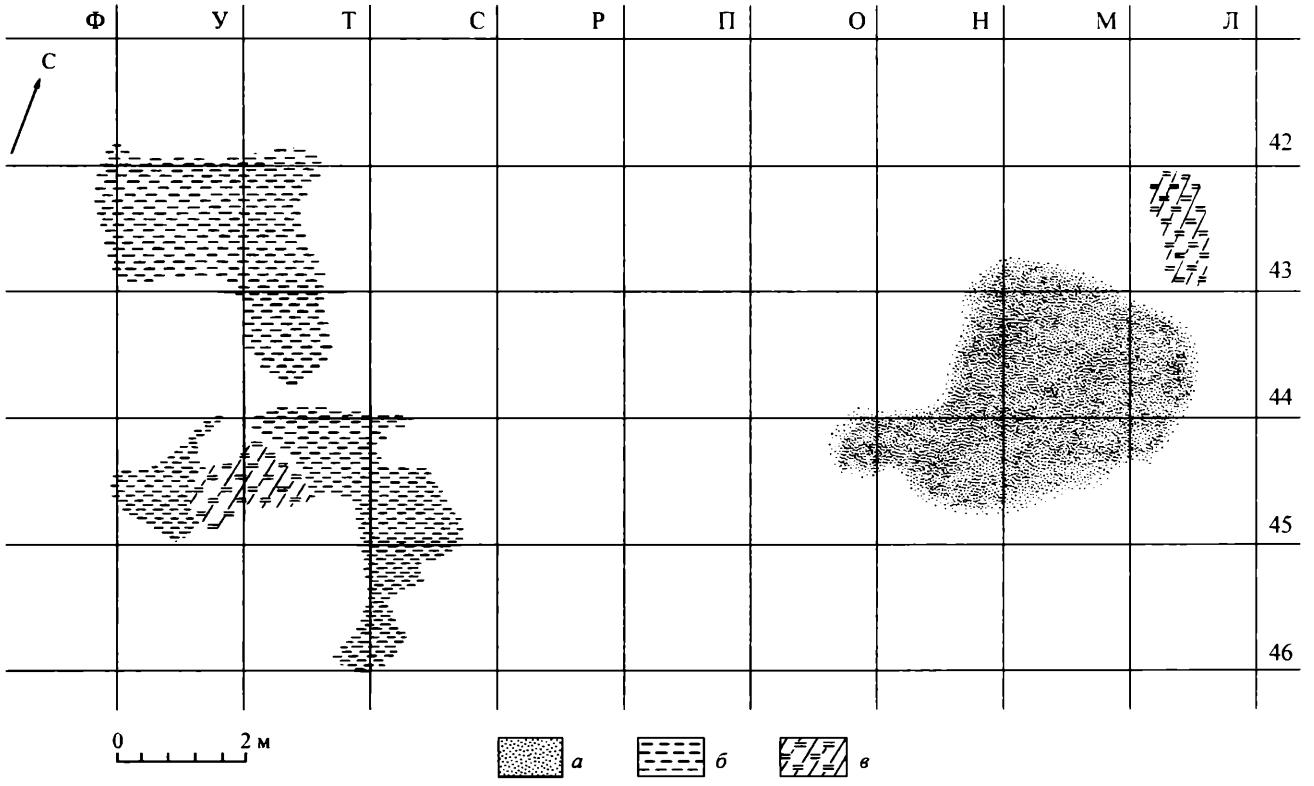

Рис. 32. Остатки построек на участках 7 и 8 (пласт пятый)
а – черный слой с углем; *б* – глина; *в* – обожженная глина с включениями серой супеси

глины размерами 1,8–0,9 м при толщине до 7–8 см. Ее строение по этим остаткам выяснить не удается. Общие размеры жилища – около 4,5 × 4 м, печь занимала его северо-восточный угол. Вход в постройку, скорее всего, находился с западной стороны, на что указывает выступ прослойки, оконтуривающий своеобразный тамбур.

На участке 8 (кв. Р-46, С-45 и примыкающие к ним части соседних) исследована аналогичная углистая прослойка толщиной 2–5 см, явно нарушенная в ходе более поздней деятельности (рис. 33). Размеры жилища превышали 4 × 4 м. Остатки глиняной печи, по-видимому, округлых очертаний в плане, находились в северо-западной части по-

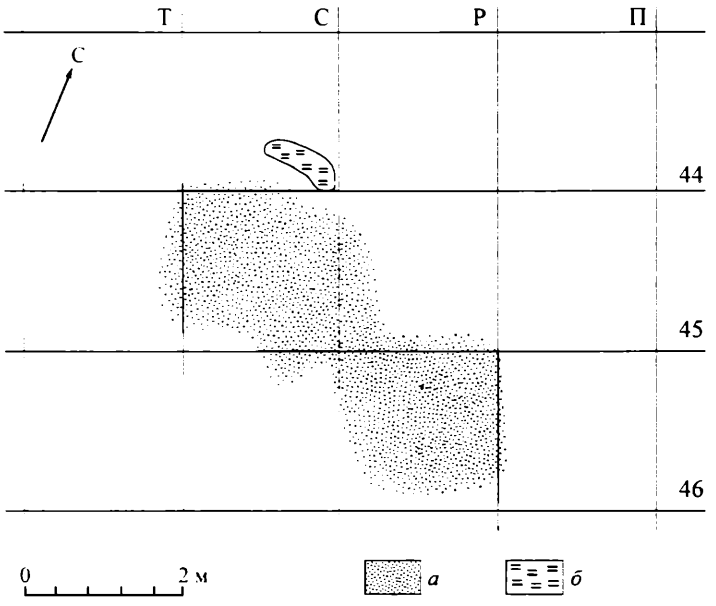

Рис. 33. Остатки постройки на участке 8 (пласт шестой)
а – черный слой с углем; *б* – обожженная глина

стройки (кв. С-44). Раскопками вскрыт массив обожженной глины толщиной до 12–15 см.

В ряде случаев удается определить место сгоревшей постройки по значительной концентрации крупных и мелких углей в черно-сером или черно-буром слое. Следами таковой являются напластования пятого пласта в кв. В-44, В-45, Г-44 и Г-45 (участок 5). В кв. В-45 выявлено скопление обугленных кусков бревен диаметром до 35 см, лежащих в направлении север–юг. По всей вероятности, это остатки восточной стены срубного строения. Некоторые сгоревшие плахи могут трактоваться как остатки деревянного пола. Приблизительные размеры жилища – не менее 4 × 3 м. Скорее всего, к нему относится глиняная печь, остатки которой документированы в кв. Г-44 в виде массива красноватой обожженной глины размерами 40 × 20 см при толщине 20 см и большого числа кусков и крошки сильно обожженной глины. В слое пожарища найдены железный нож, кусок бронзовой проволоки, небольшое скопление обугленного зерна, небольшая глиняная чаша и маловыразительные фрагменты лепной керамики.

Следы еще одной сгоревшей постройки зафиксированы при снятии пятого пласта в кв. Е-35, Е-36, Ж-35 и Ж-36 (участок 26). Черный слой с многочисленными крупными и мелкими углями толщиной около 4–7 см прослежен на площади свыше 4 × 4 м. В нем выявлены крупные куски обугленных бревен восточной стены срубного строения. В юго-восточной части его открыта подпольная яма подпрямоугольных очертаний размерами 1,4 × 0,9 м и глубиной 55–60 см. Заполнена она была черно-серым слоем с включениями глины. Печь находилась в северо-западном углу жилища. Ее остатки находились в кв. З-36 в виде скопления сильно прокаленных крупных и мелких камней. Основание печи было глиняным – прослойка глины неправильно-овальных очертаний имела размеры около 2 × 1,5 м.

Единичные изборские жилища имели в срединной части большие углубления. Таковой является яма, выявленная на участке 35 в кв. В-25, Г-25 и соседних частях кв. В-24 и В-25. Очертания ее подовальные, размеры 3,2 × 2,2 м, глубина 35 см. Стенки ямы близки к отвесным, дно горизонтальное. Заполнение – черный слой с многочисленными углистыми включениями в нижних горизонтах, в котором встречены фрагменты стенок лепной керамики. На дне ямы зафиксировано три столбовых ямы диаметрами 30–40 см и глубиной 20–30 см. Заполнены они были черным слоем с углем, в одной из ям обнаружены два обломка лепной глиняной посуды. Около северо-западного края ямы в смежных частях кв. Г-24 и Г-25 находилась глиняная печь, сложенная на черном слое толщиной около 10 см. Ее остатками является массив красной обожженной глины, овальный в плане, размерами 1,5 × 1,1 м и толщиной до 30 см, обрамленный обкладкой булыжными и плитняковыми камнями (рис. 34). В глине прослежены включения золы и бледно-серого песка, такой слой находился и над слоем обожженной глины в западной части печи. Сверху печь была срезана при последующей строительной деятельности.

К жилому строению, очевидно, относилась и яма, исследованная в кв. IV-32 и частично в кв. IV-31 (участок 37). В плане она имела неправильно-подпрямоугольные очертания размерами около 2,5 × 1,8–2,2 м. Стенки ямы наклонны, дно неровное, глубина 20–40 см. С северной и западной сторон к ней вплотную примыкали четыре столбовые ямки. Заполнение всех ям – черно-серый слой со значительной примесью угля. На дне обнаружены обугленные зерна злаков, остатки берестяного сосуда, точильный брусок, обломок бронзовой проволоки, кость со следами обработки, скоба и несколько не определенных железных предметов. С северной стороны к яме примыкала глиняная печь, остатками которой был массив красной сильно обожженной глины неправильных очертаний в плане, размерами около 2 × 2 м и толщиной 20–40 см (кв. IV-31). Строение печи восстановить не удается, можно только констатировать, что она была сложена целиком из глины.

Несколько построек представлено лишь подпольными ямами. Одна из них изучена в смежных частях кв. Е-24 и Е-25 (участок 33). Яма имела неправильно-овальные очертания размерами 2 × 1,2 м. В нижней части ее черно-серого заполнения, содержащего множество угольков, выявлены прослойки от упавшего в яму сгоревшего деревянного пола.

Некоторые постройки городища имели глиняные полы. Остатки их прослеживаются в виде про-

слоек необожженной глины. Одной из таковых является прослойка красноватого цвета с черно-серыми включениями, расчищенная в кв. К-29, К-30, Л-29, Л-30, М-29 и частично в соседних (участок 30) в нижних горизонтах пятого пласта (рис. 31). В плане она имела рваные очертания размерами 7 × 3–3,5 м, верхняя поверхность была близка к горизонтальной. По всей вероятности, постройка была двучленной. Западную часть ее составляло жилище размерами около 4 × 4 м, где глиняный пол имел толщину 10–12 см. Стены дома, нужно полагать, были срубными и не сохранились. В полу отмечены четыре столбовых ямы и несколько ямок от кольев. В юго-восточном углу постройки находилась печь. Линза красной обожженной глины занимала круг диаметром около 1,4 м и имела толщину 18 см. Под слоем глины открылся под печи, выложенный из плитняковых и булыжных камней на тонкой подушке из желтой глины. С востока к жилищу, нужно полагать, вплотную примыкала хозяйственная постройка с глиняным полом, в котором также прослежены бессистемные ямки от столбиков или кольев. Однако, никаких следов стен столбовой или каркасной конструкции выявить не удалось.

При разборке глиняного пола жилища и хозяйственной постройки обнаружены глиняное пряслице, заготовка каменного, железный нож и множество мелких фрагментов лепной керамики. Эти постройки с глиняными полами были сооружены в тот период, когда на этом участке городища отложился культурный слой до 10–15 см толщины.

Скорее всего, остатками глиняного пола является прослойка, выявленная почти на материке (ее отделяет от последнего серовато-бурая прослойка с содержанием глины и песка толщиной 3–5 см), в кв. А-52, А-53 и Б-53 (участок 16). Она состояла из необожженной глины сероватого цвета толщиной 6–10 см. С южной стороны к ней примыкал слой пожарища, в котором зафиксированы куски обугленных бревен. По всей вероятности, это – остатки южной стены сгоревшей постройки. Каких-либо следов отопительного устройства при этом не обнаружено, не исключено, что это было строение хозяйственного назначения. При разборке глиняного пола найдено только железное кольцо от пробоя или удил, в слое пожарища встречено несколько мелких обломков лепной посуды и железный костылевидный предмет неизвестного назначения.

Остатками глиняных полов являются и некоторые другие прослойки глины, зафиксированные при раскопах. Такова прослойка необожженной красноватой глины рваных очертаний (рис. 32), исследованная в пятом пласте кв. С-45, С-46, Т-45 и У-45 (участок 8). Толщина ее колеблется от 3 до 10 см. Среди необожженной глины был открыт массив сильнообожженной глины оранжево-красной окраски с включениями темно-серого слоя,

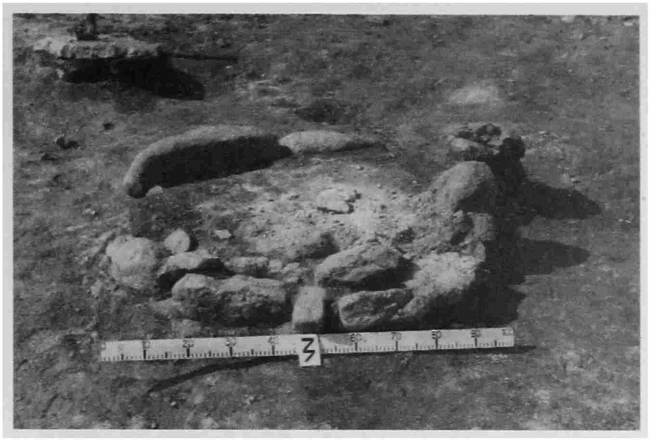

Рис. 34. Основание глиняной печи на участке 35 в квадратах Г-24, Г-25 и Д-25 (пласт четвертый). Вид с северо-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

размерами около 1,5 × 1,5 м при толщине до 15 см. Это – несомненные остатки глиняной печи. Общие размеры жилища могут быть определены приблизительно – около 4,5 × 4 м.

В 0,5 м севернее (кв. Т-43, Т-44, У-43) расчищены остатки глиняного пола еще одной постройки, которая имела меньшие размеры – не более 3,5 × 3 м. Толщина прослойки глины красновато-желтого цвета 3–5 см. Каких-либо следов печи или очага не выявлено.

Остатки большого жилища с глиняным полом изучены в смежных частях участков 47 и 48 в кв. VII-32 и VIII-32 при снятии восьмого пласта (рис. 35). Глиняный пол занимал площадь овальных очертаний, его размеры – около 3,0 × 1,4 м, толщина в ряде случаев достигала 25–30 см. В составе массива зафиксированы участки обожженной глины, что обусловлено, нужно полагать, пожарами, уничтожившими постройки. По-видимому, здесь имеет место наслоение нескольких глиняных полов, о чем свидетельствуют прослеженные в разрезе несколько прокаленных корочек. Таким образом выделяется три глиняных пола, которые, впрочем, вычленить по всей площади не удается.

Трем периодам функционирования жилища с глиняными полами соответствуют три отопительных устройства. От первоначальной печи сохранилась только ее северо-восточная половина. Округлое основание печи диаметром около 1,2 м было выложено в два яруса из плитнякового камня (рис. 36) и промазано глиной, которая сильно прокалена. По периметру печь обрамлена поставленными вертикально плитняковыми камнями. Не исключено, что это была не печь, а очаг. Это отопительное устройство сооружено на тонком черно-сером слое, в котором встречено несколько небольших фрагментов стенок лепных сосудов. Сверху над плитняковой кладкой залегал массив обожженной глины, который невозможно отчетливо отделить от развала глиняной печи, располо-

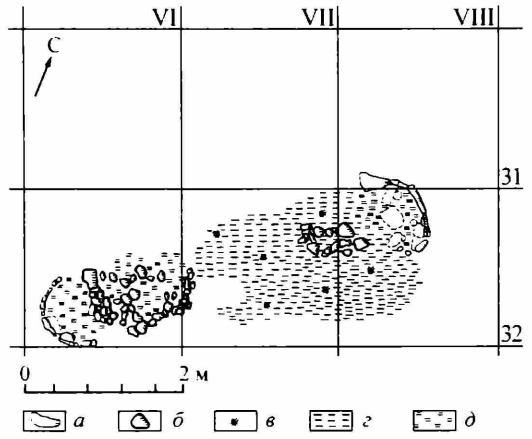

Рис. 35. Остатки построек на участках 47–48 в квадратах VI-32, VII-32, VIII-32 (пласт восьмой)

а – камни; *б* – обожженные камни; *в* – угольные включения; *г* – глина; *д* – обожженная глина с серыми включениями

женной выше. Общие размеры его в плане около 1,9 × 1 м, но они не могут надежно определять размеры самой печи. В отличие от первоначальной, эта печь не имела плитняковой кладки в основании и не была обставлена плитняком по периметру. Верхняя часть ее была сложена из глины с использованием камней. Эта печь, по-видимому, дважды перестраивалась. Выявлено три слоя пода – прокаленные потрескавшиеся корочки обожженной глины. Общий развал глиняных печей в виде массива обожженной глины занимал овальную площадь около 3 × 1,4 м. Толщина его в срединной части составляла 25–30 см.

К самой поздней постройке с глиняным полом относится уже печь-каменка, остатки которой в виде разрозненных булыжных камней со следами пребывания в огне выявлены на глиняном слое в смежных частях кв. VII-32 и VIII-32.

Западнее описываемых жилых строений с глиняными полами располагалась постройка, очевидно, имевшая земляной или деревянный пол, от которой сохранились лишь отопительные устройства. Выделяется два яруса. К нижнему принадлежит очаг (юго-западная часть кв. VI-32), округлый в плане, диаметром 0,9 м, обложенный по периметру вертикально поставленными плитняковыми камнями. Восточная часть очага оказалась разрушенной (рис. 35). Срединную часть его образовывал тонкий слой обожженной глины с сероватыми включениями. Это был под очага. На следующем этапе по соседству с остатками очага была сложена печь из камня и глины (восточная часть кв. VI-32), устройство которой восстановить не представляется возможным. Можно предполагать, что основание печи имело форму овала размерами около 1,2 × 0,9 м и было выложено из булыжных камней, а основу печи составляла глина.

Рис. 36. Под печи на участке 48 в квадрате VIII-32 (пласт восьмой). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Остатками пола могла быть и выявленная в нижних горизонтах черного слоя в кв. О-47, О-48 и П-48 (участок 11) крупная прослойка плотной глины серого цвета овальных очертаний размерами около 4 × 2 м при толщине от 5 до 12 см. Следов отопительного сооружения, связанного с этой постройкой, не обнаружено.

Наиболее распространенным типом отопительных устройств были глиняные печи, остатки некоторых из них уже были отмечены выше при характеристике отдельных построек. Однако более или менее сохранившихся следов жилищ выявлено сравнительно немного, печей в виде массивов плотной обожженной глины оранжево-красного цвета открыто раскопками довольно много. Размеры и формы остатков таких печей самые разнообразные. Немалое число их имели рваные бесформенные очертания толщиной до 7–10 см в срединной части и около 2–5 см по краям. Однако доминировали массивы округлых или округло-овальных очертаний, позволяющие полагать, что основания таких печей имели преимущественно округлые очертания. И это подтверждается исследованиями глиняных печей, основания которых обкладывались по периметру камнями.

Одна из таких печей исследована при снятии пятого пласта в смежных частях кв. Ж-29 и З-29 (рис. 37–39). Основание печи имело подпрямоугольные очертания размерами 1 × 0,9 м. Оно было обставлено плитняковыми камнями, поставленными вертикально. Остатками верха печи является слой красной обожженной глины толщиной 6 – 8 см, под которым выявлено несколько камней. Под зольно-угольными отложениями открыта вымостка из плитняковых камней, служившая подом печи. Печь стратиграфически относится к среднему периоду отложения характеризуемого нижнего слоя Изборского городища.

Остатки аналогичной печи изучены по-соседству в кв. З-30. С трех сторон печь была обрамлена вертикально поставленными плитняковыми камнями, с четвертой находилось ее устье. Размеры трапециевидного основания печи – 0,9 × 0,65 – 0,9 м,

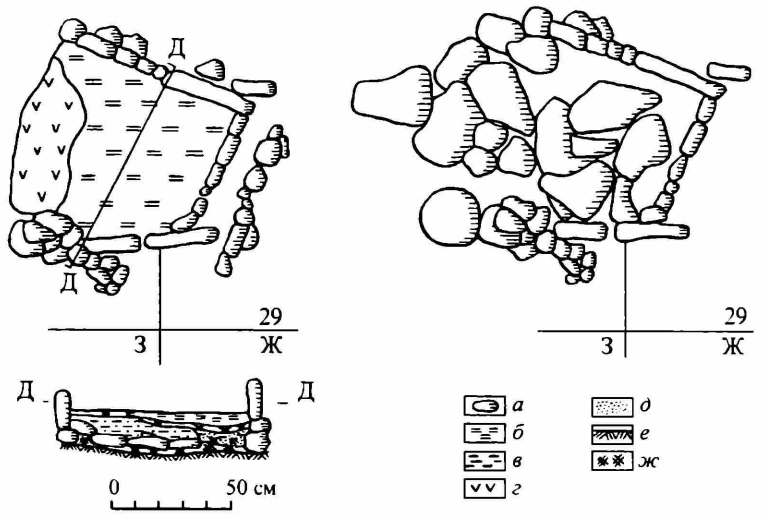

Рис. 37. Планы и разрез глиняной печи участка 30 в квадратах Ж-29 и З-29 (пласт пятый)

а – камни; *б* – обожженная глина; *в* – необожженная глина; *г* – зола; *д* – песок; *е* – материк; *ж* – уголь

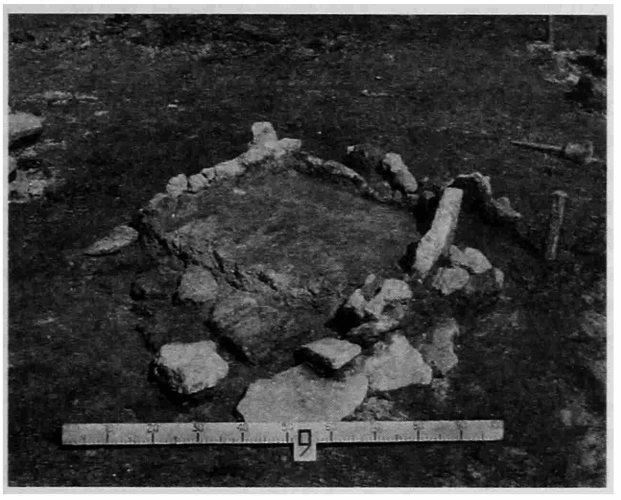

Рис. 38. Остатки глиняной печи на участке 30 в квадратах Ж-29 и З-29 (пласт пятый). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1978 г.

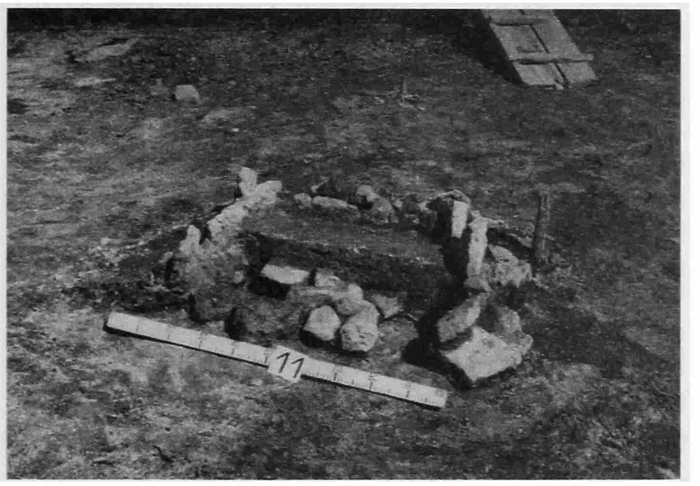

Рис. 39. Разрез той же печи (участок 30, квадраты Ж-29 и З-29), открылись камни основания (пласт пятый). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1978 г.

внутреннего пространства – 0,8 × 0,5 м. Верхняя часть печи была сложена из глины. В разрезе фиксируется два слоя обожженной глины, разделенных тонкой угольной прослойкой, по-видимому, свидетельствующих о двух этапах функционирования печи.

Глиняные печи с основаниями, кольцеобразно выложенными из крупных камней, были в рассматриваемый период функционирования Изборского поселения довольно распространенными. К таковым принадлежала печь, остатки которой изучены при снятии пятого пласта в кв. Е-31 и Ж-31 (участок 30). Общие размеры массива плотной обожженной глины оранжево-красного цвета имели в диаметре 1,0–1,1 м и толщину до 30 см. В составе глины имелись бесформенные включения и небольшие прослойки черно-углистых отложений. Весьма вероятно, что печь неоднократно подновлялась и использовалась продолжительное время. В основании печи открыта кольцевая выкладка из булыжных камней диаметром около 0,9 м (рис. 40). С северо-западной стороны к ней примыкала кладка из плитняковых камней с горизонтальной поверхностью, обозначавшая, по всей вероятности, чело печи. Под в виде кусочков прокаленной глины прослеживался плохо, но несомненно, что его уровень соответствовал отмеченной плитняковой кладке.

Еще одна печь близкой конструкции исследована в пятом–шестом пластах квадратов И-48 и И-49 (участок 10). В ее основании камни были выложены подковообразно, разрыв обкладки, по всей вероятности, приходился на устье печи. Использованы были булыжные камни вытянутых очертаний.

Рис. 40. Разрез глиняной печи в квадратах Е-31 и Ж-31 (участок 30, пласт пятый). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1978 г.

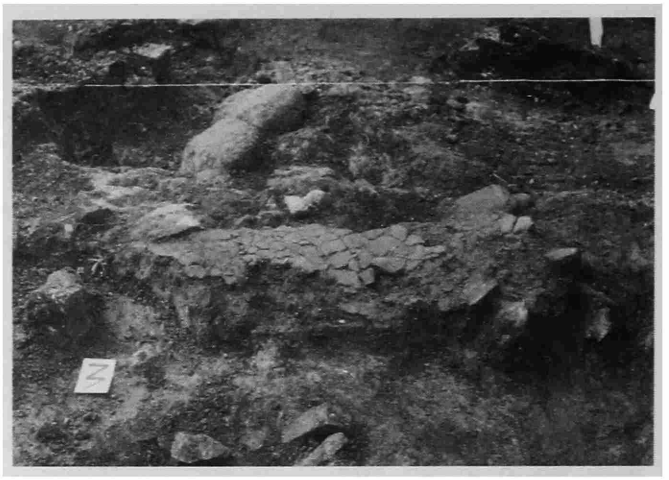

Рис. 42. Остатки пода глиняной печи в квадратах К-28 и К-29 (участок 30, пласт пятый). Вид с северо-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1978 г.

Диаметр обкладки – около 1,6 м. Внутри находилась плотная прокаленная глина, при разборке которой под печи проследить не удалось. Массив развала глины в плане имел неправильную округлую форму и толщину до 10–12 см, каких-либо находок в нем не обнаружено.

Аналогичная печь находилась в смежных частях кв. Т-52 и Т-53 (участок 19), открытая при снятии седьмого пласта. Основание ее с западной стороны оконтурено булыжными прокаленными камнями, выложенными несплошным полукольцом. От печи остался массив плотной обожженной глины красно-оранжевого цвета толщиной около 20 см. Верхняя часть его была снята позднее, при возведении на том же месте печи из глины и камня. Размеры основания печи 2 × 1,6 м. Никаких находок при разборке остатков печи не обнаружено. Открыта она в черно-сером слое и была устроена на отложившихся ранее напластованиях того же облика.

При возведении верхних частей некоторых глиняных печей использовался камень. Остатками одной из таковых является печь, раскопанная в пятом пласте в смежных углах кв. Ж-32, Ж-33, З-32 и З-33 (участок 26). Это был массив обожженной красновато-оранжевой глины размерами 2 × 1,6 м и толщиной до 15 см. Внутри него выявлено несколько булыжных камней со следами пребывания в огне, конструктивное значение которых выявить не удается. Около края массива глины найдено каменное пряслице.

Интересная глиняная печь изучена в кв. З-35 (участок 26, шестой – седьмой пласты). Она выстроена непосредственно на тонкой прослойке погребенной почвы. Основание печи образовывал слой необожженной красновато-желтой глины овальных очертаний размерами 2 × 1,5 м и толщиной около 10 см. На этой глиняной подушке устроен под печи, выстланный из крупных плоских камней, сильно прокаленных. Выше залегал массив обожженной глины красно-оранжевого цвета толщиной до 15–18 см. С северной стороны массив был ограничен узкой прослойкой угля, вытянутой

Рис. 41. Булыжное основание глиняной печи в квадратах К-28 и К-29 (участок 30, пласт пятый). Снимок с востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1978 г.

Рис. 43. Основание – под глиняной печи в квадрате Л-30 (участок 30, пласт пятый). Снимок с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1978 г.

на 2 м, которые можно интерпретировать как остатки сгоревшей стены постройки.

Глиняная печь с подом, выложенным непосредственно на материке из плитняковых камней исследована в кв. Н-27 (участок 31, пятый пласт). Размеры основания печи – около 1 × 1 м, в промежутках между камнями находились зола и угольки. Массив красной обожженной глины над подом имел размеры 1,2 × 1,1 м и толщину до 15 см.

Остатки подобной печи зафиксированы в том же пласте кв. Н-29. Ее основание, являющееся подом печи, также было выложено из плитнякового камня, но сохранилось плохо. Над ним лежал массив красной прокаленной глины неправильных очертаний размерами 1,6–0,8 м при толщине до 25 см в срединной части и до 15 см по краям.

Подобная печь исследована в пятом пласте кв. К-28 и К-29 (участок 30). Округлое основание ее размерами 0,9 × 0,9 м было выложено из булыжных камней, более крупных по периметру, помещенных на глиняной подушке толщиной в 3 см (рис. 41). Камни были промазаны слоем глины, который сверху (на 2–2,5 см) был очень сильно прокален и образовывал под печи (рис. 42). На нем прослежена прослойка золы, а выше – сплюснутые части верха печи. Анализ последних свидетельствует, что печь была сводчатой. Печь стояла на суглинистой прослойке серовато-желтого культурного слоя.

Той же конструкции были печи, исследованные на участке 30 в кв. Л-30 при снятии пятого пласта (рис. 43) и на других участках.

Некоторые глиняные печи не обкладывались в основании камнями, но имели внизу различные вымостки из плитняковых камней. Таковой была печь, остатки которой были выявлены в смежных частях кв. О-30 и П-30 (участок 31, пласт четвертый), в кв. Н-29 (участок 31, пласт пятый). Основание ее составляла вымостка из плитнякового камня размерами 1,0 × 0,9 м, промазанная тонким слоем глины. На поду зафиксирована тонкая линза спекшейся золы. От верхней части печи остался массив красной обожженной глины рваных очертаний размерами 1,6 × 0,9 м и толщиной 15–25 см. Вымостки из плитняковых камней выявлены также в основаниях глиняных печей, исследованных в смежных частях участков 47 и 48 в кв. VIII-28 и IX-28 (рис. 44), на участке 47 в шестом–восьмом пластах кв. VII-31 и VII-32 (рис. 45).

При одной из печей, имевших в основании кольцевую обкладку из камней в один–два яруса (кв. I-39, участок 38), выявлена яма (кв. II-39) прямоугольной формы размерами 2 × 1,5 м. На дне ее по краям прослежены обугленные плахи, по углам – нижние части сгоревших столбов. По всей вероятности, деревянную конструкцию составляли угловые стояки и горизонтальные плахи, концами впущенные в пазы стояков. Заполнение ямы составлял черный слой с немногочисленными камнями со следами пребывания в огне. Собрано свыше десятка обломков лепной керамики, найден железный нож с костяной рукояткой. Внутри каменной обкладки печи, имевшей в диаметре 1,1 м, напластования состояли из прослоек коричневатой глины с золой и углями, перемежающимися тонкими углистыми включениями.

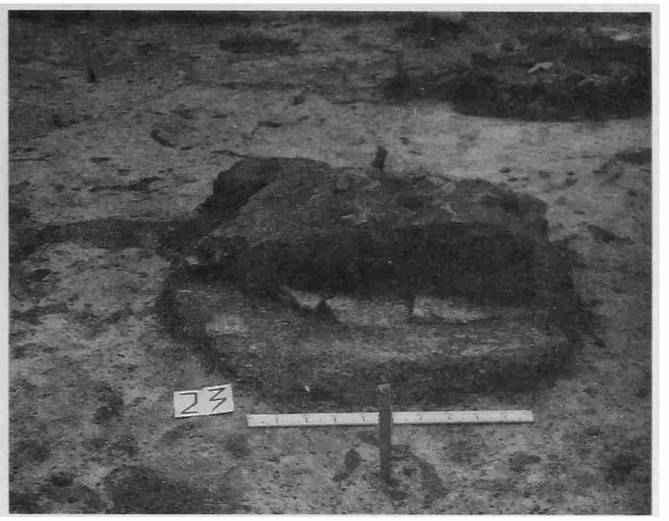

Рис. 44. Разрез глиняной печи в квадратах VIII-28 и IX-28 (участки 47–48). Снимок с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

При изучении развалов глиняных печей удается восстановить некоторые детали их конструкции. Одной из таковых является печь, расположенная в кв. II-33, I-33, II-34 (участок 37) и характеризующаяся крупными размерами. Массив обожженной глины красно-оранжевого цвета занимал в основании овал размерами 3,4 × 2,4 м, толщина его достигала 0,9 м (рис. 46, 47). Печь была сооружена

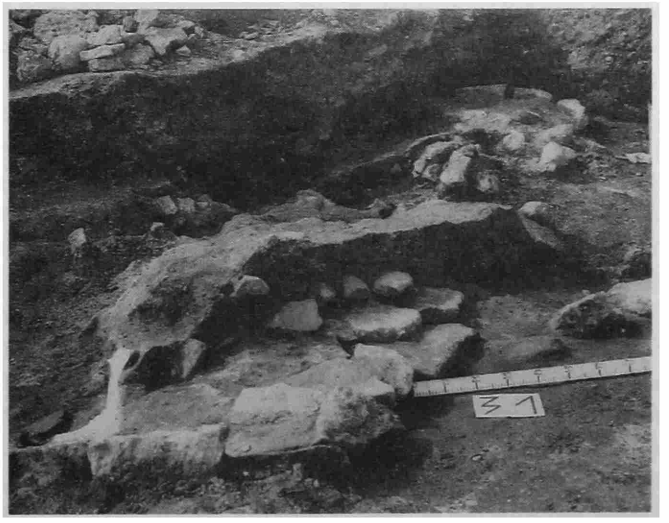

Рис. 45. Разрез глиняной печи с плитняковым основанием в квадратах VII-31 и VII-32 (участок 47, пласты шестой–восьмой). Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

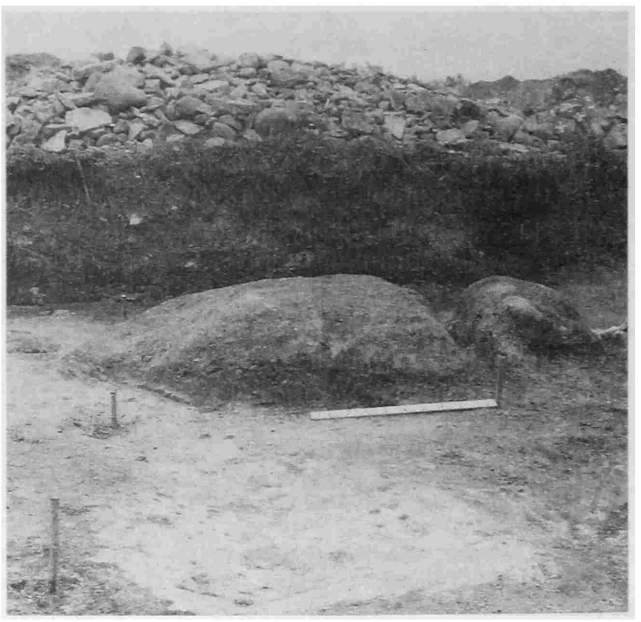

Рис. 46. Глиняная печь в квадратах Ц-33 и Ц-34 на участке 37 (пласты 6–7). Вид с востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

непосредственно на материковом грунте и, следовательно, ее первыми хозяевами были основатели Изборска. Функционировала она на протяжении длительного времени. Ко времени строительства ограды детинца печь была заброшена, оставшийся массив глины был прорезан канавкой при возведении крепостной стены.

Исследование глиняного массива печи выявило его сложное строение (рис. 48). Разрезы остатков печи дают возможность полагать, что первоначально она имела округлое основание диаметром 1,1 м. Сравнительно хорошо сохранившийся под ее – сильно прокаленная корочка – выявлен на высоте около 30 см над материком. Через какое-то время этот под был замазан прослойкой глины толщиной около 10 см, верхней поверхностью которой стал второй под печи. Таким образом, печь обновлялась, как уже сказано выше, пять – семь раз. Точно установить число перестроек невозможно, поскольку в ряде случаев под сохранился весьма фрагментарно. В каждом случае под поднимался на 7–10 см. Последний под находился уже на высоте около 70 см от основания печи. Каждый раз размеры печи несколько увеличивались в плане. При разборке верхней части печи обнаружены обожженные куски, позволяющие полагать, что она имела сводчатое завершение, толщиной 20–30 см. В составе глины встречены немногочисленные обожженные камни.

Среди глиняных печей имеются и производственные. Таковой, в частности, была печь, исследованная в четвертом пласте в кв. VII-24 (участок 52). Ее остатки представлены массивом обожженной глины красно-оранжевого цвета размерами около 2 × 1,6 м и толщиной до 12 см. В нем имелись единичные небольшие камни. Сложена печь была на тонком черном слое из глины с немногочисленными камнями внутри. Развал печи имел подпрямоугольные очертания размерами 2 × 1,6 м. При разборке обожженной глины найдено свыше сотни фрагментов лепной керамики, в слое около печного развала собрано множество кусков железного и керамического шлака.

К нижним напластованиям Изборска принадлежит и немало остатков печей-каменок. Такова печь, развал которой зафиксирован в пятом пласте кв. Ч-45 (участок 14). Это был навал сильно прокаленных булыжных камней, лежащих в один–три яруса на площади 2,3 × 1,7 м. Размеры камней различны – от небольших, имевших 5–8 см в поперечнике, до крупных, достигавших 30–40 см. При разборке остатков печи найдены мелкие фрагменты стенок лепных сосудов, рядом с ними – сдвоенная зонная бусина светло-зеленого стекла.

Интересные остатки печи-каменки исследованы в кв. Е-26 (участок 33) при снятии четвертого пласта. Прокаленные булыжные камни размерами от 5 до 35 см в поперечнике и рваные плитняковые лежали бессистемно в три–четыре яруса. Удалось выявить подпрямоугольное основание печи, выложенное по контуру из крупных камней, его размеры 1,8 × 1,8 м. Плитняковые камни, по всей вероятности, использовались для возведения верхней

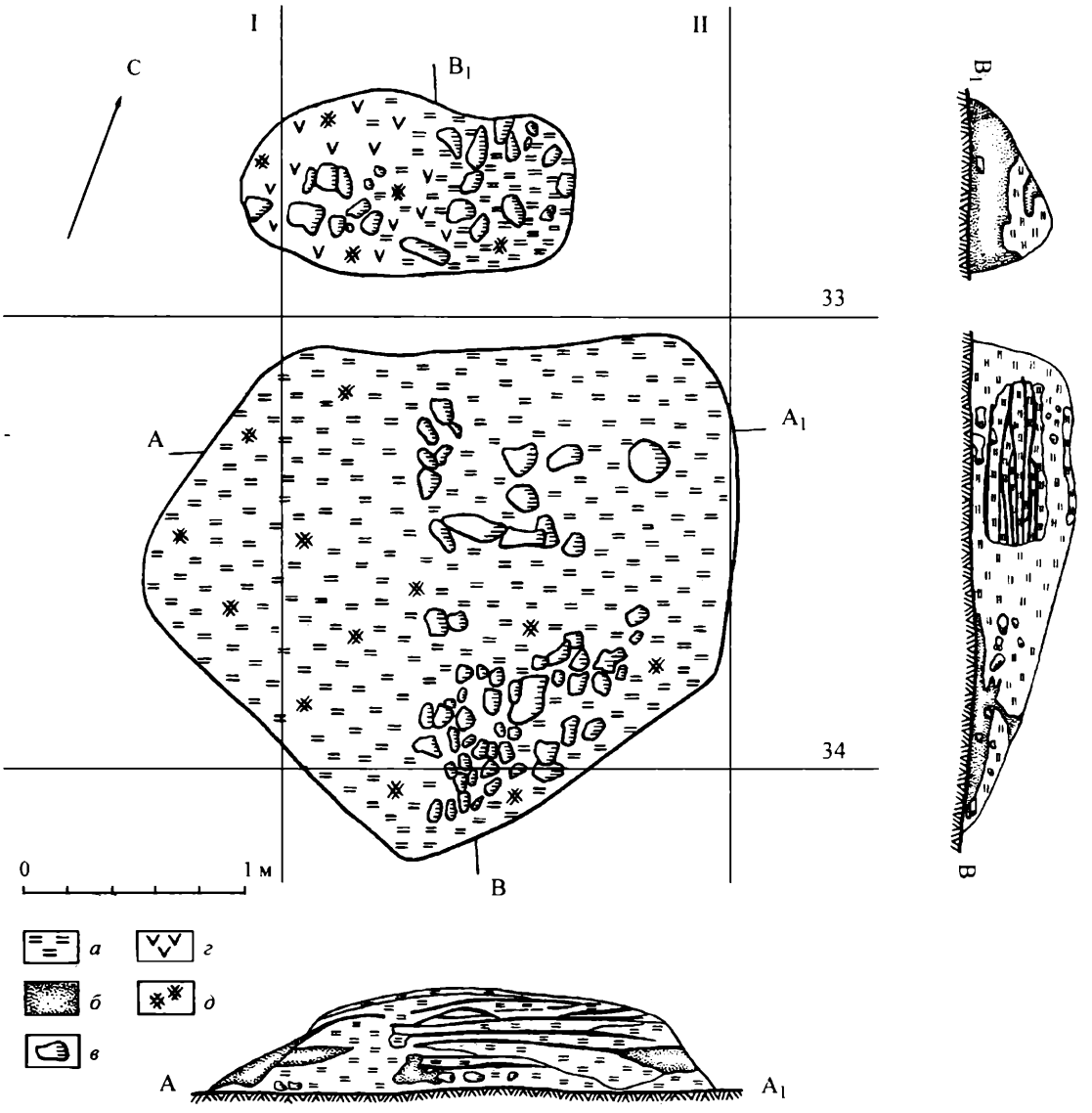

Рис. 48. План и разрезы печи в квадратах II-33 и II-34 на участке 37 (пласт седьмой)

а – обожженная глина красно-оранжевого цвета; *б* – черно-серый слой; *в* – камни; *г* – зола; *д* – угольные включения

подковообразно. Внутреннее пространство печи имело размеры 0,6 × 0,6 м, ее внешние размеры – 1,2 × 1,2 м. Под печи был выложен камнями, которые покрыты мощным слоем спекшейся золы. Изучение зольного напластования позволяет предполагать два этапа функционирования печи.

Еще одна печь-каменка исследована в четвертом пласте кв. И-22 (участок 33). В плане она была овальной, размерами 1,7 × 1,3 м. Камни со следами сильной прокаленности лежали в три–четыре яруса, плитняковые камни в конструкции этой печи не использовались.

Крупный навал печных камней был исследован на участке 37 в кв. V-32 при снятии седьмого пласта (рис. 49). Это было компактное скопление валунных камней самых разных размеров, лежащих в два яруса. Между камнями отмечены куски обгоревшего дерева. Размеры основания печи – 1,5 × 1,2 м. Под ним прослежена прослойка обожженной глины с золой толщиной 2–10 см, никак не связанная с каменкой (прослойка простиралась и на значительную часть кв. V-33) и скорее всего являющаяся остатками предшествующей глинобитной печи. При возведении печи-каменки последняя, очевидно, была снивелирована.

Рядом с печью-каменкой в квадратах IV-32 и IV-31 открыта хозяйственная яма прямоугольных очертаний размерами 2,4 × 1,6 м и глубиной 0,75 м. По углам котлована отчетливо читались следы стояков, еще один столб находился около середины западной стенки. Диаметры столбовых ям 25–30 см. Облицовка котлована состояла из плах или досок, впущенных в пазы стояков. Куски обгорелых плах (досок) от стен и пола в большом числе зафиксированы в заполнении котлована. Оно представляло собой черно-бурый слой с кусками обугленного дерева. Собрано около 5 ведер зерна, других находок, доподлинно связанных со временем функционирования хозяйственной постройки, не встречено. По всей вероятности, это было подполье несохранившегося жилища с описанной печью-каменкой.

Рис. 49. Печь-каменка в квадрате V-32 (участок 37, пласты седьмой–восьмой). Снимок с северо-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

Некоторые каменки имели глиняные основания. Одной из таковых является печь, остатки которой изучены в кв. Г-32 (участок 29) при снятии шестого пласта. Основание ее образовывал слой обожженной глины размерами 2 × 1,2 м и толщиной около 10 см. На ней лежали без какого-либо порядка прокаленные камни.

Имеется немало печей-каменок, выстроенных непосредственно на материке и, следовательно, относящихся к первопоселенцам Изборского городища. Развал одной из них зафиксирован в седьмом пласте кв. Н-23 (участок 32). Это было сравнительно небольшое скопление обожженных валунных камней, среди которых встречено несколько фрагментов лепной керамики. Среди них есть и ошлакованные. Печью-каменкой, сложенной в первый период жизни поселения, является и изученная при снятии четвертого пласта в кв. Х-29 и XI-29 (участок 48). Под ее сложен из плитняковых камней, а над ним находился развал печи в виде скопления преимущественно гранитных и немногочисленных плитняковых камней со следами пребывания в огне, лежащих в два – три яруса. Развал занимал площадь 1,2 × 1 м. Отложение культурного слоя вокруг этой печи свидетельствует о длительности ее функционирования.

Рис. 50. Печь-каменка в квадрате У-47 (участок 12, пласт пятый). Вид с юго-запада. Фото В.В. Седова, 1973 г.

Отмечены случаи, когда на месте первоначальной печи-каменки после ее разрушения строились новые. Так, печь, открытая в шестом пласте кв. У-47 участка 12 (рис. 50) и относящяяся к раннему периоду жизни поселения, восстанавливалась несколько раз. Первоначально ее четырехугольное основание размерами 1,9 × 1,9 м составили крупные рваные гранитные камни, положенные в прямоугольное углубление. При разборке основания встречены небольшие фрагменты лепной керамики, среди которых есть ошлакованные.

Другим типом отопительных устройств изборян рассматриваемого времени были очаги, количество которых по сравнению с выявленным числом печей было небольшим. Один из них исследован в смежных частях кв. К-34, К-35, Л-34 и Л-35 (участок 26) в пятом пласте. Это была округлая в плане прослойка обожженной глины толщиной 10–12 см, обставленная по периметру вертикально поставленными плитняковыми камнями (сохранились только с юго-восточной стороны). На прослойке глины прослежено наслоение золы. Размеры очага 1,3 × 1,2 м. При разборке очага каких-либо находок не обнаружено, в слое, примыкающем к нему, встречены исключительно фрагменты лепной керамики. Позднее непосредственно над очагом несколько юго-западнее была сооружена печь-каменка, развал которой состоял из прокаленных и не испытавших сильного воздействия огня валунов и плитнякового камня.

Очаг, исследованный на участке 47 в кв. VI-32 при снятии восьмого пласта, также имел в плане округлую форму диаметром в 1 м. Контуры его были оформлены поставленными вертикально плитняковыми камнями (рис. 51). Сложен очаг на черно-сером слое, отложившемся в предшествующее время. В нем встречены лишь фрагменты стенок лепной посуды. Разрез очага показал его неоднородное строение. Снизу находилась прослойка желтой глины, синхронная начальной стадии функционирования очага. В восточной части ее прорезала черно-серая прослойка, возможно, свидетельствующая о двух этапах использования очага. Накрывал очаг слой обожженной глины оранжево-красного цвета толщиной 3–4 см. По-видимому, на месте очага позднее существовала глиняная печь. В напластованиях очага обнаружены 10 фрагментов лепной керамики и несколько костей домашних животных.

Рис. 51. Очаг в квадрате VI-32 на участке 47 (пласт восьмой). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 52. Очаг в квадратах VIII-31 и VIII-32 на участке 48 (пласт восьмой). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Аналогичные очаги исследованы и на других участках городища. Очаг в кв. Ж-29 (участок 30, четвертый пласт) имел овальную обкладку размерами 1 × 0,7 м из поставленных на ребро плитняковых камней. В срединной части его находилась зола с мелкими угольками. Довольно хорошо сохранился очаг в четвертом пласте кв. Р-28 (участок 30). В плане он был трапециевидным, размерами 1,5 × 0,9 м. По всему периметру очаг обрамлен плитняковыми камнями, поставленными на ребро. Срединную часть его образовывал слой спекшейся золы с угольками, лежавший на прослойке прокаленной глины с песком толщиной 8–10 см. Подобный очаг изучен в том же пласте на границе кв. П-28 и П-29 (участок 30). Он имел в плане четырехугольную форму размерами 1,4 × 1 м и также обрамлен плитняковыми камнями, стоящими вертикально или несколько наклонно. Внутри обкладки находилась прокаленная глина толщиной до 15 см. Два последних очага были сооружены на культурном слое толщиной до 10 см.

Обкладка из трех камней сохранилась и у очага, исследованного в пятом пласте кв. Д-27 (участок 34). Сам очаг представлял собой тонкий слой золы, лежащий в слое глины с золой толщиной 3–5 см. Сооружен он был на черно-угольном слое толщиной 3–7 см, под которым находился материк.

В смежных частях участков 42 и 48 (кв. VIII-31, VIII-32) при снятии восьмого пласта раскопан очаг лунообразной в плане формы (рис. 52). Его контуры были сложены из плитняковых камней, поставленных вертикально. Размеры плит – от 25 × 18 до 32 × 23 см при толщине 4–6 см. Размеры очага – около 1,0 × 0,6 м. Разрез его внутренней части выявил слой желтой глины, разделенный в восточной части небольшой темно-серой прослойкой. Общая толщина слоя – 7–9 см. В нем обнаружено 10 фрагментов лепной керамики и около 50 костей животных. Над слоем глины находилась серая прослойка с большим содержанием золы. Сооружен очаг был на черно-сером слое толщиной до 8–10 см, в котором встречены фрагменты лепной глиняной посуды.

Несколько очагов исследовано на участках 31, 37 и 38. Все они имели округлые, овальные или подпрямоугольные формы и обрамлены камнями – или плитняковыми, или булыжными. Обкладка могла быть и сплошной, и несплошной. Срединную часть очагов образовывал спекшийся слой золы с угольками без глиняного основания. Размеры очагов – от 0,85 × 0,6 до 1,3 × 1,1 м (рис. 53).

Неплохо сохранившийся очаг был исследован в кв. Х-24 и Х-25 (четвертый пласт, участок 52). Он четырехугольный, размеры его 1,1 × 1 м, по периметру обрамлен поставленными вертикально плитняковыми камнями. Внутри обкладки находился слой золы толщиной до 10 см, в котором встречены единичные мелкие фрагменты лепной посуды.

Некоторые очаги, вероятно, не имели обрамления из камней. Таким был очаг, открытый в пятом пласте кв. Д-31 (участок 34). Это была зольная

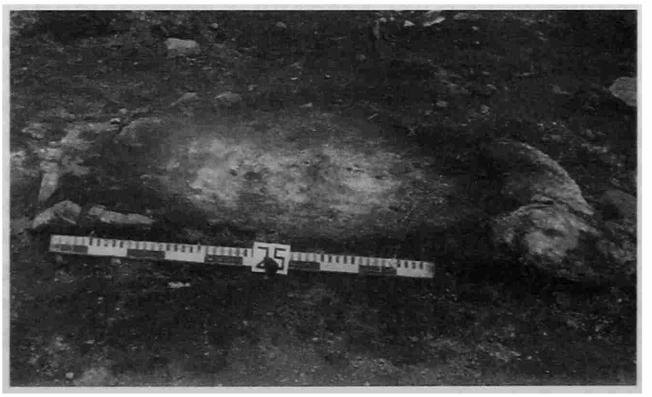

Рис. 53. Очаг на участке 31 (пласт шестой). Фото П.Г. Гайдукова, 1977 г.

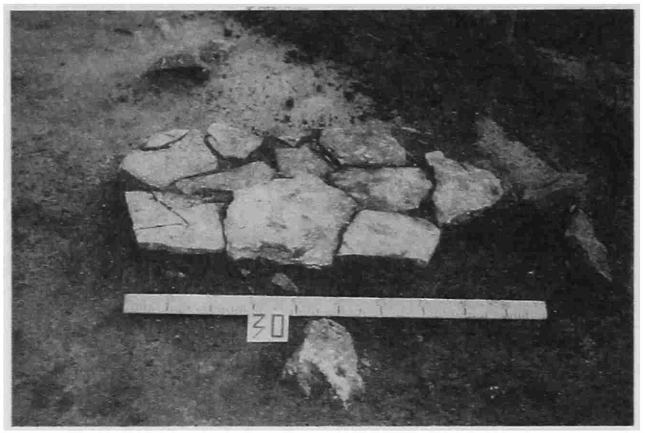

Рис. 54. Остатки пола постройки на участке 37, сложенного из плитнякового камня (квадрат Ш-33, пласт пятый). Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

прослойка толщиной 5–6 см овально-округлых очертаний, размерами 1,4 × 1,2 м. Этот очаг находился непосредственно на материке и, таким образом, должен быть отнесен к первопоселенцам Изборска.

Выявлено немало случаев возведения отопительных сооружений на одном месте в несколько последовательных ярусов. Так, при изучении напластований седьмого пласта в кв. З-35 (участок 26) была открыта печь, относящаяся к начальному этапу жизни поселения. Она была сложена из крупных камней, а основание ее было глиняным, размерами около 2 × 1,5 м. При разборке печи обнаружено большое число фрагментов лепной керамики. На втором этапе непосредственно на ее остатках была сооружена глиняная печь, от которой до нас дошел массив обожженной красно-оранжевой глины размерами 1,8 × 1,3 м и толщиной до 15 см. В массиве глины встречены единичные обломки лепной посуды того же облика, что и в нижележащей печи-каменке.

Подобная ситуация прослежена и в смежных частях кв. Ж-32 и Ж-33. В нижних горизонтах рассматриваемого слоя здесь были зафиксированы остатки печи-каменки, а выше – массив обожженной глины с редкими камнями размерами 2 × 1,6 м при толщине до 15 см.

При снятии седьмого пласта в смежных углах кв. К-34, К-35, Л-34 и Л-35 (участок 26) открыт очаг, остатки которого представлены округлым пятном обожженной глины размерами 1,3 × 1,2 м и толщиной около 10 см, оконтуренным вертикально поставленными плитняковыми камнями (обкладка сохранилась лишь в юго-восточной части). На слое глины находилась прослойка золы толщиной 2–4 см. Очаг относится к первому периоду жизни Изборского городища. На следующем этапе на месте очага была сооружена печь-каменка, от которой прослежен развал, несколько смещенный в западном направлении (преимущественно в кв. Л-34 и Л-35). Камни со следами прокаленности находились в разрозненном состоянии, поэтому судить о строении и размерах печи не приходится.

Еще одно наслоение печей нижнего культурного слоя изучено по соседству в восьмом пласте на участке 47 (кв. VI-32). Первоначальным здесь был очаг, описанный выше. Над остатками очага находилась прослойка обожженной глины оранжево-красного цвета толщиной 3–4 см, может быть, свидетельствующая о сооружении здесь глиняной печи. После того, как это отопительное устройство пришло в негодность, на его месте была сооружена глиняная печь с основанием, выложенным из камней. Последняя имела овальную форму размерами 1,4 × 0,9 м. Сверху лежал массив обожженной глины размерами 1,8 × 1,2 м и толщиной 10–30 см. В его южной части выявлено множество камней, образующих обкладку печи. После того, как эта печь пришла в негодность, рядом (северная часть кв. VI-32) была сооружена печь-каменка, от которой в раскопе зафиксирован ее развал в виде разбросанных камней со следами пребывания в огне. При разборке остатков глиняной и каменной печей собрано свыше десятка фрагментов лепной керамики.

На следующем этапе на руинах описанных печей была сооружена новая печь, от которой остался массив обожженной глины, открывшийся в седьмом пласте (смежные части кв. VII-31 и VII-32). Он занимал площадь около 2 × 2 м с рваными очертаниями и имел толщину 10–15 см. Основание и этой печи было выложено из плитняковых камней. При разборке печной глины встречено два фрагмента лепной и маловыразительный обломок раннегончарной керамики.

Заключая обзор остатков изборского домостроительства, можно подчеркнуть, что для поселения с самого начала его возникновения были характерны жилища, которые в этнографической литературе именуются северо-восточнославянскими. Общими особенностями их являются наземный характер, срубная техника устройства стен, однокамерность при площади 12–16 и реже более кв. м, отопительное устройство – глиняная печь или печь-каменка, занимающая один из углов постройки. Полы жилых построек Изборского городища были сложены из плах (на лагах?), иногда они выкладывались из плитнякового камня, что неоднократно зафиксировано при раскопках (рис. 54). Не исключено, что какая-то часть построек имела и земляные полы.

Такие дома прежде всего хорошо известны по раскопкам поселений с культурными отложениями, сохраняющими органику. В Старой Ладоге жилища этого типа характерны как для нижних горизонтов слоя, датируемых VIII–IX вв., так и для вышележащих отложений X–XIII вв. (*Равдоникас*, 1949. С. 5–54; *Гроздилов*, 1950. С. 140–161; *Носов*, 1977. С. 10–17). Постройки рубились в обло с чаш-

кой или пазом в нижнем бревне и с выпуском остатка от 15 до 30 см. Средние размеры стен 4–5 м. Материал – сосна, редко ель, толщина бревен 10–35 см. Пазы обычно промазывались глиной. Под бревна нижних венцов нередко клались деревянные подкладки, а под углы срубов – иногда плитняковые камни. Полы настилались из толстых досок шириной 15–28 см, которые клались на бревенчатые лаги. Концы их укладывались впритык к бревнам сруба на подкладки из коротких бревен. Они оказывались лишь слегка приподнятыми над грунтом. Печи сооружались насухо из камней – крупных и мелких булыжников и находились в одном из углов. Клались они нередко на опечках размерами 1,2 × 1,5 м – навалах камней в один или несколько слоев, ограниченных горизонтально положенными бревнами.

Жилища этого типа были характерными постройками и Новгорода, начиная с самых нижних горизонтов, датируемых X в. (*Засурцев*, 1963. С. 5–165; *Спегальский*, 1972. С. 61–89). Для строительства использовались сосновые, реже еловые бревна толщиной 20–30 см. Рубка осуществлялась в обло с выемкой чаши или паза в нижнем бревне. Широко применялись подкладки из обрубков бревен или плах. Пазы между бревнами заполнялись мхом. Полы из досок делались на переводинах – лагах, поднятых на 20–30 см над землей. Печи клались из глины или камня, нередко на столбовых опечках. В X в. доминировали однокамерные постройки.

Аналогичные срубные жилища с деревянными полами и печами-каменками в углу исследованы и на Новгородском (Рюриковом) городище в слоях с лепной керамикой второй половины IX – первой половины X в. (*Носов*, 1990. С. 61, 62).

Жилые постройки подобного типа широко представлены и на неукрепленных поселениях ареала кривичей и словен ильменских. Так, на селище Золотое Колено в среднем течении Мсты, принадлежащем к культуре новгородских сопок, исследовано три таких срубных постройки размерами 4,4 × 4,4, 4,6 × 5,2 и 3,5 × 4,9 м. В углах их находились остатки печей-каменок (*Носов, Конецкий*, 1975. С. 28, 29). Следы таких же жилищ с печами-каменками выявлены в напластованиях второй половины I тыс. н.э. на городище Сельцо в Южном Приильменье (*Орлов*, 1962. С. 43). На поселении, расположенном на берегу озера Съезжее, датируемом тем же временем, что и предыдущий памятник, к рассматриваемому типу принадлежит одно из двух исследованных здесь жилищ. В углу его находилась печь-каменка. Основу ее образовывали крупные камни, а пространство между ними заполнено мелкими камнями, образующими под печи (*Носов*, 1983. С. 31). Такие же жилища доминировали на поселении третьей четверти I тыс. н.э. Юрьевская горка в Удомельском Поозерье. Наряду с ними здесь, по всей вероятности, имелись и постройки каркасно-столбовой конструкции (*Исланова*, 1997. С. 30–44). Аналогичным было домостроительство на поселениях VIII–IX вв. Георгий и Прость на северо-западном побережье Ильменя (*Орлов, Аксенов*, 1961. С. 164; *Орлов*, 1972. С. 131) и многих других, в том числе и в ареале тушемлинской культуры. Подобные жилые постройки характерны и для Гнёздовского селища, где, как и в Изборске, параллельно бытовали глиняные печи и печи-каменки.

Некоторые из построек описываемого типа имели внутри углубленные котлованы – подполья. В Изборске они единичны. Более изучены они на Псковском городище в напластованиях VI–VIII вв. Основу жилищ составляли срубы, поставленные на грунт. Подпрямоугольные котлованы устраивались обычно в средней части построек и имели размеры до 3 × 3,5 м и глубину 0,2–0,6 м. Развалы каменных отопительных сооружений при раскопках обнаруживались на дне котлованов у одной из стенок или в одном из углов (*Белецкий*, 1980. С. 9–10).

Подобные жилые постройки с неглубокими котлованами были зафиксированы на многих поселениях Северо-Запада. В Городце под Лугой было раскопано несколько таких котлованов жилищ площадью от 7 до 20 кв. м и глубиной 0,3–1 м. В углах их иногда находились остатки печей-каменок. Датируются дома на этом поселении лепной керамикой второй половины I тыс. н.э. (до X в.). Исследователь памятника Г.С. Лебедев полагал, что это были жилища-полуземлянки (*Лебедев*, 1977. С. 112–114). Однако в настоящее время представляется несомненным, что их нужно трактовать как наземные постройки с котлованами внутри.

На селище Прость раскопками исследован котлован размерами 3,9 × 2,8 м при глубине 0,25 м с остатками глиняной печи. На Новгородском городище одно из углублений от постройки рассматриваемого облика имело размеры 5,4 × 2,2 м при глубине в 1 м. В его заполнении найдены фрагменты лепной керамики и небольшой клад аббасидских дирхемов, попавший в грунт в конце 50-х годов IX в. (*Носов*, 1990. С. 90–92).

Остатки жилищ того же типа исследовались на поселении Городок на Ловати в культурном слое X в. Это были срубные наземные строения размерами до 8 × 5 м с ямами-подпольями размерами около 1,6 × 1,2 м и глубиной до 1 м. Отопительные устройства (определить, печи или очаги, затруднительно) делались из камня и глины (*Горюнова*, 1983. С. 8–9). Остатки наземных домов с ямными углублениями изучались также на селищах Юрьевская горка и Бережок в Удомельском Поозерье (*Исланова*, 1997. С. 30–44).

Широкое распространение наземных срубных жилищ с деревянными полами (с подпольными ямами или без них) в рассматриваемом северо-западном регионе, как уже было подмечено

С.Л. Кузьминым (1987. С. 23–25), относится к середине I тыс. н.э. Эти постройки можно считать северо-восточнославянским типом, характерным для Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. По всей вероятности, их начало следует связывать с расселением в середине I тыс. н э. в лесной полосе Восточно-Европейской равнины среднеевропейского населения, среди которого наиболее активным (и, вероятно, более многочисленным) этносом оказались славяне (*Седов*, 1999а. С. 91–179). В предшествующее время на территории расселения кривичей и словен подобных срубных строений с печью в углу не было. Здесь доминировала столбовая или каркасно-столбовая техника домостроения, хотя была известна и срубная. Отапливались жилища в раннем железном веке очагами. Истоки северновеликорусского домостроения, по-видимому, не следует искать где-то на стороне. Скорее всего, эти жилища сложились на месте в соответствии с географическими и климатическими условиями северной части Восточно-Европейской равнины. Среднеевропейскими переселенцами были привнесены сюда распространенность срубной техники возведения построек и, возможно, интерьер – расположение отопительных устройств в одном из углов жилища.

Жилища такого же типа – наземные срубные с деревянными полами, нередко с неправильными углублениями – подпольями овального или подпрямоугольных очертаний получили широкое распространение на славянских поселениях раннего средневековья в междуречье Вислы и Эльбы. От таких домов при раскопках чаще фиксируются только углубленные их части. В подпольных ямах нередко обнаруживаются развалы камней от отопительных устройств, которые, нужно полагать, находились на полу домов поблизости от углублений. В отдельных случаях исследованы неразрушенные очаги. Это или кладки из камней в один-два яруса, или воронкообразные углубления, заполненные углистым слоем. Наряду с очагами зафиксированы и печи-каменки. Постройки такого облика были обстоятельно рассмотрены немецким археологом П. Донатом в ряде статей, позднее в монографии, посвященной домостроению Средней Европы в VI–XII вв. (*Donat*, 1980).

Сходство в домостроительстве кривичско-словенского региона и области балтийских славян, как и некоторые параллели в керамических материалах этих территорий, не следует рассматривать как свидетельство происхождения кривичей и словен от балтийских славян, как это иногда трактуют некоторые исследователи. Речь может идти только о происхождении балтийских славян, как и кривичей и словен ильменских, из одной праславянской племенной группировки позднеримского времени (*Седов*, 1975а. С. 46–48, 215–217; 1999а. С. 91–117).

Несколько позднее, чем в кривичском регионе, жилые постройки рассматриваемого типа появились в ряде мест Юго-Восточной Прибалтики. Так, анализ строительства на хорошо исследованном городище Асоте в Латгалии показывает, что до IX в. жилища отапливались исключительно очагами. В напластованиях IX в. выявлены и очаги, и первые глиняные печи. К сожалению, застройка X в. на этом поселении не сохранилась. В XI в. уже доминировали глиняные печи (*Шноре*, 1961. С. 16–25, 64–75). На поселении Кентескалнс, расположенном в 40 км восточнее Риги, срубные дома с печами-каменками получают широкое бытование начиная с 800 г., до этого жилища отапливались очагами (*Стубавс*, 1959. С. 186–221; *Stubavs*, 1976. Lpp. 60–80).

К отдельному типу жилых построек на Изборском городище принадлежат немногочисленные наземные срубные дома с глиняными полами. Такие строения более представлены на раннесредневековых поселениях Эстонии и Латгалии (*Седов*, 1975. С. 289–290). Так, на городище Рыуге открыты остатки пяти срубных построек с глиняными полами и прослежено еще несколько фрагментов таких полов. Согласно М.Х. Шмидехельм, такие жилища бытовали здесь начиная с VII–VIII вв. Отопительными устройствами были очаги из камней, занимавшие в постройках срединное положение (*Шмидехельм*, 1959. С. 158–160). Аналогичные постройки были характерны и для селища, примыкавшего к городищу (*Аун*, 1992. С. 27–32). В соседнем кривичском регионе наземные срубные жилища с глиняными полами исследовались на городище Камно, где такие жилища с очагом в середине, по-видимому, были распространенными и единственными домами в VIII–IX вв. (*Глазунов, Плоткин*, 1978. С. 82–91). На Псковском городище жилища с глиняными полами сосуществовали с постройками других типов. Отапливались они глиняными печами или очагами (*Белецкий*, 1981. С. 43–46; *Седов*, 1998. С. 46).

Трудно сказать, являются ли глиняные полы в срубных наземных жилищах этнографическим признаком какого-то этнокультурного образования. Во всяком случае, в Изборском крае такие постройки никак нельзя рассматривать как наследие субстратного прибалтийско-финского населения. На территории Эстонии и Латвии глиняные полы в срубных наземных домах получили распространение не раньше VII–VIII вв., т.е. в то же время, что и в округе Изборского городища. Все же можно полагать, эта особенность в раннесредневековом домостроении Северо-Запада является неславянской чертой – очень часто глиняные полы в жилищах сочетаются со срединным положением очага или печи.

Несколько слов следует сказать об отопительных устройствах. Печи-каменки в начале средневековья получают распространение на широкой территории славянского расселения, а также за ее пределами у соседних этносов. Они широко пред-

ставлены и доминируют в лесостепной зоне Прутско-Днепровского междуречья, в меньшей степени известны на Волыни, в Северном Прикарпатье, Среднем Подунавье и в бассейне Эльбы (*Pannonopm*, 1975. С. 144–146, рис. 48; *Donat*, 1980. Karte 4). Славянские печи-каменки были довольно однотипными. Они складывались из необработанных камней разных размеров и снаружи в основании имели прямоугольную или подпрямоугольную форму размерами около 1–1,5 м. Камни клались без связующего раствора, щели между камнями иногда забивались глиной. Поды печей, округлые или овальные, превышали пол жилищ на несколько сантиметров. Они промазывались глиной или мостились каменными плитами, которые также иногда промазывались глиной. Верхние части печей перекрывались или большими плоскими камнями или сводом из небольших камней. К этому типу принадлежат и изборские печи-каменки. Думается, что не следует искать исходный регион славянских печей-каменок. Они могли возникнуть конвергентно в разных местностях славянского расселения из поверхностных каменных очагов, бытовавших в предшествующий период. Ухудшение климатической ситуации (похолодание и перенасыщенная влажность), имевшее место в Северной Европе в эпоху Великого переселения народов, заставило славянское население вместо распространенных ранее очагов из камня сооружать печи-каменки, которые не требовали непрерывной топки, большие массы камня накапливали тепло и постепенно отдавали его жилому помещению. Около VIII–IX вв. на смену очагам печи-каменки приходят и в соседних с Изборским краем прибалтийских землях. В IX–XII вв. на многих латгальских городищах печи-каменки существовали одновременно с очагами (*Шноре*, 1961. С. 64–75; *Стубавс*, 1959. С. 146; *Mugurevičs*, 1977).

Несколько меньше, чем печи-каменки, в начале средневековой поры были распространены в славянском мире глиняные печи. Они выявлены преимущественно на Волыни и в Прикарпатском регионе (*Pannonopm*, 1975. Рис. 58; *Donat*, 1980. Karte 4). В северо-западной части Восточно-Европейской равнины, как отмечалось выше, глиняные печи в небольшом числе встречаются на поселениях наряду с каменками. Некоторое разнообразие изборских глиняных печей, по всей вероятности, отражает начальный этап их формирования. Глиняные печи Изборского городища с вымосткой из камней в основаниях и опоясанные венцом из валунных камней или плитняка мною ранее сопоставлялись с латгальскими и относились к местным (латгальско-рыугским) особенностям. Они изучались на городище Камно и Псковском. На поселении Рыуге подобных печей нет. В Латгалии они появились по крайней мере на столетие позже, чем в Изборском регионе. Так, на Асотском городище глиняные печи рассматриваемого типа характерны для слоев IX–XIII вв. При этом в IX–X вв. сооружались небольшие печи без свода (*Шноре*, 1961. С. 64–75). На других поселениях Латгалии и соседних земгальско-куршских земель такие печи появляются позднее. Так, в Ерсике и Даугмале они известны с XI в., в Межотне и Тервете характерны для слоев XI–XIII вв. Обычно такие печи на поселениях сосуществуют с печами, сложенными целиком из глины. Вполне очевидно, что изборские глиняные печи с каменными основаниями по своему происхождению никак не могут быть связаны с местной финской или соседней балтской традицией. Следует полагать, что в Изборске эти печи были результатом творческой деятельности его жителей.

Безусловно местной субстратной традицией на Изборском городище были очаги описанного выше облика. Они восходят к отопительным устройствам, широко распространенным на поселениях финноязычного населения раннего железного века. Совершенно такие же округлые, овальные и подпрямоугольные очаги, обложенные по периметру камнями, выявлены на многих поселениях прибалтийских финнов Псковско-Ильменского края и в Волго-Окском междуречье на памятниках дьяковской культуры.

Фортификационные сооружения

Оборонительные сооружения Изборска рассматриваемого времени полностью скрыты под более поздним валом в облике, дожившем до нашего времени, и исследовались фрагментарно лишь в траншеях, прорезавших его. Одна из траншей пересекла вал и ров по линии Д (ряды квадратов 57–79). Ее ширина 2 м. Во избежание обвалов грунта стенки траншеи пришлось делать несколько наклонными, а в наиболее высокой части вала траншея была расширена до 4 м – кв. от Е-60 до Е-65. Кроме того, на небольшую глубину с целью изучения каменной конструкции вала позднего этапа был вскрыт кв. Ж-65.

Основные наслоения вала относятся к городскому периоду и получат характеристику ниже. Здесь описываются лишь его нижние конструкции, синхронные нижним горизонтам культурных отложений городища. В результате анализа стратиграфии насыпи вала (рис. VI) устанавливается, что древнейшим фортификационным устройством, защищавшим догородское поселение с южной, напольной стороны, был вал из плотной глины, остатки которого крайне плохо сохранились, и стена из плитнякового камня, сооруженная на нем.

Первоначальный руинированный вал выявляется в виде слоя плотной желто-серой глины и читается и на восточном, и западном профилях стенок траншеи (рис. 55, 56). Остатки его занимали почти целиком кв. Д-62, Д-63, Е-62 и Е-63 и небольшую

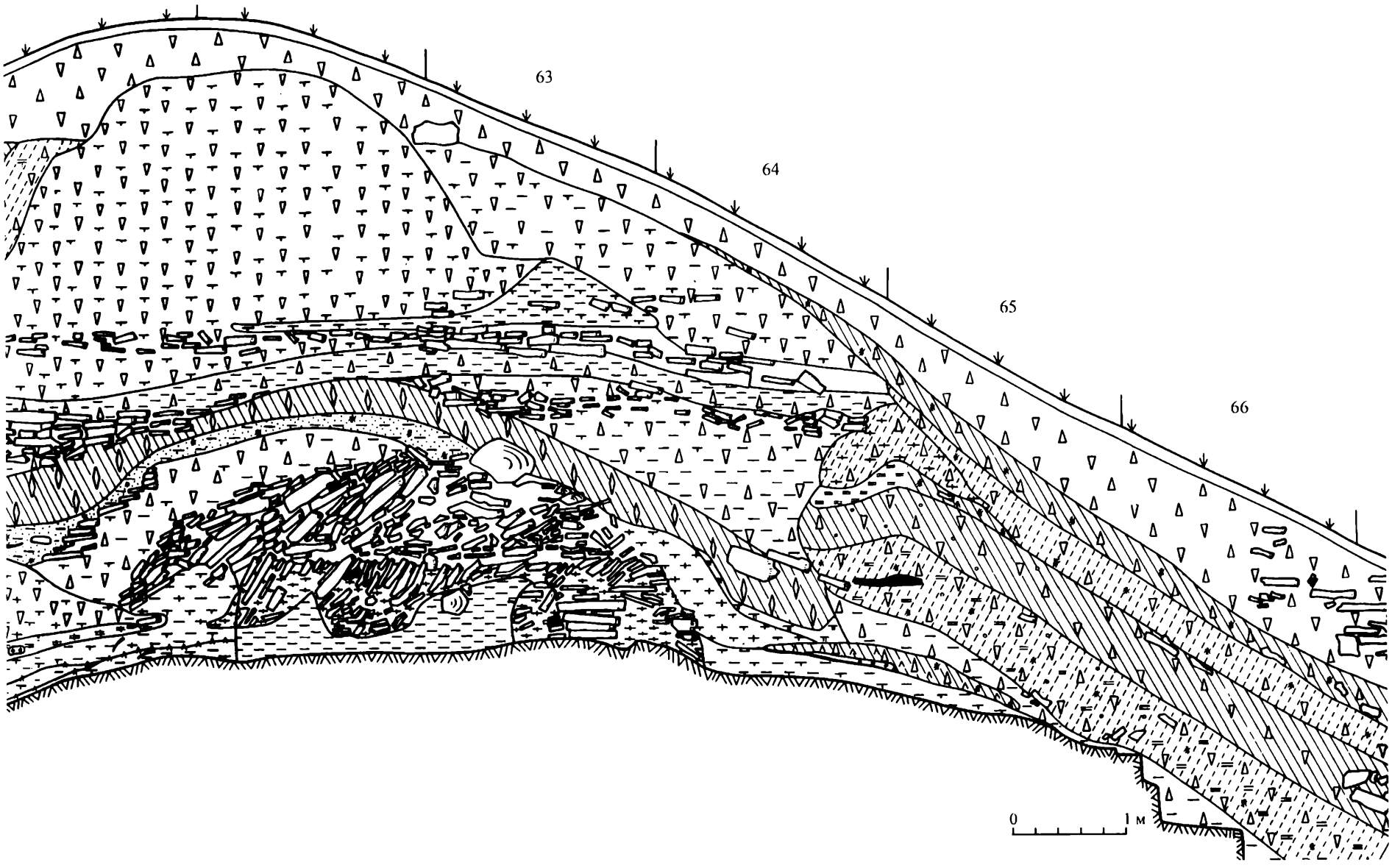

Рис. 55. Разрез вала городища – восточная стенка траншеи в квадратах Д-61–66

Условные обозначения см. на рис. VI

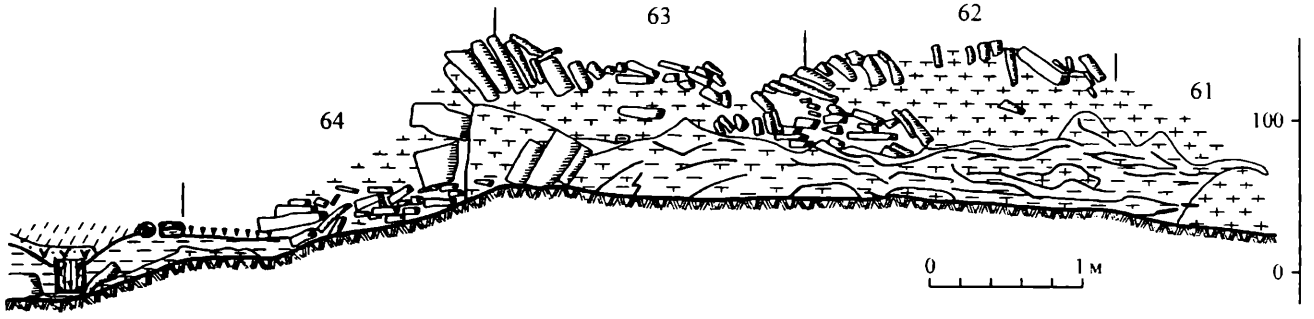

Рис. 56. Разрез вала городища, нижняя (древнейшая) часть – западная стенка траншеи в квадратах Е-65, Е-64, Е-63, Е-62, Е-61

а – плотная глина первоначального вала; *б* – слой глины, образовавшийся от расползания насыпи вала; *в* – серая супесь со щебнем; *г* – щебень; *д* – камни; *е* – дерево; *ж* – поверхность материка

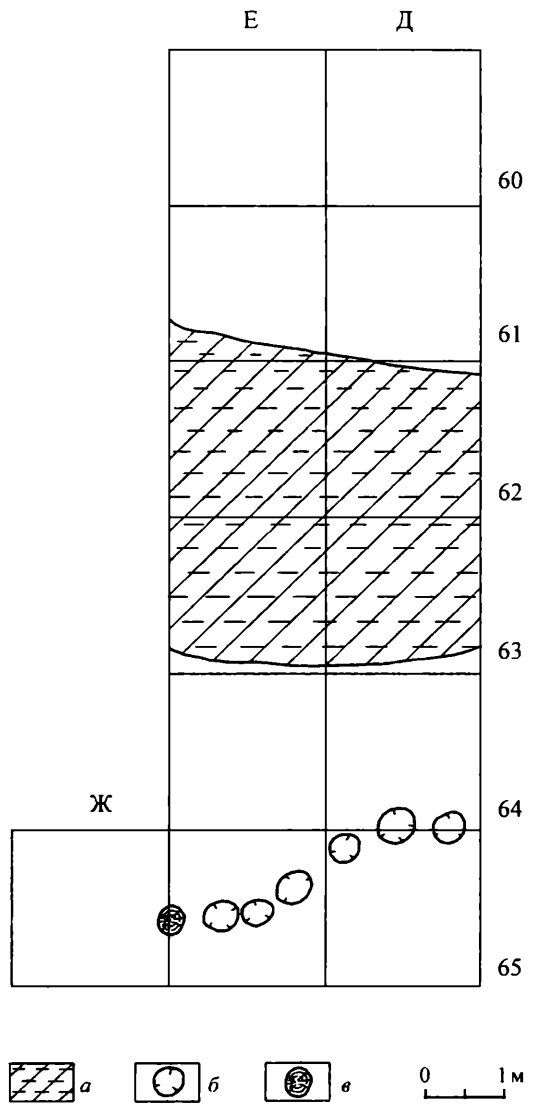

Рис. 57. План нижнего горизонта участка траншеи, прорезавшей вал

а – плотный слой глины первоначального вала; *б* – столбовые ямы от частокола; *в* – обугленные остатки вертикально поставленного бревна

часть в кв. Е-61 (рис. 57). Дошедшая до нас насыпь имела ширину около 4 м и высоту до 0,9 м, но достаточно очевидно, что она была сильно повреждена при возведении крепостной стены из плитняка. Подлинные размеры древнейшего вала восстановить не представляется возможным. Насыпан он непосредственно на материковой скале, которая здесь имеет почти горизонтальную поверхность. Следов погребенной почвы не выявлено. Если почвенный слой и образовался на скальной поверхности, то он, очевидно, был удален при сооружении вала. Прослойки желто-серой глины толщиной до 10–15 см, образовавшиеся, как можно полагать, в результате расползания насыпи вала, отчетливо читаются на материке к северу и югу от нее. Вероятно, они свидетельствуют о длительности функционирования вала. Сразу за валом, южнее его, поверхность материка становится несколько наклонной, а в трех метрах от насыпи начинается ров.

Следущий этап оборонительных сооружений – возведение крепостной стены на остатках древнейшего вала. Она открыта в сильно разрушенном состоянии. Непотревоженными оказались лишь крупные нижние камни, лежащие непосредственно на материковом грунте в три–четыре яруса (южные части кв. Д-63 и Е-63) и принадлежащие основанию внешней (южной) облицовки крепостной стены. Среди них есть и гранитные, и известняковые камни, их размеры от 0,3 × 0,2 × 0,2 до 0,7 × 0,5 × 0,4 м. Древнейший вал при этом был частично срыт, прорыты были и прослойки глины, образовавшиеся, как сказано выше, в процессе функционирования вала. Облицовка была опущена в котлован шириной 70–80 см (рис. 55).

С северной стороны основание плитняковой обкладки стены не сохранилось, но край котлована отчетливо читается как по вертикальному срезу насыпи первоначального вала, так и по слою с щебнем и обломкам крупных плитняковых камней. Таким образом, устанавливается, что крепостная стена имела ширину 2,6 м. Ее обе стороны составляли кладки из плитнякового камня, сложенного насухо, середина была забутована глиной и щебнем. Выше остатки стены фиксировались в виде большого количества плитнякового камня, лежавшего наклонно под разными углами – от 45 до 80 градусов. Сохранились крупные фрагменты

плитняковой кладки, свидетельствующие о том, что стена на исследуемом участке развалилась в древности.

В глине, перекрывающей ее остатки, обнаружены единичные фрагменты лепной керамики. Руины этой древнейшей стены были сохранены при раскопках и законсервированы.

В 2 м южнее крепостной стены выявлено семь столбовых ям от частокола (рис. 57). Диаметры их – от 15 до 32 см, глубина в материке – от 15 до 36 см. Заполнены ямы были слоем пожарища – угли, зола, пепел, куски древесного тлена, что указывает на то, что частокол погиб в результате пожара. В одной из ям по краям выявлены три плитняковых камня, лежащие на ребре. Очевидно, они крепили помещенное в яму основание одного из стояков частокола. В другой яме (западная часть кв. Д-65) прослежена нижняя часть обгоревшего столба, что не оставляет сомнения в том, что здесь был устроен частокол. Труднее определить его взаимоотношение с описанной крепостной стеной. Ямы от частокола прорезали слои глины, образовавшиеся при расползании первоначального вала и, следовательно, относятся к более позднему времени. Сказать же, предшествовал ли частокол стене из камня или это одновременное сооружение, не представляется возможным.

Можно полагать, что уже при возведении первых фортификационных сооружений с напольной стороны поселения был вырыт и ров. Однако до нас дошел ров в облике X–XII вв.; восстановить, как выглядел ров во время функционирования первоначального вала и описанной крепостной стены, не представляется возможным.

На следующем этапе была сооружена насыпь, в которую были включены руины первых крепостных сооружений. Сверху и с северной стороны к ним был приложен массив неоднородной (серого, желтого и бурого цветов) глины со щебнем и черно-серыми включениями с углем. В нижних частях этих напластований встречено несколько фрагментов лепной керамики. Ширина основания вала составила 9,2–9,5 м, его высота 1,6–2 м. Верхняя поверхность вала уплощена, и на ней была выстроена крепостная стена из плитнякового камня, почти полностью разобранная при последующих реконструкциях оборонительных сооружений. До нас дошли только отдельные камни этого укрепления. Они, в частности, видны в профиле в кв. Д-61 (рис. 55). Но эти оборонительные сооружения относятся уже ко времени перерастания догородского поселения в город. К сожалению, при возведении насыпи вала были потревожены и разрушены слои и прослойки, образовавшиеся в догородской период, что не дает возможности связать оборонительные сооружения этого времени с напластованиями на застроенной площади городища. Стратиграфия позволяет только утверждать, что древнейший вал и описанная выше каменная стена синхронны напластованиям догородского поселения, поскольку насыпь вала, включившая их, связывается с напластованиями, перекрывающими нижние горизонты культурного слоя памятника.

Застройка поселения

Состояние нижних горизонтов культурного слоя не дает возможности дифференцировать открытые раскопками остатки построек, печей, очагов и оборонительных конструкций на строительные периоды. Можно лишь несколько условно распределить эти сооружения на два временных этапа, которые дают некоторое представление об облике догородского Изборска. Прежде, чем перейти к их краткой характеристике, необходимо отметить следующее. Открытые раскопками по периметру городища каменные крепостные сооружения, датируемые XII–XIII вв., не были разобраны в процессе раскопочных исследований. Остатки их были законсервированы для возможной последующей музеефикации городища. В результате нижний культурный слой, характеризующий догородское поселение, под этими крепостными конструкциями не был исследован. Поэтому представленные ниже планы никак не могут отражать полной картины планировки догородского Изборска. Остались неисследованными также культурные отложения характеризуемого периода и под насыпью вала.

Первый, древнейший этап составляют дома и отопительные устройства, возведенные изборянами непосредственно на материке или на тонком черно-сером слое, т.е. в самом начале формирования культурного слоя поселения (рис. VII). В северной, мысовой части отчетливо выделяется округлая в плане площадь, диаметром 25–26 м, свободная от какой-либо застройки. Есть все основания полагать, что она была устроена первопоселенцами Изборска. При этом был использован плитняковый выступ материка, несколько подрезанный таким образом, что образовалась округлая горизонтальная площадка, приподнятая на 30–50 см над окружающими частями поселения. Достаточно очевидно, что предназначалась площадь для племенных собраний, для проведения культовых, языческих празднеств и гаданий.

Жилые постройки начального этапа располагались бессистемно между площадью и валом, защищавшим поселение с напольной стороны. Такая кучная планировка была характерна для славянских поселений второй половины I тыс. н.э. Выявляемые белые пятна в застройке могут иметь двоякое объяснение. С одной стороны, отдельные участки площади поселения могли быть незастроенными, с другой стороны, это может быть результатом уничтожения нижних горизонтов культурного слоя в результате последующей строительной деятельности.

Среди построек доминировали, по-видимому, срубные дома с дощатыми и земляными полами, но были среди них и строения с глиняными полами. Одновременно бытовали и глиняные печи, и печи-каменки. Сравнительно небольшая часть жилищ имела очаги. Какой-либо взаимосвязи между различными типами отопительных устройств и постройками с различными полами не выявляется. Конечно, очаги вряд ли были в домах с деревянными полами. В жилищах с глиняными полами были в одних случаях глиняные печи, в других – печи-каменки, в третьих – очаги. Поиски этнических особенностей в изборском домостроительстве бесперспективны. Можно только отметить, что постройки с глиняными полами располагаются преимущественно в южной части поселения, хотя и не образуют компактных участков. Очаги встречены разрозненно на широкой территории.

Планировка Изборска на протяжении веков не претерпела каких-либо изменений. На плане (рис. VIII) нанесены разновременные постройки и отопительные сооружения, относящиеся ко второму этапу. По всей вероятности, здесь оказались строения не одного строительного периода, но расчленить их на отдельные строительные ярусы не представляется возможным. Теперь некоторые жилища располагались и вокруг площади, которую условно можно называть вечевой, но основная их масса концентрировалась южнее. Застройка оставалась кучной и бессистемной. Как и раньше, доминировали глиняные печи и печи-каменки, первые количественно преобладали. Имеются и постройки с очагами. По-прежнему господствовали срубные дома с деревянными или земляными полами, но были и постройки с глинобитными полами.

Въезд в юго-западной части городища

Как уже говорилось, определить, был ли въезд на городище в его юго-восточной части, где он находился на поздних этапах функционирования поселения, невозможно. Местоположение отрога вала здесь свидетельствует в пользу наличия в этом месте въезда на поселение и в раннее время. Однако нам неизвестно, когда этот отрог вала был сооружен, не является ли устройство вала несколько в стороне от края городищенской площадки результатом непервоначальной фортификационной деятельности? Все же следует допустить наличие въезда на городище в его юго-восточной части в рассматриваемый период истории Изборска. Однако сказать что-либо о его устройстве невозможно, позднейшими строительными работами всякие следы его были стерты.

Древний въезд на поселение раскопками изучался в юго-западной части городища. Для этого к основному раскопу была сделана прирезка из 29 квадратов размерами 2 × 2 м. В результате здесь были открыты остатки интереснейших воротных устройств, относящихся к городскому этапу. Поэтому подробные описания раскопок целесообразно изложить в соответствующем разделе, посвященном каменным фортификациям Изборска. Здесь же можно ограничиться характеристикой следов сооружений, относящихся к догородскому периоду.

Исследования показали, что въезд здесь был устроен на начальном этапе жизни поселения. Поверхность материка на площадке поселения в этом месте была почти горизонтальной, некоторые неровности ее были подрезаны, углубления забиты глиной. Далее дорога поворачивала на юг. Идя по узкой террасе между отрогом вала и краем оврага, она выходила за пределы городища. Здесь поверхность имела плавный наклон в южном направлении. В таком облике въезд функционировал немалое время. В раскопе на материке зафиксированы тонкие напластования глины и извести, на которых отложился слой желто-серой супеси. В ней отмечены многочисленные прослойки угля. На слое желто-серой супеси выявлены крупные плитняковые камни. В целом они лежали бессистемно, однако не исключено, что они представляют собой остатки вымостки.

В итоге исследования намечается следующая периодизация:

1. Период устройства въезда, небольшая подрезка поверхности материка и заполнение некоторых неровностей глиной. 2. Функционирование трассы и отложение нижних горизонтов желто-серой супеси. 3. Углистые прослойки, свидетельствующие о пожаре. Это дает основание полагать, что воротный въезд на городище мог быть оформлен какими-то деревянными конструкциями. 4. Дальнейшее функционирование дороги, следами чего являются новые напластования желто-серой супеси с небольшими линзами глины. На поздней стадии, возможно, появилась вымостка трассы дороги плитняковым камнем. 5. Возведение деревянных воротных конструкций, что уже следует относить к периоду трансформации протогорода в городское поселение.

В рассматриваемых напластованиях встречены фрагменты исключительно лепной керамики и немногочисленные вещевые находки. Среди последних имеются голубая кубовидная бусина прозрачного стекла, датирующаяся по староладожским материалам VIII–X вв., рубленый бисер и светло-зеленая стеклянная бусина того же времени, несколько пряслиц из местного известнякового камня, два рыболовных крючка, железная коса и др.

Керамический материал

Керамическая коллекция Изборского городища изучалась мною, часть зарисовок выполнена под моим руководством студентами – участниками раскопок. Большую работу в камеральной обработке

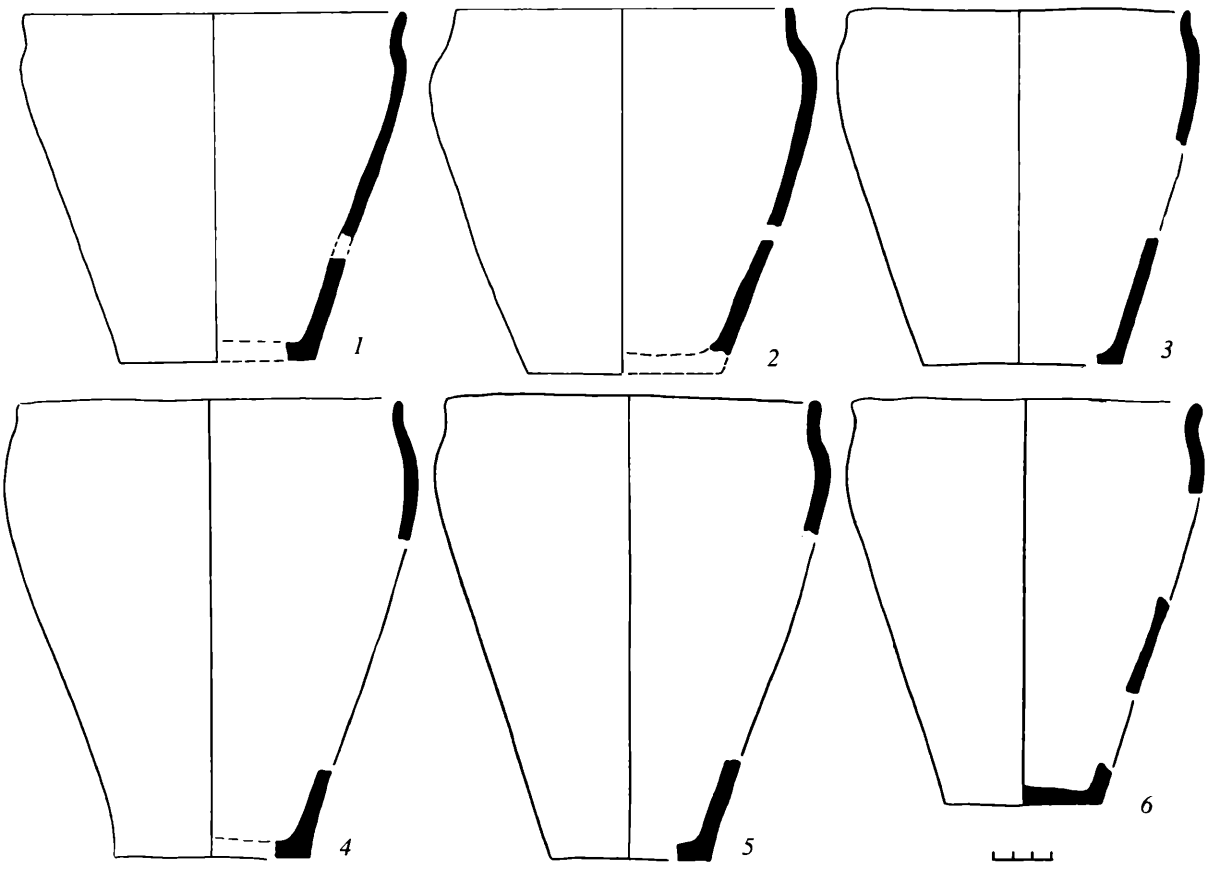

Рис. 58. Лепная керамика Изборского городища ранних форм. Рис. С.В. Белецкого

1, 2 – участок 43, яма 9; *3* – 5, З-44; *4* – 5, К-45; *5* – участок 8, яма 3; *6* – 5, Х (буква)-49

керамики выполнил С.В. Белецкий, работавший в середине 1970-х годов в составе экспедиции в течение трех полевых сезонов. В настоящее время лепная керамика городища монографически исследуется Н.В. Лопатиным.

Керамика – важнейший элемент культурной характеристики нижнего слоя Изборского городища – представлена весьма многочисленными фрагментами, восстановить формы сосудов по которым было возможно в сравнительно редких случаях. Вся глиняная посуда рассматриваемого периода изготовлена без помощи гончарного круга. В качестве примесей к глине применялась дресва. Из-за выступающих наружу зерен крупной дресвы поверхность стенок сосудов обычно несколько бугристая. Иногда наружная поверхность сосудов слегка заглаживалась, в таких случаях частицы дресвы видны главным образом в изломе. Отмечено, что тесто более поздней керамики содержит более мелкую дресву.

Попытки дифференцировать керамический материал по горизонтам или прослойкам, учитывая формы венчиков сосудов, не дали каких-либо отчетливых результатов. На участках раскопов 1978 г. с хорошей сохранностью нижних горизонтов культурных напластований венчики сосудов были взяты и обработаны по хорошо выделяющимся прослойкам – нижней черной, серовато-желтой суглинистой и вышележащей темно-серой, местами коричневатой. Среди венчиков по отдельным деталям выделяется несколько типов, но каких-либо заметных различий между их группами, происходящими из трех названных прослоек, не наблюдается. Различия в лепной керамике отчетливо проявляются лишь в формах сосудов.

Некоторые наблюдения за распределением фрагментов глиняной посуды позволяют полагать, что наиболее ранними являются относительно высокие горшкообразные сосуды с более или менее прямым венчиком, слабо выраженными плечиками и усеченно-конической нижней частью. Наибольшее расширение этих горшков приходится на верхнюю треть, диаметр днища приблизительно в два раза меньше ширины устья (рис. 58, 59). Высота сосудов – от 16 до 40 см. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,1 см. Сосуды обожжены относительно слабо, поверхностный цвет их серый или серо-желтый. Орнаментация отсутствует. Какой процент составляла эта посуда в керамической коллекции нижнего слоя Изборска, достоверно сказать нельзя. По приблизительным подсчетам материалов раскопок 1971–1975 гг. – около 23% (*Седов*, 1978б. С. 64–66), на других участках городища такой керамики несколько меньше, а иногда из-за фрагментарности материала не удается выделить вовсе.

Ближайшие аналогии этой керамике выявляются среди глиняной посуды культуры псковских длинных курганов (рис. 7: *1–7*; 8: *1–7*; 9: *7, 8*).

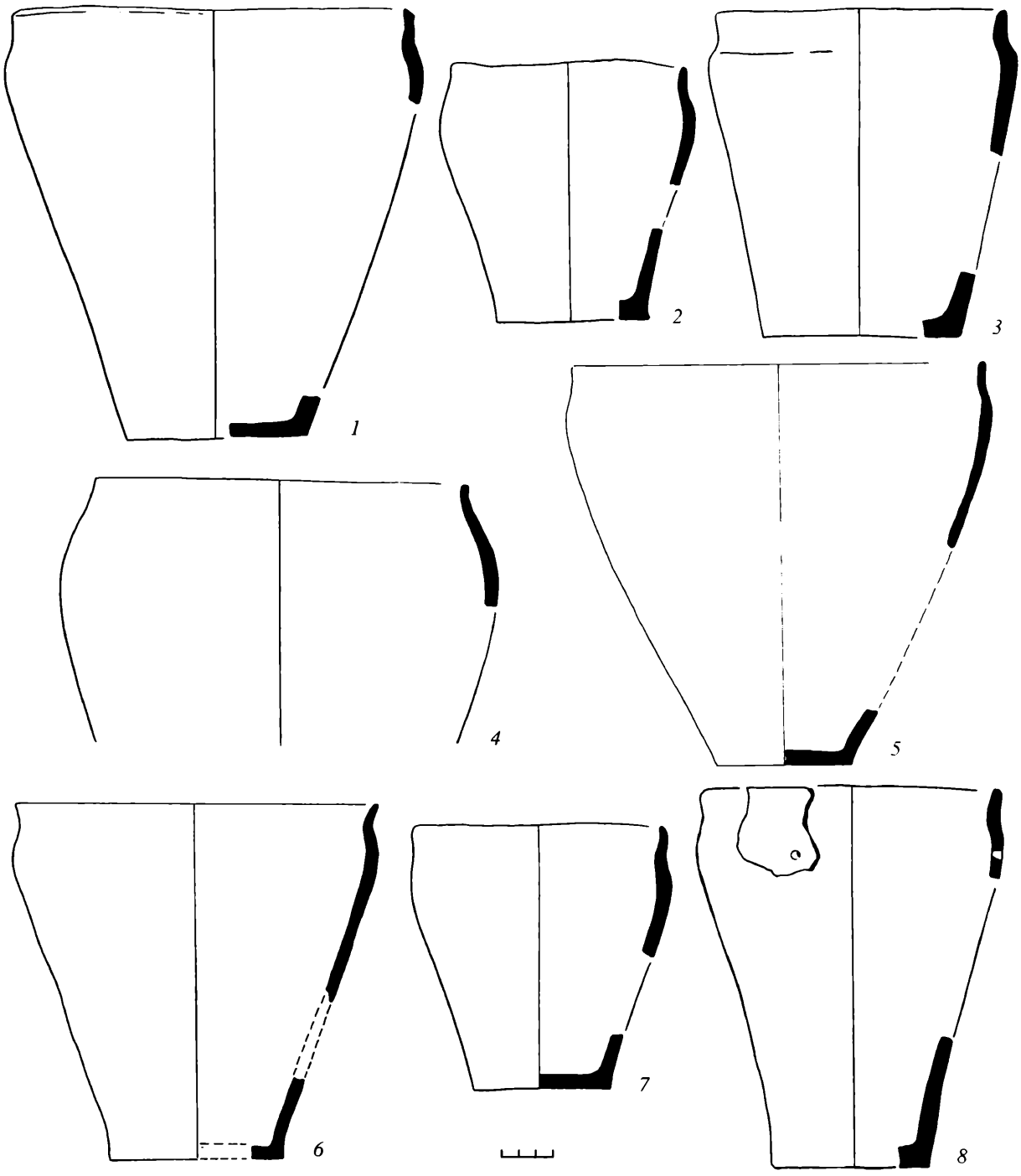

Рис. 59. Лепная керамика Изборского городища ранних форм. Рис. С.В. Белецкого.

1 – 6, Ж-48; *2* – 7, Е-43; *3* – 4, О-42; *4* – 8, Х(буква)-56; *5* – участок 35, яма 11; *6* – 7, VI-35; *7* – 6, Б-42; *8* – 5, Г-45

Вторую группу керамики культуры псковских длинных курганов образуют приземистые горшки. Они явно эволюционируют от вышеописанных сосудов. Очевидно, со временем ширина горшков несколько увеличивалась, высота уменьшалась, плечики становились более выраженными. Высота их колеблется от 7 до 15 см, диаметры устья – от 7 до 11 см, днищ – от 5 до 8 см. Единично представлены и более крупные сосуды. Бытовала эта посуда вплоть до распространения раннекруговой, т.е. до X столетия включительно. В Изборске подобная глиняная посуда (рис. 60, 61) по подсчетам материалов из раскопов 1971–1975 гг. составляет около 50% всей керамической коллекции нижнего слоя. Тесто ее идентично более ранней керамике, вместе с небольшими кусочками дресвы нередко фиксируется и примесь мелкого песка. По деталям оформления венчиков можно выделить несколько вариантов, но такая классификация не несет историко-культурного содержания.

Вторая группа изборской лепной керамики, так же как и первая, находит соответствие в глиняной посуде культуры псковских длинных курганов (рис. 9: *1–6*, *9–12*).

Большинство горшков как первого, так и второго типа не орнаментировано. Лишь на единичных фрагментах сосудов второго типа отмечен вере-

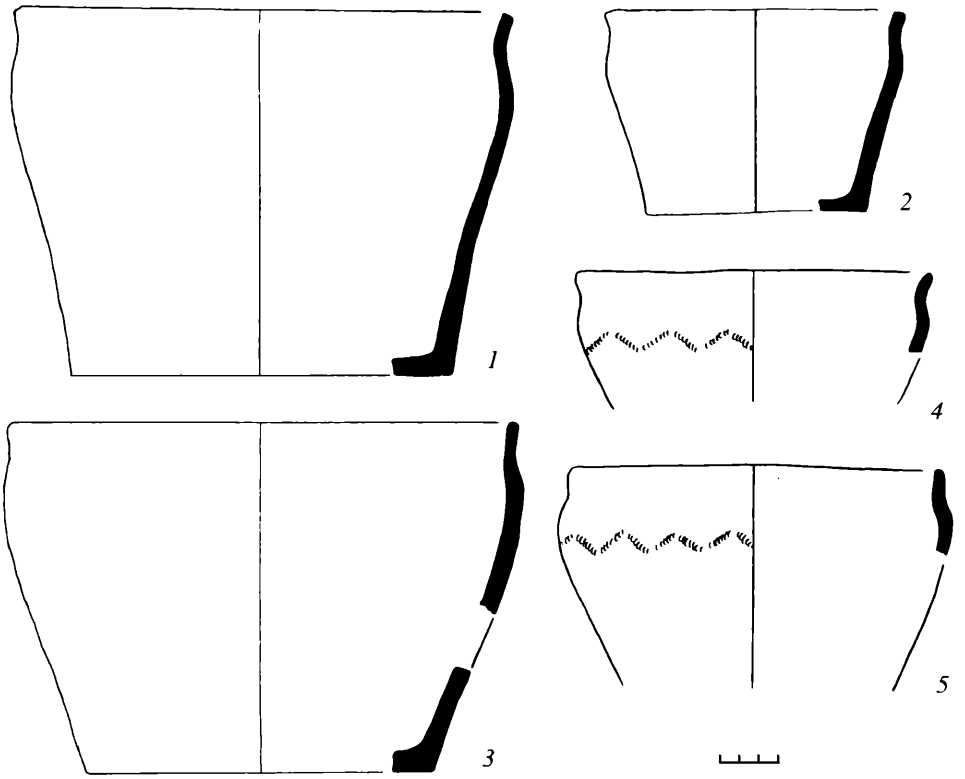

Рис. 60. Лепная керамика Изборского городища. Рис. С.В. Белецкого
1 – 8, З-13; *2* – 7/8, Ж-12; *3* – 6, З-13; *4* – участок 2, № 392; *5* – участок 3, № 742

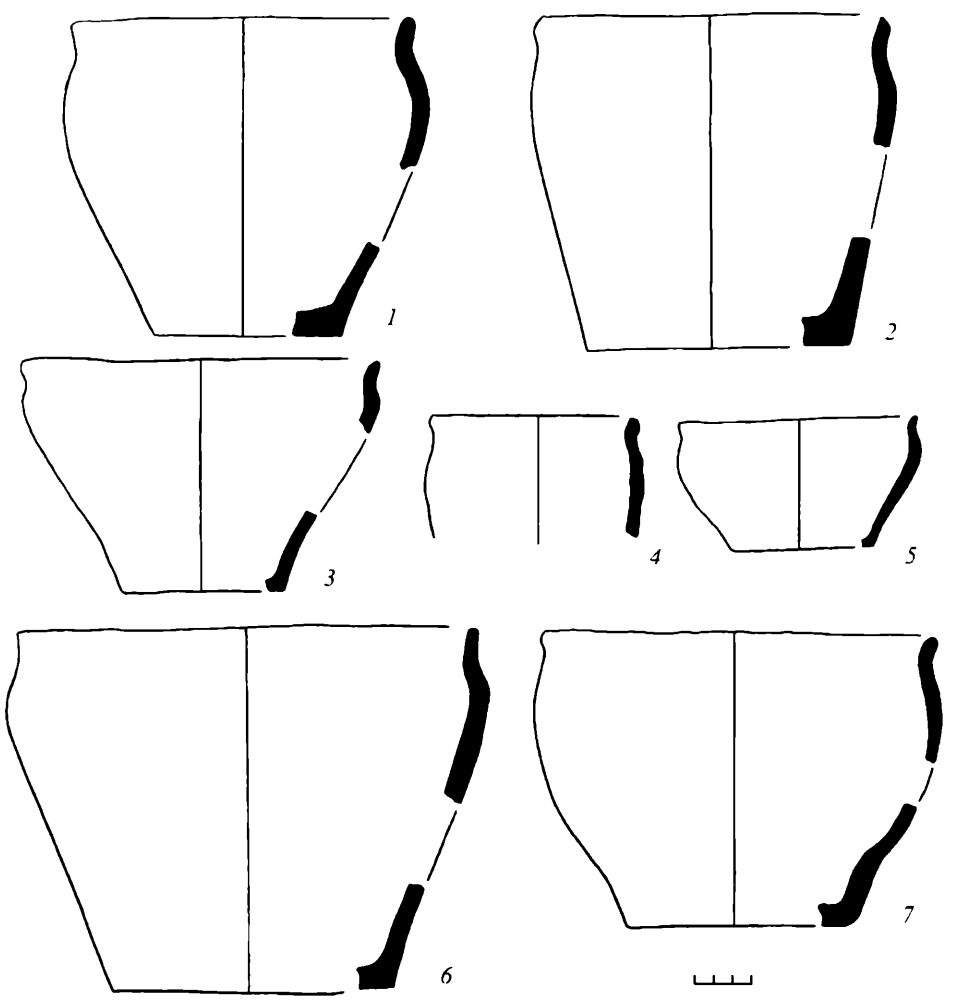

Рис. 61. Лепная керамика Изборского городища. Рис. С.В. Белецкого
1 – 6, Е-48; *2* – 1972, № 1501, 1516; *3* – 5, О-38; *4* – 6, Х (буква)-53; *5* – участок 2, № 1284; *6* – 5, Е-42; *7* – 4, Н-45

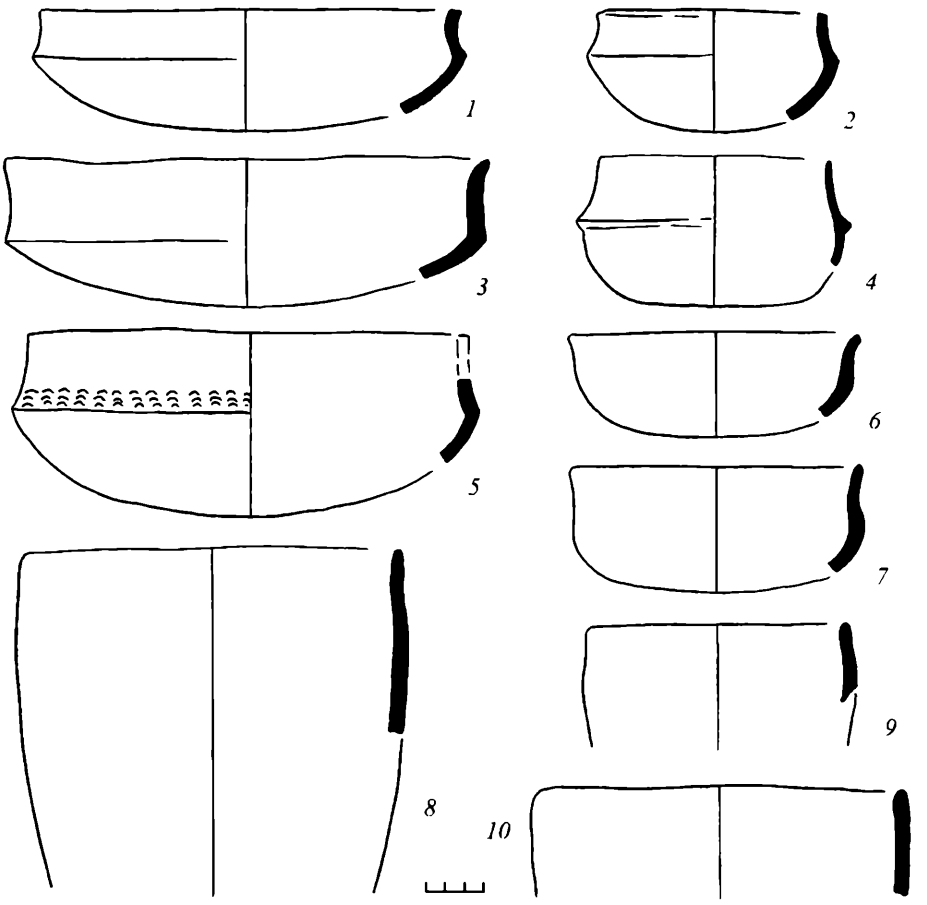

Рис. 62. Лепная керамика Изборского городища. Рис. С.В. Белецкого

1 – 5, В-42; *2* – 5, А-45; *3* – 4, Х(буква)-45; *4* – 5, К-48; *6* – 6, Л-18; *7* – 4, П-54; *8* – 7, Ц-20; *9* – 5, К-42; *10* – 5, Т-45

вочный узор, напоминающий "роменский" (рис. 60: *4*, *5*).

Еще одним видом лепной керамики Изборского городища была посуда так называемого ладожского типа. Это преимущественно низкие, приземистые горшки с более или менее выраженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, которое находится обычно в средней части высоты сосуда или выше ее (рис. 63: *1–3*). Намечаются два варианта горшков этого вида. Одни из них имеют ребро, образованное изгибом стенок сосуда под углом, у других "ребро" только намечено при помощи отчетливо выделенного плечика.

Горшки рассматриваемого вида невелики. Их высота 10–16 см, диаметр устья – 14–20 см. Орнамент осутствует. На Изборском городище такие сосуды составляют около 12% всей массы лепной керамики. Подсчеты выполнены по керамической коллекции 1971–1975 гг. На других участках городища, исследованных позднее, процент керамики ладожского типа заметно меньший.

Эти горшки находят круг аналогий в памятниках Новгородской земли. В частности, они встречены на Новгородском городище и в самом Новгороде, на поселениях Приильменья и весьма характерны для Старой Ладоги (*Станкевич*, 1950. С. 189–192, рис. 2: *2*, *3*; 3: *4*; *Смирнова*, 1956. С. 234, рис. 3: *1*; *Гроздилов*, 1950. С. 141–144, рис. 4; *Орлов*, 1972. С. 133, рис. 5: *1*, *2*; *Горюнова*, 1974. Рис. 24: *1*, *3–8*, *10*, *11*; 22: *3*, *5*). Эта керамика обычна и для новгородских сопок (*Седов*, 1970а. С. 24, табл. XII: 1, 2).

Описанные формы изборской лепной керамики являются наиболее распространенными и весьма характерными для кривичских и словенских памятников второй половины I тыс. н.э. северо-запада Восточно-Европейской равнины. На Изборском городище эта посуда, очевидно, характеризует славянский этнический компонент и указывает на его доминирование среди жителей поселения.

Весьма фрагментарно представлены в изборской коллекции баночные сосуды (рис. 62: *8*, *10*). Они имеют прямой венчик и почти отвесные стенки, лишь некоторые из них несколько суживаются к днищу. Тесто, обжиг и формовка их в целом идентичны вышеописанной посуде. Можно отметить только, что тесто некоторых из баночных горшков отличается более крупной дресвой и более слабым обжигом. Составить полные формы этой керамики затруднительно, поэтому говорить о размерах сосудов невозможно.

Сходные баночные сосуды известны на многих памятниках Северо-Запада. Они есть и на городищах Псковском и Камно, и в Старой Ладоге, и в древнейшем комплексе Городца под Лугой, и среди урн длинных курганов (*Белецкий*, 1977.

С. 92–93, рис. 1; *Станкевич*, 1950. С. 189–190, рис. 2: *1*; 1951. С. 220–221, рис. 1; *Лебедев*, 1973. С. 75, 220, 221, рис 1; *Седов*, 1974а. С. 26, табл. 19: *4, 6*; 22: *11*). Сосуды баночной формы, иногда имеющие слабо выраженную шейку, широко представлены в материалах второй половины I тыс. н.э. Восточной Эстонии и на некоторых памятниках там являются господствующей формой посуды, в том числе они нередко использовались в качестве погребальных урн (*Аун*, 1992. С. 41, рис. 17: 1–6).

Баночная форма глиняных сосудов была весьма распространена среди прибалтийско-финского населения в период раннего железа. Довольно много такой керамики выявлено в культурных напластованиях первой половины I тыс. н.э. на городищах Подгай и Курово в бассейне верхнего течения Западной Двины (*Станкевич*, 1960. С. 44, 57, рис. 36: *4–7*; 37: *1, 2*). Баночная посуда была одним из распространенных видов керамики и на поселениях Удомельского Поозерья (*Исланова*, 1997. С. 10, рис. 7; 15: *1–4*). Подобная по форме посуда представлена и в нижнем слое городища Иру на территории Эстонии, где ее поверхность покрыта сетчатым узором (*Vassar*, 1939. Joon 42: *1, 3*; 54: *3*; *Moora*, 1955. Lk. 70, joon 20: *1*). На поселении Асва на острове Саремаа некоторые из баночных сосудов обработаны штриховкой (*Indreko*, 1939. Joon. 13: *4*; 15).

В составе керамической коллекции нижнего слоя Изборского городища имеются еще фрагменты лепных тонкостенных сосудов (толщина стенок колеблется в пределах 5–8 мм) и тщательно выделанных, достаточно хорошо обожженных. Цвет их темно-серый или слабо красноватый. В качестве отощителя к глине примешивались мелкая дресва и песок. Керамика резко выделяется из остальной и по формам.

Большинство фрагментов принадлежат низким круглодонным чашевидным сосудам с подлощенной поверхностью, некоторые из них могли быть и ребристыми мисками (рис. 62: *1–5, 7, 9*). Сосуды имеют прямой (вертикальный) или несколько выгнутый наружу верхний край и изгиб-ребро примерно посредине высоты. На двух сосудах отмечен нарезной орнамент. Это – безусловно столовая посуда, по-видимому, принадлежащая нерядовым жителям поселения.

Подобные или близкие по форме чашевидные сосуды с подлощенной поверхностью представлены в керамических коллекциях ряда поселений Северо-Запада. Ближайшими памятниками с такими находками являются городища Камно (*Белецкий*, 1977. С. 93, рис. 2: *3, 4*) и Псковское (*Белецкий*, 1996. С. 57, рис. 46). Чашевидные сосуды встречены также на Новгородском городище и в Старой Ладоге в древнейшем горизонте Е-3, отложившемся во второй половине VIII–IX в. (Станкевич, 1950. С. 193). Круглодонные чаши найдены и в Белоозере, где датируются X – началом XI в. (*Голубева*, 1973. С. 145, рис. 53). В Эстонии они встречены на многих поселениях последних веков I тыс. н.э., в том числе и городище Рыуге (*Moora*, 1955. Lk. 61, joon 17: *1, 2*; *Шмидехельм*, 1959. С. 164–165, табл. IV: *1, 2*; *Аун*, 1992. С. 48–49, рис. 16: *1–6*, табл. XII: *3–5*). Имеются аналогичные сосуды и в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. Abb. 1031).

Кроме того, в составе изборской керамической коллекции имеются миниатюрные сосуды – горшочки разных форм (рис. 63: *4, 5*). Фрагментарно представлены глиняные сковородки, найден также крупный обломок жаровни.

Завершая характеристику лепной керамики нижних горизонтов культурных напластований Изборского городища, нельзя не коснуться синхронной глиняной посуды соседних с Изборским краем территорий Эстонии. Сразу можно отметить, что керамика, происходящая из курганных захоронений Юго-Восточной Эстонии, принадлежащих культуре псковских длинных курганов, не обнаруживает заметных отличий от глиняной посуды других областей ареала этой культуры. В эстонских курганах встречены и горшкообразные сосуды первого типа, и баночные горшки, и сосуды с каннелюрами. Вполне закономерно, что эта керамика сопоставляется М. Аун с глиняной посудой более восточных территорий ареала культуры псковских длинных курганов (*Аун*, 1992. С. 120–125, рис. 48, 49; табл. XLII: 1, 2; XLVIII: 1, 2). Некоторая специфика эстонского региона, кажется, заключается только в доминировании погребальных урн банкообразных форм, что, по всей вероятности, является показателем значительного процента местного финноязычного компонента в составе населения культуры псковских длинных курганов этого региона. Недаром здесь в конечном итоге возобладала прибалтийско-финская речь – ныне это выруский диалект эстонского языка.

Наиболее крупная керамическая коллекция второй половины I тыс. н.э. в Юго-Восточной Эстонии составлена в результате раскопок городища и селища Рыуге, произведенных Х.А. Моора и М.Х. Шмидехельм (*Шмидехельм*, 1959. С. 162–165; *Аун*, 1992. С. 41–45). Анализ этой керамики свидетельствует о ее сходстве с изборской не только по форме, но и в обработке поверхности и составах теста. Выявляемые при детальном анализе различия второстепенны – посуда из рыугеских поселений по сравнению с изборской содержит несколько более крупные зерна дресвы. Думается, что распространение однотипной керамики по всему ареалу культуры псковских длинных курганов отражает если не этническое единство населения этого края, то однонаправленность этнического развития. На территории Эстонии за пределами ареала псковских длинных курганов подобная керамика неизвестна.

При исследовании глиняной посуды Юго-Восточной Эстонии М. Аун по наличию на шейках сосудов маленьких отверстий выделяет керамику

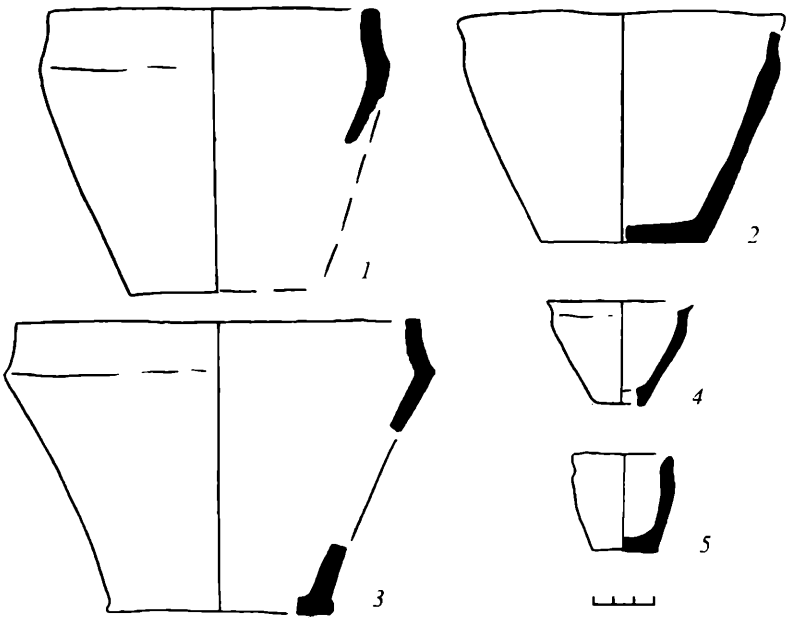

Рис. 63. Лепная керамика Изборского городища. Рис. С.В. Белецкого
1 – 5, К-39; *2* – 6, Х(буква)-43; *3* – 6, В-42; *4* – 4, Ж-49; *5* – 1971, № 586

рыугеского облика (*Аун*, 1992. С. 41–50; табл. V: 1–8; VII: 1, 4, 6; рис. 18: *1–7, 9*). Каких-либо иных критериев для определения этой керамики нет. Фрагменты ее в более или менее значительных количествах обнаружены при раскопках городищ и селищ Восточной Эстонии, в том числе встречены в Отепя, Тарту, Пеэду, Унипихе, Саадъярве, Алт-Лаари, Куйгатси и др. Наиболее западными памятниками с баночными сосудами, имеющими отверстия на шейке, являются поселения Иру под Таллинном, городище Воору в районе Вильянди и селище Тырва Тантсумяги в Валгаском районе. На северо-востоке сосуды с отверстиями на шейке найдены на поселении Пада, крайнем же юго-восточным пунктом является селище Вилла на р. Выханду. За пределами региона концентрации рыугеской керамики ее фрагменты крайне редки. М.Х. Шмидехельм пишет о единичных находках такой посуды на городищах Камно и Псковском (*Шмидехельм*, 1959. С. 164). То же отмечает и М.Э. Аун, подчеркивая, что такая керамика абсолютно не типична для этих памятников. Буквально единичные находки аналогичной посуды отмечены в нижнем слое Изборска. Кроме того, отмечает М. Аун, в очень небольшом количестве керамика с отверстиями присутствует в материалах городища и селища Кентескалнс и городища Ступелю на территории Латвии (*Аун*, 1992. С. 45).

Керамику, относимую М. Аун к типу рыугеской, на мой взгляд, следует рассматривать всего-навсего как наследие культуры раннего железного века. Отверстия на шейках сосудов обычно в сочетаниях с сетчатой поверхностью нередки на городищах раннего железного века Северо-Запада. В частности, такие находки имеются среди керамических коллекций городища Пеэду Керикмяги в Эстонии и поселения Кивты в Восточной Латвии (*Аун*, 1992. С. 45). Весьма характерна аналогичная керамика для городища Осыно на юге Псковщины, поселений раннего железа Верхнего Подвинья (*Третьяков*, 1976. С. 203–216; *Станкевич*, 1960. С. 182, табл. XI). Такого типа керамика была распространена также на городищах западнодвинского варианта днепро-двинской культуры (Очерки, 1970. С. 214, рис. 76: 24, 26; *Седов*, 1970б. С. 27; *Шадыро*, 1985. С. 73, рис. 45: *3*; 46: *2*; *Шадыра*, 1999. С. 193, мал. 62: *5–7*). Подобная керамика вместе с фрагментами сосудов иных типов отмечена Е. А. Шмидтом на селище Микулино на северо-западной окраине Смоленщины в слое заполнения постройки, относящейся к переходному периоду от днепро-двинской культуры к тушемлинской (*Шмидт*, 2001. С. 94, рис. 2: *1, 2, 4*).

Нужно полагать, что на территории расселения среднеевропейского населения обычай делать проколы на шейках сосудов в середине I тыс. исчезает. За ее пределами эта особенность сохраняется некоторое время в Восточной Эстонии, отчасти в ее средней части и свидетельствует о том, что в составе населения этих земель проживали прямые потомки местного населения периода раннего железа. На юго-восточной окраине ареала рыугеской керамики, куда проникли носители культуры псковских длинных курганов, последние какое-то время жили бок о бок с аборигенным населением.

На присутствие в составе жителей городища и селища Рыуге пришлого населения указывают находки височных колец славянского облика. Таковы два проволочных кольца диаметрами около 4 см с одним концом, завернутым в завиток (*Аун*, 1992. С. 60, рис. 20: *5*), и фрагмент узкопластинчатого кольца с продольным ребром (*Аун*, 1992. С. 60, рис. 20: *9*), которые были характерны для

культуры смоленско-полоцких длинных курганов (*Седов*, 1999а. С. 143–145, рис. 28).

Проволочные кольца с сомкнутыми концами, в том числе с завитком на одном из концов, в середине I тыс. н.э. получили сравнительно широкое распространение на значительной части территории, освоенной среднеевропейскими переселенцами. В Северо-Восточной Руси подобные височные кольца, называемые обычно браслетообразными сомкнутыми, бытовали до XIII в. включительно, став характерным украшением проживавшей здесь большой диалектно-племенной ветви восточного славянства. В Верхнем Поднепровье и Подвинье на основе проволочных колец развились браслетообразные завязанные, которые стали этноопределяющими для смоленско-полоцких кривичей XI–XIII вв. (Седов, 1999а. С. 137–139, 150–158, рис. 26, 29).

На Рыугеском городище найдены еще два бронзовых браслета с утолщенными граненными концами (*Аун*, 1992. С. 68). Они датируются V – началом VI в. и были характерны для Западной Литвы. Безусловно, они были привнесены в этот край переселенцами. Еще один браслет с утолщенными концами найден на селище Рыуге (*Аун*, 1992. С. 68, рис. 20: *10*). Ряд находок среднеевропейского происхождения происходит и из курганов Юго-Восточной Эстонии.

Можно полагать, что в землях восточнее бассейна р. Выханду, где рыугеская посуда не получила распространения, местное прибалтийско-финское население включилось в процесс формирования древнерусского этноса, а в более западных областях проникшие сюда сравнительно немногочисленные славяне-переселенцы оказались со временем ассимилированными аборигенами.

Материальная культура и ремесла

Орудия труда и предметы обихода

Железные изделия из нижних напластований Изборского городища весьма многочисленны. Правда, многие из них дошли до нас фрагментарно или в сильно корродированном облике и не поддаются определению.

Наиболее многочисленную группу составляют ножи (рис. 64). Всего в характеризуемых напластованиях обнаружено не менее 300 ножей, преимущественно представленных фрагментами. Но встречено и немало целых ножей. Преобладают клинки с прямой спинкой и с плавным переходом от спинки к черешку, но в большей степени сохранились ножи с черешками, отделенными от клинков резкими уступами. Размеры клинков ножей колеблются от 5 до 12 см, более длинные клинки единичны. По-видимому, доминировали ножи с деревянными рукоятками, остатки их прослежены на ряде находок в виде древесины в составе поверхностной ржавчины. Имеются также ножи с костяными рукоятками, некоторые из которых были орнаментированы поперечными линиями или циркульным узором.

Ножи, аналогичные изборским, широко представлены во многих синхронных памятниках Северо-Запада, в том числе в материалах поселений юго-западного побережья Псковского озера (*Аун*, 1992. С. 52, 53, 123, табл. XIII–XV), памятников Удомельского Поозерья (*Исланова*, 1997), Верхнего Подвинья (*Станкевич*, 1960. С. 117, рис. 75: *1, 2*).

Несколькими экземплярами в нижних напластованиях Изборска представлены железные шилья самого обычного облика.

Собрана интересная коллекция железных предметов, свидетельствующих о развитии ремесленной деятельности изборян. В ее состав входит, прежде всего, наковальня с подчетырехугольной рабочей площадкой размерами около 8,5 × 8 см и коническим низом (рис. 65: *2*). Железоделательное и железообрабатывающее ремесла, очевидно, были вынесены за пределы плотно застроенного поселения. Этим, видимо, и объясняется отсутствие в Изборске других находок кузнечного инструментария. Впрочем, среди фрагментарных материалов имеются предметы, которые предположительно можно трактовать как обломки зубила. В нижнем слое Изборска встречено несколько железных криц и кусков болотной руды. Остатки сооружения, связанного с первичной обработкой железной болотной руды выявлены были на Словенском поле, сразу за оврагом, расчленяющем его и городище (*Гроздилов*, 1965. С. 71–72).

Деревообрабатывающий инструментарий в Изборске рассматриваемого периода представлен железными топорами, теслом, долотами и стамеской (рис. 65: *1, 3–7*). Топоры (некоторые из них могли быть боевыми) имели массивное, широко опущенное лезвие с выемкой с внутренней стороны и обух, несколько расширяющийся кверху (с внутренним выступом или чаще без него). Широколезвийные топоры в Северной Европе развились из узколезвийных на рубеже вендельского и викингского периодов. Аналогичные с изборскими топорами имеются в древностях последних веков I тыс. н.э. Швеции (*Arbman*, 1940. Taf. 14), Финляндии (*Kivikoski*, 1973. № 874–881) и Юго-Восточного Приладожья.

Проушное тесло представлено в нижнем слое Изборска единственным экземпляром.

Долота цельножелезные обычного типа, они различаются лишь размерами. Аналогичное долото встречено в одном из длинных курганов Смоленщины (*Седов*, 1974а. С. 33, табл. 27: *19*). Такие же долота широко представлены и позднее в памятниках Древней Руси.

Из бытовых изделий прежде всего следует остановиться на кресалах. Наиболее ранними являют-

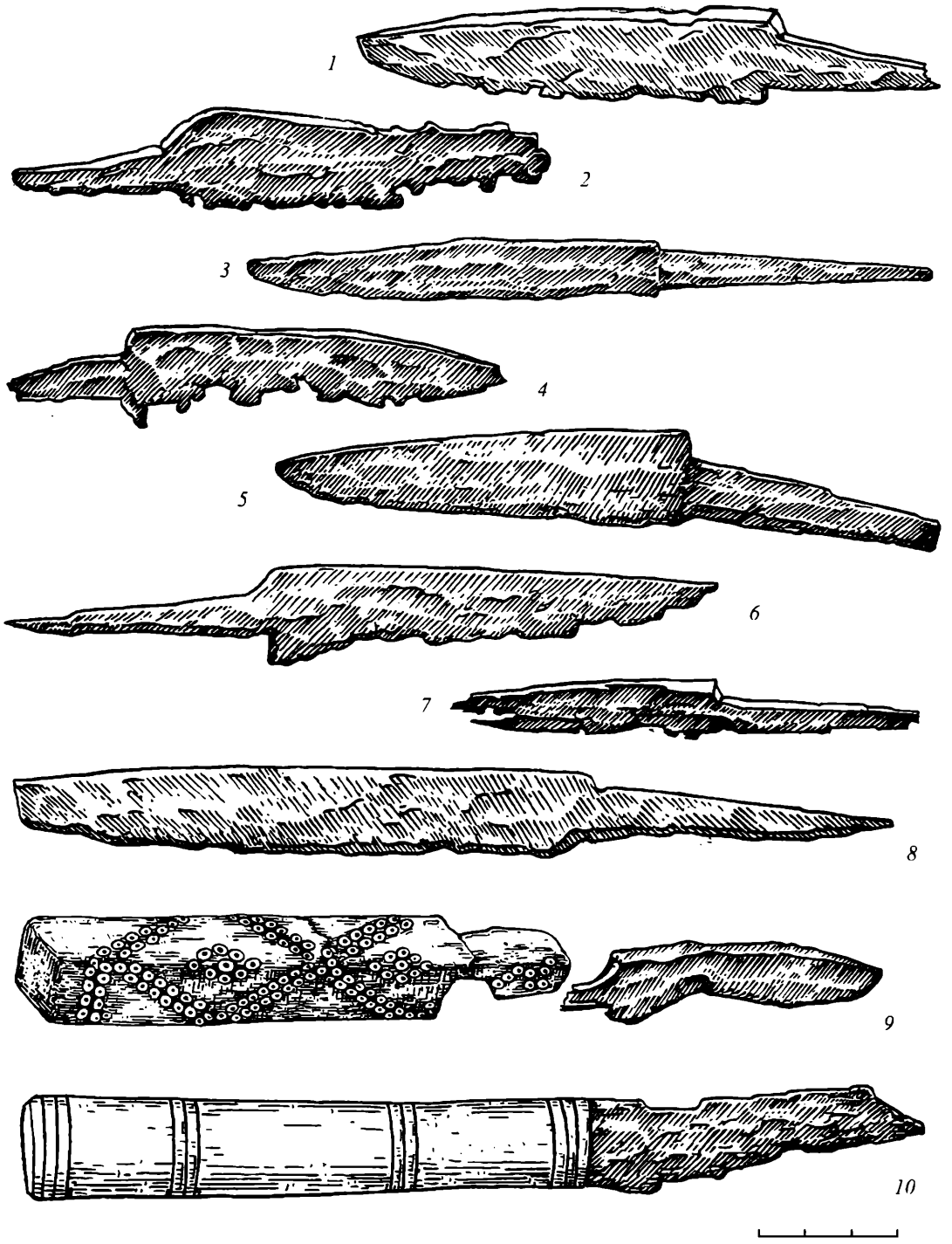

Рис. 64. Железные ножи

1 – 5, П-50; *2* – 5, 1–38; *3* – 6, XII-23; *4* – 5, 1-39; *5* – 6, 1-39; *6* – 7, V-37; *7* – 5, VI-10; *8* – 5, У-34; *9* – 5, Ж-55; *10* – 6, Т-54

ся четыре блоковидных кресала из камня (рис. 66: *1*), которые охватывались железным обручем с ушком для подвешивания (обручи не сохранились). Такие предметы в землях, прилегающих к Балтийскому морю, бытовали в первой половине и середине I тыс. н.э. Согласно А.М. Тальгрену, блоковидные кресала возникли где-то в области Вислы примерно в начале нашей эры и между 300 и 500 гг. получили широкое бытование (*Tallgren*, 1922. S. 114–115). В Восточной Прибалтике, как показал Х.А. Моора, они относятся в основном к VI–VII вв. (Моога, 1938. S. 572). На территории Латвии в составе кладов они датируются V–VI вв., но единично встречаются и позднее (Urtans, 1977. Lpp. 58–59). В Финляндии наиболее поздние находки определяются временем около 700 г. (*Kivikoski*, 1973. № 186–189). Такие же блоковидные кресала обнаружены в захоронениях культуры псковских длинных курганов V–VII вв. (*Седов*, 1974а. С. 33–34, табл. 28: *15*; *Аун*, 1992. С. 125, табл. L: 1; LV: 2). Согласно М. Аун, рассматриваемые предметы в Прибалтике довольно широко бытовали и в V–VII вв. Отдельные находки блоковидных кресал встречаются и позднее. Так, кресала из Пскова и Новгородского городища исследователи относят

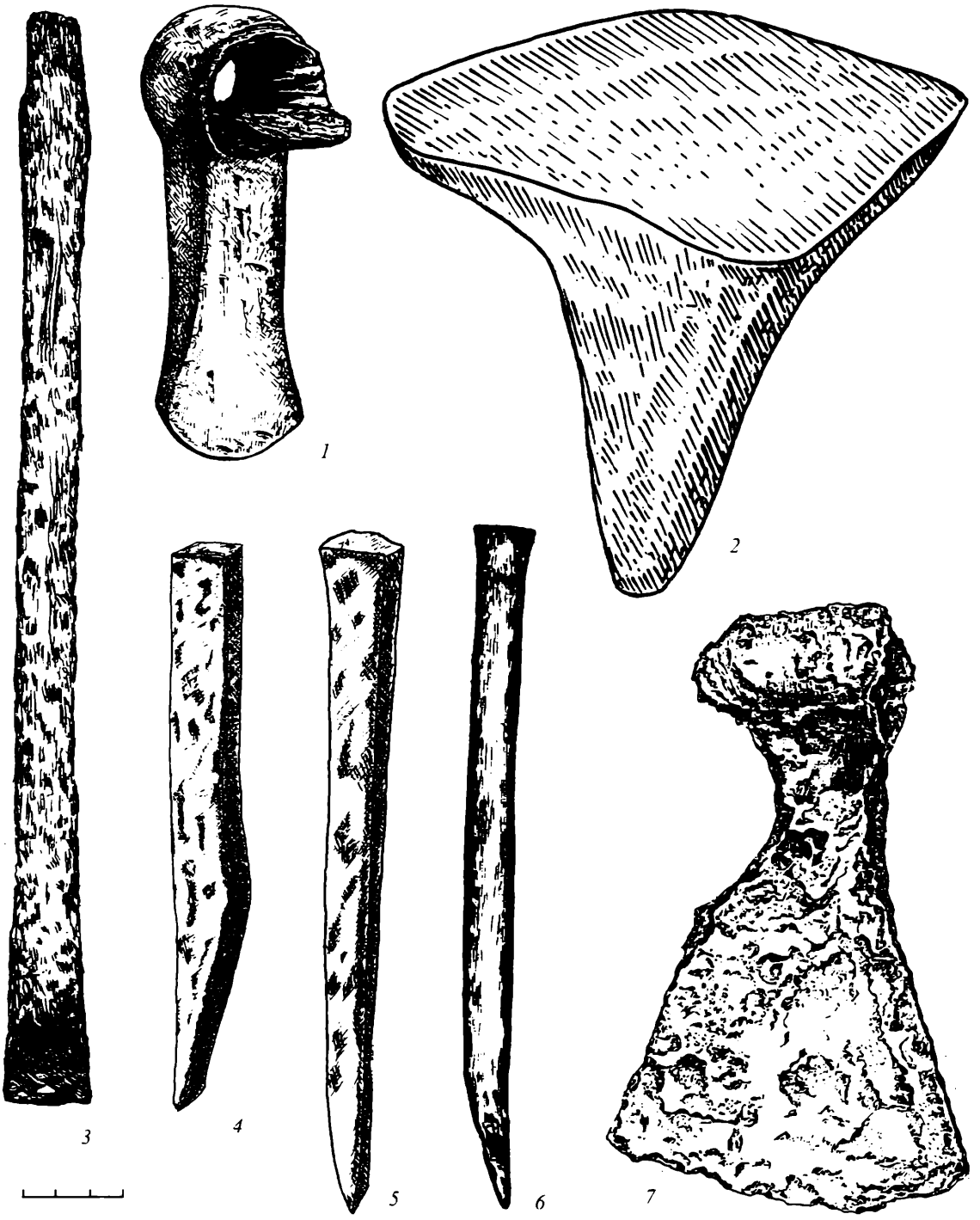

Рис. 65. Кузнечный и деревообрабатывающий инструментарий

1 – тесло; *2* – наковальня; *3–6* – долота; *7* – топор. *1–7* – железо. *1* – 7, 3-38; *2* – 5, 0-44; *3* – 5, ХП-22; *4* – 5, VП-36; *5* – 7, Б-55; *6* – 6, Т-56; *7* – 5, Д-45

к X в. (*Носов*, 1990. С. 78–79, рис. 33: *6*). Думается, что это уже предметы вторичного использования, обнаруженные жителями поселений при земляных работах в нижних слоях. Каких-либо данных для предположения об изготовлении и бытовании блоковидных кресал в это время у нас нет.

Большой интерес представляют два железных пластинчатых кресала, найденных в нижних напластованиях Изборского городища. Одно из них имеет форму пластины с параллельными краями и кольцеобразно завернутым кольцом (рис. 67: *1*). Пластина другого кресала трапециевидно расширяется книзу, сверху завернуто в кольцо с отогнутым отростком (рис. 67: *2*). Подобные пластинчатые кресала имели широкое распространение среди населения провинциальноримских культур Средней Европы, в частности, обильно представлены в материалах пшеворской культуры. Им посвящена интересная статья А. Коковского (*Kokowski*, 1985. S. 109–128). В условиях краха провинциальноримских культур в V в. пластинчатые кресала в Висло-Одерском регионе полностью выходят из употребления и тогда же появляются в лесной полосе Восточно-Европейской равнины,

являясь одним из маркеров миграции в эти земли среднеевропейского населения (*Седов*, 1999а. С. 101–103). В новом регионе эти кресала бытовали в V–VII вв. (может быть, в V–VIII вв.). На окраинах ареала среднеевропейской миграции, в финском мире они стали исходной формой видоизмененных пластинчатых кресал, доживших до X–XII вв. (*Голубева*, 1965. С. 254–269; *Кочкуркина*, 1989. С. 268). Изборские кресала полностью идентичны пшеворским, нужно полагать, что они оставлены первопоселенцами городища. Такие же простые пластинчатые кресала оставлены среднеевропейскими переселенцами и на других поселениях лесной полосы Восточно-Европейской равнины (*Седов*, 1999а. С. 101). Ближайшей аналогией изборскому кресалу, расширяющемуся книзу, является находка на селище Жабино (*Станкевич*, 1960. С. 263, рис. 76: *5*), как отмечалось выше, относящемуся к памятникам культуры псковских длинных курганов.

Кроме того, в нижнем слое Изборского городища обнаружены три железных калачевидных

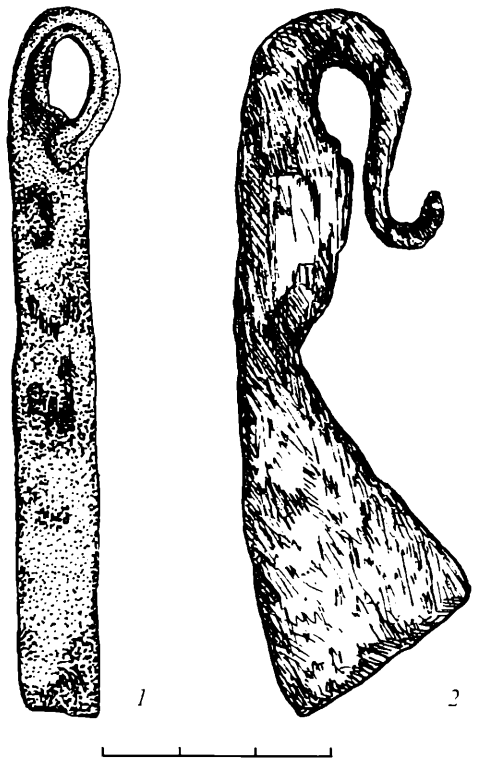

Рис. 67. Железные пластинчатые кресала
1 – 7, Ш-36; *2* – 8, IV-36

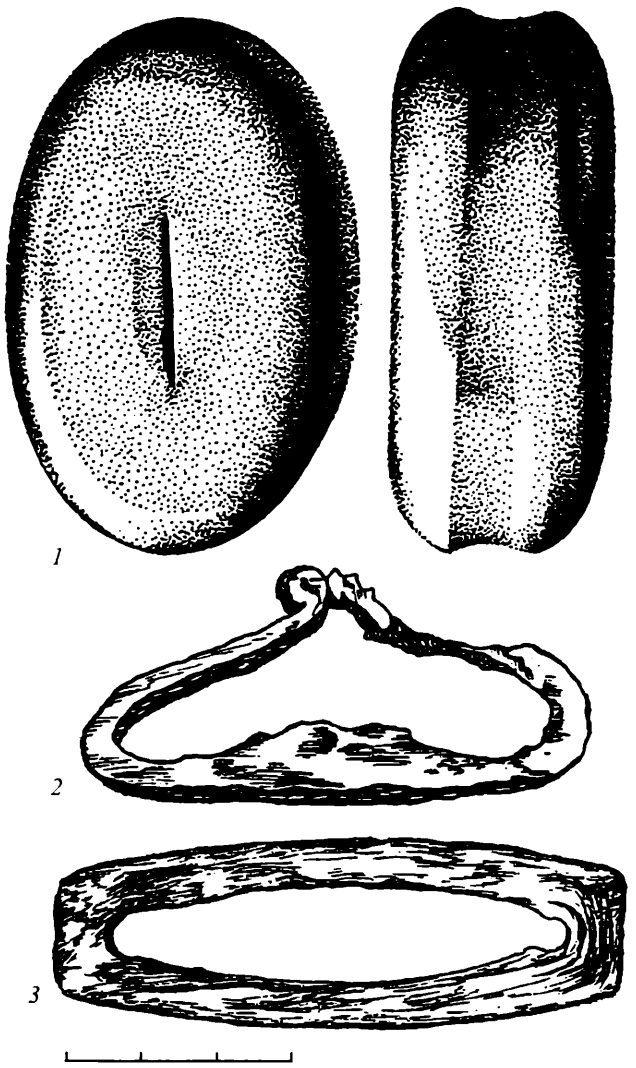

Рис. 66. Блоковидное, калачевидное и овальное кресала
1 – камень; 2, *3* – железо. *1* – 3, Д-38; *2* – 5, Б-39; *3* – 5, У-40

язычковых кресала и три овальных с прямыми боковыми сторонами (рис. 66: *2*, *3*), последние представлены еще и несколькими фрагментами. Калачевидные кресала восходят к римскому времени. В конце этого периода они проникают в Финляндию и встречаются там в сравнительно небольшом количестве в период переселения народов (V–VIII вв.) и более широко в эпоху викингов (*Kivikoski*, 1973. № 641, 1008, 1248). Наиболее ранние кресала овальной формы в Финляндии датируются временем около VIII в. и получили широкое распространение в викингское время (*Kivikoski*, 1973. № 642, 1007, 1247, 1249, 1250). Изборские кресала, по всей вероятности, по своему происхождению связаны с Северной Европой.

Из прочего бытового инвентаря в изборской вещевой коллекции нижнего слоя имеются двое железных пружинных ножниц, сохранившихся целостно (рис. 68: *9*), и несколько, дошедших до нас фрагментарно, а также железные иглы. Пружинные ножницы широко представлены в материалах провинциальноримских культур (восходят к кельтскому ремеслу), в частности обычны в пшеворских древностях (*Hadaczek*, 1909. Tab. VI; *Jamka*, 1936. Tab. 9: *3*; *Козак*, 1984. С. 34, рис. 38: *6*). Из среднеевропейских земель они уже в римское время проникли в Северную Европу и бытовали там в течение всего средневековья (*Kivikoski*, 1973. № 61, 369, 619, 976 и др.). В лесной зоне Восточной Европы, как считают исследователи, пружинные ножницы появляются не ранее X в. Наиболее ранние

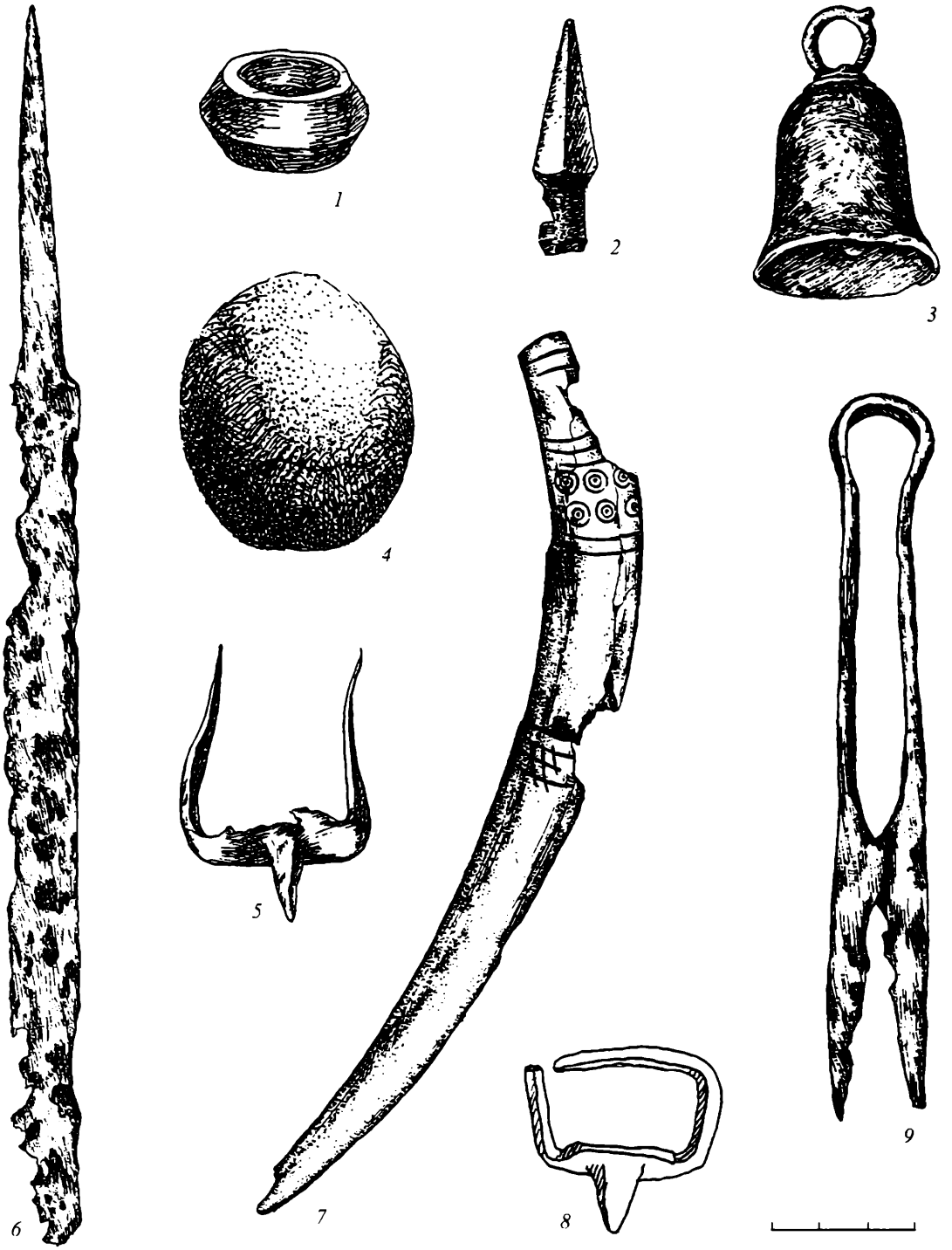

Рис. 68. Различные вещевые находки

1 – пряслице; *2* – наконечник стрелы; *3* – ботало-колокольчик; *4* – шар; *5*, *8* – ледоходные шипы; *6* – нож; *7* – псалий; *9* – ножницы. *1* – глина; *5*, *6*, *8*, *9* – железо; *3* – бронза; *2*, *4* – кость; *7* – рог. *1* – 5, З-33; *2* – 7, Х (буква)-55; *3* – 5, И-30; *4* – 5, VII-31; *5* – 5, Д-47; *6* – 6, Ф-36; *7* – 9, М-48; *8* – 7, Э-51; *9* – 5, Щ-48

находки их на территории Эстонии (Рыуге) и Латвии (Кентескалнс) датируются концом I тыс. н.э. (*Аун*, 1992. С. 52; *Stubavs*, 1976. Att. 82). Первые пружинные ножницы в Изборске встречены в напластованиях не позднее VIII–IX вв. и допускают мысль о поступлении их из Северной Европы на одно–два столетия раньше.

В нижнем слое Изборского городища найдено несколько поясных пряжек (рис. 70: *1–3*, *8–10*). Две из них имеют прямоугольные рамки. Двумя экземплярами представлены и удлиненно-четырехугольные пряжки с закругленными углами и вогнутыми внутрь боковыми сторонами. Пряжки названных типов имеют прямые аналогии в культуре длинных курганов (*Седов*, 1974а. С. 31, табл. 24: *6*, *10*, *11*, *14*, *15*, *17*, *20*, *21*, *24*, *25*). Впрочем, такие пряжки распространены были в рассматриваемое время довольно широко. Еще две изборских пряжки имеют плоские полуокруглые рамки и прямую заднюю часть (рис. 70: *1*, *8*). Одна железная застежка принадлежит к подковообразным с завернутыми в спираль концами (рис. 70: *5*). Среди

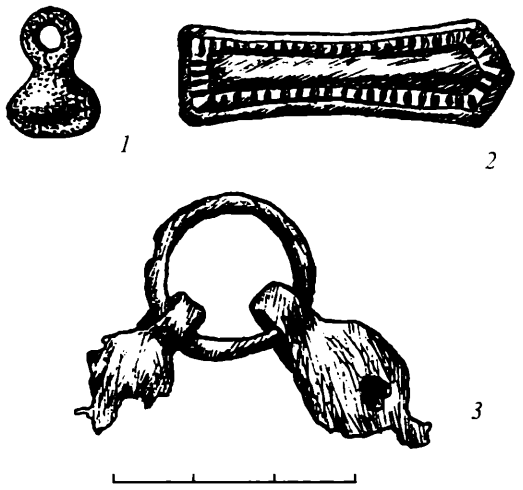

Рис. 69. Металлические принадлежности одежды
1 – пуговица; *2* – поясная накладка; *3* – поясное кольцо. *1, 2* – бронза; *3* – железо. *1* – 5, З-35; *2* – 7, Н-49; *3* – 6, Ю-50

фрагментарных пряжек одна имеет оригинальную трапециевидную форму (рис. 70: *2*). Железных колец, целых и в обломках, некоторые из которых были поясными, найдено более двух десятков. На одном из колец сохранились пластины с заклепками, с помощью которых оно скрепляло ремни (рис. 69: *3*).

Инструментарий сельскохозяйственного труда в изборской коллекции представлен наконечниками пахотных орудий – фрагментами сошников, мотыгами, серпами и косами. Сошники (рис. 71: *1, 2*) обнаружены в напластованиях VIII–IX вв., их типы и размеры определить невозможно. На основании находок целых сошников в вышележащих слоях Изборского городища можно полагать, что и наконечники пахотных орудий нижнего слоя принадлежат к группе III по классификации Ю.А. Краснова (*Краснов*, 1987. С. 29, 30). В Ладоге один из аналогичных сошников найден в слоях горизонта Е-3,

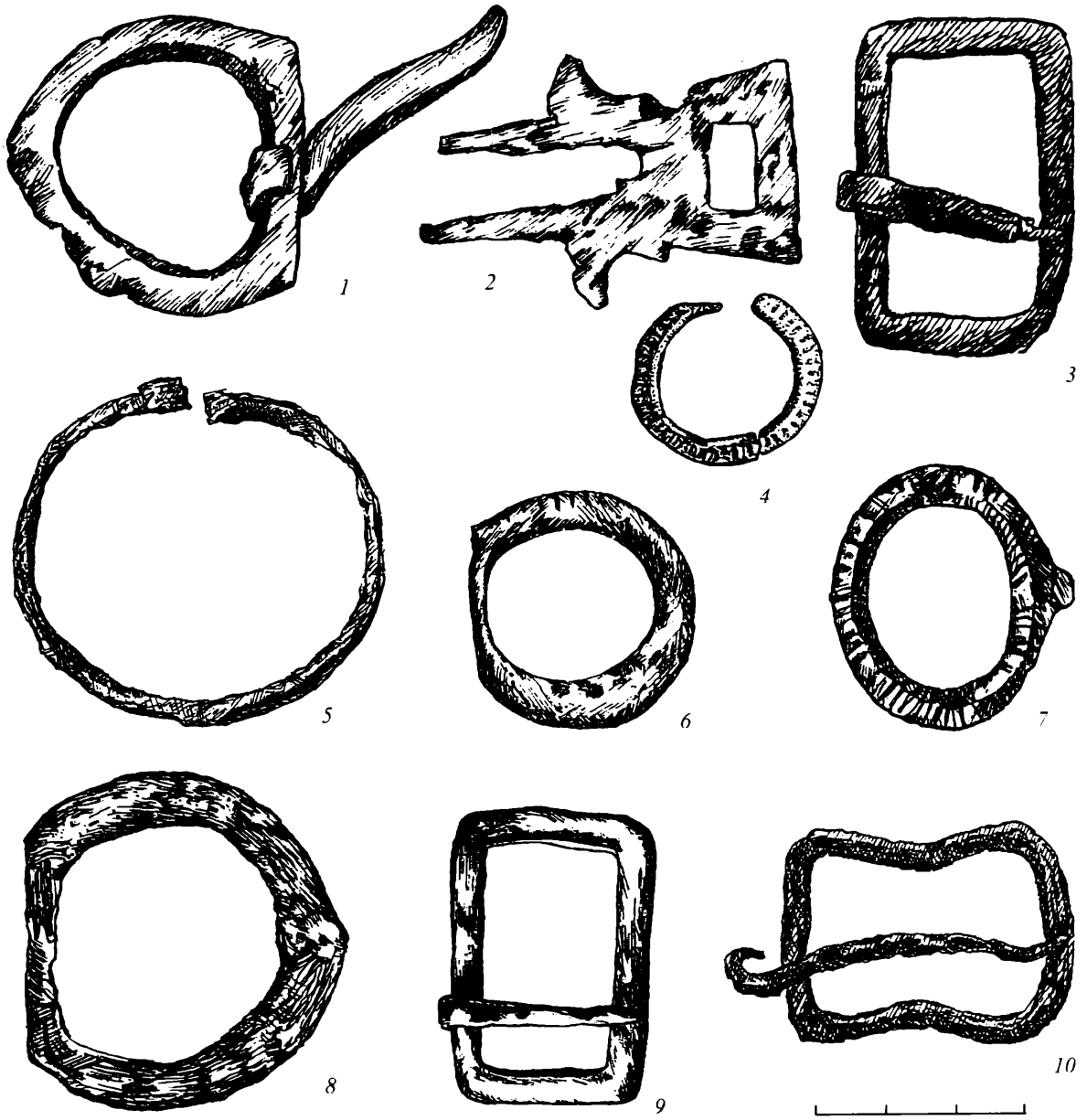

Рис. 70. Металлические пряжки
1–3, 5, 8–10 – железо; *4, 6, 7* – бронза. *1* – 7, Э-53; *2* – 10, Э-49; *3* – 5, Д-27; *4* – 5, Ц-34; *5* – 4, Л-25; *6* – 5, Ц-45; *7* – 6, З-51; *8* – 5, 1-41; *9* – 4, Г-38; *10* – 5, Б-27

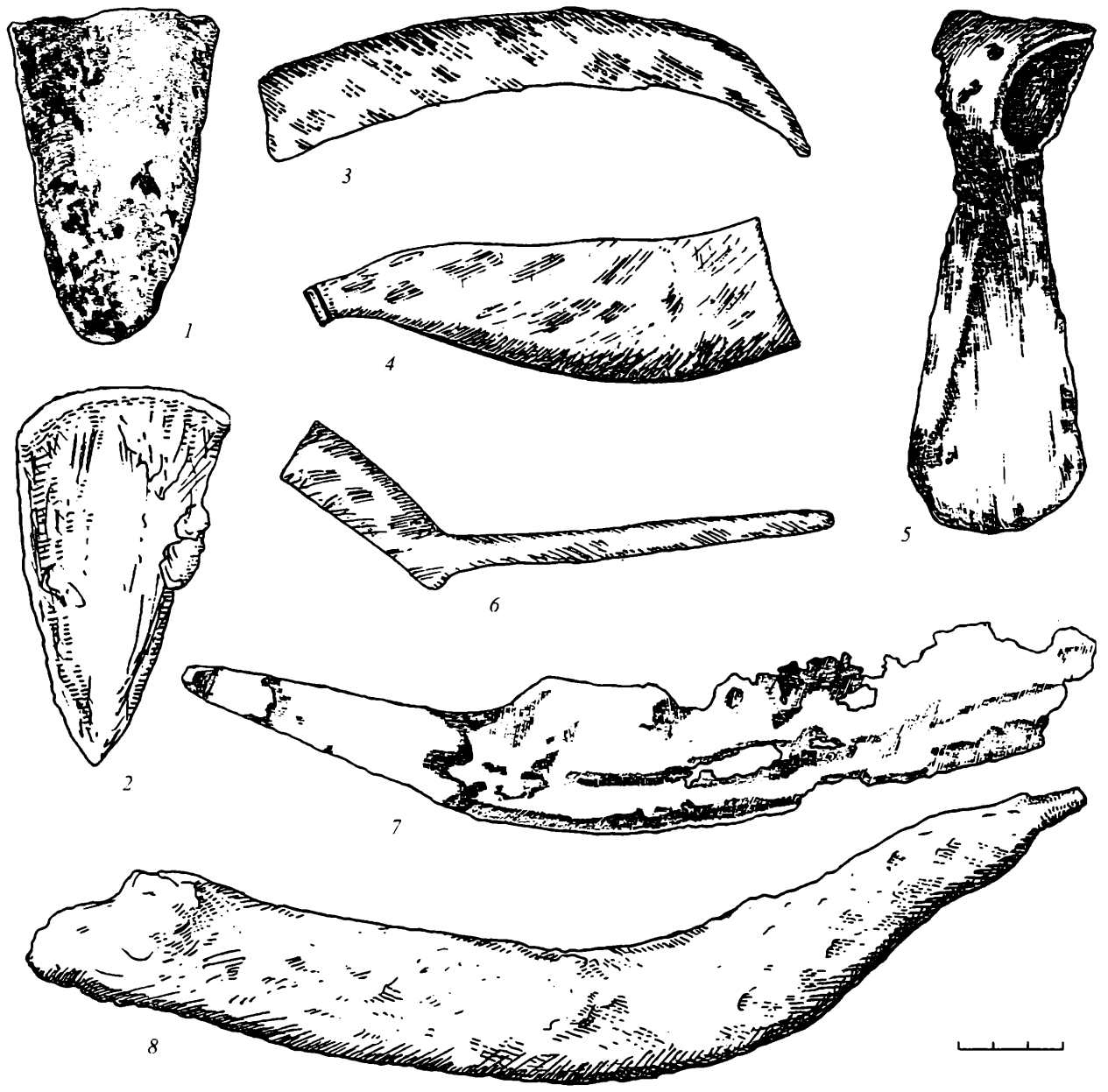

Рис. 71. Железные сельскохозяйственные орудия

1, 2 – фрагменты сошников; *3, 4, 6* – фрагменты серпов; *5* – мотыга; *7, 8* – косы. *1* – 7, А-32; *2* – 11, Ю-50; *3* – 5, V-7; *4* – 5, С-51; *5* – 5, О-47; *6* – 5, А-47; *7* – 6, Г-42; *8* – 7, Б-55

датируемых от середины VIII до второй четверти IX в., второй – в слое конца IX – начала X в. (*Миролюбов*, 1972. С. 120–121, рис. 3: *4*). Два подобных наконечника пахотных орудий находились в составе клада хозяйственных орудий, обнаруженного на Холопьем Городке под Новгородом (*Носов*, 1990. С. 181, рис. 68). Сошники той же группы встречены в курганах Тимеревского могильника и Большой Бремболы в Суздальском ополье, в Новгороде они есть в слоях X–XI вв. В викингское время они бытовали и в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. № 988). В Юго-Восточной Прибалтике сошники той же группы распространяются несколько позднее, в XI–XII вв. (*Urtans*, 1977. Lpp. 48–49; tab. III: 5, 6 ; att. 123: *1, 2*). Железный наконечник сохи, найденный на городище в Тарту и датированный первоначально по аналогии со староладожским VII–VIII вв. (*Trummal*, 1964. Lk. 55, tab. VII: a), отнесен Х.А. Моора к рубежу I–II тыс. (*Моора, Лиги*, 1969. С. 7). Наконечники рассматриваемого типа предназначались для однозубых пахотных орудий, которые были наиболее удобны при возделывании участков, освобождаемых от леса.

Железные проушные мотыги, аналогичные изборским (рис. 71: *5*), судя по материалам латвийских кладов, были в употреблении в Прибалтийском регионе начиная с середины I тыс. н.э. (*Moora*, 1938. S. 529–531; *Urtans*, 1977. Lpp. 49, 52: 25; att. 113: 1). Подобные мотыги представлены и в древнерусских коллекциях, в том числе известны и из курганных захоронений (*Хвощинская*, 2004. С. 106, табл. XCVII: Б1).

Серпы и косы в нижнем слое Изборска представлены преимущественно фрагментами. Наиболее сохранившимися являются три небольших серпа

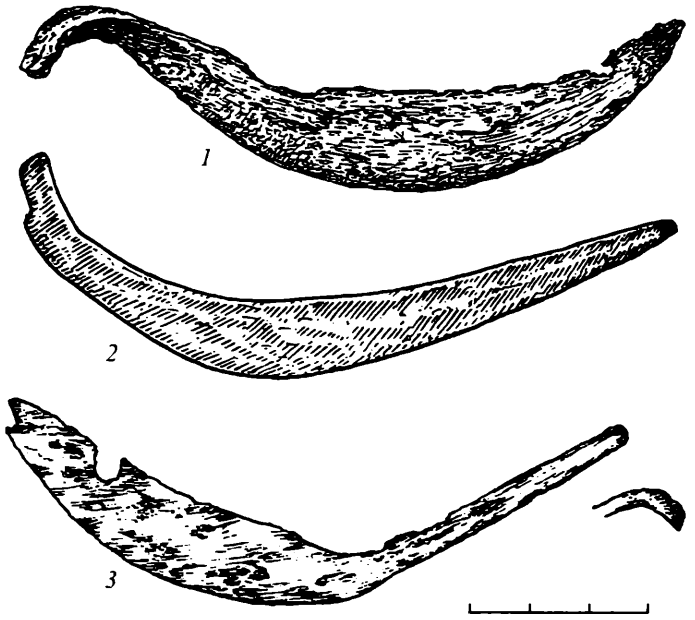

Рис. 72. Железные серпы
1 – 4, А-44; *2* – 6, Г-42; *3* – 5, Н-33

(рис. 72), иногда именуемые серповидными орудиями или ножами и имеющие широкие параллели среди материалов раннего железного века лесной зоны Восточно-Европейской равнины (*Станкевич*, 1960. С. 75, 113, 278, рис. 56; 69: *1, 2;* табл. LXII: 1; *Минасян*, 1978. С. 76–79; *Розенфельдт И.Г.*, 1982. С. 148–149, рис. 38). Около рубежа VI–VII вв., по Р.С. Минасяну, они вытесняются серпами более совершенных типов.

Остальные изборские серпы (рис. 71: *3, 4, 6*) принадлежат к типам, характерным для раннесредневековой эпохи Восточной Европы. Они имеют изогнутые клинки и отогнутые черешки рукояток. Появляются такие инструменты в лесной зоне Восточной Европы, по всей вероятности, около середины I тыс. н.э. в процессе ее освоения среднеевропейским населением (*Седов*, 1999а. С. 110–111, рис. 22) и широко представлены в памятниках второй половины I тыс. н.э.

Косы-горбуши представлены в Изборске крупными и мелкими фрагментами (рис. 71: *7, 8*), которых насчитывается не менее полутора десятка. Такие сельскохозяйственные орудия во второй половине I тыс. н.э. были довольно широко распространены в лесной зоне Восточной Европы (*Розенфельдт И.Г.* 1982. С. 149; *Носов*, 1990. С. 181, рис. 68; *Аун*, 1992. С. 125, табл. L: 7) и близки к древнерусским.

Предметы из цветных металлов

Древнейшими металлическими находками на Изборском городище являются бронзовые булавки. Самой ранней является булавка с головкой из двух утолщений и ромбовидного ушка сверху (рис. 73: *3*). Согласно Х.А. Моора, это – типично мазурская форма булавок позднеримского периода (*Moora*, 1938. S. 212, Abb. 25: *1*). Римским временем датируются подобные изделия в прибалтийских материалах и другими археологами (*Gaerte*, 1929. S. 225, Abb. 171: i, j; *Okulicz*, 1973. Rys. 193d; *Michelbertas*, 1986. P. 128–129; pav. 43: *7*). К позднеримскому периоду относятся также булавки с головкой в виде одного–трех утолщений с кольцом наверху, бытовавшие на территории Финляндии (*Kivikoski*, 1973. № 236–240).

Другая изборская булавка принадлежит к хорошо известным в Прибалтике украшениям с расширяющейся трубовидной (раструбовидной) головкой. Расширяющееся ушко находится между головкой и острием (рис. 73: *1*). Булавки с профилированными конусообразными головками получили распространение в начале эпохи средневековья на территории Северной Литвы и в соседней области земгалов в Латвии, есть они и на среднем Немане. К V в. относятся аналогичные булавки, изготовленные из железа, в VI–VII вв. широко распространяются бронзовые (Atlasas, 1978. P. 78–79, žem. 45: 1, 2; LA, 1974. Lpp. 160, tab. 30: 2; 41: 17; *Urtans*, 1977. Att. 52: *1*). Позднее они выходят из употребления.

В нижнем слое Изборска найдена еще булавка с плоской треугольной головкой, орнаментированной штамповым узором из треугольничков и кружков (рис. 73: *2*). Аналогичные изделия были весьма характерны для жемайтов и земгалов в V–VIII вв. (LLM, 1958. Kn. I. Il. 335; LA, 1974. Lpp. 160, il. 41: 2; *Tautavičius*, 1996. P. 230, il. 109: 3; *Urtans*, 1977. Att 56: 4, 5). Булавка с треугольной головкой из Плавниекалнса датируется около 500 г. н.э. Этим временем А.М. Тальгрен определял время таких же находок из Ляяне-Нигула Кирямяя в Эстонии (*Tallgren*, 1925. S. 6, Abb. 10, 12).

Жемайтско-земгальское начало имеют и две изборские бронзовые булавки с треугольными навершиями, завершающимися грибовидными головками (рис. 73: *4, 6*). В памятниках земгалов и жемайтов они датируются V–IX вв. (*Schmiedehelm*, 1930. S. 2–13; LLM, 1958. Kn. I. Il. 459; LA, 1974. Lpp. 160, tab. 40: 10; 41: 3). Оттуда они около VII в. распространились на территорию Эстонии и далее в Финляндию, где в несколько видоизмененном виде дожили до первых веков II тыс. н.э. (*Selirand*, 1974. Lk. 145, tab. XXIX: 4; *Kivikoski*, 1973. № 441, 448). Изборским находкам близки булавки из городища Рыуге, где они датированы VII–VIII вв. (*Шмидехельм*, 1959. С. 170; *Аун*, 1992. С. 65, табл. IX: 2; XXVIII: 3, 4). К этому виду принадлежит булавка, найденная в Новгороде в слоях конца X в. (*Седова*, 1981. С. 73, рис. 25: *3*).

В характеризуемых напластованиях Изборского городища обнаружена еще булавка с крестовидной головкой (рис. 73: *7*). Такие украшения первоначально получили бытование в земгальско-жемайтской области, где датируются в

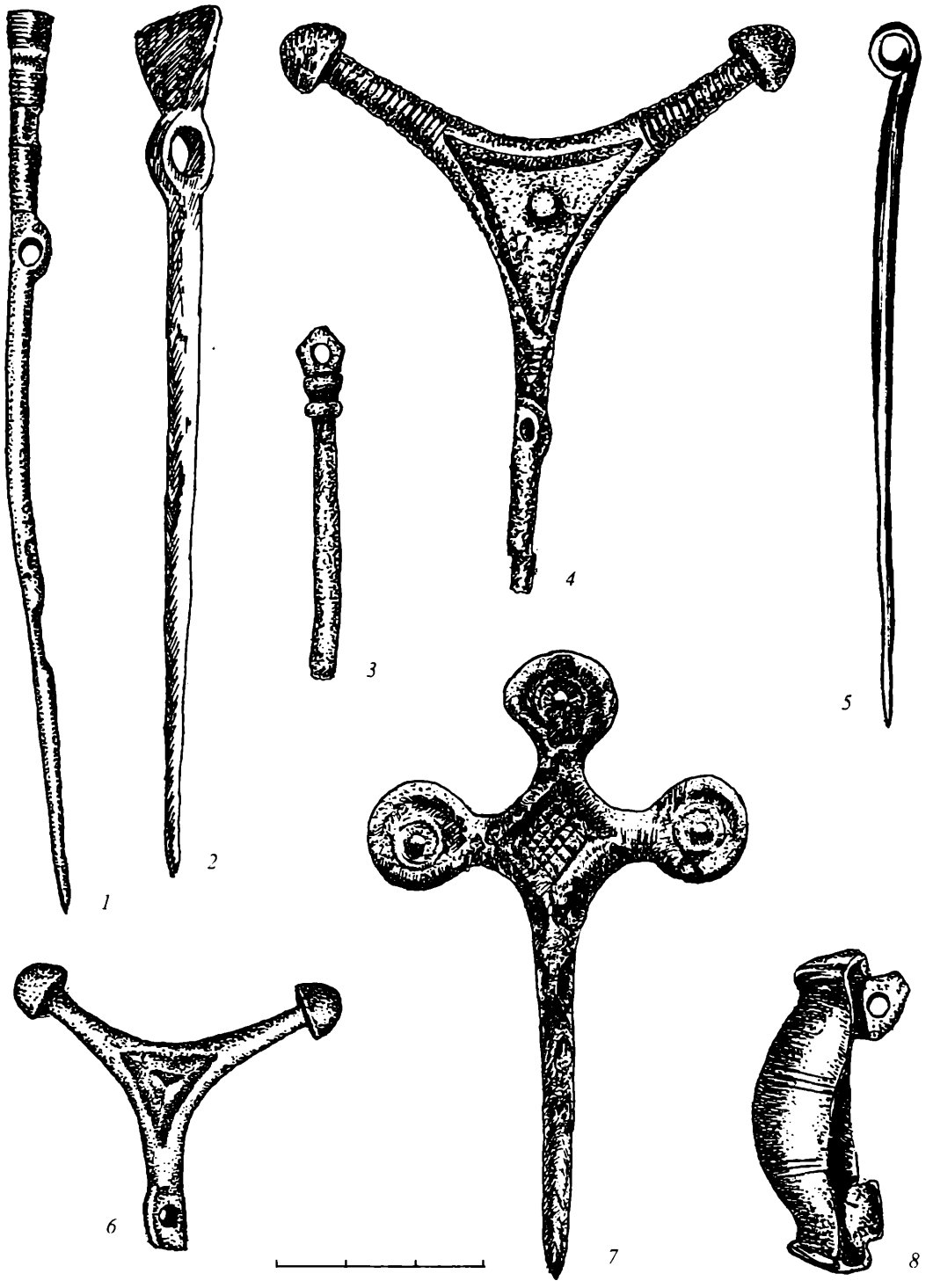

Рис. 73. Булавки бронзовые и фибула
1 – 5, О-27; *2* – 6, Л-21; *3* – 2, П-35; *4* – 5, Н-27; *5* – 7, XIX-27; *6* – 5, З-26; *7* – зачистка материка, XVI-27; *8* – 4, П-41

основном VII–IX вв., но появляются уже в V в. (*Šnore*, 1930. C. 74; *Moora,* 1938. S. 214; LLM, 1958. Kn. I. Ill. 478–482; Atlasas, 1978. P. 83, žem. 49: *1*; LA 1974. Lpp. 160, tab. 42: 1, 10; 48; 52; 57). Эта форма булавок была позаимствована эстами и получила у них дальнейшее развитие (*Selirand*, 1974. Lk. 145, lisa 7: XXIV: 2). Изборская находка имеет в сердцевине головки ромбик, заштрихованный крестообразно. Ближайшие аналогии ей находятся в Жемайтии.

В нижнем слое Изборска найдены еще две булавки, одна из которых имеет расплющенную и завернутую в колечко головку (рис. 73: *5*), другая завершается прямоугольным отростком с отверстием. Встречено еще несколько фрагментарных булавок, тип которых определить не удается.

Найденная в Изборске бронзовая равноплечная фибула, украшенная двумя поперечными поясками из линий (рис. 73: *8*), имеет ближайшие аналогии среди находок в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. S. 61, № 401). Фибулы подобного облика получили распространение в Скандинавии, на Готланде, Эланде и Аландах в VII в. (*Kivikoski*, 1963. S. 72–73, Taf. 3: *9*; 16: *7*; 20: *7*, *8*; 23: *6*, *7*). В целом в этих

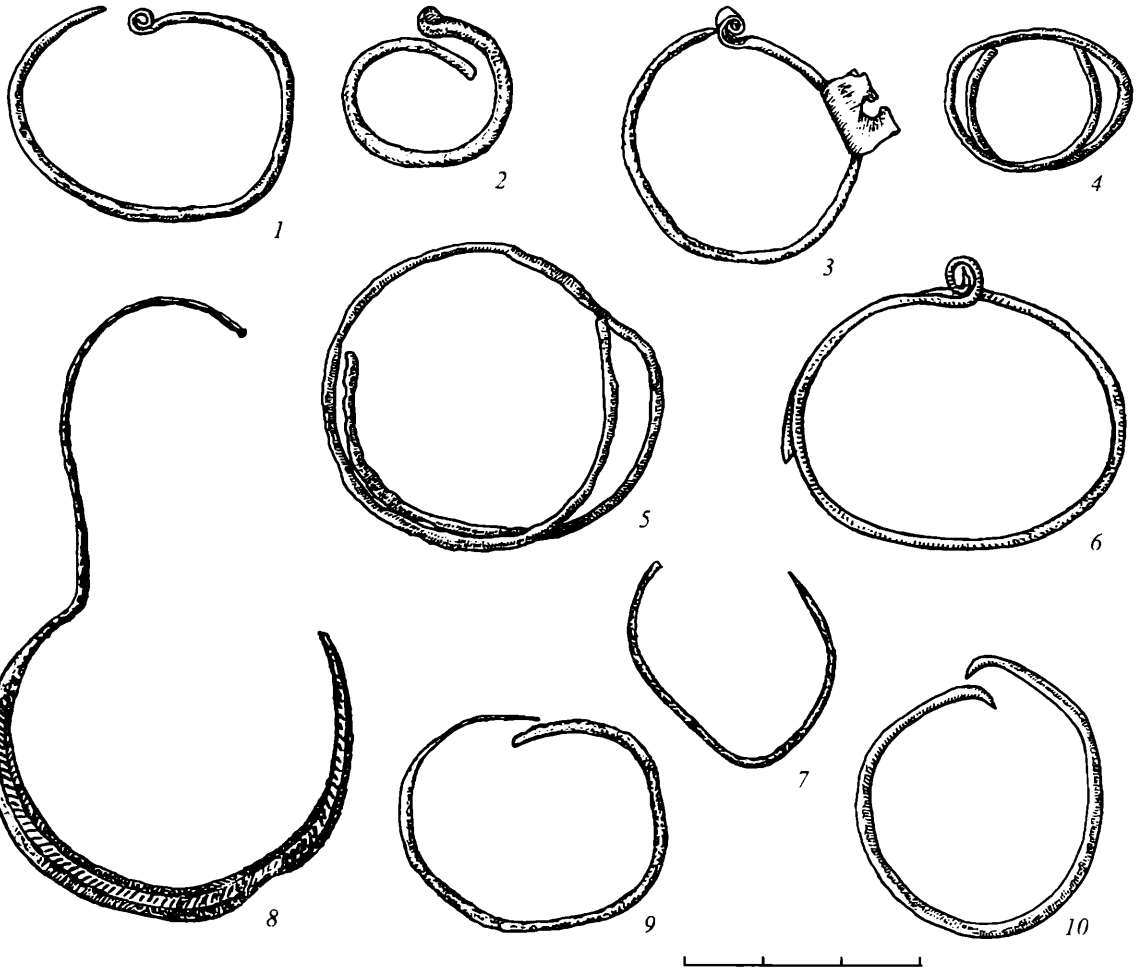

Рис. 74. Височные кольца

1–10 – цветной металл. *1* – 10, Э-49; *2* – 8, Б-55; *3* – 6, Ш-54; *4* – 6, В-40; *5* – 6, Ж-44; *6* – 4, VIII-25; *7* – 5, XII-25; *8* – 5, Н-40; *9* – 7, Ж-56; *10* – 6, Б-40

регионах они более крупные и имеют иную орнаментацию. Впрочем, среди равноплечных фибул из могильника Кварнбакен есть одна, из погребения 13, датируемого VII в., почти полностью идентичная изборской. В следующем столетии равноплечные фибулы из Скандинавии проникли в Финляндию, где получили несколько отличную форму, которая характерна для VIII в. Этим столетием следует датировать и изборскую находку. Более поздние равноплечные фибулы имеют уже совсем иные характеристики.

Среди изделий из цветных металлов имеется несколько проволочных височных колец.

Три из них, диаметрами 5,8, 3,8 и 2,0 см принадлежат к типу полутораоборотных (рис. 74: *4, 5*), еще четыре, диаметрами от 2,5 до 3,8 см имеют сомкнутые концы (рис. 74: *7, 9, 10*). Аналогичные височные кольца имеют широкие аналогии в славянских древностях, в том числе они известны в длинных курганах (*Седов*, 1974а. С. 32, рис. 26: *6, 7, 9, 10; Аун*, 1992. Рис. 51: *8, 9*). X – началом XI в. такие украшения датируются в курганах с трупосожжениями в Юго-Восточном Приладожье и Ярославском Поволжье.

Четыре височных кольца диаметрами 3,6, 3,5, 3 и 2,1 см относятся к типу загнутоконечных (рис. 74: *1–3, 6*). Один конец их расплющен и завернут в колечко, другой обрублен. На одном из колец имеются остатки обоймицы, посредством которой к нему прикреплялась какая-то привеска. Еще у одного завернутоконечного кольца размерами 4 × 3,4 см другой конец выпущен на 5 см. Аналогичное височное кольцо найдено на селище Рыуге (*Аун*, 1992. С. 60, рис. 20: *5*). Подобные украшения встречаются в славянских памятниках VIII–X вв. в разных регионах, в том числе они известны в коллекциях культуры смоленско-полоцких длинных курганов (*Седов*, 1974а. Рис. 26: *1*). В Гнёздове их насчитывается 13 – три происходят с поселения, остальные в курганных трупосожжениях, датируемых серединой X в. (*Пушкина*, 1987. С. 52, рис. 1: *10*). В Киевском некрополе подобные украшения встречены в захоронениях вместе с подвесками-дирхемами начала XI в. (*Каргер*, 1958. Табл. X: 4). Наиболее раннее височное кольцо с подобным завитком на конце найдено на поселении пеньковской культуры VI–VII вв. (*Хавлюк*, 1974. С. 197, рис. 11: *1*). В Старой Ладоге одно из височных колец рассматриваемого типа обнаружено в 1947 г. в слое горизонта Е-3, датируемом не позднее IX в. (*Равдоникас*, 1950. С. 36, рис. 32), другая находка относится к 1975 г. и датируется концом IX – началом X в. (*Кирпичников*, 1980. С. 452, 453, рис. 21; 1985. С. 18, рис. 7).

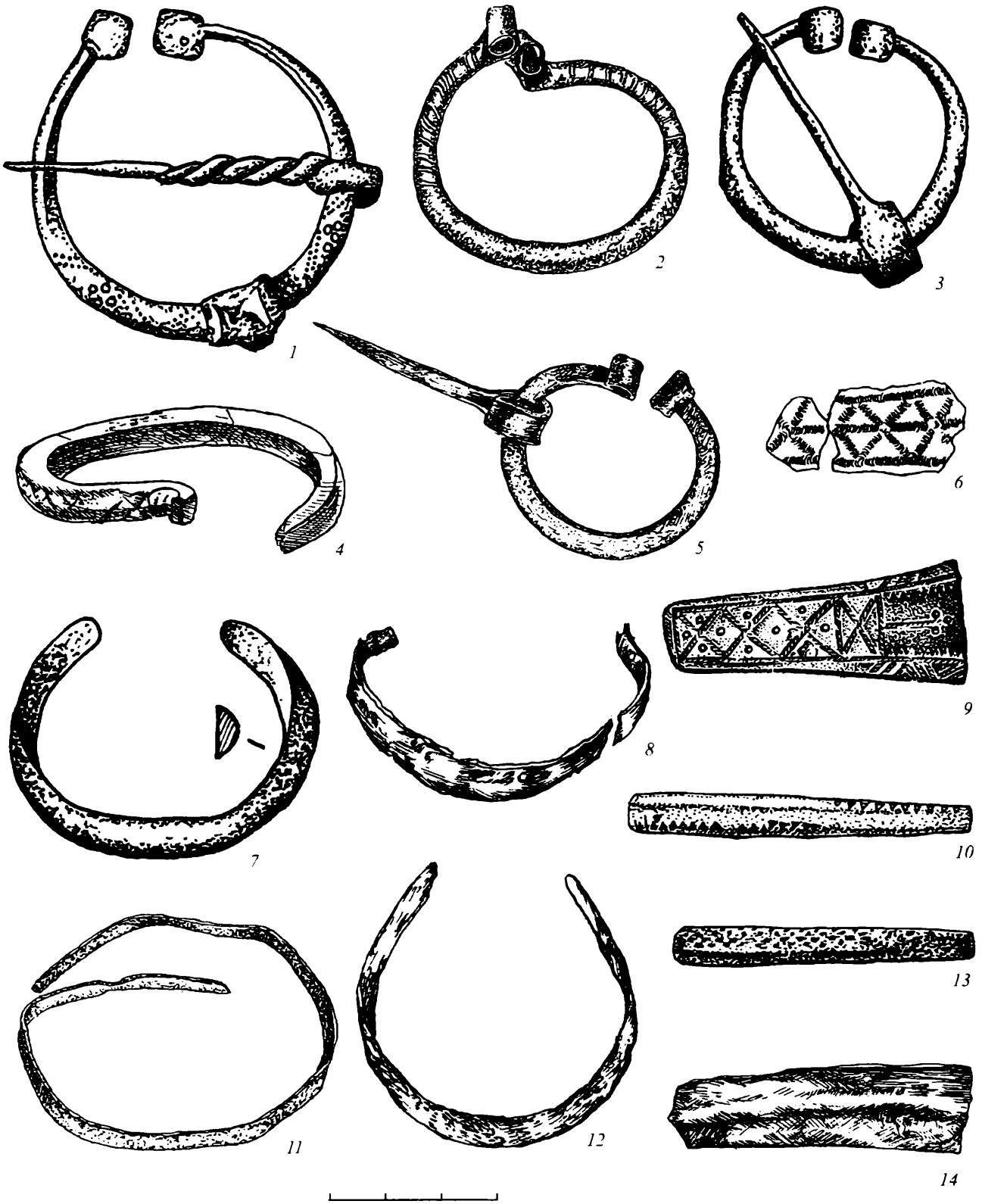

Рис. 75. Подковообразные застежки (*1–3, 5*) и браслеты (*4, 6–14*) из цветных металлов

1 – 6, VII-36; *2* – 5, Щ-55; *3* – 6, VII-36; *4* – 5, Э-54; *5* – 6, А-54; *6* – 6, П-24; *7* – 7, VII-38; *8* – 6, Ж-49; *9* – 7, V-9; *10* – 6, VIII-21; *11* – 5, Н-45; *12* – 7, Х-36; *13* – 9, А-35; *14* – 4, XX-40

В Изборске найдено еще височное кольцо, принадлежащее к типу, известному по материалам культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Основу его составляет пластина шириной 5–6 мм с выступающим ребром посередине, переходящая в проволочные заходящие концы. Диаметр кольца 4,9 см, один из концов его отогнут, другой обломан. Ребро орнаментировано нарезками (рис. 74: *8*). Однотипные височные кольца помимо основного ареала разбросанно встречаются в синхронных памятниках Северо-Запада. Близкое к изборскому кольцо происходит с городища Рыуге (*Аун*, 1992. С. 60, рис. 20: *9*). Такие украшения найдены также на городищах Камно, Псковском, Ржева Пустая, в

Городище близ Великих Лук и Ладоге. Появились они в Верхнеднепровско-Двинском регионе, по всей вероятности, как результат совмещения распространенных здесь раннее проволочных (браслетообразных) височных колец с лунничными кольцами, занесенными из Дунайских земель (*Седов*, 1999а. С. 143–145).

Из нижнего слоя рассматриваемого памятника происходят несколько подковообразных застежек-фибул. Кроме одной, все они имеют концы, завернутые в трубочки (рис. 75: *2, 3, 5*). Одна застежка имеет плосковыпуклый стержень, на части которого сделана имитация обмотки проволокой. Аналогичные подковообразные железные украшения со спирально загнутыми концами и обмоткой из бронзовой проволоки имели распространение в земле латгалов в VII–VIII вв. (LA, 1974. Lpp. 159, tab. 42: *5*). Имитация обмотки на изборской находке, может быть, является своеобразным подражанием латгальским украшениям. Из нижнего слоя Изборска происходит еще подковообразная застежка с наполовину плоско-выпуклой, наполовину пластинчатой основой с поперечными нарезками. Две застежки с завернутыми концами имеют пластинчатые основы. Одна фибула небольшого размера была изготовлена из толстого круглого в сечении дрота, один конец ее оформлен в виде многогранника, другой отломан, еще одна имеет массивную треугольную дужку. Крупные размеры выделяют подковообразную застежку с многогранными концами (рис. 75: *1*). Ее толстодротовая основа в середине имеет муфтообразное утолщение, игла наполовину крученая. Фибулы с дугой, утолщенной в средней части, в прибалтийских древностях датируются преимущественно XI–XIII вв. (*Tallgren*, 1925. S. 66, 67, Taf. III: 6; *Salmo*, 1956. S. 70; *Kivikoski*, 1973. № 1036, 1038; *Selirand*, 1974. Lk. 157–158, 334–335, tab. XXXVII: 5). В курганах Водской земли и в Новгороде они относятся к XII – началу XIV в. (*Спицын*, 1896. С. 25, табл. VIII: 12; IX: 18; *Мальм*, 1967. С. 164–165, рис. 24: *1*; *Седова*, 1981. С. 88, рис. 30: *5, 7*; *Рябинин*, 2001. С. 67, табл. XXXI: 8). Однако единичные фибулы рассматриваемого типа бытовали и в период викингов (*Kivikoski*, 1973. № 704).

Бронзовые привески в нижнем слое Изборска немногочисленны. Четыре из них – гладкие трапециевидной формы (рис. 76: *5, 9*), имеющие широкое распространение, в частности в синхронных балтских древностях Прибалтики. Одна из изборских привесок украшена по периметру двумя линиями зубчатого штампа и кружками, оконтуренными кольцевыми углублениями (рис. 76: *1*). Еще одна изготовлена из обломка орнаментированного пластинчатого браслета. Сверху она имеет отверстие, сквозь которое продето проволочное колечко (рис. 76: *4*). Трапециевидные привески Изборского городища находят ближайшие аналогии в материалах длинных курганов псковского и смоленско-полоцкого типов (*Седов*, 1974а. С. 33, табл. 23: *27–29, 32–34*, 38), имеются они и на Гнёздовских поселениях (*Ениосова*, 2001. С. 208–212, рис. 1).

Н.В. Ениосова справедливо отмечает, что, хотя трапециевидные привески и имеются в древностях летто-литовских племен в значительном количестве, в настоящее время их уже невозможно рассматривать как балтские украшения. Такие украшения известны и среди украшений, встреченных в достоверных памятниках восточных славян, известны они и в прибалтийско-финских коллекциях (*Urtans*, 1970. Lpp. 61–85, att. 3–14).

Из нижнего слоя Изборска происходят две бронзовые колпачковые привески (рис. 76: *11*). Подобные украшения хорошо известны в археологических материалах Латвии, где они были в употреблении с VII по XI в. (*Urtans*, 1970. Lpp. 64–65; 1977. Lpp. 31, att. 86: *15, 16*; 64; LA, tab. 42: *22*). Несколько отличающиеся подвески того же типа есть и среди материалов культур длинных курганах (*Седов*, 1974а. С. 33, табл. 25: *8, 9*). Несколько таких привесок происходят из курганных могильников Арнико-III и Рысна-Сааре-I в Юго-Восточной Эстонии, которые, согласно изысканиям В.А. Уртанса, относятся ко времени не позже VII–VIII вв. (*Аун*, 1992. С. 127, рис. 51: *1–3, 6*). Судя по материалам латгальских могильников, колпачковые подвески завершали украшения, прикреплявшиеся к вайнагам – женским головным венкам (Нукшинский могильник, 1957. С. 34, табл. IV: 3; XV: 1; XVIII: 3). Другим регионом колпачковых привесок, несколько отличных от прибалтийских, является Среднее Поднепровье, где они нередки в вещевых кладах VII в.

В рассматриваемом слое Изборска найдено несколько бубенчиков. Один из них, фрагментарный, крупный, из золотистой бронзы, поверхность его имеет орнаментацию из вертикальных углублений (рис. 76: *3*). Такие крупные бубенчики служили украшением конской сбруи. Ближайшие аналогии изборской находке имеются среди вещевых материалов из погребений смоленско-полоцких длинных курганов (*Седов*, 1974а. С. 33, табл. 23: *26, 31, 37*). Далее ареал подобных бубенчиков простирается на юго-восток вплоть до территории салтовской культуры включительно (Степи Евразии, 1981. Рис. 37: *18, 21; Плетнева*, 1989. С. 107, рис. 57). Согласно В.С. Нефедову, эти бубенчики в культуре смоленско-полоцких длинных курганов являются изделиями, поступившими с юга, из салтовского ареала, причем не прямо, а при посреднической роли славян роменской культуры (*Нефедов*, 2002. С. 134, 138, 139). Более вероятной представляется мысль о распространении в различных культурах Восточно-Европейской равнины одинаковых элементов конской сбруи. Для того чтобы утверждать салтовское происхождение бубенчиков культуры смоленско-полоцких длинных курганов, необходимо было бы показать, что в салтов-

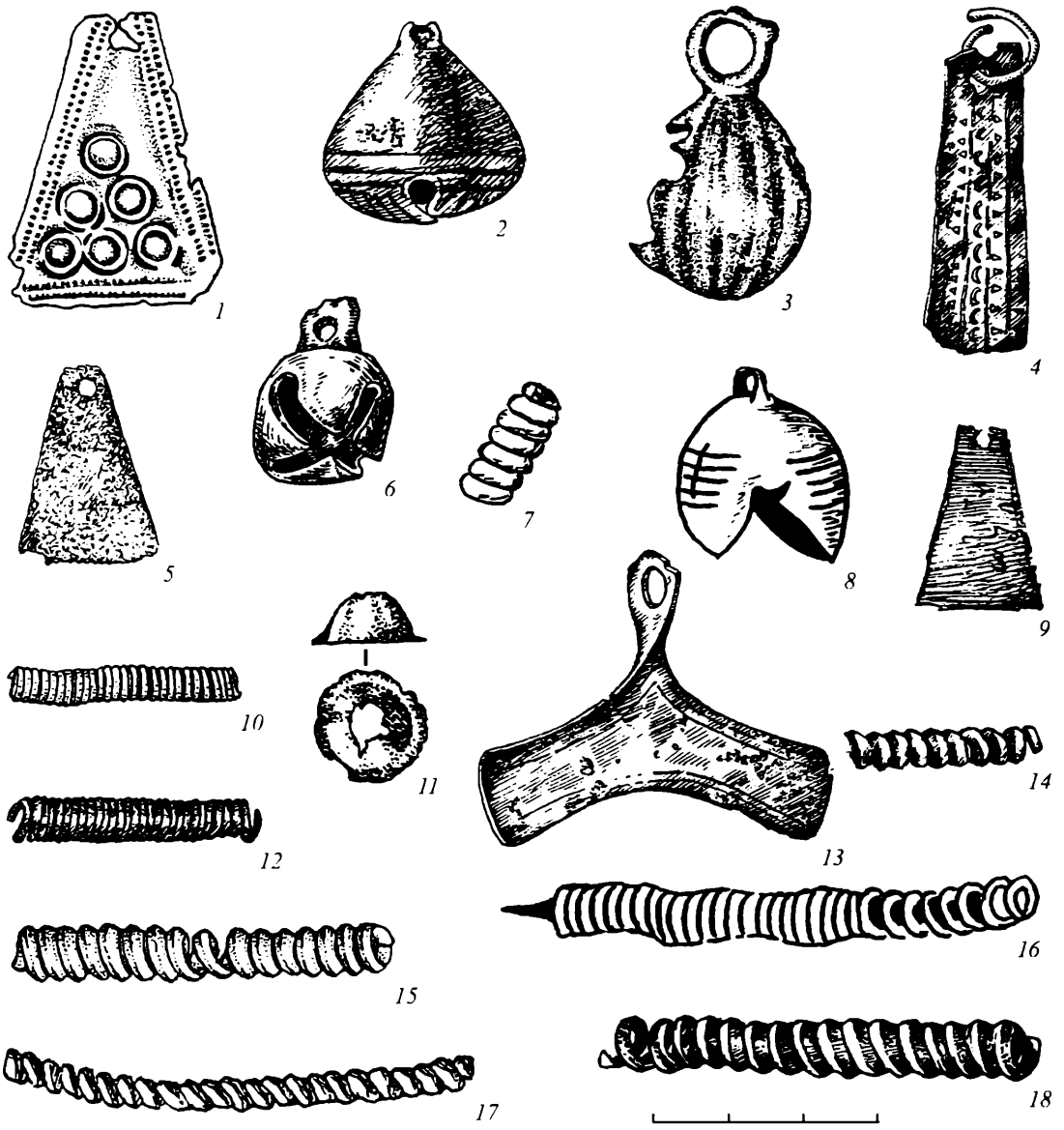

Рис. 76. Привески и спиральки из цветных металлов

1, 4, 5, 9 – трапециевидные привески; *2, 3, 6, 8* – бубенчики; *7, 10, 12, 14–18* – спиральки; *11* – колпачковидная привеска; *13* – привеска в форме кленового семени. *1, 10, 15* – насыпь вала; *2* – 5, Э-49; *3* – 4, К-33; *4* – яма 10, Е-16; *5* – 4, Р-42; *6* – 6, VI-32; *7* – 7, П-37; *8* – 8, Ш-56; *9* – 7, О-22; *11* – 6, Ц-43; *12* – 5, Л-24; *13* – 4, V-21; *14* – 5, И-49; *16* – 6, Щ-52; *17* – 5, М-28; *18* – 6, П-27

ской культуре они появились в более раннее время, но этого сделать невозможно. На всей территории распространения рассматриваемые бубенчики датируются VIII–IX вв.

Два других изборских бубенчика меньших размеров (рис. 76: *2, 8*). Один – грушевидный, с крестообразной прорезью, орнаментирован нарезными горизонтальными линиями в месте наибольшего расширения и бессистемно расположенными линиями-нарезками в нижней части. Второй – шарообразный, с линейной прорезью – украшен горизонтальными линейными нарезками. Одним целым экземпляром и несколькими фрагментами представлены в изборской коллекции небольшие шарообразные бубенчики с гладкими поверхностями и с крестообразными прорезями (рис. 76: *6*). На Руси такие привески получили распространение с X в., на территории Финляндии и в Швеции они известны ранее – в памятниках IX–X вв. (*Arbman*, 1940. Taf. 93: *11, 15; Kivikoski*, 1973. № 810). Не исключено, что первые такие бубенчики были привезены в Изборск из Фенно-Скандинавии.

Среди изборских подвесок имеется еще находка (рис. 76: *13*), которая в предварительной публикации (*Седов*, 2002б. С. 64) была ошибочно связана с так называемыми "молоточками Тора". Однако привесок, близких к изборской, среди топоровидных привесок эпохи викингов Скандинавии и Восточной Европы не обнаруживается, они имели совсем иные формы (*Новикова*, 1991. С. 175–180, рис. 1, 2). Привески вендельского времени, связываемые с "молоточками Тора", также заметно отличны от изборской (*Kivikoski*, 1973. № 448, 480). Ближайшими аналогиями последней являются украшения, широко распространенные в западнолитовских землях (*Gaerte*, 1929. Abb. 256, 257; LLM, 1958. № 459, 460; *Valatka*, 1969. Pav. 7: *4–6; Tautavičius*, 1996. P. 244–245, pav. 115). Это так на-

зываемые привески в форме кленового семени. Они входили в состав нарядных украшений, прикрепляемых к одежным булавкам. К последним прикреплялись по 2–5 и более цепочек (иногда спиралек), концы которых и завершались этими привесками. Украшения с привесками в форме семени клена были характерны для куршей преимущественно в VII–VIII вв. В слое Изборского городища неоднократно встречены и фрагменты бронзовых цепочек.

В нижнем слое Изборска неоднократно встречены спиральки, изготовленные из бронзовой проволоки круглого или сегментовидного сечения (рис. 76: *10, 12, 14–18*). Такие украшения широко бытовали среди раннесредневековых балтских и финно-угорских племен. Они входили в состав шейных ожерелий и были составными элементами головных уборов, использовались для украшения одежды, в том числе наплечного покрывала (*Zarina,* 1970; *Седов,* 1987а. С. 360, 361, 367 и др.). В небольшом числе они встречены и в длинных курганах (*Седов*, 1974а. С. 31, табл. 23: *6–8, 10, 13–17*). Рано бронзовые спиральки появляются и в Финляндии, где носились в составе ожерелий (*Kivikoski,* 1973. № 498).

В характеризуемом слое Изборского городища найден фрагмент бронзовой крученой гривны и несколько обломков дротовых гривен. Установить принадлежность их к определенным типам шейных украшений не представляется возможным.

Бронзовые браслеты раннего Изборска представлены несколькими типами.

Наиболее ранними среди них являются дротовые. Из слоя IX в. происходит браслет из массивного четырехгранного дрота. Один конец его оформлен в виде сильно стилизованной звериной головки и за ее пределами украшен косыми нарезками, другой немного утонщен и косо срезан (рис. 75: *4*). Еще один браслет плоско-выпуклого сечения имеет гладкую поверхность (рис. 75: *7*). Фрагментарно представлены еще три браслета с утолщениями в разрезе (рис. 75: *10, 13, 14*). Один из них со слабо выступающим ребром посредине. Еще один обломок принадлежит массивному браслету со стилизованным звериноголовым концом.

Наиболее распространенными были пластинчатые браслеты (рис. 75: *6, 8, 9, 11, 12*). В изборской коллекции их большую часть составляют неширокие браслеты с несколько суживающимися концами, иногда завернутыми в трубочку. Почти все они украшены орнаментами из различных сочетаний кружков и зубчатых штампов. Часть таких браслетов выделяется несколько грубым нанесением кружков, дающим основание предполагать низкий профессионализм ремесленника. Таких находок, целых или фрагментарных, насчитывается более двух десятков. Можно думать, что эти браслеты изготавливались в Изборске, подобных находок на соседних и отдаленных территориях не обнаруживается.

Два фрагмента принадлежат к широкопластинчатым браслетам. Они украшены геометрическими узорами, нанесенными "зубчатым колесом" в сочетании с небольшими кружочками (рис. 75: *9*). Пластинчатые браслеты имели весьма широкое распространение. Аналогичные изборским обнаруживаются как в прибалтийских древностях VIII–X вв., так и среди находок IX–X вв. восточнославянских коллекций.

Несколькими экземплярами в изборской коллекции представлены спиральные перстни (рис. 77: *1–4*). Среди них есть проволочные, но чаще они изготавливались из плосковыпуклой пластины. Подобные перстни получили широкое распространение в Юго-Восточной Прибалтике. Здесь в древностях прибалтийских финнов и балтских племен они появляются уже в III–IV вв. и бытуют до XIV–XV вв. включительно (*Moora,* 1938. S. 459; RK, 1896. Tabl. 21: 3–5, 7, 8; *Selirand,* 1974. Lk. 173, Tahv. XL: 8; *Шноре,* 1961. Табл. VI: 42, 49, 56; *Аун,* 1992. С. 69–70, табл. XXVI: 9–11, 14). Спиральные перстни есть и в длинных курганах (*Седов*, 1974а. С. 32, табл. 26: *14, 16; Аун,* 1992. С. 128, рис. 51: *12–14*). Подобные перстни были распространены также среди поволжских финнов. Изредка они встречаются в древнерусских памятниках. Так, в Новгороде они обнаружены в слоях XI – первой половины XIII в. (*Седова,* 1981. С. 122).

Следующую группу изборских перстней образуют находки, сделанные из относительно узкой пластины различной толщины (рис. 77: *6, 9, 11, 13*). Среди них имеются разомкнутые, замкнутые и с заходящими концами. В Изборске они стратиграфически относятся к IX – первой половине X в. Орнаментированы они нарезками или штампами.

Несколько изборских перстней изготовлены из пластины, иногда с немного суживающимися концами. В двух случаях концы их расплющены. Еще несколько перстней являются круглопроволочными (рис. 77: *14, 20, 21, 23*).

Перстни широкосрединные с незамкнутыми концами в Изборске относятся не к самым нижним горизонтам культурных напластований. Два таких перстня имеют такую же кружковую орнаментацию (рис. 77: *17, 19*), которая характерна для пластинчатых браслетов – продукции местных ремесленников. Пластинчатые широкосрединные перстни имели широкое бытование в Древней Руси начиная с X в. (*Седова,* 1981. С. 129). Одним экземпляром в нижнем слое Изборского городища представлен "усатый" перстень (рис. 77: *10*). Такие персти появляются в латгальских и финских древностях в IX-X вв. и в последующих столетиях. В X–XIII вв. они широко представлены и в памятниках Древней Руси (*Недошивина,* 1967. С. 257–259).

Среди предметов, связанных с одеждой, в нижнем слое Изборского городища найдены бронзо-

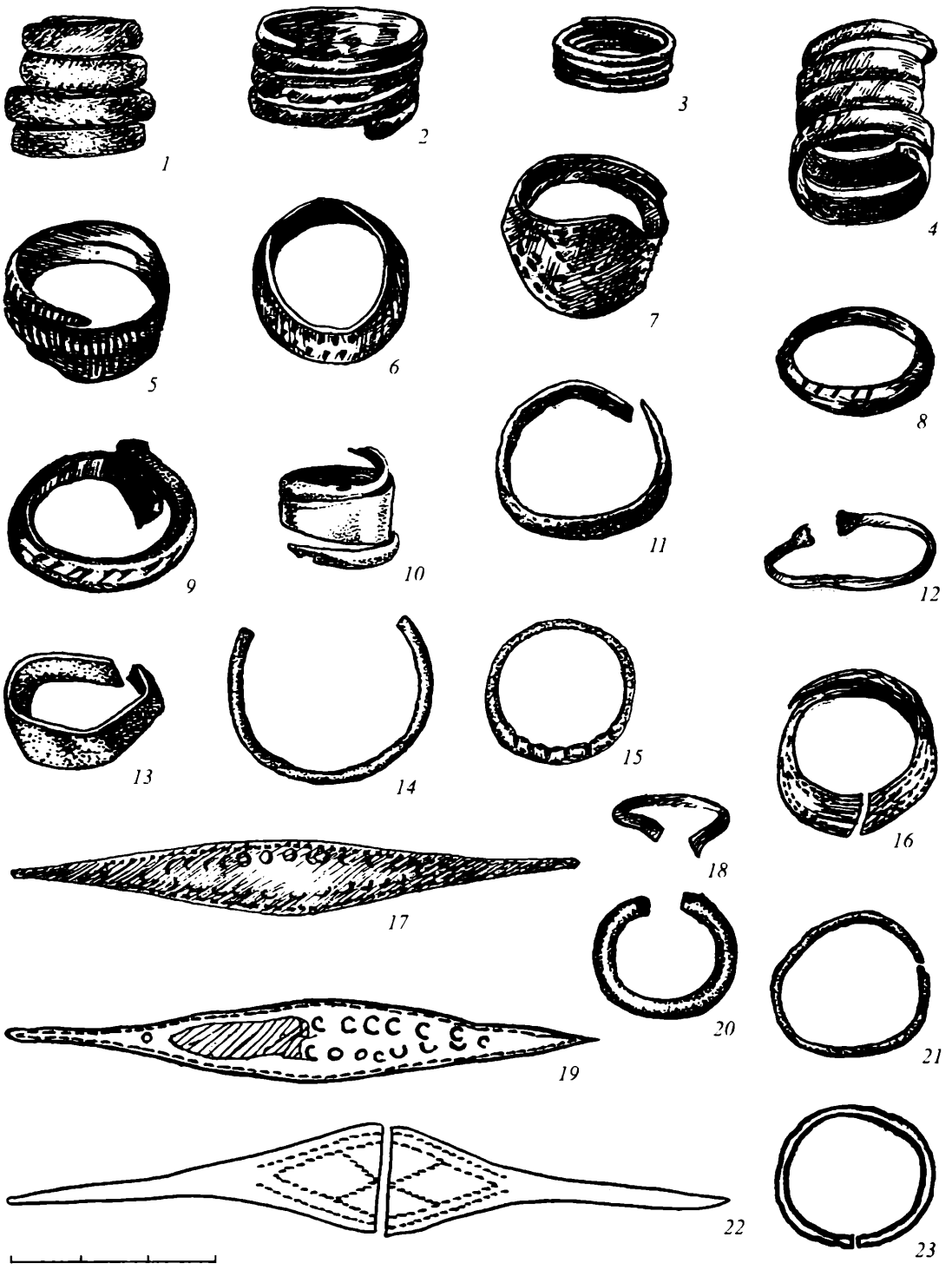

Рис. 77. Перстни бронзовые

1 – 10, Э-58; *2* – 5, Р-51; *3* – 5, П-25; *4* – 8, Э-52; *5* – 7, Ц-32; *6, 7* – 5, Э-48; *8, 15, 16, 22* – 5, Ш-56; *9* – из черного слоя под насыпью вала; *10* – 6, Н-23; *11* – 5, В-32; *12* – 6, Щ-56; *13* – 5, Ш-6; *14* – 5, Д-33; *17, 19, 21* – 5, У-56; *18* – 5, Ц-53; *20* – 6, Д-35; *23* – 6, IV-35

вые округлые пряжки с рельефными нарезками, орнаментированный ременный наконечник, биллоновая тонкопластинчатая бляшка, украшенная зубчатым штампом и пуговица из золоченой бронзы (рис. 69: *1, 2*).

Завершая обзор изделий из цветных металлов нельзя не упомянуть находку крупного бронзового литого колокольчика (рис. 68: *3*). Встречены также фрагменты бронзовых сосудов разных размеров (фрагменты листовой бронзы, в том числе с верхними загнутыми краями).

Есть все основания говорить о местном бронзолитейном производстве. Среди находок в нижнем слое Изборского городища имеется целый глиняный тигель и множество фрагментов их, около десятка глиняных льячек (рис. 78: *11, 12, 14, 16*), свыше двух десятков литейных форм из местного известнякового камня (рис. 78: 1–3, 5–9, 17), два бронзовых пинцета (рис. 78: *4, 15*), а также свыше двух десятков "палочек" из цветных металлов (рис. 78: *10, 13*), обрывки проволоки, небольшие слитки цветных металлов, в том числе один свин-

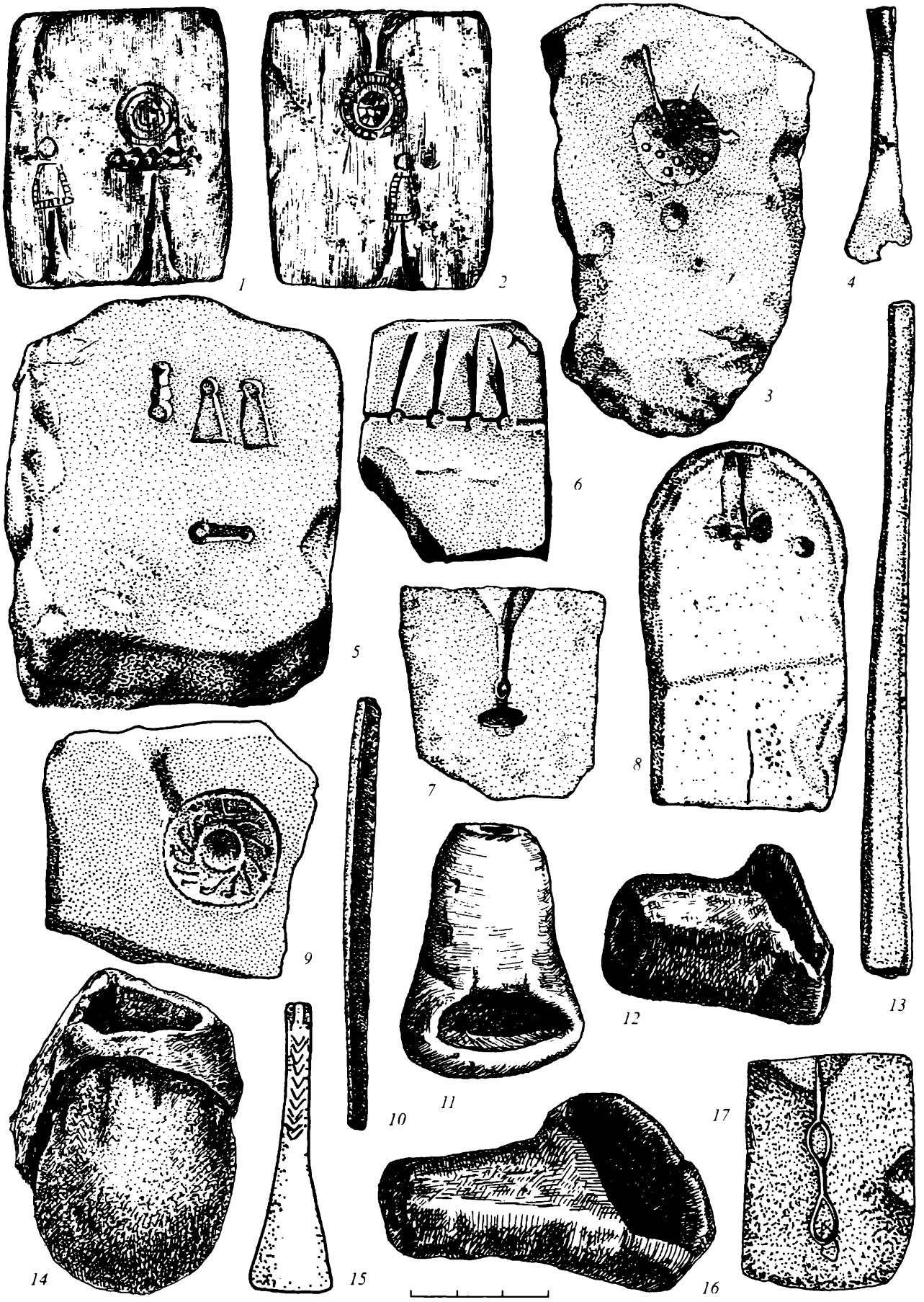

Рис. 78. Предметы бронзолитейного ремесла

1–3, 5–9 – каменные литейные формы; *4, 15* – бронзовые пинцеты; *10, 13* – "палочки" цветных металлов; *11, 12, 16, 17* – глиняные льячки; *14* – тигль. *1, 2* – 6, Щ-48; *3* – 6, И-34; *4* – 5, И-30; *5* – 4, Г-22; *6* – 5, Ж-30; *7* – 5, Г-29; *8* – 7, І-35; *9* – 5, ІХ-34; *10, 13* – 6, Щ-47; *11* – 5, К-17; *12* – 7, У-36; *14* – 7, З-38; *15* – 5, Н-40; *16* – 5, У-37; *17* – 4, К-17

цовый. Последнее несомненно служило сырьем для бронзолитейного ремесла. Сохранившийся тигель имел яйцевидную форму снаружи и близкую к цилиндрической внутри. Высота его около 6 см, горло подтреугольное 4,5 × 5 см, толщина стенок 0,9–1 см. Изборские льячки относительно крупные, форма горловины овальная, размерами около 2,5–3,5 × 1,8–2 см. Литейные формы предназначались для изготовления трапециевидных, колпачковых и иных привесок. В одной из форм отливались восьмеркообразные звенья цепочек, на которых подвешивались привески. Еще в одной форме изготавливались небольшие пуговицы, одна из которых встречена в нижнем слое городища (рис. 69: *1*). Такая же бронзовая пуговица найдена в длинном кургане могильника Лаоссина-V (*Аун*, 1992. С. 130, рис. 50: *4*). Об изготовлении литейных форм на месте свидетельствуют находки их заготовок. Изборские формы находят аналогии в материалах из длинных курганов (*Седов*, 1974а. С. 33, табл. 27: *1–4*; *Аун*, 1992. С. 55, 56, табл. XIX).

Следы бронзолитейного ремесла в Изборске зафиксированы в разрозненном состоянии и не дают возможности говорить о конкретных постройках, связанных с этой производственной деятельностью. Можно полагать только, что одна из мастерских функционировала на протяжении десятилетий в районе кв. Е-11 и Е-12, где найдено более десятка фрагментов тиглей, а поблизости – слитки и шлаки цветных металлов. Сырье в виде длинных "палочек" для бронзолитейного дела сконцентрировано также в районе кв. А-38–А-40. Один из слитков латунной бронзы, обнаруженный в пятом пласте кв. 0-50 имел длину 16 см и прямоугольное сечение размерами 9 × 4 мм. В том же пласте в кв. К-47 найдена "палочка" красной бронзы длиной 33,5 см, сечение ее квадратное – 5 × 5 мм.

Изделия из кости и рога, следы косторезного ремесла

Среди костяных орудий, связанных с бытом и домашним производством, в Изборске наиболее многочисленны проколки и острия универсального назначения. Несколькими экземплярами представлены крупные проколки из грифельных костей лошади или коровы, в основном прямые, некоторые слегка изогнутые (рис. 79: *1–3, 7, 8*). Следы дополнительной обработки незначительны. Это – некоторая заполированность и заострение кончиков, лишь немногие находки имеют отверстия около головки. Единичные изделия украшены линейными узорами (рис. 80: *10*). Размеры проколок колеблются от 12 до 20 см. Некоторые из них, в частности с небольшим изгибом и с несколько уплощенной поверхностью, были кочедыками. Встречены и проколки из трубчатых костей домашних животных, рабочие концы которых имеют косые срезы.

Две костяные иглы длиной 10,5 и 9,7 см найдены целыми (рис. 81: *12, 13*), остальные во фрагментах. Сечения иголок овальные и округлые, ушки уплощенные с круглыми отверстиями диаметром 3 мм. Судя по фрагментам, некоторые иглы были слегка изогнутыми. Дважды встречены костяные игольники (рис. 80: *5*).

Костяные пряслица единичны. Четыре из них полусферической формы вырезаны из эпифизов длинных костей крупного рогатого скота (рис. 79: *9, 11*). Цилиндрические отверстия имеют диаметры от 0,7 до 1,6 см. Одно из таких пряслиц помечено врезным крестом. Еще одно костяное пряслице имеет биконическую форму. Его наибольший диаметр 3,2 см, высота 1,1 см, диаметр отверстия 1,1 м. Фрагментами представлены бочонковидные пряслица.

Найдена лопаточка, вырезанная из кости (рис. 81: *11*) и три полностью сохранившихся гребня. Один из них цельный, односторонний, на лицевой стороне украшен чешуйчатым узором (рис. 82: *2*). Другой принадлежит к типу гребеневидных подвесок с высокой ажурной спинкой (рис. 82: *1*). Последняя воспроизводит стилизованных лебедей, обращенных в разные стороны. На лицевой стороне нанесен еще накольчатый узор. Подобные роговые гребни-подвески найдены на поселениях Рыуге, Тырва Тантсумяги и Кививаре в Юго-Восточной Эстонии, на городищах Камно и Псковском, а также в Ладоге (*Тараканова*, 1949. Рис. 39: *18*; *Давидан*, 1962. С. 101–102, рис. 4: *1*; *Плоткин*, 1974. С. 14–16, рис. 4: *7, 11*; *Аун*, 1992. С. 66–67, табл. XXX). Гребнеобразная подвеска несколько иного характера обнаружена еще в Тарту. В Камно гребень-подвеска найден в слое IX – начала X в., IX столетием датируется один из гребней на городище Рыуге, ладожская находка определяется IX–X вв. В Изборске оба названных гребня происходят из верхних горизонтов характеризуемых напластований, т.е. относятся ко второй половине IX – началу X в.

При раскопках Изборского городища встречены также фрагменты наборных односторонних гребней. Накладка дугообразной формы от такого гребня украшена орнаментом, включающим по верхнему краю узор из двух концентрических кружков с точкой посередине и два ряда прочерченных продольных линий. Ближе к концам гребня имелись и ряды поперечных линий (рис. 81: *2*). Многочисленные аналогии таким гребням находятся в ладожской коллекции. В Ладоге они встречались начиная с самых нижних культурных напластований (*Давидан*, 1962. С. 95–98).

В слое рубежа IX и X вв. на Изборском городище был обнаружен роговой гребень фризского типа (рис. 83), вероятно, завезенный из земель, примыкающих с юга к Северному морю – Фрисландии. Его форма и орнаментация из небольших кружков, образующих лежащую ла-

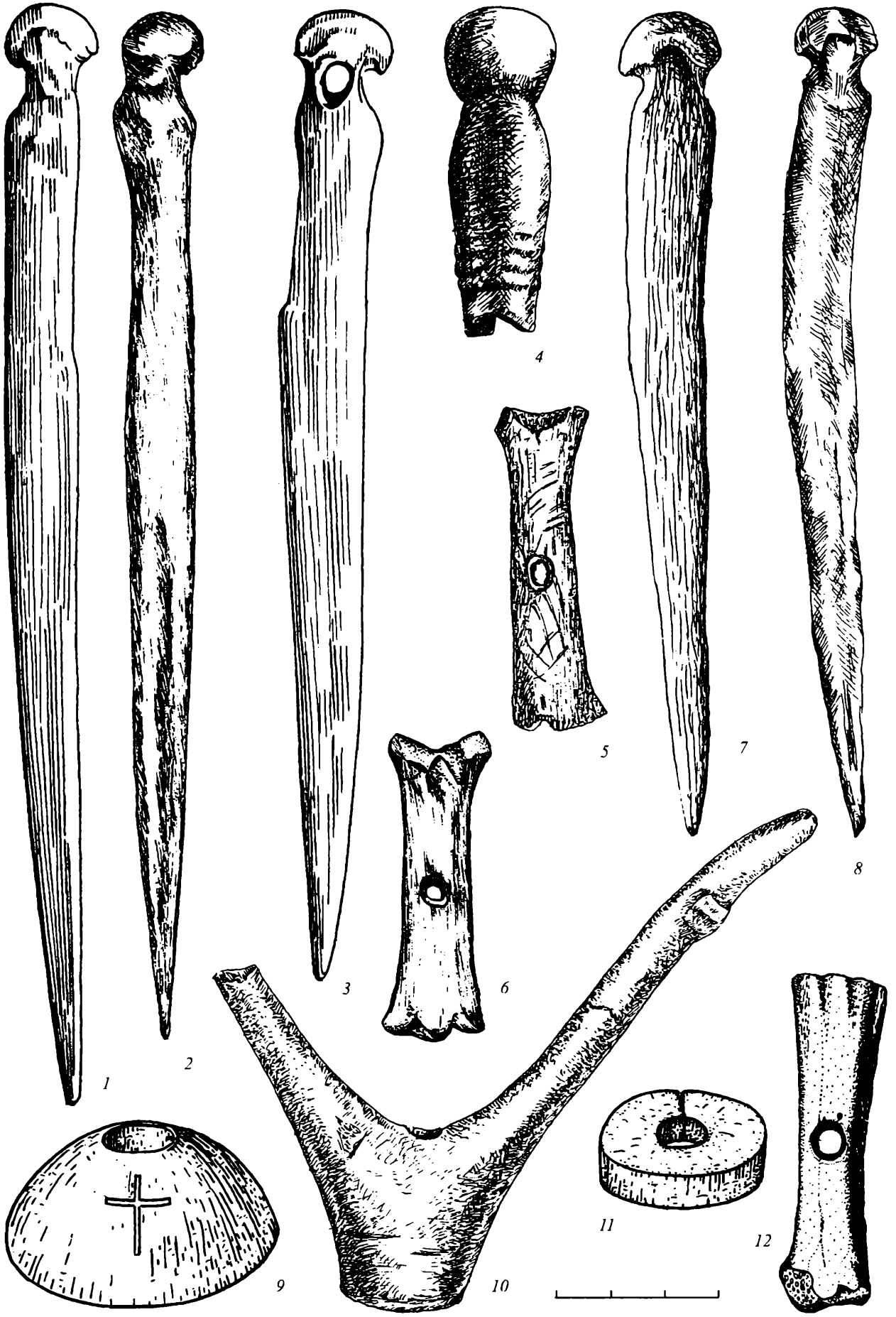

Рис. 79. Изделия из кости

1–3, 7, 8 – проколки; *4* – рукоятка ножа; *5, 6, 12* – жужжалки; *9, 11* – пряслица; *10* – навершие. *1* – 5, Ц-42; *2* – 6, Д-56; *3* – 4, Х (буква)-50; *4* – 5, Х-29; *5* – 6, У-35; *6* – 6, Д-33; *7, 8* – 5, IX-32; *9* – 6, Ш-35; *10* – 8, IV-36; *11* – 6, В-9; *12* – 5, У-35

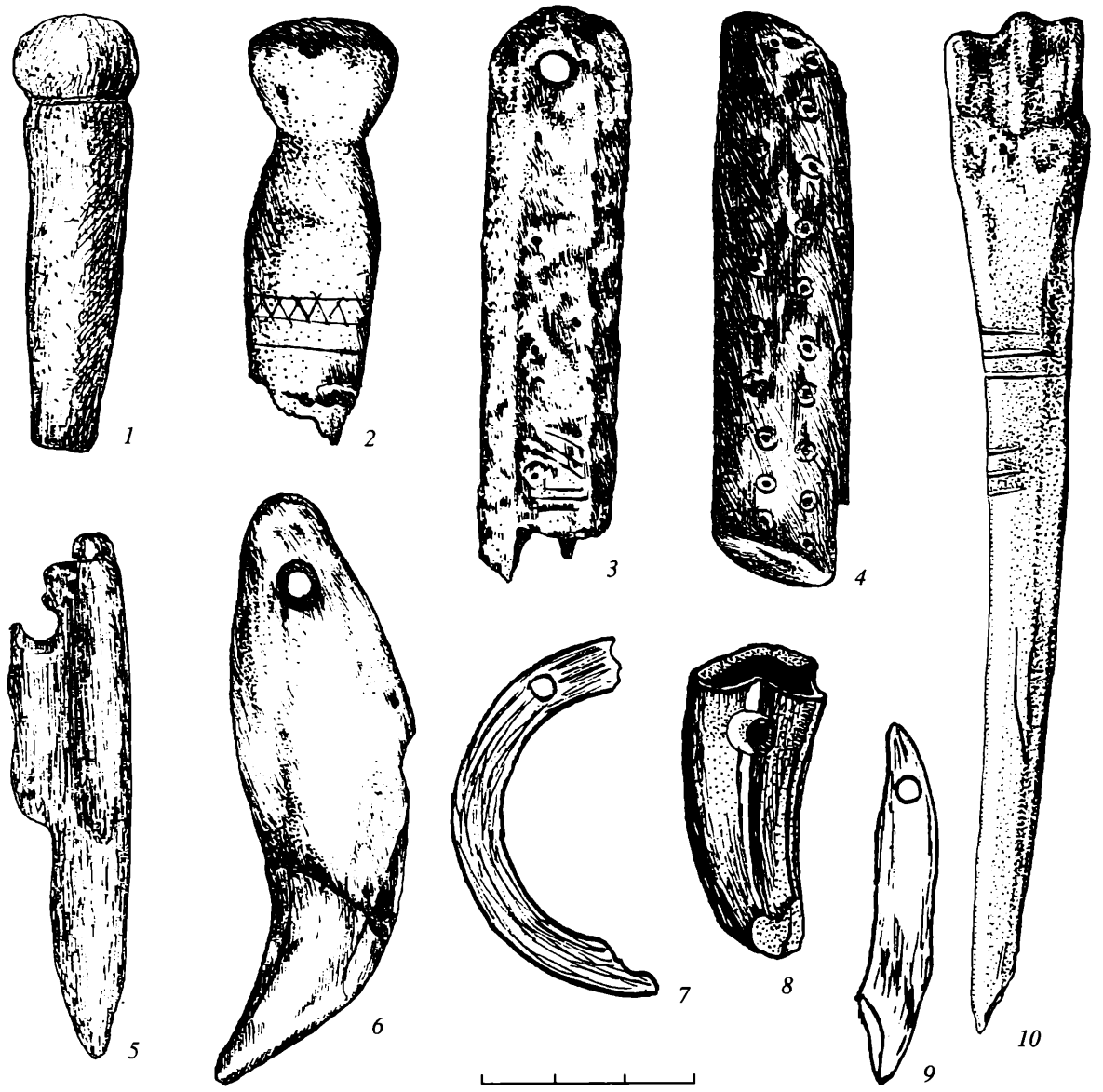

Рис. 80. Изделия из кости и амулеты-клыки

1–4 – рукоятки ножей; *5* – игольник; *6–9* – амулеты; *10* – проколка. *1* – 5, XII-33; *2* – 6, Ш-33; *3* – 5, XI-20; *4* – 6, XV-33; *5* – 5, XV-36; *6* – 6, Г-34; *7* – 5, Д-48; *8* – 6, XI-20; *9* – 5, А-47; *10* – 6, IV-29

тинскую букву S, дают основание для датировки этого изделия IX или первой половиной X в. В исследовании, посвященном ладожским гребням, О.И. Давидан объединила подобные находки в тип 1в (*Давидан,* 1962. С. 98, рис. 2: *3*; 1968. С. 56–57, рис. 1: *8*).

В характеризуемом слое Изборска встречено несколько рукоятей ножей или шильев. Четыре рукоятки имеют шарообразно вырезанные завершения, отделенные ободком от основных частей (рис. 79: *4*; 80: *1, 2*). На одной из них нанесен узор из мелких насечек, образующих несколько полос, на другой прочерчен зигзаг между прямыми линиями. Аналогичные рукоятки имеются и в Ладоге (*Давидан,* 1966. Рис. 3: *6*). Другие изборские рукоятки имеют овальное или изредка многогранное сечение (рис. 80: *3, 4*). Некоторые из них украшены линейным или циркульным узорами. Найдено еще немало фрагментов от рукояток. Некоторые из рукоятей были составными из нескольких округлых или шестигранных обойм. Найдены и сегментовидные в разрезе пластины, образующие составные рукоятки, а также костяные шайбы, которыми оконтуривались костяные или деревянные рукоятки. Изготавливались костяные рукоятки ножей и шильев местными ремесленниками, о чем говорят находки бракованных полуфабрикатов.

Довольно многочисленны эпифизы с отверстиями (рис. 79: *5, 6, 12;* 81: *7, 8*). Некоторые из них имеют дополнительную обработку в виде срезов и заполированности, а один украшен процарапанным узором. Это – так называемые жужжалки, не менее широко представленные в вышележащих напластованиях Изборского городища и известные в ряде других древнерусских памятников, а также за пределами Руси.

Единичными экземплярами представлены костяная пуговица, пряслице и роговая привескауточка. Круглая пуговица со слегка выпуклой

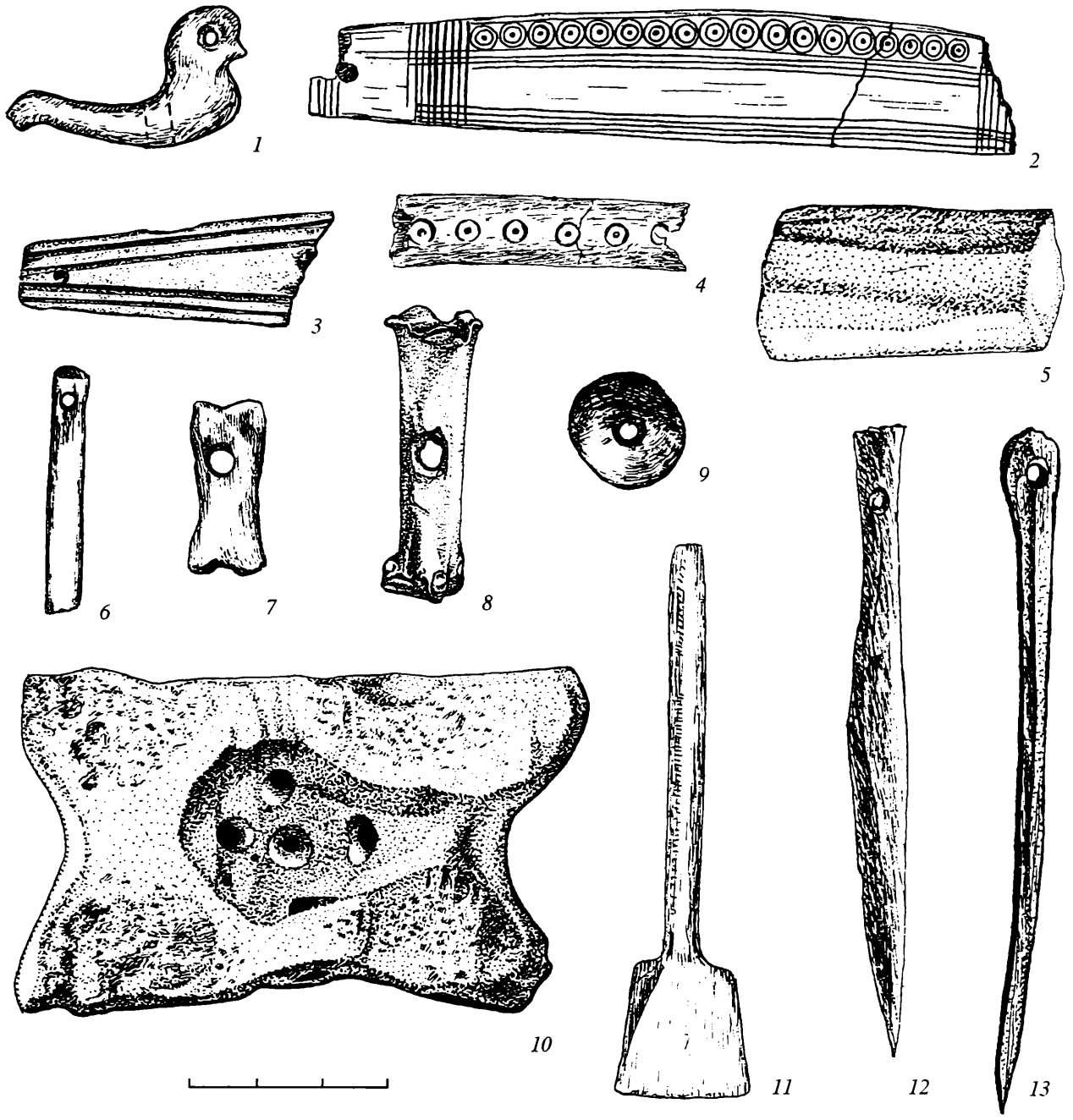

Рис. 81. Изделия из кости

1 – привеска-уточка; *2–4* – пластины односторонних гребней; *5* – заготовка; *6* – привеска; *7, 8* – жужжалки; *9* – пуговица; *10* – литейная форма; *11* – лопаточка; *12, 13* – иглы. *1* – 5, XI-35; *2* – 9, Д-54; *3* – 9, Д-53; *4* – 7, П-41; *5* – 6, Х-18; *6* – 6, В-39; *7* – 6, И-34; *8* – 6, Д-34; *9* – 5, К-44; *10* – 5, Ш-35; *11* – 5, П-56; *12* – 5, И-52; *13* – 8, IV-36

лицевой стороной имеет поперечник 1,7–1,8 см и отверстие диаметром 3 мм (рис. 81: *9*). Аналогичные пуговицы имеются среди вещевой коллекции Ладоги, они обычны для многих городов Руси (*Давидан,* 1966. С. 111, рис. 4: *12*). Аналогична ладожским находкам из напластований VIII–IX вв. (*Давидан,* 1966. С. 111, рис. 4: *3, 4;* С. 115) и изборская скульптурная привеска в виде уточки (рис. 81: *1*). Поверхность фигурки хорошо заполирована. Она имеет два отверстия, одним, малого диаметра, обозначены глаза уточки, второе предназначено для ремешка, с помощью которого украшение подвешивалось. Подобные роговые уточки, идентичные или вариантноотличные, встречены еще на городищах Камно, Рыуге, Отепяя, в смоленско-полоцких курганах VIII в. и в латгальских памятниках (*Седов*, 1974а. С. 33, табл. 23: *23–25*; *Аун,* 1992. С. 67, табл. XXXI: 1, 3, 4, 8).

В качестве подвесок-амулетов использовались клыки животных – кабана или медведя (рис. 80: *6–9*). Одна из подвесок вырезана из кости в виде цилиндрика с отвертием вверху (рис. 81: *6*).

Абсолютное большинство изборских находок из кости и рога имеют широкие аналогии в памятниках второй половины I тыс. н.э. лесной полосы Восточной Европы. Есть они и в материалах культуры псковских длинных курганов (*Аун,* 1992.

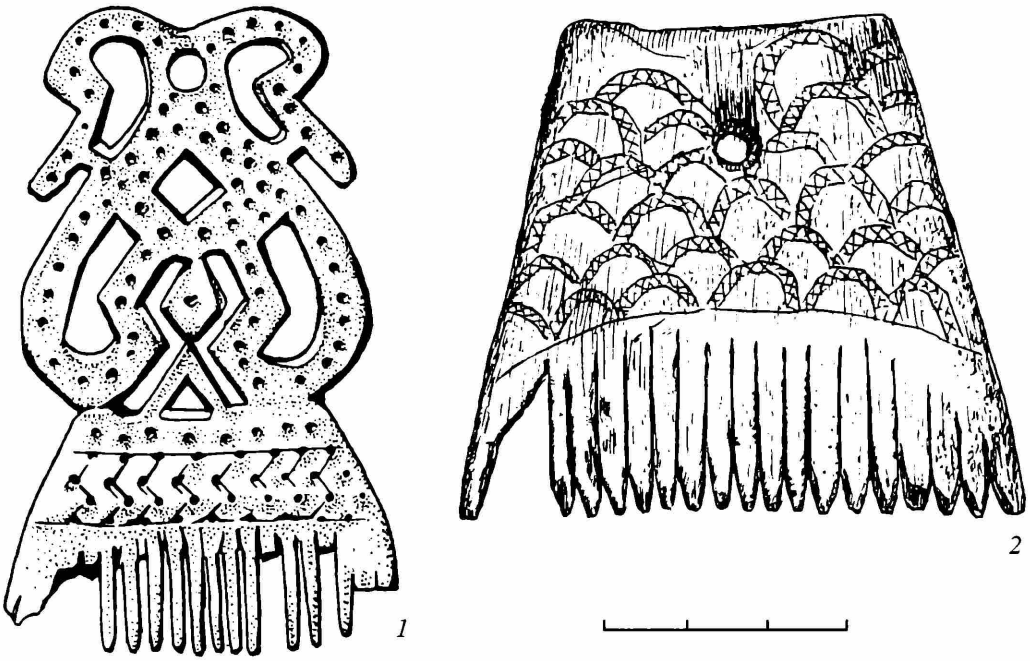

Рис. 82. Костяные гребни
1 – 8, VII-31; *2* – 5, Л-40

Табл. XXIV: 1–4, 6) и среди находок Ладоги (*Давидан,* 1966. С. 103–115), Новгородского (*Носов,* 1990. Рис. 28: *8, 9;* 29: *6*) и других синхронных городищ Северо-Запада.

Предмет с двумя динными рогами, изображенный на рис. 79: *10,* по всей вероятности, служил каким-то навершием. Он имеет коническое отвертие (диаметром 1,5 см снизу и 1,1 см сверху) для деревянной основы-палки. Назначение трех несколько удлиненных шаров размерами 4,5 × 5, 5 × 5,8 и 6 × 7,2 см, акуратно вырезанных из концов бедренных костей и отполированных (рис. 68: *4*), остается неопределенным. Найдена еще трехотростковая плоская кость толщиной 0,7 см с отверстием диаметром 1,9 см, предназначенная для какого-то устройства. Четырехгранная костяная стрела с втулкой для древка (рис. 68: *2*), скорее всего, была детской игрушкой, имитирующей копье.

Следы косторезного дела зафиксированы в нескольких местах Изборского городища. Таковыми являются находки обрезанных или опиленных рогов и костей, недосверленных изделий, фрагменты костей со следами обработки (рис. 81: *3, 5*). Обнаружено и несколько пластин, свидетельствующих об изготовлении в Изборске наборных рукояток, а, возможно, и односторонних гребней. Построек, в которых работали ремесленники-косторезы, не сохранилось. На основании концентрации остатков этой деятельности можно предполагать, что один из таких мастеров жил и трудился в районе квадрата У-36 и соседних, другой – где-то в квадратах Е-39, Е-41, Ж-39, З-40 и И-38. Однако, находки опиленных

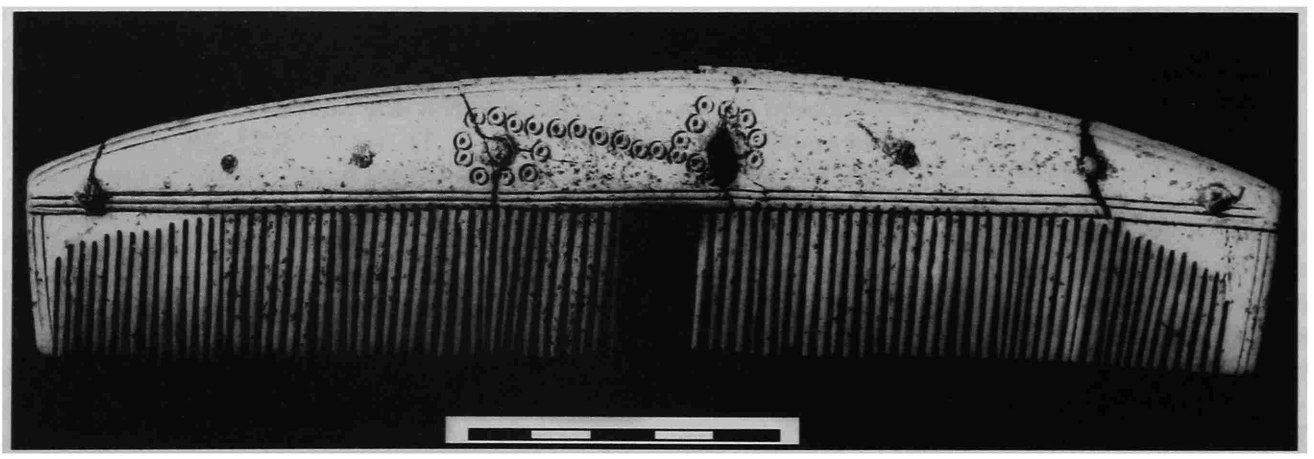

Рис. 83. Роговой односторонний гребень фризского типа

рогов и фрагментов костей со следами обработки встречены более широко, свидетельствуя о значительном развитии косторезного дела на поселении. К изделиям изборских мастеров, кроме уже названных изделий, по всей вероятности, принадлежат также вырезанная из кости литейная формочка (рис. 81: *10*) и крупный роговой псалий, украшенный линейными и циркульными узорами (рис. 68: *7*).

Изделия из камня и глины

Предметы, изготовленные из камня местными жителями, на Изборском городище весьма многочисленны. Абсолютное большинство пряслиц вырезалось из местного камня. Формы их весьма разнообразны (рис. 84: *2–12*). Доминируют пряслица цилиндрические и с несколько выпуклыми боковыми сторонами. Но немало пряслиц имеет биконическую и усеченноконическую форму. Отдельные экземпляры их орнаментированы. Так, одно из биконических пряслиц имеет зигзаговый узор (рис. 84: *2*), на другом – процарапаны линии, расходящиеся радиально от центрального отверстия (рис. 84: *3*), третье орнаментировано двумя концентрическими кругами (рис. 84: *10*). Диаметры пряслиц от 2,5 до 4 см, толщина – от 0,6 до 1,8 мм, диаметры отверстий – около 1–1,2 мм, но есть и меньшие.

При раскопках городища обнаружены многочисленные следы изготовления пряслиц из местного известнякого камня в виде заготовок и бракованных полуфабрикатов (рис. 85: *1–3, 5, 7*). Топография этих находок показывает, что камнерезным делом занимался далеко не каждый житель Изборска, оно было уделом специализированных мастеров. Конкретных мастерских, к сожалению, выявить не удается, но, судя по некоторой концентрации остатков этого ремесла, можно утверждать, что камнерезы работали где-то в районе квадратов А-45, Л-45, Ш-50 и, вероятно, в некоторых других местах поселения. Мастерами резались из местных пород камня и литейные формы (рис. 78: *1–3, 5–9;* 85: *4*).

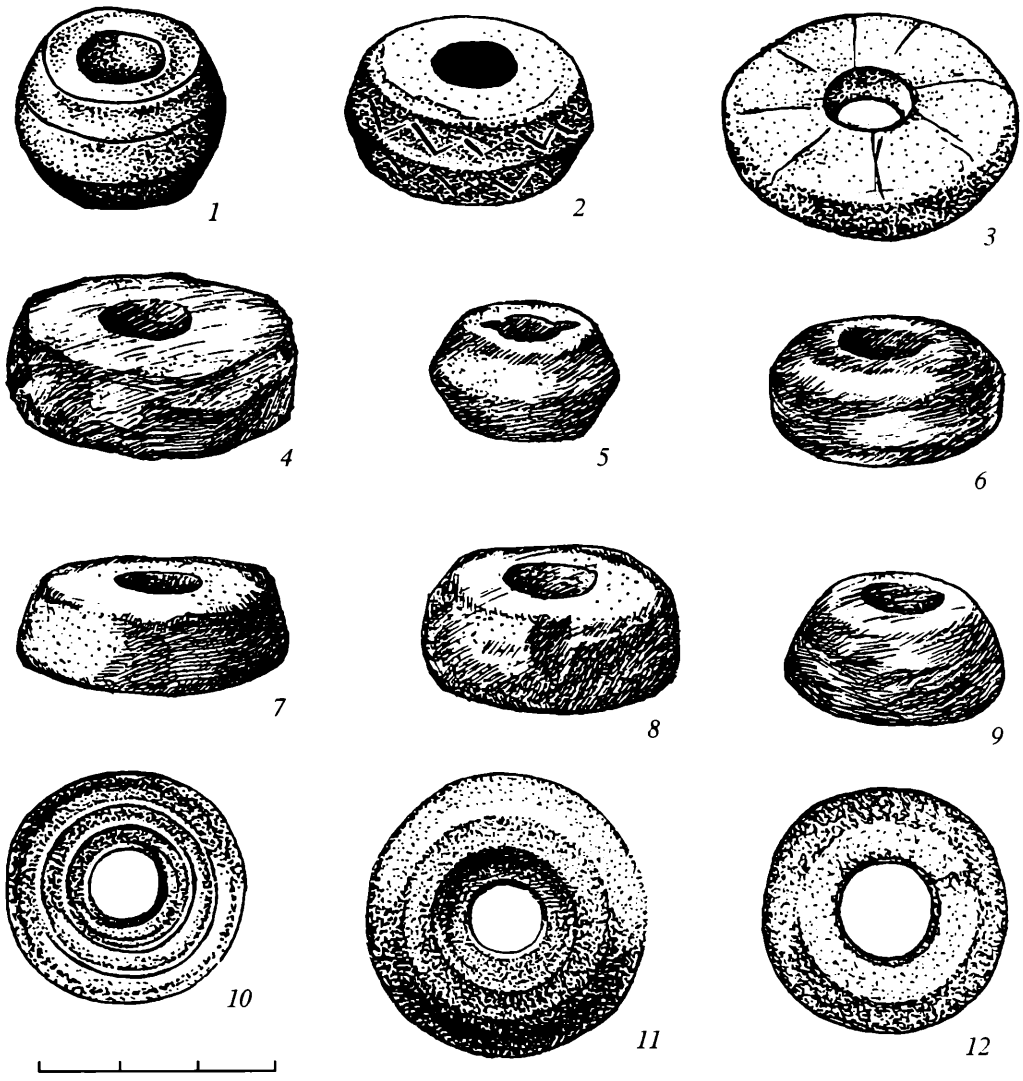

Рис. 84. Пряслица

1 – глина; *2–12* – камень. *1, 11* – 5, З-33; *2* – 5, Л-27; *3* – 8, І-39; *4* – 5, Н-48; *5* – 5, Г-50; *6* – 6, М-51; *7* – 5, Ж-49; *8* – 5, Д-51; *9* – 7, Щ-45; *10* – 5, Э-36; *12* – 5, П-30

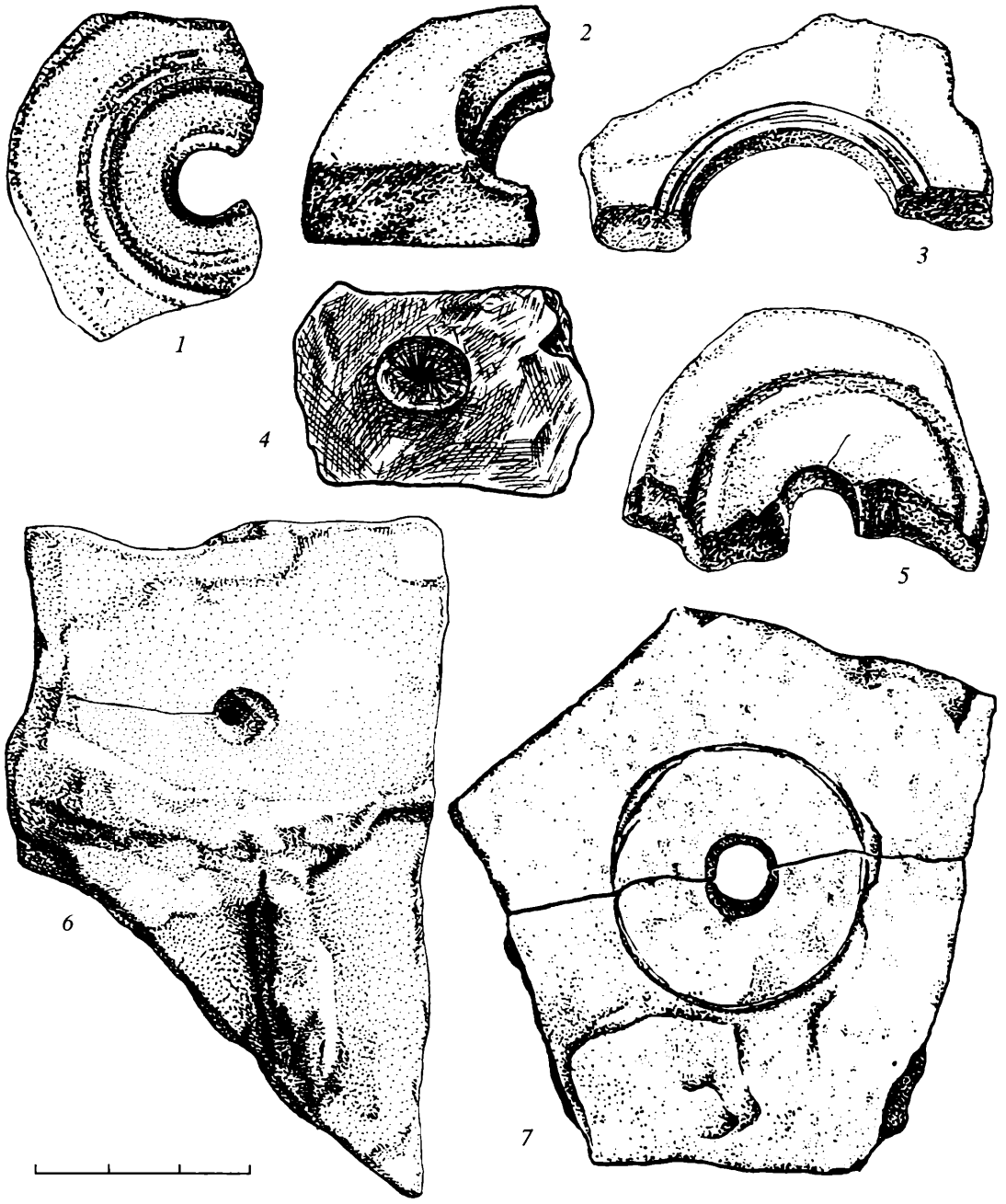

Рис. 85. Бракованные полуфабрикаты из камня

Глиняные пряслица встречались значительно реже. Большинство их представлено фрагментарно. Полностью сохранившиеся пряслица имеют бочонковидные и биконические формы (рис. 68: *1*; 84: *1*).

Весьма многочисленны в нижнем слое Изборска точильные камни и оселки, в том числе с отверстиями для привешивания. Они имеют самые различные размеры. На некоторых точильных камнях остались следы заточки ножей и шильев. Большим числом представлены также каменные шары, по всей вероятности, служившие пращевыми ядрами. Размеры их различны – преимущественно от 4 до 8 см в поперечнике, но имеются и единичные камни меньшего диаметра.

По-видимому, изборяне в период до широкого распространения стеклянных бус пользовались глиняными. В вещевой коллекции из нижних горизонтов имеются глиняные бусы (целые или во фрагментах) бочонкообразной и цилиндрической формы, а также зонные. Длина их – от 0,7 до 1,3 см, диаметры от 0,9 до 1,2 см. Аналогичные бусы из глины найдены на городищах Псковском, Камно и Рыуге. Бусинное собрание последнего памятника отличается большем разнообразием. Здесь наряду с бусинами бочонкообразных и цилиндрических форм нередки кольцевые, имитирующие стеклянные. Есть и единичные шаровидные бусы (*Аун*, 1992. С. 62).

Предметы вооружения, снаряжение коня и всадника

Вооружение в нижнем слое Изборского городища представлено преимущественно железными наконечниками копий и стрел. Первичную обработку коллекции этих находок в то время, когда раскопки продолжались, произвел А.Р. Артемьев (1978. С. 67–71; 1982. С. 87–93). После этого раскопками были получены новые материалы. В настоящей работе они рассматриваются целостно.

Шесть находок из рассматриваемого слоя Изборска принадлежат к втульчатым наконечникам копий с ланцетовидным пером. Они слегка суживаются у шейки и плавно переходят во втулку, сечение пера ромбовидное (рис. 86: *2, 3, 5, 8*). Ланцетовидные копья появились в Северной и Средней Европе в VII–VIII вв. и получили наиболее широкое распространение около 900 г. (*Кирпичников,* 1966б. С. 9). В отдельных местностях Европы они дожили до XI в. (*Kivikoski,* 1973. № 860, 862). В Изборске одно из ланцетовидных копий найдено в самых нижних горизонтах культурного слоя и должно быть датировано не позднее VIII в., другое относится к IX в., остальные стратиграфически датируются началом X в.

Один из втульчатых наконечников копий имеет длинное узкое перо вытянуто-ромбических очертаний. Сечение его также ромбическое (рис. 86: *9*). На территории Литвы подобные копья бытовали в VI–VIII вв. Это тип ID согласно классификации В. Казакявичюса (*Казакявичюс,* 1988. С. 35, рис. 12). В Эстонии такие копья, отмечает этот исследователь, датируются VI–VII вв., в Латвии, в могильнике Калниешти-2 подобный наконечник встречен в погребении с вещами VIII в.

Еще один изборский наконечник копья имеет маленькое ромбовидное перо и длинную втулку (рис. 86: *6*). В Юго-Восточной Прибалтике аналогичные находки по сопровождающим вещам датируются VI–VIII вв. (*Казакявичюс,* 1988. С. 32–34, рис. 11).

Три наконечника из Изборского городища – черешковые. Один из них с пером лавролистной формы имеет длинный черешок, загнутый на конце. Сечение пера ромбическое, черешка – прямоугольное (рис. 86: *1*). В Юго-Восточной Прибалтике такие наконечники, согластно В. Казакявичюсу, обычны для VII – начала IX в. (*Казакявичюс,* 1988. С. 57–60). Перо другого черешкового наконечника вытянуто-треугольное (рис. 86: *4*). Подобные копья были распространены в землях, прилегающих к Балтийскому морю с востока. Появляются они около 500 г., основная масса их относится к VIII–IX вв., и доживают они в отдельных местностях, в частности в Юго-Восточном Приладожье и Волго-Окском междуречье, до X–XII вв. (*Кирпичников,* 1966б. С. 17). Третий черешковый наконечник имеет ланцетовидное перо с упором для древка. Многочисленные аналогии ему обнаруживаются в Бирке и среди находок IX в. в Финляндии (*Arbman,* 1943. Taf. 11, 12; *Kivikoski,* 1973. № 854).

Железные наконечники стрел в нижнем слое Изборского городища более многочисленны, по сравнению с копьями. Сразу же следует заметить, что все они найдены в окраинной западной части поселения, что дает основание говорить о неизборском происхождении их. По всей вероятности, стрелы были направлены против изборян с запада, со Словенского поля.

Наибольшее число находок (10) образуют черешковые наконечники шиловидной формы, квадратного сечения с простым упором (рис. 87: *2. 4*). Такие стрелы появились в Восточной Европе еще в начале нашей эры и употреблялись до XIV в. (*Медведев,* 1966. С. 83, тип 90). Еще три наконечника с острием такой же формы имеют втулки (рис. 87: *3, 6*). Близким по облику является наконечник с массивным пирамидальным острием и короткой втулкой. Аналогичные наконечники стрел, но с длинной втулкой, бывшие в употреблении в X–XI вв., описаны А.Ф. Медведевым (1966. С. 58, тип 9).

Четыре черешковых наконечника стрел имеют перо лавролистной формы и узкоромбического или линзовидного сечения. Это – тип VIII по В. Казакявичюсу, датируемый по материалам Литвы VIII – началом IX в. (*Казакявичюс,* 1988. С. 57–59). А.Р. Артемьев отнес рассматриваемые изборские стрелы к IX–X вв.

Три наконечника стрел из напластований IX – начала X в. относятся к ланцетовидным черешковым (рис. 87: *1, 7*). Подобные стрелы встречены во многих древнерусских памятниках, где датируются IX–XI вв. (*Медведев,* 1966. Рис. 13: *9*). Более поздние ланцетовидные черешковые стрелы имеют иные соотношения между пером и черешком. Еще один черешковый наконечник из Изборска имеет треугольное перо ромбического сечения и круглую шейку с уступом, переходящую в черешок (рис. 87: *9*).

Найдены в Изборске и двушипные наконечники стрел. Один из них имеет короткое перо и длинный черешок (рис. 87: *8*). В Финляндии известно около 60 таких наконечников, и датируются они временем от 550 до 800 г. (*Kivikoski,* 1973. № 553).

Другой изборский наконечник имеет двушипное острие и втулку (рис. 87: *5*). Такие стрелы получают распространение в Средней Европе в латенское время, в римский период они были весьма характерны для пшеворской культуры (*Elantowska,* 1961, табл. III: 2). Очевидно, из ареала этой культуры двушипные втульчатые стрелы проникают в регионы балтских племен. В Литве они относятся в основном к III–V вв., в Латвии и Эстонии наиболее ранние находки датируются VIII в. (*Казакявичюс,* 1988. С. 73–74). На древнерусской территории подобные стрелы были в употреблении с VIII до середины XIII в. (*Медведев,* 1966. С. 56).

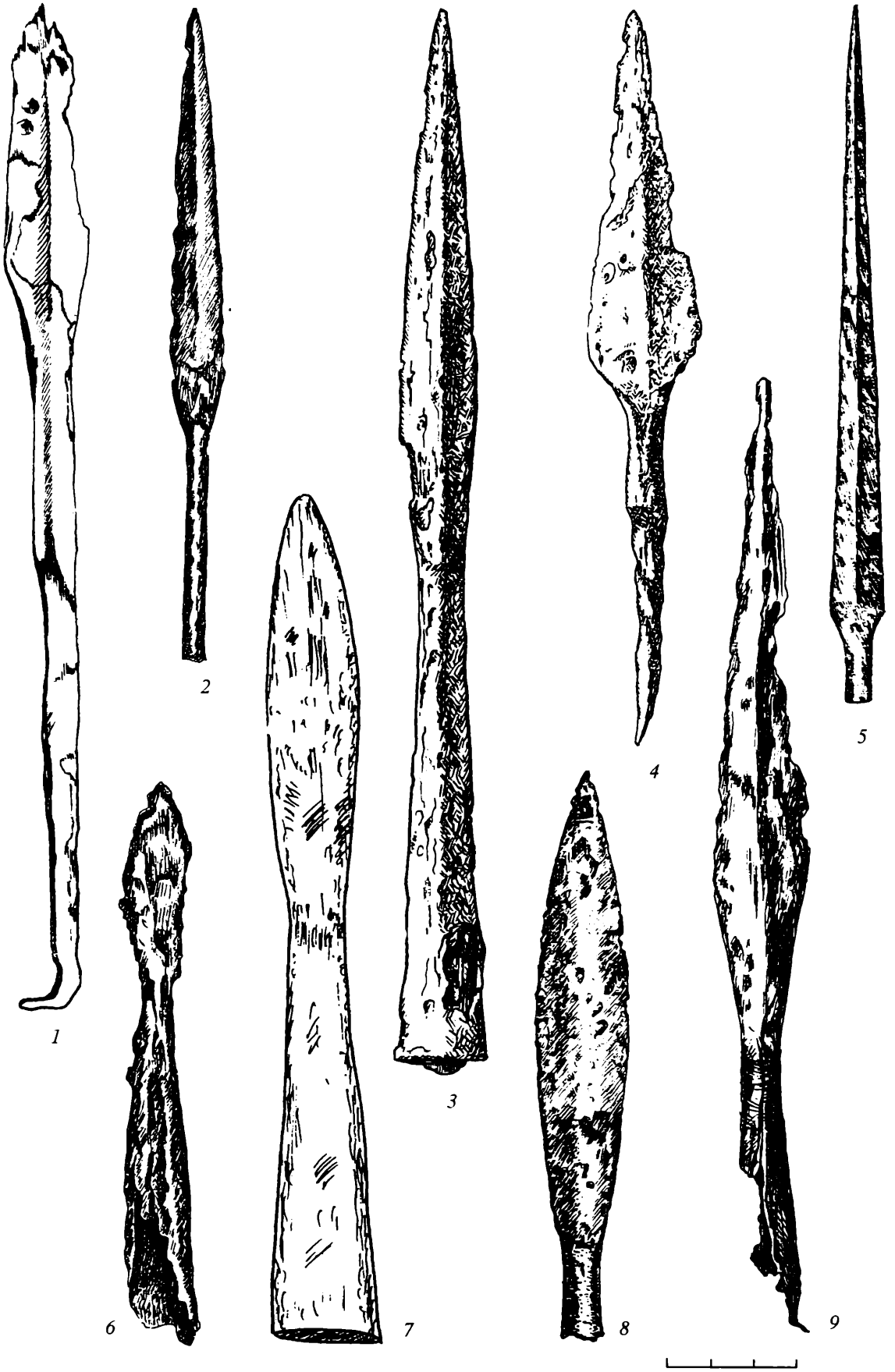

Рис. 86. Железные наконечники копий

1 – 7, А-56; *2* – 5, Н-41; *3* – 5, Т-55; *4* – 5, П-56; *5* – 6, IV-35; *6* – 6, Б-37; *7* – 6, Д-50; *8* – 5, З-30; *9* – 5, М-55

Один из крупных ножей из изборского нижнего слоя, по всей вероятности, относится к боевым (рис. 68: *6*). Правда, он несколько меньшего размера по сравнению с распространенными в Балтийском регионе в довикингское время. Общая длина его – не менее 26 см (конец острия отломан), длина клинка – около 20 см. В Северной Европе подобные боевые ножи более крупных размеров относятся к наследию римского периода, в Финляндии встречены в памятниках VIII в. (*Kivikoski*, 1973. № 285, 523). Боевые ножи характерны также для древностей Литвы V–IX вв.

Среди предметов конского снаряжения в Изборске нередки находки железных удил и их отдельных фрагментов – звеньев грызла и колец (рис. 88: *1–4*). Господствующей формой были двучленные удила с подвижными кольцами на концах. Реже встречались кольчатые трехчленные удила. Подобные изделия в лесной полосе Восточно-Европейской равнины появились в середине I тыс. н.э., они были привнесены сюда среднеевропейскими переселенцами. Удила, состоящие из двух подвижных звеньев и двух колец А.Н. Кирпичниковым объединены в тип IV. Это была, отмечает исследователь, наиболее многочисленная и универсальная форма удил (*Кирпичников*, 1973. С. 16–17). Одним фрагментом в Изборске представлены удила, грызла которых имели восьмеркообразное окончание. Это – тип 1 по А.Н. Кирпичникову (1973. С. 13–14). На Руси наиболее ранние находки таких удил датируются IX в. Кроме Изборска, находки того же времени встречены в Ладоге, Саркеле и Федяшеве.

К числу интереснейших изборских находок принадлежат кольчатые удила с довольно крупными дугообразно изогнутыми роговыми псалиями, украшенными плетеными узорами (рис. 89). Такие крупные роговые псалии характерны для удил IX–XI вв., наиболее ранние из которых происходят из дружинных курганов Гнёздова и Чернигова, а также из хазарского Саркела. Способы соединения псалиев с грызлами идентичны удилам типа I, поэтому А.Н. Кирпичников объединил их в тип Iв и отметил, что такие находки указывают "...на связь с воинами, горожанами и принадлежность (во всяком случае в X в.) к богатым княжеско-боярским верхам" (*Кирпичников*, 1973. С. 15). Изборская находка обнаружена в напластованиях, датируемых IX – началом X в. Подобные удила с роговыми псалиями были найдены в одном из погребений могильника Лёбертсхоф в Восточной Пруссии и датированы В. Ла Бомом IX в. (*La Baume*, 1944. S. 18, Abb. 28). Связь изборских удил с югом Восточно-Европейской равнины представляется несомненной. Вместе с тем, орнаментика роговых псалий отражает какое-то взаимодействие с Северной Европой. Однако узоры в виде деградированной и бессистемной "плетенки" нанесены на псалиях явно не скандинавским мастером. По-видимому, это попытка мастера-изборянина использовать приемы скандинавской орнаментики.

Еще один роговой псалий с поперечными нарезками и циркульными узорами (рис. 68: *7*) упомянут был выше. По происхождению он также связан с югом Восточной Европы.

Наиболее ранней шпорой в Изборске является находка небольших размеров с простейшим шипом, плоскими дужками, отогнутыми крючкообразно наружу (рис. 88: *6*). Такие шпоры появляются в лесной полосе Восточной Европы в самом конце IV–V в., когда в эти земли хлынули потоки среднеевропейских переселенцев. В римское время шпоры подобного типа имели распространение в Средней Европе, в частности в Висло-Мазурском регионе. В Восточной Европе шпоры рассматриваемого облика бытовали в V–VII вв. Так, в погребениях 29 и 79 могильника Плинкайгалис они датируются концом IV–V вв., в могильнике Сокишкес – самым концом IV в. В могильнике Погрибис шпора рассматриваемого облика обнаружена в захоронении V в., в могильнике Саугиняй они датируются V–VI вв. В Изборске характеризуемая шпора найдена в предматериковых отложениях, свидетельствуя о начале отложения культурного слоя не позднее VII в.

Одной целой и единичными фрагментами представлены в изборском слое IX – начала X в. шпоры с шипами и скобой, лежащими в одной горизонтальной плоскости (рис. 88: *7, 8*). Это так называемые каролингские шпоры, распространенные в Средней, Северной и Западной Европе в IX–XI вв. В Восточной Европе наиболее ранние, датируемые IX в., происходят из Алчедара (*Кирпичников*, 1973. С. 108, № 508).

В нижнем слое Изборского городища найдено одно почти полностью сохранившееся стремя (рис. 88: *5*) и несколько фрагментов, тип которых установить невозможно. Стремя принадлежит к типу III по классификации А.Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1973. С. 48). Изборская находка, скорее всего, южнорусского происхождения. Подобные стремена обычны в Подонье начиная с X в.

В завершение характеристики воинского снаряжения следует упомянуть находки ледоходных шипов. Их в нижнем слое Изборска встречено около десятка (рис. 68: *5, 8*). Такие шипы крепились к обуви или копытам лошади и не позволяли скользить при передвижениях по льду. Появились эти приспособления в Скандинавии в VII в. и оттуда распространились по всей Северной Европе. В Бирке раскопано около 160 погребений с ледоходными шипами. На северо-западе Восточно-Европейской равнины, судя по изысканиям А.Н. Кирпичникова, они появились не ранее IX в. (*Кирпичников*, 1973. С. 79–81).

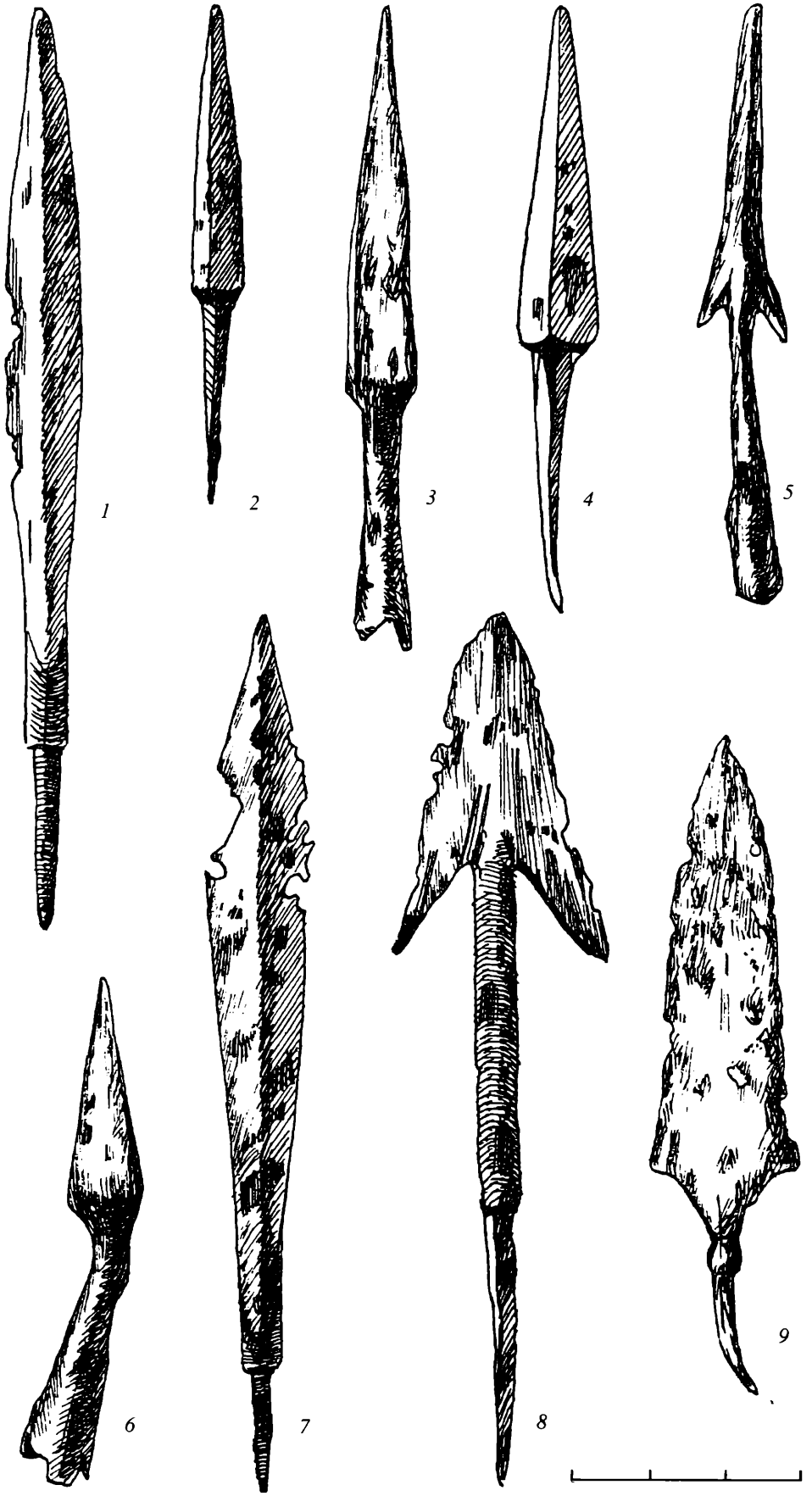

Рис. 87. Железные наконечники стрел

1 – 5, И-47; *2* – 5, З-49; *3* – 8, Э-51; *4* – 6, Ж-50; *5* – 5, Ш-55; *6* – 7, Г-56; *7* – 6, К-50; *8* – 5, Д-47; *9* – 6, В-53

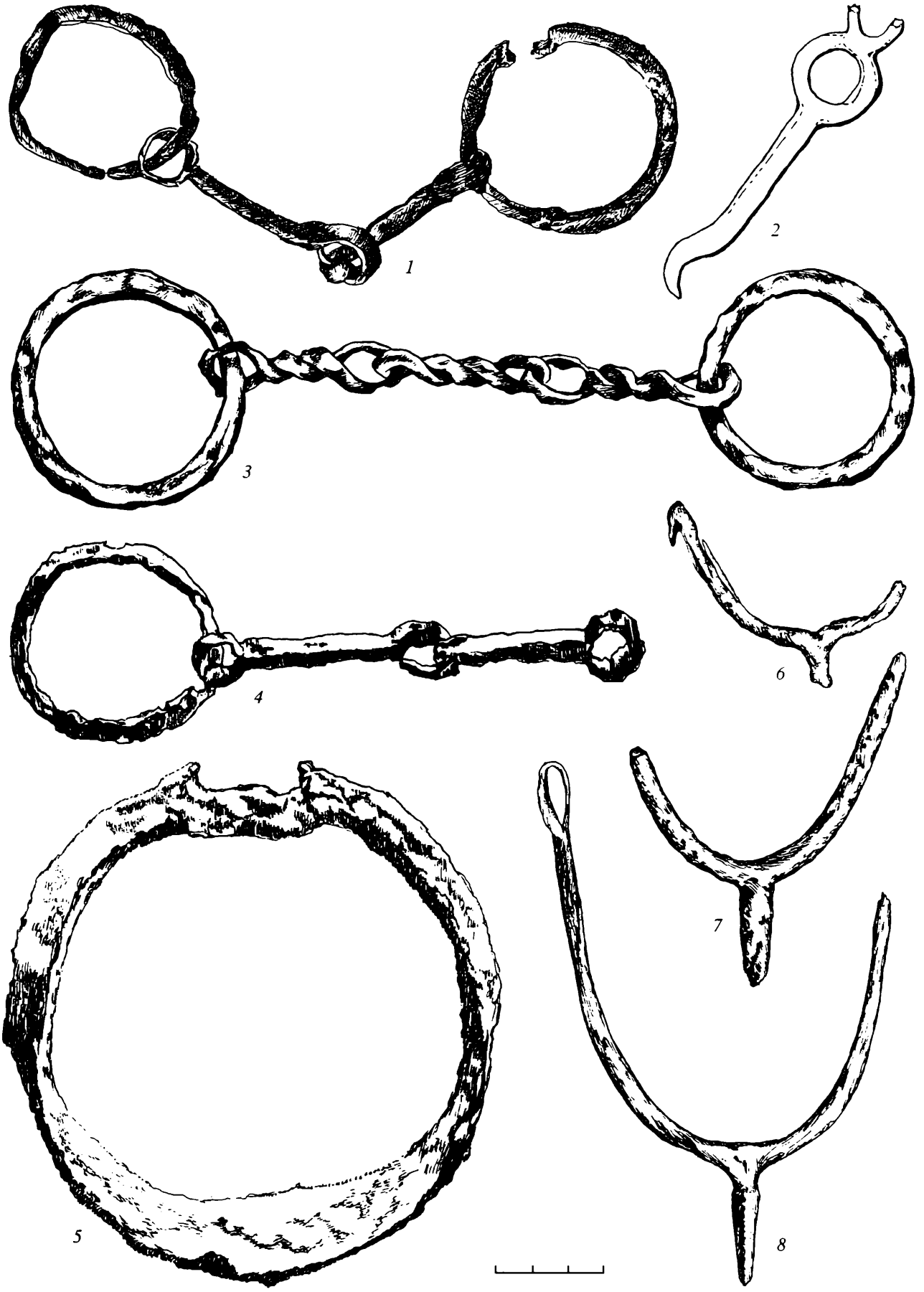

Рис. 88. Предметы конского снаряжения

1–4 – удила; *5* – стремя; *6–8* – шпоры. *1* – 5, Б-9; *2* – 5, XI-30; *3* – 5, XII-32; *4* – 5, Б-9 (?); *5* – 5, Б-7; *6* – 7, I-37; *7* – 5, Д-12; *8* – 8, Э-51

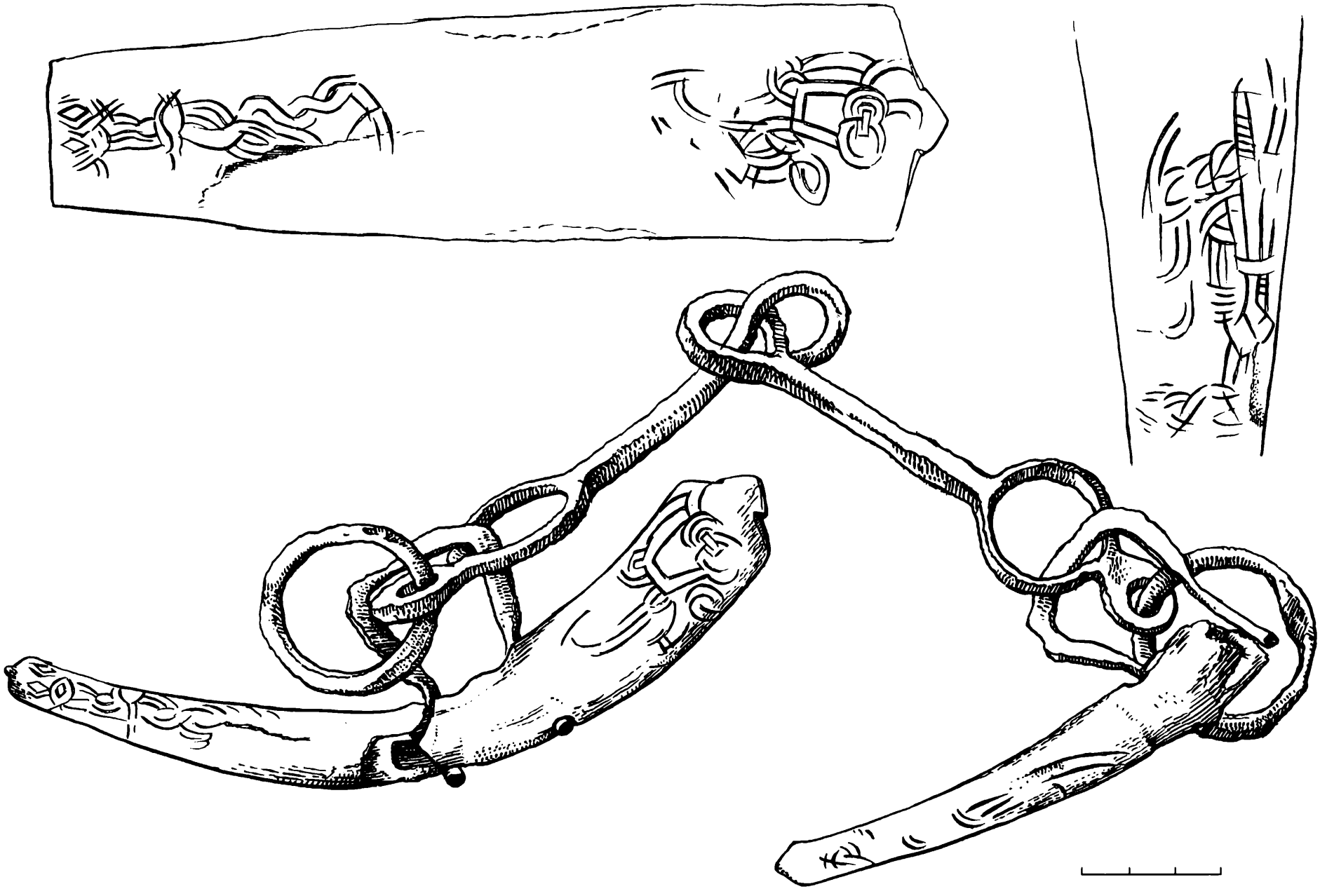

Рис. 89. Железные удила с роговыми псалиями (8, Е-54)

Рис. 1. Изборско-Мальская долина

Рис. 2. Вид Изборского городища с северо-востока. Фото Н.С. Сафроновой. 1998 г.

Рис. 3. Вид Изборского городища с севера. Фото Г.Н. Лебедева, 2005 г.

Рис. 4. Вид Изборского городища с востока. Фото Г.Н. Лебедева, 2005 г.

Рис. 5. Вид въезда на Городище с запада. Реконструкция 1992 г. на месте раскопа 1987–1992 гг. Фото Г.Н. Лебедева. 2006 г.

Рис. 6. Медаль 1780 г. "В память смерти Трувора в Изборске". Государственный Эрмитаж. Натуральная величина

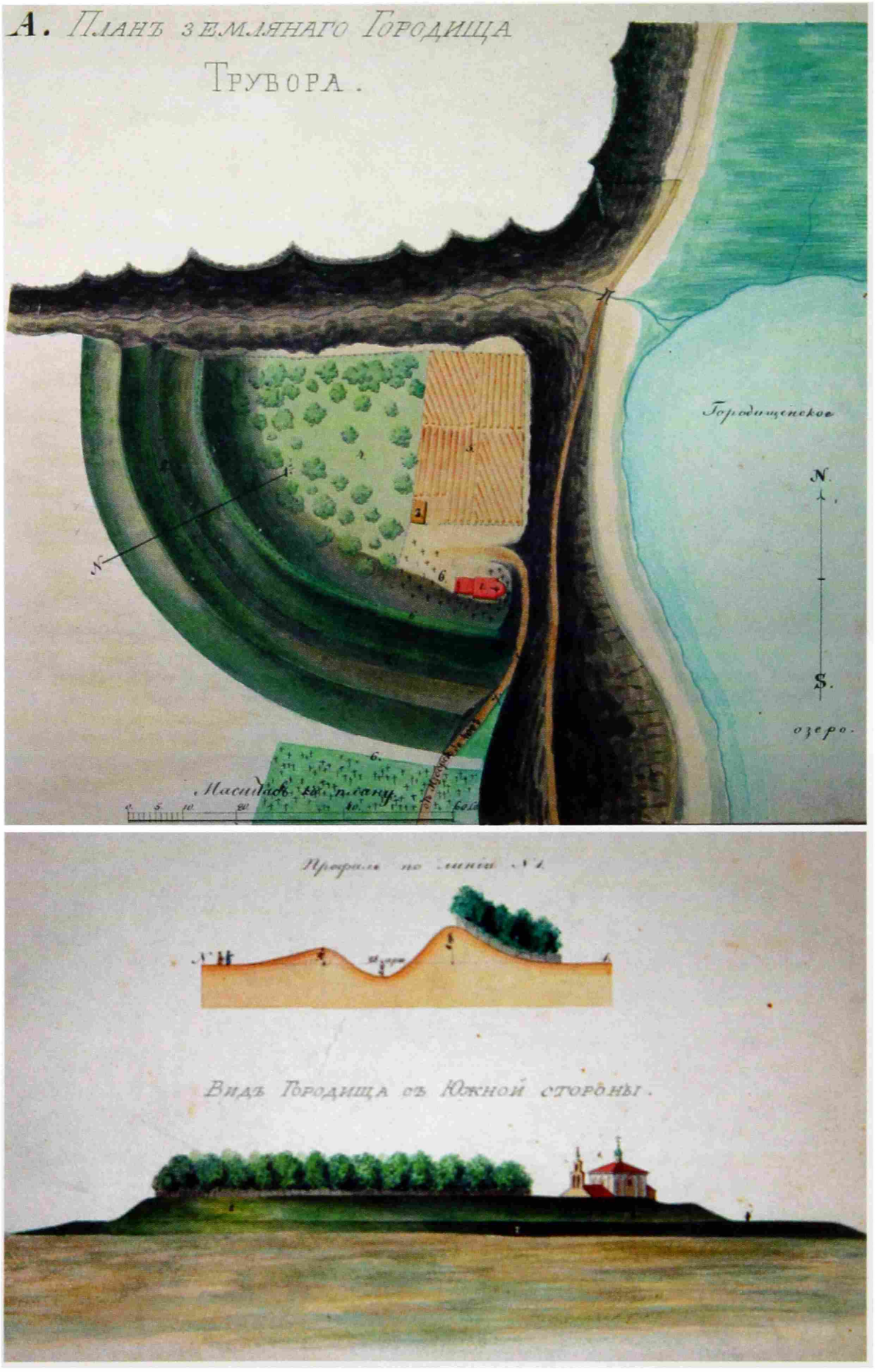

Рис. 7. План Изборского городища, снятый в 1857 г. Атлас рисунков И. Ф. Годовикова. Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище

Рис. 8. Некоторые находки

1–25 – бусы; *26* – фрагмент стеклянного браслета; *27*, *28* – нательные крестики.
1–14, *16–26* – стекло, "паста"; *27* – янтарь; *28* – шифер

Рис. 9. П.Д. Мельников. "Труворово городище". 1979 г. Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник "Изборск"

Рис. 10. П.Д. Мельников. "Городищенское озеро". 1984 г. Музей-заповедник "Изборск"

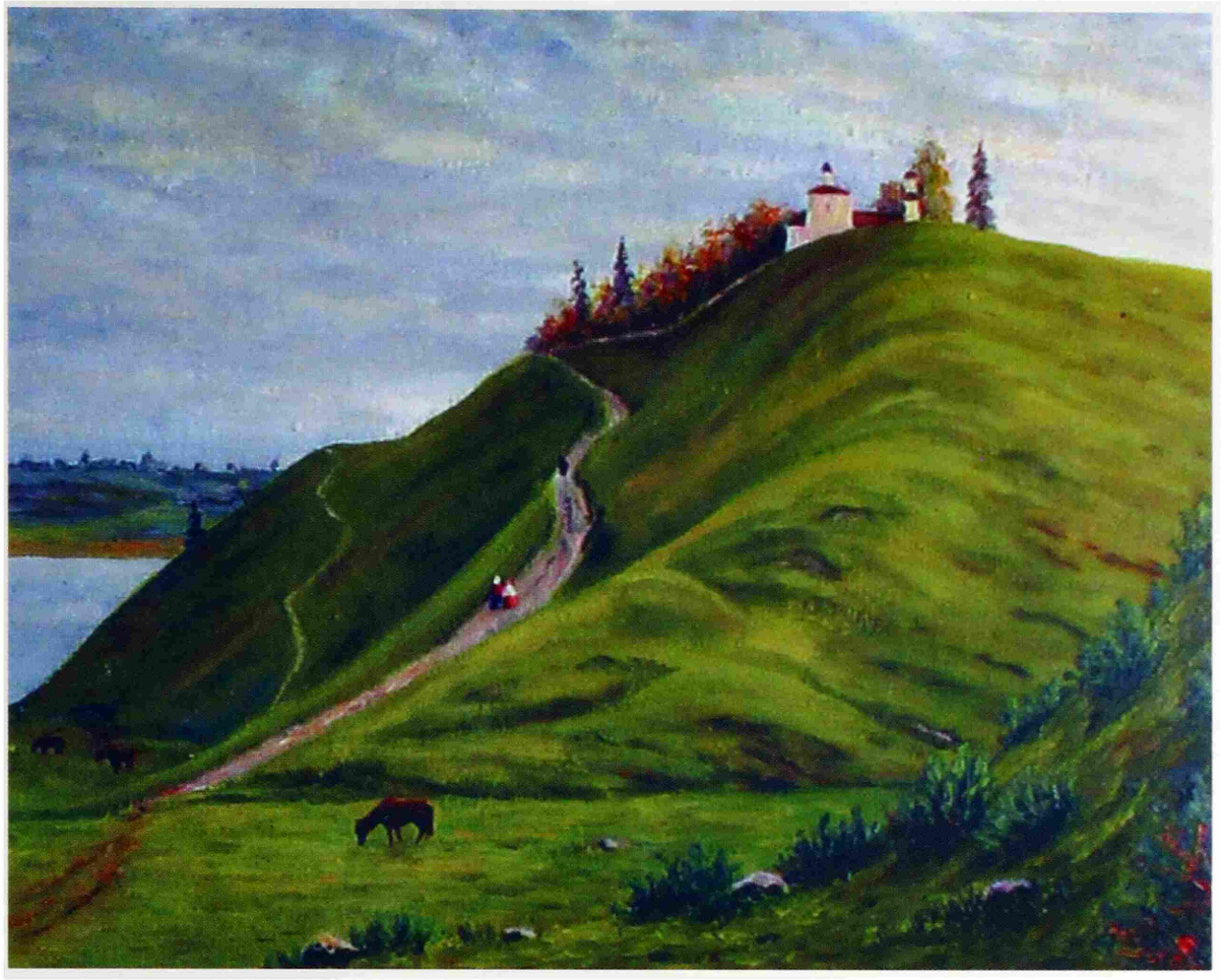

Рис. 11. П.Д. Мельников. "Труворово городище". 1970 г. Музей-заповедник "Изборск"

Рис. 12. П.Д. Мельников. "У крепостной стены". 1971 г. Музей-заповедник "Изборск". О.ф. № 218

Рис. 13. Вид Изборского городища с востока. Рисунок Н.С. Сафроновой, 1999 г.

Рис. 14. Вид Изборского городища с северо-запада. Рисунок Н.С. Сафроновой, 1999 г.

Экономика и торговые связи

Находки в нижних слоях Изборского городища железных наконечников пахотных орудий, мотыг, серпов и кос указывают на то, что в экономике его обитателей немалая роль принадлежала земледелию. Зерновой материал обнаружен при раскопках только в самых верхних горизонтах рассматриваемых культурных напластований памятника, датируемых ориентировочно первой половиной X в. В четырех скоплениях обугленного зерна, изученных О.А. Кирьяновой, резко преобладает рожь, на ее долю приходится 72,6%. Второе место занимает ячмень (19,8%), далее следуют пшеница (5,1%) и овес (2,5%). Такое соотношение земледельческих культур, как полагает Н.А. Кирьянова, не было характерно для памятников второй половины I тыс. н.э. в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Согласно изысканиям этой исследовательницы, на первом месте обычно стоит пшеница, затем ячмень, просо и весьма небольшими частями представлены зерна овса и ржи (*Кирьянова*, 1992. С. 17–20).

В настоящее время выясняется, что рожь и овес вместе с каменными жерновами и относительно совершенными серпами были привнесены в лесные области Восточной Европы еще в середине I тыс. н.э. переселенцами из провинциальноримского ареала Средней Европы (*Седов*, 1999а. С. 110–113). Распространение этих культур в новых землях было, безусловно, постепенным и географически неравномерным. Зерна ржи и овса обнаружены при раскопках девяти поселений V–IX вв., принадлежащих культурам псковских длинных курганов, тушемлинской и новгородских сопок. В большинстве случаев они весьма немногочисленны. Однако в отдельных пробах зерна названных культур образуют значительный процент. Так, на селище культуры псковских длинных курганов Юрьевская Горка в одной из проб рожь составила 33,3% зернового материала, на поселении культуры сопок Бережок – 50% (*Кирьянова*, 1992. Прил. 1). Это – показатель постепенно возрастающей роли ржи в земледелии кривичско-словенского населения. Только этим можно объяснить заметное доминирование ржи в сельском хозяйстве лесной Руси уже в X–XI вв. (в Новгороде в слоях X в. на ее долю приходится свыше 99%, в Турове в слоях X–XI вв. – около 65%, в Волковыске в слоях XI в. – около 80% и т.п.). К числу регионов, где в возделываемых культурах значительная роль принадлежала ржи, нужно отнести и Изборский регион. Этим и объясняется ее большая доля в карпологической коллекции Изборска начала X в.

В нижнем слое Изборска найден один целый каменный жернов (рис. 90) и несколько фрагментов. При снятии седьмого пласта в кв. Ф-37 обнаружено обугленное яблоко.

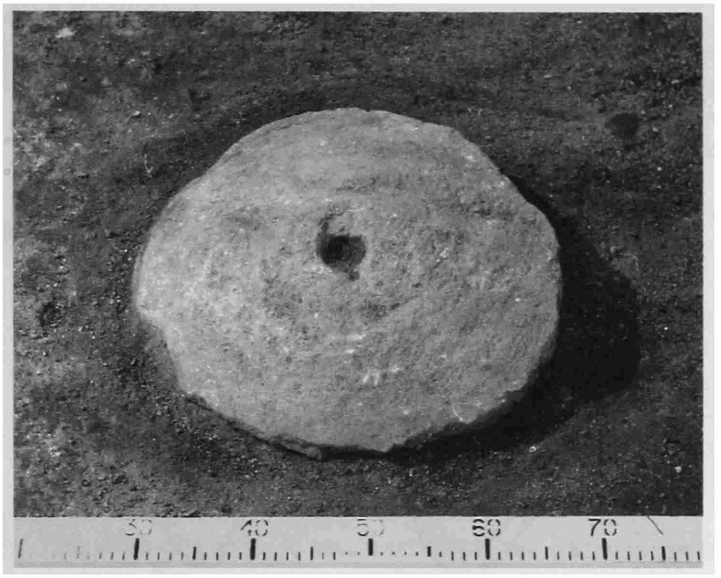

Рис. 90. Каменный жернов in situ. Участок 38 (6, Ш-40)

О животноводстве свидетельствуют находки железных кос, а изучение костей животных, собранных в раскопах, показывает, что на долю домашних животных в мясном питании изборян приходится около 90%.

О занятиях рыбной ловлей изборян говорят находки железных крючков, однозубой остроги, более трех десятков каменных и менее многочисленных глиняных грузил (рис. 91). Среди грузил из камня доминируют подтреугольно-овальной формы с отверстием вверху, но есть и экземпляры с желобком. Глиняные грузила имеют распространенную на Руси бочонкообразную форму. Достаточно очевидно, что доминирующую роль в рыболовстве играл сетевой лов. Многократно встречены также кости рыб и скопления чешуи. Изучением ихтиологической коллекции первых лет раскопок занимался Е.А. Цепкин. Им выявлены останки в основном четырех видов рыб – окуня, леща, щуки и плотвы. Позднее зафиксированы также кости и чешуя судака и ерша. Е.А. Цепкиным определены размеры некоторых рыб. Так, длина выловленных щук была преимущественно от 80 до 100 см, лещей и окуней – 35–50 см.

Важнейшей же частью экономики изборян были занятия ремеслами. Выше отмечалось, что в нижних горизонтах культурного слоя Изборского городища встречены глиняные льячки и тигли, каменные литейные формы, ювелирные пинцеты, полуфабрикаты цветных металлов, металлолом, шлаки, не оставляющие сомнений в наличии бронзолитейного ремесла. Многократно найдены железные шлаки, наковальня и многочисленные изделия из железа, что говорит о кузнечном деле изборян. Безусловно среди них были также мастера костерезного и камнерезного дела. Изделия изборских ремесленников, как можно полагать, находили спрос не только среди жителей этого поселения, но и широко продавались населению округи Изборска,

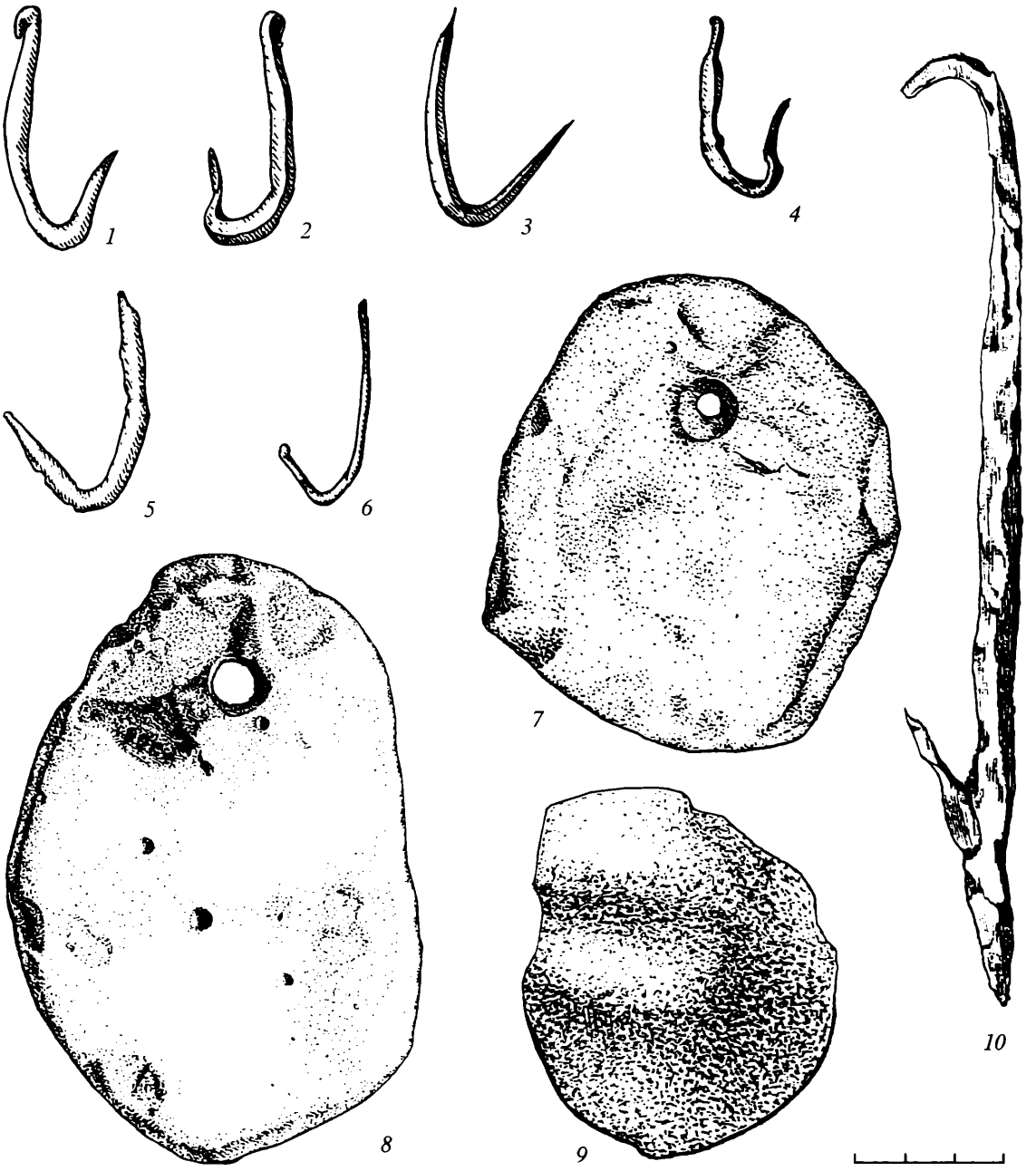

Рис. 91. Рыболовные принадлежности

1–6 – железные крючки; *7–9* – каменные грузила; *10* – железный гарпун. *1* – 7, Ф-37; *2* – 6, Щ-54; *3, 5* – 8, Х-36; *4* – 6, П-50; *6* – 5, Д-54; *7* – 5, IV-29; *8* – 5, I-42; *9* – 6, И-34; *10* – 7, Л-53

по-видимому, в обмен на необходимую продукцию сельского хозяйства и лесных промыслов.

Помимо торговли с местной сельскохозяйственной округой постепенно, но довольно активно Изборск налаживал международные торговые связи. При характеристике вещевых находок из цветных металлов, железа и рога назывались предметы, поступившие в результате торговых контактов в Изборск из Прибалтийских земель, из Финляндии, Скандинавии и Фрисландии. С Юго-Восточной Прибалтикой контакты установились с ранней поры. Свидетельствами их являются находки булавок с треугольными и крестовидной головками, некоторых подковообразных пряжек, спиральных перстней, спиралек и ряда привесок, описанных выше. С Прибалтийским регионом связано и появление в Изборске некоторых копий и стрел. К таковым, в частности, принадлежат наконечники копий: втульчатый с длинным узким пером вытянуто-ромбических очертаний; с небольшим ромбовидным пером и длинной втулкой; с пером лавролистной формы и длинным черешком; с вытянутотреугольным пером и черешком.

Начиная с VIII–IX вв. устанавливаются контакты Изборска с Северной Европой. Изборск водными путями связан был с Балтикой, чем и были обусловлены преимущественные связи его со странами Северной Европы. Как отмечалось выше, бронзовая равноплечная фибула, украшенная поперечными поясками из линий (рис. 73: *8*), поступила в Изборск, скорее всего, из Финляндии. Из Фрисландии привезен в Изборск роговой гребень (рис. 83), встреченный в напластованиях рубежа IX–X вв. Весьма веро-

ятно, что раннее появление в Изборске овальных и калачевидных кресал связано с северноевропейскими культурными импульсами.

Из Северной Европы завезены в Изборск и некоторые бусы. Таковы бочонкообразные бусы из заглушенного стекла красно-коричневого ("печеночного") цвета (цветн. вклейка, рис. 8: *1*, *2*) и многочастная пронизка, покрытая серебряной фольгой (цветн. вклейка, рис. 8: *6*). Подобные бусы в VIII – начале IX в. были весьма распространены по всему северноевропейскому ареалу, в том числе они имеются в Ладоге, а на востоке встречены в могильниках поломской культуры. Исследователи предполагают, что центр их производства находился где-то в Северной Европе. Однако каких-либо следов изготовления стеклянных бус в Скандинавии до сих пор обнаружить не удается. Многочастные пронизки (с золотой фольгой) проникли в Европу из Сирии и Александрии еще в первой половине I тыс. н.э. В VIII–IX вв. ими были наводнены все северноевропейские области, золотая фольга в это время заменяется псевдозолотой – серебряной с коричневатым покрытием. В Ладоге они найдены в слоях горизонтов Е1 и Е2 (*Львова*, 1968. С. 65–70). В Бирке и в памятниках Северной Польши такие пронизки датируются IX–X вв.

Из Скандинавии в Изборск поступила и удлиненно-шестигранная бусина из мраморного камня (цветн. вклейка, рис. 8: *7*), а также мелкие кольцевидные бусы желтого и зеленого стекла. Северноевропейское начало имеет и бусина усеченнобиконической формы из черного стекла. Она орнаментирована черно-белой зигзаговой полосой (цветн. вклейка, рис. 8: *8*). В Бирке подобные украшения датируются IX в. В Северной Европе находит аналогии также бусина желто-коричневого цвета со слегка округленными стенками. В Скандинавии подобные украшения бытовали в VIII–IX вв., в Ладоге основная масса их найдена в слое горизонта Е3, но единичные встречены и в вышележащих напластованиях до уровня построек горизонта Д (*Львова*, 1968. С. 72).

Северноевропейское начало имеет также цилиндрическая бусина светло-коричневого цвета с поперечными желтыми полосами (цветн. вклейка, рис. 8: *9*). Такие бусы известны на широкой территории и бытуют преимущественно в VIII–X вв. (*Львова*, 1968. С. 66–68). К тому же кругу древностей принадлежат найденные в Изборске две зонные бусы темно-зеленого непрозрачного стекла. В Бирке они датируются VIII – началом X в., в Хельге – VIII–IX вв., в Ладоге появляются в слое горизонта Е3, но особенно много их обнаружено в слоях Д (*Львова*, 1968. С. 78). Имеются такие бусы и в Новгороде, в напластованиях ярусов 21–27 (*Щапова*, 1956. С. 168).

Из Северной Европы поступили в Изборск и некоторые железные копья. Таковыми являются ланцетовидные втульчатые наконечники, слегка сужающиеся у шейки и плавно переходящие во втулку (тип Е по Я. Петерсену). Как отмечалось выше, в Средней и Северной Европе такие копья появились в VII–VIII вв. и наибольшее распространение получили в IX–X вв. Два наконечника копий этого типа найдены на Изборском городище в слое IX в., третий – в напластованиях первой половины X в. Из слоя IX в. происходит еще ланцетовидный черешковый наконечник копья с упором для древка, который мог быть привезен из Финляндии, где найдено более 40 таких находок и все датируются IX в. Скорее всего северноевропейское начало имеет обнаруженное в слое IX в. изборское копье с наконечником удлиненно-листовидной формы и ромбическим сечением, с несколько поднятыми плечиками и расширяющейся втулкой.

В Изборске IX–X вв., в отличие от Ладоги, ни в особенностях домостроительства, ни среди вещевых материалов не обнаруживается каких-либо элементов, которые бы указывали на проживание в нем выходцев из Скандинавии. Нет никаких следов скандинавов и в курганной погребальной обрядности ближайшей округи Изборска. Микротопонимия его также не фиксирует пребывания здесь норманнских переселенцев. В настоящее время можно со всей определенностью утверждать, что записанная летописцем легенда о княжении Рюрикова брата Трувора в Изборске не находит подтверждения в археологических материалах. Очевидно, прав А.А. Шахматов, полагавший, что распределение трех братьев-варягов, призванных на княжение каолицией словен, кривичей и финского племени, является плодом фантазии летописца рубежа XI–XII вв.

Конечно, нельзя полностью исключать того, что Изборск посещался скандинавскими купцами. Но можно надежно полагать, что основные торгово-обменные операции как во внутренних, так и в международных контактах осуществлялись в Изборске кривичскими и шире славянскими купцами. В пользу этого говорит то, что важнейшим направлением дальней торговли Изборска, как показывают находки бус и дирхемы, было южное.

Безусловно, из Северокавказского региона были завезены в Изборск (обнаружены в напластованиях IX в.) стеклянные шарообразные бусины черного цвета с выпуклыми фиолетовыми глазками в виде круглого ядра, заключенного в белые концентрические круги (цветн. вклейка, рис. 8: *4*). Согласно изысканиям В.Б. Ковалевской такие бусы изготавливались на Северном Кавказе и оттуда распространялись по Восточно-Европейской равнине (*Ковалевская*, 2000. С. 43–44, № 158). Южное происхождение имеет также изборская бусина черного стекла с тремя глазками в виде усеченноконических выпуклин, оконтуренных белыми полосами (цветн. вклейка, рис. 8: *10*). Такие украшения имели широкое распространение на юге Восточной Европы, но известны и в Средней Азии. Из юго-восточного региона Европы глазчатые бусы

черного стекла поступали в словенско-кривичские земли и далее в Скандинавию. Кроме Изборска на Северо-Западе они найдены в Ладоге и Новгороде (*Львова*, 1968. С. 70–71; *Щапова*, 1956. С. 178). В Ладоге наибольшее число их встречено в слоях горизонтов Е3 и Е2, в Бирке – в могилах IX в.

С юга поступила в Изборск и желтая бочонкообразная бусина желтого цвета с коричневыми и синеватыми овальными глазками, обведенными тонкими черными овалами (цветн. вклейка, рис. 8: *3*). Подобные бусы происходят из Средиземноморья, откуда они в VIII–IX вв. распространялись по Дону в восточноевропейских землях и по Дунаю и Эльбе – в области Северной Европы. С юга могли быть доставлены в Изборск и многочастные пронизки с серебристой поверхностью (цветн. вклейка, рис. 8: *6*).

В рассматриваемых напластованиях Изборска найдены еще две цилиндрические бусины из голубого прозрачного стекла, аналогии которым обнаруживаются в археологических материалах Великой Моравии. Оттуда же происходит стеклянная дутая бусина овальных очертаний стального цвета с синеватым оттенком (цветн. вклейка, рис. 8: *5*). Подобные украшения бытовали в IX–X вв. в Моравии и Германии.

Южное происхождение имеют также описанные выше железные удила с крупными роговыми псалиями (рис. 89), как и роговой псалий, орнаментированный нарезками и кружками (рис. 68: *7*).

О торговых связях с южными областями Восточной Европы говорят и находки в Изборске куфических дирхемов, которые были исследованы П.Г. Гайдуковым и А.В. Фоминым (1986. С. 101–107). В нижнем слое городища их найдено пять. Их следует рассматривать как монеты, утерянные владельцами. Факт потери монет на поселении, как подметил В.М. Потин, свидетельствует о значительной концентрации дирхемов среди его жителей и о развитости торговой деятельности.

Самые ранние изборские находки – монеты африканской чеканки. Это два куфических дирхема – один из Тугды (халиф б. Мода), другой из ал-Аббассии (халиф Харун ар-Рашид). Обе монеты изготовлены в 792/793 г. Согласно изысканиям нумизматов, дирхемы африканской чеканки на территории Восточной Европы были в составе монетного обращения с 800 по 825 г., после чего практически полностью вышли из обращения (*Янин*, 1956. С. 86–99). Нужно полагать, что оба изборских дирхема были утеряны и попали в культурный слой не позднее 20-х годов IX в.

Еще один дирхем из нижнего слоя Изборского городища чеканен в 805 г. в закавказской провинции Халифата – Арране (халиф Харун ар-Рашид). Учитывая время широкого функционирования закавказских монет в Восточной Европе – между 790 и 820 годами – попадание изборской находки в культурный слой определяется 810–820 гг. Два наиболее поздних дирхема из Изборска отчеканены в Самарканде в 811/812 и 818/819 гг. при халифе ал-Мамуне. Время попадания их в слой – между 840-ми и 870-ми годами. Найден в Изборске и фрагмент весов для взвешивания монет.

В заключение характеристики торговых связей Изборска можно отметить, что в нижнем слое найдено несколько железных лодейных заклепок.

Датировка нижнего слоя

Наиболее ранней находкой нижнего слоя Изборского городища является бронзовая булавка с головкой из двух утолщений, завершающихся ромбовидным ушком (рис. 73: *3*), которая имеет аналогии в позднеримских древностях. Железные шпора с простейшим шипом и дужкой с крючкообразно отогнутыми наружу концами и пластинчатые кресала с кольцевидной верхней частью широко бытовали в Средней Европе также в позднеримский период (рис. 67: *1, 2;* 88: *6*) . В Изборский край эти вещи могли быть привнесены только среднеевропейскими переселенцами. Шпоры и кресала этого типа бытовали в лесных землях Восточно-Европейской равнины в V–VI/VII вв. Все названные находки позволяют определять начало заселения площадки Изборского городища временем не позднее VII в. О функционировании его в это время говорят также находки одежных булавок разных типов – с плоской треугольной головкой, с раструбообразной головкой, с треугольными навершиями, находки ряда наконечников копий и стрел.

Место, избранное для поселения, – на высоком мысе с крутыми склонами, на берегу озера, связанного системой вод с Балтийским морем, – заставляет думать, что основателями его были не рядовые жители, намеревавшиеся заняться сельскохозяйственным трудом. Не исключено, что Изборское поселение с самого начала стало военно-административным центром этого края.

Вещевых находок, определенно датируемых VIII в. или вышедших из употребления на рубеже VIII и IX столетий, в Изборске уже немало. Среди них – равноплечная фибула второй половины VII–VIII в. (рис. 73: *8*), втульчатый наконечник копья с длинным, узким пером ромбического сечения (VI–VIII вв.). Еще больше найдено предметов, определяемых по аналогиям VIII– IX вв. Таким образом, можно утверждать, что культурный слой на Изборском городище начал формироваться в VII в. и без каких-либо серьезных перерывов откладывался в последующие столетия.

Верхняя дата нижнего слоя городища определяется предположительно серединой X в. Надежные основания этому дают материалы вышележащих напластований. Если для нижнего слоя характерна исключительно лепная глиняная посуда, то следующий слой содержит как лепную, так и сравнительно не-

многочисленные фрагменты гончарной посуды. При изучении последнего встречено немало вещевых и монетных находок, достаточно определенно датируемых X веком. Это, прежде всего, лунница "гнёздовского типа", массивные подковообразные застежки, крупные стеклянные золоченые бусы бочонкообразной формы, монетные находки. Одна из них – местное подражание самаркандской монете династии Саманидов. Такие монеты в Восточной и Северной Европе имели распространение только в X в. Вторая монета – дирхем, обрезанный в кружок. Как показал В.Л. Янин, круглые обрезанные куфические монеты появляются в восточноевропейских кладах около середины X в. и встречаются до второй четверти XI в. Это дало основание П.Г. Гайдукову и А.В. Фомину датировать изборский обрезок дирхема этим временем (*Гайдуков, Фомин,* 1986. С. 104).

Протогородской характер поселения

Достаточно очевидно, что Изборск среди массы неукрепленных селищ земледельцев был нерядовым поселением. Почти с самого начала он развивался как неаграрное селение с кучной застройкой и, как свидетельствует керамический материал и элементы домостроительства, а также вещевые находки балтских типов, с полиэтничным населением. Крутые склоны высокого мыса были естественной его защитой. Уже на первых порах с напольной стороны поселение было защищено валом, сложенным из плотной глины, а вскоре и каменной крепостной стеной. Наличие площади, предназначенной для проведения массовых (племенных) сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий, свидетельствует о том, что поселение выполняло административно-политические функции, являясь центром (племенным) одной из крупных группировок кривичей, расселившихся в землях к юго-западу от Псковского озера.

Экономическая жизнь Изборска имела несельскохозяйственное направление, в нем постепенно разворачивали свою деятельность ремесленники и торговый люд. Связанный торговыми и культурными контактами на первых порах с соседними прибалтийскими землями Изборск с конца VIII в. налаживает торговлю с южными областями восточного славянства, а через их посредство с Кавказом и странами Востока. Параллельно устанавливаются и крепнут торговые связи Изборска с Фенно-Скандией. Изборск становится одним из восточноевропейских пунктов международной торговли. Как отмечалось выше, в отличие от Ладоги, Новгородского (Рюрикова) и Псковского городищ, в Изборске ни в домостроительстве, ни в культовых элементах, ни среди вещевых материалов не обнаруживается маркеров, указывающих на проживание или торговую активность скандинавских купцов и дружинников. Ремесленниками и купцами в основном были представители местного кривичского населения и, может быть, славян-русов, локализуемых на основе историко-археологических данных IX в. в междуречье Днепра и Дона (*Седов,* 1999а. С. 50–90; 1999б. С. 54–81). Серия изборских находок, поступивших с Юга, включает стеклянные бусы, удила с роговыми псалиями, арабские дирхемы и допускает мысль о посреднической роли торгового люда русов, выделяющегося своей активностью. Вместе с тем географическое положение Изборска обусловливало установление тесного торгового взаимодействия с Северной Европой. Изборская округа была частью обширного циркумбалтийского ареала.

Около середины X в. Изборское городище подверглось серьезной перестройке, которая, как показано ниже, отражает трансформацию поселения в раннесредневековый город.

На основе материалов археологических исследований мною были намечены пять характерных признаков протогородских поселений:

"1. В отличие от земледельческих поселений, протогорода, как правило, уже на первых порах укреплялись валами, рвами или иными дерево-земляными сооружениями.

2. В отличие от синхронных ремесленных поселений, в протогородах были сосредоточены ремесла разных профилей.

3. Наряду с изделиями массового ремесла в протогородах обычны находки серебряных и бронзовых вещей и предметов вооружения, дающих основание предполагать начавшееся социальное расслоение общества, выделение княжеско-дружинного сословия.

4. Импортные находки, восточные и византийские монеты допускают тезис о том, что протогорода участвовали в межплеменной и международной торговле.

5. Протогород не был замкнутым моноэтническим поселением. С самого начала он охотно принимал в состав своего населения иноплеменников, поэтому протогорода, в особенности расположенные на окраинах восточнославянской территории, были пестрыми в этническом отношении" (*Седов,* 1987е. С. 17).

Все эти признаки отчетливо проявляются в материалах, полученных раскопками нижних горизонтов культурного слоя Изборского городища. Налицо все элементы, свойственные европейским протогородским поселениям раннего средневековья (*Седов,* 1987е. С. 12–17; 1989. С. 6–55). Несомненно, что в VIII–X вв. Изборск был одним из протогородских поселений Восточной Европы.

Этот период в истории Изборского городища начинается с возведения в его северной части, включая культово-общественную площадь, которая оставалась незастроенной и, следовательно, функционировавшей на всех этапах истории города, деревянной крепостной стены, выделившей детинец (рис. IX). В результате поселение оказалось поделенным на две части – детинец и окольный город или форбург, защищенный с напольной стороны валом и рвом. За пределами укреплений в это время активно разрастаются посадские поселения. Таким образом, Изборск из протогородского поселения трансформировался в раннесредневековый город.

Отчетливого членения культурных напластований раннего периода жизни Изборска, материалы которого получили характеристику в предшествующей части монографии, и времени строительства крепостной стены детинца не проявляется. К периоду функционирования детинца относятся верхние горизонты того же черно-серого и бурого слоев, которые характерны для ранее описанных периодов истории поселения. Очевидно, что жизнь продолжалась без каких-либо потрясений и трансформаций. На других участках при строительстве крепостной стены нижележащие культурные напластования были полностью или в той или иной степени потревожены. В местах активной строительной деятельности наблюдаются изменения структуры культурного слоя. Здесь над черными или бурыми наслоениями откладывается слой, характеризующийся ныне как темно-серый с угольками, мелкими включениями обожженной глины и небольшими камнями. В отдельных случаях прослежены тонкие угольные прослойки, разграничившие эти напластования. Они свидетельствуют о пожаре, имевшем место на поселении накануне возведения крепостной стены детинца.

В целом культурные напластования периода Древней Руси характеризуются большой насыщенностью разрозненных камней, оставшихся от развалов печей, фундаментов домов и обвалов каменной крепостной стены. Постоянны также разнохарактерные включения глины, в том числе обожженной от разрушенных в процессе строительных работ печей. Многочисленны также мелкие углистые включения и прослойки. Вообще следует заметить, что периодические строительные работы не способствовали спокойному отложению культурного слоя. Жилые постройки каждые два–три десятилетия приходилось обновлять, в результате чего нижние остатки предшествующих и печи оказывались в той или иной степени потревоженными. При обновлениях вала, как показали его разрезы, культурные напластования поселения использовались для его подсыпки.

Некоторое представление о характере древнерусского культурного слоя и процессе раскопочных работ дают фотоснимки на рис. 92–95.

Домостроительство

Каких-либо заметных изменений в изборском домостроении при устройстве детинца и в последующее время не наблюдается. Ниже описываются остатки некоторых построек и печей, которые были выявлены и исследованы в раскопах. На их основе воссоздается общая картина изборского домостроительства XI – начала XIV в.

В процессе раскопочных исследований обнаружены и расчищены остатки сгоревших построек. Следы одной из них находились в четвертом пласте в кв. А-40, А-41, Б-40, Б-41, В-40 и В-41. В слое пожарища толщиной 5–10 см, состоящем из зольно-углистой супеси, прослежены in situ остатки пола, сложенного из толстых и

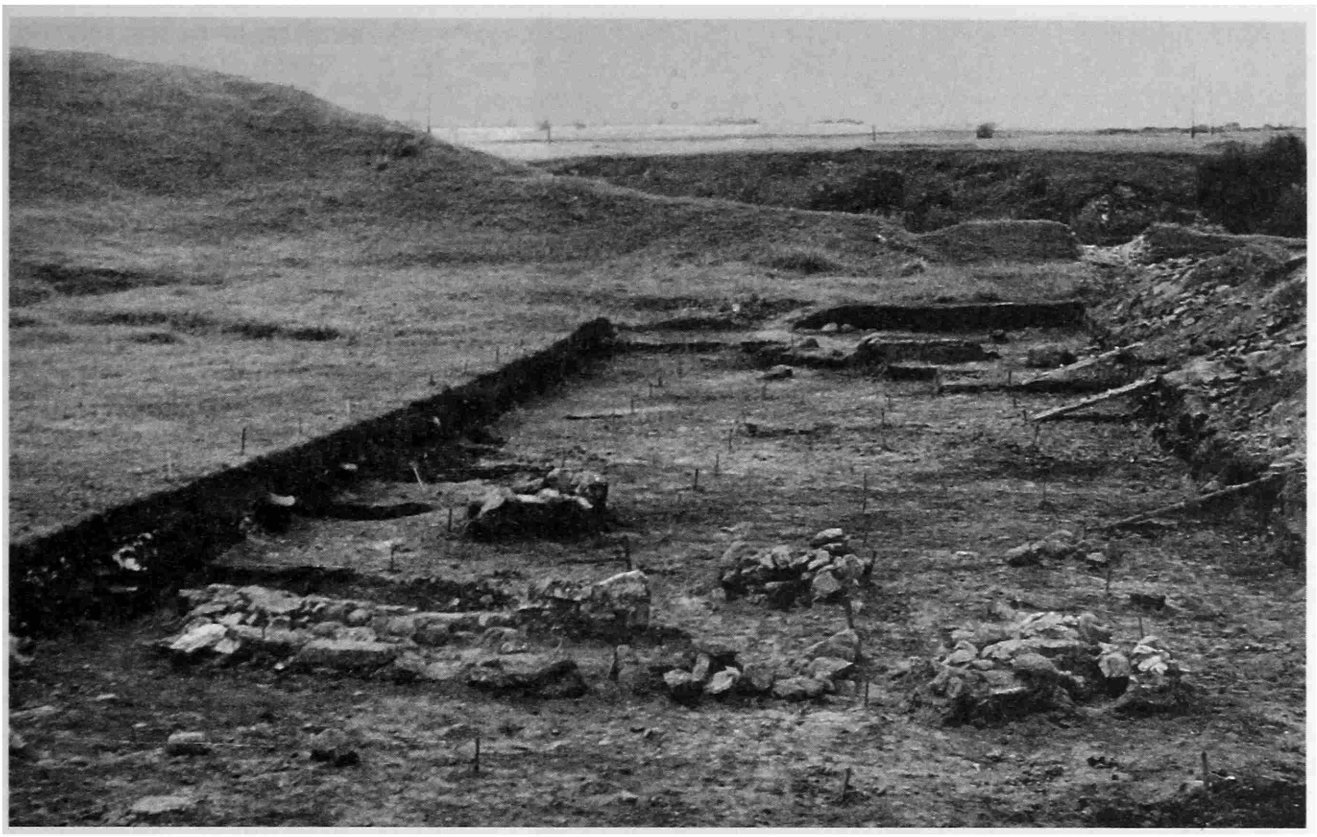

Рис. 92. Общий вид раскопа на участках 6–8 на уровне четвертого пласта. Вид с востока. Фото В.В. Седова, 1972 г.

Рис. 93. Общий вид раскопа на участках 27, 26, 29 на уровне третьего пласта. Вид с запада. Фото В.В. Седова, 1976 г.

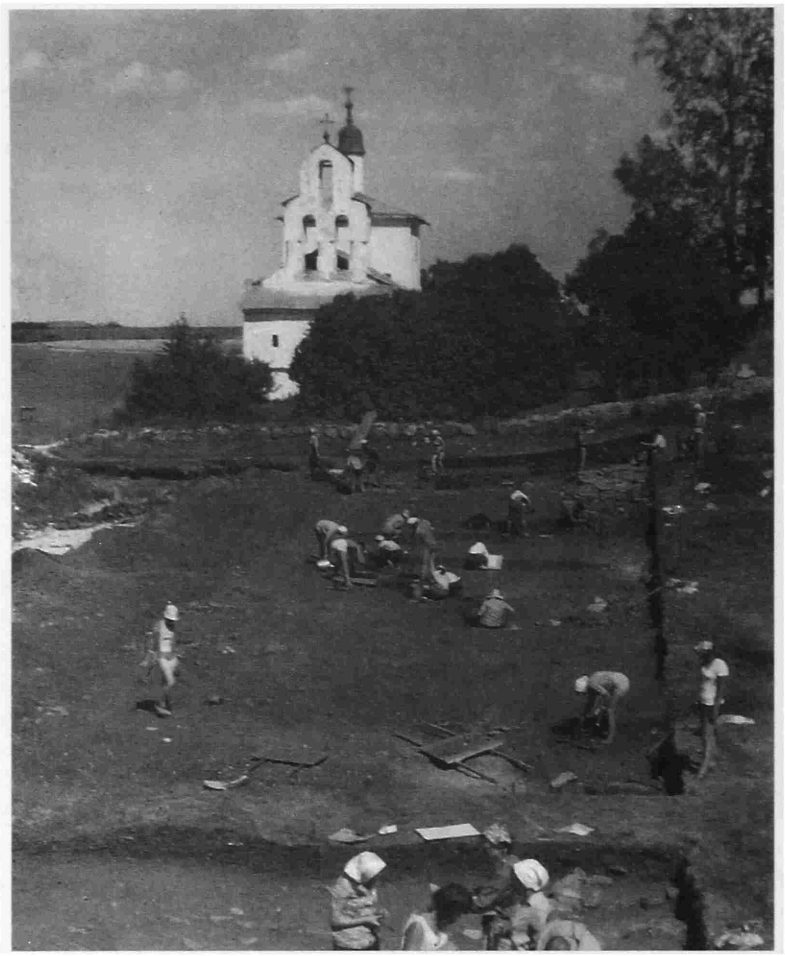

Рис. 94. Общий вид раскопа на участках 9–12 на уровне третьего пласта. Вид с запада. Фото В.В. Седова, 1974 г.

Рис. 95. Общий вид раскопа на участках 53–56 на уровне третьего пласта. Вид с юго-юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

широких досок, помещенных на круглые лаги (рис. 96). Сохранилась также часть бревна южной стены постройки. Можно полагать, что жилище в длину с запада на восток превышало 4 м. Печь-каменка находилась около восточной стенки постройки. Ее остатки представлены разрозненными булыжными камнями, некоторые из них оказались на обгоревшем настиле пола.

Остатки сгоревшей постройки изучались также при снятии третьего пласта в кв. З-37, З-38, З-39, И-37, И-38, К-37 и К-38 (рис. 97). Это было крупное бревенчатое строение с дощатым полом. От северной и западной стен его сохранились лишь отдельные обугленные части бревен. Общие размеры постройки определить не удается, но можно утверждать, что его длина в направлении СЗ–ЮВ достигала 5 м. В этом направлении лежали доски пола. Ширина их 35–40 см, толщина 4–5 см. Остатки печи-каменки находились в кв. З-39. Это было скопление камней различных размеров, среди которых имелись и сильно обожженные. В слое пожарища, оставшегося от постройки, найдены железный скобель, каменная литейная формочка, два ножа, несколько скоб, железная дужка ведра и бронзовый витой браслет.

От сгоревшей постройки в кв. О-42, О-43, П-42 и П-43 (на стыке второго и третьего пластов) расчищены остатки пола (рис. 98). Это были круглые бревна диаметром до 10–17 см, положенные вплотную друг к другу в направлении запад – восток. Контуры восточной и южной стен постройки обозначают камни с верхними поверхностями на одном уровне, являющиеся остатками фундаментной кладки под сруб. Остатки печи находились в кв. П-42. Это был массив обожженной глины оранжево-красного цвета, имевший в плане овальные очертания размерами 1 × 0,7 м при толщине до 15–20 см. Глиняная печь, очевидно, занимала северо-западный угол жилища.

В 4 м юго-восточнее находилась одновременная постройка. В кв. К-43, Л-43, М-43, М-44, М-45, Л-45 и К-45 (пласт третий) расчищены остатки фундамента, сложенного насухо из камней в один (в отдельных местах в два) яруса (рис. 98). Это была довольно крупная постройка, в направлении север – юг ее длина достигала 6 м. К сожалению, восточная часть ее была разрушена при последующих строительных работах. Остатками печи является крупный навал булыжных камней в кв. Л-45 и Л-46.

В кв. Ж-48, З-47, З-48, И-47, К-47 и К-48 (пласт третий) от сгоревшей постройки сохранились лишь участок пола и отдельные фрагменты стен. Пол был устроен из плотно лежащих круглых бревен диаметром 15–20 см в направлении восток – запад. При их разборке установлено, что лежали они на поперечных лагах, от которых остались следы коричневого перегноя, а в одном месте – фрагмент обугленного бревна. Стены постройки восстанавливаются по отдельным головням. Общие размеры ее – около 4 × 5 м. Остатками печи-каменки, занимавшей северо-западный угол жилища, являются разбросанные камни.

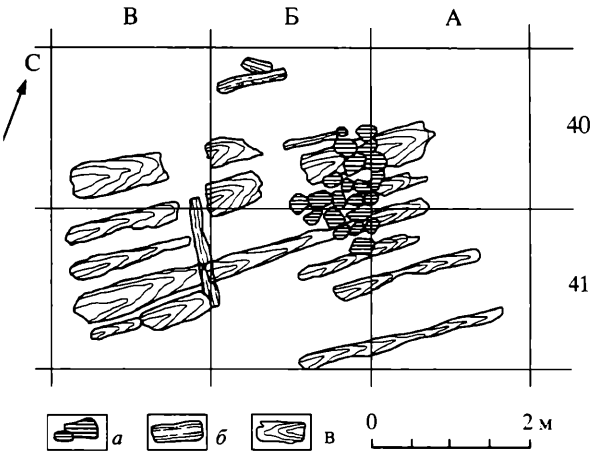

Рис. 96. План остатков постройки в квадратах А-40, А-41, Б-40, Б-41, В-40, В-41, пласт четвертый
а – обожженные камни, *б* – обугленное дерево, *в* – обугленные доски

Отчетливые следы сгоревшего дома исследованы в кв. Е-32, Е-33, Ж-32 и Ж-33 при снятии четвертого пласта. Это было интенсивно черное углистое пятно, несколько рваное в плане, занимавшее целиком кв. Е-33, Ж-33 и частично

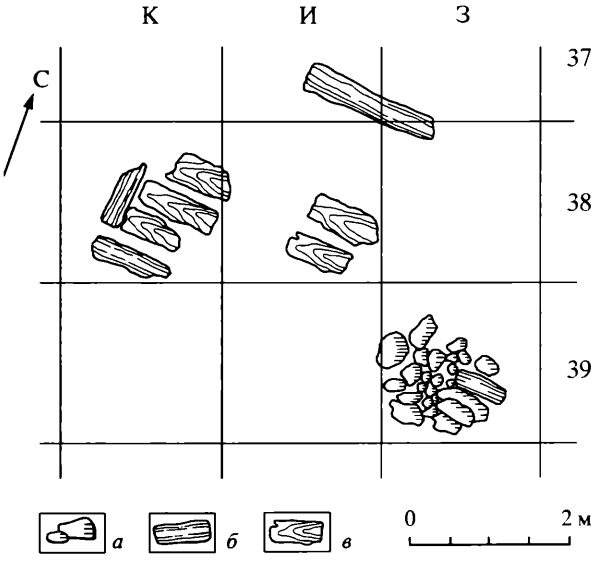

Рис. 97. План остатков постройки в квадратах З-37, З-39, И-37, И-38, К-38, пласт третий
а – камни, *б* – обугленное дерево, *в* – обугленные доски

Рис. 98. План остатков построек в квадратах К-43, К-45, К-46, Л-43, Л-44, Л-45, Л-46, И-43, И-44, И-45, О-42, О-43, П-42, П-43, пласт третий

а – камни, *б* – обожженные камни, *в* – обугленное дерево, *г* – обожженная глина

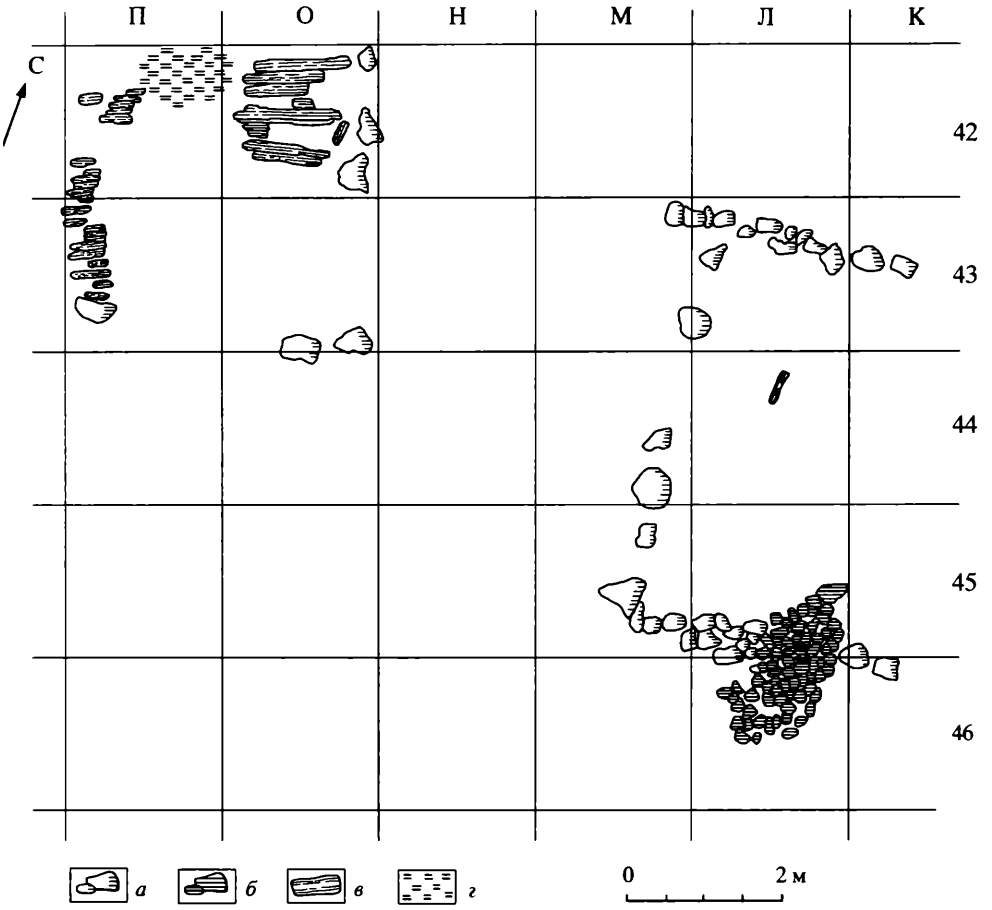
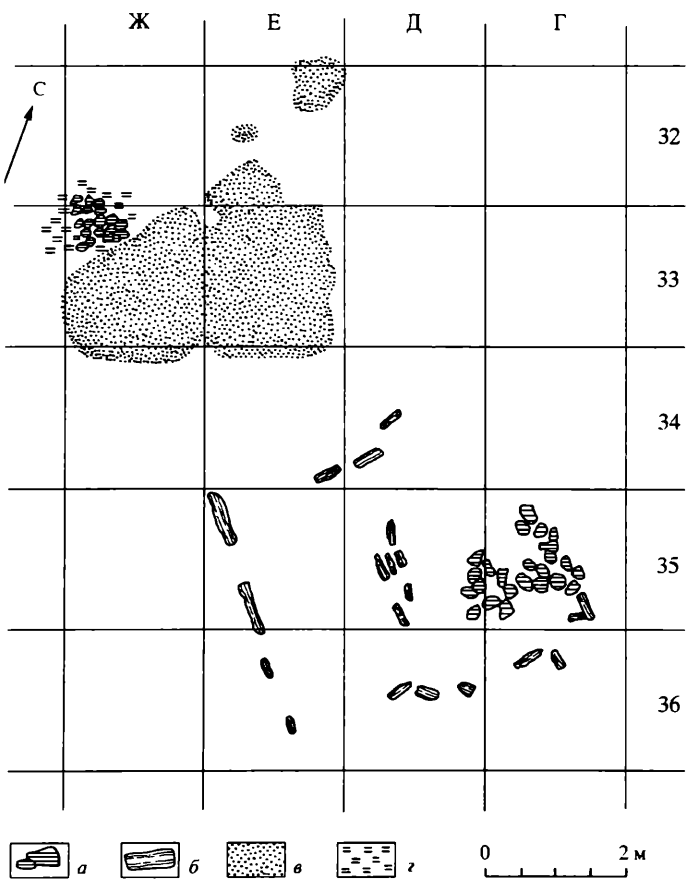

Рис. 99. План остатков построек в квадратах Г-35, Г-36, Д-34, Д-35, Д-36, Е-32, Е-33, Е-34, Е-35, Е-36, Ж-32, Ж-33, пласт четвертый

а – обожженные камни, *б* – обугленное дерево, *в* – песок, *г* – обожженная глина

кв. Е-32 (рис. 99). Толщина его 3–4 см, но в отдельных местах достигала 5–7 см. Приблизительные размеры жилища – 4 × 4 м. Печь находилась около его западной стены. Ее остатками являются прослойка красной глины, овальная в плане, размерами 1,3 × 0,9 м, толщиной около 7–10 см. Из глины было сложено основание печи, не исключено, что глина использовалась и при сооружении ее верхней части. Однако на прослойке глины, в ее восточной части скученно в один–два яруса лежали еще прокаленные булыжные камни.

Юго-восточнее, в 1,5–2 м выявлены остатки другой постройки, имевшей несколько иную ориентировку (рис. 99). Расчищены обугленные остатки западной стенки (кв. Е-35, Е-36) и отдельные куски бревен северной и южной стенок. Печь занимала юго-восточный угол жилища. Ее остатками является развал камней в кв. Г-35.

По остаткам сгоревших стен и расположению остатков фундаментной кладки в кв. Ж-17, Ж-18, З-16, З-17, И-17 и И-18 (второй пласт) вырисовываются контуры еще одной постройки (рис. 100). Судя по отдельным фрагментам обугленного дерева, пол жилища был дощатым, доски настланы в направлении с северо-запада на

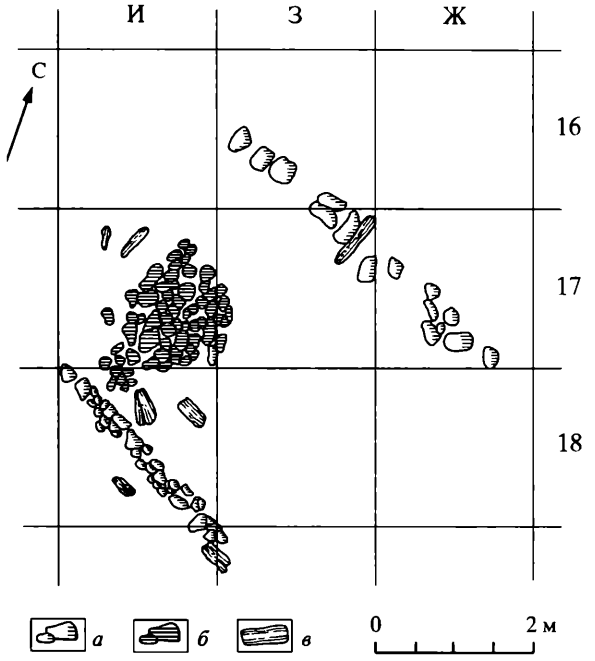

Рис. 100. План остатков постройки в квадратах Ж-17, З-16, И-17, И-18, пласт второй

а – камни, *б* – обоженные камни, *в* – обугленное дерево

юго-восток. Не исключено, что доски клались на плитняковую вымостку, в пользу чего говорит большое число плитнякового камня, разбросанного по площади постройки. Общие размеры ее – около 5 × 4,3 м. Фундаменты под сруб были сложены из плитнякового камня в один–два яруса. Печь занимала западный угол жилища. Ее остатками является скопление булыжных камней, лежащих в один–три яруса и образующих в плане овал размерами 1,8 × 1,1 м. В напластованиях, связанных с этой постройкой, обнаружены три железных ножа, шпора с удлиненным шипом (концы дуги не сохранились), двучленные удила, два шиферных пряслица, два бронзовых пластинчатых перстня, один из которых орнаментирован поперечными линиями и имеет сужающиеся заходящие концы, другой – замкнутый с пунктирным узором (рис. 101) и несколько сильно окислившихся железных предметов. Кроме того, в том же слое зафиксировано четыре небольших скопления зерна.

Несколько сгоревших построек выявлено в мысовой части городища. От одной из них до нас дошло мощное пятно пожарища в кв. Н-24 и О-24 (второй пласт) – прослойка угля размерами около 4 × 1,8 м и толщиной до 8–10 см. В ее южной части расчищены обугленные бревна, плотно лежащие в направлении с северо-запада на юго-восток. В кв. Н-24 зафиксированы разрозненные гранитные камни от печи-каменки. Восстановить облик постройки и печи по этим остаткам не представляется возможным.

Интенсивно черные углистые включения отмечены при снятии третьего пласта в кв. О-26, П-26, П-27, Р-26 и Р-27 (рис. 102). Среди углей расчищены крупные, лежавшие в беспорядке обугленные бревна. В кв. П-27 обугленные бревна составляли небольшой участок вымостки пола. Бревна диаметрами 15–20 см были плотно подогнаны друг к другу и лежали в направлении с северо-востока на юго-запад. В кв. Р-27 открыты разрозненные плитняковые камни и под ними – нижняя часть печи-каменки, сложенная из рваных довольно крупных камней в виде прямоугольника размерами 1 × 1,1 м (рис. 103). Печь занимала юго-западный угол жилища, общие размеры которого достигали 5 × 3,8 м. В угольном слое обнаружены два железных ножа, костяная проколка, пряслице из плитнякового камня, грубой отделки, фрагмент бронзового дротового браслета и неопределимые сильно окислившиеся железные предметы.

Остатки двух синхронных построек исследованы при снятии второго пласта в квадратах, занимающих ряды II–V на линиях от 28 до 36 (рис. 104). От северного жилища сохранились обугленные бревна нижнего венца южной стены целиком, остальные стены представлены фрагментарно. Северо-западный угол сруба покоился на стуле, которым был кусок бревна диаметром около 30 см. Нижняя часть его была опущена в грунт на 20 см. Южная стена постройки лежала на прослойке плотной глины толщиной 7–9 см. Общие размеры строения – около 3,6 × 3,2 м. В кв. IV-31, V-31 и частично в кв. III-31 и IV-30 находился мощный слой пожарища толщиной до 10 см. Внутри сруба расчищены более или менее крупные куски обугленных бревен и плах. Последними был выстлан пол жилища. Наиболее вероятно, что печь находилась в его северо-восточном углу, где в разрозненном состоянии находились потрескавшиеся камни. При разборке напластований, связанных с постройкой, найдено два фрагмента глиняных рыболовных грузил, фрагменты железного ножа и кости со следами обработки. Зафиксированы также в двух местах небольшие скопления обугленного зерна.

Южнее зафиксированы куски обугленных бревен западной и северной стен еще одной срубной постройки и несколько небольших прослоек пожарища. Нижний венец сруба лежал непосредственно на грунте. В кв. III-36 обнаружен крупный камень с почти горизонтальной верхней поверхностью, который, очевидно, служил стулом под юго-западный угол сруба. Если это так, то длина сруба в направлении с севера на юг равнялась 3,5 м. Судя по распространению пожарища, такова же была его ширина. Бесформенный развал печи-каменки зафиксирован в юго-западной части жилища. В напластованиях, образовавшихся во время гибе-

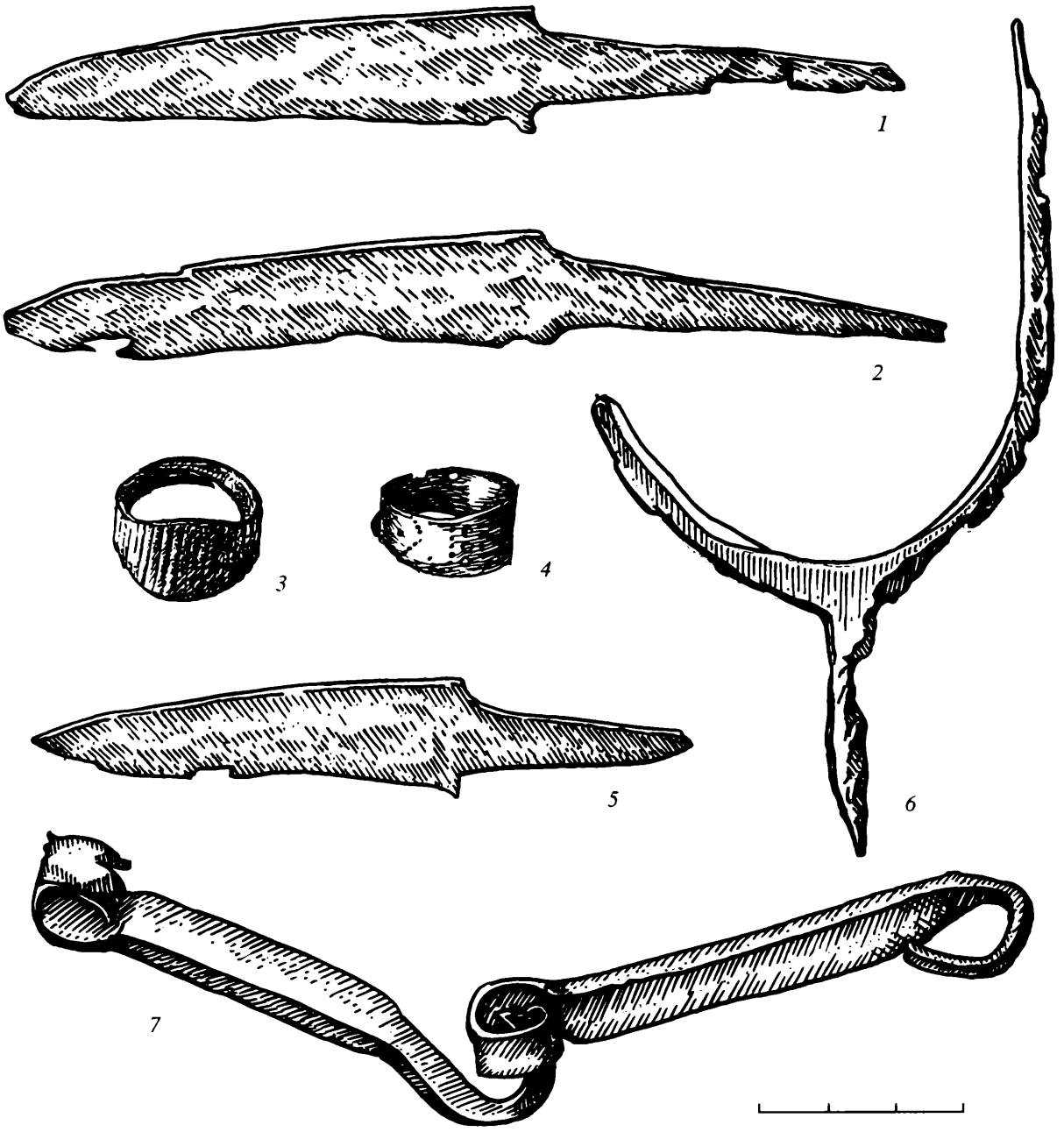

Рис. 101. Вещевые находки из напластований, связанных с постройкой в квадратах Ж-17, З-16, И-17, И-18

1, 2, 5 – ножи; *3, 4* – перстни; *6* – шпора; *7* – удила. *1, 4* – 2, Ж-17; *2* – 2, З-16; *3* – 2, И-16; *5* – 2, И-17; *6, 7* – 2, Ж-18. *1, 2, 5–7* – железо; *3, 4* – цветной металл

ли его, помимо множества обломков глиняной посуды обнаружены железный дверной пробой, ледоходный шип, две подковы, фрагменты ножей и ключа, бронзовое поясное кольцо, обломок шиферного пряслица, точильный брусок, два глиняных рыболовных грузила, три каменных пращевых ядра диаметрами 6–8 см, железный четырехгранный в сечении черешковый наконечник стрелы и верхняя часть бронзового сосуда.

К тому же горизонту относится постройка, остатки которой зафиксированны в виде угольно-зольных прослоек, одной в кв. VII-30, VIII-30, VI-31, VII-31, VIII-31, VI-32, VII-32, VIII-32 (рис. 105), другой – в кв. XI-31, XII-31 и смежных с ними. Слои пожарищ состояли из угольков и угольной пыли, золы и небольших включений обожженной глины красного цвета. Размеры первого пожарища – более 5 × 5 м, толщина от 5 до 12 см, в нем зафиксировано множество кусков обугленных бревен, лежащих бессистемно. Второй слой пожарища имел меньшие размеры и был сильно поврежден могильными ямами времени Отечественной войны 1941–1945 гг. и монастырской постройкой.

Под слоем пожарища при снятии третьего пласта в кв. VI-30, VI-31, VII-31, VI-32 и VII-32 исследованы остатки жилой постройки. Это – черный слой с большим содержанием угольной пыли, в котором в беспорядочном состоянии зафиксировано множество различных кусков обугленного дерева. Расчищены обугленные остатки бревен от сруба,

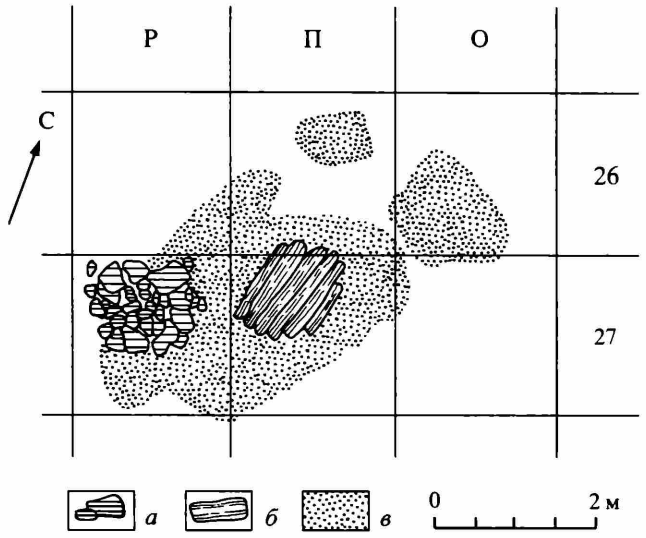

Рис. 102. План остатков постройки в квадратах О-26, П-26, П-27, Р-26, Р-27, пласт третий

а – обожженные камни, *б* – обугленное дерево, *в* – песок

который покоился на фундаментной кладке из плитнякового камня. В культурном слое сохранились лишь отдельные участки кладки, сложенной насухо в один–два яруса. На верхних камнях довольно хорошо прослеживались сгоревшие остатки стен постройки. В северном углу ее открыты остатки печи.

Основание печи было выложено плитняковым камнем. По его периметру возвышались стенки печи, сложенные из плитнякового камня на растворе из глины. Сохранились они в высоту в один–два яруса камней. Печь была четырехугольной в плане, ее внешние размеры 120 × 100 см. Пол был промазан глиной (толщина промазки 1–2 см) и имел небольшой наклон к югу, в сторону устья.

Остатки двух одновременных построек исследовались при снятии третьего пласта в кв. VIII-36, IX-36, IX-37, IX-38, X-38, XI-38, IX-39, X-39 (рис. 106). От южного строения осталась довольно мощная прослойка пожарища толщиной 5–8 см, состоящая из золы и угольков. С южной стороны она была разрушена могильной ямой. В прослойке расчищены крупные и мелкие фрагменты обугленных бревен и плах. Несколько обгорелых плах или толстых досок расчищено на границе кв. X-38 и XI-38 (рис. 107). Они были плотно подогнаны друг к другу и лежали в направлении ЮЮЗ–ССВ. Несомненно, это – остатки пола постройки. Контуры постройки не восстанавливаются, печь не сохранилась. В напластованиях, связанных с этим строением, найдены железный нож, скоба, костяной двусторонний гребень, костяная игла и фрагменты гончарной посуды.

Рис. 103. Печь-каменка постройки в квадрате Р-27 (участок 31, пласт третий). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1977 г.

От северной постройки сохранились фрагменты пола, выстланного из плитнякового камня непосредственно на грунте. Кроме того, в процессе раскопок зафиксировано большое количество плитнякового камня от пола, стронутого со своего первоначального положения. Остатки печи постройки в виде массива обожженной глины толщиной до 10–12 см исследованы в кв. VIII-36. Печь, очевидно, занимала северо-западный угол жилища.

Остатки сгоревшей постройки исследовались еще при снятии третьего пласта в кв. XII-30, XII-31 и частично в соседних. В слое пожарища расчищены обугленные остатки бревен северной и западной стен и несколько широких плах от настила пола. Кроме того, выявлены многочисленные более мелкие обгоревшие части бревен и досок. Срединная часть пожарища была разрушена могильными ямами периода Второй мировой войны. Тем не менее, можно полагать, что постройка была срубной, сруб был поставлен прямо на грунт. Печь не сохранилась.

Фрагментарные остатки сгоревших построек выявлены и во многих других местах раскопанной площади поселения. Так, на границе кв. З-42, З-43 и И-42, И-43 (пласт третий) расчищены несколько фрагментов сгоревших бревен и угол сруба, рубленного в обло, как можно судить по его остаткам, из круглых бревен диаметром не менее 20 см. Другие части этого строения не сохранились.

Немалое число жилых построек имело фундаменты, сложенные насухо из плитнякового камня.

Остатки фундаментной кладки крупной постройки изучены в кв. К-29–К-32, Л-29–Л-34, М-29–М-33, Н-32, Н-33. Фундамент был сложен насухо из плитнякового камня рваных очертаний в два–три яруса (рис. 109). Наблюдаемые разрывы в кладке обусловлены разборкой камня при последующих строительных работах. Отчетливо читаются западная и восточная фундаментные кладки, хуже сохранились южная и северная стены. От самой постройки ничего не сохранилось, но можно полагать, что она была бревенчатой и, судя по вы-

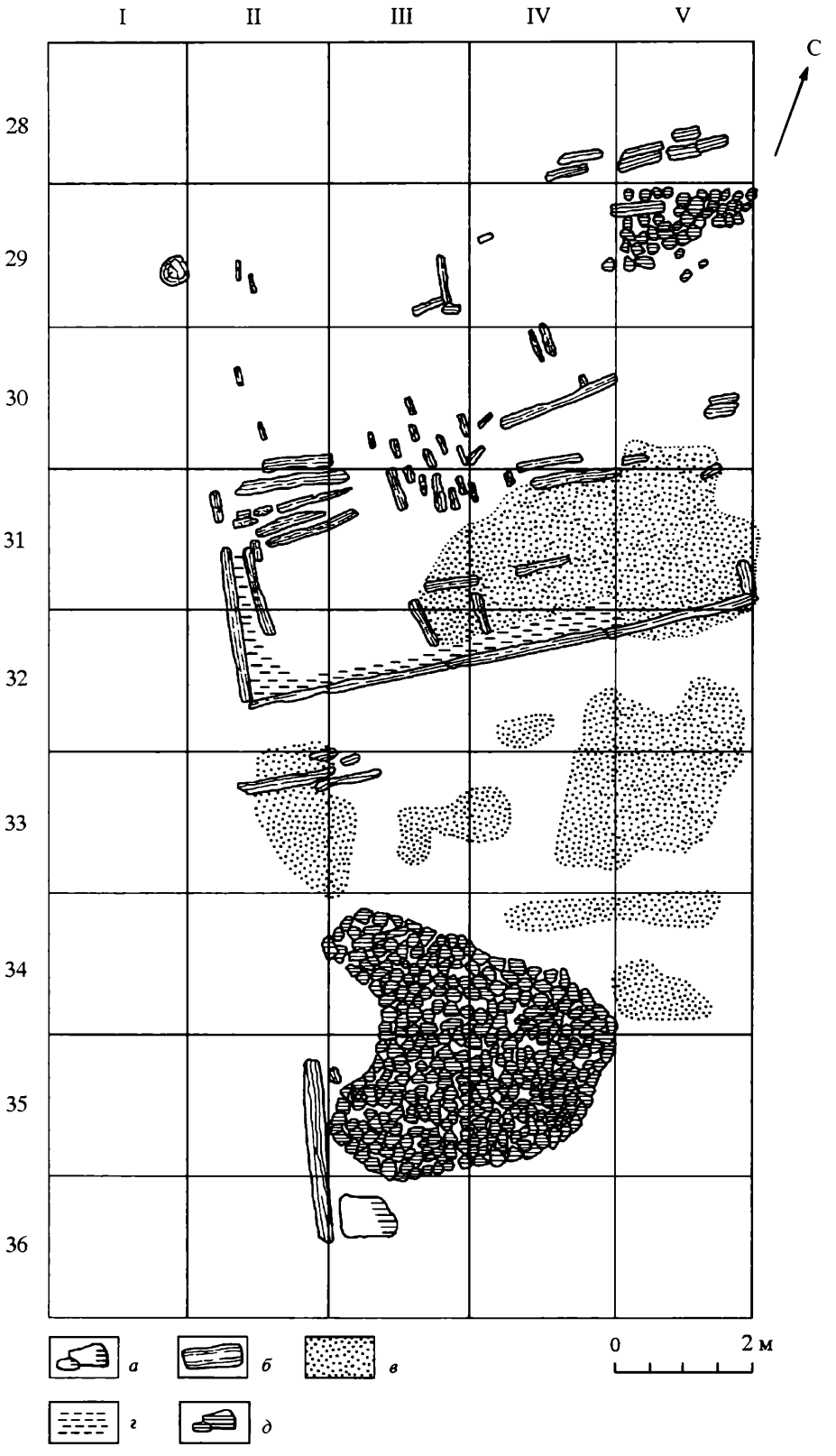

Рис. 104. Остатки построек в квадратах I-29, II-*29*–II-36, III-*29*–III-36, IV-*28*–IV-35, V-*28* – V-34, пласт второй

а – камни, *б* – обугленное дерево, *в* – песок, *г* – глина, *д* – обожженные камни

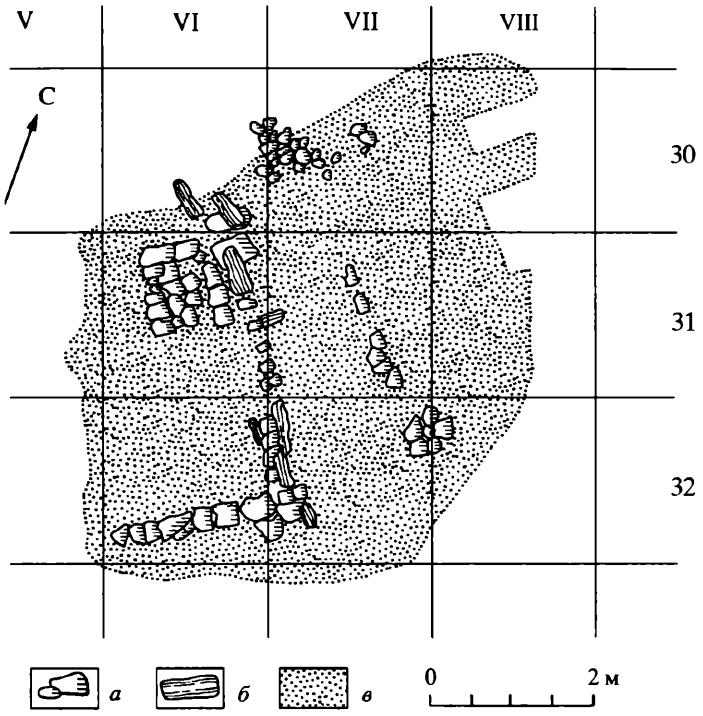

Рис. 105. План остатков постройки в квадратах VI-30–VI-32, VII-30–VII-32, VIII-30–VIII-32, пласт третий
а – камни, *б* – обугленное дерево, *в* – песок

ступам фундамента по углам, срубной. Общие размеры ее – около 10 × 4–4,2 м. Остатки печи расчищены в южной части строения, около его северо-западной стены (кв. М-32). Это – скопление булыжных камней, побывавших в огне, разбросанных на площади около 1 × 0,9 м. Плитняковые камни, образующие горизонтальную поверхность в западной части кв. К-32, по всей вероятности, являются остатками вымостки перед входом в жилище. Нужно полагать, что постройка членилась на два или более помещения, но следов перегородки при раскопках выявить не удалось. В слое, отложившемся во время функционирования постройки, кроме фрагментов древнерусской глиняной посуды найдены три шиферных пряслица, серебряная монета-привеска и части неопределимых железных предметов. К сожалению, монета, используемая как привеска, сильно стерта, почему неопределима.

Остатки одной из построек исследованы в кв. В-32, В-33, Г-33, Д-33, Е-32, Е-33. Прослежены плитняковые камни, положенные в два яруса под восточную и западную стены постройки. Сохранились отдельные камни из фундаментной кладки под южную стену, кладка под северную стену оказалась полностью разрушенной. Фундаментные камни клались, по-видимому, не сплошь, а через некоторые интервалы. В отдельных местах на подкладках расчищены остатки сгоревших бревен. В кв. Д-33 открыто крупное обугленное бревно, очевидно упавшее во время пожара. Размеры строения в плане – около 4,2 × 4,2 м. Северо-восточную часть его занимала глиняная печь, остатком которой является пятно прокаленной глины красного цвета диаметром около 1,3 м и толщиной 12–15 см. При исследовании остатков этого жилища найдены дверной пробой, железные нож и скоба, обломок костяной орнаментированной рукоятки ножа. Стратиграфическое положение остатков постройки и керамический материал дают основание отнести ее к XIII в.

Еще одно жилище занимало кв. Г-32, Г-33, Д-32, Д-33 и частично соседние с ними. Слой здесь выделялся среди окружающего наличием мелких кусков плитнякового камня. При расчистке выявлены сохранившиеся участки фундаментной кладки, сложенной насухо из плитняка в два яруса. Отчетливо прослеживались фундаменты западной и восточной стен постройки. Южная сторона сохранилась весьма фрагментарно, а северная была полностью разобрана при последующих строительных работах. Плиты фундамента положены на нижележащие культурные напластования. На отдельных камнях фундамента зафиксированы более чем скоромные остатки сгоревшего дерева. В кв. Д-33 расчищено крупное обугленное бревно. Размеры постройки – около 4,2 × 4,2 м. Остатки печи находились в ее северо-восточной части. Это – массив красной обожженной глины, округлый в плане, диамет-

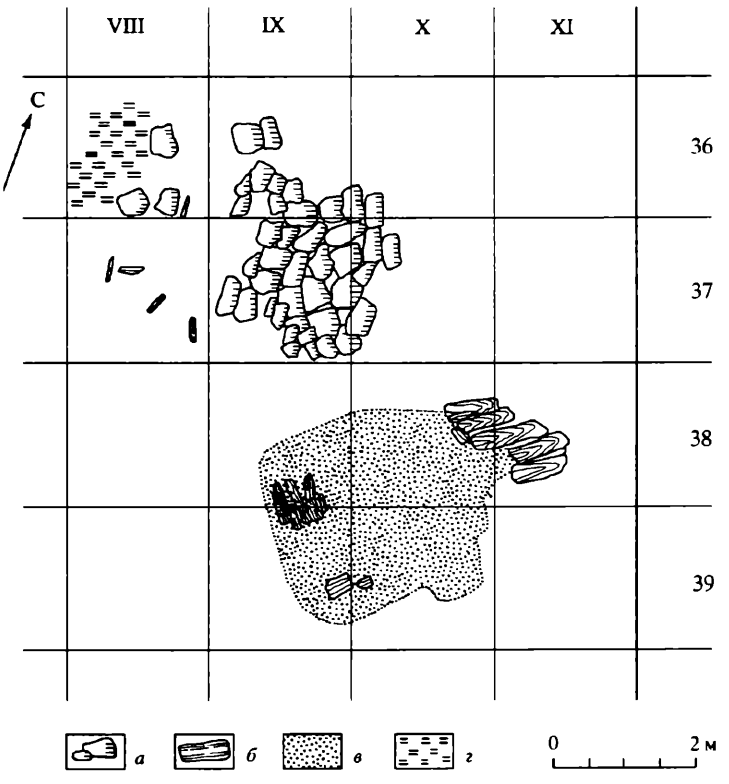

Рис. 106. План остатков построек в квадратах VIII-36, VIII-37, IX-36–IX-39, X-36–X-39, XI-38, пласт третий
а – камни, *б* – обугленное дерево, *в* – песок, *г* – обожженная глина

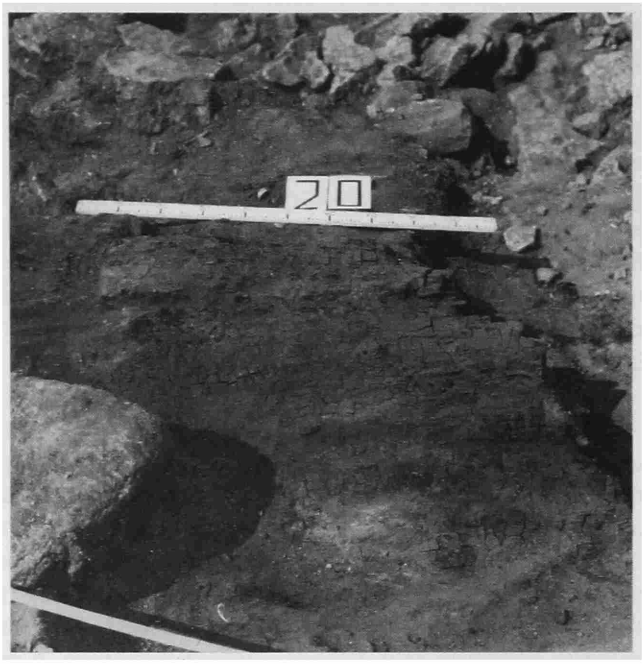

Рис. 107. Остатки сгоревшего пола постройки в квадратах X-38, XI-38 (участок 44, пласт третий). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1980 г.

ром около 1,3 м и толщиной до 12–15 см. В напластовании, связываемом с характеризуемым жилищем, кроме фрагментов древнерусской керамики найдены железные ножи, скоба, крючок, кольцо, обломки дужки ведра, фрагменты бронзовых пластинчатых браслета и перстня.

Остатки интересной постройки с фундаментной кладкой открыты при снятии третьего и четвертого пластов в кв. Ш-49, Ш-50, Ш-51, Щ-49, Щ-50, Щ-51 (рис. 110). К сожалению, жилище не было изучено полностью, так как его западная и южная части находятся под насыпью вала. Фундаменты под северную и восточную стены постройки сложены были из довольно крупных плитняковых камней, положенных насухо в четыре яруса. Сверху фундаменты имели горизонтальные поверхности шириной 30–40 см. Они были опущены в грунт (культурный слой предшествующего времени) на глубину 40–50 см до уровня материка. Северо-восточный угол постройки занимала глиняная печь, от которой остались лишь небольшие прослойки обожженной глины красноватого цвета. Под этой прослойкой был открыт опечек размерами 2 × 1,6 м. Он сложен из очень крупных плитняковых камней, поставленных по краям вертикально (рис. 111). Внутри он заполнен плотным слоем, состоящим из серой необожженной глины со множеством мелких камней. Над опечком, кроме упомянутых прослоек обожженной глины, отмечено присутствие золы. От самой постройки остались лишь разрозненные головни, не дающие какого-либо представления о ее устройстве.

Рис. 108. Остатки пола, выложенного из плитнякового камня в квадратах VIII-33 и VIII-34 (участок 42, пласт второй). Вид с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1980 г.

Следы постройки очень больших размеров изучены на стыке первого и второго пластов (в основном во втором пласте) в южной части городища (рис. 112), примыкающей к валу (кв. Л-53–Л-58, М-53–М-58, Н-53–Н-58, О-53–О-58, П-53–П-58, Р-53–Р-58, С-53–С-58, Т-53–Т-58, У-53–У-58). На отдельных участках по линии 53 прослежены остатки фундамента северной стены строения. Довольно крупные плитняковые камни были сложены насухо в один–два яруса. Длина этой стены – около 16 м. Судя по наиболее сохранившимся фрагментам фундамента, он имел ширину 0,8–1 м. Значительно хуже сохранились фундаменты западной и особенно восточной стен. Южная сторона постройки находится под полой вала, поэтому осталась неисследованной. Само строение было деревянным – в отдельных местах на камнях фундаментов прослежены остатки обугленного дерева. На площади, ограниченной фундаментными кладками, находилось большое количество камня, образующего почти горизонтальную прослойку. Кое-где на этом слое горизонтально лежали плитняковые камни, в основном разбитые или раскрошившиеся. Не подлежит сомнению, что это остатки вымостки пола постройки. Весьма вероятно, что в северо-западном углу ее находилась печь. Здесь отмечены камни со следами пребывания в огне и отсутствовали плиты пола. Судя по всему, постройка имела какое-то общественное назначение. Отсутствие каких-либо следов алтарного помещения не дает возможности определять ее как церковь. При разборке напластований, связанных с этим строением, найдены

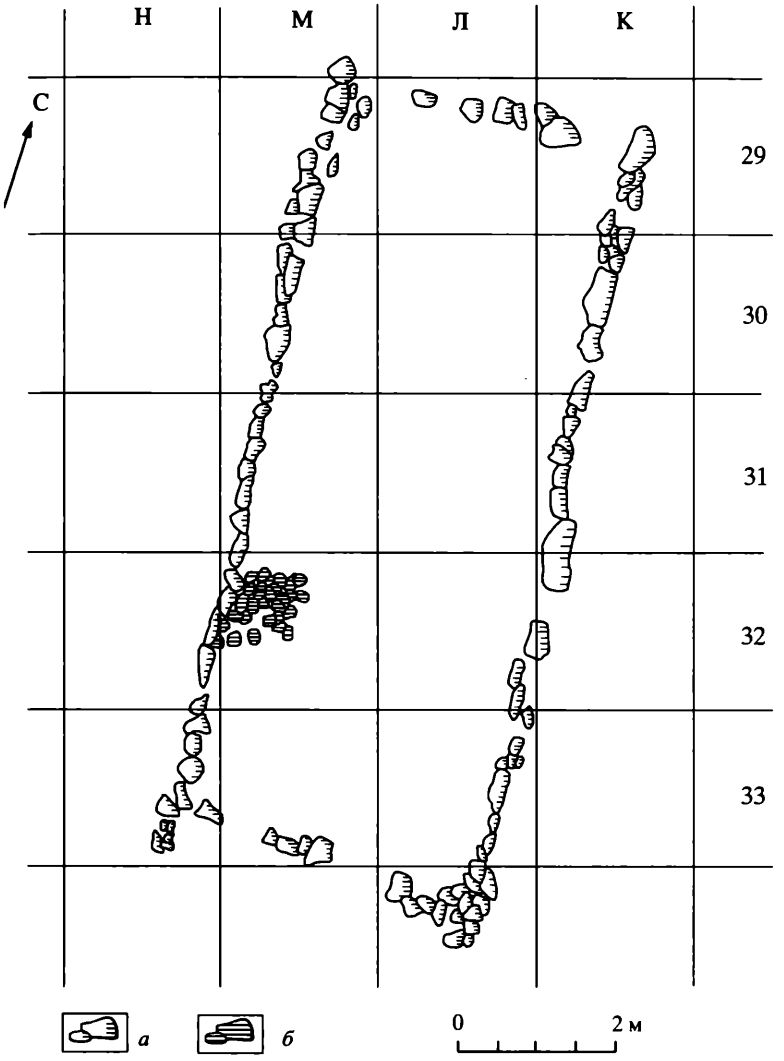

Рис. 109. План остатков постройки в квадратах К-29–К-32, Л-29–Л-34, М-29–М-33, Н-32, Н-33, пласт второй
а – камни, *б* – обожженные камни

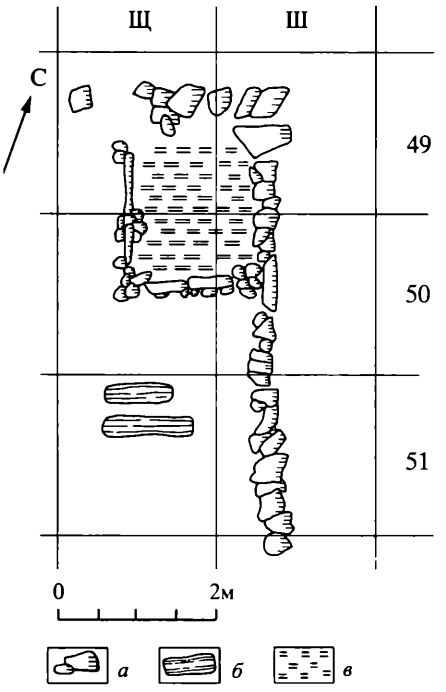

Рис. 110. План остатков постройки в квадратах Ш-49–Ш-51, Щ-49–Щ-51, пласт третий
а – камни, *б* – обугленное дерево, *в* – обожженная глина

два железных втульчатых наконечника стрел ромбического сечения (рис. 113: *5*), три ножа (рис. 113: *4*, *8*), три кресала, в том числе два калачевидных (рис. 113: *3*, *6*) и одно овально-четырехугольное (рис. 113: *7*), мощный дверной пробой, железное кольцо, несколько железных гвоздей, каменное пращевое ядро, два витых бронзовых браслета 2 × 2 (рис. 113: *2*), бронзовый крест-энколпион (рис. 113: *1*) и несколько сильно коррозированных предметов. Немногочисленные фрагменты глиняной посуды принадлежат к древнерусской керамике, которая датируется XIII в.

Фрагменты двух синхронных построек, стоявших на фундаментах из одного яруса плитнякового камня, выявлены при снятии четвертого пласта в кв. IX-34, IX-35, X-35, IX-36, X-36, VIII-38, IX-38, X-38, VIII-39, IX-39 и X-39. От строения, занимающего северное положение, сохранились фундаментные кладки под две стены, западной на протяжении 6 м и северной на протяжении 2 м. Остатками этой постройки являются еще угольно-зольные прослойки толщиной 5–8 см. Печь, как можно полагать, находилась в восточной части жилища. Она полностью была разрушена при последующей строительной деятельности. Обломки глиняной посуды, собранные при разборке прослоек и соседних напластований, принадлежат к древнерусской керамике. Кроме того, найдены железные ножи, дужка ведра, наконечник стрелы, кочедык и зонная пастовая бесцветная бусина. Остатками второй постройки являются небольшой участок плитняковой выкладки от фундамента западной стены и мощное угольно-зольное включение толщиной до 10 см. Кроме керамики в прослойке угля и золы найдена только дужка ведра.

Один из наиболее сохранившихся фундаментов исследован при снятии третьего пласта в кв. XI-29, IX-30, X-30, XI-30, X-31, XI-31 (рис. 114, 115). Он был сложен из довольно плотно подогнанных плитняковых камней в один ярус. Лишь в северной части он оказался частично разрушенным. Размеры постройки, стоявшей на этом фундаменте, – 3,7 × 3,3 м. Следов отопительного устройства не обнаружено.

Постройки на фундаментах, сложенных из плитнякового камня, были нередкими на городище. Однако во многих случаях фундаментные кладки разрушались при последующих строительных работах. В результате при раскопках прослеживались часто лишь отдельные фрагменты фундаментов.

Рис. 111. Подпечек, сложенный из плитнякового камня в квадрате Щ-50 (участок 15, пласт третий). Вид с востока. Фото В.В. Седова, 1973 г.

Некоторые постройки Изборска имели полы, вымощенные плитняковым камнем. Одна из таких вымосток исследована при снятии второго пласта в кв. Е-27, Ж-27, Ж-28. Плиты при строительстве были подогнаны вплотную друг к другу и сверху образовывали горизонтальную поверхность. Края их несколько покрошились, в результате между ними образовались пустые пространства. Размеры плит – от 25 × 15 до 50 × 35 см, толщина 5–7 см. Клались они прямо на грунт – нижележащие культурные напластования. С этой постройкой достаточно определенно связывается печь-каменка, остатки которой зафиксированы в кв. Е-28. Это было скопление валунов, побывавших в огне, и рваного плитняка. Местами прослеживались навалы камней в два–три яруса, в остальной части камни лежали разрозненно в один ярус. Под такими навалами прослеживалась прослойка желтой глины толщиной 1–3 см. Устройство и размеры печи восстановить не удается.

В ряде случаев расчищены отдельные участки полов, выстланных из плитнякового камня (рис. 116).

Из многочисленных печей, принадлежавших к полностью несохранившимся жилищам, охарактеризую небольшую их часть.

При разборке культурных напластований второго–третьего пластов в смежных частях кв. М-28 и М-29 было открыто скопление булыжных камней, лежащих в один–три яруса, которое занимало площадь около 2,2 × 1,9 м (рис. 117). Крупные камни лежали в один, более мелкие – в два–три яруса. При возведении печи был разрушен фундамент вышеописанной постройки большого размера. При разборке каменного навала установлено, что основание печи занимало прямоугольник размерами 2 × 1,8 м. Оно было выложено по периметру из крупных камней, а середина заполнена мелкими. Печь была сложена непосредственно на грунте, глина не применялась.

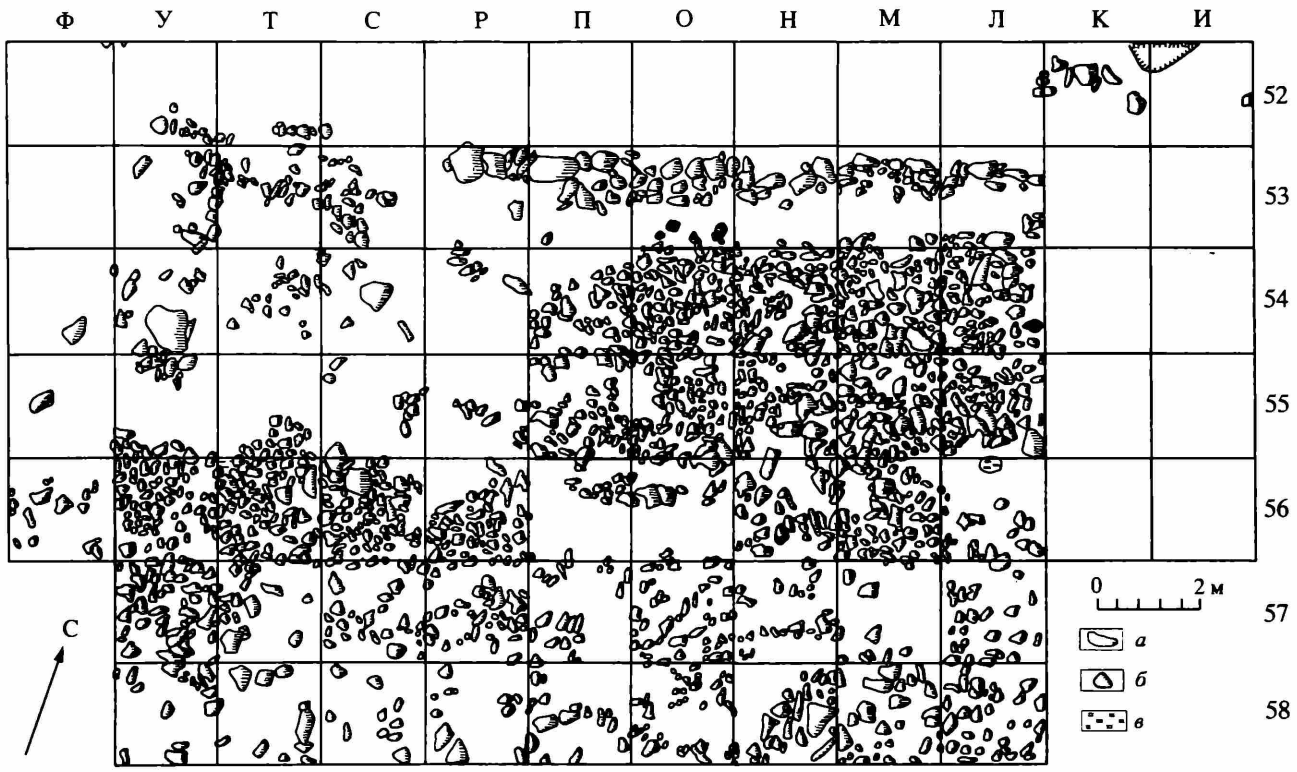

Рис. 112. План остатков постройки в южной части городища, пласт второй
а – камень; *б* – печной камень; *в* – обожженная глина

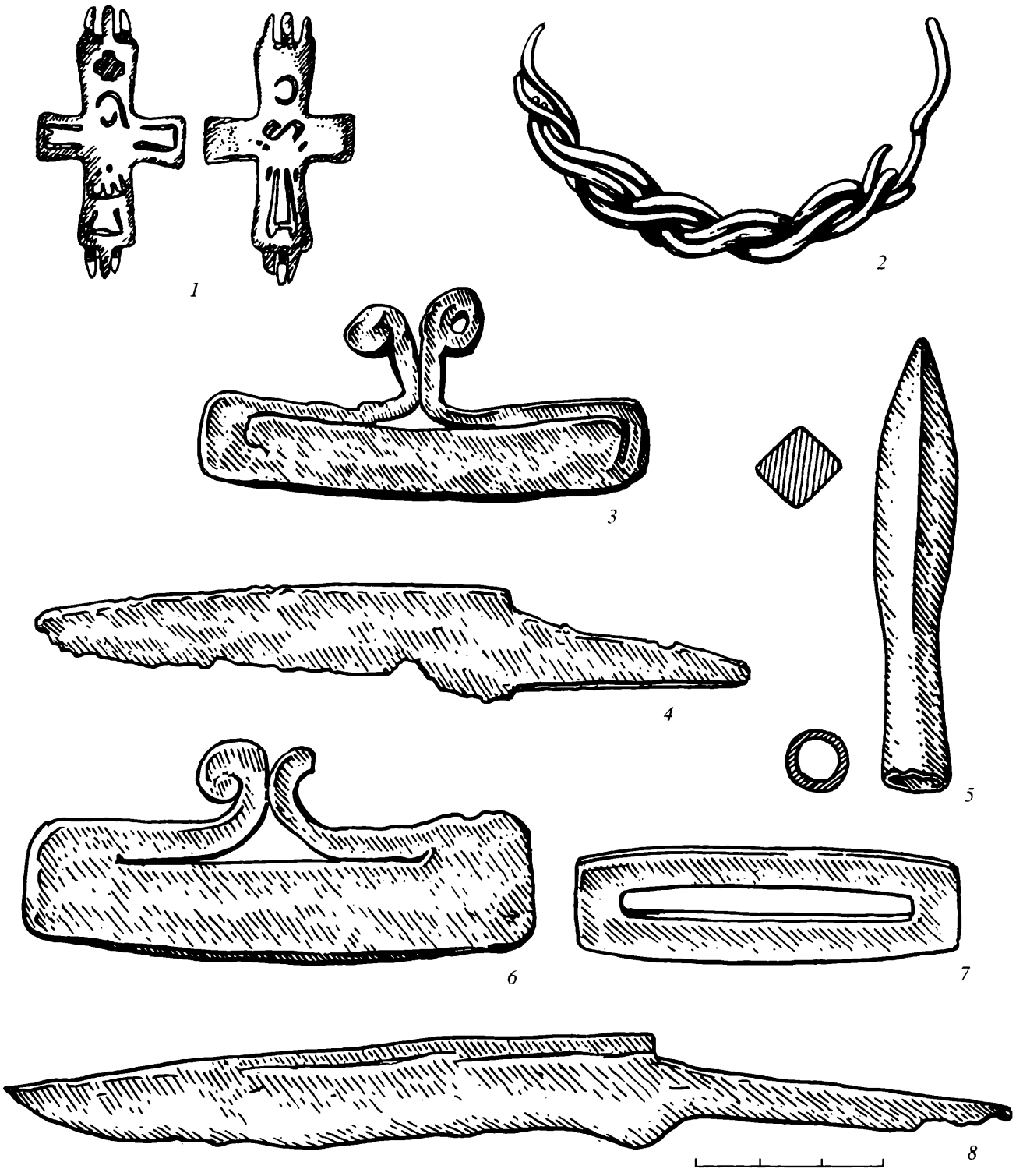

Рис. 113. Вещевые находки из культурного слоя постройки, план которой помещен на рис. 112

1 – крест; *2* – браслет; *3, 6, 7* – кресала; *4, 8* – ножи; *5* – наконечник стрелы. *1* – 2, П-53; *2, 4* – 2, С-53; *3* – 2, У-54; *5* – 2, Р-53; *6* – 2, Р-54; *7* – 2, Т-57; *8* – 2, Н-57. *1, 2* – цветной металл; *3–8* – железо

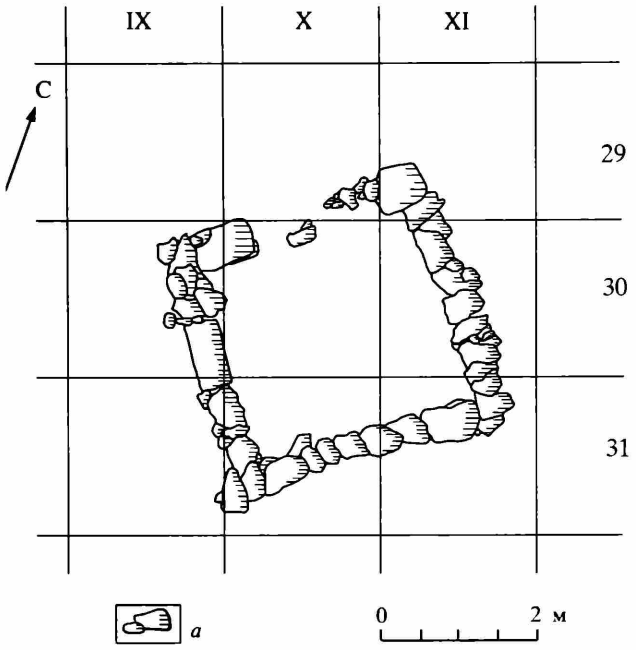

Рис. 114. План фундамента постройки в квадратах IX-30, IX-31, X-29–X-31, XI-29–XI-31 (участки 48–49, пласт четвертый)

В кв. Ф-42 при снятии четвертого пласта исследованы остатки печи-каменки в виде крупного скопления камней (рис. 118). При его разборке выявлено основание печи четырехугольных очертаний размерами 1,3 × 1,3 м. По периметру оно выложено из крупных валунных камней (до 25–40 см в поперечнике), середина была плотно забита мелкими камнями. Стены печи сохранились в три яруса камней, сложенных насухо, устье прослежено с юго-восточной стороны.

Аналогичное строение имела печь, остатки которой находились на стыке кв. С-43 и Т-43 (пласт третий). Овальное основание печи имело размеры 2,1 × 1,2 м. Его контуры выложены из крупных камней 15–30 см в поперечнике, середина плотно заполнена мелкими камнями.

Удается реконструировать устройство печи-каменки, остатки которой открыты в кв. Ж-44. Основание ее имело прямоугольную форму размерами около 1,2 × 1,2 м. По периметру были выложены более крупные камни, середину заполняли мелкие. Последние были покрыты тонкой прослойкой глины. Это был под печи. Стены ее были сложены из крупных валунных камней в три яруса. С северной стороны использовались и плитняковые камни, которые были уложены в шесть ярусов. Перекрытие печи образовывали крупные плитняковые камни. Устье печи устроено с восточной стороны.

Остатки печи-каменки с подпечной ямой исследованы в кв. У-47 (пласт четвертый). По-видимому, она функционировала продолжительное время. От печи остался крупный навал камней высотой до 30 см (рис. 119). Его изучение показало, что печь имела четырехугольное основание размерами 1,9 × 1,9 м. Сложена она была из гранитных камней различных размеров. Подпечная яма находилась непосредственно под навалом камней и была заполнена крупными камнями от печи и серым зольным слоем между ними. Форма ее прямоугольная, размеры 2,2 × 1,8 м. Вырыта она в нижележащих культурных напластованиях и в материке. Общая глубина ее около 40 см. Никаких находок в яме не обнаружено.

Крупные остатки печи-каменки исследованы при снятии второго и третьего пластов в кв. М-28 и М-29. Установлено, что основание печи было четырехугольным, его размеры 2 × 1,6 м. Края основания в ряде мест выложены более крупными камнями. Устье печи находилось с юго-западной стороны. Печь была сложена на темно-сером слое.

Остатки двух печей-каменок открыты при снятии второго пласта в кв. П-27, П-28 и Р-28, Р-29.

Рис. 115. Остатки фундамента постройки в квадратах IX-30, IX-31, X-29–X-31, XI-29–XI-31 (участки 48–49, пласт четвертый). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

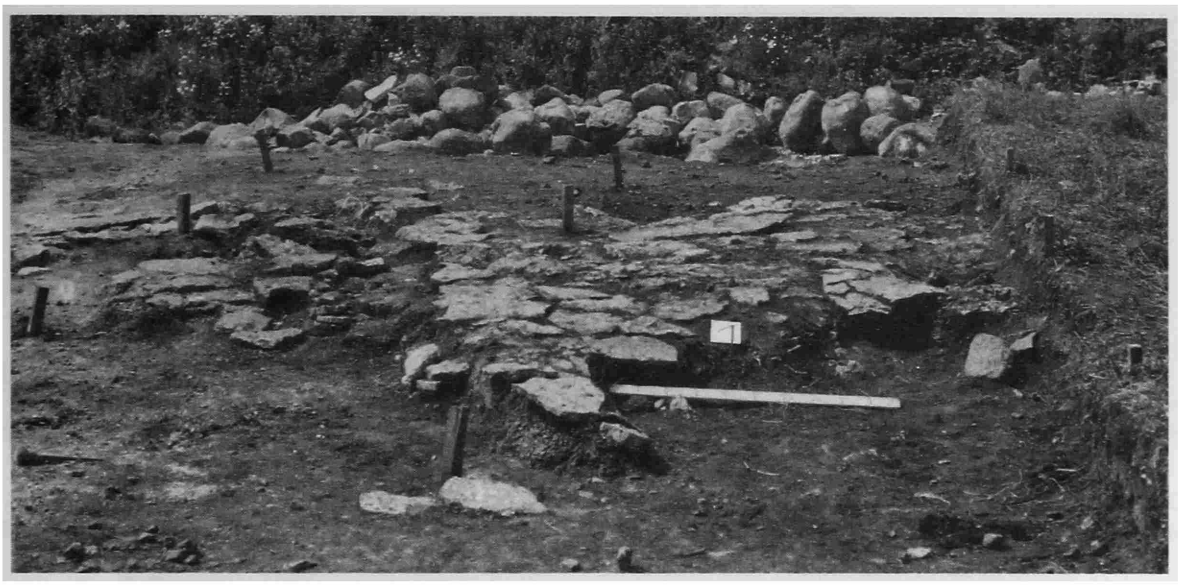

Рис. 116. Остатки пола постройки из плитнякового камня в квадратах VII-33, VII-34, VIII-33, VIII-34 (участок 42, пласты первый–второй). Вид с востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1980 г.

Остатки первой – разброс валунных камней со следами пребывания в огне. Под ними расчищено основание печи с обрамлением из камней и угольно-зольной прослойкой в середине. Оно подчетырехугольной формы размерами около 1,6 × 1,1 м. Остатки второй печи выявились сразу же после снятия вышележащей печи-каменки. Здесь камни были в значительной степени потревожены, но очевидно, что печь была сложена из валунных камней средних и мелких размеров. Основание ее близко к прямоугольному, размеры 1,3 × 1,2 м.

Одна из крупных печей расчищена при снятии второго пласта в кв. III-7, III-8, IV-7. При разборке навала камней самых различных размеров выявлено подпрямоугольное основание печи размерами 3,6 × 3 м. Контуры его были выложены из крупных булыжников (до 40 см в поперечнике). Срединную часть составлял навал обожженных камней малых размеров. Остатки другой, синхронной описанной, но менее крупной печи-каменки зафиксированы в кв. V-9 и VI-9. И здесь краевые камни имели крупные размеры, а середину составлял навал небольших камней. Основание печи было также прямоугольным, размерами 2,5 × 1,4 м.

Относительно хорошо сохранилось основание печи, исследованной в кв. А-8 и частично Б-8 при снятии третьего пласта. Оно имело форму четырехугольника размерами около 1,2 × 1,2 м и выложено по периметру из более крупных булыжных камней. Срединная часть его состояла из множества мелких камней в несколько ярусов. Какая-то часть их, по-видимому, принадлежит к развалу верхней части печи, устройство которой восстановить не удается.

Большая часть печей-каменок дошла до нас в виде скоплений камней. Таковы остатки отопительных устройств, раскопанные при снятии первого пласта в кв. VIII-30 (рис. 120, 121), второго пласта в кв. II-24 (рис. 122), пятого пласта в кв. XI-23 (рис. 123). Единичны печи с подпечками, сложенными из вертикально поставленных крупных плитняковых камней (рис. 124).

Рис. 117. Остатки печи-каменки в квадратах М-28 и М-29 (участок 30, пласт третий). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1977 г.

Рис. 118. Остатки печи-каменки в квадрате Ф-42 (участок 8, пласт четвертый). Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1972 г.

Рис. 119. Остатки печи-каменки в квадрате У-47 (участок 12, пласт четвертый). Вид с юго-запада. Фото В.В. Седова, 1973 г.

Рис. 122. Остатки печи-каменки в квадрате II-24 (участок 39, пласт второй). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

Рис. 120. Остатки печи-каменки в квадрате VIII-30 (участок 48, пласт первый). Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 123. Остатки печи-каменки в квадрате XI-23, примыкает к крепостной стене (участок 52, пласт пятый). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

Рис. 121. Остатки печи-каменки в квадрате VIII-30 (участок 48, пласт первый). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 124. Остатки печи в южной части участка 53. Вид с юго-юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

Рис. 125. Остатки глинобитных печей в квадратах VШ-28, IX-28 (участок 48, пласт шестой). Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Наряду с печами-каменками в течение всего периода жизни на городище продолжали бытовать и глиняные печи. От большинства печей до нас дошло множество массивов обожженной глины разных размеров, обычно бесформенных очертаний, что не дает представления об устройстве печей.

Некоторые из глиняных печей обкладывались плитняковыми камнями, так же как это делалось в предгородской период жизни поселения. Остатки одной из таких печей находились на стыке кв. О-46 и П-46. Это был сравнительно небольшой массив глины подовальных очертаний в плане размерами 1,2 × 1 м и толщиной до 20 см. Обкладка основания печи плитняковыми камнями, поставленными на ребро, сохранилась только с восточной стороны.

Часть печей из глины имели поды, вымощенные плитняковым камнем. Некоторое представление о таких отопительных сооружениях дают остатки печи, вскрытые при снятии четвертого и пятого пластов в смежных частях кв. VШ-28 и IX-28. На глубине 5–7 см четвертого пласта открылся массив обожженной глины размерами около 1,6 × 1,5 м (рис. 125). При его раскопках выявлено, что он сложен из остатков нескольких глиняных печей, сменявших друг друга. Довольно отчетливо прослежены полы каждой из них в виде корочек сильно прокаленной глины, покрытых спекшейся золой. Самая ранняя печь имела овальное в плане основание размерами около 1,2 × 0,6 м, сложенное из крупного плитнякового камня в два яруса (рис. 126). Кроме того, по периметру основания печи, отступя от пода печи на 15–20 см, была сделана кольцевая выкладка из небольших плитняковых камней рваной формы (рис. 127). По всей вероятности, последняя соответствует общим размерам глиняной печи – около 1,5 м в поперечнике.

В ряде случаев под массивами обожженной глины, оставшимися от печей, открыты подпрямоугольные или округлые выкладки из булыжных камней (рис. 128, 129). Нужно полагать, для большей прочности глинобитных печей.

Глиняные печи, как уже отмечено, бытовали одновременно с печами-каменками. Зафиксированы случаи возведения глиняных печей над развалами печей-каменок. Так, при снятии четвертого пласта в кв. О-30 и П-30 были исследованы остатки печи-каменки, относящейся к напластованиям догородского этапа, а выше, в третьем пласте, непосредственно над ее остатками находился массив обожженной глины, оставленной,

Рис. 126. Каменное основание глинобитной печи в квадратах VIII-28, IX-28 (участок 48). Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

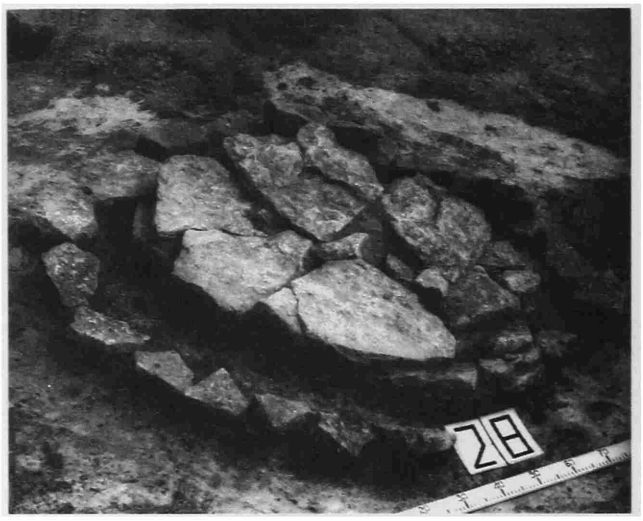

Рис. 127. Каменное основание глинобитной печи в квадратах VIII-28, IX-28 (участок 48). Вид с северо-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 128. Каменное основание глинобитной печи в квадрате V-20 (участок 55, пласт четвертый). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

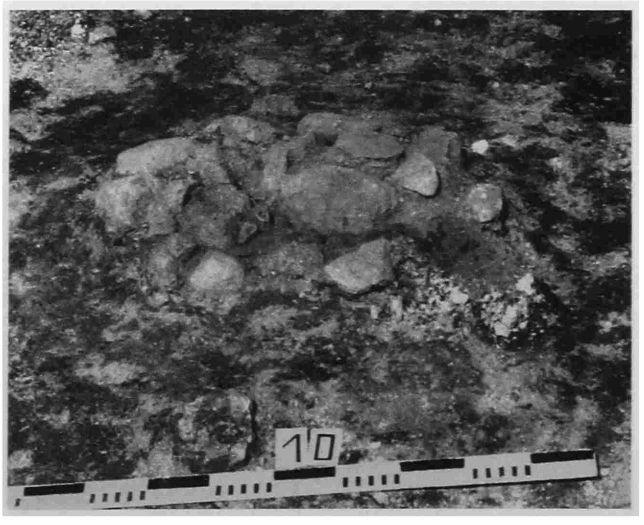

Рис. 129. Каменное основание глинобитной печи в квадрате З-35 (участок 26, пласт четвертый). Вид с юга. Фото В.В. Седова, 1976 г.

по всей вероятности, двумя глинобитными печами (рис. 130).

Производственные постройки целостно не сохранились. Фрагментарные остатки их выявлены в разных местах поселения. Так, при снятии третьего пласта в кв. Г-26 и Д-26 расчищено большое количество разрозненных камней со следами пребывания в огне, являющихся развалом печи, скорее всего, производственного назначения. Среди этих камней найдены три тигеля, один целый и два фрагментарных. Кроме того, в округе печного развала обнаружено большое количество кусков железного шлака.

Производственное назначение, по всей вероятности, имела печь, остатки которой исследованы в третьем–четвертом пластах в кв. VI-31. Сложена она была из плитнякового камня крупных размеров. В плане печь имела четырехугольную форму размерами 1,5 × 1,1 м. От ее трех стенок до нас дошла кладка из плитняка в два яруса на глиняном растворе. Устье находилось с юга. Под печи выложен также из плитняковых камней, его размеры 0,9 × 0,5 м. Устроена печь непосредственно на темно-сером культурном слое, лишь в южной части под плитами ее кладки прослежена тонкая (1–2 см) прослойка красной глины. При изучении напластований, непосредственно примыкающих к печи и отложившихся при ее функционировании, собрана исключительно древнерусская гончарная керамика, которую по форме венчиков можно отнести к XII – началу XIII в. В этом слое и в ближайшей округе обнаружено большое число шлаков бронзолитейного производства, зафиксированы также мелкие слитки меди, слиток стекла, кусок бронзовой проволоки и небольшие фрагменты неопределимых бронзовых изделий.

Очень немного можно сказать о хозяйственных строениях. Материалов для целостной характеристики деревянных построек хозяйственного назначения нет вовсе. Судя по результатам раскопок, такие строения из камня были единичными. По-видимому, одной их них была постройка, развал которой выявлен при снятии третьего и четвертого пластов в кв. VI-25, VI-26, VII-25, VII-26. Это было крупное скопление рваного плитнякового камня – остатки стен строения. После разбора навала камней открылось четырехугольное его основание. Оно было сложено из плитнякового камня насухо (рис. 131). Размеры постройки – 3,8 × 3,6 м. В слое, отложившемся во время функционирования ее, собрано большое число фрагментов керамики, датируемой XII–XIII вв. Развалы подобных хозяйственных построек исследовались и в других местах. Однако контуры их проследить не удается. Можно только полагать, что они имели меньшие размеры, чем вышеописанная.

Рис. 130. Остатки печи-каменки и перекрывающая их глинобитная печь вквадратах О-30, П-30 (участок 31, пласты третий-четвертый). Вид с востока

Рис. 131. Остатки нижней части хозяйственной постройки из плитнякового камня в квадратах VI-25, VI-26, VII-25, VII-26 (участок 52, пласт третий). Снимок сделан после снятия развала камней от ее верхней части. Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

К хозяйственным, по всей вероятности, принадлежит яма, исследованная в кв. В-25 и Г-25 (рис. 132). В плане она имела неправильно-овальную форму, ее размеры 3,2 × 2,2 м. Стенки ямы почти отвесны, дно близко к горизонтальному. На дне около северной, западной и южной стенок котлована выявлены ямы от столбов. Их размеры соответственно 50 × 30, 30 × 30 и 40 × 35 см, глубина 20, 30 и 30 см. Деревянная конструкция ямы остается неясной. Заполнен котлован был, по-видимому, одновременно слоем черного цвета с большим содержанием угольков и угольной пыли, в нем найдено 29 фрагментов гончарной и 4 обломка лепной керамики.

Некоторые дома имели подполья. К сожалению, состояние культурного слоя таково, что в большинстве случаев подпольные ямы невозможно связать с конкретными строениями. Это удалось сделать лишь в единичных случаях. Такова постройка, выявленная при снятии третьего и частично четвертого пласта в кв. VI-25, VI-26, VII-25 и VII-26. Ее следами являются остатки пола, выстланного из плитняковых камней, контуры постройки не читаются. Стратиграфически определяется, что к ней принадлежит яма, обозначенная в процессе раскопок номером 30. В плане она имела очертания неправильного четырехугольника, размеры ее – около 3,5 × 2 м, глубина 35 см, в том числе на 12 см она была врезана в материковый грунт. Стенки ямы близки к отвесным. Заполнение ямы состояло из темно-серого слоя с многочисленными

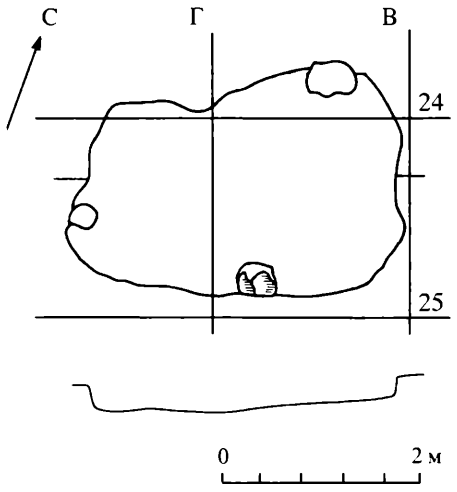

Рис. 132. Хозяйственная яма в квадратах В-25 и Г-25

включениями глины. Встречено несколько фрагментов древнерусской керамики. По всей вероятности, яма в материке была выкопана еще в догородской период. На ее дне выявлены небольшие столбовые ямки, которые конструктивно никак не могли быть связаны с характеризуемым подпольем. В их заполнениях встречены единичные небольшие фрагменты лепной керамики.

Среди исследованных подпольных ям Изборского городища имеются ямы со стенками, обшитыми деревом. На дне таких ям по углам прослежены ямы от столбов, при помощи которых плахи обшивок стен прижимались к стенкам котлованов. Не исключена и ящичная конструкция – в столбах вырезались пазы, в которые вставлялись концы горизонтально положенных плах.

Одна из таких ям открыта в кв. П-39 и смежных частях кв. І-39 и Ш-39. Ее контуры выявились на 40 см выше материка. Яма имела в плане четырехугольные очертания, размеры 2,3 × 1,8 м. Стенки ее были отвесными, дно имело небольшой наклон с запада на восток, вдоль северной стенки – небольшое порогообразное возвышение. Общая глубина ямы достигала 70 см. По углам ее имелись полукруглые выступы для столбов-стояков, прослежены их сгоревшие остатки. По краям ямы выявлены остатки обугленных плах, лежащих, по-видимому, горизонтально. Заполнение котлована составлял слой черно-серого цвета со значительной примесью песка, угля и мелких кусочков обожженной глины. При разборке заполнения встречены также камни со следами пребывания в огне, по всей вероятности, принадлежавшие печи-каменке. Яма, нужно полагать, была засыпана единовременно, после того как постройка, с которой она

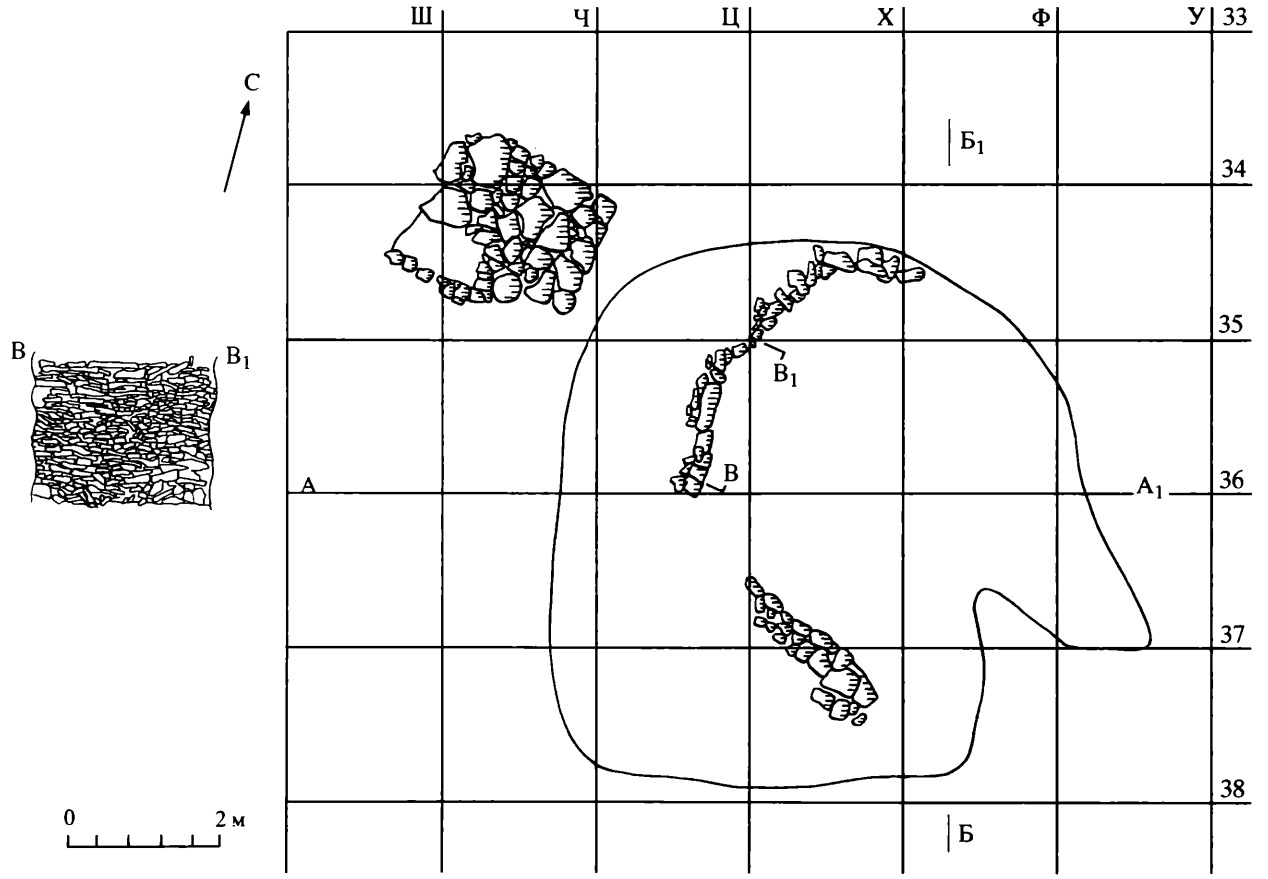

Рис. 133. План построек в квадратах У-37, Ф-35–Ф-38, Х-35–Х-38, Ц-35–Ц-38 и Ч-35–Ч-38, пласт второй

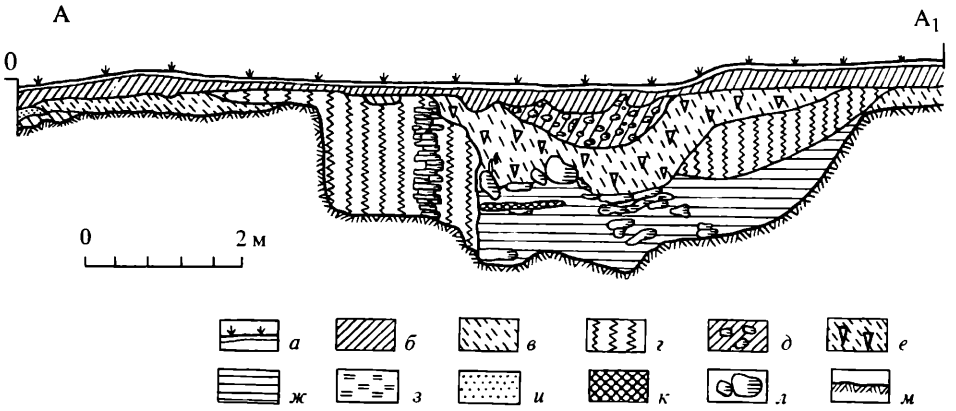

Рис. 134. Разрез заполнения котлована, идентифицируемого как поруб. Северная стенка квадратах Ш-37, Ч-37, Ц-37, Х-37, Ф-37, У-37

а – дерновой слой; *б* – темно-серый слой средней плотности; *в* – светло-серый слой средней плотности с кусочками обожженной глины и редкими камнями; *г* – щебень с песком; *д* – темно-серый слой с многочисленными камнями; *е* – светло-серый слой со щебнем; *ж* – черно-серый слой с камнями; *з* – обожженная глина; *и* – песок; *к* – черно-серый слой с угольной пылью; *л* – камни; *м* – материк

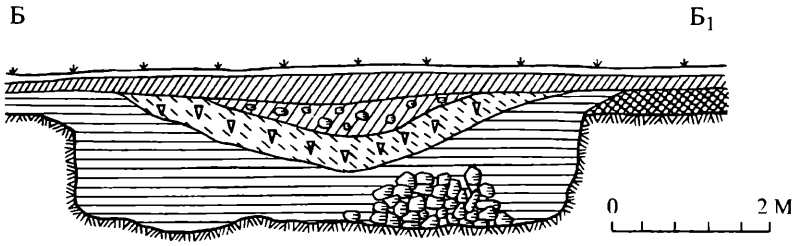

Рис. 135. Разрез того же котлована. Западная стенка квадратах Ф-38, Ф-37, Ф-36, Ф-35

Условные обозначения см. на рис. 134

связана, сгорела. В заполнении ее встречены обломки лепной и гончарной керамики раннего облика. Найдены также нож с костяной рукояткой и железный ключ.

Особняком стоит постройка, к которой относилась большая яма, раскопанная в кв. У-37, Ф-35–Ф-38, Х-35–Х-38, Ц-35–Ц-38 и в смежных частях кв. Ч-35–Ч-38. В плане она имела подчетырехугольную форму со скругленными углами, с языкообразным отростком с восточной стороны (рис. 133). Размеры ямы с севера на юг – около 7 м и около 6 м в перпендикулярном направлении (без выступа). Разрезы ее заполнения (рис. 134, 135) показывают, что яма была выдолблена в материковой (плитняковой) скале в древнерусское время, когда уже отложились напластования догородского периода с лепной керамикой (черно-серый слой с угольной пылью или светло-серый слой с кусочками обожженной глины). С четырех сторон стенки ямы почти отвесные, но с восточной стороны, там, где был выступ, стенка ямы имела наклон около 45 градусов. Дно близко к горизонтальному с некоторыми неровностями.

Заполнение ямы было весьма неоднородным, и его формирование интерпретировать затруднительно. Заполнение ямы перекрывает темно-серый слой средней плотности, свидетельствуя о том, что в самый последний период жизни на городище постройка, по-видимому, не функционировала. Какое-то время середина верхней части ямы оставалась незаполненной и постепенно заполнялась темно-серым слоем с многочисленными камнями и светло-серым с большим содержанием щебня. Нижнюю часть заполнения составлял черно-серый слой с камнями. В кв. Ф-36 и в смежных частях соседних квадратов на материке лежал навал булыжных камней без следов пребывания в огне. Полагать, что это остатки печи-каменки, оснований, кажется, нет. Общая глубина ямы 1,7 м, в том числе она углублена в материковую скалу на 1,5 м.

По всей вероятности, на первом этапе использовалось все пространство котлована. На следующем этапе внутри ямы с северо-западной и юго-западной сторон были выстроены стены из плитнякового камня, сложенного насухо. Функциональная площадь ее заметно уменьшилась до 3,2 × 3,5 м. Зазор между кладками и стенками ямы был плотно забит щебнем с желтым песком.

В слоях заполнения ямы встречено небольшое число фрагментов древнерусской керамики.

Сказать определенно, как использовалась эта яма, затруднительно. Весьма вероятно, что это

Рис. 136. Вымостка пола постройки в квадрате Ч-35 (участок 28, пласт второй). Вид с юга. Фото В.В. Седова, 1976 г.

был поруб – место заточения осужденных. Порубы в значении "заточение" неоднократно упоминаются в древнерусских летописях и грамотах. Псковские летописи сообщают под 1036 годом: "Разгневася Ярослав великий князь на меньшаго брата своего Судислава и всади его в поруб в Плескове в темницу до живота своего; оклеветан бо бе" (ПЛ-2. С. 76). Согласно В.Н. Далю, поруб – погреб, темница, яма со срубом (*Даль*, 1980. С. 323–324). Археологически ямные порубы были выявлены в Киеве на территории "города Ярослава" и в Изборской крепости XIV–XVI вв. Последнему посвящена специальная статья А.Р. Артемьева (1987. С. 219–223).

На Изборском городище рядом с описанной ямой-порубом исследованы остатки небольшого сооружения, предположительно трактуемого как караульное. От постройки сохранилась лишь вымостка пола из хорошо подогнанных плитняковых камней (рис. 133, 136). Под вымостку пола был использован жернов. Отчетливо читаются северный, восточный и отчасти южный края вымостки, дающие возможность определять размеры постройки как 2,0 × 1,9 м. Она была бревенчатой (очевидно, срубной) – остатки западной и северной стен прослежены в виде полос коричневатого тлена или древесной трухи. Внешние размеры постройки 2,3 × 2,2 м. В ее западном углу плитняковый пол отсутствовал, вероятно, здесь располагалось какое-то отопительное устройство. При разборке пола в пазу между полом и стеной постройки найден железный наконечник копья (его характеристика дана ниже), что и позволяет трактовать ее как караульное.

Оборонительные сооружения

Деревянная крепость детинца

Как отмечено выше, городской период в истории Изборска начинается с возведения в северной части городища деревянной крепостной стены. В результате в укрепленной части поселения выделился детинец, а пространство между его крепостной стеной и валом стало окольным городом.

Следами ограды детинца являются исследованные при раскопках канавки, разрезавшие нижележащие культурные напластования и уходившие в материк. Общий план их показан на рис. IX.

Полосы более темного слоя, характерного для заполнений канавок, в ряде мест отчетливо читались при зачистках верхних поверхностей догородских напластований (рис. 137, 138). Канавки с выбранным заполнением фотодокументированы – см. рис. 139 и 140.

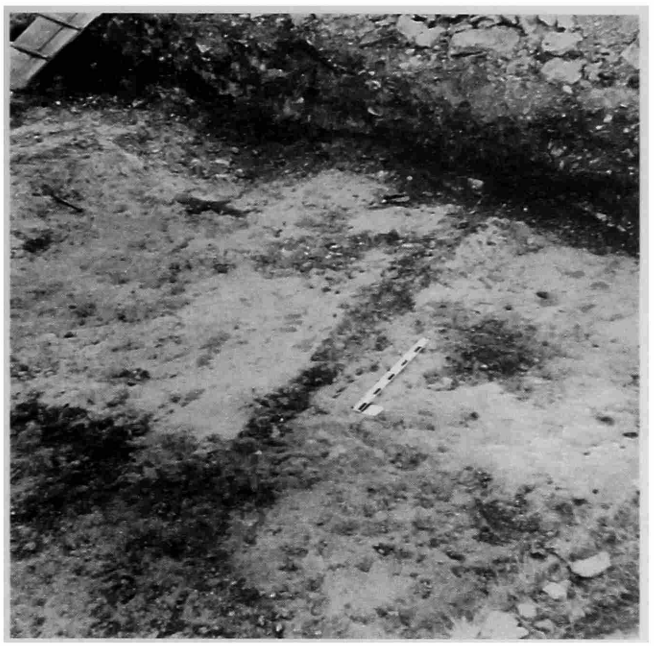

Рис. 137. Следы ограды от частокола в квадратах Б-47 и Б-48 (участок 9). Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1973 г.

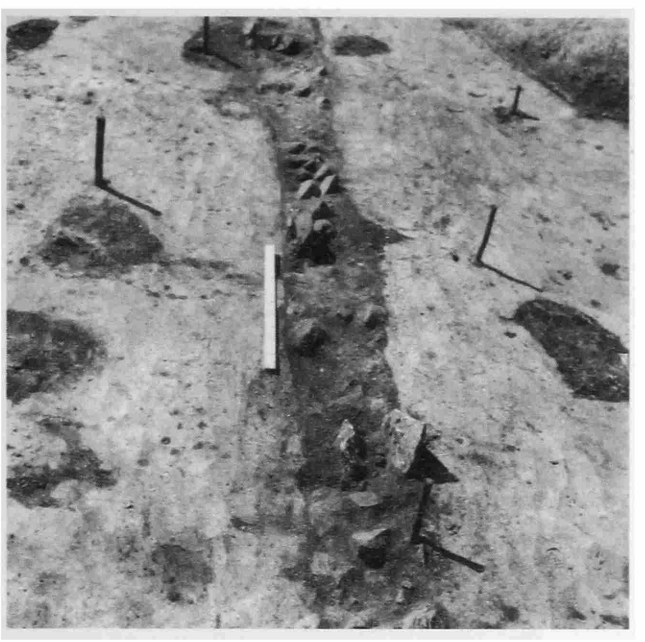

Рис. 138. Канавка от частокола на участке 37. Вид с востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

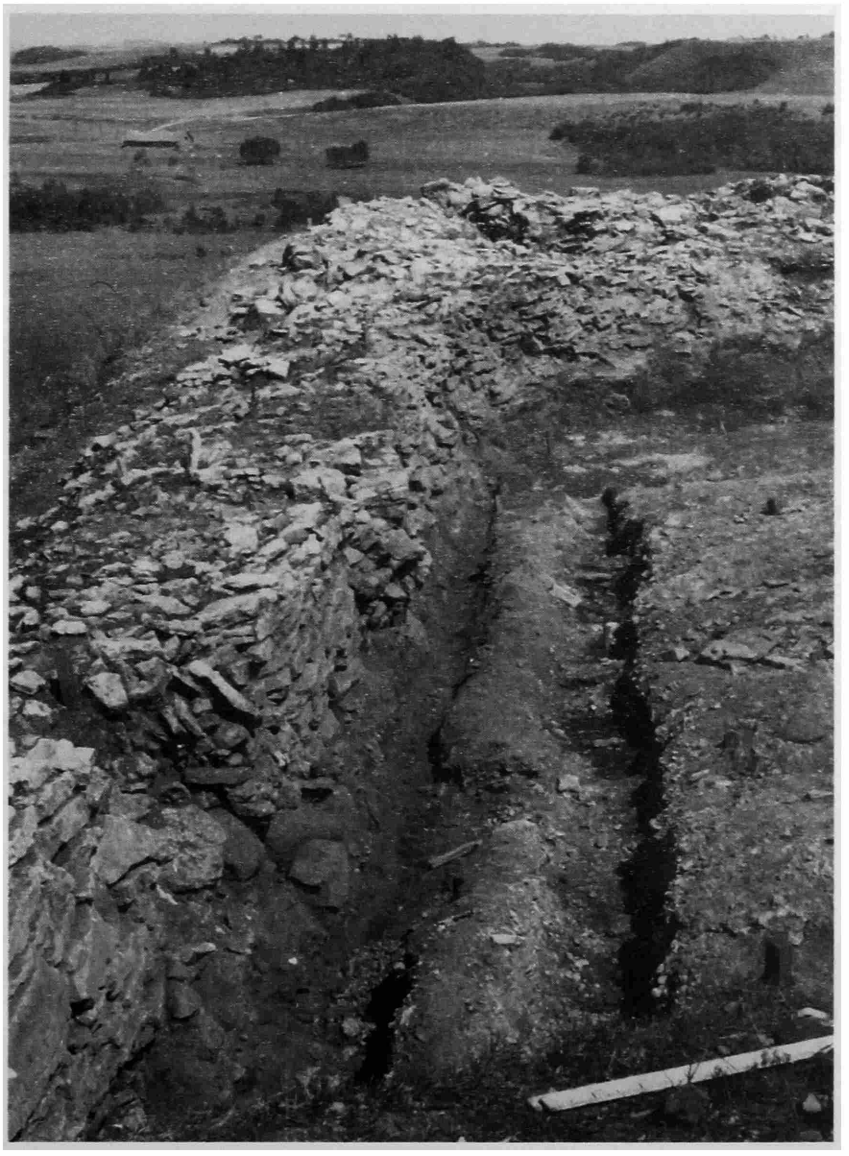

Рис. 139. Канавки от частокола на участке 22 после выборки их заполнений. Вид с юга. Фото В.В. Седова, 1975 г.

Рис. 140. Канавки от частокола на участке 27 в процессе выемки заполнения. Вид с запада. Фото В.В. Седова. 1976 г.

Рис. 141. Остатки обкладки нижних частей частокола плитняковым камнем на участке 9. Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1973 г.

Строение канавок с заполнениями показано на профилях (рис. 23: Б, В), разрезы их нижних частей, уходящих в материк – на рис. 145. На основании изучения заполнений канавок на различных участках раскопанной площади можно вполне определенно утверждать, что в них находились нижние концы частокольной ограды. В ряде случаев в темно-серых слоях с большим содержанием песка отчетливо фиксировались темно-коричневые следы от сгнивших стояков. Во многих местах в канавках открыты плитняковые камни, находившиеся в вертикальном положении, которыми для прочности забивались пространства между столбами и их стенками (рис. 141). В ряде мест на дне канавок в материке расчищены углубления, образовавшиеся от стояков, а для некоторых из них были вырыты и неглубокие ямы.

Для более детального представления устройства укреплений детинца можно описать их остатки на участках раскопа 1976 г. Общая ширина канавок здесь – от 0,5 до 1 м. Стенки их были или отвесными, или слегка наклонными, дно было горизонтальным или имело форму желобка. Заполнение состояло из серой супеси с многочисленными камнями, в отдельных местах канавки были заполнены желтым песком со щебнем. При изучении слоя заполнения канавок зафиксированы следы столбовых ям. Так, одна из них находилась в северо-западном углу кв. Е-34, другая в кв. Ж-34. Диаметры столбов 35–50 см. В столбовой яме, находящейся в кв. К-34, открыты плитняковые камни, зажимавшие стояк. Там, где имелись столбовые ямы, во всех случаях отмечены коричневатые пятна от сгнившего дерева. Каких-либо находок и керамики не встречено.

Изучение остатков крепостной стены позволяет говорить, что частокол был сооружен из бревен

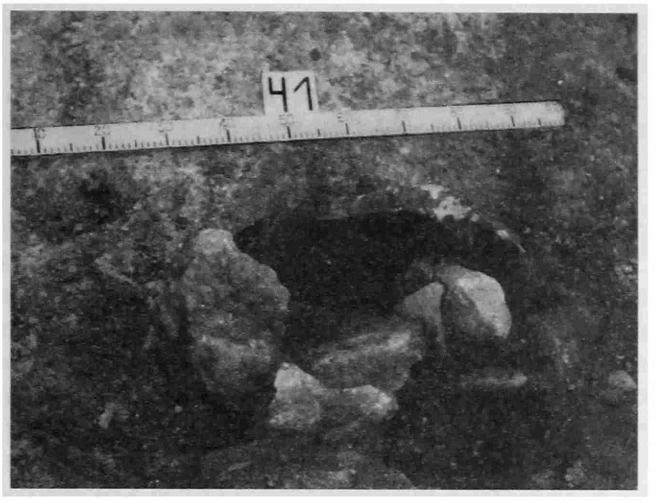

Рис. 142. Столбовая яма в квадрате IV-35 (участок 37), основание которой укреплено камнями. Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1979 г.

диаметром около 30 см. Судя по раскопкам в кв. Е-34, Ж-34, З-34, И-34, К-34, через каждые 1,5–2 м, очевидно, для большей прочности крепостной стены ставились стояки несколько большего диаметра (30–40 см). Для большей надежности обычно они крепились камнями, которыми забивались в пространства между столбами и стенками ямы (рис. 142).

Одновременно со строительством стены детинца по краю городищенской площадки был сооружен частокол. Остатки нижних полусгнивших частей его выявлены лишь на небольшом участке в кв. Ц-32 и Ч-33 на протяжении 2,5 м (рис. 143). Определено, что для возведения частокола здесь использовался дуб. Синхронной с этой частокольной

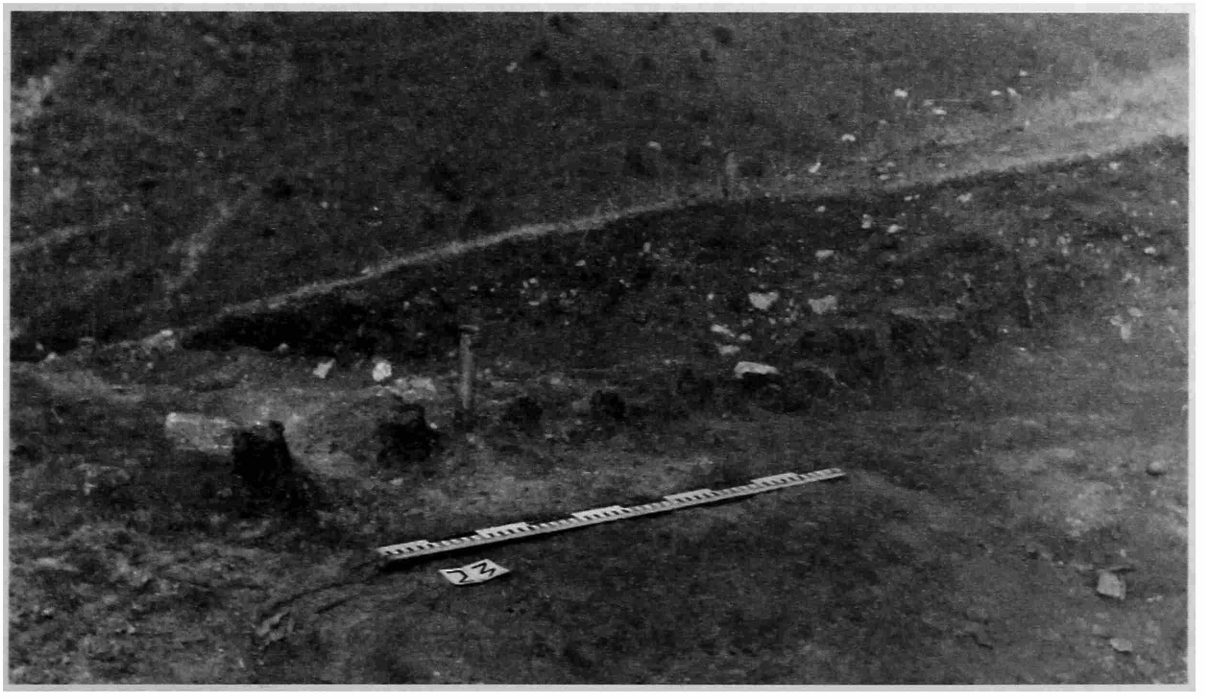

Рис. 143. Остатки частокола на участке 28. Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1976 г.

оградой является вышеописанная постройка, остатки которой изучены в смежных частях кв. Ч-34, Ч-35 и Ш-34. Она интерпретирована как помещение для караула и функционировала продолжительное время.

Выявлено два ряда канавок от крепостной стены детинца. Расстояние между ними колеблется от 0,5–1 до 3,5–4 м. Первоначально предполагалось, что детинец имел ограду из двух параллельных рядов деревянных конструкций и пространство между ними могло быть заполнено грунтом. Однако никаких следов такого грунта раскопками обнаружить не удалось. Остается неоправданной и удаленность рядов частокольных стен на значительные расстояния. В этой связи представляется более вероятным, что мы имеем дело с остатками стен двух периодов их возведения. Если это так, то первоначальной была стена детинца, следами которой является внутренний ряд канавок. На втором этапе первоначальная стена была разобрана и выстроена подобная, охватившая чуть большую территорию.

Подтвердить это предположение какими-либо стратиграфическими разрезами или вещевыми и керамическими находками, к сожалению, не представляется возможным. Материалы, которые вполне определенно связываются с характеризуемыми остатками крепостных сооружений, крайне малы и невыразительны. Промежуток времени между первым и вторым этапами строительства стен детинца был, по-видимому, весьма небольшим.

В южной части частокольной стены детинца исследован воротный проезд (рис. 144, 145). Его основу составляли четыре мощных столба, для нижних частей которых в плитняковом материке были вырублены ямы глубиной свыше 1,5 м. Северо-западная яма сверху имела неправильно овальные очертания, но уже на глубине 10–15 см приобрела округлую в плане форму. Стенки ее близки к отвесным (глубина 1,7 м), дно горизонтальное диаметром 1 × 0,8 м. Заполнение ямы в верхней части – темно-серый слой с многочисленным щебнем, в нижней – щебень с крупными плитняковыми камнями. Последние находились в вертикальном положении и прижимались к стенкам ямы. Вполне очевидно, что плиты "зажимали" основание столба диаметром около 0,75 м. В заполнении ямы

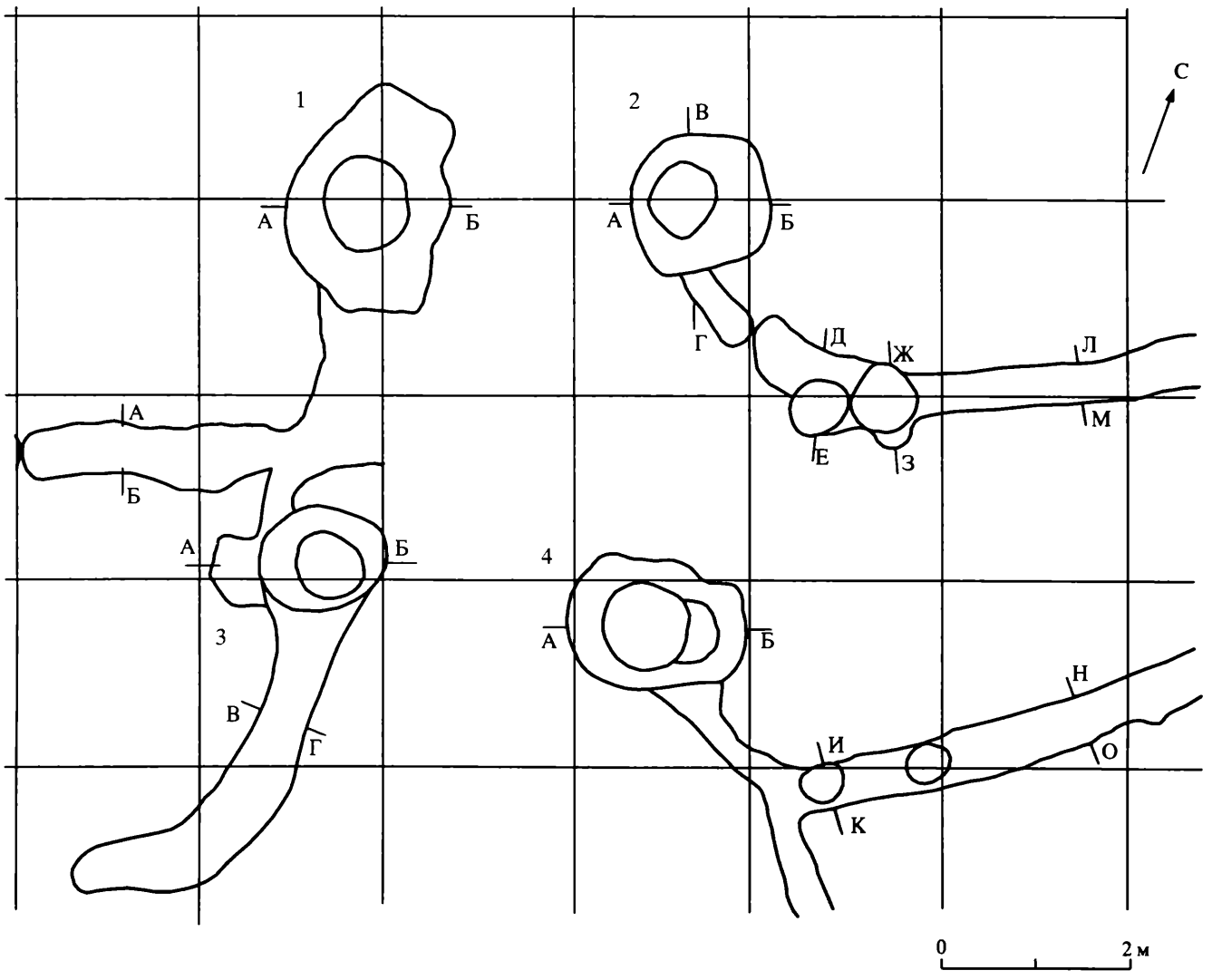

Рис. 144. План воротного проезда детинца

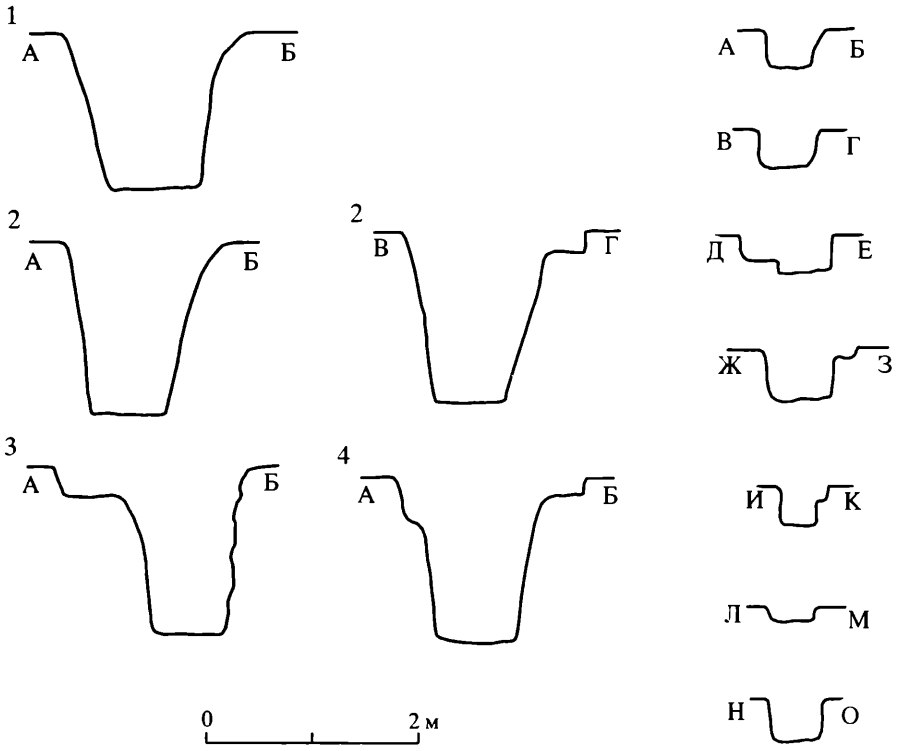

Рис. 145. Разрезы ям и канавок укреплений детинца в районе воротного проезда

встречены единичные невыразительные фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Аналогичными по строению и заполнению были и другие ямы, связываемые с воротным устройством. Нижнее заполнение северо-восточной ямы состояло из плотно слежавшегося щебня с плитняковыми камнями по краям. Глубина ее 1,6 м, размеры днища 1 × 0,8 м. При разборке заполнения удалось определить диаметр столба – 0,7–0,8 м. Каких-либо находок в заполнении этой ямы не оказалось. Юго-западная яма сверху имела диаметр 1,4 м, нижняя часть ее имела отвесные стенки, дно горизонтальное. Общая глубина ямы 1,6 м. Изучение заполнения ямы показало, что предназначалась она для столба диаметром около 0,8 м, пространство между столбом и стенками ямы забивалось плитняковыми и булыжными камнями. В верхней части заполнения встречено несколько мелких фрагментов лепной и раннегончарной керамики. Такие же строение и заполнение имела и юго-восточная яма, имевшая глубину 1,5 м и округлое горизонтальное дно размерами 1 × 0,9 м. Судя по плитняковым камням, которыми забивалось пространство между стенками ямы и столбом, последний имел диаметр 0,7–0,9 м. Никаких находок в заполнении ямы не обнаружено.

Эти четыре мощных столба и составляли основу воротного устройства, реконструировать которое документально не представляется возможным. Ширина прохода определяется в 2,5–2,1 м. Боковые стороны ворот, как можно полагать, были сложены из бревен, концы которых, обработанные соответствующим образом, входили в пазы вертикальных столбов. Таким же или каким-то другим приемом с северо-восточным столбом были скреплены и концы одной из стен детинца. Стена же, шедшая в западном направлении, была связана с боковой бревенчатой стеной воротного проезда.

В 12 м к западу от ворот у ограды детинца (кв. К-35) лежит огромный камень (рис. 146, 147; IX). Его размеры в основании – 1,4 × 1,3 м, высота – свыше 1 м. На уплощенной вершине сделано искусственное углубление. Несомненно, это культовый камень, положенный изборянами при строительстве частокольной ограды детинца. Находится он на тонком культурном слое, который мог быть спрессован тяжестью камня. При раскопках после соответствующей фиксации он был оставлен нетронутым и по окончании работ засыпан грунтом.

Точное время сооружения укреплений детинца установить невозможно. В слоях, заполняющих канавки от частокольной ограды, встречены преимущественно мелкие фрагменты глиняной посуды. Керамики немного, на многих участках ее не встречено вовсе. В целом в заполнениях заметно преобладает лепная керамика, но есть и фрагменты раннегончарной посуды. Исследуемые напластования имеют двоякое происхождение. В значительной части канавки были заполнены грунтом уже строителями частокола. Для этого использовался уже отложившийся на городище культурный слой, чем, по всей вероятности, и обусловлено доминирование фрагментов лепных сосудов.

Наличие единичных обломков гончарной посуды, кажется, свидетельствует о том, что время сооружения частокола соответствует появлению в Изборске такой посуды, которая первое время бытовала одновременно с лепной. Однако какая-то часть керамики могла попасть в заполнение канавок и во время разрушения частокола. Дифференцировать заполнения на первоначальные и вторичные не представлялось возможным.

В юго-западной части городища исследованы следы частокола в виде канавок, вырытых в нижних горизонтах культурного слоя и материке. Этот частокол, как можно полагать, ограждал какую-то усадьбу. Следы частокольной ограды, шедшей с севера на юг в виде канавок, зафиксированы в кв. Б-45, Б-46, Б-47, Б-48 и Б-49 (рис. 137). В кв. Б-45 частокол под прямым углом поворачивал на запад и пересекал квадраты сначала по линии 45, затем по линии 47, северной части линии 48 и завершался в кв. Ш-48, где прерывался стратиграфически более поздней ямой. Канавки от частокола идентичны вышеописанным от ограды детинца. Ширина их колеблется от 35 до 40 см, глубина – около 30–40 см. Заполнение их различно, в отдельных местах это сероватая супесь, в других – черный слой, однородный с нижележащими напластованиями. В отдельных местах по краям канавок выявлены плитняковые камни, лежащие почти вертикально. Вполне очевидно, что они крепили нижние части стояков частокольной ограды. В кв. К-46 и Н-46 выявлены столбовые ямы от этой ограды. Их диаметры 35–45 см, глубина в материке – от 10 до 45 см. Каких-либо находок в заполнениях канавок не обнаружено. В какое-то время частокол, по всей вероятности, был ликвидирован. Остатки некоторых печей последующего этапа жизни поселения находились на месте засыпанных канавок. Это дает основание полагать, что частокол по времени синхронен описанному выше детинцу. По-видимому, и устройство его в общих чертах было идентичным ограде детинца.

Частокольной оградой была выделена значительная площадь размерами 52 м с запада на восток и 26–30 м с севера на юг. Судя по тому, что в западной части ограда имеет несколько иное направление, чем в восточной, не исключено, что эта

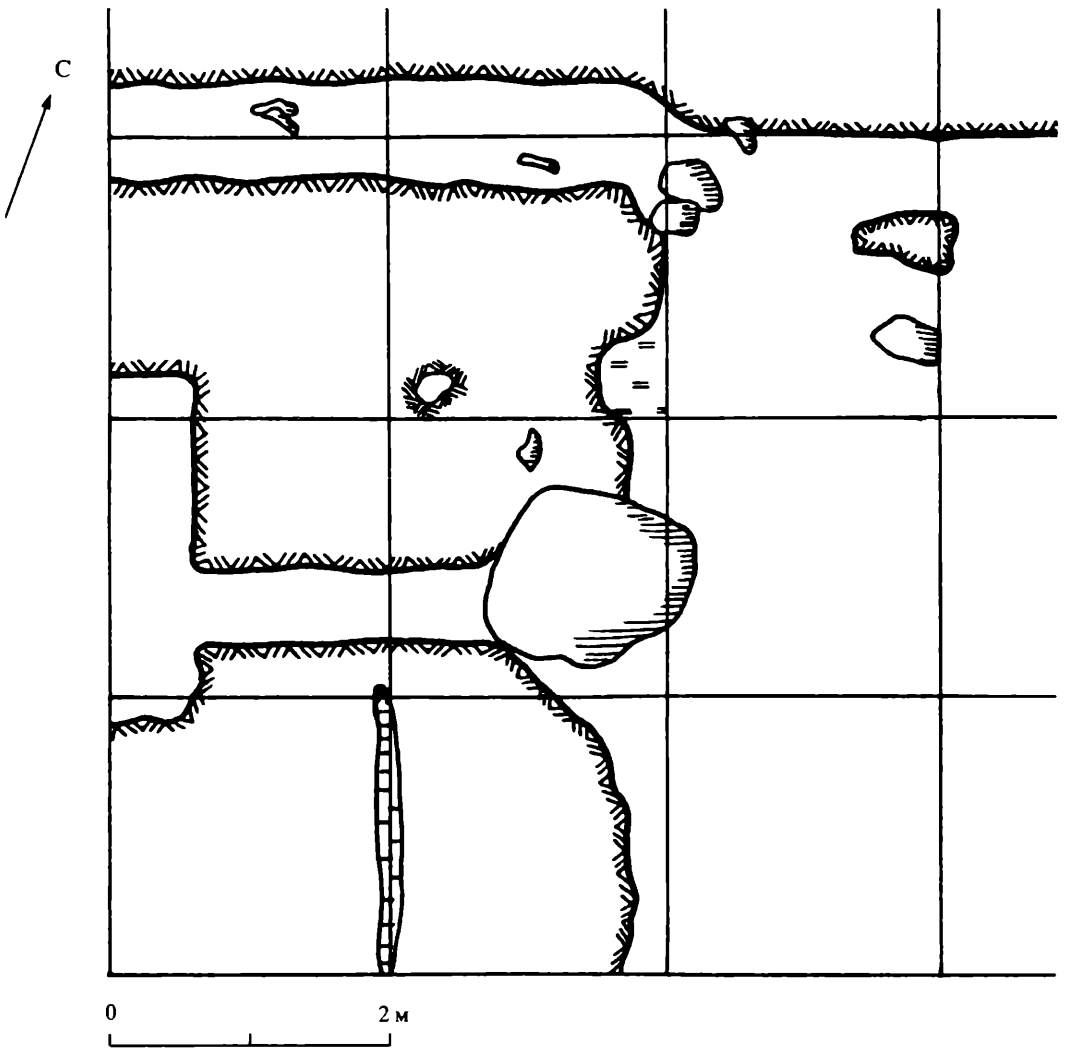

Рис. 146. План участка 26. Показаны материковые ямы и культовый камень в квадрате К-35

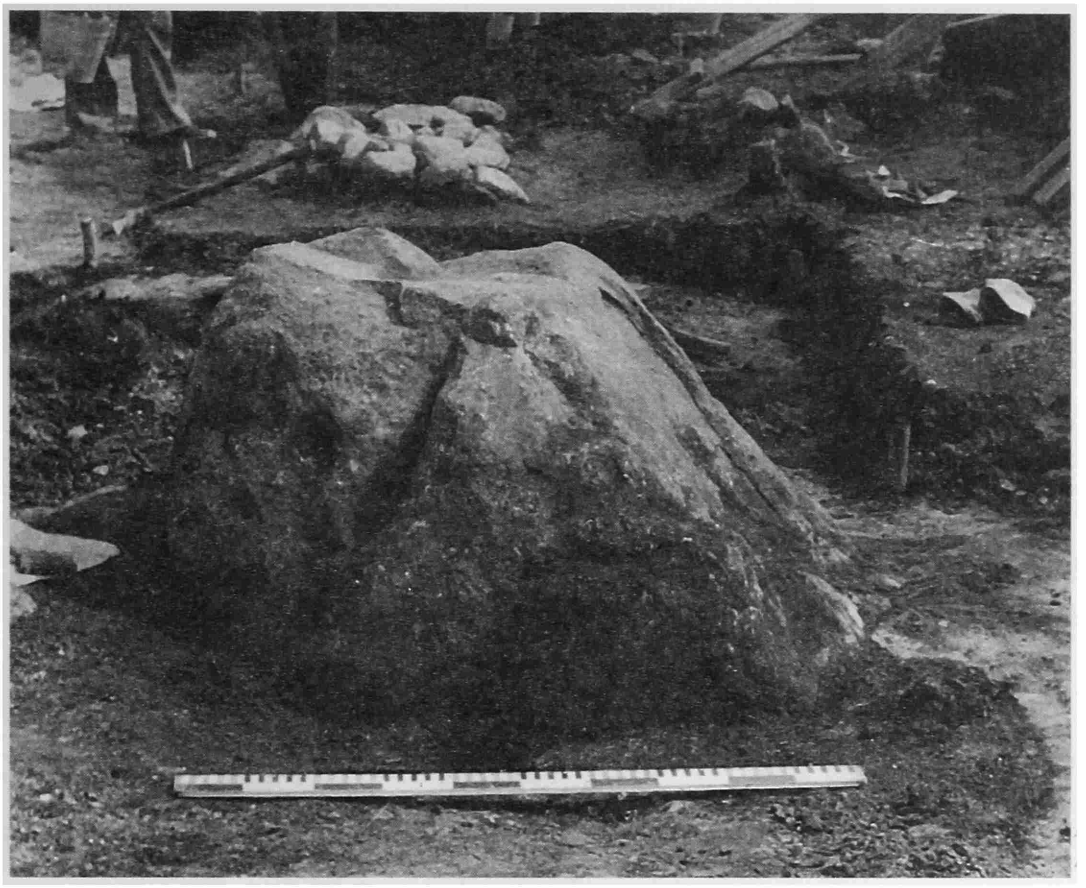

Рис. 147. Культовый камень близ ворот в детинец (квадрат К-35, участок 26). Вид с запада. Фото В.В. Седова, 1976 г.

площадь была разделена на два участка. Однако каких-либо следов разделяющей ограды раскопками не зафиксировано. На площади, огражденной частоколом, исследованы остатки глиняных печей и печей-каменок, идентичных с остальными. В кв. М-49, М-50 и М-51 выявлены остатки сгоревшей постройки в виде черного слоя с многочисленными углями и беспорядочно лежащими головнями. Каково было устройство и размеры этого жилища, выяснить не удается. Другие строения здесь не сохранились вовсе.

Каменная крепость

Остатки каменной крепостной стены (рис. X) впервые открыты на участке 21 в 1974 г. (рис. 148–150). Расчищен был отрезок стены длиной около 20 м, сохранившейся на высоту до 1 м. Тщательному исследованию подвергнута внутренняя облицовка стены (рис. 151, 152), внешняя сохранилась лишь в отдельных местах, она в значительной степени разрушилась, и ее остатки упали на крутые склоны оврага.

Ширина стены равнялась 3–3,2 м. Облицована она крупными блоками местного плитнякового камня. Размеры отдельных плит от 20 × 30 до 50 × 70 см при толщине до 20–25 см. В основном это была сухая кладка, лишь в отдельных местах применялся глиняный раствор, еще реже – известковый, по-видимому, там, где стена позднее ремонтировалась. Срединная часть стены между облицовками состояла из рваного плитняка и щебня, среди которых отмечены куски известкового раствора.

Для изучения основания стены был заложен шурф размерами 1 × 1 м, который показал, что на культурном слое была сооружена подушка из красной глины и небольших булыжных камней толщиной от 12 до 40 см (рис. 152). Отмечено, что она в ряде мест была шире стены и выступала за ее пределы на 15–25 см.

Время сооружения крепостной стены стратиграфически определено приблизительно концом XI – началом XII в. Для напластований, отложившихся после ее возведения, свойственна глиняная посуда, идентичная той псковской, которую В.И. Кильдюшевский относит к первому этапу керамического производства этого города и датирует ее XII–XIII вв. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 28–30).

Выявлено несколько разрушений стены. Общее состояние ее допускает предположение, что часть плитнякового камня отсюда была использована при строительстве крепости на Жеравьей горе.

Остатки каменной стены изучались и в последующие годы раскопок городища. По западному краю городищенской площадки южнее участка

Рис. 148. Остатки крепостной стены на участке 21. Вид с юга. Фото В.В. Седова, 1974 г.

Рис. 149. Остатки крепостной стены на участке 21. Вид с севера. Фото В.В. Седова, 1974 г.

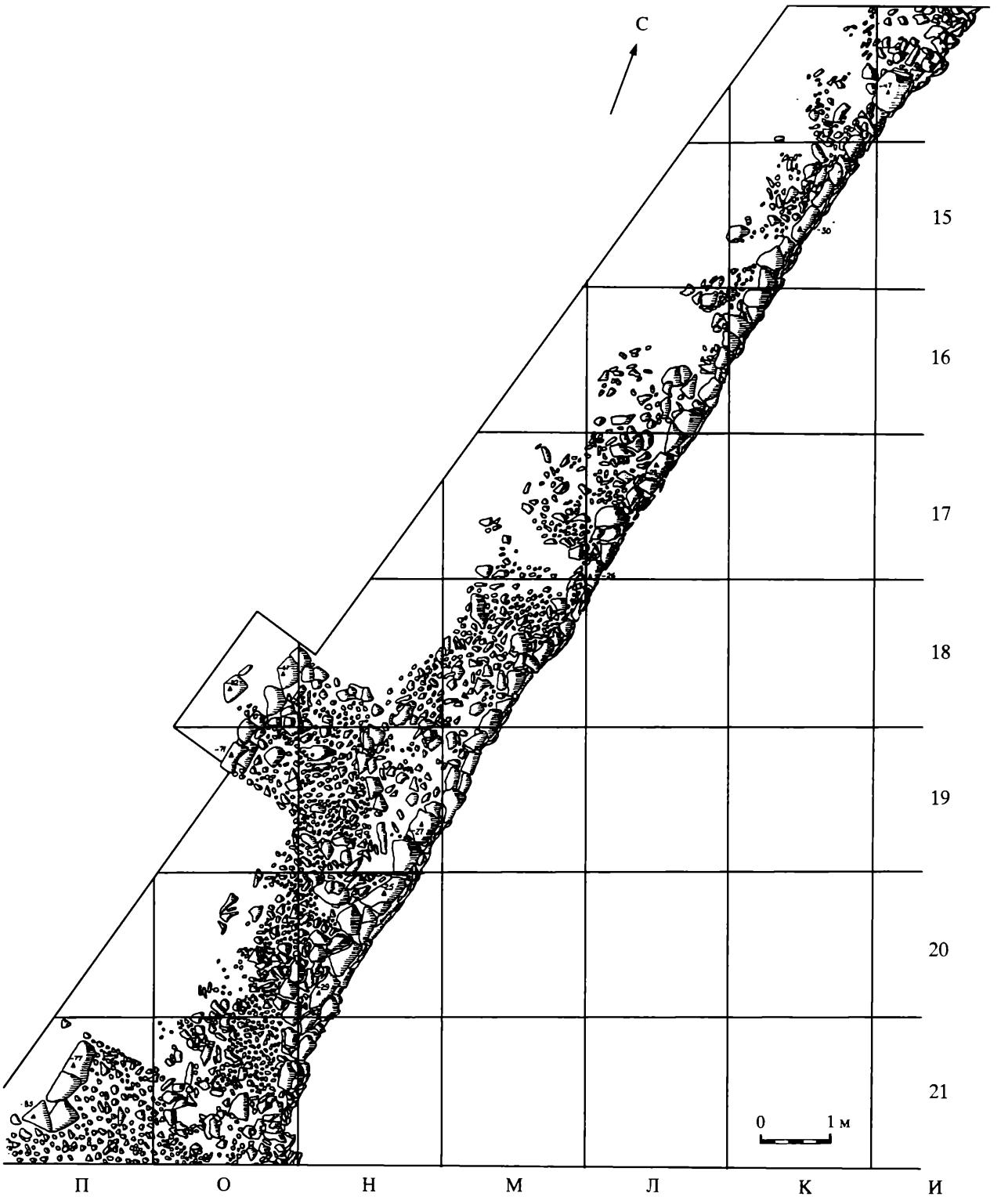

Рис. 150. План крепостной стены на участке 21

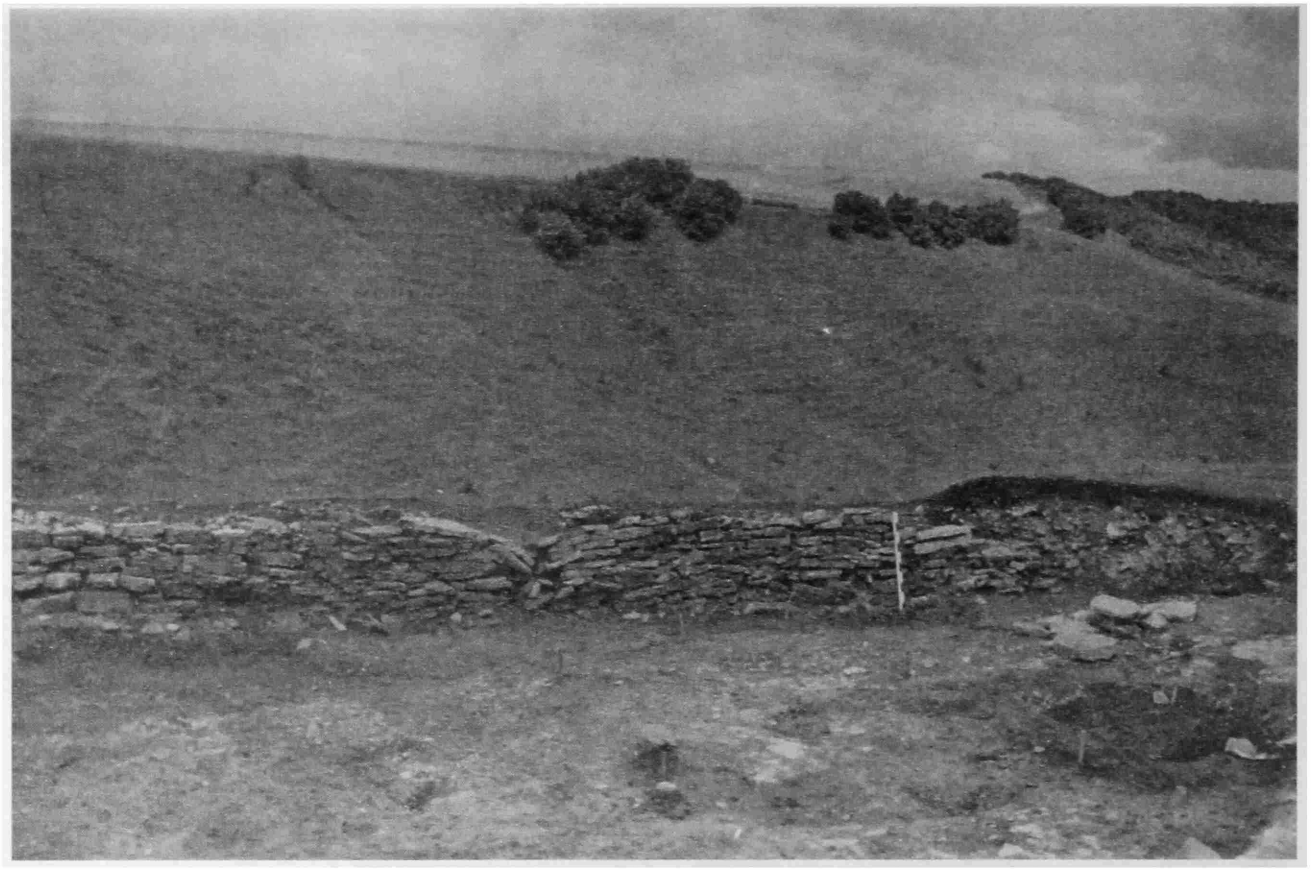

Рис. 151. Остатки крепостной стены на участке 21. Вид с востока. Фото В.В. Седова, 1974 г.

стены, исследованного в 1974 г. она продолжалась на 14,5 м (рис. 153). На участке раскопа 1977 г. остатки стены имели очень плохую сохранность. В нижних ярусах кладки открыты крупные плитняковые камни. Кроме того, расчищены блоки плитнякового камня, лежавшие наклонно. Это – те вышележащие части кладки, которые находились выше культурного слоя и упали в моменты обрушения крепостной стены. В отдельных местах развалы внутренней облицовки ее достигали 2 м, что допускает предположение об общей высоте стены в 2,5 м. В южной части раскопа 1977 г. (участок 31) кладка крепостной стены отсутствует. Следами ее является навал плитняковых камней и щебня. Зафиксированы толстые плитняковые камни, лежащие наклонно или вертикально, явно принадлежащие упавшей в древности облицовке стены (квадраты С-27, С-28, Т-29, Т-30, У-30).

Вдоль восточного края площадки городища остатки стены дошли до нас во фрагментарном состоянии. На отдельных участках она сохранилась на высоту более 1 м (рис. 154, 155), в других местах оказалась почти полностью разрушенной или разобранной. Выкладывалась она из крупных блоков известнякового камня (не подвергнутых какой-либо дополнительной обработке), которые составляли края стены, середина же заполнялась рваными плитняковыми камнями самых различных размеров. Кладка из плитняковых блоков была бессистемной, изредка использовались и крупные булыжные камни.

В раскопе 1979 г. у восточного края городища (участки 40 и 41) остатки кладки стены дошли до нас в очень плохом виде. В квадратах XIII-21, XIV-21 и XIV-32 среди булыжных камней зафиксированы следы известкового раствора. Самой кладки на растворе здесь не сохранилось. По всей вероятности, на растворе делалась кладка не первоначально, а во время последующих ремонтных работ.

Внутренняя облицовка на участке раскопа сохранилась на высоту около 80–120 см. Стена с внутренней стороны здесь была присыпана плотным слоем желтой глины со щебнем на высоту до 50–60 см. Выше этой присыпки камни облицовки с внутренней стороны сильно покрошились. Внешняя облицовка не сохранилась вовсе. Очевидно, она обвалилась на склон городища, лишь в квадратах XIV-23 и XV-23 прослежены непотревоженные блоки первого яруса. Ширина дошедшей до нас крепостной стены на этом участке – от 2 до 2,7 м, а в той части, где сохранились камни внешней облицовки, – 3,2 м. Крепостная стена здесь была сооружена непосредственно на черно-сером культурном слое, характеризуемом лепной керамикой. Скорее всего, напластования второй поло-

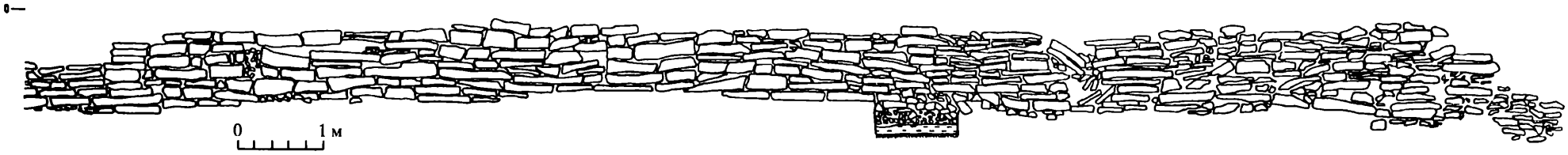

Рис. 152. Внутренний фасад крепостной стены на участке 21

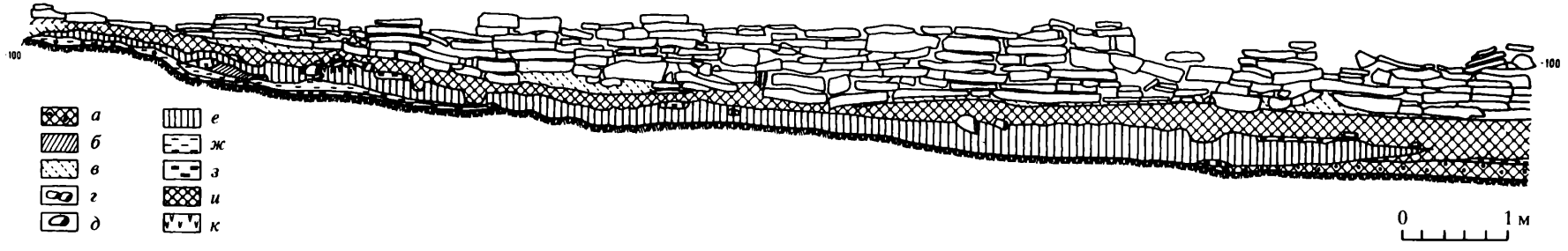

Рис. 153. Внутренний фасад крепостной стены на участке 32

а – черно-углистый слой пожара; *б* – темно-серый слой; *в* – коричневато-серый слой с щебнем; *г* – камни; *д* – обожженные камни; *е* – желто-бурый слой с точечными вкраплениями угля, обожженной глины, песка (слой засыпки пожара); *ж* – глина; *з* – обожженная глина; *и* – черно-серый слой с угольной пылью; *к* – зола

Рис. 154. Остатки крепостной стены на участке 52. Вид с юго-юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

Рис. 155. Остатки крепостной стены на участке 52. Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1982 г.

Рис. 156. Остатки крепостной стены на участке 45. Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1980 г.

вины X–XI в. в этом месте были срыты при фортификационном строительстве.

В юго-восточной части городища (участки 45 и 46) крепостная стена сохранилась на небольшую высоту (рис. 156), но здесь на сравнительно небольшом участке (кв. XIX-36–XIX-38) открыт был внешний край ее (рис. 157). Внешняя облицовка стены имела такое же устройство, как внутренняя (рис. 158). Она была также сложена насухо из блоков плитнякового камня.

На участках 45 и 46 крепостная стена отличалась большей шириной, достигая 4–4,5 м. Но сохранилась она здесь на небольшую высоту. Как и в других местах стена была сложена насухо из крупных блоков плитняка, которые образовывали ее облицовку с двух сторон. В отдельных местах прослеживалось до семи–восьми ярусов кладки, в других – три–пять (рис. 159). В квадратах XVIII-39 и XIX-39 в стене наблюдается полукруглая выемка (рис. 160). Скорее всего, это – результат выборки крупных камней, которая относится уже ко времени, когда поселение было перемещено на Жеравью гору, может быть, даже тогда, когда на городище находился монастырь. Вместе с тем не исключено, что эта полукруглая выемка в стене связана с какими-то конструктивными особенностями воротного устройства, находившегося в этом месте.

Заканчивая описание каменной стены, следует отметить, что в ее отдельных местах среди камней выявлены пустоты. С чем это связано, сказать затруднительно. Допустимо предположение, что это следы каких-то сгнивших деревянных конструкций. Однако понять это без разборки самой стены не представляется возможным. В квадратах В-6 и

Рис. 157. Сохранившийся участок внешнего края крепостной стены на участке 45. Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1980 г.

Г-5 исследован пролом в стене шириной около 1,5 м. Он не был восстановлен, а просто засыпан булыжными камнями, рваным плитняком и щебнем. Стратиграфически пролом относится к первой половине XIII в. Еще одно нарушение внутренней облицовки стены имелось в квадрате А-6; оно, скорее всего, является результатом обвала внутренней облицовки.

Самая южная часть крепостной стены, шедшей по восточной кромке городищенской площадки, была устроена так, что между ней и валом образовывался захабообразный проход длиной около 10 м и шириной около 3 м (рис. 161). Сами ворота, очевидно, были деревянными. От них до нас дошли только крупные столбовые ямы от стояков. Одна из них (кв. XVII-41) имела размеры 90 × 85 см и отвесные стенки. Ее общая глубина 80 см, в том числе в материковой скале 40 см. Заполнение ямы составлял серый слой с многочисленными камнями, в котором никаких находок не встречено. Стратиграфически она относится ко времени сооружения каменной крепостной стены. Другая яма (кв. XVIII-40) размерами 1,1 × 1,2 м также имела отвесные стенки и горизонтальное дно. Глубина ее до 80 см, в том числе врезана в материковую скалу на 40 см. Судя по этим столбовым ямам, ширина воротного проезда равнялась 4 м.

От ворот был сделан террасообразный пандус – плавный спуск к озеру, к тому месту, где по преданию находилась пристань. К сожалению, ха-

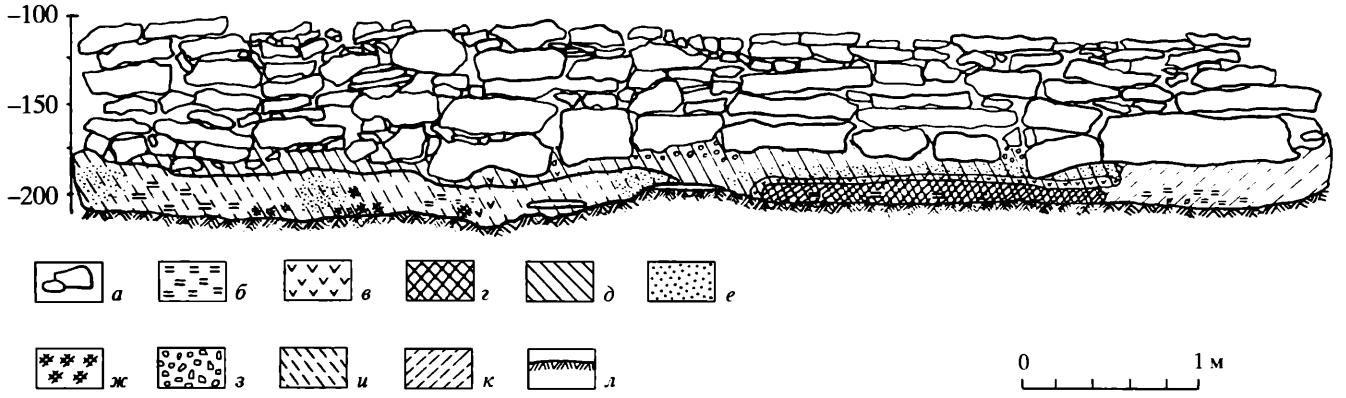

Рис. 158. Внутренняя облицовка крепостной стены на участке 52

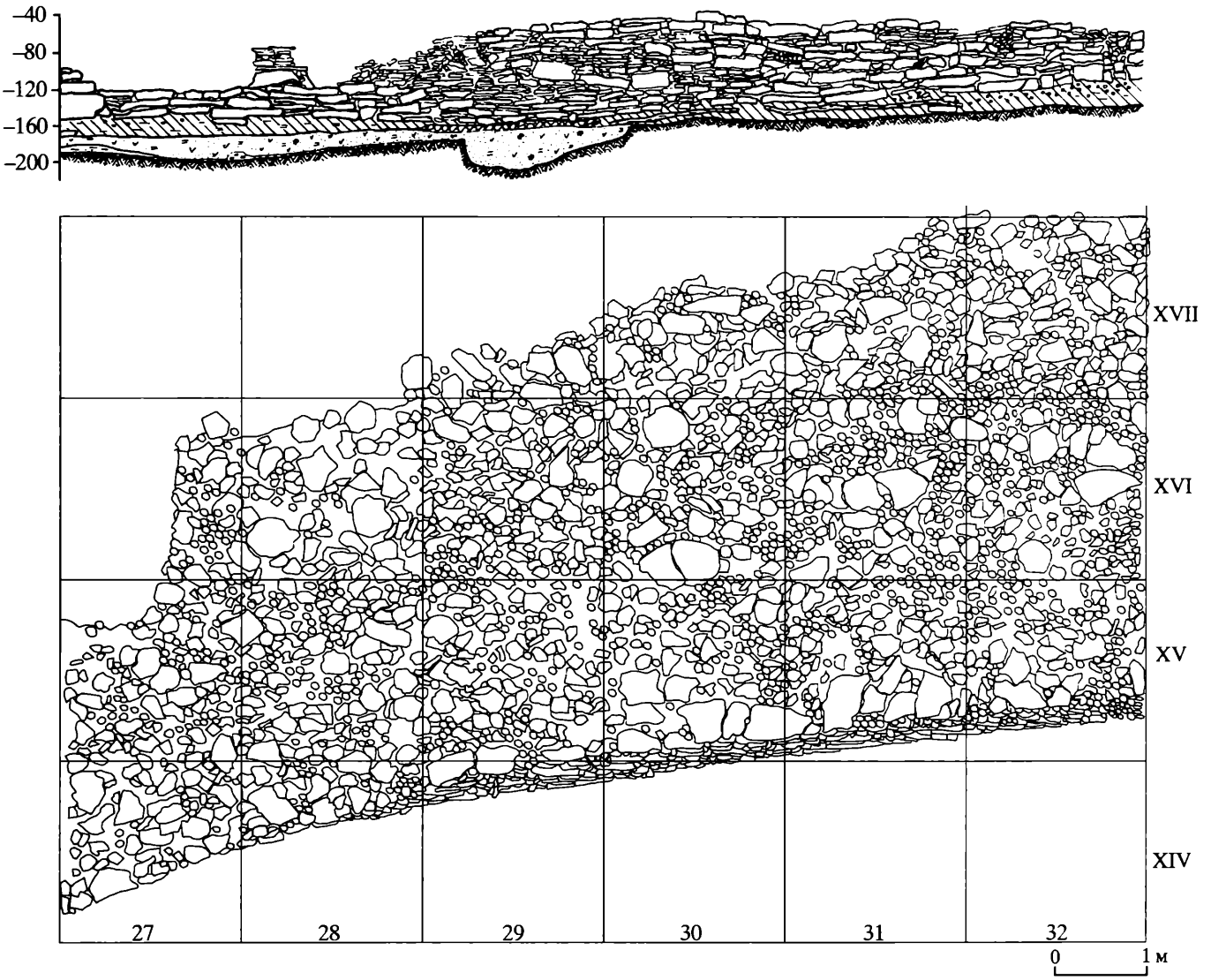

Рис. 159. План и внутренний профиль участка крепостной стены в квадратах XIV-27–XIV-29, XV-27–XV-32, XVI-27–XVI-32, XVII-29–XVII-32

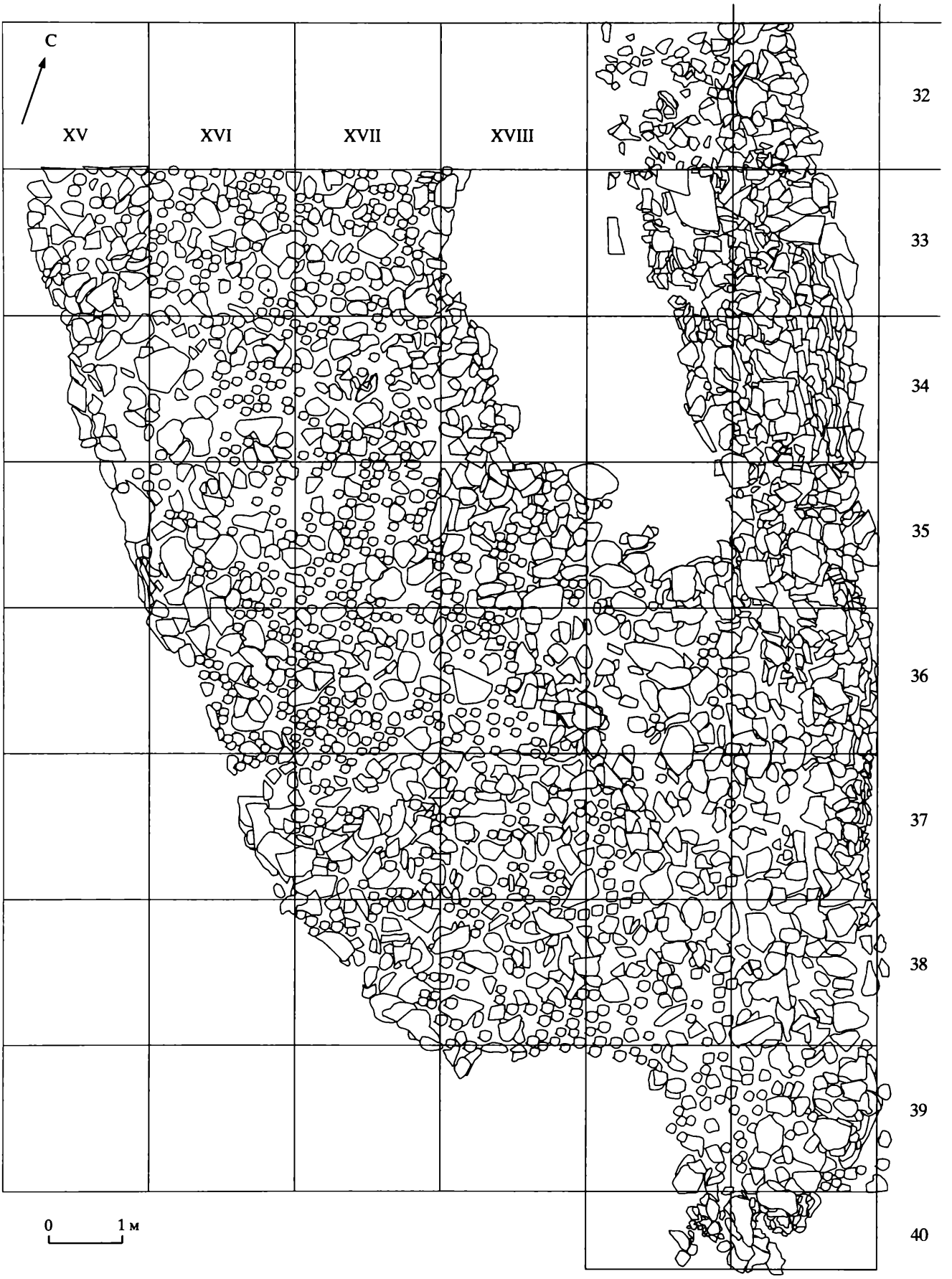

Рис. 160. План юго-восточного участка крепостной стены и стены по террасообразному спуску к озеру

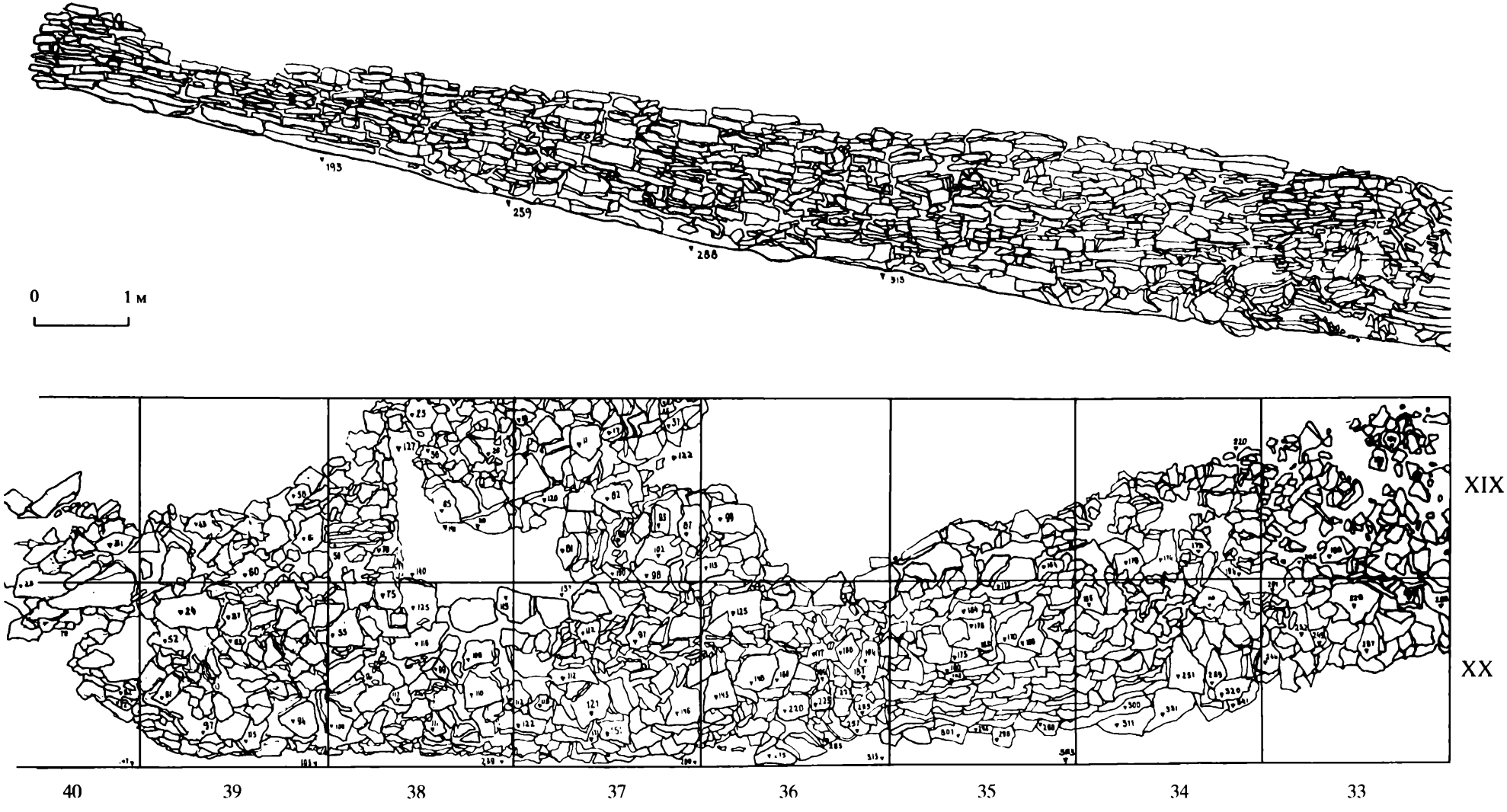

Рис. 161. Облицовка стены по террасообразному спуску к озеру

Рис. 162. Остатки юго-восточного участка крепостной стены (участки 45–46). Вид с северо-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1980 г.

Рис. 163. Стена на террасообразном спуске к озеру (участок 45). Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 164. Скругленный поворот крепостной стены и ее продолжение на террасообразном спуске к озеру (участки 45–46). Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1981 г.

Рис. 165. Начальный этап исследования руин башни в мысовой части городища (участки 23–25). Вид с юго-запада. Фото В.В. Седова, 1975 г.

Рис. 166. Руины башни на мысу городища. Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1975 г.

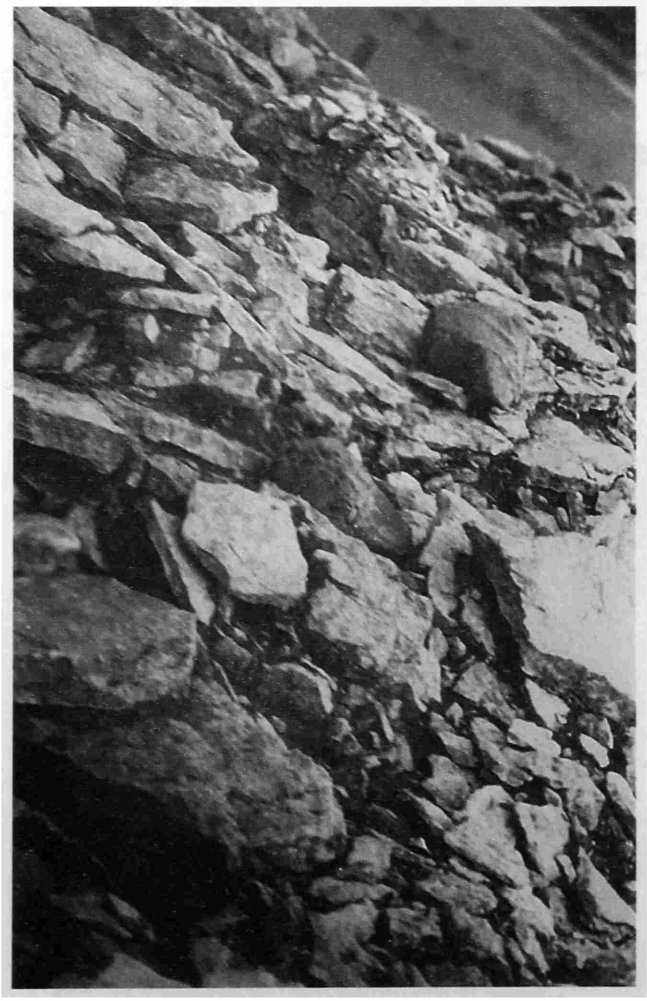

Рис. 167. Руины башни. Деталь с восточной стороны. Фото В.В. Седова, 1975 г.

рактер грунта был таковым, что уловить поверхность спуска не представлялось возможным. Он устанавливался по нижней кромке основания кладки из плитнякового камня, выложенной на склоне городища и являющейся продолжением вышеописанной крепостной стены (рис. 160–164). Высота кладки от 0,8 до 1,7 м. Раскопками спуск прослежен на протяжении 15 м. Понижение на этом участке составляет 2,8 м. Кладку образовывали блоки плитнякового камня разных размеров, сложенные насухо идентично крепостной стене. Нижние части кладки примыкали непосредственно к склону мыса, на котором находилось поселение. Зазор между кладкой и склоном мыса в верхних частях был забит щебнем плитняка. Скорее всего спуск к озеру был оформлен плитняковым камнем в то время, когда сооружалась крепостная стена на городище.

Строение стены всюду одинаково: облицовку образовывала кладка из крупных блоков плитнякового камня, середину – рваный плитняковый камень. Кладка выполнена насухо. Ширина стены – 2,5–3 м в западной части городища, наиболее уязвимой со стороны Словенского поля, и около 2,5 м в восточной. Стена была поставлена по самому краю площадки городища.

Наиболее интересным местом крепостных сооружений городища является его мысовая часть. Здесь были выявлены и изучены руины башни (рис. 165–167). Они состояли из огромного навала плитнякового камня, достигавшего 1,8 м высоты. Его изучение позволило выявить участки непотревоженных частей каменной башни.

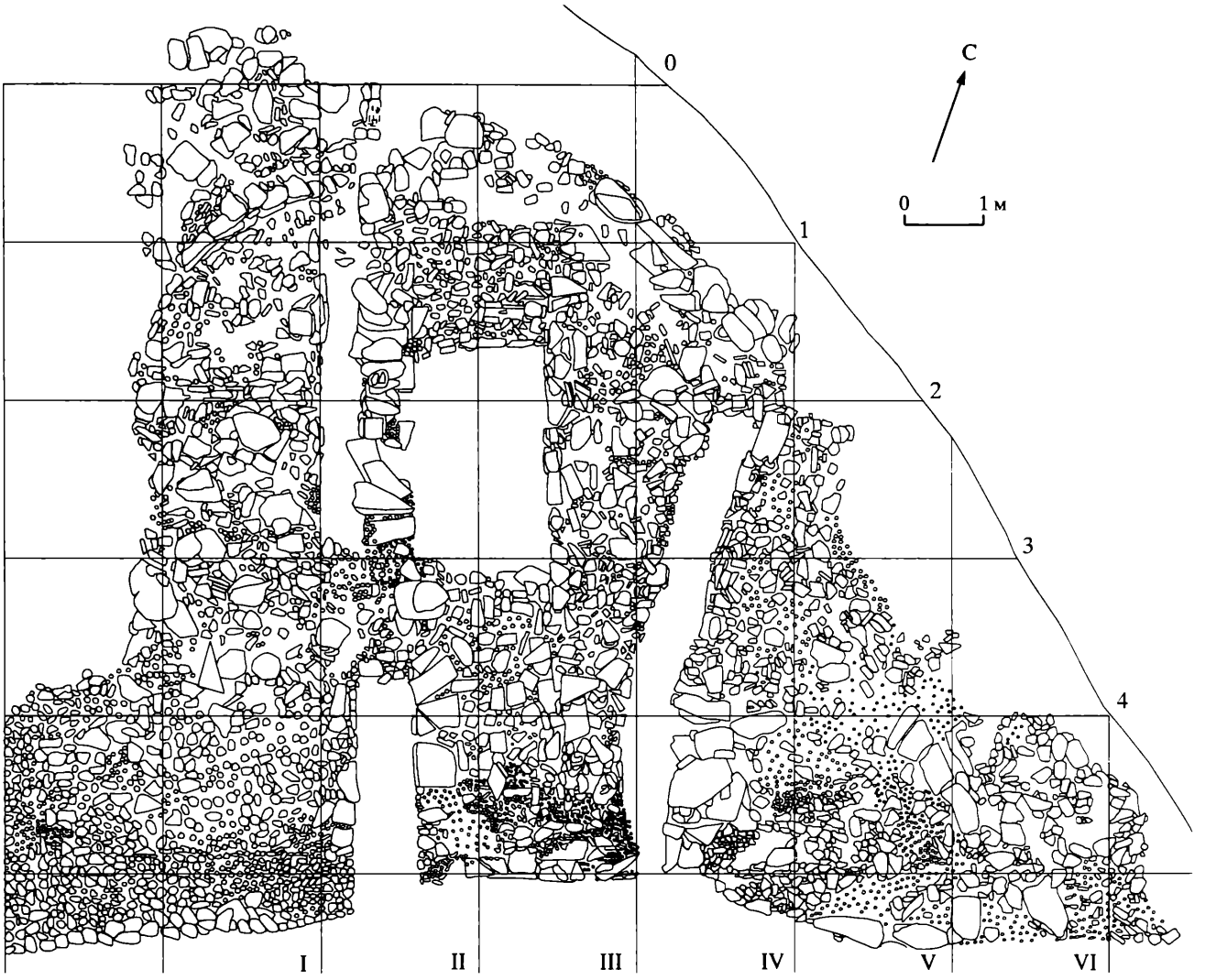

Рис. 168. План остатков башни

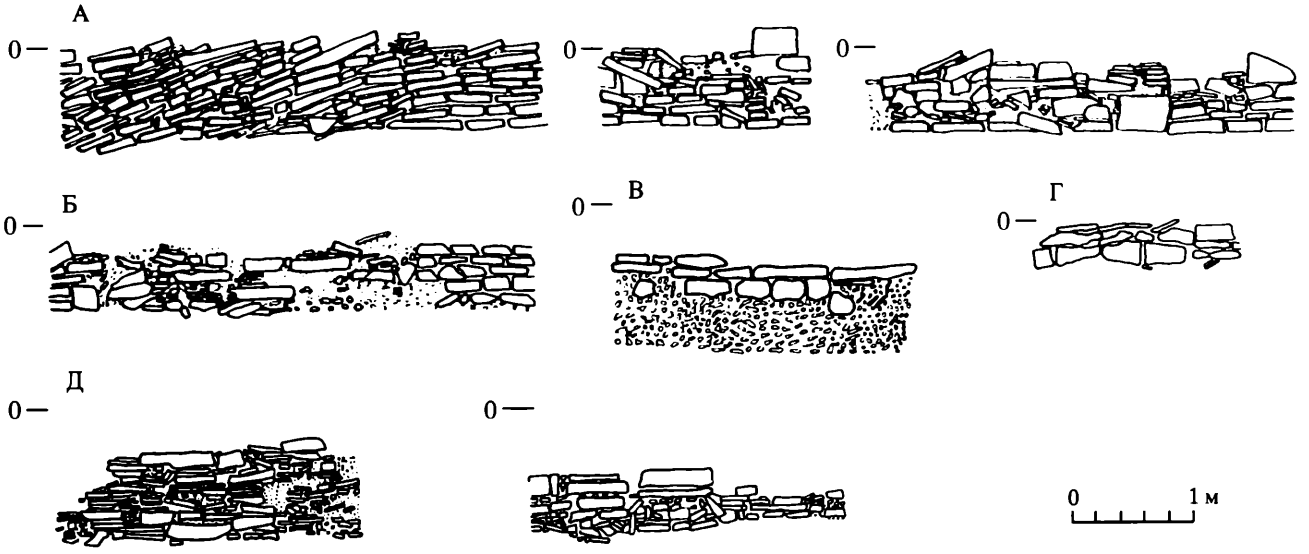

Рис. 169. Фасады остатков башни

А – стены подполья (восточная, южная и западная); Б – восточная стенка проема в квадратах II-2 и II-3; В – остатки внешней облицовки стены башни в квадратах III-1, IV-2; Г – внутренняя облицовка стены башни в квадрате I-1; Д – облицовка проема башни с южной стороны (западный и восточный фасады)

Рис. 170. Остатки внутренней обкладки стены башни в квадрате I-1 (участок 24). Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1975 г.

Сохранность остатков башни крайне плохая. Однако можно определенно утверждать, что это было полукруглое в плане строение, с юга слитое с крепостной стеной (рис. 168). Внешние контуры башни обрисовывают крупные камни (рис. 168, 169: В), лежащие на материковом грунте в кв. II-1, III-1, IV-1, IV-2 и, может быть, в кв. I-0; западная часть башни не сохранилась. Таким образом, определяется радиус основания башни – около 8 м. Общие же размеры башенного сооружения достигали 11,5 м с севера на юг, и, предположительно, не менее 15 м в западно-восточном направлении. Внутренняя стена башни сохранилась лишь на небольшом участке в смежных частях кв. I-1 и I-2. Здесь на протяжении около 2 м расчищена в плане несколько дугообразно изогнутая кладка из блоков плитнякового камня с ровной поверхностью (рис. 169: Г; 170, 171). Прослеживались еще следы внутренней облицовки башни в ее юго-западной части (кв. I-4), но здесь кладка плохо сохранилась. Таким образом, устанавливается, что стены башни имели толщину около 3,5–3,8 м и, как и крепостные стены, имели снаружи и внутри кладки из блоков плитнякового камня, пространство между которыми заполнялось рваными камнями и щебнем. Размеры внутреннего помещения башни могут быть определены весьма приблизительно – около 6–6,5 м в диаметре.

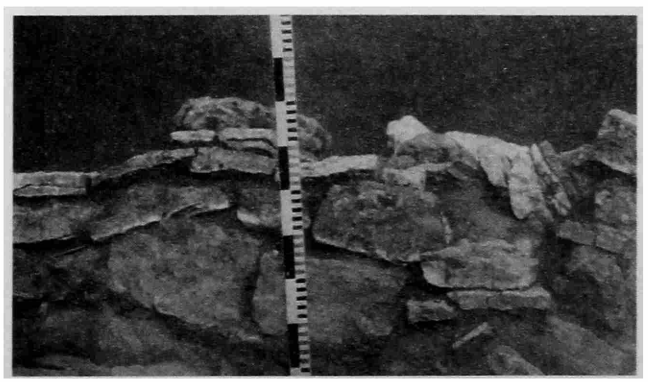

Рис. 171. Остатки внутренней обкладки стены башни в квадрате I-1 (участок 24), деталь. Снимок с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1975 г.

В развале башни в ее срединной части отчетливо читается прямоугольный котлован размерами 2,7 × 2,0 м (смежные части кв. II-2, II-3, III-2 и III-3), облицованный со всех сторон ровными кладками насухо из плитнякового камня, сохранившимися на высоту 0,7–0,85 см (рис. 169: А; 172). Заполнен котлован был светло-желтым песком с мелким щебнем, в котором какие-либо находки не встречены. Нужно полагать, что это было подпольное помещение, предназначенное для хранения боевых и хозяйственных припасов.

С юга, со стороны застроенной части поселения в характеризуемом сооружении был сделан прямоугольный проем (кв. II-5 и частично кв. II-4), облицованный плитняковой выкладкой (рис. 169: Д; 173, 174). В длину он имел около 3 м, ширина 0,7–0,8 м. Заполнен он был битыми плитняковыми камнями и щебнем. Думается, что в проеме могла находиться деревянная лестница, по которой поднимались на первый боевой этаж башни. Весьма фрагментарно прослежены небольшие участки пола этого этажа, который был выложен крупным плитняковым камнем толщиной 4–5 см.

Каких-либо данных для суждений об устройстве верхних частей башни раскопки не дали. Можно

Рис. 172. Кладка восточной стены подполья башни. Фото В.В. Седова, 1975 г.

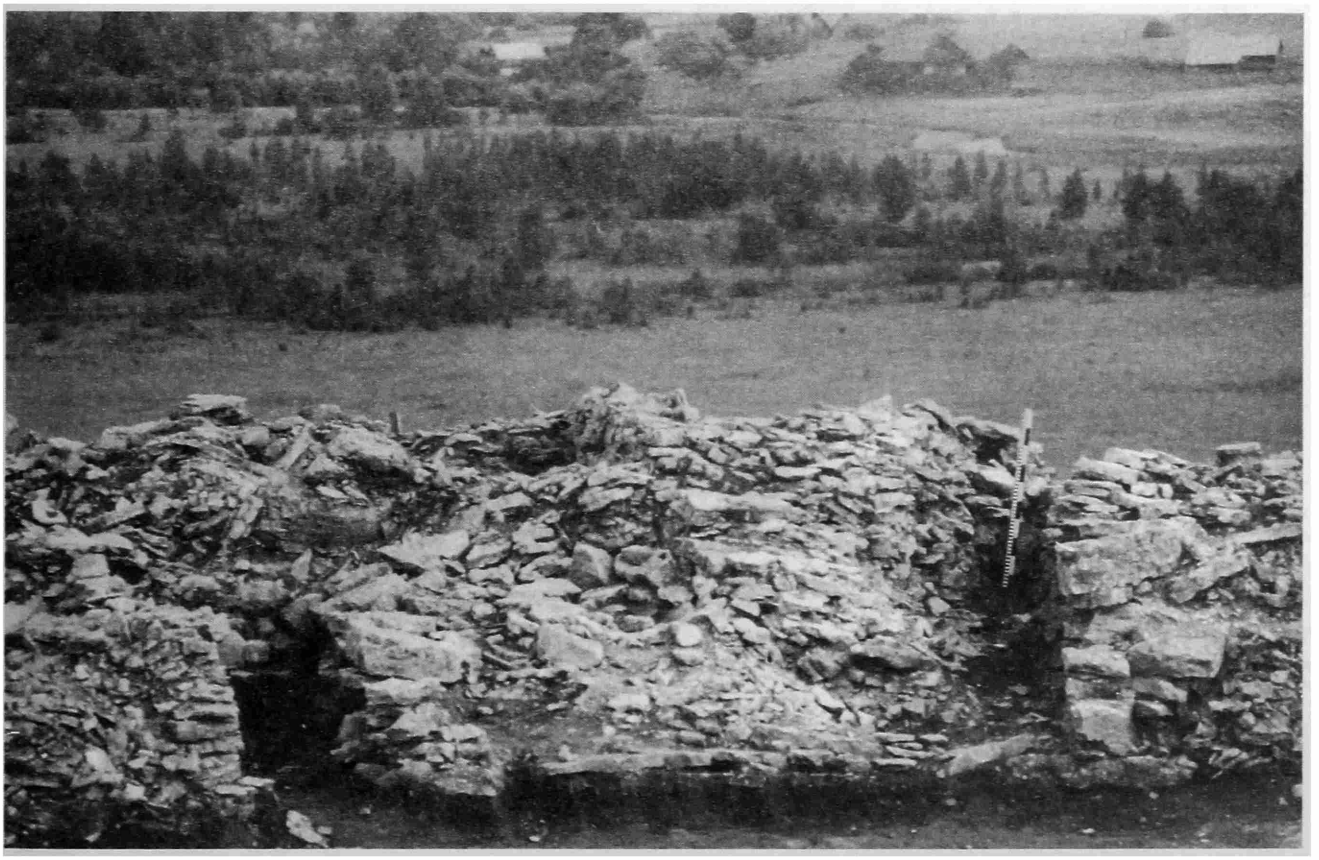

Рис. 173. Руины башни (участок 23–24). Вид с юга. Видны проем-врезка предположительно для деревянной лестницы для подъема на боевой этаж (слева) и тайный лаз (справа). Фото В.В. Седова, 1975 г.

Рис. 174. Проем-врезка в башне, предположительно для деревянной лестницы для подъема на боевой этаж. Фото В.В. Седова, 1975 г.

Рис. 175. Участок крепостной стены, примыкающий к развалу башни (участок 22–23). Вид с юго-востока. Фото В.В. Седова, 1975 г.

лишь предполагать, что над каменным низом башни возвышались ее деревянные конструкции.

Затруднительно определение функционального назначения щелевидного проема, устроенного западнее вышеописанного срединного котлована (части кв. П-3, П-2, П-1). Его ширина – от 0,5 до 0,7 м, длина – 3,5 м (рис. 169: Б).

Еще один щелевидный проем зафиксирован в восточной части (кв. IV-3, IV-4 и IV-5). Его ширина около 0,8 м (рис. 168, 173). С достоверностью можно утверждать, что на высоте около 1 м проем был перекрыт крупными плитами, зафиксированными раскопками в заполнении проема в наклонно-вертикальном положении. Не исключены и деревянные перекрытия, на которые были положены эти плиты. Выше над проемом находились плитняковые камни кладки башни. Думается, что это был тайный вылаз, скрытый от противника. На выходе за пределы крепости лаз был заложен стенкой из плитнякового камня, и его невозможно было увидеть. Подобные тайные проходы устраивались на Руси и в земляных валах, и в каменных крепостях XIV–XV вв. Они давали возможность защитникам устраивать неожиданные вылазки во время осады противником.

Не подлежит сомнению, что южная часть башни монолитно связана с крепостной стеной, свидетельствуя о единовременном возведении всего комплекса крепостных сооружений на городище. Крепостные стены, примыкающие к башенному строению, расширялись до 3,4–4 м и сохранились на большую высоту, чем на других участках городища (рис. 175).

Для определения времени возведения каменной крепости на городище существенен выявленный раскопками небольшой участок плитняковой вымостки, устроенной при сооружении башни и стены. Слой под вымосткой дал керамические материалы ранее XII в. Стратиграфически вымостка в процессе раскопок была связана с одной из печей-каменок. В напластованиях, лежащих ниже последней, кроме керамического материала были найдены ключи-отмычки от деревянных замков и обломок шпоры с шипом и скобой, лежащие в одной плоскости, что, кажется, подтверждает отнесение времени возведения каменных фортификаций к концу XI – началу XII в.

Открытые раскопками сохранившиеся остатки каменных стен и башни не были разобраны, поэтому культурные напластования под ними, как уже говорилось, не исследовались. В годы, когда производились раскопочные работы, возник проект музеефикации остатков крепостных сооружений и всего городища. Поскольку плитняковый камень, из которого были сооружены фортификации, нуждался в оперативной консервации, произвести которую не было возможностей, открытые раскопками остатки их были засыпаны грунтом. По окончании раскопочных изысканий на городище вся его площадка была приведена в порядок и ныне задернована.

Разрезы вала

Вал и ров, как уже говорилось выше, были прорезаны траншеей по линии Д от кв. Д-57 до кв. Д-79. В связи с большой высотой вала и сыпучестью грунта насыпи вала, несмотря на крепление стенок разреза деревянными щитами, пришлось стенки траншей делать несколько наклонными, что привело к сокращению исследуемой площади. В этой связи в наиболее высокой части вала на участке кв. Е-60–Е-65 траншею пришлось расширить до 4 м и дополнительно раскопать часть кв. Ж-65, где открылась каменная кладка, крепившая внешний склон вала. Общий вид траншеи в процессе раскопок передан на рис. 176, полный профиль приведен на рис. VI.

Представляется целесообразным охарактеризовать строение вала целостно, возвратившись и к его древнейшей части, относящейся к догородскому периоду Изборска.

Насыпь вала была плотно задернована. По снятии дернового слоя толщиной 10–20 см в срединной части вала открылся слой щебня, состоящий из беспорядочно наваленных крупных, средних и мелких фрагментов плитнякового камня и серой или темно-серой супеси (рис. 177). Склоны этой сердцевины вала образуют расползшиеся слои щебня, перемежающиеся с прослойками темно-серого слоя или глины и песка. Разрез насыпи вала передан на рис. 55.

При разборке верхней части слоя щебня в кв. Е-62 и Е-63 зафиксирована известь, а на глубине около 20 см прослойка извести занимала почти всю площадь кв. Д-63, Е-63 и заходила в кв. Д-62 и Е-62. В кв. Д-64 и Е-64 отмечены крупные включения глины красного цвета. В этих напластованиях встречено несколько небольших фрагментов керамики, ледоходный шип и железный нож.

На глубине около 50 см в кв. Д-62, Д-63 и Е-63 были выявлены остатки каменной стены, поставленной на вершине вала. Расчищены отдельные участки кладки насухо из крупных плитняковых камней, лежащих горизонтально в два яруса (рис. 178, 179). Стена была выстроена так же, как и по краям городищенской площадки. Из плитнякового камня выкладывалась облицовка стены, а середина заполнялась щебнем с глиной. Каменные кладки были выполнены без фундамента непосредственно на щебенчатой насыпи вала, для них были сделаны ступенчатые вырезы (рис. 180). Раскопками зафиксирован небольшой наклон южной кладки, а на южном склоне открыто множество беспорядочно лежащих крупных плитняковых камней. Можно полагать, что вышележащие части кладки стены рухнули на склон вала скорее всего уже тогда, когда укрепленная часть города была перенесена на Жеравью гору. Северная

Рис. 176. Центральная траншея через вал. Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

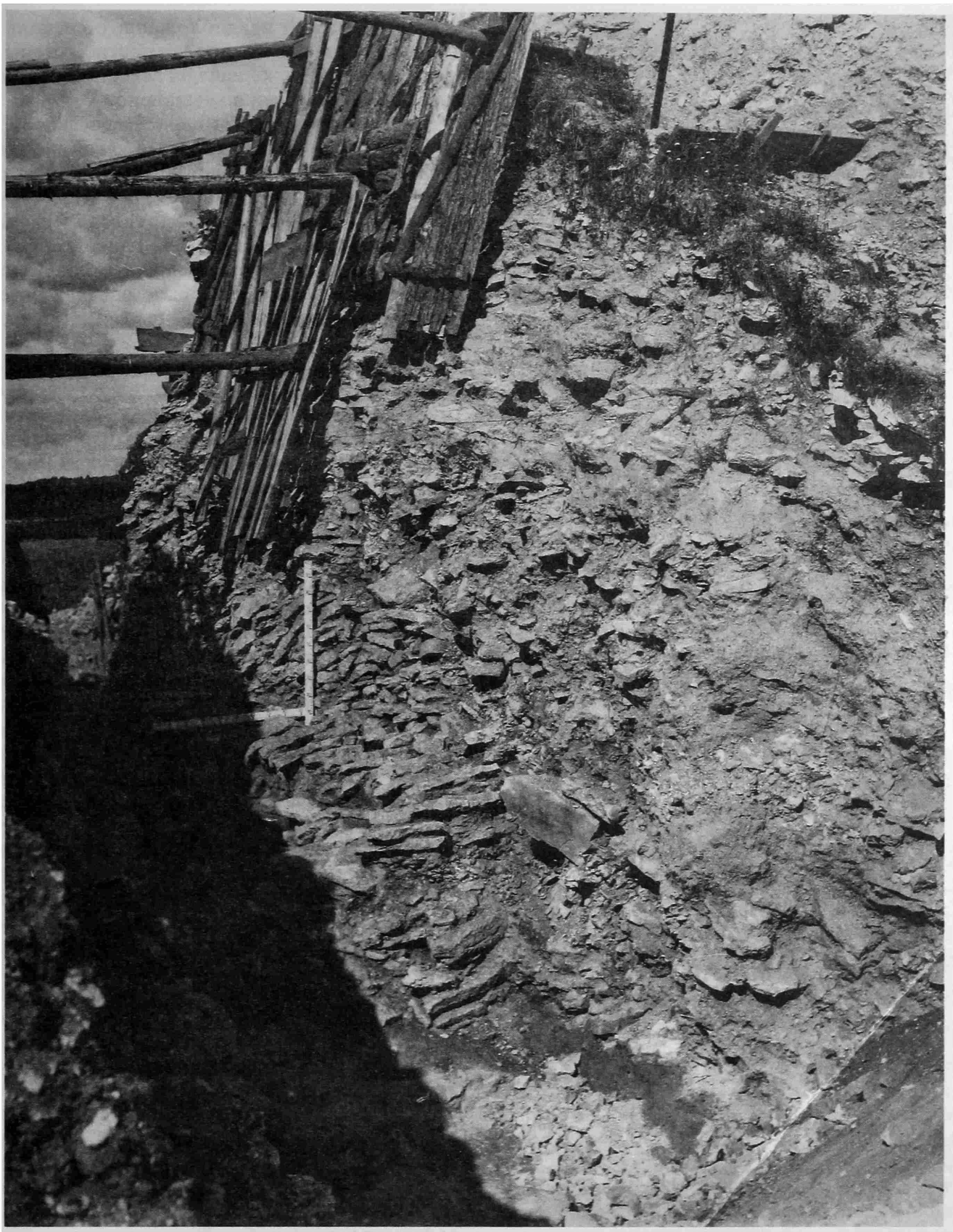

Рис. 177. Профиль восточной стенки центральной траншеи. Внизу хорошо читается развал первоначальной каменной стены. Вид с юго-юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 178. Остатки каменной стены на вершине вала последнего периода жизни на городище (центральная траншея, квадрат Е-63). Вид с востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 179. Остатки каменной стены на вершине вала последнего периода жизни на городище (центральная траншея, квадрат Е-63). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

облицовка стены, обращенная к площадке городища, почти не сохранилась, но на склоне вала расчищено множество крупных плитняковых камней и даже блоки из таковых, сползшие в моменты разрушения остатков крепости (рис. 181, 182). Судя по профилю (рис. 180), стена на вершине имела ширину до 4 м. Зафиксированные раскопками включения и прослойки извести допускают предположение об использовании раствора при кладке крепостной стены. Однако блоков, сложенных на известковом растворе, исследованиями не выявлено.

Исследования южного внешнего склона вала показали, что он был укреплен сухой кладкой из плитнякового камня (рис. 183–186). Она сохранилась плохо и фрагментарно, преимущественно в кв. Е-65. В кв. Ж-65 сразу под дерновым слоем выявлен сплошной "панцирь" из плитнякового камня, покрывавший весь внешний склон вала. На камнях встречены мелкие обломки древнерусской керамики, не дающие оснований для датировки обкладки.

С северной (внутренней) стороны сверху с насыпью вала сливался слой щебня с плитняковыми камнями, образовавшийся от разрушения крепостной стены, который, выклиниваясь, завершался в кв. Д-57. Ниже прослежен бурый слой с глиной, плитняковыми камнями и щебнем, а под ним – новый слой щебня от развала нижележащей стены, относящейся к более раннему времени.

Ее остатки открыты на глубине около 2,6–2,7 м от вершины вала в его срединной части под слоем, состоящим из битого плитнякового камня и щебня с бесформенными включениями глины (рис. 187). Это была кладка насухо из крупных плитняковых камней (рис. 55, 188; рис. VI). Для ее устройства на вершине вала была подготовлена горизонтальная площадка шириной около 7–8 м. До нас дошла нижняя часть кладки в два–четыре яруса. Она покоилась на плотном слое щебня с глиной. В отличие от вышеописанной, эта стена, по всей вероятности, была целиком сложена из плитнякового камня. С южной стороны (рис. 55) насыпь, на которой стояла крепостная стена, имела вертикальный край. Хотя насыпь здесь сложена из очень плотной глины со щебнем, край все же должен быть как-то укреплен. Раскопками прослежены около этого края лежащие горизонтально крупные плиты, перемежающиеся с глиной и щебнем. Основная часть кладки, по-видимому, разрушилась и была использована при позднейших строительных работах.

Ниже, на глубине около 0,9–1,0 м выявлены остатки еще одной стены, сложенной также из плитнякового камня, хорошо фиксируемые на профиле (рис. 55). При разборке навала камней зафиксированы небольшие участки кладки в три–семь ярусов плитнякового камня. В большинстве же случаев кладка оказалась сильно потревоженной, а в срединной части – не сохранилась вовсе. Сложена она была на выровненной горизонтальной поверхности плотной глины со щебнем, а в срединной части – на темно-сером слое с камнями. В отличие от вышеописанных, эта стена была положена на фундамен-

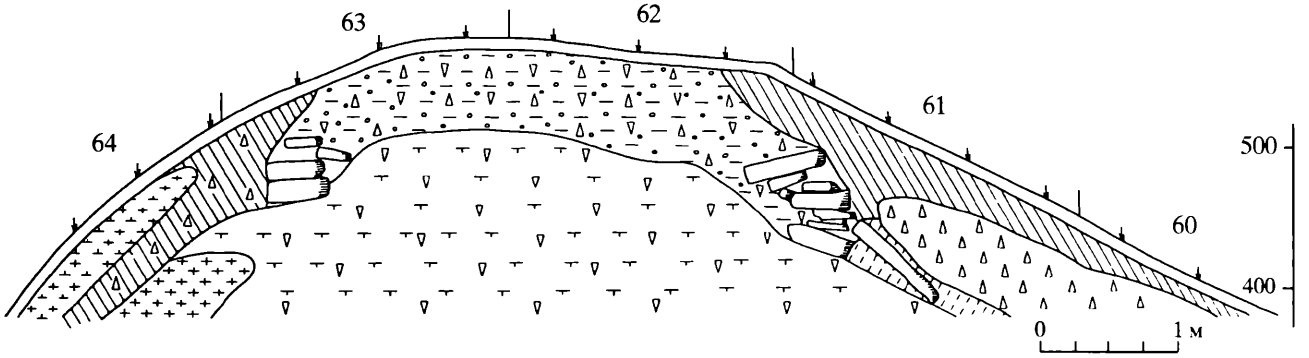

Рис. 180. Профиль западной стенки центральной траншеи, верхняя (позднейшая) часть

те из крупных валунов, прослеживаемом не на всей раскопанной площади (рис. 189).

Названный темно-серый слой с угольками и камнями, в том числе с побывавшими в огне (скорее всего, печными), местами имел буроватую окраску. В срединной части насыпи он лежал дугообразно, явно перекрывая вал предшествующего времени (рис. 55). Его толщина здесь 0,3–0,5 м. Далее в северном направлении этот слой приобретал почти горизонтальное положение и несколько утоньшался (рис. 190). При разборке этого буровато-серого слоя встречено несколько фрагментов гончарной керамики первого этапа ее функционирования в Изборске (рис. 191). Здесь имеются части горшков, относящихся к так называемой богатоорнаментированной керамике, которая в Пскове датируется концом X–XI столетиями (*Белецкий*, 1980. С. 3–17). На площадке городища, примыкающей к валу, этот слой перекрывал напластования с лепной керамикой. Следовательно, его нужно отнести приблизительно ко времени сооружения деревянного детинца.

При прорезке вала встречено несколько находок. Из характеризуемого темно-серого или бурого слоя происходят железные перекрестие меча (рис. 192: *11*), ключ и пружина замка (рис. 192: *1*, *9*), фрагменты косы (рис. 192: *14*) и ножа. В этом же слое найден также какой-то предмет из бронзы (рис. 192: *12*). При разборке различных напластований щебня обнаружены два железных кольца (рис. 192: *4* и *7*), железный нож (рис. 192: *8*) и ледоходный шип (рис. 192: *15*). Кроме того, к этому слою принадлежат стеклянный рубленный бисер, небольшая зонная бусина фиолетового стекла. Один из железных ножей (рис. 192: *6*) встречен в дерновом слое, а железный наконечник стрелы и фрагмент бронзового перстня (рис. 192: *2* и *3*) найдены в прослойках, прорезавших верхние щебенчатые напластования.

Под напластованиями темно-серого цвета открылись напластования из плотной желтой или желто-красной глины, при разборке которых были выявлены остатки древнейшей каменной стены, описание которой приведено в разделе, посвященном догородскому этапу истории Изборска. Из слоя глины происходят бронзовая пряжка (рис. 192: *5*) и фрагмент глиняного тигля (рис. 192: *13*). Для полноты картины строения вала на рис. 193–197 документированы руины этой стены.

Для изучения последнего периода функционирования изборских фортификаций на городище были выполнены дополнительные прирезки, шурфы и траншеи. Рядом с описываемой траншей, разрезавшей вал, была сделана прирезка для изучения обкладки склона вала с его внешней стороны (кв. Ж-64 и Ж-65). Крепежная обкладка была сложена из плитнякового камня насухо. В нижней части камни клались один на другой в ширину до 50–60 см так, что образовывался почти вертикальный склон (рис. 198). На высоте около 1,5 м склон кладки становился несколько наклонным. При зачистке кладки встречено несколько фрагментов древнерусской керамики, определить время бытования которой не представляется возможным.

С целью изучения остатков каменной стены, проходящей по гребню вала, на его вершине был заложен шурф размерами 6 × 4 м (кв. Т-62–64, У-62–64). Под дерном насыпь вала состояла из серого слоя со щебнем и известью. Встречены обломки древнерусской керамики XI–XIII вв. и два фрагмента лепных сосудов, свидетельствующих о неоднократном использовании для подсыпок вала культурных напластований жилой площадки городища. В срединной части вала выявлены остатки каменной стены (рис. 199). Ее наиболее сохранившаяся внешняя облицовка состояла из крупных плитняковых камней, сложенных насухо. До нас дошла нижняя часть кладки до семи ярусов плитняка в высоту до 1,2 м (рис. 200, 201). Кладка стены, обращенная к жилой площадке городища, сохранилась хуже, но на несколько большую высоту (рис. 202). Наряду с плитняковым камнем здесь отмечены валунные и гранитные камни. Общая ширина стены 3,6–3,7 м, в том числе ширина

Рис. 181. Плитняковая обкладка внутреннего склона вала (центральная траншея). Вид с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 182. Остатки обкладки внутреннего склона вала в квадратах. Д-60, Е-60 и Е-61 (центральная траншея). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

кладки с внешней стороны до 1,4 м, с внутренней – 0,8 м. Внутреннее пространство стены между этими кладками было заполнено щебнем и беспорядочно набросанными рваными плитняковыми камнями. Поставлена стена была непосредственно на специально уплощенную площадку вершины вала, состоящего из серого слоя с большим содержанием щебня. Остатки крепостной стены не разбирались, они были законсервированы слоем песка и затем шурф был засыпан грунтом и задернован.

Остатки той же стены были прослежены еще небольшими траншеями, заложенными в 1985 г. на вершине вала западнее вышеописанных траншеи и шурфа, в том месте, где вал изменяет западно-восточное направление на северно-южное (рис. V; 203). При обследовании изгиба вала казалось, что в этом месте должно быть устроено башенное сооружение, что раскопками не подтвердилось. Во всех трех траншеях сразу под дерновым слоем выявились развалы плитняковых камней стены, беспорядочно разбросанных в щебенчатом слое (рис. 204). После их разборки открылись кладки нижних частей стены (рис. 205). Установлено, что она была поставлена без фундамента на горизонтальной площадке вершины вала, сложенного из светло-серого супесчаного грунта с большим содержанием щебня. Стена, как и в других местах, имела сухие кладки из плитнякового камня, образующие внешние и внутренние облицовки, достигавшие в ряде мест 1 м толщины (рис. 206). Пространство между ними заполнялось рваными плитняковыми камнями, щебнем с крупными кусками извести. Ширина стены не превышала 3,3 м. В некоторых местах кладка облицовки стены сохранилась в высоту до 1 м (рис. 207). При разборке развалов стены кроме древнерусской керамики встречен ледоходный шип.

После фиксации остатков каменной стены дальнейшие исследования вала во всех трех траншеях было приостановлено. Остатки крепостных стен не разбирались и были законсервированы, траншеи засыпаны грунтом, поверхности их задернованы.

Еще одной траншеей в 1986 г. насыпь вала была прорезана до материка (рис. V). Протяженность траншеи 12 м, ширина в верхней части 2 м. Для получения строго поперечного разреза вала она была ориентирована в направлении запад–восток и разбита на шесть квадратов 2 × 2 м, пронумерованных с 1 по 6.

Рис. 183. Центральная траншея. Общий вид в процессе раскопок с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 184. Плитняковая обкладка внешнего склона вала (центральная траншея). Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 185. Плитняковая обкладка внешнего склона вала (центральная траншея). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 186. Остатки каменной кладки в квадратах Ж-65–Ж-67 (центральная траншея). Вид с юго-юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 187. Профиль средней части восточной стенки вала (верхний уровень, центральная траншея). Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 188. Остатки плитняковой кладки на внешнем склоне вала (центральная траншея). Вид с северо-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

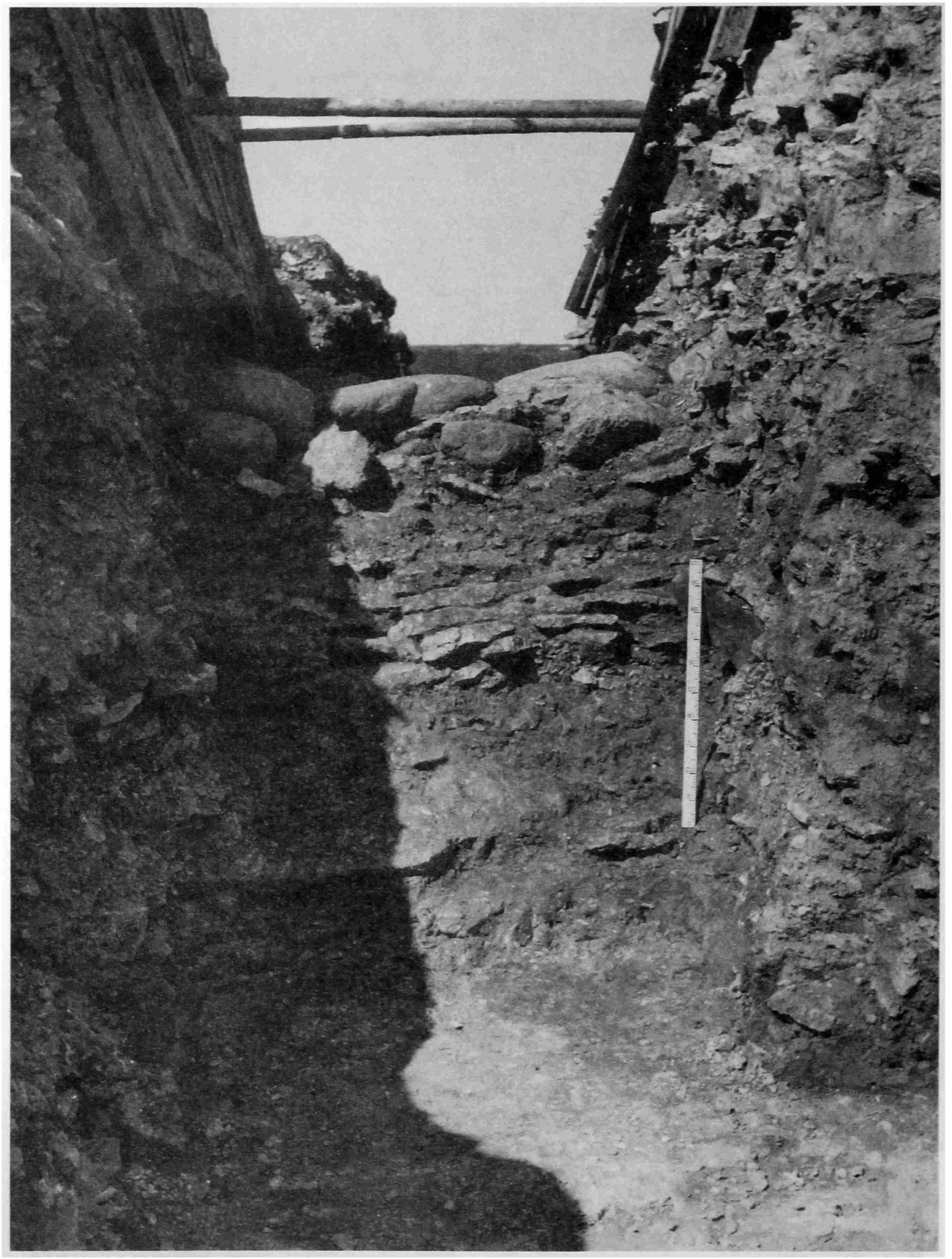

Рис. 189. Остатки фундамента из валунов каменной стены третьего яруса, лежащих на более древней каменной стене (центральная траншея). Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

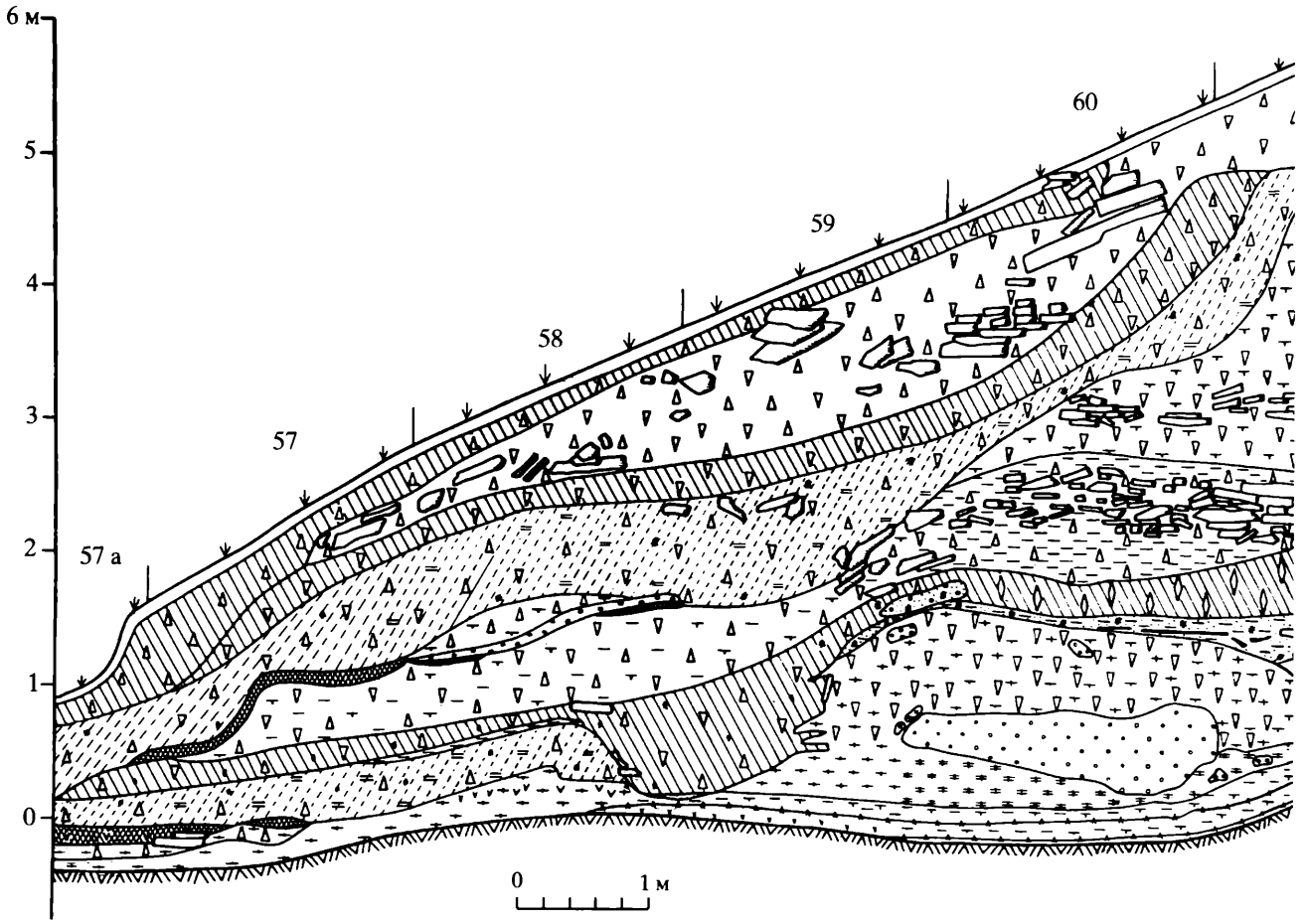

Рис. 190. Профиль восточной стенки центральной траншеи в квадратах Д-57–Д-60

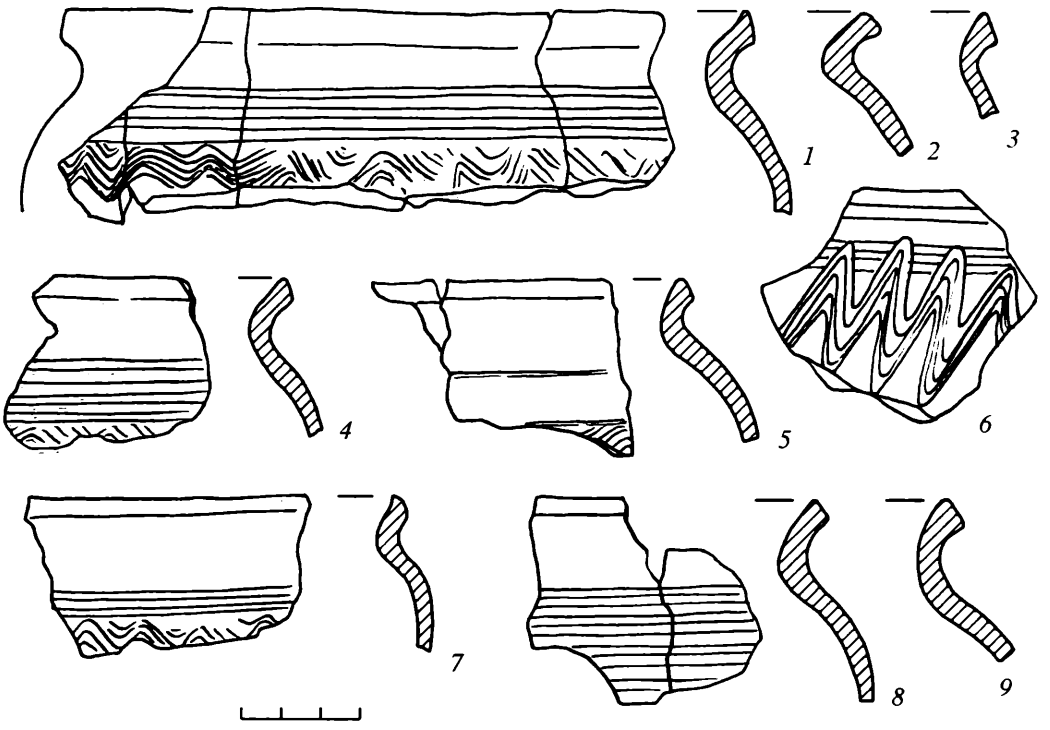

Рис. 191. Керамика из бурого слоя (центральная траншея)

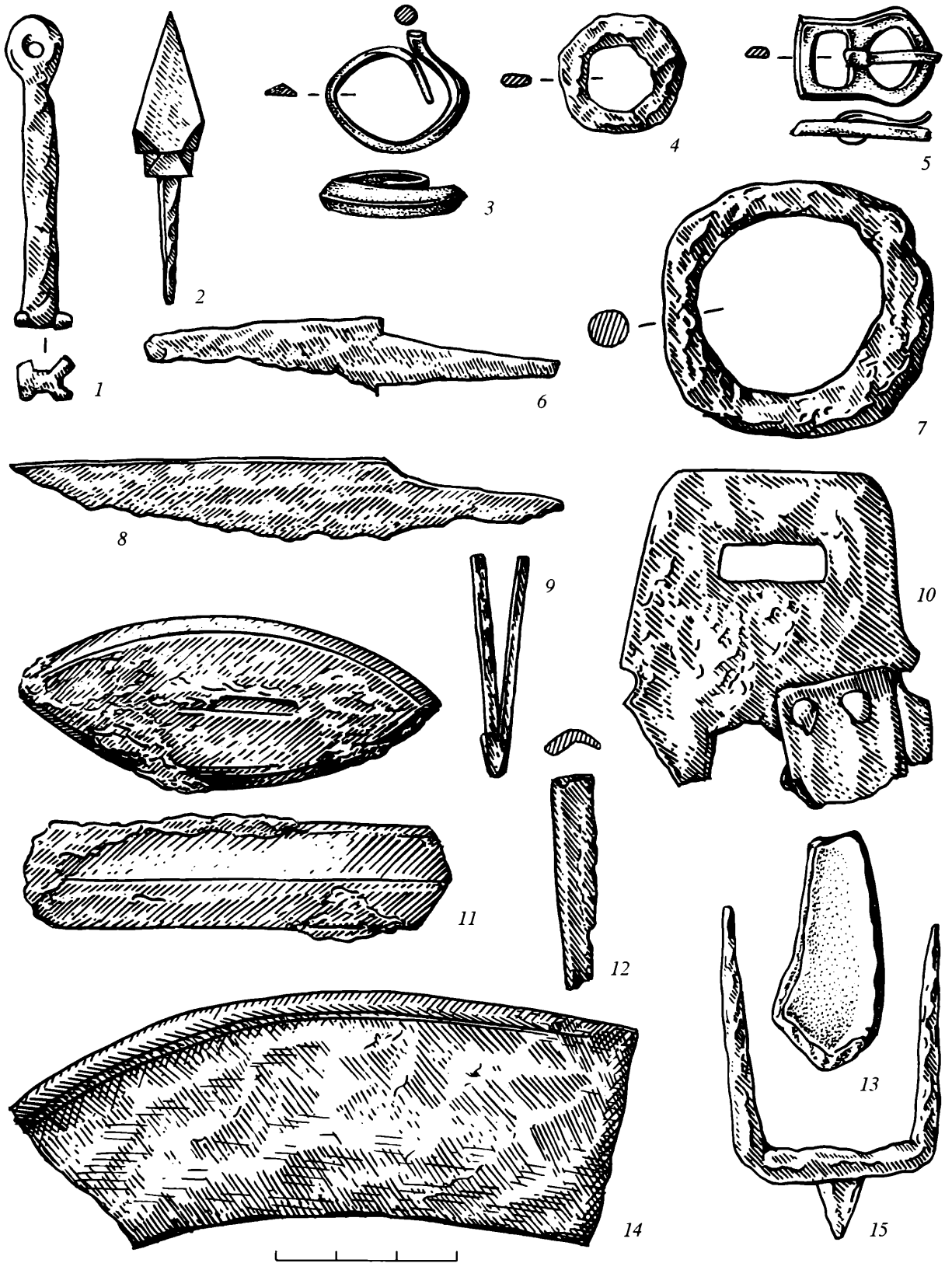

Рис. 192. Вещевые находки из насыпи вала (центральная траншея)

1 – ключ, квадрат Д-58, бурый слой, глубина 110–115 см; *2* – наконечник стрелы, квадрат Д-60, серый слой, глубина 20 см; *3* – перстень, квадрат Д-66, черно-серый слой, глубина 140 см; *4* – кольцо, квадрат Д-67, щебень, глубина 50 см; *5* – пряжка, квадрат Д-68, глина, глубина 180 см; *6* – нож, квадрат Д-62, дерновой слой; *7* – кольцо, квадрат Д-67, суглинок со щебнем, глубина 340 см; *8* – нож, квадрат Д-66, щебень, глубина 220 см; *9* – пружина замка, квадрат Д-57, бурый слой, глубина 130; *10* – личина замка, квадрат Д-68, щебень, глубина 150 см; *11* – перекрестие меча, квадрат Д-59, бурый слой, глубина 230 см; *12* – фрагмент неизвестного предмета, квадрат Д-60, бурый слой, глубина 140 см; *13* – фрагмент тигля, квадрат Д-67, глина; *14* – коса, квадрат Д-57, бурый слой, глубина 130 см; *15* – ледоходный шип, квадрат Д-60, щебень, глубина 65 см

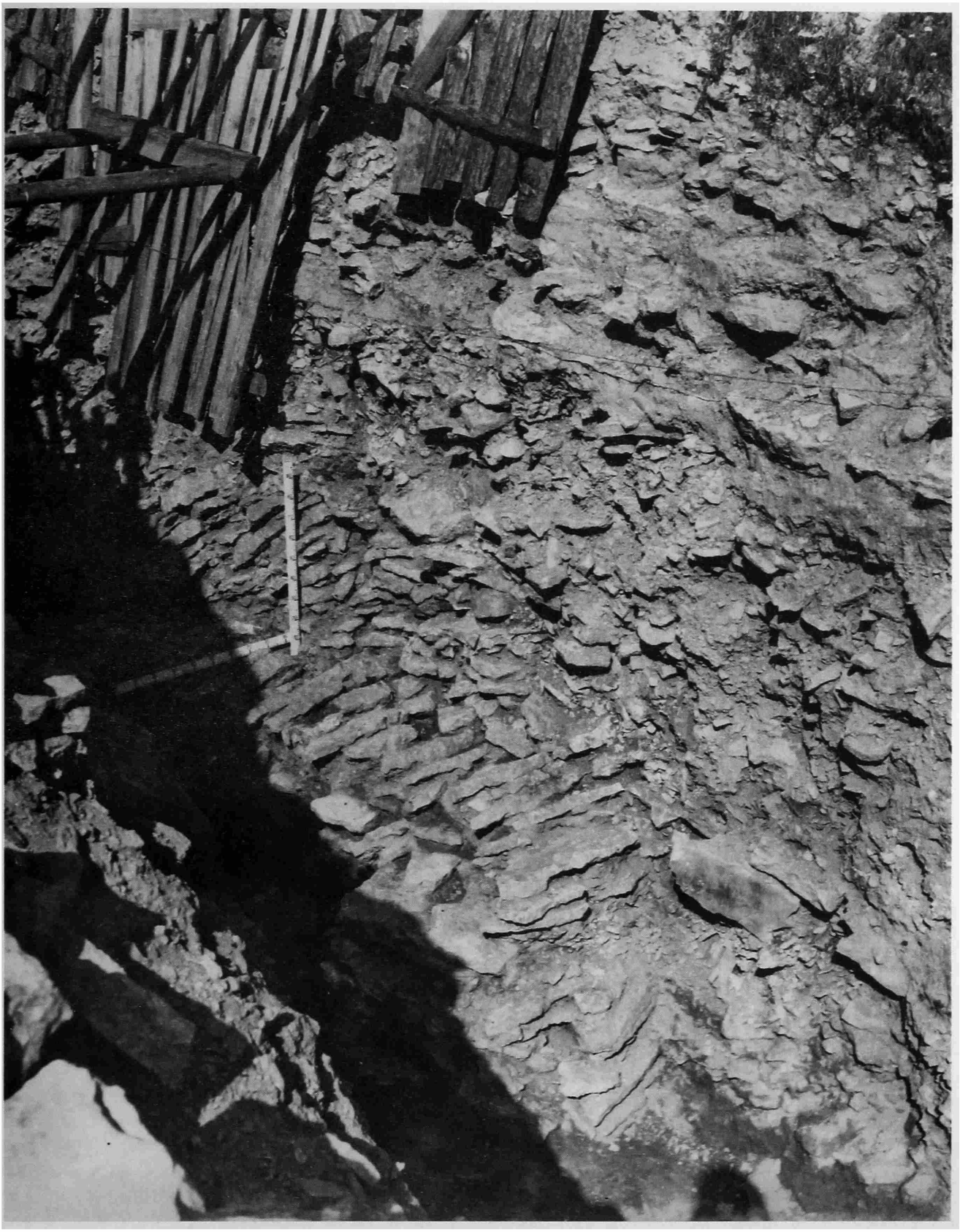

Рис. 193. Разрез вала центральной траншеей, срединная часть насыпи с остатками первоначальной каменной стены. Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова. 1984 г.

Рис. 194. Разрез вала центральной траншеей, нижняя часть восточного профиля. Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

На поверхности траншеи в кв. 3 и 4 еще до снятия дернового слоя были видны крупные плитняковые камни. Под дерном по всей площади открылся слой, состоящий из крупного плитняка, промежутки между камнями были заполнены щебнем и известняковой крошкой (рис. 208; рис. XIII). Несомненно, что это развал каменной стены, устроенной на вершине вала. Сама стена не сохранилась. Однако о ее существовании говорят горизонтально лежащие крупные блоки плитнякового камня в срединной части вала (рис. 209). На склонах такие камни находились в наклонном положении в соответствии с рельефом вала. Мощность слоя I в срединной части достигает 1 м, около 0,4–0,5 м – на восточном склоне, обращенном к жилой части поселения, и 0,2–0,35 м – на противоположном. При разборке его встречены обломки древнерусской керамики, среди которых имеются венчики, датируемые второй половиной XII – началом XIV в. Вещевые находки единичны: железный нож, обломки бронзовой фибулы и наконечника стрелы (рис. 210: *5*).

Под напластованиями, образовавшимися в результате развала крепостной стены, залегал слой мелкого плитнякового щебня – слой II (рис. XIII). Встречаемые в нем битые плитняковые камни раскрошились от пребывания в огне. Они залегают хаотично, но все же прослеживается, что многие из них лежат параллельно склонам вала. Встречены и крупные булыжные камни. На отдельных участках с восточной (внутренней) стороны склона вала отмечены включения коричневого слоя и глины, местами обожженной. Это – участки культурного слоя, снятого с площадки поселения и использованного при сооружении вала. Толщина слоя II в срединной части около 0,5 м, до 0,9 м – на восточном склоне и до 0,2 м – в западной части. Трактовать этот слой можно как подсыпку вала, совершенную на позднем этапе функционирования поселения на городище. На нем и была возведена каменная стена, зафиксированная в виде крупного развала. В срединной части характеризуемого слоя выявлена линза негашенной извести протяженностью с запада на восток до 2 м при толщине 25–45 см.

Рис. 195. Остатки первоначальной каменной стены в центральном разрезе вала. Вид на упавшую плитняковую облицовку с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 196. Разрез остатков первоначальной стены из плитнякового камня в центральной траншее. Западный профиль срединной части насыпи вала. Вид с юго-юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 197. Разрез остатков первоначальной каменной стены в центральной траншее. Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова. 1984 г.

Рис. 198. Остатки обкладки внешнего склона вала плитняковым камнем (квадраты Ж-64, Ж-65). Вид с юго-запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 199. Траншея 1 (1984 г.) через вал (квадраты. Т-62–64, У-62–64). Виден участок каменной стены на вершине вала. Вид с севера. Фото П.Г. Гайдукова. 1984 г.

Рис. 200. Траншея 1 (1984 г.) через вал. Облицовка внешнего (южного) фасада каменной стены на вершине вала. Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 201. Траншея 1 (1984 г.) через вал. Облицовка внешнего (южного) фасада каменной стены на вершине вала. Вид с востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 202. Траншея 1 (1984 г.) через вал. Плитняковая кладка облицовки внутреннего (северного) фасада каменной стены на вершине вала. Вид с северо-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1984 г.

Рис. 203. Траншеи 1 и 2 через вал (1985 г., юго-западная часть вала). Видны участки каменной стены на вершине вала. Вид с юго-востока. Фото А.Р. Артемьева, 1985 г.

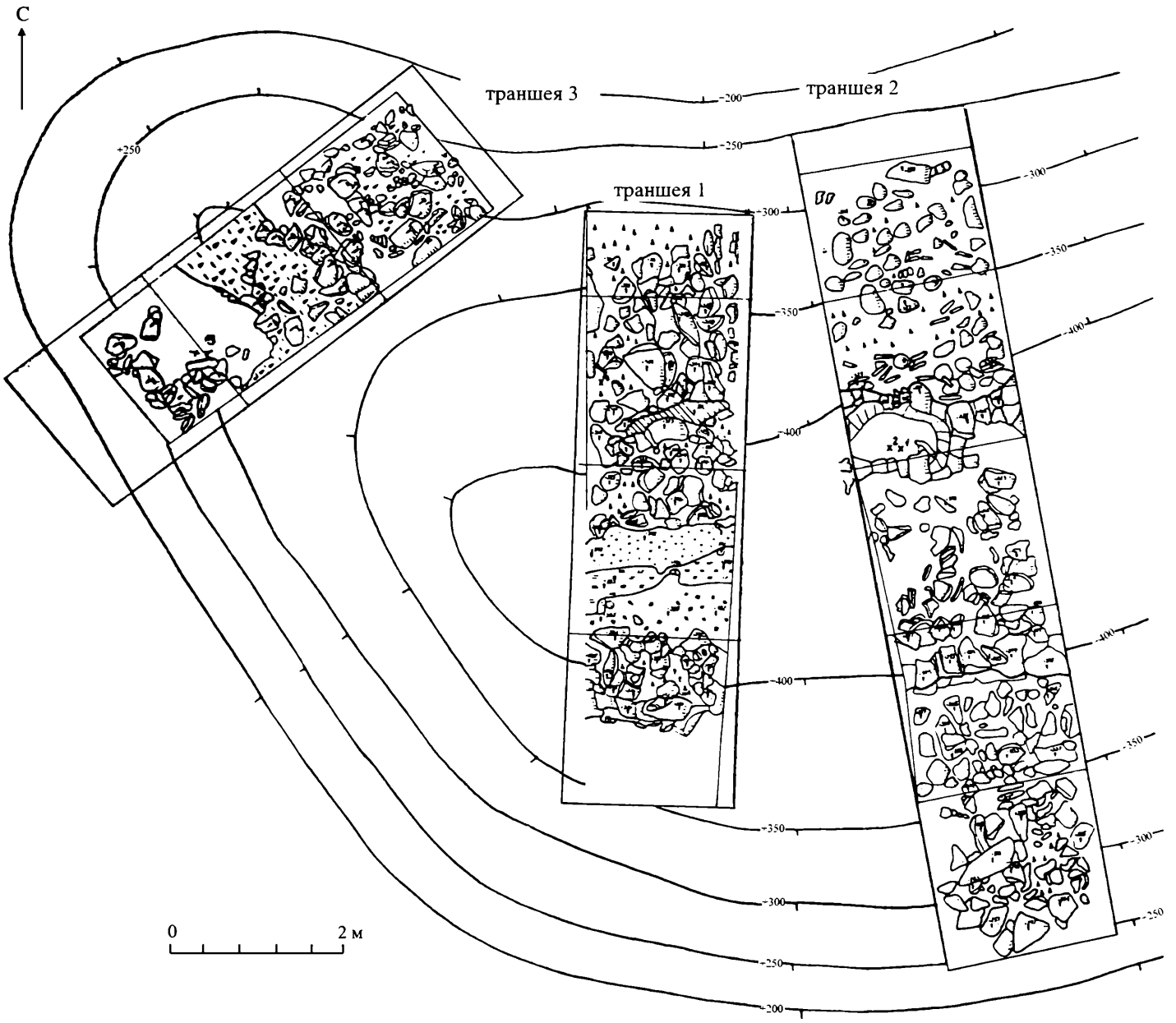

Рис. 204. План траншей 1–3 (1985 г., юго-западная часть вала) после снятия дерна

Керамический и вещевой материал из слоя II неоднороден, что обусловлено использованием для насыпи вала культурного слоя из разных мест поселения. Среди керамики доминируют фрагменты сосудов XII–XIV вв., но имеются единичные, которые близки посуде монастырского времени (XVI–XVII вв.), указывая на некоторые повреждения слоя, не фиксируемые при раскопках. Среди вещевых находок: три железных ножа, ключ, шиферное пряслице, проволочное перстнеобразное височное кольцо с заходящими концами, бронзовая пластина, фрагменты пастовой зонной бусины зеленого цвета и две крицы.

Слой III прослежен только в срединной части насыпи вала (рис. XIII). Он залегает наклонно с запада на восток, повторяя наклон обнаруженного ниже вала. Это – коричневый слой местами серовато-коричневый. На отдельных участках отмечены прорезающие слой небольшие угольно-зольные прослойки. Отмечено присутствие плитняковых камней и щебня. Керамический материал представлен фрагментами горшков XII–XIII вв. Вещевые находки единичны – бронзовая пластина и фрагмент какого-то железного предмета.

Над и под слоем III хорошо читаются угольно-зольные прослойки толщиной 2–4 см. Такая же прослойка толщиной до 7–8 см зафиксирована на внутреннем (восточном) склоне нижележащего вала. Возможно, это остатки каких-то деревянных конструкций, устроенных на вершине вала и впоследствии погибших в пожаре.

Рис. 205. План траншей 1–3 (1985 г., юго-западная часть вала) по открытии верхней части крепостной стены на вершине вала

Еще ниже, на восточном склоне древнего вала выявлен слой IV (рис. XIII). Он состоит из беспорядочно набросанного колотого плитнякового камня и щебня. Отмечено также присутствие булыжных камней и извести. Мощность слоя 30–50 см. Залегает он наклонно, так же как и слой III. Это, по всей вероятности, подсыпка нижележащего вала. При ее разборке встречены фрагменты керамики XII–XIII вв., пряслице из местного известнякового камня, железный нож и фрагменты каких-то предметов из железа.

Слой V (рис. XIII) – валообразная насыпь, образованная из довольно крупных плитняковых камней, лежащих беспорядочно. Многие камни на границе кв. 2 и 3 развернуты под углом 25–50 градусов по отношению к горизонту, в восточной части есть и горизонтально лежащие крупные плитняковые камни. Наибольшая мощность слоя – около 0,9 м.

Скорее всего, эта валообразная насыпь образована из остатков разрушившейся каменной стены. Ее остатки в виде лежащих горизонтально крупных блоков плитнякового камня начали появляться в нижних горизонтах слоя V в кв. 2, а под ними открылся непотревоженный участок крепостной стены. Восточная (обращенная к жилой площадке городища) кладка была расчищена на высоту 40–50 см

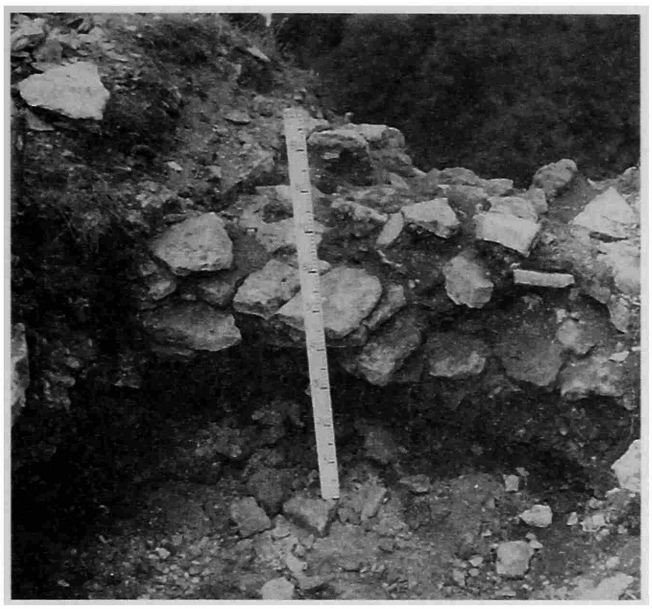

Рис. 206. Внутренняя облицовка плитняковой стены на вершине вала (траншея 3, 1985 г.). Вид с севера. Фото А.Р. Артемьева, 1985 г.

Рис. 207. Внешняя облицовка крепостной стены на вершине вала (траншея 2, 1985 г.). Вид с юга. Фото А.Р. Артемьева, 1985 г.

Рис. 208. Траншея 4 (1986 г.) после снятия дернового слоя. Вид с северо-востока. Фото Н.Н. Фараджевой, 1986 г.

Рис. 209. Траншея 4 (1986 г.), профиль южной стенки. Вид с северо-востока. Фото Н.Н. Фараджевой, 1986 г.

(рис. 211). Сложена она насухо из крупных известняковых блоков размерами от 62 × 40 × 20 до 32 × 30 × 18 см. Западный (наружный) фасад стены от времени раскрошился. Срединная часть стены представляла собой беспорядочный навал рваного плитнякового камня самых различных размеров, промежутки между которыми были заполнены щебнем и серым культурным слоем. В верхней части кладки прослежена прослойка обожженной глины толщиной 5–10 см.

Стена была поставлена на культурном слое темно-серого или черно-серого цвета от значительного содержания угольной пыли (слой VIII). Этот участок крепостной стены не был разобран, поскольку в то время предполагалась музеефикация городища. Он был законсервирован и вся траншея засыпана грунтом, поверхность ее была задернована.

Керамический материал слоя V представлен фрагментами древнерусской гончарной посуды и шестью обломками лепной. Кроме того, найдены клык-амулет (рис. 210: *6*) с отверстием для подвешивания и обломок неопределимого железного предмета.

Слой VI (рис. XIII) – мелкая крошка известнякового камня, образовавшаяся в результате разрушения внешней облицовки характеризуемой стены. Каких-либо находок при его разборке не встречено. Слой VII – темно-серый, толщиной 7–13 см – выявлен на ограниченной площади с внутренней стороны стены (рис. XIII). Он перекрывается щебенчатым развалом стены, но с другой стороны накрывает слой VI. Очевидно, его образование относится к первому (раннему) периоду функционирования стены. Керамический материал этого слоя включает два десятка фрагментов древнерусской керамики, среди которых есть венчики X–XII вв. Кроме того, в слое встречены бронзовые плоско-выпуклый браслет (рис. 210: *3*), орнаментированный пунктирными поперечными и перекрещивающимися линиями, и небольшая подковообразная фибула с ложнокрученым стержнем и гвоздевидными концами (рис. 210: *2*).

Нижележащие напластования (слой VIII) – слой черного цвета, насыщенный углем, лежащий на материке. Мощность его колеблется от 20 до 38 см. В ряде мест слой прорезают прослойки обожженной и необожженной глины.

Рис. 210. Вещевые находки из напластований траншеи 4 (1986 г.)

1 – пряжка (слой VIII, квадрат 3); *2* – фибула подковообразная (слой VII, кв. 5); *3* – браслет (слой VII, квадрат 4); *4* – шило (слой VIII, квадрат 4); *5* – наконечник стрелы (слой I, квадрат 6); *6* – клык-амулет (слой V, квадрат 2). *1–3* – бронза; *4* – железо и кость; *5* – железо

В кв. 1 прослойка обожженной глины прослежена под черным слоем. Здесь и частично в кв. 1 на материке находилась угольная прослойка толщиной 2–5 см. При снятии слоя зафиксированы остатки печей в виде скоплений печины, массивов обожженной глины, небольших вымосток плитнякового камня. В кв. 1 в нижнем угольном слое выявлен угол срубной постройки, дошедшей до нас в виде тлена. В верхних горизонтах слоя VIII встречены небольшие обломки раннегончарной керамики. В основном же слой характеризуется лепной посудой. Из него же происходит бронзовая пряжка (рис. 210: *1*), железное шило с костяной рукояткой (рис. 210: *4*), глиняное пряслице, фрагмент пряслица из местного камня и неопределимые железные предметы. Очевидно, что слой VIII отложился в то время, когда с напольной стороны еще не была выстроена каменная стена.

Рис. 211. Остатки первоначальной стены в траншеи 4 (1986 г.). Вид с севера. Фото Н.Н. Фараджевой, 1986 г.

Въезд на городище с юго-запада

Для выяснения характера укреплений поселения в юго-западной его части были проведены раскопочные работы (1987–1992 гг.). Первоначально было заложено 9 квадратов размерами 2 × 2 м – таким образом, чтобы исследовать продолжение стены в слое V траншеи 1986 г., затем раскоп был расширен до 29 квадратов, которые пронумерованы с 1 по 29. Под дерновым слоем здесь всюду находился слой щебня, составляющий верхние части насыпи вала, сильно расплывшейся.

Самым интересным открытием в этом раскопе стало воротное устройство (рис. 212). Кладка из плитнякового камня насухо образовывала облицовку воротного проезда с северо-западной и юго-восточной сторон. Облицовки были сложены в основном из крупного плитнякового камня, при этом лицевой фасад их был более или менее ровным, в то время как камни, обращенные к забутовке, имели рваные края. Забутовку образовывал щебень с включениями светло-серой супеси и глины, в том числе во многих местах сильно обожженной. При выкладке плитняка глина использовалась для выравнивания поверхностей кладки и для заполнения образующихся пустот. Сохранность кладок очень плохая, в некоторых местах они открыты раскопка-

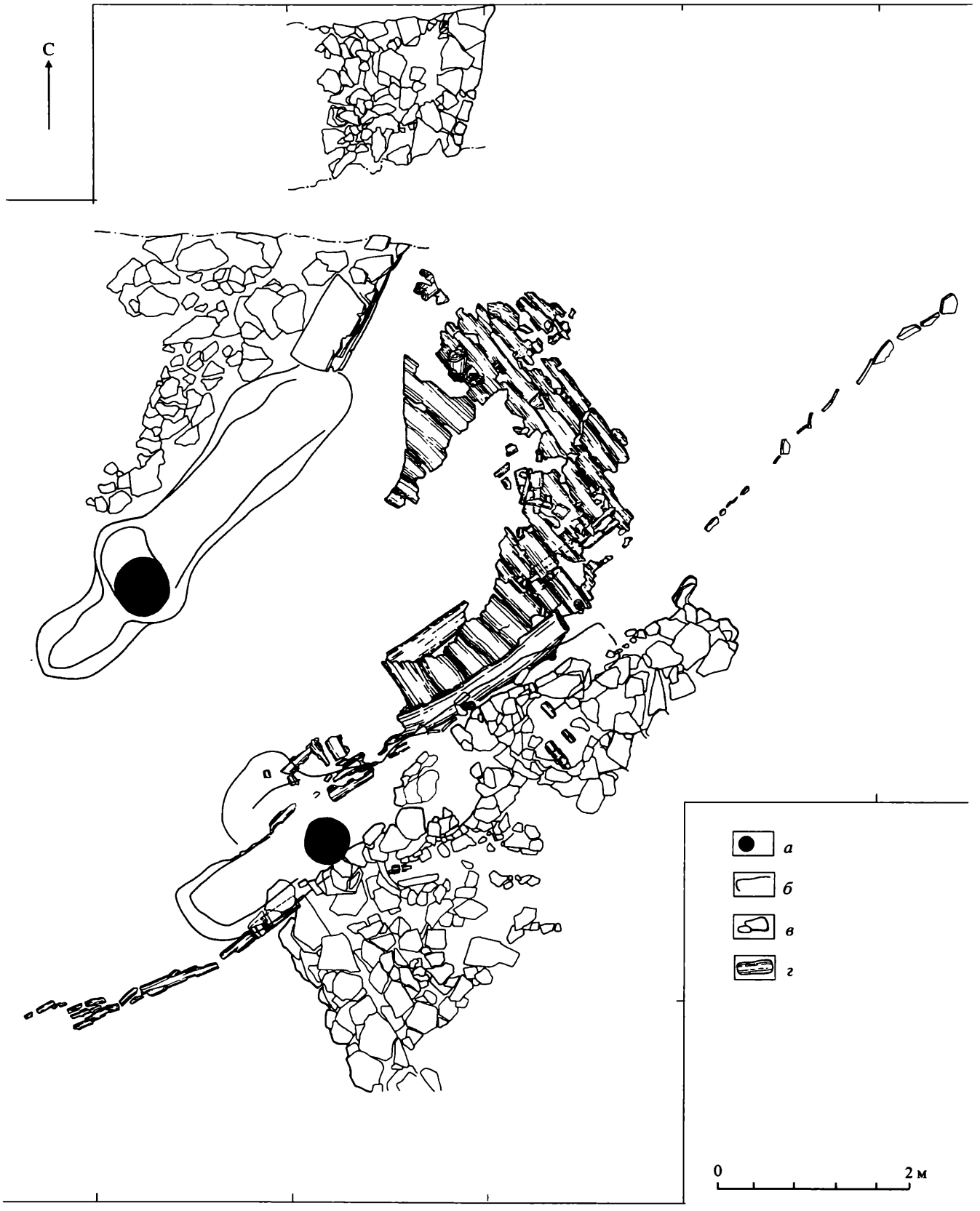

Рис. 212. План остатков сооружений западного въезда (раскопы 1986–1992 гг.). Совмещение планов первого и второго строительных горизонтов

а – ямы воротных столбов; *б* – канавки в материке; *в* – известняковые блоки; *г* – обугленное дерево

ми в наклонном состоянии. Воротный проем между кладками был заполнен развалом плитняка, образовавшимся из упавших верхних частей. Развал камней и сдерживал падение кладок. Наибольшая высота сохранившихся участков кладки – 1,5 м. Здесь прослежено 13 ярусов кладки из плитнякового камня. Общая длина кладки вдоль ворот достигала 5 м.

При расчистке фасадов характеризуемых кладок зафиксированы торцы обугленных бревен, очевидно, положенных для связи кладок из плитняка с забутовкой. Остатки таких бревен в виде тлена выявлены и при изучении забутовки. В основании кладок, вдоль них, прослежены канавки, вырытые в нижних горизонтах культурного слоя и в материке. Ширина их в верхней части достигала 0,5–0,6 м, в том числе в материке до 0,35–0,40 м. Стенки их были рваными, но близки к вертикальным. Длина канавки у северо-западной кладки воротного проезда – 4,5 м, у юго-восточной – около 5 м. Заполнены они были рваным плитняковым камнем, часто лежащим почти вертикально. Нужно полагать, что в канавках крепились нижние части какой-то деревянной конструкции. Наблюдения над заполнениями канавок показывают, что эти конструкции существовали продолжительное время и два-три раза перестраивались*.

На границе кв. 5 и 8 при канавке, идущей вдоль северо-западной кладки, выявлена столбовая яма диаметром 0,55 м, глубина от нижнего уровня каменной кладки 0,8 м. Такая же столбовая яма открыта прямо напротив первой в кв. 12. Она имела несколько наклонные стенки и горизонтальное дно. Заполнение ямы в средней части состояло из сыпучего грунта, а по краям находились плитняковые камни почти в вертикальном положении. Очевидно, что нижняя часть столба, опущенная в яму, имела диаметр 0,45 м. По мере прогнивания дерева образующиеся пустоты заполнялись сыпучим грунтом серого цвета. Несомненно, эти два столба составляли единую конструкцию из дерева. Нужно полагать, к стоякам крепились деревянные воротные створки.

Пространство между каменными кладками имело ширину 2–2,5 м. Расстояние между канавками на юго-западе – 2,3 м, на северо-востоке – 3 м, между охарактеризованными столбовыми ямами – 2,5 м. Здесь были выявлены остатки сгоревшей деревянной мостовой. Анализ их позволяет утверждать, что мостовая была сложена из широких плах (до 30 см), уложенных на три ряда продольных лаг. Каждый ряд состоял из двух–трех параллельно расположенных тонких бревен диаметром 5–10 см. Прослеженная длина лаг – 3,1 м. Расчищены остатки не менее 20 плах. С учетом пятен древесного тлена, выявленного северо-восточнее, длина зафиксированного раскопками участка мостовой составила 6,5 м. В кв. 9 и 24 вдоль фасада описанных выше каменных кладок на концы плах мостовой было положено бревно длиной 2,2 м и толщиной 15 см. По всей вероятности, подобным бордюром были укреплены края всей мостовой.

В результате изучения напластований раскопа выделено несколько слоев. Верхний слой (1) состоял из щебня с обломками плитнякового камня и различными включениями серой супеси, песка и извести. В ряде мест прослежены фрагменты каменной стены, проходившей по гребню вала, когда въезд на этом месте уже был ликвидирован. Слой 2 толщиной до 1,2 м представлял собой горизонты разрушения въездных укреплений позднейшего периода (XII–XIII вв.), о деталях конструкции которых судить сложно. Здесь выявляется крупное скопление обожженной глины с темно-коричневыми включениями от перегнившего дерева и многочисленными кусками обугленных бревен. В двух случаях расчищены вероятно, бревна, срубные сочленения.

Слои 4 и 3 соответствуют строительству, функционированию, разрушению и возобновлению вышеописанного воротного устройства. К слою 3 относится также мощная досыпка вала из щебня с некрупными кусками плитнякового камня, перекрывавшая каменные кладки. Отмечены также включения темно-серого слоя, угля, обожженной глины. К этому же слою отнесены напластования развала каменных кладок.

Слой 5 мощностью до 40 см имел однородную темно-бурую или темно-серую окраску. В кв. 5 и 8 в нем выявлены скопления небольших камней. Ниже открылся материк, поверхность которого в восточной части была близка к горизонтальной, далее на запад она плавно понижалась к краю городищенской площадки. Это плитняковая скала, покрытая красно-бурой глиной. В кв. 14–15 и 27–28 на материке прослежены крупные линзы глины желто-оранжевого цвета протяженностью 4,25 м в первом случае и 3,65 м – во втором. Мощность их достигала 25 см.

В слое 5 встречены исключительно фрагменты лепной посуды (рис. 213: *5–8*), в том числе отмечено несколько скоплений. Кроме того, при разборке слоя обнаружены пряслица из глины и из местного камня, оселок, два рыболовных крючка (железный и бронзовый), крупный фрагмент массивного железного серпа, железный нож, небольшая светло-зеленая зонная бусина из стекла и бисеринки, обломки бронзовых шейной гривны и спирали, фрагмент костяной лопаточки и несколько сильно корродированных железных предметов.

Керамический материал слоев 4 и 3 представлен фрагментами той же лепной посуды вместе с посудой, изготовленной на гончарном круге (рис. 213: *1–4*; 214). Вероятно, слой 4 начал откладываться еще

* Канавка вдоль северо-западной кладки продолжалась и далее на восток (проходя по краю дороги), но здесь она была более узкая и мелкая, подобно тем, которые огораживали детинец и усадьбу в юго-западной части площадки (в линиях квадратов 45–48). Последняя канавка и в плане продолжает линию канавки, огораживавшей дорогу в районе юго-западных ворот. Очевидно, здесь можно реконструировать единую линию частокола, проходившего от ворот к востоку (*примеч. ред.*).

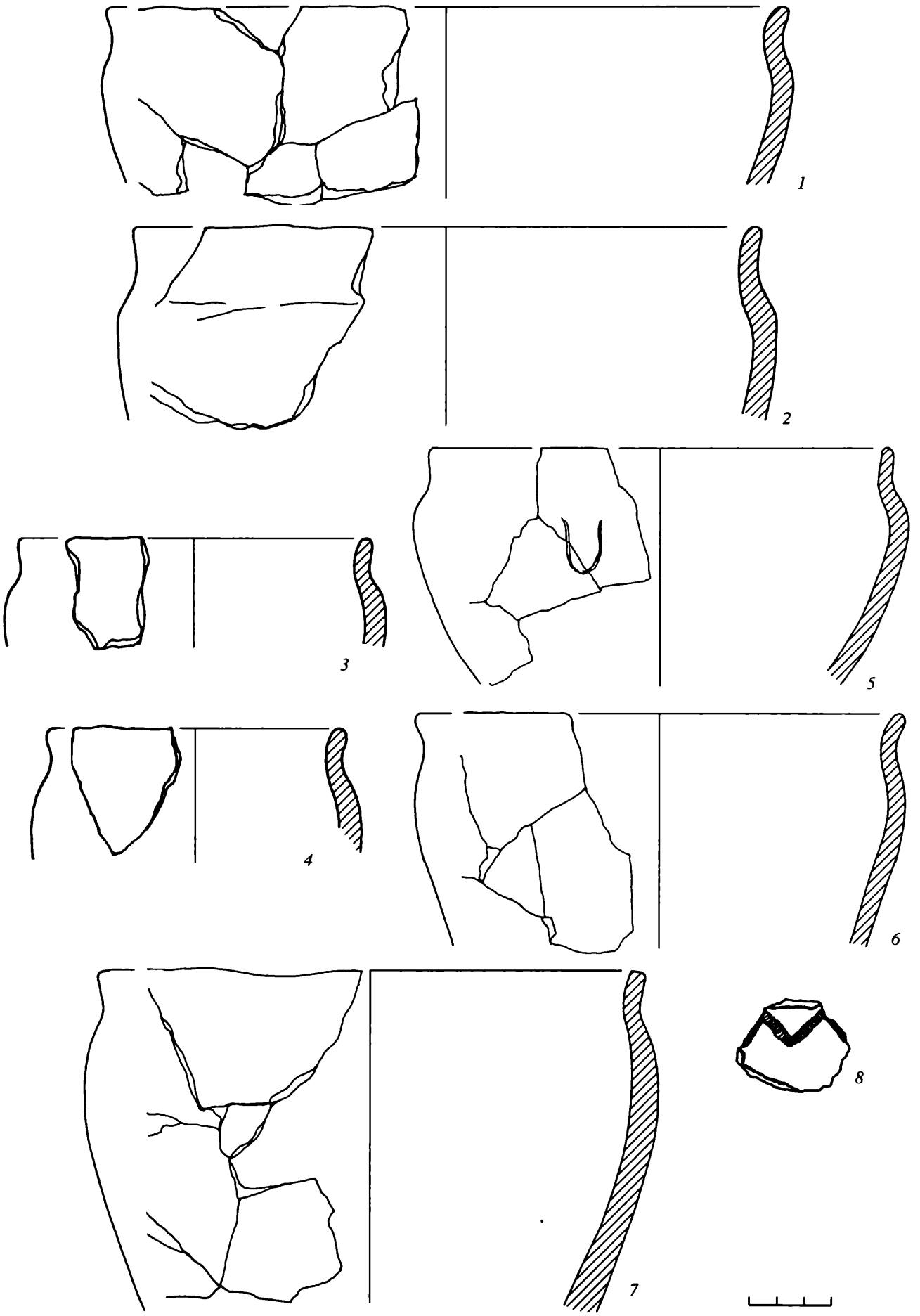

Рис. 213. Керамика из раскопа на юго-западной части вала (рис. Н.В. Лопатина)
1–4 – слой 4; *5–8* – слой 5

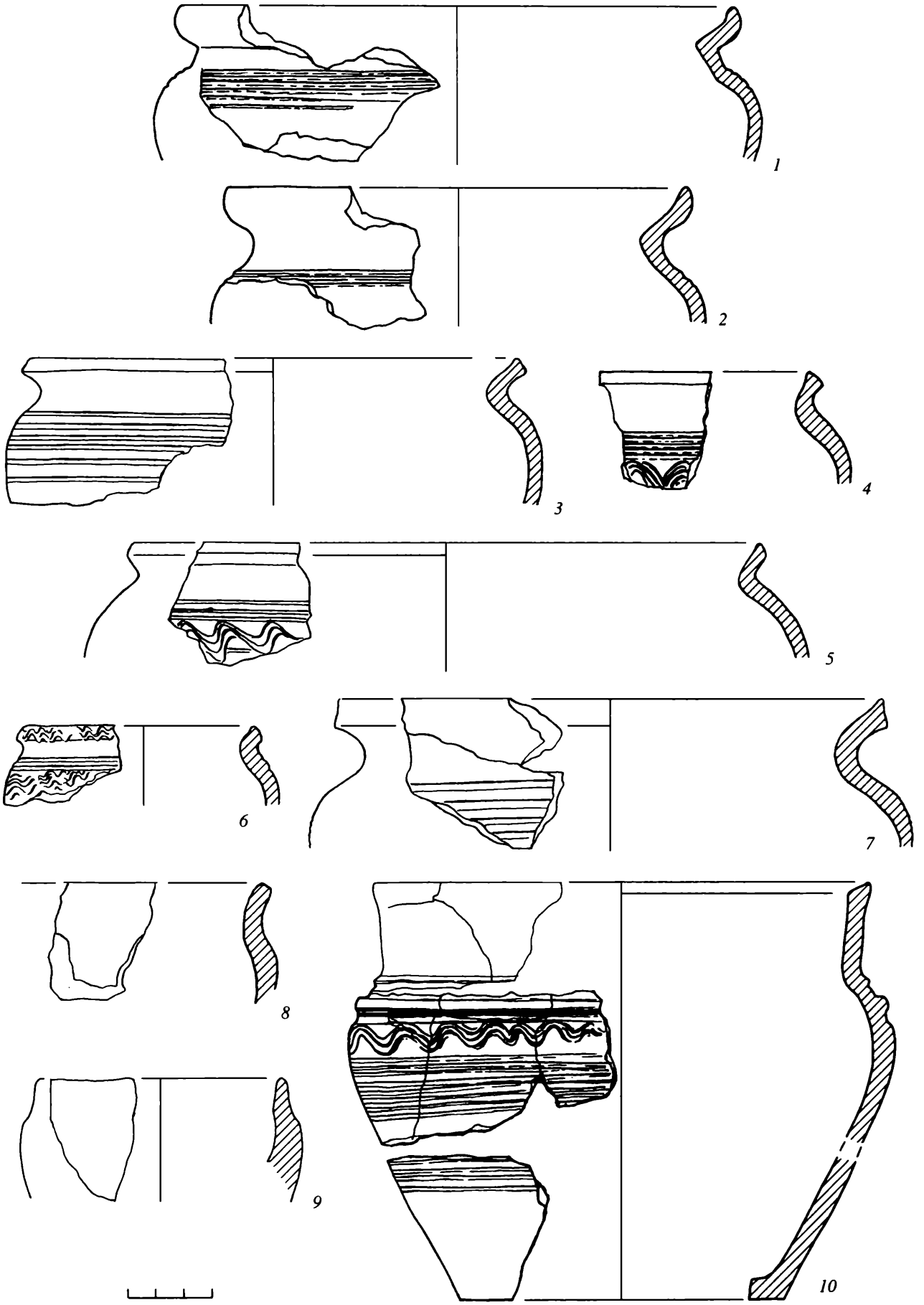

Рис. 214. Керамика из раскопа на юго-западной части вала (рис. Н.В. Лопатина). Слой 3

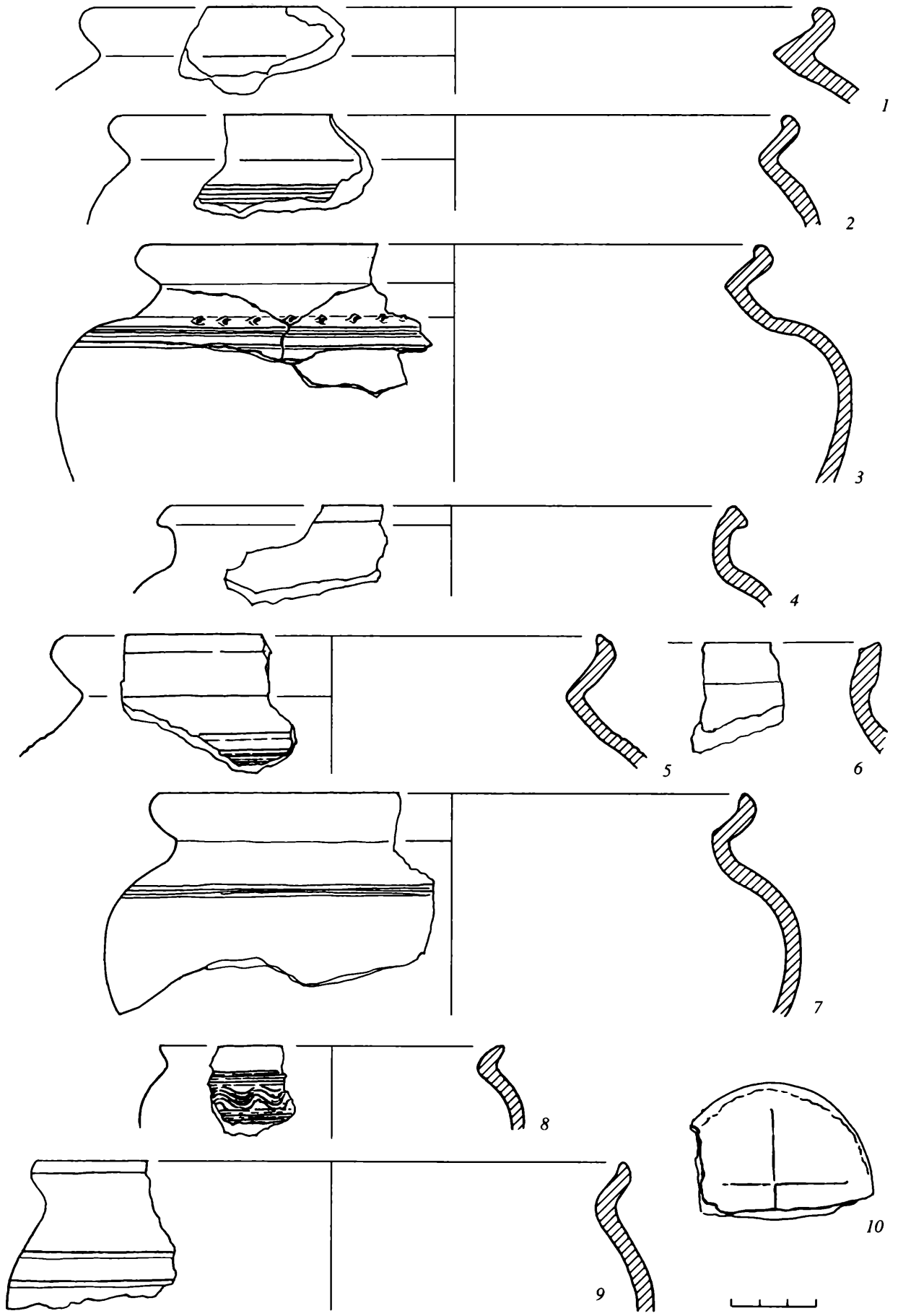

Рис. 215. Керамика из раскопа на юго-западной части вала (рис. Н.В. Лопатина)
1–3 – слой 1; *4–10* – слой 2

до появления круговой керамики, однако определить это наверняка не представляется возможным. Фрагменты круговой посуды принадлежат в основном к ранним типам богатоорнаментированной посуды. Встречены и фрагменты более поздних горшков, отражая потревоженность напластований.

Из четвертого слоя происходят глиняное и каменное пряслица, костяная проколка, бисеринка из светло-зеленого стекла, крица, голубая кубовидная бусина прозрачного стекла, датируемая по ладожским аналогиям в пределах VIII–X вв.

Вещевые находки из слоя 3 включают железный нож, бронзовую обоймицу, обломок костяного трехслойного гребня, украшенного циркульным узором (X – первая половина XI в.), бочонковидную золотостеклянную бусину, бронзовые бубенчик и трапециевидную привеску с орнаментом из выпуклых кружков и ряд неопределимых предметов из железа.

Среди находок слоя 2 доминирует керамический материал XIII – начала XIV в., но встречаются и фрагменты гончарных горшков, возможно, относящихся к XII–XIII вв. (рис. 215: *4–10*). Из вещевых находок имеются железные ножи и шилья, арбалетный наконечник стрелы типа 10 по А.Ф. Медведеву (конец XII – первая половина XIII в.), обломки шпоры и наносника шлема (*Артемьев, Лопатин*, 1994), фрагменты бронзовой проволоки, спиральки и бусины, пряслица из местного камня и из волынского шифера, обломок киевской амфоры, фрагмент тигля, три зонные и винтообразная бусины темно-синего стекла.

В слое 1 найдена исключительно керамика XIII – начала XIV в. (рис. 215: *1–3*). Здесь же встречены немногочисленные вещевые находки. Среди них арбалетный втульчатый наконечник стрелы типа 1 по А.Ф. Медведеву, несколько железных ножей и др.

В результате раскопочных изысканий на этом участке городища выявляется следующая картина. Нижний слой (5) отложился в догородской период, когда безраздельно господствовала лепная керамика. Материалы раскопок не дают ответа на вопрос, имелся ли здесь въезд на городище. Только на основе более поздних данных можно предполагать его функционирование с самого начала жизни поселения.

Следами первых деревянных воротных устройств являются канавки, вырытые в нижнем слое и материке (к сожалению, в их заполнениях никаких находок не обнаружено). Их время определяется или последним периодом бытования исключительно лепной керамики, или временем, когда изборянами использовалась и лепная, и гончарная посуда. По своей форме и заполнению канавки тождественны остаткам деревянной ограды детинца, и скорее всего они являются синхронными сооружениями. Детали этого воротного устройства не ясны. Далее дорога за пределы городища проходила по краю площадки между очень крутым склоном в обрыв и отрогом вала. Преодолев ров, можно было выехать на посад.

Следующим этапом в истории воротного устройства стало сооружение каменных стен, оконтуривших торцы вала и образовавших коридорообразный проезд. Видимо, к этому же периоду принадлежат стояки, вплотную примыкавшие к каменным кладкам и держащие воротные створки. Весьма вероятно, что сооружение этих каменных ворот относится ко времени возведения крепостной стены по периметру поселения, но не исключено, что они были выстроены и несколько ранее. Следовательно, функционирование въезда с каменным коридором следует относить к XI–XIII вв. Зафиксированные раскопками остатки деревянной вымостки стратиграфически связываются с этим этапом. Однако отдельные фрагменты дерева прослежены и в нижележащем горизонте культурного слоя, что допускает предположение о существовании деревянной мостовой и тогда, когда воротный коридор был оформлен деревом. Образование на проезжей части плотного культурного слоя говорит о длительном функционировании ворот.

К сожалению, материалов для определения времени разрушения характеризуемого воротного сооружения раскопки не дали. Следует полагать, что ворота здесь функционировали до XIII в., может быть, включая какую-то часть этого столетия. На позднем этапе на руинах каменных ворот был насыпан вал с каменной стеной на гребне. В насыпи встречена керамика XIII – начала XIV в.

Другие прорезки вала

Разрез вала (рис. V) траншеей по линии 41 (кв. Щ-41, Э-41, Ю-41, Я-41) выявил два этапа его сооружения (рис. 216). В насыпи отчетливо выявляются два слоя. Нижний, валообразный шириной около 4,5 м и высотой до 1,1 м – щебень с песком без каких-либо находок, насыпан на культурном слое толщиной 10–30 см, в котором выделяются две прослойки. Лежавшая непосредственно на материке представляла собой серую супесь с многочисленными включениями необожженной глины также сероватого оттенка. На ней находилось наслоение черно-бурого цвета. Каких-либо материалов в этих прослойках под насыпью вала не обнаружено. Однако в кв. Ш-41 и Щ-41 при изучении той же черно-бурой прослойки встречено несколько фрагментов ранне-гончарной посуды, на основании чего следует полагать, что первые укрепления на этом участке были возведены, по всей вероятности, одновременно со строительством каменной крепостной стены по периметру поселения.

Вышележащая часть насыпи вала состояла из многочисленных плитняковых камней и серой супеси. Это – несомненно развал каменной стены. Ширина его теперь достигла 5 м, высота не менее 1,6 м. С внутренней стороны насыпь скорее всего имела какое-то ограждение, возможно, из дерева,

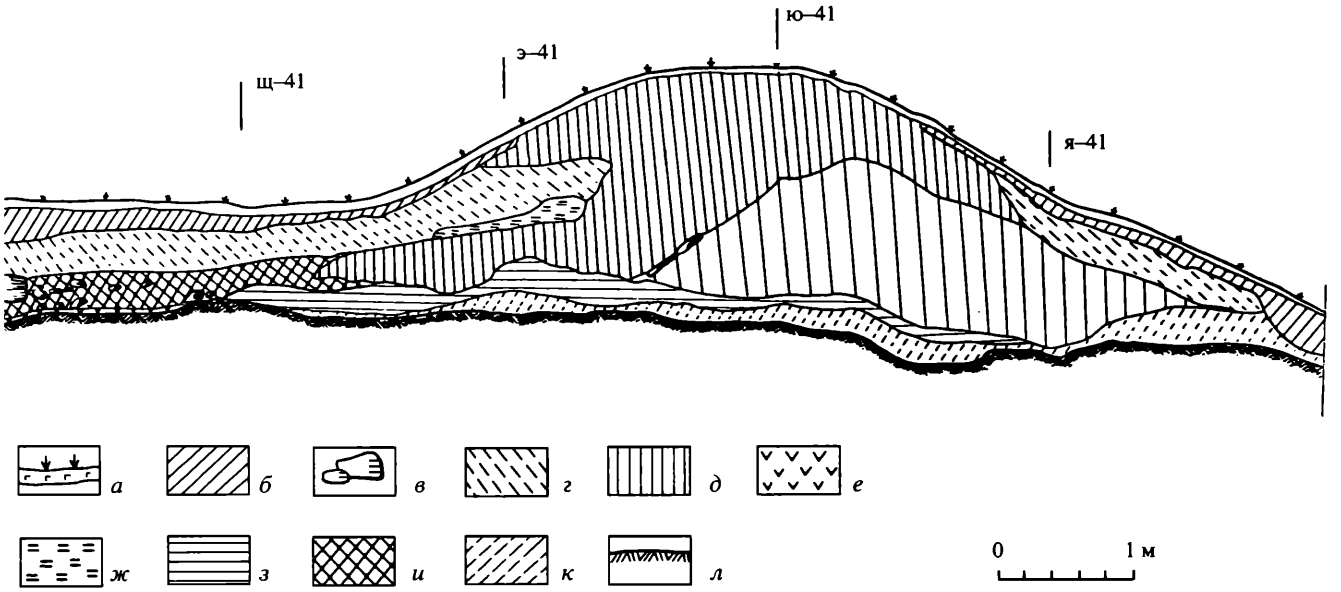

Рис. 216. Разрез отрога вала по линии квадратов Ш-41–Я-41

а – дерновой слой; *б* – темно-серый рыхлый слой; *в* – камни; *г* – светло-серый слой с небольшим количеством камней и мелкими включениями обожженной глины; *д* – камни с серой супесью; *е* – зола; *ж* – обожженная глина; *з* – черно-бурый слой; *и* – серый слой с тонкими прослойками глины; *к* – бурый слой; *л* – материк

о чем свидетельствует врезка в развал крепостной стены в виде языка светло-серого культурного слоя, отложившегося, судя по керамическому материалу, в основном в XII–XIII вв. Таким образом, сооружение каменной оборонительной стены на вилообразном основании может быть отнесено к концу XI – началу XII в.

Еще две траншеи прорезали отрог вала в его восточной части (рис. V). Они были направлены на поиски фундаментных остатков храмовой постройки древнерусского периода, которая, как можно предполагать, должна находиться под Никольской церковью XVI–XVIII вв.

Траншеи имели ширину 2 м. Одна из них прорезала вал через кв. XXI-45, XX-45, XIX-45 и XVIII-45 вплоть до апсиды церкви. Поверхность траншеи была задернована. Насыпь вала под дерновым слоем имела высоту до 2 м, состояла в основном из рваного плитнякового камня самых разных размеров, набросанного абсолютно беспорядочно, и щебня. При разборке ее встречено несколько маловыразительных фрагментов древнерусской гончарной керамики. Под насыпью на материковом плитняке залегала прослойка черного цвета с большим содержанием угольков и угольной пыли, имевшая толщину 3–10 см, при разборке которой найдено два фрагмента стенок лепной посуды. К сожалению, насыпь вала в той части, которая непосредственно примыкала к церкви (кв. XVIII-45 и частично XIX-45), оказалась полностью потревоженной могильными ямами. Здесь от дерна до материка прослежен сильно потревоженный слой, состоящий из щебня, песка, фрагментов плитнякового камня, битого кирпича и кусочков извести. В этом слое обнаружены разрозненные скелетные остатки нескольких погребенных, очевидно, потревоженных при неоднократных захоронениях. В северной части кв. XVIII-45 на материке открыта кладка склепа, сложенная из кирпича на цементном растворе. Ее решено было не разбирать.

Выявить этой траншеей какие-то остатки древней церкви не удалось. При копке могильных ям нижние части стены апсиды Никольской церкви XVI в., сложенной из плитнякового камня, и ее фундамента, сооруженного из крупных плит и крупных камней с рваными очертаниями, были несколько повреждены. Фундамент был сложен непосредственно на материке.

Вторая траншея шла от раскопанной площади городища на юг к северной стене четверика Никольской церкви (рис. V). Это – кв. XV-40 – XV-43. Под дерновым слоем открылся сильно потревоженный могилами слой из серой супеси с большим содержанием щебня и рваных плитняковых камней. В процессе разборки слоя выявлено несколько потревоженных захоронений. В примыкавшем к церки кв. XV-43 под дерном прослежена прослойка извести с включениями глины толщиной до 30 см. Ниже лежал слой щебня с включениями серой супеси, в котором встречены разрозненные кости погребенных. На материке лишь в отдельных местах сохранился черный слой толщиной до 30 см. При его изучении обнаружены обугленные зерна культурных растений и лесные орехи, однако не исключено их позднее происхождение, поскольку характеризуемый слой был частично нарушен. В напластованиях траншеи встречены фрагменты древнерусской гончарной керамики, посуды монастырского времени и керамика XIX–XX вв. Материк в траншее, выявленный после снятия наслоений, – плитняк, сильно побитый при рытье могильных ям.

Рис. 217. Вид Никольской церкви и местоположение северной траншеи. Вид с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

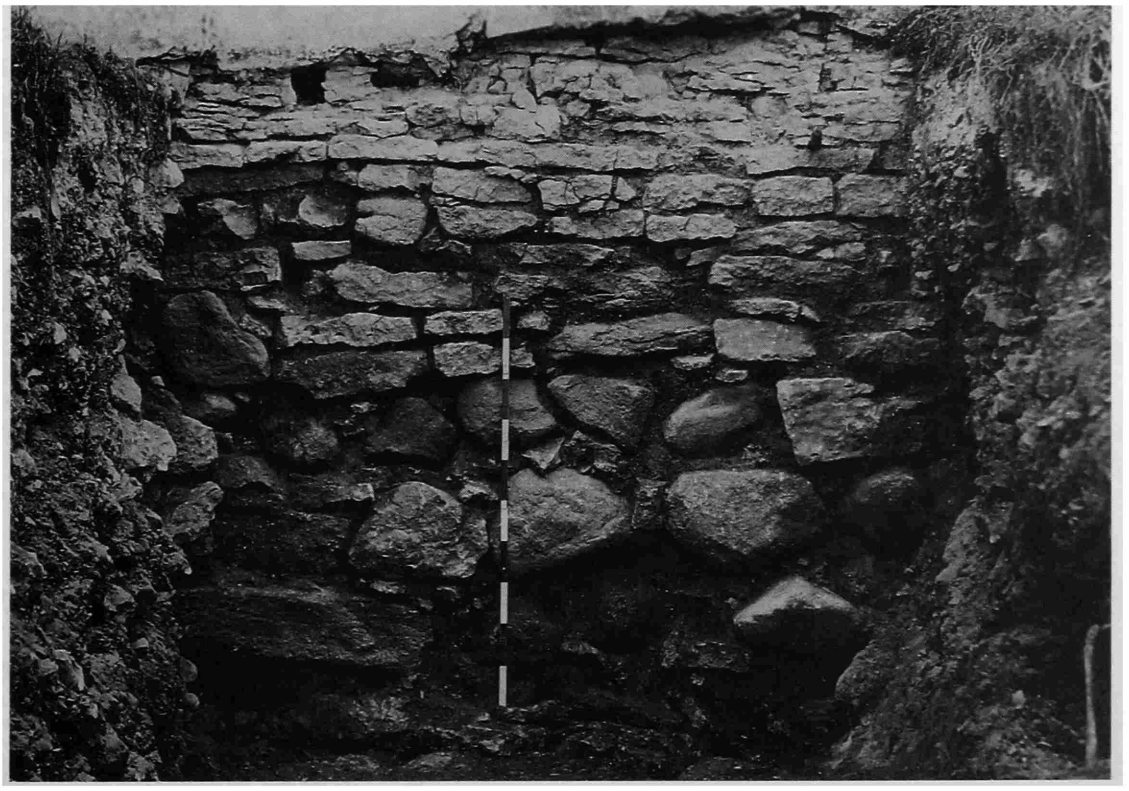

Рис. 218. Фундамент и нижняя часть кладки стены Никольской церкви, открытые в северной траншее. Вид с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

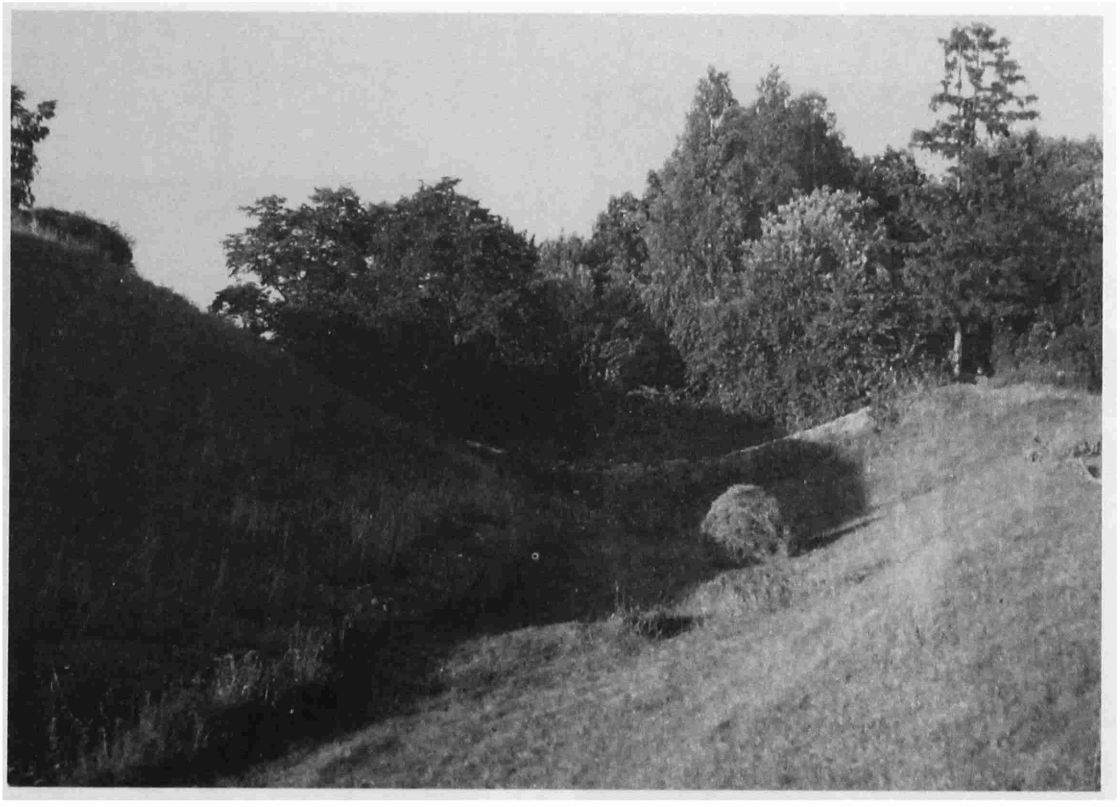

Рис. 219. Вид центральной части рва городища с запада. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

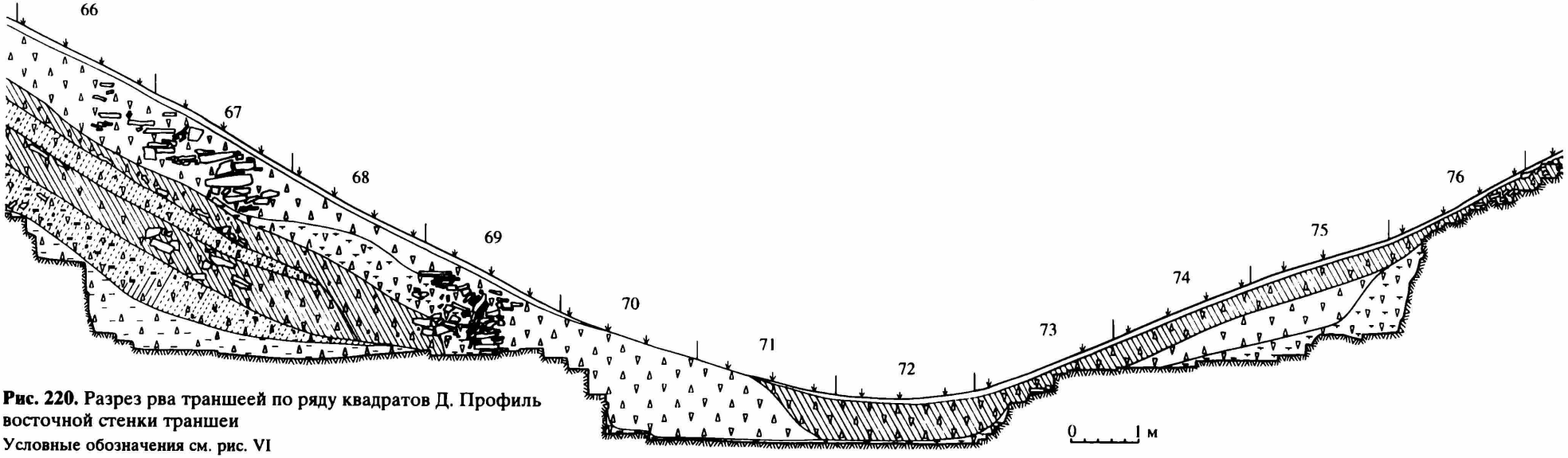

Рис. 220. Разрез рва траншеей по ряду квадратов Д. Профиль восточной стенки траншеи

Условные обозначения см. рис. VI

Траншеей была обнажена нижняя часть стены церкви и ее фундамента (рис. 217, 218). Ниже слоя штукатурки, который окончился на уровне дневной поверхности, открылась кладка стены, сложенная из подтесанного плитнякового камня на известковом растворе. Низ стены сложен из более крупных блоков плитняка. Верхнюю часть фундамента (до 0,5 м в высоту) образовывала кладка из плитнякового камня в три–четыре яруса на растворе из красной глины. Ниже (до 0,9 м) фундамент сложен из крупных валунных камней на таком же глиняном растворе. Фундамент покоится непосредственно на материке. При расчистке нижних камней фундаментной кладки выявлены остатки черно-серого слоя с мелкими фрагментами лепной керамики. Очевидно, что этот слой был прорыт при постройке церкви в XVI в., что как будто исключает нахождение в этом конкретном месте более раннего храмового строения.

Разрезы рва

Основная прорезка рва осуществлена той же траншеей, которая пересекала насыпь вала в его срединной части. Разрез проходил по ряду квадратов Д от 66 до 79 (рис. V). На этом участке ширина рва в современном виде достигала 25 м (рис. 219). Его строение и стратиграфия заполнения переданы на рис. 220. На рис. 221–224 фотографиями документированы южный и северный склоны рва после выемки его заполнения.

Анализ заполнения рва свидетельствует, что его северная треть заполнилась в результате многократного сползания насыпи вала и руин каменных стен, стоявших на его вершине. Можно полагать, это заполнение в своей нижней части относится ко времени жизни на городище, в верхней – к последним периодам функционирования поселения и ко времени, когда оно уже было оставлено жителями. Заполнения южной и срединной частей рва составляли слои щебня с большим содержанием серой супеси. Это – результат постепенного и длительного наплывания слоя.

Ров был выдолблен в материковой скале, возможно, в два этапа. На первом этапе он имел отвесные стенки высотой около 2,3 м со стороны вала и 3,2 м с южной стороны. Со всеменем верхняя часть южного склона рва отслоилась и осыпалась. С северной стороны склон на середине высоты имел небольшую ступень. Дно было горизонтальным, ширина рва по дну – около 19 м. Установить, когда было выдолблено углубление в срединной части дна рва, не удается. Его глубина – до 1,2 м. Стенки углубления были ступенчатыми, с северной стороны их насчитывается три, с южной они дошли до нас в осыпавшемся виде. Ширина углубления в верхней части – 7,4 м, по дну – около 5,3 м. В целом объяснить, чем обусловлены были особенности строения рва, затруднительно.

Рис. 221. Внешний (южный) склон рва в траншее по ряду квадратов Д. Вид с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

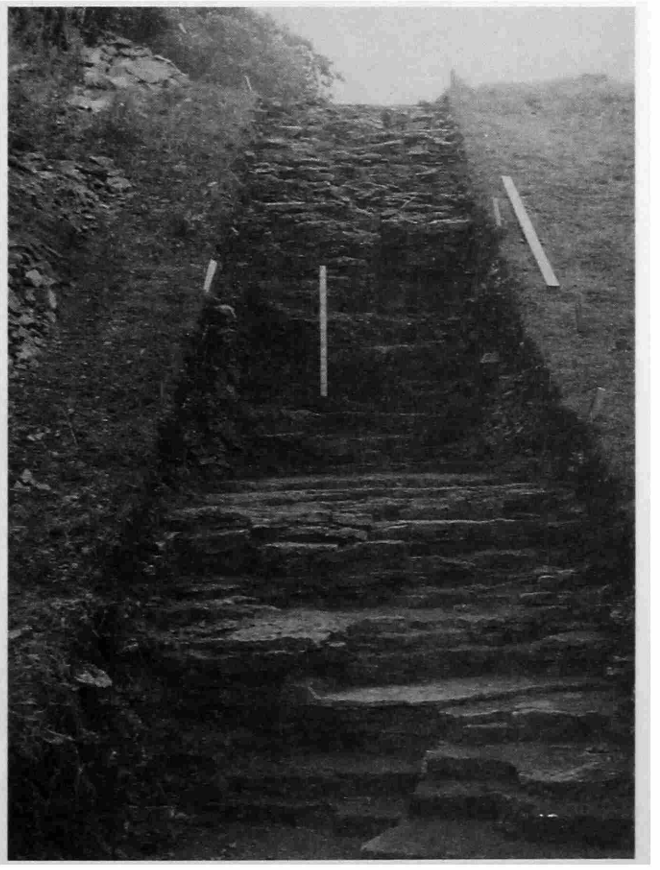

Рис. 222. Внешний (южный) склон рва в траншее по ряду квадратов Д. Вид с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

Рис. 223. Внутренний (северный) склон рва в траншее по ряду квадратов Д. Вид с юга. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

Рис. 224. Внутренний (северный) склон рва в траншее по ряду квадратов Д. Вид с юго-востока. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

На дне рва около северного края описанного выше углубления (кв. Д-69) имелась стенка, сложенная насухо из рваного плитнякого камня (рис. 225), сохранившаяся в высоту до 0,6 м, а, судя по профилю, имела высоту не менее 1 м (в древности еще больше). Очевидно, это была опорная ограда, сдерживающая грунт, сползавший с насыпи вала. С другой стороны, она придавала большую глубину рву.

В слоях заполнения рва встречены немногочисленные фрагменты древнерусской гончарной керамики.

Второй траншеей было прорезано заполнение рва в его восточной, ныне весьма неглубокой и пологой

Рис. 225. Траншея по ряду квадратов Д. Вид рва и плитняковой кладки в кв. Д-69 с севера. Фото П.Г. Гайдукова, 1983 г.

части, где в настоящее время проходит грунтовая дорога, по которой осуществляется въезд на городище (рис. V). Для получения разреза, перпендикулярного направлению рва, ориентировка траншеи изменена, она не соответствует сетке квадратов на городище. Длина траншеи 22 м, ширина 1 м – первоначально она была разбита на условные квадраты 2 × 1 м. По мере раскопок траншея в наиболее глубокой части расширена (рис. 226).

В профиле северо-восточной стенки траншеи (рис. 227) видно, что под дерновым слоем открылся темно-коричневый слой, имеющий толщину до 10 см по краям и до 65 см в срединной части. В наи-

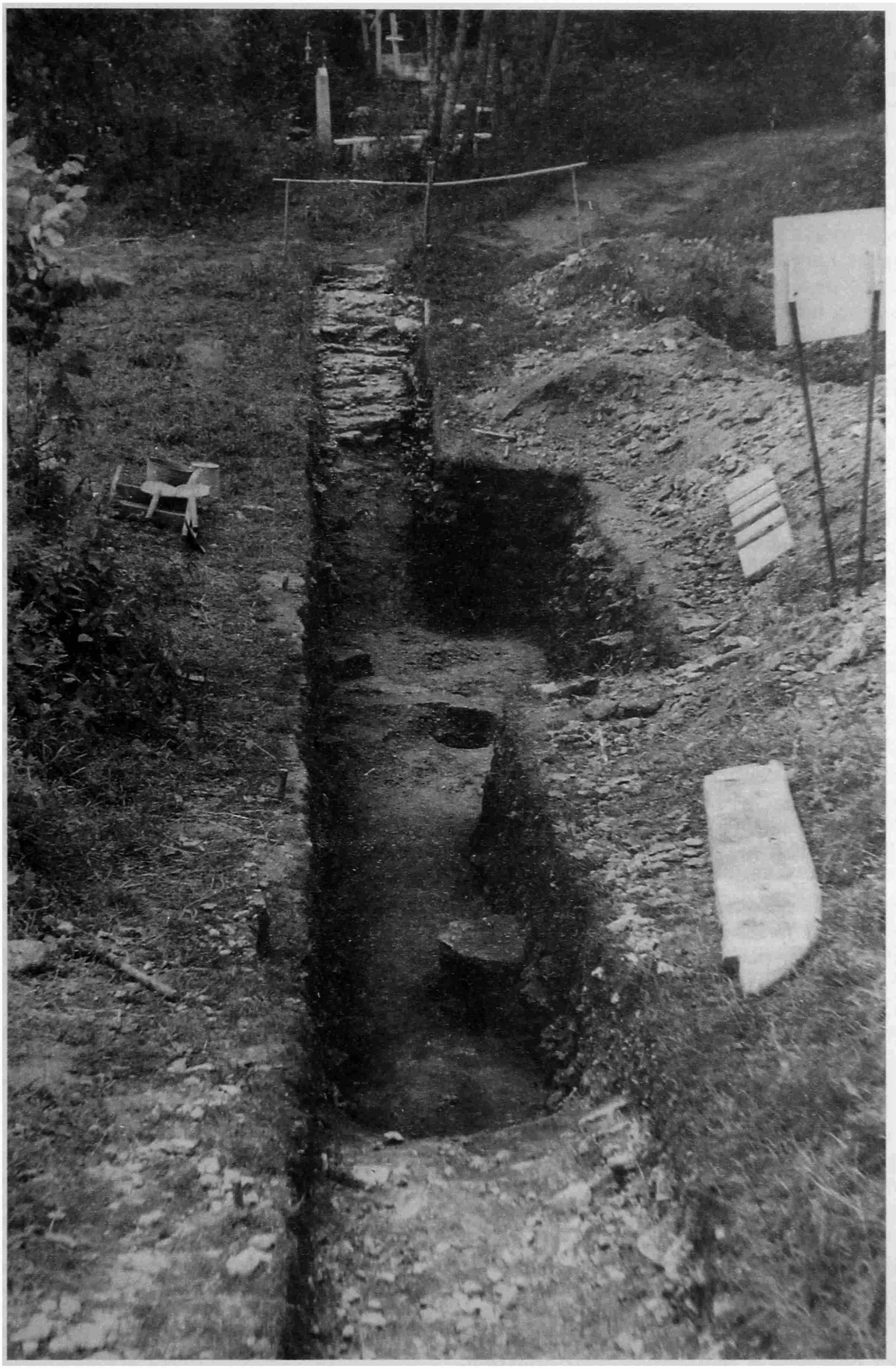

Рис. 226. Траншея (1987 г.) через юго-восточную часть рва. Вид с севера. Фото Н.В. Лопатина, 1987 г.

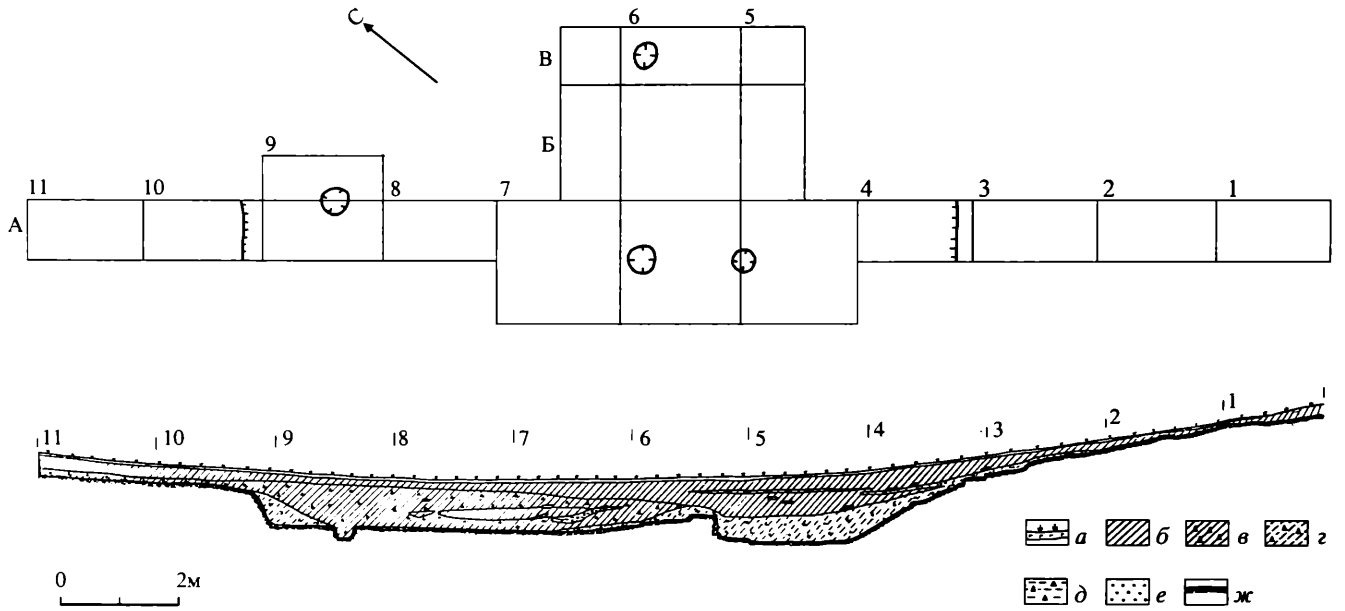

Рис. 227. Траншея через юго-восточную часть рва. План и профиль

а – дерновой слой; *б* – темно-коричневый слой; *в* – темно-коричневый слой с большим содержанием щебня; *г* – светло-серый слой со щебнем; *д* – желтая глина со щебнем; *е* – известь; *ж* – материк

более мощной части этот слой на протяжении 3 м прорезает прослойка щебня. Под темно-коричневым слоем зафиксировано наслоение того же цвета, но состоящее в значительной степени из щебня. Его толщина – от 10 до 70 см. В кв. 3А–7А, 9А и 10А на дне рва лежал светло-серый слой с большим содержанием щебня. При снятии заполнения рва зафиксировано несколько бесформенных развалов плитнякового камня. Наиболее крупный находился на глубине от 8 до 25 см от поверхности в кв. 3А–7А. В нем отмечены также валунные камни и куски обугленного дерева. Под светло-серым слоем расчищен материк – известняковая скала.

В результате устанавливается, что ров в исследуемом месте был неглубоким и нешироким. Со стороны городища его глубина в материке не превышала 60 см, его стенка здесь имела наклон около 75–80 градусов. С внешней стороны глубина достигала 1,3 м, южная стенка имела наклон в 45 градусов, но скорее всего это результат осыпания края материка. Материковое дно рва на 2/3 было почти идеально ровным и близко к горизонтальному, в южной части имело углубление до 50 см с отвесной северной стенкой.

При разборке заполнения рва встречены немногочисленные фрагменты гончарной керамики XIII–XIV вв., а также фрагмент бронзового пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом (по новгородским аналогиям – XII–XIII вв. – *Седова*, 1981. Рис. 37: *8* и 38: *3*), бронзовое изделие, вероятно, монастырского времени, несколько железных гвоздей и неопределимых окислившихся железных предметов. В нижних горизонтах светло-серого слоя со щебнем обнаружены единичные фрагменты лепной (VIII–X вв.) и раннегончарной (XI в.) посуды, которые предположительно могут определять время строительства рва или его начального этапа функционирования.

На дне рва (рис. 227) выявлены четыре столбовые ямы. Одна, диаметром 32 см и глубиной 22 см в материке находилась в кв. 6А; вторая – на границе кв. 5А и 6А, диаметром 20 см и глубиной 8 см в материке, но она прорезала и толщу светло-серого слоя со щебнем и таким образом имела глубину не менее 50 см; третья яма локализуется в кв. 6В, ее диаметр 32 см, глубина в материке 19 см; четвертая – на стыке кв. 9А и 9Б, ее диаметр 32 см, глубина 20 см. Весьма вероятно, что эти ямы являются следами какого-то деревянного сооружения, шедшего через ров.

Приведенные наблюдения позволяют реконструировать следующую последовательность операций: 1) вырубка в материковой скале рва шириной около 12 м и глубиной 0,6–1,3 м с плоским дном, предположительно датируемая X–XI вв.; 2) Засыпка материковым щебнем наиболее глубокой части рва на 50 см и возведение деревянного (мостового?) сооружения, что приблизительно датируется XIII – началом XIV в.*

---

* В.В. Седов, по всей вероятности, планировал подробно охарактеризовать застройку Изборского городища в древнерусское время, но не успел этого сделать. Для этой цели им были подготовлены два плана городища, которые публикуются в настоящем издании (рис. XI, XII). Приводим цитату, посвященную этому периоду застройки городища, из статьи В.В. Седова 1993 г. (*Примеч. ред.*).

"Наиболее мощная горелая прослойка связана с событиями 30-х годов XIII в., когда Изборск дважды пострадал от вражеских набегов со стороны Ливонского ордена. При изучении этой прослойки расчищены остатки многих построек (обугленные бревна срубов, остатки полов и печей), позволяющие восстановить планировку укрепленной части Изборска этого времени.

Площадь, возникшая еще в племенной период жизни поселения, по-прежнему оставалась свободной от построек. Правда, теперь она не возвышалась над окружающей терри-

Ремесла и домашние занятия

Железообрабатывающее ремесло

Железоделательное производство, очевидно, было вынесено изборянами за пределы укрепленного поселения. При раскопках в его культурном слое второй половины X–XIII вв. найдено только несколько криц. Из напластований X–XI вв. происходят две крицы (пл. 5, кв. I-40; пл. 4, кв. А-53) сегментовидной в разрезе формы (их размеры 14 × 14 и 12,5 × 9,5 см, наибольшая толщина 4–4,8 см) и четыре крицы, обнаруженные относительно компактно (пл. 5, кв. В-36; пл. 5, кв. Д-34; пл. 5, кв. Д-34 и пл. 5, кв. Д-36). Среди последних одна лепешкообразная, три – неправильно-сегментовидные с неровными краями. Размеры этих криц – 11,5 × 9 × 5, 10 × 10 × 4,5, 12 × 11 × 6, 11 × 11 × 5 см. Четыре крицы встречены в слоях XIII в. – все в квадрате К-35. Их размеры – 8 × 6 × 2,3, 15 × 11,5 × 4,5–6, 4 × 3 × 2,5 и 7 × 4 × 2,3 см.

Каких-либо следов железоделательного производства на самом Изборском городище не выявлено. Очевидно, что крицы были принесены изборянами откуда-то со стороны. Может быть, среди бесформенных проржавевших железных находок в изборской вещевой коллекции имеются и фрагментарные крицы, но выделить их без специального анализа не представляется возможным. В разных частях Изборского городища отмечены разрозненные находки железных шлаков и немногочисленные куски болотной руды. Так, по несколько фрагментов руды зафиксировано в напластованиях XII в. в квадратах Ш-34, Ч-34 и Б-34, а также в слое XI в. в квадрате К-34. Как и обнаружение криц, они не являются свидетельствами железоделательного производства на самом поселении.

Следы металлургического производства выявлены Г.П. Гроздиловым на посаде Изборска недалеко от городищенского вала (*Гроздилов*, 1965. С. 71–72). В небольшом раскопе (28 кв. м), заложенном у края оврага, под культурным слоем (толщиной 0,25 м) была выявлена вырытая в плитняковом материке яма подпрямоугольных очертаний (6,3 × 2,3–2,7 м). Глубина ее в срединной части достигала 0,8 м. На дне ямы зафиксирован пласт мелкого древесного угля толщиной до 0,4 м. В западной части ямы выявлено прямоугольное сооружение размерами 2,1 × 1,4 м, сложенное из валунов с комками обожженной глины между ними. В верхнем ярусе валуны лежали плотно друг к другу. Нижний ярус составляли валуны вперемежку с рваными плитняковыми камнями. Среди камней этого сооружения найдены куски железного шлака и кричные отходы.

Г.П. Гороздилов считал, что это было место для первичной обработки железной болотной руды. Подобные железоплавильные ямы XI–XII вв., отмечал исследователь, были выявлены на краю высокого берега Волхова напротив Новой Ладоги. В одной из них обнаружено скопление железных шлаков общим весом около 400 кг.

Обследование Г.П. Гроздиловым края оврага в Изборске вблизи раскопа показало, что шлаки и фрагменты криц встречаются здесь на значительной площади. Это дало основание полагать, что в XI–XII вв. здесь функционировало несколько железоплавильных ям.

Думается, что и кузнечное дело развивалось за пределами Изборского городища. В его напластованиях второй половины X – начала XIV в. не обнаружено остатков построек, которые можно было бы считать кузницами, нет среди вещевых находок и достоверно кузнечного инструментария – наковален, молотов и ручников-молотков, клещей, бородков, зубил.

Орудия кузнечного и слесарного ремесел представлены в изборской коллекции единичными находками. В слое второй половины X–XI в. обнаружен небольшой железный молоток с частью деревянной рукоятки, сохранившейся благодаря массиву ржавчины (рис. 228: *1*). Он имеет наиболее распространенную форму, как в средневековье, так и в настоящее время: на одном конце – четырехгранный боек, на другом – задок-остряк. Общая длина молотка – 7,4 см, размеры бойка – 1,1 × 1,1 см, ширина остряка – 1,2 см. Подобные молотки найдены в Новгороде Великом (*Колчин*, 1959. С. 17, рис. 4: *3*), на Райковецом городище (*Гончаров*, 1950. С. 84, табл. XVIII: *12*, *13*), во владимирских курганах (*Спицын*, 1905) и других местах. Они применялись в кузнечном, слесарном и ювелирном производствах. По размерам и весу изборский молоток ближе ювелирно-слесарным.

Несколько находок из Изборска служили бородками и зубилами. Первые из них – четырехгранные железные стержни длиной 7,2 и 9,7 см с прямоугольным обухом размерами 9 × 8 и 14 × 12 мм и заостренным концом, служившие для проделывания отверстий при ковке изделий (рис. 228: *2*, *4*, *5*). В отличие от бородков зубила

торией. Культурные отложения, образовавшиеся за столетия, сравняли застроенную часть поселения с этой площадью. Жилища в этой части его располагались вокруг площади, а в остальной части прослежена плотная уличная застройка. Ширина улиц – 3,5–5 м. Все они изогнуты, что типично для европейских средневековых городов. Некоторые дома ставились уступами, так, чтобы к каждому из них поступали лучи солнца.

В отношении планировочной застройки древнерусские города, как показывают их археологические исследования, подразделяются на два типа. Одни из них имели сравнительно свободную улично-усадебную застройку, что хорошо установлено раскопками в Новгороде, Киеве и некоторых других городах. К другому типу принадлежат Изборск, Берестье и другие города, где выявляется плотная уличная застройка без усадеб, в какой-то мере сопоставимая с планировкой и застройкой западноевропейских средневековых городов"(*Седов*, 1993. С. 28, 29. См. также: *Седов*, 1984б. С. 119 и рис. на с. 117).

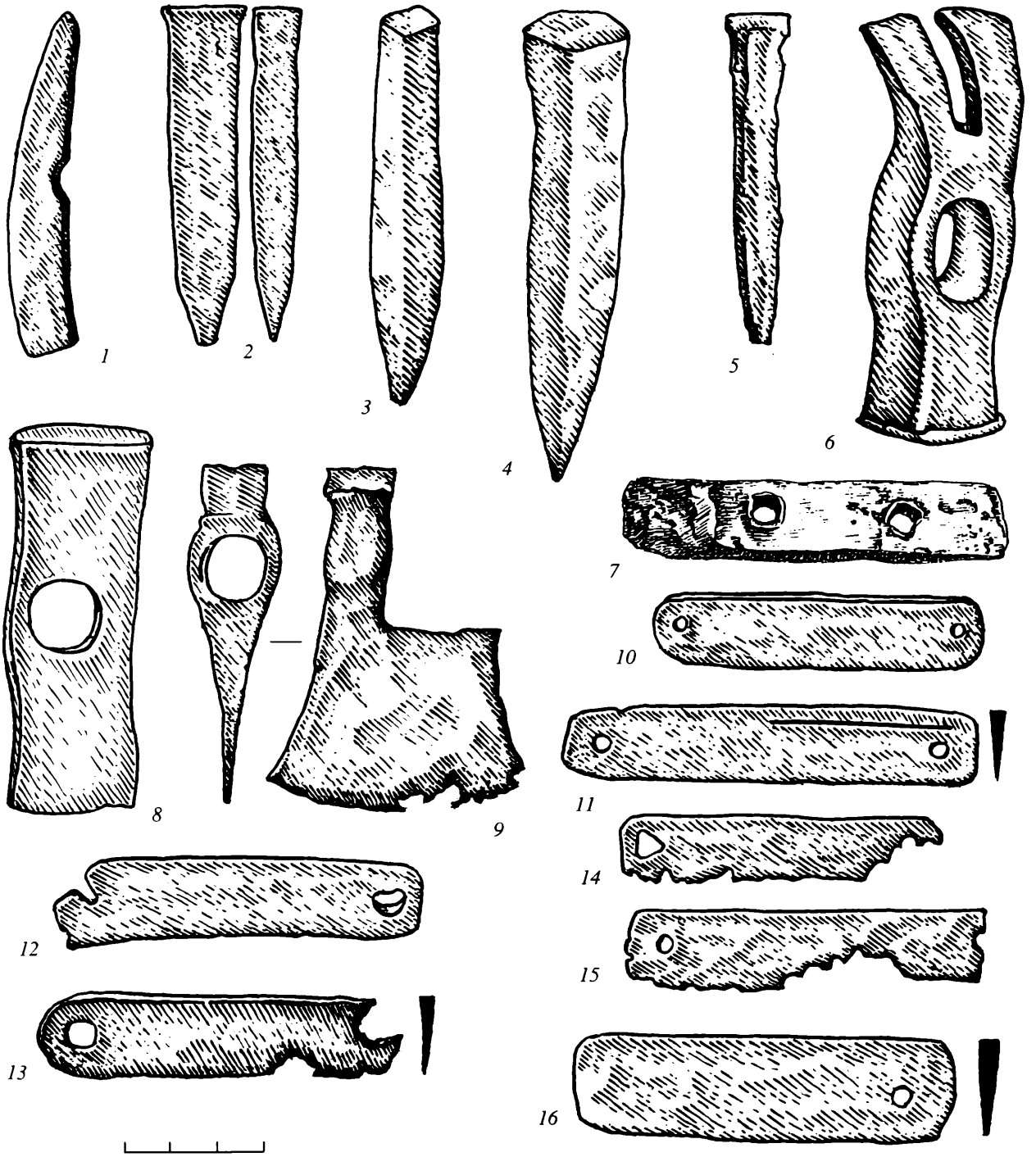

Рис. 228. Железообрабатывающий и деревообрабатывающий инструментарий (все – железо)

1, 6, 8 – молотки; *2, 3* – зубила; *4, 5* – бородки; *7* – гвоздильня; *9* – топор-молоток; *10–16* – скобели. *1* – 4, Р-44; *2* – 2, XIII-36; *3* – 3, Ш-34; *4* – 5, Т-41; *5* – 2, XIX-35; *6* – 1, Щ-50; *7* – 3, Н-41; *8* – 4, Б-43; *9* – 2, I-31; *10, 14* – 2, С-35; *11* – 3, Ш-55; *12* – 8, Ю-50; *13* – 3, Б-8; *15* – 3, Е-34; *16* – 7. Г-56

имеют рабочий конец в виде лезвия, которое позволяло рубить на части металлическую проволоку, дроты и полосы. В Изборске найдено одно целое зубило длиной 7,6 см, с небольшим лезвием шириной 4–5 мм (рис. 228: *3*). В изборской коллекции имеется еще немало фрагментарных предметов, которые могли являться бородками, пробойниками, кузнечными или ювелирными зубилами. Аналогичные зубила были широко распространены в Древней Руси.

К орудиям кузнецов принадлежат две гвоздильни, найденные в Изборске в слоях XII и XIII – начала XIV в. Они представляют собой плоские бруски железа с несколькими сквозными отверстиями, на которых отковывались головки гвоздей и заклепок. Одна из гвоздилен (рис. 229: *5*) имеет длину 14,6, ширину 2,1, толщину 1,6 см. На рабочей части гвоздильни имеется три отверстия диаметрами 4,3, 5,7 и 7,0 см. Они делались с таким расчетом, чтобы тело гвоздя не заклинивалось в кана-

лах. Таким образом, орудие было приспособлено для отковывания головок гвоздей до 4,5 и 6–6,5 мм. Гвоздильня с одной стороны имеет петлю для подвешивания. Другая находка (рис. 228: *7*) обломана, ее сохранившаяся часть имеет длину 8,5 см, ширину 1,6–1, 7 см и толщину около 1 см. В ней – два подчетырехугольных отверстия около 6 мм в поперечнике.

Изборская коллекция железных изделий, значительная часть которых изготовлена местными мастерами, весьма многочисленна. Это и орудия ремесленников – молотки, топоры, зубила, бородки, сверла, долота, скобели, пила, ложкари, гвоздильни; и строительные элементы – гвозди, скобы, заклепки, костыли, различные крючки, дверные пробои и накладки; и бытовые предметы – ножи, шилья, ножницы, иглы, светцы, кресала, ключи, замки, лопаты и пр.; и детали одежды – пряжки, поясные кольца, ледоходные шипы; и орудия сельскохозяйственного труда – сошники, мотыги, косы, серпы; и предметы рыболовства – крючки, гарпуны, остроги; и предметы вооружения – наконечники стрел и копий, дротики, кольчуги, панцирные пластины; и снаряжение всадника и коня – шпоры, стремена, удила, пряжки. Большинство находок, безусловно, изготовлено местными кузнецами.

Сравнительно небольшая часть изборской коллекции железных предметов подверглась технологическому изучению. Л.С. Розановой металлографически проанализировано 130 кузнечных изделий XI – начала XIV в. (из раскопок 1971–1973 гг.), в том числе 84 ножа, 12 серпов, 4 топора, 8 кресал, 5 наконечников копий, 4 наконечника стрел, по два экземпляра мотыг, ножниц и дротиков, по одной находке долота, скобеля, пилы, рыболовного крючка и ключа (*Розанова*, 1997. С. 316–325). Конечно, какие-то серьезные выводы на этом материале делать преждевременно, но все же результаты выполненных металлографических анализов дают некоторое представление о технике изборского железообрабатывающего ремесла.

Прежде всего, можно говорить о сравнительно высоком качестве большинства изборской кузнечной продукции. Она изготавливалась с применением девяти технологических схем.

Наиболее многочисленную группу составляют 76 изделий, откованных с применением сварки железа со сталью, выходящей на рабочие части. Выявлено несколько вариантов сварочной техники: 1) два ножа изготовлены из двух полос – железной и стальной; 2) 11 ножей сварены из трех полос – железной, стальной и железной; 3) один нож сделан из пяти чередующих полос железа и стали; 4) вварка стальной полосы в железную основу прослежена в пяти изделиях (три топора, нож и скобель). Во всех этих случаях сталь выходит на рабочую часть изделий, а они формируются продольной сваркой полос железа и стали. В 43 находках (29 ножей, 5 кресал, 3 серпа, 3 косы, 2 ножниц и наконечник копья) зафиксирована торцовая наварка стального лезвия на железную основу, в 14 (11 ножей, 2 серпа и топор) – косая боковая наварка стального лезвия. Почти все предметы (исключение составляют семь ножей) прошли термическую обработку – закалку готового изделия в холодной воде.

Вторую группу металлографически исследованных кузнечных изделий образуют предметы, изготовленные целиком из железа (5 ножей, 2 серпа, пила, наконечник стрелы), из сырцовой неравномерно науглероженной стали (13 ножей, 4 серпа, долото, мотыга, рыболовный крючок, ключ, наконечники копья, дротика и стрелы) или из качественной однородно науглероженной стали (5 ножей и 2 кресала). Все эти изделия закалены в холодной воде. В 14 случаях (5 ножей, 3 наконечника копий, 2 наконечника дротиков, серп, мотыга, кресало и наконечник стрелы) отмечено пакетирование, когда на этапе предварительной обработки полуфабриката сваривались в блоки небольшие полоски разнородного металла (из металлолома).

Процентное соотношение технологических схем изборской кузнечной продукции выглядит следующим образом: сварка из двух полос – 1,5%, из трех полос – 8,5, из пяти полос – 0,8, вварка – 3,3, наварка – 43,8, целиком из железа – 6,9, из стали – 23,8, из пакетированного металла – 10,8%. Таким образом, 58,5% изделий изготовлено сварными технологиями, являющимися прогрессивными, позволяющими экономить стальной материал.

Металлографическое изучение кузнечной продукции показало, что изборские кузнецы использовали разнородный материал: мягкое железо (микротвердостью 116–135 кг/кв. мм), среднетвердое железо (151–206 кг/кв. мм), высокотвердое железо (254–383 кг/кв. мм), неравномерно науглероженную сырцовую сталь (содержание углерода 0,1–0,6%) и высокоуглеродистую, специально цементированную с равномерным содержанием и распределением углерода (0,7–0,8%).

Как известно, высокотвердое железо характеризуется большим содержанием фосфора, оно хорошо сваривается со сталью, способствуя образованию прочного соединения. Это хорошо знали древнерусские мастера. Изборские кузнецы также активно использовали высокотвердое железо при наварке стальных лезвий. Сварные швы на таких изделиях тонкие, чистые и ровные.

Рассмотренные металлографические данные свидетельствуют о том, что кузнечное дело в Изборске развивалось за счет применения прогрессивных технологий и очевидно было направлено на постоянное увеличение продукции для рынка сбыта. Каких-либо признаков сменяемости технологий кузнечного производства на протяжении XI – начала XIV в. в Изборске не выявляется – во всех горизонтах культурных напластований встречены изделия, изготовленные с применением

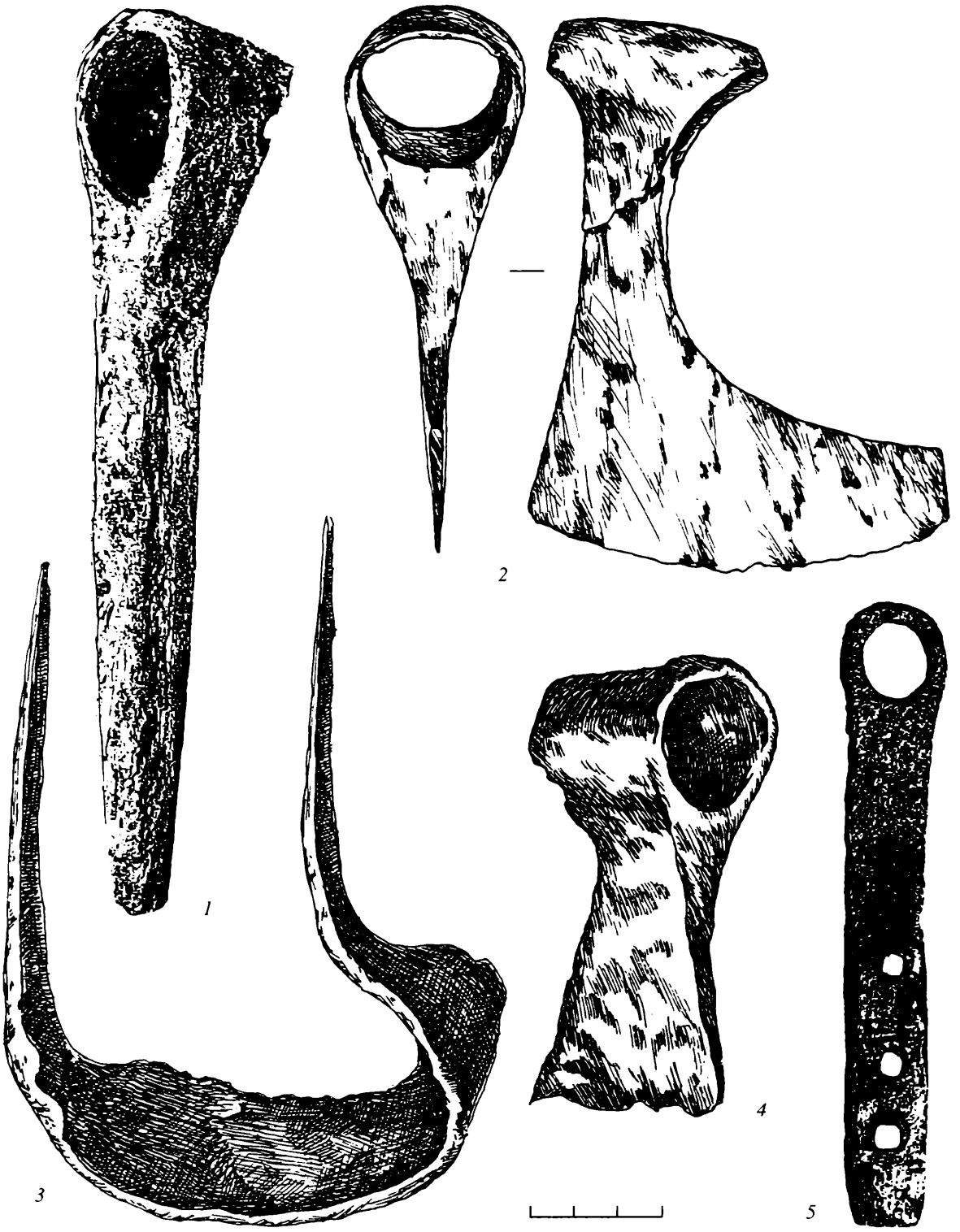

Рис. 229. Инструментарий деревообработки (все – железо)
1 – кайло; *2*, *4* – топоры; *3* – скобель; *5* – гвоздильня. *1* – 4, Л-43; *2* – 5, Ж-56; *3* – 2, М-39; *4* – 3, В-47; *5* – 2, Д-24

разных технологических приемов. По всей вероятности, это обусловлено небольшим числом металлографически исследованных железных предметов. Не исключено, что в дальнейшем динамика развития изборского кузнечного ремесла будет выявлена.

По технологическим характеристикам железообработка в Изборске в XI – начале XIV в. была идентична кузнечному делу других городов Северной Руси, в частности Новгорода, Витебска, Полоцка, где при изготовлении кузнечной продукции применялись те же технологические приемы в той или иной степени одинаковых соотношениях. Так, в Новгороде на долю сварных технологий при производстве железных изделий приходится 79%, в Полоцке – 81, в Суздале – 57, в Изборске – 67%. При изготовлении ножей сварные технологические приемы составляют в Новгороде 53,3%, в Изборске – 48,8, в Полоцке – 53,3, в Заславле – 57,2, в Суздале – 36, Витебске и Лукомле, правда, свыше 70%.

Деревообработка

Значительную часть орудий труда в изборской вещевой коллекции составляет деревообрабатывающий инструментарий. Вполне очевидно, что дерево в Изборске, как и в других городах Северной Руси широко использовалось в строительстве, быту и технике.

Наиболее ходовым орудием обработки дерева были железные топоры. Это основной инструмент плотника во всяких строительных работах. Топоры применялись также в столярных и бондарных делах, в различных хозяйственных работах. В Изборске найдено несколько целых топоров и немалое число фрагментов их. Все топоры проушные с оттянутыми лезвиями и округлой проушиной для деревянной рукояти. Они представлены тремя типами, выделенными Б.А. Колчиным по новгородским материалам (*Колчин*, 1959. С. 25–29).

Изборские топоры первого типа – с широко опущенным лезвием, с внутренней выемкой и проушным обухом с одним внутренним выступом или без такового (рис. 230: *1–3, 5, 6*) – довольно крупные и массивные. Их длина варьируют от 15 до 19 см при лезвиях размерами 10–12 см. Дугообразная выемка с внутренней стороны выражена в разной степени. Такие топоры имели универсальное применение. Они использовались и в плотницком деле, и при рубке леса, и в хозяйственных работах. В отличие от Новгорода Великого, где топоры рассматриваемого типа характерны преимущественно для XI–XII вв. (*Колчин*, 1959. С. 25; 1982. С. 164, табл. 4), в Изборске они встречены во всех горизонтах древнерусского слоя, и, таким образом, были в употреблении от X до начала XIV в. При этом некоторые из характеризуемых топоров по форме занимают промежуточное положение между первым и вторым типом.

К первому типу относится также изборский топор с сильно оттянутым назад лезвием и двусторонними выступами на обухе (рис. 229: *2*). Длина его 12,6 см, размеры лезвия 10,7 см. Обнаружен он в напластованиях второй половины X–XI в.

Топор, изображенный на рис. 230: *4*, сопоставим с новгородскими находками второго типа, характерными для XIII–XIV вв. (*Колчин*, 1959. С. 26). В Изборске найдено два таких топора: один из них встречен в напластованиях XII – начала XIV в., другой – в нижележащем потревоженном слое. Длина их 20–21 см, ширина лезвия – 11–12 см.

Только один из изборских топоров относится к третьему типу. Такие орудия характеризуются заметной утяжеленностью, ассиметричным лезвием и массивным обухом. Этот изборский топор имеет длину 18 см и лезвие шириной 12 см.

Кроме того, на Изборском городище обнаружено несколько фрагментарных топоров. Среди них преобладают части лезвий, по всей вероятности, отломившихся из-за плохой наварки на железную основу. В числе фрагментарных имеется миниатюрный топор, происходящий из слоя XIII в. Длина его около 8 см (дошедшей до нас части – 0,3 см), ширина лезвия 3,8 см.

В изборской коллекции деревообрабатывающего инструментария относительно широко представлены цельнометаллические долота (рис. 231). Древнерусские долота по своей конструкции аналогичны современным. Это четырехгранные стержни с простым обухом вверху и скошенным под углом нижним рабочим концом. Режущая грань на отдельных долотах немного оттянута, что для долбления дерева конструктивно наиболее рационально. Размеры изборских долот весьма различны – от небольших, высотой 11–12 см до крупных со стержнем длиной 25–28 см. Поперечники стержней варьируют от 0,8 до 2 см, ширина режущего лезвия – от 0,8 до 2,2 см. При работе по долоту ударяли деревянным чекмарем или металлическим молотком. Большинство изборских находок имеют следы длительного употребления, о чем говорят расширения на их обухах.

В Изборске подобные долота найдены еще в нижнем слое городища, где датируются VIII – первой половиной X в., и также встречены во всех горизонтах напластований XI – начала XIV в. В Новгороде простые цельнометаллические долота широко представлены во всех слоях средневекового города (*Колчин*, 1959. С. 37–38, рис. 20). Обнаружены они при раскопках многих древнерусских городов (*Мезенцева*, 1968. С. 105, табл. 1: *1*; *Гуревич*, 1981. С. 140). Возможно, как долото использовался топорообразный инструмент, изображенный на рис. 229: *4*. Он имеет втулку для деревянной рукояти, идентичную топорам, и короткое лезвие. Общая длина орудия – около 10 см, ширина лезвия – 4,4 см. В Древней Руси для изготовления крупных выемов применялись втульчатые долота, но последние имели кельтовидные втулки (*Колчин*, 1959. С. 37, рис. 17: *1*; Древняя Русь, 1985. С. 257, рис. 99: *23*).

Найденный в слое XIII в. небольшой топор-молот (рис. 228: *9*), по всей вероятности, использовался для расщепления дерева при столярных работах. Общая высота орудия – 7,5 см. В срединной части оно имело круглую втулку диаметром 1,5 см для рукояти, расширяющееся под углом секировидное лезвие и молоткообразный круглый обух. Ширина дугообразного лезвия – около 6,5 см, диаметр обуха – 1,5 см.

Для изготовления отверстий в дереве, начиная с X в., на Руси широко использовались сверла. Они были перовидными, которые, судя по новгородским находкам, доминировали, а также спиральными. В Изборске обнаружены только немногочисленные перовидные сверла, три сохранившихся полностью, остальные во фрагментах. Это металлические стержни с двухстороннезаостренным пером ложковидной формы с одного конца и плоского или четырехгранного черенка для

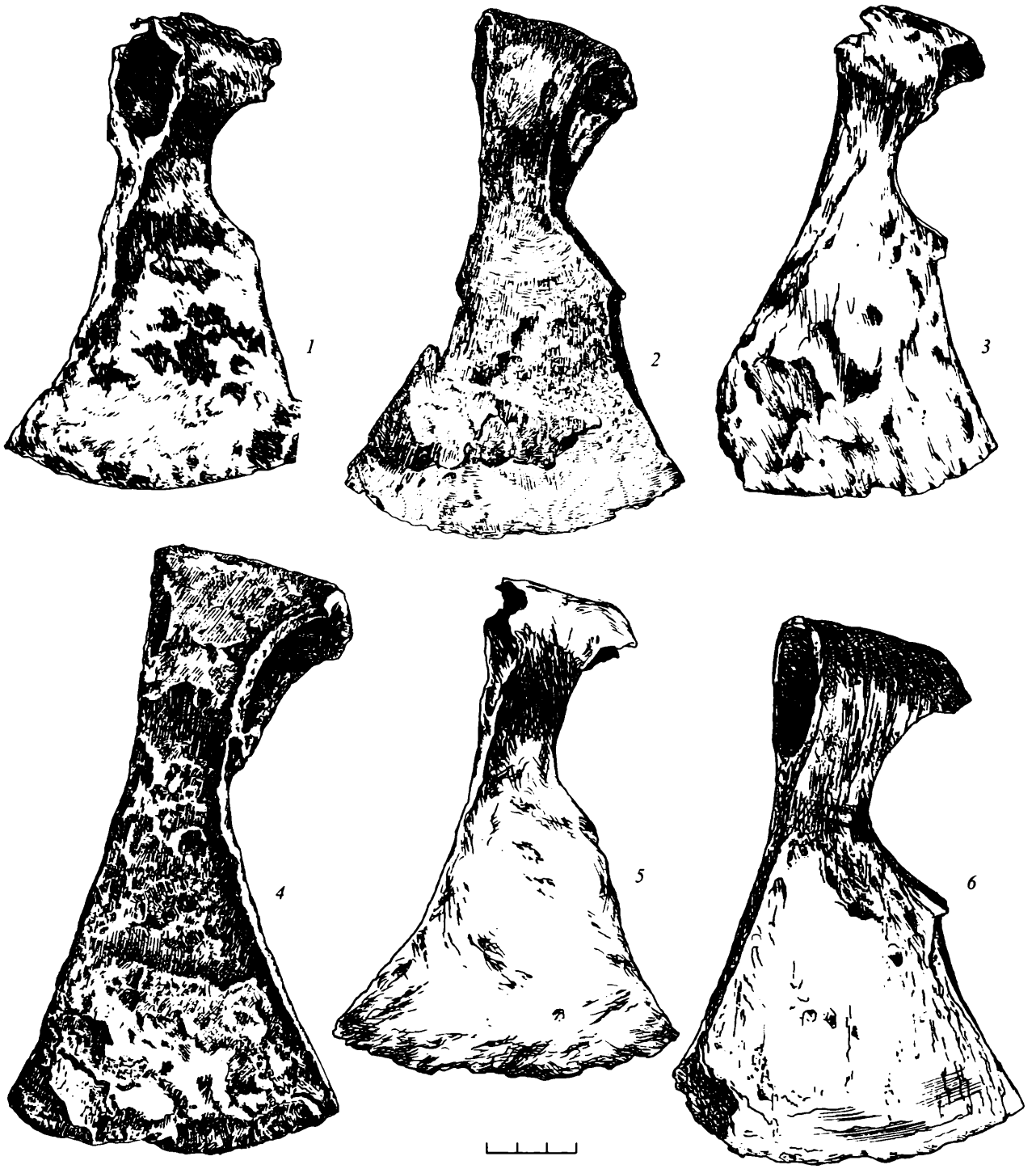

Рис. 230. Железные топоры

1 – 3, VШ-18; *2* – 7, Ф-37; *3* – 5, Э-50; *4* – 5, Г-41; *5* – 4, О-52; *6* – 2, Ж-18

деревянной рукоятки – с другого. Они довольно крупные, общая длина их – 13 и 16,7 см, длина пера – 1,5 и 4,5 см.

Несколькими экземплярами (целыми и фрагментарными) в изборской коллекции представлены инструменты для строгания бревен и плах – железные скобели – цельножелезные с двумя отростками-черешками для деревянных рукояток (рис. 229: *3*). Такие скобели были широко распространены на Руси. Самая крупная коллекция скобелей (104 находки) происходит из Райковецкого городища (*Гончаров*, 1950. С. 88, табл. XXVI: 1, 2), в Новгороде Великом их найдено 48 (*Колчин*, 1959. С. 39–41, рис. 22). В Изборске скобели этого типа найдены в слоях XI – начала XIV в.

Более распространенными в Изборске были скобели в виде удлиненнопрямоугольной железной пластины со скругленными углами. На концах их пробито два отверстия для крепления рукоятей (рис. 228: *10–16*). Сечения их тождественны ножам. Длина скобелей – от 6 до 8 см ширина – от 1,2 до 2 см. В Изборске они стали употребляться во второй половине X–XI в., но более широкое распространение получили в XII – начале XIV в. Ана-

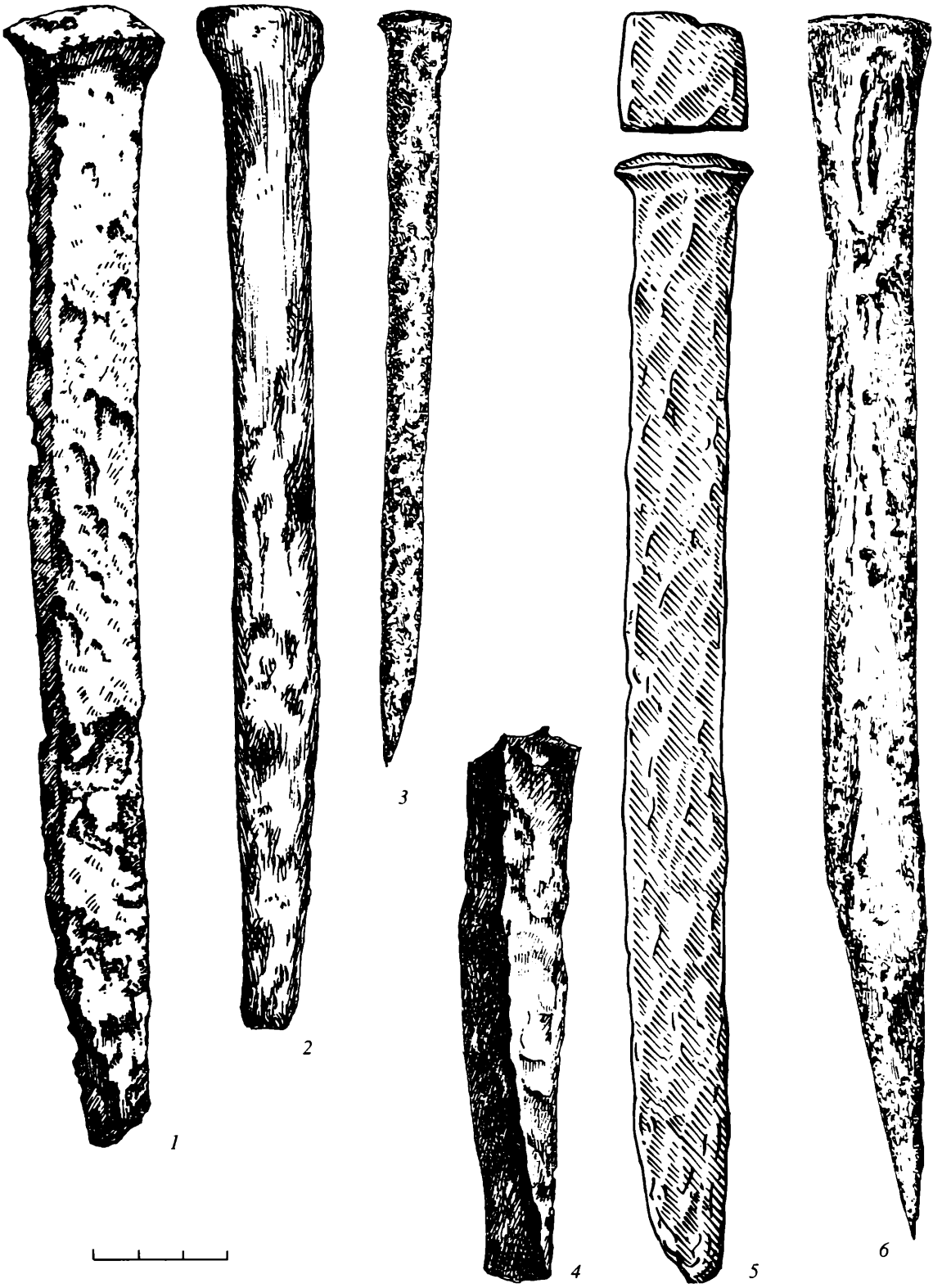

Рис. 231. Железные долота
1 – 6, XVII-42; *2* – 3, Е-32; *3* – 4, З-43; *4* – 2, Л-37; *5* – 4, Е-28; *6* – 4, Г-46

логичные скобели имели хождение на поселениях Юго-Восточной Прибалтики, в частности, они найдены на Асотском городище (*Шноре*, 1961. С. 121, табл. XIV: 8, 9), на поселении у подножья городища Кентескалнс (*Stubavs*, 1976. Lpp. 174, att. 153: *30, 31*), в Селпилсе (Šnore, Zariņą, 1980. Lpp. 34, att. 35: *27*), Локстене (Mugurevičs, 1977. Lpp. 93, tab. XVIII: 1, 2; XXIII: 18–20, 23–25) и др. В Древней Руси подобные скобели не имели широкого распространения.

К плотницко-столярным инструментам принадлежит еще молоток-гвоздодер (рис. 228: *6*), обнаруженный в верхних напластованиях Изборского городища. Он состоит из бойка для забивания гвоздей и плавно загнутого раздвоенного носка для их вытаскивания. Высота молотка – около 9 см. Овальное отверстие для рукоятки имело размеры 2,4 × 1,5 см. Трудно сказать, имела ли изборская находка деревянную рукоятку или же, как это наблюдается в материалах Новгорода Великого, в отверстие его был вставлен и неподвижно закреплен железный черенок, на который насажена деревянная рукоятка (*Колчин*, 1959. С. 46–47, рис. 32).

На Руси были широко известны пилы по дереву, используемые плотниками и столярами. В Новгороде к настоящему времени обнаружено свыше 20 пил, наиболее ранние среди них относятся к X в. Найдены пилы также в Ладоге, Старой Рязани, Волковыске, Друцке, Родени, Воине и других поселениях. В Изборске в слое XII в. встречен лишь один фрагмент полотна пилы толщиной 0,3 см, с зубьями треугольной формы.

К орудиям деревообрабатывающих ремесел Изборска, может быть, принадлежит железная втульчатая пешня, которая могла использоваться и при добыче камня. Длина ее 20,7 см, размеры овальной втулки для рукояти – 4,2 × 2,5 см. От обуха пешня постепенно сужается, но конец ее не заострен. Найдена она в слое XII в.

Несомненно к числу деревообрабатывающих орудий относится и немалая часть железных ножей, но определенно выделить среди них такие, которые использовались исключительно столярами и плотниками, не представляется возможным.

Бронзолитейное и ювелирное дело

О широком развитии этих ремесел в Изборске прежде всего свидетельствуют довольно многочисленные находки каменных литейных форм, тиглей и глиняных льячек. Тигли, предназначенные для плавки цветных металлов, в рассматриваемом слое Изборского городища найдены лишь во фрагментах (рис. 232: *5*). Изучение последних позволяет утверждать, что это были круглодонные сосудики, по форме приближающиеся к конусу. Изготавливались тигли из глины. Толщина стенок колеблется от 1 до 1,5 см. Говорить об их размерах и объемах из-за фрагментарности не приходится.

Значительно лучше представлены в изборской коллекции глиняные льячки (рис. 232: *6*; 233: *19*; 234: *2*). Все они грубой ложковидной формы без желоба-носика для слива расплавленного металла, с массивными втулками для деревянных ручек. Большинство льячек имело округлую форму, но найдено немало и овально-вытянутых. Объем их составляет от 10 до 20 куб. см. Аналогичные льячки найдены в нижнем слое Изборского городища и весьма широко представлены в древнерусских материалах, в том числе в Новгороде (*Рындина*, 1963. С. 213, рис. 7: *5*), в Новогрудке (*Гуревич*, 1981. С. 128); во владимирских курганах (*Спицын*, 1905. Рис. 94).

Значительную часть орудий труда бронзолитейщика среди изборских находок составляют литейные формы (рис. 232: *1–4, 7, 8*; 234: *1, 3–5*; 235: *1–6*; 236: *1–6*; 237; 238: *1–6*; 239: *1–8*; 240: *1–3*). Все они вырезаны из местного плитнякового камня и, таким образом, являются изделиями изборских камнерезов. Размеры их весьма различны – от небольших 4–5 см в поперечнике и толщиной 1–1,5 см до крупных, размерами 23 × 18, 3 × 4–7 см. На некоторых формах выемки для отливки предметов вырезались с двух сторон (рис. 234: *3*; 235: *4, 6*; 236: *1, 6*; 238: *1, 5, 6*; 239: *2–4*; 240: *1, 2*), а на одной из форм рисунки-выемки сделаны с четырех сторон (рис. 235: *4*). Часть каменных литейных форм – двусторонние. Для точного совмещения их соприкасающихся частей и неподвижности их при изготовлении изделия делались круглые гнезда (рис. 239: *1, 4*), в которые вставлялись металлические или деревянные штифты.

Отливались в изборских каменных формах различные изделия из цветных металлов. Наиболее распространенными являются формы для изготовления бляшкообразных пуговиц, среди которых имеются орнаментированные узорами из точечных выпуклин, зигзаговых и волнистых линий (рис. 232: *1–4, 7, 8*; 234: *3*; 236: *3–5*; 238: *4, 6*; 239: *3–6*). Среди них интересна форма, предназначенная для отливки шести пуговиц разных размеров с узорами и без них (рис. 240: *3*). Ряд форм предназначались для отливки различных привесок (рис. 234: *1*; 235: *2, 5*; 236: 1; 238: *3*; 239: *1, 2*) и нательных крестиков (рис. 236: *1, 2*; 237; 239: *4*).

Среди привесок делались трапециевидные, косорешетчатые, ажурные треугольные, объемные усеченнобиконических очертаний. Косорешетчатые привески, как полагали исследователи, отливались по сплетенной из провощенных жгутиков восковой модели. Найденная в Изборске в слое XII в. каменная форма для отливки этих украшений является единственной. Косорешетчатые привески имели широкое распространение преимущественно в Северо-Западной Руси, где по курганным материалам датируются XII–XIII вв. Концен-

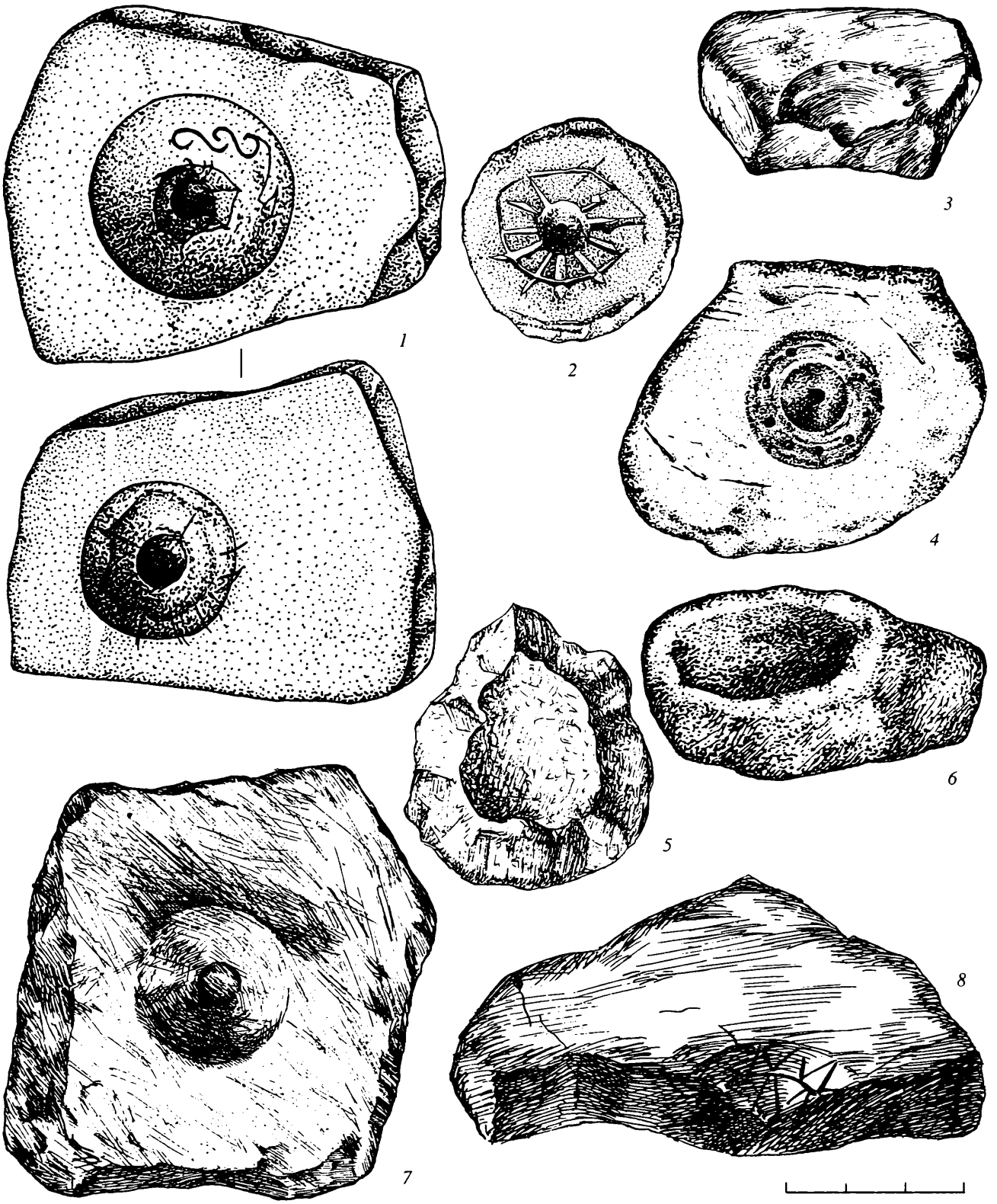

Рис. 232. Каменные литейные формы (*1–4, 7, 8*), глиняный тигель (*5*) и льячка (*6*)
1 – 2, У-44; *2* – 4, Р-42; *3* – 4, В-47; *4* – 4, И-36; *5* – 4, Х-36; *6* – 1, О-34; *7* – 1, С-53; *8* – 2, Щ-43

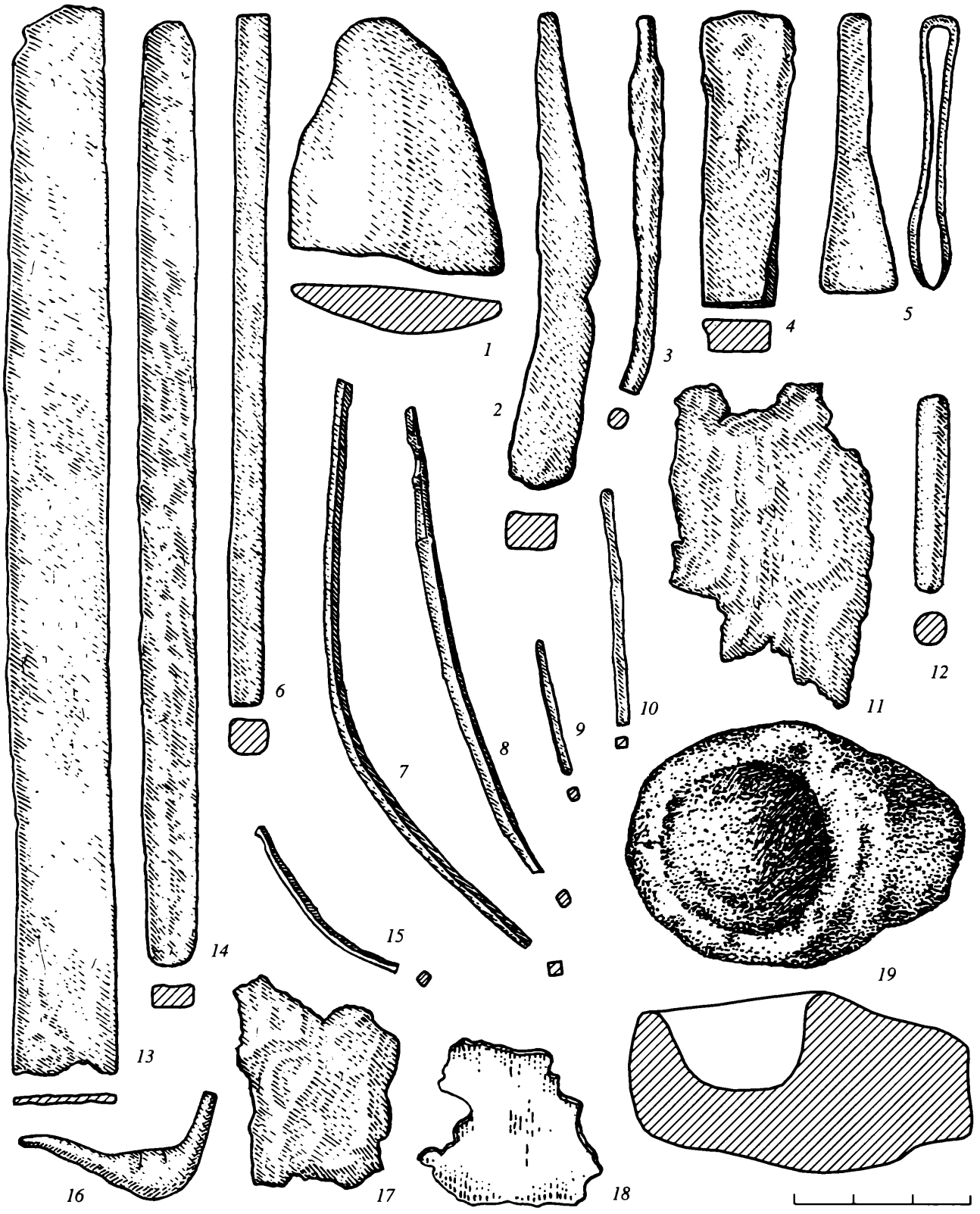

Рис. 233. Инструментарий и материал бронзолитейщика

1–4, 6–18 – цветной металл для ремесленников; *5* – бронзовый пинцет; *19* – глиняная льячка. *1* – 2, VII-11; *2* – 4, Г-35; *3* – 3, Д-36; *4* – 1, Ж-32; *5* – участок 47, яма 47д; *6* – 2, Е-13; *7* – участок 37, яма 27; *8* – 5, Д-30; *9, 10, 15* – 3, Ж-25; *11* – 2, К-35; *12* – 1, Ц-44; *13* – 4, Н-47; *14* – 5, О-50; *16* – 4, VI-31; *17* – 3, XII-27; *18* – траншея через вал, квадрат 5, глубина 279 см; *19* – 4, VI-26

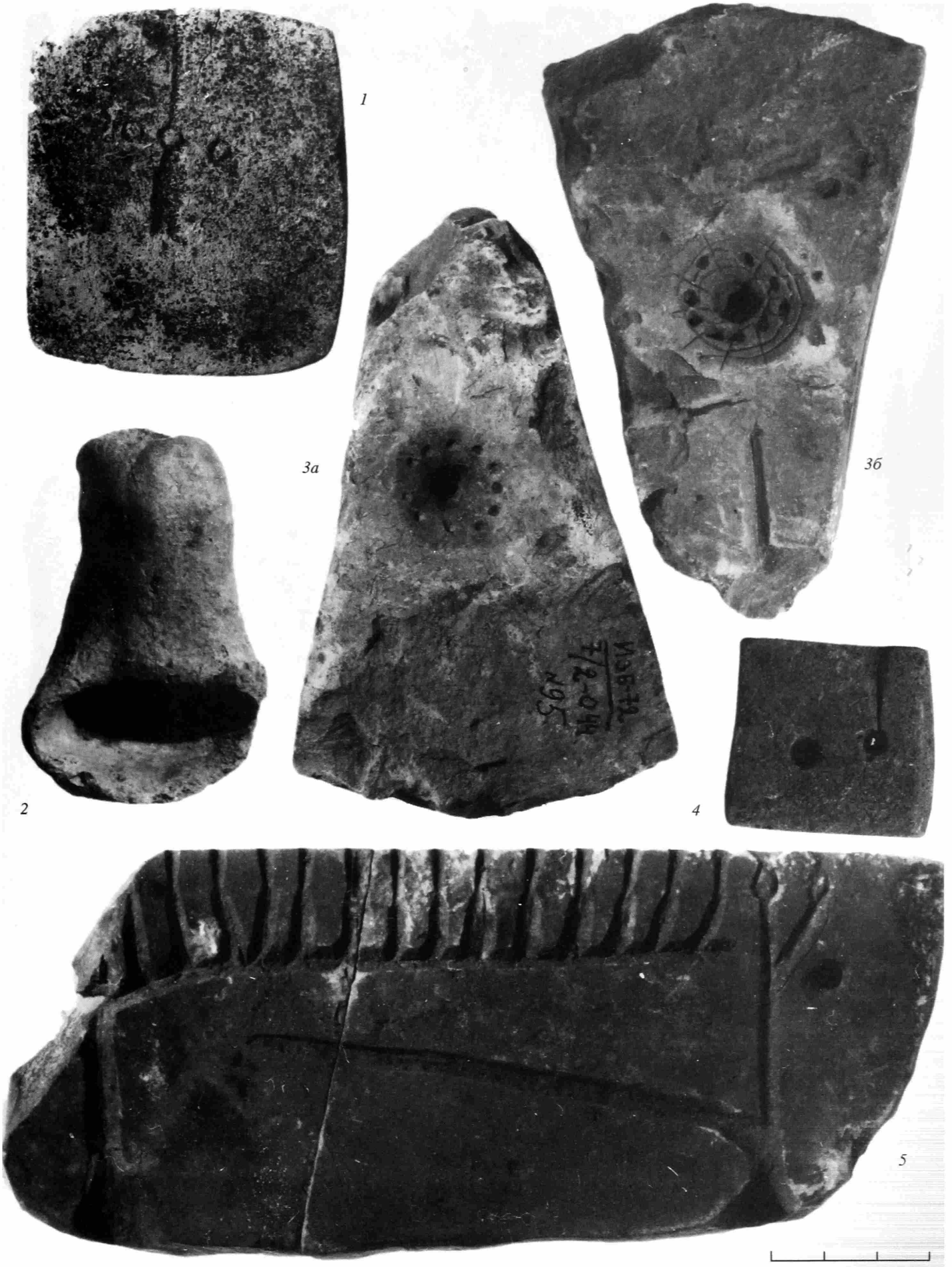
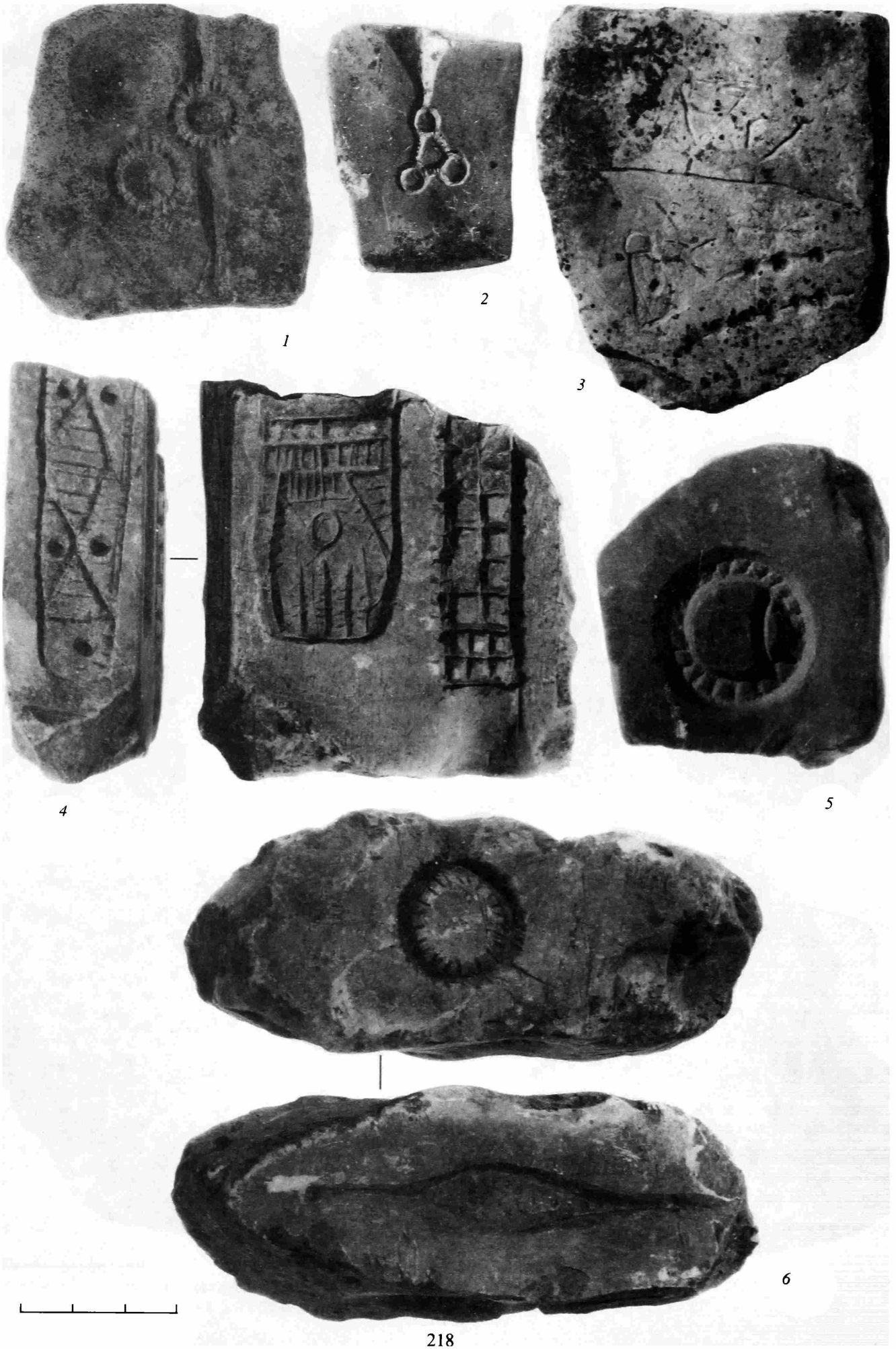

Рис. 234. Каменные литейные формы (*1*, *3*–*5*) и глиняная льячка (*2*)
1 – 4, Л-44; *2* – 4, VI-26; *3а* и *3б* – двухстороняя, 2, О-44; *4* – 4, Б-42; *5* – 2, З-47

1

2

3

4

5

6

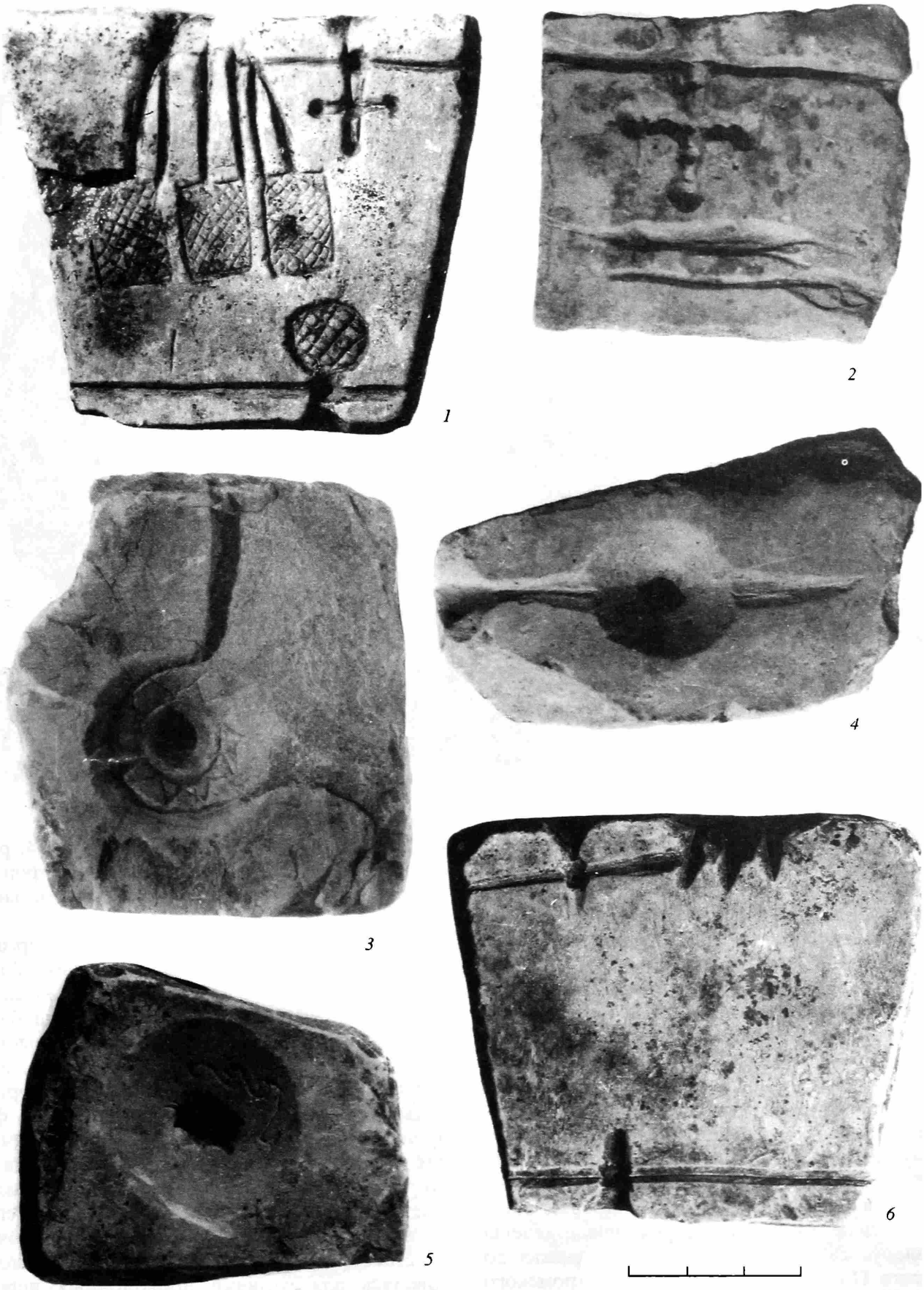

Рис. 236. Каменные литейные формы
1, 6 – 3, Т-45; *2* – 4, Б-43; *3* – 4, VII-28; *4* – 6, Д-44; *5* – 2, У-44

Рис. 235. Каменные литейные формы
1 – 4, В-21; *2* – 3, VI-20; *3* – 3, Е-26; *4* – 2, И-45; *5* – 4, П-21; *6* – 2, О-44 (двухсторонняя)

Рис. 237. Каменная литейная форма крупных размеров (4, Д-39)

трация находок позволяет относить эти украшения к характерным для славянского населения Новгородской земли (*Успенская*, 1967. С. 108, рис. 18: *3, 13*). Встречаемые в небольшом числе находки косорешетчатых привесок в Верхнем Поволжье и Эстонии отражают инфильтрацию выходцев из Новгородской земли. Изготовление в Изборске в каменных формах трапециевидных привесок с каймой из лестничного узора продолжало традиции более раннего времени.

В двух изборских каменных формах из напластований XII в. отливались крестики с утолщенными профилированными концами. Подобные предметы христианского культа широко представлены в древнерусских материалах от Приладожья до Киевского Поднепровья на юге и Костромского Поволжья на востоке. В курганах Новгородской земли они датируются XI в., в Новгороде встречены в слоях, датируемых от конца XI до середины XII в. (*Седова*, 1981. С. 52–54, рис. 16: *10*). Аналогичные крестики в большом количестве встречены в Латвии, где они имеют древнерусское начало и датируются X–XII вв. (*Мугуревич*, 1974, рис. 2: *1*). Еще в одной из изборских каменных форм, обнаруженной в слое XII в., отливались простые крестики с чуть расширенными концами.

Имеются в Изборске еще каменные формы для изготовления плоских и объемных бляшек (рис. 235: *1*; 239: *7*). В двух формах, обнаруженных в слоях XI–XII вв., отливались круглые бляшки диаметрами 14, 15, 16 и 17 см четырех видов. Все они имели ободки из рельефных узоров, в двух случаях в середине имелись еще крестообразные рельефы. Одна из изборских каменных форм, происходящая из слоя XIII в., предназначалась для отливки перстней (рис. 235: *6*). На одной ее стороне вырезано углубление для изготовления овальноширокопластинчатых перстней с сильно сужающимися концами, на другой – для рубчатых перстней. Еще одна форма из слоя XIII в. использовалась для отливки проволочных перстней (рис. 238: *2*). Перстни всех этих типов неоднократно встречены на Изборском городище и были широко распространены в Древней Руси.

Упомянутая выше каменная форма (рис. 235: *4*) с вырезами для литья на четырех сторонах, найденная в Изборске в слое XIII в., позволяла изгота-

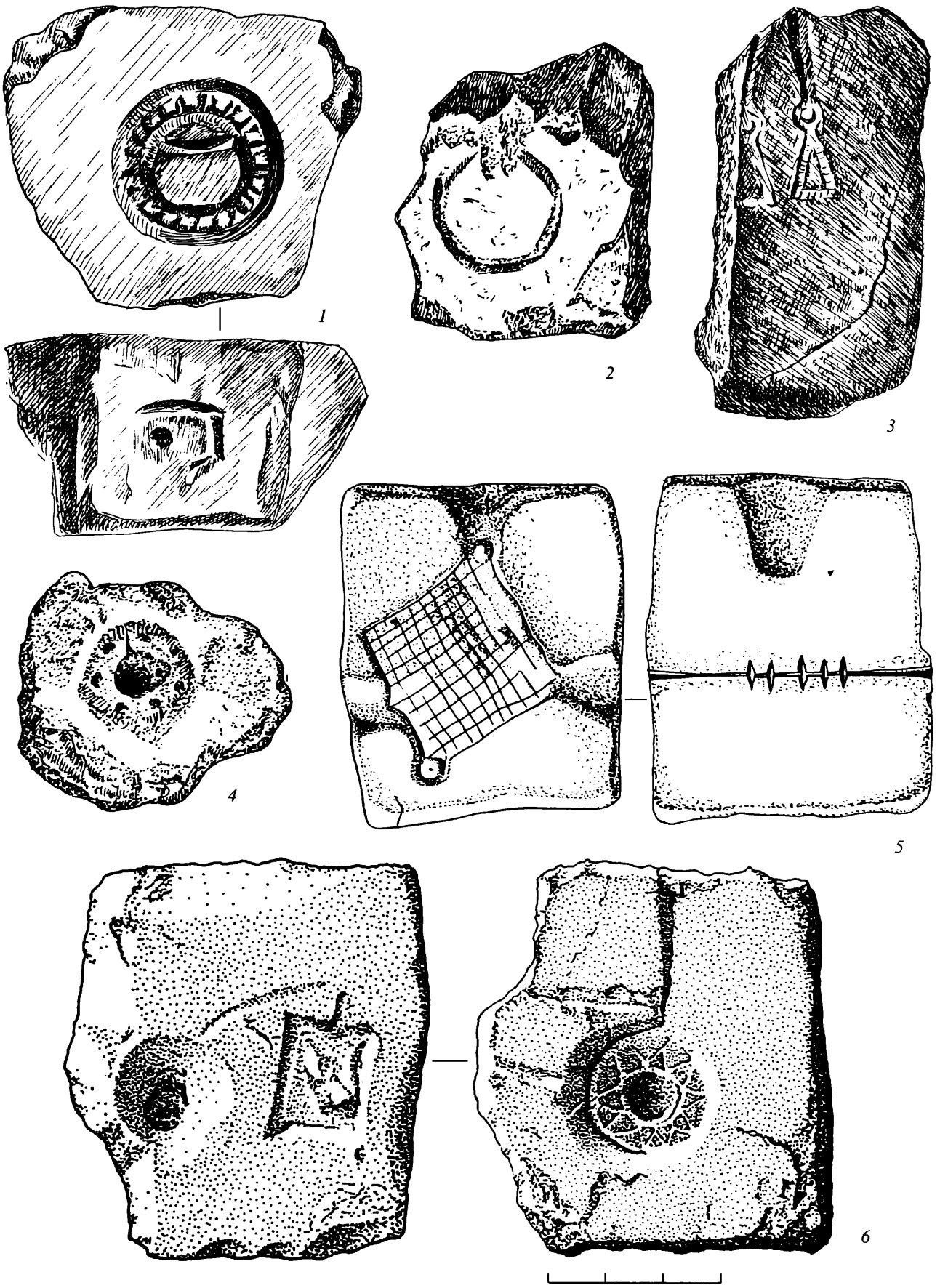

Рис. 238. Каменные литейные формы
1 – 4, В-21; *2* – 2, Б-37; *3* – 3, Н-38; *4* – 3, М-37; *5* – 1, Г-10; *6* – 4, VII-28

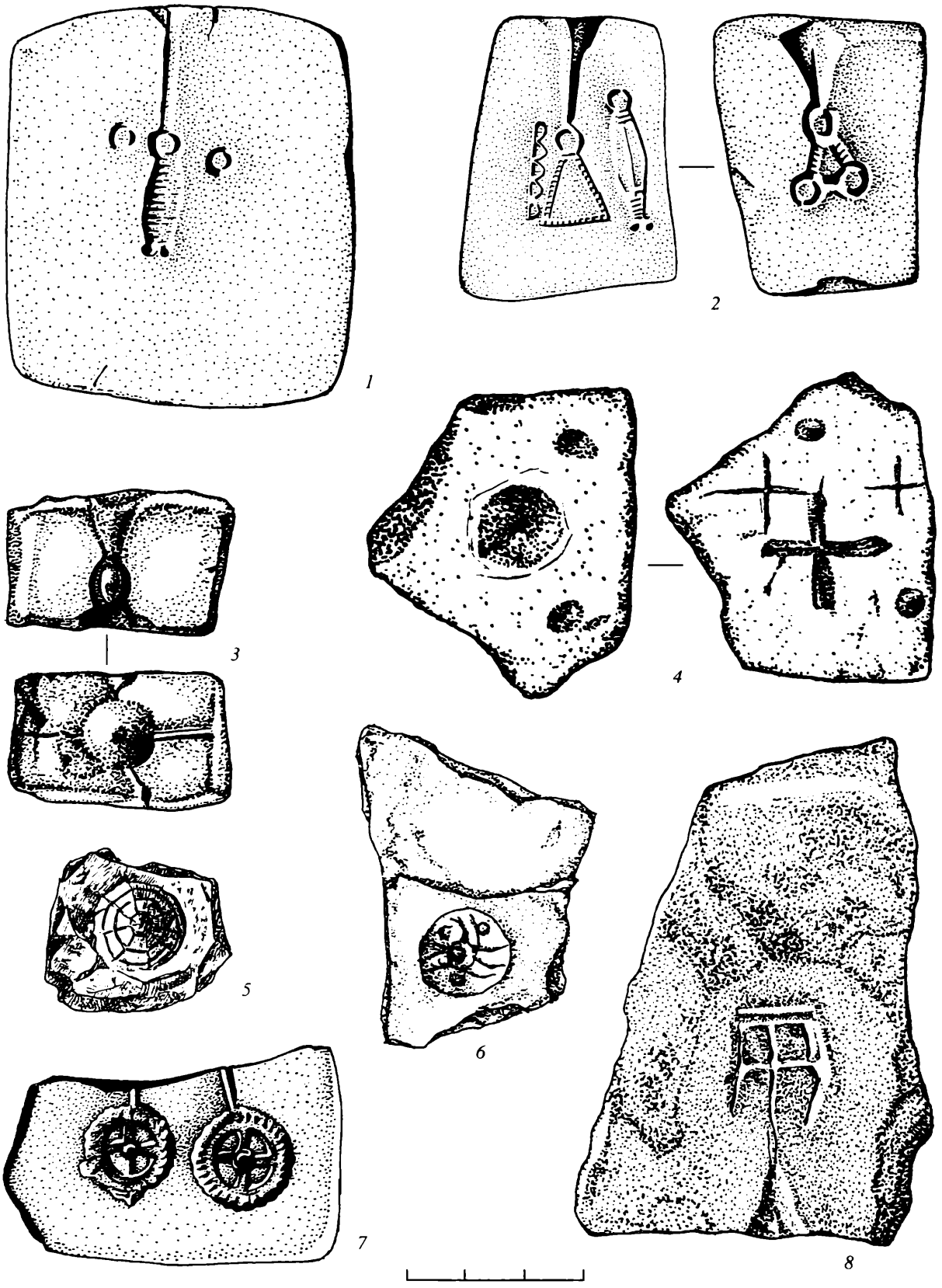

Рис. 239. Каменные литейные формы

1 – 4, Л-44; *2* – 3, VI-20; *3* – 4, I-29; *4* – 3, Б-10; *5* – 1, XIV-32; *6* – траншея через вал, квадрат 1, глубина 600 см; *7* – 4, К-17; *8* – 3, К-32

вливать браслеты. Они имели выпуклую кайму, рельефный косокрестообразный узор с дополнительными круглыми выпуклинами. Браслеты, отлитые в этой форме, ни в Изборске, ни в его округе не найдены. На той же форме отливались какие-то пластины с оригинальными рельефными узорами. Для изготовления прямоугольных пластин различных размеров с косоперекрещивающимися прочерченными орнаментами предназначались каменные формы, изображенные на рис. 236: *1*, 238: *5* и 240: *1*. Две из них найдены в напластованиях XII в., третья, ромбическая, происходит из слоя конца XIII – начала XIV в.

Из слоя XI в. происходят фрагменты двух каменных форм для отливки кольцевых пряжек с рельефным узором из поперечных полос (рис. 235: *6*; 238: *1*). Кольцевые пряжки с орнаментом из крупных выпуклин могли изготавливаться в оборотной стороне названной формочки (рис. 240: *2*) из слоя XII в., предназначенной для отливки пластин с косорешетчатым узором. Небольшие пряжки с четырехугольными рамками могли отливаться в каменных формах, изображения которых помещены на рис. 238: *1* (нижний) и *6* (левый). Еще одна форма из слоя XII в. предназначалась для производства пряжек с неправильно прямоугольной рамкой и таким же приемником и вставным штырем для ремня (рис. 239: *8*). Судя по одной из литейных форм (рис. 235: *3*), производились изборскими ремесленниками и простые бронзовые бусы.

Имеется в изборской коллекции также ряд фрагментарных каменных форм, которые представляют несомненный интерес для изучения бронзолитейного дела, но определить изделия, для изготовления которых они предназначались, не представляется возможным.

Кроме литейных форм, льячек и тиглей ремесленники, занимавшиеся изготовлением изделий из цветных металлов, несомненно пользовались и иными орудиями труда. Для ковки меди и бронзы древнерусские мастера обычно пользовались деревянными молотками. В изборском слое они не могли сохраниться. На городище найден костяной молоток.

Как и в другие города Древней Руси, медь, олово и свинец поступали в Изборск, очевидно, преимущественно из стран Западной Европы, широко использовался также лом изделий из цветных металлов. Несколько раз встречены пластины из использованных целых (выпрямленных) или фрагментарных браслетов – пластинчатых и плосковыпуклых. Привозился металл в форме слитков, брусков, полос и проволоки. В изборских раскопках во всех слоях встречено довольно много фрагментов бронзовой проволоки, но определить, предназначена ли она была для производственных целей, удается далеко не всегда. Проволока встречена округлая и четырехугольная в сечении самых различных диаметров – от 1,5–2 до 3–4 мм (рис. 233: *7–10, 15*; 241). Несомненными следами бронзолитейного ремесла являются небольшие бронзовые бруски или пластины (рис. 233: *2–4, 6, 12–14*). В двух случаях обнаружены небольшие куски белого металла. В слое второй половины X–XI в. (пласт 4, кв. А-34) найден слиток билона (?), а в слое XIII в. (2, VII-11) – кусок олова (рис. 233: *1*), несомненно использовавшиеся ремесленниками. Последняя находка, по-видимому, является остатком бруса сегментовидного сечения с овальными концами. Он имеет следы рубки зубилом.

Следами бронзолитейного ремесла являются еще небольшие слитки бронзы (рис. 233: *16*) и более многочисленные шлаки. К сожалению, все это встречено при раскопках в разрозненном состоянии, поэтому определить конкретные постройки мастеров-бронзолитейщиков не представляется возможным. На основании распространения находок каменных литейных форм, льячек и фрагментов тиглей можно полагать, что одновременно на Изборском городище работало по несколько бронзолитейных мастерских.

К концу X–XI в. относится мастерская, остатки которой зафиксированы в квадратах М-43, М-44, Н-43, Н-44, О-43, О-44, П-43, П-44. Следами постройки является насыщенность слоя углями и небольшими головнями. Она выделялась своими крупными размерами – приблизительно 7 × 5 м. Юго-восточный угол постройки занимала глиняная печь, от которой до нас дошел массив красной глины с крупными и мелкими прокаленными кусками рваных очертаний, размеры его около 4 × 3 м, толщина 5–12 см. Около печного развала и остатков сгоревшей постройки обнаружены фрагментарная льячка и четыре литейные формы, в том числе изображенные на рис. 232: *2*; 234: *1*; 239: *1*, и предположительно, помещенная на рис. 235: *3*. Судя по ним, проживавший здесь ремесленник изготавливал пуговицы, привески и, возможно, кольцевые пряжки.

Можно предполагать, что в тот же период функционировали еще две мастерские бронзолитейщиков. Одна из них локализуется в квадрате У-26 и смежных с ним, где найдены глиняная льячка и две каменные литейные формы (рис. 236: *3*; 238: *6*). Постройка не сохранилась. Другая мастерская находилась в районе квадратов Б-42 и Б-43. Остатки печи-каменки, расчищенные в квадрате Б-43, скорее всего относятся к этой мастерской.

В напластованиях XII в. выявляется несколько мест, где функционировали бронзолитейные мастерские. Не все они действовали единовременно, состояние культурного слоя, к сожалению, не позволяет распределить их по более детальным горизонтам. Можно полагать, что один из мастеров работал на том же месте, где располагалась первая из вышеописанных мастерских предшествующего времени. В этом месте в квадратах Т-44 и Т-45 найдены три литейные формы (рис. 236). Интересно

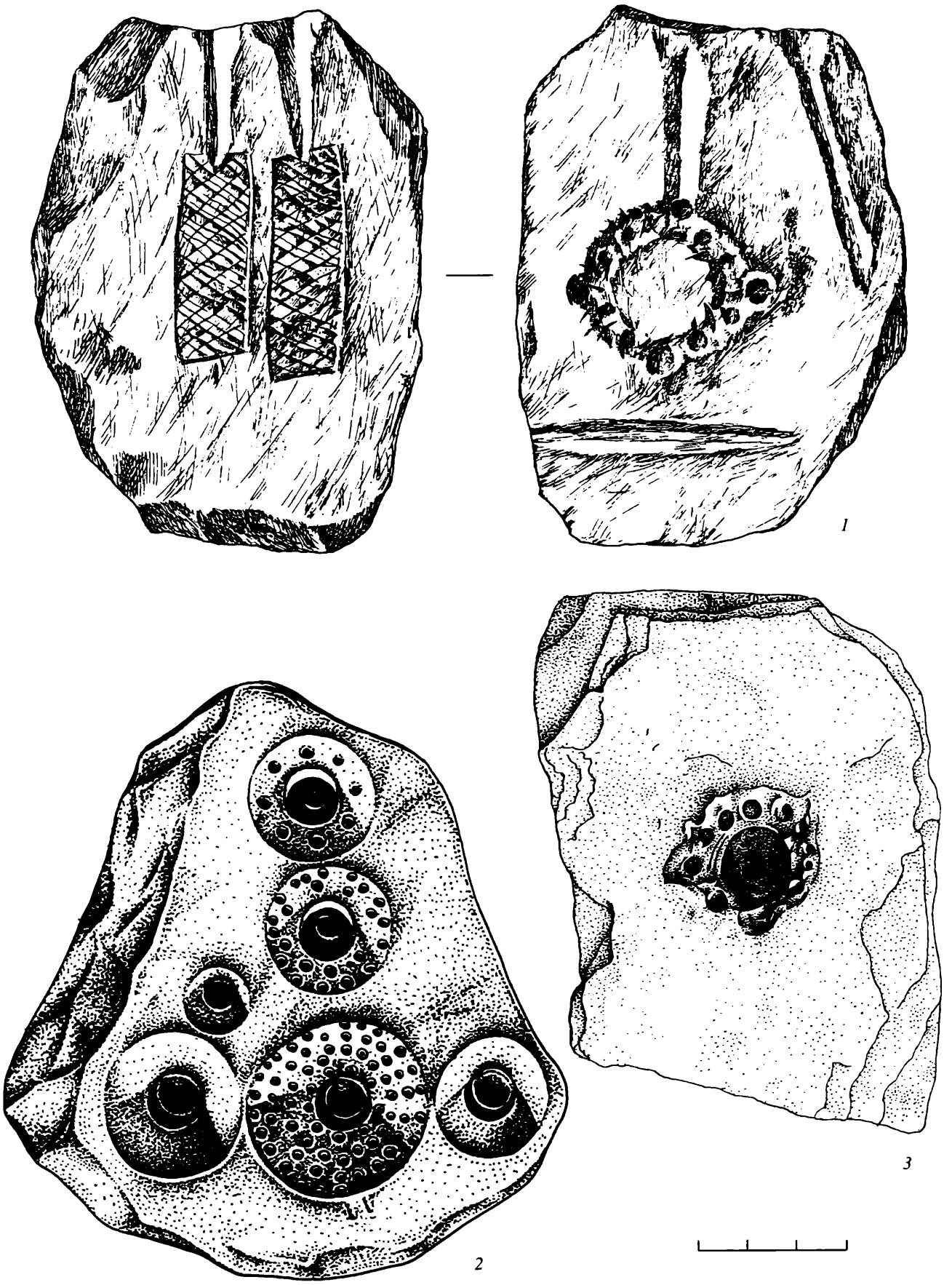

Рис. 240. Каменные литейные формы
1 – 3, Ц-50; *2* – 3, О-54; *3* – 3, К-33

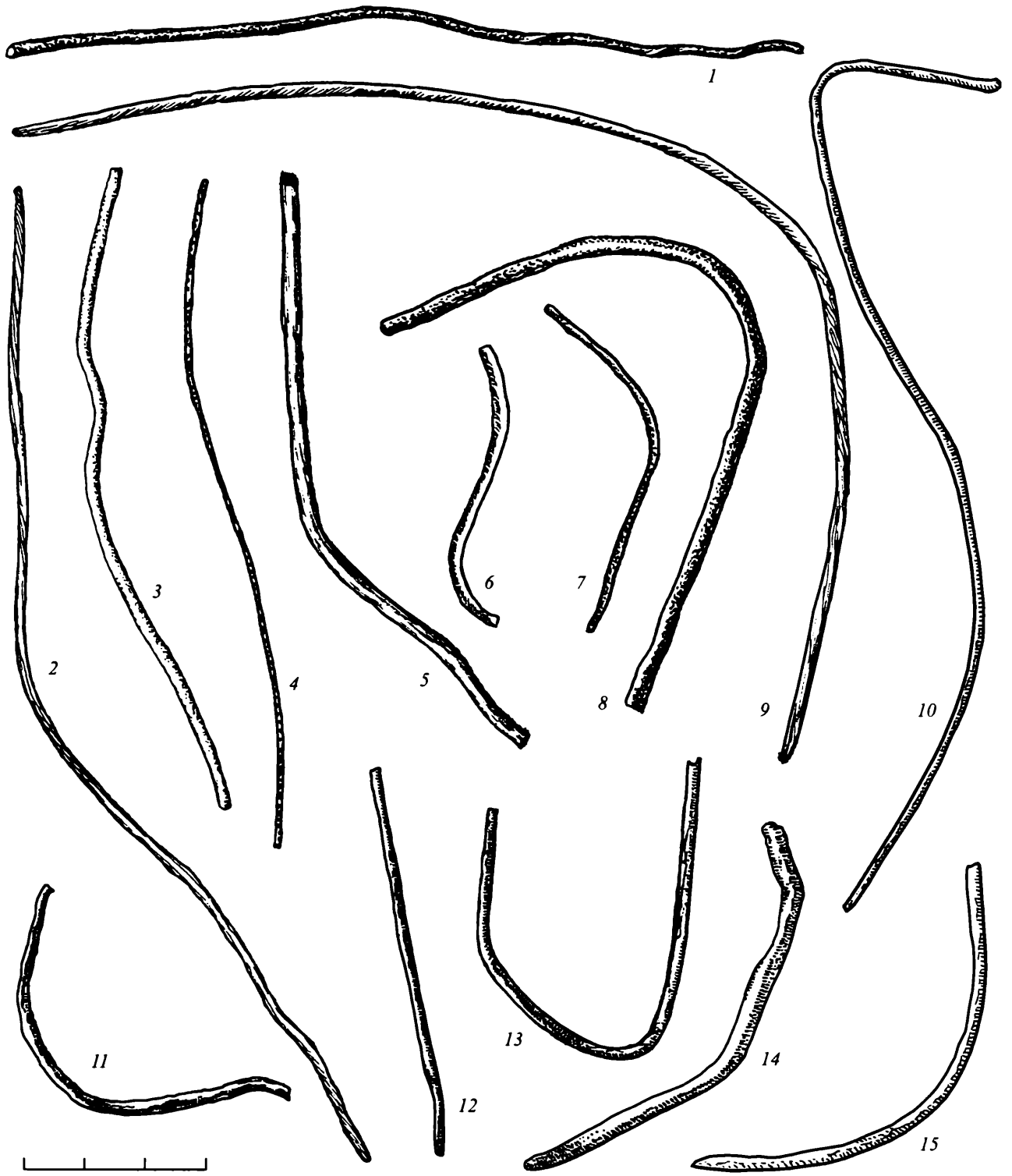

Рис. 241. Куски проволоки из цветных металлов

1 – 2, П-5; *2* – 3, Д-28; *3* – 5, Б-25; *4* – 5, Д-29; *5* – 6, В-36; *6* – 2, Ж-33; *7* – 5, В-32; *8* – 4, Д-28; *9* – 3, В-27; *10* – 3, Ш-33; *11* – 3, К-26; *12* – 3, Г-33; *13* – 1, VI-17; *14* – 4, Е-31; *15* – 3, I-23

то, что и выше, в слое XIII в. здесь, по всей вероятности, располагалось помещение бронзо-литейщика, о чем говорят находки литейных форм в квадратах О-44 и У-44.

В XII в. функционировало еще несколько мастерских по изготовлению изделий из цветных металлов. Одна из них находилась в районе квадратов К-31, К-32, К-33 и соседних. На это указывают находки двух литейных форм, на одной из которых изготавливались бронзовые пряжки (рис. 239: *8*), а также льячки, фрагментированного тигля, небольшого слитка бронзы и мелких кусков шлака. Весьма вероятно, что к несохранившейся постройке ремесленника принадлежит печь, остатки которой исследованы в смежных частях квадратов И-34 и К-34. Это была печь-каменка. Основание ее имело четырехугольную форму размерами 1,3 × 1 м. По периметру оно было выложено из крупных валунов до 40 см в поперечнике.

Находки литейных форм в квадратах М-37, Н-37 и Н-38 (рис. 238: *3*, *4*) дают основание полагать, что где-то здесь жил и работал еще один бронзолитейщик, изготавливавший пуговицы и трапециевидные привески. Его мастерская не сохранилась, предположительно с ней можно связывать печь, остатки которой выявлены в квадрате М-37. Развал состоял из 45 прокаленных камней различной величины – от 5–8 до 35–40 см в поперечнике и кусков обожженной глины. Не исключено, что к этой же мастерской относится находка литейной формы в квадрате К-39.

Еще одна мастерская, относящаяся к тому же столетию, возможно, находилась в районе квадратов Б-37, Г-37 и смежных с ними. Здесь найдены две каменные формы и несколько кусочков шлаков. К этой мастерской, возможно, относятся три бронзовые пластины из квадратов Г-38 и Г-39 и два бронзовых дрота. Размеры пластин 7 × 5 × 0,1, 15 × 4 × 0,1 и 8,5 × 4 × 0,1 см, дроты имели длину 6 и 8,5 см и квадратное сечение в 3 × 3 мм. Исследованы остатки постройки, в которой работал бронзолитейщик. Открыта вымостка из плитняка, положенного горизонтально непосредственно на грунт. Камни не имели правильных очертаний, но своими краями довольно аккуратно были подогнаны друг к другу. Несомненно это – остатки пола несохранившейся деревянной постройки. Ее печь находилась в юго-западном углу. Это был массив красной обожженной глины толщиной до 15 см. В его составе было несколько булыжных камней со следами прокаленности. Массив глины лежал на вымостке из крупных камней, занимавшей площадь 1,4 × 1,2 м и служившей основанием глинобитной печи.

Находка в квадрате Е-26 каменной литейной формы (рис. 235: *3*) и фрагментарного тигля в соседнем квадрате дает основание полагать, что здесь какое-то время также работал ремесленник, отливавший бусы и привески. В округе предполагаемой мастерской зафиксировано множество кусков различной проволоки.

Несколько литейных форм, льячек и тиглей происходят и из верхнего горизонта культурного слоя, определяемого в основном XIII в. Можно отметить, что некоторые из них встречены в тех местах, где устанавливается функционирование бронзолитейных мастерских в XI–XII вв. Таковы находки формы для изготовления колечек в кв. Б-37 (рис. 238: *2*) и формы для отливки пуговиц в кв. У-44 (рис. 232: *1*). В районе последнего квадрата бронзолитейное дело, по всей вероятности, было непрерывным начиная с рубежа X–XI вв.

Об одной из мастерских XIII в. можно говорить на основании находок фрагментов двух литейных форм в квадратах К-35 и И-66. Здесь и по-соседству встречены фрагменты льячки и небольшого бронзового бруска, небольшие куски листовой меди и шлаки. Остатков постройки не выявлено. Не исключено, что к ней принадлежала печь-каменка, исследованная в смежных частях квадратов К-36 и Л-36.

Можно предполагать фунционирование в том же столетии и мастерской в месте нахождения литейной формы (кв. И-45), приспособленной для отливки оригинальных треугольных привесок с колечками по углам (рис. 235: *4*), и фрагмента крупной формы (кв. З-47) со множеством каналов (рис. 234: *5*). Не исключено, что и фрагментарный тигель, обнаруженный поблизости в кв. Е-49, связан с этой мастерской. Каких-либо деревянных остатков ее не выявлено, но к ней скорее всего относится печь, остатки которой находились в смежных частях квадратов З-45 и И-45. Это было скопление обожженных камней в два–три яруса. Овальное основание печи имело размеры 1 × 0,6 м.

Кроме литья различных предметов из цветных металлов изборские ремесленники изготавливали изделия из листовой бронзы. Об этом говорят многочисленные находки кусков листовой бронзы различной толщины во всех характеризуемых слоях Изборского городища. Прежде всего, местными мастерами изготавливалась разнообразная бронзовая посуда. При раскопках неоднократно найдены фрагменты верхних загнутых краев бронзовых сосудов сравнительно небольших размеров, обнаружен также большой целый ведрообразный сосуд. Последний был сильно помят и сплющен, выправить его до сих пор не удалось. Листовая бронза использовалась также для производства различных накладок на деревянную утварь, верхних оковок и бляшек.

Косторезное ремесло и изделия из кости и рога

Многочисленные находки в изборском культурном слое разнообразных изделий из кости, полуфабрикатов и заготовок свидетельствуют о развитии в городе косторезного дела на протяжении X – начала XIV в. Об этой деятельности в Изборске речь шла при характеристике протогородского слоя городища и, очевидно, она получила продолжение в древнерусское время. Остатков специализированных мастерских косторезов при раскопках не было выявлено. Однако следы обработки весьма обширны и фиксируются в разрозненном состоянии.

Выделка гребней и художественных изделий очевидно принадлежала мастерам-косторезам. Но в основном изготовление изделий из кости не было узкоспециализированным ремеслом. Резьба по кости часто носила вспомогательный характер. Ею могли заниматься и ремесленники, владеющие

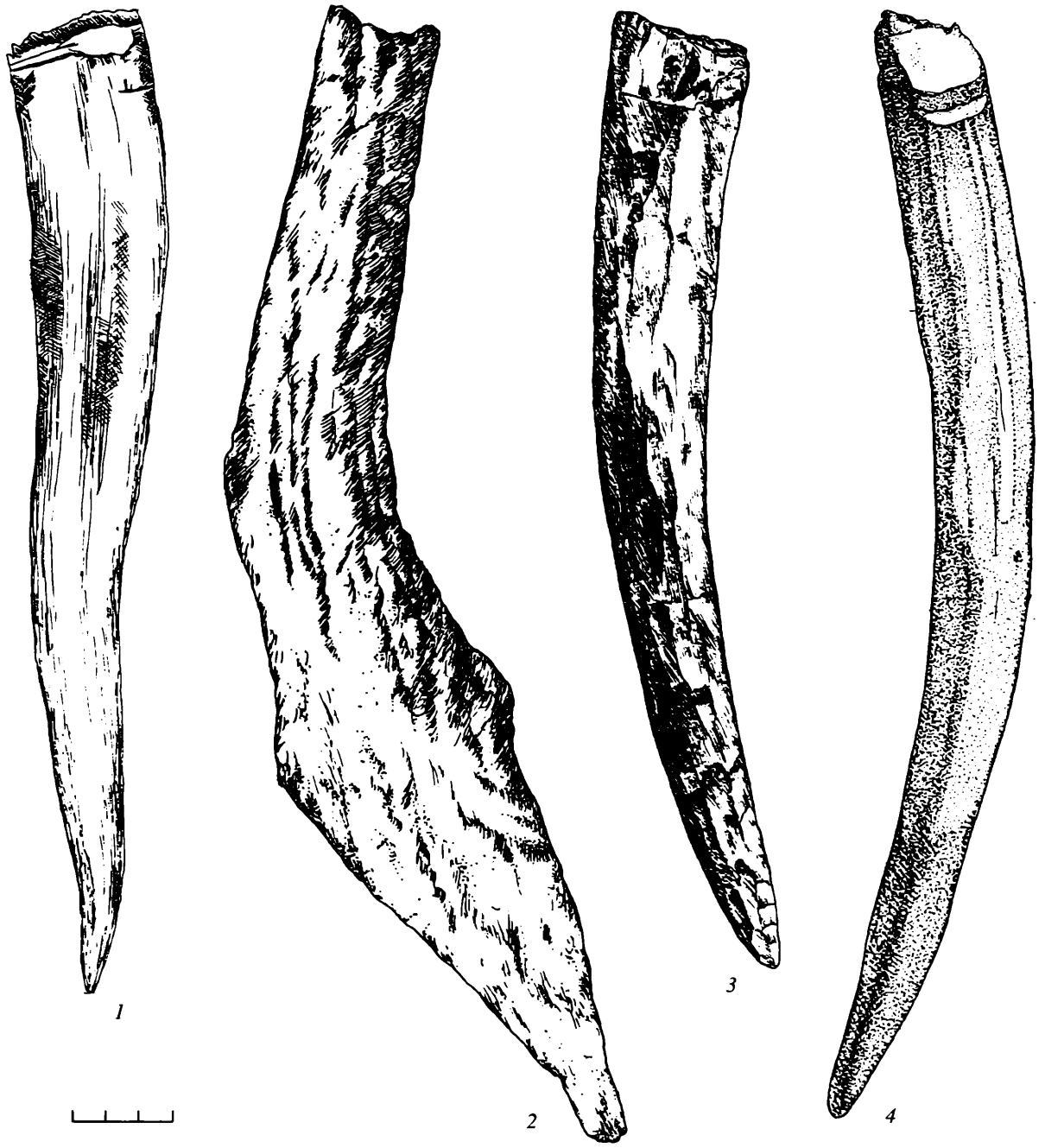

Рис. 242. Рога со следами обработки
1 – участок 47, яма 11; *2* – 3, Г-33; *3* – 3, Ц-46; *4* – 3, Д-12

деревообработкой, а часто и непрофессионалы, которые изготавливали для своих нужд в домашних условиях простейшие изделия.

Материалом для косторезного ремесла были кости крупных домашних животных, а также рога, как домашних, так и диких (лосей, оленей) животных. При раскопках неоднократно встречены рога и крупные кости животных со следами срезов, пропилов (рис. 242; 243: *6*), а также полуфабрикаты (рис. 243: *3*), различные пластины (рис. 244: *1–4, 8*; 245: *6, 9, 11, 13*), заготовки (рис. 245: *7, 10*), бракованные изделия (рис. 244: *6*; 245: *4*), а также многочисленные и разнообразные отходы производства (рис. 244: *12*; 245: *12*) и т.п. Инструментарий костореза включал обычные железные ножи, резцы и пилы. Относительно широкое распространение в Изборске изделий из кости не является особенностью этого города. Такие находки имели широкое распространение и в других русских городах домонгольского времени. Набор их был также довольно обширным.

Среди изборских костяных изделий наиболее массовыми являются различные костяные проколки. Это округлые или овальные в сечении конические стержни, заостренные с одного конца. Значительная часть их не имела головок и завершалась сверху простыми горизонтальными или слегка наклонными срезами (рис. 246: *1–13, 15, 16, 20, 21, 23*). Некоторые из этих стержней имеют слегка отогнутые заостренные концы.

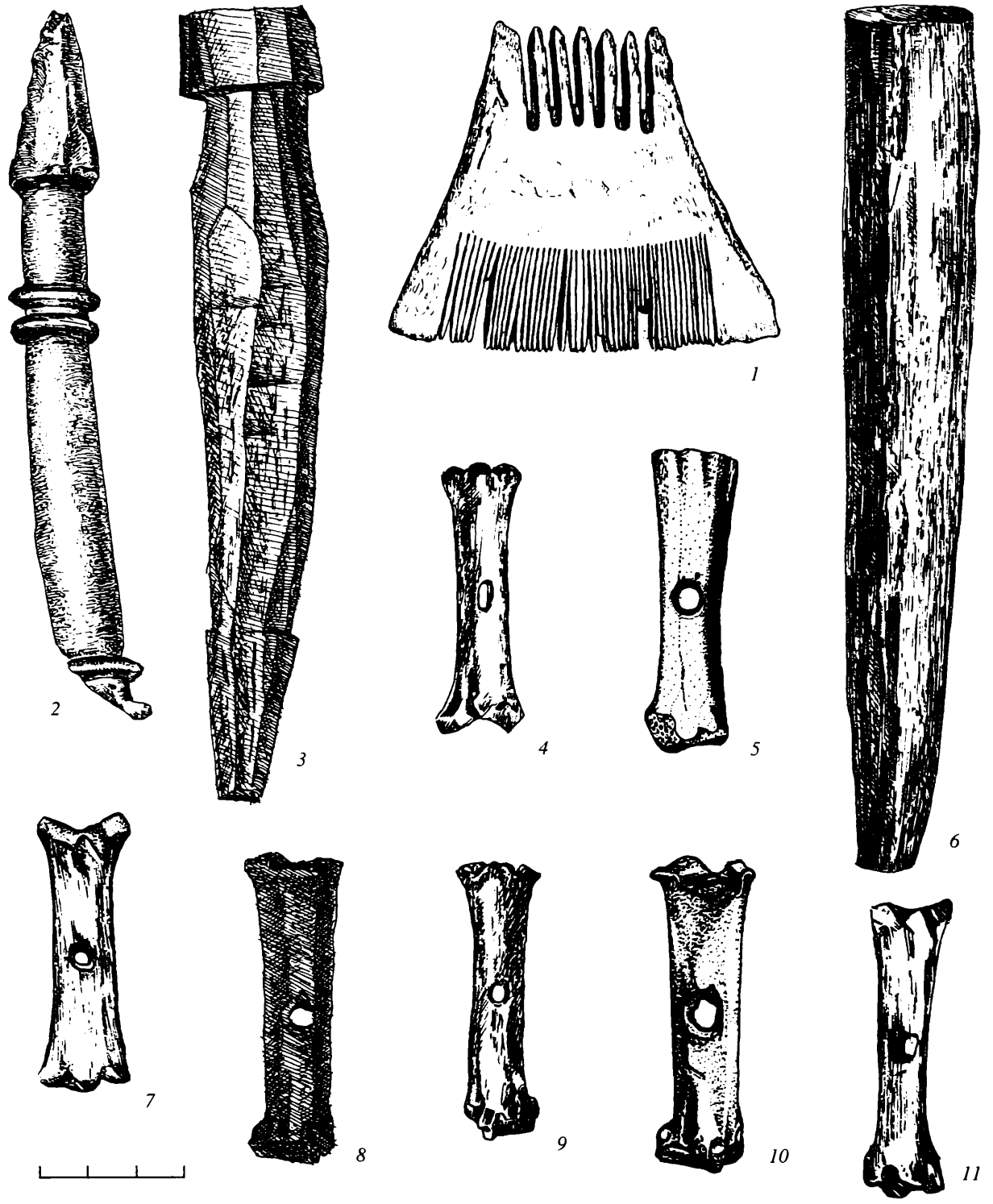

Рис. 243. Поделки из кости и рога

1 – гребень; *2, 3* – поделки; *4, 5, 7–11* – жужжалки; *6* – рог со следами обработки. *1* – 3, Ж-44; *2* – 8, Ч-42; *3* – 3, Ц-33; *4* – 3, VII-32; *5* – 4, Г-50; *6* – 4, В-43; *7* – 2, М-39; *8* – 4, И-34; *9* – 3, А-40; *10* – 3, Л-49; *11* – 3, С-42

Единичные проколки имели квадратное сечение (рис. 246: *14*). Размеры находок весьма различны – от небольших, длиной 6–7 см, до крупных, длиной 15–18 см. Изготавливались они чаще всего из заостренных отростков рогов оленей или лосей. По-видимому, права О.Д. Давидан, утверждавшая, что делались они из кончиков или обрезков рогов, оставшихся при работе косторезов. Кончики рогов заострялись железными ножами посредством нескольких срезов.

Подобные находки довольно часто встречаются в материалах раскопок древнерусских городов и поселений Прибалтики. Обычно исследователи лишь упоминают о находках таковых (*Асташова*, 1993. С. 77). Большая коллекция таких проколок происходит из раскопок замка Локстене (*Mugurevičs*, 1977. Tab. XXIX: 4–9). Они имели разнообразное применение. Это были шилья, иглы, инструменты для плетения тонких изделий или для нанесения орнаментации и др.

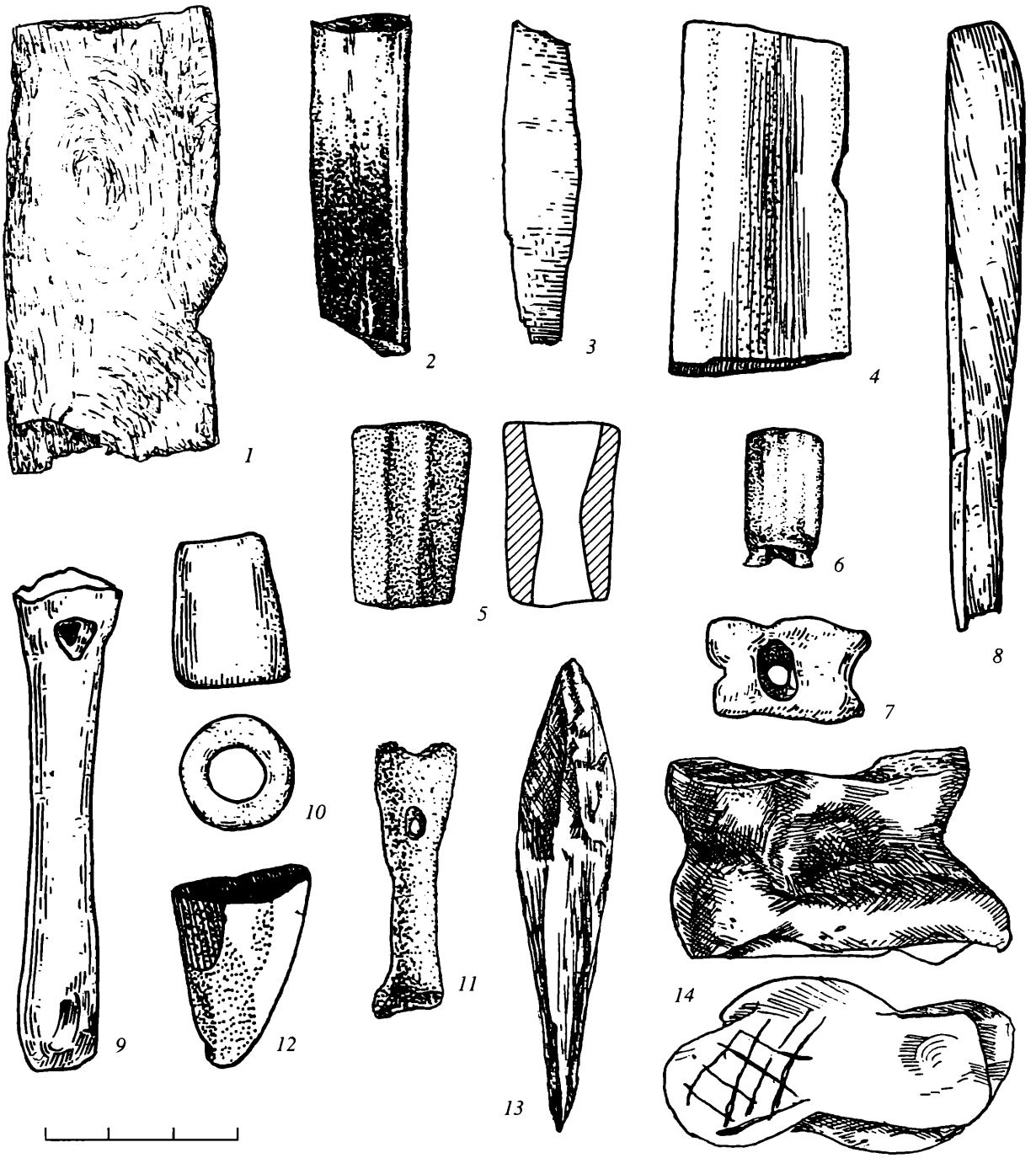

Рис. 244. Поделки из кости

1 – 3, XII-38; *2* – 3, Д-31; *3* – 5, Е-27; *4* – 2, IV-30; *5* – 6, Х-18; *6* – 1, П-29; *7* – 2, Л-36; *8* – 2, В-21; *9* – 3, И-36; *10* – 3, И-26; *11* – 5, З-36; *12* – 2, II-35; *13* – 2, XVII-40; *14* – 4, VI-28

Другую группу заостренных изделий составляют изделия, изготовленные из костей животных. Эпифизы были своеобразными рукоятками, а противоположные, рабочие концы имели косые срезы (рис. 246: *17–19, 22*). Они невелики по размерам (длина 7–10 см). Подобные проколки встречены и во многих восточноевропейских памятниках рассматриваемого времени. В Ладоге отмечены случаи, когда их рабочие острия были сильно заполированы (*Давидан*, 1966. С. 103–104).

В изборской коллекции немалое место занимают орудия из грифельных или трубчатых костей крупных домашних животных. Рабочие части их чаще заострены, у других – образованы посредством косого среза в виде лопаточки (рис. 247). Они довольно крупных размеров –

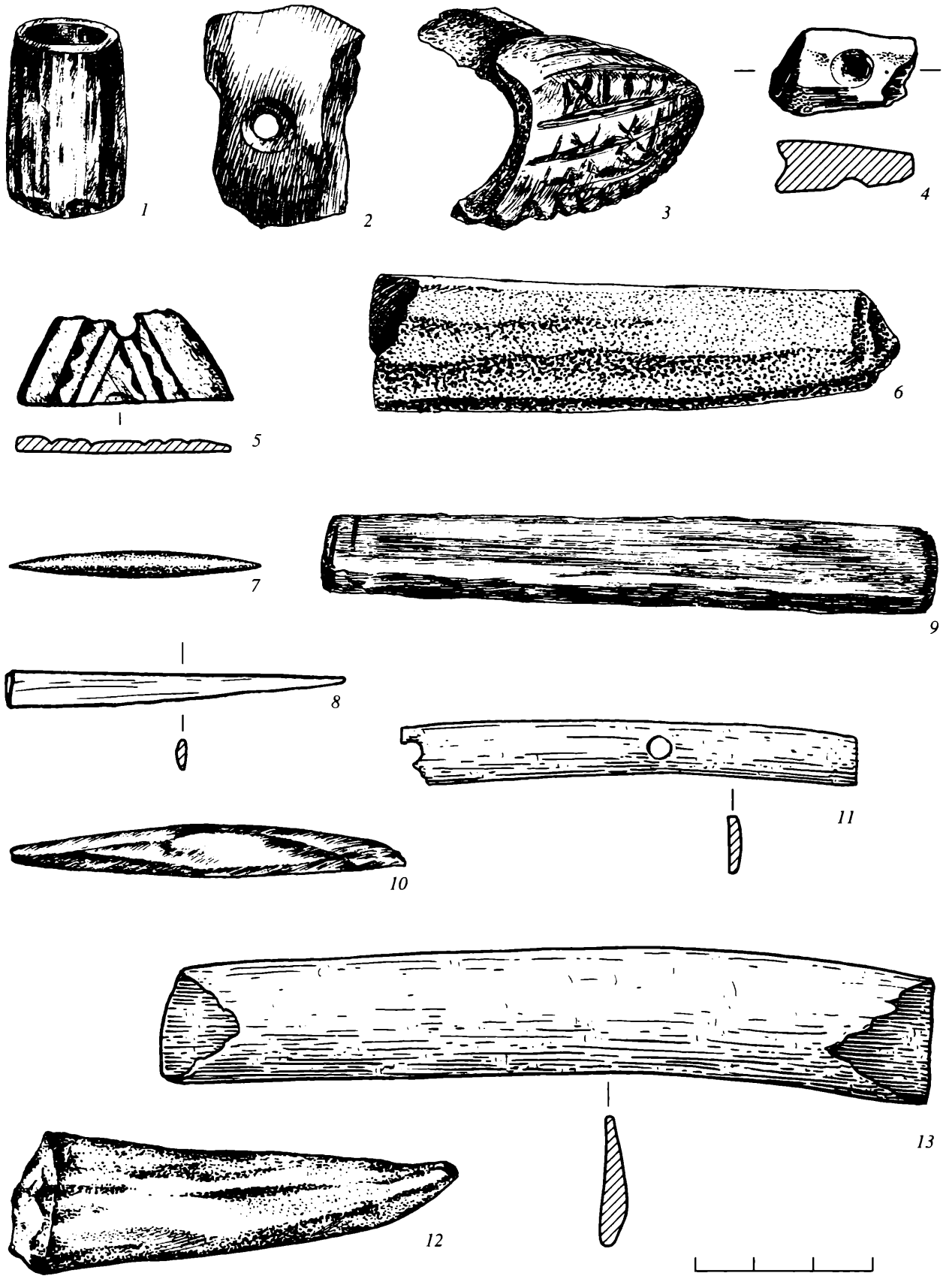

Рис. 245. Поделки из кости и рога

1 – 4, Л-44; *2* – 2, И-33; *3* – 2, О-44; *4* – 2, П-27; *5* – 2, IX-34; *6* – 3, Ц-34; *7* – 4, З-30; *8* – 3, Ш-31; *9* – 8, Ф-42; *10* – 4, Р-27; *11* – 2, XII-32; *12* – участок 38, яма 1; *13* – 3, IX-35

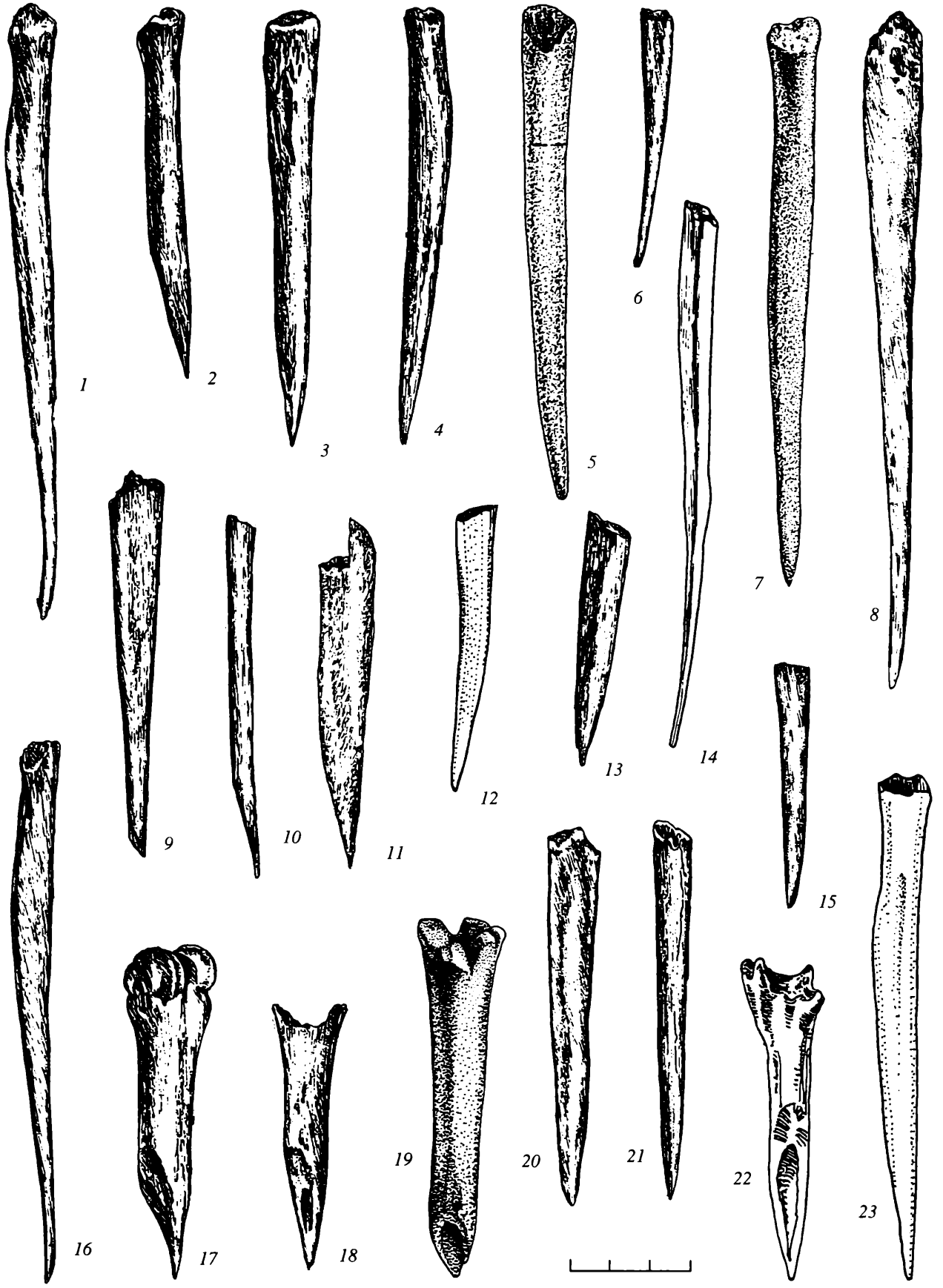

Рис. 246. Проколки из кости

1 – 7, Ю-54; *2, 17* – 1, И-56; *3* – 5, Н-19; *4* – 2, Э-54; *5* – 3, С-32; *6* – 4, Ц-56; *7* – 4, Д-2; *8* – 2, П-27; *9* – 3, Ч-52; *10* – 4, Ю-52; *11* – 4, XIV-37; *12* – квадрат XIII-23, канавка ограды детинца; *13* – 2, Ч-55; *14* – 6, Х-17; *15* – 3, С-50; *16* – 5, Ц-56; *18* – 5, Ф-55; *19* – участок 40 (?); *20* – 2, С-31; *21* – 4, П-53; *22* – 5, Н-22; 23- 6, П-35

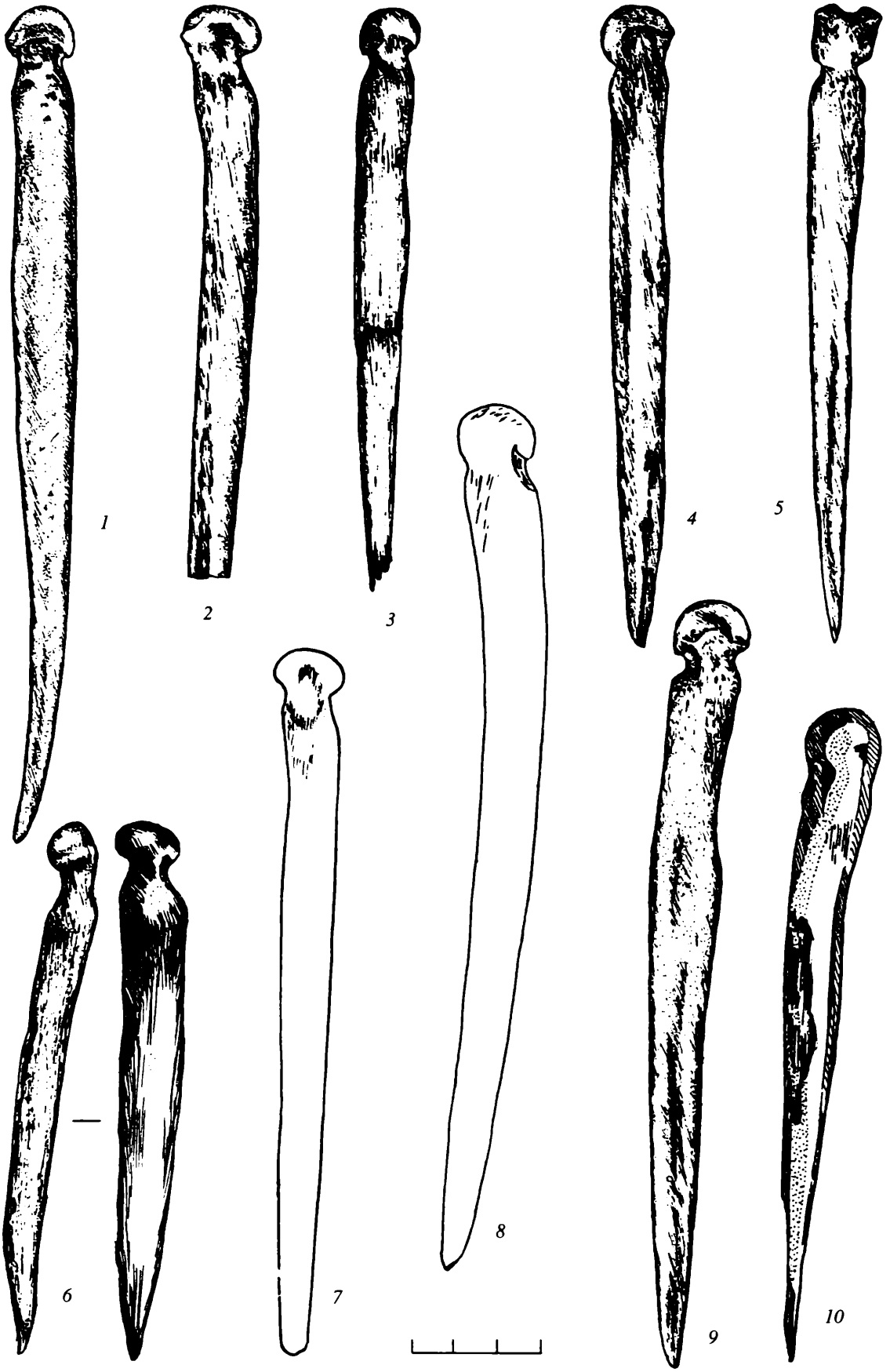

Рис. 247. Проколки из кости

1 – 5, В-32; *2* – 2, О-26; *3* – 5, Х-56; *4* – 3, П-27; *5* – 2, Р-28; *6* – 7, Р-56; *7* – 2, С-45; *8* – 4, Р-42; *9* – 2, Г-26; *10* – 4, VIII-23.

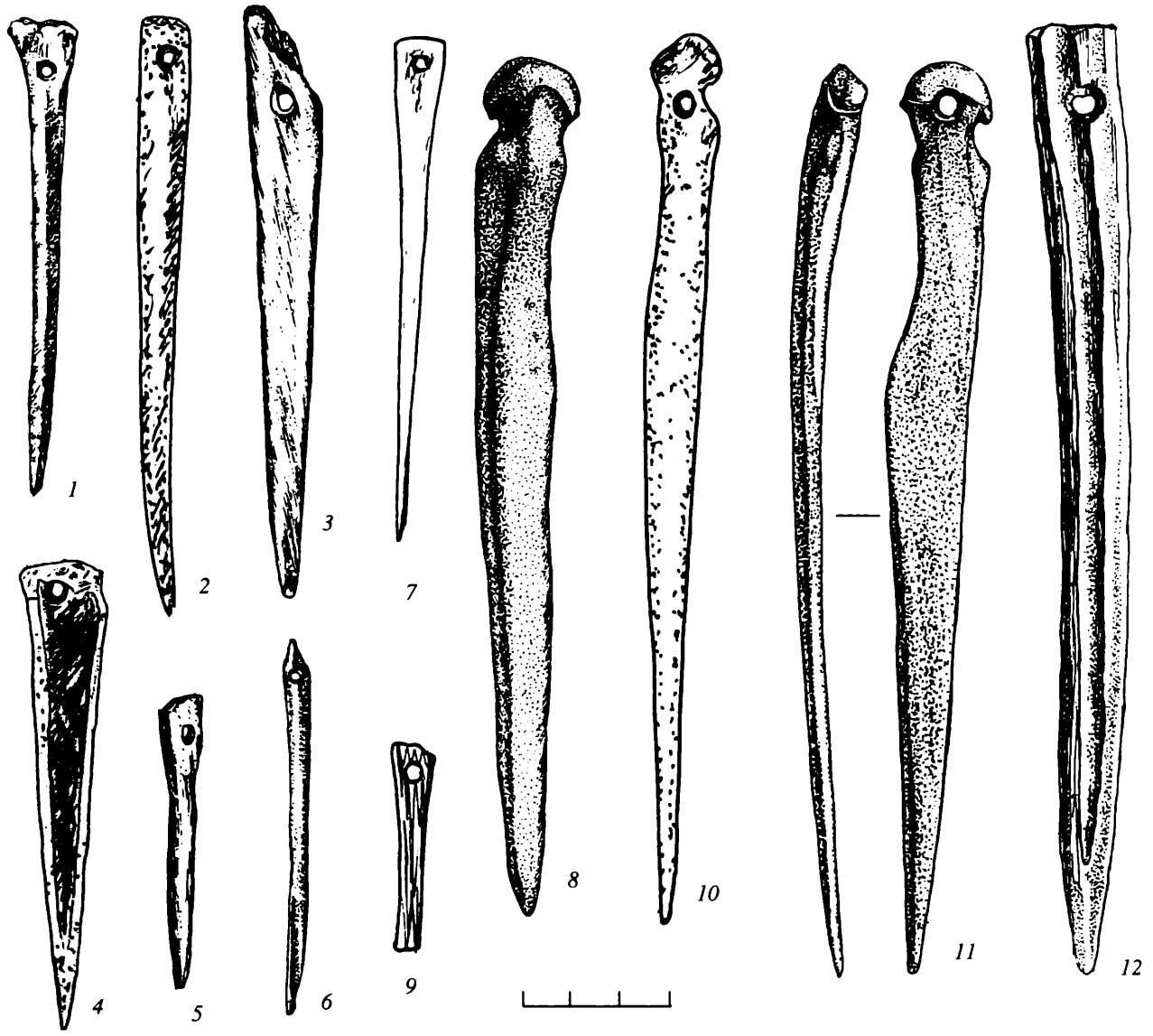

Рис. 248. Проколки из кости

1 – 6, VII-33; *2* – 5, О-44; *3* – 3, З-30; *4* – 4, М-27; *5* – 4, З-54; *6* – 9, I-37; *7* – 5, К-44; *8* – 2, Г-26; *9* – 3, Ц-48; *10* – 2, Р-45; *11* – 2, С-33; *12* – 3, В-35

преемущественно длиной 14–20 см, изделия меньших размеров (9–10 см) единичны. Заостренные находки являются орудиями для плетения и вязания. Рабочие концы некоторых из них слегка изогнуты, они были кочедыками. Поверхность этих орудий обычно заполирована. На одной находке с обломанным рабочим концом имеется орнамент из двух поясков линейного узора. В верхних частях некоторых из рассматриваемых орудий имеются отверстия, через которые, очевидно, продевались ремешки для подвешивания (рис. 248: *10–12*). Аналогии этим орудиям известны в материалах Старой Ладоги (*Давидан*, 1966. С. 105–106, рис. 2: *8–10*), Асотского городища (*Шноре*, 1961. С. 121, табл. VIII: 20, 21), Локстене (*Mugurevičs*, 1977, Lpp. 78, tab. XXIX: 11; XXX: 18, 19) и многих других, в том числе в раннесредневековых материалах южнорусских земель (*Куза*, 1981. С. 31, рис. 18: *4, 5*).

Встречено в Изборске и большое количество костяных игл (рис. 248: *1–9*; 249: *1–6, 10*). Длина их – от 5 до 11,5 см, толщина в наибольшей части – 5,5–14,5 мм. Форма их весьма различна. Сечение круглое или овальное, в тех местах, где имеется ушко – овальное или уплощенное. Отверстие обычно круглое, диаметром 2,5–4 мм, реже – овальное. Изготавливались они чаще из стенок трубчатых костей, реже – из рога, поверхность их заполирована. Такие иглы использовались при шитье грубых тканей, войлока и мягкой кожи. Аналогичные иглы из раскопок в Старой Ладоге описаны О.И. Давидан (1966. С. 104–105, рис. 1: *7, 8*). Есть они в коллекциях из раскопок Новгорода, Пскова, Берестья и других поселений. Весьма обычны подобные костяные иглы и для средневековых древностей Прибалтики (*Шноре*, 1961. С. 121, табл. VIII: 1–3, 6–10, 19; *Mugurevičs*, 1977. Lpp. 77–78, tab. XXIX: 1; XXX: 8–12).

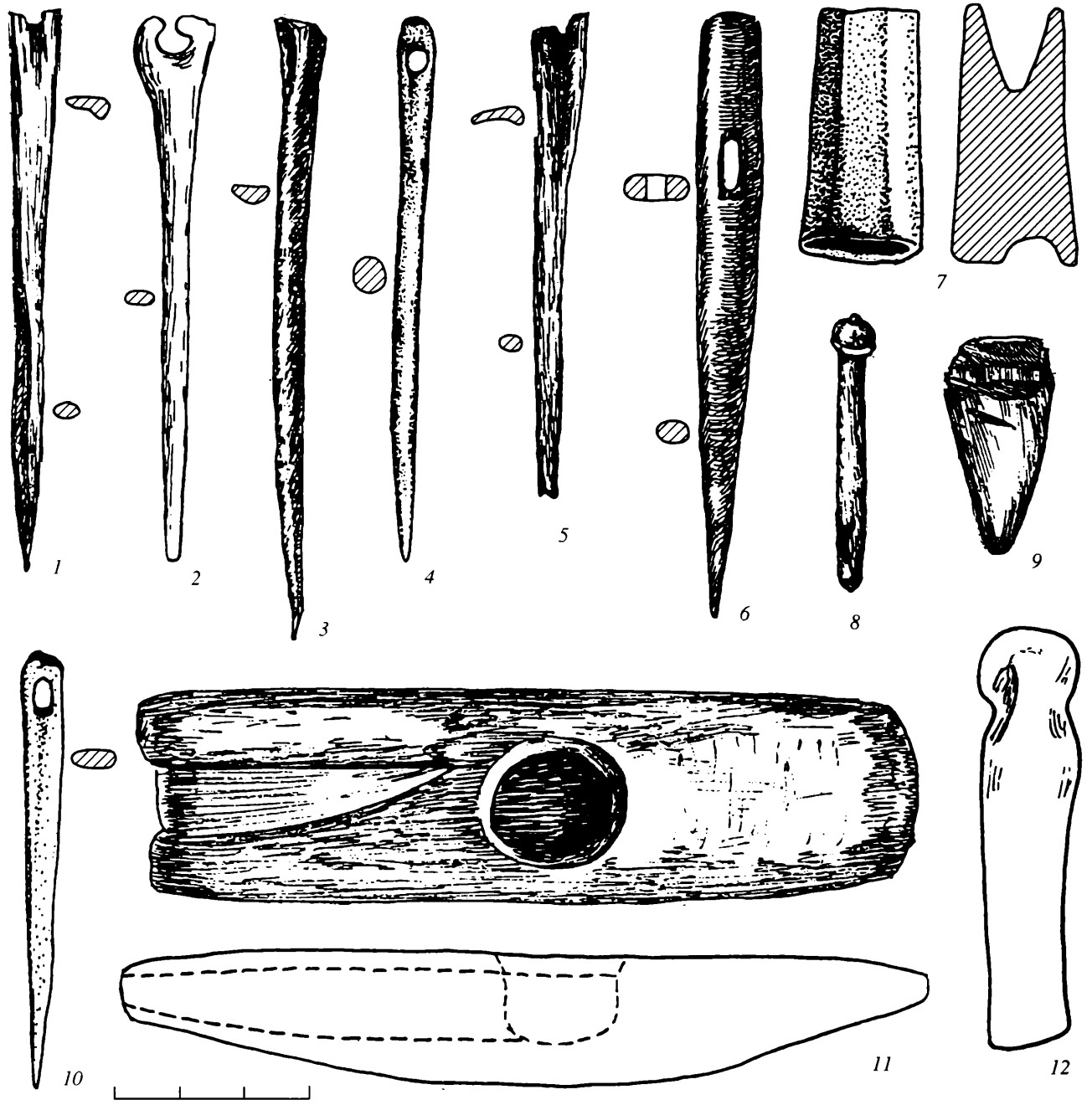

Рис. 249. Изделия из кости

1–6, 10 – иглы; *7–9, 11, 12* – различные поделки. *1* – 2, IX-29; *2* – 4, 13, траншея; *3* – 3, IV-33; *4* – 2, H-24; *5* – 3, VIII-29; *6* – 4, X-53; *7* – 1, IX-19; *8* – 4, III-52; *9* – 2, E-20; *10* – 2, IV-28; *11* – 3, X-36; *12* – 3, П-41

Большим количеством находок представлены в Изборске изделия из фаланговых костей животных с просверленным сквозным отверстием посредине (рис. 243: *4, 5, 7–11*; 250: *1–14*). Наиболее ранние из них единично встречены еще в нижнем слое городища. В древнерусских напластованиях число находок их достигает многих десятков. Они имели одинаковое хождение и в XI, и в XII–XIII вв. Подобные предметы в лесной зоне Восточно-Европейской равнины встречаются повсеместно. Немало их найдено в Новгороде, Пскове и в других городах Руси. Обычны они и для поселений Прибалтики. Такие находки обычно публикуются или как "предметы неизвестного назначения" (*Шноре*, 1961. Табл. VIII: 4, 5) или причисляются к детским игрушкам – брунчалкам или жужжалкам, издающим фырчащие звуки при вращении на туго натянутых нитях (*Лысенко*, 1985. С. 284, рис. 194: *7*; *Mugurevičs*, 1977. Tab. XXIX: 28–32; XXX: 13–17). Польский археолог Е. Цнотливы считает их пуговицами, указывая на многочисленные параллели в средневековых материалах Западной Европы и стран Востока (*Cnotliwy*, 1973. S. 178, Tab. 1: *8, 9*). С этим согласилась Ф.Д. Гуревич при публикации результатов археологического изучения Новогрудка (*Гуревич*, 1981. С. 15, рис. 86: *2*).

Имеются в изборской коллекции и иные кости с отверстиями (рис. 250: *15–17*).

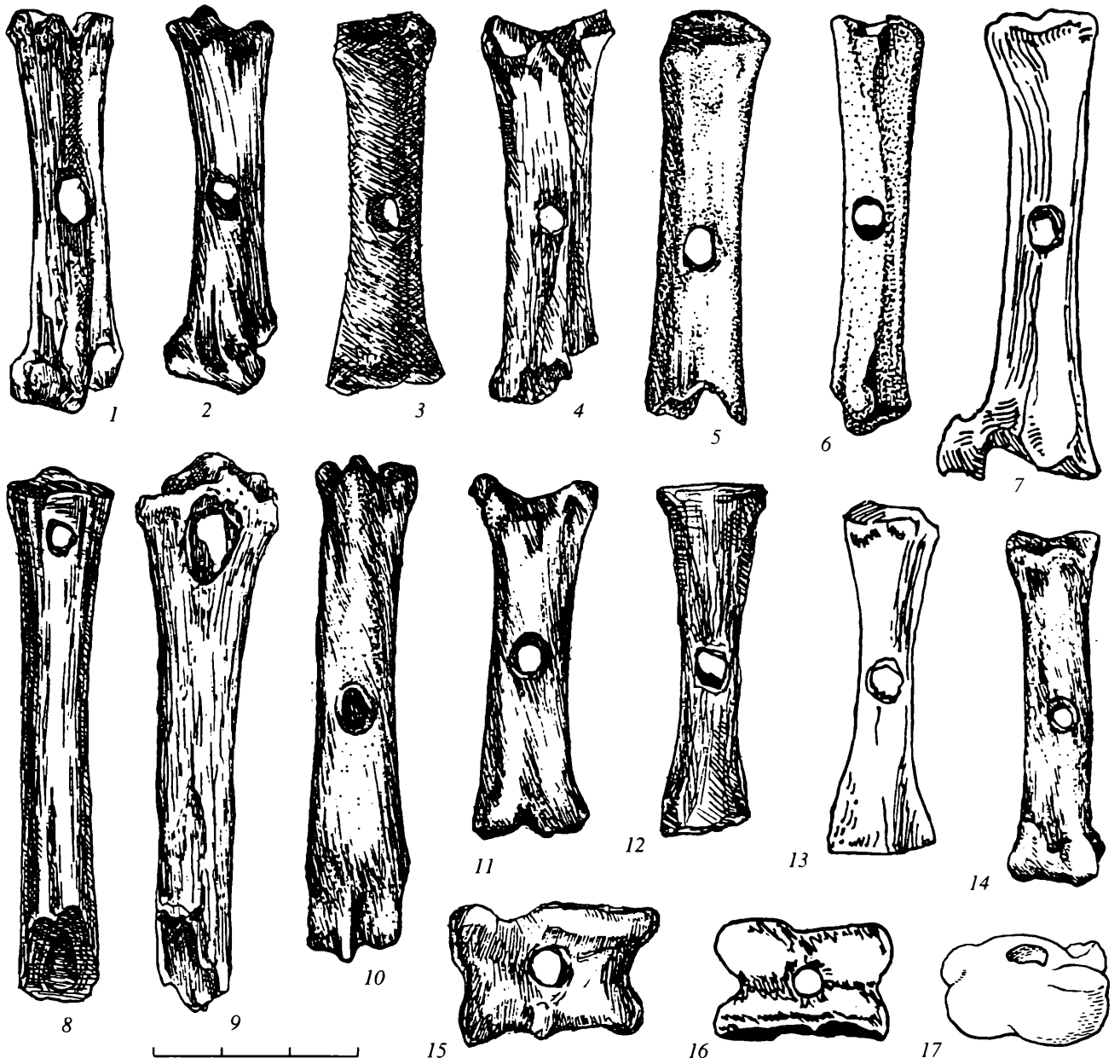

Рис. 250. Поделки из кости с отверстиями

1 – 4, ХШ-30; *2* – 2, Ж-18; *3* – 2, К-32; *4* – участок 43, яма 13; *5* – 2, К-30; *6* – 3, I-32; *7* – 3, М-23; *8* – 3, И-36; *9* – 3, Н-8; *10, 11* – 1, IV-16; *12, 13* – 2, А-29; *14* – 3, Н-25; *15* – 3, М-22; *16* – 2, К-19; *17* – 2, Л-36

Стержневые застежки из кости в Изборске немногочисленны. Их находки представлены лишь фрагментами и заготовками (рис. 245: *7, 10*).

Несколькими находками в изборской коллекции представлены костяные пряслица различных форм. Большинство их имеет полусферические формы и изготавливались из эпифизов длинных костей. Нижняя площадка пряслиц несколько выпуклая (рис. 251: *1–4*; 252: *11*). Часть находок имеет диаметры 2,3–2,5 см, высоту 7–9 мм, диаметры отверстий 3–4 мм. Два пряслица выделяются крупными размерами – диаметры их – 4,8–5 см, высота 18 и 21 мм, одно – почти миниатюрное, с наибольшим диаметром 2 см, высотой 0,7 см (рис. 251: *9*). Костяные пряслица встречены преимущественно в нижнем горизонте древнерусского слоя, только одна находка происходит из верхнего горизонта. Аналогичные пряслица небольших размеров есть среди костяных изделий Старой Ладоги (*Давидан*, 1966. С. 106) и Асотского городища (*Шноре*, 1961. Табл. VШ: 4, 5, 8). На последнем поселении они употреблялись параллельно с глиняными и каменными.

Встречены в Изборске и костяные пряслица цилиндрической формы (рис. 251: *5–8*; 252: *9*). Диаметры их около 25 мм, высота 9 мм, диаметры отвертий 9 мм. Лишь одно пряслице выделяется своими малыми размерами (рис. 252: *4*). На одной стороне одного из пряслиц цилиндрической формы (рис. 252: *9*) прочерчен небольшой крестик и обозначены четыре точки, на противоположной процарапаны два косых крестика. Подобное по форме пряслице известно по мате-

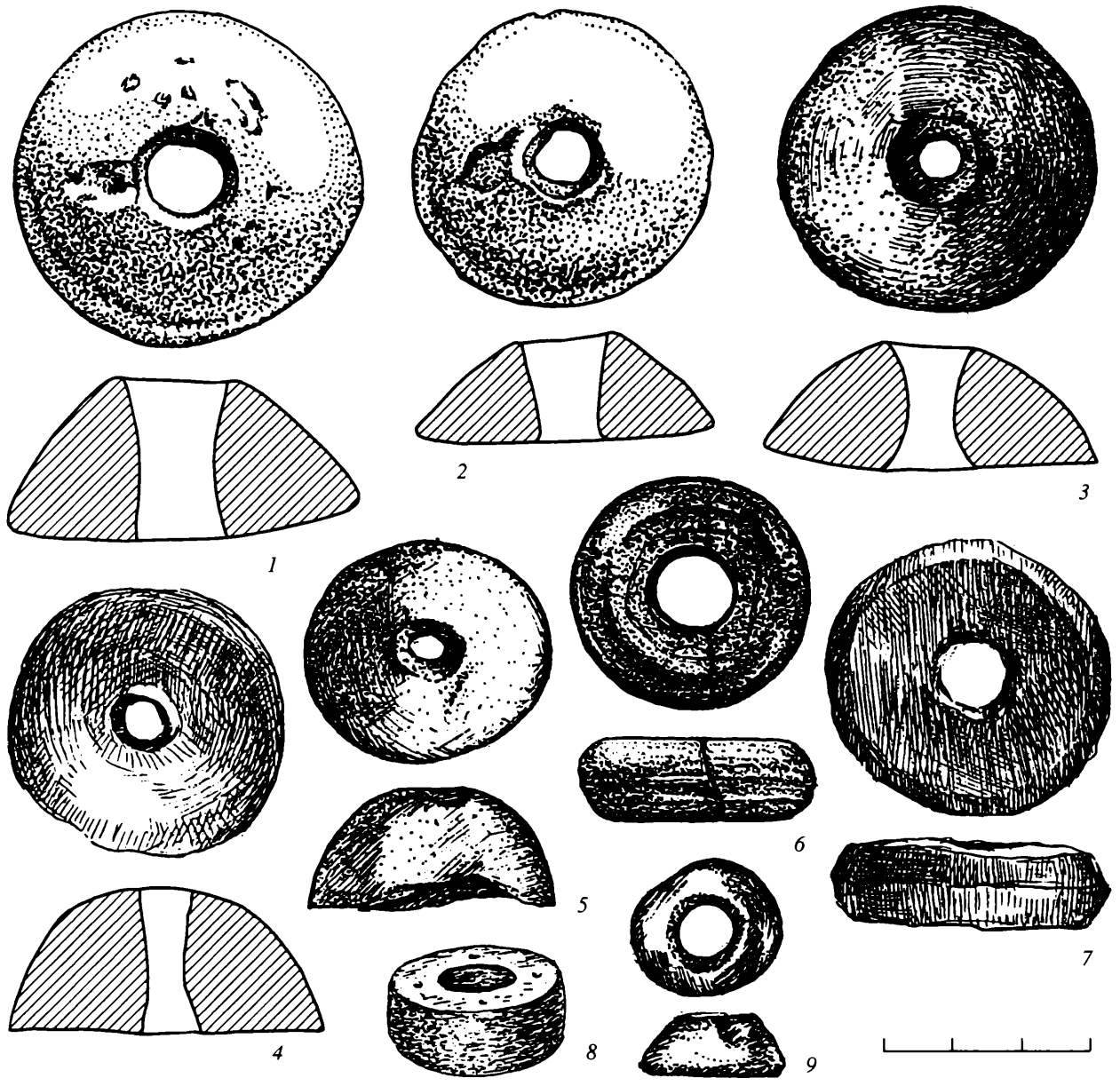

Рис. 251. Пряслица костяные
1 – 2, З-23; *2* – 3, Д-30; *3* – 3, О-27; *4* – 1, Л-22; *5* – 2, VII-16; *6* – 4, Ж-25; *7* – 2, Г-30; *8* – из отвала; *9* – 3, З-53

риалам Старой Ладоги, которое также украшено точечным узором (*Давидан*, 1966. С. 106, рис. 3: *1*).

Дважды встречены овальные костяные изделия с тремя отверстиями (рис. 253: *1, 2*). Они, скорее всего, были приспособлениями бортника для веревочного лазанья по стволам деревьев. Несколько раз в Изборске встречены коньки или их фрагменты. Как и на других древнерусских поселениях, они делались из плюсневых костей крупных домашних животных. Концы эпифизов коньков подтесаны, нижние слегка изогнутые поверхности их отполированы. Есть в изборской коллекции и роговые привески-уточки (рис. 252: *3*). Впрочем, не исключено, что они попали в древнерусские напластования из нижнего, догородского слоя.

Большим разнообразием характеризуются изборские костяные рукоятки ножей и шильев. Описание их целесообразно сделать вместе с изделиями, составной частью которых они являются. Здесь можно отметить, что все рукоятки из кости, по-видимому, были изготовлены изборянами. В пользу этого говорят находки заготовок, полуфабрикатов и шайб. Среди полуфабрикатов одна находка (рис. 243: *2*) безусловно выполнена на токарном станке. Есть недоделанные рукоятки грубой работы, вырезанные непрофессионалом (рис. 243: *3*). Целый ряд рукоятей сделан из трубчатых костей животных и имеет отвестия для крепления на поясе (рис. 244: *9, 11*; 250: *8, 9*). Среди костяных шайб, ограничивавших наборные костяные, а чаще деревянные рукояти, есть орнаментированные геометрическим узором (рис. 252: *5*).

Среди фрагментов костяных накладок есть орнаментированные (рис. 245: *3, 5*; 252: *8*). Косорешетчатый узор небрежно нанесен на одной из кос-

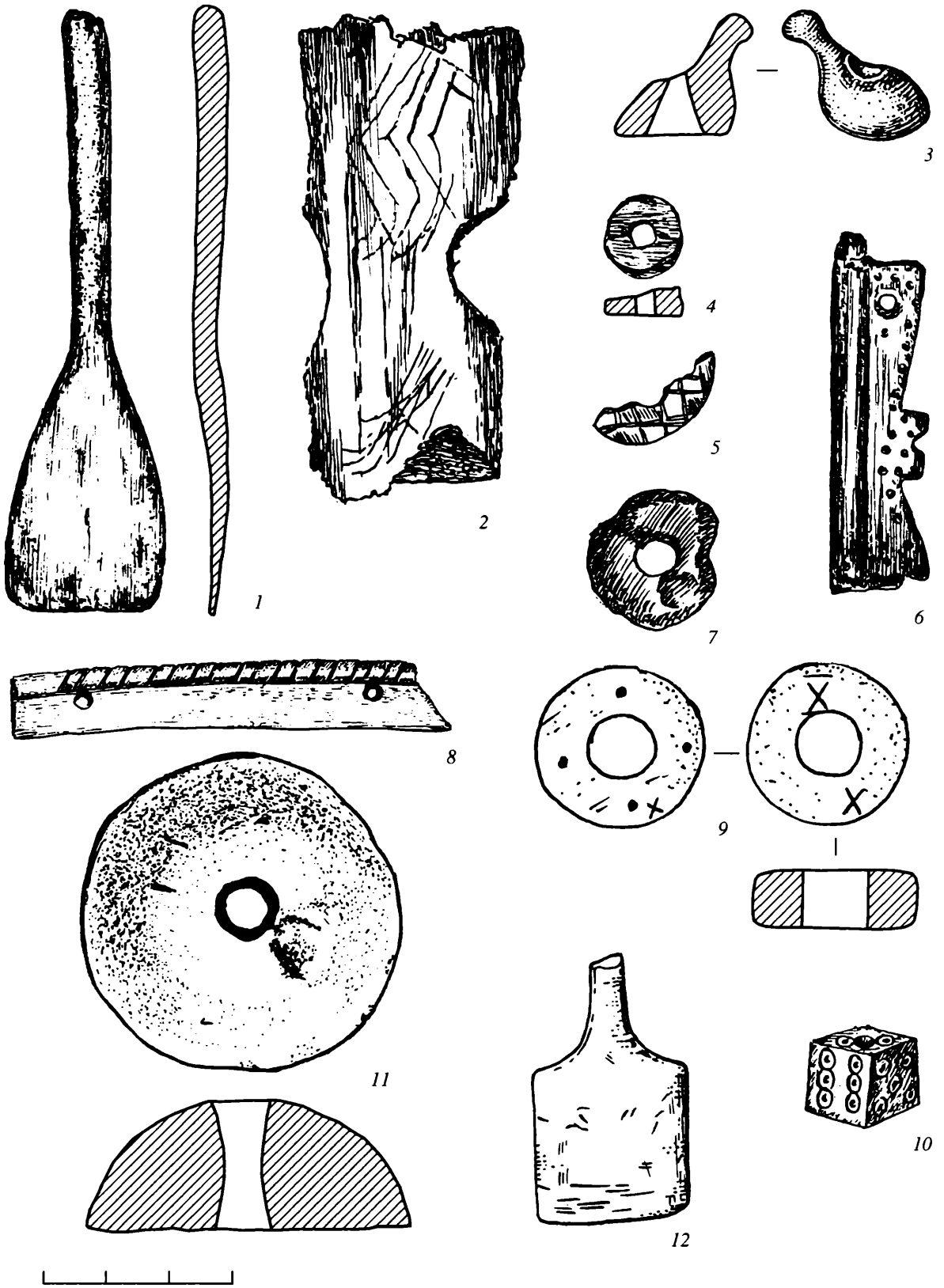

Рис. 252. Поделки из кости

1, 12 – лопатки; *2* – фрагмент изделия с орнаментацией; *3* – привеска-уточка; *4, 7, 9, 11* – пряслица; *5* – обоймица; *6* – игольник; *8* – накладка; *10* – игральная кость. *1* – 3, Ц-51; *2* – 4, М-23; *3* – 2, Ж-23; *4* – 1, З-24; *5* – 4, VI-32; *6* – 5, Л-25; *7* – 3, В-33; *8* – 4, В-43; *9* – из отвала; *10* – 2, Р-37; *11* – 4, Л-38; *12* – траншея через вал, глубина 391 см

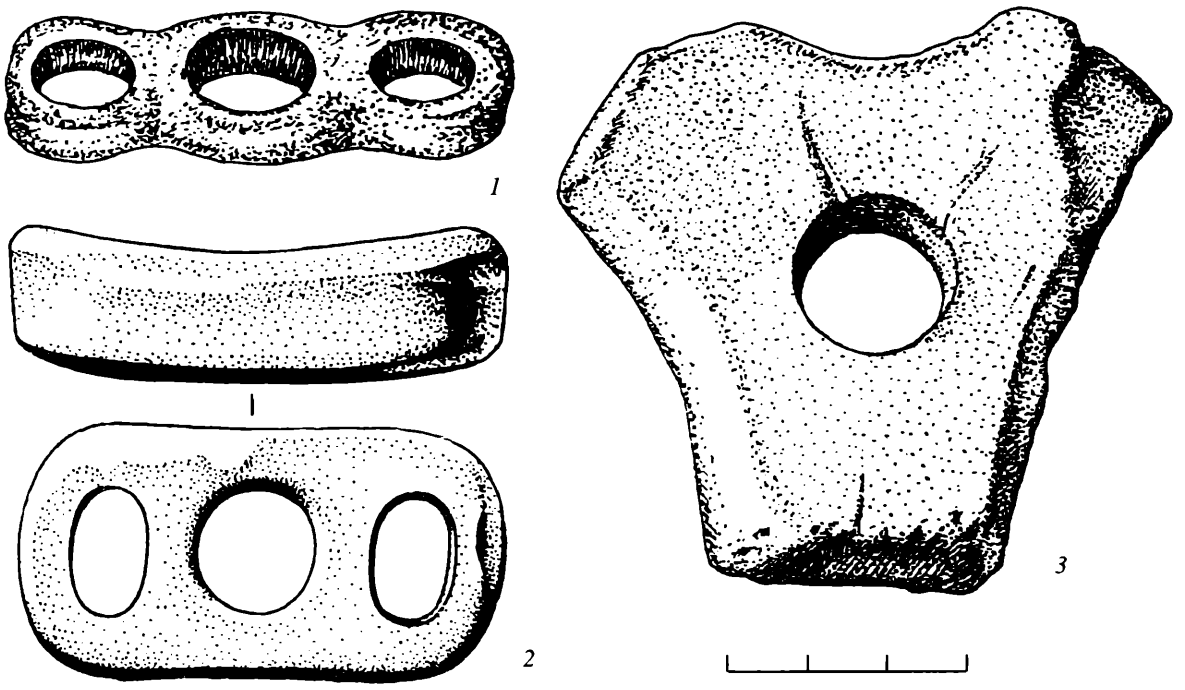

Рис. 253. Поделки из кости

1, 2 – орудия бортника; *3* – обработанная кость с отверстием. *1* – 3, П-41; *2* – 3, А-23; *3* – 5, П-37

тей, вероятно, игральной (рис. 244: *14*). Найдены еще костяные лопаточки (рис. 252: *1, 12*), подобные тем, что встречены в нижнем слое Изборского городища. Интересен черешковый наконечник стрелы – (рис. 244: *13*).

Многочисленны в изборской коллекции амулеты. Распространенными были фаланговые косточки или астрагалы с просверленными отверстиями для привешивания (рис. 244: *7, 9, 11*). Немало амулетов сделано из клыков свиньи или кабана. Это – довольно распространенные амулеты у многих этносов. Встречены также астрагалы с непонятными прочерчиваниями (рис. 244: *14*), возможно, имевшими какие-то магические значения. Аналогичные находки сделаны на городище роменской культуры Горналь (*Куза*, 1981. С. 31, рис. 19: *10–13*) и в некоторых других памятниках.

Единичными являются находки игрального кубика (рис. 252: *10*) и игольника с мелким циркульным узором (рис. 252: *6*). Интересным в коллекции Изборска является довольно крупный молоткообразный предмет (длина его 12 см, ширина 3,2 см) с несквозным круглым отверстием диаметром около 2 см с одной стороны. Внутри находки имеется канал около 1 см шириной, идущий от упомянутого отверстия к одному из краев изделия (рис. 249: *11*). Неизвестным остается и назначение другой находки, вырезанной из лопаточной кости лося с добротно выполненным отверстием посредине и подпиленными тремя концами (рис. 253: *3*). Некоторые другие предметы из кости помещены на рис. 249: *7–9*).

Камнерезное дело

Из камня изборские мастера делали самые различные предметы. О широком развитии камнерезного дела свидетельствуют находки в древнерусских напластованиях Изборского городища полуфабрикатов, заготовок, бракованных изделий, отходов производства (рис. 254–256). В окрестностях Изборска имеется множество выходов плитнякового камня, который и использовался изборянами для изготовления самых различных изделий.

Заметное место в изборском камнерезном деле принадлежит изготовлению пряслиц. Среди находок имеется немало камней, демонстрирующих производственные процессы. Сначала в каменной плитке просверливалось отверстие, затем прочерчивалась окружность, по которой и срезались ненужные части (рис. 254: *5*; 255: *4, 6*; 256: *4–8*). Более сложными были процессы изготовления литейных формочек. Большинство изборских находок их, как отмечалось выше, изготовлено из местного камня и, следовательно, было продукцией изборских мастеров.

Пряслицами и литейными формами в основном и ограничивался ассортимент изборских камнерезов. Иные изделия единичны. Среди них можно назвать каменный крестик с прочерчиванием на лицевой стороне (рис. 257: *1*), фигурное пряслице (рис. 257: *2*), небольшую тонкую пластину с орнаментом на лицевой стороне (рис. 257: *3*) и два камня с отверстиями и прочерченными узорами (рис. 257: *4, 5*).

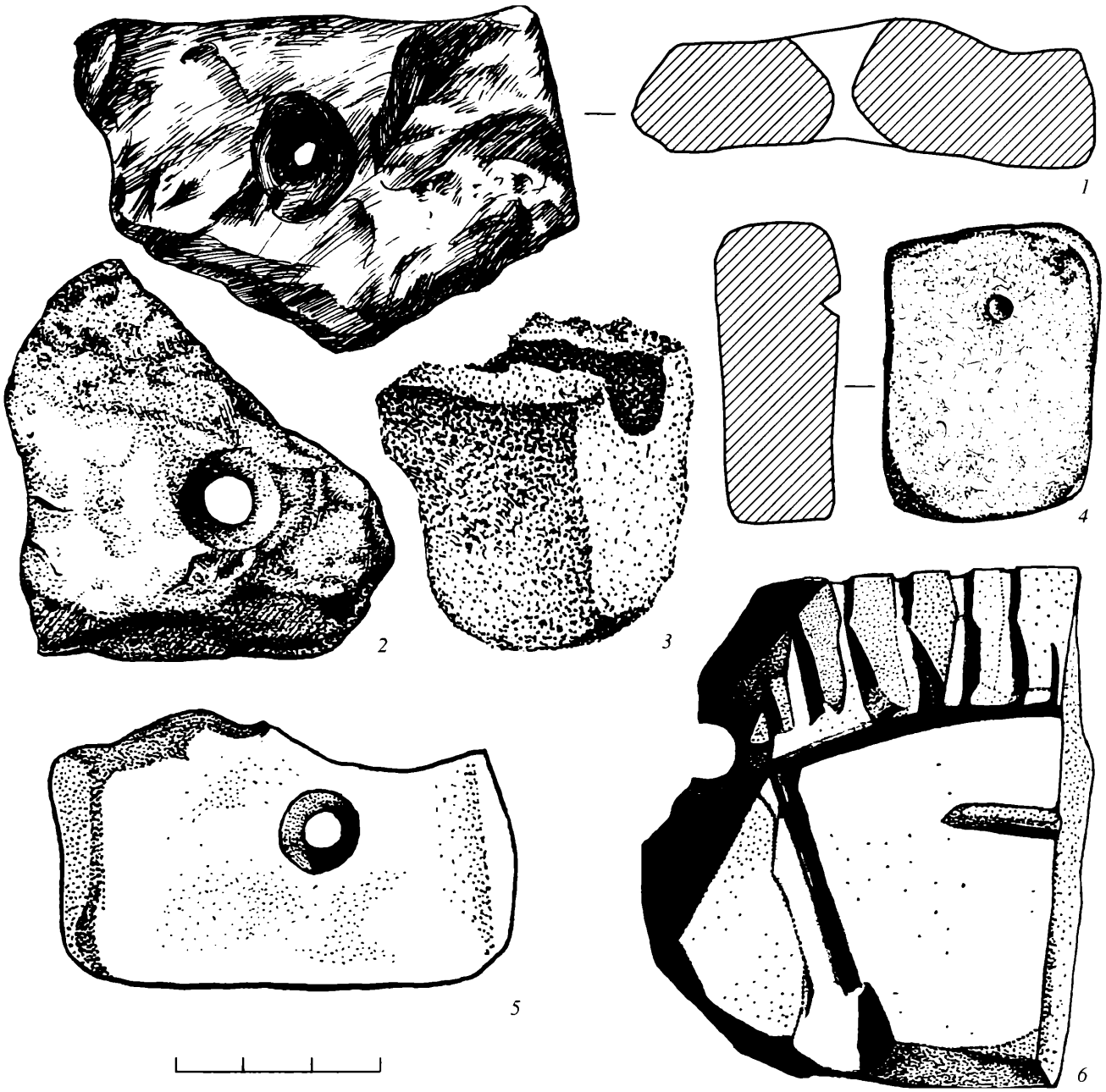

Рис. 254. Отходы камнерезного дела
1 – 2, С-50; *2* – 2, Ж-24; *3* – 2, Ф-37; *4* – 4, П-25; *5* – 3, Е-26; *6* – из отвала

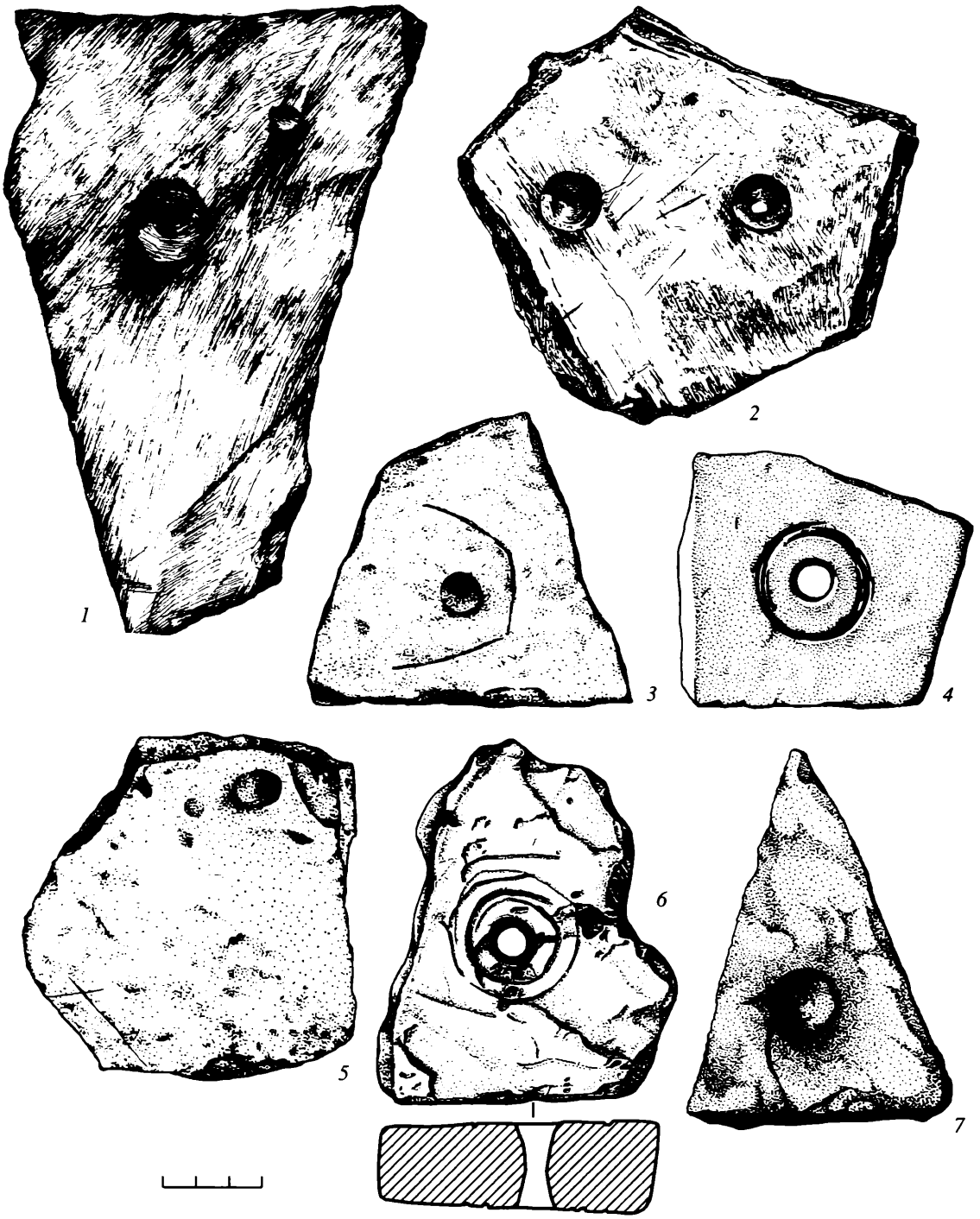

Рис. 255. Отходы камнерезного дела
1 – 3, Т-44; *2* – 4, М-46; *3* – 6, V-36; *4* – 4, VIII-20; *5* – 4, Д-26; *6* – 4, И-38; *7* – 4, Ж-24

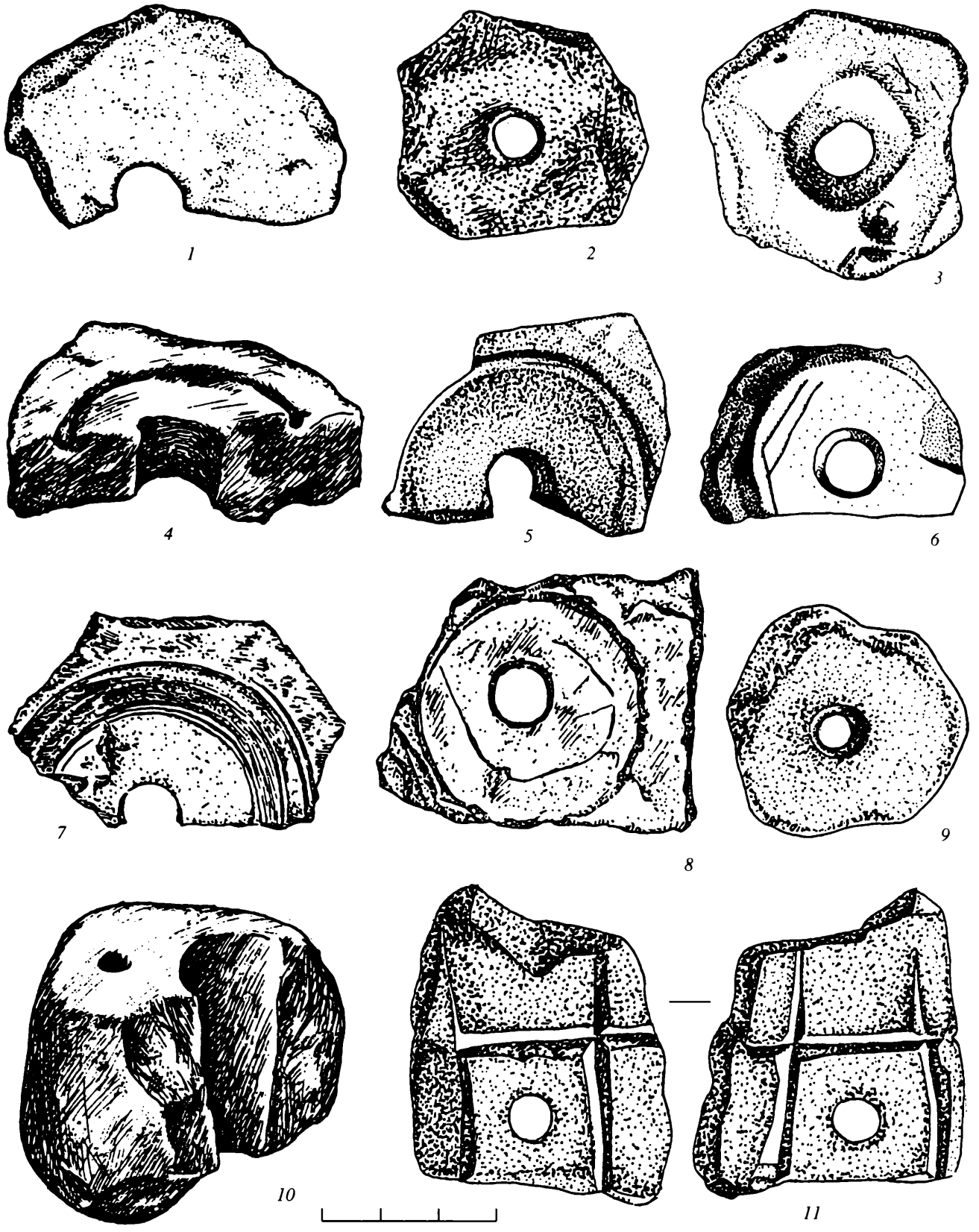

Рис. 256. Отходы камнерезного дела

1 – 4, II-29; *2* – 2, X-53; *3* – 4, VI-9; *4* – 4, C-46; *5* – VIII-42; *6* – траншея через вал, квадрат 3; *7* – 3, C-40; *8* – 7, З-37; *9* – 5, З-33; *10* – 1, Ш-39; *11* – 4, К-19

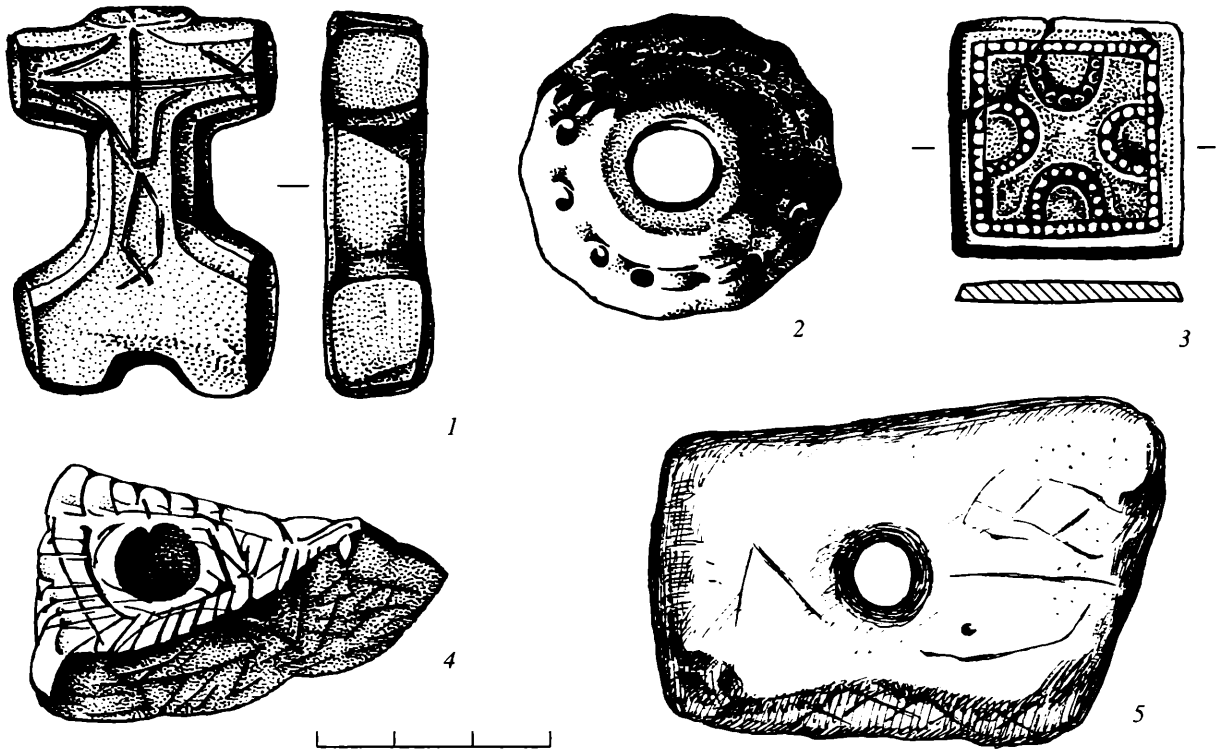

Рис. 257. Изделия из камня

1 – крестик; *2* – пряслице; *3–5* – пластины с узорами. *1* – 2, М-45; *2* – 4, Э-50; *3* – яма, IV-38; *4* – 2, Ш-57; *5* – 2, XVIII-35

Домашние ремесла

Можно со всей определенностью утверждать, что, как и в других городах, а также в селах Древней Руси, в Изборске были широко распространены прядение и ткачество. Поскольку культурные напластования этого города не сохранили предметов органического происхождения, деревянные орудия прядения и детали ткацких станков не были обнаружены. Основными находками, указывающими на развитие в Изборске прядильно-ткацкого ремесла, являются весьма многочисленные пряслица. Выше отмечалось, что в VIII – первой половине X в. доминировали пряслица, изготовленные камнерезами из местного известнякового камня. Такие пряслица широко употреблялись изборянами и в последующее время. Они встречены во всех трех горизонтах напластований второй половины X – первых десятилетий XIV в.

Пряслица из местного камня в Изборске имели бочонковидную или биконическую форму, изредка встречены и цилиндрические пряслица (рис. 258–262). Есть среди них находки с неровными боковыми сторонами. Сказать определенно, являются ли таковые уже готовыми изделиями или они не прошли дополнительной обработки, невозможно. Следы их изготовления в Изборске весьма многочисленны – они получили характеристику в разделе, посвященном камнерезному делу. Среди готовых изделий имеются как изготовленные тщательно, в том числе обточенные на токарном стане, так и вырезанные довольно грубо. Первые из них, очевидно, принадлежат ремесленникам-профессионалам, вторые – домашнему производству. Размеры пряслиц весьма различны – от небольших, диаметрами 1,9–2,5 см, до крупных, 3,5–4,0 см в диаметре. Высота их колеблется от 0,5–0,8 до 1,7–2,3 см. Диаметры отверстий также различны – от 5–6 мм до 10–12 мм. Каких-либо хронологических различий между боченкообразными и биконическими пряслицами, как и их размерами не наблюдается. Пряслица из местного камня обычно не имеют орнаментации. Лишь на единичных нанесены зигзаговые линии (рис. 258: *8*), концентрические линии (рис. 260: *10*), точечные узоры (рис. 261: *1*).

Уже в нижнем горизонте древнерусского слоя Изборского городища наряду с пряслицами, изготовленными из местного камня, получают распространение привозные изделия из розового волынского шифера (рис. 263–267). Они также биконические или бочонкообразные по форме и также различаются по своим размерам. Самые малые из них имеют в поперечнике 1,6 см, высоту 11–13 мм, диаметры отверстий – около 5–6 мм. Наиболее крупные достигают 2,7–3,0 см в диаметре при высоте 11–14 мм. Диаметры отверстий их 8–9 мм. И так же как в форме, так и в размерности различий хронологического порядка проследить не удается. Обращает на себя внимание наличие среди шиферных пряслиц сравнительно большого числа разбитых находок, что пока не находит объяснения. Не исключено, что это результат производства их местными мастерами из привезенных кусков овручского шифера. В пользу местного изготовле-

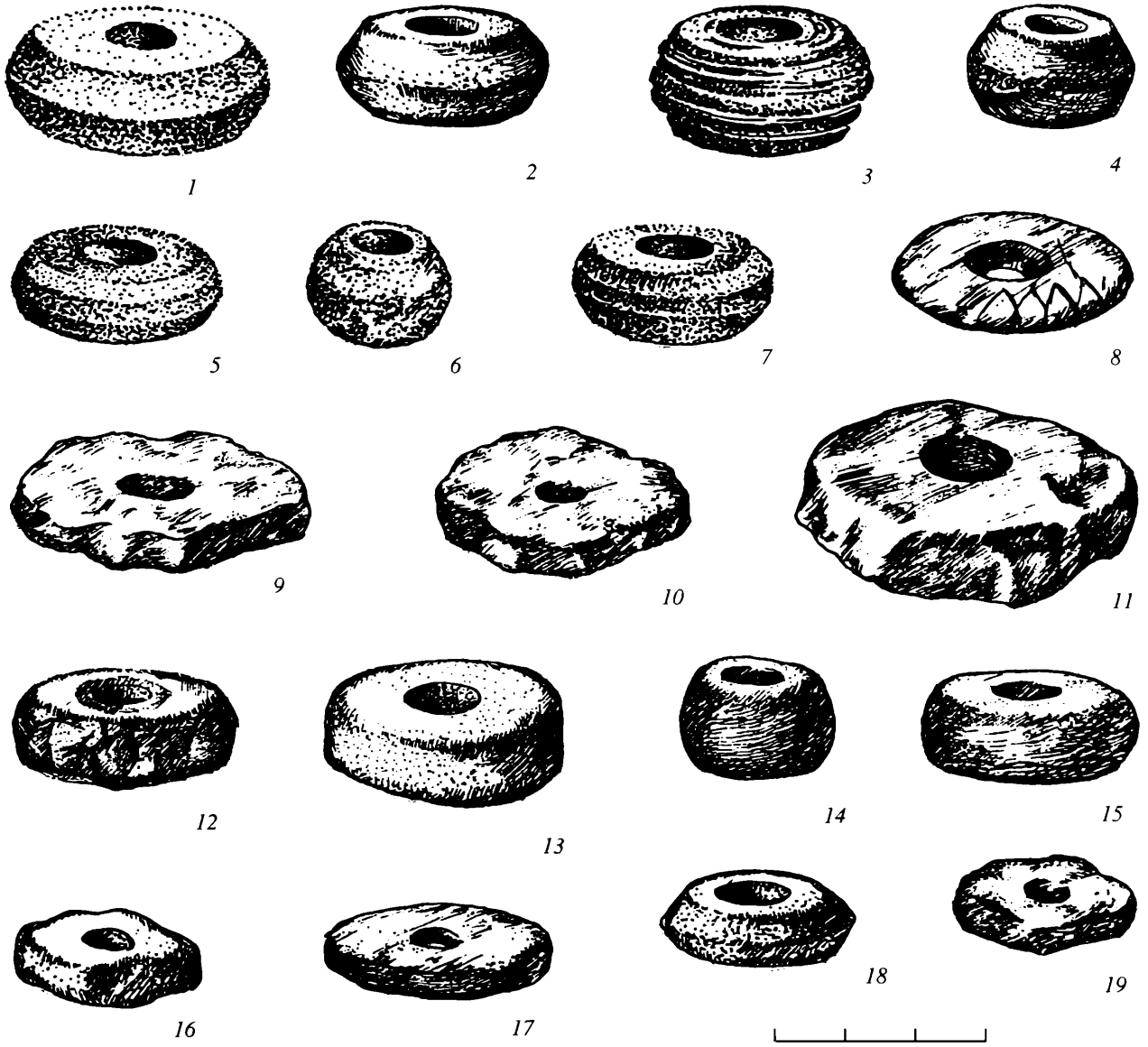

Рис. 258. Пряслица из местного камня

1 – 3, Ф-41; *2* – 4, Т-48; *3* – 3, Б-41; *4* – 1, Ч-39; *5* – 5, И-37; *6* – 4 (?); *7* – 2, У-37; *8* – 3, Ш-43; *9* – 3, Л-47; *10* – 3, О-47; *11* – 3, Л-47; *12* – 4, О-47; *13* – 4, Т-47; *14* – 4, Ш-42; *15* – 6, О-31; *16* – 3, Ж-49; *17* – 3, С-47; *18* – 2, Н-48; *19* – 2, О-47

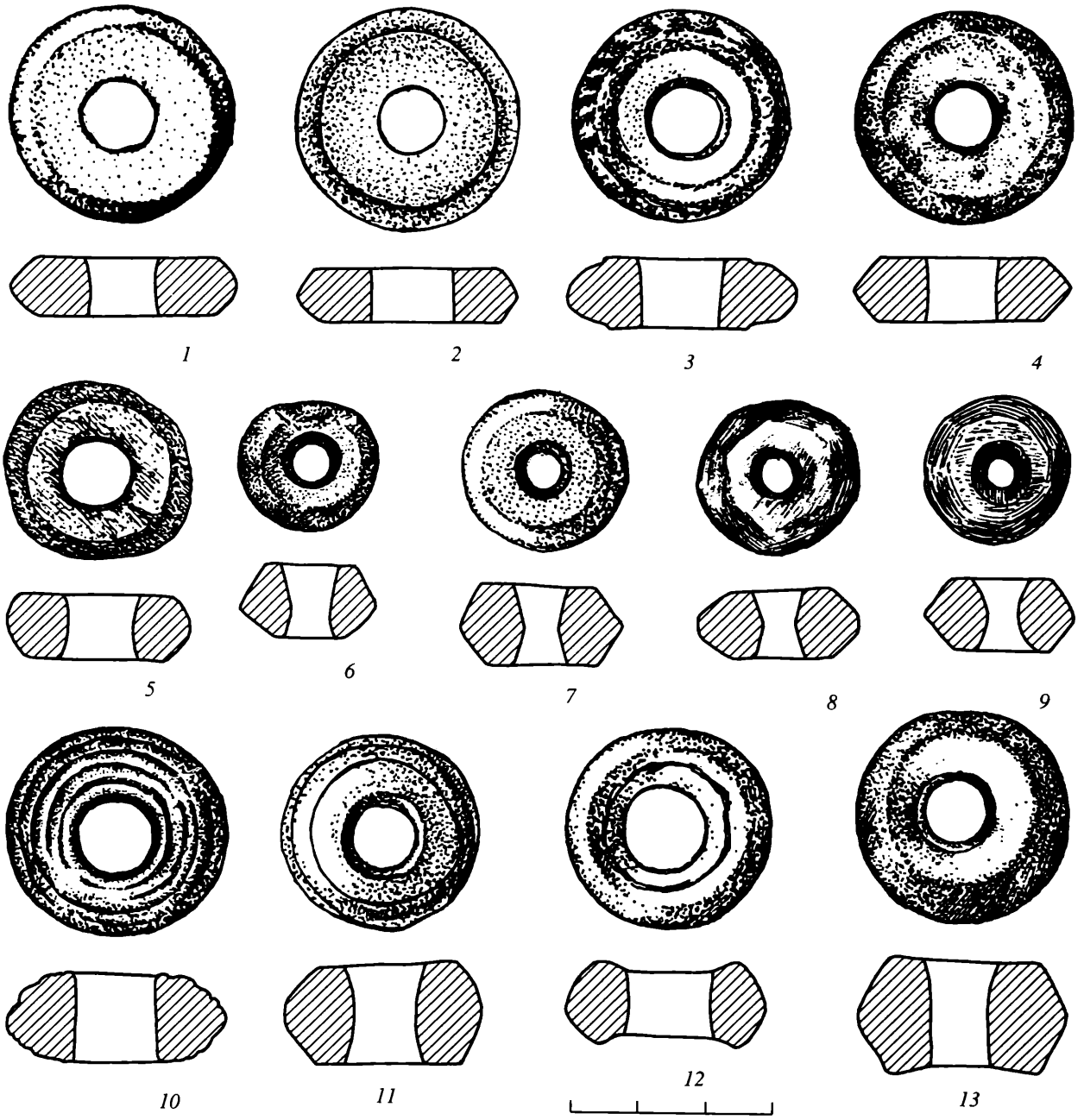

Рис. 259. Биконические пряслица из местного камня

1 – 4, Х-22; *2* – 4, Д-32; *3* – 3, Ц-41; *4* – 2, М-46; *5* – 3, XIV-37; *6* – 3, Т-45; *7* – 3, Т-44; *8* – VII-38, яма 13; *9* – 2, IX-14; *10* – 3, Ф-42; *11* – 4, Л-34; *12* – 3, Я-41; *13* – 4, В-46

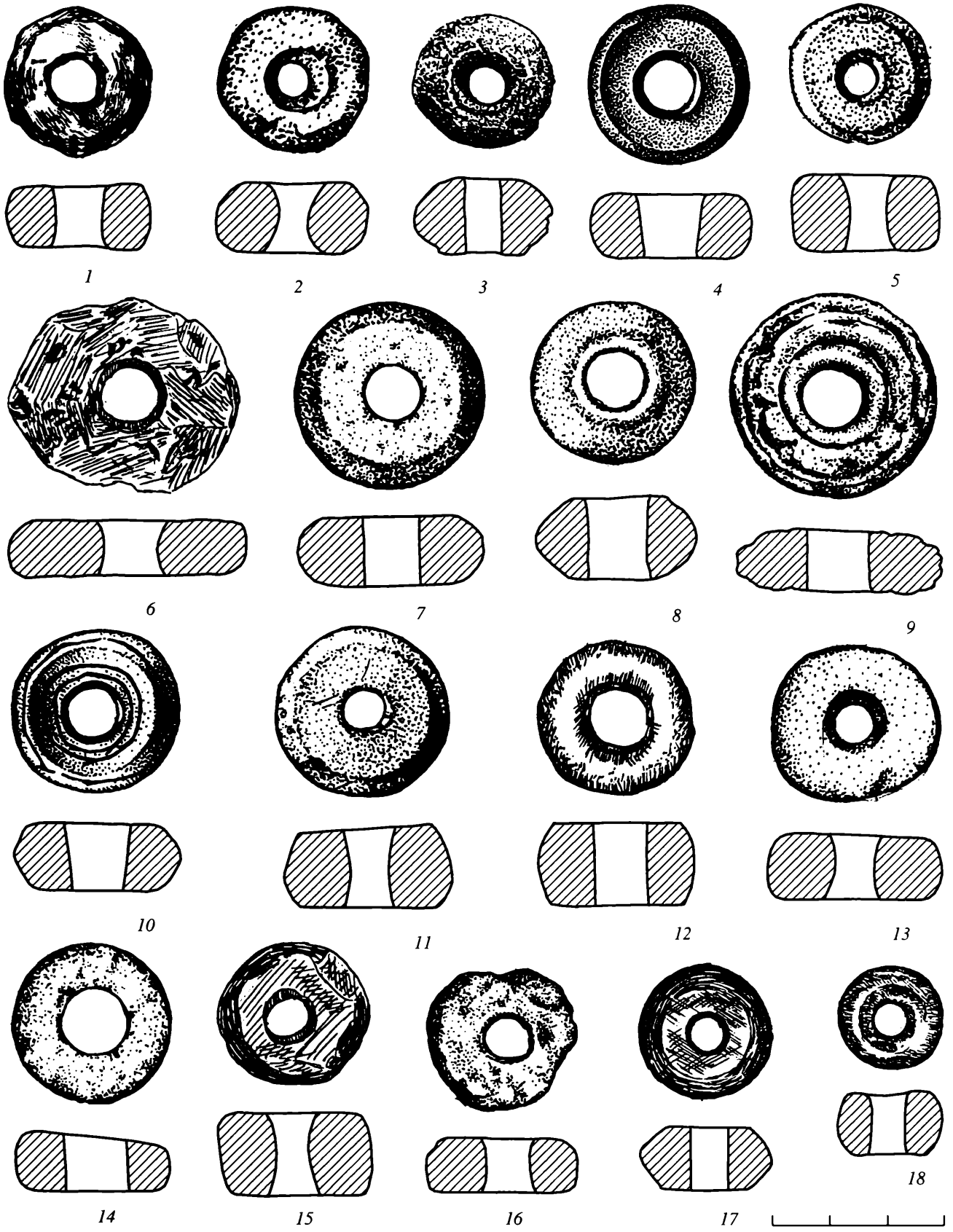

Рис. 260. Бочонковидные пряслица из местного камня

1 – 2, Р-43; *2* – 3, В-10; *3* – из отвала; *4* – 3, IV-28; *5* – 2, А-4; *6* – 2, IV, 20; *7* – 3. У-46; *8* – 4, М-23; *9* – 4, И-32; *10* – 4, Г-24; *11* – 2, М-34; *12* – 2, XIII-35; *13* – 2, I-41; *14* – 3, Т-46; *15* – 2, V-20; *16* – 1, Д-30; *17* – 1, П-19; *18* – 8, I-29

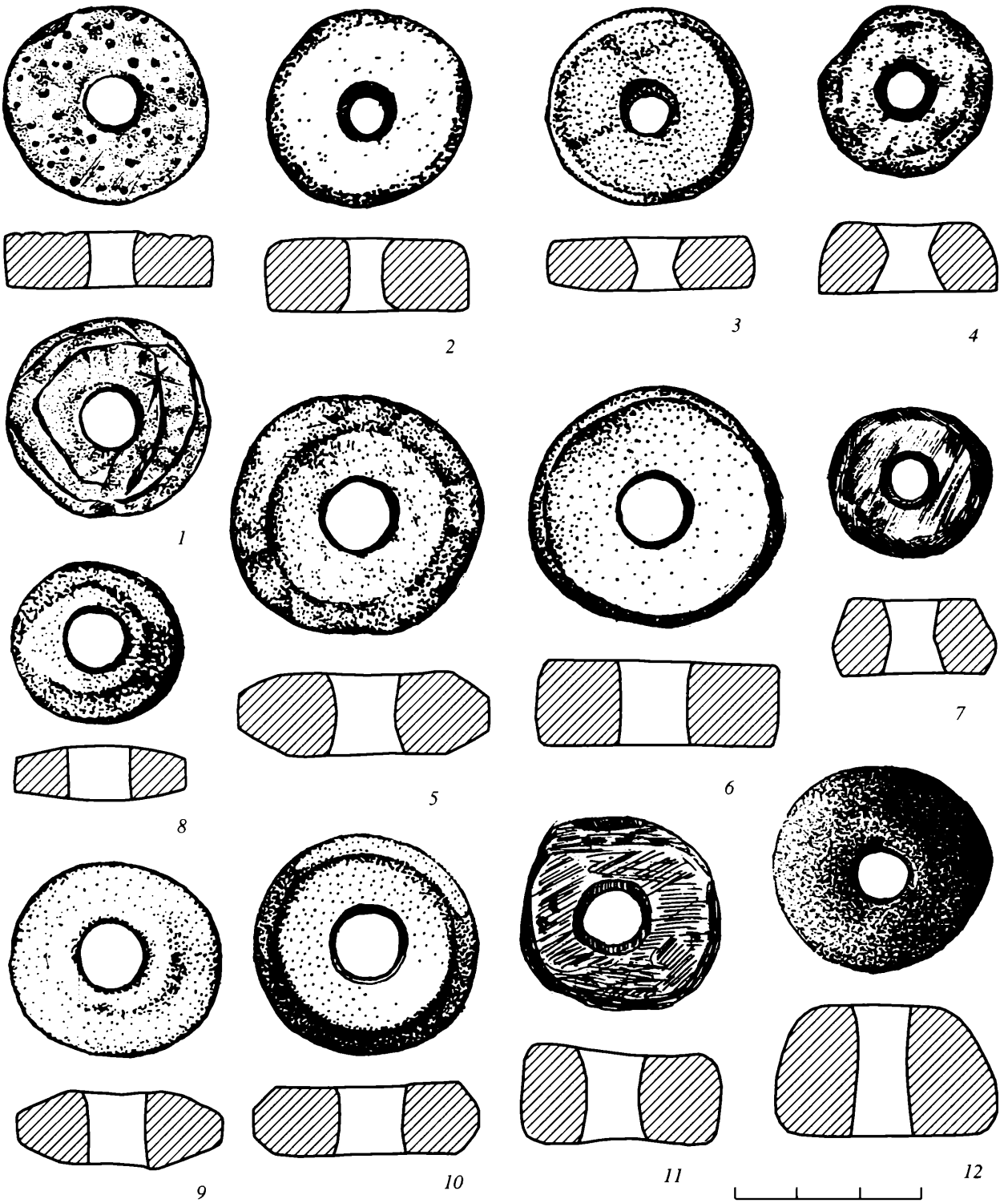

Рис. 261. Разнотипные пряслица из местного камня

1 – 3, В-27; *2* – 2, IV-10; *3* – 4, Р-12; *4* – 4, Т-44; *5* – 3, У-43; *6* – 2, XI-21; *7* – 2, Т-46; *8* – 3, Г-9; *9* – 4, Х(цифра)-22; *10* – 3, М-23; *11* – 2, IX-15; *12* – 2, IV-8

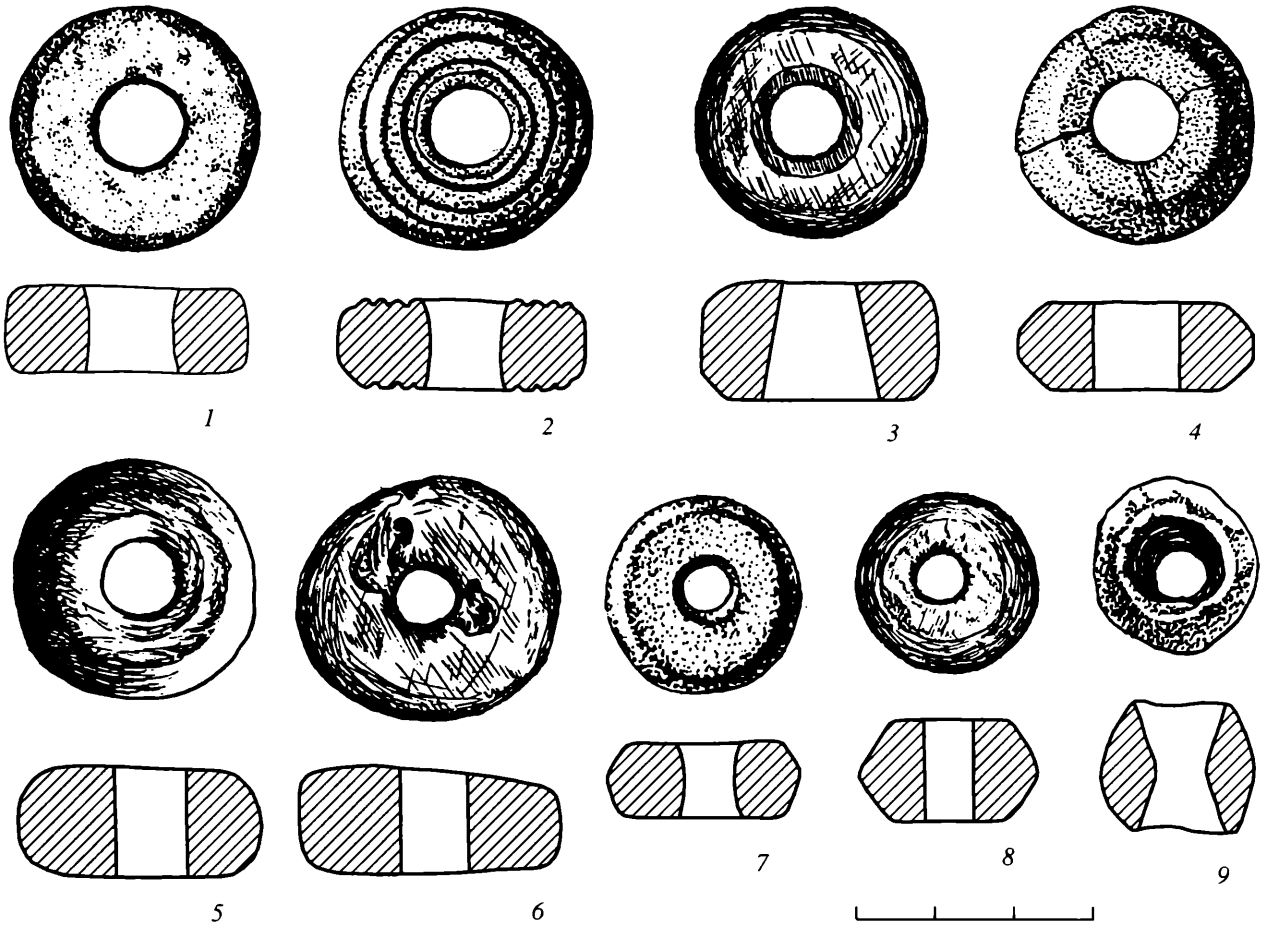

Рис. 262. Разнотипные пряслица из местного камня
1 – 4, У-42; *2* – 6, З-45; *3* – 2, I-21; *4* – 4, Ж-42; *5* – 3, XI-27; *6* – 2, В-21; *7* – 3, Б-7; *8* – 2, VI-13; *9* – 4, В-32

ния шиферных пряслиц, думается, свидетельствуют их находки своеобразных форм, подражающих известняковым. Таковы, в частности, невысокие пряслица большого диаметра цилиндрической формы, некоторые из них имеют грубо выполненную "точечную" орнаментацию (рис. 263: *13, 26*). Впрочем, конкретных остатков изготовления шиферных пряслиц в Изборске не обнаружено.

В культурном слое Изборского городища, датируемом XII в., найдено шиферное пряслице с надписью (рис. 387: *14*). Отчетливо читается ДОСЕЕНИНЕ. А.А. Медынцева предлагает читать ЕВДОСЕЕНИНЕ (*Медынцева*, 2000. С. 66). То есть, это традиционная для древнерусских пряслиц надпись с указанием имени владелицы.

Соотношение между шиферными и известняковыми пряслицами в различных местах городища различно. В нижнем горизонте изборских напластований рассматриваемого периода находки шиферных пряслиц составляют 44,8% (известняковых – 55,2%). В среднем горизонте на долю шиферных пряслиц приходится 50%, в верхнем она достигает уже 75,3%. Соответственно падает процент орудий местного производства (до 24,7%). Обращает на себя внимание неравномерность распространения шиферных пряслиц на исследованной раскопками площади поселения. Так, на участках 1–4 (раскоп 1971 г.) в нижнем горизонте слоя соотношение между шиферными и известняковыми пряслицами составляло 75 и 25%, в среднем горизонте – соответственно 90 и 10%, что является заметным отклонением от средних по Изборску. На соседних участках 5–8 (раскоп 1972 г.) это соотношение было иным – соответственно около 5 и 95% в нижнем горизонте, 44 и 56% – в среднем и 72 и 28% – в верхнем.

Единичными экземплярами представлены в древнерусском слое Изборского городища глиняные пряслица (рис. 268: *1–9*). Среди них есть усеченнобиконические и овальные в разрезе. Два пряслица орнаментированы, в одном случае – прочерченными зигзаговыми линиями (рис. 268: *4*), в другом – овальными ямочками (рис. 268: *1*).

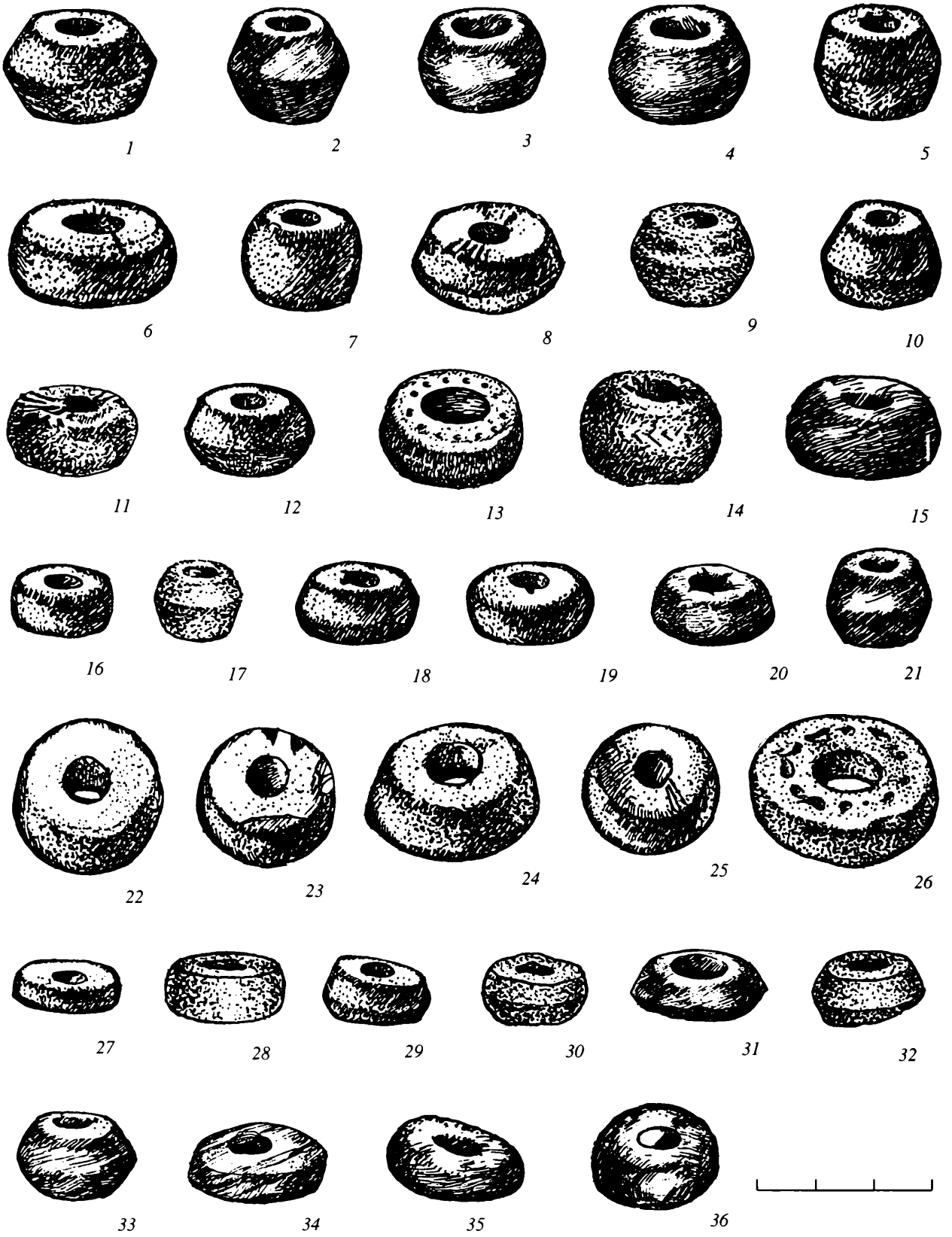

Рис. 263. Пряслица из волынского шифера

1 – 3, Ш-50; *2* – 5, Н-49; *3* – 6, Х-37, яма 1; *4* – 3, Н-48; *5* – 1, П-51; *6*, *20* – 3, Ш-43; *7* – 3, А-51; *8* – 2, Щ-14; *9* – 3, Х-37; *10* – 4, Е-48; *11* – 6, Г-38; *12* – 2, Н-50; *13* – 1, А-26; *14* – 3, Г-39; *15* – 4, В-47; *16* – 6, П-50; *17* – 3, З-39; *18*, *25* – 1, Щ-50; *19* – 4, Ш-45; *21* – 3, П-47; *22* – 4, С-51; *23* – 2, Б-51; *24* – 3, О-47; *26* – 8, V-36; *27* – 3, П-50; *28*, *30* – 5, И-34; *29* – 4, Щ-45; *31* – 3, З-49; *32* – 6, Ф-36; *33* – 4, Р-51; *34* – 3, К-51; *35* – 1, Ц-5; *36* – 2, Х-36

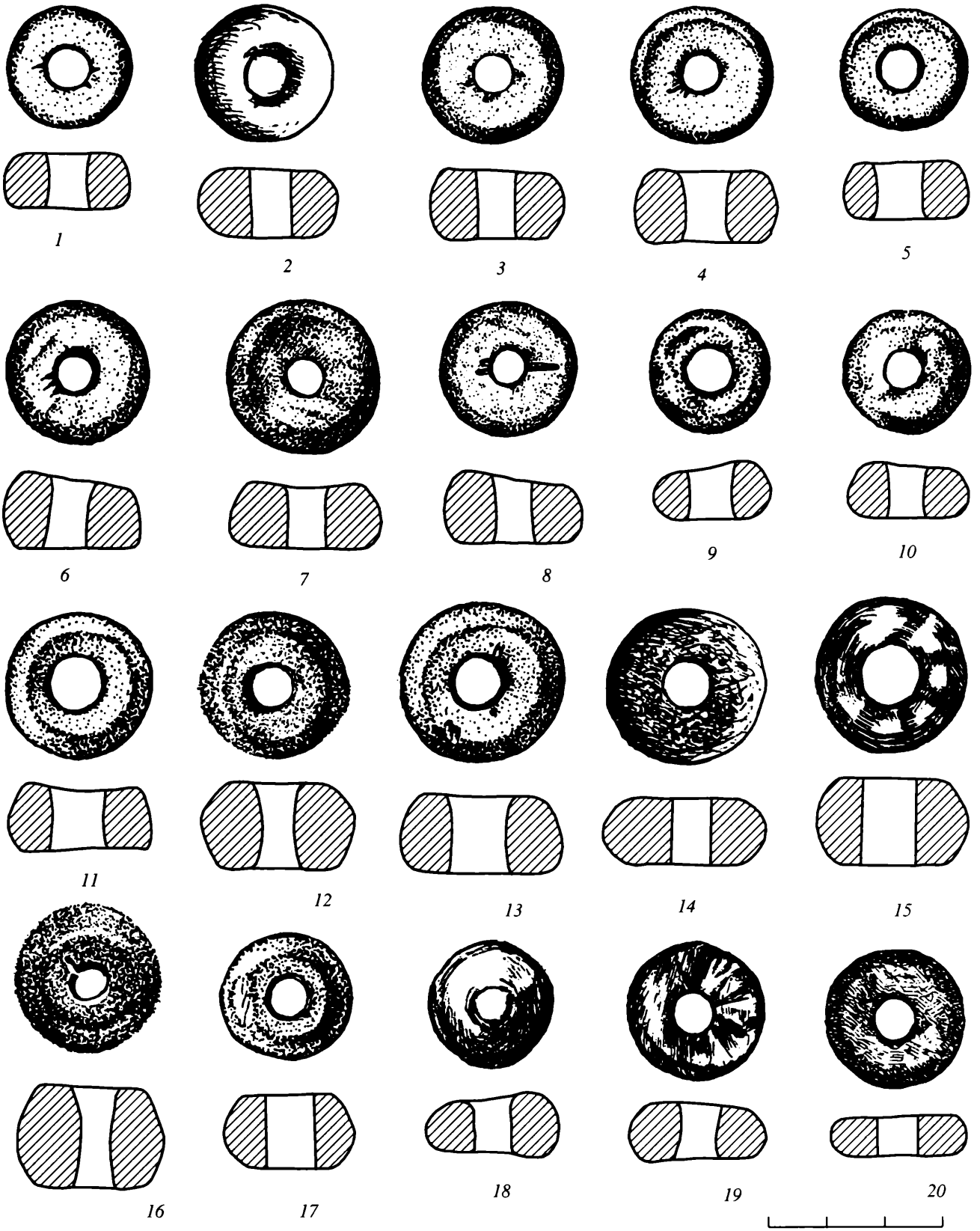

Рис. 264. Пряслица шиферные бочонковидные

1 – 1, П-34; *2* – 6, VI-32; *3* – 2, О-46; *4* – 9, П-49; *5* – 3, Д-22; *6* – 2, Р-44; *7* – 3, Л-22; *8* – 2, Т-45; *9* – 3, IV-23; *10* – 5, IV-32; *11* – 3, Г-25; *12* – 2, М-23; *13* – 2, П-25; *14* – 5, VII-31; *15* – 4, VII-30; *16* – 2, И-32; *17* – 4, П-8; *18* – 2, Л-45; *19* – 2, В-26; *20* – 2, XIV-34

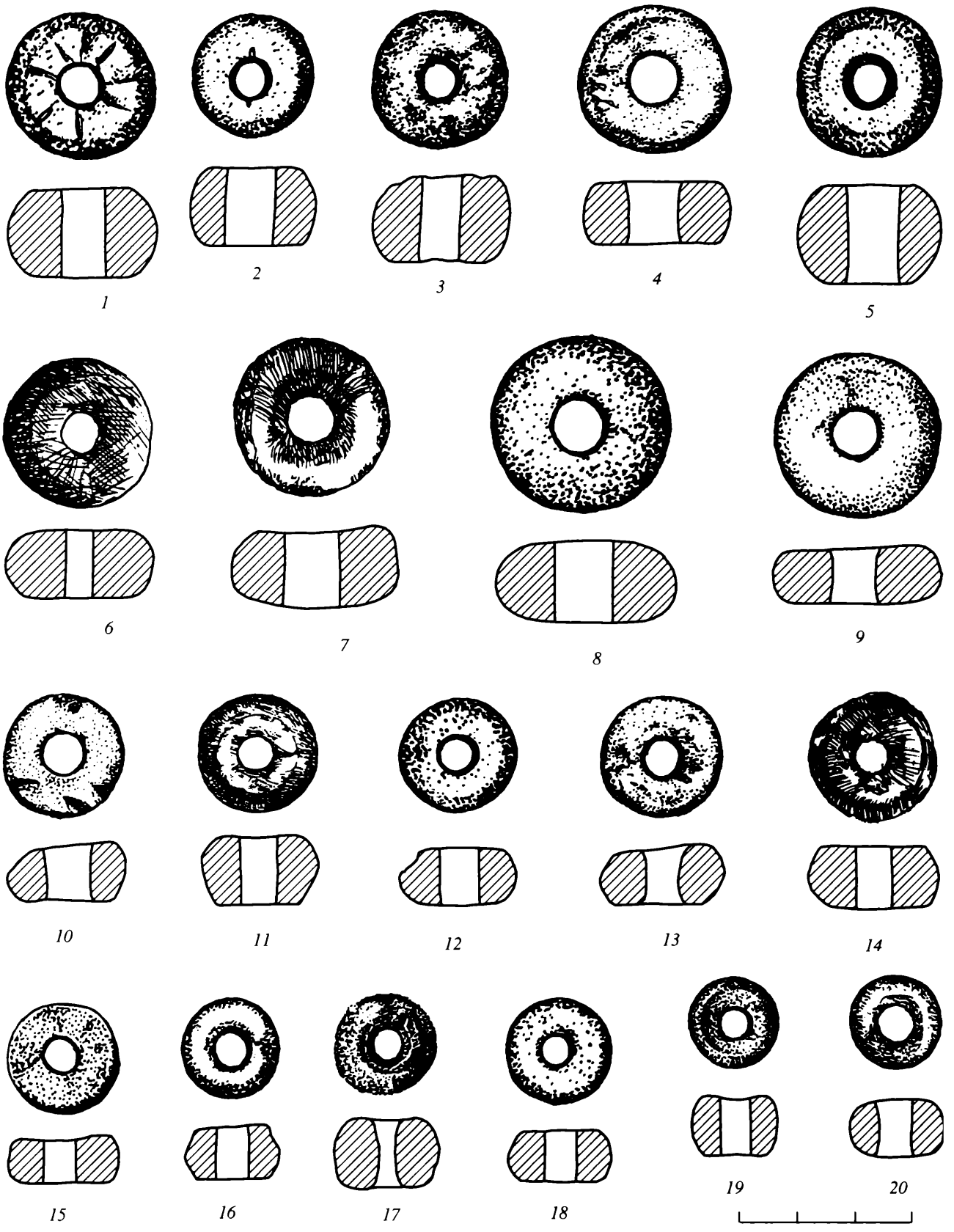

Рис. 265. Пряслица шиферные бочонковидные

1 – 6, В-8; *2* – 2, А-9; *3* – 3, II-3; *4* – 4, I-40; *5* – 2, Ш-5; *6* – 7, VI-31; *7* – 1, XIII-29; *8* – 3, Б-6; *9* – 5, I-41; *10* – 4, V-26; *11* – X-37, материк; *12* – 4, V-9; *13* – 4, IV-38; *14* – 5, VIII-32; *15* – 3, Г-25; *16* – 3, Ш-7; *17* – 5, З-36; *18* – 3, А-7; *19* – 3, Т-44; *20* – 3, VIII-34

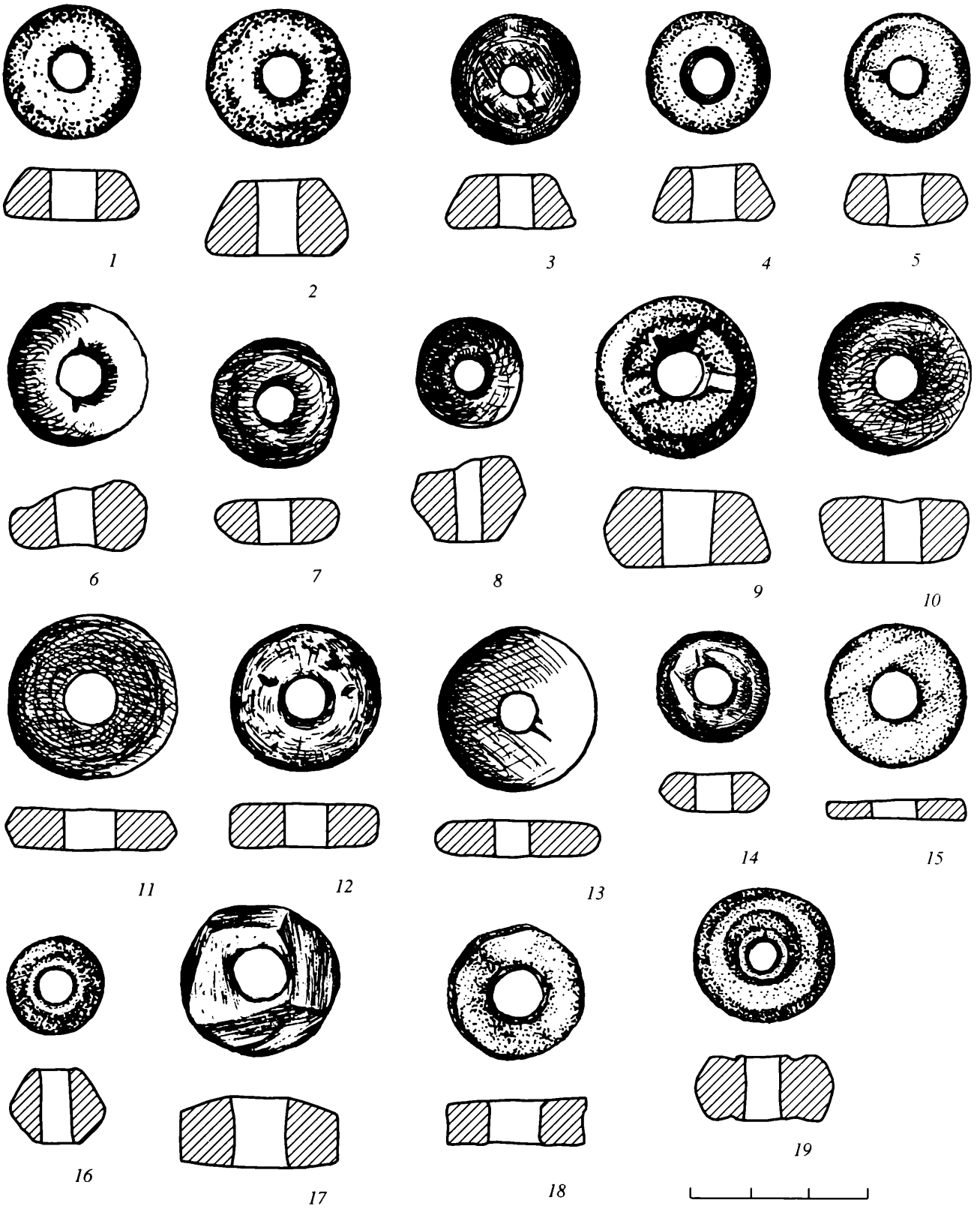

Рис. 266. Пряслица шиферные разнотипные

1 – 2, Б-9; *2* – V-10; *3* – 2, I-16; *4* – 5, Ш-6; *5* – ?, V-32; *6* – 7, VI-32; *7* – отвал; *8* – участок 43, яма 12; *9* – 2, II-6; *10* – участок 43, яма 13; *11* – 3, XIII-30; *12* – 2, IX-15; *13* – 5, VII-31; *14* – участок 44, яма 11; *15* – 3, Д-25; *16* – 2, О-45; *17* – участок 43, яма 8; *18* – траншея через вал (А), квадрат 5; *19* – 6, II-38

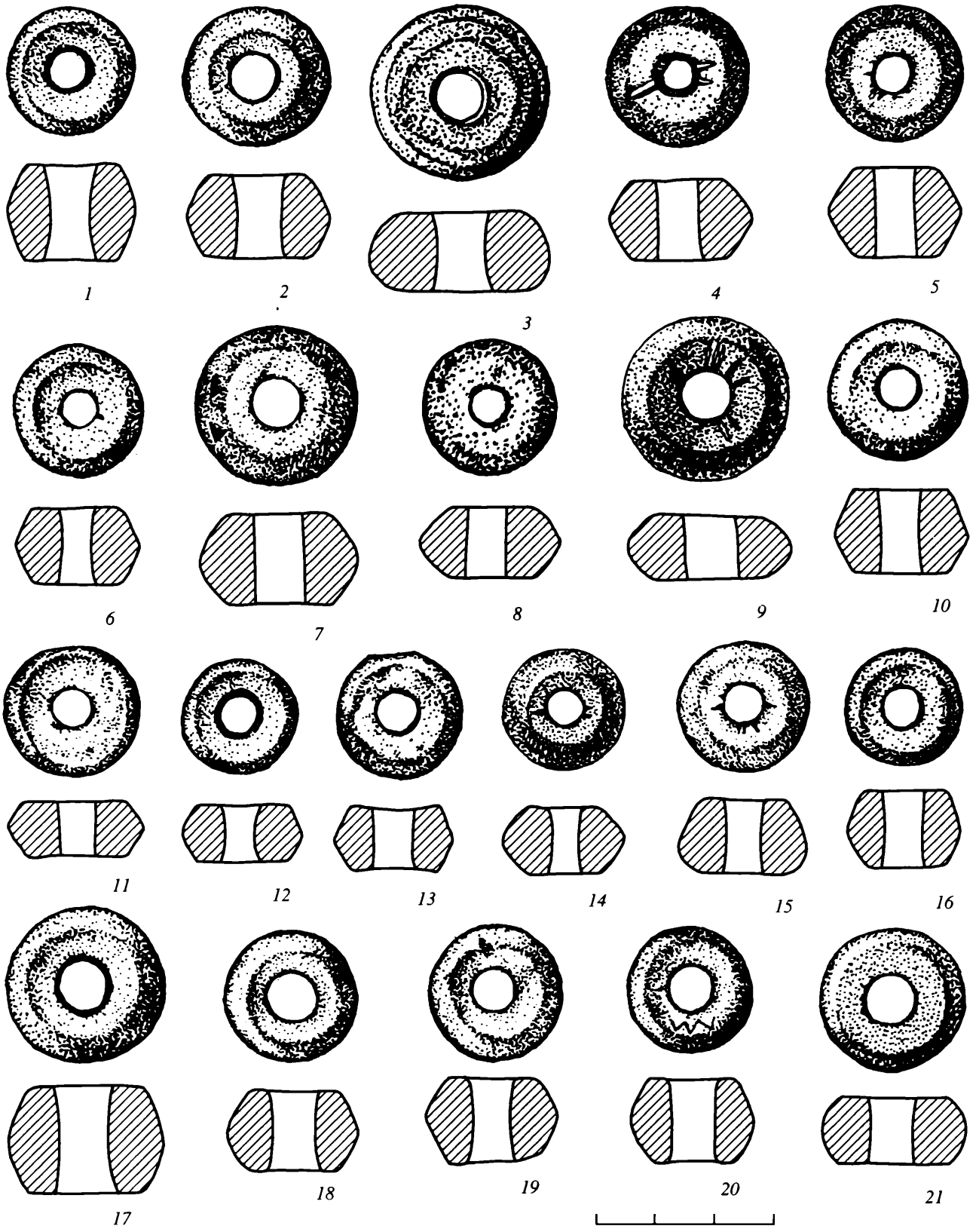

Рис. 267. Пряслица шиферные биконические

1 – 2, II-27; *2* – 3, V-25; *3* – 4, M-33; *4* – 2, C-45; *5* – 1, O-36; *6* – 1, IV-38; *7* – 2, K-45; *8* – 1, II-10; *9* – 5, A-42; *10* – 3, Б-26; *11* – 3, B-26; *12* – 4, IV-38; *13* – 6, II-41; *14* – 6, II-41; *15* – X-37, материк; *16* – 8, I-38; *17* – 3, Г-25; *18* – 2, V-24; *19* – 4, II-27; *20* – 5, II-28; *21* – 5, I-38

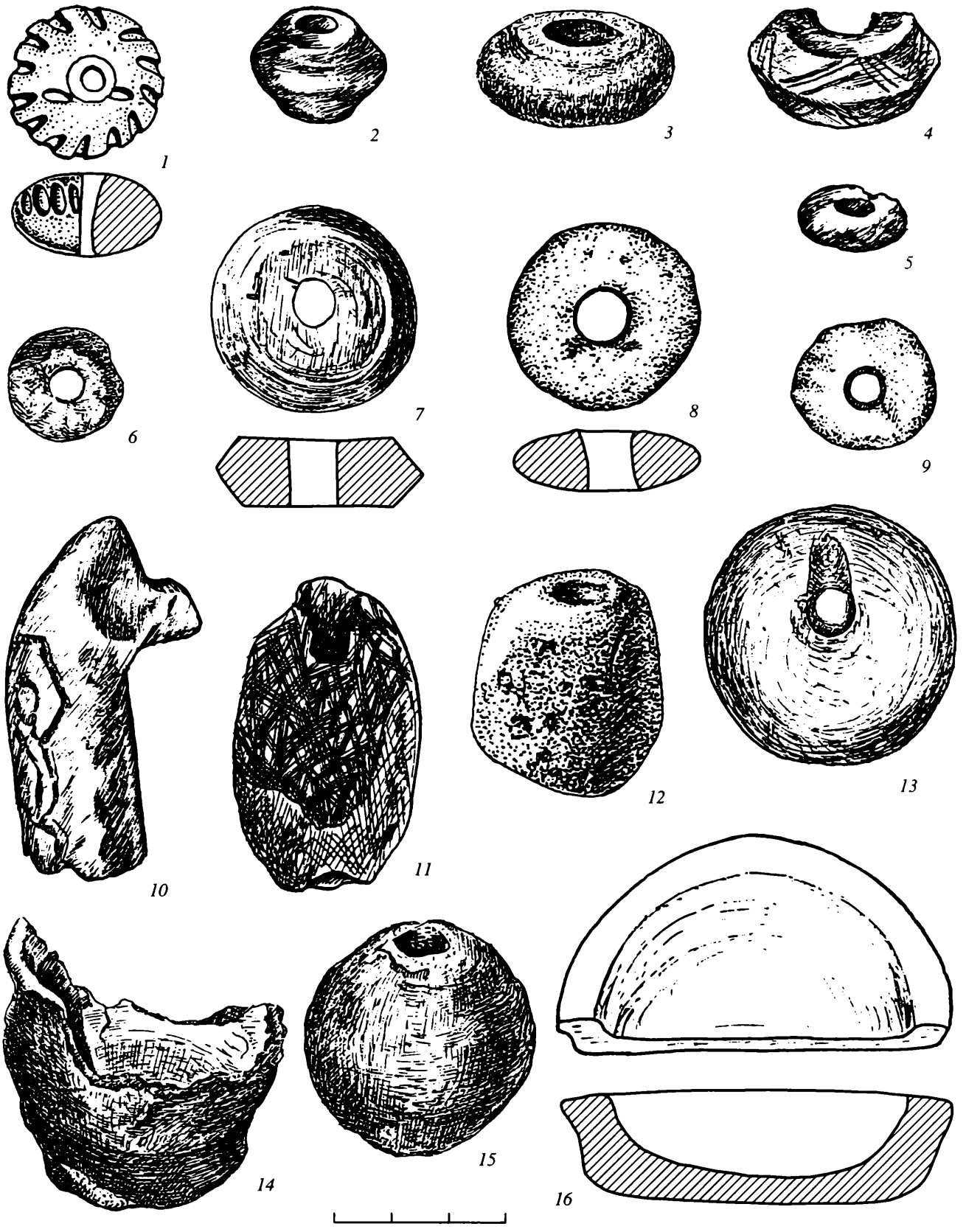

Рис. 268. Изделия из глины

1–9 – пряслица; *10* – поделка; *11–13, 15* – рыболовные грузила; *14* – горшочек; *16* – плошка. *1* – 2, Г-32; *2* – 4, Щ-43; *3* – 5, М-41; *4* – 4, Н-49; *5* – 3, Ж-31; *6* – 2, І-41; *7* – 1, Д-20; *8* – 2, Ц-34; *9* – 2, Щ-50; *10* – 3, Р-31; *11* – 2, VШ-32; *12* – 2, А-12; *13* – 5, VШ-35; *14* – 4, О-41; *15* – 2, Ж-37; *16* – 5, З-38

Предметы бытового назначения

Ножи

Среди железных орудий труда наиболее массовой находкой являются ножи. В напластованиях второй половины X – начала XIV в. Изборского городища обнаружено не менее 800 ножей. Часть их представлена фрагментами, но большинство составляют целые изделия, нередко со следами длительного использования. Каких-либо закономерностей в формах ножей и их размерах на протяжении столетий выявить не удается, изменялась лишь технология их производства, о чем несколько слов будет сказано ниже. По своему устройству ножи состоят из клинка, черенка и рукояти. Первые две части отковывались ремесленниками из одного куска железа, на клинок обычно разными приемами наваривалось стальное лезвие. Деревянные или костяные рукояти внутри имели отверстия и обычно насаживались на заостренный черенок. Доминировали ножи с деревянными рукоятями. Последние не сохранились в изборском культурном слое, но следы их фиксировались на проржавевших черенках неоднократно.

В изборской коллекции преобладают хозяйственные ножи универсального назначения. Осевая линия их проходит параллельно прямой спинке клинка (рис. 269: *1, 3, 6–8*; 270: *1–3, 5–8, 10*; 271: *2, 5–9*), клинок отделен от черенка уступами сверху и снизу. Размеры этих ножей весьма различны. Общая длина их варьирует от 6–7 до 15–18 см, причем 30–40% приходится на долю черенков. Рукояти были и деревянными, и костяными. Использовались хозяйственные ножи широко – в бытовых условиях, при приготовлении пищи, в первичной обработке дерева, на охоте, рыбной ловле и других случаях.

Нередкими находками в Изборске являются ножи, предназначенные для резьбы по дереву. Режущий край их клинков несколько оттянут вниз с таким расчетом, чтобы острие находилось ниже оси рукоятки ножа (рис. 269: *2, 4*; 270: *4, 9*; 271: *1, 3*). В целом это более крупные ножи, общая длина их – от 1–12 до 18–20 см, из которой на долю черенка приходится несколько более трети. В количественном отношении ножи для резьбы по дереву заметно уступают универсальным, но все же их встречено немало. Очевидно, можно утверждать о значительном развитии этого вида деятельности среди изборян.

Определенных ножей, составляющих инструментарий костореза, выявить не удается. Нужно полагать, что эти ремесленники пользовались специально подобранными универсальными ножами. Среди них имеются такие, которые позволяли резать по кости и выполнять разнообразные операции. Это – ножи небольших размеров с заостренным концом, прямыми и изогнутыми лезвиями. Некоторые из них имели изогнутые спинки (рис. 271: *4*). Для части операций по обработке кости могли использоваться и ножи, предназначенные для деревообработки.

Ножи, подобные изображенному на рис. 269: *5*, отличаются крупными размерами и, скорее всего, были столовыми.

Особое положение занимает нож, целиком (клинок и рукоятка) сделанный из металла (найден в слое XII в.). Рукоятка его на конце завернута в колечко (рис. 269: *9*). Цельнометаллические ножи встречены при раскопках в Новгороде Великом в слое первой половины XIV в., в напластованиях XII в. Волковыска и в Берестье в слое XIII в. Последняя находка имеет изготовленную вместе с клинком металлическую крученую рукоятку. На ее конце было пробито отверстие, в которое вставлено проволочное колечко (*Лысенко*, 1985. С. 242, рис. 158: *21*). В Волковыске найдено два подобных ножа (*Зверуго*. 1975. С. 30–31, рис. 9: *3*). В Новгороде цельнометаллический нож имел длину 17,5 м, его рукоятка была завернута в виде незамкнутой втулки, лезвие со стальной наваркой. Б.А. Колчин сопоставил эту находку с хирургическими ножами XVIII–XIX вв. и отнес ее к лекарскому инструментарию (*Колчин*, 1959. С. 56, рис. 43: Г). Рассматриваемый изборский нож имеет сильно изношенное лезвие. Если он и был первоначально хирургическим инструментом, то на последнем этапе его использовали явно в хозяйственных целях.

Складные ножи в изборской коллекции представлены одним целым экземпляром и несколькими фрагментарными. Длина удлиненного и заостренного клинка почти полностью сохранившейся находки (рис. 272: *2*) – 58 мм. Обломана лишь небольшая часть острия. На противоположной части пробито отверстие диаметром 3,5 мм, в которое очевидно входил штифт, крепящий клинок в несохранившейся рукоятке. Изборская находка относится к XII – началу XIII в.

Четыре изборских ножа выделяются крупными размерами клинков (рис. 272: *5*; 273: *1, 2, 6*). Скорее всего, это были боевые ножы-засапожники. Аналогии им, относимые исследователями к боевым, обнаруживаются среди ножей из раскопок Новгорода Великого и Берестья (*Колчин*, 1959. С. 56, рис. 43: В; *Лысенко*, 1985. С. 244, рис. 158: *17*).

Найдено еще несколько массивных ножей-косарей (рис. 272: *6, 7*). Они имеют широкие (около 3 см) клинки длиной 10–13 см. Лезвия их прямые, спинка параллельна лезвию и на конце резко опускается к лезвию. Найдены такие инструменты преимущественно в горизонте XIII – начала XIV в. Предназначались косари, нужно по-

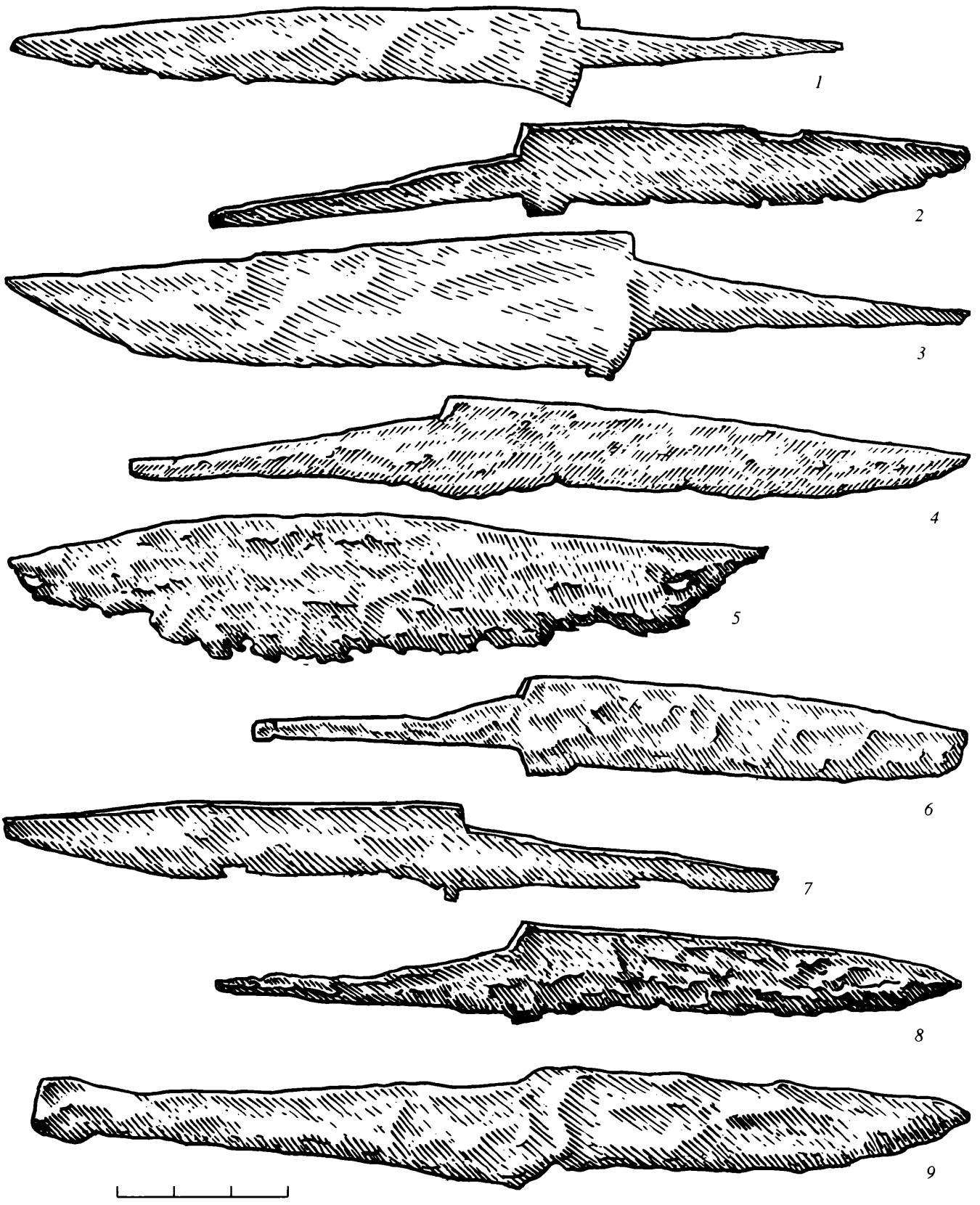

Рис. 269. Железные ножи

1 – 4, V-40; *2* – 2, Ш-8; *3* – 4, Г-48; *4* – 4, IV-27; *5* – 1, Т-34; *6* – 2, Д-25; *7* – 4, Ж-14; *8* – 3, И-22; *9* – 3, Ш-24

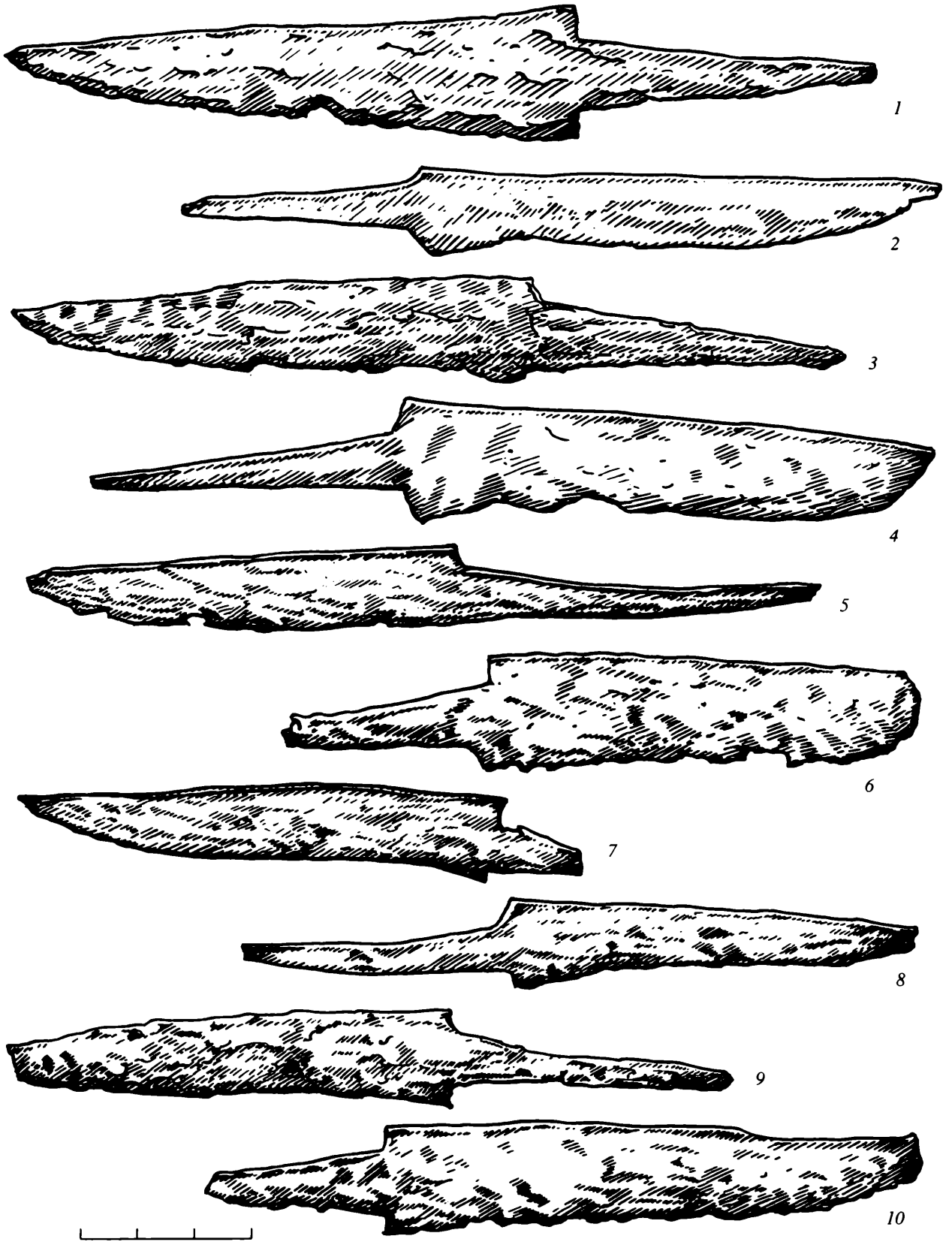

Рис. 270. Железные ножи

1 – 4, IV-28; *2* – 3, Г-31; *3* – 4, IV-27; *4, 5* – 3, В-29; *6* – 2, А-28; *7* – 2, Г-29; *8* – 4, Д-27; *9* – 2, Д-25; *10* – 3, Д-29

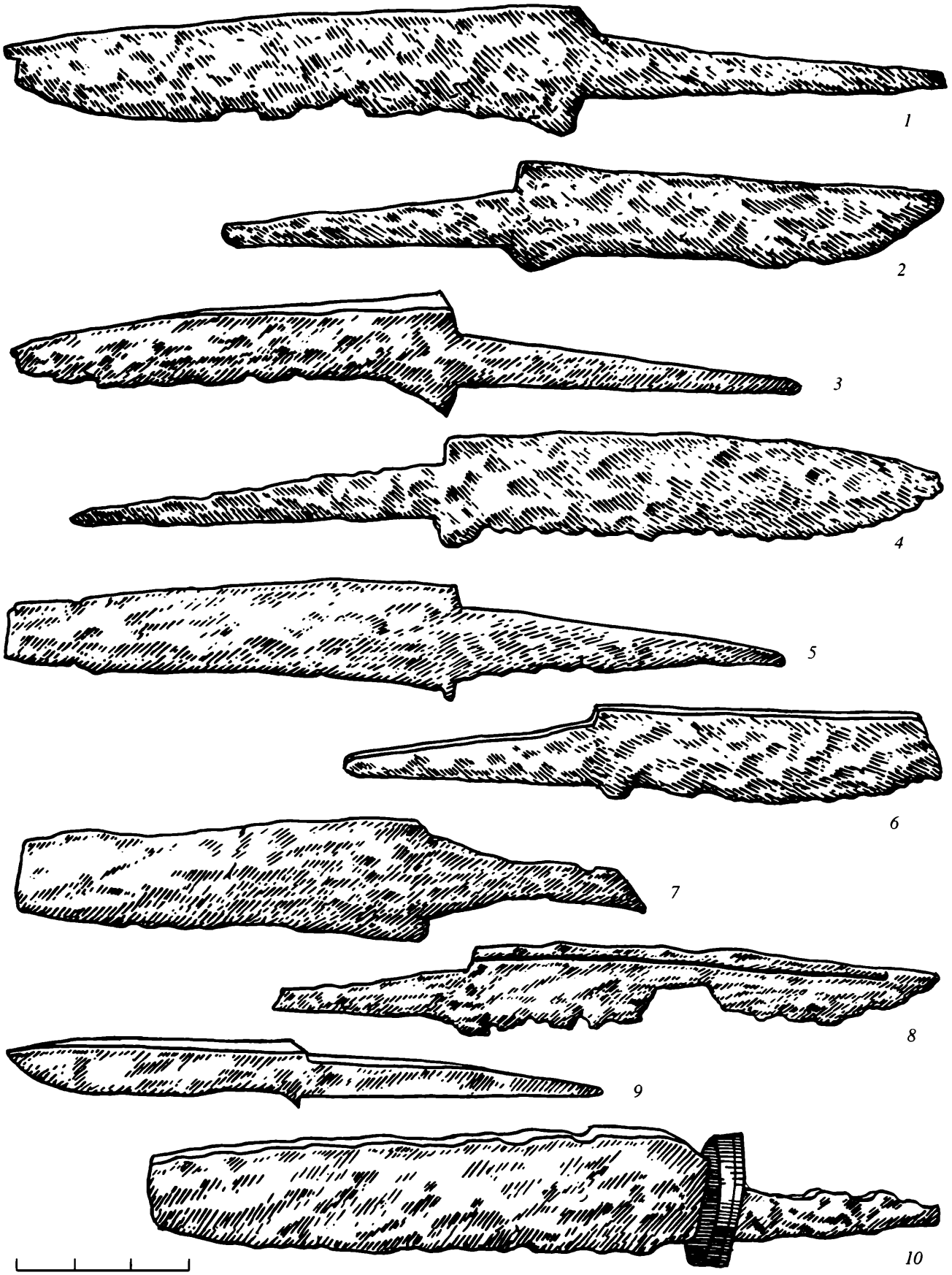

Рис. 271. Железные ножи

1 – 2, Г-26; *2* – 3, Ш-26; *3* – 3, И-47; *4* – 2, I-16; *5* – 3, Щ-50; *6* – траншея 1 через вал, глубина 210 см; *7* – 2, А-12; *8* – 2, А-52; *9* – 4, Ц-43; *10* – 2, У-41

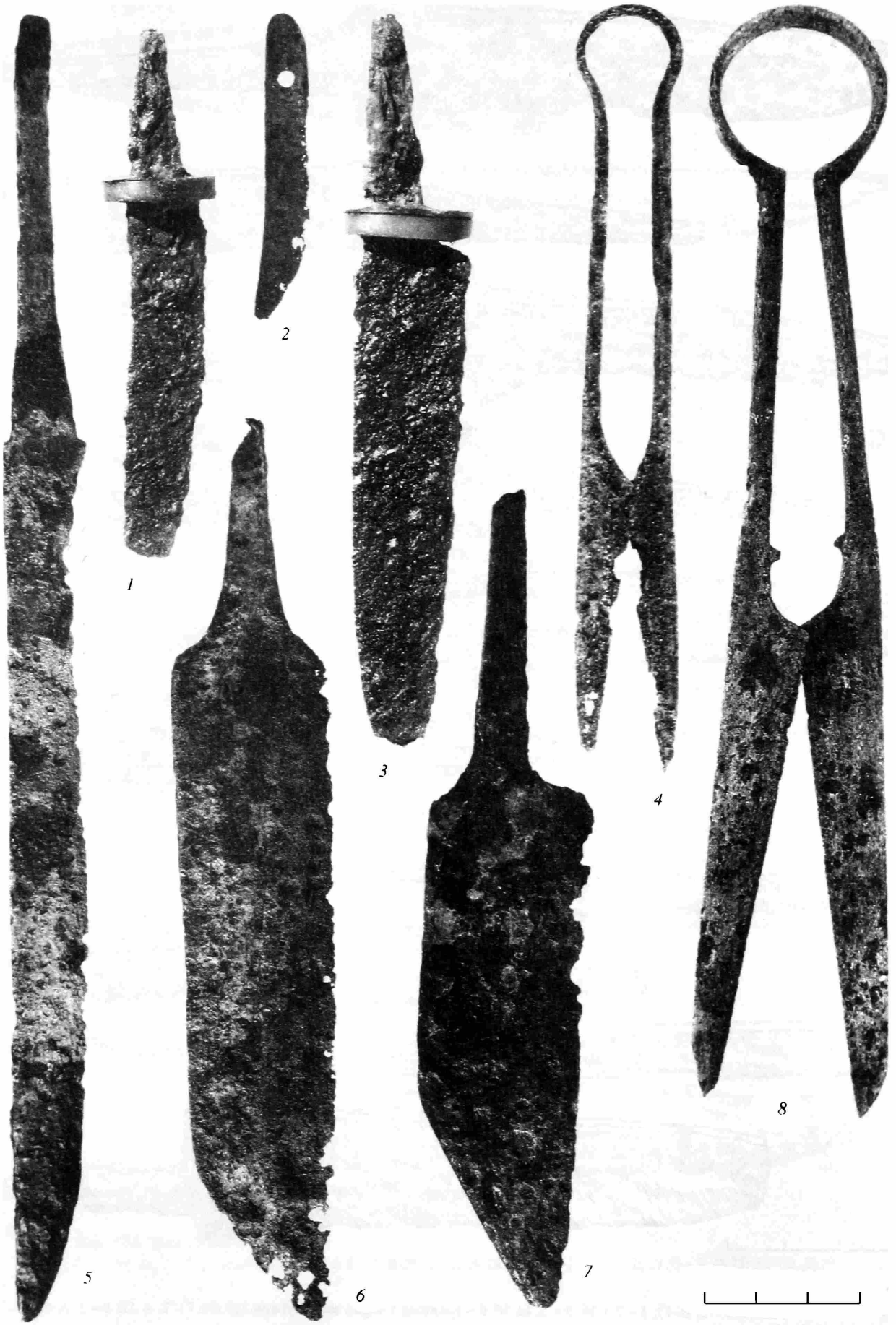

Рис. 272. Железные изделия

1–3, 5 – ножи; *4, 8* – ножницы; *6, 7* – косари. *1* – 8, Х-37; *2* – 2, К-35; *3* – 2, Э-41; *4* – 5, Щ-48; *5* – 5, З-31; *6* – 2, В-9; *7* – 1, В-16; *8* – VII-36, яма 9

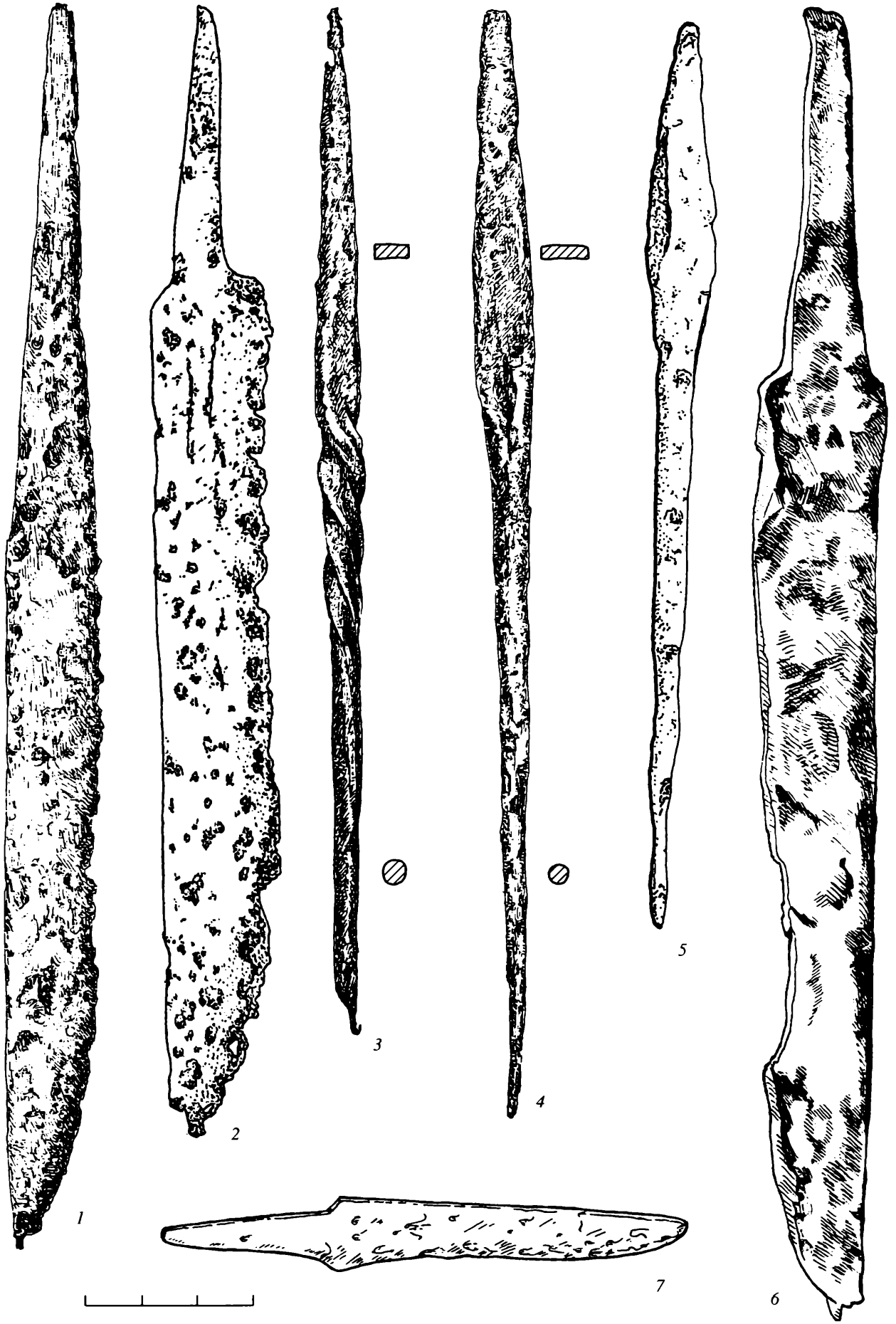

Рис. 273. Железные изделия

1, 2, 6, 7 – ножи; *3–5* – шилья. *1* – 4, З-46; *2* – 3, А-10; *3* – 3, Т-45; *4* – 2, Н-42; *5* – 2, В-90; *6, 7* – разрез вала, щебень

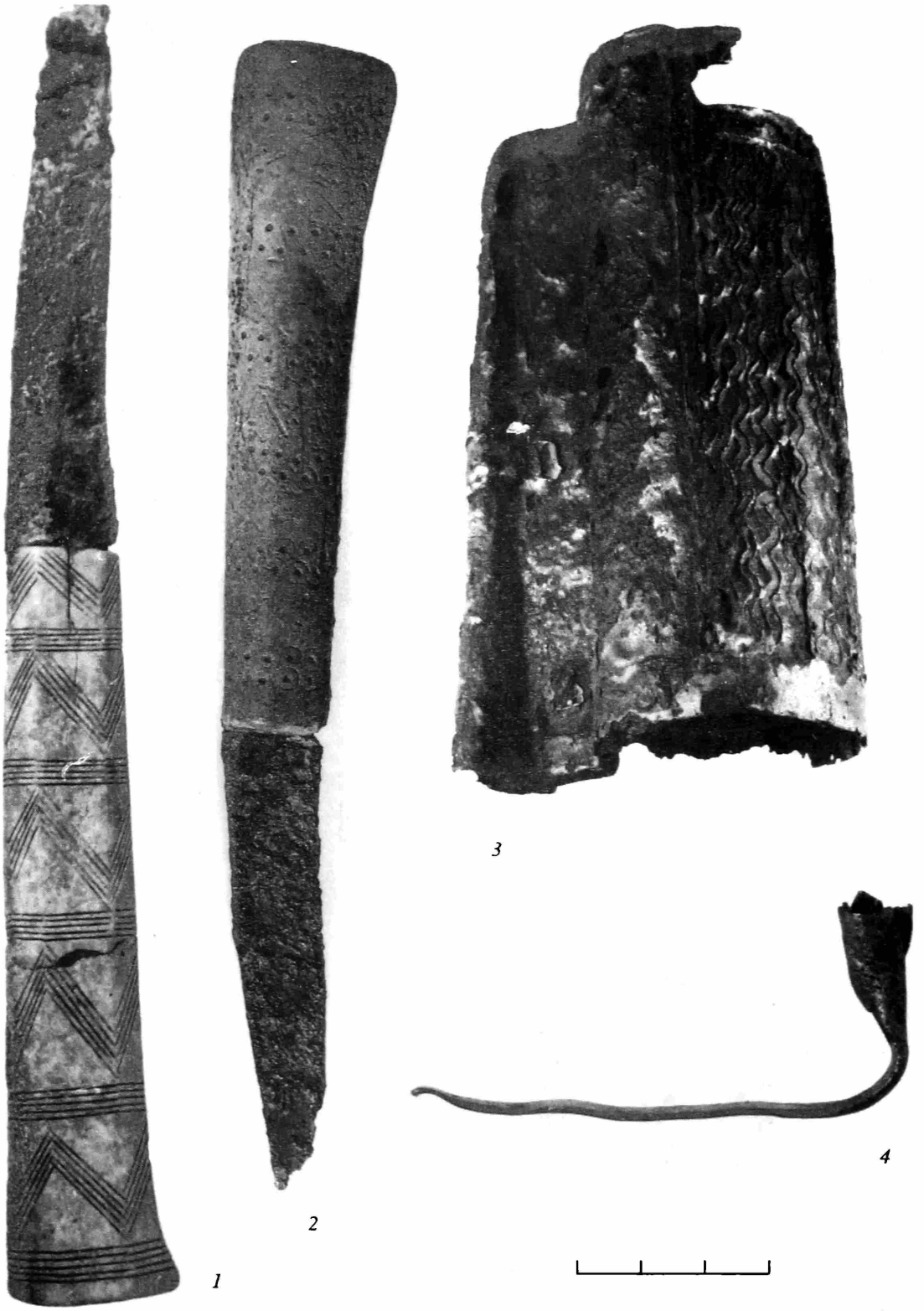

Рис. 274. Фото различных предметов

1, 2 – ножи с костяными рукоятками; *3* – железный замок с золотисто-медной поверхностью, орнаментированный волнистым узором; *4* – подсвечник. *1* – 4, Ш-42; *2* – 3, З-35; *3* – 3, Б-32; *4* – 1, В-43

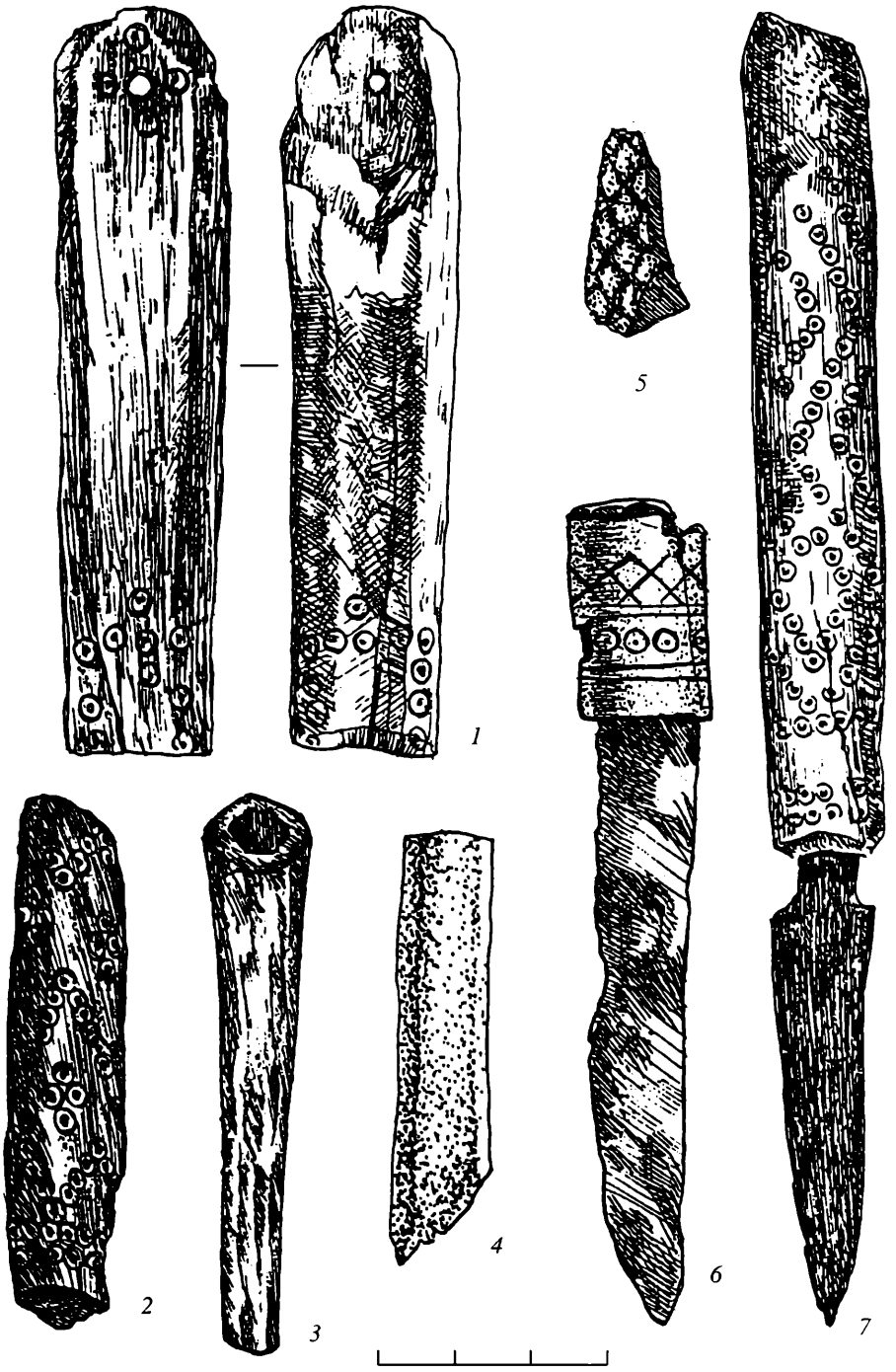

Рис. 275. Костяные рукоятки ножей и их фрагменты
1 – 5, VII-31; *2* – 4, Ж-55; *3* – 7, У-54; *4* – 5, Д-33; *5* – 2, Г-35; *6* – 3, С-48; *7* – 2, Г-26

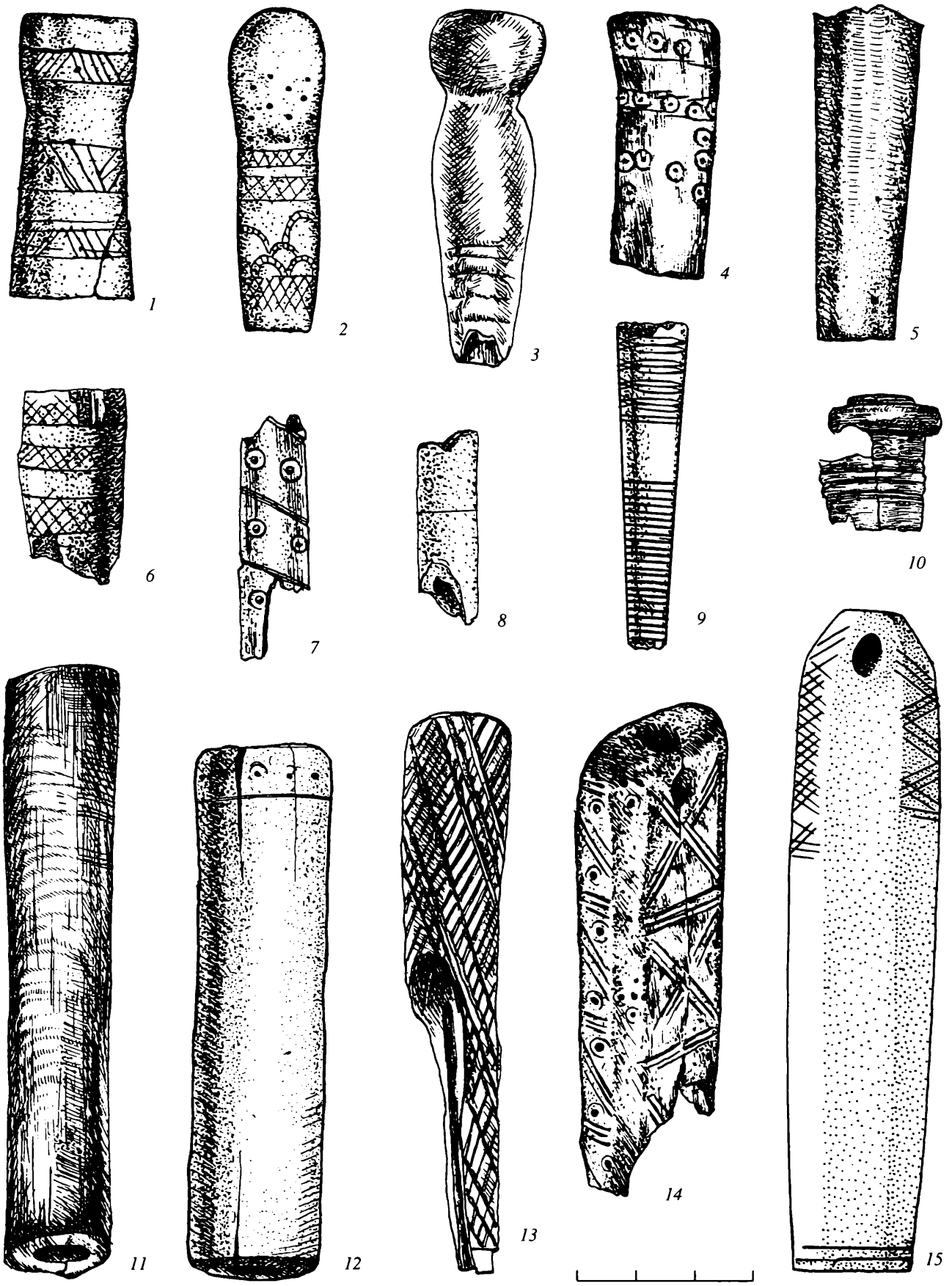

Рис. 276. Костяные рукоятки ножей и их фрагменты

1 – 4, Р-25; *2* – 2, Л-23; *3* – 3, Х-29; *4* – 2, Н-24; *5* – 3, Ш-24; *6* – 1, И-36; *7* – 2, Б-36; *8* – 1, Ч-36; *9* – 4, Щ-43; *10* – 1, Х-38; *11* – 2, Ч-55; *12* – 2, Ч-42; *13* – 3, Х(цифра)-27; *14* – 2, VШ-16; *15* – 2, Р-27

лагать, для расщепления дерева и других операций.

Несколько ножей в Изборске найдены с костяными рукоятками (рис. 274: *1–2*; 275: *6, 7*). Более многочисленны находки отдельных рукоятей или их фрагментов (рис. 275: *1–5*; 276). Они дают полное представление об облике костяных рукоятей ножей. Длина их варьирует от 6 до 11 см. Преобладают крупные рукояти длиной 9–11 см при длине клинка 5–7 см. Обычно к концам многие рукоятки имеют небольшое расширение.

В поперечнике рукоятки ножей имеют овальные очертания, но немало и уплощенно-шестиугольных, есть и округлые. Среди малых рукояток есть фигурные. Это – рукоятки с отчетливо выраженной уплощенно-шарообразной головкой (рис. 276: *3*), идентичные тем, что встречены в нижнем слое городища, с менее выраженным шарообразным завершением (рис. 276: *2*). Одна рукоятка имела форму шахматной туры (рис. 276: *1*), вторая была с утолщенным ободком в верхней части (рис. 276: *10*). Большинство костяных рукояток насаживалось на заостренный черенок, для чего делалось отверстие снизу. На некоторых рукоятках отверстие было сплошным на всю длину. В верхней части некоторых рукоятей имелось отвертие для привешивания (рис. 275: *1*; 276: *14, 15*).

Большая часть костяных рукоятей орнаментировалась. Весьма распространенными были различные циркульные узоры (рис. 274: *2*; 275: *1, 2, 6, 7*; 276: *4, 7, 12, 14*). Второе место занимают орнаменты из прочерченных линий, составляющих разнотипные комбинации (рис. 274: *1*; 275: *6*; 276: *1, 2, 6, 9, 13–15*). На отдельных рукоятках наблюдается сочетание циркульного и прочерченных орнаментов. Одна из рукояток (рис. 276: *2*) украшена чешуйчатым узором, сходным с орнаментацией вышеописанного гребня из нижнего слоя городища.

Деревянные рукоятки, нужно полагать, по форме и размерам были идентичны костяным. От ножей с такими рукоятками дошли дисковидные костяные шайбы. Обычно они ограничивали деревянные рукоятки со стороны клинков (рис. 272: *1, 3*). При раскопках неоднократно встречены отдельные костяные шайбы от деревянных рукояток ножей (и шильев), свидетельствуя об их распространенности.

Шилья

Эти универсальные инструменты для прокалывания дыр в хозяйственной и ремесленной деятельности представлены в изборской коллекции весьма многочисленными находками. Общее число их – целых и фрагментарных – превышает две сотни. Судя по относительно хорошо сохранившимся, самыми распространенными в Изборске были шилья с круглым в сечении острием (рис. 273: *3–5*; 277: *1, 3, 4, 6, 8–15*). Немало встречено и шильев квадратного сечения (рис. 277: *2, 5, 7*). Среди фрагментарных находок имеются и шилья с ромбовидными сечениями, которые применялись в сапожном и шорном ремеслах. Рабочее острие древнерусских шильев переходило в уплощенный черенок, на который насаживалась деревянная или костяная рукоять. На отдельных шильях между рабочей частью и черенком имелся крученый отрезок. Изборские находки полностью идентичны обычным древнерусским. Размеры их весьма различны. Наиболее часты находки с длиной острия 2,5–5 см (общая длина с черенком – около 6–10 см). В Изборске встречены и крупные шилья при длине острия 7–12 см (общая длиная их достигает 17–20 см).

Ножницы

Их использовали как в повседневном быту, так и в ремесленном производстве. В Изборске имели хождение только пружинные ножницы. Наиболее ранние среди них обнаружены в слое IX – первой половины X в., о чем говорилось выше. В напластованиях второй половины X – начала XIV в. найдено еще несколько целых ножниц (рис. 272: *4, 8*; 278) и их фрагментов. Размеры их варьируют довольно широко. Самые короткие ножницы имеют общую длину 10,5 см, крупные экземпляры достигают 20–21,5 см, при длине режущей кромки лезвия 8–9,5 см. Каких-либо хронологических и функциональных различий среди пружинных ножниц не обнаруживается. Ножницы малых и средних размеров имели, как можно полагать, хозяйственно-бытовое назначение, большие ножницы использовались ремесленниками (портными, кожевниками, сукновалами и др.). В этой связи нельзя не обратить внимание на нахождение на Изборском городище крупных ножниц в одном месте – в соседних квадратах Ц-54, Ш-48, Э-54 и Ю-50, правда, в разных хронологических горизонтах. Думается, что это свидетельство проживания в юго-западной части городища потомственных ремесленников, занимавшихся портновским или сапожным делом.

Пружинные ножницы были весьма широко распространены на Руси. На Неревском раскопе Новгорода Великого таковых найдено 61, кроме того в раскопе встречено 12 шарнирных ножниц (*Колчин*, 1959. С. 58–60, рис. 46). Доминировали пружинные ножницы и в других древнерусских городах (Берестье, Волковыск, Минск, Новогрудок, Полоцк, Туров и др.).

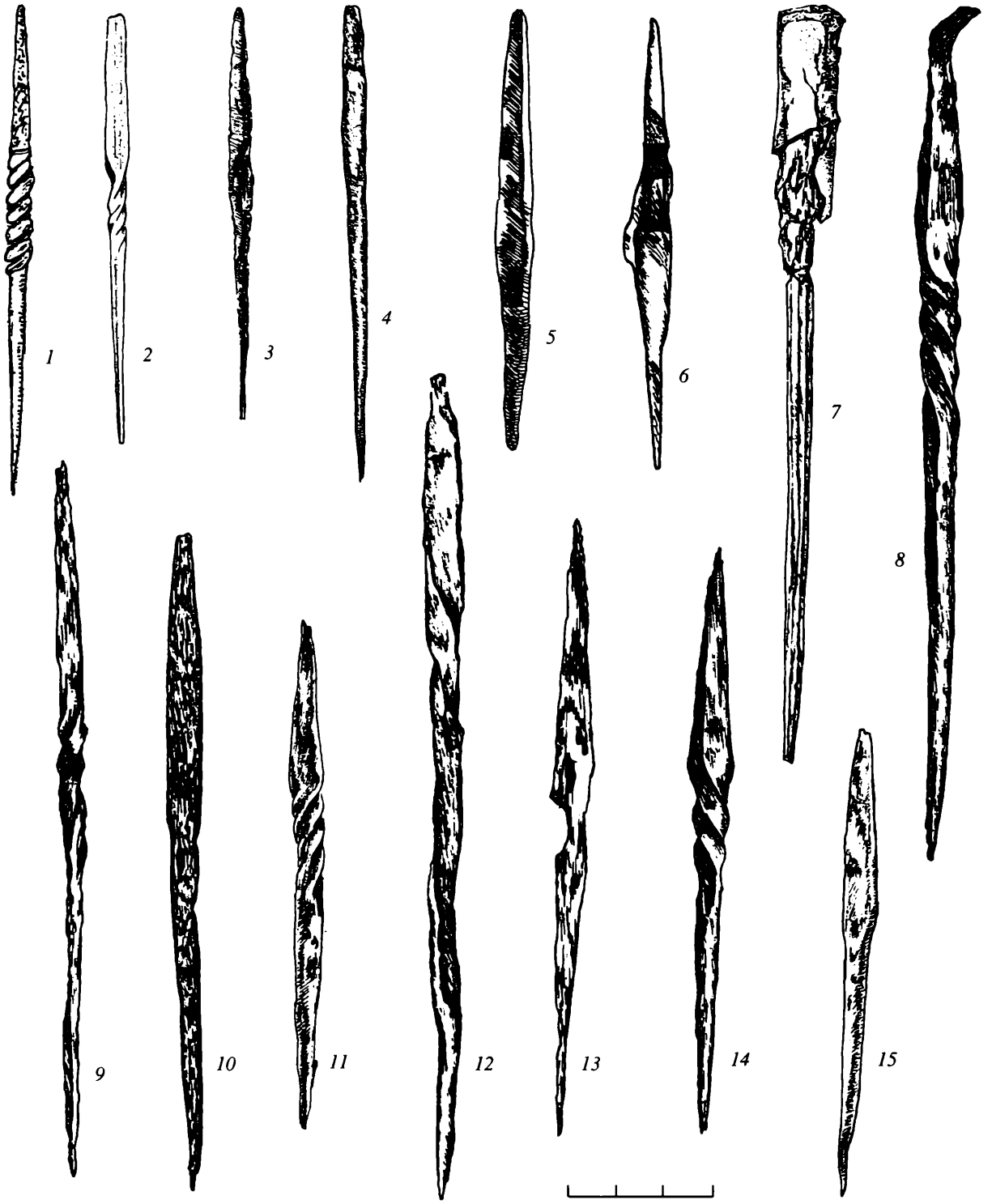

Рис. 277. Железные шилья

1, 2, 7 – разрез вала, слой щебня; *3* – 2, Е-14; *4* – 4, Д-24; *5* – 3, Е-47; *6* – 5, У-44; *8* – 6, М-51; *9* – 3, Б-46; *10* – 2, О-40; *11* – 2, VIII-18; *12* – 3, В-37; *13* – 4, Г-46; *14* – 2, Ц-41; *15* – 2, VII-15

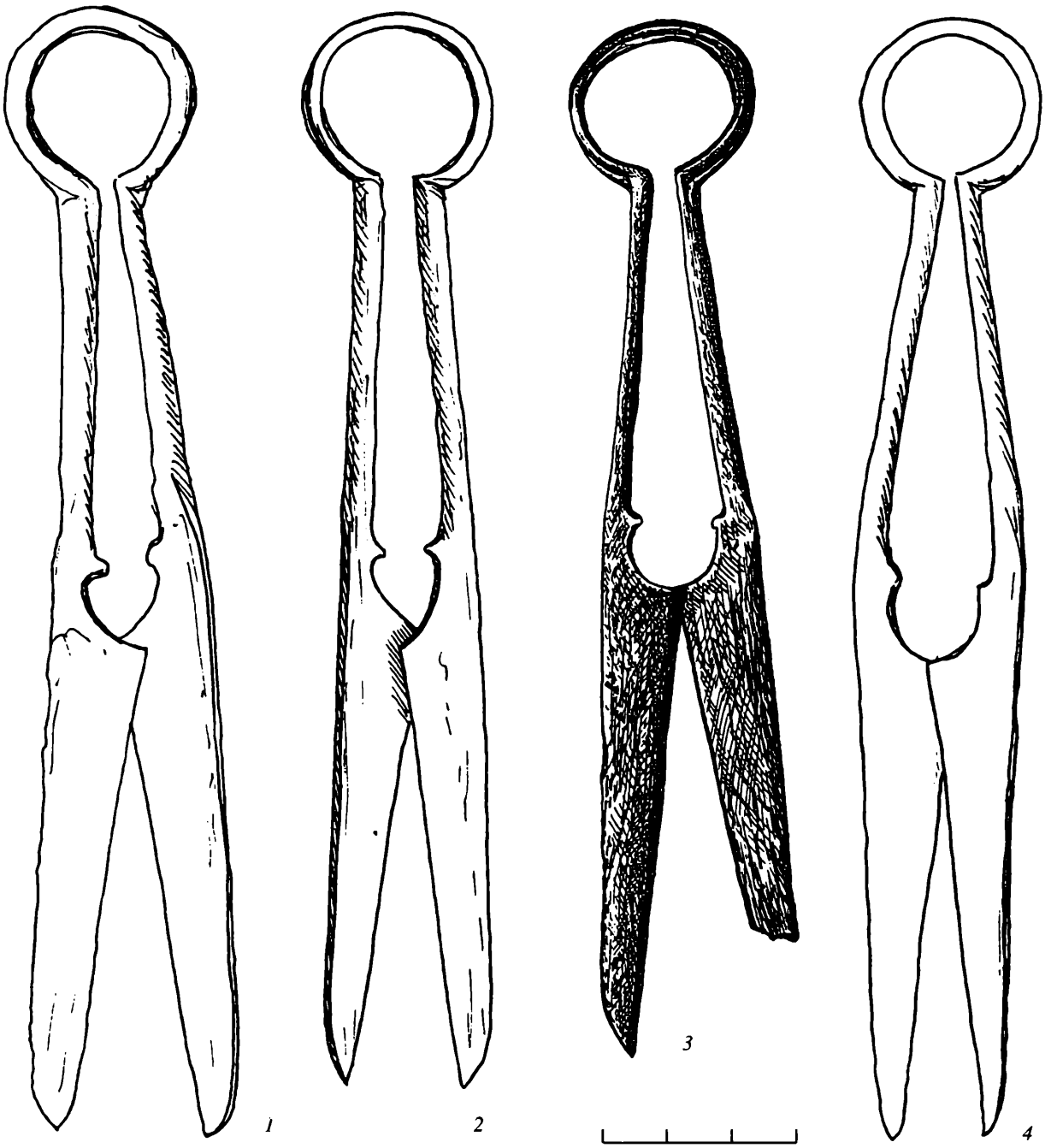

Рис. 278. Железные ножницы
1 – 4, Ц-54; *2* – 2, Э-54; *3* – 2, Ш-48; *4* – 3, Ю-50

Замки и ключи

К весьма распространенным находкам в культурных слоях древнерусских городов принадлежат железные замки и ключи. При раскопках Изборского городища обнаружено свыше сотни остатков замков, представленных целыми экземплярами, но чаще отдельными корпусами или их фрагментами, дужками или пластинчатыми пружинами.

Наиболее распространенными на Руси были цилиндрические (или иначе трубчатые) замки (рис. 279: *1–10, 12, 13*; 280: *1–11, 14–16*). Корпус таких замков состоял из двух цилиндров разных диаметров, соединенных прямоугольной пластиной. С торцовых сторон цилиндры закрывались крышками с соответствующими отверстиями для дужки и ключа. Швы корпуса и крышки скреплялись методом медной пайки. Второй составной частью замка являлась съемная дужка с пружинным механизмом на одном из концов, уходящем в больший цилиндр корпуса, и другим гладким концом, вставлявшимся в малый цилиндр (рис. 280: *1–4, 6, 10, 14, 16*). В рабочем положении система расходящихся пружин (рис. 280: *9, 11, 15*) не позволяла вынуть дужку из корпуса. Только ключом соответствующей формы можно было сжать пружины и вынуть дужку из корпуса замка.

Изборские цилиндрические замки по своим размерам варьируют от небольших, высотой 6 см (с дужкой, высота корпуса 4 см), до крупных, имевших высоту 12–13 см. Некоторые корпуса замков орнаментировались медью. Иногда это напаянные кольцевые полосы из меди или оловянистых сплавов, в некоторых случаях они дополнялись продольными полосами (рис. 279: *1–5, 7, 8*). Среди изборских находок выделяется крупный замок со сплошь помедненной поверхностью, украшенной к тому же вертикальными рядами из волнистых линий (рис. 274: *3*; 279: *13*). Узоры из вертикальных волнистых линий, выполненые из нешироких медных полос, имелись и на других немногочисленных замках, в частности на изображенном на рис. 279: *10*.

Изготовление пружинных цилиндрических замков требовало высокого профессионализма мастера-ремесленника. Следов изготовления замков на Изборском городище не выявлено. Скорее всего, эти изделия поступали в Изборск из Пскова и Новгорода.

Изборские цилиндрические замки находят широкие параллели в коллекциях из раскопок многих древнерусских городов, в частности в культурном слое Новгорода Великого их найдено сотни (*Колчин*, 1959. С. 79–86), в Волковыске число находок достигает 90 (*Зверуго*, 1975. С. 32), в Берестье – 74 (*Лысенко*, 1985. С. 232–236), Полоцке – 25 (*Штыхов*, 1975. С. 62, рис. 30, 31), Минске – 23 (*Загорульский*, 1982. С. 88–89). Известны аналогичные замки и в некоторых городах и на городищах Юго-Восточной Прибалтики (Кокнесе, Асоте и др.), являющиеся, скорее всего, изделиями древнерусского импорта.

Типология древнерусских замков хорошо разработана. Однако плохая сохранность изборских находок часто не позволяет отнести их к тому или иному типу, поэтому целесообразно рассмотреть этот вопрос ниже, при характеристике ключей изборской коллекции.

При раскопках Изборского городища в слое второй половины X–XI в. найден замок для конских пут. Он состоит из цилиндра с пружинным механизмом и кольцевидной дужки (рис. 279: *11*). В Новгороде подобные находки обнаружены в напластованиях XI в. Б.А. Колчин выделил такие замки в тип З (*Колчин*, 1959. С. 84). Р.Л. Розефельдт датировал "путные замки" XII–XIV вв. (*Розенфельдт*, 1953. С. 38). В южнорусских городах подобные замки обнаружены в ряде поселений, погибших в результате татаро-монгольского разорения, в частности в Райковецком городище, Воине (*Довженок, Гончаров, Юра*, 1966. С. 88–89, табл. XIV: 13) и др. При раскопках Изяславля встречено 77 замков рассматриваемого облика. Это позволяет полагать, что использовались они не только для запирания конских пут (*Овсянников, Пескова*, 1982. С. 97). Аналогичные замки известны и в вещевых коллекциях XV–XVI вв.

Три железных замка с аналогичным пружинным механизмом из Изборска имели четырехугольные (в археологической литературе их называют кубическими, пирамидальными или коробчатыми) корпуса (рис. 280: *12, 13*). Один из них найден вместе с приржавевшим ключом в напластованиях X – начала XI в. К сожалению, он имел очень плохую сохранность и распался на отдельные проржавевшие части. Другой изборский замок того же вида обнаружен в нижнем слое с лепной керамикой, третий – в слое X – начала XI в.

Такие замки изготавливались из прямоугольных железных пластин и спаивались медью. Сбоку они имели отверстия в виде перевернутой буквы Т, в которые вставлялись ключи в форме прямоугольной лопаточки с отверстиями.

Замки кубической формы с Т-образными отверстиями для ключей в Северной Европе имели хождение в эпоху викингов (*Blomqvist*, 1940. S. 101–103, Abb. 35). Они найдены в могилах Бирки, в нескольких памятниках Финляндии, в приладожских, гнёздовских, ярославских и черниговских курганах X в. (*Arbman*, 1940. Tab. 273; *Бранденбург*, 1895. Табл. VIII: 5; *Сизов*, 1902. С. 59, рис. 13; *Недошивина*, 1963. С. 53). По мнению Т. Арне, кубические замки в Северной Европе имеют восточное происхождение.

На Руси помимо названных находок из дружинных курганов подобные замки обнаружены на

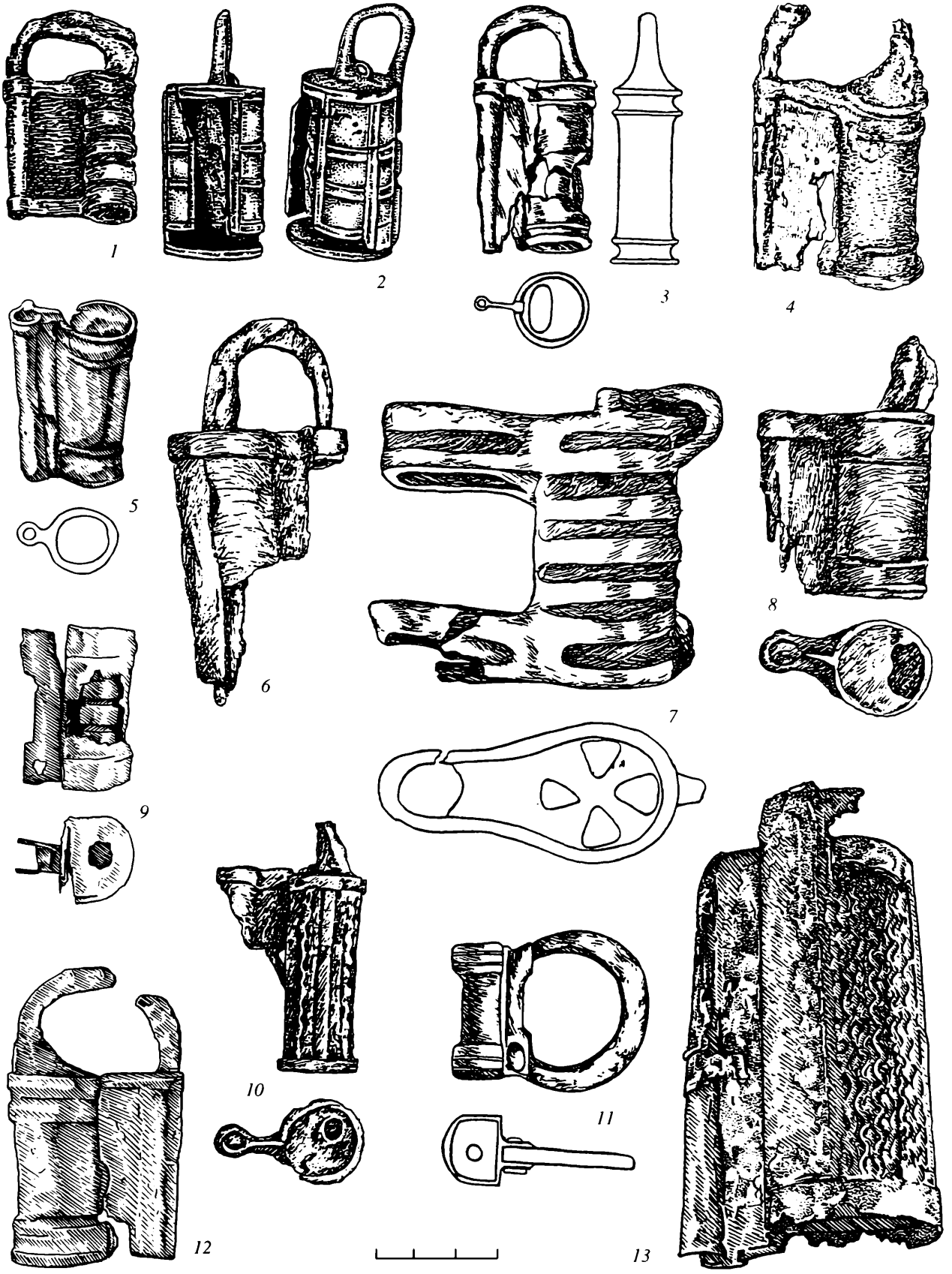

Рис. 279. Железные замки

1 – 4, Г-38; *2* – 4, IX-12; *3* – 3, У-38; *4*, *12* – 2, П-45; *5* – 2, А-12; *6* – 3, Е-20; *7* – 8, Д-41; *8* – 3, И-53; *9* – 5, IV-30; *10* – 2, Е-21; *11* – 4, I-37; *13* – 3, Б-32

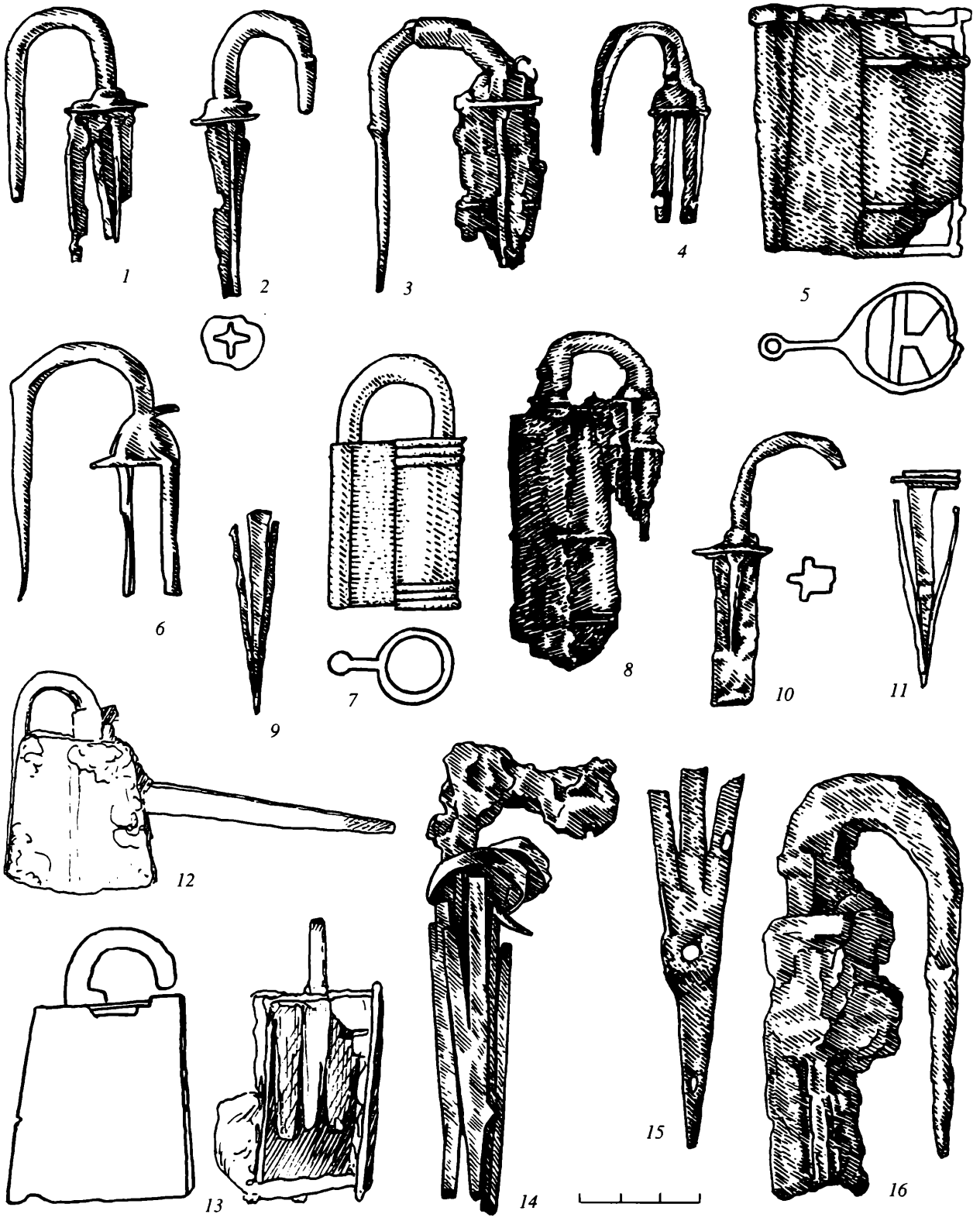

Рис. 280. Железные замки и их отдельные части

1 – VI-13; *2* – 3, Ф-44; *3*, *15* – 8, З-50; *4* – 6, I-41; *5* – 2, П-45; *6* – 2, Е-26; *7* – 3, Ц-38; *8* – 7, В-8; *9* – 1, Д-37; *10* – 1, Б-23; *11* – 1, Б-19; *12* – 5, Р-56; *13* – 8, Щ-56; *14* – 1, Д-12; *16* – яма, Б-7

городище Крутик в Белозерье (Финно-угры и балты..., 1987, табл. XIX: 22). Р.Л. Розенфельд в статье, посвященной древнерусским замкам, называет еще находки на городище Екимауцы в Поднестровье и в одном из курганов XI – начала XII в. у с. Беседы в Подмосковье (*Розенфельдт*, 1953. С. 34, 36).

Железных ключей в культурном слое Изборского городища найдено значительно больше, чем замков. Опять-таки многие из них представлены фрагментарно, и тип их не может быть определен. На основании коллекции из раскопок Новгорода Великого по устройствам ключей, формам корпуса замков и особенностям их ключевых отверстий Б.А. Колчиным выделено 10 конструктивных вариантов (*Колчин*, 1959. С. 79–86). Эта типология, как показали дальнейшие исследования, применима для замков и ключей всей Древней Руси (Древняя Русь, 1997. С. 14–17).

Навесные замки, отнесенные к типу А, имеют боковое отверстие в виде перевернутой буквы Т для плоского лопатообразного ключа. Рабочая часть и рукоятка их расположены в одной плоскости. На лопастях ключей имелись отверстия, число и расположение которых соответствовало количеству и размещению пружинных штифтов на дужке.

Такие ключи получили относительно широкое распространение в Северной Европе в эпоху викингов, определяемую 800–1050 гг. (*Blomqvist*, 1940. S. 93–95) и продолжали бытовать позднее. В Скандинавии они встречены в ряде памятников периода викингов, в том числе в могильнике Бирка (*Arbman*, 1940. Tab. 274: *3–5*). К этому же времени относятся находки ключей типа А в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. Abb. 955, 956), в приладожских и ярославских курганах (*Raudonikas*, 1930. Abb. 40, 87; *Равдоникас*, 1934. Табл. 1: *3*; *Недошивина*, 1963. С. 53, рис. 29: *1–3*; Финно-угры и балты.., 1987. Табл. XVII: *16, 18*). Три ключа этого типа найдены на Новгородском городище в слоях последних десятилетий IX–X в. (*Носов*, 1990. С. 130, рис. 53: *1*).

В Новгороде Великом замки и ключи типа А появляются с первыми поселенцами в 30-х годах X в. и бытовали до 30–40-х годов XIII в. (*Колчин*, 1982. С. 160, рис. 3). Такую же широкую дату они имеют и в других городах Древней Руси. Так, в Берестье такие ключи встречены в слоях XI–XIII вв. (*Лысенко*, 1985. С. 240, рис. 157: *1–4*), в Новогрудке – в напластованиях XII – начала XIII в. (*Гуревич*, 1981. С. 91, 102, 103, рис. 71: *3*; 79: *5*). Изредка ключи от замков того же типа обнаруживаются и на поселениях Юго-Восточной Прибалтики, в частности в Тарту (*Metsallik, Türmaa*, 1983. S. 323. Tabl. XXX: 5), Кокнесе (LA, 1974. Tab. 71: *25*), Асоте (*Шноре*, 1961. С. 46, табл. XIII: *10*), где датируются обычно XI–XIII вв.

В Изборске два ключа типа А происходят из нижнего слоя (рис. 281: *1*) и, следовательно, относятся ко времени не позднее середины X в. Еще два ключа (рис. 281: *2, 5*) встречены в слоях второй половины X–XI в. и один – в слое XII в. В напластованиях X–XII вв. обнаружено еще несколько фрагментарных ключей рассматриваемого облика.

Более многочисленными находками представлены в Изборске ключи типа Б (рис. 282; 283: *5, 7, 8*; 284). Они предназначались для замков новой конструкции – с поперечной ключевой прорезью, расположенной в нижней части корпуса. Теперь ключи имели коленчатую форму – рабочая часть отгибалась под прямым углом к рукояти. Лопасти круглой или овальной формы имели внутренние прорези различных очертаний, иногда овальные лопасти имели разнофигурные вырезы и по краям. Дужки замков стали более крупными и массивными. Рукоятки завершались или округло-овальным уплощением с отверстием для подвешивания или завернутым концом, образующим кольцо.

Ключи типа Б были широко распространены на всей территории Древней Руси. Они в большом количестве найдены в Новгороде Великом, Пскове, в городах Западной Руси – Берестье, Браславе, Волковыске, Гродно, Лукомле, Логойске, Минске, Новогрудке, Пинске, Слуцке, неоднократно встречены они и при раскопках городов других областей Руси.

В Новгороде Великом замки и ключи типа Б появились в самом начале XII в. и были в употреблении до середины XIV в. (*Колчин*, 1959. С. 80–82; 1982. С. 160). Определить время бытования замков и ключей типа Б в других городах Руси затруднительно, поскольку сами ключи этого типа обычно служат исследователям древнерусских памятников опорой для датировки слоев, но, кажется, бытование их уже в XI в. исключать нельзя. Так, в Берестье 10 ключей характеризуемого облика встречены в пластах 18–24, определяемых XI–XII вв. (*Лысенко*, 1985. С. 240). На Изборском городище около четверти общего количества ключей этого типа обнаружено в напластованиях XI в.

Более усложненной конструкцией были замки и ключи типа В. Они имели ключевую щель не на боковой части большого цилиндра, как замки типов А и Б, а в донце его. Отпирались такие замки плоскими коленчатыми ключами, лопасти которых были различных сложных конфигураций. Наблюдается постепенное усовершенствование конструкции замков посредством увеличения числа пружинных стержней на дужке, что вело к усложнениям конфигурации ключей.

В Новгороде Великом замки и ключи типа В получили распространение во второй половине XII в. и вышли из употребления в первой половине XV в. (*Колчин*, 1959. С. 82; 1982. С. 160). В этом городе они были наиболее распространенными – в культурных напластованиях древнего города найдено около 150 замков и свыше 200 ключей рассматри-

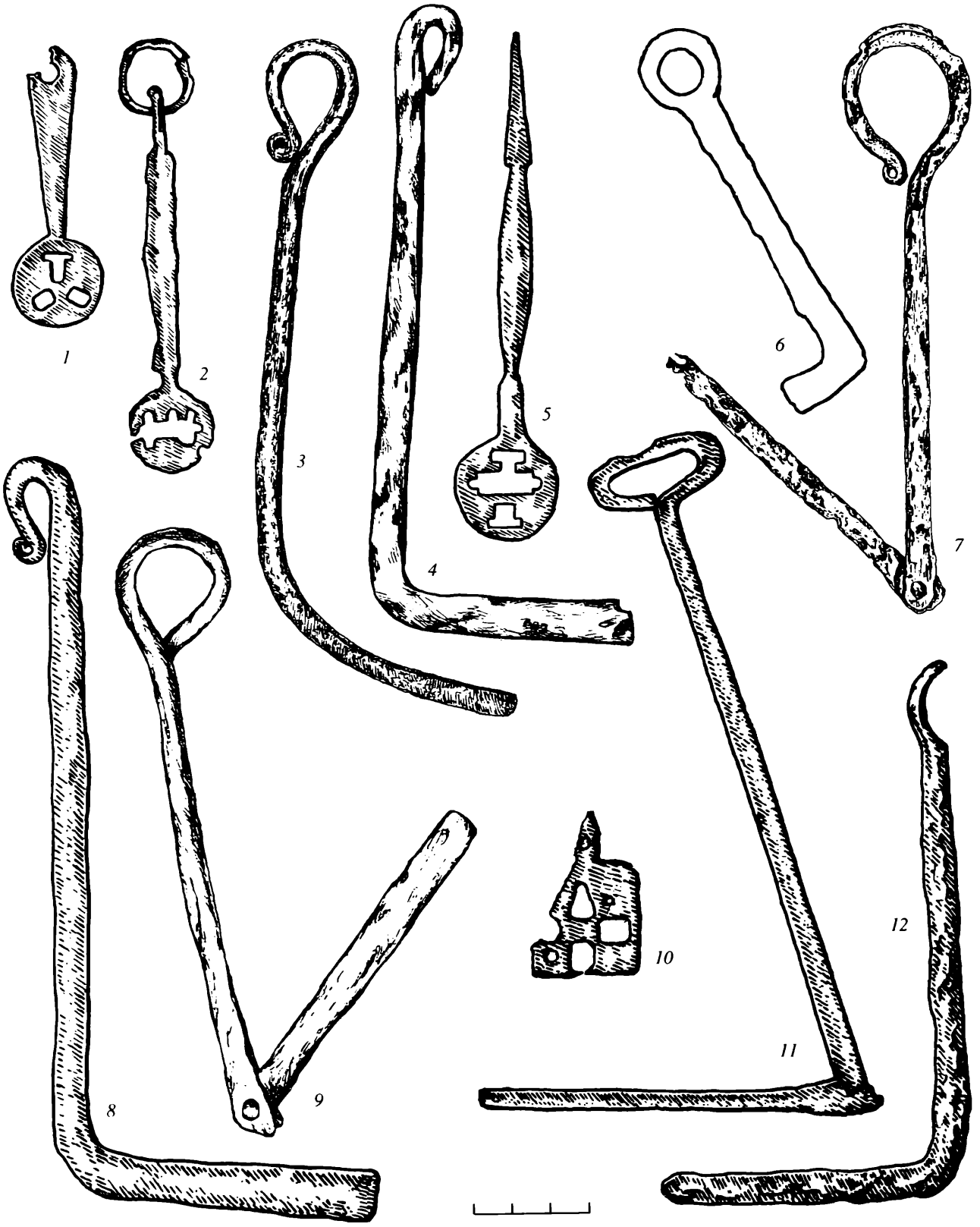

Рис. 281. Железные ключи

1 – 5, В-49; *2* – 4, В-9; *3* – 2, П-37; *4* – 4, Г-50; *5* – 4, П-8; *6* – 5, В-54; *7* – 5, Ж-43; *8* – 2, Ш-9; *9* – 4, Ч-45; *10* – 3, Г-49; *11* – разрез вала; *12* – 3, Б-50

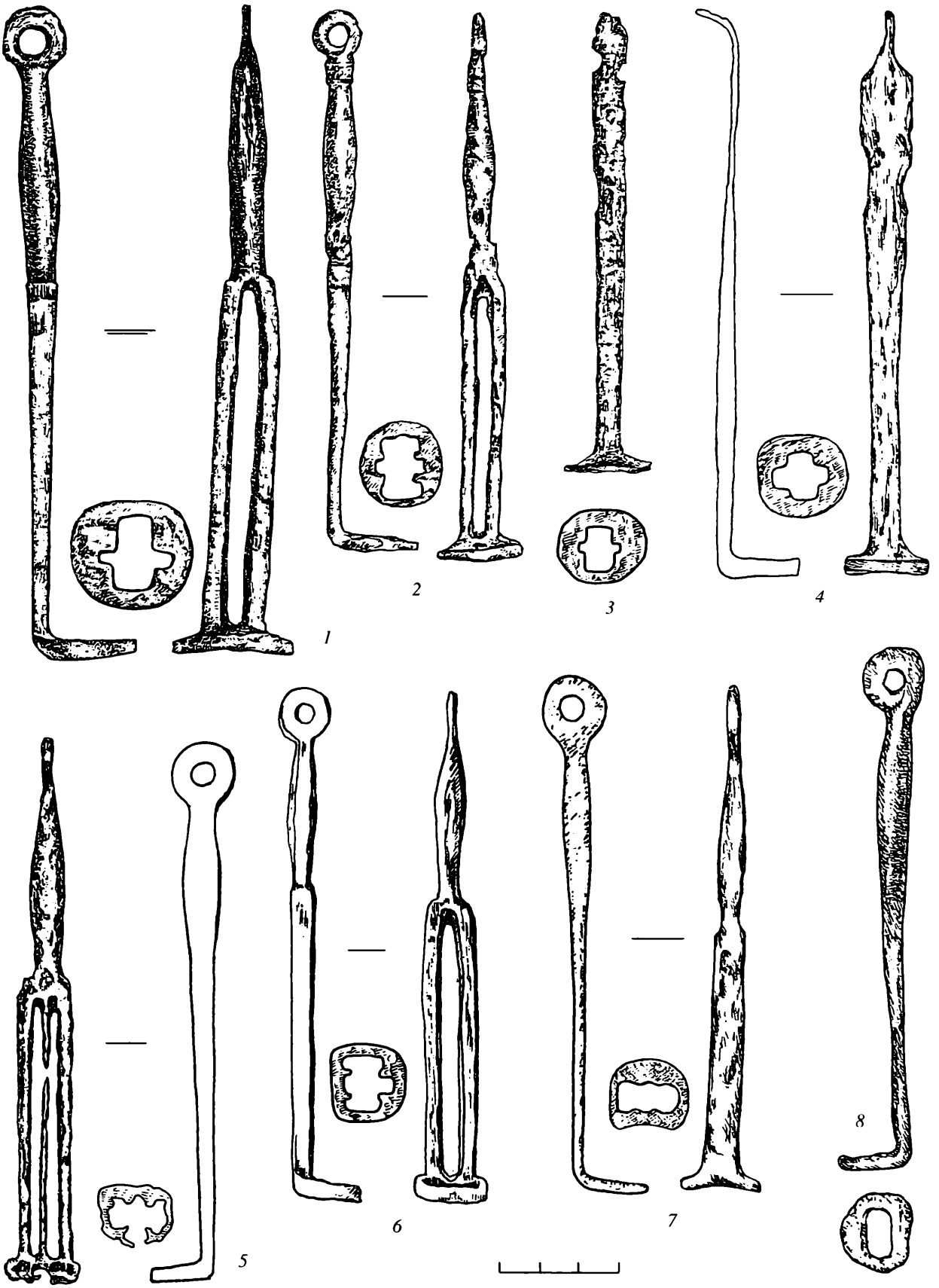

Рис. 282. Железные ключи

1 – 5, В-28; *2* – 2, З-22; *3* – 2, Р-43; *4* – 3, В-33; *5* – 2, Р-42; *6* – 3, Ш-53; *7* – 4, Ш-46; *8* – 5, У-40

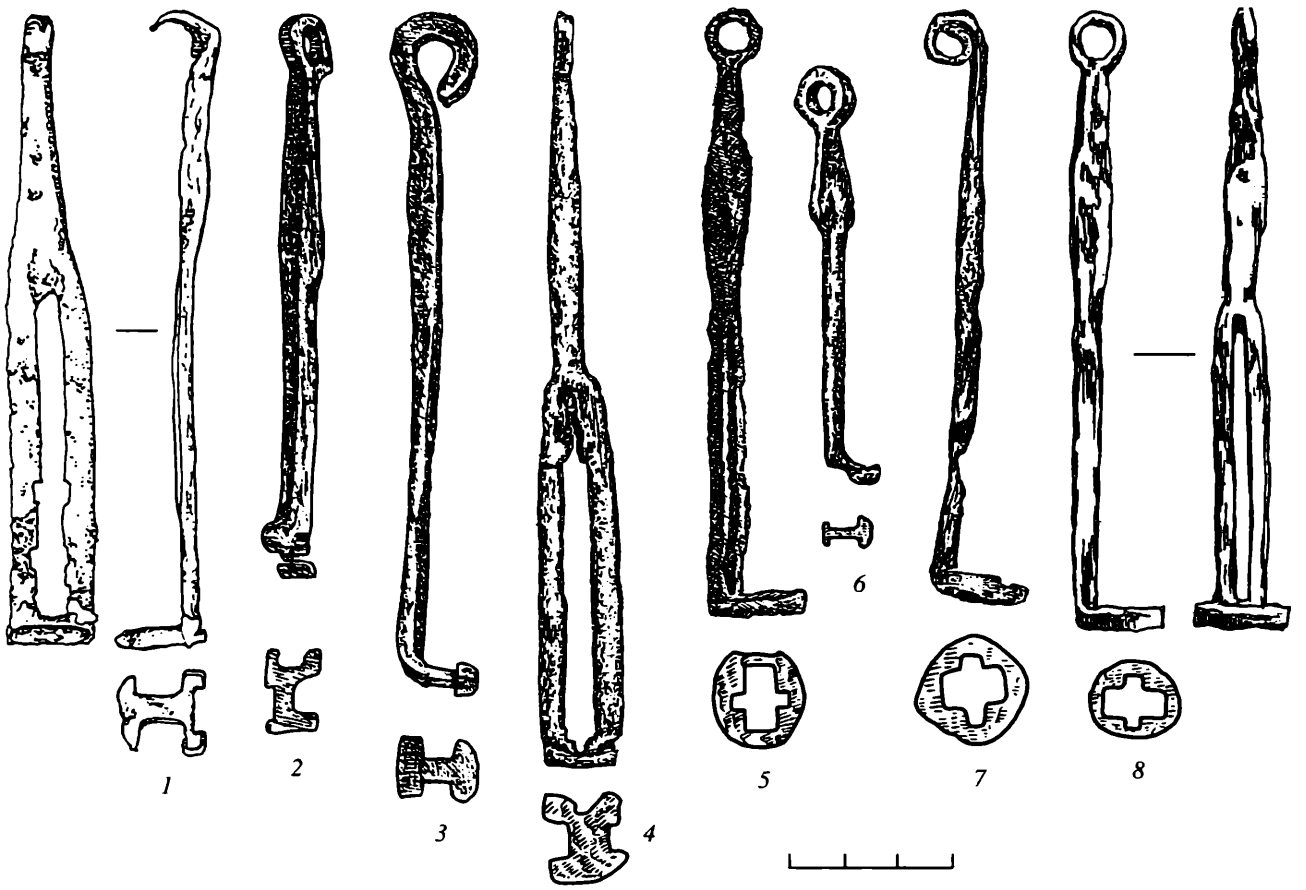

Рис. 283. Железные ключи
1 – 3, Ч-37; *2* – 3, Ш-5; *3* – 2, Б-11; *4* – 3, А-45; *5* – 2, Р-43; *6* – 3, Ф-37; *7* – 2, К-41; *8* – 2, Ж-13

ваемого типа. В других древнерусских городах они также встречены в немалом количестве, неоднократно обнаружены также и на поселениях Прибалтики. Так, на городище Асоте ключи типа В были доминирующей формой (*Шноре*, 1961. Табл. XIII: *1–5, 7*), зато в Берестье на их долю приходилось менее четверти общего числа находок ключей (*Лысенко*, 1985. С. 241). Такие ключи (и, конечно, замки) имели широкое распространение в Пскове, встречены также при раскопках в Вороначе, Котельно, Изборской крепости XIV–XVI вв., на Савкиной горке близ Михайловского (*Артемьев*, 1998. Табл. 32: *16, 17*; 33: *11–18*).

Большинство ключей рассматриваемого типа в Изборске обнаружено в слоях XII – начала XIV в., но единичные находки их происходят из более ранних напластований, относящихся к XI в. (рис. 283: *1–4, 6*) Не исключено, что это обусловлено потревоженностью культурных отложений, но исключать возможность появления таких замков ранее XII в. все же не следует. На Асотском городище два ключа типа В обнаружены в 12-м слое, датируемом XI столетием (*Шноре*, 1961. С. 28, табл. XIII: 1. 2).

Ключи типа Г в Изборске немногочисленны (рис. 285: *8*). Это была модификация замка типа Б, судя по новгородской хронологии, осуществленная в середине XIII в. Донце цилиндра было усилено. Ключ с обычной лопастью теперь имел стержень, толщина которого строго соотвествовала ширине боковой щели в цилиндре замка. Подобрать к замку ключ становилось труднее. В Новгороде Великом замки типа Г бытовали до середины XV в. (*Колчин*, 1959. С. 82; 1982. С. 160).

Три изборских ключа вполне определенно можно отнести к типу Е (рис. 285: *6, 7*). У замков этого типа механизм остается прежним. Несколько изменяется конструктивное оформление дужки и корпуса, ключевое отверстие приобретает лабиринтообразные очертания, рабочая часть ключа становится соответвующей формы. В Новгороде Великом замки и ключи типа Е появляются во второй четверти XIV в., бытовали весь XV в. и встречаются в слоях XVI в. (*Колчин*, 1982. С. 160). В Скандинавии и Финляндии такие ключи известны уже в эпоху викингов (*Blomqvist*, 1940. S. 95, Abb. 20–23; *Kivikoski*, 1973. Abb. 957). В Изборске один из ключей рассматриваемого типа найден в слое второй половины X–XI в., другие – в напластованиях второго древнерусского горизонта (XII – начало XIII в.).

Некоторые ключи навесных замков орнаментировались наваркой узоров из пластин белого металла. Некоторое представление о таких находках дают ключи, изображенные на рис. 285: *9, 10*.

Параллельно с навесными замками в Изборске, как и в других городах Древней Руси, широко бытовали нутряные замки. В слоях Изборского горо-

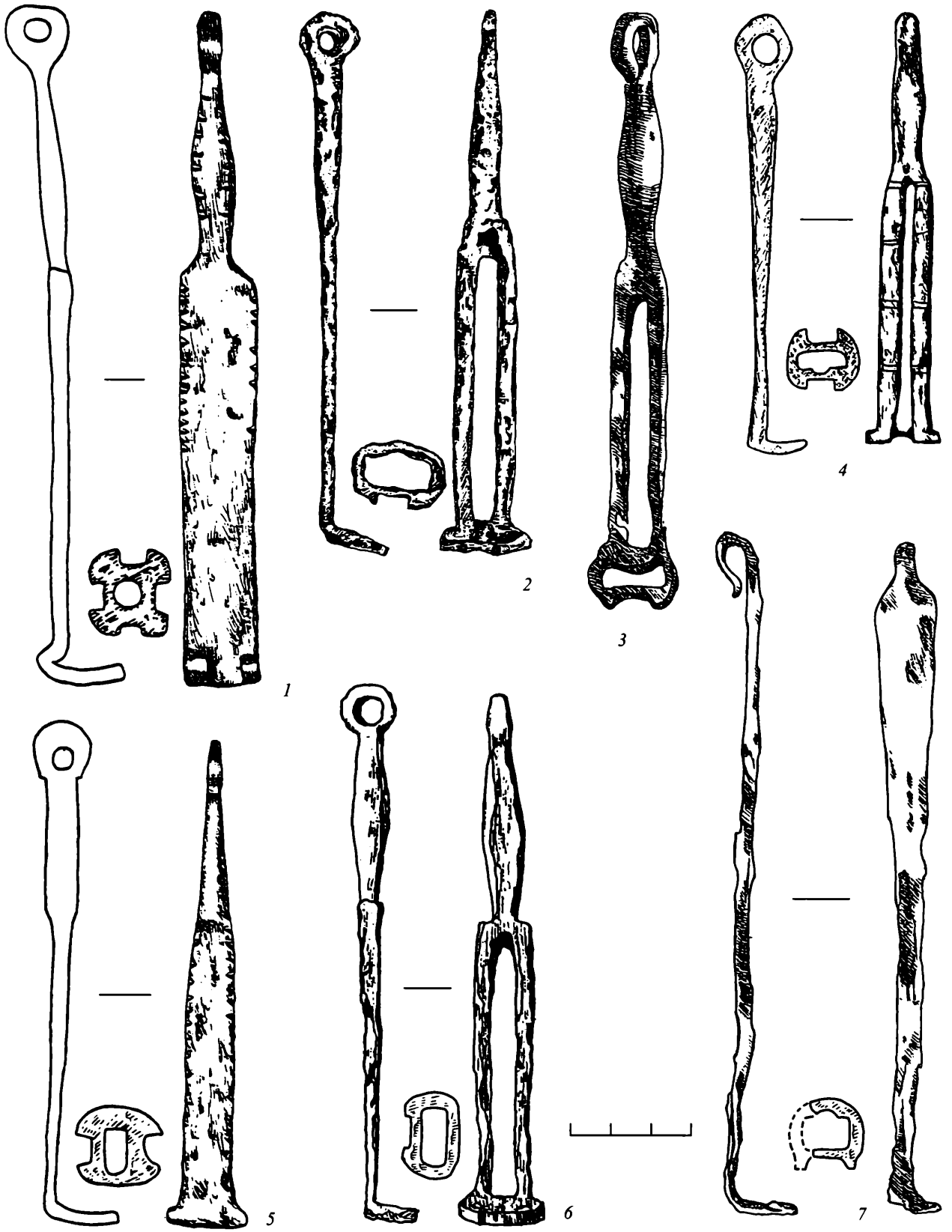

Рис. 284. Железные ключи

1 – 3, М-44; *2* – 2, З-23; *3* – 3, Ц-37; *4* – 3, У-48; *5* – 3, П-29; *6* – 4, З-17; *7* – 3, О-48

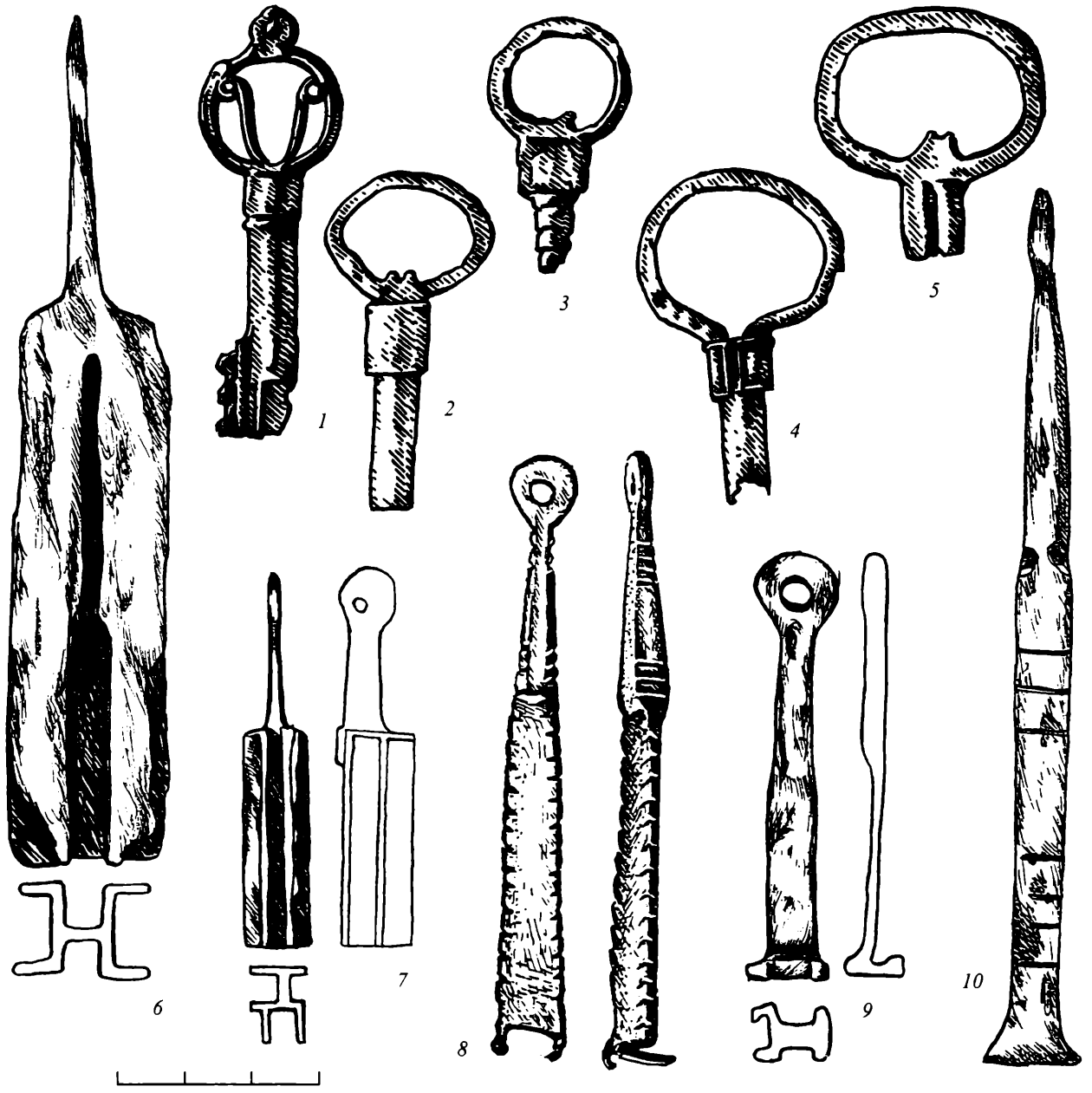

Рис. 285. Железные ключи разных типов
1 – 2, В-45; *2* – 1, Г-33; *3* – 2, Ш-27; *4* – 4, Б-36; *5* – 1, П-30; *6* – 3, XV-26; *7* – 3, Ф-49; *8* – 3, М-44; *9* – прорезка вала, Д-53; *10* – 4, Л-49

дища их остатки в более или менее цельном виде не сохранились, но найдено множество ключей от таких замков.

Наиболее распространенными среди нутряных замков были цельнодеревянные. Ключи их изготавливались всегда из железа.

Железные ключи деревянных замков встречены как в городах, так и в селах Древней Руси. В Новгороде Великом они появились вместе с первопоселенцами, бытовали такие замки в течение X и XI вв. и в начале XII в. вышли из употребления. Одновременно и позднее изредка применялись простые деревянные замки-задвижки, открываемые крючкообразными ключами-отмычками. Некоторые из них имели подвижные лопасти, прикрепляемые к стержню на шарнире (*Колчин*, 1959. С. 86–91; 1982. С. 161). Два двухштифтовых ключа деревянных замков происходят из Новгородского городища (*Носов*, 1990. С. 130, рис. 53: *5*, *7*). К X – началу XI в. относится ключ того же типа из Белоозера (*Голубева*, 1973. С. 69, рис. 12: *17*). В Новогрудке ключ-отмычка обнаружен при исследовании остатков постройки 23, относящейся к XI в. (*Гуревич*, 1981. С. 26, рис. 14: *1*). В других городах Руси деревянные замки бытовали и позднее. Так, в Старой Рязани и в Воине они широко использовались вплоть до татаро-монгольского разгрома города (*Монгайт*, 1955. С. 104, рис. 70: *12–14*; *Довженок и др.*, 1966. Табл. XIV: *3*, *6*, *7*). В Берестье 12 ключей от деревянных замков встречены в пластах от 2 до 19, в напластованиях XI–XIII вв. (*Лысенко*, 1985. С. 237–240, рис. 157: *21–26*).

В Скандинавии ключи рассматриваемого типа известны начиная с римского времени (*Nerman*, 1926. Abb. 262; 237, 239, 558–560; *Arbman*, 1940.

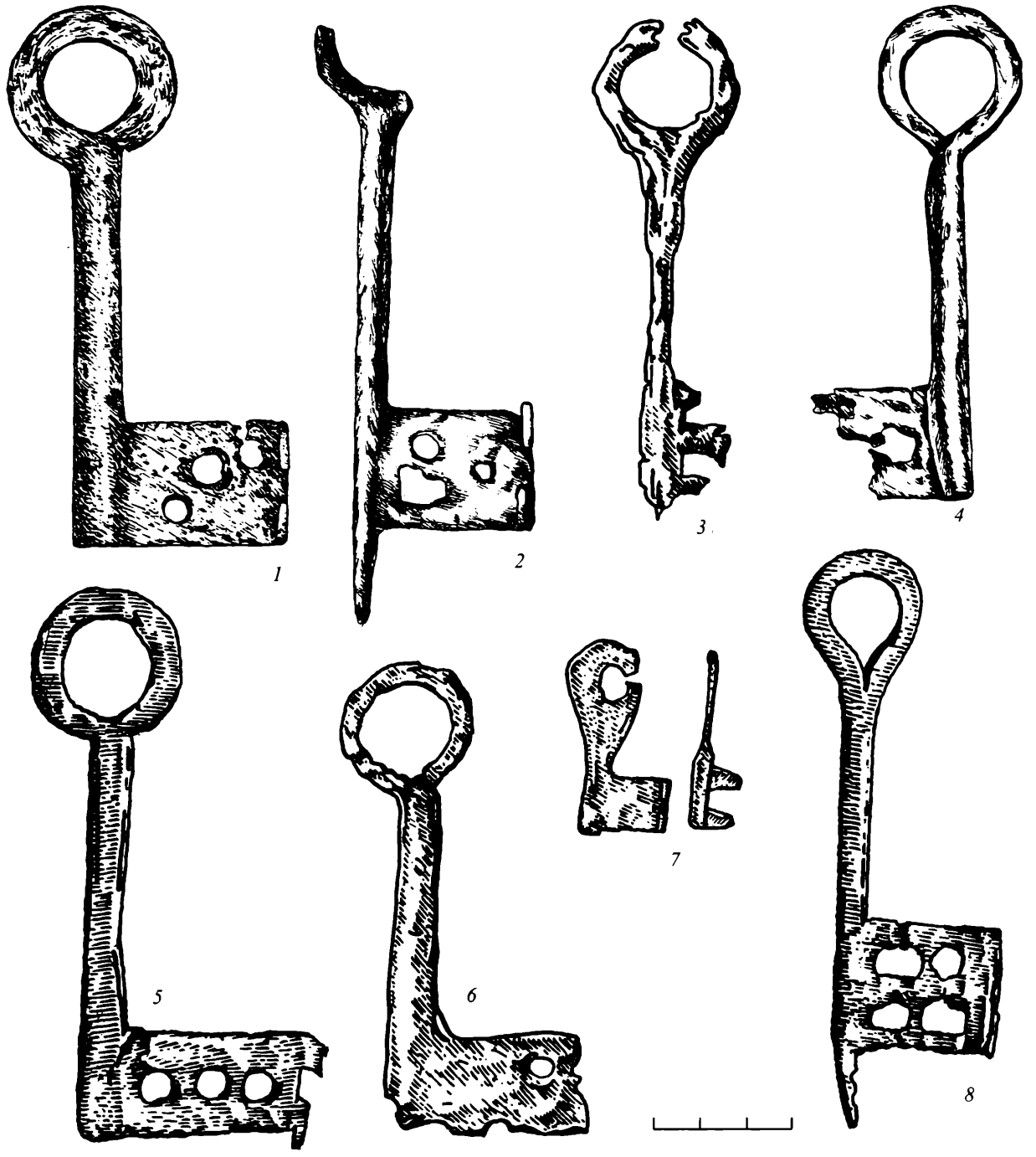

Рис. 286. Железные ключи от нутрянных замков
1 – 2, Н-35; *2* – 3, Г-26; *3* – 3, Е-27; *4* – 5, В-49; *5* – 4, Ж-52; *6* – 2, П-23; *7* – 3, З-31; *8* – 4, V-28

Tab. 267: *1, 2*), в эпоху викингов появляются в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. Abb. 954).

В Изборске найдено множество целых и фрагментарных ключей преимущественно от деревянных замков-задвижек, в том числе с подвижными лопастями на шарнирах (рис. 281: *3, 4, 6–9, 11, 12*). Деревянные замки, судя по большому числу находок ключей-отмычек, в этом городе бытовали длительное время. Наиболее ранние обнаружены в нижнем слое с лепной керамикой (рис. 281: *6, 7*), наиболее поздние – в напластованиях XIII – начала XIV в. (рис. 281: *3, 8*). Такие же замки и ключи продолжали употребляться изборянами и после перенесения центра города на Жеравью гору. Ключи деревянных замков найдены при раскопках Изборской крепости XIV–XVI вв. (*Артемьев*, 1998. С. 27–29, табл. 33: *3–6, 9, 10*). Можно отметить, что в Изборске, как на городище, так и в крепости на Жеравьей горе, доминировали простые крючкообразные ключи-отмычки от деревянных замков-задвижек, двух-, трехштифтовые ключи довольно редки.

Можно отметить, что деревянные замки имели повсеместное распространение с древнейших времен (Древний Египет) до XX в. (русская деревня). Ключи от таких замков весьма многочисленны в средневековых городах Польши. Так, в Ополье,

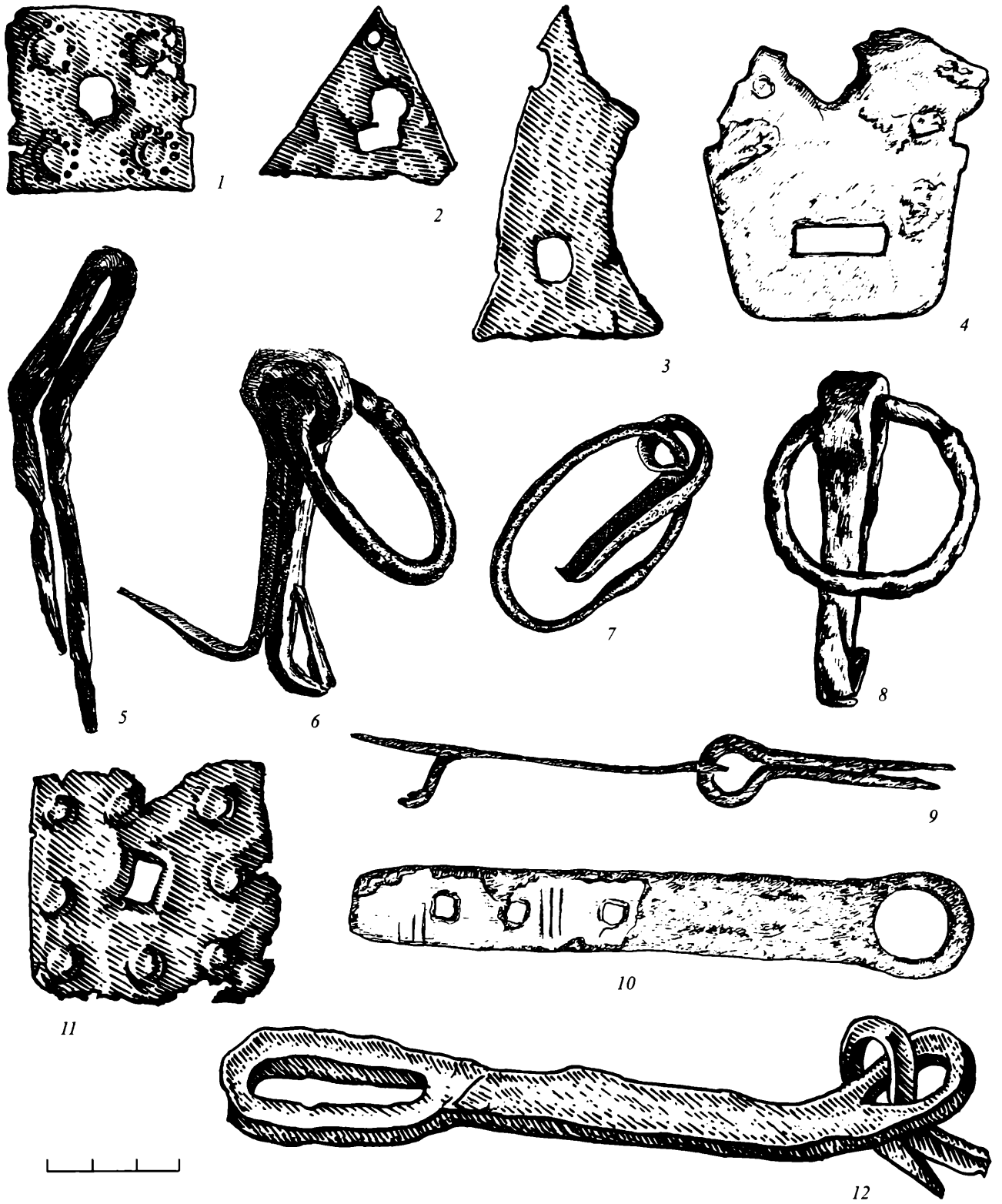

Рис. 287. Железные личины, пробои и накладки

1–4, 11 – личины; 5–9 – пробои; *10, 12* – дверные накладки. *1* – 2, В-2; *2* – 2, К-23; *3* – 1, К-33; *4* – разрез вала, Д-68, гл. 150 см; *5* – 1, Ш-43; *6* – 3, Ж-39; *7* – 3, С-41; *8* – 3, Ж-39; *9* – 3, Г-26; *10* – 2, А-24; *11* – 2, В-39; *12* – 2, Г-32

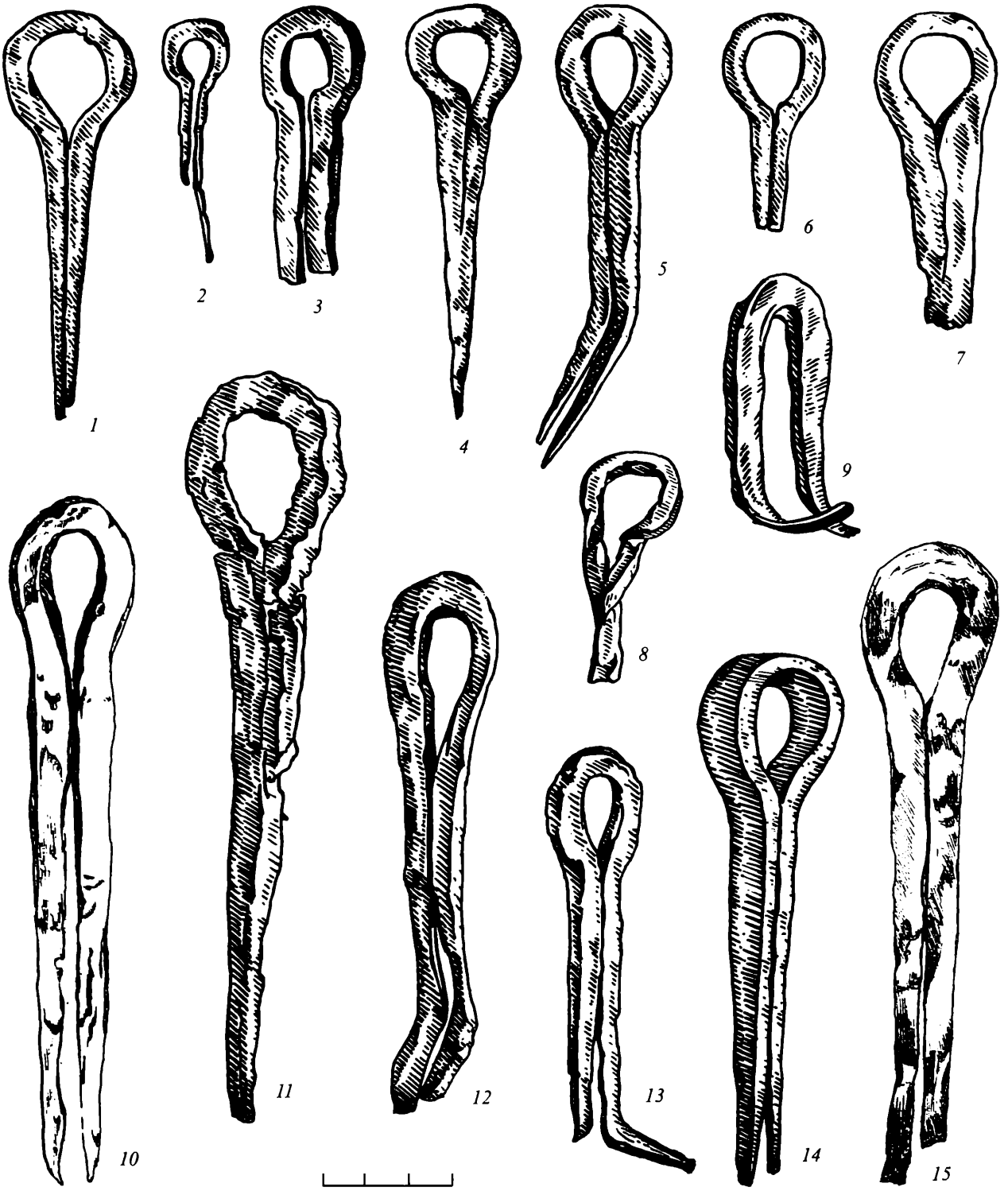

Рис. 288. Железные дверные пробои

1 – 3, ХШ-28; *2* – 2, О-35; *3* – 5, VII-6; *4* – 3, Ж-36; *5* – 6, Г-48; *6* – 2, З-12; *7* – 2, Т-32; *8* – 3, IV-35; *9* – 2, Щ-48; *10* – 3, У-53; *11* – 5, И-49; *12* – 4, С-49; *13* – 4, Ч-46; *14* – 2, Ж-40; *15* – 1, VIII-18

судя по находкам ключей-отмычек (*Bukowska-Gedigowa, Gediga*, 1986. Рис. 17: *4, 14*; 26: *12*; 27: *25*; 38: *14*; 41: *4*; 56: *18* и др.), это был единственный тип запирающего устройства.

Свыше двух десятков ключей или их фрагментов из изборских находок принадлежат так называемым комбинированным замкам, имевшим метталический механизм и засов из дерева. Такие ключи подразделяются на два варианта – втульчатые (рис. 286: *1, 4, 5, 6*) и стержневые (рис. 286: *2, 8*). В Новгороде Великом они имеют хронологическое различие. Первые появились в конце X в. и бытовали до середины XIII в., вторые имели хождение от конца XI до середины XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 161). В Изборске этого не наблюдается – замки и ключи обоих вариантов встречены в напластованиях второй половины X – начала XIV в. В Берестье, Минске и Гродно такие ключи имеют также общую дату – XI–XIII вв. (*Лысенко*, 1985. С. 240). В Новогрудке два втульчатых ключа с бородками обнаружены при разборке остатков построек 23 и 30 второго строительного периода, определяемого XI в. (*Гуревич*, 1981. С. 22–26, рис. 14: *7*). В большинстве древнерусских городов нутряные комбинированные замки, судя по находкам ключей, были менее распространены, по сравнению с висячими. В Изяславле, при раскопках которого была собрана большая коллекция замков и ключей, только один фрагментарный ключ принадлежал нутряному замку (*Овсянников, Пескова*, 1982. С. 93–99, рис. 3: *28*).

Встречены в Изборске и ключи цельнометаллических замков для сундуков и ларцов (рис. 286: *3, 7*). В Новгороде Великом цельнометаллические замки рассматриваемого облика бытовали в XII – начале XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 161).

С неподвижными дверными и сундучными замками связаны находки металлических замочных личин. В Изборске они немногочисленны (рис. 287: *1–4, 11*). Зато в большом числе найдены дверные кольца-ручки (рис. 287: *6–8*), а также пробои и накладки (рис. 287: *5, 9, 10, 12*; 288). Подобные находки встречены в Новгороде Великом и других городах Древней Руси. Размеры кольцевых или овально-кольцевых ручек дверей колеблятся от 4 до 6,5 см. Две дверных накладки найдены вместе с пробоями. Одна из них (рис. 287: *12*) довольно массивная, ее длина 18 см, размеры удлиненно-овального выреза 4 × 1 см. Другая, также массивная накладка длиной 12 см имела три отверстия от толстых гвоздей (рис. 287: *11*).

Кресала

К числу многочисленных бытовых находок в Изборске принадлежат железные кресала, служившие для получения огня. Они встречаются почти во всех древнерусских памятниках. При раскопках в Новгороде Великом найдено сыше 400 кресал. Б.А. Колчиным по форме они подразделены на пять групп: 1) калачевидные с язычком, бытовавшие со второй четверти X в. до третьей четверти XII в. включительно; 2) калачевидные без язычка, относящиеся к периоду от конца XI до середины XIII в.; 3) овальные заостренные (вторая четверть XII – первая треть XIV в.); 4) овальные короткие (от начала XIII до второй четверти XV в.); 5) овальные длинные, датируемые от середины XIII до XV в. включительно (*Колчин*, 1982. С. 161, рис. 4). В других городах Древней Руси подобной строгости хронологического распределения кресал не наблюдается. Калачевидные кресала с язычком в западнорусских городах бытовали в основном в X–XII вв., но в Полоцке они встречены и в слоях XIII в. (*Лысенко*, 1985. С. 246). В Белоозере они встречаются в слоях начиная с горизонта XII в. (*Голубева*, 1973. С. 126). Калачевидные кресала нередки на средневековых поселениях Латвии (Арайши, Асоте, Кокнесе, Олинькалнс и др.). В Северной Европе кресала с прямоугольным язычком, как уже отмечалось выше при характеристике нижнего слоя Изборского городища, появляются на позднем этапе переселения народов и широко бытовали в эпоху викингов и позднее. Они встречены в погребениях Бирки (*Arbman*, 1940. Табл. 144: *6, 7*), приладожских и ярославских курганов X–XI вв. (*Бранденбург*, 1895. Табл. VIII: 5; *Недошивина*, 1963. С. 51).

В Изборске среди кресал доминировали калачевидные, в числе которых имеются изделия с треугольным язычком (рис. 289: *1, 5, 8*), с внутренним прямоугольным выступом (рис. 289: *2, 10, 12, 15, 16*) и без язычка, среди которых намечаются два варианта – со скругленными боковыми сторонами (рис. 289: *4, 6, 13*) и прямыми боковыми сторонами (рис. 289: *3, 7, 9, 11*). Кресала с треугольными язычками являются наиболее ранними – в слоях позднее XII в. они не встречаются. Кресала с прямоугольным выступом обнаружены в напластованиях от XI до начала XIV в. Калачевидные кресала без язычка первого варианта найдены только в верхних горизонтах изборского культурного слоя (XIII – начало XIV в.), второго варианта зафиксированы в слоях XII – начала XIV в.

Вторую группу изборских кресал составляют овально-четырехугольные (рис. 290), разделить которые на отдельные варианты не представляется возможным. Три овальных кресала с прямыми боковыми сторонами встречены в слое, характеризуемом лепной керамикой, и были описаны выше. В горизонтах XI–XII вв. подобные находки единичны, основная же часть находок обнаружена в напластованиях XIII – начала XIV в.

Среди изборских находок выделяется удлиненно-овальное кресало с фигурной выемкой (рис. 290: *2*), обнаруженное в слое второй половины X–XI в. Ближайшими аналогиями ему являются изделия из Белоозера и Новгорода, правда, да-

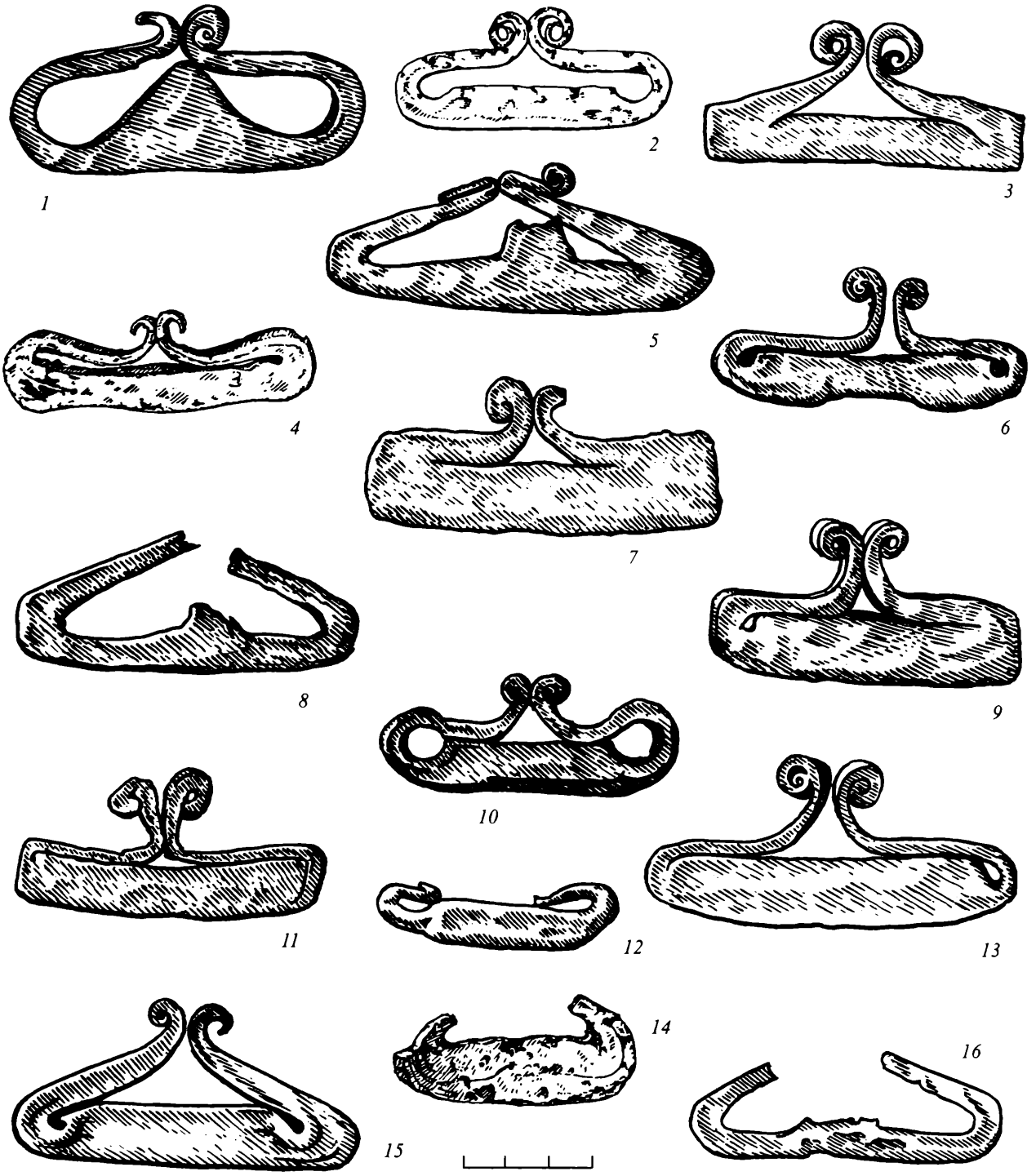

Рис. 289. Калачевидные кресала

1 – 4, Д-47; *2* – 2, ХХ-27; *3* – 2, З-42; *4* – 2, VI-15; *5* – 3, Х-21; *6* – 2, Д-24; *7* – 2, Р-54; *8* – 3, М-52; *9* – 3, Щ-45; *10* – 2, Д-24; *11* – 2, У-54; *12* – 1, IV-16; *13* – 1, Э-52; *14* – 1, VII-27; *15* – 4, Е-54; *16* – 3, ХХ-29

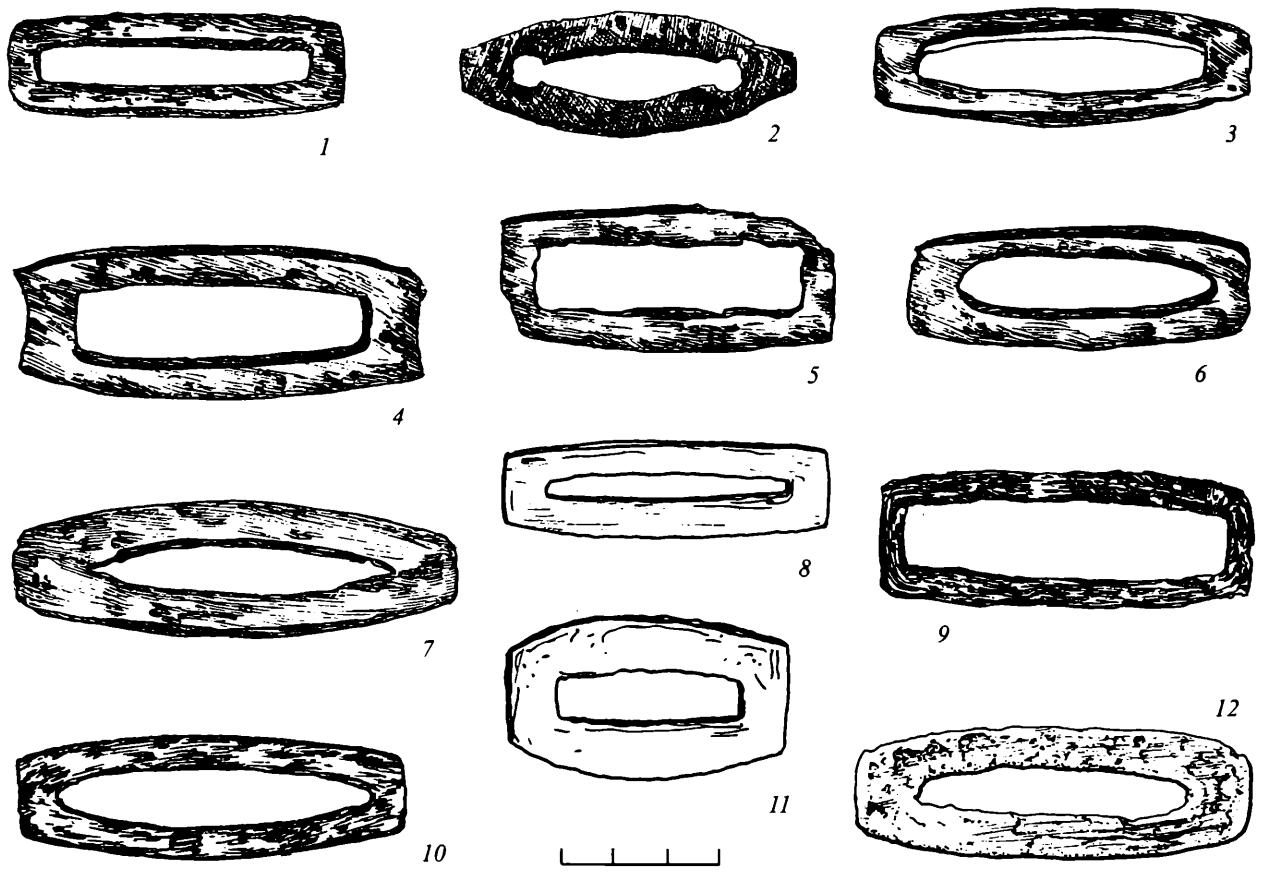

Рис. 290. Овальные и прямоугольные кресала

1 – 2, Ч-43; *2* – 4, Б-7; *3* – 2, Щ-46; *4* – 3, Т-51; *5* – 1, Щ-48; *6* – 2. О-50; *7* – 1, У-48; *8* – 2, Т-57; *9* – 2, Д-24; *10* – 1, К-32; *11* – 4, В-52; *12* – 6, Ш-37

Рис. 291. Железное кресало (2, VIII-23)

тируемые XII в. (*Колчин*, 1959. Рис. 84: *7, 8*; Голубева, 1973. С. 126, рис. 44: *8*).

Овально-четырехугольные кресала широко представлены на многих поселениях Древней Руси, при этом они нередко численно преобладают над калачевидными.

Одно изборское кресало оригинально (рис. 291). Оно сварено из двух массивных железных брусов квадратного сечения (6 × 5 мм), несколько изогнутых, благодаря чему между ними образуется овальное отверстие. К одному из концов кресала с помощью заклепки приделано ушко для подвешивания. Общая длина его (с ушком) 16,4 см, наибольшая ширина – 2 см. Найдено кресало в верхнем горизонте слоя, определяемом XIII – началом XIV в.

Осветительные приборы

Для освещения жилищ изборяне, как и новгородцы, применяли железные светцы, подсвечники и масляные светильники. Наиболее распространенными были светцы, в которых закреплялись лучины. Среди изборских имеются однолучинные (рис. 292: *3*), двухлучинные (рис. 292: *6*) и трехлучинные (рис. 292: *4, 9*). Лучины в таких светцах обычно зажимались между двумя планками. На концах отростков светцов нередко делались орнаментальные завитки, некоторые из них в виде петель. В отверстия, образованные ими, также могли вставляться лучины. Снизу светцы были заострены. Они вбивались в деревянные подставки с та-

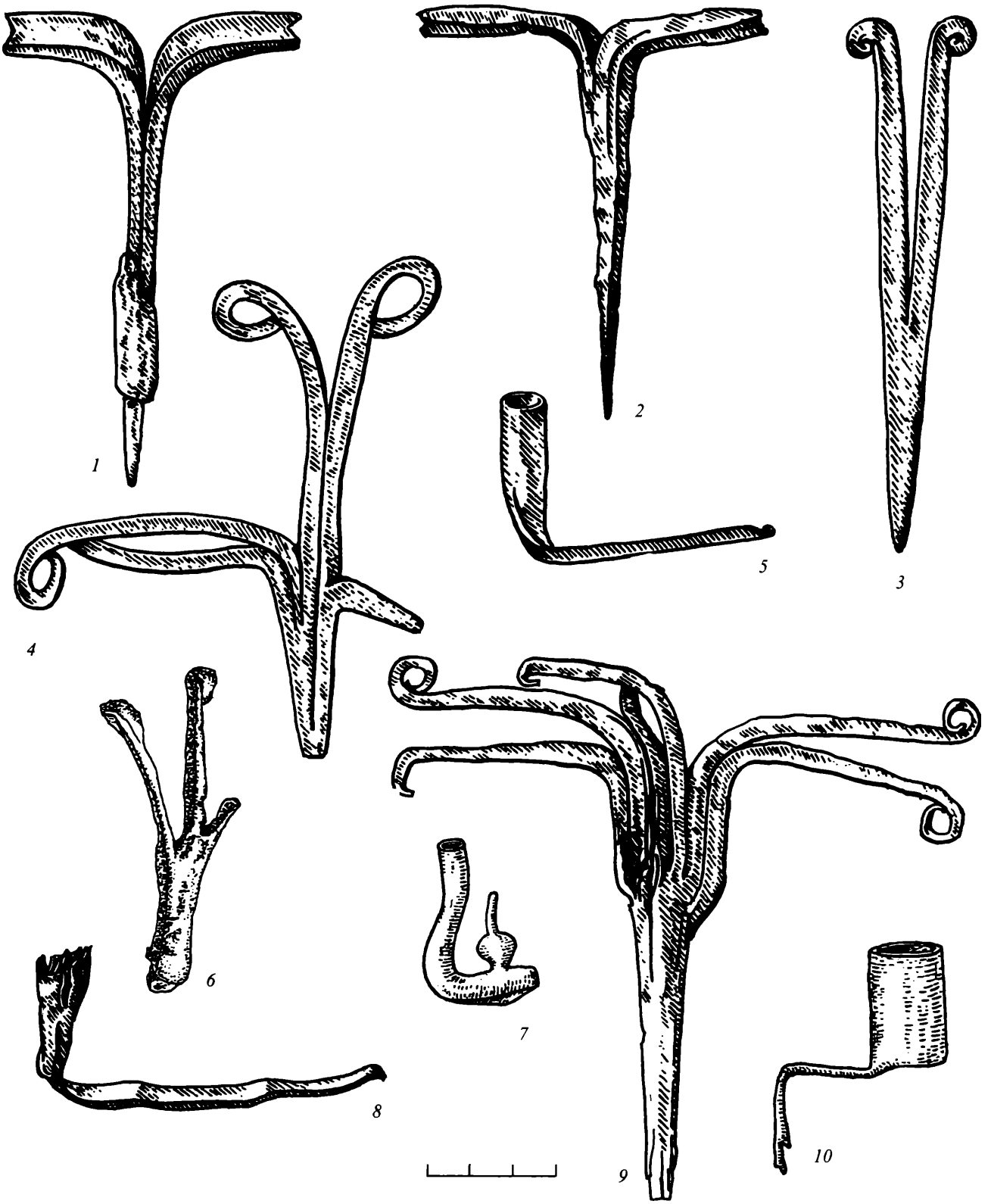

Рис. 292. Плотницкие разметки и осветительные приборы

1, 2 – разметки; *3, 4, 6, 9* – светцы; *5, 7, 8, 10* – подсвечники. *1–7, 9, 10* – железо; *8* – бронза. *1* – 3, Л-45; *2* – 3, IV-8; *3* – 3, Б-50; *4* – 3, Г-39; *5* – 2, П-39; *6* – 3, Д-33; *7* – 3, У-39; *8* – 1, В-43; *9* – 3, ХП-27; *10* – 1, Ц-34

ким расчетом, чтобы горящие лучины находились в горизонтальном положении. На одном из изборских светцов сохранился кусок дерева. Светцы имели высоту 10–13 см, отходящие от оснований планки у наиболее крупных экземпляров достигали 6 см.

Светцы, аналогичные изборским, найдены при раскопках многих севернорусских городов – Великом Новгороде (*Колчин*, 1959. С. 97–98, рис. 83), Пскове (*Лобанов*, 1989б. С. 80–82, рис. 1), Белоозере (*Голубева*, 1973. С. 126, рис. 44: *5*, *7*), Старой Руссе, и др. В Новгороде железные светцы известны в слоях начиная с XIII в., в Пскове датируются XIII–XV вв., в Белоозере были в употреблении уже в XI–XII вв. В Изборске находки светцов относятся к среднему и верхнему горизонтам древнерусского слоя и, таким образом, датируются XII – началом XIV в. Впрочем, подобные светцы бытовали в Северной Руси и позднее, в XV–XIX вв. они были весьма распространенными осветительными приборами (*Никитин*, 1971. С. 43, табл. 7: *1–5*).

Вторую группу осветительных приборов составляют металлические подсвечники. В Изборске они сравнительно немногочисленны, принадлежат к типу втульчатых (рис. 274: *4*; 292: *5*, *8*, *10*) и найдены в основном в верхнем горизонте напластований. Целые экземпляры имеют втулки для свечей диаметрами 11 и 14 мм (на Руси для освещения жилищ использовались свечи диаметрами от 8 до 25 мм). От втулок отходят железные стержни с заостренным концом, которым подсвечники вставлялись или вбивались в дерево (в стенку сруба или в специальную подставку). У одного из изборских подсвечников заостренный стержень, которым он крепился в стену жилища, был прямым, перпендикулярным втулке (рис. 292: *5*). Аналогичные однорожковые подсвечники известны из раскопок Пскова (*Кильдюшевский*, 1983. С. 114, рис. 3: *27*; *Королева, Харлашов*, 1994. Рис. 13: *15*), Ладоги, Белгорода (*Никитин*, 1971. С. 43, табл. 7: *6*, *6а*, *7*) и др. У другого изборского подсвечника стержень изогнут Г-образно (рис. 292: *10*). Такие подсвечники вставлялись в деревянные подставки. Известны втульчатые двух- и трехрожковые подсвечники (*Колчин*, 1959. С. 97, рис. 82; *Никитин*, 1971. С. 43, табл. 7: *8*). В южнорусских городах найдены богато орнаментированные бронзовые подсвечники, завезенные из Западной Европы.

Найден в Изборске (в среднем горизонте) и почти полностью сохранившийся игольчатый подсвечник. Он имеет основу в виде перевернутой Г-образной несколько изогнутой железной основы, на которой имеется шарообразное утолщение с иглой для свечи, обращенной вверх (рис. 292: *7*). Каким образом крепился подсвечник в стене жилища, сказать невозможно. Кроме того, фрагментами игольчатых подсвечников могут быть некоторые из заостренных железных стержней, встреченных при раскопках в большом количестве. В Новгороде игольчатые подсвечники представлены только остриями (*Колчин*, 1959. С. 97).

Бритвы

В древнерусских материалах это сравнительно редкие находки. До раскопок Новгорода Великого они не были известны (*Колчин*, 1959. С. 56–58, рис. 45). Впоследствии две бритвы были обнаружены в Берестье в слое рубежа XI–XII вв. (*Лысенко*, 1985. С. 248–249). По новгородским материалам Б.А. Колчиным выделено два типа бритв. Бритвы первого типа характерны для слоя первой половины XIII в., бритвы второго типа появляются в середине XIII в.

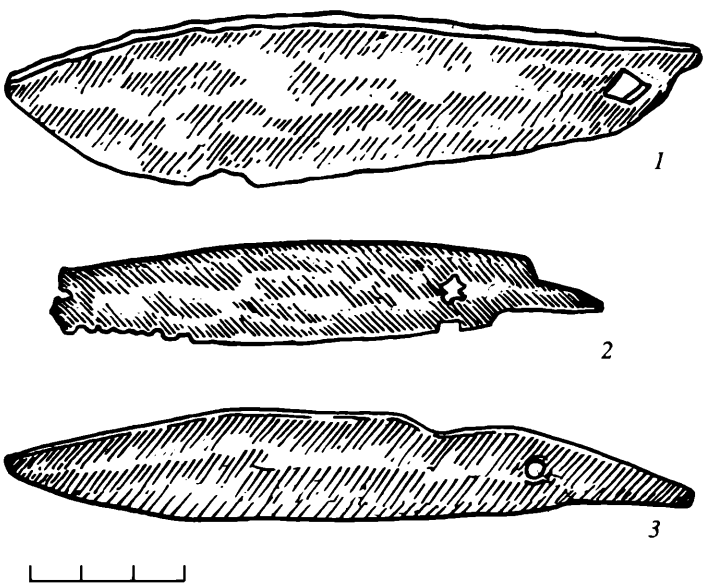

Рис. 293. Железные бритвы
1 – 4, З-38; *2* – 1, Т-34; *3* – 3, В-10

В Изборске находки бритв немногочисленны и все принадлежат ко второму типу. Они имеют плавно изогнутое дугообразное лезвие, с заострением на одном из концов и отверстием на другом. В последнее входил штифт, с помощью которого клинок бритвы закреплялся в футляре. Три бритвы, сохранившиеся целиком, выделяются широкими клинками с выпуклоизогнутыми лезвиями и спинками (рис. 293). Длина клинков их 12,7 и 13 см, наибольшая ширина – 3,2 и 2,3 см. Они встречены по одной во всех трех горизонтах древнерусского слоя.

Гребни и копоушки

В Древней Руси широко бытовали двусторонние и односторонние гребни из кости и рога. Они встречены при раскопках многих городов, сел и курганов. В Новгороде Великом количество найденных при раскопках костяных гребней исчисляется многими сотнями, при раскопках Белоозера их обнаружено свыше 150, в Волковыске – около 60. Немало костяных гребней обнаружено и в Изборске.

Наиболее ранними являются односторонние гребни с футлярами и без них. Такие предметы получили широкое распространение начиная с конца VIII – начала IX в. в землях, прилегающих к Балтийскому морю, а оттуда распространились по Восточно-Европейской равнине. Изготавливались гребни из двух–четырех роговых пластин, скрепленных накладками при помощи медных штифтов. Футляры делались из двух целых роговых пластин, между которыми по краям вставлялись малые пластины, что создавало свободное пространство, в которое входил при складывании сам гребень. Гребни подвижно соединялись с футлярами при помощи штифта. Сами гребни, накладки и футляры орнаментировались.

Типология костяных гребней разрабатывалась несколькими исследователями. Находки из раннесредневековых памятников Балтийского побережья детально классифицированы Е. Цнотливым (*Cnotliwy*, 1973. S. 83–179). Староладожские гребни были проанализированы О.И. Давидан (1962. С. 95–101; 1968. С. 54–63). В Изборске костяные односторонние гребни немногочисленны (рис. 294: *1, 3–8*). Все они принадлежат ко второй группе по типологии О.И. Давидан. Это сравнительно небольшие изделия с узкими выпуклыми накладками со слабо выраженным дугообразным верхним краем. Для ладожских находок этой группы характерен резной геометрический орнамент, часто заполняющий всю поверхность накладки. Нередко это ромбы из двойных линий, в ряде случаев усложненные штриховкой из треугольников. Иногда ромбы сочетаются с кружками, некоторые экзем-

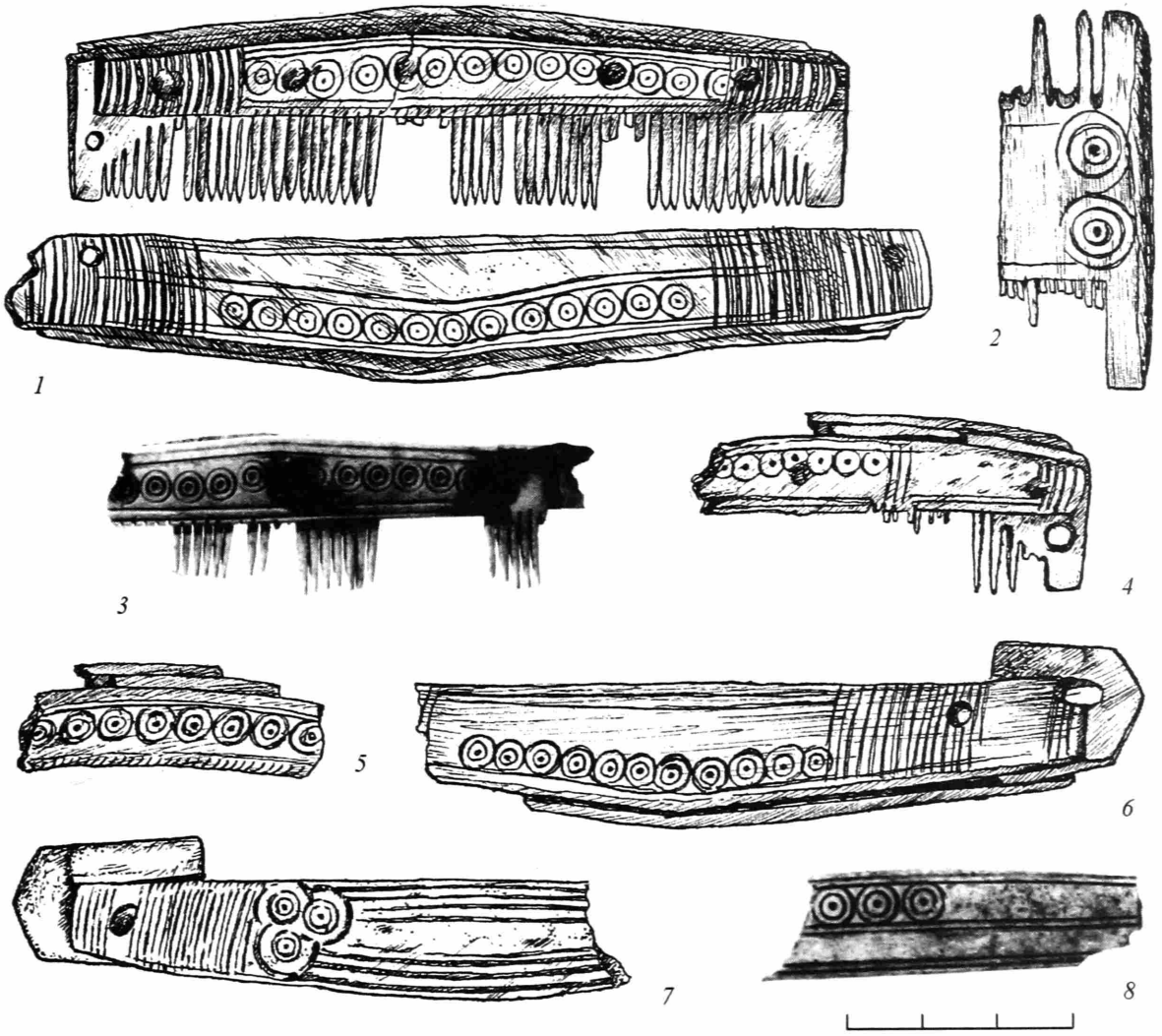

Рис. 294. Гребни роговые
1 – 6, Щ-49; *2* – 8, Э-50; *3* – 6, Ц-48; *4* – 3, Х-62; *5* – 9, Э-50; *6* – 4, М-18; *7* – 6, П-47; *8* – 5, П-47

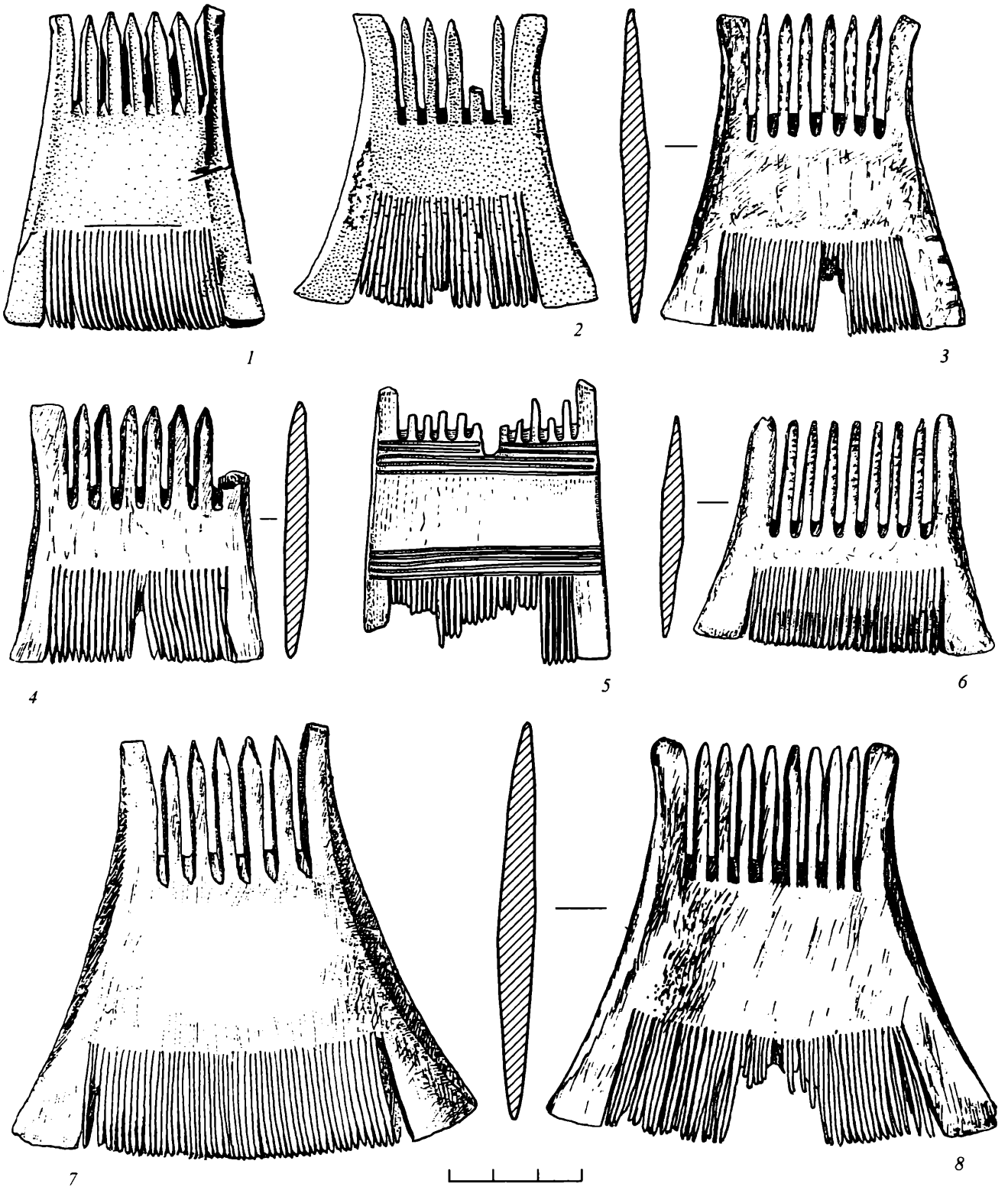

Рис. 295. Двухсторонние цельные гребни из кости
1 – 3, Ш-45; *2* – 6, VI-36; *3* – 7, VI-36; *4* – 4, Ч-55; *5* – 6, Ш-49; *6* – 3, Л-21; *7* – участок 4, яма 1; *8* – 4, Ш-46

Рис. 296. Двухсторонние гребни из кости
1 – 3, IV-8; *2* – 2, И-48; *3* – 3, К-51; *4* – 3, Ж-44; *5* – 5, М-37; *6* – 5, Б-47

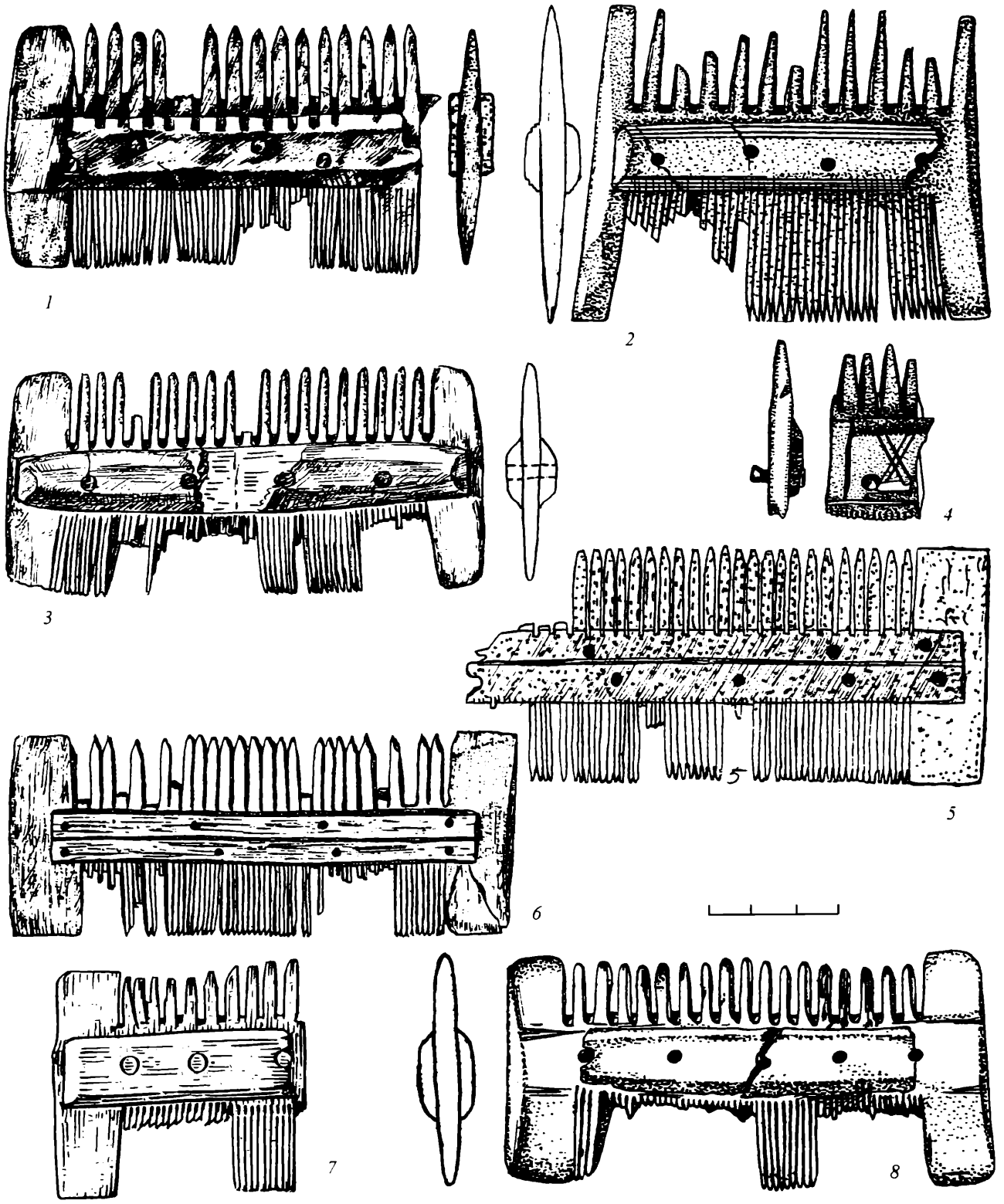

Рис. 297. Двухсторонние составные гребни из кости
1 – 5, П-38; *2* – 2, С-32; *3* – 2, К-17; *4* – 3, В-27; *5* – 7, Х-36; *6* – 3, К-38; *7* – 3, Г-49; *8* – 3, Е-47

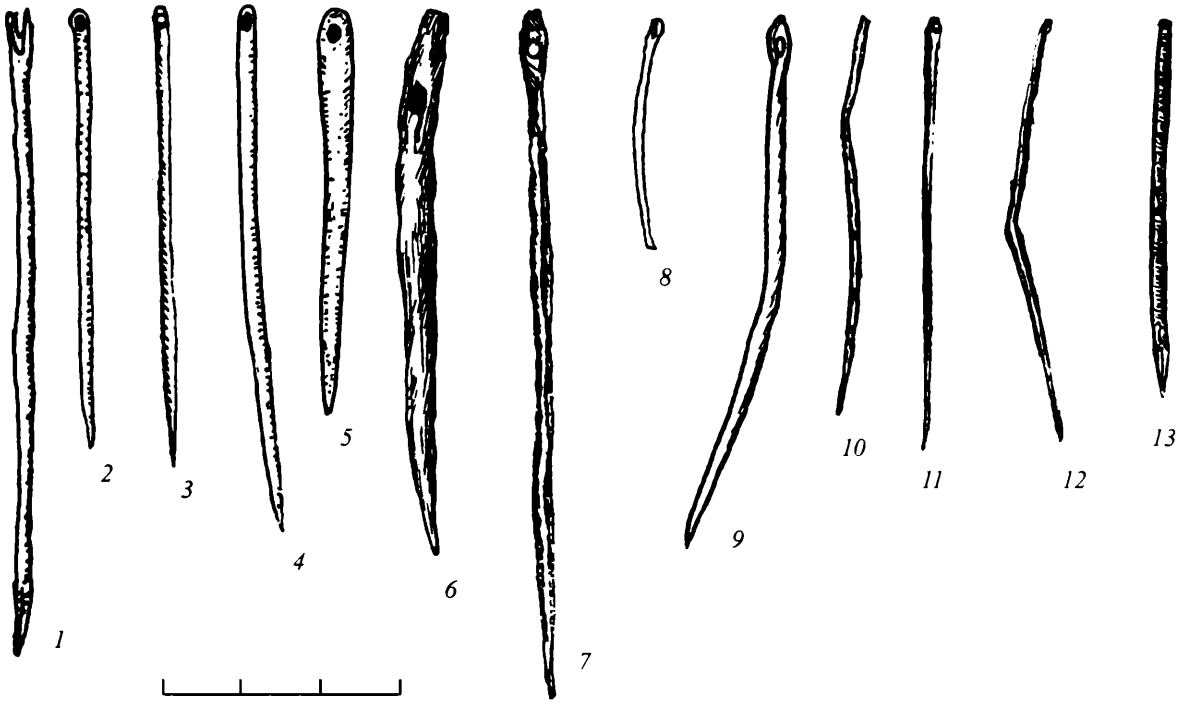

Рис. 298. Металлические иглы

1, 3, 7, 9, 10, 12, 13 – бронза; *2, 4–6, 8, 11* – железо. *1* – 3, Г-32; *2* – 3, К-19; *3* – 3, Щ-52; *4* – 5, Г-39; *5* – 6, Д-38; *6* – 2, Е-48; *7* – 3, Д-28; *8* – 7, Щ-54; *9* – 4, З-55; *10* – 2, ХШ-36; *11* – 3, М-24; *12* – 3, Е-25; *13* – 2, А-10

пляры украшены узором из поперечных линий на концах накладок. Изборские гребни имеют преимущественно циркульные узоры в сочетании с поперечными врезными линиями по краям накладок. Идентичные находки с циркульным орнаментом, но отличающиеся по размерам, обнаружены на Новгородском городище (*Носов*, 1990. С. 70–73, рис. 29: *1*), в Белоозере (*Голубева*, 1973. Рис. 13: *8, 9*), на Сарском городище (*Леонтьев*, 1996, с. 153, рис. 64: *5, 6*), в Новгороде Великом (Древняя Русь, 1997. Табл. 11: *1*) и др. Встречаются они и в памятниках Польского Поморья (*Cnotliwy*, 1973. Rys. 60c).

Изборские односторонние гребни, по-видимому, являются привозными изделиями, никаких следов их местного изготовления при раскопках не выявлено. Производство гребней было налажено в Ладоге (*Давидан*, 1962. С. 103–108), однако изборские находки по орнаментации, как было отмечено, отличны от ладожских. В Изборске ранние гребни найдены в верхних горизонтах слоя с лепной керамикой и, таким образом, относятся ко времени не позднее первой половины X в. Единичные фрагменты их встречены и в нижнем горизонте древнерусских напластований, в напластованиях второй половины X–XI в. В Ладоге гребни второго типа связываются с горизонтом Д (X–XI вв.), в Новгороде Великом они имели хождение с X до середины XI в. (*Колчин*, 1982. С. 164, рис. 5).

Более значительную группу находок в изборской вещевой коллекции составляют костяные двусторонние цельные гребни с частым и редким зубом (рис. 295, 296). На Руси это весьма распространенные находки, встреченные во многих памятниках. По форме они подразделяются на прямоугольные и трапециевидные. Гребни из Новгорода Великого Б.А. Колчиным в зависимости от пропорций и орнаментации дифференцированы на шесть типов (*Колчин*, 1982. С. 164–165, рис. 5). Наиболее ранние среди цельных двусторонних гребней – прямоугольные, они появились в Новгороде в конце X в. и бытовали до первых десятилетий XIII в. В конце X в. получают хождение и слабо выраженные трапециевидные гребни, начиная с середины XI в. уже бытуют отчетливо трапециевидные гребни, а в XII–XIV вв. широко распространяются трапециевидные гребни, соотношения между шириной верха и низа которых достигает 1 к 2. Стратиграфия двусторонних цельных гребней в Белоозере в общем совпадает с новгородской (*Голубева*, 1973. С. 170–172, рис. 62: *4–12*). В Ладоге такие гребни характерны для горизонта Г, который определяется XI–XV вв. (*Давидан*, 1962. С. 103).

Среди изборских находок цельные двусторонние гребни прямоугольной формы единичны. Один из них найден в слое второй половины X–XI в. и украшен двумя поясками из параллельных линий (рис. 295: *5*). Другие гребни представлены фрагментами. На одном из фрагментов имелся узор из параллельных линий, идентичный отмеченному на целом экземпляре, на другом (рис. 294: *2*) – циркульный узор, сходный с орнаментацией на односторонних гребнях. Более многочисленны в Изборске гребни типа М (по новгородской типологии) – небольшие слабовыраженной трапециевидной формы (рис. 295: *1, 4, 6*) и гребни типа Е (рис. 295: *3*; 296: *1*). Они встречены в напластова-

ниях XI–XIII вв. Доминируют же в Изборске крупные гребни устойчивой трапециевидной формы (рис. 295: *7, 8*; 296: *3, 4, 6*). Они появились в XI в. и бытовали до конца жизни на городище. Изборские цельные гребни, как правило, не орнаментировались.

Одновременно с цельными в Изборске были распространены наборные костяные гребни, составленные из нескольких пластин и накладок, крепящих изделия при помощи медных штифтов. Среди них преобладают гребни прямоугольной формы, нередко с несколько скругленными углами (рис. 296: *5*; 297: *1, 3–8*). Только один гребень имел трапециевидную форму (рис. 297: *2*). И эти изборские находки лишены орнаментации, лишь на одном фрагментарном гребне имеется узор из крестообразно прочерченных линий (рис. 297: *4*).

В Новгороде Великом наборные гребни появляются в начале XII в. и бытуют до конца XIV в. Изборские находки встречены преимущественно в слоях XII – начала XIV в., трапециевидный – в отложениях XIII – начала XIV в. Вместе с тем, несколько таких гребней обнаружено и в нижележащих напластованиях Изборского городища. В Польском Поморье (Гданьск, Камень Поморский, Волин) аналогичные гребни встречены в слоях середины и второй половины XI в. (*Cnotliwy*, 1973. С. 190–194, рис. 46д, 64д, 89а).

Из напластований XIII – начала XIV в. происходят две бронзовые копоушки (уховертки). Одна из них (рис. 300: *2*) состоит из удлиненно-трапециевидной пластины, украшенной узорами с лицевой стороны. Снизу пластина имеет отросток, завершающийся в виде ложечки, сверху – крестовидное орнаметральное навершие. Вторая находка (рис. 300: *3*) имеет крученый стержень, переходящий снизу в ложечку. Сверху уховертка завершается колечком для привешивания.

Уховертки изредка встречаются во многих древнерусских городах. Так, находка из Новогрудка имеет крученый стержень, аналогичный изборской, но навершие ее оформлено в виде фигурки собаки (*Гуревич*, 1981. С. 115, рис. 84: *3*).

Иглы

Основная масса изборских железных иголок являются обычными швейными, предназначенными для сшивания тканей (рис. 298). Это круглые в сечении стерженьки, заостренные с одной стороны и с ушком на противоположном, который в ряде случаев расплющен. Размеры их различны – от 30 до 90 мм, при диаметре 0,9–2 мм. Швейные иголки встречены во всех горизонтах напластований Изборского городища и идентичны находкам в других городах Древней Руси. В Новгороде подобные иглы известны начиная с X в. (*Колчин*, 1959. С. 65, рис. 51). В Изборске наряду с железными встречены и аналогичные по форме бронзовые иглы. Среди изборских железных игл несколько выделяется находка, изображенная на рис. 298: *6*. Она обнаружена в верхнем горизонте слоя и имеет длину 69 мм и толщину 4 мм. Ее ушко расположено не на конце стержня, а отступя на 11 мм. Нужно полагать, что эта игла (и подобные ей, дошедшие до нас во фрагментарном виде) использовалась для сапожно-шорных работ.

Булавки

Представляется целесообразным целостно охарактеризовать найденные в Изборске булавки. Некоторые из них служили для застегивания одежды, другие были булавками-спицами для ручных прялок, высказана мысль об использовании булавок и в качестве вилок. Однако достаточно надежно определить назначение каждой конкретной находки невозможно.

К орудиям прядильного производства относятся железные булавки с длинными заостренными стержнями квадратного сечения, завершающиеся завернутой петлеобразно головкой (рис. 299: *1–6, 13*). Ими прикрепляли кудель льна к лопати прялки. Подобные спицы от прялок в деревнях Русского Севера дожили до XX в. В Изборске характеризуемые булавки встречены во всех горизонтах напластований. Аналогичные находки известны и из раскопок ряда памятников Древней Руси.

Железные булавки того же типа, но имеющие стержни круглого сечения (рис. 299: *8, 9*), найденные в нижнем и верхнем горизонтах слоя Изборского городища, могли применяться в прядильном деле, но могли использоваться и для застегивания одежды. Одежные булавки этого типа, правда сделанные из бронзы, широко известны в прибалтийских материалах и бытовали в VII–VIII вв. (LA, 1974. 34. Tab.: 8: *40*; 13: *41*; 24: *42*; 12: *43*; 3: *57*; *Selirand*, 1974. Lk. 143–144, tab. XXIX: 1; Финно-угры и балты, 1987. Табл. CVII: *19*; CXIV: *3*; CXVI: *7*; CXXV: *1*; CXXXIII: *15*).

Бронзовая булавка с круглым в сечении стержнем и небольшой кольцевой головкой (рис. 299: *10*) из среднего горизонта слоя Изборска наверняка была одежной. Аналогии ее имеются также в археологических коллекциях Юго-Восточной Прибалтики.

Несколькими находками в Изборске представлены железные булавки с кольцеобразными подвижными головками (рис. 299: *11, 12, 14, 15*). Они встречены во всех горизонтах слоя. Такие булавки обычны для многих древнерусских памятников. Б.А. Колчин, публикуя материалы Неревского раскопа в Новгороде, где они обычны для напластований XI–XIV вв., считал такие изделия одежными булавками – они предназначались для застегивания верхней одежды (*Колчин*, 1959. С. 106,

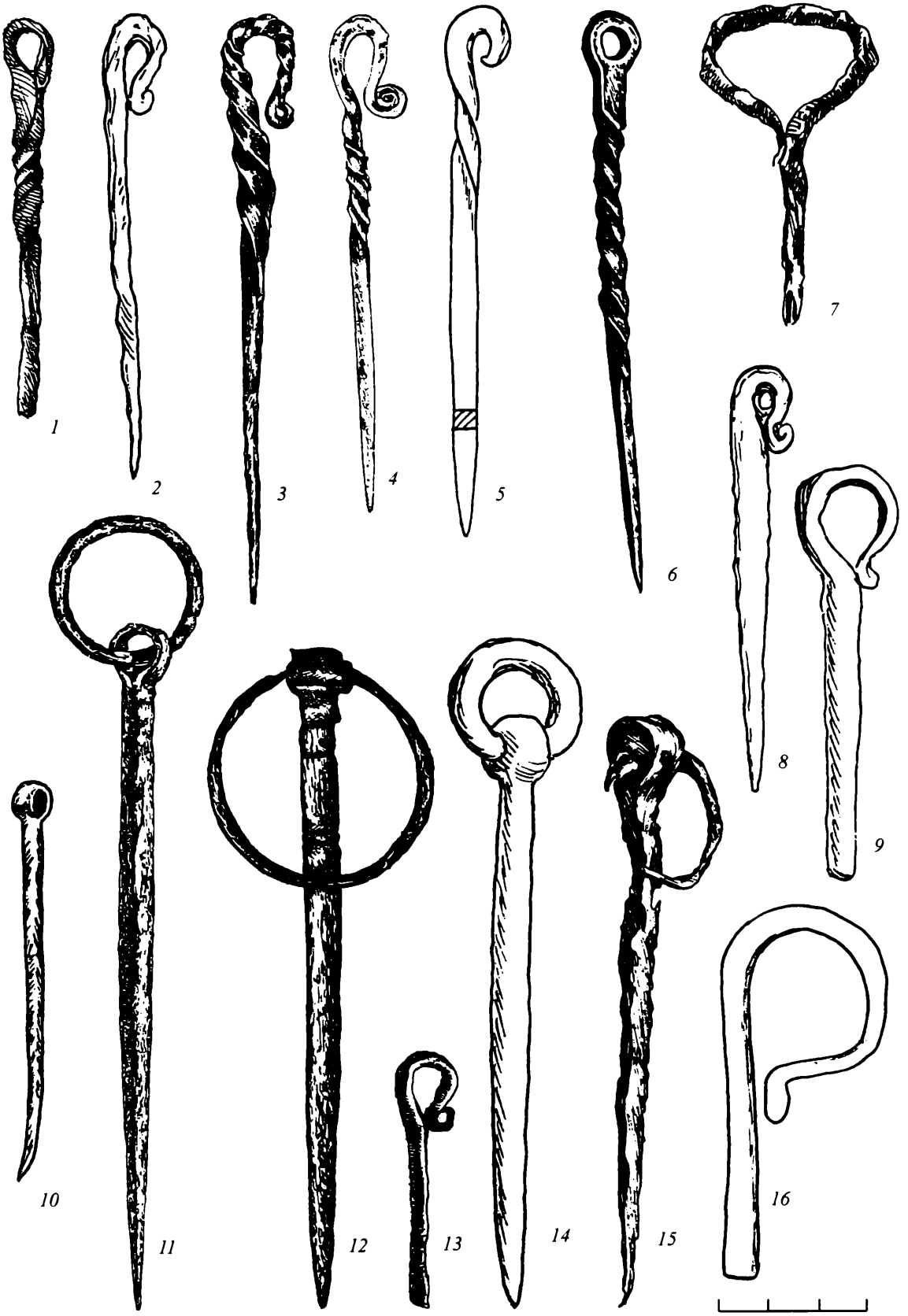

Рис. 299. Булавки

1–9, 11–16 – железо; *10* – бронза. *1* – 2, М-24; *2* – 4, М-52; *3* – 3, Г-31; *4* – 2, V-23; *5* – 3, У-51; *6* – 6, Ф-37; *7* – 2, Т-47; *8* – 4, Г-56; *9* – 2, И-15; *10* – 3, Ч-53; *11* – 2, Р-43; *12* – 4, Щ-45; *13* – 3, Д-29; *14* – 2, Ч-53; *15* – 6, З-51; *16* – 3, Б-38

рис. 94: *9–15*). Так подобные железные булавки трактуются и другими исследователями (*Лысенко*, 1985. С. 252, 254, рис. 164). Аналогичные бронзовые предметы, кажется, были несомненно одежными застежками (*Седова*, 1981. С. 75, 77, рис. 26: *9, 10*; *Покровская*, 1998. С. 176, рис. 1д). Вместе с тем, Л.А. Голубева высказала предположение о том, что железные острия с подвижным кольцом, встречаемые в Восточной Европе и Польше и датируемые IX–XIII вв., служили походными вилками. По ее мнению, находки их локализуются в основном на торговых водных путях (*Голубева*, 1971. С. 114–126).

Прибалтийские аналогии обнаруживают также изборские железные булавки со стержнями круглого сечения и большими кольцевидными головками. Концы головок их не завернуты в спирали, а опущены вниз (рис. 299: *16*). Такие булавки единично встречены во всех горизонтах изборских напластований. Аналогии им имеются в древностях Руси, в том числе многочисленны в Новгороде (*Колчин*, 1959. С. 105–106, рис. 94: *1–6*).

В верхнем горизонте напластований Изборского городища найден еще фрагмент булавки с крестовидной головкой, отлитой из бронзы (рис. 300: *1*). Подобные находки характерны для прибалтийских древностей XI–XIII вв., особенно много их в Эстонии; они характерны для эстов (*Selirand*, 1974. Lk. 147–148, 316–317, tabl. XXX: *1*). Булавки прикалывались к одежде на груди и с них свешивались цепочки с привесками. В Эстонии крестовидные булавки того типа, что найдена в Изборске, датируются второй половиной XII–XIII в. Очевидно, украшение поступило в Изборск, как и в Новгород, из области эстов.

Ведра

Многочисленные находки железных дужек и оковок от деревянных ведер свидетельствуют о весьма широком распространении их в Изборске в рассматриваемое время. Обручи ведер выковывались из железных пластин шириной 7–12 мм и толщиной 1,5–2 мм. Они представлены в раскопочных материалах фрагментарно и не позволяют судить ни о способах закрепления их концов, ни о размерах самих ведер. Некоторые характеристики последних дают их дужки (рис. 301). Они также выковывались, нужно полагать, местными кузнецами из узких полос железа шириной 5–8 мм и толщиной 1,5–3 мм, реже из круглого дрота диаметром 2–3 см. Концы дужек загибались в петли или крючки. Крепились дужки чаще непосредственно к деревянным клепкам ведер. В ряде случаев, судя по материалам Берестья и других городов Западной Руси, к клепкам ведер приклепывались железные подвесные ушки с отверстиями для дужек (*Лысенко*, 1985. С. 256–257; *Зверуго*, 1975. С. 37; *Гуревич*, 1981. С. 26, рис. 14: *4*). Среди изборских железных изделий имеются скобы, которые можно трактовать как такие ведерные ушки.

Большая часть изборских дужек принадлежала ведрам диаметрами от 160 до 235 мм. В Новгороде, по данным Б.А. Колчина, более распространенными были ведра диаметрами 170–210 мм (*Колчин*, 1959. С. 103, рис. 89), в Берестье – 156–173 мм, но есть и ведра диаметром 143 и 214 мм (*Лысенко*, 1985. С. 256, рис. 166).

Встречены также дужки от более крупных сосудов – бадей (рис. 301: *8*, *9*). Эти дужки, обнаруженные одна в нижнем, другая в среднем горизонтах

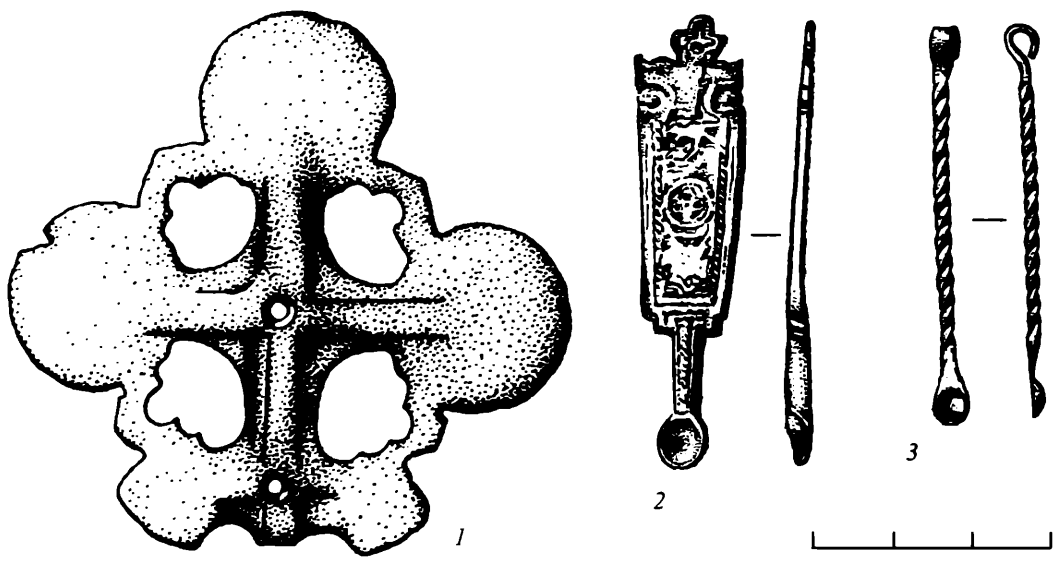

Рис. 300. Навершие булавки и копоушки (все – бронза)
1 – 2, Ж-29; *2* – 2, Е-36; *3* – 1, V-13

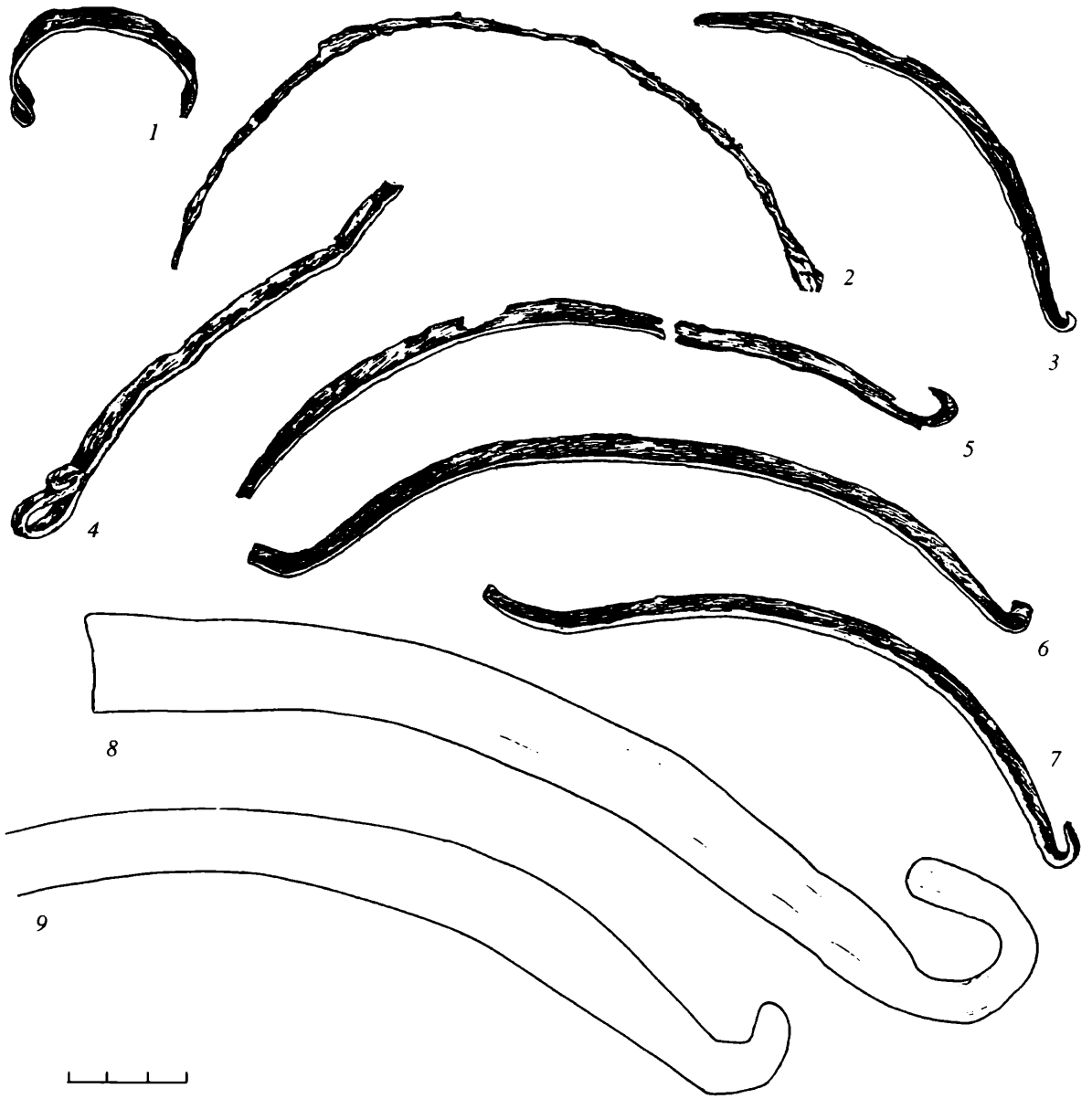

Рис. 301. Железные дужки ведер
1 – 8, Х(буква)-37 (яма 1); *2* – яма, Х-34; *3* – 3, Л-48; *4* – 3, А-7; *5* – 3, Л-40; *6* – 3, М-5; *7* – 4, Ш-43; *8* – 4, В-43; *9* – 3, З-38

изборских напластований, были выкованы из полос железа размерами в поперечнике 17–20 × 0,7 см, крючкообразно загнутые концы их – круглые в сечении диаметром около 0,8 см. Дужки принадлежали бадьям диаметрами приблизительно 34 и 48 см. Не исключено, что к подобной бадье относится железное ушко, изображенное на рис. 302: *9*. Расширяющийся пластинчатый низ его крепился заклепкой (или двумя заклепками), верхняя дротовая часть образовывала ушко диаметрами 11 × 21 мм.

Две почти целиком сохранившиеся дужки выделялись небольшими размерами (рис. 301: *1, 3*). Они были изготовлены из полос железа шириной 7 и толщиной 2 мм и принадлежали ведеркам диаметром около 4 см.

Металлическая посуда

При раскопках встречено множество кусков листовой бронзы различных размеров, какая-то часть их несомненно была фрагментами различных сосудов. Об этом говорят изогнутость фрагментов; более надежно свидетельствует то, что некоторые из них были загнуты так, как обычно оформляются верхние края бронзовых сосудов (рис. 302: *7, 10, 11*). Более крупные фрагменты принадлежали стенкам. Формы сосудов по фрагментам восстановить не удается. Думается, что большинство их были сравнительно небольшими.

Фрагменты стенок и венчиков медных сосудов небольших размеров с вертикальными стенками и плоским дном были найдены и при раскопках Берестья и Новогрудка (*Гуревич*, 1981. С. 104; *Лысенко*, 1985. С. 269, 271).

В Изборске обнаружен довольно крупный котлообразный сосуд из листовой бронзы. К сожалению, охарактеризовать его в полной мере не представляется возможным, он был обнаружен в сплющенном

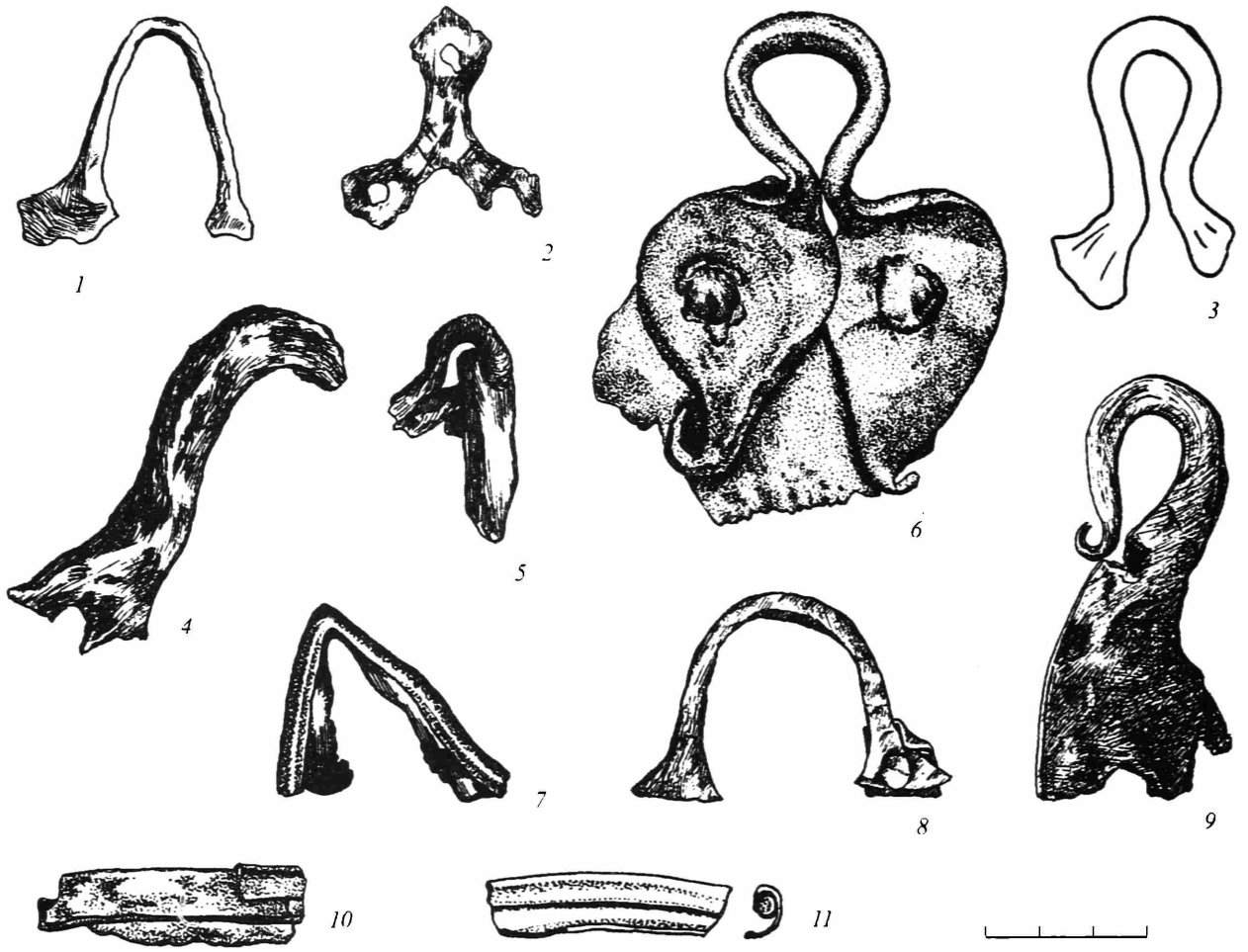

Рис. 302. Фрагменты металлических сосудов

1–6, 8, 9 – ушки сосудов; *7, 10, 11* – верхние края сосудов. *1, 2, 4–8, 10, 11* – бронза; *3, 9* – железо. *1* – 2. Д-31; *2* – 5. В-54; *3* – 2. У-40; *4* – 4. Ш-45; *5* – 5. Ж-47; *6* – 2. У-32; *7* – 2. В-30; *8* – 6. Ю-50; *9* – 3. В-32; *10* – 2. Б-18; *11* – 1. П-21

виде и частично поломан (рис. 303). Реконструкция его позволяет предполагать, что это был невысокий ведрообразный котел диаметром около 30 см и высотой 17–19 см. Выкован он был из бронзового листа толщиной в 1,5–2 мм. Из-за плохого состояния находки способ соединения стенок с дном сосуда выяснить не удалось, корпус был клепанным. В верхней части зафиксированы следы клепки ушек, в которые очевидно продевалась дужка.

Рис. 303. Бронзовый сосуд (4, Э-52)

Отдельные ушки бронзовых сосудов неоднократно встречены в Изборске (рис. 302: *1–4, 6, 8*). Изготавливались они из бронзы или железа. Двумя заклепками ушки прикреплялись к верхним частям сосудов. Размеры ушек различны и свидетельствуют о бытовании в Изборске бронзовых сосудов разной величины.

Ушки бронзовых (или медных) котлов, используемых в домашнем хозяйстве для варки пищи, найдены и в других древнерусских городах, в частности в Новгороде (*Колчин*, 1959. С. 104–105). Крупный фрагмент бронзового котла найден в Новогрудке (*Гуревич*, 1981. С. 107). Остатки подобных находок обнаружены и в Юго-Восточной Прибалтике.

Железные кованые сковороды представлены в изборской коллекции множеством фрагментов и одной целой находкой (рис. 304: *1, 3*). Диаметр последней – 252 мм, толщина – около 5 мм. Форма ее блюдечкообразная, плоского дна она не имела. Среди фрагментарного материала встречаются и части подобных сковород, и куски сковород с плоским дном

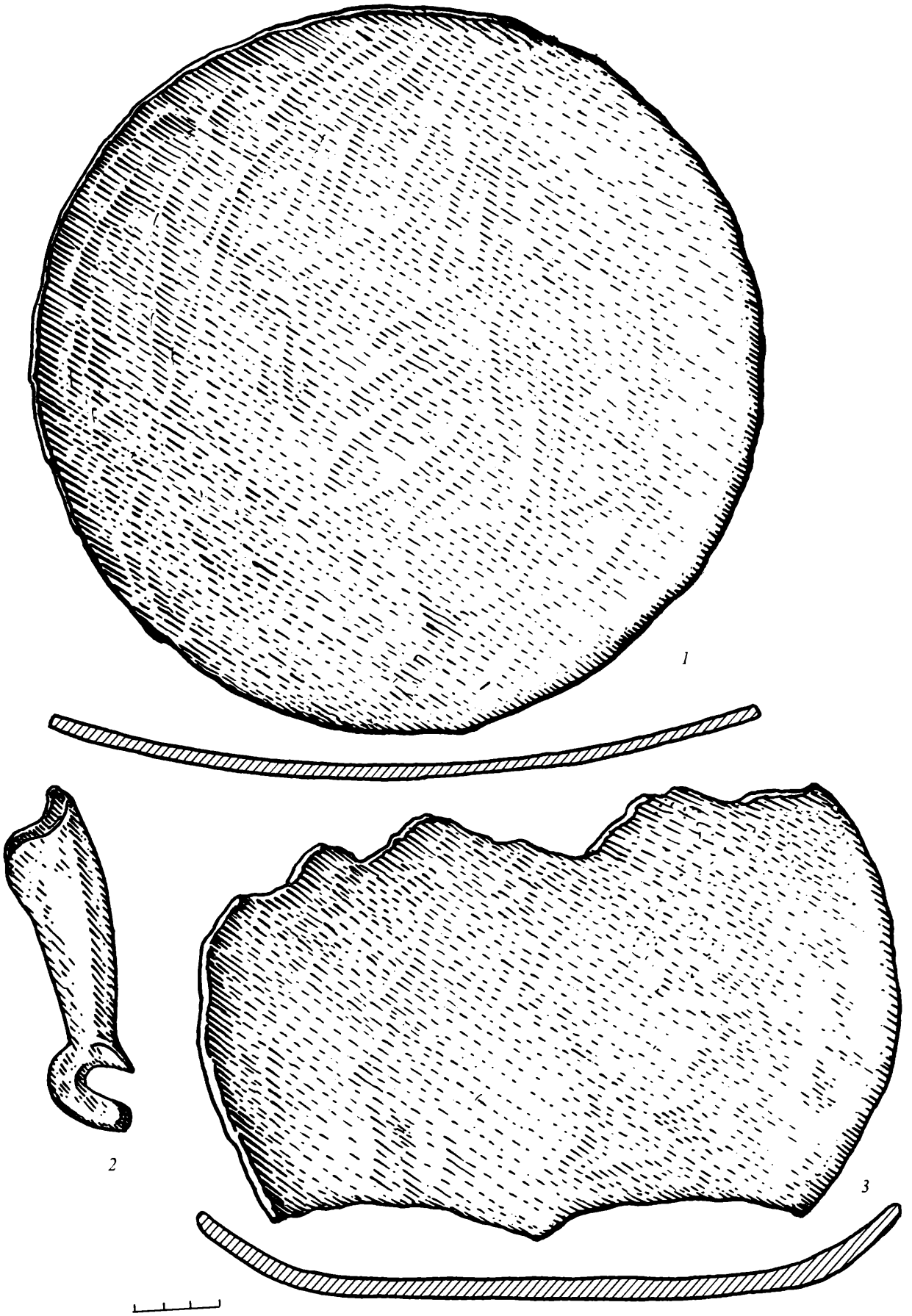

Рис. 304. Железные сковороды (*1*, *3*) и чапельник (*2*)
1 – 3, Ч-50; *2* – 5, Ж-40; *3* – 4, Н-40

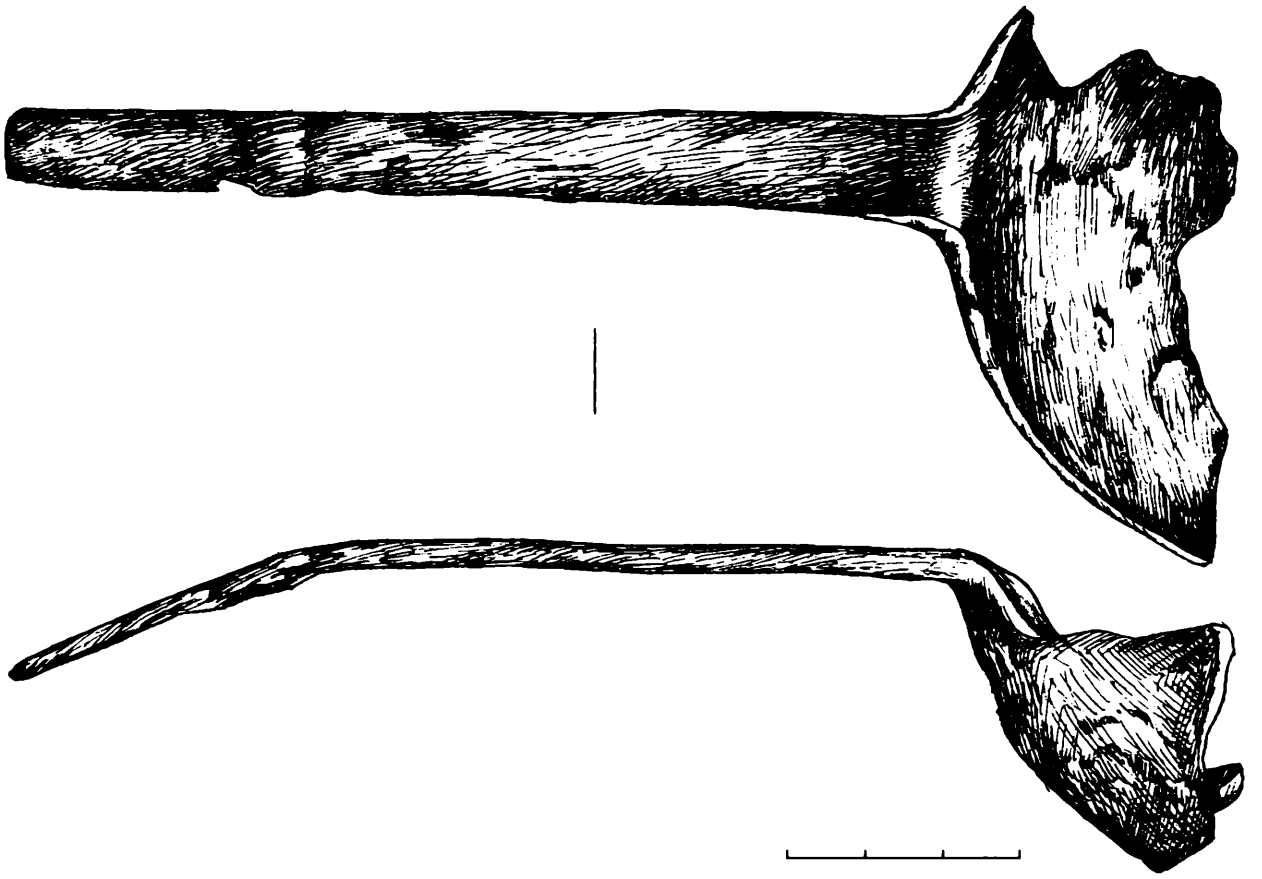

Рис. 305. Железный половник (2, Е-39)

и приподнятыми краями. Один из таковых принадлежит сковороде диаметром 250 мм при толщине до 6 мм, ее края были приподняты на 20 мм. В Изборске сковороды бытовали начиная с X в.

Железные сковороды без плоского дна известны в большом количестве в Новгороде и также широко применялись с X в. (*Колчин*, 1959. С. 105).

Найдены в Изборске и железные сковородники (чапельники) для посадки сковород в печи. Среди фрагментов имеются экземпляры, идентичные описанным Б.А. Колчиным из Неревского раскопа Великого Новгорода (*Колчин*, 1959. С. 105, рис. 93). Это железные стержни с развильями на концах. Один полностью сохранившийся сковородник из Изборска оригинален. Он имел втулку для насаживания на деревянную рукоятку и крюкообразный зацеп для сковороды (рис. 304: *2*).

Единственным экземпляром представлен в изборских материалах железный половник (рис. 305). Он имеет чашу большого формата и черенок-рукоять длиной 12 см.

Глиняная посуда

Во второй половине X в., а отчасти и в начале XI в. наряду с гончарной керамикой в Изборске бытовали еще сосуды, изготовленные без гончарного круга. К сожалению, состояние нижнего горизонта древнерусского культурного слоя таково, что определить процентное соотношение лепной и гончарной керамики не представляется возможным. Нельзя со всей определенностью говорить, в какие годы лепная посуда полностью вышла из употребления. И не обязательно этот процесс был идентичным и синхронным псковскому. Остается несомненным, что появление гончарной керамики в Изборске следует относить к середине X в.

Каких-либо следов гончарного производства в Изборске не выявлено. По-видимому, гончарные горны находились за пределами густонаселенной исследованной части города.

Господствовавшей формой глиняной посуды в Изборске на всех этапах его истории, как, впрочем, и на других поселениях Древней Руси, был горшок. Общая форма его – усеченноконический низ, более или менее отогнутый венчик со срезанным верхним краем, максимальная ширина приходится на верхнюю треть сосуда. Орнаментация – линейные, волнистые или линейно-волнистые узоры – наносились острой палочкой, реже многозубым штампом. Большинство горшков не имели орнаментации (рис. 306–311).

В Изборске преобладали горшки средних размеров – высотой 14–20 см, шириной (наибольшим диаметром) 18–27 см. Они использовались и как столовая посуда, и для приготовления пищи. По приблизительным подсчетам, на долю таких сосудов приходится около половины керамического материала. Пятую часть составляют горшки небольших размеров (высотой 9–17 см, шириной 9–16 см). Это в основном столовая посуда. Около

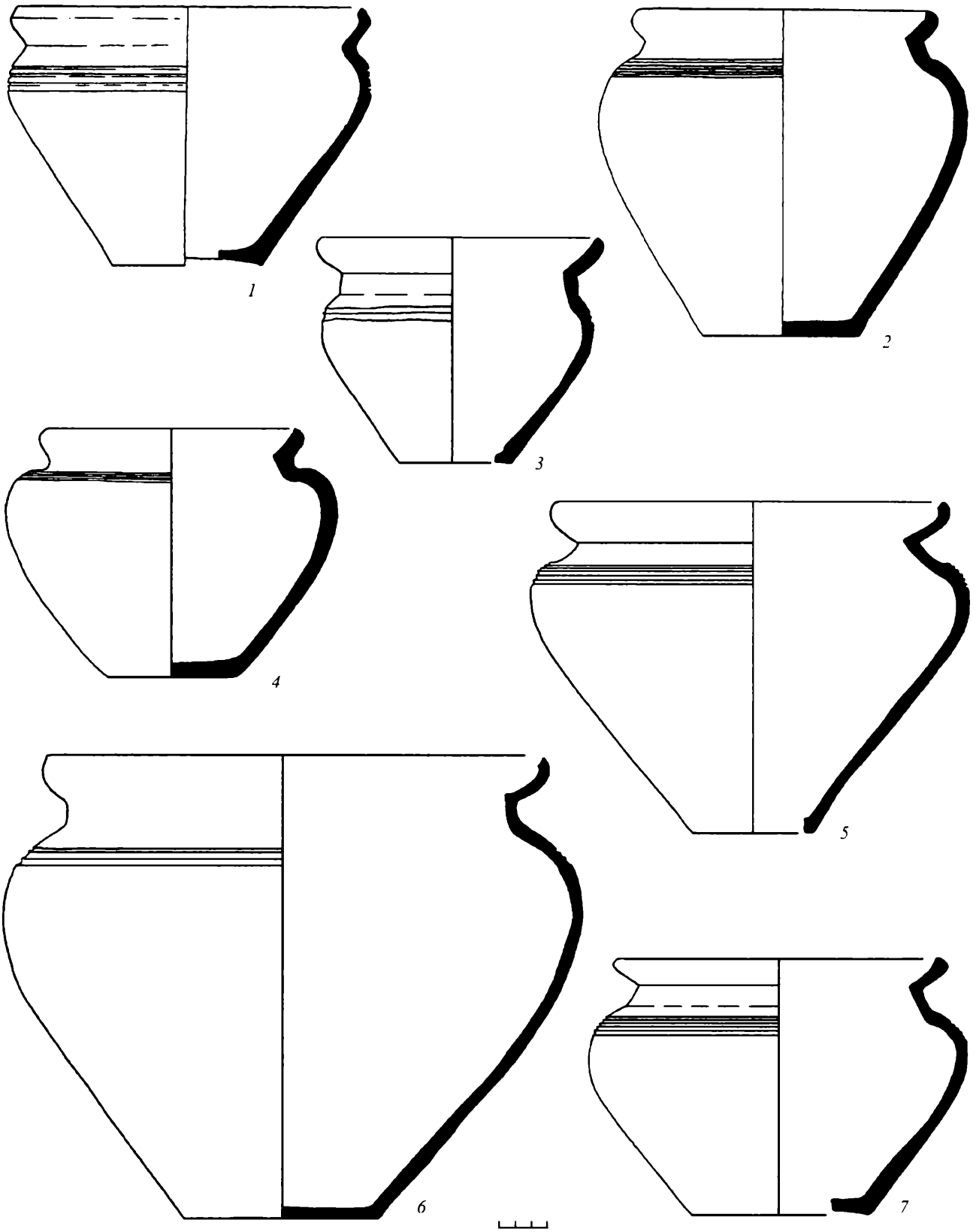

Рис. 306. Горшкообразные сосуды. Рис. С.В. Белецкого
1 – 5, Н-41; *2* – 5, Ф-50; *3* – 4, И-40; *4* – 5, Л-47; *5* – 4, М-47; *6* – 4, В-46; *7* – 3, Л-38

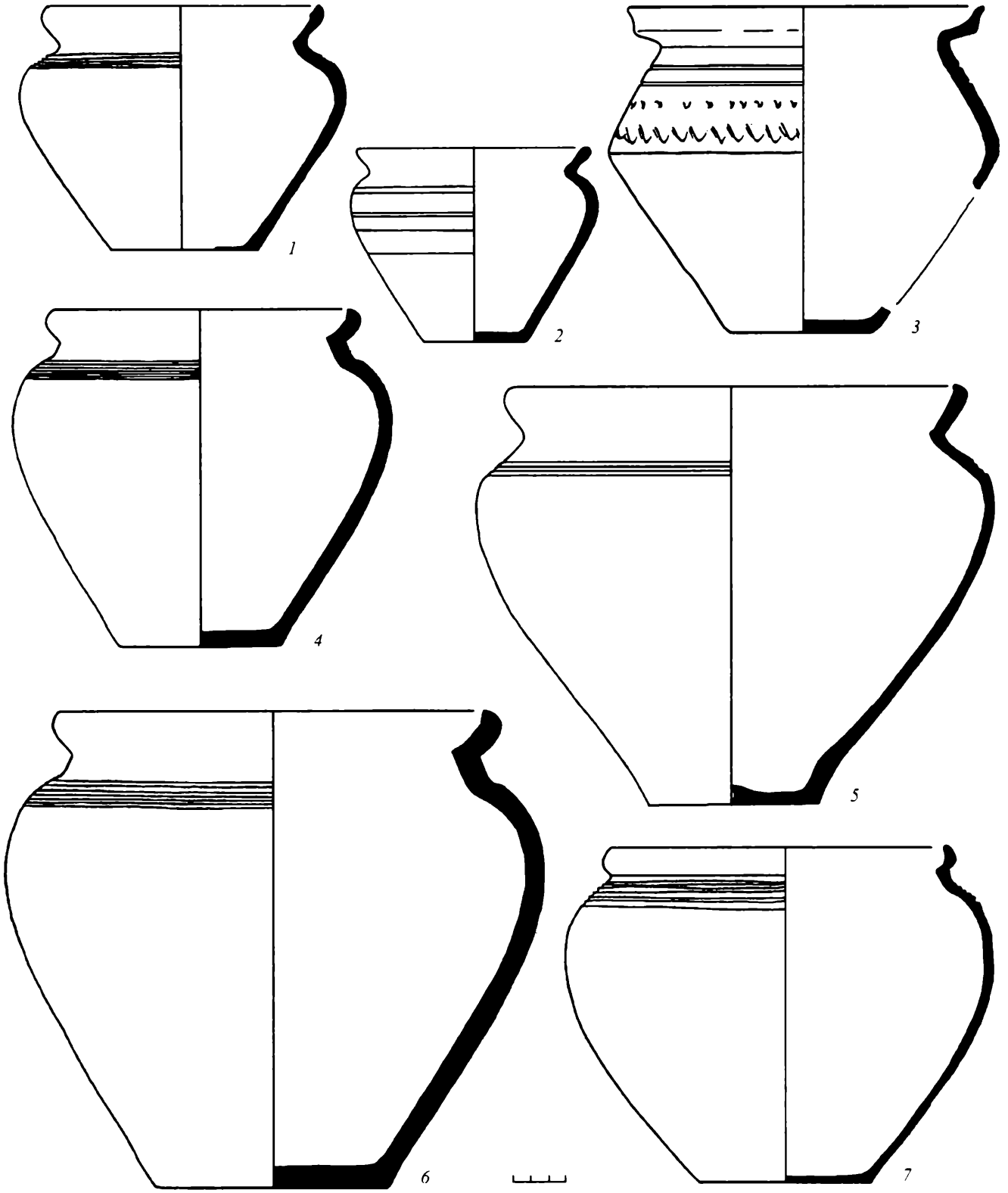

Рис. 307. Горшкообразные сосуды. Рис. С.В. Белецкого
1 – 5, А-47; *2* – 3, З-48; *3* – 7, V-8; *4* – 3, П-42; *5* – 6, VII-37; *6, 7* – 5, Ф-50

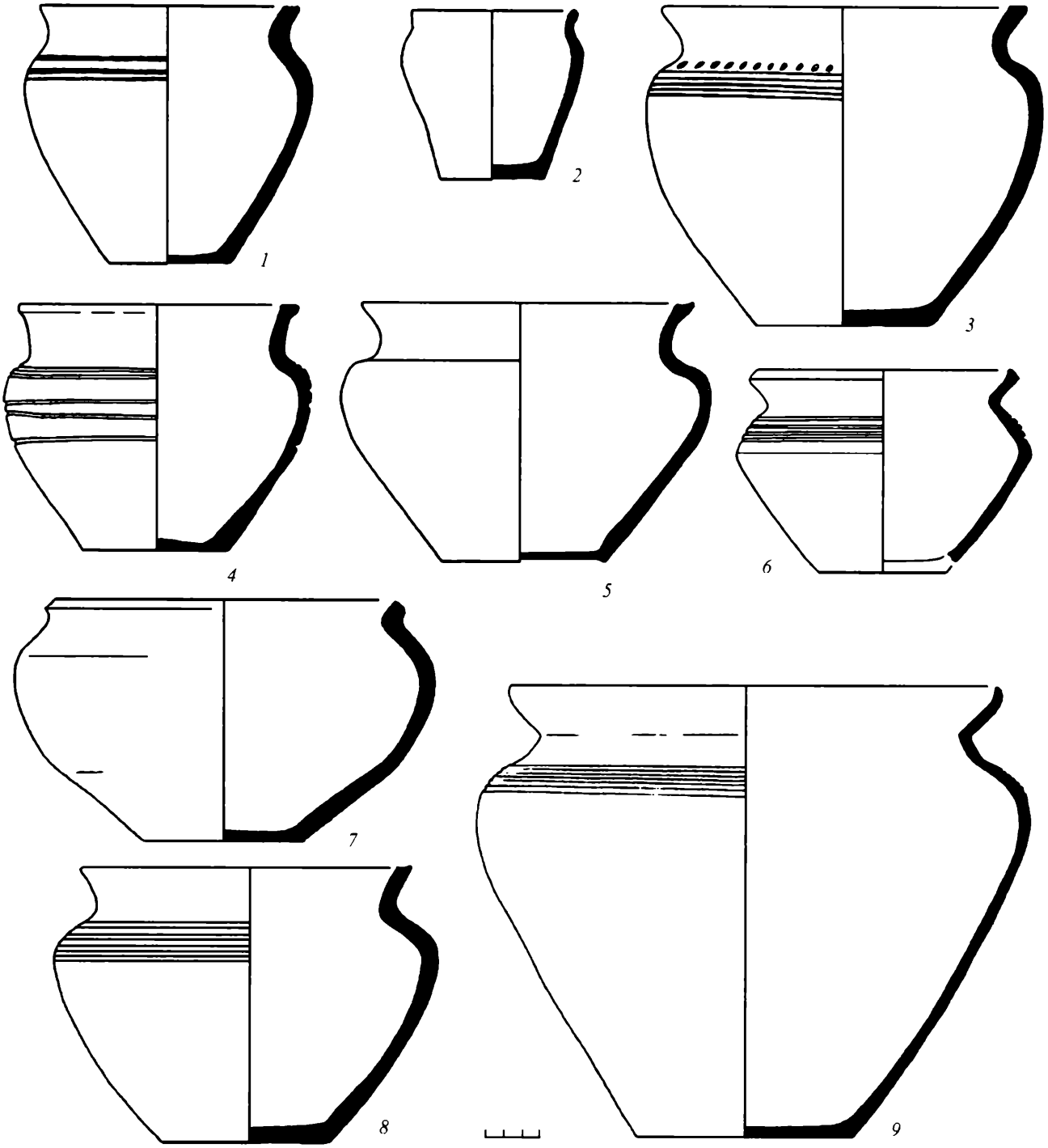

Рис. 308. Горшкообразные сосуды. Рис. С.В. Белецкого

1 – 5, Е-48; *2* – 8, IV-36; *3* – 4, Л-47; *4* – 4, Ж-44; *5*, *7* – 5, Ф-50; *6* – 5, IV-7; *7* – 5, Б-37; *8* – 4, Ф-50; *9* – 6, Ж-48

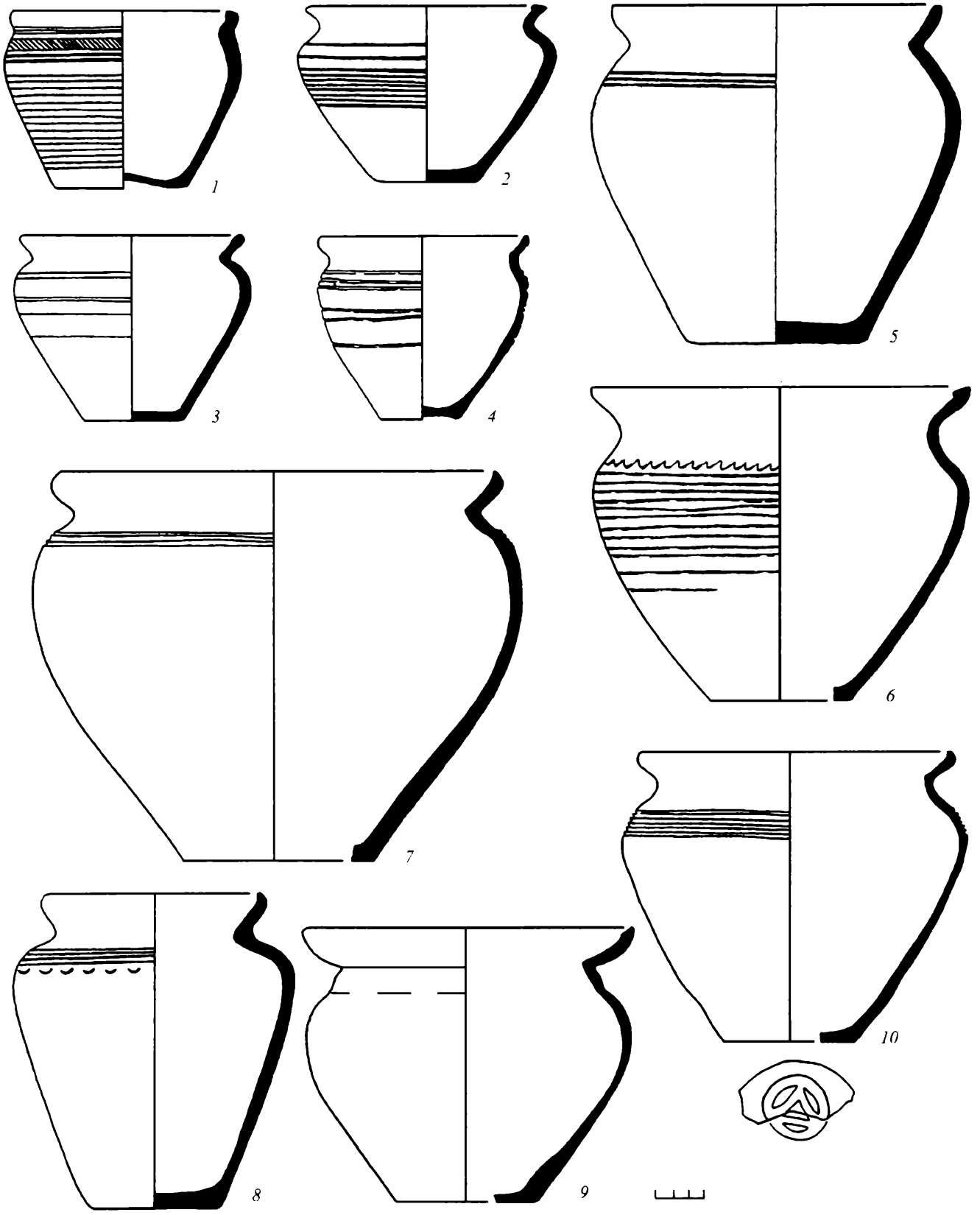

Рис. 309. Горшкообразные сосуды. Рис. С.В. Белецкого

1 – Малы; *2* – 2, П-32; *3* – 3, З-48; *4* – 3, Л-47; *5* – 3, М-5; *6* – 3, Ж-39; *7* – 3, П-42; *8* – 4, В-45; *9* – 2, Ц-55; *10* – 3, Б-3

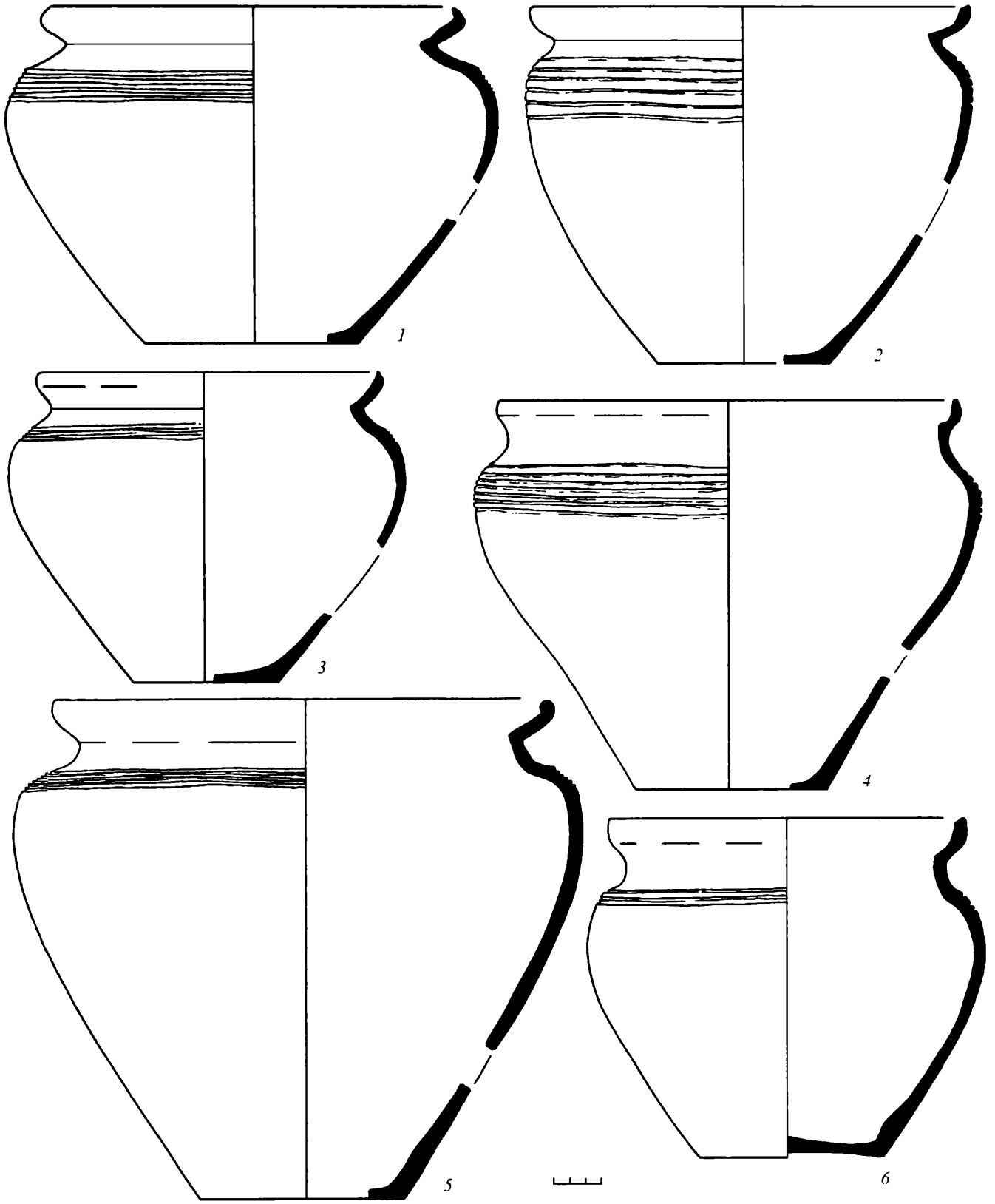

Рис. 310. Горшкообразные сосуды. Рис. С.В. Белецкого
1 – 3, К-52; *2* – 4, Ж-17; *3* – 3, И-21; *4* – 3, М-47; *5* – 4, А-39; *6* – 3, М-51

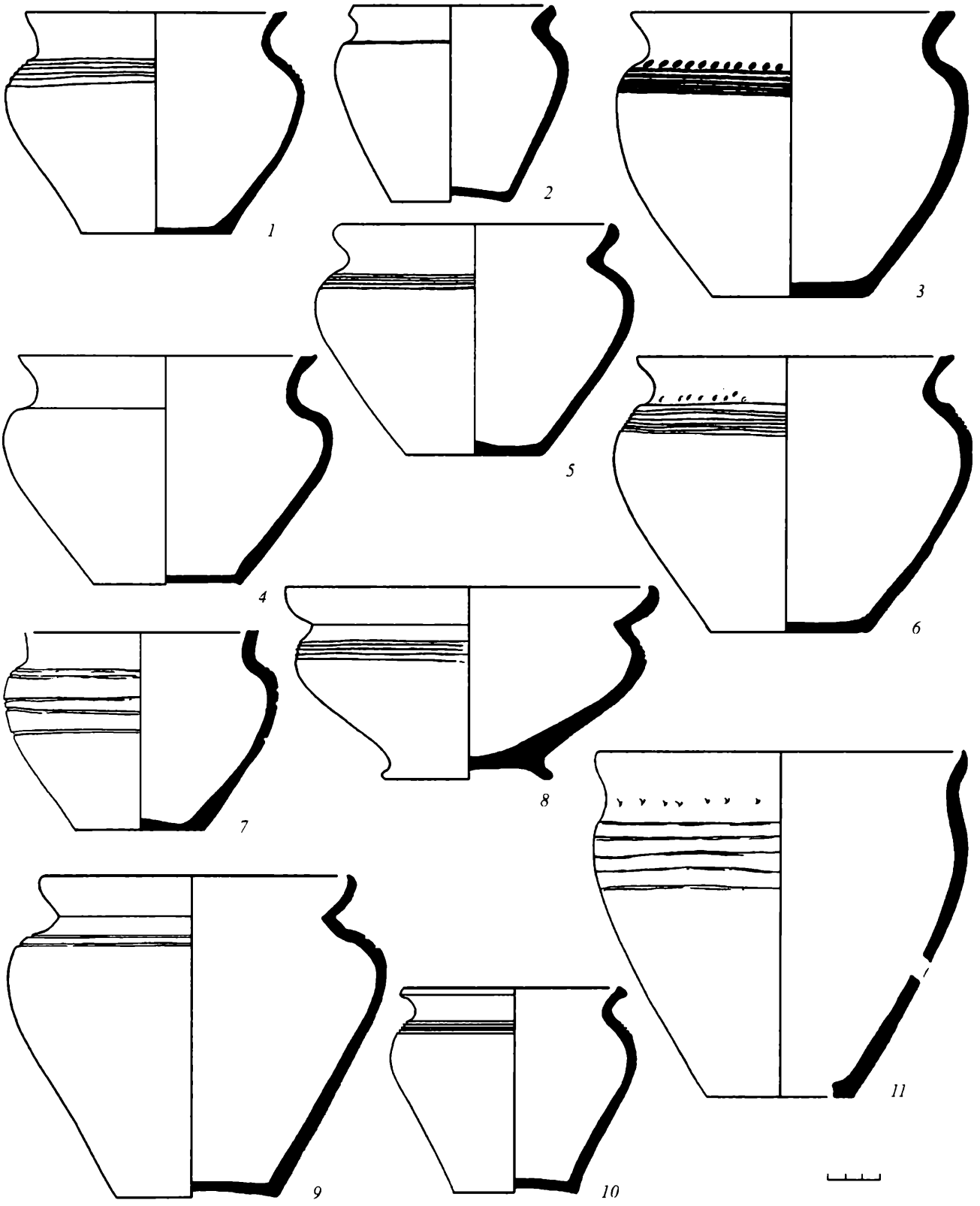

Рис. 311. Горшкообразные сосуды. Рис. С.В. Белецкого

1 – 4, И-51; *2*, *10* – 4, В-46; *3* – 4, Щ-45; *4* – 3, М-5; *5* – 5, Ф-50; *6* – 4, Л-47; *7* – 4, Ж-48; *8* – 4, Л-47; *9* – 4, В-45; *11* – 4, А-39

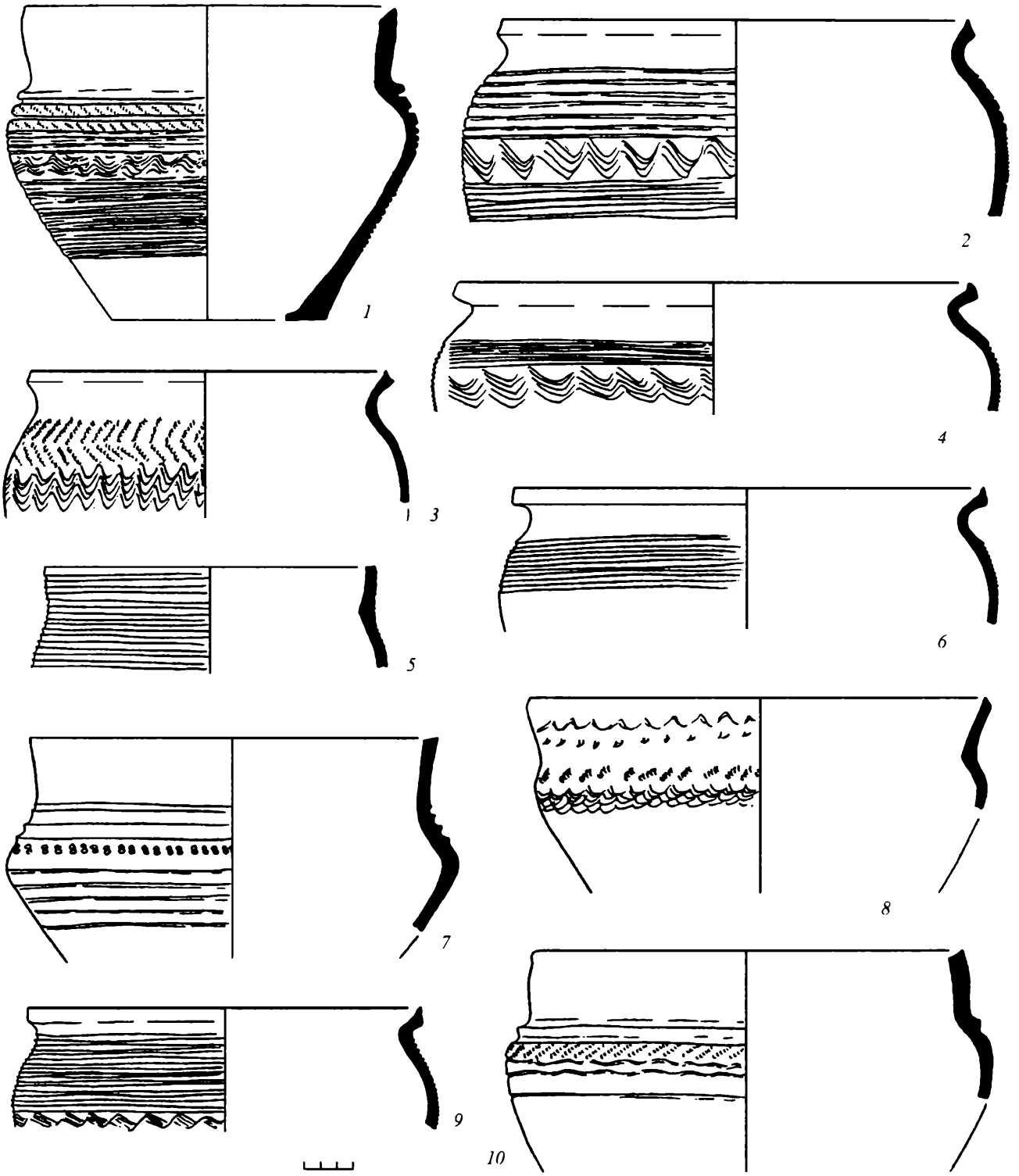

Рис. 312. Сосуды с "богатой" орнаментацией. Рис. С.В. Белецкого

1 – 5, А-44; *2* – 7, Ц-50; *3* – 5, Ц-50; *4* – 5, И-55; *5* – 6, М-54; *6* – 5, Ц-56; *7* – 6, Л-50; *8* – 7, Е-53; *9* – 5, З-56; *10* – 4, П-55

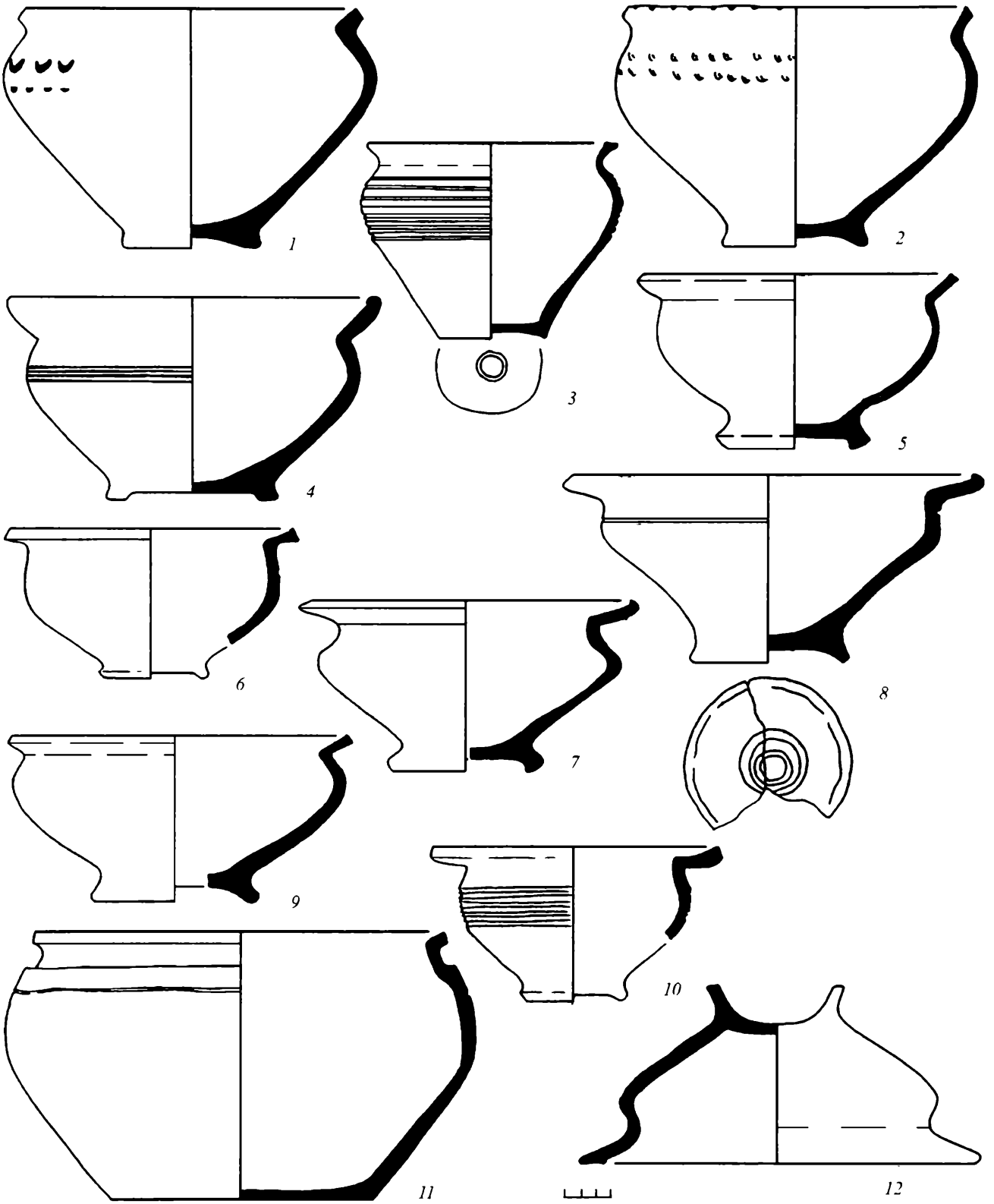

Рис. 313. Сосуды разных форм. Рис. С.В. Белецкого
1, 2 – 3, С-44; *3* – 3, Л-47; *4, 7* – 4, Л-47; *5* – 4, А-9; *6* – 3, М-39; *8* – 3, Н-21; *9* – 4, К-20; *10* – 3, Г-11; *11* – 4, Р-41; *12* – 4, З-45

трети горшков выделяются крупными размерами (высотой от 21 до 35 см, шириной 26–35 см). Они чаще использовались для хранения различных припасов, но, судя по нагару на некоторых фрагментах, были и кухонной посудой.

Наиболее ранние изборские горшки, изготовленные на гончарном круге, богато орнаментированы. Орнаментация состоит из поясков горизонтальных линий в сочетании с поясками волнистых линий и характерна для нижнего горизонта древнерусского слоя. Орнаменты покрывают стенки сосудов часто на половину и даже на две трети высоты (рис. 312). Фрагменты такой посуды встречены в насыпи вала, при сооружении которого использовались культурные напластования городища, а также как в нижележащих потревоженных отложениях, характеризуемых лепной керамикой, так и единично во взвешенном состоянии в слоях XII – начала XIV в.

Эта керамика находит широкие аналогии в культурных напластованиях второй половины X–XI в. ряда городов Северо-Западной Руси. Она найдена в Новгороде, Старой Ладоге (горизонт Д), Белоозере, на городище под Луками. В Пскове это керамика группы 5 согласно классификации С.В. Белецкого, соотносимая с комплексом Г-1, датируемым концом IX – началом XI в. (*Белецкий*, 1980. С. 8, 11, 12, рис. 4: *14–16*, *19–27*). Горшки с "богатой орнаментацией" бытовали в ряде мест и в первой половине XII в. Исследователь псковской керамики В.И. Кильдюшевский, учитывая широкое распространение подобной посуды среди курганных материалов, склонен определять время бытования ее XI–XII вв. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 10, рис. 3: *1–3*).

К столовой посуде относятся также миски. В Изборске их фрагменты довольно многочисленны и представлены множеством форм, которые могут быть объединены в две группы. Преобладающая часть мисок имеет профилированные очертания, с выпуклым туловом, сильно суживающимся к низу, и в той или иной степени отогнутый венчик. Снизу такие миски имеют поддон (рис. 311: *8*; 313: *4–10*). Некоторые исследователи древнерусских памятников считают подобные сосуды крышками горшков. Однако в Изборске на нескольких характеризуемых мисках имеются гончарные клейма, исключающие интерпретацию их как крышек сосудов. Вторую группу мисок составляют невысокие сосуды горшкообразной формы. Некоторые из них имеют поддоны (рис. 313: *1, 2*). Размеры мисок первой группы: высота – от 8 до 12 см, диаметр горла – 17–25 см; второй группы: высота – 13–15 см, ширина горла – 20–25 см. Большинство мисок не имеет орнаментации, единичные украшены узкими поясками линейного узора. Значительно реже встречаются волнистые узоры и пояски вдавлений по плечикам сосудов.

Изборские миски находят многочисленные аналогии в древнерусских материалах (*Розенфельдт*, 1997. С. 27, табл. 19, 20; *Лысенко*, 1985. С. 330–332, рис. 234).

Неоднократно встречены на Изборском городище фрагменты крышек сосудов (рис. 313: *12*). Они получили широкое распространение на Руси в XII–XIII вв. Ими накрывались и кухонные горшки, и сосуды для хранения продуктов. Размеры их и края индивидуально соответствовали горшкам.

В виде фрагментов обнаружены еще плошки и сковородки, бытование которых не было широким.

Клейма на днищах сосудов

На некоторых днищах изборских гончарных сосудов имеются клейма. Как и всюду, их наносили на дно сосудов в процессе формовки на гончарном круге со съемной деревянной подставкой с вырезанным клеймом. На Изборском городище клейма сравнительно немногочисленны, не превышают 1% общего числа находок днищ гончарных сосудов. Такая же картина наблюдается и в других городах Северной Руси. Так, по подсчетам Н.В. Тухтиной, посуда с клеймами составляет в Пскове и Старой Ладоге 1–2%, в Старой Рязани и Пронске – 1% (*Тухтина*, 1960. С. 149). В Ростове Великом доля клейменных днищ в напластованиях домонгольского времени составляет 1,2%, в Новгороде – 1,5% (*Кадиева*, 1996. С. 241), в Ростиславле Рязанском – 1,3% (*Коваль*, 2002. С. 130). В более южных землях Руси процент сосудов с клеймами заметно возрастает. Так, в Гнёздове сосуды с клеймами составляют уже 15% (*Тухтина*, 1960. С. 149), в Полоцке – 9% (*Штыхов*, 1978. С. 111), в Киеве – 7,5% (*Ивакин, Степаненко*, 1985. С. 85), в Звенигороде – 6,7%, Судовой Вишне – 9,2% (*Гупало*, 1985. С. 236–242), в Плисненске – 21% (*Кучера*, 1960. С. 118). Несколько больший процент клейменных сосудов характерен для памятников XI–XIII вв. Польши. Здесь также наблюдается некоторое различие между южными и северными поселениями. Так, в Кракове процент сосудов с клеймами составляет 50%, Сандомире – свыше 60, Ополе – 30–50 и заметно уменьшается в северном направлении – в Гданьске от 5 до 14,5%, в Дрогичине и Черске – около 3%, Бискупине – 10% (*Гупало*, 2001. С. 29).

Клейма на днищах сосудов являются, как подмечено рядом исследователей, характерной особенностью средневекового славянского мира (*Kołos-Szafrańska*, 1949–1950; *Černohorsky*, 1953; *Дончева-Петкова*, 1980). Наиболее ранние клейма, надежно датируемые VIII в., известны в Среднем Подунавье (*Točik*, 1962. S. 347–380; *Eisner*, 1966. S. 174). По мере распространения гончарного круга клейма появляются во всех регионах расселения славян. На Руси самые ранние клейма зафиксированы на Волыни на керамике IX в., где тогда появляют-

ся первые сосуды, изготовленные на гончарном круге. Наиболее широкое распространение клеймение посуды приходится на X–XII вв., в XIII–XIV вв. обычай ставить клейма на днищах сосудов повсеместно исчезает.

О назначении клейм в научной литературе высказано множество догадок. Первой и до сих пор весьма распространенной является мысль о том, что клейма, наносимые гончарами на днища, были религиозно-магическими символами. Ее высказал еще в середине XIX в. К.П. Тышкевич (*Тышкевич*, 1865. С. 62; 1867. С. 19), которого вскоре поддержали И.А. Хойновский (1893. С. 56) и В.И. Сизов (1902. С. 111–114). Положение о том, что клейма на днищах сосудов были магическими символами – оберегами гончаров, в какой-то степени связанными с огненной стихией гончарного производства, придерживались очень многие исследователи как в нашей стране, так и за рубежом (*Тухтина*, 1960. С. 148–164; *Комша*, 1961. С. 458–461; *Vaňa*, 1973. P. 196–217; *Makiewicz*, 1973. S. 217–222; *Каменецкая*, 1983. С. 244–247). Согласно П.П. Толочко, гончарные клейма были символическими оберегами, покровительствующими продукции мастера от начала изготовления до реализации на рынке. Знаком метился, полагает исследователь, только первый сосуд из каждой партии, для последующих партий мастер использовал уже иные клейма (*Толочко*, 1981. С. 295–298). Как магические символы-обереги и гончарного круга, и сосуда рассматривал клейма А. Буко (*Buko*, 1982. S. 102; 1999. S. 170–176). Подробно обрядовое значение гончарных клейм недавно рассмотрела В.Д. Гупало, полагающая, что сосуды с клеймами изготавливались гончарами к определенным праздникам. Каждый мастер имел для этого несколько дощечек с разными клеймами. В обычные же дни гончар изготавливал посуду без клейм (*Гупало*, 2001. С. 27–35).

Довольно распространенным в научной литературе является и мнение, согласно которому клейма на днищах горшков являются знаками-метками гончаров-ремесленников. В середине XIX в. такое мнение высказал А.А. Котляревский, полагавший, что это были своеобразные "фабричные клейма" (*Котляревский*, 1865. С. 244). Знаками ремесленников считали клейма на сосудах А.С. Уваров, Ю. Костшевский, впервые высказавший мысль о вырезании негатива клейма на съемной подставе, В. Голубович и Б.А. Рыбаков, приложивший немало усилий для обоснования этой точки зрения, а также ряд других археологов (*Уваров*, 1910. С. 107–108; *Kostrzewski*, 1965. S. 117; *Козловская*, 1927. С. 7–14; *Hołubowicz*, 1947, S. 11; *Рыбаков*, 1948. С. 175–182, 363–492; *Szymański*, 1968. S. 219–223 и др.). А.А. Мансуров попытался показать это на материалах раскопок в Старой Рязани и Пронске (*Мансуров*, 1946. С. 293), М.К. Каргер – по данным раскопок Киева (*Каргер*, 1958. С. 435), К.В. Павлова, анализируя гончарные клейма городища Осовик (*Павлова*, 1997. С. 107–116). Высказано предположение, что клейма ставили только гончары, работающие на заказ (*Кадиева*, 1996. С. 241).

Имеются исследователи, отвергающие положение о принадлежности клейм гончарам-ремесленникам. Так, в 60-х годах прошлого столетия эту точку зрения критически проанализировал Р.Л. Розенфельдт и пришел к мысли о том, что клейма были знаками заказчиков посуды (*Розенфельдт*, 1963. С. 121–130). Ранее такую же точку зрения высказывал еще А.А. Котляревский, полагая, что клейма на посуде были знаками домовой собственности (*Котляревский*, 1865. С. 245).

Однако ни положение о принадлежности клейм мастерам-гончарам, ни догадка о том, что они были метками собственников посуды, не подтверждается археологическими данными. Обычно при раскопках в постройках и дворах обнаруживаются клейма нескольких типов и, наоборот, на разных усадьбах встречаются однотипные знаки, что, кажется, не позволяет рассматривать их как знаки собственности. С другой стороны, оказалось, что мастер-гончар нередко имел по несколько съемных подставок (*Тухтина*, 1960. С. 152). Так, в гончарной мастерской, раскопанной на Семилукском городище в Воронежском Подонье обнаружено семь разных знаков-клейм (*Пряхин, Цыбин*, 1991. С. 87–88). Это, думается, исключает мысль о том, что клейма были знаками ремесленников (*Гупало*, 2001. С. 27–32). Впрочем, высказано мнение, что клейма были знаками различия нескольких гончаров, обжигавших свою продукцию в одном горне. Имеются и иные точки зрения относительно назначения рассматриваемых клейм, не получившие признания.

Очевидно, что вопрос о назначении клейм на днищах сосудов еще нельзя считать решенным. Для его прояснения необходимы новые материалы. Скромный вклад в решение вопроса вносят и находки на Изборском городище.

Чаще всего клейма наносились на горшках, но есть они и на мисках и плошках (рис. 314). Изборская коллекция клейм характеризуется отсутствием многообразия, которое нередко свойственно было ряду древнерусских городищ.

Доминирующими в Изборске были простейшие клейма, представляющие собой кольцо (исследователи клейм нередко именуют это изображение кругом) или два концентрических кольца. Клейма в виде кольца имели самые разные диаметры – от 1 до 4,2 см (рис. 314: *2, 3, 5, 6, 8–10*; 315: *1, 5, 14*; 316: *1–23*). Наиболее ранние из них относятся к XI в. К этому столетию принадлежит около 50% клейм рассматриваемого вида. Поздние находки датируются XIII в., в основном его первой половиной. Какой-либо закономерности в распределении днищ с этими клеймами не выявляется, в разных горизонтах слоя они бессис-

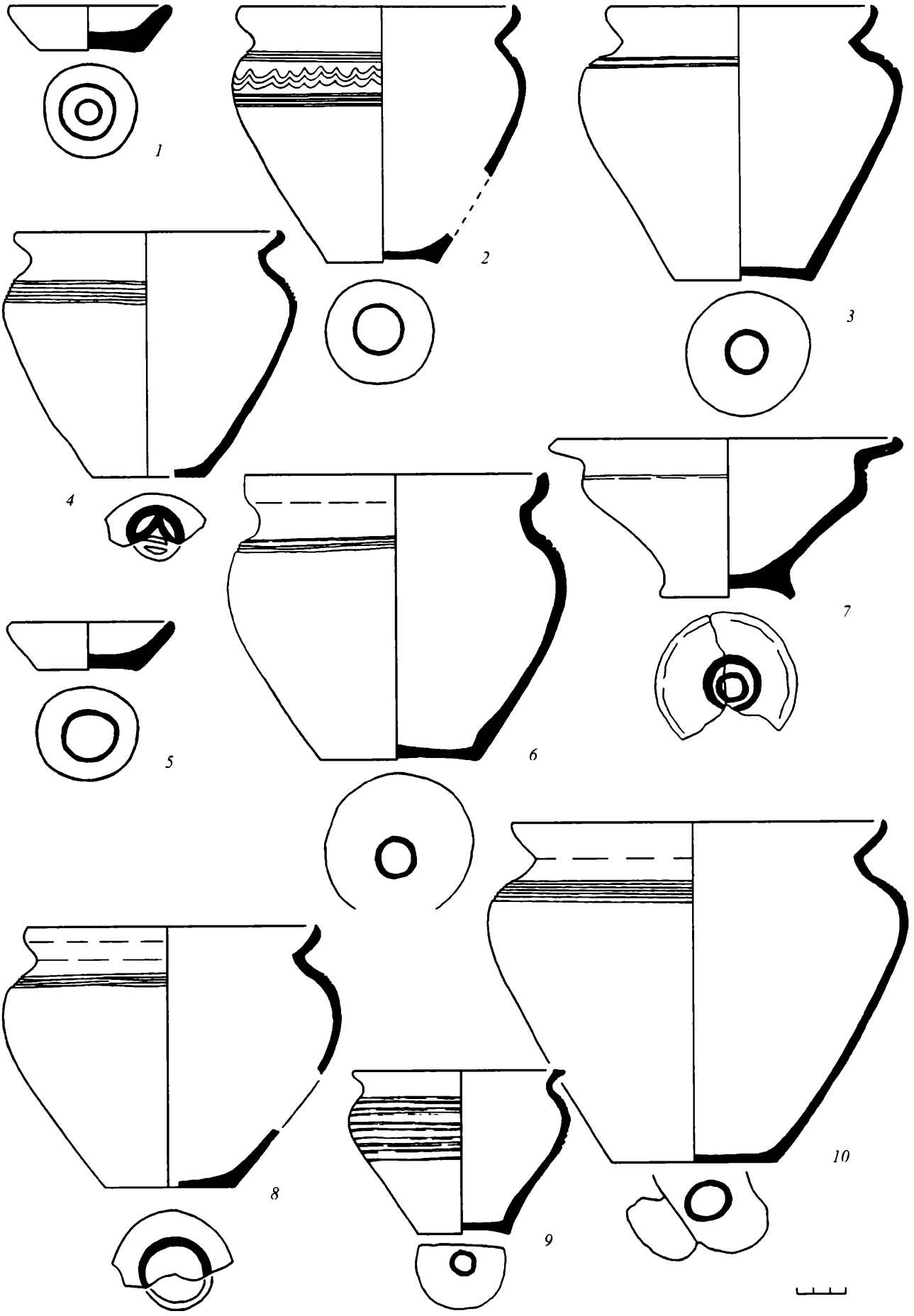

Рис. 314. Сосуды с клеймами. Рис. С.В. Белецкого

1 – 2, VI-35; *2* – 3, I-26; *3* – 4, В-45; *4* – 3, Б-3; *5* – 6, VIII-35; *6* – 3, М-51; *7* – 4, квадрат неизвестен; *8* – 3, И-21; *9* – 3, Л-47; *10* – 6, Ж-48

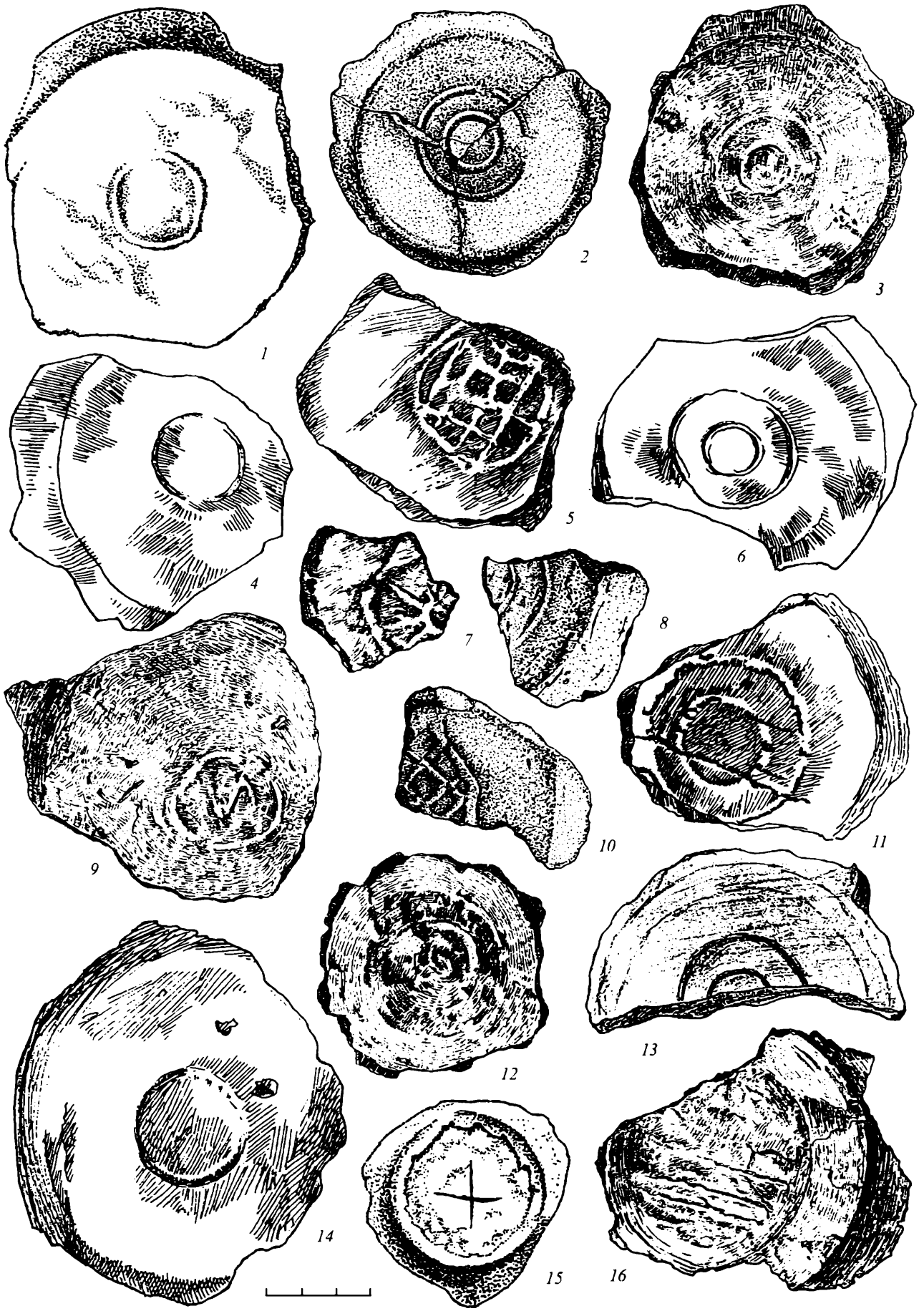

Рис. 315. Клейма на днищах сосудов разных типов

1 – 7, Щ-52; *2* – 4, С-52; *3* – 5, Б-38; *4* – 3, Г-28; *5* – 5, Н-23; *6* – 3, Д-31; *7* – 4, Ф-44; *8* – 3, XI-23; *9* – 8, А-37; *10* – 5, Э-51; *11* – 2, Е-26; *12* – 6, Б-39; *13* – 2, З-23; *14* – 4, И-23; *15* – 9, З-49; *16* – 6, В-37

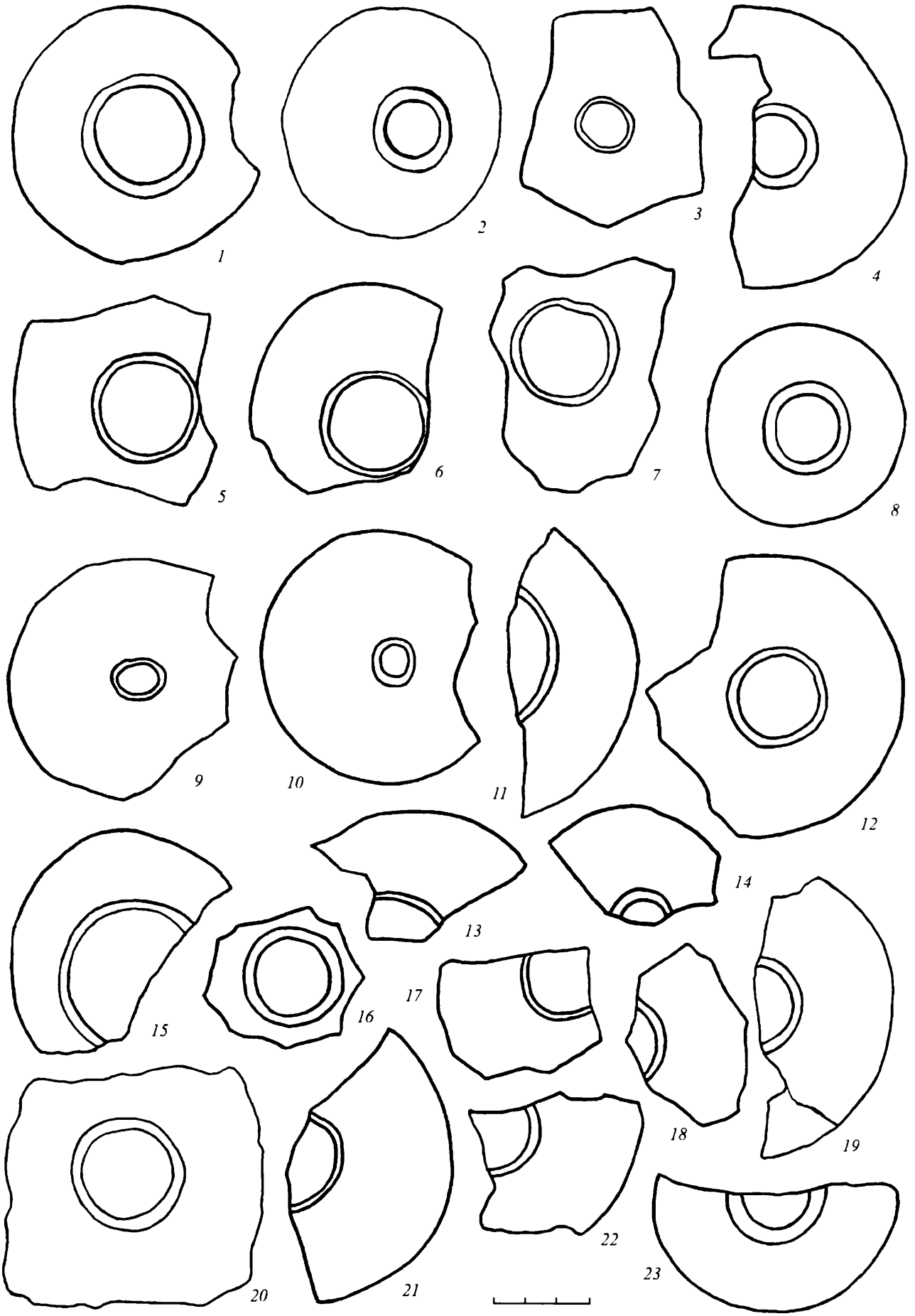

Рис. 316. Клейма на днищах сосудов в виде круга

1 – 6, Д-52; *2* – 3, Е-14; *3* – 2, Ч-48; *4* – 5, З–49; *5, 10* – 2, З-39; *6* – 3, У-48; *7* – 5, А-47; *8* – 3, Л-21; *9* – 3, Л-51; *11* – 3, Ш-41; *12* – 8, З-50; *13* – 6, Л-37; *14* – 3, П-37; *15* – 7, Д-53; *16* – 4, К-50; *17* – 3, Л-44; *18* – 4, С-50; *19* – 2, Д-12; *20* – 5, Б-8; *21* – 2, Х(буква)-40; *22* – 5, Е-50; *23* – 5, Д-56

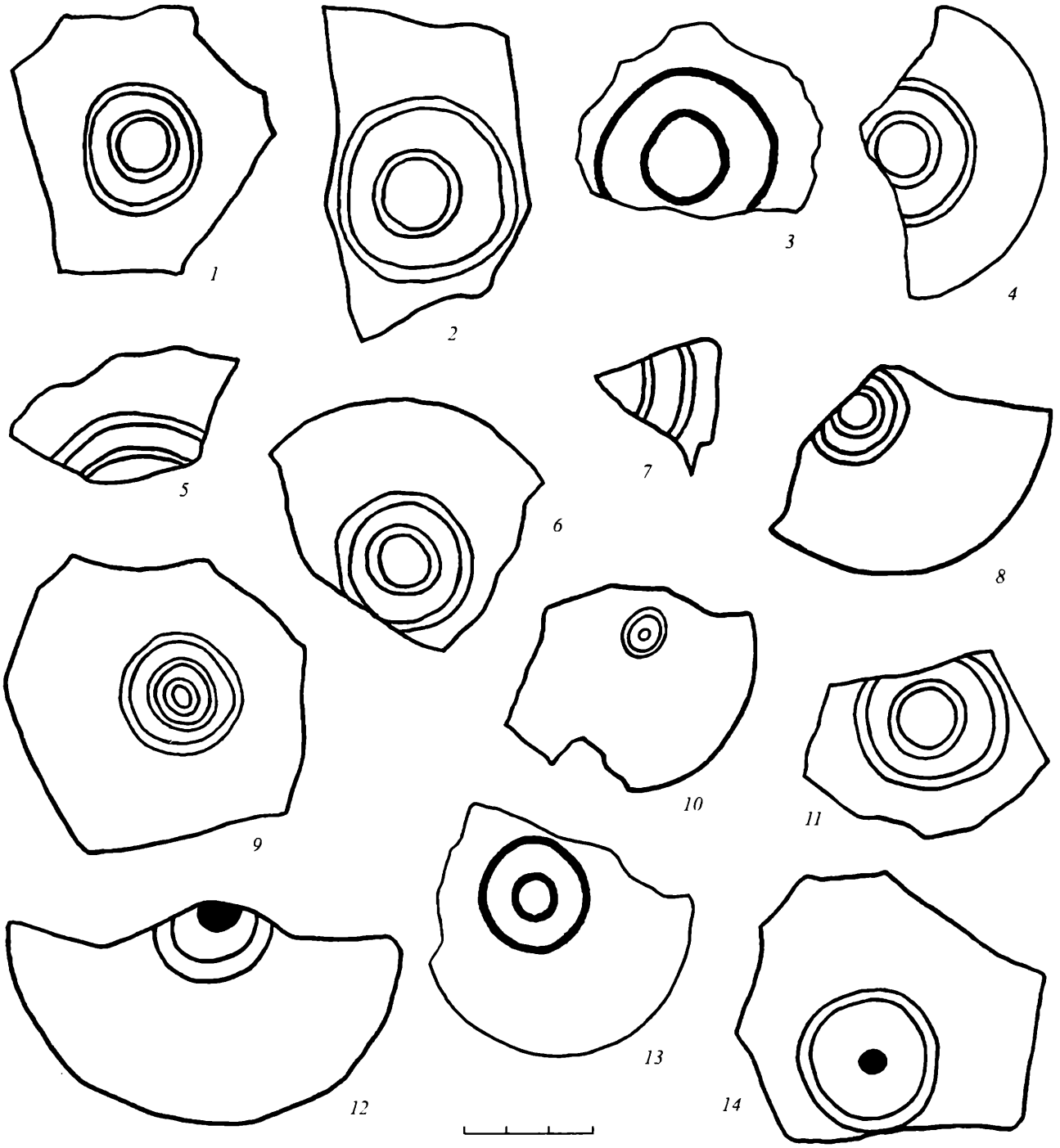

Рис. 317. Клейма на днищах сосудов из двух концентрических кругов и круга с точкой в центре

1 – 4, Д-45; *2* – 6, З-50; *3* – 3, В-26; *4* – 3, Л-20; *5* – 4, А-47; *6* – 2, Ч-41; *7* – 3, О-49; *8* – 4, Л-50; *9* – 6, Т-49; *10* – 2, Щ-42; *11* – 4, Л-50; *12* – 5, З-49; *13* – 3, В-26; *14* – 4, К-50

темно разбросаны по всей исследованной площади городища. Кроме того, обнаружены два фрагмента днищ сосудов с клеймами в виде кольца с точкой посредине (рис. 317: *10, 14*). Одна находка сделана в слое XI в., другая – в отложениях XIII в.

Клейма в виде простейшего кольца-круга известны на многих памятниках Руси домонгольского времени. Кажется, нигде они не составляют значительного процента клейм, как в Изборске и на городище Осовик. На последнем поселении они встречены также во всех горизонтах культурных напластований. Исследователь их К.В. Павлова отмечает, что в более раннее время были распространены клейма с диаметром круга 2,2–3,0 см, позднее преобладают клейма большего диаметра. Однако единично встреченные клейма с диаметром около 4–5 см выявлены "во всей толще культурного слоя" (*Павлова*, 1997. С. 109). Среди изборской коллекции подобной картины не наблюдается, клейма самого разного диаметра встречены в разных горизонтах культурных напластований.

Вторую группу в изборской коллекции образуют клейма в виде двух концентрических кругов (рис. 314: *1, 7*; 315: *2, 3, 6, 8, 11–13*; 317: *1–8, 11, 13*). Диаметры их внешнего кольца колеблются от 2 до 4,5 см. Бытовали эти клейма синхронно с клейма-

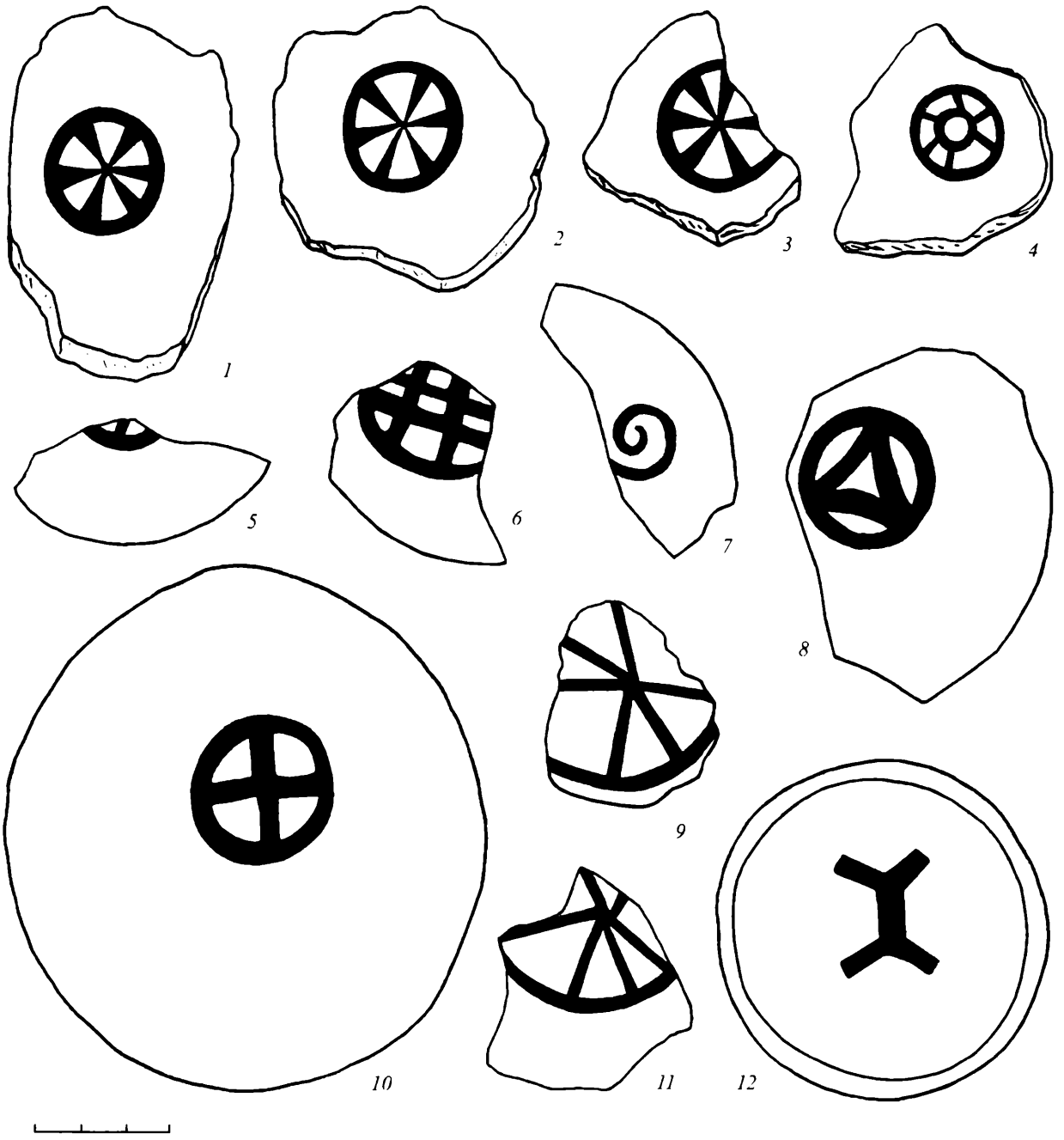

Рис. 318. Клейма на днищах сосудов разных типов
1 – 3, Ш-47; *2* – 3, О-47; *3* – 2, Л-48; *4* – 4, Ш-46; *5*, *7* – 3, Н-39; *6* – 3, Е-50; *8* – 4, Ч-46; *9* – 5, К-44; *10* – 5, П-56; *11* – 4, Ф-56; *12* – 5, Ж-53

ми первого вида. Наиболее ранние датируются XI в., поздние – XIII в. К XI столетию принадлежит менее 40% находок днищ с клеймами рассматриваемого вида, что дает основание полагать о более позднем распространении их в целом. Какой-либо закономерности в расположении находок по площади городища не наблюдается. Аналогичные клейма зафиксированы и при раскопках других древнерусских городов и сельских поселений, встречаются они и в курганных захоронениях.

Единичными экземплярами представлены в Изборске клейма из трех концентрических колец (рис. 317: *9*).

Интересны клейма в виде колеса. Три из них идентичны (рис. 318: *1–3*), принадлежат, по-видимому, одной матрице. Они имеют ободок и по шесть спиц, суживающихся к оси колеса. Найдены эти клейма в слое XII в., в юго-восточной части поселения в 8 и 20 м друг от друга. Подобные клейма встречаются и в других городах Древней Руси. В сводной таблице древнерусских клейм, составленной Р.Л. Розенфельдтом и Т.И. Макаровой, имеется аналогичное клеймо из Вщижа (Древняя Русь, 1997. Табл. 18: *23*). Опубликованы такие клейма среди материалов Тверского края (*Олейников*, 2002а. Рис. 26: IV-1-3), Ростова Великого (*Кадиева*, 1996. Рис. 1: *9*, *12*). Четвертое клеймо в виде колеса из Изборска отлично от первых трех. Оно имеет внешний ободок и ободок вокруг оси, между ними – шесть спиц одинаковой толщины (рис. 318: *4*).

Обнаружено оно в той же юго-западной части городища, по-соседству с одним из вышеописанных клейм в виде колеса в напластованиях рубежа XI–XII вв. В сводной таблице древнерусских клейм есть аналогичные изображения из Турова (Древняя Русь, 1997. Табл. 18: *24*).

Два изборских клейма имеют рисунок в виде круга-кольца с вписанным в него крестом. Одно дошло до нас фрагментарно, другое сохранилось полностью (рис. 318: *5, 10*). Последнее клеймо имело диаметр 3 см, оно расположено на днище горшка диаметром 10,5 см, причем несколько смещено от центра дна. Происходит находка из слоя XI в. Подобные клейма принадлежат к весьма распространенным на Руси (*Павлова*, 1997. С. 109, рис. 1: *15–17, 19*; Древняя Русь, 1997. Табл. 18: *10*; *Коваль*, 2002. рис. 1: *10*). Одним экземпляром в изборской коллекции представлено клеймо в виде круга-кольца, в который вписана зеркально изображенная буква S. Оно встречено в потревоженном слое и скорее всего относится к XI в. Клейма с точно таким рисунком в древнерусских материалах отсутствуют, но среди находок на городище Осовик есть клеймо с похожим рисунком (*Павлова*, 1997. С. 111, рис. 1: *28*).

Еще два клейма из Изборска, представленные фрагментарно (рис. 318: *9, 11*), имеют рисунок круга-кольца с вписанными в него неправильно расположенными лучами. Оба происходят из слоя XI в. и найдены недалеко друг от друга в юго-западной части городища. Подобные клейма известны на городище Осовик (*Павлова*, 1997. С. 109, рис. 1: *14*) и на других древнерусских памятниках. К этому виду относится, по-видимому, и фрагмент клейма, происходящий из напластований XI в.

Еще несколько клейм представлено в Изборске единичными экземплярами. Одно из них встречено в слое XI в. и имеет рисунок круга с вписанным в него треугольником с прогнутыми сторонами (рис. 318: *8*). Такие рисунки имеются на клеймах, обнаруженных на сосудах из памятников Тверского Поволжья (*Олейников*, 2002а. С. 47, рис. 26: У-2). Подобное изображение есть и в коллекции клейм из раскопок Ростова Великого, но в отличие от изборского оно имеет два концентрических кольца (*Кадиева*, 1996. Рис. 1: *13*). Близким является и рисунок на одном из клейм из раскопок во Владимире на Клязьме (*Кадиева*, 2002. Рис. 3: *3*). Впрочем, рисунок в виде круга с вписанными в него различными фигурами довольно широко представлен в клеймах на древнерусских сосудах. Три изборских клейма из слоев XI–XII вв. имеют рисунок круга с вписанной в него решеткой (рис. 315: *5, 10*; 318: *6*). Эта решетка напоминает решетчатые привески, распространенные в древностях Северной Руси. Одно из фрагментарно представленных клейм не читаемо – на обломке днища сосуда, происходящего из напластований XII–XIII вв., изображен завиток (рис. 318: *7*). Он мог принадлежать к различным фигурам, известным на древнерусских клеймах (Древняя Русь, 1997. Табл. 18). Оригинально изборское клеймо, найденное в напластованиях XI в. и переданное на рис. 318: *12*. Из отложений XI в. также происходит днище с клеймом в виде простейшего креста (рис. 315: *15*).

На рис. 315: *16* помещен рисунок днища сосуда с четырьмя параллельными углублениями. Трудно сказать, относится ли эта находка к рассматриваемым клеймам или рисунок отражает дефект самого гончарного круга. Впрочем, подобные рисунки на днищах сосудов из Ростиславля Рязанского отнесены исследователем памятника к гончарным клеймам (*Коваль*, 2002. Рис. 1: *19, 20*).

Точильные камни (оселки)

Принадлежат к распространенным находкам. Большая группа оселков имела правильную форму с отверстием для подвешивания, иногда с несколько закругленной или треугольной верхней частью (рис. 319: *1–4, 8–10*; 320: *8*). Основная масса точильных камней представляла собой бруски различной формы и размеров, представленные в культурном слое целостно или фрагментарно (рис. 319: *5–7, 11*; 320: *1–7, 9–16*). Вырезались оселки из местных пород камня мелкозернистого строения или более грубого песчаника. Многие оселки сильно стерты от длительного употребления, на некоторых отчетливо видны пазы от заточки шильев и других острий.

Подобные точильные камни широко представлены на всех древнерусских поселениях. Оселки с отверстиями для привешивания, иногда с продетым в отверстие железным колечком встречаются и в курганных захоронениях (*Хвощинская*, 2004. С. 103).

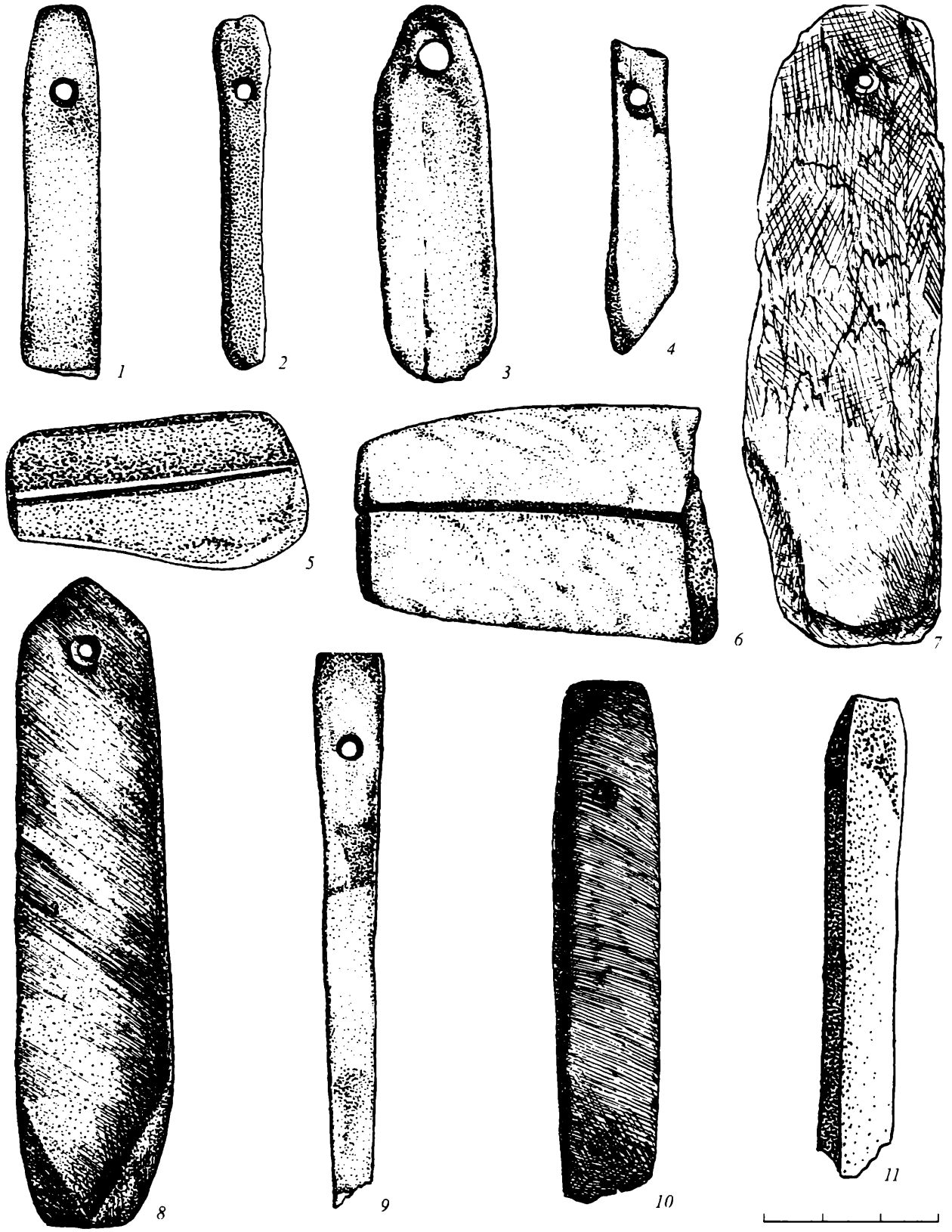

Рис. 319. Точильные бруски

1 – 3, П-25; *2* – отвал, XVI-27; *3* – 3, У-34; *4* – 3, Ш-29; *5* – 2, К-35; *6* – 4, Д-26; *7* – яма, Д-11; *8* – 3, В-27; *9* – 2, Б-26; *10* – 4, З-34; *11* – 2, Т-32

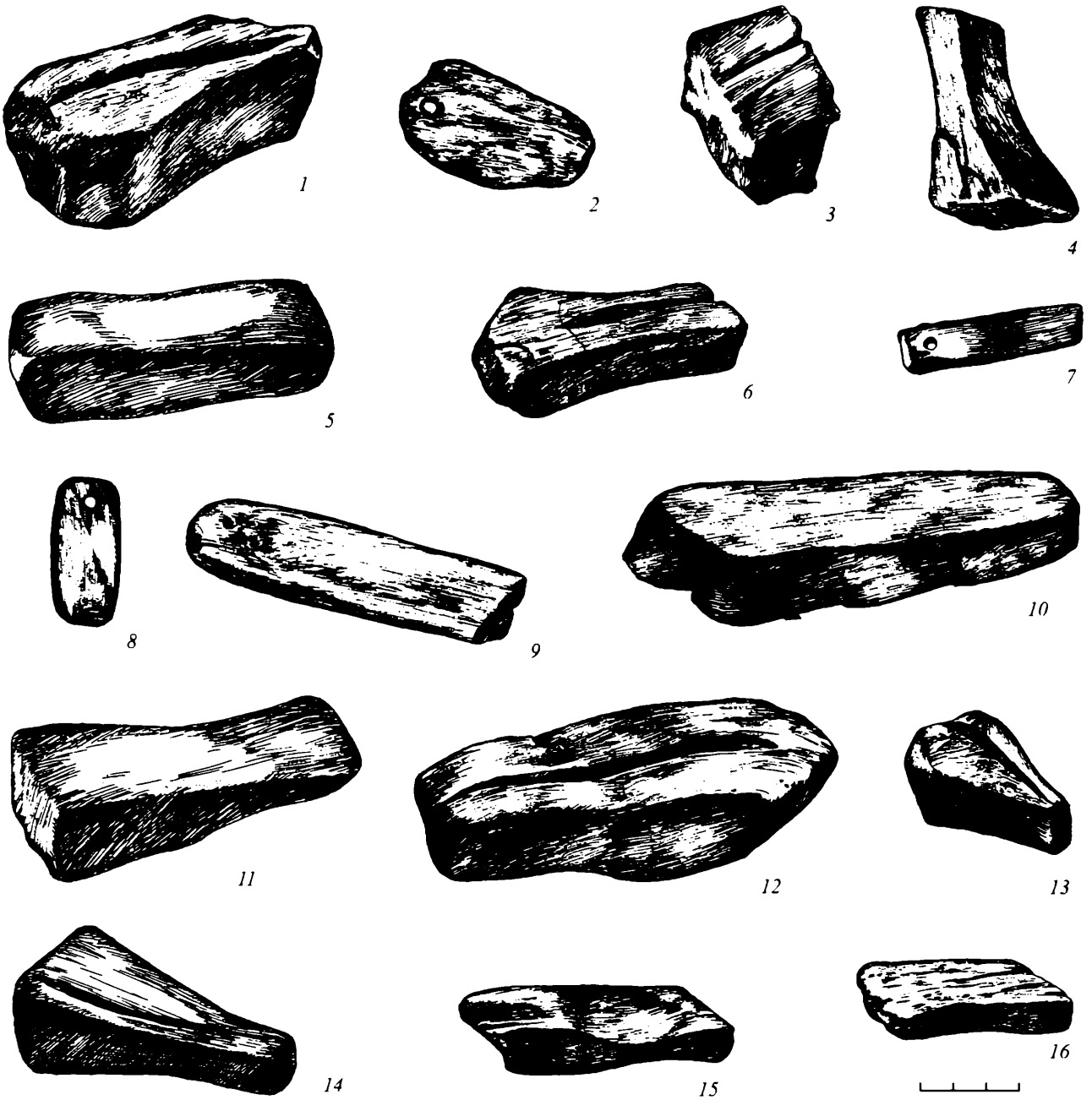

Рис. 320. Точильные бруски

1 – 2, Н-48; *2* – 1, Ш-51; *3, 4* – 1, Щ-18; *5* – 2, Г-49; *6* – 2, И-45; *7* – 3, Щ-46; *8* – 3, Л-41; *9* – 3, Г-49; *10* – 4, М-50; *11* – 3, Х-43; *12* – 4, О-49; *13* – 4, Ш-42; *14* – 4, Ш-43; *15* – 3, Ш-42; *16* – 3, А-47

Сельское хозяйство и промыслы

Земледелие

Археологические исследования древнерусского города надежно свидетельствуют, что в экономике его немалая роль принадлежала земледелию и животноводству. Очевидно, городские жители значительную часть сельскохозяйственной продукции, необходимой для собственного потребления, получали собственным трудом. За пределами городской территории они имели участки пашни для выращивания зерновых культур, лугов для пастьбы скота и сенокоса, огороды. В ряде случаев площади некоторых городов позволяли выращивать огородные культуры и на собственных усадьбах.

В раннесредневековом Изборске, имевшем довольно плотную застройку, вся сельскохозяйственная деятельность, нужно полагать, осуществлялась за пределами крепостных укреплений. Тем не менее при раскопках городища была собрана довольно большая коллекция находок сельскохозяйственного инвентаря. В ее составе имеются и почвообрабатывающие орудия, и орудия уборки урожая, заготовки травы и сена, и многочисленные жернова.

Почвообрабатывающие орудия из раскопок Изборского городища представлены железными сошниками и мотыгами. Найдено четыре целых втульчатых сошника и несколько фрагментарных. Они выкованы из толстых железных листов. Втулки, в которых крепились деревянные рабочие части сохи, образовывались загибами концов тех же железных листов. Три сошника обнаружены в соседних квадратах в нижнем горизонте древнерусского слоя (рис. 321: *3, 5, 7*; 322: *5*). Длина трех полностью сохранившихся находок – 18,7–18,9 см. У четвертого, встреченного в верхнем горизонте напластований, нижний рабочий конец обломан (рис. 321: *1*), длина дошедшей до нас части – 13,3 см. Ширина втулок соответственно – 6,5–7,5 см, поперечное сечение их овальное. Лопасти характеризуемых сошников у́же втулок, рабочие концы умеренно заострены.

К тому же типу принадлежит небольшой сошник (рис. 321: *6*), найденный в верхнем горизонте древнерусского слоя. Он небольших размеров: общая длина – 13,5 см, ширина втулки – около 4 см.

Более крупный сошник (рис. 321: *4*; 322: *1*) обнаружен в среднем горизонте характеризуемых напластований. Длина его – 23 см, ширина втулки – 7,5 см, ее поперечное сечение овальное. Лопасть сошника суживается книзу и несколько изогнута, рабочий конец слегка дугообразный. Аналогичные сошники представлены в новгородской коллекции (*Колчин*, 1959. Рис. 56).

Большинство найденных при раскопках Изборского городища (нижний и средний горизонты культурного слоя) фрагментов сошников представлены лопастями с умеренно заостренными рабочими концами (рис. 322: *4*). Судя по всему, они идентичны охарактеризованным сошникам из нижнего горизонта напластований. Найденные в Изборске целые экземпляры сошников указывают на то, что сохи хранились хозяевами, вероятно, в подсобных помещениях непосредственно на городище. Находки фрагментов сошников в городском культурном слое, по всей вероятности, связаны с их вторичным использованием изборскими кузнецами как металлолома.

Пахотные орудия с железными наконечниками-сошниками того же типа, что и изборские, были широко распространены в лесной полосе Древней Руси в домонгольское время. Согласно В.П. Левашовой и другим исследователям, они образуют первую группу (*Левашова*, 1956. С. 25–38; Древняя Русь, 1985. С. 223, 224, табл. 84: *7–13*). Ю.А. Краснов, классифицируя железные наконечники пахотных орудий Восточной Европы, объединил сошники, подобные изборским, в группу IIIА (*Краснов*, 1987. С. 29–30, 48–49, рис. 11). Такие наконечники получили распространение в VIII–IX вв. первоначально в Новгородско-Псковской земле. Старейшие находки их сделаны в Старой Ладоге (*Мирлюбов*, 1972. С. 120–121, рис. 3, 4) и на Холопьем городке под Новгородом (*Носов, Плохов*. 1997. С. 141, рис. 13). К этому типу принадлежит и описанный выше изборский сошник, найденный в слое с лепной керамикой и датируемый не позднее первой половины X в. С X–XI вв. сошники первой группы получили распространение на всей севернорусской территории, в том числе они обнаружены при раскопках Новгорода и Пскова в слоях X–XI вв. (*Кирьянов*, 1959. С. 344–345, рис. 2: *6*; *Гроздилов*, 1962. С. 59, рис. 46: *9, 10*), в ряде городов Белоруссии (Археалогія Беларуси, 2000. С. 143–147, мал. 30: *7–10*). В XI–XII вв. такие же сошники появились и в Прибалтийских землях (*Шноре*, 1961. С. 91; LA, 1974. Tab. 68: *5*; *Мугуревич*, 1985. С. 91–93, рис. 3: *1, 2*).

Сошники рассматриваемого типа предназначались для однозубых или двузубых пахотных орудий, наиболее целесообразных для обработки под пашни лесных почв Восточно-Европейской равнины.

Несколько раз в Изборске встречены железные мотыги, использовавшиеся для ручной обработки почвы в сельском хозяйстве, в частности на огородных работах. Все они однотипны – проушные, расширяющиеся книзу, с дугообразными рабочими краями (рис. 322: *3*; 323: *1–6*). В целом виде или фрагментарно мотыги выявлены во всех горизонтах древнерусских напластований городища. Они ничем не отличаются от тех, которые обнаружены в нижележащих слоях, характеризуемых лепной керамикой. Мотыги имели высоту от 16,5 до 19,5 см, ширину рабочего края – от 7 до 10 см, ширину втулки – около 5–6 см, диаметры отверстий для рукояток – 4–5 см.

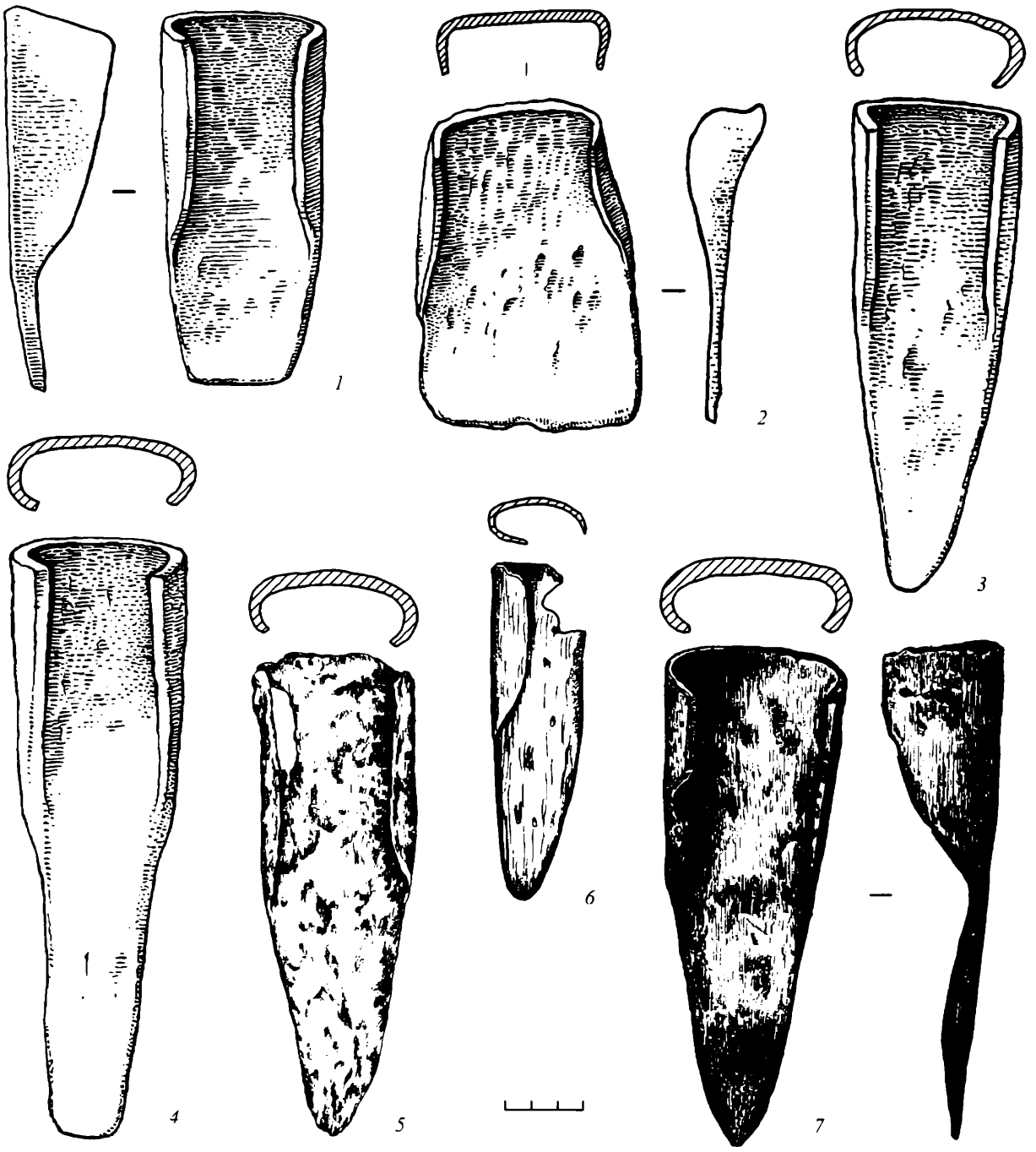

Рис. 321. Железные наконечники пахотных орудий
1 – 2, Ф-54; *2* – 2, Г-22; *3, 5, 7* – 4, Ш-45; *4* – 3, Е-34; *6* – 1, К-22

Находки железных мотыг в древнерусских памятниках сравнительно малочисленны. В Новгороде и Старой Ладоге встречены преимущественно цельнодеревянные изделия. Подобные цельнометаллические орудия исследователи нередко относят к теслам, используемым при деревообработке. Так, к деревообрабатывающему инструментарию была причислена одна из новгородских находок (*Колчин*, 1959. С. 29, рис. 16: *1*). Для тесла, предназначенного для обработки дерева, целесообразным было бы прямое или слегка изогнутое лезвие, а не отчетливо дугообразное, как у мотыг. Одна железная мотыга, подобная изборским, встречена в Берестье (*Лысенко*, 1985. С. 346), имеются такие находки в средневековых памятниках Прибалтики (LA, 1974. Tab. 68: *14*), где они, как было отмечено выше, употреблялись начиная с середины I тыс. н.э.

К орудиям сельского хозяйства принадлежат также железные топоры. Выделить среди них такие, которые использовались при расчистке от леса и кустарника участков под пашни, не представляется возможным. Это были универсальные орудия, которые употреблялись для самых разных работ, в том числе и при сельскохозяйственных работах. Характеристика изборских находок дана выше в разделе, посвященном деревообрабатывающим ремеслам.

Сохранившимися в изборском культурном слое орудиями уборки урожая и заготовки травы явля-

Рис. 322. Железные орудия труда земледельца

1, 4, 5 – наконечники пахотных орудий; *2, 6, 7, 9* – серпы; *3* – мотыга; *8* – коса. *1* – 3, Е-34; *2* – 2, В-31; *3* – 4, Д-50; *4* – 4, Б-10; *5* – 4, Ш-45; *6* – 2, М-45; *7* – 2, І-33; *8* – 2, О-46; *9* – 4, А-38

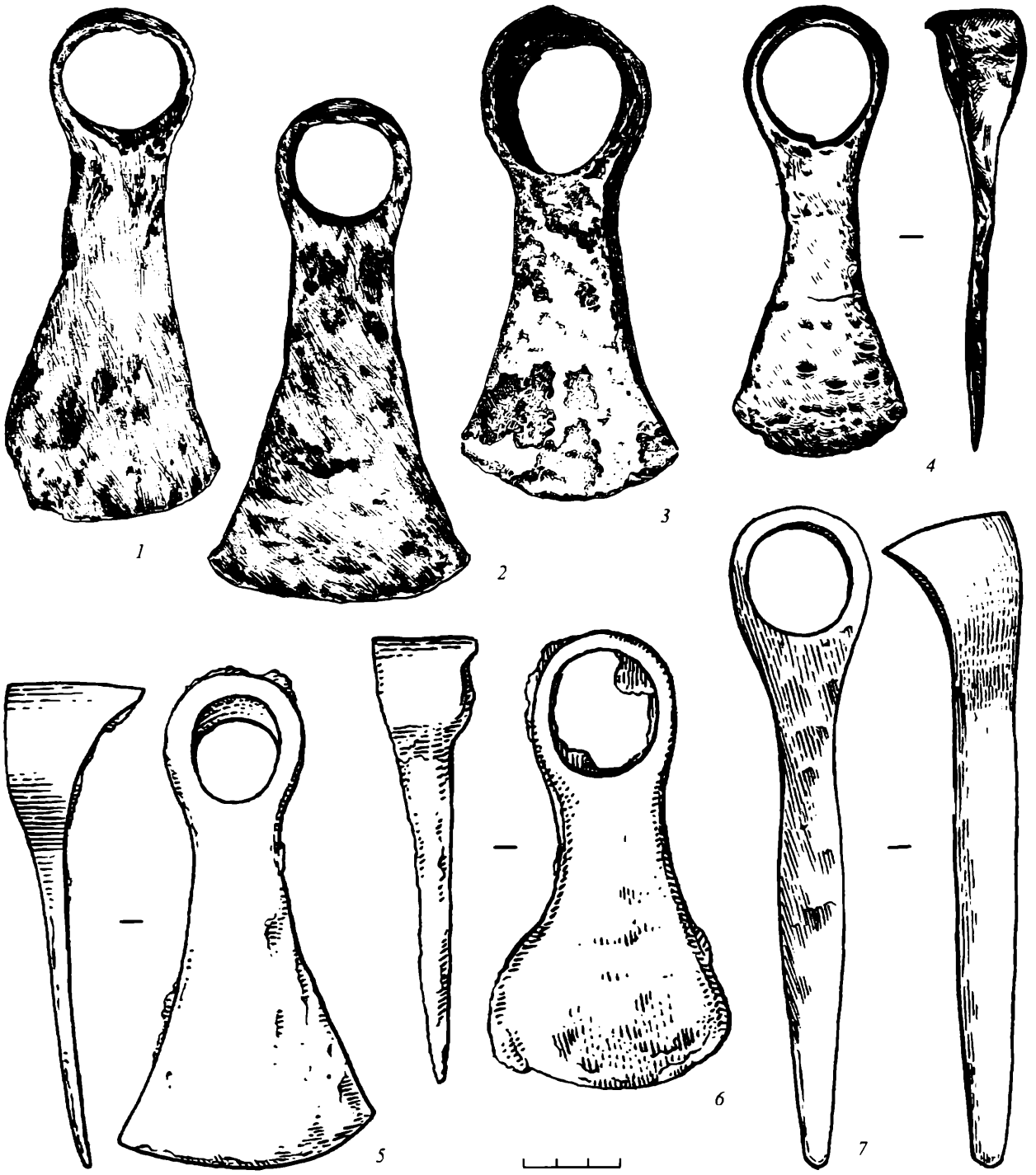

Рис. 323. Железные мотыги (*1–6*) и кайло (*7*)
1 – 3, Г-55; *2* – 3, Е-34; *3* – 3, Н-44; *4* – 3, Л-51; *5* – 3, О-12; *6* – 3, Л-56; *7* – 4, Л-49

ются только железные серпы и косы. Особенно многочисленны серпы (рис. 322: *6, 7, 9*; 324: *1–6*), встреченные во всех горизонтах древнерусских напластований. Все они принадлежат к одному типу – новгородскому согласно классификации В.П. Левашовой (1956. С. 70, рис. 1–3, *5*; *Колчин*, 1959. С. 70–71, рис. 57).

Двумя полностью сохранившимися находками и единичными фрагментами в изборской коллекции представлены серповидные ножи. Один из них (рис. 325: *3*) общей длиной около 25 см обнаружен в среднем горизонте древнерусского слоя. Основная часть клинка (длиной около 16 см) прямая и только на конце образует изгиб. Орудие имеет черешок, как у обычных ножей. Более изогнутую форму имеет массивный серп (рис. 326), происходящий из нижнего горизонта напластований. Его длина – 29 см, ширина – до 7,5 см. Для более надежного крепления рукоятки на конце имеется выступ, как у косы-горбуши. Подобные орудия уборки урожая известны в материалах Юго-Восточной Прибалтики, где есть и массивные, сходные с изборским (LA, 1974. Tab. 37: *1*; *Mugurevičs E.*, 1977. Lpp. 74, tab. XVIII: *4*).

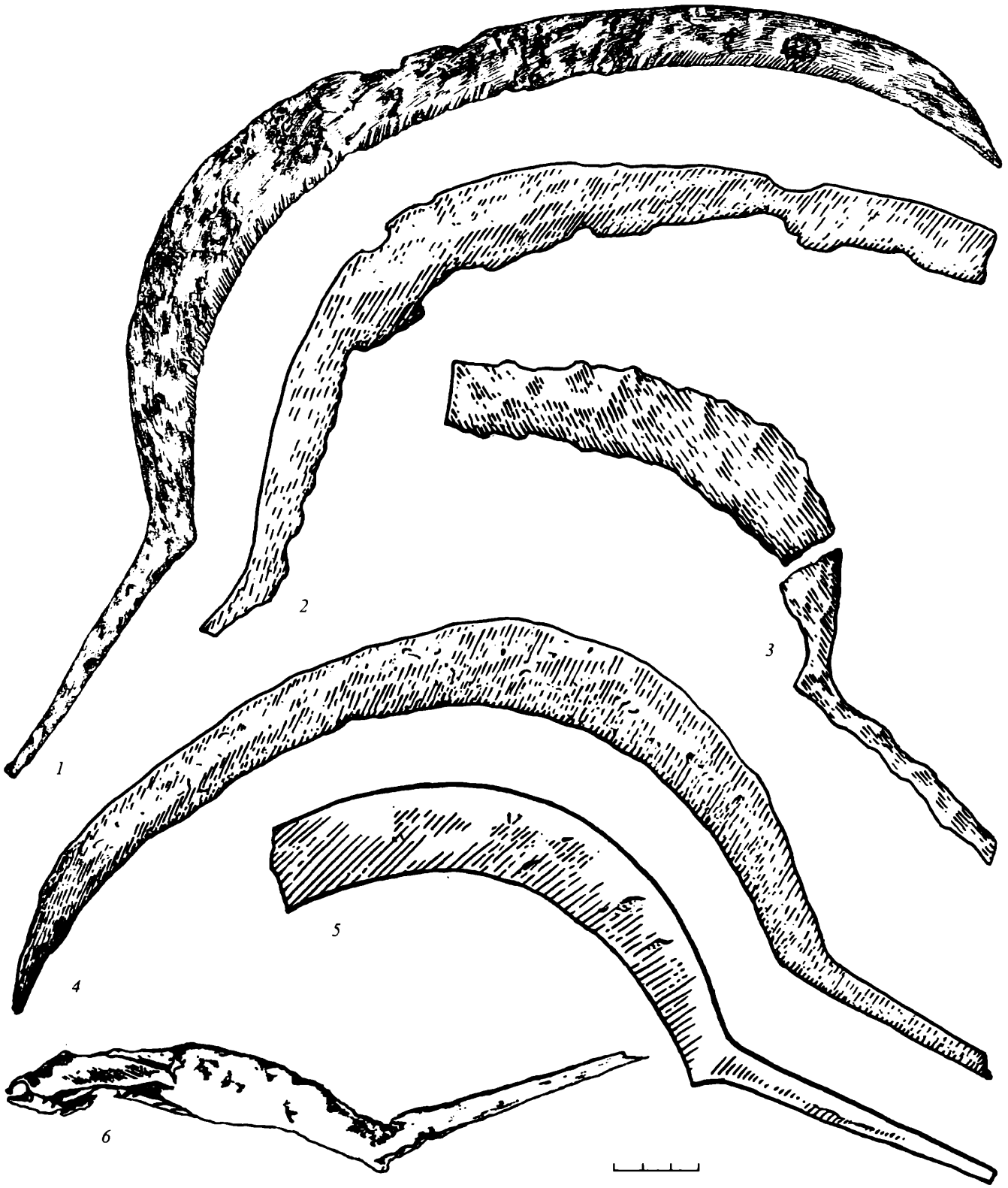

Рис. 324. Железные серпы
1 – 4, А-38; *2* – 4, Л-47; *3* – 3, А-39; *4* – 3, Л-39; *5* – 2, М-45; *6* – 3, З-19

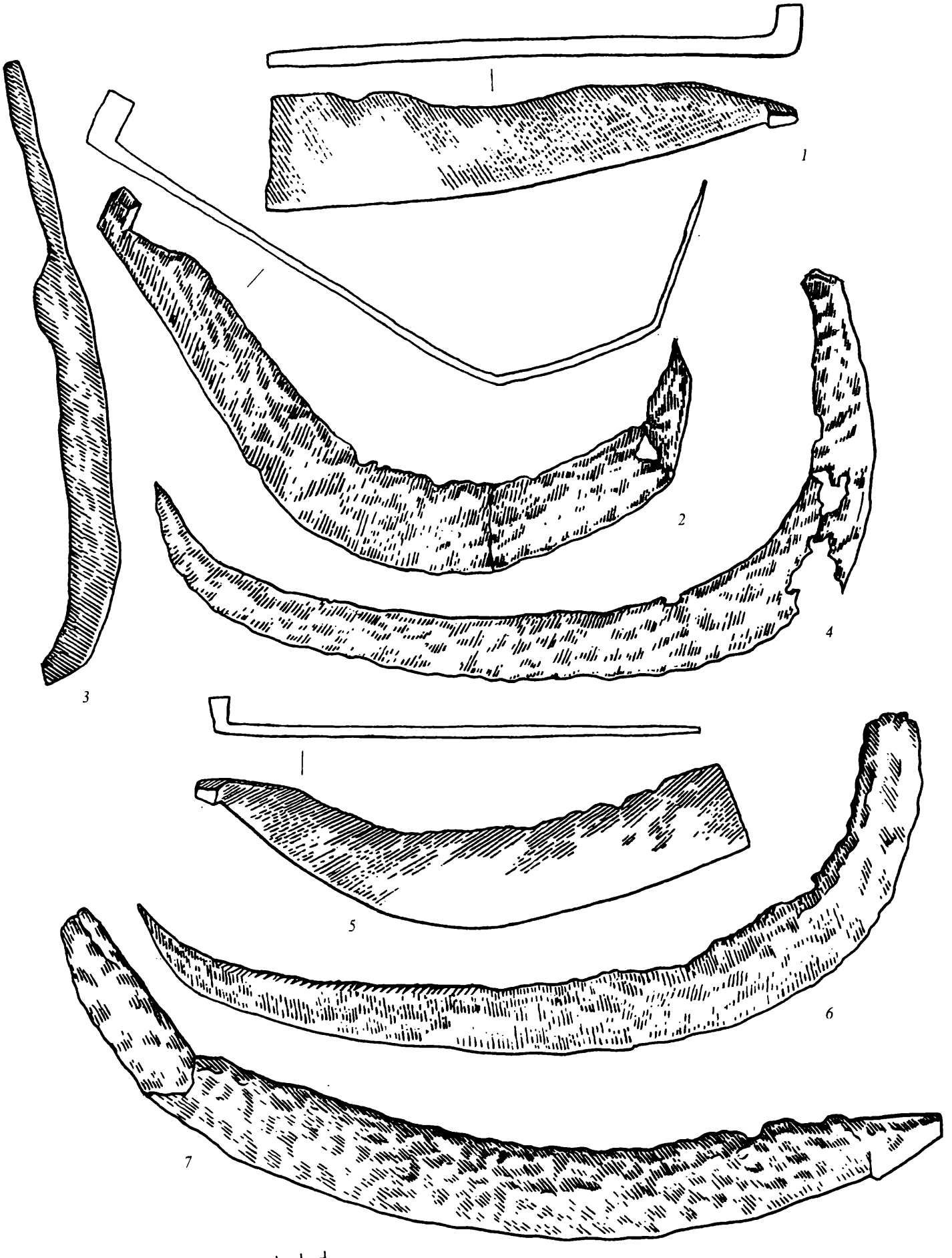

Рис. 325. Железные косы (*1*, *2*, *4–7*) и нож (*3*)
1 – 4, Б-45; *2* – 2, П-5; *3* – 3, Е-25; *4* – 2, IV-16; *5* – 2, О-16; *6* – 3, Р-33; *7* – насыпь вала

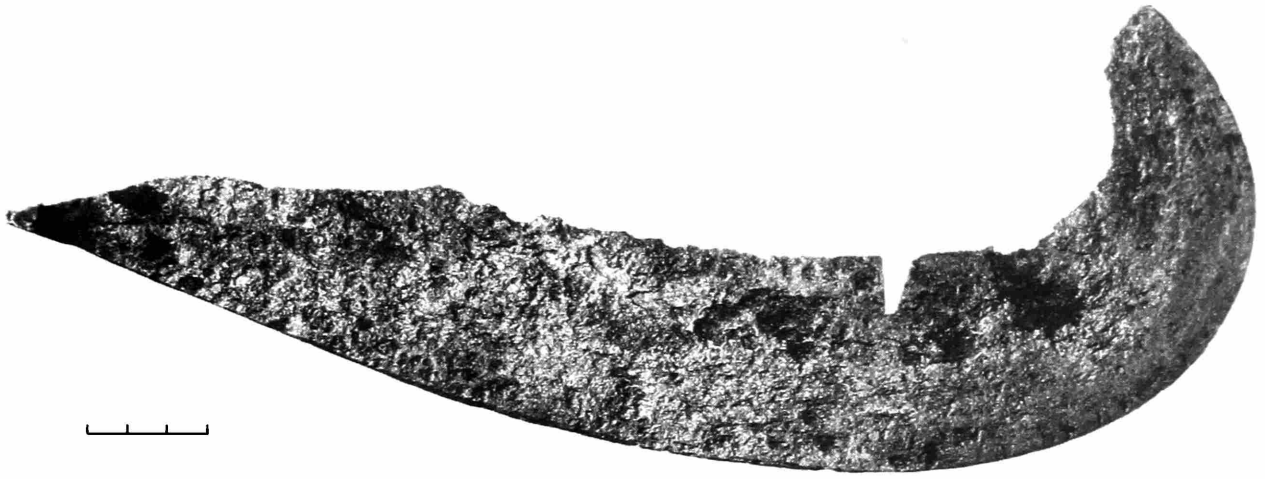

Рис. 326. Железный косарь (4, Ш-45)

Почти все изборские косы (рис. 322: *8*; 325: *1, 4–7*) принадлежат к распространенным в Древней Руси горбушам. Клинки их имеют длину 32–38 см, один заостренный конец их обычно слегка загнут, противоположный отогнут, образуя с лезвием прямой или почти прямой угол. К нему крепилась деревянная рукоятка. Для прочности крепления кончик имел шип или отгибался в боковую сторону. Такие косы исследователями относятся к новгородскому типу (*Левашова*, 1956. С. 87–91; *Колчин*, 1959. С. 71–73, рис. 58). Они имели широкое хождение в северо-западных и северо-восточных землях Руси, а также в Юго-Восточной Прибалтике (LA, 1974. Tab. 36: *5–7*, 68: *16, 17*). Косы-горбуши использовались как для заготовки сена, так и как орудия уборки урожая (*Коробушкина*, 1979. С. 54). Э.С. Мугуревич в публикации материалов раскопок в Локстене утверждает, что в развитом средневековье в Прибалтике косы стали доминирующими орудиями жатвы. Узкие косы использовались для скашивания травы, широкие – для уборки зерновых (*Mugurevičs E.*, 1977. Lpp. 74).

Выделяется одна из изборских кос, имеющая серповидный клинок (рис. 325: *2*), найденная в верхнем горизонте слоя.

При раскопках Изборского городища встречено множество мелких и крупных скоплений обугленного зернового материала. Это остатки зерна, хранившегося в жилищах или хозяйственных постройках, погибших в пожарах. Около отдельных скоплений прослежены остатки берестяных сосудов, в которых хранилось зерно.

Часть зернового материала была изучена Н.А. Кирьяновой в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. Результаты анализов приведены в таблице ее книги, посвященной земледелию лесной полосы Древней Руси (*Кирьянова*, 1992. С. 116–118). Всего исследовательницей обработано 43 скопления, из которых четыре относятся к нижнему слою и были охарактеризованы выше. В рассматриваемом периоде (от середины X до начала XIV в.), как показывают анализы 39 скоплений, основными культурами, выращиваемыми в Изборской округе, были рожь, ячмень, мягкая пшеница и овес. Кроме того, в очень небольшом количестве выявлены зерна гороха, кормовых бобов, мелкосемянной чечевицы, проса, конопли и льна.

На основании данных Н.А. Кирьяновой составлена следующая таблица, дающая некоторое представление о временны́х изменениях в соотношениях между различными сельскохозяйственными культурами. Цифра в числителе показывает количество зерен той или иной культуры, в знаменателе – доля в процентах в составе зерновых культур:

Зерновые культуры	Нижний горизонт вторая половина X–XI в.	Средний горизонт XII в.	Верхний горизонт XIII – начало XIV в.	Всего
Рожь	63341/32,7	3798 / 66,3	62772/76,1	129911/46,1
Пшеница	25138/13,0	1500/26,2	84/0,1	26722/9,5
Ячмень	101625/52,5	421/7,3	19220/23,3	121266/43,0
Овес	3597/1,8	13/0,2	426/0,5	4036/1,4

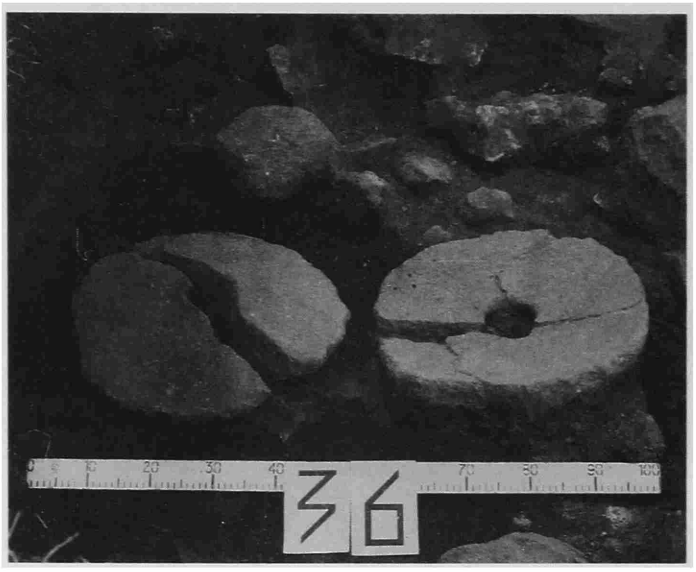

Рис. 327. Каменные жернова (5, V-12). Снимок с севера

Как видно из таблицы, на всем протяжении функционирования поселения заметно преобладала рожь. Значительный процент этой культуры был отмечен уже в верхних горизонтах напластований с лепной керамикой. Во второй половине X–XI в. на долю ржи приходится третья часть зерновых культур, доминирует в то время еще ячмень. Однако с XII в. рожь прочно занимает первое место, и ее доля уже превышает 50% и в XIII – начале XIV в. постепенно возрастает. Среди зерен ржи были встречены семена костра ржаного, типичного озимого сорняка, что позволяет говорить о возделывании в Изборской округе озимой ржи. Озимые формы этой культуры в лесной полосе Восточной Европы обнаружены в материалах IX в. городища Свила (*Коробушкина*, 1979. С. 72–73).

Подавляющее количество зерен ржи в Изборске не является его особенностью. Изучение карпологических материалов из раскопок древнерусских городов показывает, что рожь доминировала на всей территории Руси как в лесной зоне, так и в лесостепи. Иная картина наблюдается только в Днестровском бассейне. Как известно, рожь по сравнению с другими зерновыми обладает целым рядом преимуществ. В отличие от пшеницы, она хорошо прорастает на самых различных почвах, в том числе неплодородных; рожь имеет сильную корневую систему и может извлекать питательные вещества из глубоких почвенных слоев; наконец, эта культура обладает способностью подавлять сорняки.

Второе место в сельскохозяйственной деятельности изборян занимает ячмень. Если на первых порах его доля превышает 50%, то в последующих столетиях его заметно потеснила рожь. Весьма скромное место принадлежит пшенице. Во второй половине X–XII вв. наблюдается некоторое увеличение ее доли (в слое с лепной керамикой она составляла 5,1%), но затем она, очевидно, не выдерживает конкуренции с рожью. В раскопочных материалах из городов лесной зоны Древней Руси по встречаемости зерен пшеница и ячмень попеременно занимают второе и третье место.

Зерен овса в Изборске найдено еще меньше, чем пшеницы. Впрочем, не исключено, что незначительная встречаемость на городище овса обусловлена тем, что это зерно было кормовым и хранилось где-то за пределами укреплений, т.е. там, где содержались кони. В одном из скоплений зерна, относимом к XI в., зафиксировано небольшое количество проса. В районах таежно-лесной подзоны эта культура в древнерусский период не имела распространения.

Среди зерен злаковых на Изборском городище отмечено небольшое количество семян сорных растений. Однако материала мало, он не дает возможности судить в полной мере о характере возделываемых земель, на которых выращивалось зерно. Находки скоплений зерна с ничтожным содержанием сорняков исследователями рассматриваются как косвенный показатель переложной системы земледелия. Увеличение в находках количества зерен ржи указывает на постепенное возрастание полей длительного пользования, эта культура более приспособлена к произрастанию на окультуренных почвах.

Найденные при раскопках карпологические материалы далеко не в полной мере характеризуют земледелие и огородничество изборян. Так, представляется несомненным, что важными продуктами питания были репа и капуста. Выращивались, скорее всего, также свекла, огурцы, тыква, лук и укроп, о чем можно судить по сообщениям письменных источников и археологическим находкам в Новгороде Великом и других древнерусских поселениях. Можно полагать, что в окрестностях Изборска были сады. При раскопках городища неоднократно встречены семена яблок.

В большом количестве найдены в Изборске фрагменты каменных жерновов – необходимое орудие размола зерна. Целые жернова встречаются редко (рис. 327). Жернова появились в Изборске уже в X в. и получили широкое распространение в последующие столетия. Есть в изборской коллекции и порхлицы, служившие опорой для верхнего вращающегося жернова.

Животноводство и охота

Животноводство было, несомненно, важной отраслью сельскохозяйственной деятельности изборян. Однако данных для его характеристики получено крайне мало. Находки сравнительно многочисленных железных кос, которые помимо уборки урожая использовались для сенокошения, косвенно свидетельствуют о немалых стадах домашних животных. Среди изборской вещевой коллекции заметное место принадлежит предметам, связанным с конским снаряжением. Это удила, подковы,

стремена, шпоры, подпружные пряжки и др. Они свидетельствуют о широком использовании лошади как для верховой езды, так и в качестве рабочей силы. Лошади использовались как тягловая сила на пашнях и в транспортных целях.

При раскопках Изборского городища встречен обильный остеологический материал. Однако он в бóльшей степени дает представление о составе мясной пищи изборян, чем характеризует состав стада. В верхнем горизонте рассматриваемых наслоений Изборска заметно преобладают кости крупного рогатого скота, составляя 45,8% остеологической коллекции. Очевидно, именно это животное играло ведущую роль в питании изборян. Второе место занимают кости свиньи – 27%, на третьем – мелкого рогатого скота (овцы и козы) – 16,7%, на долю костей лошади приходится 9,6% (определения выполнены В.Н. Данильченко). Вполне понятно, что количество костей лошади не является показателем их поголовья, так как конина употреблялась в пищу в меньшей степени, чем говядина или свинина. Скотоводство было не только источником мясной и молочной пищи. Кости и шкуры животных использовались в косторезном и кожевенном ремеслах.

Сходные показатели соотношений видов домашних животных наблюдаются в большинстве городов, находящихся в лесной полосе Древней Руси. Так, высокий удельный вес крупного рогатого скота зафиксирован в остеологических материалах Берестья, Витебска, Гродно, Минска, Полоцка, Старой Рязани, Турова (*Левашова*, 1956. С. 77–82; *Щеглова*, 1969. С. 424, рис. 2; *Лысенко*, 1985. С. 362–363).

Соотношение костей домашних и диких животных, доля которых соответственно составляет 93 и 7%, свидетельствует о безусловном преобладании в рационе мяса домашних животных по сравнению с мясом, добытым охотой. Следует заметить, что эти цифры не в полной мере характеризуют значение охоты в занятиях изборян. При раскопках встречены в основном кости диких животных, мясо которых было пищей изборян. Остеологические материалы не дают возможностей для изучения охоты на пушных зверей.

Есть все основания полагать, что в экономике изборян охоте на лесных зверей принадлежала немалая роль. Однако археологические материалы Изборского городища не позволяют обстоятельно охарактеризовать эту деятельность. Орудиями охоты прежде всего были стрелы, сулицы и копья. Разделить эти находки на боевые и охотничьи не представляется возможным. Поэтому характеристика этих находок сделана целостно ниже, в разделе, посвященном предметам вооружения. Костяной наконечник стрелы, который безусловно был исключительно орудием охотничьего промысла, в Изборске встречен в единственном экземпляре.

Рыболовство

Ловля рыбы занимала заметное место в экономике жителей Изборского городища. Для этого были хорошие условия. Изборское озеро и связанные с ним реки до сих пор богаты рыбой. Можно полагать, что изборяне выезжали на рыбную ловлю и на Псковское озеро. Археологические следы рыболовства на Изборском городище многочисленны – металлические крючки и остроги, каменные и глиняные грузила сетей, находки костей и чешуи рыб.

Специально рыболовству Пскова и Псковской земли в эпоху средневековья посвящено диссертационное исследование Е.В. Салминой, в котором были использованы археологические материалы Изборского городища (*Салмина*, 1997). Имеется и небольшая публикация этого археолога, в которой дана краткая характеристика рыболовного инвентаря и ихтиологических находок этого памятника (*Салмина*, 1995б). Естественно, что раздел, посвященный рыболовству изборян настоящей работы, не мог быть написан без использования результатов изысканий Е.В. Салминой.

Железных и бронзовых крючков (в том числе фрагментарных) для ловли рыбы удочкой в Изборске найдено несколько десятков (рис. 328: *1–15*, *20*; 329: *3*). Доминируют среди них железные. Крючки подразделяются на два основных типа. Первые – простые, сделанные из округлого или четырехгранного стержня, с заостренным рабочим концом. Крючки другого типа, изготовленные из такого же стержня, имеют зубец (бородку) на конце. Противоположные концы крючков чаще загнуты петлеобразно, у некоторых отогнуты под прямым углом. Большинство находок не имеют ни крючков, ни отгибов на концах, где они привязывались к леске. Впрочем, у части изделий концы были обломаны. Размеры крючков весьма различны – от небольших, высотой 2,7–3,5 см, до крупных, высотой 8–9,5 см. Ширина отгиба жала от цевья колеблется от 1 до 5 см. Преобладают крючки с острым углом отгиба, которые предназначены для ловли хищных рыб. Е.В. Салмина выделяет среди изборских крючков "мотыльные" (1 экз.), "мормышные" (2), для донных снастей (2), для перемета (1).

Кроме того, в Изборске найдено семь блесен, среди которых пять так называемых "дорожек" и две для подледного лова (одна сделана из свинца, другая – из олова с впаянным железным крючком). На двух бронзовых блеснах-"дорожках" нанесен штриховой узор, имитирующий чешую (рис. 328: *22*). Три из блесен-"дорожек" имеют оригинальную изогнутую форму, как полагает Е.В. Салмина, обусловленную оптическими особенностями "игры" блесен в озерной воде.

Орудиями ударного лова рыбы в изборской коллекции являются семь однозубых острог (рис. 328:

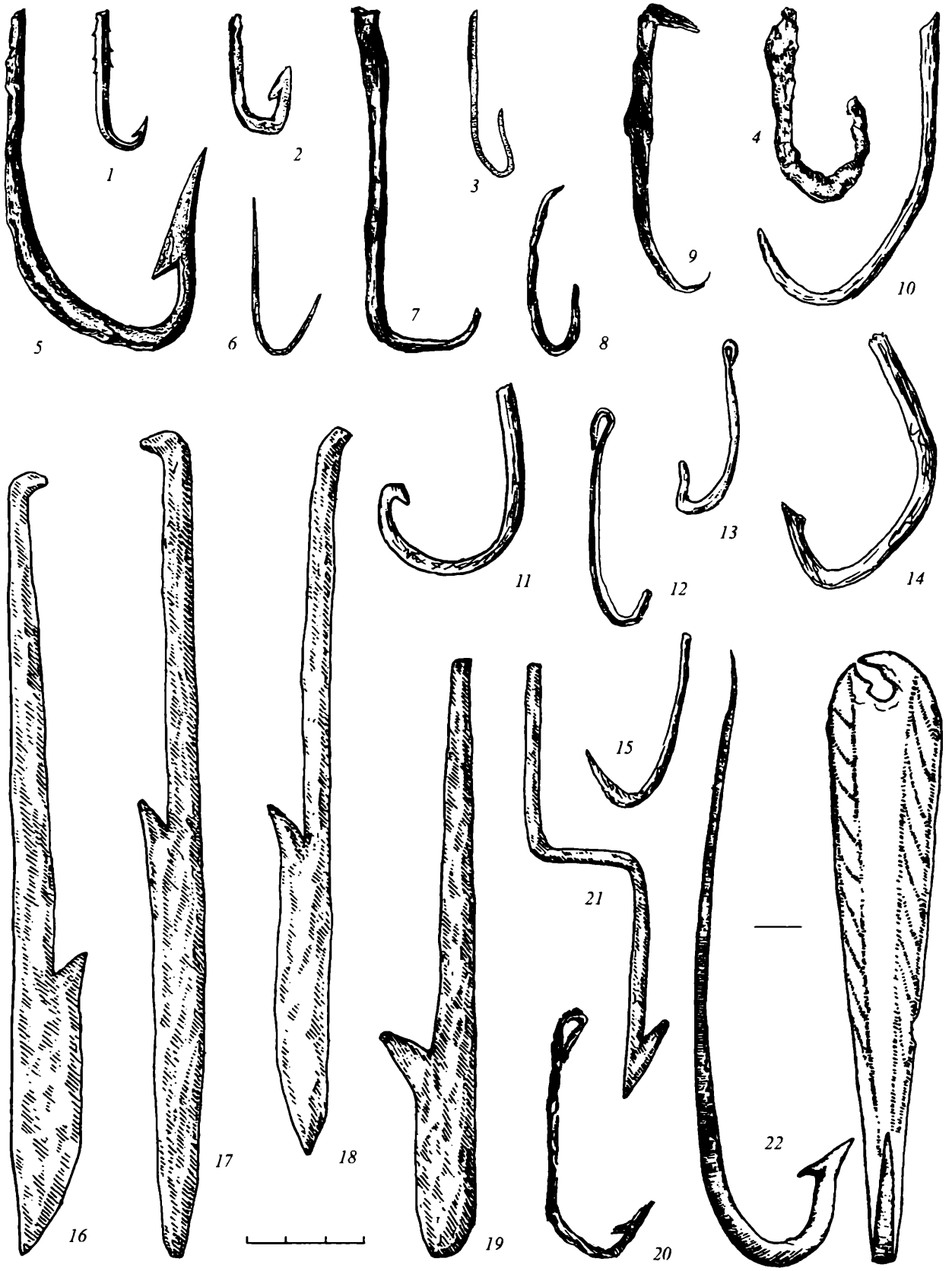

Рис. 328. Рыболовные принадлежности

1–15, 20 – крючки; *16–19, 21, 22* – гарпуны; *22* – блесна. *1, 2, 4–21* – железо; *3, 22* – бронза. *1* – 4, VII-22; *2* – 3, В-10; *3* – насыпь вала; *4* – 8, VI-36; *5* – 3, П-38; *6* – 1, О-36; *7* – 5, Ш-44; *8* – 4, Ш-42; *9* – 6, Щ-43; *10* – 5, П-27; *11* – 5, В-54; *12* – 3, М-22; *13* – 2, О-41; *14* – 3, Б-18; *15* – 4, З-56; *16* – 6, VI-29; *17* – 3, Д-30; *18* – 5, I-39; *19* – 3, Г-30; *20* – 3, З-24; *21* – 4, Ш-11; *22* – 3, Ш-40

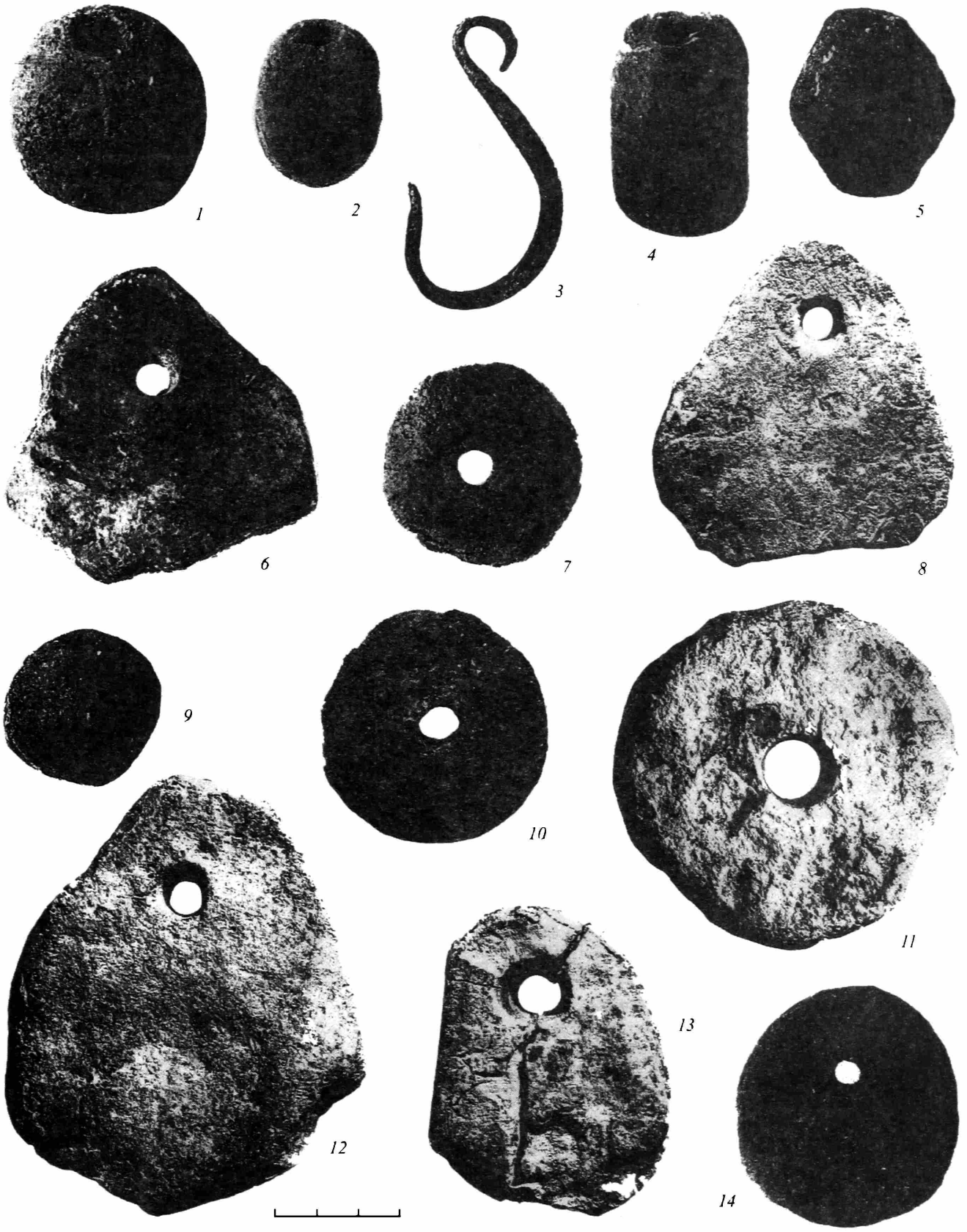

Рис. 329. Рыболовные принадлежности

1, 2, 4–14 – грузила; *3* – крючок. *1, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 14* – глина; *3* – железо; *6, 8, 11–13* – камень. *1* – 4, Ш-35; *2* – 3, Ш-35; *3* – 3, З-36; *4* – 2, V-28; *5* – 3, IV-29; *6* – из отвала; *7* – 2, IV-26; *8* – 3, VII-38; *9* – 5, II-16; *10* – 2, II-34; *11* – 2, II-33; *12* – 3, VII-37; *13* – 2, XV-33; *14* – 4, IV-29

16–19, 21), фрагмент трехзубой и половина двухчастной четырехзубой. Длина сохранившихся полностью острог – 19,7, 20,8, 18,4, 15,2 и 10,8 см, длина зубцов – 7,8, 11,6, 8,7, 5,6 и 1,8 см. Длина зубца трехзубой остроги – 3,1 см, четырехзубой – 2,1 см. Все они предназначены для лова крупной рыбы. К орудиям ударного способа лова относятся и некоторые из гарпунных наконечников стрел. Характеристика последних сделана в разделе, посвященном предметам вооружения, поскольку выделить среди этих находок бесспорно рыболовные не представляется возможным.

Среди изборских рыболовных грузил не менее 50 размерами от 4 × 3,5 до 10 × 15 см изготовлены из местного известнякового камня (рис. 329: *6, 12*), они принадлежат ставным сетям; 6 глиняных, размерами от 4 × 3,5 до 11 × 11 см, от легких сетей-ловушек, 43 глиняные (рис. 268: *11–13, 15*; 329: *1, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 14*), в том числе 25 шаровидных размерами в поперечнике 3–5 см; 12 овальных размерами от 3,5 × 4 до 4 × 5,5 см; 6 дисковидных диаметрами 3,5–7,5 см – от сравнительно небольших волоковых сетей, 11 каменных дисковидных, диаметром 4–7,5 см (рис. 329: *11*) – для крупных волоковых сетей.

К орудиям рыболовов относятся еще костяные иглы, которыми, возможно, плели сети, и крючки.

По подсчетам Е.В. Салминой, среди орудий разных способов лова рыбы в Изборске на долю сетевой оснастки приходится 73%. 22% составляет крючные снасти и 5% – предметы ударного действия. Сетевой лов преобладал в рассматриваемое время и на других поселениях Северо-Запада, при этом аксессуары ставных сетей в Изборске составляют 48%, волоковых – 52%, что характерно для поселений, жители которых предпочитали озерный лов речному. Условиями озерного лова объясняется и преобладание удилищ среди крючных снастей и распространение ударных орудий лова. О том же свидетельствует доминирование активных видов рыболовства, на долю которых приходится 56%. Достаточно очевидно, что рыбная ловля практиковалась изборянами преимущественно на Городищенском и Мальском озерах, а также в реках Изборско-Мальской котловины, которые были более многоводными, чем в настоящее время.

Анализы костных остатков и чешуи из Изборского городища выявили в основном 7 видов рыб: окунь, судак, лещ, плотва, щука, ерш и карась. Чаще других встречаются остатки леща (18 раз, т.е. 27,7%), затем идет плотва (соответственно 17–26,1%), окунь (12–18,5%), щука (11–16,9%), судак (4–6,2%), карась (2–3,1%) и ерш (1–1,5%). По рыбным остаткам Е.В. Салминой были определены возрасты выловленных изборянами рыб. Они таковы: лещ – от 2 до 20 лет (большинство 6–10 лет), плотва – 2–10 лет (4–8), окунь – 3–6 лет (3–5), судак – 3–12 (5–7), щука – 2–8 лет (4–6), карась – 2 и 3 года. Рыба в возрасте созревания, следовательно, составляет 3–6%, старые особи – 18%, т.е. рыбы в водоемах Изборско-Мальской котловины было достаточно, и ее отлов не влиял на состав популяций. Впрочем, следует иметь в виду, что мелкая и низкосортная рыба могла выбрасываться из улова. Судя по большому проценту костных остатков леща, нерестящийся лещ доходил по рекам из Псковского озера до Изборска. Судак, скорее всего, был для Изборска привозной рыбой.

Изучение совстречаемости разных видов рыб показывает, что в выборках нередко сочетаются останки рыб, не совпадающих по образу жизни и размерности, т.е. пойманных явно сетями. Рыболовство в Изборске было подсобным промыслом. Жилищ горожан, специализировавшихся на рыбной ловле, здесь не обнаружено. Этим занимались изборяне, занятые ремеслом или иной деятельностью.

Прочие виды хозяйственной деятельности

Не подлежит сомнению, что изборяне занимались также бортничеством – одним из древнейших занятий славянского населения лесной полосы Европы. Оно заключалось в сборе меда диких пчел. Однако каких-либо особых следов этого вида промысла при раскопках городища не было выявлено. Для выделывания искусственных бортей могли применяться обычные железные топоры, а для вынимания меда – ножи с широкими лезвиями, которых немало встречено на городище. Для лазанья по деревьям использовались веревки с костяными перехватами, упомянутыми выше (см. рис. 253: *1, 2*).

В слое XII в. Изборского городища (4, А-33) обнаружено несколько фрагментов обгорелых пчелиных сот, свидетельствующих о наличии в окрестностях города пасечного пчеловодства. Деревянные доски с остатками сот ранее были найдены на Райковецком городище (*Гончаров*, 1950. С. 76).

Оружие, снаряжение всадника и коня

Предметы вооружения

Находки предметов вооружения на Изборском городище сравнительно немногочисленны. Исключение составляют железные наконечники стрел, которые, как показано ниже, принадлежали в основном не изборянам, а являются следами неоднократных нападений на город-крепость со стороны противника. Другое оружие в изборской коллекции образует относительно небольшую группу. Значительная часть его представлена фрагментами, что вполне объяснимо – мечи и копья были недешевыми изделиями, их не теряли и не выбрасывали, пока они не приходили в негодность.

Наконечники копий

Одним из самых распространенных видов вооружения пеших и конных воинов на Руси были копья. Целых железных наконечников копий в Изборске найдено сравнительно немного.

Наибольшее число изборских наконечников копий имеют перо удлиненно-треугольной или удлиненно-листовидной формы с несколько поднятыми скругленными плечиками и немного расширяющейся книзу втулкой (рис. 330: *4, 6*; 331: *1, 2, 4–6*). Поперечное сечение их пера ромбическое, с ослабленно выраженной гранью. Общие размеры полностью сохранившихся наконечников 18,0, 18,3, 19,3, 27,1, 29,4, 30,1, 32,5 и 34,4 см. Встречены они преимущественно в слоях второй половины X–XIII вв. Копья этого типа являются весьма распространенными в средневековой Европе. Согласно классификации А.Н. Кирпичникова, это наконечники типов III и IV (*Кирпичников*, 1966б. С. 12–15). Такие копья могли использоваться как против не защищенного доспехами неприятеля и его конницы, так и при охоте на крупного зверя.

Наконечников копий с широким пером лавролистной формы, плавно переходящим в расширяющуюся книзу втулку, в Изборске найдено два (рис. 330: *2*; 331: *3*), один – в слое второй половины X–XI в., другой – в напластованиях XIII в. Подобные копья были относительно широко распространены в Юго-Восточной Прибалтике еще во второй половине I тыс. н.э. и продолжали употребляться в XI–XII вв. (*Selirand*, 1974. Lk. 112, tabl. XI: *5*; LA, 1974. Tab. 39: *3*).

Несколько втульчатых наконечников копий принадлежат к типу пик, составляющих тип V согласно классификации А.Н. Кирпичникова (1966б. С. 15–17). Они имеют узкие четырехгранные стержни ромбического сечения, переходящие во втулки (рис. 330: *5*). Встречены эти копья в слоях XII – начала XIV в. и только один, найденный в двух фрагментах, происходит из напластований конца X–XI в. (рис. 330: *7*). Размеры двух полностью сохранившихся копий – 19,1 и 25,7 см. Подобные пики имели широкое распространение на Руси в X–XI вв. Согласно А.Н. Кирпичникову, в этот период они были основной формой узколезвийного копья, в XII–XIII вв. они не были преобладающими, но все же были нередкими. Этим исследователем в каталог включено 146 экземпляров наконечников рассматриваемого облика. Типичные размеры их – 15–30 см.

К этому же типу относится происходящий из изборского слоя XIII в. наконечник копья-пики, не имеющий тулии: отверстие для древка сделано непосредственно в нижней части узкоконического пера. Острый конец его отломан (рис. 330: *10*). Длина дошедшей до нас части наконечника 16,7 см. Аналогичные копья известны в замках Латвии, в частности в Локстене, датируемом XIII–XIV вв. (*Mugurevičs*, 1977. Lpp. 81, tab. XXXI: 9; XXXII: 17).

Из слоя XII в. Изборского городища происходит наконечник копья с ланцетовидным пером ромбического сечения. Нижняя часть его не сохранилась (рис. 330: *3*). По всей вероятности, суживающаяся шейка копья плавно переходила во втулку. Такие копья встречены и в нижележащих напластованиях с лепной керамикой и уже получили характеристику выше. Согласно А.Н. Кирпичникову, наконечники копий с пером ланцетовидной формы (тип 1) на Руси имели хождение в X–XI вв. (*Кирпичников*, 1966б. С. 9).

Кроме того, в изборских напластованиях встречено несколько фрагментарных наконечников копий – обломки перьев ромбического и овального сечения, острий и втулок. Найдены и втоки – железные втульчатые наконечники для нижнего конца древка копий. Они имеют вид конических колпачков и подразделяются на два типа. Одни из них свернуты из куска толстого железа, заострены внизу и имеют отверстия для гвоздя, с помощью которого втоки закреплялись на древках (рис. 330: *8, 9, 11*). Другие были сварены в кузнице, имели притупленные концы и набивались на древко (рис. 331: *10, 11*). Втоки первого типа представлены в новгородской вещевой коллекции (*Медведев*, 1959. С. 130, рис. 4: *11–13*). Аналогичные по строению находки в Латвии, но иногда более крупных размеров, рассматриваются как наконечники копий или сулиц (*Mugurevičs*, 1977. Lpp. 81, tabl. I: 28; XXXI: 10–13).

Заметно больше, по сравнению с наконечниками копий – оружием ближнего боя, – в Изборске встречено наконечников сулиц – метательных копий. По своей форме последние обычно копируют наконечники копий, но отличаются меньшим весом и, следовательно, малыми размерами. По мнению А.Ф. Медведева, вес наконечников сулиц колеблется от 60 до 100 г (*Медведев*, 1959. С. 128), в то время как наконечники копий весят обычно 200–400 г, а отдельные экземпляры достигают 700–1000 г. Древки сулиц также были облегченными и более короткими (1,2–1,5 м). На Руси преобладали черешковые наконечники сулиц, нередко концы черешков загибались для лучшего скрепления с древком. В таких случаях они привязывались к древку сбоку, а загнутый конец черешка вбивался в древко.

Среди изборских наконечников сулиц доминируют черешковые с треугольно-листовидным пером ромбического или овального сечения (рис. 332: *1–11*). Наиболее ранняя из них встречена была в нижнем слое Изборского городища и охарактеризована выше. В рассматриваемое время большинство находок подобных дротиков, по всей вероятности, попали в культурный слой Изборска в результате неоднократных осад его противником. Об этом свидетельствует большое число та-

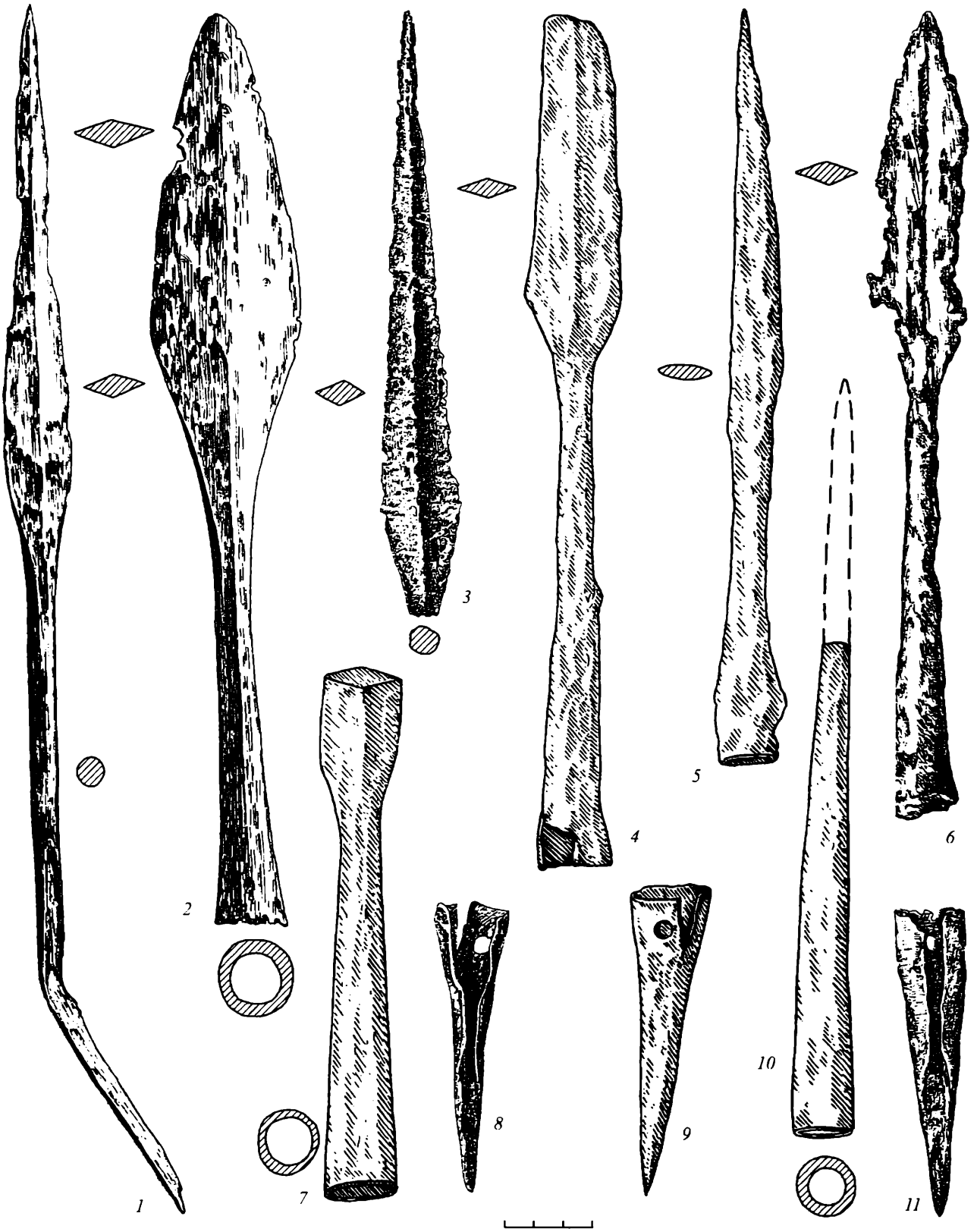

Рис. 330. Наконечники копий (железо)

1 – 4, Ш-44; *2* – 2, В-13; *3* – 3, И-42; *4* – 4, ХП-22; *5* – 4, V-34; *6* – 4, Ж-36; *7* – 4, В-45; *8* – 4, Ж-52; *9* – 3, Е-55; *10* – 3, П-41; *11* – 4, V-34

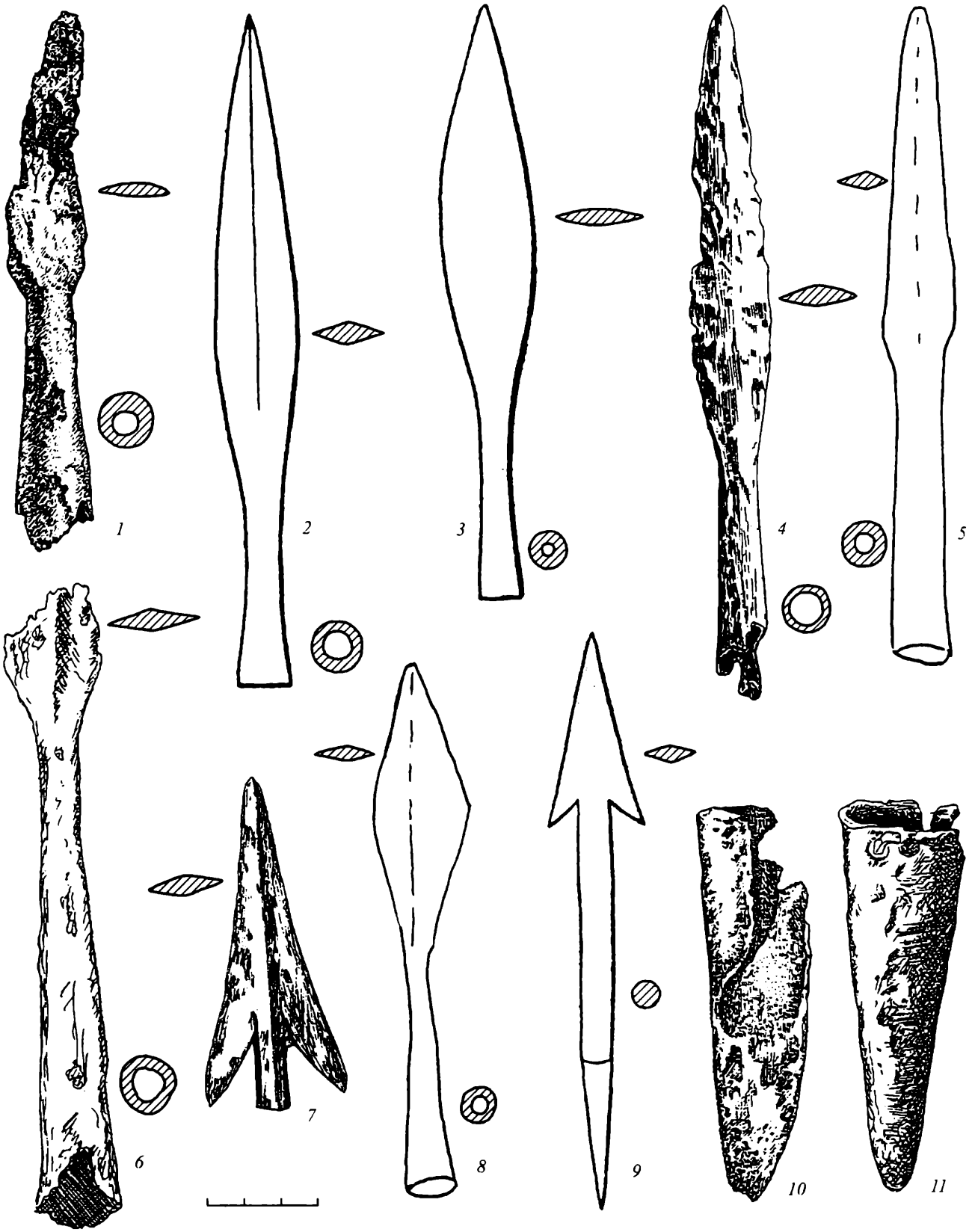

Рис. 331. Наконечники копий (железо)

1 – 3, VII-17; *2* – 3, Ш-35; *3* – 4, П-29; *4* – 3, М-35; *5* – 5, З-33; *6* – 4, В-49; *7* – 4, Ф-33; *8* – 3, И-23; *9* – 4, О-33; *10* – 1, К-22; *11* – 4, Ш-50

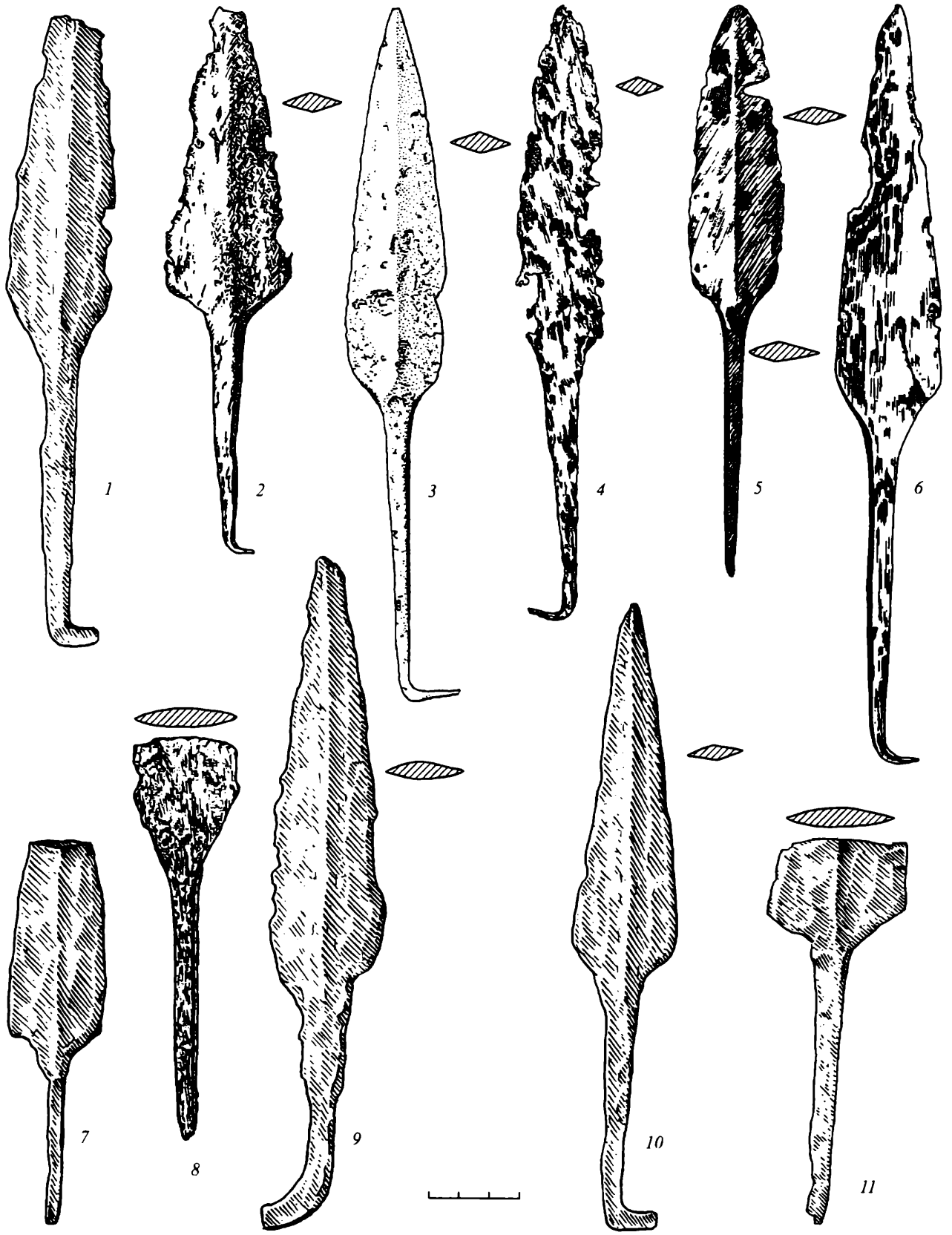

Рис. 332. Наконечники копий (железо)

1 – 3, Е-24; *2* – 1, У-54; *3* – 2, Д-24; *4* – 3, К-32; *5, 6* – 4, А-8; *7* – 4, Х(буква)-43; *8* – 2, П-41; *9* – 4, Е-27; *10* – 1, Д-30; *11* – 2, М-44

ких наконечников с обломанными остриями (рис. 332: *1, 2, 7, 8, 11*).

На Руси аналогичные наконечники сулиц весьма немногочисленны. Черешковые копья с пером вытянуто-треугольной формы, напоминающие по очертаниям рассматриваемые дротики, А.К. Кирпичников отнес к типу VI и отметил, что они встречены преимущественно в памятниках X–XI вв. на окраинах Северной Руси, где имело место славяно-финское взаимодействие. Только местами такие копья доживают до XIII в. Зато листовидные черешковые копья были распространены широко в Финляндии, Эстонии и Латвии (*Кирпичников*, 1966б. С. 17). Сулицы, подобные характеризуемым изборским, в древнерусских материалах обнаруживаются также редко. Четыре находки сделаны в Новгороде, где датируются широко – X–XIII вв. (*Медведев*, 1959. С. 127–128, рис. 4: *9, 10*), единично в Полоцкой земле – в Браславе, Друцке, Заславле, Масковичах (*Алексеев*, 1960. Рис. 46: *12, 31*; *Дучыц*, 1991. Рис. 6: *1*; 22: *11*), в курганах Ижорского плато и разрозненно в других местах. А.Н. Кирпичников включил в каталог 17 подобных находок (*Кирпичников*, 1966б. С. 98–101, табл. X: 10, 12, 13). Множество таких наконечников обнаружено в памятниках Прибалтики. Так, в Локстене они полностью тождественны изборским (*Mugurevičs*, 1977. Lpp. 81, tab. XXXI: 14, 16–19; XXXII: 18). Такие наконечники найдены при раскопочных изысканиях и других замков Ливонского государства – Тевете, Талси, Ерсике, Мартиньсала, Саласпилс и др. (*Balodis*, 1940. Lpp. 56, tab. X: 2; *Стубавс*, 1970. С. 187, рис. 1: *7*; LA. 1974. tab. XXXII: 18; XLVI: 5), а также на Асотском городище (*Шноре*, 1961. Табл. X: 29–31). Материалы из раскопок Ерсикского и Терветского городищ датируются XII–XIII вв., жизнь в замке Мартиньсала протекала в XII–XIV вв., саласпилский наконечник сулицы датируется XIII в. Находки рассматриваемых наконечников сулиц в Изборске, по всей вероятности, следует рассматривать как следы нападения на город воинов Ливонского ордена. Один наконечник того же типа найден в Изборской крепости XIV–XVI вв. (*Артемьев*, 1998. Рис. 78: *4*).

Такого же происхождения в Изборске, очевидно, наконечники сулиц гарпунообразной формы, с односторонним шипом (рис. 333: *1, 3–5, 7–9, 11, 12*). На Руси такие дротики (и стрелы), по-видимому, не имели заметного употребления, но весьма нередки в Прибалтийских землях. Так, на территории Эстонии они встречены не менее, чем в полутора десятках памятников и датируются XI–XIII вв. (*Selirand*, 1974. Lk. 114, 284–287, tab. XII: 8; EE, 1982. joon. 219: *5*). Известны такие дротики также в Латвии, западных районах Литвы и на территории Финляндии (*Kivikoski*, 1974. Abb. 993, 1236; LA, 1974. tab. 51: *3*; 60: *25*; *Шноре*, 1961. Табл. X: 26–28; *Volkaite-Kulikauskiene*, 1970. Pav. 39: *1–6*). Встречены они также в Браславском Поозерье на городище Масковичи (*Дучыц*, 1991. Рис. 22: *9, 10*), а также в западнорусских городах – Пскове, Новогрудке, Гродно, Новгороде (*Воронин*, 1954. Рис. 24: *1*; *Колчин*, 1959. С. 77, рис. 64: *5, 6*; *Гроздилов*, 1962. Рис. 47: *9, 10*; *Гуревич*, 1981. С. 35, 67, 105, рис. 23: *5*; 54: *9*; 55: *14*; 85: *12*) и в курганах Северо-Запада (*Спицын*, 1896. Табл. XVIII: 11). Исследователи, публикующие эти находки, обычно относят их к рыболовным снастям, и не исключено, что некоторые из таких однозубых наконечников служили гарпунами (см. рис. 328: *16–19*). Однако изборские наконечники сулиц и стрел, как и в Прибалтике, следует рассматривать как предметы вооружения, о чем говорят сломанные или загнутые острия некоторых из них (рис. 333: *3, 5, 8*). Такие наконечники, нужно полагать, были выпущены неприятелем, осаждавшим поселение.

В характеризуемых напластованиях Изборского городища зафиксировано три двушипных черешковых наконечника сулиц (рис. 331: *7, 9*; 333: *7*). Все имеют перья ромбического сечения в поперечнике и происходят из напластований второй половины X–XI в. Две находки (рис. 331: *7, 9*) сопоставимы с упомянутым выше наконечником сулицы, обнаруженным в слое с лепной керамикой. Третий наконечник (рис. 333: *6*) имеет фигурное перо – в средней части оно несколько сужается, а выше немного расширяется.

Двушипные черешковые наконечники дротиков широко представлены в прибалтийских средневековых коллекциях. Латвийские материалы были детально проанализированы М. Атгазисом (*Atgazis*, 1974. Lpp. 171–194). Ко времени написания работы на территории Латвии было найдено 156 двушипных наконечников. Исследователь в зависимости от контура пера и разреза черешка распределил их на четыре типа и показал, что это оружие (типы A, B, C) имело широкое распространение в VI–VIII вв. и вскоре их военное значение было утрачено. В XII–XIII вв. с ростом значения оружия дальнего боя наступает новый этап развития двушипных дротиков (тип D). Они получают хождение в Латвии, Литве и Восточной Пруссии. Подобные дротики применялись также на охоте и рыбной ловле. Изборские дротики сопоставимы с латвийскими находками типа D, но датируются на столетие ранее. В сводке А.Н. Кирпичникова описаны находки таких дротиков (тип VII), они крайне малочисленны (*Кирпичников*, 1966б. С. 17, 94, 95, табл. X: 6).

Три черешковых наконечника сулицы в изборской коллекции имеют узкие вытянуто-треугольные перья, сечение их ромбическое (рис. 330: *1*; 332: *10*). Они довольно крупные – длина одного 40,4 см, острие второго обломано, длина сохранившейся части его 23,9 см, длина третьего – 23,3 см. По своим размерам они соответствуют наконечникам копий, но черешок одного из них на конце за-

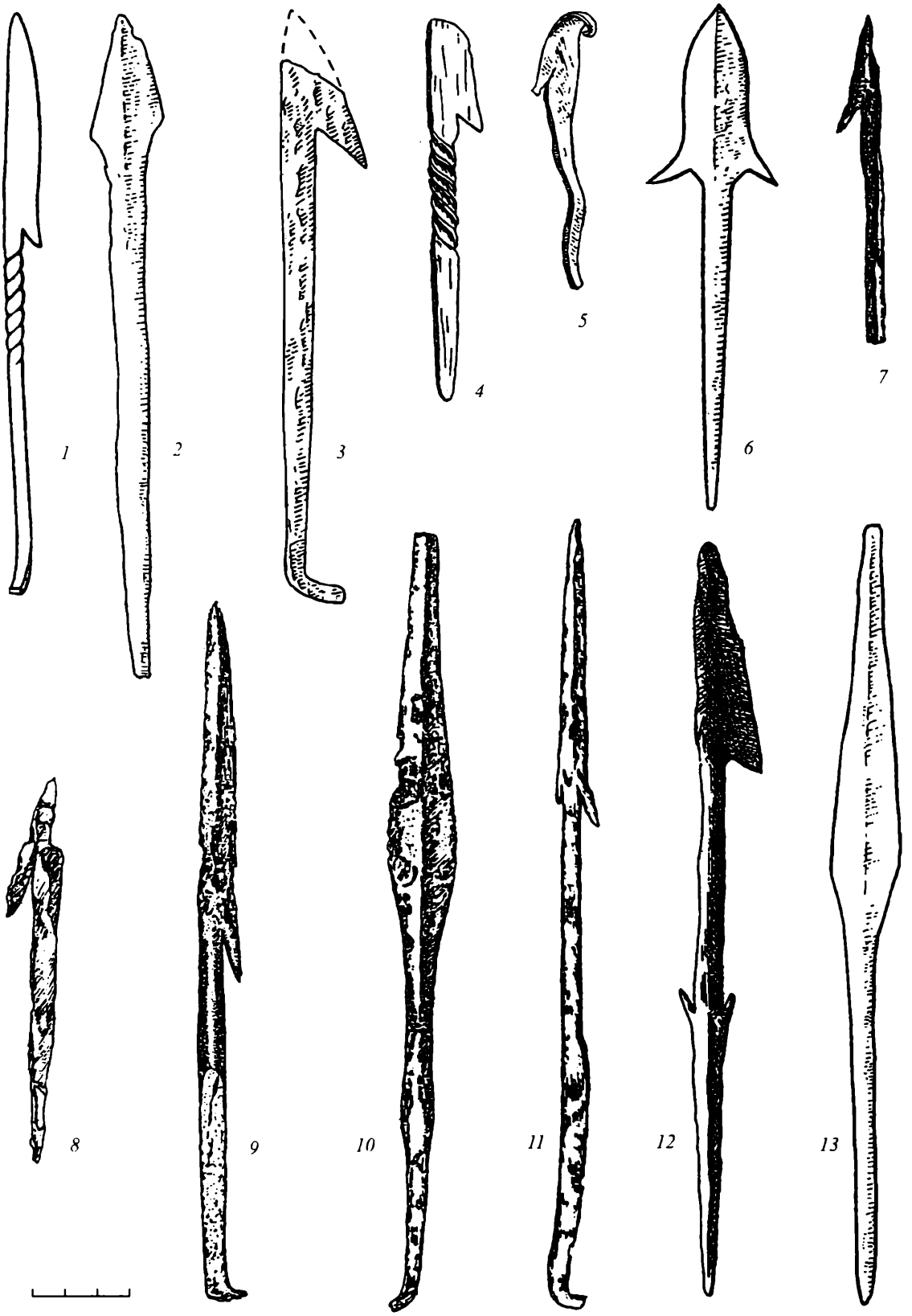

Рис. 333. Железные дротики

1 – 5, I-39; *2* – 4, О-33; *3* – 4, Ч-46; *4* – 2, Е-20; *5* – 4, В-49; *6* – 2, Е-44; *7* – 3, Г-30; *8* – 1, VII-21; *9, 13* – 4, В-31; *10* – 3, Д-30; *11* – 3, VI-8; *12* – яма 8, VI-35

гнут, что позволяет отнести его к метательному оружию. Обнаружены рассматриваемые наконечники в слое XII – начала XIII в. В древнерусских материалах, собранных А.Н. Кирпичниковым, подобных наконечников нет. Лишь один наконечник сулицы, напоминающий изборские находки, встречен в Браславе.

Еще один черешковый наконечник из слоя X в. имеет короткое треугольное перо ромбического сечения и длинный черешок. Общая длина наконечника 15,9 см (рис. 333: *2*). Подобные сулицы с длинным черенком, но иным пером известны в древнерусских материалах (*Кирпичников*, 1966б. Табл. X: *9*).

Есть среди наконечников метательных копий и втульчатый. Он имеет перо удлиненно-овального очертания, сечение его в поперечнике овальное. Длина наконечника 13,3 см.

Наконечники стрел

Наиболее многочисленной категорией оружейных находок в Изборске являются железные наконечники стрел. Среди них много черешковых арбалетных.

Два десятка изборских наконечников стрел арбалета принадлежат к типам 15 и 16 по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 95–96, табл. 31: *19, 29*). Все они имеют квадратное сечение с ромбовидной гранью и сравнительно короткий черешок (рис. 334: *1–7, 12, 13, 15*). Длина их – от 5,5 до 7,5 см, большая часть – 6–6,5 см, длина боевой головки – 3,2–4,9 см, наибольшая ширина пера – 1,1–2 см. Обнаружены эти находки на Изборском городище в основном в напластованиях среднего и верхнего горизонтов (XII – начала XIV в.), но единичные встречены и в нижележащем горизонте древнерусского слоя. На Руси подобные наконечники арбалетных стрел распространения не имели. Множество их происходит из памятников Прибалтики периода господства там Ливонского ордена. Так, находки подобных наконечников отмечены в Отепяя (EE, 1982. Joon. 255: *6, 7*), Межотне (*Ginters*, 1939. Att. 22: *2*), Талси, Тервете, Селпилсе (LA, 1974. Tab. 47: *3*; 55: *14*; 79: *10, 11*), Асоте (*Шноре*, 1961. Табл. X: 14), Локстене (*Mugurevičs*, 1977. Tab. XXXI: *5–8*; XXXII: *1–5*), Нарве (*Alttoa, Aus, Tamm*, 1986. Taf. XL: 6), Алтене (*Graudonis*, 1983. Lpp. 76, att. 34: *2, 3, 19, 20*) и др. В Ливонии они датируются в основном XII–XIV вв., но были в употреблении и позднее. На Руси такие бронебойные наконечники найдены только в областях, пограничных с прибалтийскими землями. Таковы находки в Волковыске (*Зверуго*, 1975. С. 111, рис. 32: *6*) и Новогрудке (*Гуревич*, 1981. С. 107, рис. 81: *5*). В Изборске эти наконечники следует рассматривать как метательное оружие осаждавшего город неприятельского войска. Кроме одной, все эти находки обнаружены в западной части городища, свидетельствуя об осаде Изборска с запада, со стороны Словенского поля. Аналогичные наконечники арбалетных стрел встречены и в Изборской крепости преимущественно в напластованиях XIV в. (*Артемьев*, 1985. С. 134, рис. 2: *7, 13*; 1998. С. 105, рис. 77: *12, 22, 23*).

Другой многочисленной группой являются арбалетные наконечники пирамидальные, квадратного сечения с треугольной гранью (рис. 334: *8–11, 16–21*). Таковых в Изборске встречено также около двух десятков, в основном в слое среднего и верхнего горизонтов. Длина их – от 6,9 до 8,2 см, длина боевой головки – 4,2–6,3 см, наибольшая ширина грани – 0,8–1,3 см.

А.Ф. Медведев такие находки отнес к типу 10 арбалетных наконечников (*Медведев*, 1966. С. 95). Они известны преимущественно в Прибалтике. А.Ф. Медведев отметил находки таких наконечников на земгальском городище Межотне и в Риге, где они датируются XII–XV вв. Встречены они также на куршском укрепленном поселении Талси (LA, 1974. Tab. 47: *4*), Отепяя (EE, 1982. Joon. 255: *1–5*) и в Пскове (*Гроздилов*, 1962. Рис. 47: *5*, назван автором наконечником шпоры). А.Ф. Медведев упоминает еще находку в Княжей горе (Родень). В Изборске большинство рассматриваемых наконечников скорее всего являются следами осад поселения противником. Среди находок имеются экземпляры с загнутыми или обломанными остриями (рис. 334: *9–11, 20*).

Среди втульчатых арбалетных стрел в Изборске преобладают пирамидальные наконечники квадратного сечения с шейкой (рис. 335: *1, 4, 5, 7, 9*). А.Ф. Медведев описал подобные находки как наконечники типа 1 и отметил, что ранние имеют грань в форме вытянутого треугольника с пропорциями 1 : 4, поздние – более короткие головки при пропорциях грани 1 : 3 и меньше (*Медведев*, 1966. С. 94, табл. 31: *1, 2, 10, 11*). На Изборском городище найдено 16 наконечников этого типа, и все они принадлежат к первому подтипу. Большинство их выявлено в верхнем горизонте культурного слоя, единичные встречены в среднем и нижнем горизонтах. Длина их – от 7 до 10,5 см, длина головок – 4–6 см, наибольшая ширина грани – 8–11 мм. Наконечники этого типа, как отметил А.Ф. Медведев, доминировали в Новгороде Великом (*Медведев*, 1959. Рис. 15: *14, 15*), неоднократно встречены на городищах и в замках Латвии и были в употреблении от середины XII до XV в. включительно. Такие стрелы встречены также в Межотне (LA, 1974. Tab. 55: *2, 11*), Нарве (*Alttoa, Aus, Tamm*, 1986. Taf. XL: *5*), Новогрудке (*Гуревич*, 1981. Рис. 67: *7*), Волковыске и на других поселениях Северо-Запада и Прибалтики, в южнорусских землях их нет.

Девятью находками в изборской коллекции представлены пирамидальные квадратного сечения наконечники лавролистной формы (рис. 335:

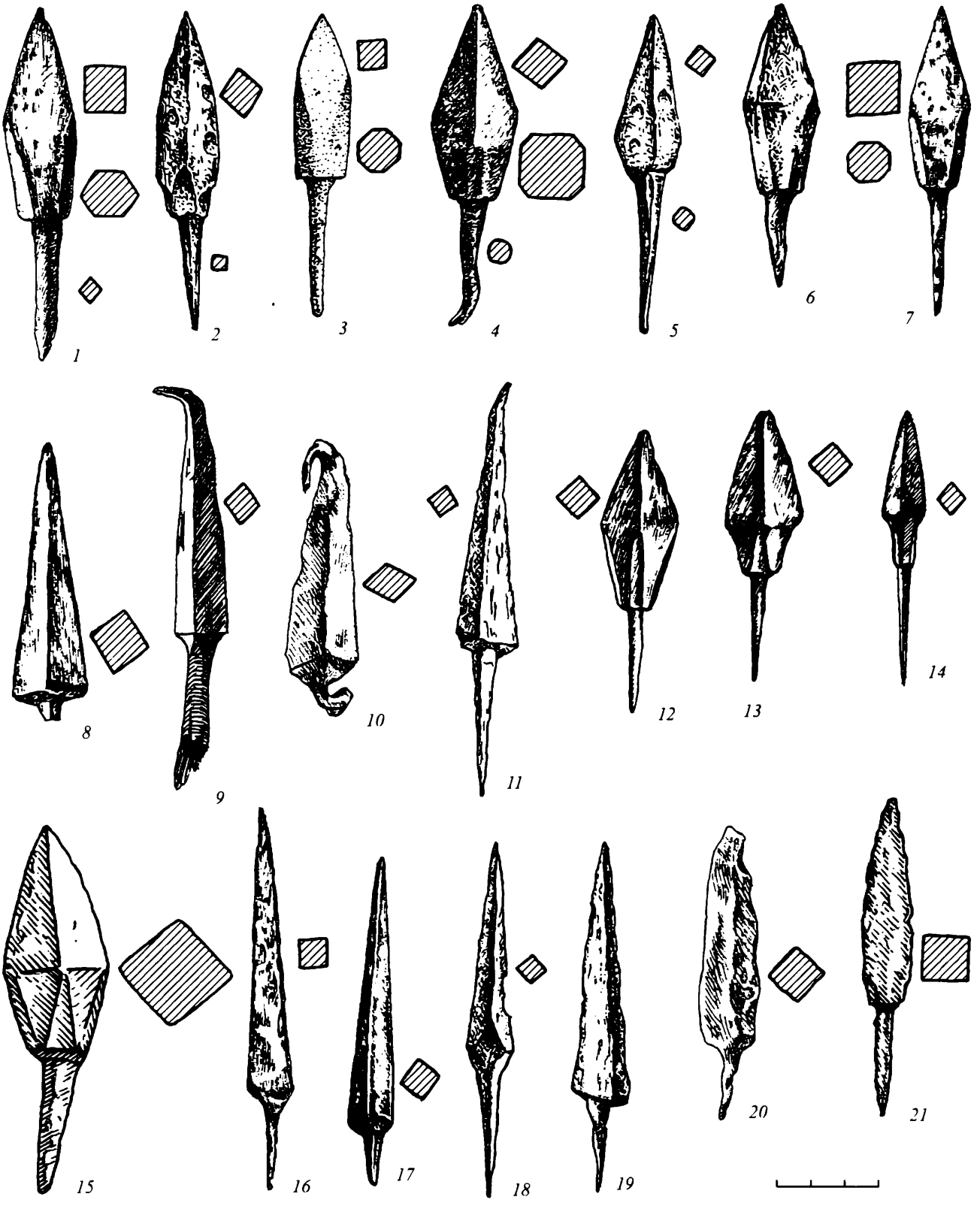

Рис. 334. Железные черешковые бронебойные наконечники стрел

1 – 5, Ш-50; *2* – 1, Д-15; *3* – 4, Б-33; *4* – 1, V-30; *5* – 3, Г-41; *6* – 4, Ф-50; *7* – 4, Б-26; *8* – 3, Е-9; *9* – 4, Щ-45; *10* – 2, VII-11; *11*, *15* – 3, Р-56; *12* – 1, Ч-41; *13* – 1, Ц-51; *14* – 3, Ц-46; *16* – 2, Ж-22; *17* – 3, О-39; *18* – 3, Ч-53, *19* – 6, I-55; *20* – 1, IV-16; *21* – 1, Д-15

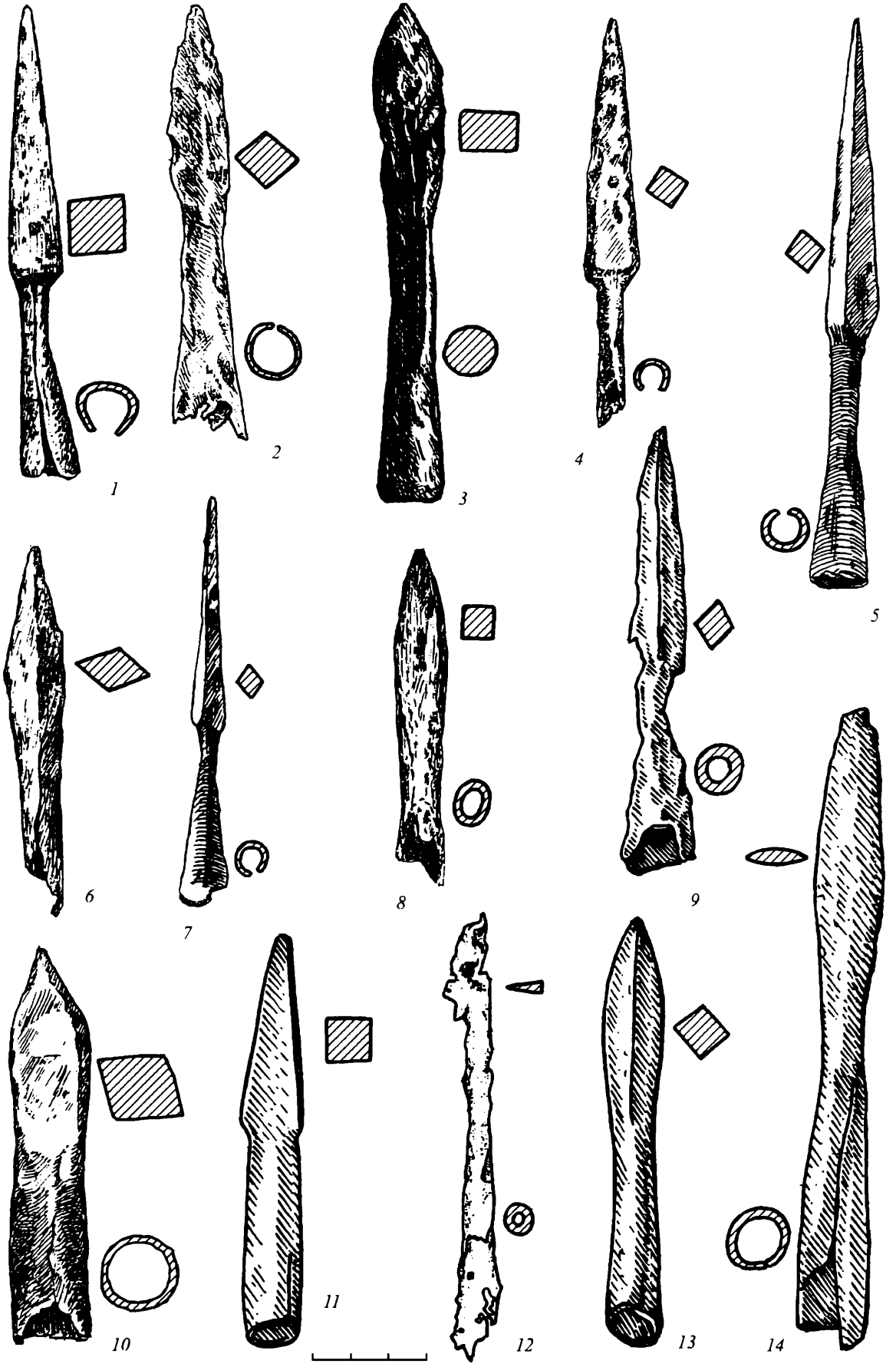

Рис. 335. Железные втульчатые наконечники стрел

1 – 2, З-32; *2* – 1, XIV-25; *3* – 3, М-38; *4* – 2, З-24; *5* – 4, Ф-50; *6* – 1, И-18; *7* – 2, Ж-51; *8* – 1, З-23; *9* – 1, Э-41; *10* – 2, Ж-38; *11* – 3, Л-40; *12* – 14, Е-31; *13* – 1, Е-37; *14* – 2, Р-43

2, 3, 8, 13), принадлежащие к типу 6 по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 94, табл. 31: *6*). Два наконечника встречены в среднем горизонте культурных напластований городища, остальные – в верхнем. Длина их – 7–9 см, длина головок – 3,5–4 см, наибольшая ширина граней – 7–4 мм. Аналогичный наконечник более крупных размеров и овального сечения (рис. 335: *14*) принадлежит, очевидно, сулице. Его длина – 11,5 см.

Наконечники стрел этого типа обнаружены при раскопках Новгорода Великого в слое XIV в., но наибольшее распространение имели в Прибалтике, в частности в замках Латвии – Тервете, Талси, Межотне, Селпилсе (LA, 1974. Tab. 47: *2*, 64: *2*), Локстене (*Mugurevičs*, 1977. Tab. XXXII: 6), а также в Риге. Г.П. Гроздилов обнаружил такие наконечники в известковом растворе кладки крепостной стены на Жеравьей горе Изборска, сооруженной в 1330 г. Вероятнее всего, подобные стрелы попали на Изборское городище при набегах ливонского войска.

Два втульчатых арбалетных наконечника стрел из верхнего горизонта культурного слоя Изборского городища имеют массивную головку квадратного сечения, заканчивающуюся пирамидальным острием, переход от головки к втулке почти не выражен (рис. 335: *10*). Длина их – 6,6 и 7 см, длина головок – 3,5 и 3,6 см, наибольшая ширина грани – 1,1 см. В сводке древнерусских стрел А.Ф. Медведева подобных находок нет. Наиболее близкая аналогия изборским находкам – пирамидальные наконечники из Селпилса (*Šnore, Zarina*, 1980. Att. 76: *3*; 116: *27*; 153: *26*), Алтене, где они датируются XIII–XV вв. (*Graudonis*, 1983. Lpp. 76, Att. 34: *23–28*; LA, 1974. Tab. 79: *9*) и других замков Латвии. К этим метательным предметам примыкает один изборский наконечник квадратного сечения с треугольной гранью (рис. 335: *11*). Длина его – 6,9 см, длина головки – 3,6 см, наибольшая ширина грани – 75 мм. Подобные арбалетные наконечники есть в археологических материалах Берестья, где они найдены в слое XIV–XV вв. Исследователь этого памятника П.Ф. Лысенко сопоставляет их с наконечниками типа 2 – пирамидальными без шейки, датируемыми XII–XV вв. (*Лысенко*, 1985. С. 222–223, рис. 150: *22, 26*). Изборская находка имеет слабо намеченную шейку.

Наконечники стрел лука на Изборском городище представлены заметно меньшим количеством экземпляров. Самыми многочисленными среди них являются граненые (бронебойные) шиловидные наконечники квадратного сечения без упора при переходе к черешку – типа 93 по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 84, табл. 30: *87*). В Изборске в слоях XI – начала XIV в. таковых найдено восемь экземпляров (рис. 336: *6, 7, 11*). Длина их – от 5,2 до 8 см, длина головок – 3,5–4 см, ширина граней – 4–5,5 мм. А.Ф. Медведев отметил, что подобные наконечники стрел были сравнительно широко распространены в Восточной Европе с X по XIV столетие включительно, в том числе есть они в коллекциях из культурных напластований XI–XII вв. Новгорода Великого (*Медведев*, 1959. С. 170, рис. 13: *48*) и слоев X–XIV вв. Пскова (*Тараканова*, 1950. С. 52). Единственным экземпляром в изборской коллекции (из верхнего горизонта слоя) представлен шиловидный наконечник стрелы квадратного сечения с простым упором – типа 90 (первой разновидности) по классификации А.Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 83). Шиловидные наконечники стрел применялись против воинов в кольчугах.

Один изборский черешковый наконечник стрелы (рис. 334: *13*) из среднего горизонта напластований принадлежит к типу 91 по классификации А.Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 83). Он имеет пирамидальную головку квадратного сечения и многогранный перехват у черешка. Общая длина его 5,5 см, длина головки с перехватом – 3,1 см, без перехвата – 2,1 см, ширина граней – 5 мм. Как показал А.Ф. Медведев, подобные наконечники были широко распространены по всей Руси в X–XIV вв. Немало их встречено и в синхронных древностях Волго-Камья.

Пять изборских находок являются ланцетовидными черешковыми наконечниками с упором (тип 62 по А.Ф. Медведеву; 1966. С. 73–74). Найдены они (рис. 336: *13–17*) в слое нижнего и среднего горизонтов и таким образом определяются временем второй половины X–XII в. Сечение пера наконечников – уплощенно-ромбическое. Длина находок – 11,8, 11,2, 13,7 и 12,0 см, у пятого конец пера отломан. Длина пера соответственно – 10, 9,2, 10,8 и 9,8 см, ширина пера – 18, 12, 9 и 11 мм, длина черешка – 1,8, 2,0, 2,3 и 2,2 см. Пропорции пера – 1 : 5, 6; 1 : 9,3; 1 : 12 и 1 : 8,9, что свойственно, как показал А.Ф. Медведев, наконечникам IX–XI вв. К подобным наконечникам стрел принадлежат еще две фрагментарные находки из нижнего горизонта древнерусского слоя Изборского городища. Ланцетовидные наконечники с упором появились в северной части Восточно-Европейской равнины в VIII–IX вв. Две такие находки встречены на Изборском городище в слое с лепной керамикой и описаны выше. В IX–XI вв. подобные наконечники имели широкое распространение в Восточной и Северной Европе.

Четырьмя находками в изборских материалах представлены лавролистные черешковые наконечники стрел (рис. 336: *1, 10*). Они, в отличие о широко распространенных в Восточной Европе наконечников типа 63 по А.Ф. Медведеву, не имеют упора (*Медведев*, 1966. С. 74–75). Сечение их уплощенно-ромбическое или овальное. Длина их – от 6,7 до 8,3 см, длина пера – 3,5–4,7 см, наибольшая ширина пера – 1,3–1,7 см. Происходят эти находки из среднего и верхнего горизонтов напластований Изборского городища. Аналогии им име-

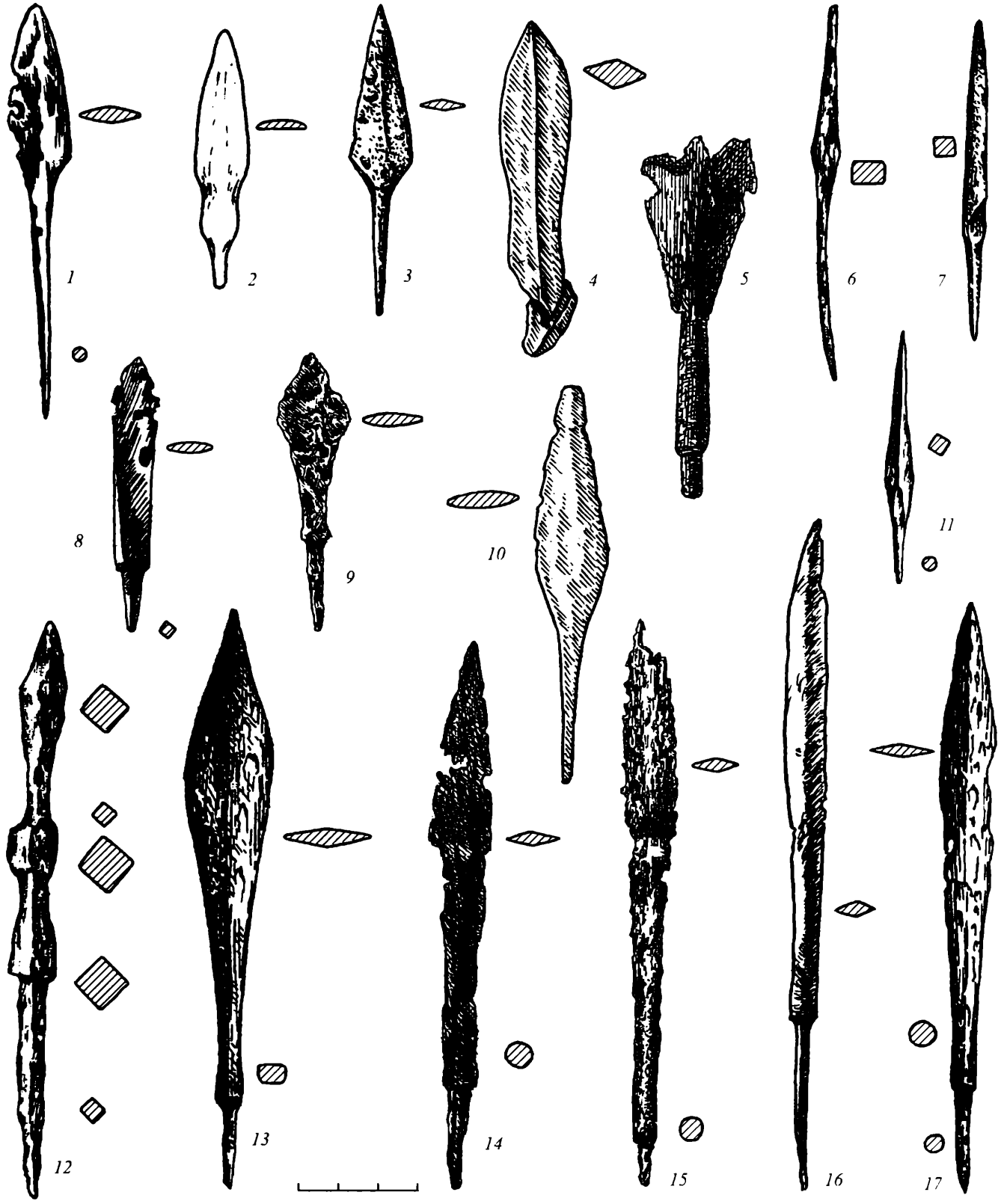

Рис. 336. Железные наконечники стрел

1 – 3, Н-39; *2* – 1, Д-38; *3* – 3, З-37; *4* – 3, Ж-32; *5* – участок 23, яма 1; *6* – 1, А-32; *7* – 3, Г-41; *8* – 3, З-50; *9* – 2, А-18; *10* – 1, А-33; *11* – 4, Х(буква)-45; *12* – 1, І-7; *13* – 3, О-39; *14* – 4, Ш-6; *15* – 2, З-42; *16* – 3, Х(буква)-43; *17* – 4, К-50

ются в материалах Прибалтики (LA, 1974. Tab. 39: 9; *Selirand*, 1974. Tab. XIV: 5–7), Пскова (*Гроздилов*, 1962. Рис. 48: *9*) и других памятников. К этим находкам примыкает плохо сохранившийся наконечник с листовидным пером и длинным сломанным черешком, обнаруженный в нижнем горизонте слоя Изборского городища. Общая длина его – около 13 см, длина пера – 3,4 см, его наибольшая ширина – 1,3 см.

Следующую небольшую группу образуют черешковые наконечники с вытянуто-треугольным пером уплощенно-ромбического сечения, без упора (рис. 336: *3*). Обнаружены они в нижнем и среднем горизонтах слоя городища. Длина их – от 6,1 до 7 см, длина пера – 3,5–4 см, наибольшая ширина пера – 1–1,4 см. Согласно классификации А.Ф. Медведева, это – килевидные наконечники типа 44-2, имевшие широкое распространение в Восточной Европе с IX по XIV в. (*Медведев*, 1966. С. 67).

Два изборских наконечника стрел имели удлиненные лавролистные перья. Сечение пера – ромбовидное. У одной находки, происходящей из среднего горизонта слоя, черешок обломан и загнут (рис. 336: *4*), у другой вообще не сохранился. Длина перьев – 6,5 и 7,5 см, наибольшая ширина – 14 и 11 мм. С листовидными наконечниками, отнесенными А.Ф. Медведевым к типу 65 (*Медведев*, 1966. С. 75), изборские находки не сопоставимы.

Еще две находки принадлежат к килевидным наконечникам с пером уплощенно-ромбического сечения и перехватом (рис. 336: *2*). Найдены они в среднем и верхнем горизонтах слоя. Оба обломаны, у одного – черешок, у другого – острие пера. В Новгороде наконечник подобного типа встречен в слое середины XIV в.

Ромбовидный наконечник с оттянутой нижней частью и с упором найден в верхнем горизонте напластований Изборского городища (рис. 336: *9*). Длина его – 6,7 см, длина овального в поперечном сечении пера – 3,7 см, его наибольшая ширина – 1,5 см. Подобные ромбовидные наконечники с расширением в верхней части (тип 52 – *Медведев*, 1966. С. 69–70) известны довольно широко.

Двумя находками из верхнего и среднего горизонтов слоя городища представлены наконечники-срезни в виде удлиненной узкой трапеции с треугольным острием (рис. 336: *8*). Внизу, в разрезе они прямоугольны, вверху – узкоовальны. Длина одного из наконечников – 5,5 см, у другого черешок немного обломан. Длина пера – 4,3 и 4,2 см, наибольшее расширение пера (10 мм) приходится на его верхнюю часть. В Новгороде подобные срезни встречены в слое второй половины XIII в. (*Медведев*, 1959. С. 167, рис. 13: *32*; 15: *9*). В Восточной Европе наконечники рассматриваемого типа представлены во многих памятниках и употреблялись с VIII по XIII в.

Оригинальный массивный наконечник встречен в верхнем горизонте напластований Изборского городища (рис. 336: *12*). Общая длина его – 11,7 см, длина головки – 7,3 см. Последняя в поперечном сечении ромбическая, но имеет сложное строение – в двух местах головка сужается. Наибольшая ширина граней ее – 8–9 мм, в местах сужения – 3,5–4 мм. Аналогий этой находке найти не удалось.

Трудно сказать, какова была общая форма наконечника, происходящего из нарушенного слоя Изборского городища (рис. 336: *5*). Это была довольно крупная стрела с длинной шейкой округлого сечения и широким пером ромбического сечения.

В единственном экземпляре в нижнем горизонте характеризуемого слоя Изборска найден плохо сохранившийся двушипный втульчатый наконечник стрелы (рис. 335: *12*). Подобные находки широко представлены в восточноевропейских материалах. Наконечники этого типа употреблялись на Руси с VIII до середины XIII в. (*Медведев*, 1966. С. 56). Они использовались для стрельбы из луков по незащищенному доспехами противнику и при охоте на крупных животных.

Встречен в Изборске в нижнем горизонте слоя еще конический томар очень плохой сохранности. Длина его – около 2 см, наибольшая ширина – 1 см. В отличие от новгородского тупого томара, предназначавшегося для охоты на пушных зверей (*Медведев*, 1959. С. 159, рис. 13: *6* и 14: *8*), изборский завершался острием.

Топор, меч, булава, кольчуга

Среди коллекции изборских топоров из числа полностью сохранившихся к боевым может быть причислен только один. Впрочем, в качестве оружия в средневековье использовались и топоры, предназначенные для плотницких работ. "Большинство топоров того времени, – отмечал в этой связи А.А. Спицын, – очевидно, приспособлено и для мирной, и для боевой цели" (*Спицын*, 1896. С. 34–35). Изборская находка боевого топора (рис. 229: *2*) сделана в слое второй половины X–XI в. Он имеет оттянутое вниз широкое дугообразное лезвие и небольшие отростки боковых сторон обуха, так называемые щекавицы. Топор небольших размеров, его высота 12,7 см, длина лезвия около 10 см. По форме он относится к типу IV по классификации А.Н. Кирпичникова, к которому принадлежат 144 древнерусские находки. Датируются они X – началом XII в., наибольшее распространение приходится на XI столетие, когда часто были единственным оружием многих воинов (*Кирпичников*, 1966б. С. 36–37).

Единственный меч был найден "близ Изборска, на крестьянском поле" археологом И.К. Линдеманом в 1912 г. (*Окулич-Казарин Н.Ф.*, 1914. С. 234–235). Можно полагать, что находка происходит из захоронения одного из распаханных курганов обширного могильника на Словенском поле. А.Н. Кирпичников безосновательно отнес меч к

Мальскому могильнику, расположенному в 4 км от Изборска (*Кирпичников*, 1966а. С. 54, 86–87, № 14, табл. XXIV: *1*). В статье В. Крейтона, на которую ссылается исследователь, сообщается, что Г.К. Линдеманом произведены раскопки близ Изборска, где были обследованы "интересные христианские погребения и найден меч" (*Крейтон*, 1913. С. 2). Б. Нерман, производивший в 1924 г. раскопки на Изборском городище и курганов в Мальском могильнике, прямо пишет, что в 1912 г. Г.К. Линдеман раскопал один курган около Изборска, в котором нашел меч (*Nerman*, 1926. S. 45). Мальский курганно-жальничный некрополь до Второй мировой войны находился в хорошем состоянии и не распахивался.

Изборский меч (рис. 337) сравнительно небольшой. Его общая длина – 47,5 см, длина клинка – 32 см, ширина лезвия у перекрестия – 4,8 см, кончик его обломан, лезвие украшено растительным узо-

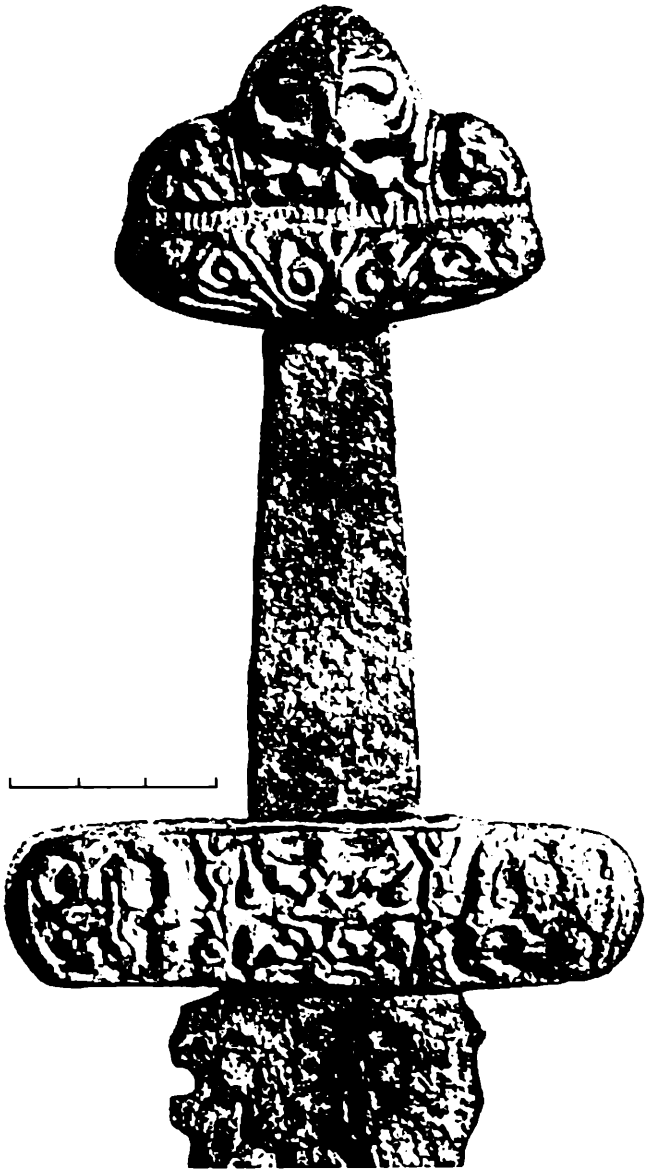

Рис. 337. Рукоятка меча, найденного в кургане на Словенском поле

Рис. 338. Наконечник ножен меча. Бронза

ром. Бронзовое навершие трехчастное. Орнаментация навершия и перекрестия рельефная, растительная, на перекрестии узор распадается на ряд завитков, на срединной выпуклой части навершия имеется стилизованное изображение усатого человека. Элементы такой же маски выявляются и на перекрестии. А.Н. Кирпичников отнес изборскую находку к особой разновидности мечей, типу IIA, и датировал XII в. (*Кирпичников*, 1966а. С. 54). Еще А.М. Тальгрен обратил внимание на то, что орнаментика навершия и перекрестия изборского меча в деталях сопоставима с находкой в Калволе в Финляндии, датируемой около 1100 г. (*Tallgren*, 1925. S. 121, Tab. XI и Abb. 151). А.Н. Кирпичников, отметив, что мечи с трехчастными навершиями "встречены в Эстонии и Финляндии; особенно характерны они для Карелии, где имеются прямые аналогии изборскому экземпляру", высказал предположение об изготовлении перекрестий изборского и калволского мечей в одной литейной форме. Растительный орнамент этих мечей тождественен узорам на скорлупообразных фибулах карельского типа.

В культурном слое Изборского городища найдено три перекрестия. Одно из них, обнаруженное при прорезке вала в кв. Д-59 на глубине 250 см от его поверхности, железное с сильно нарушенным бронзовым покрытием, орнаментированным растительными узорами (рис. 192: *11*). Перекрестие прямое, в плане овальное с заостренными концами. Размеры его – 89 × 37 мм, высота – 22–23 мм. Отверстие для рукояти заплыло, вероятно, перекрестие побывало в огне пожара. Ближайшей аналогией ему являются перекрестия мечей того типа, к которому принадлежит вышеописанный изборский меч.

Второе перекрестие обнаружено в верхнем горизонте древнерусского слоя Изборского городища (рис. 339: *1*). Сердцевина его овальная, края суженные, немного опущенные вниз. Размеры перекрестия – 90 × 19 мм, высота – 12 мм, прямоугольного выреза для рукояти – 31 × 8 мм. Небольшие размеры позволяют отнести изборскую находку к сабле. Более всего она близка к перекрестиям типа IIA по классификации А.Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1966а. С. 70, рис. 13). Такова, в частности, гарда сабли, найденная в Новгороде Великом в слое середины XIII в. (*Медведев*, 1959. С. 125, рис. 3: *8*).

Более крупным является железное перекрестие (рис. 339: *2*), встреченное в том же горизонте изборских напластований. В плане оно имело вытянуто-овальные очертания размерами 112 × 26 мм, высота его 12–14 мм. Края перекрестия отогнуты вниз почти под прямым углом, опускаясь на 27 и 31 мм. Овальный с заостренными концами вырез (для клинка) размерами 67 × 7 мм. Среди древнерусских мечей, каталогизированных А.Н. Кирпичниковым (*Кирпичников*, 1966а. С. 74–91), прямых аналогий этому перекрестию нет, но похожее найдено А.Р. Артемьевым в напластованиях XV–XVI вв. в псковском городе Красном (*Артемьев*, 1998. С. 107, табл. 77: *3*).

В верхнем горизонте напластований Изборского городища найден бронзовый наконечник ножен меча, украшенный в овальном вырезе с плоских сторон растительным узором и пальметкой. Верх выреза оформлен в виде креста (рис. 338). Наконечники такого типа получили характеристику в работе П. Паульсена, который датировал их XI–XII вв. и на основе типологического анализа и картографирования восточноевропейских находок утверждал, что изготавливались они в Юго-Восточной Прибалтике (*Paulsen*, 1953. S. 101, 125, 132–137). Наконечники ножен, для которых свойственен орнамент из пальметки и креста, исследователь считал прусско-куршскими, поскольку из 58 известных ему экземпляров 45 встречены в ареале этих этноплеменных образований (*Паульсен*. С. 142). На Руси он насчитывал всего три экземпляра.

Позднее наконечники ножен мечей изучала Г.Ф. Корзухина, которая отнесла находки, подобные изборской, к группе VII, отметив, что вне

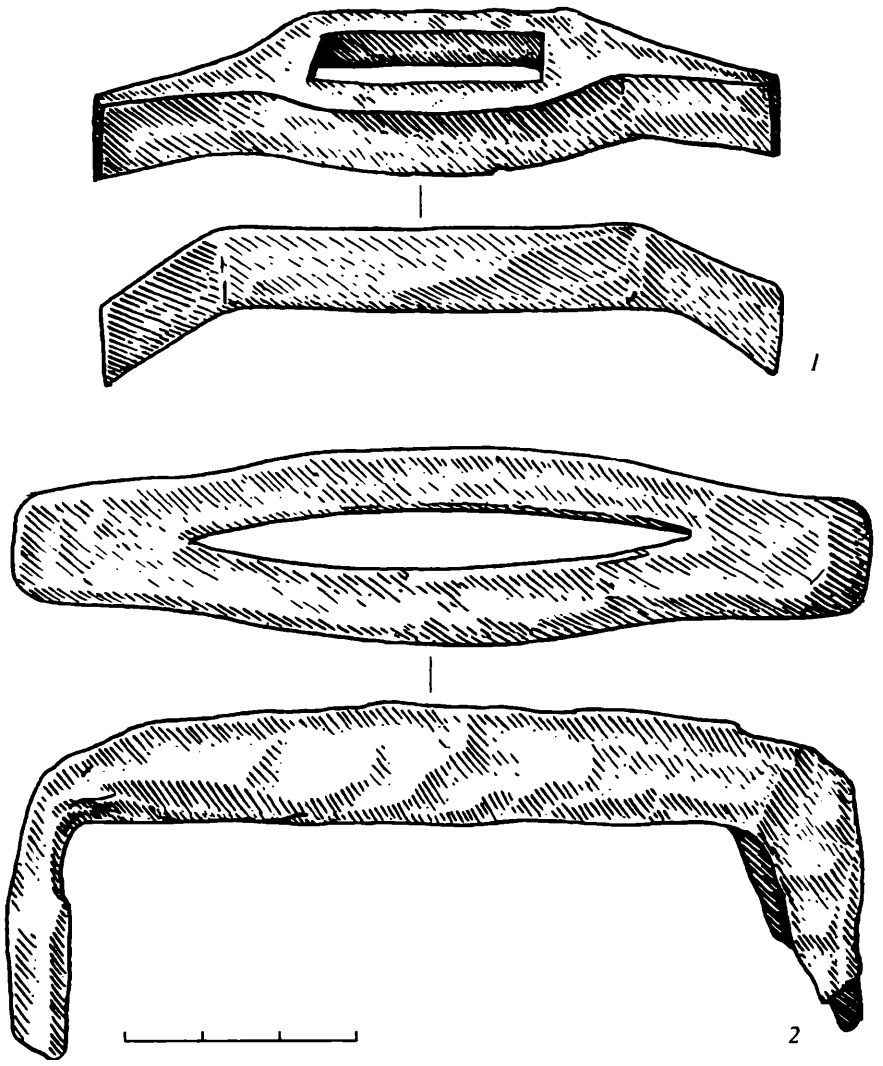

Рис. 339. Перекрестия мечей (железо)
1 – 5, А-9; *2* – 4, Ж-37

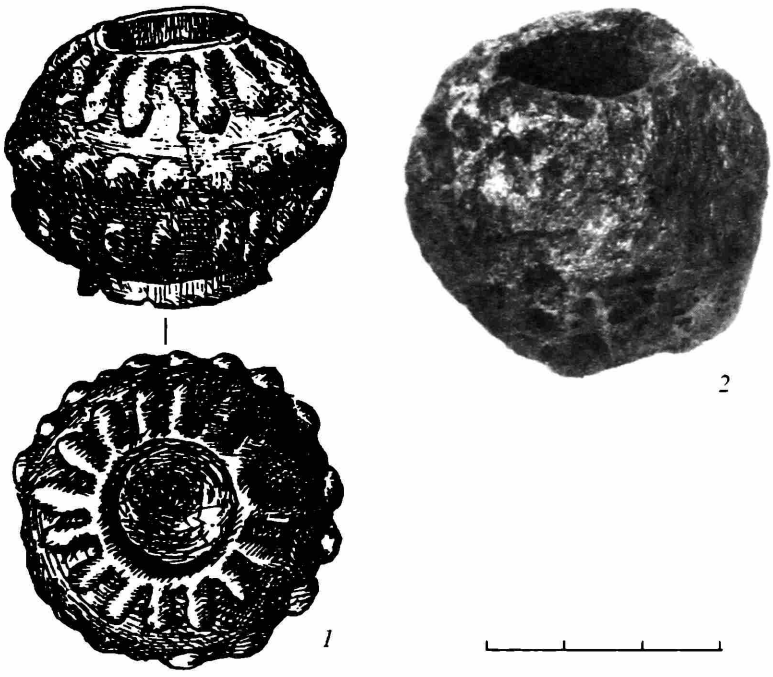

Рис. 340. Булавы
1 – 2, Ф-54; *2* – 5, Л-48. *1* – бронза; *2* – железо

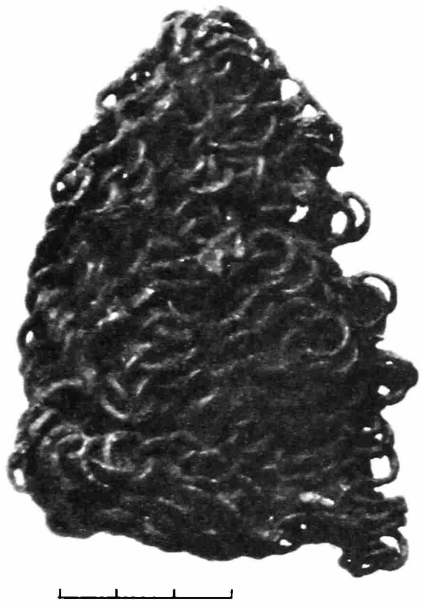

Рис. 341. Обрывок кольчуги из железных колец

Прибалтики такие наконечники крайне редки. Она упоминает по одному наконечнику, происходящему из Польши и Подолии (*Корзухина,* 1950. С. 68, табл. I). Теперь к ним добавились наконечники из Полоцка (*Штыхов,* 1975, рис. 33: *17*). Эстонские находки наконечников мечей были рассмотрены Ю. Селирандом (*Selirand,* 1974. Lk. 120. Tab. XIV: 1, 2). Среди них имеются экземпляры, тождественные изборской находке. Таковы, в частности, наконечники из Сууре-Яани (*Selirand,* 1974. Tab. XIV: 2) и Отепя (*Moora,* 1955. Lk. 83, joon 26: *8*). Э.С. Мугуревич в работе, посвященной культурным и торговым связям Восточной Латвии с соседними землями, называет три наконечника рассматриваемого типа (один найден в Пасилциемсе и два в Турайде), датируемые второй половиной XI в. Исследователь согласился с выводом П. Паульсена о локализации центра их производства в Курземе и Пруссии (*Мугуревич*, 1965. С. 52–54).

Недавно наконечники ножен мечей из Курземе стали объектом специального анализа в работе Я. Асариса (*Asaris*, 1994. Lpp. 21–28.). Изделия, аналогичные изборской находке, он отнес ко второму варианту типа III. Таких наконечников в Курземе насчитывается 16, и они датируются XII – началом XIII в. Исследователь подтвердил положение П. Паульсена об изготовлении наконечников типа III в Курземе и о привнесении орнаментации на них из Византии.

При раскопках Изборского городища найдено две булавы. Одна из них, железная, из нижнего горизонта древнерусского слоя представляет собой многогранник (рис. 340: *2*). Размеры ее 4,2 × 4,3 × 3,5 мм. Диаметр отверстия для рукояти – 18–19 мм. Подобные железные навершия в виде куба со срезанными углами встречены на многих древнерусских поселениях. Так, из Райковецкого городища, жизнь которого прервалась в результате татаро-монгольского погрома в 30-х годах XIII в., происходит 26 железных булав в виде шестигранника со срезанными углами (*Гончаров*, 1950. С. 95, табл. XII: 12–14). Исследователь памятника сообщает, что деревянные рукояти их имели железные стержни и завершались петлями для подвешивания булав к поясу. Такие же булавы обнаружены и на других городищах Южной Руси, а также в Новгороде и Москве в слоях XIII в. (*Медведев,* 1959. С. 137, рис. 7: *3*; *Кирпичников,* 1966б. С. 48, 130, 131). Находки единичных булав рассматриваемого типа есть также на Асотском городище в Латвии (*Шноре*, 1961. Табл. X: 22) и в земле пруссов (*Gaerte,* 1929. Tabl. XVd).

Вторая изборская булава, бронзовая, залитая свинцом, обнаружена в верхнем горизонте слоя. Она шарообразная со срезанными снизу и сверху сегментами. На ее поверхности имеется три ряда небольших шарообразных выпуклостей (рис. 340: *1*). Диаметр навершия (без выступов) 40–41 мм, высота 30 мм. Диаметры отверстия для рукояти 19 мм сверху и 14 мм снизу. Очевидно, что деревянная рукоять этой булавы имела усеченно-конический конец, который надежно закреплял бронзовое навершие.

Навершия шарообразной формы отнесены А.Н. Кирпичниковым к типу V, но среди них одна (Саркел-Белая Вежа) с гладкой поверхностью, другие – ребристые (Сахновка, Райки, Городище, относимое М.К. Каргером к летописному Изясла-

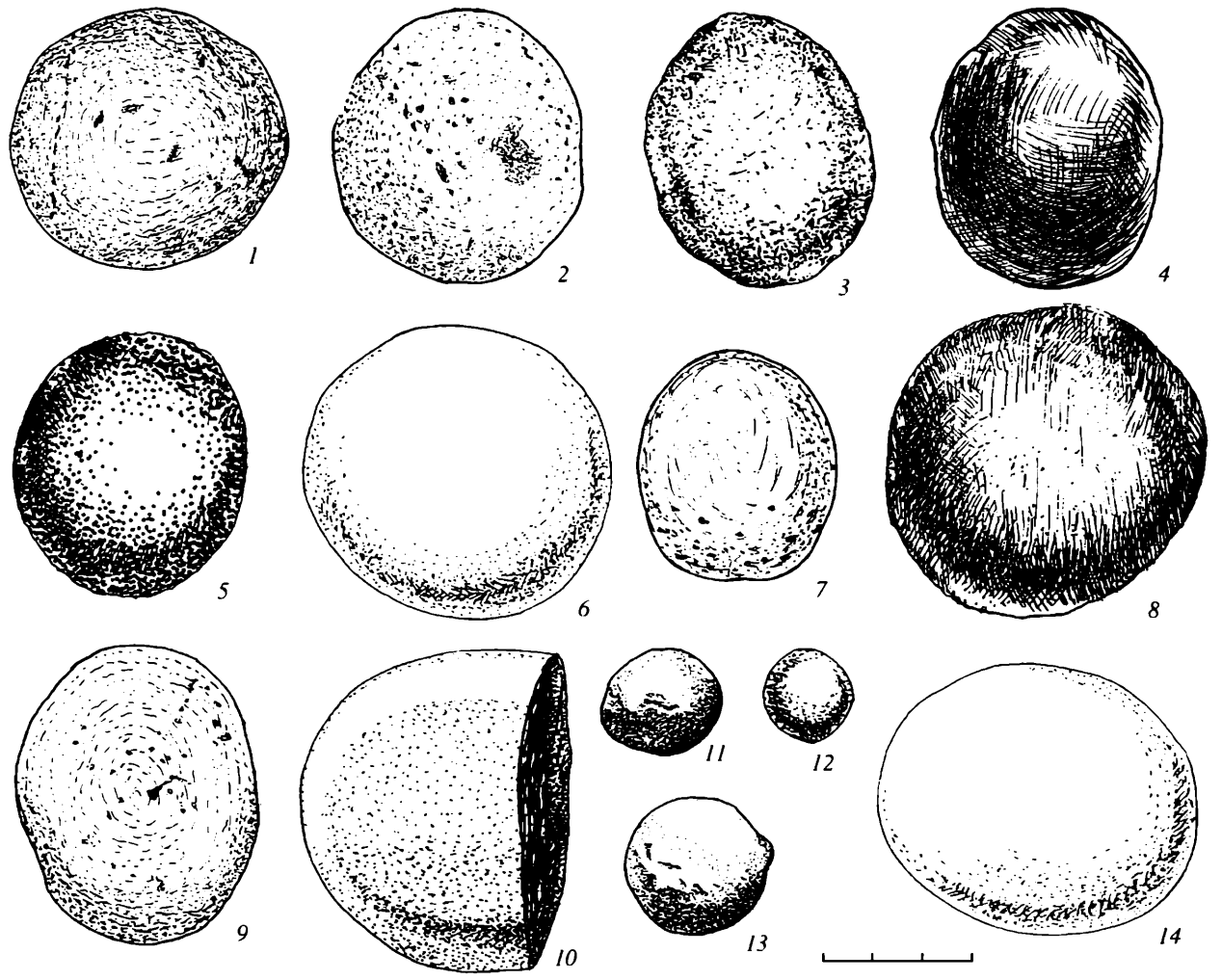

Рис. 342. Каменные ядра

1 – 1, Б-14; *2* – 2, IX-15; *3, 9* – 2, I-21; *4* – 1, Щ-31; *5* – 2, Б-14; *6* – 1, Х-58; *7* – 1, И-32; *8, 11, 13* – 2, Б-20; *10* – 2, Ж-17; *12* – 2, Б-6; *14* – 4, П-52

влю Волынскому, Лукомль), третьи – с небольшими выпуклостями. Однако полных аналогий характеризуемой изборской находке среди древнерусских наверший, каталогизированных и описанных А.Н. Кирпичниковым (*Кирпичников*, 1966б. С. 47–57, 130–135; Древняя Русь, 1985. С. 311), нет. Шарообразные булавы, отлитые из свинца, были найдены в слоях XII в. в Берестье (*Лысенко*, 1985. С. 218, рис. 149) и Давид-Городке (*Лысенко*, 1974. С. 131, 133, рис. 38: *б*), но они имеют гладкие поверхности. Оригинальная форма изборского навершия допускает предположение об изготовлении ее местным ремесленником, и если это так, то она представляет интерес для характеристики изборского бронзолитейного ремесла. Как показал Б.А. Рыбаков, навершия булав отливались по восковой модели в разъемной двухсторонней глиняной форме (*Рыбаков*, 1948. С. 249).

Несомненно булавы имели на Руси боевое назначение. Вместе с тем, тонко отделанные бронзовые булавы, к которым можно отнести и изборскую находку, выделяли владельцев среди простых воинов, подчеркивая их высокое социальное положение.

Несколько раз при раскопках Изборского городища зафиксированы кольчужные кольца, а в одном месте найден фрагмент спекшейся кольчужной ткани (рис. 341). Изборская кольчуга была изготовлена из железных проволочных колец диаметрами 7–9 мм при толщине проволоки около 1,5 мм. Кольчуга – один из наиболее распространенных видов защитного вооружения в Древней Руси. Более или менее целые кольчуги встречаются крайне редко. В частности, две целые кольчуги найдены на Райковецком городище (*Гончаров*, 1950. С. 95–96, табл. XV: 1). Более или менее крупные остатки кольчуг из проволочных колец зафиксированы при раскопках многих древнерусских городов, в частности в Новгороде в слоях, начиная с X в. (*Медведев*, 1959. С. 173–175), в Пскове на уличной мостовой XII в. (*Гроздилов*, 1962. С. 60). Фрагменты аналогичных кольчуг найдены и в ряде памятников Прибалтики (*Selirand*, 1974. Lk. 122, 290, 291, tab. XIV: 13).

В верхних отложениях древнерусского культурного слоя встречено довольно много каменных шаров различного диаметра (рис. 342). Основная масса их имеет диаметры 5–7 см, изредка попадались и более крупные ядра, до 10–12 см в поперечнике. Найдено также и несколько каменных шаров небольшого диаметра. Среди этих ядер есть и

изделия овально-округлые. Заслуживает внимания планиграфия рассматриваемых находок. Более 95% их обнаружено в западной трети площадки городища, прямо свидетельствуя о том, что абсолютное большинство каменных ядер было выпущено из камнеметов со стороны Словенского поля.

Снаряжение всадника и коня

Шпоры

Необходимым атрибутом европейского средневекового всадника были шпоры. В изборской коллекции они представлены сравнительно большим количеством находок, правда, в большинстве случаев фрагментарными. Ранние шпоры были встречены в Изборске еще в слое с лепной керамикой и описаны выше. Это так называемые каролингские шпоры с шипами и скобой, лежащими в одной горизонтальной плоскости.

Такие шпоры найдены на Изборском городище также в слоях конца XI–XII в. Одна из них имеет простейший сигарообразный заостренный шип длиной 3,7 см, концы скобы ее, к сожалению, не сохранились (рис. 343: *4*). Шипы двух других шпор того же типа, обнаруженных рядом, были короткими, несколько притупленными. Концы дуг образуют зацепы для ремня (рис. 344: *2, 3*). Согласно классификации А.Н. Кирпичникова, шпоры со скобой и шипом, находящимися в одной горизонтальной плоскости составляют тип 1 и были распространены на Руси в X–XII вв., а в первой половине XIII в. встречаются как редкое исключение (*Кирпичников,* 1973. С. 63–65). В Эстонии, по подсчетам Ю. Селиранда, найдено 22 шпоры каролингского типа (*Selirand,* 1974. Lk. 125, 294, 295, tab. XVI: *3*). Встречены они также в памятниках Латвии и Литвы. Э.Д. Шноре считала, что в Юго-Восточной Прибалтике они характерны для XI–XII вв. (*Шноре,* 1962. С. 581, рис. 2). На известном эстонском городище Лыхавере обнаружено несколько шпор каролингского типа, одна из которых датируется началом XIII в.

Немалое число изборских шпор принадлежит ко второму типу, который характеризуется плавным волнообразным изгибом дуги и шипом, находящимся в плоскости этого изгиба (*Кирпичников,* 1973. С. 65). Коленчато отогнутые концы изборских находок образуют зацепы, внешняя сторона которых оформлена в виде округлой бляхи (рис. 343: *1–3, 5*). Не исключено, что некоторые из шпор этого типа имели прямоугольные петли, фрагменты которых встречены в изборском культурном слое (рис. 344: *9*). Шипы изборских шпор второго типа двух видов: 1) в форме простого стержня округлого или ромбического сечения; 2) в форме утолщенного конуса.

В Западной Европе подобные изогнутые шпоры стали изготавливаться в 1050–1150 гг. На Руси шпоры второго типа эпизодически появляются в XI в., но распространение их приходится на XII столетие. В Изборске подобные находки были распространены также преимущественно в XII в. Две находки встречены в нижележащих напластованиях, одна в слое XIII в.

Ряд изборских шпор с волнообразно изогнутыми дугами имеют тяжелые шипы в виде четырехгранной пирамиды, шарообразного или многогранного утолщения. Поперечные сечения скоб, в отличие от вышеописанных находок, обычно треугольные, завершаются они петлями или зацепами, подобными шпорам второго типа (рис. 344: *3*; 345: *1–4*). К шпорам рассматриваемого облика можно отнести и отдельные находки шипов, характерных для них (рис. 344: *1, 2*). Такие предметы образуют серию, отнесенную А.Н. Кирпичниковым к типам III и IV (*Кирпичников,* 1973. С. 65, табл. XIX–XX). Хронология таких шпор на Руси укладывается в пределы XII–XIII вв., в Северной и Средней Европе они зарегистрированы начиная с середины XII в. и кончая началом XIV в. В Изборске рассматриваемые шпоры происходят из напластований XII–XIII вв., в самых верхних напластованиях городища их уже нет.

В конце XIII – начале XIV в. в Изборске, нужно полагать, получили распространение шпоры с подвижным зубчатым колесиком. Они представлены в слое городища только фрагментами (рис. 344: *6*). Обстоятельное описание становления и распространения таких шпор на Руси (тип V) выполнено А.Н. Кирпичниковым (1973. С. 67–69). Появились шпоры с колесиком во втором–третьем десятилетиях XIII в. и господствовали в XIV–XV вв., дожив до нашего времени.

Заканчивая характеристику изборских шпор, следует упомянуть находку в слое XI – начала XII в. фрагмента шпоры, инкрустированной спиралью из бронзовой проволоки (рис. 344: *7*). Шпоры с подобной инкрустацией встречены были ранее в западнорусских городах Гродно и Новогрудке (*Воронин,* 1954. Рис. 22: *14*; *Гуревич,* 1981. Рис. 42: *3*), а также на латгальском городище Асоте (*Шноре,* 1962. С. 582, рис. 3).

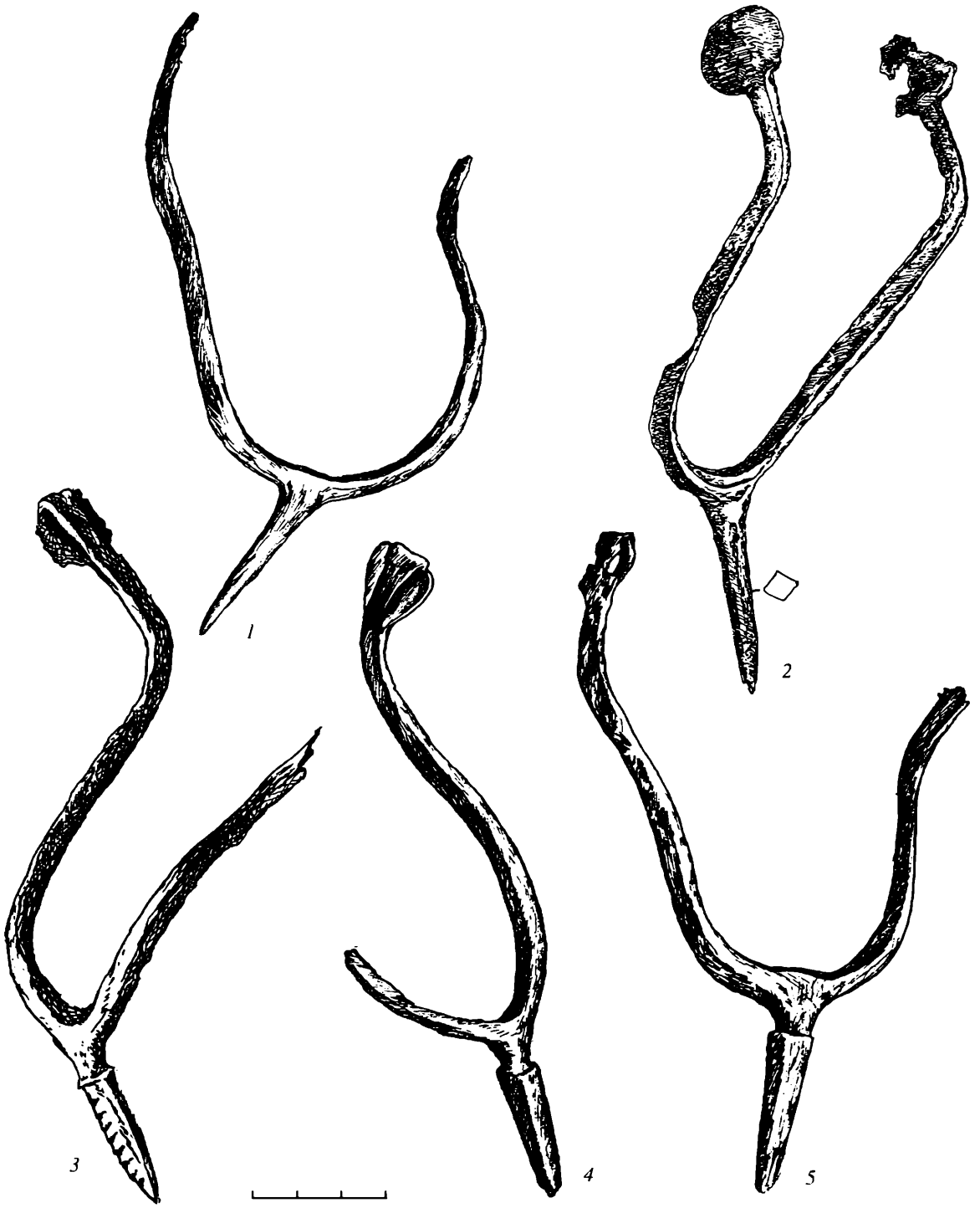

Рис. 343. Шпоры с шипом (железо)
1 – 2, Ж-18; *2* – 3, Р-16; *3* – 8, Э-51; *4* – 5, А-38; *5* – 3, З-16

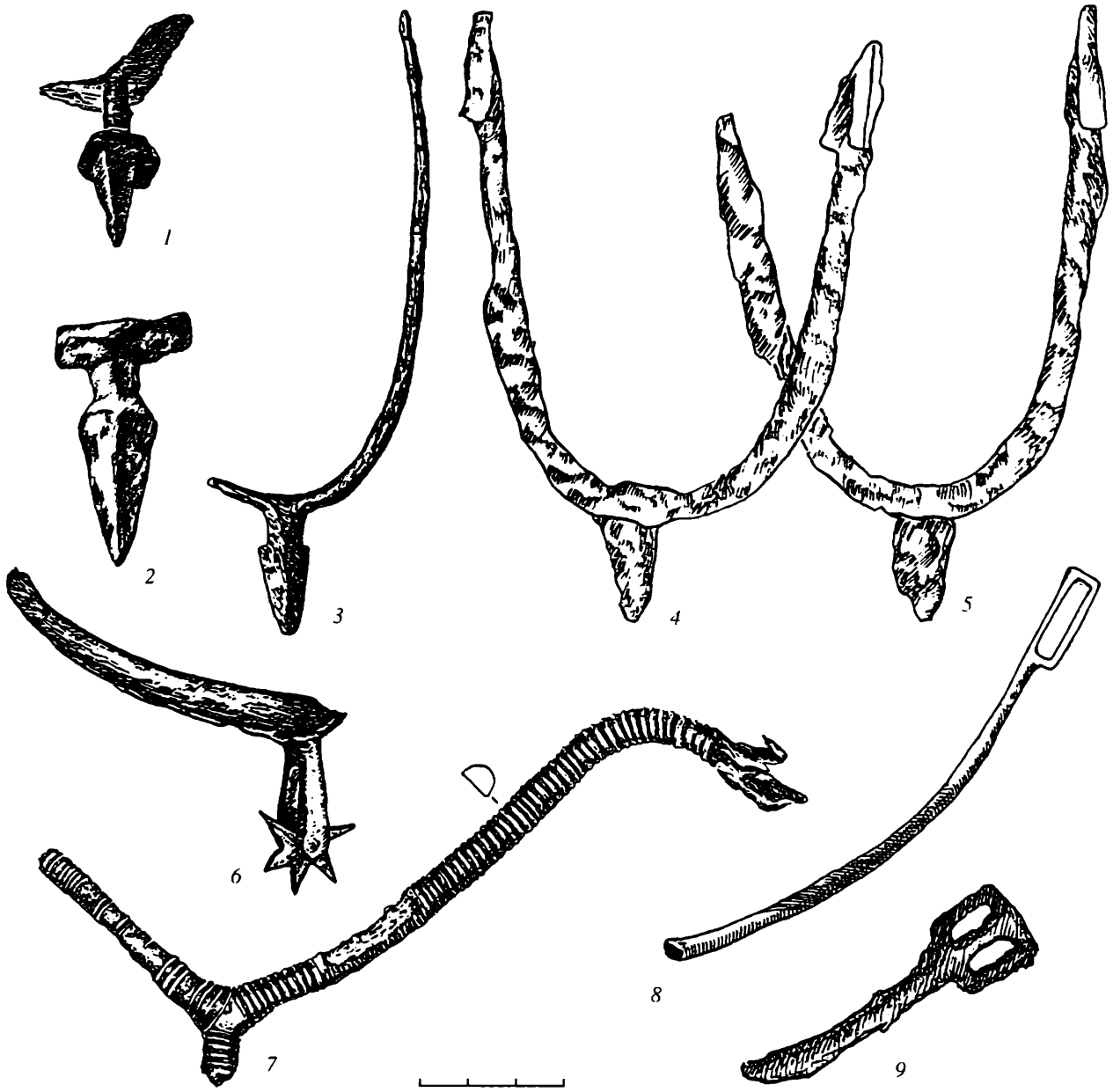

Рис. 344. Железные шпоры разных типов

1 – 3, А-40; *2* – 5, IV-34; *3* – 4, Е-37; *4, 5* – 3, Х (цифра)-31; *6* – 1, И-37; *7* – 4, Д-42; *8* – Раскоп на валу 1989 г.; *9* – 3, Х (цифра)-29

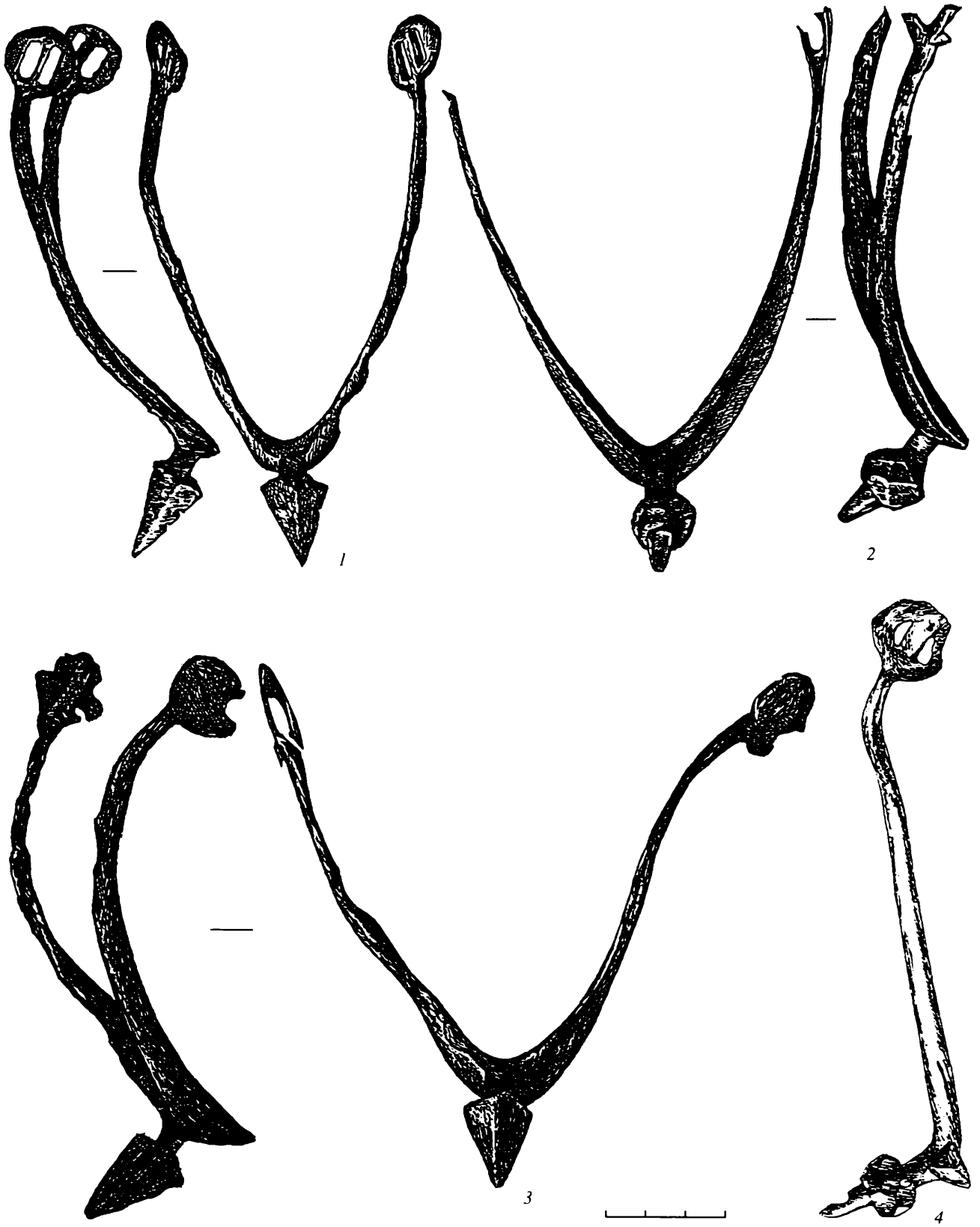

Рис. 345. Железные шпоры с шипом и утолщением на нем *1* – 4, З-51; *2* – 3, М-38; *3* – 3, П-40; *4* – 5, Е-56

Пряжки

Подпружные пряжки в средневековье изготавливались из железа и по своим формам копировали поясные. От последних они отличались в целом лишь крупными размерами. Однако разграничить подпружные пряжки от поясных в большинстве случаев в изборской коллекции не представляется возможным, поскольку среди первых было по величине немало одинаковых с поясными. Представляется целесообразным дать характеристику железным пряжкам целостно в одном разделе. На рис. 346: *2* и 347: *2, 6, 10* показаны четыре железные пряжки, предположительно относимые к подпружным, поскольку они были обнаружены рядом с предметами кон-

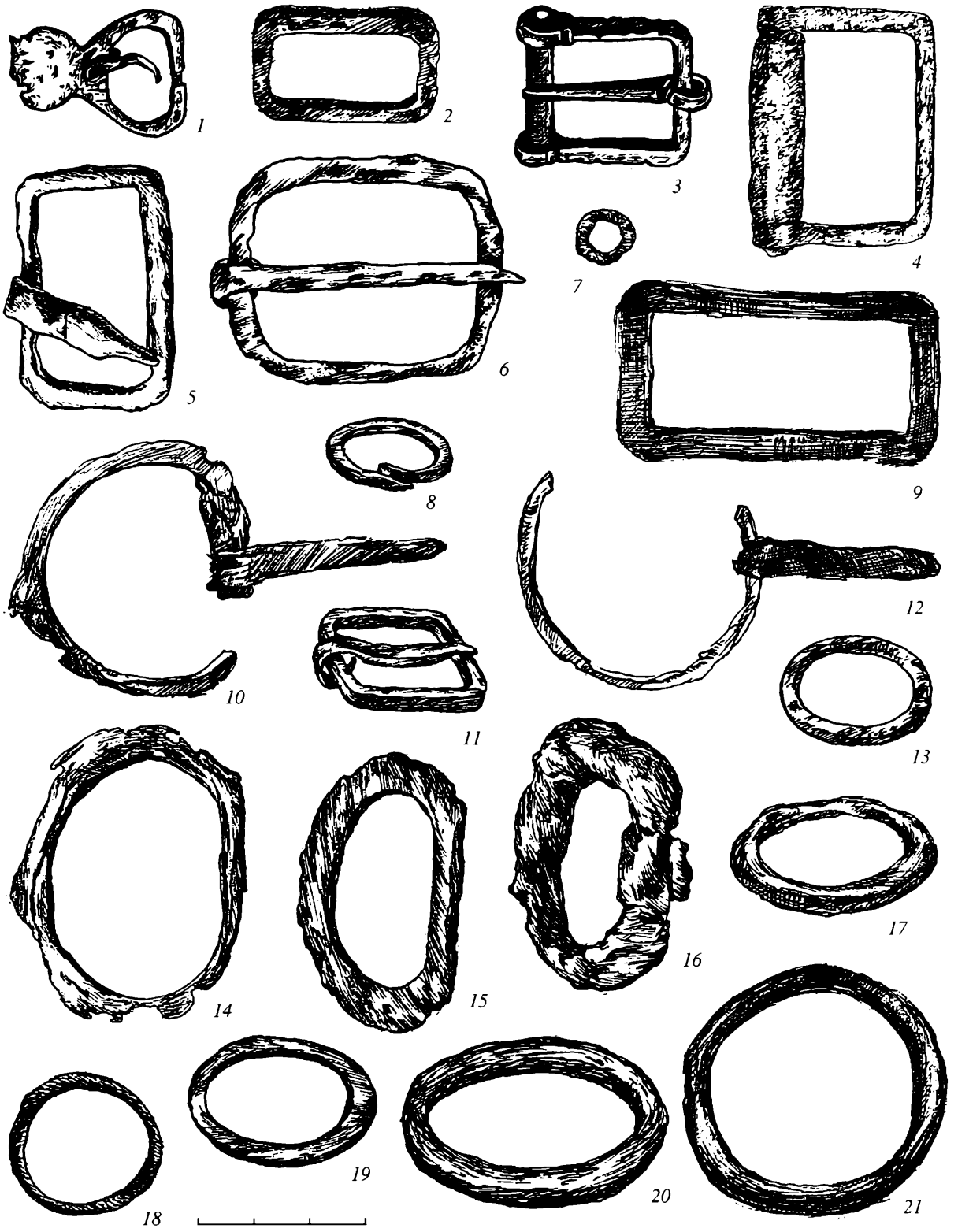

Рис. 346. Пряжки и поясные кольца

1 – 1, С-39; *2* – 2, Ф-51; *3* – 4, Р-41; *4* – 3, V-36; *5* – 2, В-37; *6* – 3, Л-44; *7* – 5, VIII-33; *8* – 1, Щ-43; *9* – 2, М-24; *10* – 3, И-26; *11* – 3, Ч-46; *12* – 4, Л-23; *13* – 3, Ш-45; *14* – 3, П-47; *15* – 3, З-47; *16* – 2, А-48; *17* – 2, С-48; *18* – 6, IV-35; *19* – 5, З-50; *20* – 2, Ц-51; *21* – участок 34, яма 9. *1* – бронза, *2–21* – железо

ского снаряжения. Безусловно к конскому снаряжению принадлежат крупные железные пряжки простейшей конструкции – прямоугольные, выкованные из толстого дрота четырехугольного сечения.

Наиболее распространенными были простые цельные пряжки прямоугольной формы с несколько скругленными углами. Среди них есть и подквадратные, и вытянутых очертаний (рис. 346: *2, 5, 6, 9, 11*; 347: *1, 6*). Размеры их весьма различны – от 3,3 × 2 до 5,5 × 4,5 см, одна удлиненно-прямоугольная находка имеет размеры 7,3 × 2,2 см. Эти пряжки в Древней Руси имели широкое бытование. Они нередки в Великом Новгороде (*Колчин*, 1959. С. 107, рис. 96: *4–7*), найдены в Пскове, Берестье, Масковичах и других местах.

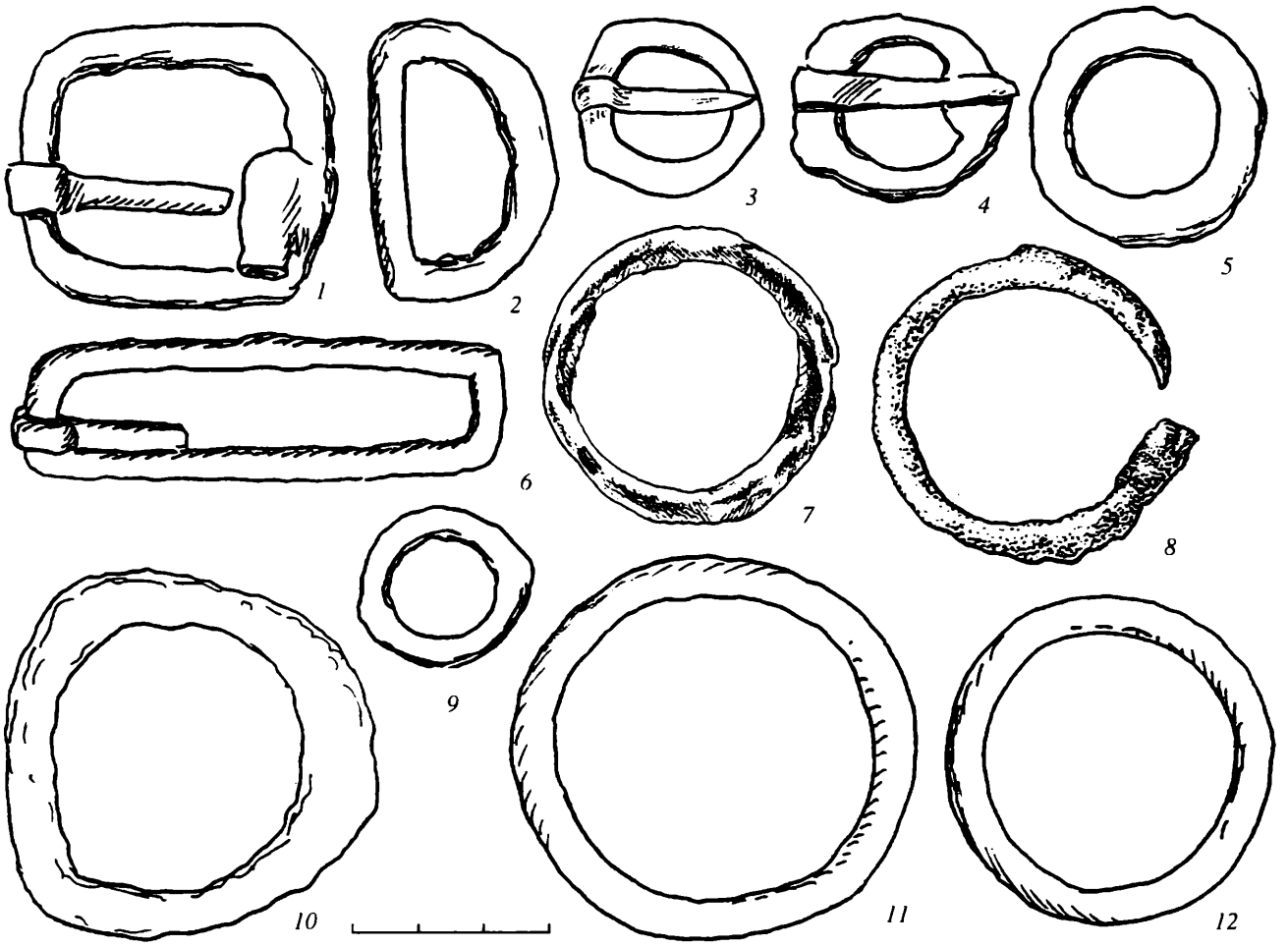

Рис. 347. Пряжки и кольца (железо)

1 – 2, Х(буква)-56; *2* – 2, Ж-16; *3* – 2, К-39; *4* – 4, Щ-53; *5* – 3, К-54; *6* – 3, Ю-55; *7* – 2, VIII-14; *8* – 3, К-35; *9* – 6, Э-49; *10* – 6, В-55; *11* – 4, Ч-56; *12* – 4, И-21;

Второй тип составляют цельножелезные пряжки полукруглой (сегментовидной) формы. Задняя часть их, на которую крепился язычок, была прямой, остальная образовывала полукруг (рис. 346: *10, 14–16*; 347: *2, 3*). Размеры их – от 4 × 3 до 5,5 × 5 см. Такие пряжки находят аналогии в ряде древнерусских поселений, в том числе они есть в новгородской вещевой коллекции (*Колчин*, 1959. С. 108, рис. 96: *8–11*), найдены в Берестье (*Лысенко*, 1985. С. 252, рис. 163) и других городах. Есть они и в Прибалтике (*Mugurevičs*, 1977. Tab. XXI: 19–21).

Следующую группу изборских пряжек образуют кольцевые замкнутые (рис. 346: *12*; 347: *3, 4*). Они также принадлежат к распространенным в восточноевропейских средневековых древностях. Диаметры изборских находок колеблются от 3 до 5 см. В Изборске найдено множество железных колец (рис. 346: *7, 8, 13, 17–21*; 347: *7, 8, 11, 12*). Не исключено, что часть их являются рассматриваемыми кольцевыми пряжками, язычки которых утеряны. Другие кольца, очевидно, скрепляли части поясов, к ним привешивались ножи и другие предметы.

Вне описанных типов остаются три изборские пряжки. Одна из них небольшая, она имеет рамку подтрапециевидной формы размерами 22 × 18 мм и цельный с ней отросток-бляху (рис. 346: *1*). По-видимому, это подражание бронзовым пряжкам. Встречена она в верхнем горизонте слоя городища. Еще две пряжки четырехугольной формы имели вставные штифты, которые составляли задние стенки (рис. 346: *3, 4*). Размеры их – 3 × 2,5 и 3,3 × 4,3 см. Первая найдена в нижнем горизонте, вторая – в среднем.

Каких-либо хронологических различий между железными пряжками разных типов не выявляется.

Стремена

Полностью сохранившихся стремян на Изборском городище очень немного. Другие находки их фрагментарны, и только единичные из числа последних представляют возможности для определения принадлежности стремян к тому или иному типу.

Наибольшее распространение, судя по целым и фрагментарным находкам, в Изборске получили стремена типа IX по классификации А.Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1973. С. 52–53). Верхние части дужек изборских находок имеют стрельчатые завершения, в которых прорезаны прямоугольные, овальные или округлые ушки путилища. Вни-

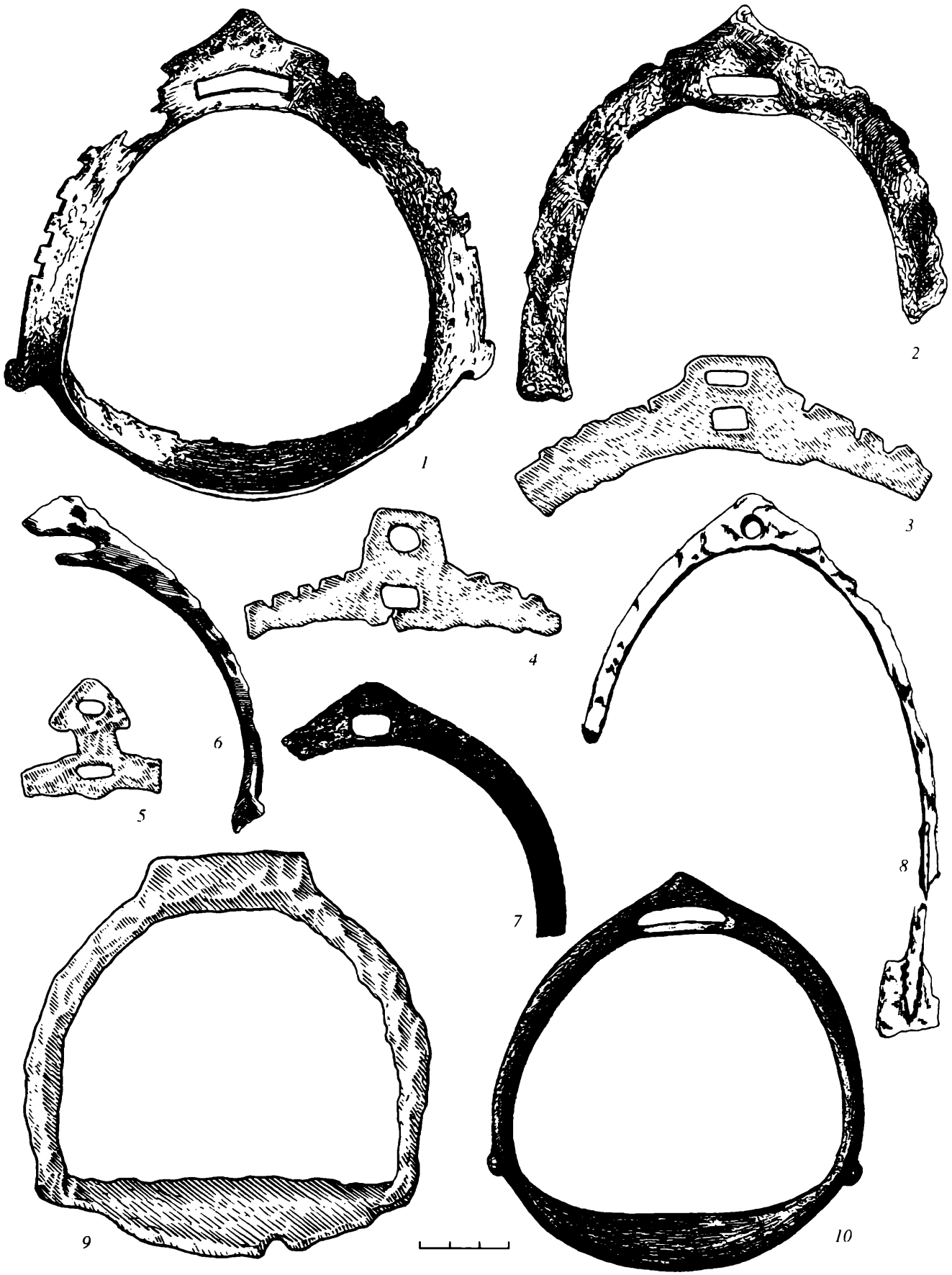

Рис. 348. Стремена (железо)

1 – участок 27, I-27, яма 2; *2* – 3, XVI-27; *3* – 8, X (цифра)-36; *4* – 5, Г-41; *5* – 3, Б-7; *6* – 3, Е-51; *7* – 4, И-44; *8* – 2, И-17; *9* – 4, VI-27; *10* – 2, X(буква)-42

Рис. 349. Стремя, фрагмент (1), скребница (2). Все – железо
1 – 5, I-49; *2* – 7, Щ-43

зу дужки плавно переходят в слабо прогнутую подножку линзовидную в плане (рис. 348: *1, 2, 6–8, 10*). Скорее всего к стременам типа IX относится и находка, изображенная на рис. 349: *1*. При сочленении уплощенных дужек с подножкой у части стремян этого типа имеются утолщения – так называемые "кулачки" (рис. 348: *1, 10*).

В Изборске стремена характеризуемого типа встречены в слоях XII–XIII вв. А.Н. Кирпичников считает, что такие стремена с округлой подножкой рассчитаны на мягкую обувь и их следует связывать с легковооруженными стрелками. На Руси они имели хождение в XI – начале XIII в., а в XII–XIII вв. распространяются на широкой территории от Средней Азии и Сибири до Дании и Швеции.

Два стремени типа IX Изборского городища имеют орнаментальное зубчатое оформление дужек (рис. 348: *1, 2*). На Руси некоторые стремена этого типа нарядно украшались, в том числе имеются экземпляры, инкрустированные золотистой бронзой, но находок с подобным зубчатым обрамлением пока не было известно. Полные аналогии этим изборским стременам обнаруживаются в литовских археологических материалах XI–XII вв. (*Куликаускене,* 1953. С. 211–222, рис. 9а; LLM, 1966. № 188, 189). Фрагмент дужки стремян с зубчатым обрамлением найден в Берестье (*Лысенко,* 1985. С. 231, рис. 253: *7*).

В Изборске найдено еще несколько фрагментов дужек стремян с подобным зубчатым обрамлением (рис. 348: *3, 4*; 349: *1*), что дает основание для предположения об изготовлении таких стремян изборскими ремесленниками. Определить тип этих фрагментарных стремян не представляется возможным.

Еще одна изборская находка (рис. 348: *9*) из слоя XII в., по всей вероятности, принадлежит к стременам типа VIIa по классификации А.Н. Кирпичникова (*Кирпичников,* 1973. С. 51). Стремя из Изборска имеет арочную дугу с прямоугольным выступом для ушка и почти прямой подножкой. Такие стремена предназначались для тяжеловооруженных всадников, носивших обувь с жесткой подошвой, и получили на Руси широкое распространение в домонгольское время.

Из напластований XII–XIII вв. происходит фрагментарное стремя кольцевидной формы с глубокой подножкой, относящееся к типу V по классификации А.Н. Кирпичникова (1973. С. 48).

Удила и псалии

Среди снаряжения коня в изборской коллекции доминируют удила, в большинстве случаев представленные фрагментарно. Самыми распространенными как в Изборске (рис. 350: *1, 3, 5*; 351: *1–4*), так и на всей территории Древней Руси, были удила, состоящие из двух подвижных колец и двух звеньев, откованных из дрота круглого или четырехугольного сечения. Большинство их снабжались прямыми или дугообразными псалиями. Среди изборских находок есть удила с крученными звеньями (рис. 350: *1*), что также находит аналогии в древнерусских и прибалтийских материалах.

Удила рассматриваемого типа были известны в Восточной Европе уже в середине I тыс. н.э. и бытовали по XIV в. включительно (*Кирпичников,* 1973. С. 11–19). В XII–XIII вв. кольчатые двучленные удила составляли на Руси почти 95% находок,

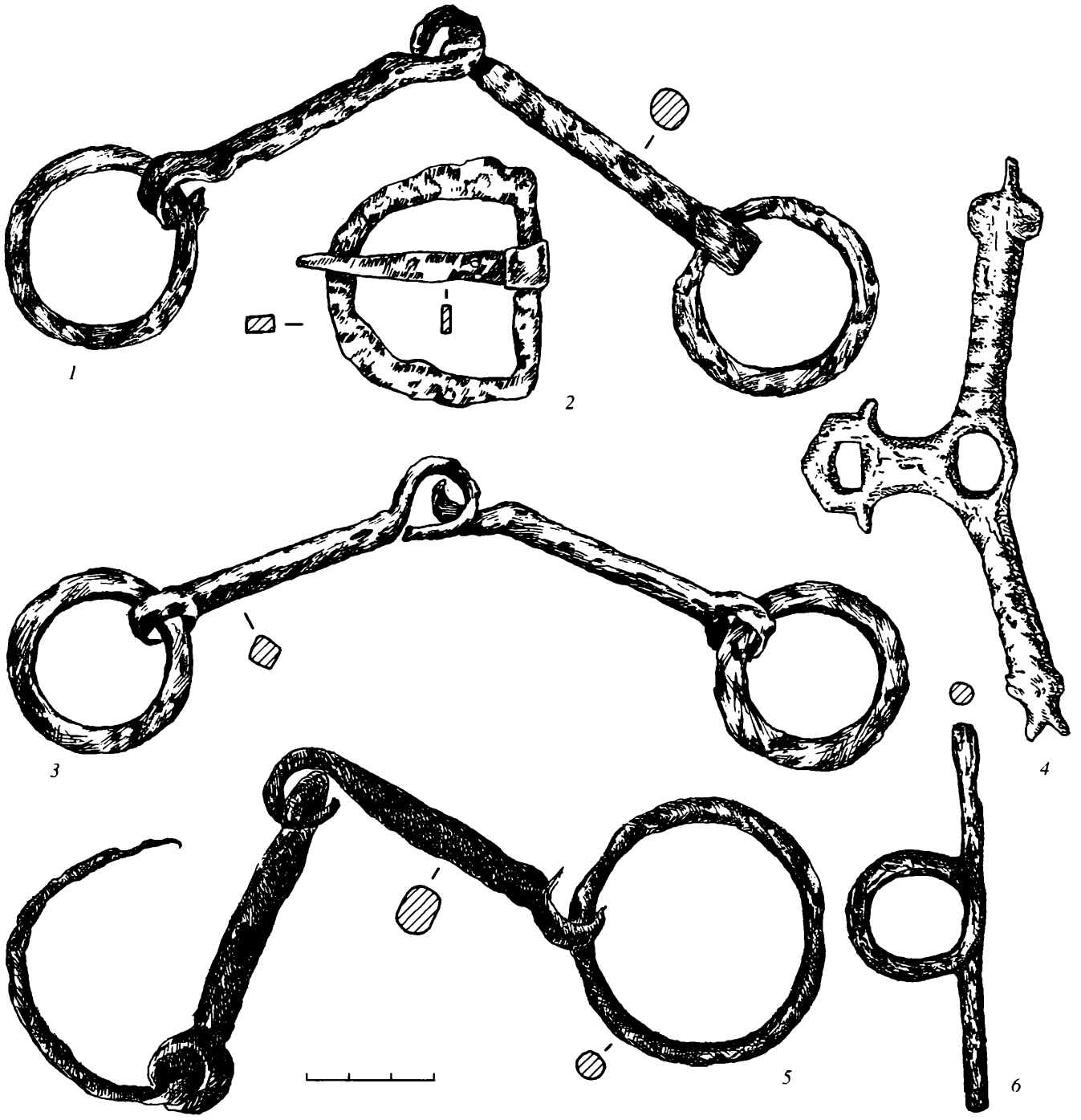

Рис. 350. Предметы снаряжения коня (железо)
1, 3, 5 – удила; *2* – пряжка; *4, 6* – псалии. *1* – 4, Н-36; *2* – 4, VII-30; *3* – 4, С-52; *4* – 2, К-17; *5* – 2, I-11; *6* – 2, Д-38

являясь показателем стандартизации железообрабатывающего ремесла (Древняя Русь, 1985. С. 317–318). Аналогичные удила имели распространение и в соседних с Изборском прибалтийских землях (*Selirand*, 1974. Lk. 123, 290–291, tab. XV; LA, 1974. Tab. 47: *20*; 55: *36, 37*; 64: *8*).

Находки железных псалиев в Изборске единичны. Полностью сохранившиеся псалии представлены тремя экземплярами. Два из них – прямые железные стержни четырехгранного и округлого сечения, длиной 14,9 и 9 см с одной боковой петлей (рис. 350: *6*). Такие псалии широко представлены в древнерусских коллекциях (тип II по А.Н. Кирпичникову). Третий изборский псалий принадлежит к произведениям искусства (рис. 350: *4*). Это – слабо изогнутый массивный стержень с фигурным щитком-отростком. Концы стержня оформлены в виде змеиных головок. Найден он в слое XIII в. Такие псалии А.Н. Кирпичников относит к удилам типа III. Они обычно как-то украшались, иногда серебром, щитки имели фигурные очертания. Удила этого типа имеют севернопричерноморское начало и в XI–XIII вв. распространились на Руси, а также среди литвы и пруссов. Принадлежали они состоятельным воинам или богатым горожанам, поэтому встречаются нечасто (*Кирпичников*, 1973. С. 16). Фигурный

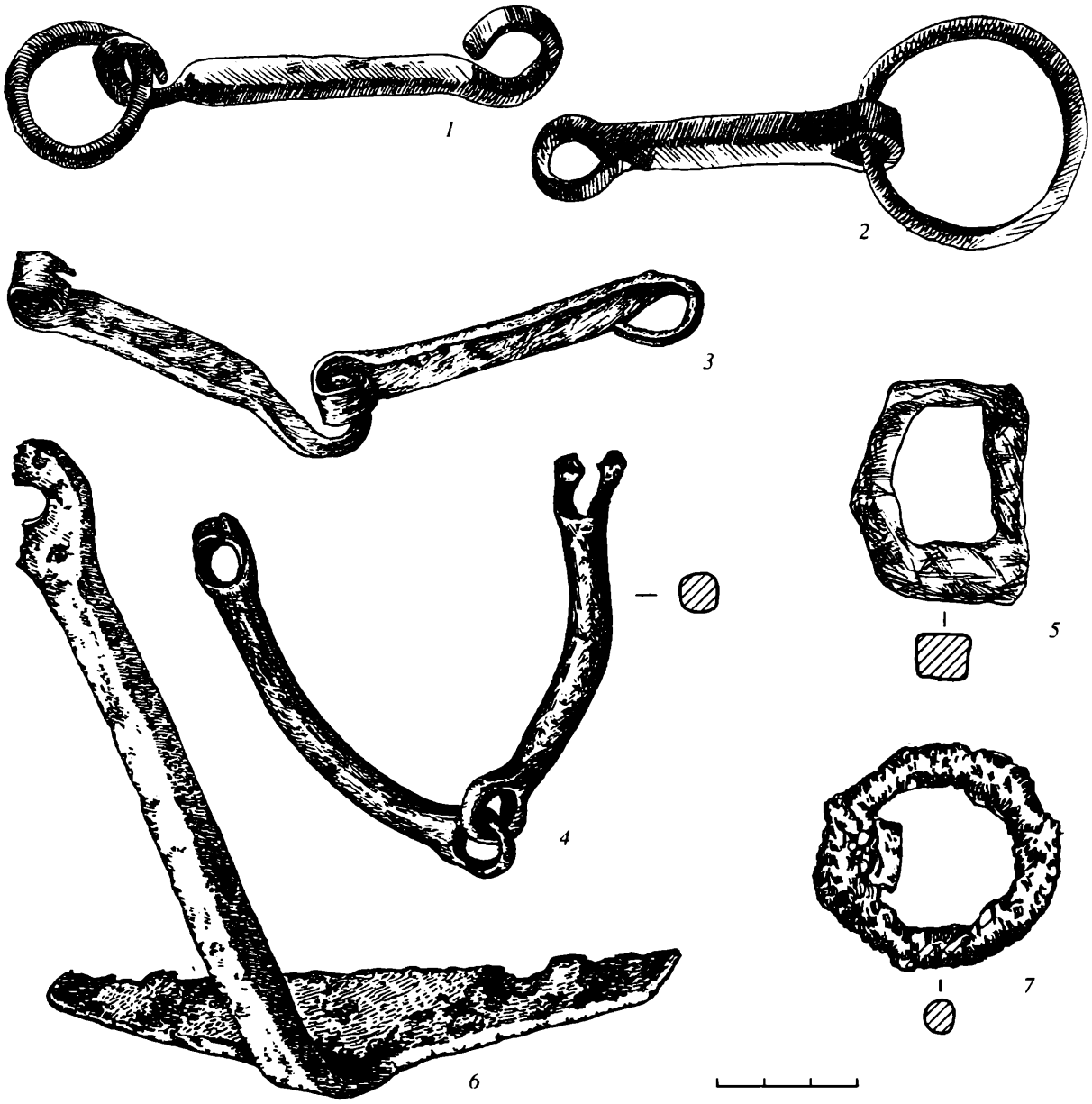

Рис. 351. Предметы снаряжения коня (железо)
1–4 – удила; *5, 7* – пряжки; *6* – скребница. *1* – 4, Ч-42; *2* – 4, Х(буква)-49; *3* – 2, Ж-18; *4* – 3, О-41; *5* – 3, VI-23; *6* – 4, XI-29; *7* – 2, VIII-41

псалий, оргаментированный нарезкой, близкий по форме изборскому псалию, найден в Новогрудке (*Гуревич*, 1981. С. 107, рис. 88: *6*). Весьма вероятно, что в Изборске, учитывая развитие косторезного ремесла, псалии нередко изготавливались из кости или рога, как это наблюдается в раннесредневековой Литве. Такие псалии обычно вставлялись в отдельные петли. Среди изборских находок есть звенья грызла с восьмеркообразным окончанием (рис. 351: *3*), предназначенными и для роговых псалиев.

Встречены в Изборске и фрагментарные удила с грызлом из двух подвижных звеньев и с двумя кольцами вместо псалиев (тип IV по А.Н. Кирпичникову).

Скребницы

Несколько раз в Изборске встречены фрагменты железных скребниц, предназначенных для чистки коней (рис. 349: *2*), одна найдена почти целой (рис. 351: *6*). Все они принадлежат к одному типу скребниц, имеющих пластинчатые гребенки и составляющую одно целое отогнутую рукоять. Длина рабочего края их колеблется от 13,5 до 18 см. Число зубцов достигало 30. На наиболее сохранившейся находке зубцов, по-видимому, не было. Однорядные скребницы встречены в ряде городов Руси (*Кирпичников*, 1973. С. 84).

Шипы и подковы

Весьма многочисленны в Изборске находки ледоходных шипов (рис. 352: *1–13, 15*). Они встречены еще в слое с лепной керамикой, где датируются IX–X вв., и постоянно обнаруживались при снятии вышележащих горизонтов, вплоть до нача-

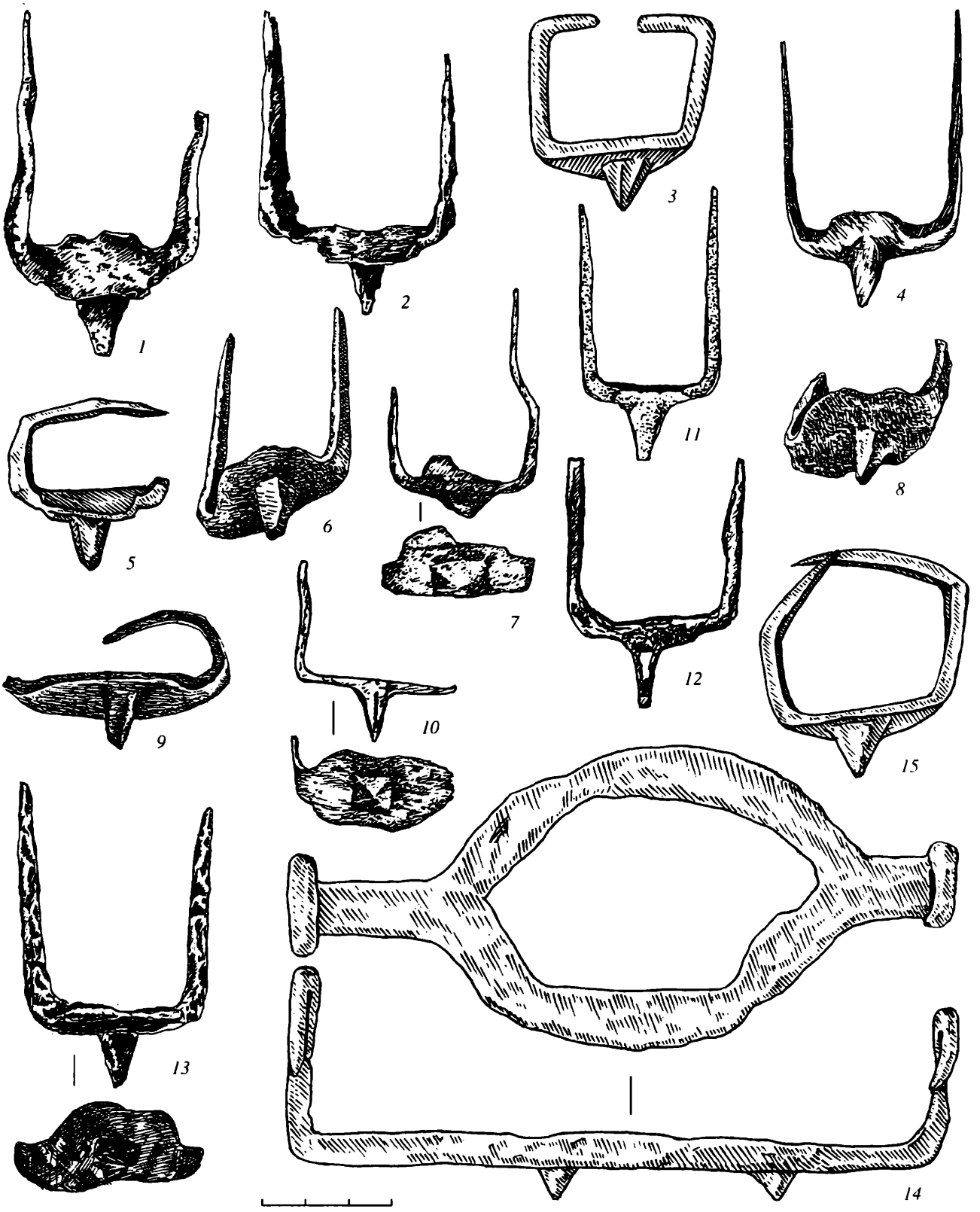

Рис. 352. Ледоходные шипы (железо)

1 – 1983, траншея Б, квадрат 5; *2* – 4, XVI-27; *3* – 3, С-41; *4* – 4, В-49; *5* – 3, П-52; *6* – 2, П-41; *7* – 1, О-36; *8* – 1, С-41; *9* – 2, Б-40; *10* – 4, Г-35; *11* – 3, О-24; *12* – 2, Е-60; *13* – насыпь вала, разрез 1983 г., Д-60, глубина 65 см; *14* – 3, Х (цифра)-29; *15* – 2, Ю-54

Рис. 353. Конские и обувные железные подковы

1 – 3, I-41; *2* – 5, XVI-27; *3* – 2, IX-32; *4* – 2, И-38; *5* – 1, XVII-32; *6* – 1983 г., траншея А, XIX-27; *7* – 2, IV-27; *8* – 2, Е-32; *9* – 1, IX-28; *10* – 4, Б-36; *11* – 1, Б-36; *12* – 2, Ц-47; *13* – 3, IV-32; *14* – 1, I-32; *15* – 1, IV-5; *16* – 2, Ш-20; *17* – 2, VI-31

ла XIV в. Наибольшее число их приходится на нижние горизонты древнерусских культурных напластований.

Ледоходные шипы употреблялись или как подковы для коней, или прикреплялись к обуви человека при передвижениях в зимнее время. Они нужны были людям и в боевых условиях, и при рыбной ловле, и при подъемах на оледеневшие склоны, и просто при гололеде. Судя по материалам раскопок в Бирке, на ногу человека обычно крепились по два шипа, на ногу коня – один. А.Н. Кирпичников разделяет ледоходные шипы на конские и обувные (*Кирпичников*, 1973. С. 80–82). Для абсолютного большинства изборских находок такая дифференциация представляется невозможной. Их следует охарактеризовать целостно.

Все ледоходные шипы представляют собой П-образные скобы, состоящие из основы-платформы с коническим шипом и двух зубцов с заостренными концами. Платформы имеют овальные очертания, длина их – от 2,4 до 4 см, ширина – 1, 2–3 см. Пирамидальные шипы выступают на 1–1,7 см. Длина зубцов – от 3,5 до 5,6 см. При подковке коней зубцы проходили на откос передней части копыт и загибались примерно на середине своей высоты.

Немало таких ледоходных шипов в Изборске найдено в неиспользованном состоянии. Есть все основания полагать, что они изготавливались местными кузнецами. Но все же преобладают фрагментарные шипы, бывшие в употреблении. Среди тех, по которым можно ориентировочно определить их принадлежность к конским или обувным подковкам, заметно доминируют первые (рис. 352: *15*). Обувные шипы обычно попарно вбивались в дощечки, которые привязывались к обуви. Место загиба их зубьев, как правило, находилось не на середине их высоты, а ближе к основанию.

В изборской вещевой коллекции имеется еще сложное приспособление для пешеходного передвижения по гололеду. Это – железная платформа овальной формы с вырезом посредине и с тремя пирамидальными шипами снизу. По бокам пластины загнуты вверх и завершаются петлями (рис. 352: *14*). В петли просовывались ремешки, которыми изделие привязывалось к обуви. Длина платформы 13 см, наибольшая ширина 6,8 см. Находка происходит из среднего горизонта слоя Изборского городища. Подобные ледоходные приспособления весьма редки на Руси и скорее всего принадлежали знатным людям. В.А. Мальм упомянула находку из Переяславля Рязанского (*Мальм*, 1956. С. 134, рис. 8: *1, 2*), А.Н. Кирпичников называет шипы из Пронска, Княжей Горы, Изяславля Волынского и Райковецкого городища (*Кирпичников*, 1973. С. 81). Е.В. Салмина опубликовала такую находку в связи с характеристикой рыболовного инвентаря Пскова (*Салмина*, 1995а. С. 16, рис. 1: *5*).

Железных подковок в Изборске встречено более сотни. В этом отношении памятник выделяется среди прочих древнерусских. Большая часть изборских находок небольшого размера, луновидной формы в плане, с двумя задними концевыми отгибами-шипами. На многих дошедших до нас подковках последние оказались обломанными (рис. 353: *1–12, 14, 17*). Размеры этих изделий весьма различны – от довольно миниатюрных до подковок средней величины. Наименьшая находка имеет ширину всего 3,5 см, остальные – от 4 до 9 см. Высота находок – 4–5,5 см, длина шипов – 0,5–1,5 см. Малые размеры изборских подковок выделяют их среди массы древнерусских двухшипных находок, имеющих, правда, не лунообразную форму, а форму трехчетвертного овала. А.Н. Кирпичников называет их овальными и приводит следущие размеры их с задними шипами (вторая разновидность, встречены при раскопках ряда памятников Древней Руси и датируются XII–XIII вв.: ширина – 11–13 см, высота – 8,5–11 см) (*Кирпичников*, 1973. С. 84). Аналогичные двухшипные подковы были распространены и в Западной Европе. Весьма малые размеры многих изборских находок допускают мысль об отнесении какой-то части их к обувным набойкам.

Характеризуемые изборские подковы имеют по два–четыре отверстия для гвоздей, с помощью которых они крепились на передних частях конских копыт. Среди изборских двухшипных находок есть и единичные овальные подковы. Ширина и высота наиболее сохранившейся подковы около 6 см (рис. 353: *15*).

Одна целая и несколько фрагментарных подков из Изборского городища принадлежат к другой разновидности. Они откованы в виде полуокружности с одним передним шипом и четырьмя отверстиями для гвоздей (рис. 353: *13*). Размеры наиболее сохранившейся находки: ширина – около 11 см, высота – 8 см, высота шипа – около 1,5 см. Подобные подковы встречены в ряде городов Руси, в том числе Пскове (*Гроздилов*, 1962. С. 61, рис. 50: *4*). Наиболее ранние подковы с передним шипом на Руси относятся к XI в., позднейшие – к XVII в. (*Кирпичников*, 1973. С. 83–84).

В Изборске основная часть двухшипных подковок происходит из верхнего горизонта культурного слоя. Немногочисленные находки их встречены и в нижележащих горизонтах, свидетельствуя о том, что ковать лошадей здесь начали уже в XI в. Подковы с одним передним шипом найдены только в среднем и верхнем горизонтах изборского слоя и, таким образом, могут быть датированы XII – началом XIV в.

Украшения и металлические принадлежности одежды

Височные кольца

Височные кольца разных типов получили широкое бытование в восточнославянском мире X–XIII вв., но в основном в сельской среде. Некоторые из таких украшений стали надежными индикаторами племенной принадлежности курганных захоронений. Находки височных колец в слоях древнерусских городов, по сравнению с курганными древностями, немногочисленны и обычно являются свидетельствами пополнения городского населения за счет притока из ближайших и отдаленных сел и деревень Древней Руси; их типы служат надежными показателями происхождения переселенцев. Конечно, основу населения городов составляли выходцы из той земли, на которой находится тот или иной город. Так, в Великом Новгороде кроме ромбощитковых височных колец, характерных для региона ильменских словен, центром которых и был этот город, при раскопках обнаружены головные украшения кривичей, вятичей, радимичей и води. Очевидно, Новгород, как и другие крупные города Руси, привлекал в состав своих жителей – выходцев из самых различных земель. Изборск принадлежит к числу малых городов, но и в нем население формировалось не только из окрестных регионов.

Псковские кривичи не имели специфических височных колец, их головными украшениями были перстнеобразные кольца, распространенные на всей восточнославянской территории на протяжении X–XIII вв. (*Седов*, 1982. С. 166–169). В культурных напластованиях второй половины X – начала XIV в. Изборского городища такие украшения встречаются нередко, но в большей степени представлены фрагментарно. Среди них доминируют простейшие с сомкнутыми или в той или иной степени заходящими концами (рис. 354: *1–7*). Изготовлены они из бронзовой, изредка из биллоновой проволоки диаметром от 0,7 до 2 мм. Диаметр самих колец колеблется от 1 до 4,5 см. Несколько раз встречены перстнеобразные загнутоконечные кольца, один конец их был завернут в колечко. В Изборске перстнеобразные украшения, в том числе с завернутым концом, как отмечалось выше, представлены в нижележащих напластованиях с лепной керамикой и, следовательно, получили распространение не позднее VII в., поскольку известны в погребениях длинных курганов (*Седов*, 1974а. С. 32, рис. 26: *6, 7, 9, 10*; *Аун*, 1992. Рис. 51: *8, 9*). Перстнеобразные височные кольца имели распространение по всей древнерусской территории и являются рядовыми находками в древнерусских городах (*Седова*, 1981. С. 13).

Несколькими находками представлены в Изборске трехбусинные височные кольца (рис. 355: *1–3, 6*). Три кольца имели гладкие шарообразные бусы, состоящие из двух половинок, остальные – зернено-сканные бусы. В Изборске они сравнительно немногочисленны. Это типично городские украшения Древней Руси. Так, в Великом Новгороде они насчитываются десятками (*Седова*, 1981. С. 13–14, рис. 3: *6, 10, 12–16*). Обнаружены они и при раскопках в Пскове (*Сергина*, 1983. С. 97, рис. 17: *1–12*). В курганах они встречаются крайне редко, исключение составляют курганы Ростово-Суздальского ополья. В Изборской округе кольца с зерненными бусами найдены в захоронениях Мальского курганно-жальничного могильника (рис. 355: *4*).

К этому же типу украшений принадлежат и встреченные в Мальском могильнике проволочные височные кольца с одной бусиной на стержне (рис. 355: *5*). Подобные головные кольца обычны и для городских, и для курганных древностей Древней Руси.

Целостно или во фрагментах в Изборске найдено шесть браслетообразных височных колец с завязанными концами (рис. 355: *8*; 356: *10, 11*), которые являются этноопределяющими для смоленско-полоцких кривичей (*Седов*, 1982. С. 158–166). Дважды встречены еще фрагменты концов этих украшений (рис. 356: *8*). Очевидно, что изборяне охотно принимали в свой состав переселенцев из соседних Полоцкой и Смоленской земель. Девять браслетообразных завязанных колец найдено в Неревском раскопе Великого Новгорода (*Седова*, 1981. С. 10, рис. 2: *8*).

Единичной является в изборской коллекции находка ромбощиткового височного кольца с типичной для таких украшений орнаментацией (рис. 356: *9*). Найдено еще несколько фрагментов ромбощитковых колец, но не исключено, что это был металлолом для бронзолитейщиков, работавших на городище.

Нельзя не упомянуть и находку двух семилучевых височных колец (рис. 355: *7*), найденных в 20-х годах XX в. местными жителями при сносе курганов на Словенском поле. Это типичное украшение радимичей (*Седов*, 1982. С. 151–157) и нужно полагать, что женщина, погребение которой было разрыто крестьянами, происходила из земли радимичей.

Встречены в Изборске и единичные многобусинные височные кольца (рис. 355: *6*). Их основным ареалом является Водская пятина Великого Новгорода. Здесь такие украшения найдены в более, чем 150 курганных комплексах и единично встречены в жальничных могилах. Анализ погребальных инвентарей из курганов северо-западной окраины Новгородской земли показывает отрицательную корреляцию многобусинных колец с типично славянскими украшениями и связи их с фин-

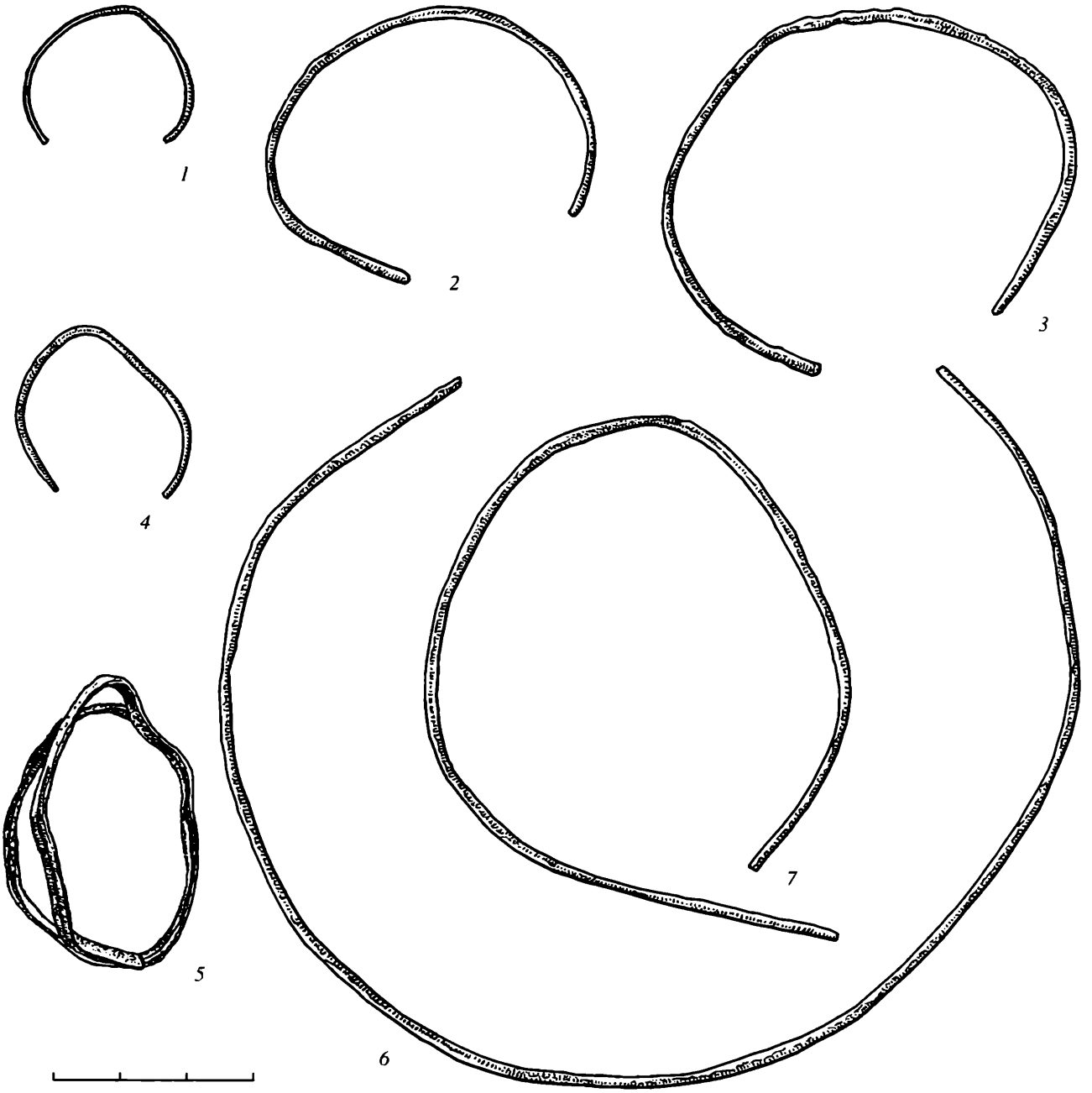

Рис. 354. Проволочные височные кольца (все – цветной металл)

1 – 7, участок 9, яма 1; *2* – 4, Б-40; *3* – 3, IX-16; *4* – 5, XII-23; *5* – 3, Ж-43; *6* – 3, А-27; *7* – 3, В-29

но-угорскими. Это дает основание рассматривать многобусинные височные кольца как индикаторы древностей води, судя по захоронениям в курганах, уже в значительной степени подвергшейся славянизации. В рассматриваемое время потомки финноязычной води вошли в состав древнерусской народности, они восприняли у славян курганный обряд захоронения, но сохраняли свои этнографические особенности, проявляемые и в обрядности, и в головных украшениях. В пользу такого вывода говорят также данные палеоантропологии, а отчасти и этнография (*Седов*, 1953. С. 190–229; 1984а. С. 155–161; 1987б. С. 37–40).

Изборские находки принадлежат к типичным украшениям этого типа. Основу их образует проволочное кольцо с нанизанными на него вплотную металлическими бусами, изготовленными из двух половинок. Один конец проволочного кольца загнут спирально вовнутрь, другой – расклепан с отверстием.

Многобусинные кольца бытовали в Водской земле в XII–XV вв. В Новгороде они встречены в напластованиях конца XIII – первой половины XIV в. (*Лесман*, 1990. С. 100).

Некоторые археологи высказали сомнения в водской атрибуции рассматриваемых украшений. Вряд ли справедливы рассуждения о том, что, если водь принадлежит к прибалтийско-финским народам, то убор ее женского костюма должен быть близок к эстскому (*Конецкий и др.*, 1984. С. 166–167). Исследователи не учитывают, что в XII–XIV вв. водь Ижорского плато уже террито-

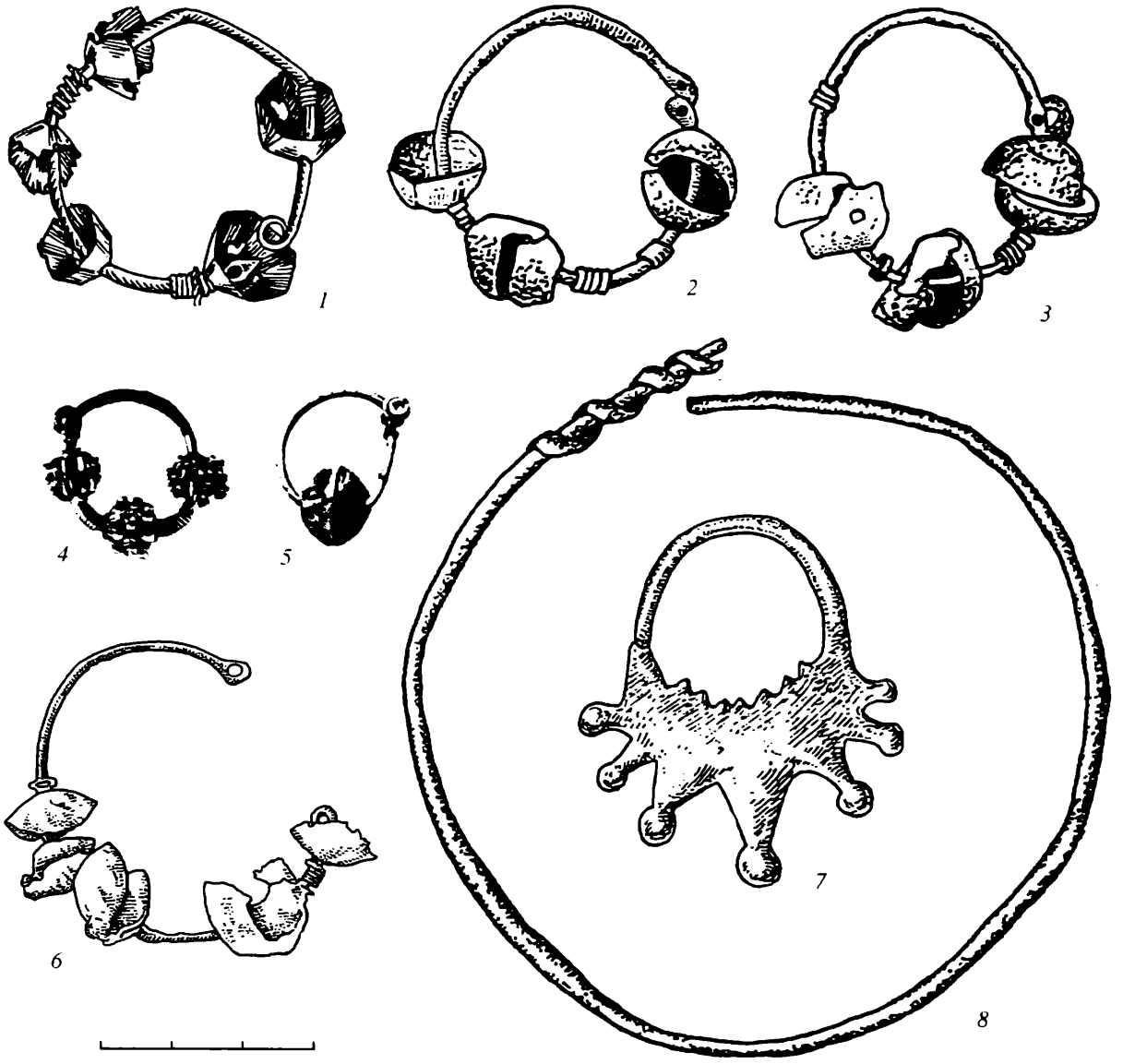

Рис. 355. Височные кольца разных типов (все – цветной металл)

1 – 3, В-42; *2* – 3, В-40; *3* – 2, Б-47; *4, 5* – Малы, курган 3; *6* – 2, ХП-32; *7* – из курганов на Словенском поле; *8* – 3, VII-38; *9* – 5, Н-40

рально и физически смешалась со славянами и не могла не испытывать сильного влияния древнерусской культуры. Высказана также мысль о том, что многобусинные височные кольца отражают временной этап эволюции височных украшений Водской земли (*Кольчатов*, 1984. С. 170–176). Согласиться с этими догадками невозможно, поскольку они не имеют фактологической базы.

За пределами расселения води многобусинные кольца единичны и могут рассматриваться как отражение миграции отдельных групп населения из северо-западных земель Великого Новгорода. Такие украшения встречены в курганных могильниках Северо-Восточной Эстонии. Материалы последних позволили эстонским археологам утверждать, что они принадлежат водским или водско-славянским переселенцам из коренного ареала води. В пользу этого говорят и водские элементы в кадаверской диалектной группе эстонского языка, а также некоторые особенности народной одежды этого региона и топонимика (*Moora*, 1964. Ik. 20–35; *Моора Х.А., Моора А.Х.*, 1965. С. 65–66; *Седов*, 1987б. С. 37; *Ligi*, 1993).

Переселенцами из Водской земли, нужно полагать, оставлены единичные многобусинные височные кольца, найденные в Новгороде Великом (*Седова*, 1981. С. 14, 16), в кургане при д. Лезги в Изборском крае (*Гроздилов*, 1965. С. 86), в одном из захоронений жальничного могильника при д. Страшницы Порховского района (*Кирпичников, Рябинин*, 1975. С. 20), в земле корелы в Путсинлахти близ Сортавалы (*Kivikoski*, 1973. S. 135, Abb. 1078).

Встречены многобусинные украшения и в отдаленных землях – в Пермском крае (*Савельева*, 1987. С. 124, 125, 164, рис. 33: *40, 45*; 37: *134, 144*; *Голдина, Кананин*, 1989. С. 90, рис. 64: *5*; 73: *1*) и далее за Уралом, в Нижнем Приобье (*Зыков, Кокшаров*, 2001. С. 168–170). Для исследователей прикамских древностей новгородское происхождение рассматривае-

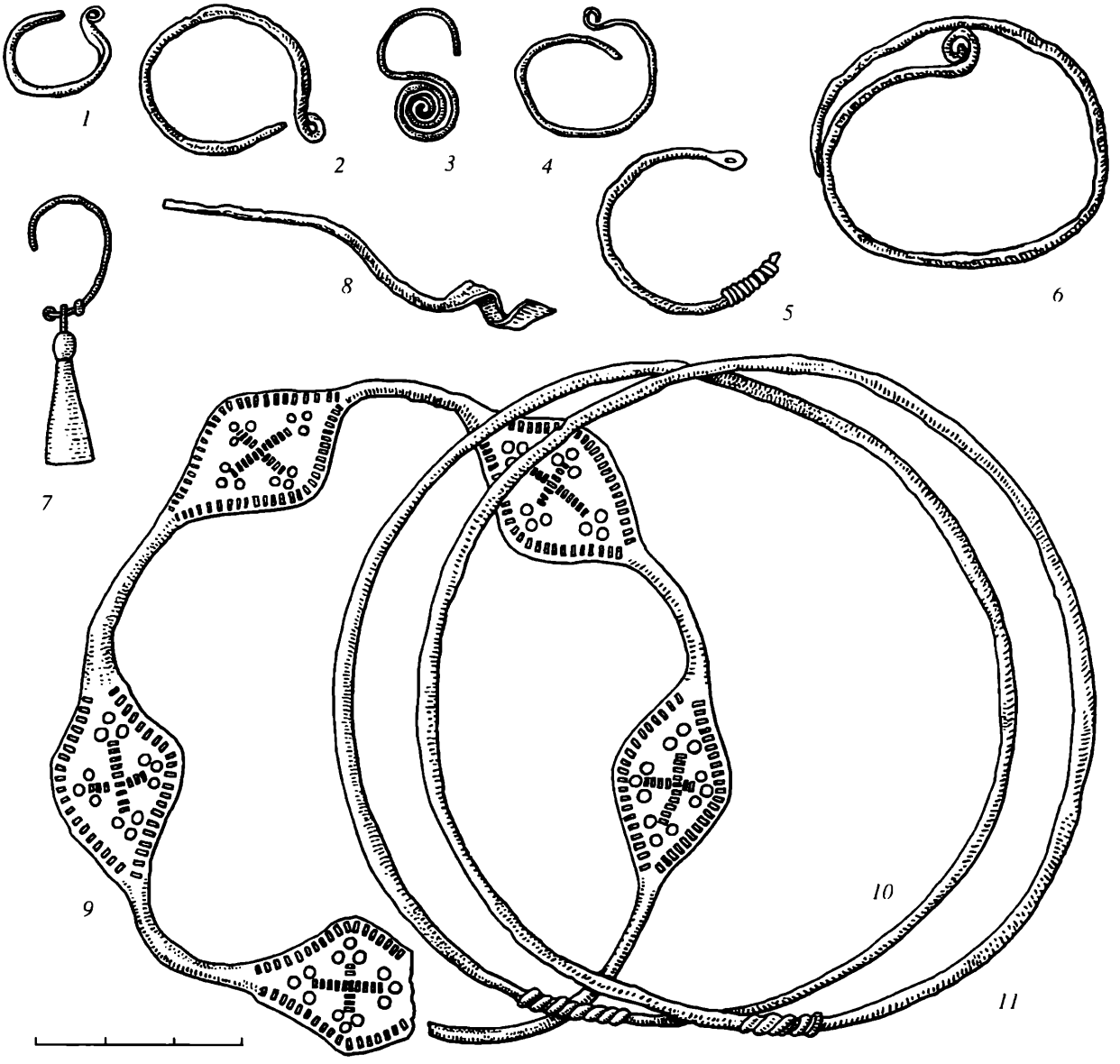

Рис. 356. Височные кольца разных типов (все – цветной металл)
1 – 2, С-27; *2* – 3, Ж-25; *3* – 5, Ш-35; *4* – 3, Б-55; *5* – 2, Е-26; *6* – 4, Е-25; *7* – 2, I-35; *8* – 3, Ж-26; *9* – 3, XVI-26; *10, 11* – 3, XVII-35

мых украшений несомненно. Проникновение населения из Новгородской земли в эти области документируется многими материалами. Также бесспорно, что в области Северного Зауралья многобусинные кольца были привнесены переселенцами из Водской пятины Новгородской земли. Здесь, очевидно, вожане-новгородцы сохраняли традиции ношения этих украшений продолжительное время и изготавливали их местные мастера.

Еще одним регионом, где разрозненно встречены немногочисленные многобусинные височные кольца, является Восточная Литва со смежными землями Белоруссии. Здесь они обнаружены и в могильниках XIII–XIV вв., и в захоронениях XV–XVII вв. (*Спицын*, 1899. С. 303–310; *Зверуго*, 1989. Рис. 61: *13*; *Квятковская*, 1998. С. 71–72 и табл. 5, рис. 11 : *7–9*; 12: *1, 2*). Достаточно очевидно, что это украшения не аборигенного населения. Думается, что эти находки отражают переселения малых групп жителей Водской пятины в земли Великого Литовского княжества, что, может быть, как-то связано с неоднократными набегами литовского войска на Новгородские земли.

Единичными экземплярами представлены в Изборске небольшое спиральное височное кольцо (рис. 356: *3*) и маленькое проволочное колечко с полой конической привеской (рис. 356: *7*). Спиральные кольца были свойственны региону расселения северян (*Седов*, 1982. С. 139, табл. XXXVI: *5, 6*; XXXVII: *4*). Из южнорусских земель, скорее всего, из среды кочевого мира, была привнесена и другая находка.

Шейные гривны

Находки их в Изборске немногочисленны. Преобладают гривны из белого металла, свитые из двух массивных проволок с плоскими концами, завернутыми в спирали (рис. 357: *2–4*). Одна целая гривна найдена в нижнем горизонте характеризуемого слоя, фрагменты аналогичных встречены в

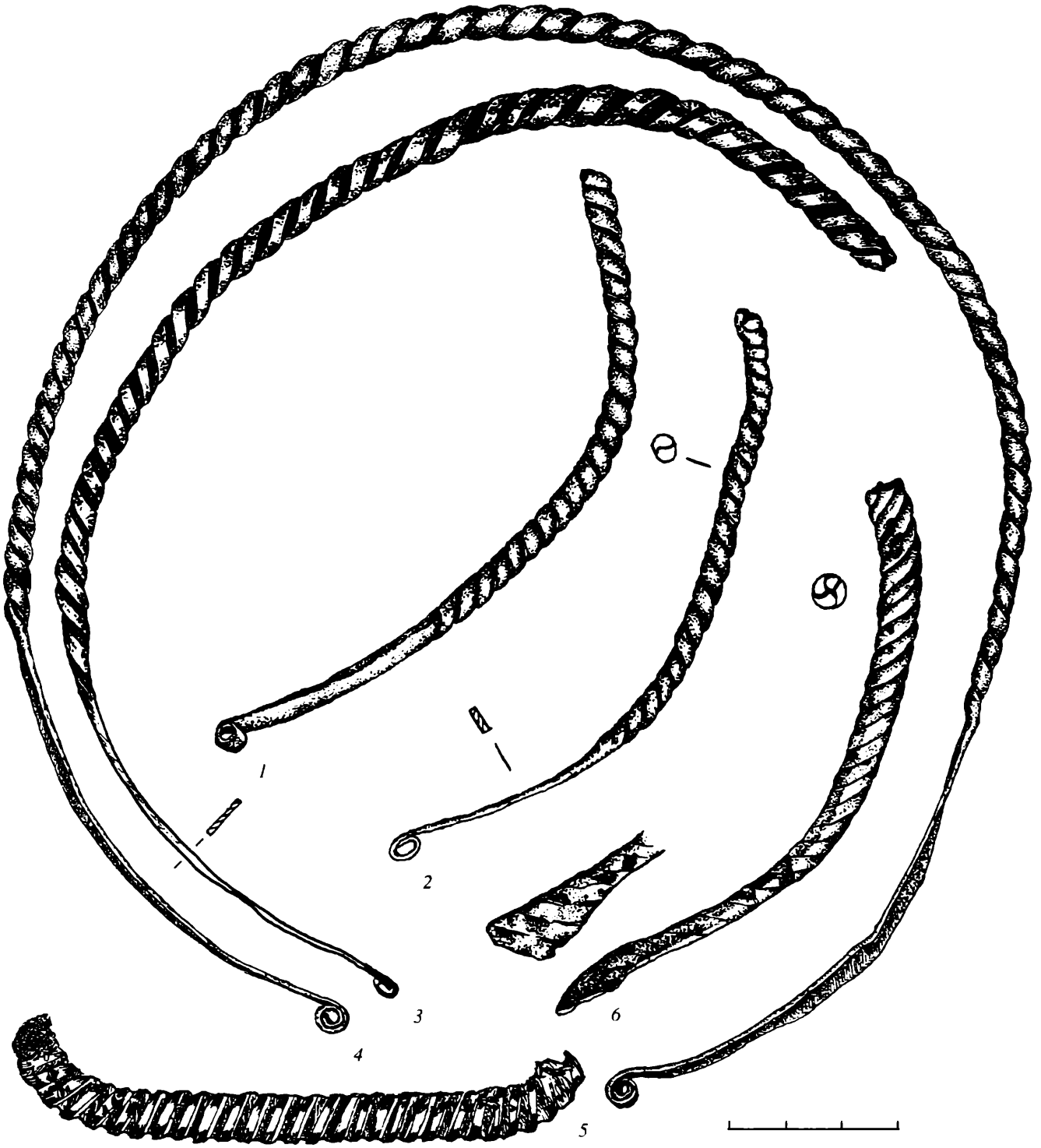

Рис. 357. Шейные гривны (все – цветной металл)
1 – 5, XVII-20; *2* – 3, IV-6; *3* – 1, Э-41; *4* – 4, Л-46; *5* – 1, А-25; *6* – 1, Г-13

среднем и верхнем горизонтах. Шейные украшения этого типа имели широкое распространение в Древней Руси в течение XI–XII вв. (*Фехнер*, 1967. С. 73).

Одним фрагментом в изборской коллекции (из нижнего горизонта древнерусского слоя) представлена подобная витая гривна с дротовыми концами, также завернутыми в спираль (рис. 357: *1*). Такие гривны известны из ряда памятников Северной Руси и датируются преимущественно XI в. (*Фехнер*, 1967. С. 71, 73).

Встречены в Изборске единичные фрагменты шейных гривен иных типов. Из верхнего горизонта слоя происходит обломок гривны, свитой из четырех проволок, с расплющенными в пластину концами (рис. 357: *6*). Аналогий ей среди древнерусских материалов, собранных М.В. Фехнер (1967. С. 55–87), найти не удается. В верхнем горизонте слоя Изборского городища найден фрагмент массивной крученой гривны, изготовленной из белого металла (рис. 357: *5*). Тип ее из-за отсутствия концов определить невозможно. В нижнем горизонте древнерусских напластований найдены фрагменты пластинчатых гривен, один из которых украшен циркульным узором. Целостный облик этих находок не ясен. В Древней Руси пластинчатые гривны редки и, видимо, происходят из Прибалтики. Здесь пластинчатые или дротовые с пластинчатыми концами гривны в ряде регионов, в частности в Латгалии, были весьма широко распространены (Финно-угры и балты.., 1987. Табл. CV: *4*; CXII: *4*). Несколько отличные от них шейные гривны с пластинчатыми частями известны и в Эстонии. Х.А. Моора именовал их воротникообразными (*Moora*, 1929. Lk. 166–168, tab. IV: *1*). Они имели пластинчатую среднюю часть, постепенно сужающуюся и переходящую в круглые дроты, завершающиеся крючкообразно завернутыми концами. Несколько таких украшений встречено в могильнике Залахтовье на восточном берегу Чудского озера (*Хвощинская*, 2004. С. 62–63).

Бусы

В изборской коллекции они сравнительно немногочисленны. Основную часть их образуют мелкие зонные бусы, стеклянные или пастовые, желтого, голубого или синего цвета (цветн. вклейка, рис. 8: *16, 17*). Размеры их – от 4 до 7 мм, ширина – 2–3 мм. Подобные зонные бусы имели широкое распространение на всей территории Древней Руси (*Щапова*, 1956. С. 166–169; 1961. С. 185–187). Единичными экземплярами представлены многочастные бусы голубого, синего и фиолетового цветов (цветн. вклейка, рис. 8: *13, 18, 19, 24*). Вторую по численности группу составляют стеклянные или пастовые бусы синего и голубого цвета бочонкообразной и цилиндрической форм (цветн. вклейка, рис. 8: *21, 22*). Они несколько крупнее зонных – диаметры их – от 6–7 до 10–12 мм, высота – от 3–4 до 8–12 мм. Цилиндрические изборские бусы сопоставимы с новгородскими (*Щапова*, 1956. С. 171). Единичными экземплярами представлены усеченно-биконическая (цветн. вклейка, рис. 8: *14*), шарообразная и уплощенно-шарообразная бусины синего стекла, а также веретенообразная (эллипсоидная) бусина фиолетового цвета размерами 19 × 10 мм. Последняя обнаруживает параллели в материалах Великого Новгорода (*Щапова*, 1956. С. 170). Две крупные пастовые бусы неопределенного цвета бочонкообразной формы имели слаборельефную орнаментацию (цветн. вклейка, рис. 8: *11, 12*).

Кроме стеклянно-пастовых в Изборске довольно широко бытовали глиняные бусы. Доминировали бусы цилиндрической и неправильно-цилиндрической формы (рис. 358: *2, 3*), но есть также усеченно-биконические и зонные. Диаметры их колеблются от 7 до 11–13 мм. Выделяется одна крупная бусина диаметром 20 мм (пряслице?), орнаментированная нарезным узором (рис. 358: *5*).

Несколько изборских бусин вырезано из местного камня (рис. 358: *6*). Все они бочонкообразной

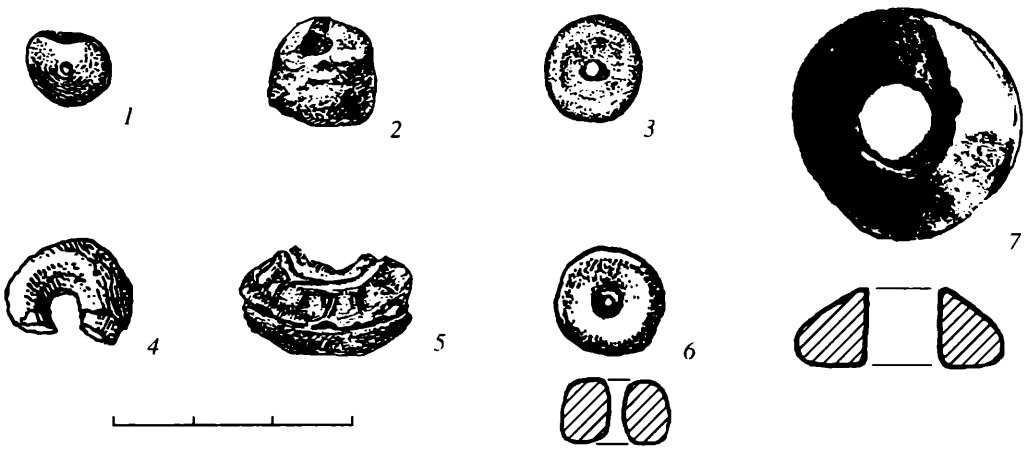

Рис. 358. Бусы

1 – насыпь вала; *2* – 1, М-40; *3* – 1, И-32; *4* – 3, Ш-27; *5* – 2, К-2; *6* – 4, Р-44; *7* – XI-20. *1* – бронза; *2, 3, 5* – глина; *4, 7* – янтарь; *6* – камень

или цилиндрической формы. Диаметры их колеблются от 8 до 14 мм, высота – 5–8 мм. Несколько зонных и цилиндрических бусин было вырезано из кости, но они очень плохо сохранились. Бусин из волынского шифера встречено только две. Одна – бочонкообразная, диаметром 11 мм и высотой 8 мм, другая – цилиндрическая, диаметром 14 мм и высотой 13 мм.

На Изборском городище встречены три янтарные бусины крупных размеров (рис. 358: *4*, *7*). Одна из них диаметром 15 мм и высотой 5 мм имела отверстие 3,5 мм, две другие отличались крупными размерами (диаметры 26 и 28 мм, высотой 9 и 11 мм) и широкими отверстиями (9 мм). Трапециевидная в разрезе форма этих находок, кажется, не допускает отнесения их к пряслицам.

Есть в изборской коллекции еще две бронзовые бусины. Одна из них полая шарообразная диаметром около 10 мм (рис. 358: *1*), другая – бочонкообразной формы с воротничками и орнаментальными поясками при них, образованными припаянными проволочными кружками с точкой посредине (цветн. вклейка, рис. 8: *15*). Бусы, орнаментированные припаянными колечками, известны в древнерусских курганных древностях, встречены они и в некоторых городах.

В состав шейных ожерелий, помимо бус, нужно полагать, могли входить привески из раковин каури, описанные ниже, и бронзовые спиральки такого же облика, как и в нижнем слое Изборского городища.

Привески

Во всех горизонтах древнерусского слоя Изборского городища встречены бронзовые бубенчики, нередко во фрагментарном состоянии. Такие привески являются относительно частыми находками в древнерусских археологических коллекциях. Имеются они и на соседних территориях. Как показывают курганные материалы, применялись они разнообразно. Нередко бубенчики входили в состав шейных ожерелий среди бус, спиралек и иных привесок. В других случаях подвешивались по одному или несколько на цепочках или ремешках как нагрудные украшения. Зафиксированы также случаи использования бубенчиков и как украшений головного убора, и как привесок к шейным гривнам, и как привесок к поясу. Иногда их пришивали непосредственно к одежде. Использовались небольшие бубенчики и как пуговицы. Были они не только украшениями, но и амулетами-оберегами (*Мальм, Фехнер*, 1967. С. 138–141).

Коллекция изборских бубенчиков включает находки разных типов и размеров. Наиболее многочисленны шаровидные бубенчики с одной щелевидной прорезью (рис. 359: *1–7, 9, 10, 13–16*). Нередко они украшались пояском из нескольких нарезных концентрических линий. Время бытования их на Руси определяется периодом от конца XI до XIII в. включительно, наибольшее распространение приходится на XII столетие (*Мальм, Фехнер*, 1967. С. 136–137). В Новгороде бубенчики с одной линейной прорезью бытовали от середины XI до середины XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 171, рис. 8). В Изборске такие бубенчики встречены преимущественно в верхнем и среднем горизонтах древнерусского слоя, но единичные есть и в нижнем горизонте. Большинство их имеют 13–17 мм в диаметре и высоту (вместе с ушком) 16–23 мм, но имеются и небольшие – 8–11 мм в диаметре.

Вторую группу образуют изборские бубенчики шаровидно-грушевидной формы с крестообразной прорезью (рис. 359: *8, 11, 17, 19, 20*). Они выделяются крупными размерами – 17–23 мм в поперечнике, но есть и меньших размеров, идентичных бубенчикам с линейной прорезью. Некоторые из них имеют рельефные линейные узоры. Бубенчики с крестообразной прорезью обычно относятся исследователями к более раннему времени и датируются X–XI вв. (*Мальм, Фехнер*, 1967. С. 133–136). В Новгороде они доживают до середины XII в. (*Седова*, 1981. С. 156). В Изборске рассматриваемые бубенчики появились в слое с лепной керамикой и затем бытовали одновременно с бубенчиками со щелевидной прорезью. Они встречены во всех горизонтах древнерусских напластований, наиболее поздние из них относятся к XIII – началу XIV в. В этом отношении изборские материалы сопоставимы с находками летто-литовского средневекового мира, где бубенчики с крестовидной прорезью бытовали вплоть до XVI столетия (*Urbanavičius*, 1970. Pav. 12: 11; *Mugurevičs*, 1977. Lpp. 83).

Из нижнего горизонта древнерусских напластований происходит крупный бронзовый бубенчик грушевидной формы без прорези (рис. 359: *12*). Аналогичная находка сделана в нижележащем слое с лепной керамикой и описана была выше.

Распространенными в Изборске были пластинчатые привески трапециевидной формы нескольких типов. Появляются они здесь в раннее время, ранние привески описаны выше. Большинство трапециевидных привесок городских напластований – простейшие неорнаментированные (рис. 360: *1–3, 5, 6, 11*). Единичные украшены простым пунктирным узором (рис. 360: *4*). Рассматриваемые привески характерны для всех горизонтов древнерусских напластований Изборского городища. На Руси подобные украшения не имели широкого распространения. Так, в Новгороде Великом это единичные находки (*Седова*, 1981. С. 35–36). В древнерусских курганах они встречаются преимущественно в окраинных регионах. На северо-западе Новгородской земли они иногда использовались в качестве шумящих привесок к височным кольцам (*Спицын*, 1896. С. 20, табл. VI: 1. 2; 1903а. Табл. XXV: 40).

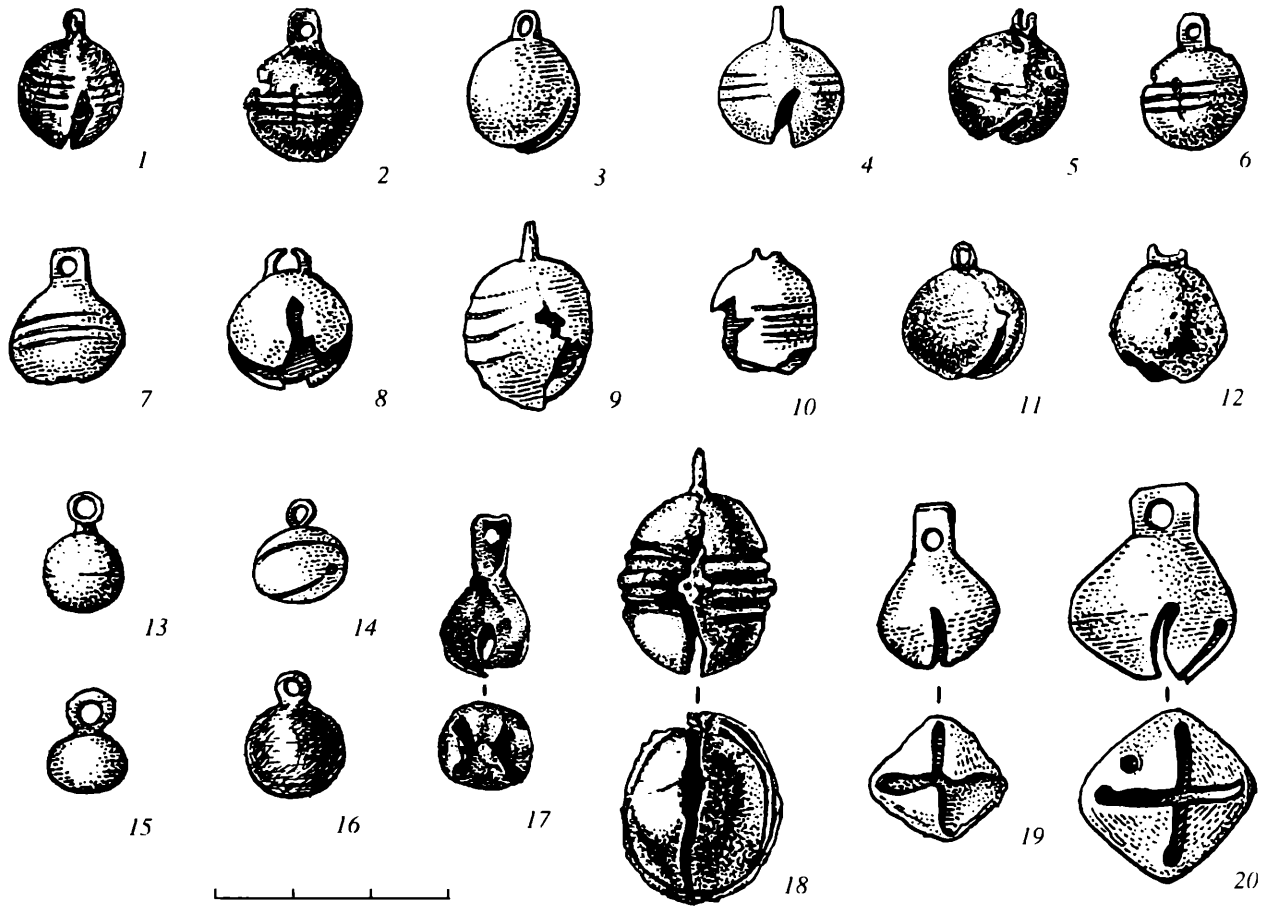

Рис. 359. Бубенчики (все – цветной металл)

1 – 2, Ф-39; *2* – 1, I-32; *3* – 1, А-31; *4* – насыпь вала; *5* – 2, Р-45; *6* – 1, З-28; *7* – 3, А-5; *8* – 3, Е-27; *9* – 3, IX-22; *10* – 3, З-16; *11* – 3, М-44; *12* – 2, Р-28; *13* – 1, IV-31; *14* – 2, Ш-7; *15* – 5, В-35; *16* – 3, Е-18; *17* – 2, И-28; *18* – 3, Н-23; *19* – 2, Д-45; *20* – 2, XIV-37

Трапециевидные привески были очень распространены в прибалтийских землях и бытовали там весьма продолжительное время. В одежде балтских племен они использовались разнообразно: прикреплялись к головным уборам, к шейным гривнам, к зооморфным и иным нагрудным и поясным подвескам, к спиральным перстням и др. Подобные привески встречаются и в прибалтийско-финских памятниках (*Шноре, Зейд,* 1957. Табл. 1: *2*; 11: *13–15;* 111: *4, 12*; IV: 2; XIV: 1, 3 и др.; *Шноре,* 1961. Табл. V: 23, 35–37, 42–45, 47; *Urtans*, 1970. Lpp. 64–65; 1977, Lpp. 31, att. 86: *15, 16*; *Mugurevičs*, 1977, Lpp. 82, tab. XXXVII: 18–21, 24–34; XXXVIII: 18–21, 24–29; *Седов,* 1987б. Табл. CVI: *3, 5, 10, 16, 18*; CVIII: *5, 7, 8, 11*). Исследователями прибалтийских древностей подмечено, что относительно поздние трапециевидные привески имеют вытянутые очертания с длинными сторонами, приближающимися к параллельным. В Изборске наблюдается такая же ситуация.

Встречены на Изборском городище и бронзовые пластинчатые подвески-основы, к которым с помощью проволочных колечек крепились трапециевидные привески. Три из них – трапециевидной формы с отростками по бокам, что придает им стилизованную зооморфную форму. На одной из них в боковых отростках сделаны отверстия, через которые продеты проволочные колечки (рис. 360: *15, 17, 18*). Найдены подвески в среднем и верхнем горизонтах слоя. Все они орнаментированы, в одном случае пуансоном, в другом – выпуклыми полушариями, в третьем – гравировкой. Аналогии этим украшениям обнаруживаются в материалах Юго-Восточной Прибалтики, в частности в коллекции Асотского городища (*Шноре,* 1961. Табл. V: 42).

Редкими были привески ромбических очертаний. Одна из них, встреченная в верхнем горизонте, литая с ушком вверху и отростками на трех концах ромбовидной основы, украшена четырьмя ромбическими углублениями (рис. 360: *7*). Другая изготовлена из листовой бронзы. В ее середине – полусферическая выпуклина, по краям гравированный орнамент, ушко сделано из отдельного куска бронзы и приклепано к привеске (рис. 360: *8*). Штампованные из листовой бронзы привески ромбической формы широко известны в древностях XII–XV вв. Юго-Восточной Прибалтики, особенно на территории Латвии (*Balodis,* 1940. Tab. VIII: 19; XI: 3; *Шноре,* 1961. Табл. V: 14, 20, 21; LA, 1974. Tab. 49: *5*; 50: *11*; 56; *Mugurevičs*, 1977. Lpp. 83, tab. XXXVII: 1–10; XXXVIII: 22; *Седов*, 1987. Табл. CVI: *19*). Ближайшей аналогией изборской литой привески является находка из одного из курганов, раскопанных в могильнике при д. Бакин Ко-

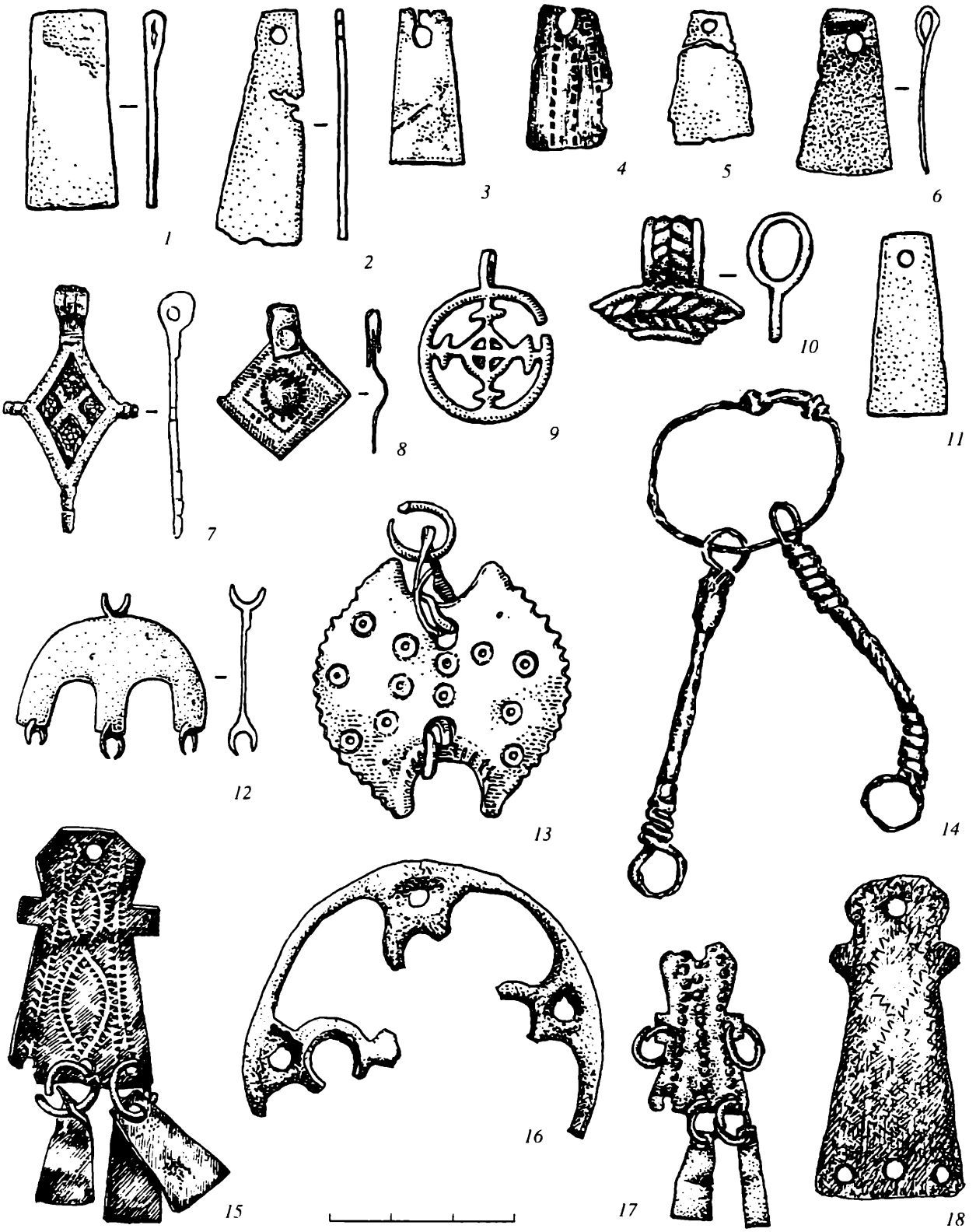

Рис. 360. Нагрудные привески

1 – 3, О-49; *2* – 4, Д-49; *3* – 3, XIV-31; *4* – 2, XIV-29; *5* – 2, О-42; *6* – 3, I-21; *7* – 2, Е-54; *8* – 1, П-29; *9* – 1, Х(буква)-52; *10* – 1, И-28; *11* – 3, Л-48; *12* – 2, Б-34; *13* – 2, К-26; *14* – 2, Г-37; *15* – 3, XII-25; *16* – 3, VII-32; *17* – 1, Т-35; *18* – 1, Л-37. *1–13, 15–18* – цветной металл; *14* – железо

нец на северо-восточном побережье Чудского озера (*Спицын*, 1903. Табл. XXV: 42). Одна литая ромбовидная привеска встречена в Новгороде в слое рубежа XII–XIII вв., но она заметно отличается от изборской по форме и орнаментации (*Седова*, 1981. С. 73, рис. 25: *7*).

Прибалтийское начало имеет и бронзовая привеска-гребень, украшенная циркульным узором (рис. 360: *13*). Она происходит из верхнего горизонта изборского слоя. Аналогичные привески были весьма характерны для латгалов в XII–XIII вв. (*Balodis*, 1940. Tab. XI: 9; XI: 5; *Шноре*, 1961. Табл. V: 46, 48; *Mugurevičs*, 1977. Lpp. 113, tab. XLVI: 28; *Седов*, 1987б. Табл. CVI: *4*).

В верхнем горизонте напластований Изборского городища встречена бронзовая трехрогая лунница (рис. 360: *12*). Такие украшения в Восточной Европе известны были еще в начале средневековья и недавно рассмотрены в специальной статье В.Е. Родинковой (2003. С. 6–19). В Прибалтике они имели хождение преимущественно в VII–IX вв. и служили цепедержателями на фибулах и булавках (LLM, 1958. II. 459–460). Трехрогие лунницы-привески бытовали и позднее. Они встречаются в памятниках латгалов, ливов и эстов XI–XII вв. (RK 1986. Tab. XIV: 5, 8; *Шноре, Зейд*, 1957. Табл. III: 9; *Selirand*, 1974. Lk. 149, 318–319, tab. XXXI: *1*), наиболее поздняя находка происходит из Локстене, где датируется XV в. (*Mugurevičs*, 1977. Lpp. 82, tab. XXXVII: 22).

К несколько измененным трехрогим лунницам, по-видимому, следует отнести и находку, сделанную еще в XIX в. в "чудском могильнике" близ Изборска. Ее использовали как цепедержатель. На краевых рогах висели кольцеобразные привески, средний рог уплощен, и на нем были подвешены две подобные привески.

Найденная в верхнем горизонте изборского слоя круглая ажурная привеска со стилизованным крестом внутри (рис. 360: *9*) находит аналогии в древнерусских материалах XII–XIII вв. В Новгороде привеска, очень близкая изборской, встречена в напластованиях XII в. (*Успенская*, 1967. С. 108; *Седова*, 1981. С. 42, рис. 14: *1*). По всей вероятности, подвеской был круглый ажурный амулет большого диаметра, встреченный в среднем горизонте напластований Изборска во фрагментарном виде (рис. 360: *16*). В Новгороде такая же крупная прорезная привеска обнаружена в слое рубежа XIV–XV вв., она сопоставляется с прикамскими амулетами (*Седова*, 1981. С. 42, рис. 10: *12*). Изборская находка отлична от последних.

Из верхнего горизонта рассматриваемого слоя Изборского городища происходит фрагмент круглой литой привески с елочным рельефным узором (рис. 360: *10*). Скорее всего находка относится к нижним напластованиям памятника.

При разборке древнерусского слоя встречено множество раковин-каури (рис. 361: *1–11*). Как известно, родиной каури являются острова Индийского океана, откуда они в больших количествах распространялись на обширной территории Азии, Африки и Европы. В раннем средневековье арабскими купцами из стран Востока они поставлялись в Восточную Европу. Судя по сообщениям арабских авторов X–XI вв. и европейских путешественников XVI–XVII вв., в ряде местностей раковины каури использовались не только как украшения, но и как средство платежа. Так, в Юго-Восточной Азии и Западной Африке они являлись признанной денежной единицей (*Schilder*, 1952. S. 44, 45, 117).

В Восточную Европу раковины каури стали поступать вместе с распространением дирхема, первоначально из региона Кавказа. Однако в восточнославянских землях они встречаются довольно редко, но получили бытование в ряде мест финно-угорского мира (*Смирнов*, 1952. С. 132) и особенно широко в земле латгалов. Здесь они входили в состав шейных ожерелий вперемешку с бусами начиная с VIII–IX вв. Особенно много раковин каури в латгальских памятниках XII–XIII вв., бытовали же они в этом регионе вплоть до XVIII в. (Нукшинский могильник, 1957. С. 36, табл. XIV: 1; XV: 1–3; *Zarina*, 1988. Tab. XV). Э.С. Мугуревич полагает, что эти амулеты символизировали голову змеи, культ которой получил широкое распространение в духовной жизни балтов (*Мугуревич*, 1962. С. 37–51; 1965. С. 54–59). Довольно много этих раковин найдено и в северо-западной части Новгородской земли, где они характерны в основном для области, заселенной водью (*Седов*, 1953. С. 198).

В Изборске раковины каури более или менее равномерно встречены во всех горизонтах напластований. Трудно сказать, как использовались изборянами привески из раковин каури. Они могли быть частью нагрудных украшений и подвешивались с помощью колечек и цепочек, но, думается, что большинство их входили в состав шейных ожерелий.

Среди зооморфных привесок в Изборске преобладают пластинчатые. Это, прежде всего, привески, изображающие стилизованное животное, напоминающее коня (рис. 362: *2–4*). Это наиболее распространенные зооморфные привески в восточнославянских древностях Северной Руси. В археологической литературе их обычно именуют коньками смоленского типа. Концентрация их находок на Смоленщине была подмечена Б.А. Рыбаковым (1948. С. 458). Впрочем, некоторые исследователи называют такие привески "собачками" или "барсами", поскольку схематичность облика все же затрудняет отождествление с определенным животным.

Первая сводка таких привесок показала, что их находки приурочены к территории расселения смоленско-полоцких кривичей (*Седов*, 1968. С. 151–157). Позднее Е.А. Рябинин показал их более широкое распространение (*Рябинин*, 1981.

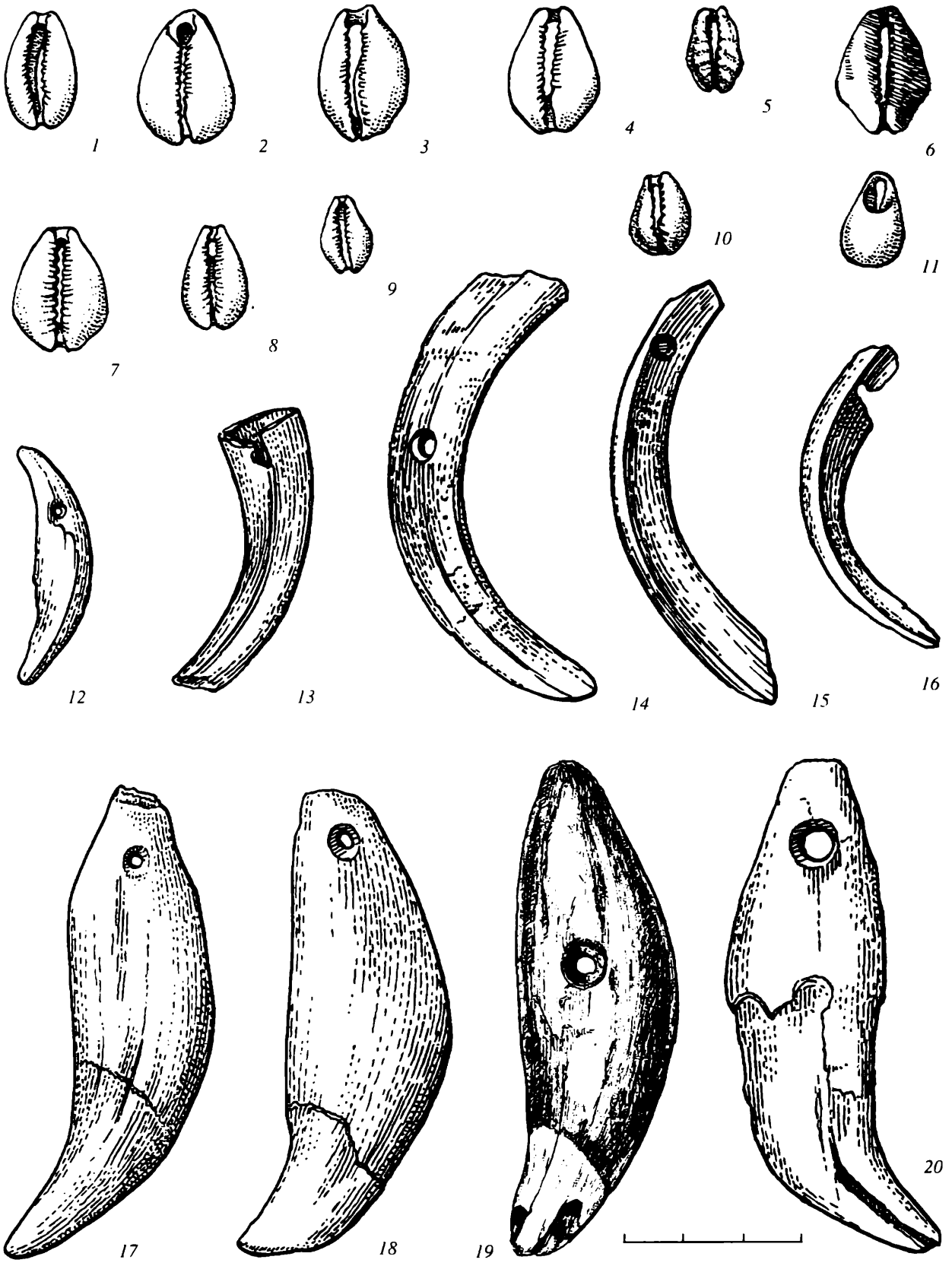

Рис. 361. Привески из раковин каури (*1–11*) и клыки-амулеты (*12–20*)

1, 3 – 2, Н-24; *2* – 3, О-24; *4* – 2, Ш-6; *5* – 4, Э-55; *6* – 1, З-50; *7* – 3, Ш-3; *8* – отвал слоя из раскопа; *9* – 2, Р-30; *10* – 3, Ч-53; *11* – 3, О-25; *12* – 1, VII-22; *13* – 5, О-37; *14* – 2, I-43; *15* – 3, Г-50; *16* – 3, Ж-45; *17* – 3, П-26; *18* – 3, Р-38; *19* – 4, Б-46; *20* – 3, Г-35

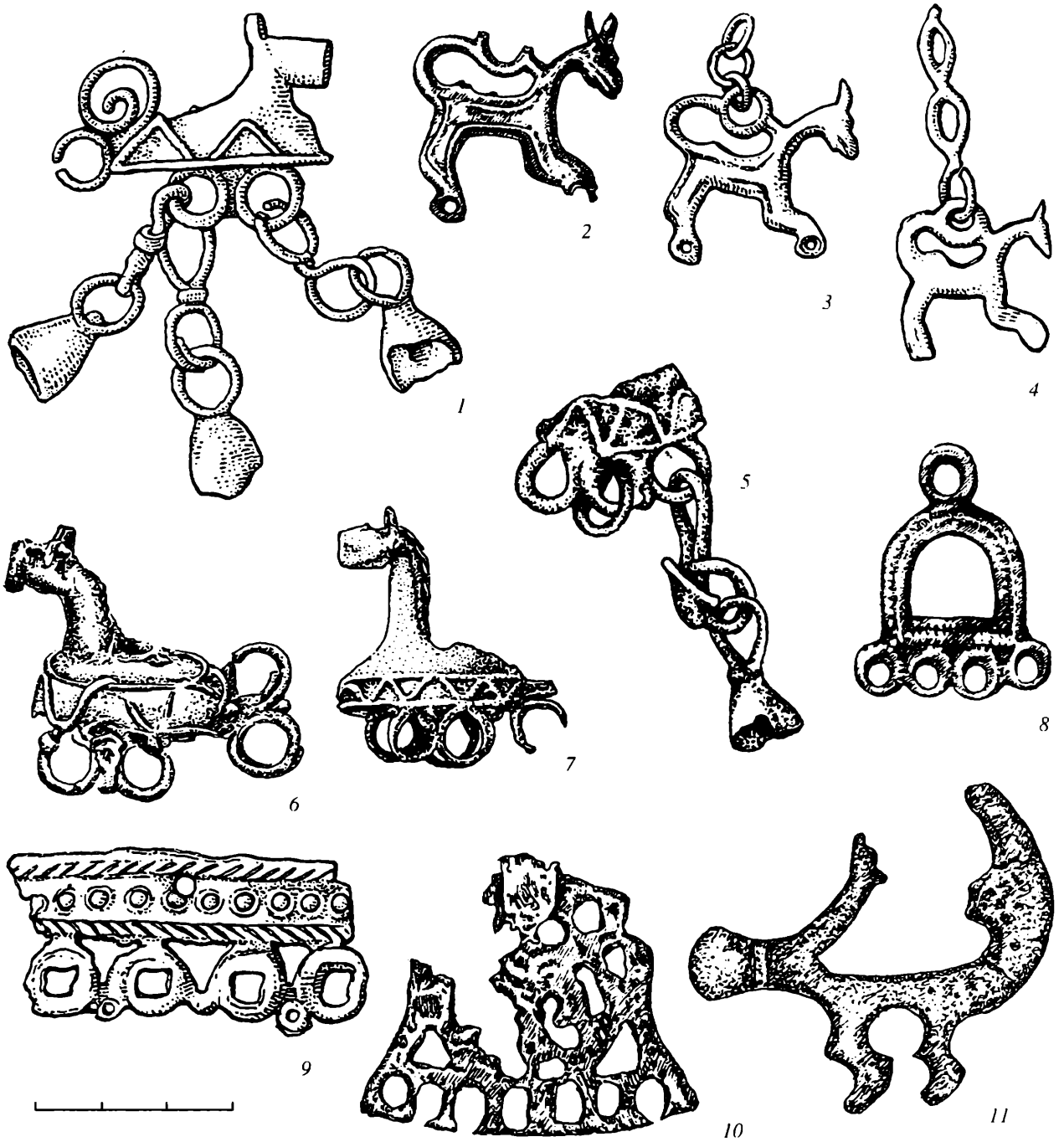

Рис. 362. Зооморфные привески и цепедержатели (все – цветной металл)

1 – 1, Ш-51; *2* – 4, VII-26; *3* – 3, Д-11; *4* – 2, Е-14; *5* – 3, Ц-51; *6* – 2, М-43; *7* – яма 13, участок 28; *8* – 4, VII-25; *9* – 1, VII-28; *10* – 4, Г-37; *11* – 3, П-26

С. 29–31). Число находок таких амулетов постоянно возрастает, картография ныне показывает, что их бытование соответствует территории той части восточного славянства, которая сформировалась из среды среднеевропейских переселенцев и стала основой будущих северновеликорусов (*Седов*, 1999а. С. 91–179, 253–267). Рассматриваемые коньковые привески встречены в этом ареале и в курганных захоронениях, и в сельских поселениях, и в городах. Кроме севернорусской территории они известны в сравнительно небольшом регионе в низовьях Даугавы и в смежных землях бассейна Гауи, где в XII–XIII вв. проживали венды-славяне (*Седов*, 1995. С. 170–185). Сюда эти амулеты проникли, безусловно, из Северной Руси.

Рассматриваемые привески бытовали на Руси с начала XI в. Наибольшее число их находок в курганных захоронениях приходится на XI – первую половину XII в., но в небольшом количестве они известны и позднее, вплоть до XIV в. включительно (*Рябинин*, 1981. С. 29–30). В Изборске такие амулеты найдены во всех трех горизонтах древнерусского слоя и, таким образом, датируются XI–XIII вв.

Из пластинчатых привесок в среднем горизонте характеризуемого слоя Изборского городища встречена еще привеска в виде прорезного изображения водоплавающей птицы со сложенными крыльями, выпяченной грудью и двумя лапками (рис. 362: *11*). Согласно изысканиям Е.А. Рябинина, такие амулеты образуют вариант 1 типа I первой группы зооморфных привесок и датируются X – началом XII в. Истоки их находятся в Юго-Восточном Приладожье, откуда они распространились по Новгородской земле (*Рябинин*, 1981. С. 12–15). Четыре таких амулета найдены в Новгороде (*Покровская*, 1999. С. 58).

Одна из изборских пластинчатых ажурных привесок изображает "конька" с раскрытой пастью и завернутым в спираль хвостом. Короткие изогнутые ноги животного завершаются колечками. Е.А. Рябинин отнес подобные амулеты к варианту 1 типа XIII (*Рябинин*, 1981. С. 27). Такие привески были весьма характерны для ливов. Они обстоятельно проанализированы А. Зариня (*Zarina*, 1974. Lpp. 240–253). По всей вероятности, из ареала ливов в сравнительно небольшом числе рассматриваемые амулеты поступали в севернорусские земли, может быть, к населению, генетически связанному с местными финнами.

Несколькими экземплярами в Изборске представлены полые зооморфные привески (рис. 362: *1, 6, 7*). Это одноглавые коньковые амулеты, на которых изображены животные с уплощенной мордой и петлевидным хвостом. У основания фигур – волнистая рельефная орнаментация. Снизу имеются кольцевидные петли для подвешивания бубенчиков или трапециевидных украшений. Привески встречены в среднем и верхнем горизонтах древнерусского слоя и принадлежат к серии 1а типа XX по классификации Е.А. Рябинина (*Рябинин*, 1981. С. 39–40).

Подобные привески весьма характерны для Новгородской земли. На Ижорском плато они являются маркерами курганных захоронений славянизированной води (*Седов*, 1953. С. 198–199). Довольно много таких находок встречено в Новгороде, в связи с чем Е.А. Рябининым высказана мысль об их изготолении в этом городе (*Рябинин*, 1981. С. 42). Картография таких амулетов указывает все же на связь с финно-угорскими регионами. Время их бытования XII–XIV вв.

В напластованиях Изборского городища рассматриваемого периода обнаружена роговая привеска-уточка с отверстием для ремешка (рис. 252: *3*). Не исключено, что находка относится к нижнему слою, когда такие привески имели распространение на Северо-Западе Восточной Европы.

Явным наследием язычества являются привески-амулеты из клыков и зубов животных. В Изборске весьма распространенными были клыки кабанов и медведей с просверленными отверстиями для подвешивания (рис. 361: *12–20*). Кроме того, встречены амулеты из костей или когтей диких животных и птиц, имевшие отверстия для привешивания.

Цепочки и цепедержатели

Неоднократно в разных горизонтах древнерусских напластований Изборского городища встречены фрагменты различных цепочек из цветных металлов (рис. 363, 364). По-видимому, они имели немалое распространение в этом городе и употреблялись обычно для подвешивания различных нагрудных привесок и амулетов, а в ряде случаев были самостоятельным шейно-нагрудным украшением, которое могло не дополняться привесками (рис. 364). Все изборские цепочки находят прямые аналогии в прибалтийских материалах, где они использовались очень широко (*Selirand*, 1974. Lk. 142–143, tab. XXVIII; XXX: 1, 3, 5, 6; XXXII: 5; XXXIV6: 1; LA, 1974. Tab. 41: *12*; 42: *22*; 43: *5, 6*; 52: *3, 5*; 56: *1* и др.; *Седов*, 1987б. Табл. CVIII: *1*).

Из нижнего горизонта древнерусских напластований Изборского городища происходят два бронзовых цепедержателя. Один из них – простой арочный (рис. 362: *8*), другой – пластинчатый ажурный (рис. 362: *9*). Арочные цепедержатели разных вариантов широко известны в синхронных финно-угорских древностях, но все они заметно отличны от изборской находки. Последняя сопоставима с цепедержателями, изредка встречаемыми в древнерусских курганах. Таковы, в частности, находки в одном из радимичских курганов XII в. в Смяличах и в жальничном могильнике Забредняжье на Гдовщи-

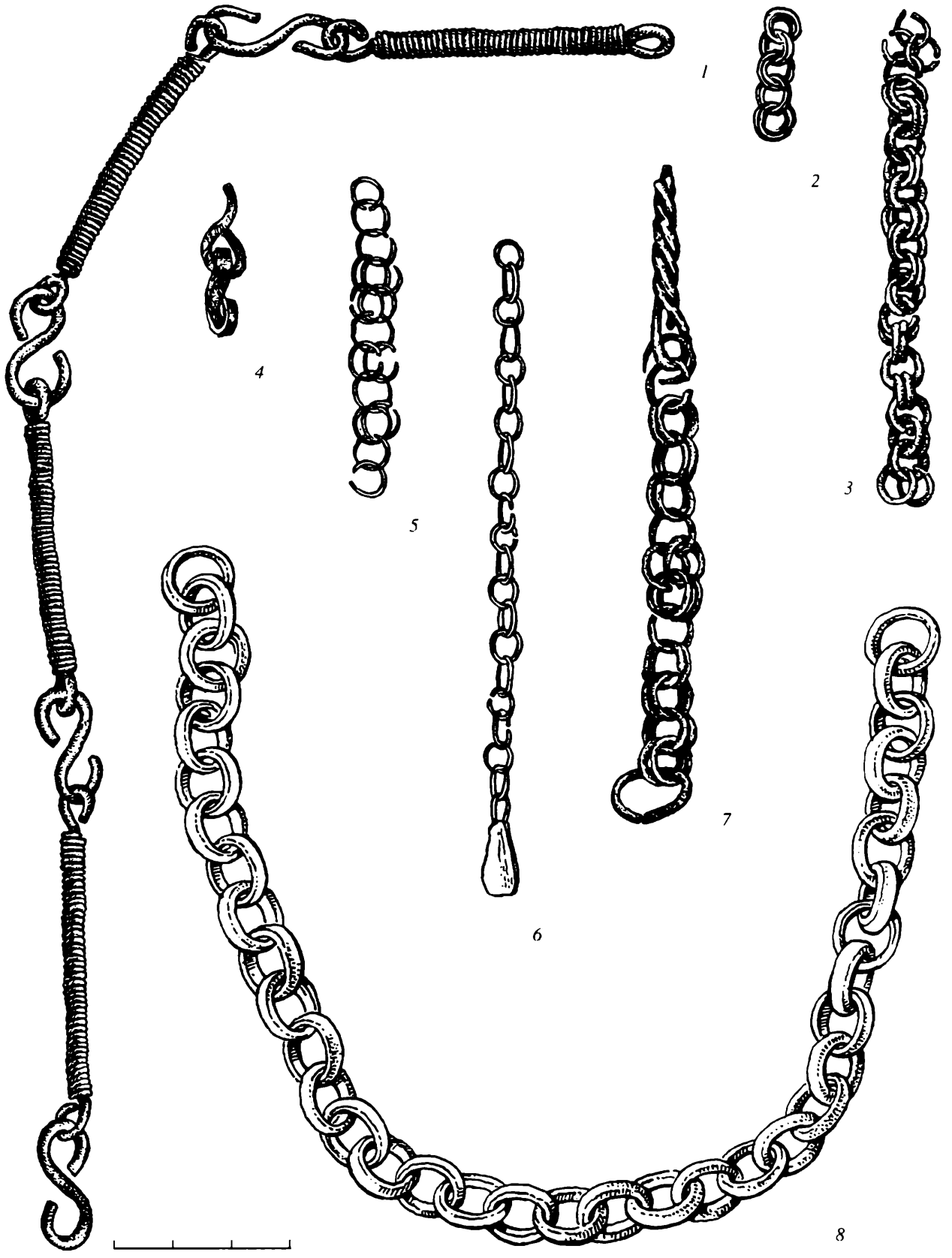

Рис. 363. Нагрудные цепочки (все – цветной металл)
1 – 5, IV-35; *2* – 1, О-38; *3* – 3, З-27; *4* – 2, IX-28; *5* – 4, О-51; *6* – 4, Ж-48; *7* – 2, М-29; *8* – 1, XI-28

Рис. 364. Нагрудная цепочка (3, З-26)

не. К цепедержателю из Смяличей с помощью восьмеркообразных звеньев были привешены амулеты – ключ, рыба, нож и "конек смоленского типа", к цепедержателю из Забредняжья привешены три зооморфных украшения (*Рябинин*, 1981. С. 32).

Подковообразные застежки-фибулы

Подковообразные застежки женской одежды, изготовленные из цветных металлов, составляют одну из распространенных находок в Изборске. Подобные находки сравнительно широко представлены в древностях Северной Руси, но наибольшее бытование имели в прибалтийских землях в среде прибалтийско-финских и летто-литовских племен.

Анализ курганных захоронений с находками подковообразных застежек свидетельствует, что их носили как женщины, так и мужчины. Принадлежностью мужской одежды были более крупные и менее нарядные застежки, иногда изготовленные из железа. В женском наряде подковообразные застежки помимо конструктивного имели декоративное значение. Большинство находок в курганных трупоположениях находились по одному экземпляру в области грудной клетки, на правой или левой ключице. Ими застегивалась одежда на груди, на правом или левом плече. Иногда к застежкам, носимым на груди, присоединялись различные привески, амулеты и цепочки. Изредка застежки находились на тазовых костях и в таких случаях были украшениями пояса. В курганах Ижорского плато отмечено сочетание поясной фибулы с нагрудными (*Рябинин*, 2001. С. 65). В отличие от древнерусского убранства, в состав которого, как правило, входила одна подковообразная застежка, в погребениях латгалок число их иногда достигает двух–пяти.

Подавляющее большинство подковообразных фибул на Руси делалось из бронзы, латуни или оловянисто-свинцовых сплавов, единичные – из серебра. Исследования Н.В. Рындиной показали, что изготавливались они при помощи ковки и литья. При орнаментации их применялись гравировка и чеканка, использовались штампы и пуансоны различных видов (*Рындина*, 1963. С. 254–258).

Первые типологические разработки подковообразных фибул были произведены на материалах Финляндии Х. Салмо (*Salmo*, 1956). Восточноевропейские находки были проанализированы В.А. Мальм (*Мальм*, 1967. С. 149–190). Позднее вопросы классификации подковообразных фибул отдельных регионов северной части Восточной Европы затрагивались Л. Вайткунскене, М. Мягi-Лыугас и Н.В. Хвощинской. В основу типологических схем во всех исследованиях положены формы головок фибул, далее учитываются формы дуг и особенности декора.

Наиболее распространенными в Изборске, как и вообще на Руси, были спиралеконечные фибулы. Среди них в изборской коллекции большинство составляют застежки с дугой круглого сечения (рис. 365: *1, 2, 4, 7, 9, 11, 14*; 366: *4–6*). Они являются простейшими среди рассматриваемой группы застежек и изготавливались из кованого или литого дрота, концы которого расковывались и загибались в трубочку, после чего дрот кольцеобразно изгибали. Анализируя древнерусские находки подобных украшений, В.А. Мальм обратила внимание на то, что ранние фибулы (X–XI вв.) имели дуги одинаковой толщины на всем протяжении и длинную, изогнутую иглу с узким основанием, а у более поздних (XII–XIII вв.) дуги к концам заметно утонщались и иглы становились короче и прямей (*Мальм*, 1967. С. 152). В изборских материалах подобного членения не наблюдается. Застежки с круглыми в сечении дугами и спиральными концами здесь во всех горизонтах древнерусского слоя однотипны. Однако подавляющая часть их найдена в нижнем и среднем горизонтах слоя, только две находки происходят из верхнего

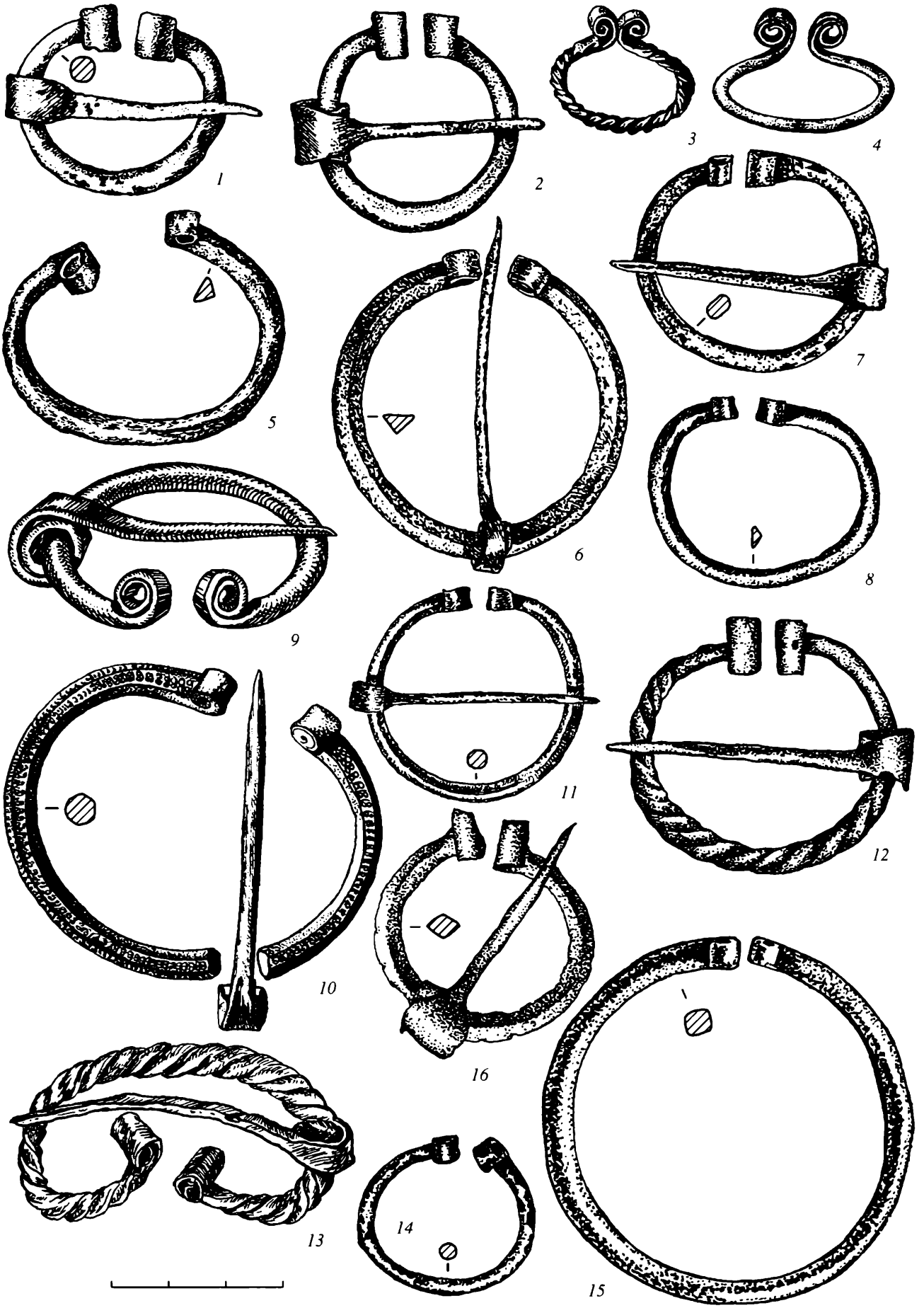

Рис. 365. Подковообразные фибулы (все – цветной металл)

1 – 3, Е-28; *2* – 2, П-28; *3* – 4, Е-11; *4* – 4, IV-21; *5* – 6, Ж-35; *6* – 3, Д-29; *7* – 3, С-28; *8* – 4, Е-26; *9* – 3, IX-35; *10* – 4, Р-29; *11* – участок 3, отвал из раскопа; *12* – 5, VII-28; *13* – 4, С-46; *14* – 3, А-44; *15* – 3, П-39; *16* – 5, IX-18

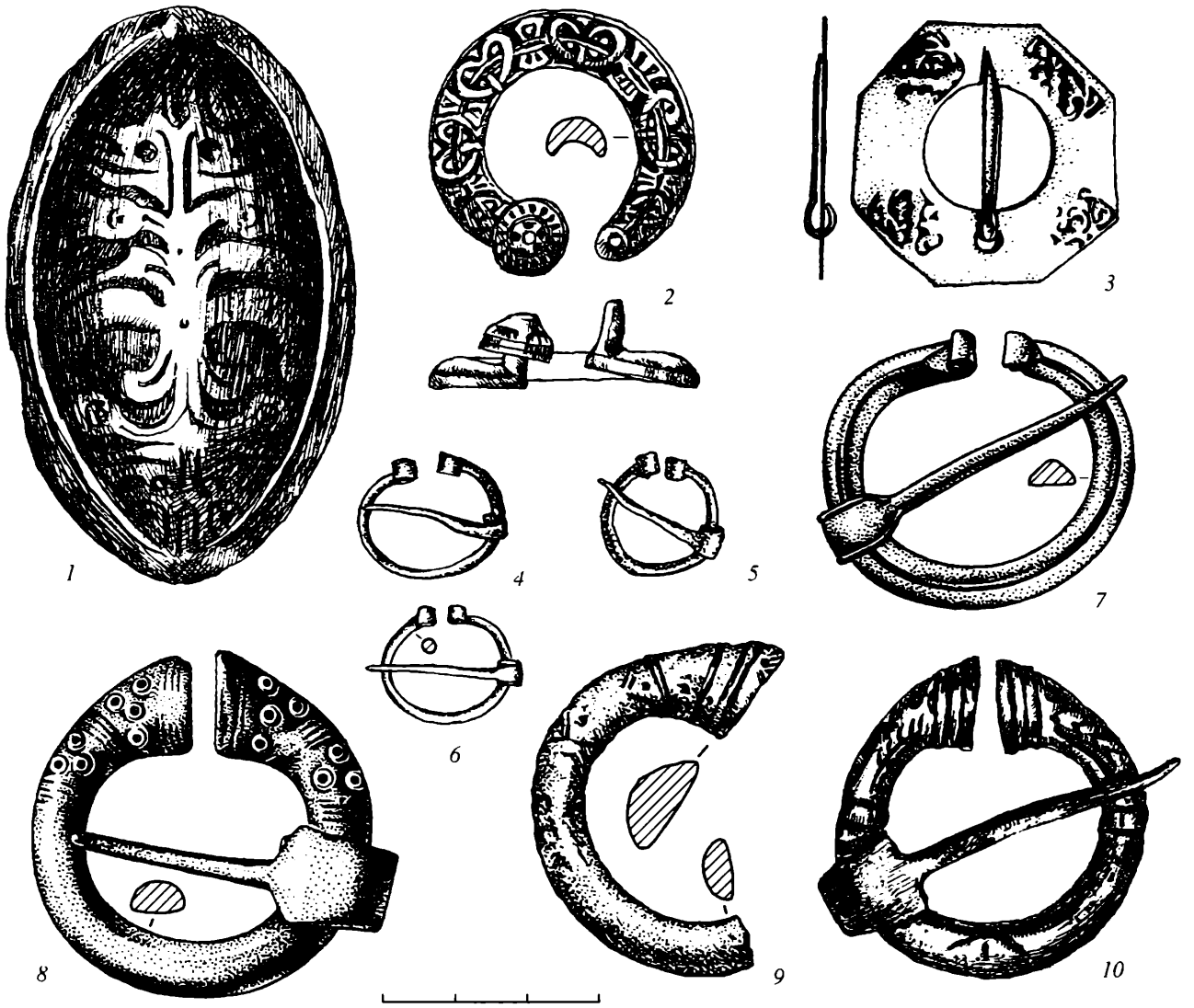

Рис. 366. Фибулы разных типов (все – цветной металл)
1 – 2, Ш-55; *2* – 4, М-46; *3* – 8, Ф-36; *4* – 2, I-26; *5* – 4, Х-29; *6* – подъемный материал на дороге Изборск–Брод; *7* – 4, Ш-42; *8* – 3, Ж-18; *9* – 5, А-32; *10* – 2, П-32

горизонта. Очевидно, к XIII в. они выходят из моды. Аналогичная картина наблюдается в Новгороде Великом, где основная масса спиралеконечных фибул круглого сечения встречена в слоях X–XII вв. (*Седова*, 1981. С. 86).

Большинство рассматриваемых застежек имеет гладкие дуги. Исключение сотавляют две находки. Одна из них, фрагментарная, с тордированной дугой небольшого диаметра (около 3 см), другая, обнаруженная в нижнем горизонте напластований, имеет на лицевой стороне концов дуги гравированную орнаментацию из поперечных линий и кружков (рис. 365: *10*). Размеры изборских находок различны – от миниатюрных диаметром около 1,5 см до относительно крупных, имеющих 6–7 см в поперечнике. Преобладают же застежки средних размеров – около 4–4,5 см в диаметре.

К рассматриваемым спиралеконечным застежкам следует отнести две подобные находки с дугой овального сечения (рис. 365: *5*).

Небольшим числом находок представлены в изборской коллекции спиралеконечные застежки с дугами треугольного сечения (рис. 365: *5*, *6*, *8*; 366: *7*). По всем своим показателям они идентичны описанным выше фибулам с дугами круглого сечения. Время бытования таких изделий на Руси – X–XII вв., единичные встречаются и в XIII в. (*Мальм*, 1967. С. 153). В Новгороде основная масса их найдена в слоях X–XI вв. и единичные – в слое XII в. В Изборске четыре фибулы рассматриваемого облика обнаружены в нижнем горизонте древнерусского слоя, одна – в среднем. Все они не орнаментированы. Аналогичные находки известны и в прибалтийских древностях (LA, 1974. Tab. 63: *6*; *Шноре, Зейд*, 1957. Табл. VII: 6).

Две изборские застежки со спиральными концами из нижнего и среднего горизонтов древнерусского слоя имеют дуги четырехгранного сечения (рис. 365: *15*, *16*). На Руси такие вещи немногочисленны и относятся к X–XI вв. В дружинных курганах с захоронениями по обряду кремации X – начала XI в. доминируют застежки этого типа, изготовленные из железа (*Мальм*, 1967. С. 156). В Новгороде Великом такие находки из цветных металлов встречены исключительно в слоях X в. (*Седова*, 1981.

С. 84). Согласно Х. Сальмо, родиной этих фибул является Скандинавия (*Salmo*, 1956. S. 19–20). Оттуда они распространились в Финляндию, Прибалтийские земли и на Русь. Дальнейшим развитием этих фибул являются изделия, встреченные в большом количестве в курганных погребениях Ижорского плато. Дуги их в отличие от изборских суживаются к концам.

Одна из спиралеконечных застежек, найденная в нижнем горизонте древнерусского слоя Изборского городища, имеет шестиугольное поперечное сечение дуги, которая орнаментирована штампом и нарезками (рис. 365: *10*). На Руси подобные фибулы единичны. В.А. Мальм отметила только три экземпляра, происходящие из гнёздовских и приладожских курганов (*Мальм*, 1967. С. 155). Застежки рассматриваемого облика были распространены в Прибалтийских землях, как и вообще подковообразные фибулы со спирально завитыми концами (*Шноре, Зейд*, 1957. С. 35, табл. VII: 8, 14–16).

Три спиралеконечные застежки, происходящие из нижнего горизонта древнерусских напластований Изборска, имеют крученые дуги (рис. 365: *3, 12, 13*). Среди материалов, собранных В.А. Мальм, аналогичных находок нет (*Мальм*, 1967). Ближайшие аналогии им находятся в Прибалтийском регионе (LA, 1974. Tab. 58: *18*; *Mugurevičs*, 1977. Tab. XLV: 1; XLVII: 8; XLVIII: 6, 7).

Более роскошными являются подковообразные застежки с многогранными, гвоздевидными, маковидными и воронкообразными концами. Среди них в изборской коллекции наибольшее число принадлежит к изделиям с гвоздевидными головками (рис. 367: *1, 3–5, 8, 11, 13*). Сечения дуг их различны – ромбическое, треугольное, круглое или сегментовидное. Одна из фибул имеет дугу, витую из трех проволок, концы ее – гладкие круглодротовые (рис. 365: *12*), другая – сегментовидную в поперечнике дугу в середине и круглую, утончающуюся к концам. На лицевой стороне сегментовидной части дуги – ложновитая орнаментация (рис. 367: *11*). На головке первой фибулы выгравирован косой крест в квадрате, на головке другой – пять точечных углублений. Обе находки происходят из нижнего горизонта древнерусского слоя Изборска. На Руси подобные фибулы встречаются довольно редко (*Мальм*, 1967. Рис. 24: *8*; *Седова*, 1981. Рис. 31: *7*; *Рябинин*, 2001. С. 67, табл. XXXIII: 8, 9, 12), как, впрочем, единичны и в Прибалтике.

Одна из фибул с дугой ромбического сечения имеет многогранные утолщения на концах (рис. 367: *9*). На лицевой стороне дуги слабо заметна орнаментация из маленьких косых крестиков. Найдена застежка в нижнем горизонте древнерусского слоя и стратиграфически датируется второй половиной X–XI в. Подковообразные фибулы с многогранными головками ромбического или иного сечения на Руси встречены в курганах с трупосожжениями Гнёздова, Юго-Восточного Приладожья, окрестностей Ярославля и Чернигова и датируются X – первой половиной XI в. Они характеризуются сравнительно крупными размерами и обычно богато орнаментированы (*Мальм*, 1967. С. 159, 161, рис. 23: *1*). Аналогии фибулам с многогранными головками имеются в синхронных древностях Эстонии и Латвии (RK, 1896. Tab. 19: *16*; *Tallgren*, 1922. S. 66, 68; Abb. 90; *Шноре, Зейда*, 1957. Табл. VIII: 1, 2, 7). Происходят они из Фенноскандии, где найдены в большом количестве и датируются IX – началом XI в. (*Salmo*, 1956. S. 31–34, Abb. 11–13; Arbman, 1940. Tabl. 53: *1–5*; 54: *1a–5a*; *Stenberger*, 1947. Abb. 37, 49, 50).

Почти все характеризуемые фибулы ромбического и треугольного сечения орнаментированы узором из треугольников, именуемым "волчьим зубом", или поперечными линиями-насечками. Как правило, дуги этих изделий имеют расширение в средней части. Бытовали они продолжительное время, в Изборске – с X по XIII столетие, в Новгороде Великом и Новгородской земле – в XII–XIII вв. (*Спицын*, 1906. С. 25, табл. VIII: 12; IX: 18; *Седова*, 1981. С. 88, рис. 30: *6*; *Рябинин*, 2001. С. 67, табл. XXXI: 1–7, 11).

Одной находкой в изборской коллекции представлена подковообразная застежка с коническими головками и ложнокрученой дугой круглого сечения (рис. 367: *2*). Найдена она в нижнем горизонте характеризуемого слоя.

Особую часть подковообразных застежек с гвоздевидными головками составляют находки с утолщениями в средней части дуги. На одной фибуле из среднего горизонта изборского слоя уплощенношарообразное утолщение дуги с обеих сторон ограничено рельефными поясками. Дуга и язычок этой находки орнаментированы точечными узорами, а на головках выгравированы крестики (рис. 367: *1*). Аналогичные по форме застежки встречены в нескольких курганах северо-западной части Новгородской земли (*Спицын*, 1906. С. 59–60, 90, 95, табл. VIII: 12; IX: 18; *Рябинин*, 2001. С. 67, табл. XXXI: 8) и двумя находками представлены в Великом Новгороде (*Седова*, 1981. С. 88, рис. 30: *5, 7*). Фибулы этого типа весьма многочисленны в памятниках Эстонии, Латвии и Фенноскандии (*Tallgren*, 1922. S. 68, Abb. 91; *Salmo*, 1956. S. 67–71). Другая изборская фибула, происходящая из нижнего горизонта древнерусских напластований, имеет муфтообразное утолщение. Ее дуга украшена точечными и кружковыми узорами. Еще одна изборская находка из среднего горизонта слоя имеет муфтообразное утолщение с секирообразным отростком и конические утолщения на концах (рис. 367: *6*). Ближайшей аналогией ей является фибула из Пеетри Турмси в Эстонии (*Tallgren*, 1922. S. 66–67, Abb. 88). Застежки того же типа, но с несколько иными отростками,

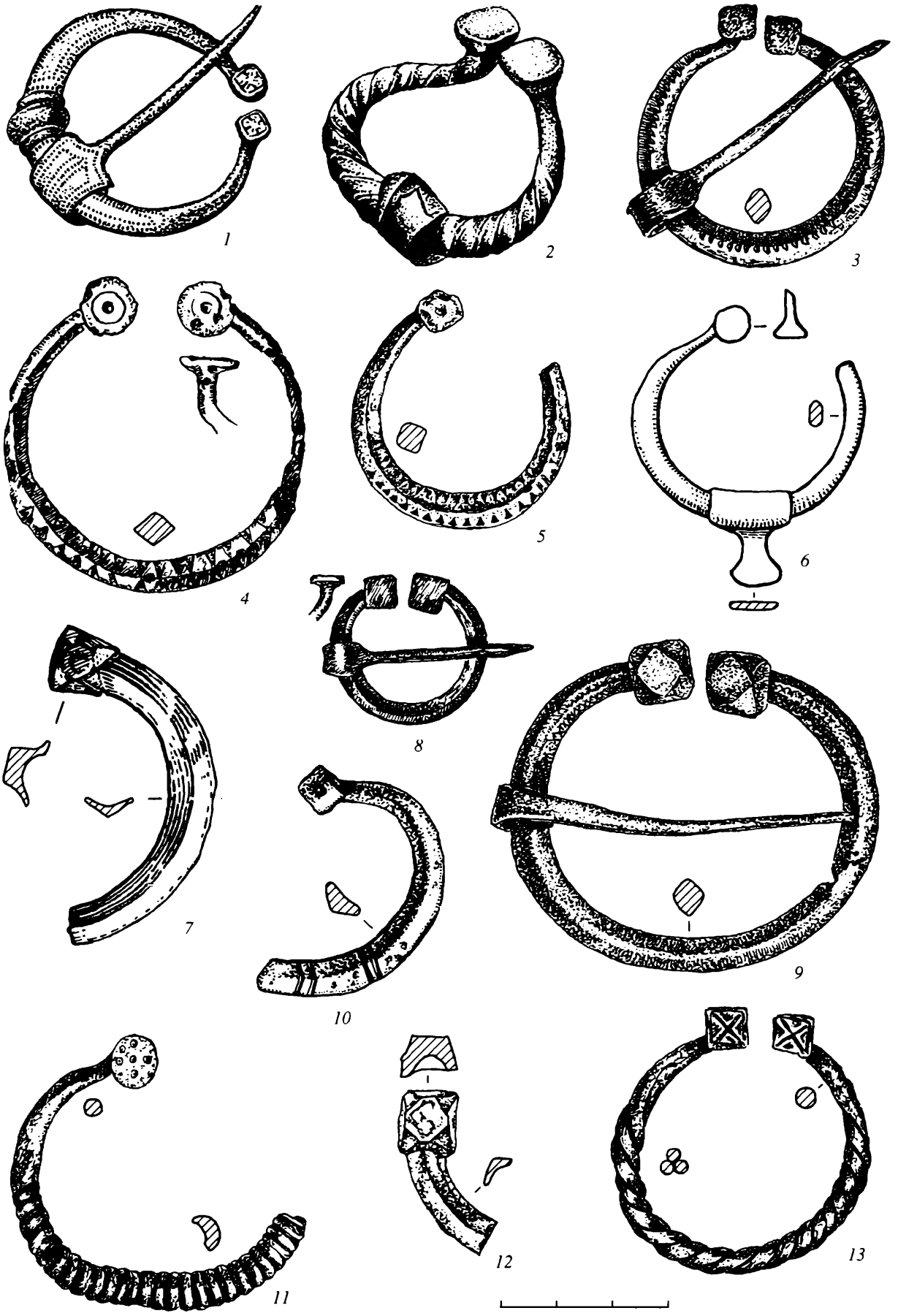

Рис. 367. Подковообразные фибулы (все – цветной металл)
1 – 3, О-24; *2* – 5, VII-28; *3* – 2, М-46; *4* – 4, А-41; *5* – 3, Ж-18; *6* – 3, У-49; *7* – 6, VI-29; *8* – 5, У-37; *9* – 4, Н-44; *10* – 3, А-31; *11* – 6, Д-55; *12* – 2, траншея А, квадрат 4; *13* – 5, Р-52

представлены в нескольких экземплярах в Эстонии в материалах XIII–XIV вв. (*Selirand*, 1974. Lk 157–158, tab. XXXVII: 3, 4).

Подковообразные фибулы с утолщениями в средней части дуги по материалам Финляндии Г. Сальмо датировал XI–XII вв. (*Salmo*, 1956. S. 70–71). На территории Эстонии и Латвии застежки с утолщениями разных типов бытовали продолжительное время – с XI по XIV в. включительно (*Tallgren*, 1922. S. 67–68; *Selirand*, 1974. Lk. 157, 334–337, tab. XXXVII: 5, 6). В Новгороде подобные находки происходят из слоев XIII и XIV вв.

Несколькими фрагментами среди изборских находок представлены подковообразные фибулы с воронкообразными головками (рис. 367: *7, 12*). Встречены они исключительно в нижнем горизонте слоя. На Руси подобные находки известны в курганных материалах Приладожья, округи Ярославля и Владимирского ополья, где определяются X – началом XI в. (*Мальм*, 1967. С. 162–163). Такие украшения имели широкое распространение в Швеции, Норвегии и Финляндии в конце IX – начале XI в. и, очевидно, оттуда пришли в севернорусские земли и в Юго-Восточную Прибалтику (RK, 1896. Tab. 19: *22, 24, 26*; *Шноре, Зейда*, 1957. Табл. VIII: 4, 9–11).

Несколькими экземплярами представлены в Изборске относительно массивные подковообразные застежки сегментовидного или овального сечения с утолщающимися орнаментированными концами (рис. 366: *8–10*). Они встречены единично в разных горизонтах древнерусского слоя. Одна из фибул украшена циркульным узором в сочетании с прямыми и косыми линиями, другие имеют геометрическую орнаментацию. Застежки этого типа характерны для летто-литовских земель. Довольно многочисленные находки их имеются на территории Литвы и Латвии (Atlasas, 1978. P. 60–61, žem. 36; LA, 1974. Tab. 48: *7, 8*; 58: *21–24*; 66: *20*). При раскопках в Риге наряду с аналогичными бронзовыми фибулами с утолщающимися концами обнаружены идентичные застежки, изготовленные из кости (*Caune*, 2001, S. 49–53).

Согласно изысканиям латвийских археологов, рассматриваемые застежки имели распространение в областях расселения куршей, земгалов и латгалов, но известны и в памятниках ливов (LA, 1974. Lpp. 190, 203, 216, 229). Датируются они здесь преимущественно XII в., но встречены и в памятниках XIII–XV вв. В Литве подобные находки сконцентрированы преимущественно в ее западных районах. Их много в захоронениях грунтовых могильников X–XII вв. (LAB, 1961. P. 480–482). Поздние варианты таких застежек встречены в памятниках XIV–XV вв. Аналогичные фибулы известны и на территории Древней Руси, в той ее части (Понеманье, междуречье Немана и Западной Двины и Смоленское Поднепровье), где до славянского расселения проживали балты и древнерусское население формировалось в условиях славяно-балтского симбиоза. Нужно полагать, что застежки с утолщенными концами из летто-литовских земель поступали в те области Древней Руси, где имелось родственное население. Обзор этих находок сделан З.М. Сергеевой, которая зафиксировала их в 21 пункте (*Сергеева*, 1977. С. 34–37). Вне древнего балтского ареала находятся два памятника – Изборск с несколькими находками и курганный могильник в Калитино, на Ижорском плато, раскопанный Л.К. Ивановским, где встречена одна находка (*Спицын*, 1896. С. 25, табл. XIV: 12). Кроме того, застежка рассматриваемого типа известна в Финляндии (*Salmo*, 1956. S. 84–85, Abb. 42). Думается, что эти находки отражают торговые связи с летто-литовскими землями.

Единственной в изборской коллекции является подковообразная фибула с дугой выпукло-вогнутого сечения и конусовидными головками (рис. 366: *2*). Украшение дуги состоит из сложного рельефного узора, головка имеет орнаментальные углубления, которые в середине образуют изображение мальтийского креста в круге. Фибула обнаружена в верхнем горизонте древнерусского слоя. Подобные фибулы имеют широкое распространение, они встречены в курганах лесной зоны Древней Руси и в Новгороде, единичные находки сделаны в Латвии, Финляндии и Саркеле-Белой Вежe. Датируются они XI–XII вв. (*Мальм*, 1967. 163–164, 184–185, рис. 22: *9*; *Седова*, 1981. С. 89, рис. 30: *4*; 31: *6, 15*).

Оригинальной является восьмигранная пластинчатая застежка, происходящая из нижнего горизонта культурного слоя Изборского городища (рис. 366: *3*). Растительная орнаментация ее в значительной степени оказалась стертой.

В завершение характеристики нагрудных застежек Изборска следует назвать единственную находку черепаховидной фибулы, обнаруженной в верхнем горизонте слоя (рис. 366: *1*; 386: *9*). Она литая, бронзовая, с раковидным орнаментом и принадлежит к фибулам типа H карельского типа, получившим обстоятельную характеристику в работе Ю. Айлио (*Ailio*, 1922. S. 18–19), а позднее П.Л. Лехтосало-Хиландер (*Lehtosalo*, 1966. S. 22–39).

Такие фибулы с орнаментацией, напоминающей рака с расправленными клешнями (Ю. Айлио полагал, что в орнаментике их предпочтительнее видеть изображение "древа жизни"), в большом количестве встречены в памятниках корелы и в меньшем числе в древностях еми. Это типично корельско-емские украшения, принадлежащие к женскому костюму. Распространение их в этом ареале картографировано С.И. Кочкуркиной (*Кочкуркина*, 1982. С. 108, рис. 22). Согласно П.Л. Лехтосало-Хиландер, они бытовали с XI по XIII в., основная масса была в употреблении в XII в. (*Lehtosalo*, 1966. S. 23). За пределами ареала

корелы и еми единичные находки таких фибул обнаружены в Швеции, в области проживания ижоры и городах русского Северо-Запада – Новгороде, Орешке и Изборске. Новгородская находка датируется 60–80-ми годами XIII в. (*Седова*, 1981. С. 84, рис. 30: *1, 3*), изборская – XIII в.

Браслеты

Браслеты, изготовленные из цветных металлов, в изборской коллекции образуют весьма многочисленную группу. Среди этих украшений весьма распространенными были несомкнутые браслеты с обрубленными несомкнутыми концами (рис. 368: *1–8*; 370: *1, 2*). Они встречены во всех горизонтах древнерусского слоя городища, начиная с напластований XI в. Изготавливались эти браслеты из обрезков трех туго свитых проволок. Техника производства их, судя по новгородским материалам, была следующей: согнутые на болванке браслеты проковывались на железной наковальне, после чего для сглаживания внутренней поверхности использовали мягкую наковальню и в завершение обрабатывали их напильником и полировали (*Рындина*, 1963. С. 228).

Среди изборских находок имеется один целый (рис. 369: *4*) и несколько фрагментарных браслетов рассматриваемого типа, которые отличаются от основной массы слабым витьем. Как можно полагать, они являются продукцией неумелого мастера. Особняком стоят два браслета с обрубленными концами, свитые не из проволоки, а из толстых дротов (рис. 369: *9*). Все эти находки происходят из нижнего горизонта древнерусского слоя.

Витые обрубленноконечные браслеты получили широкое распространение на территории Новгородской земли, где их найдено несколько сотен (*Левашова*, 1967. С. 220), в том числе многочисленны они и в Новгороде. Здесь они встречены в напластованиях, датируемых от последней трети XI до начала XIV в., время наибольшего употребления – 70-е годы XII в. – 60–70-е годы XIII в. (*Седова*, 1981. С. 96). Много браслетов рассматриваемого типа обнаружено и при раскопках курганов на Ижорском плато и в восточном Причудье (*Спицын*, 1896; *Рябинин*, 2001. С. 71–72). Наиболее ранняя курганная находка обнаружена в комплексе с дирхемом X в., грушевидным бубенчиком с крестообразной прорезью и проволочным височным кольцом (*Спицын*, 1903. Рис. XXII: 16). Имеются все основания, считать рассматриваемые браслеты характерными для славянского населения Новгородской земли. За ее пределами они сравнительно немногочисленны. В единичных экземплярах они встречены в Белозерье, Костромском Поволжье и во владимирских курганах, отражая фиксируемую и другими археологическими данными инфильтрацию новгородцев в эти регионы. Находки подобных браслетов на территории Эстонии являются показателями культурного и этнического проникновения из Новгородской земли. Распространение этих браслетов отчетливо указывает на связи с Новгородом. В западной Эстонии и на ее островах, а также в юго-восточных районах Эстонии, соседствующих с Псковской землей, их нет вовсе (*Седов*, 2000. С. 185, рис. 2). В 15 пунктах витые браслеты рассматриваемого типа обнаружены еще на территории Латвии (*Мугуревич*, 1965. С. 92). Представляет интерес их распространение в этом регионе: два пункта их нахождения – Кокнесе и Ерсика – являются городами Полоцкой земли, все остальные находки сконцентрированы в области проживания вендов – потомков славян, проникших в земли Юго-Восточной Прибалтики в период Великого переселения народов (*Седов*, 1995. С. 170–185, рис. 55). Думается, что бытование витых браслетов с усеченными концами в Изборске объясняется наличием в составе жителей этого города выходцев (или ремесленников) из Новгородской земли. В Пскове такие браслеты встречены в очень небольшом количестве (*Королева*, 1996. Табл. X: 4, 5).

Весьма распространены в Северной Руси витые тройные браслеты с петлями на концах. В Изборске они сравнительно немногочисленны (11 целых экземпляров и фрагменты еще четырех), но встречены во всех трех горизонтах древнерусских напластований (рис. 369: *5–8*). Кроме того, обнаружено не менее двух десятков фрагментарных браслетов, свитых из трех проволок. Они не имеют обработки, свойственной браслетам с обрубленными концами, и в отличие от последних свиты свободно. Изготавливались петлеконечные витые браслеты путем простого витья длинного отрезка проволоки, который складывался втрое. В.П. Левашова насчитывала 232 таких браслета, найденных во всех регионах Руси (*Левашова*, 1967. С. 222–224). В Новгороде тройных петлеконечных браслетов насчитывается несколько десятков, появляются они в слое XI в., а самые поздние находки относятся к XIV в. (*Седова*, 1981. С. 94, 96). Немало таких находок и в Пскове (*Гроздилов*, 1962. С. 69, рис. 55: *8, 11*; *Королева*, 1996. Табл. II: 5, 9; V: 9; VIII: 7–9; X: 1, 3, 6, 9, 10).

В верхнем горизонте напластований Изборского городища встречен фрагмент браслета, достоверно принадлежащего типу витых 2 × 2, и еще три обломка, относимые к этому типу условно. Такие украшения в небольшом количестве известны во многих памятниках Древней Руси. А.В. Арциховский отнес их ко второй хронологической стадии вятичских курганов, определяемой XIII–XIV вв. (*Арциховский*, 1930. С. 137–138). В Новгороде Великом такие находки датируются от середины XIII до середины XIV в. (*Седова*, 1981. С. 97).

Из верхнего горизонта изборского культурного слоя происходит еще браслет, свитый из двух тол-

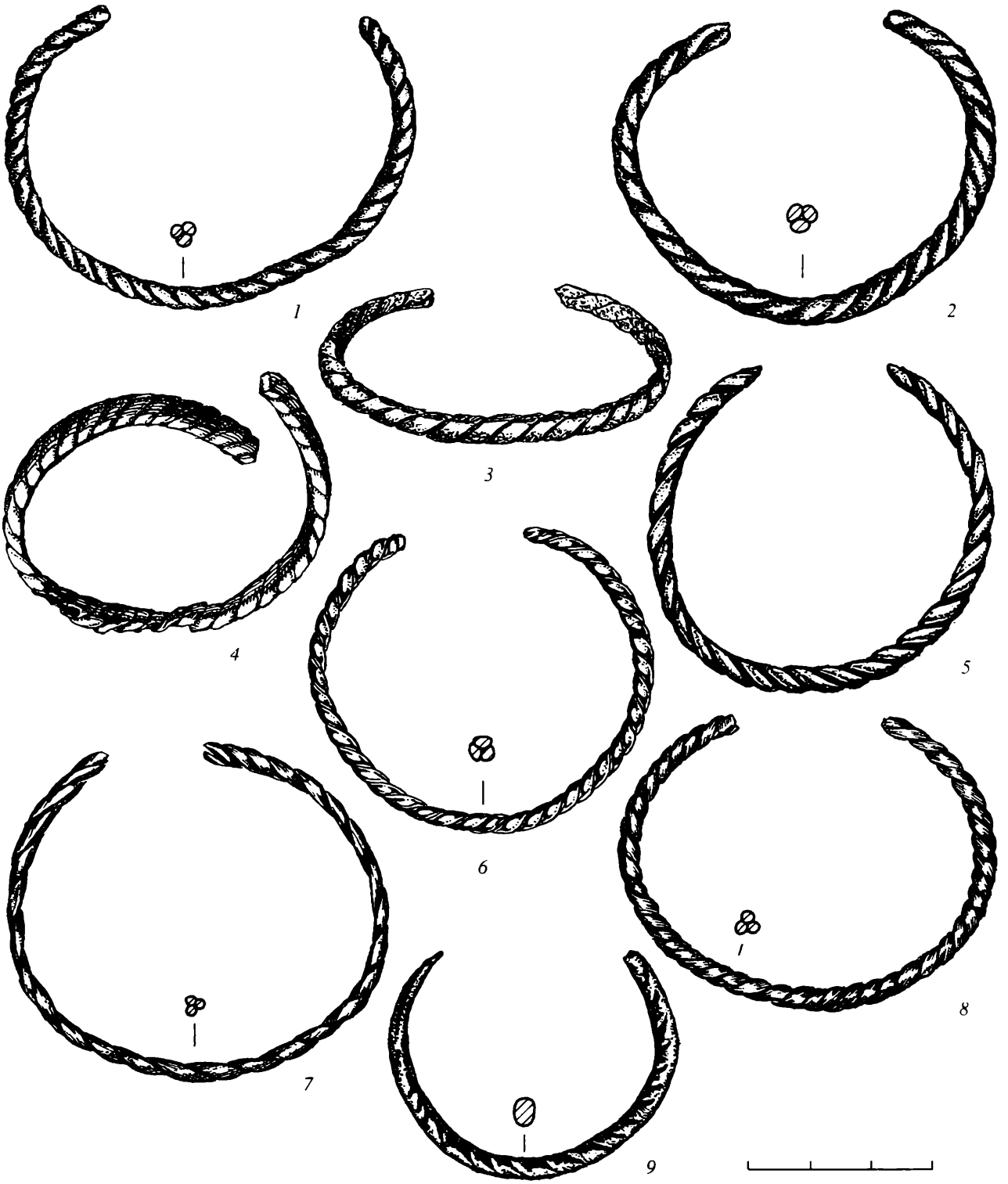

Рис. 368. Браслеты витые с обрубленными концами (все – цветной металл)
1 – 3, И-29; *2* – 2, О-25; *3* – 3, К-38; *4* – участок 48, яма 25; *5* – 2, П-50; *6* – 2, С-33; *7* – 3, С-56; *8* – 3, З-18; *9* – 2, Ж-23

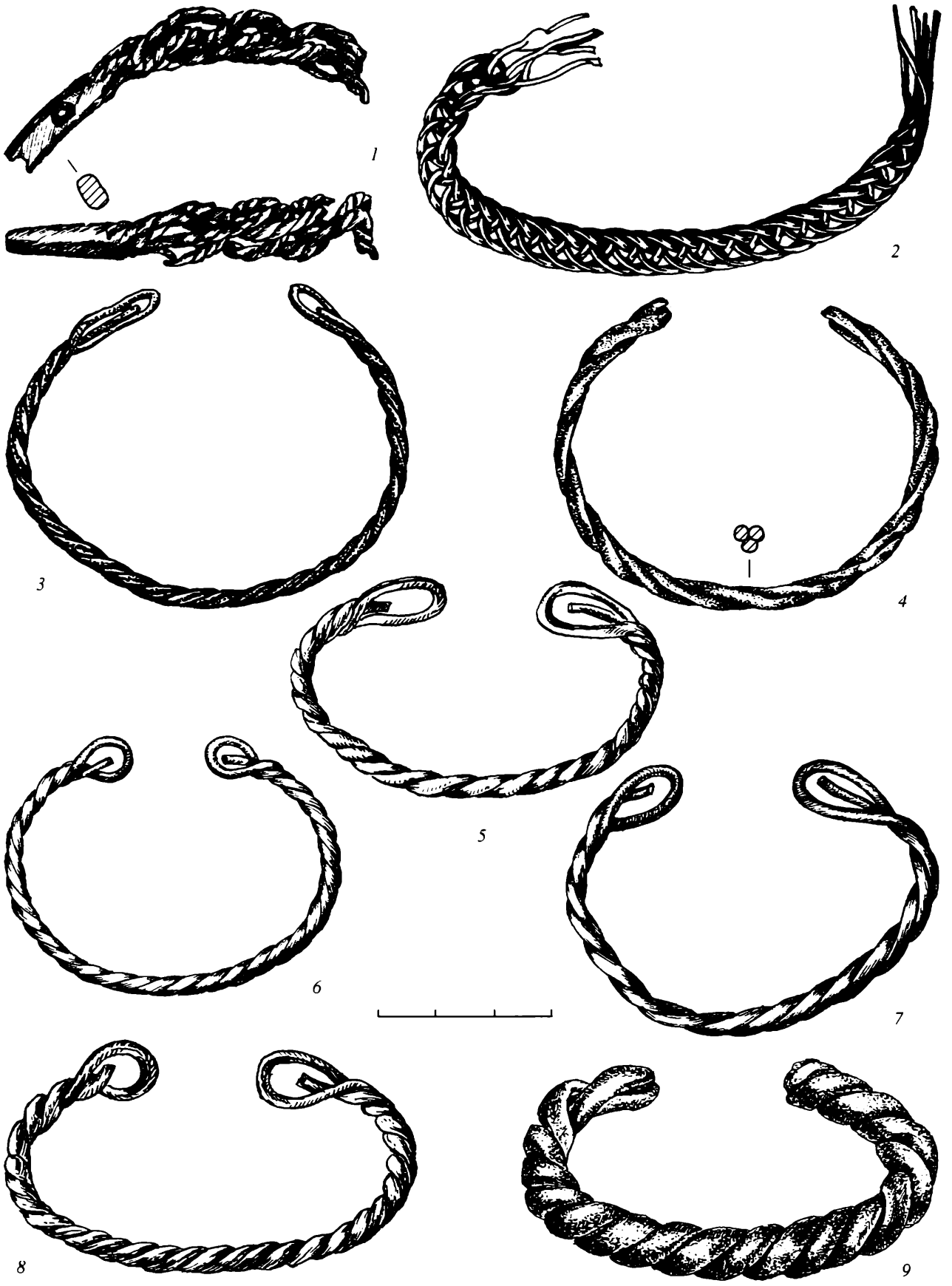

Рис. 369. Витые и плетеные браслеты (все – цветной металл)
1 – 2, Х(буква)-49; *2* – 4, Ш-42; *3* – 4, Д-50; *4* – 6, I-38; *5* – 4, Б-56; *6* – 4, П-21; *7* – 4, Х(цифра)-26; *8* – 5, А-54; *9* – 5, М-46

стых проволок, концы его отломаны. Еще один витой двойной браслет, фрагмент которого был обнаружен в нижнем горизонте древнерусского слоя, имел конец, раскованный в узкую пластину.

По своему облику к витым обрубленноконечным близки крученые браслеты. В Изборске они немногочисленны. Один из таковых, имеющий разнооформленные концы, обрубленный и гладкий, слегка заостренный (рис. 368: *9*), найден в верхнем горизонте изборского слоя и по обработке идентичен витым с обрубленными концами. Это оригинальный изборский тип наручных украшений. Аналогий ему в древнерусских материалах найти не удалось, представлены лишь крученые браслеты с обоими суживающимися концами, которые, впрочем, не имели на Руси широкого хождения. В Новгороде Великом они встречены в слоях XII–XIII вв. (*Седова*, 1981. С. 98).

Другие изборские крученые браслеты были изготовлены из двух толстых дротов (рис. 370: *3, 4*). Один из них имеет диаметр 7 мм, другой – 4 мм. Оба найдены в нижнем горизонте древнерусского слоя. Еще одна фрагментарная находка из верхнего слоя городища принадлежит браслету, скрученному из узкой (6 мм) и сравнительно толстой пластины (до 1,5 мм).

Один крученый браслет большого диаметра, обнаруженный в верхнем горизонте слоя был изготовлен из фрагмента шейной гривны. Один конец его гладкий и завернут в петлю, другой – обломан (рис. 370: *5*). Браслеты, сделанные из обломков гривен, встречаются и в других памятниках Древней Руси (*Левашова*, 1967. С. 224).

Оригинальными, типично изборскими являются браслеты, половина которых пластинчатые со спирально завернутыми концами, другая – витая из двух–трех проволок с обрубленными концами (рис. 371). Таких украшений среди древнерусских материалов, кажется, нет. Во всяком случае, в обширных археологических коллекциях Новгорода Великого и Пскова подобных находок не обнаруживается. Не встречены такие браслеты и в памятниках на территории Эстонии и Латвии. Нужно полагать, что форма их была выработана местными ремесленниками в самом Изборске. Большая часть находок рассматриваего типа обнаружена в нижнем горизонте древнерусского слоя, но единичные встречены и в вышележащих напластованиях.

Два изборских браслета принадлежат к группе плетеных. Один из них (рис. 369: *2*) из нижнего горизонта древнерусских напластований сплетен из семи тонких бронзовых проволок, концы его не сохранились. В верхнем горизонте найден еще один фрагмент подобного украшения. Плетеные браслеты аналогичного типа имеют или свободные концы, или согнутые в петли, или завязанные посредством обмотки. По курганным материалам они датируются XI–XII вв. (*Левашова*, 1967. С. 226–228). В Новгороде подобные плетеные браслеты бытовали более продолжительное время – от XI до начала XV в. (*Седова*, 1981. С. 100–102, рис. 36: *1, 3*). Встречены такие украшения и в Пскове (*Королева*, 1996. Табл. XVII: 12; XXIV: 2).

Второй плетеный браслет из Изборска (верхний горизон слоя) представлен фрагментарно (рис. 369: *1*). Он изготовлен из четырех перевитых жгутов, каждый из которых образован из двух скрученных проволок. Конец браслета оформлен в виде несколько сужающегося толстого четырехгранного дрота, в котором имеется небольшое отверстие (для соединения концов браслета). Аналогичные плетеные браслеты, но с пластинчатыми овальными щитками на концах известны по отдельным находкам в памятниках XII–XIII вв. кривичей и вятичей (*Левашова*, 1967. С. 229). Этими же столетиями они датируются в Новгороде (*Седова*, 1981. С. 98).

Дротовые браслеты, согнутые из отрезка толстой проволоки или дрота круглого сечения, не имели широкого распространения в Изборске. В нижнем и среднем горизонтах изборских напластований встречено три целых дротовых браслета диаметрами в поперечнике 3,4 и 7 см и два фрагментарных с диаметрами сечения 4 мм. Все они, согласно классификации В.П. Левашовой, принадлежат к типу тонкоконечных, концы их несколько утоньшаются. Подобные браслеты были широко распространены на Руси с конца I тыс. н.э. до XIV в. (*Левашова*, 1967. С. 214). Еще один крупный браслет, сделанный из дрота диаметром 6 мм, имеет несколько сужающиеся концы, заходящие друг на друга. Стержень его украшен нарезками, имитирующими ложное витье, концы гладкие. Внутренние диаметры браслета 6,7 × 6,3 см. Найден браслет в верхнем горизонте древнерусского слоя.

Наибольшее распространение в Изборске, как и во многих древнерусских городах, получили пластинчатые браслеты, а среди них – узкоконечные (рис. 372: *2*; 373: *1–3*; 374: *1–4, 6*; 375; 376). Они изготавливались из продолговатой пластины, постепенно суживающейся к концам, последние чаще закруглены, реже имеют прямой срез. Ширина пластин колеблется от 0,5 до 2,8 см, доминируют браслеты шириной 0,9–1,5 см. Среди фрагментов имеются и более широкие находки – до 4 см. В Изборске рассматриваемые пластинчатые браслеты встречены во всех горизонтах древнерусских напластований. Обнаружено также множество фрагментов пластинчатых браслетов, многие из которых относятся к рассматриваемому типу. Выше при описании культурных напластований с лепной керамикой отмечалось, что первые узкопластинчатые браслеты в Изборске появились не позднее рубежа IX и X вв. и изготавливались они местными ремесленниками. Находки аналогичного типа в

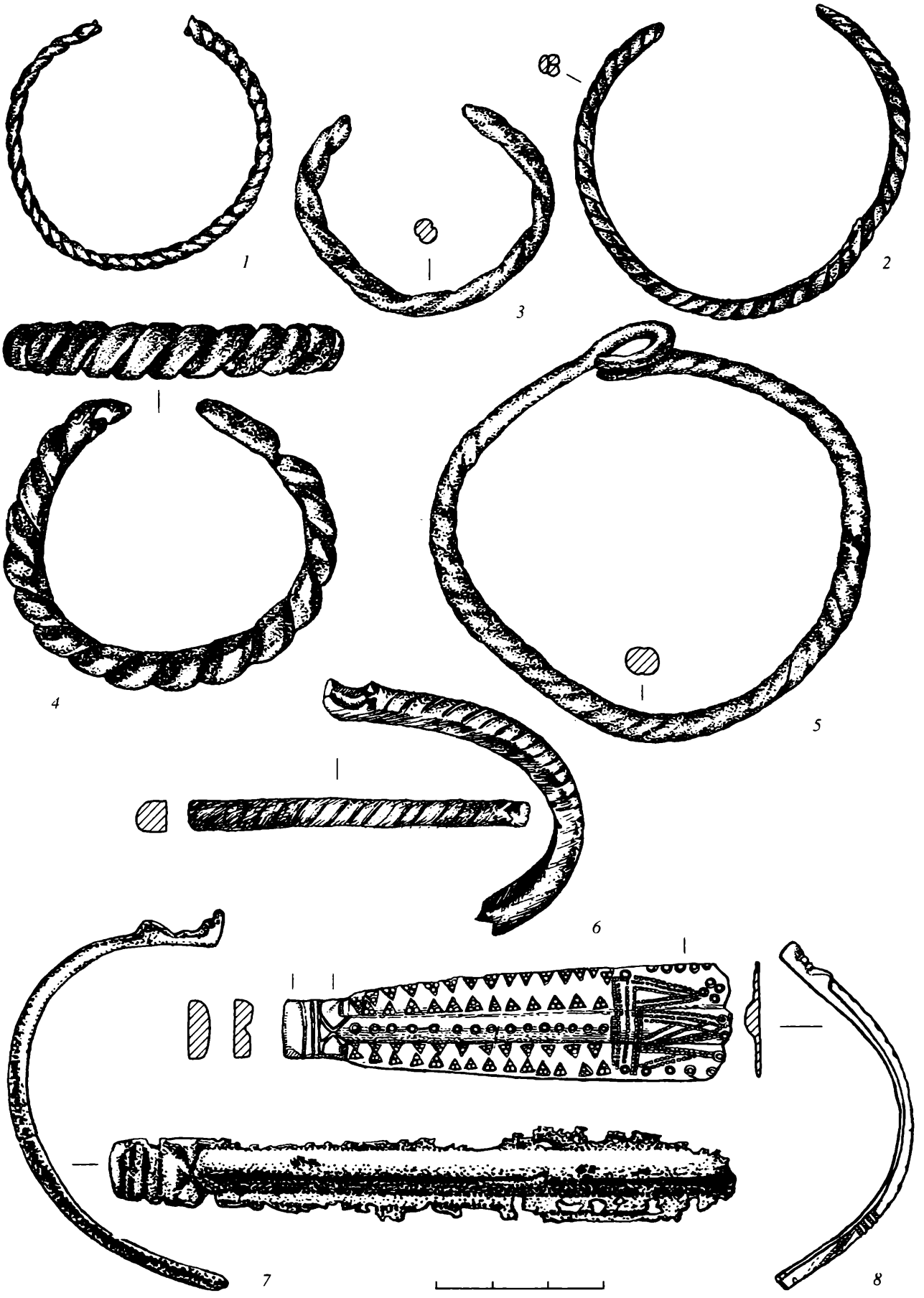

Рис. 370. Браслеты разных типов (все – цветной металл)
1 – 3, Д-28; *2* – 4, А-7; *3* – 5, Ш-6; *4* – 4, VI-21; *5* – 2, С-32; *6* – 3, Ц-56; *7* – 3, П-28; *8* – 4, М-52

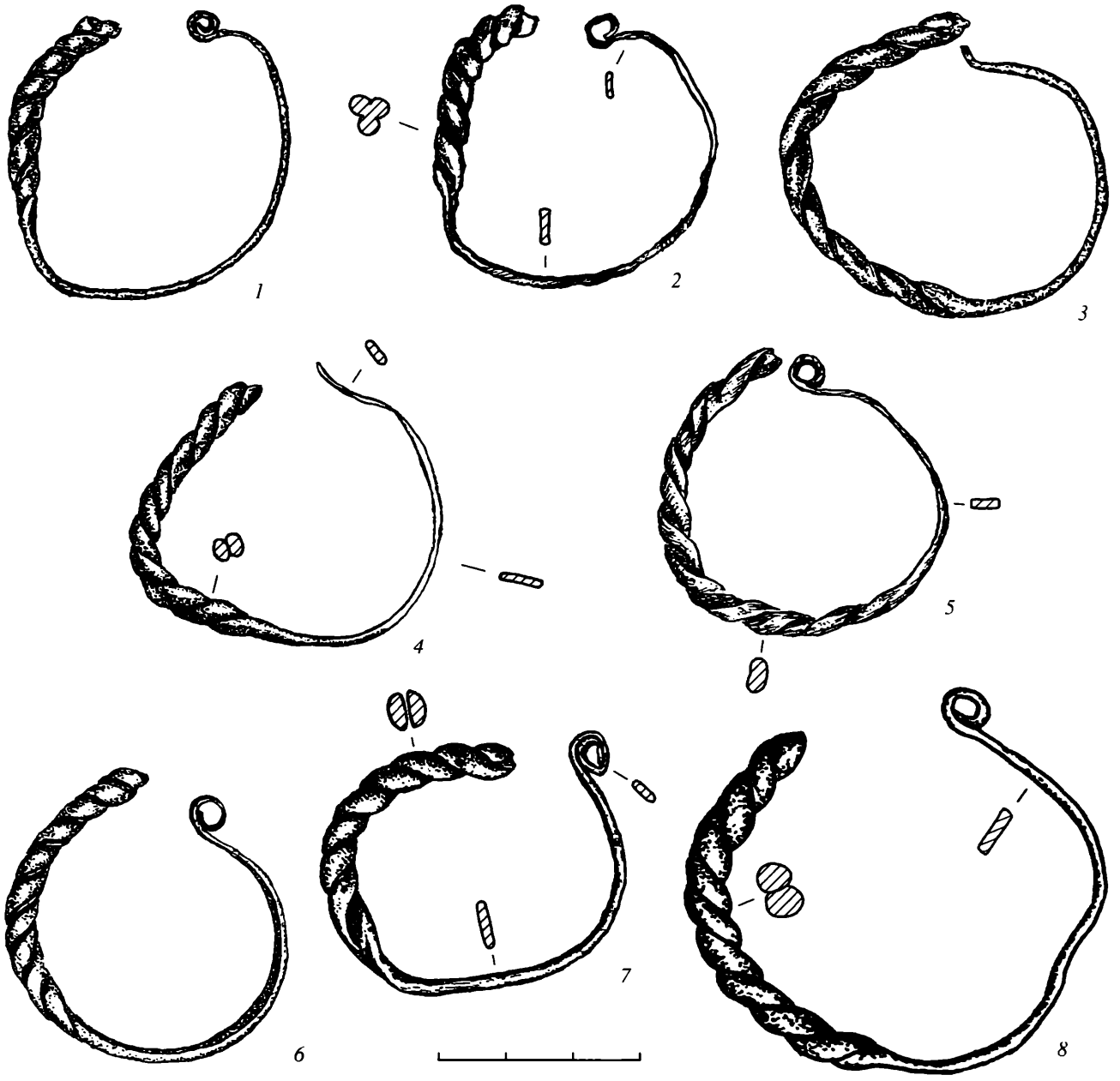

Рис. 371. Браслеты пластинчато-витые (все – цветной металл) *1, 2* – 7, Ш-39; *3* – 1, Х(цифра)-18; *4* – 2, I-41; *5* – 5, V-32; *6* – 4, Л-37; *7* – участок 3, яма 1; *8* – 6, VII-33

древнерусских напластованиях заметно отличны от более ранних. Среди них могли быть изделия изборских мастеров. Однако выделить таковые среди общей массы пластинчатых браслетов Изборского городища не представляется возможным.

Пластинчатые узкоконечные браслеты имели повсеместное распространение в Древней Руси. Они обычны и для курганных захоронений, и для городов и сел. В курганах они датируются XI–XIII вв. (*Левашова*, 1967. С. 233–235). В Новгороде старейшая находка обнаружена в слоях 70–80-х годов X в., а позднейшие относятся к XIV в. На протяжении четырех столетий форма их не претерпела заметных изменений (*Седова*, 1981. С. 103, 110).

Абсолютное большинство изборских пластинчатых узкоконечных браслетов орнаментировано различными узорами, описание которых сделано ниже, после характеристики всех типов браслетов.

Единичные изборские браслеты принадлежат к типу ленточных. Они согнуты из узких пластин, одинаковых на всем протяжении ширины. Концы их скруглены (рис. 372: *1*). Они синхронны узкоконечным, но имели заметно меньшее распространение.

Довольно много на Изборском городище встречено пластинчатых загнутоконечных браслетов. Они изготавливались из такой же пластины, что и узкоконечные, но концы их кольцеобразно завертывались наружу (рис. 372: *2*; 373: *1*, *4*; 376: *1*). Почти все они орнаментированы теми же вариантами узоров, что и узкопластинчатые. Загнутоконечные браслеты получили наибольшее распространение в среднерусских землях.

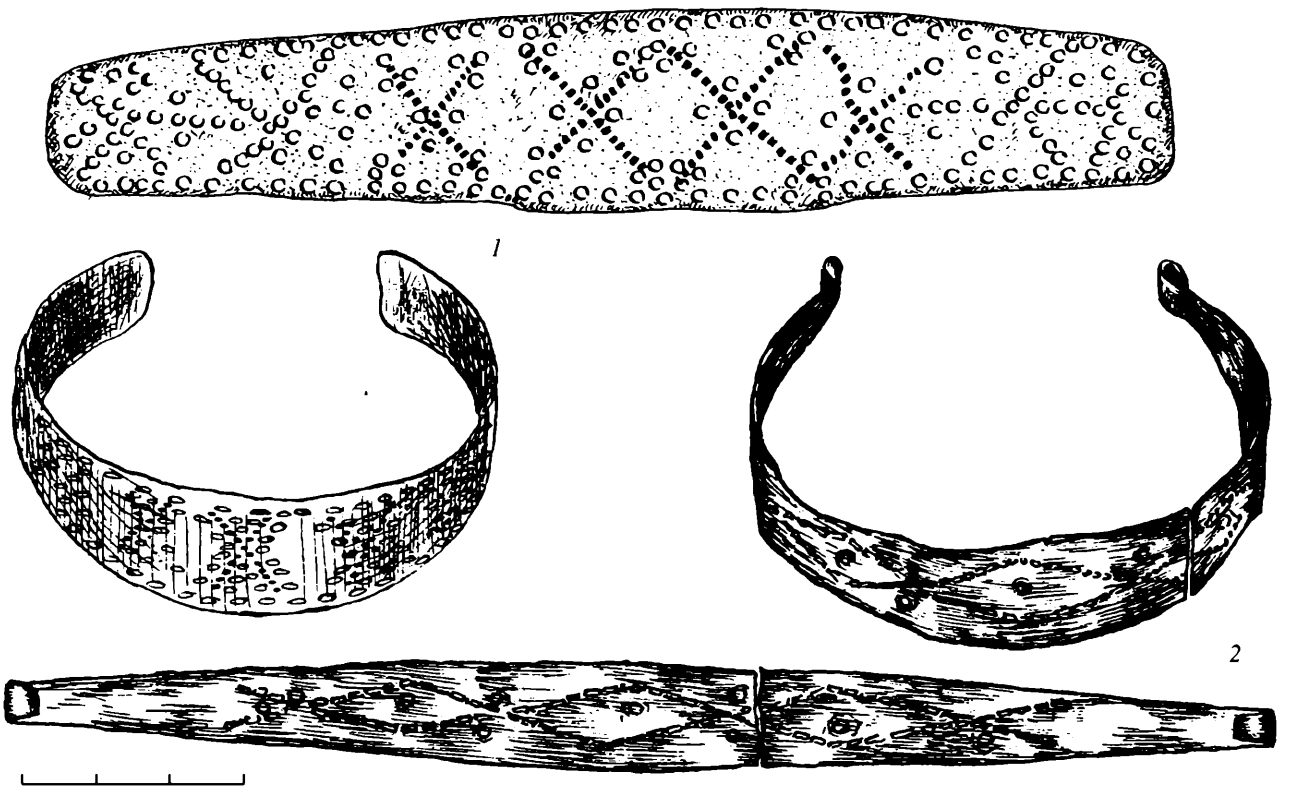

Рис. 372. Пластинчатые браслеты (все – цветной металл)
1 – 3, Ш-6; *2* – 2, Ч-50

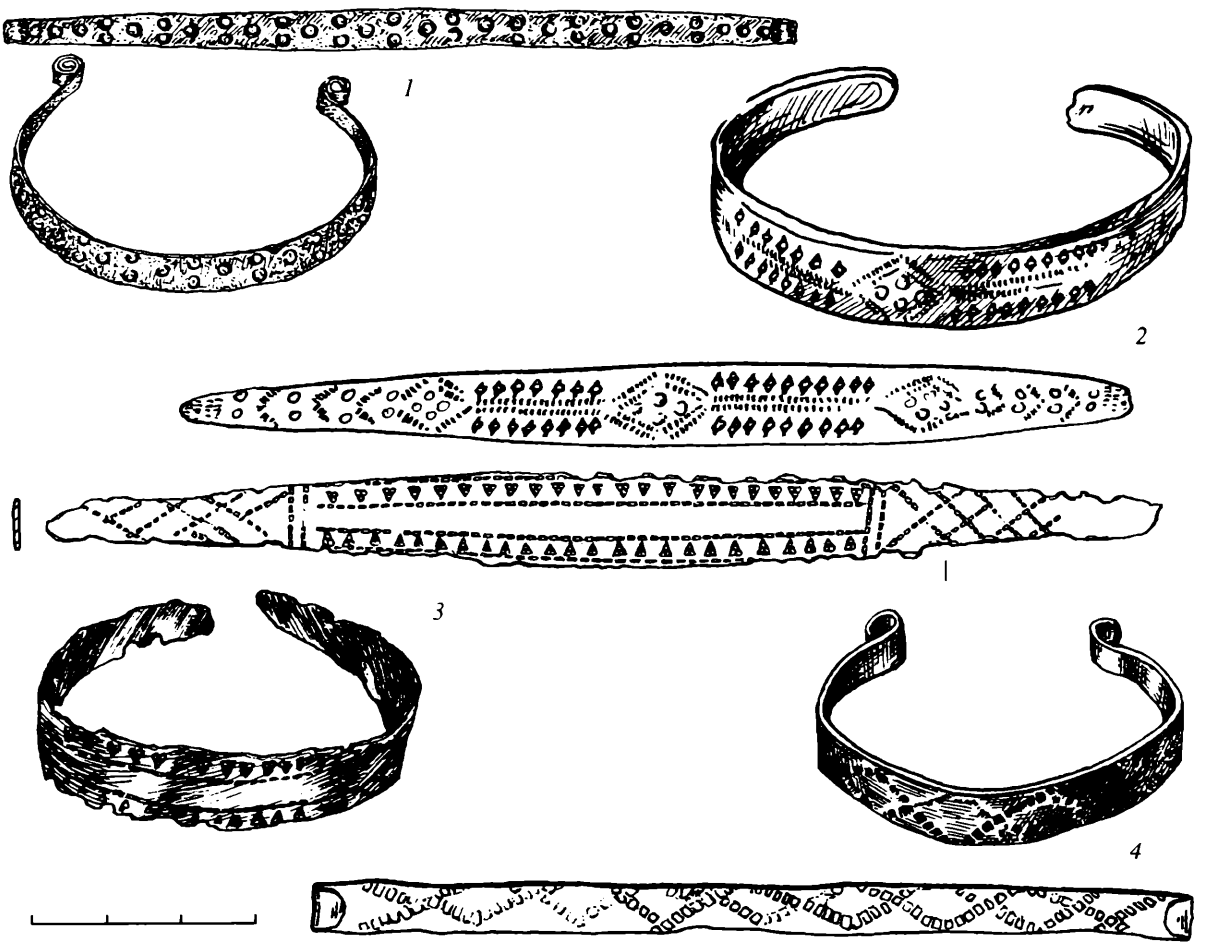

Рис. 373. Пластинчатые браслеты (все – цветной металл)
1 – 2, Р-42; *2* – 4, М-52; *3* – 3, Л-56; *4* – 5, VIII-31

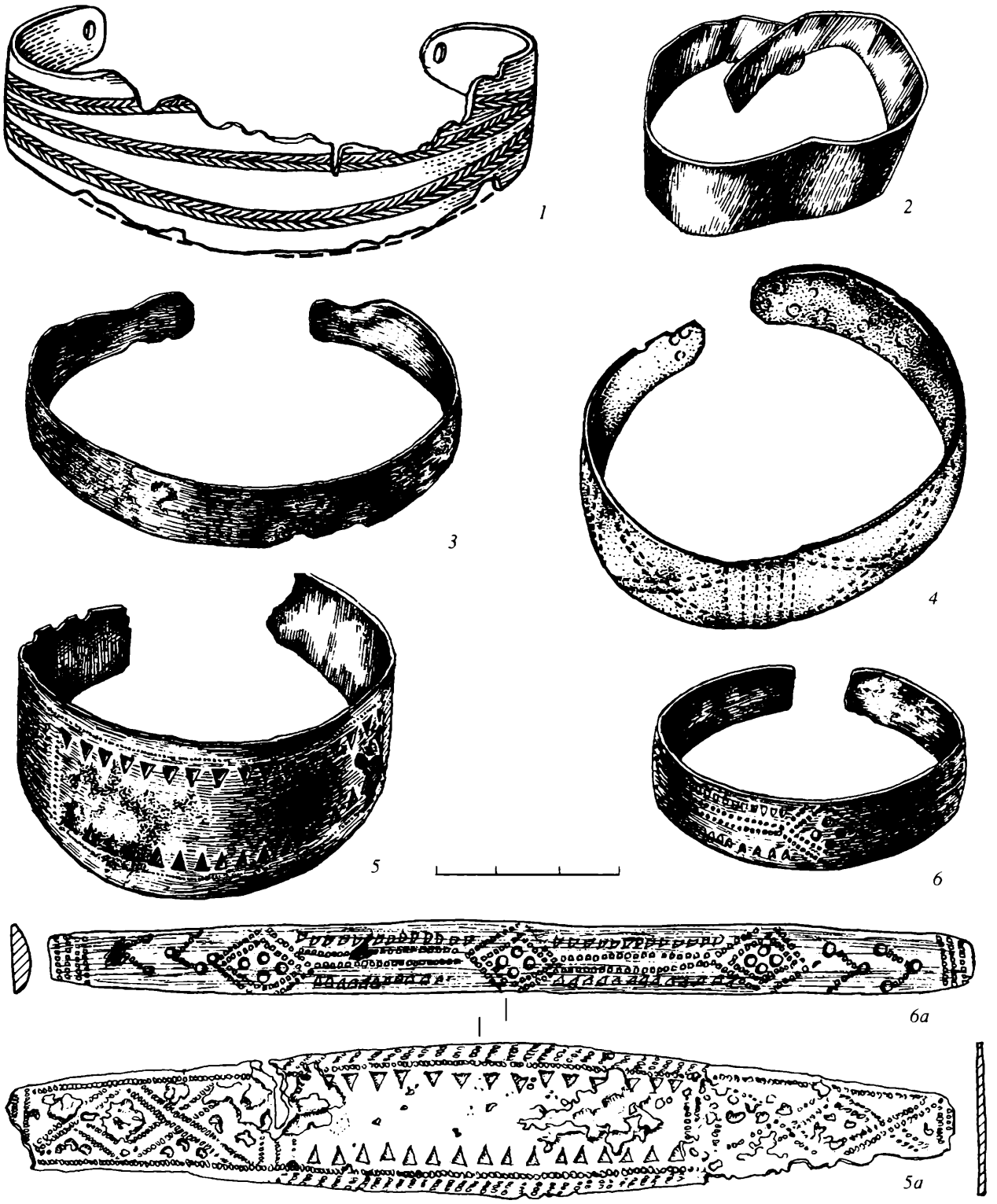

Рис. 374. Пластинчатые браслеты (все – цветной металл)
1 – 4, Н-49; *2* – 4, XV-39; *3* – 2, VIII-15; *4* – траншея А, кв. 4; *5* – 2, VIII-16; *6* – 4, VI-18

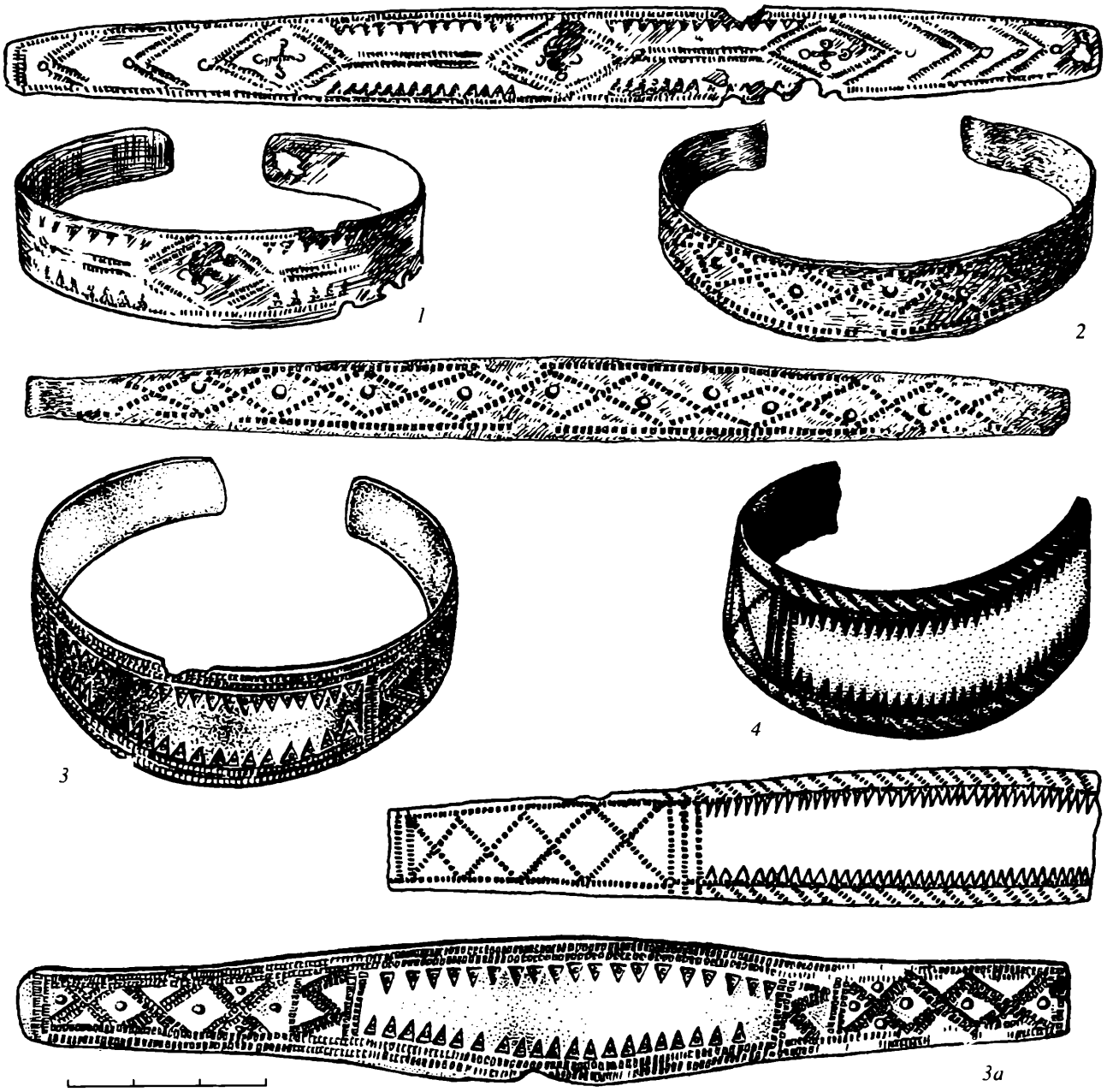

Рис. 375. Пластинчатые браслеты (все – цветной металл)
1 – 5, E-56; *2* – 2, C-42; *3* – 2, IV-8; *4* – 2, V-30

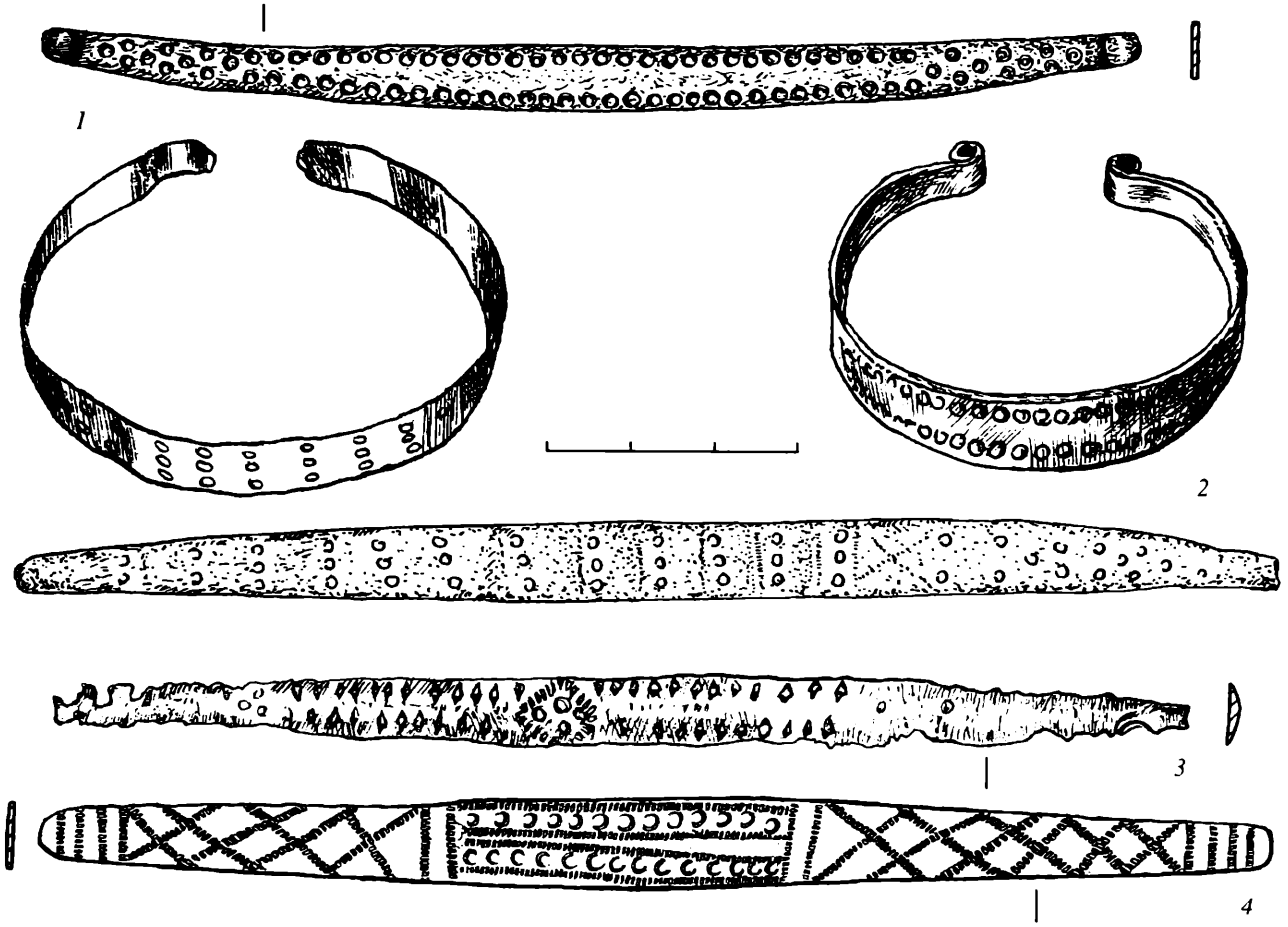

Рис. 376. Пластинчатые браслеты (все – цветной металл)
1 – 3, З-55; *2* – 3, IV-7; *3* – 2, XI-29; *4* – 2, К-47

Их довольно много в области расселения вятичей, на этом основании А.В. Арциховский считал этот тип украшений характерным для этого племени (*Арциховский*, 1930. С. 21). Впрочем, к этнически определяющим предметам такие браслеты относить нельзя. По курганным материалам загнутоконечные браслеты датируются концом XI–XIII вв., а по новгородской хронологии – от конца XI в. до 50–60-х годов XIV в. (*Левашова*, 1967. С. 235–236; *Седова*, 1981. С. 113–114). В Изборске большинство рассматриваемых находок обнаружено в среднем и верхнем горизонтах древнерусского слоя, но единичные есть и в его нижнем горизонте.

Несколькими находками, преимущественно фрагментарными, представлены браслеты из выпукло-вогнутой пластины (рис. 377: *8*). Такие украшения нередки в прибалтийских древностях, но в небольшом количестве встречены также в Новгороде и курганах Новгородской земли. Среди изборских находок особый интерес представляет пластина, еще не согнутая в браслет, найденная в среднем горизонте слоя (рис. 378: *3*). Она имеет длину 18,3 см, наибольшую ширину – 1,3 см, толщину 0,13 см, слегка сужается к концам, оформленным овально. Пластина имеет неодинаковую двухстороннюю орнаментацию. Скорее всего, это не заготовка браслета (на ней отчетливо прослеживается трещина), а болванка для восковых моделей с помощью которых отливались браслеты.

Пластинчатые браслеты всех типов изготавливались или путем ковки или отливались по восковой модели в литейных формах. Детальное изучение технологии их производства произведено Н.В. Рындиной на материалах изделий из раскопок Новгорода Великого. Орнаментация на браслетах производилась пуансоном на уже отлитой или откованной пластине-заготовке (*Рындина*, 1963. С. 233–234).

Среди фрагментов литых браслетов из Изборского городища один, происходящий из верхнего горизонта характеризуемого слоя, принадлежит к типу овальноконечных (рис. 376: *2*). Это был ленточный браслет с рельефным орнаментом – бордюром и растительным узором. Концы его оформлены в виде круга, украшенного также рельефным растительным узором. Аналогичные по форме браслеты есть в коллекции из раскопок Новгорода Великого, где датируются периодом от 30-х годов XII в. до конца XIII в. (*Седова*, 1981. С. 112–113).

Регион распространения узкомассивных браслетов на Руси был ограничен северо-западными землями. В поперечном сечении они имеют фор-

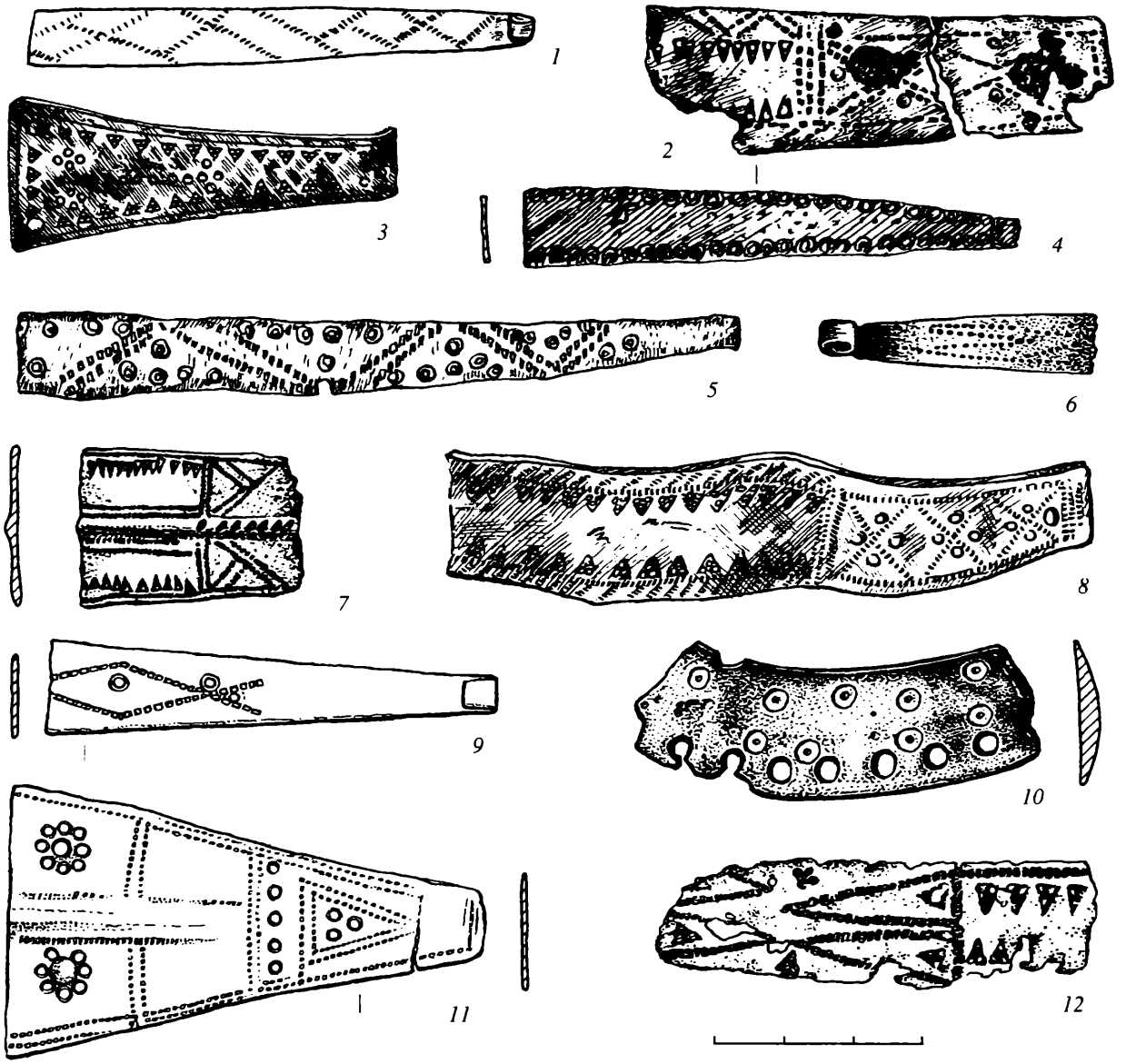

Рис. 377. Орнаментация браслетов (все – цветной металл)
1 – 1, И-41; *2* – 1, Л-22; *3* – 3, Б-21; *4* – 5, V-34; *5* – 4, ХШ-27; *6* – 2, К-25; *7* – 2, К-30; *8* – 4, Э-56; *9* – 3, Ш-43; *10* – 2, Е-14; *11* – 3, Б-48; *12* – 3, Б-47

му сегмента, вытянутого шестиугольника, овала или треугольника. Относительно часто такие браслеты встречаются в памятниках Юго-Восточной Прибалтики (*Selirand*, 1974. Lk 164–167, tab. XXXIX: 1, 3, 6–8; LA, 1974. Tab. 27, 29, 33–35; 43: *9*; 48: *18–22* и др.) и в Скандинавии (*Stenberger*, 1947. Abb. 19–21). Очевидно, из этих местностей они проникли и в Новгородскую землю.

В Изборске к этому типу принадлежат два целых и один фрагментарный браслет сегментовидного сечения. Ширина их – 5,6 и 7 см. Один из них полукруглого сечения, средней ширины – детский, его диаметры 3,4–3,7 см, не имеет орнаментации. Он обнаружен в верхнем горизонте наслоений древнерусского периода. Другой, более узкий, такого же сечения, обнаруженный в нижнем горизонте, орнаментирован двумя продольными пуансонными линиями. Третий, из среднего горизонта слоя, украшен двойными ромбами, нанесенными также пуансоном. Из того же горизонта слоя происходит фрагмент узкомассивного браслета, который изготовлен из дрота полукруглого в поперечном сечении. Его конец оформлен в виде весьма схематично трактованной рельефной змеиной головки, а на самом дроте с внешней стороны сделаны косые неглубокие выемки, по-видимому, имитирующие тело змеи (рис. 370: *6*).

Найдены в Изборске в среднем горизонте слоя и широкие плоско-выпуклые массивные браслеты с несколько прогнутой серединой (рис. 378: *4*). Ближайшие аналогии им находятся в Прибалтике (*Selirand*, 1974. Lk. 163–167, tab. XXXVIII: 2, 3; XXXIX: 1, 8; LA, 1974. Tab. 48: *19–21*), где нередки и экземпляры с подобным прогибом.

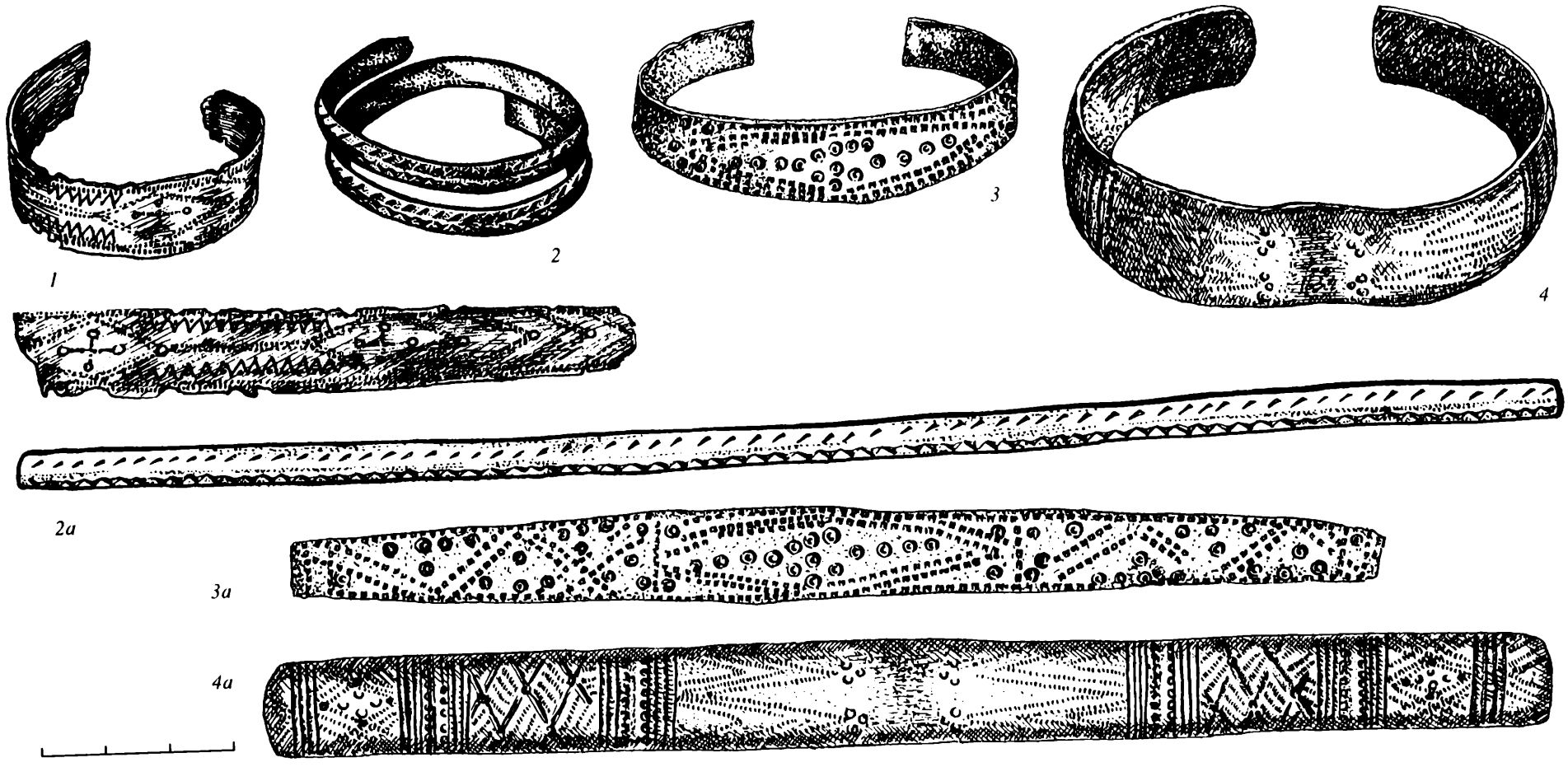

Рис. 378. Браслеты и их развертки (все – цветной металл)
1 – 3, К-56; *2* – 3, Ц-44; *3* – 3, Ф-37; *4* – 3, Ф-43

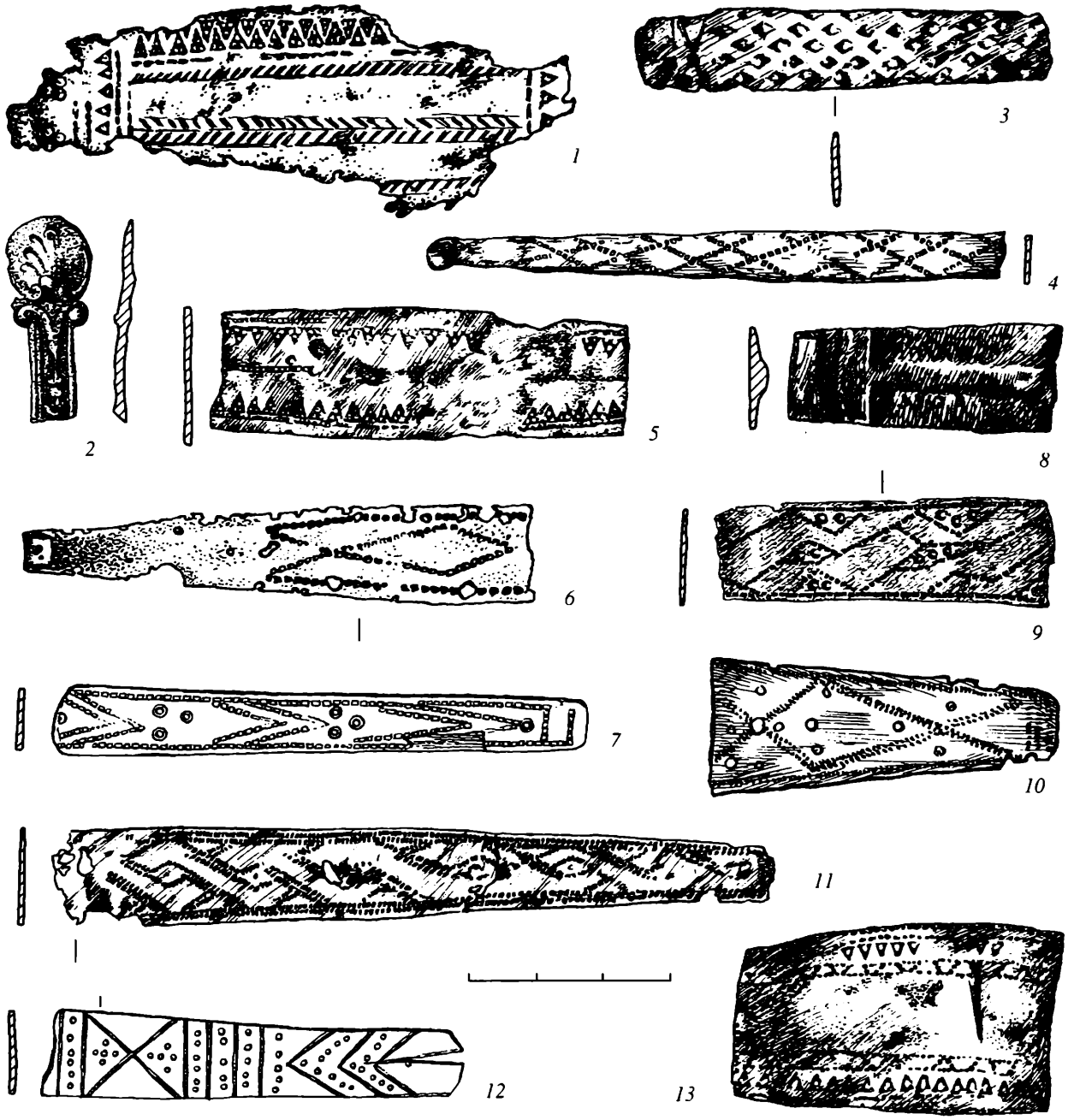

Рис. 379. Орнаментация браслетов (все – цветной металл)
1 – 4, Н-49; *2* – 2, Ф-33; *3* – 3, Ц-53; *4* – 1, IX-24; *5* – 2, О-33; *6* – 1, К-31; *7* – 1, Е-48; *8* – 2, Е-24; *9* – 2, Б-45; *10* – 2, Е-54; *11* – 3, Ф-53; *12* – 4, П-51; *13* – 1, К-29

В среднем горизонте напластований Изборского городища найден спиральный браслет, изготовленный из узкой плоско-выпуклой пластины, орнаментированной насечками (рис. 378: *2*). Подобные браслеты имели распространение в Юго-Восточной Прибалтике (RK, 1896. Tab. 16: *1–7*; *Шноре, Зейд*, 1957. Табл. VI: 8, 11, 16; *Selirand*, 1974. Lk. 162, tab. XXXVIII: 1; LA, 1974. Tab. 43: *8, 11*; 48: *16*; 62: *9*).

Несколькими экземплярами представлены пластинчатые браслеты с продольным валиком посредине (рис. 370: *7, 8*; 377: *7*; 379: *8*; 380: *3*). Единично они встречены во всех трех горизонтах древнерусского слоя городища. Аналогичные украшения были распространены в земле земгалов, но в более раннее время (LA, 1974. Lpp. 161, tab. 41: *28, 32, 37*). В древнерусский период браслеты с выпуклым валиком известны в курганах северо-западного региона Новгородской земли (*Спицын*, 1896. Табл. Ш: 3,11; 1903. Табл. XXV: 22) и в Новгороде Великом, они датируются XIII–XIV вв. (*Седова*, 1981. С. 114). В Изборске браслеты подобного типа обнаружены исключительно во фрагментах и не исключено, что были металлоломом, используемым местными ремесленниками. В верхнем горизонте изборского слоя найден еще браслет из толстого дрота прямоугольного сечения с выделенной шароподобной головкой на конце, не имеющий аналогий в древнерусских материалах. Это также, по-видимому, металлолом для бронзового литья.

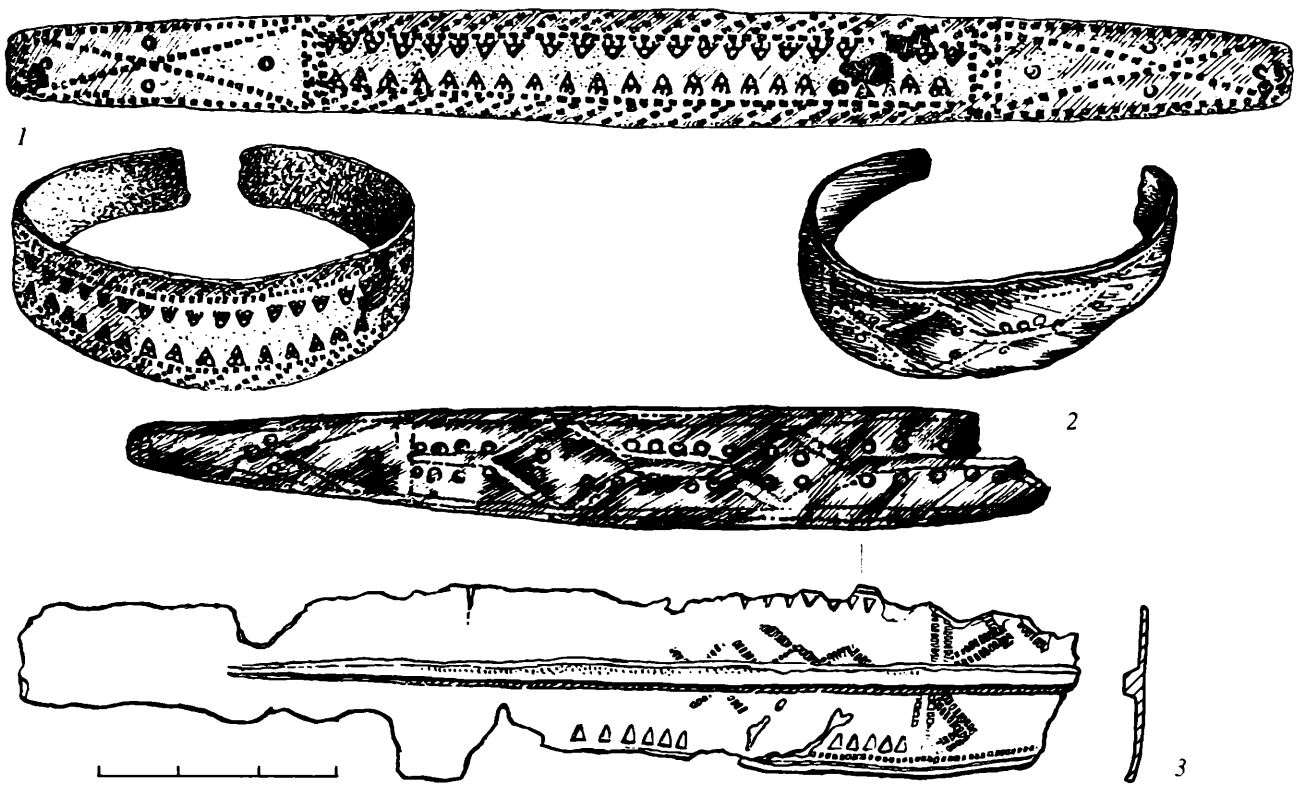

Рис. 380. Браслеты и их развертки (все – цветной металл)
1 – 3, Р-44; *2* – 2, Б-23; *3* – 3, П-37

Перстни

Одной из многочисленных категорией находок в изборской археологической коллекции являются перстни, изготовленные из бронзы, латуни или биллона. Основная часть их принадлежит к типам, широко распространенным в Древней Руси. Изучение находок перстней из курганов показывает, что они были преимущественно женским украшением, но изредка их носили мужчины и дети.

Наибольшее распространение в Изборске получили пластинчатые перстни. Они нескольких типов. Самыми простыми среди них являются перстни, согнутые из ленты одинаковой ширины, со сходящимися, незамкнутыми концами (рис. 381: *1, 2, 6*; 382: *8, 9*; 383: *11, 16*). К этому же типу следует отнести такие же пластинчатые перстни, изготовленные из ленты с некоторым сужением к концам. Почти все рассматриваемые перстни орнаментированы различными узорами и встречены во всех горизонтах изборского слоя. Скорее всего все эти изборские украшения изготовлены были местными ремесленниками. Орнаментация их состоит из различных комбинаций элементов геометрического узора (прямые, косоперекрещивающиеся или волнистые линии, кружки, точки), наносимого штихелем или пуансоном. Пластинчатые незамкнутые перстни в древнерусских памятниках встречаются широко, есть они и в курганах псковских кривичей (*Седов*, 1982. Табл LI: 9, 10). Как и в Изборске, они имеют широкий хронологический диапазон (X–XIII вв.). Одной целой находкой представлен в Изборске (верхний горизонт слоя) замкнутый пластинчатый перстень (рис. 383: *10*).

Не менее распространенными были пластинчатые широкосрединные перстни с незамкнутыми концами, также орнаментированные (рис. 381: *3, 5*; 382: *1, 2, 4–7*; 383: *12–15, 19*). Такие перстни в Изборске бытовали продолжительное время. Наиболее ранние встречены в слое с лепной керамикой, поздние – в верхнем горизонте древнерусских напластований. На Руси широкосрединные незамкнутые перстни также были широко распространены. Они известны уже в курганах X в., в частности в погребениях Гнёздова, Юго-Восточного Приладожья и Ярославского Поволжья, и обильно представлены в курганных древностях вплоть до XIII в. (*Недошивина*, 1967. С. 257). Нередки они и в древнерусских городах. Так, в Новгороде такие перстни встречены в слоях от середины X до XIII в. (*Седова*, 1981. С. 129). Немало их найдено и в Пскове (*Королева*, 1996. Табл. II: 3; VI: 10–12; XI: 3–5). Орнаментация изборских широкосрединных перстней, так же как и пластинчатых, включает различные комбинации геометрического узора.

Широкосрединные "усатые" перстни в изборской коллекции представлены находками из нижнего и среднего горизонтов древнерусского слоя (рис. 381: *4, 5*; 384: *7–9*). Один перстень этого типа был встречен и в нижележащих напластованиях с лепной керамикой и упомянут выше. Щитки "усатых" перстней из древнерусского слоя Изборского городища украшены в большинстве случаев че-

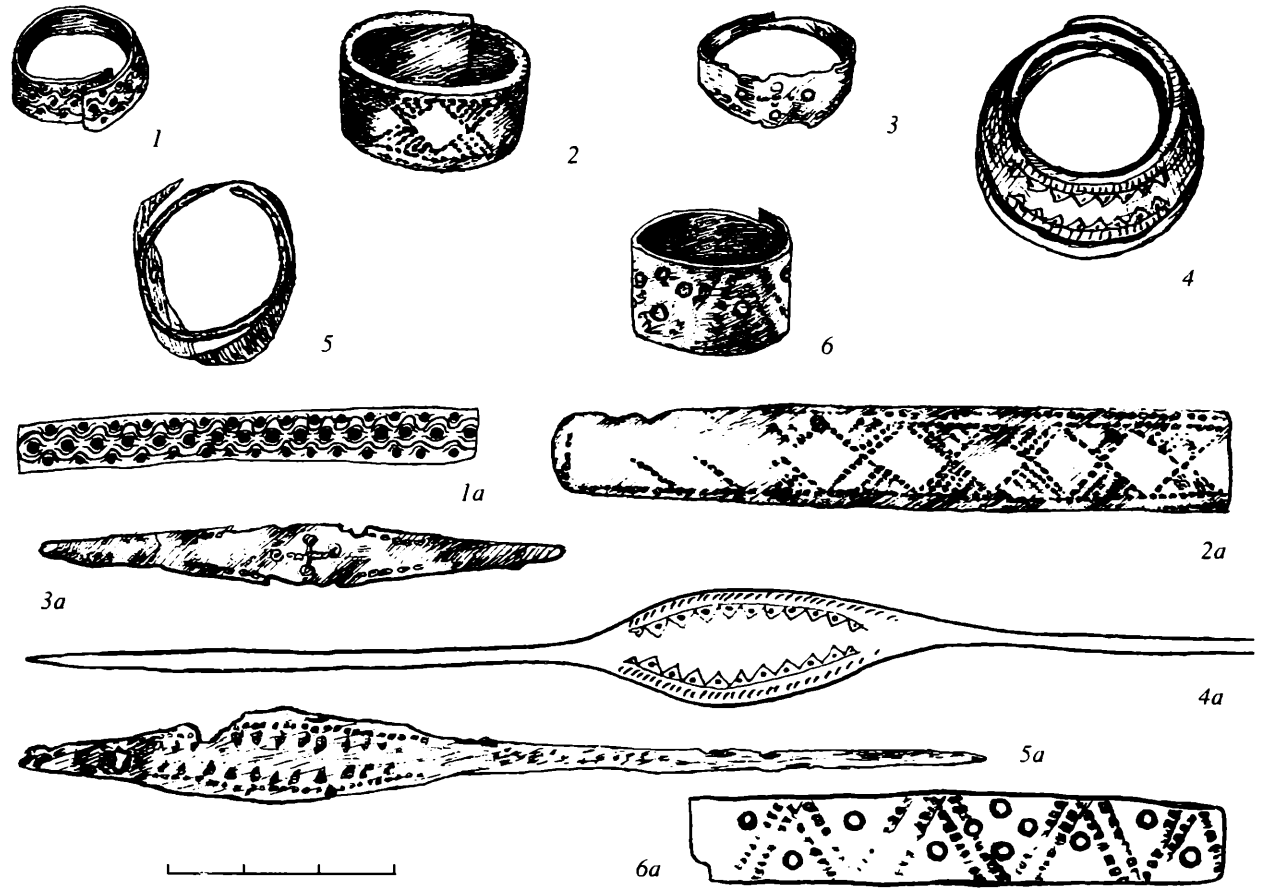

Рис. 381. Перстни и их развертки с орнаментацией (все – цветной металл)

1 – 1, Ч-53; *2* – 3, Г-18; *3* – 5, П-51; *4* – 3, З-19; *5* – 2, І-16; *6* – участок 47, яма 13

канным узором из треугольничков, так называемым зубчатым орнаментом ("волчьим зубом"). Широкосрединные "усатые" перстни связаны с финно-угорским миром и имели распространение в Финляндии, Юго-Восточной Прибалтике, в мордовских землях (RK, 1896. Tabl. 21: *6, 10, 16*; *Selirand*, 1974. Lk. 173, 352, 353, tab. XL: 6; LA, 1974. Tab. 57: *15*; *Смирнов А.П.* 1952. С. 127, табл. XXX: 3, 5). На древнерусской территории они встречаются преимущественно в областях славяно-финского взаимодействия – на Северо-Западе и в Верхнем Поволжье – и датируются X–XIII вв. (*Недошивина*, 1967. С. 257–258).

Несколькими фрагментами представлены (средний горизонт) широкосрединные перстни с продольным валиком в средней части щитка, украшенным зубчатым орнаментом. Концы перстня отломаны, принадлежал ли он к типу широкосрединных с незамкнутыми концами или к "усатым", определенно сказать нельзя. Фрагмент другого перстня с продольным валиком, но без зубчатого узора на щитке (из верхнего горизонта) относится к типу"усатых". Аналогии этим перстням имеются в курганах Ижорского плато и Северо-Восточного Причудья (*Спицын*, 1903. табл.; *Рябинин*, 2001. С. 75, табл.; XXXIX: 13). Единичные находки подобных украшений есть в Карелии и Финляндии (*Kivikoski*, 1974. Abb. 1089).

Еще один фрагмент (рис. 384: *7*), найденный в верхнем горизонте слоя Изборского городища, является частью щиткового решетчатого перстня. Такие украшения весьма многочисленны в ареале вятичей и получили обстоятельную характеристику в работе А.В. Арциховского, посвященной древностям этого племени (*Арциховский*, 1930. С. 73–78). Общий период бытования их – XI–XIII вв. Единичные находки решетчатых перстней за пределами вятического региона отражают тесные связи, существовавшие между отдельными землями Древней Руси (*Недошивина*, 1967. С. 259–261).

Несколькими экземплярами представлены перстни с крученой или витой средней частью (иногда с перевитью) и гладкими утончающимися замкнутыми или разомкнутыми концами (рис. 384: *4*; 385: *17*). Все они встречены во всех горизонтах изборского слоя. Ближайшие аналогии им находятся в курганных материалах северо-западных земль Великого Новгорода. Согласно А.А. Спицыну, они датируются XII–XIII вв. (*Спицын*, 1906. Табл. II: 17; III: 10; 1903. Табл. XXV: 28; *Рябинин*, 2001. С. 75). В самом Новгороде единичные находки подобных перстней представлены в слоях от середины XII в. до 60–70-х годов XIII в. (*Седова*, 1981. С. 125, рис. 45: *12, 16*). Такие украшения нередки в древностях Юго-Восточной Прибалтики, Финлян-

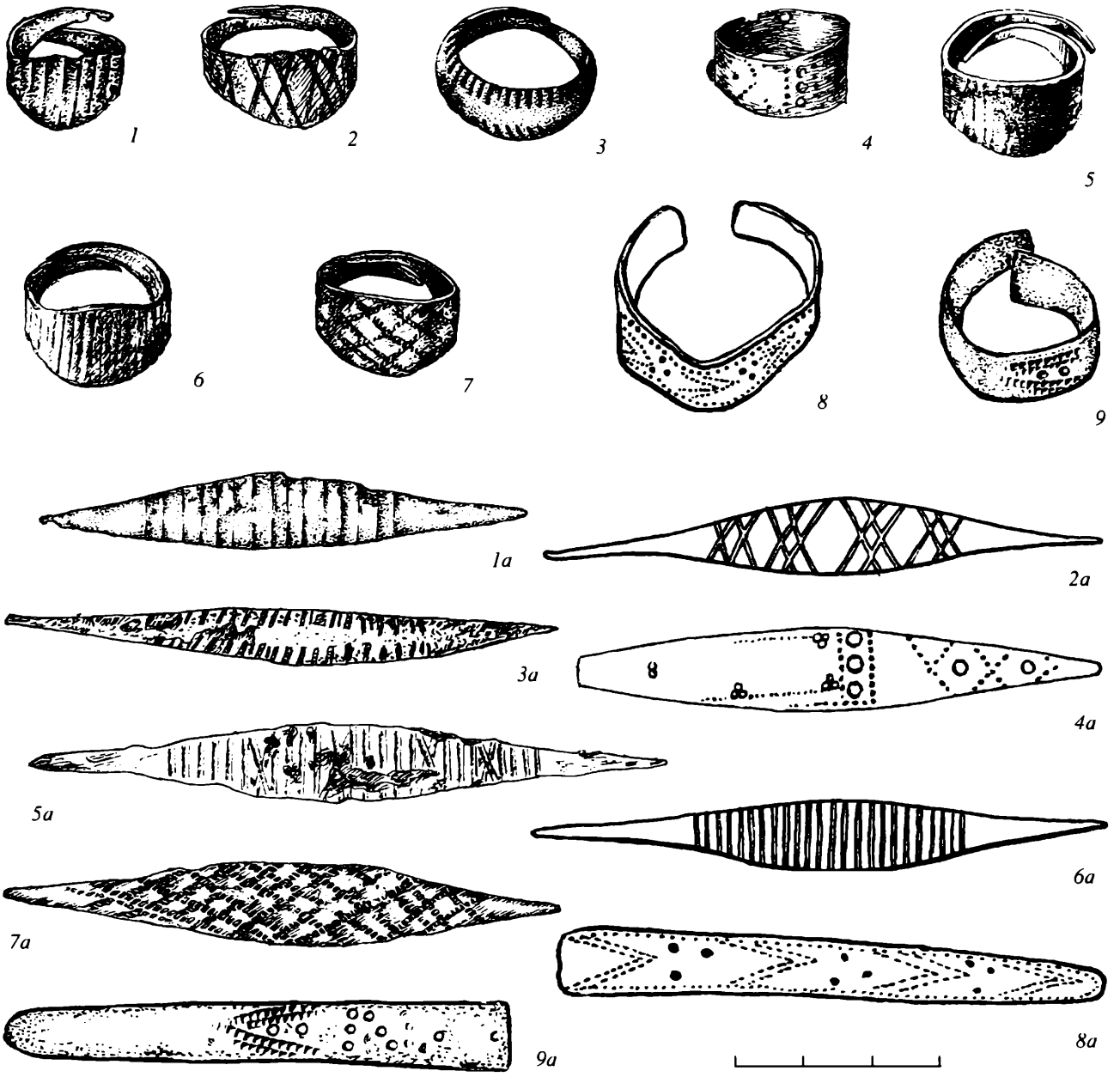

Рис. 382. Перстни и их развертки с орнаментацией (все – цветной металл)

1 – 4, В-32; *2* – 3, Ш-55; *3* – 3, ХП-28; *4* – 2, Ж-17; *5* – 2, находка в отвале; *6* – 2, И-16; *7* – 2, Ч-32; *8* – 1, Е-48; *9* – 4, Е-39

дии и Скандинавии (*Selirand*, 1974. Tab. XL: 1, 2; LA, 1974. Tab. 62: *17, 18*; *Шноре*, 1961. Табл. VI: 31, 38, 45, 51, 58; LAB, 1961. P. 374. 9–11; *Kivikoski*, 1974. Abb. 1094; *Stenberger*, 1947. Abb. 91–101).

Оригинальным является полутораоборотный перстень, имеющий с одной стороны два яруса пластин с сужающимися концами, а с другой – дротовую часть (рис. 383: *18*). Он найден в среднем горизонте слоя Изборского городища. Прямых аналогий ему в древнерусских материалах не обнаружено. Находку, по всей вероятности, следует сопоставлять с прибалтийскими спиральными перстнями, изготовленными из пластин.

Единичными находками представлены в Изборске (из верхнего горизонта культурного слоя) более массивные, чем пластинчатые, плосковыпуклые перстни с сегментовидным поперечным сечением и с сужающимися заходящими концами (рис. 382: *3*; 383: *17*). Орнаментированы они насечками по краям утолщенной части. Подобные перстни нередки в прибалтийских землях (LA, 1974. Tab. 50: *3*; 57: *15*).

Немалую группу находок в Изборске образуют дротовые перстни. Среди них имеются круглопроволочные одинаковой толщины – разомкнутые (рис. 383: *1*), с заходящими концами (рис. 383: *4*), замкнутые (рис. 383: *3, 5*) и полутораоборотные (рис. 383: *2*; 385: *1*). В одном случае концы проволоки были перевиты. Такие перстни целыми, чаще во фрагментах, встречены во всех горизонтах древнерусских напластований Изборского городища. Поверхности их, как правило, гладкие, только один из перстней, замкнутый, имел прямые нарез-

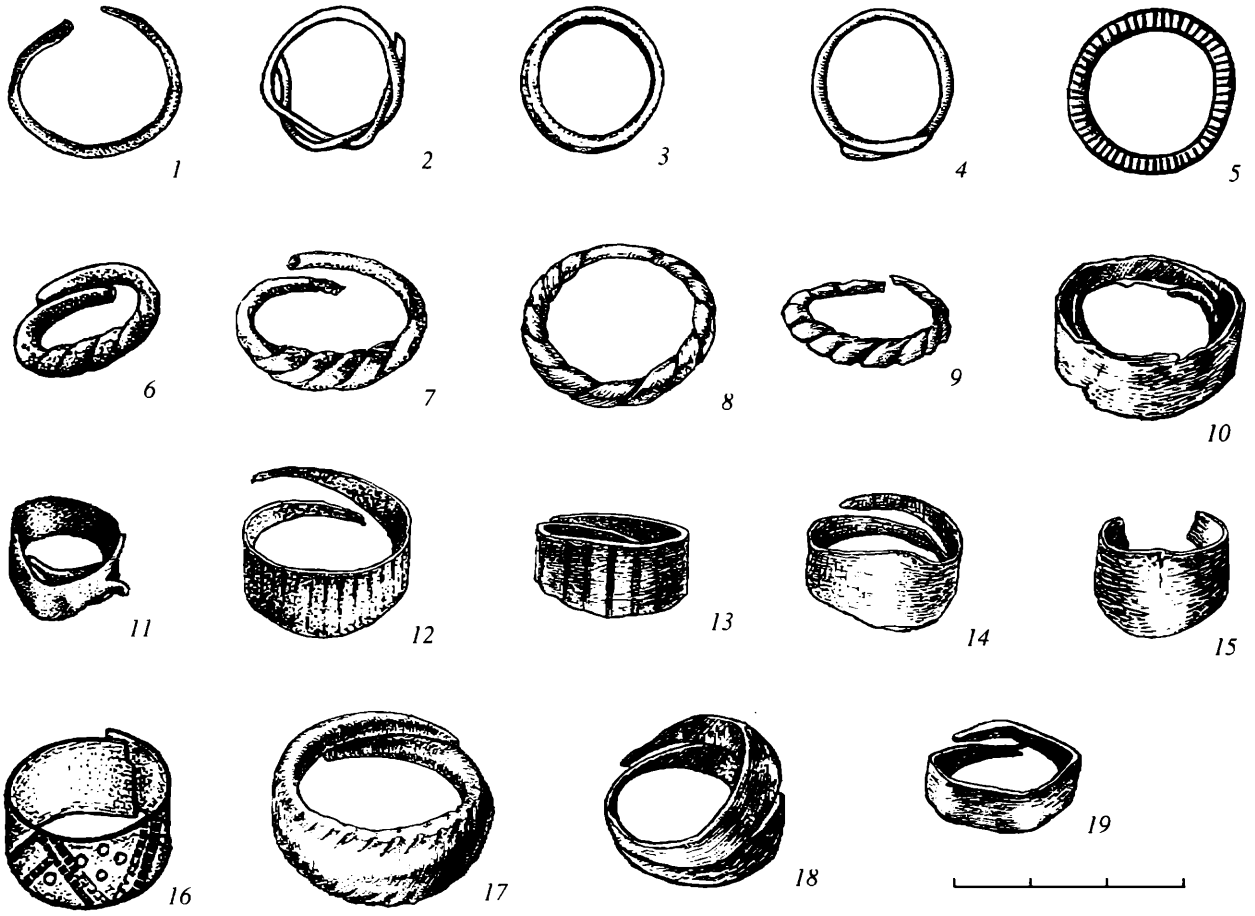

Рис. 383. Перстни разных типов (все – цветной металл)
1 – 2, К-31; *2* – 2, Ф-38; *3* – 3, VIII-30; *4* – 2, Т-33; *5* – 3, У-51; *6* – 2, П-22; *7* – 4, М-38; *8* – 3, IV-18; *9* – 4, З-55; *10* – 2, Ч-34; *11* – 3, М-24; *12* – 4, С-44; *13* – 2, Г-13; *14* – 2, Ш-2; *15* – 5, С-44; *16* – участок 47, яма 13; *17* – 1, Б-14; *18* – 3, Ж-17; *19* – 3, Д-19

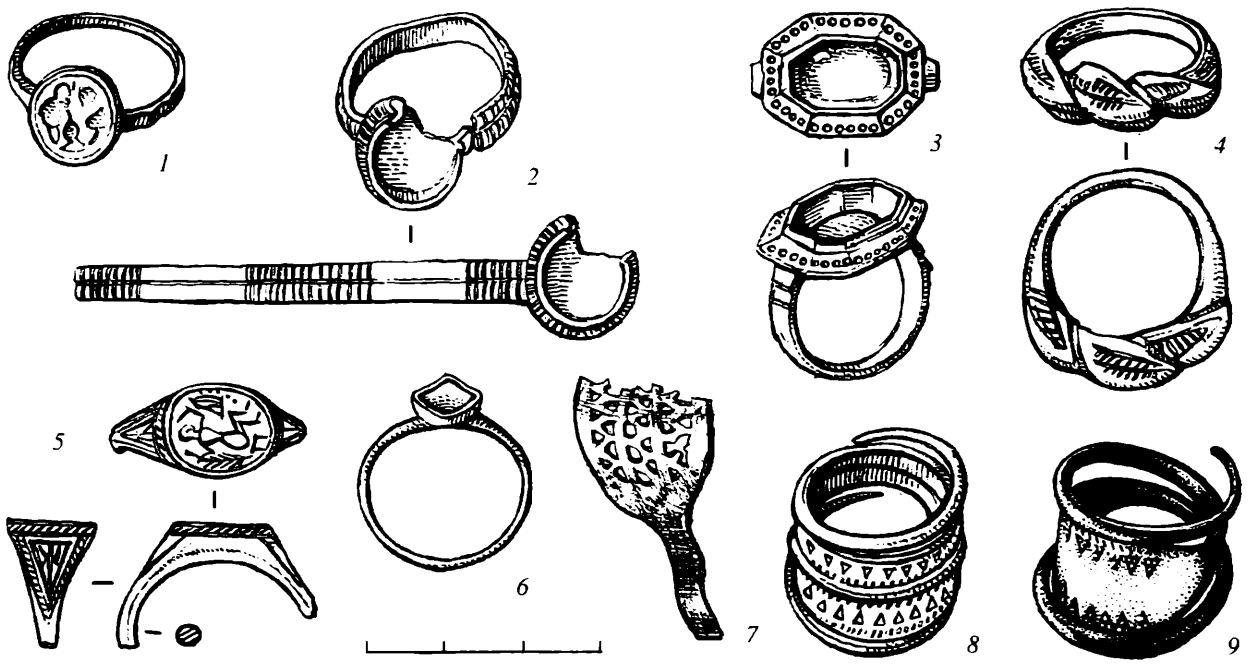

Рис. 384. Перстни разных типов (все – цветной металл)
1 – 1, К-31; *2* – 2, М-54; *3* – 1, IX-30; *4* – 1, Ш-55; *5* – 3, IV-31; *6* – 3, Ф-51; *7* – 2, Ш-1; *8* – 2, М-51; *9* – 3, З-19

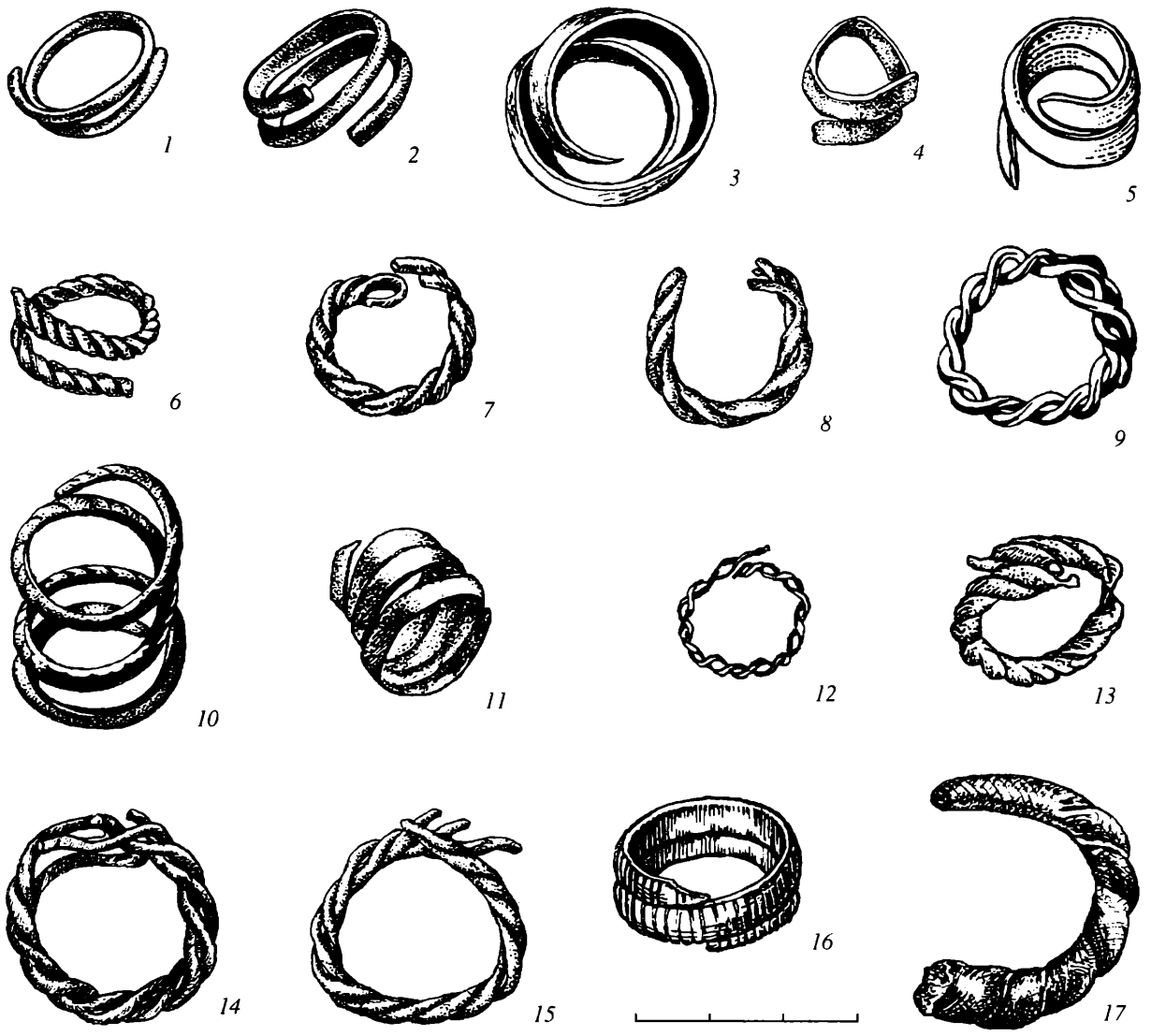

Рис. 385. Перстни разных типов (все – цветной металл)

1 – 2, З-28; *2* – 3, О-26; *3* – 3, Ж-17; *4* – 4, IV-7; *5* – 2, Д-49; *6* – отвал раскопа 1972 г.; *7* – участок 47, яма 13; *8* – 2, С-29; *9* – 2, IV-6; *10* – 1, П-1; *11* – 3, VI-24; *12* – 2, Е-26; *13* – 3, Г-14; *14* – 3, Д-50; *15* – участок 34, яма 1 (квадрат А-31); *16* – 7, П-32; *17* – 1, А-26

ки по всему периметру. Проволочно-дротовые перстни названных вариантов широко представлены во многих памятниках Древней Руси, в том числе в курганных древностях всех восточнославянских племен (*Седов*, 1982. Табл. XXVI: 22, 28, 29, 35, 36; XXVII: 45, 48; XXXVII: 18). В Новгороде они датируются XI–XIII вв., но в Изборске неоднократно встречены еще в слое с лепной керамикой.

Рубчатые перстни (рис. 383: *6–9*) бытовали в Изборске с рубежа X–XI до начала XIV в. Все они имели утолщенную часть, на которой с внешней стороны нанесена косая насечка, и суженные гладкие концы, сомкнутые или слегка заходящие. Изготавливались они способом литья, насечка наносилась ювелирным зубилом. Рубчатые перстни были одними из самых распространенных украшений всех восточноевропейских славян XI–XIV вв. В ряде случаев их в комплексе с другими этноопределяющими находками можно использовать для дифференциации древностей на славянские и финские.

Несколькими экземплярами в изборской коллекции представлены витые перстни (рис. 385: *6–9, 12–15*). Они встречены во всех горизонтах древнерусских напластований городища. Изготавливались они из двух или трех проволок различного диаметра (от 1 до 2,5 мм) различными способами витья. Концы их оформлялись различно: имеются перстни замкнутые, со сходящими и заходящими концами. Думается, что все они местного производства. Витые перстни различных видов имели широкое бытование в Древней Руси (*Недошивина*, 1967. С. 263; *Седова*, 1981. С. 125, 127), в памятниках Прибалтики они встречаются довольно редко (*Mugurevičs*, 1977. Tab. XXXVIII: 2).

Неоднократно встречены в Изборске и спиральные перстни (рис. 385: *2, 3, 5, 10, 11*). По своему облику они не отличимы от подобных находок нижнего слоя, описанных выше. Сделаны спиральные перстни, как и в VIII–X вв., преимущественно из узких плосковыпуклых пластин,

Рис. 386. Фото различных находок

1–4, 12 – перстни; *5* – крестик-энколпион; *6, 7* – подковообразные фибулы; *8* – наконечник ножен меча; *9* – скорлупообразная фибула; *10* – весовая гирька; *11* – деталь весов

но есть и немало проволочных. О числе витков говорить затруднительно, поскольку такие находки в Изборске представлены в основном фрагментами. Как было отмечено выше, спиральные перстни имели весьма широкое распространение среди балтов, прибалтийских и поволжских финнов продолжительное время – от III–IV до XIV–XV вв. Для древнерусской культуры они не характерны, и нахождение их на древнерусских поселениях, очевидно, было обусловлено контактами с этими этносами.

Печатных перстней в Изборске найдено два. Один из них, из верхнего горизонта, имеет замкнутое кольцо из дрота четырехугольного сечения и круглый щиток-печатку, на котором выгравированы шесть неглубоких ямок, расположенных по окружности (рис. 384: *1*). Щиток другого перстня, шестигранного в сечении (рис. 384: *5*; 386: *12*), найденного в среднем горизонте слоя, – овальный с выгравированным изображением сидящего на небольшой скамеечке человека. Правой рукой (в зеркальном отражении) он держит какое-то орудие, возможно, меч, левой – ветвь. Печатные перстни в небольшом количестве обычны для средневековой Руси и встречены как в курганах (*Недошивина*, 1967. С. 262, 273–274, рис. 31: *9, 10*), так и на многих поселениях. Наиболее ранние происходят из Тимеревско-

го селища IX–X вв. (*Булкин и др.*, 1978. С. 93). В Новгороде печатные перстни обнаружены в слоях от первой половины X до XV в. включительно (*Седова*, 1981. С. 137–139).

Четыре перстня, происходящие из различных горизонтов древнерусского слоя Изборского городища, имели вставки, которые, правда, не сохранились (рис. 384: *2, 3, 6*). Два перстня изготовлены из узкой толстой пластины, один – круглопроволочный. Щитки с ячейками для вставок различны, в одном случае он округлый, в другом – шестиугольный, в третьем – ромбический. Весьма разнообразная коллекция перстней со вставками происходит из раскопок в Новгороде Великом. В ее составе можно найти перстни, сходные с изборскими находками (*Седова*, 1981. С. 139–142, рис. 54). Датируются они в Новгороде от XI до XV в., а на Руси бытовали и позднее. Перстни со вставками были продукцией городских ремесленников Древней Руси. Вставки обычно были из стекла разных цветов (синего, зеленого, желтого, красного, черного).

Элементы духовной культуры, торговля*

Нательные крестики – предметы христианского культа

Крестов-тельников, изготовленных из цветных металлов, при раскопках Изборского городища найдено немного. Среди них одна находка из напластований XI – начала XII в. (рис. 387: *3*) принадлежит к так называемым крестикам "скандинавского типа".

Подобные крестики появились на территории Древней Руси в конце X в. и широко бытовали в основном в течение одного столетия. Из Руси они проникли в Скандинавию, где встречаются заметно реже, чем на Восточноевропейской равнине.

В слое XIII в. Изборского городища найден литой крестик-тельник с небольшим ромбовидным средокрестием с углублением с четырьмя полушарообразными выпуклинами. Отростки, округлые в сечении, завершаются неправильными шариками (рис. 387: *5*). Подобные находки имеются среди обширной древнерусской коллекции предметов христианского культа, в том числе они встречены и в курганных захоронениях (*Седова*, 1981. Рис. 16: *11, 14, 15*; *Николаева, Недошивина*, 1997. Рис. 103: *24*).

Равносторонний крестик из изборского слоя XIII в., представленный фрагментарно, имеет плоские лопасти с круглыми концами (рис. 387: *2*). Близкой аналогией ему является крестик из Новгорода Великого (*Седова*, 1981. С. 52, рис. 16: *12*). Подобные круглоконечные крестики обнаружены и в других местностях Древней Руси.

Два изборских креста-энколпиона (рис. 387: *1, 4*) принадлежат к серии ранних. Они четырехконечные с несколько расширяющимися концами и гравированными контурными изображениями на лицевых сторонах распятого Христа. Изображение на обратной стороне целой находки не читается. Поверхности крестиков сильно стерты, по-видимому, от длительного употребления. Рисунок фигуры Христа, скорее всего, был инкрустирован серебром. Одна находка сделана в слое рубежа XI–XII вв., другая – в напластованиях XIII в.

На Неревском раскопе в Великом Новгороде аналогичный энколпион найден в слое 70–90-х годов XII в. (*Седова*, 1981. С. 57, рис. 18: *2*). Подобные кресты-энколпионы известны в Киевском Поднепровье и разрозненно в различных местностях Древней Руси (*Николаева, Недошивина*, 1997. Табл. 104: *23*). Как полагала Г.Ф. Корзухина, эти христианские символы имеют корсунское происхождение и датируются серединой – второй половиной XII в. (*Корзухина*, 1958. С. 133). Не исключено, что они поступали на Русь из Византии. А.А. Медынцева пересмотрела время бытования на Руси рассматриваемых энколпионов, определив его периодом второй половины XII – 30-х годов XIII в. (*Медынцева*, 1961. С. 68).

Кроме металлических крестиков-тельников в изборской коллекции немало каменных. Среди последних доминируют равноконечные крестики небольших и средних размеров, сделанные из местного камня. Они имеют отверстия для подвешивания (рис. 387: *7, 9, 11, 12*). На лицевой стороне более крупного крестика из сланца (рис. 387: *6*) вырезаны углубления. По-видимому, последние не были заполнены, крест при изготовлении сломался и был выброшен.

Один крест, вырезанный из сланцевого камня (рис. 387: *10*), очевидно, предназначался для постановки в одном из углов жилища. Верхняя часть его обломана, сохранившаяся имеет высоту 4,8 см, ширину – 3 см в основнии и 3,4 см в наибольшей части. В средокрестии прочерчен простейший крест, "украшенный" орнаментальными линиями. Находка происходит из слоя XII в.

В напластованиях XIII в. найден янтарный крестик, сохранившийся фрагментарно (рис. 387: *13*; цветн. вклейка рис. 8: *27*). На лицевой стороне крестика процарапана традиционная монограмма – ИС ХС.

---

* Раздел, вероятно, автором не завершен (*Примеч. ред.*)

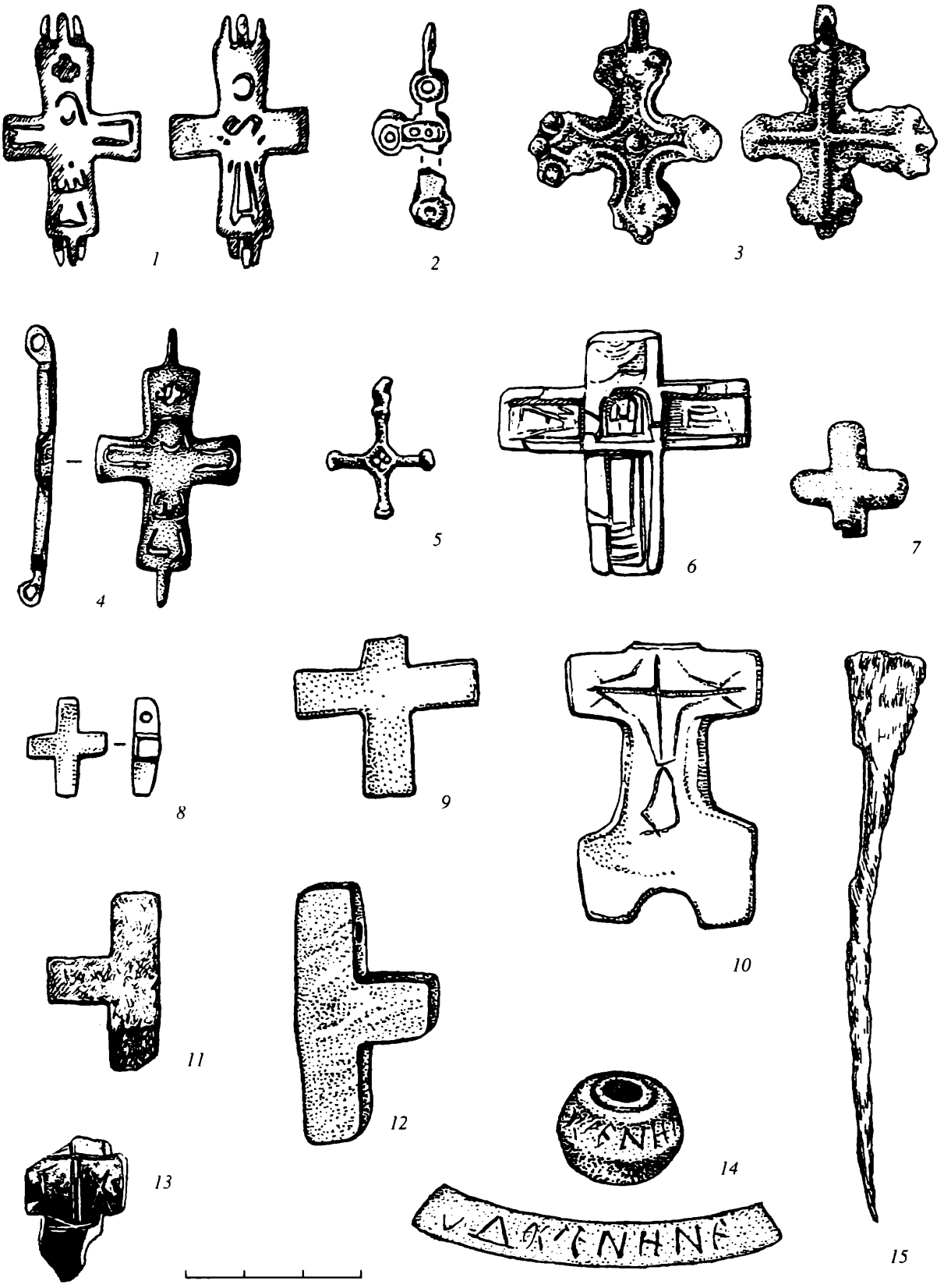

Рис. 387. Крестики-тельники, предметы с надписями и писало

1 – 2, П-53; *2* – 3, XIII-31; *3* – 4, IV-23; *4* – 5, Ш-35; *5* – 2, П-30; *6* – 8, I-37; *7* – 3, VI-8; *8* – 3, В-41; *9* – 3, Г-22; *10* – 2, М-45; *11* – 4, VI-33; *12* – 2, Б-44; *13* – 2, П-6; *14* – 4, К-22; *15* – 3, XVI-40. *1–5* – цветной металл; *6, 7, 9–12* – камень; *8, 14* – шифер; *13* – янтарь; *15* – железо

Писала

Остатков каких-либо письменных документов на бересте в культурном слое Изборского городища ожидать не приходится. Инструменты для письма, писала, в Изборске крайне редки. В напластованиях XII–XIII вв. найдены одно целое и одно фрагментированное писала, оба железные. Первое из них (рис. 387: *15*) представляет собой стержень общей длиной 9,8 см с заостренным нижним концом и лопаточковидным противоположным. Второе писало, судя по фрагментам, идентично первому. К писалам могут принадлежать также встреченные в Изборске в огромном количестве фрагментированные находки из бронзы и кости, в частности стержни или лопаточки.

Древнерусские писала-стили хорошо известны в археологической литературе, они найдены во многих городах. Их делали чаще из железа, но встречается немало бронзовых и костяных. Первая сводка писал из раскопок Новгорода Великого принадлежит А.Ф. Медведеву, который классифицировал их на 15 типов (*Медведев*, 1960. С. 63–88). В Новогрудке встречено восемь стилей, среди которых есть художественно оформленные – лопаточка имеет форму узкого, изящного бокальчика с расширяющимися краями (*Гуревич*, 1981. Рис. 76: *1, 10*). Впрочем, подобные находки известны и в Новгороде Великом. Последний краткий обзор древнерусских писал выполнен А.А. Медынцевой (1997. С. 150–151, табл. 90).

Торговля

В рассматривамый период Изборск в основном был пограничным городом-крепостью. Основные торговые связи осуществлялись внутри древнерусского государства. На основе вещевых находок можно говорить прежде всего о контактах с Южной Русью. Свидетельствами их являются шиферные пряслица, фрагменты амфор и стеклянные браслеты. О пряслицах из волынского шифера, в большом числе найденных в различных горизонтах древнерусских напластований Изборского городища, речь шла выше. Эти изделия из Южной Руси были широко распространены по всей территории Древнерусского государства. Встречены они и в иноязычных землях Восточной Европы, но только в тех регионах, где в силу различных исторических обстоятельств проживало восточнославянское население. На территории Эстонии шиферные пряслица не получили хождения.

Фрагментов южнорусских амфор в изборском культурном слое встречено немало. Однако составить целостное представление об этом материале пока затруднительно, какие-либо исторические выводы на их основании до специальной обработки амфорной коллекции специалистами делать преждевременно. Можно только отметить, что большая часть фрагментов встречена в изборских напластованиях XI–XII вв.

Стеклянные браслеты были излюбленным украшением древнерусских горожанок. Поэтому они принадлежат к весьма распространенным находкам в культурных слоях всех городов Руси. Так, в Новгороде Великом найдено несколько тысяч фрагментов гладких и витых стеклянных браслетов самой различной окраски. Из культурного слоя Изяславля происходит 11 000 разноцветных обломков таких украшений. В Серенске – небольшом городке на верхней Оке – в результате раскопок извлечено свыше 5000 браслетов, в западнорусском Новогрудке таких украшений встречено около 2500. Свыше тысячи находок происходят из Минска, Турова и других городов. Известны находки стеклянных браслетов и на некоторых сельских поселениях – административных центрах, феодальных усадьбах, в крупных селах, в той или иной степени связанных с ближайшими городами. Исключение составляют Псков и Псковская земля. Крайняя немногочисленность находок стеклянных браслетов в Пскове отмечалась исследователями неоднократно – за все время археологических раскопок в городе их найдено лишь около 100 фрагментов. Еще меньшая распространеннось этих украшений наблюдается в Изборске – здесь найдено всего более десятка фрагментов браслетов (рис. 388: *1–5*). Думается, что у изборских женщин вообще не было обычая ношения на руках стеклянных браслетов. Найденные фрагменты могли принадлежать переселенцам из других городов Древней Руси.

Изделиями, поступавшими в Изборск в результате торговых операций, скорее всего были стеклянные бусы. Место изготовления их определить пока невозможно. Впрочем, нельзя исключать, что какая-то часть изборских бус была произведена изборскими ремесленниками.

Южнорусское происхождение имеет писаница, фрагмент которой был обнаружен на посаде, расположенном близ впадения р. Смолки в Изборское озеро.

Другая группа изделий неместного происхождения связана с Юго-Восточной Прибалтикой. При характеристике изборской вещевой коллекции неоднократно отмечалось прибалтийское начало тех или иных украшений. Это и подковообразные фибулы с конически утолщенными концами, и некоторые типы металлических браслетов и перстней, ряд нагрудных привесок можно отметить сравнительно широкое бытование спиралек, обычно украшающих женскую одежду латгалов и родственных им племен. Изборяне в большей степени были связаны с балтским, чем с прибалтийско-финским миром. Впрочем, есть немало свидетельств контактов Изборска с эсто-ливскими племенами.

Однако сравнительно обширный прибалтийский элемент в культуре Изборска древнерусского

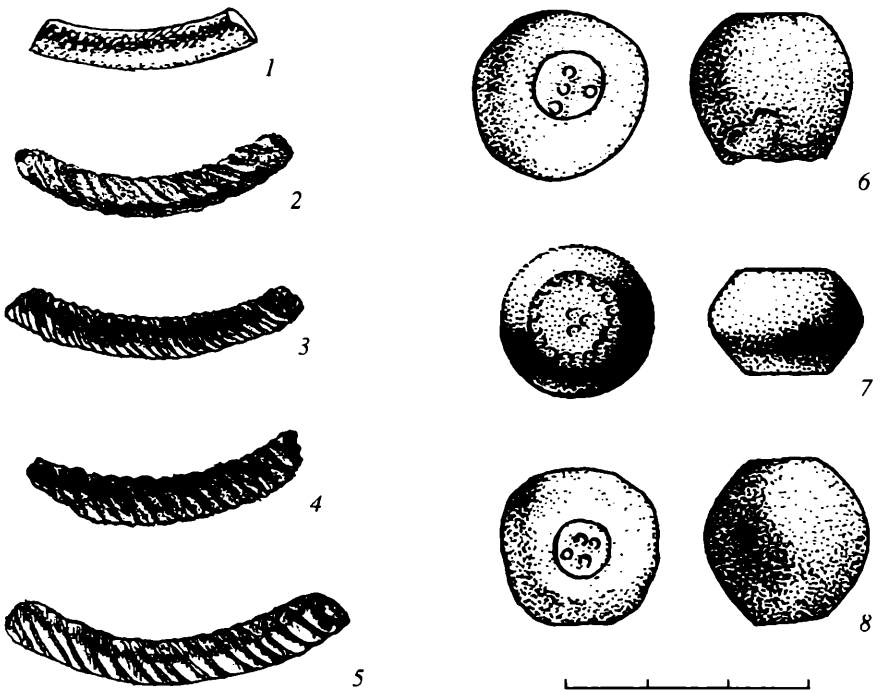

Рис. 388. Стеклянные браслеты и бронзовые весовые гирьки

периода никак не может рассматриваться как свидетельство торговых связей с землями Юго-Восточной Прибалтики. Нельзя исключать того, что прибалтийские находки на Изборском городище в какой-то степени отражают специфику сложного этнического формирования изборских, а может быть, и всех псковских кривичей. Вся история становления последних свидетельствует, что в составе изборского населения несомненно имелся ославяненный балтский элемент. В округе Изборска и Пскова известны латгальские могильники XI–XII вв., указывающие на инфильтрацию латгалов в среду кривичей в древнерусское время. По всей вероятности, псковские кривичи в какой-то степени были близки латгалам, может быть, даже всему балтскому миру. Несомненным представлется также участие прибалтийско-финского (не эстского) субстрата в генезисе изборских кривичей. В округе древнерусского Изборска, очевидно, было немало селений с финноязычным населением, к которому восходят современные сету, которые на хуторах к северо-западу от Изборска проживают до сих пор.

Эта сложная этническая структура становления древнерусского населения Изборской округи, по всей вероятности, и находит отражение в вещевой коллекции рассматриваемого городища. Потребность украшений прибалтийских типов могла удовлетворяться не только импортом из Прибалтики, какая-то часть их могла быть изготовлена и изборскими (или псковскими) ремесленниками.

Свидетельством торговых сделок изборян являются фрагмент коромысла весов (рис. 386: *11*) и весовые гирьки (рис. 386: *10*; 388: *6–8*).

Литература

Аверьянов К.А., 2003. Псковские князья первой половины XIV в. // Псков в российской и европейской истории: (к 1100-летию первого летописного упоминания). Псков.

Александров А.А., 1982. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА. Вып. 171.

Александров А.А., Белецкий С.В., 1994. Памятники I тысячелетия н.э. у д. Лезги // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб.

Алексеев Л.В., 1960. Раскопки древнего Браслава // КСИА. Вып. 81.

Анохин Г.И., 1971. Об этимологии топонима Изборск // Этнография имен. М.

Аристе П.А., 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

Аристе П.А., 1975. Вопрос балтийских заимствований // Вопросы финно-угроведения. Саранск. Вып. VI.

Артемьев А.Р., 1978. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. Вып. 155.

Артемьев А.Р., 1982. Копья из раскопок в Изборске // КСИА. Вып. 171.

Артемьев А.Р., 1985. Стратиграфия и хронология Изборской крепости // СА. № 2.

Артемьев А.Р., 1987. Древнерусский поруб в Изборске // СА. № 3.

Артемьев А.Р., 1988. Надмогильные каменные кресты восточных пригородов Пскова // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. М.

Артемьев А.Р., 1991. Фенно-скандинавские предметы вооружения в Пскове и Изборске // Земля Псковская древняя и современная: Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков.

Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XIV вв. Владивосток.

Артемьев А.Р., 1999. Подписные каменные кресты Псковской земли XV–XVII вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.

Артемьев А.Р., Лопатин Н.В., 1994. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище // РА. № 2.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Археалогія Беларуси. Мінск, 2000. Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст).

Асташова Н.И., 1993. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Труды ГИМ; Вып. 82).

Аун М.Э., 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллин.

Аун М.Э., 1983а. Клады Эстонии V–X вв. // АИППЗ. [Вып. 1982 г.]

Аун М., 1983б. Курганный могильник Сууре-Рысна // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. № 4.

Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю., 1986. Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе: (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне: (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки в Европе как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.

Башенькин А.Н., 1993. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990: Этногенез, расселение и духовная культура. М. (Материалы по археологии России; Вып. 1).

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. // Проблемы истории северо-запада Руси. СПб. (Славяно-русские древности; Вып. 3).

Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П., 1966. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище. 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.

Белецкий С.В., 1976. Биконические сосуды Труворова городища // СА. № 3.

Белецкий С.В., 1977. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150.

Белецкий С.В., 1978. Раскопки в Псковском кремле в 1972–1974 гг. // КСИА. Вып. 155.

Белецкий С.В., 1979. Керамика Псковской земли второй половины I тыс. – начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Белецкий С.В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова: (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160.

Белецкий С.В., 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города. М.

Белецкий С.В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // АИП. М.

Белецкий С.В., 1990. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: Истоки и становление: (Материалы к научной конференции). Торопец.

Белецкий С.В., 1995. О летописной дате строительства Изборской крепости // Фортификация в древности и средневековье: (Материалы методологического семинара ИИМК). СПб.

Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб.

Беляев Н.Т., 1929. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. Praha. [Т.] III.

Березин-Ширяев Я., 1867. Изборск и его достопримечательности // ПГВ. № 26.

Болховитинов Е.А., 1825. Летопись древнего Славено-Русскаго Княжеского города Изборска // Отечественные записки. № 61.

Болховитинов Е., 1830. *Митрополит Евгений.* Летопись древнего славяно-русского города Изборска // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М. Ч. V, кн. 1.

Болховитинов Е., 1868. Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым (с 1813 по 1825 г.). М. Вып. 1.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.

Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы южного Приладожья. СПб. (МАР, 18).

Булкин и др., 1978. *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники древней Руси IX–XI вв. Л.

Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.

Бутырский Ив., 1847. Исторические воспоминания: Изборск // ПГВ. № 45.

Василёв И.И., 1896. Псковская губерния: Историко-географические очерки как пособие народным учителям по предмету родиноведения. Псков.

Вернадский Г.В., 1996. История России: Древняя Русь. Тверь.

Веселовский С.Б., 1974. Ономастикон. М.

Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно. М. (МИА; № 41).

Гайдуков П.Г., 1983. Монетные находки Изборска // АИППЗ. [Вып. 1982 г.]

Гайдуков П.Г., Фомин А.В., 1986. Монетные находки Изборска // КСИА. Вып. 183.

Географический словарь, 1804. Географический и исторический словарь Российского государства. М. Т. II.

Глазов В.Н., 1903. Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском уезде // ЗОРСА. Т. V, вып. 1.

Глазунов В.В., Плоткин К.М., 1978. Археолого-геофизическое изучение городища Камно // КСИА. Вып. 152.

Годовиков И.Д., 1880. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Псков. Вып. 1.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. М.

Голубева Л.А., 1971. Назначение железных игл с кольцами // СА. № 4.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.

Горюнова В.М., 1974. Новое в исследовании "Городка" на Ловати // КСИА. Вып. 139.

Горюнова В.М., 1983. Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в X–XII вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига.

Гроздилов Г.П., 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. Т. XIV.

Гроздилов Г.П., 1954. Археологические работы в Изборске // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л. Вып. VI.

Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.

Гроздилов Г.П., 1965. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7.

Грушина Л.Е., 1988. Каменные кресты Изборского края // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков.

Гупало В.Д., 1985. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни // СА. № 4.

Гупало В.Д., 2001. Раннесредневековые гончарные клейма // РА. № 1.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок: (посад – окольный город). Л.

Давидан О.И., 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4.

Давидан О.И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. Вып. 8.

Давидан О.И., 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10.

Даль В.Н., 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. 3.

Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В., 1987. Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима Изборск // АИППЗ. [Вып. 1986 г.]

Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В., 1988. К вопросу о происхождении топонима "Изборск" // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 год. М.

Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське мисто Воинь. Київ.

Дончева-Петкова Л., 1980. Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII–X век. София.

Древняя Русь, 1985. Древняя Русь: Город, замок, село. М. (Археология СССР).

Древняя Русь, 1997. Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология).

Дучыц Л.У., 1991. Браслаускае Паазер'е у IX–XIV ст. ст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск.

Евлентьев К.Г., 1876. Изборск: Из местных экскурсий // ПГВ. № 14–16.

Евлентьев К.Г., 1878. Изборск // ПГВ. № 47.

Ениосова Н.В., 2001. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздо-

ве // АИППЗ: Материалы научного семинара за 2000 год. Псков.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск. Минск.

Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург.

Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я., 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.

Иконников В.С., 1908. Опыт русской историографии. Киев. Т. 2.

Иордан, 1960. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М.

Исланова И.В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Исланова И.В., 2002. Поселение Леонтьево-1 на оз. Мстино // У истоков Новгородской земли. Любытино. (Любытинский археологический сборник. Вып. 1).

Кадиева Е.К., 1996. Клейма на круговых сосудах из Ростова Великого как источник по истории развития города (XI – начало XIV в.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 1.

Кадиева Е.К., 2002. Древнерусская круговая керамика конца XII – второй половины XIII в. из усадьбы г. Владимира (по материалам раскопок 1999 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.

Каменецкая Е.В., 1983. Керамические клейма XI–XII вв. из Смоленска // СА. № 2.

Карамзин Н.М., 1989. История государства Российского. М. Т. I.

Карамзин Н.М., 1991. История государства Российского. М. Т. II–III.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. I.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник. СПб. Вып. 7.

Кафенгауз Б.Б., 1969. Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. М.

Квятковская А.В., 1998. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII в.). Вильнюс.

Кильдюшевский В.И., 1983. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. // АИП. М.

Кильдюшевский В.И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. М.; Л. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. (САИ; Вып. Е1-36).

Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. М.; Л. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (САИ; Вып. Е1-36).

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. (САИ; Вып. Е1-36).

Кирпичников А.Н., 1980. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979 г. Л.

Кирпичников А.Н., 1985. Раннесредневековая Ладога: (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л.

Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., 1975. Исследования средневекового Порхова и его округи // АО 1974 г. М.

Кирьянов А.В., 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв.: (По археологическим материалам) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М. (МИА; № 65).

Кирьянова Н.А., 1981. Зерновые материалы Изборска // КСИА. Вып. 166.

Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.

Ключевский В.О., 1956. Сочинения. М. Т. I.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Коваль В.Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике: (Опыт исследования на примере Ростиславя Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

Козак Д.Н., 1984. Пшеворьска культура у Верхньому Подністрові і Західному Побужі, Київ.

Козловская В.И., 1927. Тавровании посуд словянськой доби // Науковий зборник за 1926 р. АН УССР: Записки исторической секции. Харьків. Вип. XXI.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (Продукция и технология) // МИА. № 65.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кольчатов В.А., 1984. Височные кольца Водской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Комша М., 1961. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. T. V.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., 1984. О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Корзухина Г.Ф., 1950. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. М.; Л. Т. XIII.

Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках "корсунского дела" на Руси // Византийский временник. Вып. XIV.

Корзухина Г.Ф., 1963. Из истории игр на Руси // СА. № 4.

Коробушкина Т.Н., 1979. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск.

Королев А.Е., Харлашов Б.Н., Воронкова Е.В., 2000. Работы в Печорском районе Псковской области // АО 1998 г. М.

Королева Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // АИП. Псков. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): Материалы и исследования.

Королева Э.В., Харлашов Б.Н., 1994. К вопросу о дворах в средневековом Пскове: (По материалам Васильевского раскопа) // АИП. 2000. Псков. Вып. 2.

Косточкин В.В., 1959. Строительная биография крепости Изборска // СА. № 1.

Косточкин В.В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М.

Котляревский А.А., 1865. Заметки к статье гр. К.П. Тышкевича "Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина" // Труды Московского археологического общества. М. Т. 1.

Кочкуркина С.И., 1982. Древняя корела. Л.

Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.

Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.

Крейтон В., 1913. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г. // Труды Псковского археологического общества. Псков. Вып. 9.

Крузе Ф., 1840. Сообщение о древностях Изборска // РГИА. Ф. 561. Оп. 1: 1844, № 187.

Кудряшов К., 1913. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде // ЗОРСА. Т. IX.

Куза А.В., 1981. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М.

Кузьмин С.Л., 1987. Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье // История и археология Новгородской земли: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород.

Куликаускене Р.К., 1953. Погребения с конями у древних литовцев // СА. М. Т. XVII.

Кучера М.П., 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плисненска // КСИАУ. Вып. 10.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Лазарев Д., 1887. Псковское наместничество. Псков.

Лаул С.К., 1971. Об этнической принадлежности курганов Юго-Восточной Эстонии // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. Таллин. № 3.

Лаул С.К., 1974а. Исследование курганов в Пылгасте // АО 1973 г. М.

Лаул С., 1974б. Каменный могильник и курган в Пылгасте (Юго-Восточная Эстония) // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. Таллин. № 1.

Лаул С.К., 1974в. Юго-Восточная Эстония в период раннего железа (II–V вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин.

Лаул С.К., 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н.э. // Вопросы финно-угроведения. Саранск. Вып. VI.

Лебедев Г.С., 1973. Городец под Лугой: (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135.

Лебедев Г.С., 1977. Археологические памятники Ленинградской обл. Л.

Левашова В.П., 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 32).

Левашова В.П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Лесман Ю.М., 1990. Многобусинные височные кольца // Новгород и Новгородская земля: История и археология: (Тезисы научной конференции). Новгород. Вып. 3.

Лобанов Н.А., 1989а. Быт горожан Пскова и Изборска в XI–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Лобанов Н.А., 1989б. Некоторые бытовые находки из Пскова // КСИА. Вып. 195.

Ломоносов М.В., 1952. Полное собрание сочинений. М.; Л. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии.

Лопатин Н.В., 1992. Консервационные работы в Изборске в 1991–1992 гг. // АИППЗ. [Вып. 1992 г.]

Лопатин Н.В., 2001. Раскопки кургана близ Изборска // АО 1999 г. М.

Лопатин Н.В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). Псков.

Лопатин Н.В., 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214.

Лопатин Н.В., Яковлев А.В., 1990. Исследования вала Изборского городища // АИППЗ. [Вып. 1989 г.]

Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.

Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10.

Малингудис Ф., 1987. Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // Византийский временник. М. Т. 48.

Мальм В.А., 1956. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ. Вып. 32).

Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Мансуров А.А., 1946. Старорязанские и пронские гончарные клейма // СА. Т. VII.

Мануйлов А.Е., 1983. Сельскохозяйственные железные орудия Изборского городища // АИППЗ. [Вып. 1982 г.]

Мароевич Р., 1997. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов: (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Вопр. языкознания. № 3.

Марojевић Р., 1985. Посесивне изведенице у старорuском језику: Антропонимски систем: Топонимија "Слово о полку Игореве". Београд.

Мартынаў В., 1998. Прарадзіна славян: Лінгвістычная верыфікацыя. Мінск.

Матузова В.И., Назарова Е.Л., 2002. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М.

Мачинский Д.А., 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М. Т. II. (МИА; № 65).

Медведев А.Ф., 1960. Древерусские писала X–XV вв. // СА. № 2.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М. (САИ; Вып. Е1-36).

Медынцева А.А., 1961. О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник МГУ. [М.]

Медынцева А.А., 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология СССР).

Медынцева А.А., 2000. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X первой половины XIII века. М.

Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ.

Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19.

Минасян Р.С., 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Тр. Гос. Эрмитажа. Л. Т. XX.

Миролюбов М.А., 1972. Пахотные орудия Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 14.

Михельсон Т.Н., 1958. Изборск: (Историко-архитектурный очерк). Псков.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. М.

Моора Х.А., 1954. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. // КСИИМК. Вып. 55.

Моора Х.А., 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

Моора Х., Лиги Х., 1969. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века: (к вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин.

Моора Х.А., Моора А.Х., 1965. Из этнической истории води и ижоры // Slaavi-läänemeresoome suhete ajloost. Tallinn.

Москвина Т., 1980. Браслеты Изборского городища // Средневековая археология русского Северо-Запада: Тезисы докладов студенческой научной конференции. Псков.

Мугуревич Э.С., 1962. Находки раковин каури на территории Латвии // Изв. АН ЛатвССР. № 7.

Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями: Пути сообщения. Рига.

Мугуревич Э.С., 1974. Крестовидные привески XI–XV вв. в Латвии // Археология и этнография. Рига. Т. XI.

Мугуревич Э.С., 1985. Находки железных частей пахотных орудий 10–17 вв. в Восточной Прибалтике // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.

Назарова Е.Л., 1997. К истории псковско-ливонского договора 1228 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси: Материалы к конференции. М.

Назарова Е.Л., 2000. Князь Ярослав Владимирович и его роль в Ливонской политике Пскова. Конец 20-х – начало 40-х гг. XIII в. // АИППЗ. [Вып. 1996–1999 гг.].

Недошивина Н.Г., 1963. Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ; Вып. 43).

Нерознак В.П., 1983. Названия древнерусских городов. М.

Нефедов В.С., 2002. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 17.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М. (САИ.; Вып. Е1-34).

Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология).

Никонов В.А., 1965. Топонимия и формирование восточных славян // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тез. докл. и сообщ.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.

Новикова Г.Л., 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово: (к истории древнерусского города). М.

Новосельцев А.П., 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. М. Древнерусское государство и его международное значение.

Носов Е.Н., 1977. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. Вып. 150.

Носов Е.Н., 1981а. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. // СА. № 1.

Носов Е.Н., 1981б. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166.

Носов Е.Н., 1983. Новые данные о домостроительстве населения I тысячелетия н.э. в Приильменье // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига.

Носов Е.Н., 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е.Н., Конецкий В.Я., 1975. Разведки на средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено // АО 1974 г. М.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 1989. Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. Вып. 195.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 1997. Холопий городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб.

Овсянников О.В., Пескова А.А., 1982. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171.

Окулич-Казарин Н.Ф., 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. Псков. Вып. 10.

Окулич-Казарин Н.Ф., 1916. Летописная история Изборска // Тр. Псковского археологического общества. Псков. Вып. 12.

Олейников О.М., 2002а. Круговая керамика Тверского Поволжья конца X – начала XIII в.: классификация, орнаментация, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

Олейников О.М., 2002б. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 5.

Орлов С.Н., 1962. Городище эпохи раннего железного века в низовьях реки Ловати // КСИА. Вып. 87.

Орлов С.Н., 1968. Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. № 2.

Орлов С.Н., 1972. Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода // СА. № 2.

Орлов С.Н., Аксенов М.М., 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10.

Очерки, 1970. Очерки по археологии Белоруссии. Минск. Ч. I.

Очерки, 1972. Очерки по археологии Белоруссии. Минск. Ч. II.

Павлова К.В., 1997. Гончарные клейма городища Осовик // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. 11.

Панов П.И., 1914. Изборск // Псковские епарх. вед. № 13, 16, 17.

Пашуто В.Т., 1963. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сборник статей к 70-летию М.Н. Тихомирова. М.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плоткин К.М., 1974. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 139.

Плоткин К.М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.

Плоткин К.М., 1990. Об Изборске-Исборге на р. Исе // АИППЗ. [Вып.1989 г.]

Плоткин К.М., Грач В.А., 1978. Раскопки курганов у д. Северик // АО 1977 г. М.

Плохов А.В., 1992. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.

Поветкин В.И., 1997. Музыкальные инструменты // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология).

Погодин М., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. М. Т. III, отд. I: Атлас исторический, географический, с объяснением.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

Покровская Л.В., 1998. Новгородские одежные булавки (X–XIII вв.) // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

Покровская Л.В., 1999. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв.: (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.

Полякова Г.Ф., Фехнер М.В., 1973. Игра в мельницу в Древней Руси // Slovenska archeologia. Bratislava. XXI-2.

Попов А.И., 1981. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон: (Итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской науч. конф. Воронеж.

Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.

Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2.

Пушкина Т.А., 1987. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 1б.

Равдоникас В.И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье / Изв. ГАИМК. Л. Вып. 94.

Равдоникас В.И., 1949. Старая Ладога: (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). I // СА. Т. XI.

Равдоникас В.И., 1950. Старая Ладога: (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). II // СА. Т. XII.

Раппопорт П.А., 1952. Изборск: Из истории военно-инженерного искусства древней Руси // Древнерусские города. М. Т. II: Крепостные сооружения древней Руси. (МИА; № 31).

Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. (МИА. № 105).

Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище. Л. (САИ; Вып. Е1-32).

Родинкова В.Е., 2003. Подвески-лунницы Козиевского клада: (к постановке проблемы) // КСИА. Вып. 215.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Розенфельдт Р.Л., 1953. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. Вып. 49.

Розенфельдт Р.Л., 1963. К вопросу о гончарных клеймах // СА. № 2.

Розенфельдт Р.Л., 1997. Керамика // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология СССР).

Роспонд С., 1972. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.

Розанова Л.С., 1997. Традиции и технологии железообработки Изборска // Тр. Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.

Роспонд С., 1979. Miscellanea onomastica Rossica // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М.

Русанова И.П., 1973. Славянские древности VI–X вв. между Днепром и Западным Бугом. М. (САИ; Вып. Е1-25).

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.

Рыдзевская Е.А., 1940. О названии города Изборска // Архив ЛОИА. Ф. 39. 1940. № 111.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. М. Т. III. (МИА; № 117).

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Л. Вып. Е1-60.

Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода: (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.

Салмина Е.В., 1995. Рыболовный инвентарь и ихтиофауна Изборского городища // АИППЗ. [Вып. 1994 г.]

Салмина Е.В., 1997. Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (VIII–XVII вв.) по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков.

Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1.

Седов В.В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. Т. XVIII.

Седов В.В., 1968. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М.

Седов В.В., 1969. Казихинские курганы на р. Великой // КСИА. Вып. 120.

Седов В.В., 1970а. Новгородские сопки. М. (САИ; Вып. Е1-8).

Седов В.В., 1970б. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М. (МИА; № 163).

Седов В.В., 1972. Раскопки в Изборске // АО 1971 г. М.

Седов В.В., 1973. Изборская экспедиция // АО 1972 г. М.

Седов В.В., 1974а. Длинные курганы кривичей. М. (САИ. Вып. Е1-8).

Седов В.В., 1974б. Межевой камень XIV в. из Изборска // СА. № 3.

Седов В.В., 1974в. Раскопки Изборской экспедиции // АО 1973 г. М.

Седов В.В., 1975а. Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I – начало II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Седов В.В., 1975б. Исследования в Изборске // АО 1974 г. М.

Седов В.В., 1975в. Исследования в Изборске // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. Ш.

Седов В.В., 1975г. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.. // КСИА. Вып. 14.

Седов В.В. 1976а. Древние русские крепости // Знание–сила. № 2.

Седов В.В., 1976б. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М.

Седов В.В., 1976в. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. Вып. 146.

Седов В.В., 1976 г. Раскопки в Изборске // АО 1975 г. М.

Седов В.В., 1978а. Изборская экспедиция // АО 1977 г. М.

Седов В.В., 1978б. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155.

Седов В.В., 1979. Исследования Изборского городища // АО 1978 г. М.

Седов В.В., 1980а. Изборск // Тез. докл. сов. делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М.

Седов В.В., 1980б. Раскопки в Изборске // АО 1979 г. М.

Седов В.В., 1980в. Раскопки в крепости Изборска на Жеравьей горе: Крепость на Изборском городище // Крепостное зодчество Псковской земли и ее соседей: Тез. докл. науч. конф., посвящ. 650-летию Изборской крепости. Изборск.

Седов В.В., 1981а. Некоторые итоги раскопок в Изборске // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Седов В.В., 1981б. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 166.

Седов В.В., 1981в. Раскопки в Изборске // АО 1980 г. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР).

Седов В.В., 1983а. Домостроительство кривичско-словенского региона в VIII–X вв. // Проблемы изучения домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР: Тез. докл. Межреспубликанского симпозиума. Рига.

Седов В.В., 1983б. Итоги археологического изучения Изборска // АИППЗ. [Вып. 1982 г.].

Седов В.В., 1983в. Раскопки в Изборске // АО 1981 г. М.

Седов В.В., 1984а. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Седов В.В., 1984б. Изборск – город-крепость XII–XIII вв. // Древнерусский город: Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев.

Седов В.В., 1984в. Исследования в Изборске // АО 1982 г. М.

Седов В.В., 1985а. Изборск в 8–10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.

Седов В.В., 1985б. Изборск: От племенного центра к раннефеодальному городу // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке": Тез. докл. Баку.

Седов В.В., 1985в. Исследования в Изборске // АО 1983 г. М.

Седов В.В., 1985 г. Работы в Изборске в 1984 г. // АИППЗ. [Вып. 1985 г.]

Седов В.В., 1986а. Жилища словенско-кривичского региона VIII–X вв. // КСИА. Вып. 183.

Седов В.В., 1986б. Исследования в Изборске // АО 1984 г. М.

Седов В.В., 1986в. О скандинавских находках в Изборске // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.

Седов В.В., 1987а. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Седов В.В., 1987б. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Седов В.В., 1987в. Изборск – один из древнейших городов на Руси // К 1125-летию Изборска: Юбилейные чтения. Изборск.

Седов В.В., 1987г. Исследования в Изборске // АО 1985 года. М.

Седов В.В., 1987д. К 1125-летию первого летописного упоминания Изборска // К 1125-летию Изборска: Юбилейные чтения. Изборск.

Седов В.В., 1987е. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. I., вып. 1.

Седов В.В., 1988а. Древний Изборск // Древний Псков: История. Искусство. Археология. М.

Седов В.В., 1988б. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. М.

Седов В.В., 1989. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М.

Седов В.В., 1990а. Прибалтийские финны // Финны в Европе. VI–XV века. М. Вып. 1.

Седов В.В., 1990б. Топоним Изборск // АИППЗ. [Вып. 1989 г.].

Седов В.В., 1991. Ювелирные изделия Изборска прибалтийско-финского происхождения // Ex oriente lux: Mélanges offerts en hommage au professeur Jean Blankoff, à l'occasion de ses soixante ans. Bruxelles. Vol. I.

Седов В.В., 1993. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России. Псков.

Седов В.В., 1994а. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Седов В.В., 1994б. Славяне в раннем средневековье. М.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

Седов В.В., 1996. Культ камня в язычестве восточных славян // Balkano-Slavica. Prilep. Т. 13–15.

Седов В.В., 1997. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финноугроведение. Йошкар-Ола. № 2.

Седов В.В., 1998. Первые страницы истории Пскова // Історія Русі – України: (історико-археологічний збірник). Київ.

Седов В.В., 1999а. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.

Седов В.В. 1999б. Изборск в конце X – начале XI в. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.

Седов В.В., 1999в. У истоков восточнославянской государственности. М.

Седов В.В., 2000. Эсты и Северо-Западная Русь // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.

Седов В.В., 2001. Международные контакты Изборска в IX – начале X в. // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М.

Седов В.В., 2002а. Изборск и проблема становления древнерусского города // Изборск и его округа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). Псков.

Седов В.В., 2002б. Изборск – протогород. М.

Седов В.В., 2002в. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.

Седов В.В., 2003а. Славяне в римское время: XIII Международный съезд славистов (Словения, 2003). М.

Седов В.В., 2003б. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории: (к 1100-летию первого летописного упоминания). М.

Седов В.В., *Артемьев А.Р.*, 1986. Исследования в Изборске // АИППЗ. [Вып. 1986 г.]

Седов В.В., *Артемьев А.Р.*, 1987. Раскопки в Изборске // АИППЗ. [Вып. 1987 г.]

Седов В.В., *Артемьев А.Р.*, 1988. Исследования Изборска // АО 1986 г. М.

Седов В.В., *Артемьев А.Р.*, *Лопатин Н.В.*, 1988. Работы в Изборске // АИППЗ. [Вып. 1988 г.]

Седов В.В., *Гайдуков П.Г.*, 1979. Исследования Изборского городища // АО 1978 г. М.

Седов В.В., *Лопатин Н.В.*, 1989. Продолжение раскопок в Изборске // АИППЗ. [Вып. 1988 г.]

Седов В.В., *Сергеева Л.Е.*, 1983. Музеефикация Изборского городища // АИППЗ. [Вып. 1982 г.]

Седов В.В., *Сергеева Л.Е.*, *Харитонов Г.В.*, 1977. Исследования Изборской экспедиции // АО 1976 г. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седых В.Н., 1992. Керамика Тимеревского поселения: (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Селарт А., 2003. Псков и Тартуское епископство в 1230-х гг. // АИППЗ. [Вып. 2001–2002 гг.]

Сергеева З.М., 1977. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории древней Руси // КСИА. Вып. 150.

Сергеева Л.Е., 1979. Разведки в Печорском районе Псковской области // АО 1978 г. М.

Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. СПб. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска. (МАР, 28).

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М. (МИА; № 28).

Смирнов В.П., 1908. Описание русских медалей. СПб.

Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода: (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. М. № 55.

Смирнова Г.П., 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146.

Смирнова Г.П., 1978. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского конца Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.

Смирнова Л.П., 1980. Косторезное дело в Изборске в VIII–XIII вв. // Средневековая археология русского Северо-Запада: Тез. докл. студенч. науч. конф. Псков.

Соловьев С.М., 1960. История России с древнейших времен. М. Кн. II, т. III.

Соловьев С.М., 1988. Сочинения в 18 т. М. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. I–II.

Спегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.

Спицын А.А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. СПб. (МАР; № 20).

Спицын А.А., 1903. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. Т. V, вып. 1.

Спицын А.А., 1903а. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова. СПб. (МАР; № 29).

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15.

Спицын А.А., 1906. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. Т. VIII.

Станкевич Я.В., 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. Т. XIV.

Станкевич Я.В., 1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. Т. XV.

Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. М.; Л. (МИА; № 76).

Степи Евразии, 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Стубавс А.Я., 1959. Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.

Стубавс А., 1970. Археологические находки из древнего Саласпилса и хронология памятника // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.

Сядоў В.В., 1970. Старажытнаруская тапанімія на беларускай тэрыторыі // Пытанні беларускай тапанімікі. Мінск.

Тараканова С.А., 1948. Старый Изборск // КСИИМК. Вып. XX.

Тараканова С.А., 1949. Раскопки древнего Пскова (1945–1947 гг.) // КСИИМК. Вып. XXVII.

Тараканова С.А., 1950. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. Вып. XXXV.

Тараканова С.А., 1951. Псковские курганы с трупосожжением // КСИИМК. Вып. XXXVI.

Татищев В.Н., 1994. Собрание сочинений. М. Т. I: История российская. Часть первая.

Татищев В.Н., 1995. Собрание сочинений. М. Т. II–III: История российская. Часть вторая.

Тихомиров М.Н., 1994. О русских источниках "Истории российской" // Татищев В.Н. Собрание сочинений. М. Т. I.

Толочко П.П., 1981. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.

Торопов С.Е., 1997. Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1997 г. Новгород.

Третьяков П.Н., 1976. Городище Осыно // СА. № 3.

Трусман Ю., 1894. О происхождении названия Изборск и древнего населения его окрестностей // Живая старина. СПб. Вып. III–IV.

Трусман Ю.Ю., 1897. Этимология местных названий Псковского уезда. Ревель.

Тухтина Н.В., 1960. Средневековые славянские гончарные клейма // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 37).

Тышкевич К.Н., 1865. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна.

Тышкевич К.Н., 1867. Свинцовые оттиски, найденные в р. Буг в Дрогичине // Древности. М. Т. 1, вып. 2.

Уваров А.С., 1910. Клейма на сосудах // Уваров А.С. Сборник мелких трудов. М. Вып. 2.

Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Ушаков Ф.А., 1897. Описание древних городищ, городков, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками различных предметов, сохранившихся в Псковской губернии. Псков.

Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР).

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.

Хавлюк П.И., 1974. Раннесредневековые поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Харлашов Б.Н., 1986. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. Вып. 183.

Харлашов Б.Н., 1992. Обследование древнерусских поселений в округе Изборска // АИППЗ. [Вып.1991 г.]

Харлашов Б.Н., 1993. О чем рассказывают археологические памятники Изборской долины // Изборск и его окрестности – заповедный край России. Псков.

Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли: (По материалам могильника Залахтовье). СПб.

Ходаковский З., 1838. Путевые записки Ходаковского // ЖМНП. Ч. 20.

Хойновский И.А., 1893. Раскопки великокняжеского дворца древнего Киева. Киев.

Хомутова Л.С., 1983. Первые итоги технологического исследования кузнечной продукции Изборского городища // АИППЗ. [Вып. 1982 г.]

Цыбин М.В., 1987. Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В., 1998. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области: (погребальный комплекс Подол 1 на оз. Кафтино) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3.

Чернягин Н.Н., 1940. Отчет об обследовании курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1-1940. Д. 163–166.

Шадыра В.І., 1999. Днепра-дзвінская культура // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 2.

Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.

Шахматов А.А., 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Шахматов А.А., 2003. История русского летописания. СПб. Т. I, кн. 2: Раннее русское летописание X–XII вв.

Шлёцер А.Л., 1809. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке. СПб. Т. 1.

Шляпкин И.А., 1906. Древние русские кресты. СПб. 1: Кресты новгородские до XV в., неподвижные и нецерковной службы.

Шляпкин И.А., 1913. Русская палеография. СПб.

Шмидехельм М.Х., 1959. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. (Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции; Т. I).

Шмидт Е.А., 2001. О формировании тушемлинской культуры в Днепро-Двинском междуречье // Lietuvos archeologija. Vilnius. 21.

Шноре Э.Д., 1959. Городища древних латгалов // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. (Тр. Прибалтийской объединенной коплексной экспедиции; Т. I).

Шноре Э.Д., 1961. Асотское городище. Рига.

Шноре Э.Д., 1962. Шпоры Асотского городища и их место в классификации шпор // Святовит. Т. XXIV.

Шноре Э.Д., Зейда Т.Я., 1957. Нукшинский могильник. Рига

Шрамм Г., 1994. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Штыхаў Г.В., 1999. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII стст.) // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча.

Щапова Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.

Щеглова В.В., 1969. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии. Минск.

Щукина Е.С., 1962. Медальерное искусство в России XVIII в. Л.

Этимологический словарь славянских языков. М., 1983. Вып. 9.

Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.

Янин В.Л., 1962. Новгородские посадники. М.

Янин В.Л., 1992. "Болотовский" договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6.

Ailio J., 1922. Karialaiset soikeat kupurasoljet // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki. XXXIII-3.

Alttoa K., Aus T., Tamm J., 1986. Die Bauarchäologischen Untersuchungen der Burg Narva in den Jahren 1984–1985 // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. Таллин. № 35.

Alvre P., 1973a. Lääneneeresoome aluskeele varaseet murdeliigendusest silmas pidades // Keel ja kirjandus. Tallinn. 3.

Alvre P., 1973b. Lääneneeresoome aluskeele varaseet murdeliigendusest silmas pidades // Keel ja kirjandus. Tallinn. 5.

Ammann A.M., 1936. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis. Rom.

Arbman H., 1940. Birka. I: Gräber. Uppsala. Vol. 1.

Arbman H., 1943. Birka I: Gräber. Stockholm. Vol. 2.

Asaris J., 1994. 11.–13. Gs. zobena maksts bronzas uzgalu tipi un to izplatiba Kurzeme // Arheologija un etnografija. Rīgā. XVII.

Aspelin J.R., 1912. Erik Emundsen i Osterled // Opuscula archeologica O. Montelio septuagenario dicata. Stockholm.

Atgāzis M., 1974. Dzelzs iedzīțņa šķēpu gali ar atkarpēm Latvijā // Arheologija un etnografija. Rīgā. X.

Atlasas, 1978. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius. IV.

Aun M., 1970. Laatsa kivikalme Tartu rajoonis // Studia arhaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.

Balodis F., 1940. Jersīka un taī 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīga.

Blomqvist R., 1940. Medeltida bultlås och bultlåsnycklar i Lund: Kulturen (årsbok). Lund.

Bruckner, 1925 // Slavia occidentalis. T. III–IV.

Buko A., 1982. Czytelnosc znakow garncarskich a zagadnienie ich funkcji // Archeologia Polski. T. XXVII, z. 1.

Buko A., 1999. Znaki na dnach naczyń z ósrodków wczesnomiejskich: zagadnienie funkcji // История и культура древних и средневековых славян. М. (Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии).

Bukowska-Gedigowa J., Gediga B., 1986. Wczesnosredniowieczny gród na ostrówku w Opolu. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódz.

Caune A., 2001. Rigaer Fund einer knöchernen Hufeisenfibel des 12. Jahrhunderts // Lietuvos archeologija. Vilnius. 21.

Černohorsky R., 1953. Keramika a feodalismus // Českí Ročnik. N 40.

Climate and History: Studies in past climatas and their impact on Man. Cambridge, 1981.

Cnotliwy E., 1973. Rzemioslo rogownicze na Pomorzu wczesnosredniowiecznym. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Dąbrowska T., Liana T., 1986. Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskych na Mazowszu // Stan i potrzeby badań nad młodszym i okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskych na Polsce. Kraków.

Donat P., 1980. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropas von 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin.

Eesti esiajalugu / *Jaanits L., Laul S., Lougas V., Tônisson E.* Tallinn, 1982.

Eisenzeit // Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat. 1928. Tartu.

Eisner J., 1966. Rukovet' slovanske archeologie. Praha.

Elantkowska J., 1961. Uzbrojenia ludności kultury pszeworskiej w okresie rzymskim na Ślasku // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewiecza w Poznaniu. Poznań. T. 32.

Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.

Ginters V., 1939. Sena Mežotne // Senatne un Māksla. Rīgā. I.

Graudonis J., 1983. Altene // Arheologija un etnografija. Rīgā. XIV.

Hadaczek K., 1909. Album przedmiot w wydobytych w grobach cmentarzyska ciałopalnego koło Przeworska. Lwów. (Teka konserwatorska; T. 3, z. 2).

Hołubowicz W., 1947. Z dziejów garncarstwa na ziemiach polskich // Z otchlani wieków. Warszawa. R. 16, z. 1/2.

Indreko R., 1939. Asva linnus asula // Muistse Eesti linnused 1936–1938. Tartu.

Jaanits I.T., 1982. *Jaanits L., Laul S., Lôugas V., Tônisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn.

Jamka R., 1936. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Niski) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. Kraków. T. V, z. 1.

Johansen P., 1930. Über die deutschen Ostnamen Estlands. Reval.

Kivikoski E., 1963. Kvarnbacken: Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki.

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.

Kokowski A., 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Przeworsk-Kultur // Memoires Archeologiquies. Lublin.

Kołos-Szafrańska Z., 1949–1950. Z badań nad znakami garncarskimi z okresu wczesnodziejowego // Slavia Antiqua. Poznań. T. II.

Kostrzewski I., 1965. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens. Wroclaw; Warszawa; Kraków.

Kruse F., 1842. Necrolivonica oder Altertümer Liv-, Esth- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in der Kaiserlich Russischen Ostsee-Loudernements. Dorpat; Leipziq.

La Baume W., 1944. Altpreussisches Zaumzeug // Altpreussen. Jg. 9, H. 1/2.

Latvijas PSR arheologija. Rīgā, 1974.

LAB, 1961. *Kulikauskas P., Kulikauskiené R., Tautavičius A.* Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.

Lamb H.H., 1977: Climate: Present, Past and Future. L. Vol. 2.

Lamb H.H., 1982. Climate: History and the modern world. L.; N.Y.

Laul S., 1982. Forschungsprobleme der ethnischen Zugehörigkeit der Träger der Tarandgräberkultur // Suomen Museu. Helsinki.

Lehtosalo P.-L., 1966. Rapukoristeisten solkien ajoitunsta // Suomen Museo. Helsinki. 73.

Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958. Kn. I: Senovès lietuviu papuošalai.

Lietuvių liadies menas. Vilnius, 1966. Kn. II: Senovès lietuviu papuošalai.

Ligi P., 1993. Vadjaparased kalmed Kirde-Eestis. Tallinn.

Livlandische hronika. Rīga, 1998.

Makiewicz N., 1973. Przyczynek do problematyki wczesnosredniowiecznych znakow garncarskich // Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. T. 20.

Malingoudis Ph., 1981. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. Mainz; Wiesbaden. Bd. 1 (Akademie des Wissenschaft zu Mainz. Abhandlungen der Geistes-Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1981. N 3).

Malingoudis Ph., 1983. Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic: Toponymy of the Peloponnese // Cyrillomethodianum. Thessaloniki. VII.

Malingoudis Ph., 1987. Frühe slawische Elemente im Namengut Griechenlands // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. München.

Meinander K.F., 1954. Die Bronzezeit in Finnland // Soumem Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki. 54.

Metsallik R., Türmaa U., 1983. Über die älteste Besiedlung am Fusse der Tartuer Burg // Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. наук.

Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje. I–IV amžius. Vilnius.

Mikkola J., 1921. L'avance des Slaves vers la Baltique // Revue des etudes slaves. T. 1, fasc. 3–4.

Miklosich F., 1860. Die Bildung der slavischen Personennamen // Denkschriten der Tiener Akademie der Wissenschaften. Bd. X.

Moora H., 1929. Bemerkunden über einige ostbaltische Schmucksachen der jungeren.

Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu. Teil II.

Moora H., 1952. Arheoloogilised väliuurimised eesti NSV alal 1950. Ja 1951. aastal // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. 1.

Moora H., 1955. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s // Muistsed asulad ja linnused: Arheol. kogumik. Tallinn. 1.

Moora H., 1964. Sinialliku. Tallinn.

Mugurevičs E., 1977. Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi 3.–15. Js. arheologiskie pieminikli. Rīga.

Munch P.A., 1874. Samlede Afhandlinger. Christiania.

Nerman B., 1926. Archäologische Untersuchungen bei Izborsk // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1924. Dorpat.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Paulsen P., 1953. Schwertortbänder der Wikingerzeit: Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart.

Raudonikas W.L., 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.

RK, 1896. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Rīga.

Rospond S., 1957. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowianskich nazw geografcznych. Wrocław.

Rospond S., 1976. Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych. Wrocław.

Salmo H., 1956. Finnische Hufeisenfibeln: Helsinki. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 56).

Schilder M., 1952. Die Kaurischnecke: Das Leben der Tiere und Pflanzen in Einzeldarstellungen. Leipzig.

Schmiedehelm M., 1930. Einige Funde der mittleren Eisenzeit aus Estland // Księga pamiątkowa ku uczezeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin Prof. Dr. Wlodziemierza Demetrykiewicza. Poznań. (Biblioteka prehistoryczna. 1).

Schmiedehelm M., 1965. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn.

Schmiedehelm M., 1970. Asustusest ja atnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.

Schramm G., 1980. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie: Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28.

Schramm G., 1982. Normandische Stutzpunkte in Nordwestrussland: Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beiträge Namenforschung. Bd. 17, H. 3.

Sedov V., 1978. Die Archäologie und Bildung archäologischer Reservate in den Städten der Alten Rus (Pskov, Izborsk, Ladoga, Berest'e) // Archäologische Denkmale und Umweltgestaltung. Berlin. (2. Aufl. – Berlin, 1981).

Sedov V., 1980. Slav-westfinnich links in Izborsk and its neighbourhood // Fenno-Ugri et slavi. 1978. Helsinki.

Sedov V., 1992. Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of the Fenno-Ugrians and Slavs. Tallinn.

Sedov V., 1996. Die Entstehung von Pskov // Słowianszczyzna w Europie średniowiecznej. Wrocław. Bd. 2.

Sedov V., 1998. Isborsk // Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Praha. Bd. III.

Selirand J., 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.–13. sajand). Tallinn.

Selling D., 1955. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.

Stenberger M., 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund. II: Fundbeschreibung und Tafeln.

Stender-Petersen A., 1934. Die Varagersage als Quelle der altrussische Chronik // Aarhus. 1934.

Stubavs A., 1976. Kentes pilskalns un apmetné. Rīgā.

Szymański W., 1968. Przyczynek do dyskusji nad zagadnieniem znakow garncarskich na wczesnosredniowiecnej ceramice slowianskiej // Archeologia Polski. T. XIII.

Šnore R., 1930. Dzelzs laikmeta latviešu rotas adatas // Latviešu aizvestures materiali. Rīgā. I.

Šnore R., Zarina A., 1980. Senā Sēlpils. Rīgā.

Tallgren A.M., 1922. Zur Archäologie Eestis. Dorpat. Bd. I.

Tallgren A.M., 1925. Zur Archäologie Eestis. Dorpat. Bd. II.

Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžies Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius.

Točik A., 1962. Keramika so značkami na dne zo slovansko-avarskych pohrebisk na juhozapadnom Slovensku // Pamatky archeologicke. Praha. T. 53, z. 2.

Trummal V. Archeologilised kaevamised Jartu linnusel // Eesti. NSU Ajalovo Küsimusi. 1964.

Udolph J., 1981. Die landnahme der Ostslaven in Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. Bd. 29.

Urbanavičius V., 1970. Rumsiskenai XIV–XVI amziais. Vilnius. (Acta historica Lituanica; 6).

Urtāns V., 1977. Senākie depozīti Latvijā (līdz 1200. g.). Rīgā.

Valatka V., 1969. Gargždo lauko kapinynas // Muziejai ir paminklai, 1969. Vilnius.

Vaňa Z., 1973. Značky na keramice ze slavanskych hradisi v Zabrusanach a v Bilin okr. Teplice // Archeologicke rozhledy. T. XXV.

Vanagas A., 1970. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius.

Vanagas A., 1981. Lietuvių hidronimų etimologinis odynas. Vilnius.

Vasmer M., 1934. Beiträge zur historischen Vökerkunde Osteuropas. II: Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heitegen slavischen Ländern // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.

Vassar A., 1939. Iru linnapära // Muistse Eesti linnused 1936–1938. Tartu.

Volkaité-Kulikauskiené R, 1970. Lietuviai IX–XII amžiais. Vilnius.

Werner J., 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.–6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. Bd. I.

Zaziņa A., 1970. Latgabi apgerbs 7.–13. Ib. Rīga

Zariņa A., 1974. Dazu Matinsalas kapsetas kapu senlietu kompleksi ar stilizetu dziv nieku figuru piekarinien // Arheologija un etnorafija. Rīgā. XI.

Zariņa A., 1988. Libiesu apgerbs 10.–13. gs. Rīgā.

Принятые сокращения

АИП – Археологическое изучение Пскова

АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

АО – Археологические открытия. Москва.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.

ИАК – Известия Государственной Российской Археологической комиссии. СПб.

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.

КСИАУ – Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев

КСИИМК – Краткие сообщения (о докладах и полевых исследованиях) Института истории материальной культуры. М.; Л.

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции. М.

МАР – Материалы по археологии России

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НПЛ – Новгородская первая летопись

ПВЛ – Повесть временных лет

ПГВ – Псковские губернские ведомости. Псков.

ПЛ-1 – Псковские летописи. Вып. 1

ПЛ-2 – Псковские летописи. Вып. 2

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология. Москва

РГИА – Российский государственный исторический архив

СА – Советская археология. Москва

САИ – Свод археологических источников

EE – Eesti esiajalugu

LA – Latvijas PSR arheologija

LAB – Lietuvos archeologijos bruožai

LR – Livlandische hronika. Riga

RK – Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga

Последняя книга академика В.В. Седова
Вместо заключения

Изборск был всегда хорошо известен историкам и как древнейший русский город, упомянутый в летописном Сказании о призвании варягов, и как мощная крепость на северо-западных рубежах Руси, сыгравшая исключительную роль в военном противостоянии Пскова и Ливонского ордена в XIII–XV вв. В 1920–1940 гг. это был оторванный от России городок в составе Эстонии, где находили прибежище русские эмигранты. Наконец, Изборск – одно из красивейших мест России. Однако значение Изборска как археологического памятника, открывающего уникальные возможности для изучения ранних этапов славянского расселения и начала процесса урбанизации на Северо-Западе, стало ясно лишь после раскопок Валентина Васильевича Седова. В ходе полевых работ, продолжавшихся более 20 лет, площадка Труворова городища была изучена почти полностью. Раскопками исследованы остатки нескольких десятков жилых построек и оборонительные сооружения различных хронологических периодов (вал и ров, деревянные и каменные стены, башня, въездные ворота), собрана огромная коллекция средневековых вещей.

Древнейшие культурные напластования Изборска В.В. Седов относит к рубежу VII–VIII вв. По мнению исследователя, Изборск, основанный славянами-кривичами, с момента своего возникновения выполнял административные функции и был включен в сферу международной торговли. Во второй половине X в. поселение подверглось перепланировке и приобрело трехчленную структуру, характерную, по мнению В.В. Седова, для первых русских и западнославянских городов. Развитие города на Труворовом городище, превратившегося в XI–XIII вв. в крупный административный и торгово-ремесленный центр, продолжалось до 1330 г., когда город был перенесен на Жеравью гору, очевидно, в связи с изменившимися требованиями фортификационного искусства и необходимостью увеличения территории, защищенной крепостными стенами.

Читатель мог заметить, что в этой книге нет авторского заключения и видна незавершенность последних разделов. Валентин Васильевич не успел ее дописать. 4 октября 2004 г. он скоропостижно скончался после внезапно вспыхнувшей и стремительно развивавшейся болезни (*Лабутина*, 2004; *Чернецов*, 2004; *Завьялов*, 2005; *Лопатин*, 2005; *Кирпичников*, 2006). Работу над книгой об Изборске автор вел до самого последнего возможного предела. Компьютер зафиксировал этот день – 31 июля 2004 г.

Подготовка к изданию книги выполнена в Институте археологии РАН в 2005 – начале 2006 г. Редколлегия издания не сочла возможным что-то менять, исправлять и дорабатывать в рукописи, а потому книга издается в авторской редакции. Она названа В.В. Седовым "Изборск в раннем средневековье" и посвящена первым векам истории этого древнерусского города, располагавшегося на высоком мысу над Городищенским озером. Изучением археологии и истории Изборска XIV–XV вв., после перенесения города на новое место, плодотворно занимался ученик Валентина Васильевича А.Р. Артемьев (1958–2005) (*Артемьев*, 1998).

Работы в Изборске были завершены в 1992 г. К этому времени и позднее В.В. Седов посвятил материалам раскопок в Изборске более 20 научных трудов (см. список литературы в настоящем издании). Однако за работу над книгой не брался. В 1990-е годы его основные усилия были направлены на подведение итогов многолетнего изучения славянского мира: воссоздание общей картины славянского этногенеза и этнической истории, реконструкцию этнокультурной ситуации в Восточной Европе в эпоху средневековья и становления древнерусской народности. Результаты этих исследований изложены в шести монографиях (*Седов*, 1994а; 1994б; 1995; 1999а; 1999б; 2002б). В эти же годы В.В. Седов приложил огромные усилия к подготовке и проведению VI Международного конгресса славянской археологии (Новгород,

1996 г.), а также к изданию его трудов в пяти томах (1997–1999 гг.).

Лишь по завершении комплекса исследований по истории славянства В.В. Седов принялся за написание книги об Изборске. Работа над вещевой коллекцией, подготовка иллюстративного материала и написание исследования в 2000–2002 гг. проводились при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00103а). Летом 2000 и 2001 гг. в составе небольшого коллектива В.В. Седов работал в фондах музея-заповедника "Изборск" над дополнительным изучением и фиксацией вещевых коллекций. В 2002 г. издана книга "Изборск – протогород", в которой подведены итоги изучения древнейшего периода истории Изборска. В ней опубликованы материалы ранних культурных напластований Изборского городища (VIII – первая половина X в.), когда здесь зарождалась и устанавливалась городская жизнь (*Седов*, 2002а). В итоговом варианте рукописи книги сохранена структура этого издания, но исследование значительно расширено автором как в тексте, так и в иллюстративном материале.

К началу работ в Изборске В.В. Седов был сложившимся исследователем, хорошо известным в профессиональных кругах. К этому времени ему исполнилось 46 лет, он был доктором исторических наук и автором около 100 печатных трудов (в том числе трех книг). За плечами Седова был большой опыт полевых исследований, приобретенный в самостоятельных отрядах и экспедициях в разных регионах Восточной Европы. В 1951–1952 гг. в составе Новгородской экспедиции он раскапывал языческое святилище в Перыни, в 1955–1961 гг. изучал древнерусские поселения Смоленской земли. В 1955–1968 гг. проводил раскопки во Владимире, Суздале, Гороховце и Ярополче Залесском. В 1961–1965 гг. возглавлял археологические разведки и раскопки курганов в западных районах Белоруссии. В 1966–1969 гг. он проводил разведки и раскопки длинных курганов и городищ в Новгородской и Псковской областях (Валентин Васильевич Седов, 2004. С. 3–4).

Раскопки в Изборске проводились с 1970 по 1992 г. В 1970 г. Валентин Васильевич провел на Труворовом городище небольшие рекогносцировочные работы, а широкомасштабные исследования начались на следующий год. С 1971 по 1982 год практически полностью исследована площадка городища с остатками построек и каменной крепости. В 1983–1992 гг. экспедиция вела изучение вала, рва, отдельных участков стен и въездов.

До 1982 г. В.В. Седов во время полевых работ жил в Изборске. В 1983 г. он возглавил совместную Псковскую экспедицию Института археологии и Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и руководил ее работами до 1992 г. Псковская экспедиция проводила ежегодные масштабные полевые работы, что потребовало постоянного присутствия ее руководителя в городе. В эти годы Изборский отряд входил в состав Псковской экспедиции. Валентин Васильевич постоянно следил за его работой, но бывал в Изборске наездами, 2–3 раза в неделю. В 1983–1984 гг. полевыми работами в Изборске руководил П.Г. Гайдуков, в 1985–1987 гг. – А.Р. Артемьев, в 1988–1992 гг. – Н.В. Лопатин.

Одновременно с полевыми работами на городище В.В. Седов находил время (сам или с помощью своих учеников) для изучения Изборской округи: в 1972–1973 гг. раскапывался Мальский курганно-жальничный могильник (*Седов*, 1976б), в 1974 и 1976 гг. – могильник у д. Конечки (*Седов*, 1988. С. 95–97), в 1977 г. и 1989 г. – могильник и поселение у д. Лезги (*Александров, Белецкий*, 1978), в 1980 г. – могильники у д. Ключище (*Сергеева*, 1981) и на оз. Любинец, в 1981 г. – Борохновское городище (*Харлашов*, 1984), в 1983 г. – могильник у д. Новая (*Сергеева*, 1986), в 1999 г. – могильник Усть-Смолка (*Лопатин*, 2002; 2004), постоянно проводились археологические разведки. В 1977–1980, 1985–1987 гг. стационарные исследования Изборской крепости под руководством Валентина Васильевича осуществлял А.Р. Артемьев (*Артемьев*, 1998. С. 22). В.В. Седов был инициатором изучения и музеефикации намогильных, придорожных и памятных каменных крестов как в округе Изборска, так и в целом на территории Новгородско-Псковской земли (*Седов*, 1976а; 1982. С. 182, 183. Табл. LVI; *Артемьев*, 1998. С. 15–71. Табл. 40–56).

Раскопки В.В. Седова в Изборске имеют большое значение для развития средневековой археологии Северо-Запада. И дело не только в том, что в результате этих работ полностью изучен один из древнейших городов Руси. Для многих ныне работающих археологов среднего поколения работа в Изборской экспедиции стала настоящей профессиональной школой.

Широкомасштабные раскопки в Изборске потребовали организации крупного исследовательского коллектива, в состав которого вошли археологи из Москвы, Пскова, Санкт-Петербурга и других городов. В Изборске В.В. Седов много работал со своими аспирантами и студенческой молодежью из Владивостока, Иванова, Ижевска, Минска, Москвы, Орла, Пскова, Санкт-Петербурга, Свердловска, обучая их методике полевых исследований и первичной обработке материала. Он привлек к работе в экспедиции уроженцев Изборска – сотрудницу Изборского музея Л.Е. Грушину (Сергееву) и школьников А.Р. Артемьева и Б.Н. Харлашова, ставших под его руководством профессиональными археологами.

Работы в Изборске и активизация охранных раскопок в Пскове потребовали "создания единой Псковской археологической экспедиции и научного центра, в котором археологи, историки и иссле-

Участники раскопок в Изборске у базы экспедиции. 1981 г.

Слева направо, первый ряд: шофер, В.А. Алешков, Л.Е. Сергеева, Вл.В. Седов, Л.П. Смирнова, Л.П. Гайдукова, за ней М. Журкова, В.П. Фролов, В.В. Бабашкин, А.Е. Мануйлов, В.В. Седов, Б.Н. Харлашов. Второй ряд: Н. Дроздова, Н.Г. Рубленко (Артемьева), И.Н. Субботина, А.С. Фролов. Фото П.Г. Гайдукова

В.В. Седов и А.Р. Артемьев у башни Луковка в Изборской крепости. 1980 г.

дователи иных направлений смогли бы обсудить различные проблемы, стоящие перед современной наукой, координировать археологические работы, ведущиеся как в Пскове, так и на памятниках Псковской земли" (*Седов*, 2000. С. 5). В 1980 г. под руководством В.В. Седова начинает работать научный семинар "Археология и история Пскова и Псковской земли", в рамках которого обсуждаются как конкретные результаты археологических исследований на Псковщине, так и общие проблемы археологии и средневековой истории Северо-Запада и Прибалтики (Научный семинар, 1980; *Белецкий*, 2006). В работе семинара принимали активное участие исследователи из Пскова, Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Твери, научных центров Прибалтики и Белоруссии. Ежегодно семинар собирался на два–три заседания. В.В. Седов был бессменным его руководителем и к работе семинара относился очень ответственно. За все время он не пропустил ни одного из его заседаний и всегда лично следил за научным качеством и своевременностью выхода в свет выпусков материалов. В октябре 2003 г. состоялось юбилейное 50-е заседание семинара, приуроченное к празднованию 1100-летия образования Пскова (АИППЗ, 2004). Это заседание оказалось для Валентина Васильевича последним.

В.В. Седов всегда работал очень много и очень увлеченно. Он обладал огромной трудоспособностью и требовательностью к себе. Такой же самоотдачи он требовал от своих сотрудников и учеников. Без преувеличения можно сказать, что Седов создал свою научную школу. Под его руководством написано 30 кандидатских диссертаций, шесть его учеников стали докторами наук (Валентин Васильевич Седов, 2004. С. 132–136).

Членом редколлегии этой книги должен был быть Александр Рудольфович Артемьев – наш друг и коллега, и, наверное, самый любимый ученик В.В.Седова. Его жизнь трагически оборвалась 27 декабря 2005 г. В 1971 г. Александр Артемьев впервые принимал участие в раскопках Труворова городища, и с тех пор В.В. Седов и Изборская экспедиция сыграли решающую роль в его жизни. В 1976–1981 гг. он учился на историческом факультете Ленинградского университета, в 1985–1987 гг. – в аспирантуре Института археологии АН СССР под научным руководством В.В. Седова. В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Города Псковской земли в XIII–XV вв." (*Артемьев*, 1998). В 1988 г. А.Р. Артемьев переезжает в г. Владивосток и начинает свою научную деятельность в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Темой его исследований стали археологические памятники русских первопроходцев на Дальнем Востоке и в Сибири. В 1997 г. он защитил докторскую диссертацию "Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв.". В 1995–2000 гг. он проводит раскопки остатков буддийских храмов в Хаба-

ровском крае. Эти исследования завершились выходом в свет в 2005 г. монографии "Буддийские храмы XV в. в Низовьях Амура" (*Артемьева, Гайдуков, Лопатин*, 2007).

За те немногие годы жизни, которые судьба отвела А.Р. Артемьеву, он сумел развернуть огромную работу по изучению средневековых памятников Дальнего Востока и издать ряд ярких книг, раскрывающих своеобразие археологических древностей этого края. А.Р. Артемьев похоронен на кладбище в пос. Старый Изборск, рядом с Труворовым городищем.

* * *

Книга В.В. Седова не охватывает всех материалов, полученных в Изборске. Ее нужно рассматривать как начало публикации грандиозной вещевой коллекции, полученной Изборской экспедицией на Труворовом городище и в его округе. Эта коллекция насчитывает более 10 тысяч индивидуальных находок. Публикация этой книги может рассматриваться и как приглашение к исследованию изборских древностей, к продолжению изучения истории и археологии Изборска.

Вещевой материал хранится в Государственном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике "Изборск", а научный архив Изборской экспедиции – в ИА РАН. Помимо отчетов о полевых исследованиях, переданных в Научно-отраслевой архив ИА РАН, среди рукописных материалов В.В. Седова сохраняются полевые дневники, подлинная чертежная документация, фотоматериалы и картотека рисунков находок.

В подготовке рукописи и иллюстраций к печати приняли участие научный сотрудник ИА РАН Т.В. Сергина (сверка библиографических материалов), сотрудники ОПИ ИА РАН С.В. Меснянкина и С.В. Лазарева, сотрудники редакционно-издательской группы ИА РАН Н.С. Сафронова, И.С. Торопов и А.В. Голикова, художники Е.И. Телишев и А.Л. Радчук. Всем им редколлегия выражает искреннюю благодарность.

Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков,
Н.В. Лопатин, Вл.В. Седов

4 октября 2006 г.

Литература

Александров А.А., Белецкий С.В., 1978. Исследование памятников у дер. Лезги // АО 1977 года. М. С. 5.

Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.

Артемьева Н.Г., Гайдуков П.Г., Лопатин Н.В., 2007. Памяти А.Р. Артемьева // РА. № 2. С. 108–110.

АИПППЗ: Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004.

Белецкий С.В., 2006. Как начинался Псковский семинар // АИППЗ: Материалы LI научного семинара, посвящ. памяти академика В.В. Седова. Псков. С. 7–13.

Валентин Васильевич Седов / Сост. В.Е. Родинкова. Автор вступ. ст. Н.А. Макаров. М. 2004. (РАН. Материалы к биобиблиографии ученых: Исторические науки; Вып. 28.)

Завьялов В.И., 2005. Памяти Валентина Васильевича Седова (1924–2004) // КСИА. Вып. 218. С. 3–5.

Кирпичников А.Н., 2006. Слово о Валентине Васильевиче Седове // АИППЗ: Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова. Псков. С. 5–7.

Лабутина И.К., 2004. Валентин Васильевич Седов и Псковский край // АИПППЗ: Материалы 50 научного семинара. Псков. С. 7–34.

Лопатин Н.В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: (Материалы научно-практич. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции, 6–7 сентября 2001 г.). Псков, 2002. С. 48–52.

Лопатин Н.В., 2004. Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М. С. 200–206.

Лопатин Н.В., 2005. Слово о Валентине Васильевиче Седове (1924–2004) // АО 2004 года. М. С. 3–5.

Научный семинар "Археология и история Пскова и Псковской земли". 1980: Тез. докл. / Отв. ред. В.В. Седов. Псков, 1980.

Седов В.В., 1976а. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М. С. 102–107.

Седов В.В., 1976б. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. Вып. 146. С. 87–95.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР).

Седов В.В., 1988. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники: Методические материалы к "Своду памятников истории и культуры СССР". М. С. 91–106.

Седов В.В., 1994а. Очерки по археологии славян. М.

Седов В.В., 1994б. Славяне в древности. М.

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

Седов В.В., 1999а. Древнерусская народность. М.

Седов В.В., 1999б. У истоков восточнославянской государственности. М.

Седов В.В., 2000. 20 лет научному семинару "Археология и история Пскова и Псковской земли" // АИППЗ: Материалы научного семинара. 1996–1999. Псков. С. 5–6.

Седов В.В., 2002а. Изборск-протогород. М.

Седов В.В., 2002б. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.

Сергеева Л.Е., 1981. Раскопки могильника у д. Ключище // АО 1980 года. М. С. 32.

Сергеева Л.Е., 1986. Привеска "гнёздовского типа" из раскопок жальничного могильника у деревни Новая Печорского района Псковской области // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Краткие тез. докл. к научно-практич. конф., посвящ. XXVII съезду КПСС и 110-й годовщине музея-заповедника. Псков. С. 35–36.

Харлашов Б.Н., 1984. Исследования Борохновского городища и его окрестностей // АИППЗ: Тез. докл. научно-практич. конф. Псков. С. 35–37.

Научное издание

Седов Валентин Васильевич

Изборск в раннем Средневековье

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Е.А. Желнова, Т.А. Печко*

Подписано к печати 08.05.2007
Формат 60 × 90 $^{1}/_{8}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 52,0 + 6,1 вкл. Усл.кр.-отт. 61,1
Уч.-изд.л. 63,1. Тираж 1000 экз. (1-й завод 1 – 500 экз.)
Тип. зак. 4133

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@litras.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64 ak@akbook.ru

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 621-55-96 (Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
105062 Москва, Б.Спасоглинищевский пер.,8 строение 4; 624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62, 23-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru
zakaz@litras.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
www.naukaran.ru

ISBN 978-5-02-034925-4